ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В СССР

5

КНИГА ПЕРВАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ в СССР

в пяти томах

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В СССР

ТОМ 5

КНИГА ПЕРВАЯ

1985
ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Е. ЕВГРАФОВ (*руководитель авторского коллектива*),
Г. А. БРУТЯН, М. Н. ГРЕЦКИЙ,
М. Т. ИОВЧУК, Л. А. КОГАН, В. С. КРУЖКОВ, С. Т. МЕЛЮХИН,
С. Ф. ОДУЕВ, Ю. К. ПЛЕТНИКОВ, В. Ф. ПУСТАРНАКОВ,
З. В. СМИРНОВА, А. Д. СУХОВ, Н. Ф. УТКИНА

Пятый том «Истории философии в СССР» посвящен развитию марксистско-ленинской философии в СССР в период от Великой Октябрьской социалистической революции до настоящего времени.

В центре тома — анализ ленинского философского наследия послеоктябрьских лет, борьбы советских философов-марксистов за утверждение и развитие ленинского этапа в философии марксизма, за реализацию идей, выдвинутых в решениях съездов и Пленумов ЦК КПСС. В томе исследуются достижения советской философской науки в области диалектического и исторического материализма, этики, эстетики, научного атеизма, истории философии, философских вопросов конкретных наук, критики современной буржуазной философии, социально-философских концепций антикоммунизма, социал-реформизма, ревизионизма.

Специальный раздел тома посвящен анализу процесса формирования научно-материалистического мировоззрения и проблематики философских исследований в советских социалистических республиках.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Б. В. БОГДАНОВ, А. Г. МЫСЛИВЧЕНКО,
Л. Н. СУВОРОВ

И $\frac{0302010000-065}{042(02)-85}$ Подписное

© Издательство «Наука», 1985 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Пятый, завершающий том коллективного труда «История философии в СССР», предлагаемый вниманию читателей, состоит из двух книг. В первой рассматривается развитие В. И. Лениным марксистской философии в послеоктябрьский период, проблемы истории диалектического и исторического материализма за годы Советской власти, философские вопросы специальных наук, научного атеизма, этики и эстетики. Во второй — историко-философские исследования в СССР, особенности развития марксистско-ленинской философской науки в союзных и автономных республиках, идейная борьба советских философов против буржуазной философии и социально-философских концепций реформизма, ревизионизма, антикоммунизма, роль советской философской науки в интернациональном сотрудничестве философов-марксистов, в современной идеологической борьбе на международной арене.

Невиданный в истории динамизм современного общественного бытия и общественного сознания во многом определяет сложность, с которой связано обобщение историко-философского опыта в нашу эпоху. Если при этом учесть недостаточную исследованность ряда историко-философских проблем и подвижность грани, разделяющей историю и современность, то трудности систематического изложения истории советской философской науки едва ли могут быть преувеличены. Авторский коллектив и редколлегия пятого тома «Истории философии в СССР» отдают себе в этом полный отчет.

Вместе с тем следует отметить, что советскими учеными сделан немалый вклад в освещение развития нашей философской науки в послеоктябрьский период (работы Б. В. Богданова, К. П. Буслова, Г. С. Васецкого, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, Ф. В. Константинова, П. В. Копнина, М. Б. Митина, А. Ф. Окулова, М. М. Розенталя, Л. Н. Суворова, П. Н. Федосеева, Б. А. Чагина, В. И. Шинкарука, В. А. Штейнберга, А. В. Щеглова и др.). Успехи в разработке этой проблематики имеются у историков философии во всех республиках нашей страны. Эти «заделы», несомненно, содействуют воссозданию целостной картины истории философии в СССР.

Настоящий том «Истории философии в СССР» подготовили к печати и отредактировали члены-корреспонденты АН СССР М. Т. Иовчук, В. С. Кружков, С. Т. Мелюхин, академик АН Армянской ССР Г. А. Брутян, доктора философских наук М. Н Грецкий, В. Е. Евграфов (руководитель авторского коллектива), Л. А. Коган, С. Ф. Одуев, Ю. К. Плетников, В. Ф. Пустарнаков, З. В. Смирнова, А. Д. Сухов, Н. Ф. Уткина.

Окончательная редакция первой книги тома проведена М. Т. Иовчуком, Л. А. Коганом, З. В. Смирновой, А. Д. Суховым, Н. Ф. Уткиной.

Научно-организационная работа по тому проведена Н. Ф. Уткиной, В. И. Приленским (ученый секретарь).

Главы и разделы первой книги пятого тома «Истории философии в СССР» написали следующие авторы:

Глава I — В. Е. Евграфов, Л. А. Коган, В. С. Кружков.

Глава II — А. Х. Касымжанов.

Глава III — В. А. Малинин.

Глава IV — В. А. Малинин (§ 1—3); В. Е. Евграфов (§ 4).

Глава V — В. Е. Евграфов.

Глава VI — Л. А. Коган.
Глава VII — В. Н. Колосков.
Глава VIII — Л. А. Коган.
Глава IX — В. А. Лекторский, Э. Г. Юдин, А. П. Огурцов, В. С. Швырев (§ 1, 3, 4), Г. И. Маринко, Ю. Б. Молчанов (§ 2).
Глава X — А. С. Фриш.
Глава XI — А. Д. Косичев, Ю. К. Плетников и А. С. Айзикович.
Глава XII — А. Д. Косичев (при участии В. М. Романенко) (§ 2—4), Ю. К. Плетников и А. С. Айзикович (§ 1).
Глава XIII — А. Г. Харчев, Б. Д. Яковлев, Л. М. Архангельский.
Глава XIV — В. З. Роговин.
Глава XV — П. К. Курочкин, А. Ф. Окулов.
Глава XVI — Ю. В. Сачков и А. Д. Урсул (Введение); Г. Б. Жданов и И. М. Дремин (§ 1), В. В. Казютинский (при участии Л. В. Фесенковой) (§ 2); В. И. Кузнецов, А. А. Печенкин, В. П. Визгин (§ 3); А. Я. Ильин, А. С. Мамзин, Т. И. Капралова (§ 4).
Глава XVII — В. С. Тюхтин и Б. В. Бирюков (§ 1); Г. И. Рузавин (§ 2).
Глава XVIII — Н. И. Стяжкин и Д. П. Горский (§ 1); Е. А. Будилова и К. А. Абульханова-Славская (§ 2).
Глава XIV — В. А. Лось и Ю. А. Школенко (§ 1); А. Д. Урсул (§ 2).

В первой книге пятого тома использованы материалы, предоставленные авторами раздела «Формирование научно-материалистического мировоззрения и проблематика философских исследований в советских социалистических республиках», помещенного во второй книге тома: В. И. Шинкаруком, И. П. Головахой (Украина), К. П. Бусловым, А. К. Манеевым (Белоруссия), В. Н. Ермуратским, А. И. Бабием (Молдавия), В. А. Гагоидзе (Грузия), З. Б. Гюшевым, Ф. К. Кочарли (Азербайджан), Г. О. Григоряном (Армения), М. М. Хайруллаевым (Узбекистан), А. К. Касымжановым, А. К. Закирьяновым (Казахстан), А. А. Алтмышбаевым, А. Ч. Какеевым (Киргизия), Г. А. Ашуровым (Таджикистан), М. М. Абаевой, К. Акмурадовым, Н. К. Кулиевым, Т. Х. Хыдыровым, Г. О. Мурадовой (Туркмения), И. А. Мацявичюсом (Литва), П. И. Валескалном (Латвия), Л. О. Вальтом (Эстония); Я. Г. Абдуллиным, М. Ф. Фасеевым (Татарская АССР), Г. С. Исмагиловым, Д. М. Азаматовым (Башкирская АССР), Л. А. Андреевым, И. Д. Кузнецовым (Чувашская АССР), А. Л. Киселевым (Мордовская АССР), Б. З. Мушиным, Н. В. Перевощиковой (Удмуртская АССР), А. К. Александровым, С. А. Васеновым, К. К. Васиным, Б. К. Рейнфельдтом (Марийская АССР), Б. П. Мельниковым (Коми АССР), М. А. Абдуллаевым (Дагестанская АССР), А. Д. Яндаровым, Л. С. Костоевой (Чечено-Ингушская АССР), А. К. Хачировым (Северо-Осетинская АССР), А. Т. Тхагапсоевым (Кабардино-Балкарская АССР), Т. Б. Манджиевым, М. П. Ивановым (Калмыцкая АССР), М. А. Славиной (Карельская АССР), В. И. Затеевым, Д. Д. Лубсановым (Бурятская АССР), Д. С. Макаровым (Якутская АССР), Ю. А. Аранчиным (Тувинская АССР).

Научно-вспомогательная работа по подготовке первой книги V тома выполнена Ц. М. Антоновой, И. В. Кружковой, Н. А. Чистяковой, А. В. Коваленко, В. В. Мильковым, А. И. Абрамовым.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ НАУКИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ СТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА. РУКОВОДЯЩАЯ РОЛЬ КПСС В РАЗВИТИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СССР

Решающей исторической предпосылкой всего общественного развития в современную эпоху явилась Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочим классом, трудящимися массами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным. Будучи закономерным следствием предшествующего развития общества, резкого углубления классовых противоречий, нарастания классовой борьбы в условиях монополистического капитализма, победоносная пролетарская революция привела к возникновению первого в мире социалистического государства.

Став главным событием XX в., победа Великого Октября в корне изменила ход развития всего человечества, открыла новую эпоху — эпоху перехода от капитализма к социализму и коммунизму, борьбы за освобождение народов от империалистического гнета, за прекращение войн между народами.

В Октябрьской революции со всей глубиной и всесторонностью раскрывается великая интернациональная всемирно-освободительная миссия рабочего класса.

«Победа Октября ознаменовала исторический поворот в судьбах народов нашей страны. Она спасла нашу Родину от надвигавшейся катастрофы, в которую ее толкала преступная политика правящих эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии, вывела ее на путь подлинно независимого развития, всестороннего социально-экономического и культурного прогресса. В то же время героическая борьба рабочих и крестьян России, получившая горячую и действенную поддержку трудящихся во всем мире, показала, по словам Ленина, „всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего“. Она позволила всем угнетенным, борющимся народам увидеть и свою грядущую победу»[1]. «Октябрь разбил цепи социального и национального гнета, поднял к

[1] О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года.— Коммунист, 1977, № 2, с. 3—4.

самостоятельному историческому творчеству все народы нашей страны. Установление власти рабочего класса, общественной собственности на средства производства заложило прочный фундамент свободного развития всех наций и народностей, их тесного единства и дружбы»[2].

Октябрьская революция продемонстрировала историческую правоту и практическую действенность созданной В. И. Лениным теории империализма, как высшей и последней стадии капитализма, кануна социалистической революции, подтвердила гениальный ленинский вывод о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране, сделала реальными намеченные Лениным перспективы строительства социализма в нашей стране.

Международная по своей сущности и всемирно-историческая по своему значению Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась под знаменем пролетарского интернационализма. Она до основания потрясла капиталистическое общество и положила начало глубоким, всеохватывающим социальным переменам во всем мире. Победа социалистической революции в России открыла новые возможности и перспективы для роста рабочего и национально-освободительного движения в зарубежных странах. Страна Советов стала оплотом и надеждой для трудящихся всех стран в их борьбе против империализма, за свободу от эксплуатации, независимость и социальный прогресс.

Установление диктатуры пролетариата, социальную основу которой составил союз рабочего класса и трудового крестьянства при руководящей роли рабочего класса во главе с Коммунистической партией, создание многонационального Советского государства явилось исторически необходимой политической предпосылкой для всего процесса преобразования материальной и духовной жизни советского общества на основе социалистических принципов. Советский политический строй на деле обеспечил невиданную, невозможную ни в одной капиталистической стране свободу и демократию для трудящихся — гигантского большинства населения. Экономическое, социальное, политическое, духовное раскрепощение народных масс стало целью рожденной революцией власти рабочих и крестьян, основной целью социалистического общества. В этом — величайший смысл революционного гуманизма Октября.

Коренной поворот от капитализма к социализму в СССР органически связан с деятельностью Коммунистической партии — руководящей и направляющей силы советского общества. Великая Октябрьская социалистическая революция в России одержала победу потому, что ее возглавила партия нового типа, созданная и воспи-

[2] О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик: Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года.— Коммунист, 1982, № 4, с. 3.

танная великим Лениным, окрепшая в ходе классовой борьбы, созданная на прочном фундаменте марксизма-ленинизма, воплотившая в себе революционную энергию самого передового класса современности — рабочего класса, вобравшая в себя все самое честное и справедливое, мужественное и самоотверженное, накопленное поколениями революционеров во всем мире.

Опираясь на марксистско-ленинское учение, Коммунистическая партия определяла и определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит всей великой созидательной деятельностью советского народа, придавала и придает научно обоснованный характер его борьбе за победу социализма и коммунизма.

Во главе партии в период Октябрьской революции и в течение шести лет после ее победы стоял гениальный мыслитель, непревзойденный стратег социалистической революции, вдохновитель и вождь Октября, основатель Советского государства — Владимир Ильич Ленин. Ленин и Октябрь едины и неразделимы. Они олицетворяют собой величайший исторический поворот в жизни человечества от капитализма к социализму. Величие Ленина измеримо лишь масштабами этой величайшей в истории революции и построенного по его планам социализма, а их громадное значение и всемирно-исторические последствия постижимы до конца только в свете преобразующей силы ленинских идей, ленинской методологии, гигантской по своему размаху, всесторонней и единой в своей целеустремленности творческой деятельности Ленина.

Великая Октябрьская социалистическая революция, построение социалистического общества в СССР создали социально-экономические, политические и духовные предпосылки для дальнейшего подъема марксистско-ленинской философии, для становления и развития социалистической философской культуры, советской философской науки как философии созидания реального социализма, строительства коммунистического будущего. Впервые за всю свою историю диалектико-материалистическое мировоззрение получило широкую государственную поддержку, обрело условия подлинно свободного развития на научных принципах, стало теоретической основой развития общественного бытия и сознания, внутренней и внешней политики Коммунистической партии и Советского государства. Развитие марксистско-ленинской философии стало общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии.

На всем пути исторического развития в нашей стране марксистской теории, в том числе и в эпоху, открытую Великим Октябрем, ее вдохновляющей и направляющей силой является Коммунистическая партия. Ленинская политика КПСС, выражающая в концентрированном виде материальные и духовные потребности развития нового общества, опирается на самую передовую научную теорию — теорию марксизма-ленинизма, составляет жизненную основу строительства социализма и коммунизма.

Партия, созданная и воспитанная В. И. Лениным, прошедшая под его непосредственным руководством большой и поучительный путь борьбы за социализм, всегда проявляла всемерную заботу о плодотворном развитии марксистской философии, создавала благоприятные условия для ее действенного функционирования как одной из важнейших форм общественного сознания.

Отношение КПСС к философской науке всегда отличалось глубоким уважением к ценностям, созданным в этой области прогрессивными мыслителями народов нашей страны и всего человечества, ясным пониманием значения философского знания в жизни общества, внутренних закономерностей его развития, всевозрастающей роли марксистско-ленинской философии в формировании и развитии научного мировоззрения широких народных масс, в обосновании и осуществлении великих идеалов коммунизма.

Коммунистическая партия Советского Союза явилась первой в истории политической партией революционного действия, сознательно и неуклонно руководствующейся во всей своей деятельности научной теорией марксизма-ленинизма, неотъемлемой частью которой является марксистско-ленинская философия с ее вечно живым революционным методом — материалистической диалектикой.

Последовательная защита, развитие и творческое применение основополагающих принципов и идей марксистско-ленинской философии позволили Коммунистической партии Советского Союза на всех этапах ее истории вырабатывать политику, стратегию и тактику, отличающиеся глубоким научным предвидением, и сохранять — при всем их динамизме — идейно-теоретическую преемственность своего генерального, ленинского курса, обеспечивать жизненность и эффективность своего руководства революционным преобразованием общества.

В. И. Ленин требовал от партии и ее теоретических кадров всегда относиться к событиям принципиально, давать классовый анализ исторического процесса, выявлять главные тенденции и противоречия развития, движущие силы и общую связь исторических событий.

Особенно трудной и вместе с тем важной задачей Ленин считал выработку правильной теории и основанной на ней политики, стратегии и тактики Коммунистической партии при крутых переходах и изменениях общественной жизни. «Вся трудность политики и все искусство политики,— подчеркивал В. И. Ленин,— состоит в том, чтобы учесть своеобразные задачи каждого такого перехода»[3].

На протяжении всей истории советского общества съезды Коммунистической партии, принятые на них решения были важнейшими политическими и идеологическими событиями в жизни страны. Они оказывали огромное воздействие на все сферы общественного бытия и общественного, в том числе философского, сознания.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 104.

Важнейшей чертой съездов КПСС, как и всей деятельности партии, является единство и преемственность ленинского политического курса, опирающегося на марксистскую диалектико-материалистическую концепцию исторического процесса. Определяя политический курс партии, каждый съезд КПСС раскрывает диалектику внутреннего и международного развития, общественного бытия и сознания, объективного и субъективного, действительного и возможного, общего и особенного, интернационального и национального в этом развитии. На партийных съездах, конференциях, пленумах Центрального Комитета, в повседневной деятельности ЦК КПСС, его Политбюро разрабатываются экономическая, социальная и идеологическая политика партии, определяются основные направления внутренней и внешней политики Советского государства, последовательно отвечающей принципам марксизма-ленинизма, коренным потребностям и закономерностям общественного развития, коммунистическим идеалам. И в то же время каждый съезд КПСС занимает свое особое место в жизни партии и народа, в поступательном движении советского общества к коммунизму.

Деятельность Коммунистической партии имеет творческий, научно-теоретический характер, основывается на глубоких исследованиях и обобщении практического опыта и достижений науки. Вооруженная решениями своих высших форумов, партия уверенно ведет страну вперед, от одного исторического рубежа к другому, более высокому, ставит перед марксистско-ленинской теоретической мыслью все новые и новые задачи.

В международном плане возрастающее значение партийных съездов обусловливается положением, которое занимает наша социалистическая Родина в современном мире, ее огромной ролью в содружестве братских социалистических стран, всевозрастающей помощью развивающимся и освобождающимся от колониализма и империализма странам, ее последовательной и неутомимой борьбой за прочный мир на всей Земле, за обеспечение всем народам главного права человека — права на жизнь, за создание нового, подлинно справедливого и гуманного типа человеческой цивилизации.

Став правящей партией, КПСС широко привлекала и привлекает ученых, в том числе и философов, к разработке, пропаганде и претворению в жизнь проблем марксистско-ленинской теории, к подготовке и обсуждению важнейших документов, решений и постановлений партии. Воспитанные партией теоретические кадры хорошо понимают органическую, исторически необходимую связь философской мысли с борьбой различных общественных классов и противоположных социальных систем, непримиримость социалистической и буржуазной идеологий, коммунистического и буржуазного мировоззрений. Политика Коммунистической партии потому и является научной, что она формируется и последовательно осуществляется, неизменно опираясь на принципы марксистско-ленинской теории, достижения науки, на философию диалектического

и исторического материализма, ее революционно-критический метод — материалистическую диалектику.

Периодически, в связи с этапными рубежами в движении советского общества к социализму и коммунизму, коренными сдвигами в мировом развитии, крупномасштабными задачами, поставленными партией, Центральный Комитет КПСС принимает специальные постановления о состоянии и назревших задачах в области общественных, в том числе и философских, наук, определяет наиболее актуальные направления их исследований, помогает им наиболее адекватно осознать свою роль в борьбе за коммунизм; эти партийные документы играют большую роль в научном обосновании всех сторон революционно-преобразующей теории и практики.

Роль Коммунистической партии, ее творческого коллективного разума, ее решений и указаний поистине неоценима в развитии советской философской науки. История марксистско-ленинской философии в СССР, ее поступательное движение неразрывно связаны с историей Коммунистической партии Советского Союза, со всем ходом борьбы советского народа за коммунизм.

Периодизация истории советской философской науки в основном соответствует этапам развития советского общества. Первый из них развертывается в рамках переходного периода от капитализма к социализму; второй — совпадает с периодом победы социализма, построенного в основном, его упрочения и развития; третий — протекает в период развитого социализма. Условия и особенности движения философской мысли определяются характером общественного развития в каждом из этих периодов. Понятно вместе с тем, что в рамках этой основной детерминации проявляется специфика философии как науки, внутренняя логика ее развития, ее относительная самостоятельность. Философская мысль каждого последующего периода развивается на основе богатого наследия марксизма-ленинизма и опирается на теоретические достижения предыдущего. Характерные черты, присущие новому периоду, подготавливаются и в той или иной мере складываются в условиях предшествующего, по мере перехода от одной ступени развития общества и его теоретической мысли к другой.

Развитие советской философской науки в переходный период от капитализма к социализму, являвшееся составной частью процесса социалистической культурной революции, неотделимо от острой классовой борьбы между силами растущего и крепнущего социализма, с одной стороны, и оказывавшими им яростное сопротивление силами капитализма — с другой. Идеологическая борьба пронизывала все сферы духовной жизни общества. Философия была ее передним краем.

Важнейшими задачами, которые необходимо было решить на пути развития марксистско-ленинской теории в рассматриваемый период, являлись: идейный разгром буржуазно-идеалистического

мировоззрения и разного рода оппортунизма; научная разработка диалектического и исторического материализма на основе опыта классовой борьбы, социалистического строительства и достижений современной науки; приобщение широкого круга строителей социалистического общества к основам марксистско-ленинского, диалектико-материалистического мировоззрения, активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся.

С первых же послеоктябрьских лет неослабное внимание уделялось идейно-теоретической подготовке и закалке молодого поколения. Особенно остро стоял этот вопрос в делавших свои первые шаги высших советских учебных заведениях, в которых тогда подвизалось немало ретроградно настроенных профессоров философии. Подчеркивая необходимость организованного противодействия влиянию буржуазной и ревизионистски настроенной профессуры в первую очередь на учащуюся молодежь, XII съезд РКП(б) указывал в своей резолюции в апреле 1923 г.: «Следует в большей степени, чем в настоящее время, выдвинуть задачу оживления работы научной коммунистической мысли, сделав центром этой работы Социалистическую академию, расширив объем ее деятельности за пределы обществознания. Социалистическая академия должна теснейшим образом связаться в своей работе с научно-исследовательской деятельностью различных учреждений и органов (вузы, комуниверситеты, наркоматы и т. п.), постепенно превращаясь в научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу»[4].

В. И. Ленин, партия стояли у колыбели советской философской науки, первых советских философских учреждений и организаций, обеспечивали подготовку марксистских философских кадров, последовательно проводя идею тесной связи философии с жизнью, практикой социалистического строительства. В. И. Ленин, партия неуклонно добивались творческого понимания учеными и пропагандистами марксистской теории как руководства к действию, ориентируя их на всемерное использование политического опыта и теоретической мысли партии, идейного богатства партийных документов для достижения успеха на всех участках работы и для дальнейшего развития философской теории и метода диалектического и исторического материализма, повышения роли марксистской философии в социалистическом строительстве, в мировом революционном движении, в воспитании нового человека.

Первые послеоктябрьские годы были особенно трудными для научной работы в области философии. Значительная часть этого периода приходится на гражданскую войну и иностранную военную интервенцию; страна представляла собой военный лагерь, переживала невиданную разруху, голод. Наиболее активные, теорети-

[4] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1918—1925. М., 1953, ч. 1, с. 735—736.

чески подготовленные кадры партии находились на фронтах или были поглощены решением неотложных политических и хозяйственных задач. Но как ни тяжелы были условия, партия и тогда уделяла пристальное внимание идеологической работе, марксистскому просвещению масс, формированию научно-материалистического мировоззрения, разработке вопросов диалектики и ее применения к практике революционной борьбы и развития науки.

Величайшим вкладом в марксистский идейный арсенал явились произведения В. И. Ленина, созданные в годы Советской власти и творчески обобщающие опыт пролетарской революции, социалистического строительства в СССР, современного мирового революционного движения: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918), «О государстве» (1919), «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (1919), «Великий почин» (1919), «Задачи союзов молодежи» (1920), «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» (1920), «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого» (1920), «О продовольственном налоге или продналоге» (1921), «О нашей революции» (1923) и другие работы, а также доклады и выступления В. И. Ленина на партийных съездах, конгрессах Коминтерна и т. д.

В послеоктябрьских произведениях В. И. Ленина подняты и новаторски решены важнейшие и актуальнейшие вопросы марксистской философии, социологии и теории научного коммунизма: о путях и методах социалистической революции, об основных закономерностях становления и развития коммунистической общественной формации, возрастании активности народных масс и развитии социалистической демократии, об основных принципах социалистической культуры, путях, ведущих к всестороннему развитию и расцвету личности, о коммунистической нравственности и многие другие. Идеи Ленина по непосредственно философско-методологическим, гносеологическим, логическим и другим вопросам и по вопросам социально-философским, социологическим образуют органический сплав, характеризующий цельность, монолитность, диалектико-материалистический монизм марксистского мировоззрения, его творческую, революционную сущность.

Неоценимую роль в идейно-философской жизни советского общества, в развитии марксистской мысли всего международного коммунистического движения сыграла статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (1922), продолжавшая традиции его дооктябрьских философских произведений («Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др.).

Дальнейшим обогащением марксизма, материалистической диалектики и материалистического понимания истории стали последние статьи и письма В. И. Ленина (декабрь 1922 — март 1923), завершающие теоретическое обоснование его плана построения социализма в Советском Союзе. Эти произведения, представляющие своего рода политическое завещание В. И. Ленина, находятся в глубо-

кой связи с его философским завещанием — статьей «О значении воинствующего материализма». В них творчески воплощены принципы марксистской теории, ее единство с революционной практикой.

Произведения В. И. Ленина, созданные в годы Советской власти, глубоко выражают объективную диалектику борьбы за социализм, мирового революционного развития, находятся в органическом единстве со всем идейно-теоретическим ленинским наследием, относящимся к дооктябрьскому периоду в области философии, политической экономии, научного коммунизма, являются логическим продолжением этого наследия. Вместе с тем в них ставятся и решаются новые вопросы, актуальные для современной общественной науки и практики, вытекающие из самого факта победы Октябрьской революции, героической борьбы за социализм, невиданного ранее роста мирового коммунистического рабочего и национально-освободительного движения. Это —новый вклад В. И. Ленина в сокровищницу марксистской мысли, новый шаг по пути творческого развития марксистской теории.

В произведениях В. И. Ленина и его соратников, в решениях съездов и других документах Коммунистической партии Советского Союза, в документах Коммунистического Интернационала раскрываются и глубоко анализируются с диалектико-материалистических позиций основные тенденции и особенности современного мирового исторического процесса, пути и закономерности революционной борьбы, становления и развития коммунистической формации.

Огромную роль в деле вооружений партийных кадров, учащейся молодежи, советской интеллигенции диалектико-материалистическим мировоззрением играло научное издание и изучение первоисточников марксизма-ленинизма — впервые собранных воедино произведений Маркса, Энгельса и Ленина.

Еще в 1918 г. в Советской России начало издаваться, согласно решениям партии, первое собрание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а в 1920 г.— собрание Сочинений В. И. Ленина.

Созданный по решению ЦК партии в 1921 г. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (в его составе был и Философский кабинет) обладал таким богатейшим собранием книг, журналов, документов и других материалов о революционной и научной деятельности основоположников научного коммунизма и диалектико-материалистической философии, которые не имели себе равных в мире. Благодаря этому сотрудники института смогли подготовить к публикации многие неизвестные ранее труды основоположников марксизма.

Этому способствовали печатные органы Института — журналы «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» (издавался одновременно на русском и немецком языках) и «Летописи марксизма». В первой книге «Архива...», вышедшей в 1924 г., были опубликованы «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса. В этом же журнале вскоре впервые увидели свет «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Диалектика природы» Ф. Энгельса.

В составе собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также отдельными изданиями начали выходить в новых переводах и с комментариями совместные труды Маркса и Энгельса «Немецкая идеология», «Коммунистический Манифест», главный труд Маркса «Капитал», его же «Нищета философии», произведения Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг» и др.

Издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в СССР сыграло огромную роль в широком распространении и утверждении марксистской мысли в стране. Их классические произведения, глубоко проанализированные и высоко оцененные В. И. Лениным, советскими марксистами, послужили мощным импульсом к творческим исканиям советских и зарубежных философов-марксистов, к разработке проблем марксистско-ленинской философии.

Важнейшим научно-теоретическим начинанием Коммунистической партии, ее Центрального Комитета в переходный период было издание собраний Сочинений В. И. Ленина. Институт имени В. И. Ленина, созданный в 1923 г., сыграл выдающуюся роль в собрании, хранении и публикации ленинского теоретического наследия.

Собрание сочинений В. И. Ленина, выпущенное Государственным издательством по постановлению IX съезда РКП(б) в 1920—1926 гг. в двадцати томах (двадцати шести книгах), было первой попыткой свести воедино литературное наследие основателя Коммунистической партии Советского Союза.

В 20—30-х годах отдельными книгами выходили и многократно переиздавались все основные труды В. И. Ленина, в которых содержатся важнейшие положения, составляющие существо ленинского этапа развития марксизма и его философской основы — диалектического и исторического материализма: «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Карл Маркс», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» и другие произведения, доклады и выступления В. И. Ленина.

Большое значение для развития марксистско-ленинской теории, в том числе философии, имела подготовка и издание по поручению Центрального Комитета партии «Ленинских сборников». Содержащиеся в них подготовительные материалы, письма, выступления и другие документы, ранее неизвестные широкому кругу читателей, раскрывают сокровенный процесс разработки В. И. Лениным сложнейших вопросов строительства нового общества, знакомят с ленинской методологией исследования международных отношений и других теоретических и политических проблем.

Благодаря колоссальной работе Коммунистической партии и Советского государства по созданию, сохранению, изданию и пропа-

ганде ценнейшего идейного наследия Маркса, Энгельса и Ленина марксизм-ленинизм предстал перед современным человечеством во всем своем гигантском историческом масштабе как единое, цельное, последовательно научное и революционное мировоззрение, интернациональное учение рабочего класса, ставшее руководством к действию для миллионов людей труда. Партия, советские ученые разоблачили меньшевистские и троцкистские домыслы о В. И. Ленине как только практике революционной борьбы. Еще в переходный период партия раскрыла величайшую всемирно-историческую интернациональную роль В. И. Ленина как гениального теоретика и революционера в науке, его огромный вклад в развитие научного коммунизма, марксистской политической экономии и марксистской философии, всего учения и дела Маркса и Энгельса.

В утверждении диалектического материализма как господствующего мировоззрения, в преодолении влияния религиозно-идеалистических, позитивистских и других буржуазных идей огромную роль сыграл выход в 1920 г. второго издания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Это было фактически первое массовое издание классического ленинского философского труда (из первого тиража, вышедшего в 1909 г., лишь несколько сот экземпляров попало в книжные магазины, остальные были конфискованы). Новое издание «Материализма и эмпириокритицизма» было крайне необходимо в первые послеоктябрьские годы, так как большая часть партийных кадров, интеллигенции и учащейся молодежи еще не успела ознакомиться с этим выдающимся произведением. В предисловии ко второму изданию книги В. И. Ленин выражал надежду, что независимо от полемики с русскими махистами (а она отнюдь не утратила своей актуальности, поскольку А. А. Богданов развернул в начале 20-х годов активную пропаганду своих махистских воззрений) книга «Материализм и эмпириокритицизм» будет способствовать ознакомлению с философией марксизма и философскими выводами из новейших открытий естествознания. Эта надежда в полной мере осуществилась. По предложению В. И. Ленина ко второму изданию его книги была приложена статья старого коммуниста и опытного пропагандиста марксизма В. И. Невского, содержащая критический разбор махистских воззрений Богданова, пропагандируемых им в послеоктябрьских произведениях.

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» неоднократно затем переиздавалась массовыми тиражами. Она сыграла колоссальную роль в утверждении, развитии и распространении марксистской философии в СССР и за рубежом.

То же следует сказать и о впервые обнародованных в годы Советской власти «Философских тетрадях» В. И. Ленина, представляющих творческую лабораторию ленинской мысли, гениальную разработку теории диалектики, о программной статье В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» и других ленинских произведениях, обогативших марксистскую философию и во-

оруживших советскую науку. Одним из показателей огромного значения, которое В. И. Ленин придавал в послеоктябрьские годы философской теории, может служить и тот факт, что в самые напряженные, острые моменты борьбы за социализм он вновь и вновь обращался к первоисточникам диалектической мысли. Об этом свидетельствует, в частности, интерес, проявленный В. И. Лениным в начале 20-х годов к античной философии и Гегелю — его «Науке логики» и «Феноменологии духа»[5].

Сразу же после победы Октября перед Коммунистической партией встали коренные вопросы борьбы за социализм. Первый в истории опыт построения нового социалистического общества протекал в чрезвычайно сложных и трудных условиях. Свергнутые революцией классы буржуазии и помещиков всеми силами старались вернуть свое господство. При активной поддержке остатков враждебных научному социализму партий: кадетов, меньшевиков, эсеров, анархистов, буржуазных националистов — они широко использовали с целью подрыва революционных завоеваний антисоветские заговоры, саботаж, вредительство, провокации, белый террор. В 1918 г. началась и приобрела чрезвычайно кровопролитный, затяжной характер гражданская война, в ходе которой армии внутренней контрреволюции были поддержаны силами иностранных интервентов. Военный поход мирового империализма против Страны Советов сочетался с неослабевающими попытками задушить ее посредством голодной блокады. Это было невиданное по остроте и масштабам классовое противоборство двух миров, двух противоположных социальных систем, двух враждебных, взаимоисключающих идеологий.

Характеризуя борьбу между старым, исторически обреченным миром капитализма и новым, рождающимся и растущим коммунистическим миром, В. И. Ленин писал в «Тезисах ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала»: «Все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей»[6].

После победы, одержанной советским народом над силами внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции, классовая борьба продолжалась в новых условиях и новых формах. Страна была разорена и в значительной мере обескровлена в годы империалистической и гражданской войн. Народное хозяйство необходимо было восстанавливать, буквально поднимая из руин в

[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 272; *Манучарянц Шушаника.* В библиотеке Владимира Ильича. М., 1965, с. 32, 44.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

условиях голода, повсеместной разрухи и враждебного капиталистического окружения. Каждый шаг вперед по пути осуществления ленинского плана социалистического строительства наталкивался на бешеное сопротивление классовых врагов внутри страны, а также со стороны мировой империалистической реакции. В непримиримой классовой борьбе между силами нового и старого, революции и реакции решался вопрос «кто — кого».

Активными проводниками классово враждебных идей в первые послеоктябрьские годы были контрреволюционные буржуазные идеологи, меньшевики, эсеры и анархисты, и на всем протяжении переходного периода — троцкисты, правые и «левые» оппортунисты, буржуазные националисты и др. Опасность, которую они представляли для молодой Советской страны усугублялась тем, что так называемые оппозиционные течения широко пользовались приемами социальной демагогии и софистики, пытаясь выдать себя за сторонников социализма. Партия последовательно разоблачала этот обман, выявляя антинародную, контрреволюционную сущность антиленинских группировок.

В борьбе против троцкизма и других враждебных течений Коммунистическая партия прилагала все усилия для сохранения и упрочения своего идейно-политического и организационного единства на основе принципов марксизма-ленинизма. В корне пресекая раскольнические попытки троцкистов и других представителей оппозиции создавать замаскированные антипартийные группы, фракции, насаждать фракционность, В. И. Ленин и ленинцы справедливо видели в единстве, монолитности Коммунистической партии незыблемый фундамент сплоченности рабочего класса, необходимое и первостепенное условие силы и прочности Советского государства, важнейший фактор успешной борьбы за социализм.

Главный вопрос, по которому вели открытую или скрытую борьбу против партии Ленина, против ленинизма все оппортунистические течения и по которому партия дала решительный бой всем попыткам ревизовать ленинское учение, был вопрос о возможности построения социализма в СССР.

Троцкисты, зиновьевцы и другие антиленинские элементы, стремясь сбить партию с ленинского курса на путь капитулянтства и реставрации капиталистических порядков, отрицали возможность победы социализма в нашей стране. Это отрицание было связано с пресловутой, обанкротившейся троцкистской теорией «перманентной революции», отвергавшей гегемонию пролетариата, его руководящую роль в революционной борьбе, революционные возможности крестьянства и необходимость союза рабочего класса с ним, предрекавшей фатальную неизбежность столкновений между рабочим классом и крестьянством и не допускавшей победы социализма в СССР без пролетарской революции на Западе и прямой государственной поддержки со стороны европейского пролетариата после его победы.

Партия дала сокрушительный отпор троцкизму, разоблачила меньшевистски-капитулянтскую сущность троцкистского неверия в победу социализма, показала антимарксистскую, антиленинскую природу взглядов и враждебных действий троцкистско-зиновьевской оппозиции. Ведя непримиримую борьбу с троцкистами и зиновьевцами, со всеми видами ревизионизма и догматизма, Коммунистическая партия отстояла коренное ленинское положение о возможности победы социализма первоначально в одной стране, ленинский вывод о том, что в России после победы пролетарской революции есть все необходимое и достаточное для построения социалистического общества.

Коммунистическая партия нанесла решающее поражение и правому оппортунизму. Она подвергла последовательной марксистско-ленинской критике механистическую «теорию равновесия», на которую опирались правые, их капитулянтскую теорию затухания классовой борьбы в переходный период, теорию мирного врастания капиталистических элементов в социализм, вскрыла метафизичность их взглядов, присущие им схоластику и эклектику. Партия разоблачила враждебные социализму взгляды и действия правооппортунистической группировки, характеризующиеся отказом от политики индустриализации страны, от наступления на кулачество, торможением развития коллективизации, равнением на «узкие места». Ревизионистская, антиленинская платформа правых была решительно осуждена и разгромлена как противоречащая принципам марксизма-ленинизма, его революционной диалектике, несовместимая с генеральной линией Коммунистической партии.

Под руководством Коммунистической партии были претворены в жизнь ленинские планы строительства социализма: социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции.

Идейный и организационный разгром троцкизма, правого оппортунизма и других антимарксистских течений, победа ленинской линии партии в борьбе за социализм имели и имеют крупнейшее международное, всемирно-историческое значение. Это была победа марксистской идеологии над буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, утверждение пролетарского интернационализма в мировом коммунистическом движении.

В ходе революционного переустройства общества, в процессе решения назревших задач теории и практики социалистического строительства и мирового освободительного движения, в борьбе партии с троцкизмом, троцкистско-зиновьевской ревизией ленинизма и другими антиленинскими течениями, пытавшимися подменить ленинизм оппортунистическими «теориями», был поставлен во весь рост вопрос об интернациональном характере и актуальном, всемирно-историческом значении ленинизма, о необходимости и путях его применения и творческой разработки; все это в огромной степени подняло интерес к изучению теории и истории ленинизма.

Победа, одержанная партией над всеми антиленинскими течениями, явилась исторической победой ленинизма в масштабе международного коммунистического и рабочего движения.

Решающая роль в завоевании этой победы, в защите и утверждении принципов марксистско-ленинского учения принадлежит Центральному Комитету КПСС, руководящим и теоретическим кадрам нашей и других марксистских партий.

XIII съезд РКП(б) принял постановление «О работе Института имени В. И. Ленина», в котором указывалось, что первой и главной задачей института является издание научного и наиболее полного собрания сочинений В. И. Ленина, его избранных трудов на всех языках народов СССР, подготовка «Ленинской библиотеки» для широких масс рабочих. «Пропитывание всех общественных дисциплин ленинизмом,— подчеркивалось в решении съезда,— изучение при их прохождении вкладов Владимира Ильича Ленина во все вопросы революционной теории и практики марксизма должно стать необходимейшей принадлежностью учебной работы совпартшкол и комуниверситетов»[7].

Произведения В. И. Ленина все шире издавались, изучались и пропагандировались не только на русском языке, но и на языках других народов СССР. В 1925 г. было принято решение Политбюро ЦК КП(б)У об издании ленинских трудов на украинском языке. Началась подготовка к изданию трудов В. И. Ленина в Азербайджане и Грузии.

С работами о В. И. Ленине и ленинизме выступили еще в 20-е годы видные деятели большевистской партии [8].

В трудах и выступлениях Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, С. М. Кирова, Н. К. Крупской, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, М. В. Фрунзе, Е. М. Ярославского и других руководящих деятелей Коммунистической партии о Ленине раскрывалось — в противовес троцкистским и иным фальсификациям, принижавшим роль основателя нашей партии, Советского государства — всемирно-историческое значение ленинизма как нового, высшего этапа в развитии марксистского учения.

Одним из первых советских философов и историков марксизма-ленинизма, начавшим уже в 20-е годы исследование ленинского вклада в философию, был старый большевик В. В. Адоратский,

[7] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, с. 877.

[8] См.: *Воровский В. В.* В. И. Ульянов-Ленин. М., 1920; *Калинин М. И.* В. И. Ленин и крестьянство. М., 1920; *Он же.* Ленин и Коминтерн. М., 1924; *Киров С. М.* Ленин и рабочий класс. М., 1924; *Крупская Н. К.* Как изучать ленинизм. М., 1924; *Куйбышев В. В.* Ленин и кооперация. М., 1925; *Луначарский А. В.* Ленин как ученый и публицист. М., 1924; *Сталин И. В.* Об основах ленинизма. М., 1924; *Он же.* К вопросам ленинизма. М., 1926; *Стучка П. И.* Ленинизм и государство: (Политическая революция). М., 1925; *Он же.* Ленинизм и крестьянство: (Аграрная революция). М., 1925; *Фрунзе М. В.* Ленин и Красная армия. М., 1925; *Ярославский Е. М.* Жизнь и работа В. И. Ленина. М., 1924; *Он же.* Ленин, крестьянство, РКП. М., 1925; и др.

высоко ценимый В. И. Лениным и непосредственно привлекавшийся им к научно-теоретической деятельности [9].

Заметное место в ранней ленинциане занимают также работы известного партийного публициста и пропагандиста марксизма, одного из первых советских критиков буржуазной философии — В. А. Быстрянского[10]. Ряд работ о Ленине опубликовал старый большевик-философ В. И. Невский[11]. Все эти произведения сыграли свою роль в ряду первых марксистских публикаций, посвященных В. И. Ленину и особо выделивших его вклад в революционную теорию, в том числе в области философии.

В начале 20-х годов советские философы-марксисты, возглавляемые ленинской партией, дали генеральное сражение последним ратоборцам буржуазно-идеалистической философии в России. Опираясь на прочную традицию идейной непримиримости к буржуазному мировоззрению, разработанную В. И. Лениным и его соратниками на протяжении всей истории большевизма, философы молодой Советской Республики подвергли острой критике религиозно-мистические, позитивистские и другие враждебные марксизму концепции, разоблачили их антинаучный и антинародный характер, их направленность на восстановление буржуазно-помещичьих порядков, их контрреволюционную сущность.

В условиях открытой, «лобовой» схватки с философским идеализмом, когда по одну сторону баррикад стояли враги диктатуры пролетариата, а по другую ее защитники, когда марксистски подготовленных сторонников и знатоков диалектического материализма было еще очень мало, среди защитников материализма отсутствовала первое время четкая внутрифилософская дифференциация, связанная с приверженностью к определенному типу материализма. В пропагандистской литературе первых послеоктябрьских лет обычно говорилось о борьбе за материализм вообще.

Следует в то же время отметить, что и в первые, особенно трудные послеоктябрьские годы советские марксисты остро ставили актуальные вопросы диалектики, подчеркивали преимущества диалектического материализма перед старым, метафизическим, уделяли первостепенное внимание применению материалистической диалектики к анализу современной общественной жизни, к решению сложнейших задач стратегии и тактики классовой борьбы, социалистической экономики, государственного и культурного строительства.

[9] Из работ В. В. Адоратского, имеющих прямое отношение к характеристике В. И. Ленина как философа, следует назвать: Марксистская диалектика в произведениях Ленина.— Печать и революция, 1922, кн. 3 (5); Ленин как философ.— Коммунист, 1924, № 12; О теории и практике ленинизма (революционного марксизма). М.; Л., 1924; О занятиях Ленина философией.— Большевик, 1930, № 2; О значении работ Ленина для философии.— Пролетарская революция, 1930, № 10; и др.

[10] См.: *Быстрянский В. А.* Марксизм и ленинизм.— Под знаменем марксизма, 1924, № 2; *Он же.* Ленин как материалист-диалектик. М., 1925.

[11] См.: *Невский В. И.* В. И. Ульянов-Ленин. М., 1920; *Он же.* Ленин как материалист в своих первых работах. М., 1924.

Новая полоса в развитии марксистской философской мысли в СССР, в становлении советской философской науки в основном соответствует периоду восстановления народного хозяйства после окончания гражданской войны. К этому времени уже начинали сказываться более благоприятные для научного творчества условия, связанные с переходом к мирному социалистическому строительству. 1922 год ознаменовался образованием СССР как многонационального социалистического государства. XI съезд РКП(б), состоявшийся весной 1922 г., выдвинул в политическом отчете, подготовленном и сделанном В. И. Лениным, новую задачу — задачу перегруппировки сил с целью перехода в наступление против капиталистических элементов. Вопрос «кто — кого» стоял в то время со всей остротой, еще большее значение приобретала идеологическая работа, необходимость воспитания масс в духе марксистского мировоззрения.

Учитывая, что в условиях нэпа оживилась деятельность враждебных пролетариату группировок — кадетов, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, появились «новые» буржуазные идейные течения — «сменовеховство» и другие, Коммунистическая партия ориентировала советских марксистов на широкое развертывание и углубление непримиримой борьбы с буржуазной идеологией, в том числе реакционной идеалистической философией. В 1922 г. значительная группа активных противников Советской власти, в том числе многие философы-идеалисты, была выслана за пределы страны.

Партия исходила из ленинской установки, выдвинутой еще в 1920 г. на Всероссийском совещании Политпросветов: «Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное»[12].

Ответственная задача в борьбе с буржуазной идеологией, в пропаганде и творческой разработке марксистской философии возлагалась, в частности, на журнал «Под знаменем марксизма», который начал издаваться с января 1922 г. по инициативе и при участии В. И. Ленина. В личной библиотеке В. И. Ленина имеется комплект этого журнала за 1922—1923 гг.

Первый марксистский философский журнал вел борьбу с буржуазно-идеалистическими и упрощенчески-механистическими концепциями за материализм и диалектику, отстаивал в спорах с многочисленными «ниспровергателями» философии право диалектического материализма на самостоятельное существование, стремился к установлению союза философов-марксистов с материалистами-естествоиспытателями, сыграл немалую роль в подъеме философской культуры в СССР. При всех недостатках, свойственных ему в 20-е годы, он отличался смелостью и остротой постановки новых

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 406.

проблем, широким диапазоном интересов, охватывающим естественные и общественные науки.

Яркой жемчужиной марксистской мысли, украсившей этот журнал и придавшей ему и всем советским марксистам новые силы в борьбе за диалектико-материалистическое миропонимание, за социализм, явилась статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», опубликованная в № 3 «Под знаменем марксизма» за 1922 г. Она поставила перед советскими марксистами важнейшие задачи по укреплению союза между диалектико-материалистической философией и естествознанием, усилению научно-атеистической пропаганды, творческому освоению богатейшего философского наследия, материалистических и диалектических традиций в истории русской и мировой мысли. Со всей силой была подчеркнута В. И. Лениным партийность марксистской философии, обосновывались ее боевой, наступательный характер, роль материалистической диалектики, как души марксизма, необходимость ее творческой разработки на основе изучения опыта борьбы за социализм, творческого осмысления мирового революционного процесса, достижений современной науки. Ленинская статья «О значении воинствующего материализма» стала программой научной работы в области марксистской теории, мощным импульсом к дальнейшему подъему философской науки, содействовала духовной консолидации советской интеллигенции на основе марксистского мировоззрения; она вошла в историю как философское завещание В. И. Ленина.

Большую роль в борьбе за ленинизм, за утверждение диалектико-материалистического мировоззрения играл журнал «Большевик», издававшийся в 1924 г.,— орган ЦК Коммунистической партии Советского Союза, а также «Коммунистический Интернационал» — орган Исполкома Коминтерна. Свою лепту в пропаганду и разработку марксистско-ленинской теории вносили «Вестник Социалистической академии» (с 1923 г.— Коммунистической), «Летописи марксизма», «Печать и революция» и другие советские журналы, «Записки научного общества марксистов», «Записки Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова», периодические сборники «Воинствующий материалист» и другие марксистские издания, уделявшие значительное место философским проблемам.

«Надо поднять работу научно-коммунистической мысли,— говорилось в решениях XII Всероссийской конференции РКП(б) в августе 1922 г.,— дабы иметь возможность организованно вести линию «воинствующего материализма» и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы Социалистической академии, научных кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских университетах и т. п.)»[13].

[13] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, с. 673.

* * * * *

Рост интереса к марксистской философии и внутренняя логика ее развития обусловливали необходимость развернутой систематизации философских знаний. Но оформление общефилософской диалектико-материалистической проблематики как самостоятельного объекта преподавания, создание соответствующих курсов и пособий было совершенно новым и весьма нелегким делом. Необходимо принять во внимание и то, что в ходе невиданных по остроте и масштабам революционных преобразований, начатых великим Октябрем, особо выдвигался прежде всего социально-политический аспект марксистской теории — боевые, животрепещущие вопросы борьбы за социализм. Проблематика научного социализма составляла в первые послеоктябрьские годы основу пропаганды и преподавания общественных знаний. По мере постепенного вычленения — в связи с переходом к мирному социалистическому строительству — в качестве особой учебной дисциплины марксистская философия выступала вначале большей частью под общим наименованием «исторический материализм». Марксистская философия впервые стала в Советском Союзе объектом специального изучения в высших учебных заведениях в начале 20-х годов. В 1922—1924 гг. появились первые учебные пособия по диалектическому и историческому материализму [14]. Первые публикации пропагандистского характера по марксистской философии на национальных языках народов СССР также начали выходить в 20-е годы.

В соответствии с идеями, высказанными В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма», и в результате большой работы, проведенной партией, советскими учеными в первые послеоктябрьские годы по консолидации материалистических сил в науке, в том числе в области философии, было создано в СССР в 1924 г. Общество воинствующих материалистов (позже преобразованное в Общество воинствующих материалистов-диалектиков), устав которого так определил его задачи: «а) научная разработка основ диалектического материализма; б) разработка диалектического метода в области естественных наук; в) исследовательская работа в области исторического материализма; г) научно-исследовательская разработка истории материализма и естественных наук; д) борьба с философским и естественно-научным идеализмом во

[14] В 1922 г. В. В. Адоратский опубликовал «Программу по основным вопросам марксизма». На основе лекций, читавшихся не только в центре, но и в Белоруссии, на Украине и других местах, подготавливались и выходили в свет первые учебные пособия по марксистской философии: *Горев Б. И.* Материализм — философия пролетариата. М., 1922; *Он же.* Очерки исторического материализма. М., 1925; *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм. Минск, 1922; *Сарабьянов В. Н.* Исторический материализм. М., 1922; *Семковский С. Ю.* Конспект лекций по историческому материализму. Харьков, 1922; *Разумовский И. П.* Курс теории исторического материализма. М., 1924; *Трахтенберг О. В.* Беседа с учителем по историческому материализму. М., 1924.

всех его проявлениях; е) борьба с извращением и упрощением диалектического материализма»[15].

Новые условия и выдвинутые ими более высокие требования, более строгие критерии оценки философской деятельности привели в 20-х годах к оформлению и размежеванию двух различных течений внутри материалистического лагеря в СССР — «механистов» и «диалектиков». Следует, правда, иметь в виду известную условность самих этих терминов, бытовавших в данной связи в тогдашней литературе; они не исчерпывали характера идейно-теоретических воззрений представителей сталкивавшихся групп. Люди, известные как «механисты» (Л. И. Аксельрод, А. И. Варьяш, В. Н. Сарабьянов, И. И. Степанов-Скворцов, А. К. Тимирязев), не были законченными представителями механистического, т. е. старого, метафизического материализма (в противном случае они находились бы за пределами марксизма); лучшие представители этого течения были искренними приверженцами марксистского мировоззрения, хотя и толковали его философские положения нередко превратно, упрощенно, механистически. Их противники, выступавшие под именем «диалектиков» (группа А. М. Деборина), в свою очередь, не были вполне последовательными проводниками принципов материалистической диалектики, хотя и считали себя таковыми и занимали в основном правильную позицию в отношении критики механицизма.

Деление на «механистов» и «диалектиков» (деборинцев) далеко не охватывало всех советских философов 20-х годов. Было бы неверно сводить все многообразие тогдашней философской мысли в СССР только к разногласиям между этими направлениями. Наряду с полемикой, которая велась между ними, а также той их учебно-научной деятельностью, которая выходила за эти рамки, большой отряд советских ученых, стоявших на марксистско-ленинских позициях, вел весьма значительную повседневную положительную работу в области философии — как педагогическую и пропагандистскую, так и исследовательскую.

В той мере, в какой некоторые «механисты» по-своему пытались оттолкнуться от ленинской статьи «О значении воинствующего материализма», они учитывали обычно лишь те ее положения, в которых речь идет о материалистической традиции, о достоинствах старого материализма, о необходимости союза материалистов-коммунистов с естественниками, стоящими на позициях домарксовского материализма. Но «механисты» оставляли без должного внимания другие важнейшие указания В. И. Ленина — о роли диалектической традиции, о необходимости подъема стихийного материализма до уровня материализма современного, сознательно-диалектического. «Диалектики», также отправляясь в известной мере от программы, начертанной В. И. Лениным, делали упор на дру-

[15] Воинствующий материалист. М., 1924, кн. 1, с. 406.

гое — на высокую ленинскую оценку Гегеля, указание о важности систематического изучения гегелевской диалектики. Но им не удалось сделать необходимых и последовательных выводов из того, что изучение Гегеля, при всем значении, которое В. И. Ленин ему придавал, есть лишь одно из средств для более глубокого овладения марксистской материалистической диалектикой, ее творческого развития и действительного применения как орудия коммунистического преобразования общества. Ни «механисты», ни деборинцы не сумели раскрыть всего богатства идей, заключенных в ленинском философском завещании. В связи с этим обеими течениями не было понято должным образом и принципиальное отличие марксистско-ленинской философии от предшествующих философских концепций; «механисты» обычно стирали грань между диалектическим и механистическим материализмом, а деборинцы — между материалистической и идеалистической диалектикой. Многое в этих отклонениях от истины объясняется особенностями сложного идейно-политического пути, пройденного участниками дискуссии, воздействием буржуазных и ревизионистских воззрений. Немалое значение при этом играло и то обстоятельство, что советские философы-марксисты 20-х годов сталкивались с многочисленными нерешенными и новыми философскими проблемами и должны были преодолевать большие трудности теоретико-познавательного характера. Наконец, нельзя недоучитывать преувеличений и крайностей, в которые впадали и «механисты» и «диалектики» в пылу ожесточенной полемики.

Длительная философская дискуссия 20-х годов поглотила много сил и, сконцентрировав внимание на одних вопросах, отвлекла от других актуальных философских и социально-политических проблем. Однако живой обмен мнениями и острое столкновение взглядов по назревшим методологическим проблемам несомненно стимулировали развитие философской мысли. Был дан отпор упрощенчеству, вульгаризаторскому, нигилистическому подходу к философии, а в связи с этим и различным проявлениям примитивизма, вульгарного социологизма в смежных гуманитарных науках.

Международное значение дискуссии заключалось в том, что острие критики, направленное против «механистов», было по существу обращено и против более широкого течения, игравшего (и продолжавшего позднее играть) активную роль в буржуазной философии, распространенного во многих странах Запада и Востока,— против позитивизма, влияние которого отчетливо сказалось на механистической методологии.

Другая сторона проводившейся работы состояла в том, что в процессе фронтального наступления на устаревший механистически-метафизический метод оттачивалось марксистское диалектическое оружие, утверждалось неразрывное единство материализма и диалектики и происходил в той или иной мере переход значительной части советских философов — деятелей высшей школы, про-

паганды, печати — к исследовательской разработке материалистической диалектики как науки. Если в предыдущие годы у этого круга работников во многом преобладал популяризаторски-публицистический подход к философским проблемам, то теперь их деятельность поднималась на более высокий профессиональный, научно-теоретический уровень.

Условия начавшихся в стране социалистических преобразований настоятельно требовали от советской философской науки дать ответ на важнейшие запросы общественной практики. Новое заключалось в данном случае в том, что практическое решение многообразных задач строительства социализма обусловливало необходимость конкретного анализа конкретной ситуации, методологии которого учил и образцы которого дал в своих трудах В. И. Ленин, конкретизации положений марксистской философии в науках о развитии природы, общества и мышления, совершенствования категориального аппарата диалектического и исторического материализма, детального исследования сложной структуры новых социальных процессов, связи философии с жизнью, активного участия философов в теоретическом анализе актуальных проблем современности.

Вслед за многочисленными статьями, публиковавшимися в философской и общественно-политической печати во второй половине 20-х — начале 30-х годов, в СССР все чаще стали выходить книги по философии, посвященные определенным проблемам или аспектам диалектического материализма. Появились новые пособия, ставившие целью систематическое изложение марксистской философии. К наиболее основательным из них следует отнести книги Г. С. Тымянского «Введение в диалектический материализм» (Л., 1930) и Б. Э. Быховского «Очерк философии диалектического материализма» (М.; Л., 1930). Присущие этим книгам недостатки, отражавшие некоторые особенности и уровень тогдашней философской литературы (например, известная умозрительность), не могут заслонить того, что в них предпринимались самостоятельные попытки целостного анализа логической системы законов и категорий материалистической диалектики как науки. Не следует забывать, что то был начальный период складывания диалектического и исторического материализма в качестве систематического учебного курса, предмета преподавания в высших учебных заведениях. Опыта построения такого курса почти не было (первые пособия, вышедшие ранее, были посвящены большей частью вопросам исторического материализма и имели, как правило, популярный характер); советским авторам приходилось прокладывать, по существу, первые пути в этом направлении.

Следует отметить, что активная пропагандистская и научно-исследовательская работа по философии проводилась уже в 20-е и первой половине 30-х годов не только в РСФСР, но и на Украине, в Белоруссии, других республиках. (Подробнее об этом будет сказано во 2-й книге настоящего тома.) Упомянем в данной связи

вышедшие в УССР монографии В. Ф. Асмуса, П. Демчука, Н. Перлина, С. Ю. Семковского, Ю. Юринца и других. С 1922 г. в Харькове велась подготовка марксистских философских кадров через аспирантуру, а с 1925 г.— и на кафедре марксизма-ленинизма Украинской Академии наук в Киеве. В 1931—1935 гг. на Украине действовал Институт философии (до 1939 г. называвшийся Институтом философии и естествознания), входивший во Всеукраинскую ассоциацию марксистско-ленинских институтов (Вуамлин). Плодотворная работа украинских марксистов отмечалась в резолюции 1-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (март 1928 г.): «Конференция с удовлетворением констатирует рост научно-исследовательской марксистской работы на Украине за последние годы, сплочение научно-марксистских кадров и укрепление центра, обеспечивающего дальнейшее развитие марксистско-ленинской мысли на Украине»[16]. Положительно была оценена работа Украинского Института марксизма-ленинизма (Харьков) и Киевской кафедры марксизма-ленинизма при Академии наук УССР и на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений (апрель 1929 г.). На обеих конференциях заслушивались доклады о работе названных учреждений, в которых ведущее место занимало рассмотрение состояния и задач научно-исследовательской деятельности философов республики.

Значительную научную работу проводили в то время и белорусские философы-марксисты. Центрами научно-исследовательской, преподавательской и пропагандистской работы в области марксистско-ленинской теории в республике были философские кафедры Белорусского государственного университета, Коммунистического университета, Института белорусской социалистической культуры (с 1929 г.— Академии наук БССР). Уже в 1922 г. в Минске вышел учебник по диалектическому материализму, подготовленный профессором БГУ С. Я. Вольфсоном и выдержавший затем в дополненном и измененном виде семь изданий. В 1923 г. в Белоруссии возникло Научное общество марксистов. В его работе активно участвовали В. Г. Кнорин, С. Я. Вольфсон, Б. Э. Быховский, С. З. Кацепбоген, В. А. Сербента, В. С. Мицкявичус-Капсукас. В этом обществе было 4 секции: историческая, философская, экономическая и литературная. Философы-марксисты Белоруссии, как и Украины, принимали участие в философской дискуссии и в философской и идейно-теоретической жизни страны в целом.

Существенный вклад внесли советские философы в этот период и в научное исследование истории философии, прежде всего истории материализма и диалектики (работы о Демокрите, Гераклите, Эпикуре, софистах, Бэконе, Спинозе, английском и французском материализме XVII—XVIII вв., малоизученных представителях не-

[16] Вестн. Ком. акад., 1928, кн. 26, с. 294.

мецкого просвещения, классиках немецкого идеализма XVIII — начала XIX в., Фейербахе и др.). Некоторые из этих исследований и ныне не утратили своей ценности [17].

Довольно широк был географический диапазон издания философской литературы в СССР в 20-х годах. Книги по философии выходили — кроме Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Минска, Тбилиси, Еревана, Баку, Ташкента — в Вологде, Вятке, Гомеле, Иваново-Вознесенске, Иркутске, Казани, Краснодаре, Омске, Оренбурге, Пензе, Ростове-на-Дону, Севастополе, Симферополе, Чите и других городах. Философы многих отдаленных от центра городов, союзных и автономных республик активно участвовали в происходивших дискуссиях. Все это явилось одной из очевидных побед социалистической культурной революции, ленинской национальной политики.

* * * * *

Поражение «механистов», которым завершилась философская дискуссия 1924—1929 гг., подвело известный итог предшествующему — начальному фазису истории советской философской науки. Перед ней встали новые проблемы, и в первую очередь задача коренного поворота к актуальным вопросам социалистического строительства. Необходимость этого поворота не случайно совпала с концом 20-х и началом 30-х годов. На этом историческом рубеже с новой остротой выявились все противоречия мирового общественного развития, глубочайшая противоположность двух социальных систем, их природы, путей и перспектив. США и другие страны капитализма потрясал невиданный экономический кризис, углублявший общий кризис мировой капиталистической системы. Резко усилился процесс фашизации наиболее реакционных империалистических сил, еще более широким и чреватым новыми взрывами стал фронт классовой борьбы в буржуазном обществе.

Иной характер имели созидательные процессы, развертывавшиеся в СССР.

Еще XIV съезд партии (1925 г.) провозгласил переход к социалистической индустриализации, видя в ней — в полном соответствии с ленинскими заветами — основное звено в борьбе за социалистическое преобразование экономики СССР, ускорение темпов строительства социализма. Большое место в работе съезда занял вопрос об укреплении единства партии. Съезд поручил ЦК партии вести решительную борьбу с любыми попытками подрыва этого единства, откуда бы они ни исходили. Историческое значение съезда сказалось в том, что он конкретизировал ленинское учение о создании материально-технической базы социализма, вооружил Коммунистическую партию и советский народ научно разработан-

[17] Вопрос об историко-философских исследованиях в СССР рассматривается во 2-й книге данного тома.

ной программой дальнейшего социалистического строительства, выдвинул в качестве первостепенной задачи развитие тяжелой индустрии и ее сердцевины — машиностроения, сыграл огромную роль в идейном и политическом разгроме троцкизма и «новой оппозиции».

Велика была роль и XV съезда партии (1927 г.). Руководствуясь ленинским кооперативным планом, съезд выдвинул в качестве основной и первоочередной задачи коллективизацию сельского хозяйства. Важнейшей составной частью этого курса партии было решительное наступление на кулачество. Завершив идейный и организационный разгром троцкистско-зиновьевского антипартийного блока, партия творчески разработала в своих решениях марксистско-ленинскую теорию социалистического преобразования деревни.

Неуклонно проводя свою генеральную линию и обеспечивая осуществление Советским Союзом его интернациональной миссии как оплота всех революционных, прогрессивных сил мира, преодолевая огромные трудности и яростное сопротивление антиленинских элементов, Коммунистическая партия вела страну к новому подъему. Успехи социалистической индустриализации, достигнутые героическими усилиями советского народа в реконструктивный период развития народного хозяйства, подготовили решающий перелом в деревне — основные массы крестьянства повернули к социализму, осуществилась коллективизация сельского хозяйства в СССР. Если XIV съезд известен как съезд социалистической индустриализации, а XV съезд — как съезд коллективизации, то состоявшийся в 1930 г. XVI съезд партии вошел в историю как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. Новая полоса в истории марксистско-ленинской философии в СССР с 1929—1930 гг., до середины 30-х годов неразрывно связана с этим наступлением, с построением социалистического общества в нашей стране.

В свете новых сложных условий и возросших задач яснее выступили недостатки, имевшиеся в философской работе в предыдущий период, необходимость их устранения. А. М. Деборин и его сторонники, проявляя вполне обоснованный интерес к диалектике Гегеля, задержались и даже «передержались» на этапе ученичества у этого мыслителя, склонялись к известной абсолютизации его толкования диалектики; они не уяснили всей важности критически-материалистического переосмысления и творческого применения диалектического метода в том духе и направлении, как это делали Маркс, Энгельс и Ленин. Справедливо настаивая на специфике и самостоятельности диалектико-материалистической философии, уделяя большое и заслуженное внимание роли логических абстракций в познавательном процессе, они все отчетливей обнаруживали тенденцию к абстрактному логизированию, а вместе с тем к формализации философского знания, ведущую к отрыву от практики социалистического строительства и от развития конкретных наук.

Важнейшим недостатком их теоретических воззрений явилась недооценка ленинского философского наследия как особого этапа в развитии философии марксизма. Этот недостаток в известной мере характеризовал и «механистов». Было бы, правда, неверно упрекать Деборина и его учеников в том, что они вообще не признавали роли В. И. Ленина как мыслителя. Деборин выпустил в 1924 г. книгу «Ленин как мыслитель». Спустя год вышла книга С. Гоникмана «Ленин как философ». Определенным шагом вперед по сравнению с этими работами явилась монография И. Луппола «Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции» (1927), в которой автор пытался исторически проследить развитие философских взглядов Ленина на основе рассмотрения не только книги «Материализм и эмпириокритицизм», но и других ленинских трудов. С работами о Ленине выступали и «механисты»[18]. Беда, однако, заключалась в том, что, считая В. И. Ленина прежде всего «практиком», Деборин и его единомышленники (а вместе с ними некоторые их оппоненты — Л. Аксельрод, В. Сарабьянов) противопоставляли Ленину Плеханова как теоретика марксизма[19]. Сводя роль Ленина как философа главным образом к защите и практическому применению взглядов, уже высказанных ранее Марксом и Энгельсом, деборинцы и «механисты» не смогли уяснить того, что В. И. Ленин поднял марксистскую философию и марксистскую теорию в целом на новую, более высокую ступень, при-

[18] См.: *Тимирязев А.* Ленин и современное естествознание. Л., 1925; *Варьяш А.* Диалектика у Ленина. М.; Л., 1920.

[19] Следует отметить, что о В. И. Ленине как философе писали в рассматриваемый период и другие исследователи, не принадлежавшие к указанным течениям: В. Адоратский, М. Баскин, В. Быстрянский, В. Быховский, Ф. Горохов, И. Разумовский, Л. Спокойный и т. д. В ряде работ, опубликованных еще в 20-е годы, подчеркивалось величие Ленина как теоретика-новатора. «Ленин является не просто популяризатором идей Маркса и Энгельса, но продолжателем их дела» (*Адоратский В.* Программа по основным вопросам марксизма. М., 1923, с. 11). «Ленин именно потому и стал гениальным тактиком пролетарской революции, что он был и величайшим ее теоретиком, которого мы по праву можем поставить рядом с Марксом» (*Быстрянский В.* Ленин как материалист-диалектик. М., 1925, с. 3). «Есть люди, признающие значение Ленина как революционного практика, но в то же время отрицающие его роль как теоретика, ученого, мыслителя. Это совершенно неверно. Ленин был в одно и то же время и гениальным организатором, и вожаком рабочего класса, и замечательным мыслителем и теоретиком» (*Баскин М.* В. И. Ленин и классовая борьба.— Путь к знанию, 1925, № 6, с. 23). Интересно по широте охвата проблемы следующее высказывание: «Если оглянуться теперь на партийные дискуссии последних лет, то они в значительной степени окажутся борьбой за теоретическое и практическое содержание ленинизма, за «правомерность» того нового, что внес Ленин в марксизм и что является отличительным содержанием ленинизма. Это была борьба за понимание и признание ленинизма как нового шага вперед в революционной науке марксизма» (*Столяров А.* Эпоха Ленина и ленинизм: К третьей годовщине со дня смерти В. И. Ленина.— Спутник коммуниста, 1927, № 2 (35), с. 3—4). Вывод о ленинизме как дальнейшем развитии марксизма сказался и в учебных пособиях. Авторы одного из них, говоря о пролетарском мировоззрении, подчеркивали, что «с именем Ленина связана дальнейшая ступень в развитии этого мировоззрения» (*Вольфсон М. Б., Гак Г. М.* Очерки по историческому материализму. М.: Л., 1929, с. 10).

ведя ее в соответствие с требованиями новой эпохи, потребностями современной классовой борьбы, с новейшими достижениями науки.

Развернувшаяся в конце 20-х — начале 30-х годов критика «деборинской школы» (выступления М. Б. Митина, П. Ф. Юдина, В. Ф. Ральцевича, М. Д. Каммари, Ф. В. Константинова и др.) выявила недостатки ее философско-теоретической деятельности. Особенностью новой дискуссии было то, что она имела характер борьбы на два фронта: как против умозрительно-формалистических тенденций деборинцев, так и против механицизма. Вначале новая дискуссия не выходила в целом за рамки обычной, хотя и очень острой, научной полемики. В ряде критических выступлений (В. П. Милютина, Н. А. Скрыпника, Е. М. Ярославского и др.), а также в резолюции бюро ячейки РКП(б) Института красной профессуры философии и естествознания, принятой 14 октября 1930 г., не отвергалось то положительное, что было сделано в предшествующий период советской философской наукой, в том числе Деборпным и его учениками. Вместе с тем подчеркивалось, что в деятельности деборинской группы имелись серьезные ошибки, связанные с отрывом философии от насущных задач социалистического строительства.

Позднее философская позиция деборинцев, к сожалению, стала квалифицироваться некоторыми философами как законченный идеализм, гегельянщина, антимарксизм.

Советская философская наука продолжала, однако, свое движение вперед, она находила новые точки приложения сил, ставила вопросы, связанные с разработкой ленинского философского наследия: о существе диалектико-материалистической теории отражения, об «ядре» диалектики, о закономерностях строительства социализма, об укреплении союза философии с естествознанием, об усилении идеологической борьбы против религии, буржуазной философии и ревизионизма и т. д.

Большую роль в развитии советской философской науки сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О журнале „Под знаменем марксизма“» от 25 января 1931 г. В нем отмечалось, что, несмотря на определенные достижения — в особенности по борьбе с механистической ревизией марксизма, имевшиеся в работе философского журнала, он не сумел осуществить основных ленинских указаний, данных в статье «О значении воинствующего материализма», и не стал поэтому боевым органом марксизма-ленинизма. Важнейшими недостатками журнала признавались отрыв философии от политики, от задач социалистического строительства и непонимание ленинского этапа как новой высшей ступени в развитии марксистской философии. Центральный Комитет партии указывал на то, что журнал «Под знаменем марксизма» должен стать боевым марксистско-ленинским органом, решительно бороться за генеральную линию партии, против любых уклонов от нее, проводить во всей своей деятельности ленинский принцип партийности философии, неук-

лонно вести борьбу как с механицизмом, являющимся главной опасностью в современных условиях, так и с идеалистическими извращениями марксистского учения. В качестве важнейших задач, требующих неотложного решения, ставились разработка ленинского этапа развития философии марксизма, теории материалистической диалектики и исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мирового революционного движения, беспощадная критика всех антимарксистских, антиленинских воззрений в области философии, в обществознании и естествознании [20].

* * * * *

Существенным показателем позитивной работы, проводившейся советскими философами после дискуссии, явились новые коллективные учебные пособия: «Диалектический материализм» (Л., 1931) — под руководством И. Широкова; «Очерки исторического материализма» (Л., 1931) — под общей ред. А. Медведева и М. Шрвиндта; «Очерки исторического материализма» — М. Г. Вольфсона и Г. М. Гака (М.; Л., 1931); «Диалектический и исторический материализм» (М., 1932—1933, ч. 1/2.) — под ред. М. Митина и И. Разумовского; и др. Новое учебное пособие «Диалектический материализм», подготовленное Институтом философии Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН), вышло в 1932 г. в Харькове.

Важнейшим итогом философской дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов, следует признать то, что принцип партийности марксистско-ленинской философии, идея ее единства с политикой партии, практикой социалистического строительства и международного освободительного движения, понятие ленинского этапа в развитии диалектического и исторического материализма, *интернациональное, всемирно-историческое значение вклада В. И. Ленина в философию и марксистскую теорию в целом* были поставлены в центр внимания. Это явилось новым важным шагом на пути завоевания полной победы ленинизма в науке [21].

В ходе борьбы Коммунистической партии, советских ученых за

[20] См.: Под знаменем марксизма, 1930, № 10/12, с. 1—2.

[21] Неудивительно, что именно партийность марксистско-ленинской философии вызывала и ныне вызывает яростные нападки со стороны буржуазных авторов. Так, западногерманский историк философии К. Альберг сетует, например, что в результате критики деборинской группы философия в СССР перешла, как он говорит, в распоряжение партии и с этого времени «не было достойной упоминания попытки создать советскую философию, независимую от интересов большевистской партии» (*Ahberg K.* Dialektisce Philosophie und Gesellschaft in der Sovetunion. Berlin, 1960, S. 13). Другой антикоммунист, Е. Каменка, в статье «Советская философия 1917—1967 гг.» утверждает, что уже «20-е годы были годами постепенного триумфа грубой политической идеологии над культурой» (Social Thought in the Soviet Union/Ed. by Alex Semirenko. Chicago, 1961, p. 109). Альбергу, Каменке и подобным им «советологам», видимо, невдомек, что коммунистическая партийность не является чем-то внешним, наносным, навязанным советским философам, что она органически присуща марксистско-ленинской философии, бу-

научное марксистско-ленинское мировоззрение, за материалистическую диалектику, в итоге проведенных философских дискуссий возрос интерес естественников к философской проблематике. Становилось все более очевидным, что ни философы без союза с естествоиспытателями-материалистами, без опоры на достижения современного естествознания, ни естествоиспытатели без вооружения передовой философской мыслью — диалектическим материализмом — не могут добиваться плодотворных результатов. Понимание путей оптимального взаимодействия философии и естествознания давалось, разумеется, не легко. На его пути стояли разного рода предрассудки — идеалистические и метафизические заблуждения, механицизм, упрощенчество. Были, как известно, и в последующие годы случаи нигилистического отбрасывания с порога теми или иными философами (и некоторыми представителями конкретных наук) теории относительности, квантовой механики, генетики и других выдающихся достижений как якобы идеалистического псевдознания. Сказывались порой и искажения иного порядка — факты недостаточно критического отношения к мировоззренческим постулатам буржуазных ученых, неумение отсечь делавшиеся ими идеалистические или агностические выводы от рационального, материалистического содержания научных открытий. Необходимо было преодолеть (и осознание этого явилось одним из положительных уроков проведенных философских дискуссий) как позитивистское третирование философии, попытки ее растворения в общих выводах конкретных наук, так и рецидивы натурфилософского подхода к естествознанию, догматического навязывания ему умозрительной схематики. По мере изживания этих недостатков совершенствовалось, углублялось творческое взаимопонимание философов и естественников, укреплялся союз философии и естествознания.

После дискуссии все большее место в работах советских философов стали занимать вопросы исторического материализма. В 20-е годы этой проблематике уделялось недостаточно внимания представителями «деборинской школы»; в той мере, в которой эти вопросы ею поднимались, они затрагивались преимущественно в общеметодологическом плане. Следует, однако, отметить, что партийная печать, многие ученые-марксисты остро критиковали уже тогда в своих лекциях и работах религиозно-мистическое, неокантианское, позитивистское и другие направления буржуазной социологии, а также антинаучные концепции идеологов мелкобуржуазных партий — меньшевиков, эсеров и анархистов, ревизионистские и оппортунистические взгляды. Немало делалось для развенчания попыток биологизации социальных процессов, критики их истолкования в духе богдановской «организационной науки», «теории равновесия» и т. п.

ние на строго научной основе ленинского принципа партийности философии является, вопреки измышлениям буржуазных идеологов, необходимым условием развития научного мировоззрения и социалистической культуры.

Значительное место в работах философов занимали в указанный период такие проблемы материалистического понимания истории, как характер и смена социально-экономических формаций, диалектика производительных сил и производственных отношений, закономерности классовой борьбы и социалистической революции, базис и надстройка, общественное бытие и общественное сознание и др. Немало работ было посвящено различным аспектам государства и права, семейно-бытовых отношений, воспитания коммунистической морали.

Одним из важных участков идеологической борьбы в переходный период была критика современной буржуазной философии, развернувшаяся с первых послеоктябрьских лет. Большой заслугой марксистов СССР является то, что уже в начальный период становления советской философской науки они дали решительный бой наиболее реакционным представителям русской и зарубежной идеалистической философии. Естественно, что вначале критика буржуазной философии XX в. имела во многом фрагментарный и спорадический характер,— иностранная литература поступала нерегулярно, не было возможности систематически ее изучать. Тем не менее в ряде выступлений советских ученых (В. Ф. Асмуса, Л. И. Аксельрод, Г. К. Баммеля, В. А. Быстрянского, А. М. Деборина, И. К. Луппола, В. И. Невского, Е. П. Ситковского и других) были подвергнуты критическому анализу «модные» направления буржуазной мысли. Критика современных буржуазно-идеалистических систем и направлений составляет одну из ценных традиций, характеризующих весь путь, пройденный советской философской наукой [22]. Столь

[22] Критика советскими авторами современной буржуазной философии и философского ревизионизма рассматривается во 2-й книге настоящего тома. Назовем здесь лишь некоторые работы 20—30-х годов, направленные против современной буржуазной философии: *Невский В.* Диалектический материализм и философия мировой реакции.— В кн.: В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. М., 1920; *Он же.* Нострдамусы XX века.— Под знаменем марксизма, 1922, № 4; *Он же.* Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией.— Там же, 1922, № 7/8; *Баммель Г.* Сумерки идеалистической философии.— Печать и революция, 1922, кн. 7; *Он же.* Идеализм на пути самоупразднения: (Из очерков о современной философии Запада).— Там же, 1923, кн. 2, 4; *Он же.* Гегель и современная буржуазная философия.— В кн.: Гегель и диалектический материализм. М., 1932; *Быстрянский В.* Покушение с негодными средствами.— Книга и революция, 1922, № 4 (16); *Деборин А.* Гибель Европы или торжество империализма?— Под знаменем марксизма, 1922, № 1/2; *Аксельрод Л.* Против идеализма: Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. М., 1922; *Она же.* Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории. Ив.-Вознесенск, 1924, вып. 1; *Луппол И.* Новое средневековье: К характеристике современного феодального социализма.— Под знаменем марксизма, 1926, № 12; *Асмус В.* Алогизм Уильяма Джемса.— Под знаменем марксизма, 1927, № 7/8; *Он же.* Маркс и буржуазный историзм. М.: Л., 1933; *Звенигородцев Н.* Гегель и современные неогегельянцы.— Под знаменем марксизма, 1928, № 6; *Спокойный Л.* Гносеологические и методологические воззрения Г. Риккерта.— Записки научного общества марксистов, 1928, № 1 (9); Современная буржуазная философия/Под ред. Г. С. Тымянского и М. А. Ширвиндта. Л., 1930; *Ситковский Е. П.* Неокантианство.— В кн.: Из истории философии XIX века. Л., 1933.

же необходимой традицией является борьба с ревизионизмом, его философскими основами. В работах Д. З. Мануильского, Е. М. Ярославского, И. Разумовского, Е. Пашуканиса, М. Селектора, М. М. Фурщика и др. были подвергнуты критике различные проявления социал-реформизма, другие антиленинские воззрения [23].

Крупнейшей заслугой КПСС и коммунистических партий других стран, советских и зарубежных марксистов является то, что вскоре после появления фашизма на Западе ими была развернута против него решительная борьба. В. И. Ленин еще в начале 20-х годов указывал на важность этой борьбы [24]. Критика реакционной фашистской политики и идеологии содержится в трудах и выступлениях А. Грамши, Г. Димитрова, Р. Палм-Датта, М. И. Калинина, О. В. Куусинена, Д. Мануильского, В. Пика, И. В. Сталина, Э. Тельмана, П. Тольятти, М. Тореза, Е. М. Ярославского и других деятелей мирового коммунистического движения.

Анализу истоков фашизма, его связи с общим кризисом капиталистической системы уделялось большое внимание в материалах съездов Коммунистической партии Советского Союза, конгрессов Коминтерна. XI съезд партии, призывая к борьбе с контрреволюционным фашистским террором, подчеркивал необходимость сплочения всех демократических сил, в первую очередь международного пролетариата. Отмечая, что фашизм есть орудие насильственного подавления рабочего класса, IV конгресс Коминтерна (1922 г.) показал, что острие фашистской тирании направлено против основ демократии вообще. Важнейшая задача коммунистических партий в этих условиях — всемерное усиление борьбы с фашизмом на основе тактики единого фронта. Пути и формы этой борьбы обосновывались на V и VI конгрессах Коминтерна, III расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна, его XII и XIII пленумах. XIII Пленум ИККИ охарактеризовал фашизм как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала [25].

Особенно значительную роль в мобилизации масс на борьбу с фашизмом, в предупреждении народов об угрозе всеобщему миру

[23] Сошлемся на некоторые работы по этой проблематике, относящиеся к переходному периоду: *Баммель Г.* Философский метод Ленина и некоторые черты современного ревизионизма.— Воинствующий материалист, 1924, № 2; *Деборин А.* Лукач Г. и его критика марксизма.— Под знаменем марксизма, 1924, № 6/7; *Он же.* Карл Маркс и современность. М., 1925; *Он же.* Диалектический материализм и социал-демократия. М., 1934; *Пашуканис Е., Разумовский И.* Новейшие открытия К. Каутского. М., 1929; *Разумовский И.* Борьба с международным ревизионизмом на философском фронте.— Под знаменем марксизма, 1930, № 5; *Быховский Б.* Макс Адлер за работой.— Там же, 1936, № 7/8; *Он же.* Враги и фальсификаторы марксизма. М.; Л., 1933; *Мануильский Д.* Очередные откровения г-на Отто Бауэра.— Большевик, 1933, № 1/2; *Фурщик М.* Философия марксизма и современная социал-демократия. М.; Л., 1936.

[24] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 59; т. 53, с. 112; т. 54, с. 117, 310.

[25] См.: *Димитров Г.* В борьбе за единый фронт против фашизма и войны: Статьи и речи. М., 1937, с. 6.

со стороны фашизма сыграл VII конгресс Коминтерна (1935 г.). Германский фашизм был заклеймен как главный поджигатель новой мировой войны, злейший враг Советского Союза и всех трудящихся. Конгресс разъяснил недопустимость имевшего место в конце 20-х — начале 30-х годов игнорирования принципиального различия между фашизмом и буржуазной демократией, существенной их противоположности, призвал к единству действий международного пролетариата и объединению всех прогрессивных сил в борьбе против фашизма и угрозы новой мировой войны. Разработка VII конгрессом Коминтерна широкой платформы борьбы с фашизмом имела огромное международное значение.

В докладе Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» на VII Всемирном конгрессе Коминтерна (2 августа 1935 г.) особый раздел был посвящен задачам идеологической борьбы с фашизмом. Указав на беспардонное «перетряхивание» фашистами истории народов, ее грубейшие искажения, докладчик подчеркнул необходимость противопоставить фашистским фальсификаторам истории ее правдивое марксистско-ленинское освещение, увязывая современную борьбу с революционными традициями. «*Нас касается*,— говорил он,— *всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого нашего собственного народа*... Мы, коммунисты,— *непримиримые, принципиальные противники* буржуазного национализма во всех его разновидностях. Но мы *не сторонники национального нигилизма* и никогда не должны выступать в качестве таковых. Задача воспитания рабочих и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма — это одна из основных задач всякой коммунистической партии. Но тот, кто думает, что это позволяет ему и даже заставляет плевать на все национальные чувства широких трудящихся масс, тот далек от подлинного большевизма, ничего не понял в учении Ленина по национальному вопросу»[26]. Г. Димитровым отмечалось огромное значение статьи В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов», ленинских указаний о диалектической связи чувства национальной гордости с революционным самосознанием масс, марксистским мировоззрением, воспитанием трудящихся в духе пролетарского интернационализма. «Пролетарский интернационализм,— говорил Г. Димитров,— должен, так сказать, „акклиматизироваться“ в каждой стране, чтобы пустить глубокие корни на родной земле. *Национальные формы* пролетарской классовой борьбы и рабочего движения отдельных стран не противоречат пролетарскому интернационализму, напротив, именно в этих формах можно с успехом отстаивать и *международные интересы пролетариата*»[27]. Социалистическая революция означает спасение нации, открывает ей путь к

[26] *Димитров Г.* Избр. произведения (1906—1937). София, 1967, т. 1, с. 671—672.
[27] Там же, с. 673.

высшему подъему. «Революционный пролетариат борется за спасение культуры народа, за ее освобождение от оков загнивающего монополистического капитала, от варварского фашизма, насилующего ее. *Только* пролетарская революция может предотвратить гибель культуры, поднять ее до высшего расцвета как подлинно народную культуру, *национальную по форме и социалистическую по содержанию*, что на наших глазах осуществляется в Союзе Советских Социалистических Республик»[28]. Д. З. Мануильский в докладе о международном значении победы социализма в СССР противопоставлял гуманизм социалистических общественных отношений, в центре которых находится человек, забота о людях-строителях нового общества, человеконенавистнической идеологии и практике фашизма. «Только теперь,— говорил он,— мы можем поставить перед собой во всю величину в центре всех наших помыслов и дел заботу о человеке. Человек— не навоз истории, как это провозглашает фашизм, человеческая масса — не объект для кнута фашистского капрала, вообразившего себя ницшеанским сверхчеловеком... Человек — творец социализма, создатель нового общественного строя»[29].

Активное участие в борьбе с фашизмом, его расистскими «теориями» принимали партийная пресса (газета «Правда», журнал «Большевик», другие органы печати) и советские ученые, в том числе философы. Критика фашизма проводилась и в учебных курсах, в частности в Комуниверситете им. Я. М. Свердлова[30]. В 20—30-е годы советскими авторами было опубликовано немало работ, направленных против фашизма[31].

Традиции борьбы с фашизмом, разоблачения его антинародной сущности, антинаучной и бесчеловечной расовой теории и практики сохраняют всю свою актуальность и в настоящее время.

Рассмотрение реального хода развития марксистской философской мысли в СССР в переходный период от капитализма к социализму показывает, что этот процесс, протекавший в чрезвычайно сложных условиях невиданных по глубине и размаху социалистических преобразований, неотделим от острой классовой борьбы меж-

[28] *Димитров Г.* Избр. произведения (1906—1937). София, 1967, т. 1, с. 673—674.

[29] *Мануильский Д. З.* Итоги социалистического строительства в СССР. М., 1935, с. 20.

[30] См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 5221, оп. 12, ед. хр. 26, л. 130.

[31] См.: *Ярославский Е.* Процесс германских фашистов. М.; Л., 1925; *Пашуканис Е.* К характеристике фашистской диктатуры.— Вестн. Ком. акад. 1927, кн. XIX; *Сандомирский Г.* Теория и тактика европейского фашизма. М., 1929; *Чернышев Б. С.* Современный идеолог фашизма (Дж. Джентиле).— Под знаменем марксизма, 1931, № 4/5; *Аржанов М. А.* Гегельянство на службе германского фашизма: Критика неогегельянских теорий национализма. М., 1933; *Бернадинер С. З.* Философия Ницше и фашизм. М.; Л., 1934; *Вольфсон С. Я.* Расовые корни и классовая борьба.— Под знаменем марксизма, 1934; *Звавич И.* Геополитика и фашизм.— Вестн. Коммунистической академии, 1934, № 1; Против фашистского мракобесия и демагогии. М., 1936; *Генри Э.* Гитлер над Европой М., 1935; *Он же.* Гитлер против СССР: Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. М.; Л., 1938, и др.

ду социализмом и империализмом в мировом масштабе. Это развитие неуклонно шло по пути углубления ленинских философских традиций.

Важнейшая роль в разработке и творческом применении марксистской диалектики в условиях борьбы за социализм принадлежит В. И. Ленину, его соратникам, Коммунистической партии Советского Союза. В. И. Лениным, внесшим решающий вклад в марксистскую философскую науку, Коммунистической партией Советского Союза были подняты и новаторски решены краеугольные проблемы современной эпохи — вопросы построения социалистического общества и формирования нового человека, задачи революционного обновления мира. «Когда страна вступила на путь величайших преобразований,— говорил В. И. Ленин,— тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется... Этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание»[32].

Острейшая борьба между диалектико-материалистическим мировоззрением и буржуазной идеологией, ревизионизмом, различными оппортунистическими воззрениями, протекавшая в условиях переходного периода, завершилась полной победой ленинизма.

Вторая половина 30-х годов ознаменовалась началом нового исторического периода в жизни нашей страны. Советский народ под руководством Коммунистической партии добился крупных успехов в развитии экономики и культуры, во всей социальной и духовной жизни. Была решена задача всемирно-исторического значения — в СССР было в основном построено социалистическое общество. «Новый строй впервые в истории человечества утвердил общественную собственность на средства производства, покончил с классовыми и национальными антагонизмами, эксплуатацией и безработицей, принес подлинную свободу, поставил на службу трудящимся достижения материальной и духовной культуры. С завершением переходного периода от капитализма к социализму и упрочением социалистического уклада жизни в стране сложились отношения равноправия, коллективизма и товарищеской взаимопомощи, утвердилось морально-политическое единство народа, марксизм-ленинизм стал господствующей идеологией советского общества»[33].

Ликвидация эксплуататорских классов и уничтожение эксплуатации человека человеком, успешное осуществление ленинского пла-

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 383.

[33] О 80-летии Второго съезда РСДРП: Постановление ЦК КПСС от 31 марта 1983 года.— Коммунист, 1983, № 6, с. 4.

на социалистической культурной революции, развитие и укрепление новых движущих сил общественного развития — все эти великие итоги революционных преобразований были закреплены в Конституции СССР, принятой в декабре 1936 г. Чрезвычайным VIII съездом Советов.

Конституция СССР явилась не только юридическим, законодательным документом, но имела и большое политическое и теоретическое значение. Она утвердила социалистические основы общественной и государственной организации СССР, привела политическую надстройку в соответствие с социалистическим базисом. В этом документе была подтверждена великая сила единства партии и народа, марксистско-ленинской теории и практики.

Советское общество вступило в период строительства развитого социализма.

В новых исторических условиях перед партией, советскими учеными закономерно встали новые задачи по дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории, по теоретическому обобщению опыта социалистических преобразований, обоснованию путей завершения социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму. Решающие установки об основном направлении этого развития были, как всегда, даны Коммунистической партией.

В постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“» от 14 ноября 1938 г. подчеркивалось значение обобщения опыта партии и вооружения ее членов марксистско-ленинской теорией, знанием законов общественного развития и политической борьбы; единство, целостность и преемственность развития учения Маркса, Энгельса и Ленина; органическая связь марксистской философии с политикой партии; правильность и жизненность марксизма-ленинизма, развивающегося и обогащающегося в тесной связи с практикой, на основе изучения опыта классовой борьбы и социалистического строительства. Постановление ЦК ВКП(б) призывало теоретических работников покончить с боязнью смелой постановки новых вопросов, буквоедством, начетничеством, схоластикой, упрощенчеством.

XVIII съезд партии, состоявшийся в марте 1939 г., указал на огромное, всевозрастающее значение коммунистического воспитания трудящихся в связи со вступлением страны в полосу завершения социалистического строительства. В материалах съезда получили дальнейшую разработку вопросы о преимуществах социализма перед капитализмом, выявившихся в ходе исторического соревнования между противоположными социальными системами; о глубоких изменениях, происшедших в рабочем классе, крестьянстве и интеллигенции, о процессе постепенного стирания классовых граней в советском обществе и создании его морально-политического единства; о совершенствовании политической организации советского общества, о главных этапах развития, основных функциях Совет-

ского государства и необходимости его дальнейшего укрепления. На съезде была разоблачена реакционная сущность фашистской диктатуры, установившейся в Германии, Италии и ряде других стран, подчеркивалась опасность империалистических войн, необходимость усиления оборонной мощи страны социализма, воспитания советского патриотизма.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война — самое тяжелое испытание из всех, когда-либо пережитых нашей Родиной. Советско-германский фронт стал главным фронтом второй мировой войны, на нем решались судьбы не только первого в мире социалистического государства, но и всего человечества. Вдохновителем и организатором борьбы советского народа и его Вооруженных Сил против фашистских захватчиков была Коммунистическая партия Советского Союза. В армию влились тысячи партийных работников. По решению Центрального Комитета партии в начальный период войны в Вооруженные Силы СССР было направлено 500 секретарей ЦК компартий республик, краевых и областных комитетов, горкомов и райкомов, 270 ответственных работников ЦК, 1265 работников областного и районного звена, входящих в номенклатуру ЦК. К концу 1944 г. в Советской Армии и Флоте находилось более 2 млн. членов партии и около 1 млн. кандидатов.

В труднейших условиях войны партия мобилизовала все материальные и духовные силы народа на борьбу с врагом, обеспечила перевод народного хозяйства на военные рельсы, превращение всей страны в единый боевой лагерь. Могущественным оружием завоевания победы явилась идейно-политическая работа партии, воспитание советских воинов и всего нашего народа в духе советского патриотизма, ленинских идей защиты социалистического Отечества, непоколебимой убежденности в правоте нашего дела, в победе над агрессорами. Овладев сознанием масс, идеи советского социалистического патриотизма стали реальной животворной силой, нашли свое действенное выражение в невиданной стойкости, мужестве, массовом героизме советских людей.

Победа в Великой Отечественной войне, одержанная благодаря этому беспримерному героизму, была победой социалистического общественного и государственного строя, марксистско-ленинской идеологии, победой советского патриотизма и социалистического интернационализма над самой реакционнейшей силой империализма — фашизмом, над его идеологией мракобесия и человеконенавистничества, расизма и милитаризма. Бессмертный гражданский, патриотический подвиг, совершенный советским народом под руководством Коммунистической партии, имел всемирно-историческое значение, воочию показал превосходство социализма над капитализмом. Разгром германского и итальянского фашизма, японского милитаризма, являвшихся ударными силами мирового империализма, осуществление Советской Армией своей освободительной миссии в решающей мере содействовали успеху антиимпериалистиче-

ских революций в ряде европейских и азиатских стран. Социализм вышел за пределы одной страны, сложилась мировая социалистическая система, ставшая авангардом прогрессивного развития человечества.

Значительная часть советских философов участвовала в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, многие пали смертью храбрых. Центр тяжести идеологической, в том числе теоретически-пропагандистской, работы в философии передвинулся в ходе войны на наиболее актуальные вопросы, связанные с борьбой за победу в Великой Отечественной войне: о советском патриотизме, как новом, высшем типе патриотизма, о героическом прошлом русского и других народов СССР, их традициях борьбы с иноземными захватчиками, о роли морально-политического фактора в войне, источниках силы советского народа, о роли Коммунистической партии в борьбе против фашистских агрессоров, укреплении мощи Советской страны, освободительной миссии советского народа и др. Философы СССР принимали активное участие в проводимом партией всестороннем разоблачении фашизма, идеологии расовой ненависти и ее предпосылок — ницшеанства, неомальтузианства, геополитических и тому подобных реакционных воззрений.

Весьма актуальное значение имел выход во время Великой Отечественной войны тематических сборников произведений В. И. Ленина «О защите социалистического отечества», «Военная переписка 1917—1920» и др. Большую роль в мобилизации всех сил советского народа на победу над врагом, в разоблачении фашистской идеологии, в морально-политическом и военном разгроме фашизма играли выступления в ходе войны руководящих партийных и государственных деятелей Советского Союза — И. В. Сталина (собранные в книге «О Великой Отечественной войне Советского Союза»), А. А. Жданова, М. И. Калинина, Д. З. Мануильского, А. С. Щербакова, Н. А. Вознесенского, Е. М. Ярославского, выступления старых большевиков, видных деятелей международного коммунистического движения [34].

[34] Упомянем антифашистские работы советских философов, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны: *Александров Г.* Фашизм — лютый враг человечества. М., 1941; *Он же.* Библия людоедов. М., 1942; *Асмус В.* Фашистские фальсификаторы классической немецкой философии. М., 1941; *Кедров Б.* Поход фашистских мракобесов против культуры.— Под знаменем марксизма, 1941, № 6/7; *Константинов Ф.* За родину, за честь, за свободу. М., 1941; *Бернадинер Б.* Фашизм — режим террора и насилия. Воронеж, 1941; *Быховский Б.* Дипломированные лакеи фашизма: (Фашизм и философия).— Под знаменем марксизма, 1941, № 9/10; *Он же.* В поисках предков: (Фашизм и Лягард).— Под знаменем марксизма, 1942, № 5/6; *Он же.* Ницше и фашизм.— Под знаменем марксизма, 1942, № 8/9; *Он же.* Фельдфебели в Вольтерах: (Фашизм и философия). М., 1943; *Гак Г.* Партия оголтелых империалистов под кличкой «национал-социалистов».— Под знаменем марксизма, 1942, № 7, с. 86; *Он же.* Партия большевиков — вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков.— Там же, № 12; *Иовчук М.* О преподавании марксизма-ленинизма в вузах в условиях Отечественной войны. Ашхабад, 1943; *Он же.* Морально-политическое поражение гитлеровской Германии в ходе войны. М., 1945; *Максимов А.* Гитлеризм — разрушитель научных достижений человечест-

После окончания войны сложились более благоприятные условия для научно-теоретической, в том числе философской, работы. Вузовские кафедры пополнились большим количеством вернувшихся из армии специалистов. Существенно укрепились материальные, организационные и кадровые предпосылки развития философской науки.

В условиях острой идеологической борьбы, развернувшейся в послевоенные годы на международной арене между социалистической и капиталистической системами, партия ориентировала советских философов на неразрывную связь их научно-исследовательской, преподавательской и пропагандистской деятельности с потребностями развития социалистического общества и революционных преобразований в современном мире, на последовательное проведение принципа партийности, на нетерпимость к любым проявлениям чуждых идеологических влияний. Еще во время войны, в 1944 г., было принято Постановление Центрального Комитета партии о недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. в связи с выходом III тома «Истории философии». Это в основе своей ценное научное издание, подготавливавшееся Институтом философии АН СССР в предвоенный период, вышло в 3-х томах и осталось незавершенным. В постановлении указывалось, что в III томе этого труда недостаточно выявлена принципиальная противоположность марксистского диалектического метода идеалистической диалектике Гегеля, не подвергнуты основательной критике реакционные социально-политические идеи в немецкой идеалистической философии и др. Постановление Центрального Комитета партии обращало внимание философов, всех работников в области общественных наук на постоянную необходимость выяснения непримиримой противоположности буржуазного и коммунистического мировоззрения.

Огромное значение приобрел в послевоенные годы общий подъем идеологической работы в СССР. Резко усилились идеологиче-

ва.— Под знаменем марксизма, 1942, № 4; *Митин М.* Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков. М., 1942; *Он же.* В. И. Ленин о защите социалистического Отечества. Фрунзе, 1942; *Он же.* Моральное состояние германского тыла и германской армии. М., 1942; *Он же.* Ненавидеть врага всеми силами души. М., 1942; *Он же.* Военные заветы Ленина. М., 1943; *Он же.* Победа идеологии дружбы народов над идеологией звериного национализма фашистов. М., 1944; *Розенталь М.* Лицо и маска фашизма. М., 1942; *Федосеев П.* Война против гитлеровской Германии — освободительная, справедливая война. М., 1942; *Он же.* Великая освободительная сила Красной Армии. М., 1944; *Он же.* Гитлеровцы — злейшие враги нашей Родины и всех свободолюбивых народов. М., 1945; *Фогараши Б.* Германский фашизм — враг культуры. М., 1942; *Юдин П.* Раздавить фашистскую гадину! М., 1941; *Он же.* Кто такие «национал-социалисты»: (Германский фашизм). М., 1942. Необходимо также отметить активное участие в годы Великой Отечественной войны советских философов, как и других советских патриотов, в центральной, республиканской и областной периодике, во фронтовых и армейских газетах и т. д.

ские диверсии наиболее воинствующих сил империалистических государств против Советского Союза как главного оплота мирового социализма. Реакционные круги развернули «холодную войну» против нашей страны и ее друзей. Широко пользуясь арсеналом клеветы и дезинформации, пропагандистские центры империализма старались оболгать, дискредитировать советский общественный и государственный строй, отравить молодежь, интеллигенцию ядом реакционных идей, посеять в среде трудящихся настроения пессимизма, неверия в перспективы коммунистического строительства. Этой враждебной пропаганде нужно было дать надлежащий отпор.

Решая новые экономические, политические, культурные задачи внутри страны, народ и партия столкнулись с огромными трудностями восстановления разрушенного войной народного хозяйства, возрождения превращенных в руины городов и сел.

В этой сложной обстановке необычайно возрастала роль коммунистического воспитания, повышения сознательности, идейности строителей нового общества, развертывания решительной борьбы против буржуазной идеологии, против любых отступлений от принципов марксизма-ленинизма. Необходимо было поднять уровень идеологической работы в целом, ликвидировать ее отставание от решаемых партией и народом задач социалистического строительства. Коммунистическая партия уделяла этому вопросу первостепенное внимание.

Идейно-теоретическая деятельность партии опиралась, как и всегда, на принципы марксистско-ленинского учения, воплощенные в трудах классиков научного коммунизма, в партийных документах. Сразу же после войны был возобновлен выпуск очередных томов 4-го издания собрания Сочинений В. И. Ленина. В 1946—1950 гг. вышло в свет 1196 изданий произведений Маркса, Энгельса, Ленина, общий тираж которых составил около 70 млн. экземпляров, причем 764 издания из их общего числа — тиражом, превышающим 11,5 млн. экземпляров,— было опубликовано на языках народов СССР (не считая русского)[35].

В стране была развернута широкая сеть политического просвещения: партийные школы, вечерние университеты марксизма-ленинизма, постоянно действующие лектории при Домах и Дворцах культуры, семинары и т. п. Активизировалась политико-воспитательная работа в массах. Особенно возрос ее масштаб после создания в 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Важнейшими центрами подготовки партийных кадров стали Академия общественных наук и Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). В этом же направлении оказы-

[35] См.: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1980, т. 5, кн. 2, с. 233.

вали свое влияние научные дискуссии, проводившиеся по инициативе ЦК партии в области философии (1947), языкознания (1950) и политической экономии (1951).

В ходе философской дискуссии, которая развернулась в 1947 г. в связи с обсуждением книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», подчеркивалась коренная противоположность буржуазного и марксистского мировоззрения, недопустимость каких-либо проявлений объективизма, беззубого отношения к философским противникам, отступлений от классового подхода к общественным явлениям. В выступлении члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК партии А. А. Жданова и других участников дискуссии большое внимание было обращено на необходимость последовательного проведения ленинского принципа партийности, органической связи философии с жизнью, глубокого исследования диалектики развития социализма, дальнейшей творческой разработки теории советского общества и государства, философских основ современного естествознания и обществознания, этики и эстетики. Рассматривая широкий круг историко-философских проблем, участники дискуссии подвергли анализу принципиальное отличие диалектического и исторического материализма от предшествующих философских концепций, отмечали его неразрывную связь с революционным пролетарским движением, обосновывали положение о том, что возникновение марксизма означало революционный переворот в науке, в общественном сознании.

На дискуссии указывалось, что особенности современной международной обстановки требуют усиления борьбы против реакционной идеалистической философии и буржуазной идеологии вообще. Философская дискуссия 1947 г. сыграла положительную роль, хотя не все затронутые в ней вопросы получили надлежащее решение,— в ряде выступлений, например, сказалась недооценка преемственности в истории философии, роли философских предшественников марксизма.

Большое значение приобретала в рассматриваемый период и задача неуклонного осуществления ленинского завета о развертывании научно-атеистической пропаганды. Военные и послевоенные годы ознаменовались оживлением религиозных настроений. Это было связано с объективными обстоятельствами: огромные потери, причиненные войной, тягчайшие испытания, выпавшие на долю масс людей, включая женщин, детей, стариков, сделали определенную часть из них чувствительными к религиозной проповеди, чем старались воспользоваться в своих целях противники советского строя. К этому надо добавить массовые миграции населения из одних районов страны в другие, приток в города большого числа выходцев из сельских местностей, естественный процесс омоложения кадров. Все это диктовало необходимость дальнейшего подъема идейно-воспитательной работы. Активная помощь людям, попавшим под влияние религии, в освобождении их от религиозных

предрассудков приобретала большую актуальность. Исходя из указаний В. И. Ленина о том, что воинствующий материализм должен быть и воинствующим атеизмом, Коммунистическая партия ориентировала научные и пропагандистские кадры на настойчивое и умелое проведение антирелигиозного просвещения масс, их научно-атеистическое воспитание, добиваясь обеспечения высокого уровня этой работы, проведения ее в выдержанных, корректных формах. В постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» отмечалось: «Необходимо помнить указание В. И. Ленина о том, что мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей партии, что партия не может и не должна безразлично относиться к бессознательности, темноте, мракобесию в виде религиозных верований, что пропаганда атеизма должна составлять одну из отраслей партийной работы»[36]. Отличаясь настойчивостью и систематичностью, атеистическая деятельность должна вместе с тем последовательно придерживаться метода убеждения, терпеливого разъяснения, индивидуального подхода к верующим. Основу этой работы призваны составлять пропаганда естественнонаучных знаний, разъяснение строения Вселенной, законов природы, происхождения жизни и человека на Земле и т. д.

Задачи атеистической работы подчеркивались и в постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Успехи, достигнутые на пути освобождения миллионов трудящихся от религиозных предрассудков, анализируются здесь в свете материалистического понимания истории, в тесной связи с социалистическим преобразованием общественных отношений. «В результате глубоких изменений социально-экономических условий жизни, ликвидации эксплуататорских классов, победы социализма в СССР, в результате успешного развития науки и общего роста уровня культуры страны большинство населения Советского Союза давно уже освободилось от религиозных пережитков; неизмеримо выросла сознательность трудящихся. Вместе с тем нельзя не учитывать того, что имеются и граждане, которые, активно участвуя в жизни страны и честно выполняя перед Родиной свой гражданский долг, находятся еще под влиянием различного рода религиозных верований. К этим верующим людям партия всегда требовала и впредь будет требовать чуткого, внимательного отношения... Глубокая, терпеливая, умело поставленная научно-атеистическая пропаганда среди верующих поможет им в конце концов освободиться от религиозных заблуждений»[37]. Борьбу против религиозных суеверий следует рассмат-

[36] Вопросы идеологической работы: Сборник важнейших решений КПСС (1954—1961 годы). М., 1961, с. 63.

[37] Там же, с. 73.

ривать в мировоззренческом плане, как борьбу научно-материалистического мировоззрения против антинаучного, религиозного мировоззрения, ибо это — органическая составная часть коммунистического воспитания трудящихся[38].

В целях более глубокого и систематического исследования философских проблем научного атеизма в 1964 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС был создан Институт научного атеизма. Изменившиеся в связи с этим характер и направление антирелигиозной работы, конкретизирующие применительно к новым условиям положения программной ленинской статьи «О значении воинствующего материализма», имели большое значение и в деле пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения в целом.

В соответствии с партийными решениями центром научно-исследовательской работы в стране в области философии призван был стать Институт философии АН СССР. Ко времени вхождения в систему Академии наук институтом была пройдена немалая история. С 1927 г. непосредственно объединяющую и координирующую роль в области философии играла Философская секция Коммунистической академии. В конце 1928 г. с ней был объединен Институт научной философии РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). В 1929 г. Философская секция Коммунистической академии преобразуется в Институт философии при Коммунистической академии. В 1931 г. туда вливается Институт красной профессуры философии и естествознания. В 1936 г. вместе с другими учреждениями Коммунистической академии Институт философии вошел в состав Академии наук СССР[39]. На этот институт возлагаются обязанности исследовать и освещать актуальные вопросы марксистско-ленинской философии, разрабатывать философское наследие В. И. Ленина, готовить учебники по основным отраслям философской науки: диалектическому и историческому материализму, философским проблемам естествознания, научному атеизму, этике, эстетике, истории философии, логике, объединять философские кадры, координировать их деятельность, готовить научную смену, проводить обсуждения философских работ и дискуссии по сложным и спорным теоретическим вопросам.

Одной из характерных особенностей философской жизни в СССР в период упрочения и развития социализма было широкое распространение идей марксистско-ленинского мировоззрения,— это стало особенно очевидно после победоносного завершения войны. Институты философии, Институты философии и права или подразделения

[38] Вопросы идеологической работы: Сборник важнейших решений КПСС (1954—1961 годы). М., 1961, с. 74.

[39] См.: К юбилею Института философии АН СССР.— Вопр. философии, 1979, № 5, с. 21.

философии были созданы почти во всех республиканских академиях. Одновременно с этим повсеместно восстанавливались или создавались кафедры философии в университетах. Росли многочисленные кадры теоретических работников в области философии.

Взамен переставшего выходить в 1944 г. журнала «Под знаменем марксизма» в 1947 г. был создан новый печатный орган — журнал Института философии АН СССР «Вопросы философии», на страницах которого развернулось обсуждение ряда актуальных проблем. Кроме того, в 1946—1953 гг. Институтом философии АН СССР издавались «Философские записки» (т. I—VI).

Но развитие философской науки в СССР отнюдь не было плавным, бесконфликтным процессом, полностью отвечающим по своему уровню высоким требованиям науки.

К обычным трудностям, которые, как свидетельствует многовековая история познания, неизбежно возникают в ходе развития науки, добавились в 30-х — начале 50-х годов серьезные трудности и ошибки, обусловленные влиянием культа личности Сталина.

«И. В. Сталин, находясь на посту Генерального секретаря ЦК партии, вместе с другими руководящими деятелями партии и Советского государства активно боролся за осуществление социалистических преобразований в СССР. Как теоретик и организатор, он возглавлял борьбу против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения. У И. В. Сталина были крупные заслуги не только в обеспечении победы социализма в СССР, но и в развитии мирового коммунистического и освободительного движения»[39а]. Однако культ личности принес большой вред партии, народу, делу социалистического строительства. Он привел к нарушению ленинских норм партийной и государственной жизни, принципа коллективности руководства, социалистической законности. Но он не мог нарушить действия объективных законов социализма, изменить характер советского строя, поколебать основы партии.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС. Он обязал «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным»[40]. Преодоление партией после XX съезда КПСС культа личности весьма благотворно сказалось на всей общеполитической и идеологической обстановке в стране, дало сильный толчок развитию науки, в том числе исследовательской работе в области

[39а] История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 7-е. М., 1984, с. 542.
[40] КПСС в резолюциях и решениях... М., 1960, т. 4, с. 208.

диалектического и исторического материализма, новым творческим поискам.

В партийной, научной, в том числе и философской, литературе, выпущенной в СССР, убедительно опровергаются утверждения современных буржуазных фальсификаторов истории марксистской философии, будто бы период с 30-х до конца 50-х годов характеризуется ее абсолютным застоем. Советскими авторами показано, что, несмотря на все трудности, с которыми сталкивалась исследовательская мысль тех лет, ее характеризуют постоянное обращение к первоисточникам марксистского мировоззрения — гениальным трудам Маркса, Энгельса и Ленина, обобщение опыта развития науки и социального развития, постановка новых теоретических вопросов, движение вперед.

Большую роль в развитии марксистской философии в СССР играло в эти годы расширение и укрепление источниковедческой базы: в 1947 г. завершилось издание первого собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса; с середины 50-х годов начало выходить новое, расширенное пятидесятитомное издание их трудов; публиковалось 4-е издание произведений В. И. Ленина. В 1933 г. вышли отдельной книгой и затем неоднократно переиздавались «Философские тетради» В. И. Ленина. Впервые увидели свет и были введены в широкий научный оборот и другие ленинские материалы, представляющие большой философский интерес, например замечания В. И. Ленина на полях книги В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» и др.

Много внимания уделяли советские философы в 30—50-х годах пропаганде основ марксистской философии, приобщению к ним широкого круга читателей и слушателей, представлявших, по существу, все слои трудящихся в СССР. Появились и получили распространение новые, более тесно связанные с насущными задачами партии учебные пособия по диалектическому и историческому материализму: «Исторический материализм» под ред. Ф. В. Константинова (М., 1950), «Марксистский диалектический метод» М. М. Розенталя (М., 1951), «Диалектический материализм» М. Н. Руткевича (М., 1959), «Диалектический материализм» И. Д. Панцхавы (М., 1959), «Диалектический материализм» И. Д. Андреева (М., 1960), «Основы марксистской философии» под ред. Ф. В. Константинова (М., 1959).

В 1954 г. вышел 4-м изданием «Краткий философский словарь» под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина.

В результате поворота деятельности советских философов к актуальным вопросам борьбы за социализм основным направлением их научно-исследовательских интересов стала разработка ленинского философского наследия. Специальным объектом исследования явились основополагающие философские труды В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а затем «Философские тетради», ленинская критика неокантианства, эмпириокритицизма, эм-

пириомонизма и других направлений буржуазной философии, влияние ленинских философских идей на современное естествознание и общественные науки [41].

Одним из основных объектов дальнейшей разработки ленинского философского наследия стала теория отражения. В работах советских и зарубежных марксистов отмечалось, что, хотя в своих исходных положениях эта теория имеет общематериалистический характер, поскольку принцип отражения необходимо вытекает из материалистического решения основного вопроса философии, тем не менее марксистско-ленинская теория отражения качественно отличается от предшествующих ступеней развития материалистической теории познания, представляет собой высшую ступень в развитии материалистической гносеологии. Это связано с последовательным применением классиками марксизма-ленинизма диалектики к познанию, а равным образом с тем, что познавательный процесс исследовался ими на базе материалистического понимания истории, без чего было бы невозможно научное выявление роли общественно-исторической практики, диалектики соотношения субъекта и объекта и т. д. Коренное отличие марксистского понимания отражения, его решающее преимущество состоят в том, что речь идет здесь не о пассивно-созерцательном, мертвенно-зеркальном отражении предметов и явлений, а об активном и творческом, сложном, диалектически всестороннем воспроизведении человеческим сознанием развивающейся объективной действительности, о познании как процессе, его действенном и творческом характере. Особенно велики в научном исследовании этой сложности, противоречивости, активности познавательного процесса заслуги В. И. Ленина.

Ощутимый толчок к развертыванию дальнейшего, углубленного исследования и популяризации ленинского вклада в философию марксизма дала состоявшаяся в июне 1934 г. научная сессия Института философии, посвященная 25-летию опубликования труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

[41] См.: *Досев П.* (*Т. Павлов*). Теория отражения: Очерки теории познания диалектического материализма. М.; Л., 1936; *Познер В. М.* Очерк диалектического материализма (по книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1936; *Щевлов А. В.* Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М., 1937; *Чагин Б. А.* Борьба Ленина за марксистский материализм в 90-х годах. М.; Л., 1940; *Омельяновский М. Э.* В. И. Ленин и физика XX в. М., 1947; *Он же.* В. И. Ленин и философские вопросы современной физики. М., 1958; *Востриков А. В.* Борьба Ленина против неокантианской ревизии марксизма в России. М., 1949; *Васецкий Г. А.* О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1953; *Суворов Л. Н.* Развитие В. И. Лениным диалектического метода марксизма в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1957; *Он же.* Вопросы диалектики в «Философских тетрадях» В. И. Ленина. М., 1960; *Мостепаненко М. В.* Ленин и современная физика. М., 1958; *Голосов В. Ф.* Возникновение ленинизма — новый этап в развитии марксистской философии. Красноярск, 1958; *Он же.* Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — величайшее философское произведение творческого марксизма. Красноярск, 1959; О «Философских тетрадях» В. И. Ленина. М., 1959 (книга подготовлена Институтом философии БССР и Белорусским государственным университетом им. В. И. Ленина); *Жданов Ю. А.* Ленин и ес-

Вскоре в Москве вышла в свет фундаментальная монография Тодора Павлова (П. Досева)[42] «Теория отражения», в которой давалось систематическое изложение основ марксистско-ленинской гносеологии.

Теория отражения рассматривалась Т. Павловым как гносеологическая основа диалектико-материалистической философии. Видя в отражении — в широком смысле слова — одну из форм движения, свойство всей материи, родственное по существу ощущению, но нетождественное ему, Павлов прослеживал переход от неорганических форм отражений к биологическим и от биологических к человечески-сознательным, общественно-историческим формам отражательной деятельности.

В работах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, В. П. Тугаринова, Ф. И. Хасхачик и других ученых рассматривались различные аспекты познавательного процесса — вопросы об отражении как всеобщем свойстве материи, о совершенствовании этого свойства по мере развития материи и усложнения форм ее организации, о происхождении человеческого сознания и его общественно-исторической природе, о познавательном образе как результате преобразования в человеческом мозгу материального в идеальное, о взаимосвязи мышления и речи, о роли практики в познании.

Вместе с тем продолжала развертываться (особенно интенсивно со второй половины 50-х годов) диалектико-материалистическая интерпретация результатов современного естествознания. В трудах видных представителей естественнонаучной мысли — А. Д. Александрова, А. П. Александрова, В. А. Амбарцумяна, П. К. Анохина, А. И. Берга, Д. И. Блохинцева, Н. И. Вавилова, С. И. Вавилова, Н. П. Дубинина, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенова, В. А. Фока, В. А. Энгельгардта и других, а также философов — Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова, Н. Ф. Овчинникова, М. Э. Омельяновского, В. И. Свидерского, Х. М. Фаталиева и других исследовались философские основы теории относительности, квантовой механики, космологии, диалектики живой природы, проблемы пространства, времени, причинности, конечного и бесконечного и т. д.

В области исторического материализма большой интерес проявлялся к обобщению опыта социалистического строительства. В работах Г. М. Гака, Г. Е. Глезермана, М. Д. Каммари, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзона, Ф. В. Константинова, Х. Н. Момджяна, Г. Л. Смирнова, Ц. А. Степаняна, В. П. Тугаринова, П. Н. Федосеева, Ю. П. Францева, Д. И. Чеснокова и других анализировалась диалектика производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, законов общественного развития, соотношения

ствознание. М., 1959; *Кедров Б. М.* Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современное естествознание. М., 1959.

[42] Т. Павлов в 1932—1936 гг. находился в СССР; он работал на философском факультете Института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского, в Институте красной профессуры и других философских учреждениях.

категорий исторического материализма, форм общественного сознания, проблема роли масс и личности в истории, противоречий при социализме и путях их разрешения, значения Советского государства в строительстве коммунизма, изменения классовой структуры социалистического общества, формирования и укрепления мировой системы социализма. В центре внимания советских философов и всех ученых-марксистов находился вопрос о Коммунистической партии как о ведущей, руководящей силе в борьбе за коммунизм.

Серьезное внимание уделялось советскими марксистами ленинскому принципу партийности философии, выражающему революционную сущность марксистского мировоззрения, нераздельно связанному с объективной истинностью, научностью. Это обстоятельство со всей силой подчеркивалось в партийных документах. В постановлении ЦК КПСС «О 140-й годовщине со дня рождения К. Маркса» от 11 апреля 1958 г. говорилось: «Строгая научность, коммунистическая партийность, непримиримость к врагам рабочего класса, последовательный пролетарский интернационализм, творческий революционный характер — эти качества обеспечили и обеспечивают марксизму всемирно-исторические победы. Сила и непобедимость марксизма в его истинности, в том, что он постоянно развивается и обогащается новыми положениями и выводами, что он дает ответ на великие вопросы современности»[43]. Центральный Комитет партии указывал, что главная задача партийной пропаганды заключается в глубоком и всестороннем разъяснении идей марксизма-ленинизма, их успешном претворении в жизнь. Необходимо использовать в практической деятельности и творчески развивать накопленное партией теоретическое богатство, добиваться проведения в жизнь политики партии, воспитывать активных, стойких борцов за коммунизм, вести наступательную борьбу против враждебной марксизму-ленинизму буржуазной идеологии и ее правосоциалистических и ревизионистских проповедников. Чем теснее будет связана партийная пропаганда с жизнью и творчеством народа, с практикой коммунистического строительства, тем выше будут ее результаты, ее действенность и воспитательная роль.

Ленинский принцип партийности является надежным ориентиром во всех разделах философской науки, в том числе и в истории философии. Он обязывает советских исследователей истории философии народов СССР и стран Запада и Востока неуклонно придерживаться классового подхода к рассматриваемым учениям и проблемам, выявлять их социально-исторические истоки и сущность, закономерности борьбы материалистической и идеалистической линий, учитывать их связь с современной идеологической борьбой на международной арене.

Со второй половины 30-х годов заметно усилилась деятельность советских ученых в разработке истории русской философии. Если

[43] Вопросы идеологической работы, с. 112.

в первое послеоктябрьское десятилетие эта проблематика рассматривалась более или менее эпизодически, в связи с отдельными юбилейными датами и не столько в специально философском разрезе, сколько в плане истории общественно-литературных идей, критики и публицистики, то на рубеже 30—40-х годов был сделан дальнейший шаг вперед в марксистском исследовании русской философии как таковой, ее особого, оригинального вклада в мировую философскую мысль. Начала осуществляться более целенаправленная и систематическая разработка революционной и материалистической традиций отечественной мысли, в первую очередь наследия русских революционных демократов: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, их соратников. В серии «Классики русской философии» Социально-экономическим издательством выпускались их избранные произведения, а также труды Ломоносова и Радищева. В периодике появились исследования об этих мыслителях с привлечением ранее неизвестных архивных источников, монографии о философских взглядах декабристов, Белинского, Герцена. Принципиально важным являлось то, что в основу всей этой работы были положены ленинские принципы историко-философского исследования, вывод В. И. Ленина о необходимости дифференцированного, конкретно-исторического, классового подхода к идейно-теоретическому наследию, о связи передовой русской мысли с освободительным движением, о солидной материалистической традиции, имеющейся у главных направлений передовой общественной мысли России. На философском факультете московского Института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (затем философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) и в Институте философии АН СССР сформировалось новое направление в советской философской науке — марксистско-ленинская история русской философии.

В условиях широкого развертывания коммунистического строительства в Советском Союзе и дальнейшего обострения политической и идеологической борьбы на международной арене марксистское исследование духовных ценностей русского и других народов СССР, их передовых традиций, философских основ истории их культуры имело и имеет не только научное, но и большое идейно-воспитательное, патриотическое значение.

Систематическому изучению истории отечественной философии способствовало издание источников, многие из которых были ранее рассредоточены в архивах и старой периодике: избранных произведений русских мыслителей второй половины XVIII в. (в 2-х томах), избранных социально-политических и философских сочинений декабристов (в 3-х томах), петрашевцев, Огарева и др. Весьма важное значение имел выход в свет Полных собраний сочинений М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского.

Важным участком историко-философской работы стали исследования по истории философии народов СССР, развернувшиеся во всех

союзных и многих автономных республиках. Это — принципиально новое, комплексное направление, которое закономерно возникло и обрело все возможности для своего успешного развития в результате победы социалистической революции, в условиях совместной борьбы за социализм и коммунизм, на основе осуществления ленинской национальной политики, в процессе формирования и развития единого многонационального советского народа как новой исторической общности. Сложилась советская школа истории философии народов СССР.

Новые успехи были достигнуты и в научной деятельности советских историков западноевропейской философии. В результате большой и сложной научно-текстологической работы впервые было осуществлено марксистское издание на русском языке четырнадцатитомного собрания трудов Гегеля (1939—1959). Были также опубликованы в русских переводах книги других представителей мировой философской мысли: «Новые опыты о человеческом разуме» Лейбница, «Пролегомены» Канта, «О назначении ученого» и «Ясное как солнце сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии» Фихте, «Система трансцендентального идеализма» Шеллинга. Интенсивно продолжали выходить в советских изданиях произведения выдающихся просветителей и материалистов прошлого: «Опыты» Монтеня (в 3-х томах), избранные произведения Декарта и Спинозы, десятитомное собрание сочинений Дидро, «Об уме», «О человеке», «Счастье» Гельвеция, избранные антирелигиозные произведения и «Система природы» Гольбаха, «Трактат об ощущениях» и «Трактат о системах» Кондильяка, «О природе» Робинэ, трехтомное «Завещание» Мелье, избранные сочинения Вольтера, Тюрго, Пристли, «Эскиз исторической картины человеческого разума» Кондорсе, избранные атеистические работы Марешаля, избранные философские произведения Дицгена, сочинения Георга Фостера. В этот же период увидели свет монографии советских авторов о Декарте, Спинозе, Вольтере, Гельвеции, Гегеле.

Следует также отметить появление в этот период русского перевода собрания текстов древнегреческих материалистов и монографий, посвященных древнекитайским философам Лао Цзы и Ван Чуну.

Разработка деятелями советской науки вопросов мирового философского наследия была в известной мере подытожена в томах первой всеобщей марксистской «Истории философии», подготовленных Институтом философии АН СССР и изданных накануне и в период Великой Отечественной войны (1940—1943).

Продолжая ленинскую традицию воинствующего материализма, идейной непримиримости по отношению к буржуазной идеологии, советские философы К. С. Бакрадзе, М. П. Баскин, Б. Э. Быховский, Д. Ю. Квитко, Ю. К. Мельвиль, И. С. Нарский, М. Б. Митин, С. Ф. Одуев, Т. И. Ойзерман и другие активно выступали в 30—

50-х годах с критикой современной философии и социологии[44].

В работах советских авторов критически выявлялись классовые и идейно-теоретические истоки ревизионистских концепций, отмечалась их антимарксистская направленность. Глубокий разносторонний анализ враждебной марксистско-ленинскому мировоззрению природы ревизионизма содержится в постановлении ЦК КПСС «О 140-й годовщине со дня рождения К. Маркса» от 11 апреля 1958 г. «Чем большие успехи одерживает дело социализма, международное коммунистическое и рабочее движение, отмечается в Постановлении, тем яростней атаки идеологов буржуазии на марксизм-ленинизм. Одной из форм этой борьбы против марксизма-ленинизма является ревизионизм. Современный ревизионизм есть отражение влияния буржуазии и ее идеологии в рабочем движении. Он стремится выхолостить из марксизма-ленинизма его революционное содержание, приспособить его к вкусам и потребностям буржуазии. Ревизионисты принижают роль и значение руководства трудящимися массами со стороны рабочего класса и Коммунистической партии в борьбе против капитализма и в строительстве социализма. Под флагом критики догматизма ревизионисты пытаются возродить давно опровергнутые Лениным и всем ходом исторического развития пошлости и измышления бернштейнианцев и других оппортунистов о сглаживании противоречий капитализма, о возможности его бескризисного развития и автоматического врастания в социализм, о затухании классовой борьбы»[45]. Ревизионисты, разъяснялось далее в постановлении ЦК КПСС, затушевывают коренную, непримиримую противоположность между капиталистической и социалистической системами, отказываются критиковать антинародные эксплуататорские порядки буржуазного общества, агрессивную империалистическую политику, переходят на буржуазно-националистические позиции. В постановлении ЦК КПСС указывалось, что «насущной задачей всех коммунистов является решительная борьба за преодоление ревизионизма в рядах коммунистических и рабочих партий, как главной опасности в современных условиях, а также против догматизма и сектантства, затрудняющих развитие теории марксиз-

[44] См.: *Квитко Д. Ю.* Очерки современной англо-американской философии. М.; Л., 1936; *Баскин М. П.* Англо-американская социология на службе империализма. М.; Л., 1949; *Он же.* Современная американская буржуазная социология на службе экспансионизма. М., 1952; *Он же.* Против современной буржуазной философии и социологии. М., 1949; *Он же.* Очерки критики современной американо-английской буржуазной философии и социологии. М., 1951; *Нарский И. С.* Критика семантического идеализма. М., 1956; *Быховский Б. Э.* Основные течения современной идеалистической философии. М., 1957; *Он же.* Философия неопрагматизма. М., 1959; *Мельвиль Ю. К.* Американский прагматизм. М., 1957; *Курсанов Г. А.* Гносеология американского прагматизма. М., 1958; *Замошкин Ю. А.* Психологическое направление в современной буржуазной социологии. М., 1958; *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли: Критические очерки философии истории эпохи империализма. М., 1959; *Одуев С. Ф.* Реакционная сущность ницшеанства. М., 1959; *Ойзерман Т. И.* Неотомизм — философия современной реакционной буржуазии. М., 1959; и др.

[45] Вопросы идеологической работы, с. 113—114.

ма-ленинизма и ее творческое применение в конкретных исторических условиях»[46].

Советские авторы А. П. Бутенко, А. Г. Егоров, М. Т. Иовчук, Ф. В. Константинов, А. Ф. Окулов, П. Н. Федосеев, Б. А. Чагин и другие, критикуя современный реформизм и ревизионизм, уделяли особое внимание борьбе с новейшими проявлениями философского ревизионизма[47].

В период упрочения и развития социализма в СССР философская наука сблизилась с насущными задачами социалистического строительства, укрепились ее связи с политикой Коммунистической партии. Одним из результатов этого явилось появление трудов по актуальным вопросам исторического материализма. Шире, чем в предшествующие годы, развернулась активная, наступательная критика буржуазной идеологии, ее наиболее реакционных, агрессивных направлений.

Советские ученые все больше уделяли внимания изучению ленинского философского наследия — вопросам возникновения ленинизма, сущности ленинского этапа в развитии диалектического и исторического материализма, ленинскому принципу партийности философии, борьбе Ленина против махизма (включая его богдановскую разновидность) и других форм позитивизма, неокантианства, физического идеализма. Заметным шагом вперед стала разработка ленинской теории отражения в связи с достижениями современной науки.

Предпринимались все более основательные попытки классификации категорий диалектической логики. Углубилась разработка методологических проблем квантовой механики, космогонии, теории происхождения жизни и других направлений современного естествознания.

Как и на предыдущих этапах социалистического строительства, Коммунистическая партия Советского Союза оказывала в рассматриваемый период большую повседневную помощь работникам философского фронта, ориентировала их на решение наиболее важных, животрепещущих задач. Одним из выражений этой неослабной партийной заботы и помощи было постановление ЦК КПСС «О журнале

[46] Там же, с. 114.

[47] См.: *Бутенко А. П.* Основные черты современного ревизионизма: (Краткий очерк). М., 1959; *Окулов А. Ф.* Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма. М., 1959; *Сидоров М. И.* Против философского ревизионизма. М., 1959; *Чагин Б. А.* Борьба марксизма-ленинизма против философского ревизионизма в конце XIX — начале XX веков. Л., 1959; Критика современной буржуазной философии и ревизионизма. М., 1959. Работы, критикующие современный ревизионизм, выпускались и республиканскими издательствами. См.: Ревизионизм — главная опасность. Вильнюс, 1959. На литов. яз.; *Звиглянич А.* Современный ревизионизм — главная опасность. Киев, 1959. На укр. яз.; *Бакрадзе О. М.* Современный ревизионизм в философии. Тбилиси, 1959. На груз. яз.; *Малыбаев О.* Борьба коммунистических и рабочих партий против ревизионизма. Алма-Ата, 1959. На каз. яз.; *Овезбердиев Ч.* Марксистско-ленинская теория классов, классовой борьбы и государства и современный ревизионизм. Ашхабад, 1959. На туркм. яз.; и др.

„Вопросы философии" от 31 июля 1959 г. Отметив определенные достижения в работе советских философов, Центральный Комитет партии, исходя из ленинских установок, подчеркивал, что журнал „Вопросы философии" должен стать действительно боевым органом воинствующего материализма, последовательно проводящим ленинский принцип партийности и непримиримости к буржуазной идеологии, разрабатывать вопросы философии в неразрывной связи с жизнью, с политикой Коммунистической партии, с практикой международного революционного, рабочего и коммунистического движения»[48]. Определяющая линия в работе философского журнала должна выражаться в исследовании закономерностей развития современного социалистического общества, его движения к коммунизму, в творческой разработке ленинского этапа в развитии диалектического и исторического материализма, в борьбе за чистоту марксистско-ленинской философии и социологии, против ревизионизма и буржуазного национализма, в философском обобщении выводов современного естествознания. ЦК КПСС обязывал редколлегию журнала «Вопросы философии» укреплять связи с учеными, работниками партийного и государственного аппарата, пропагандистами, смелее привлекать к сотрудничеству в журнале новых авторов, работающих в краях, областях, союзных республиках; расширять международные контакты, в первую очередь связи с философскими журналами социалистических стран, а также с прогрессивно мыслящими философами и естественниками капиталистических стран; проводить научные дискуссии по вопросам, нуждающимся в творческом обсуждении[49].

Эти указания имели принципиальное значение как для журнала и Института философии АН СССР, так и для философской работы в стране в целом.

Неуклонно продвигаясь по пути, начертанному партией, советский народ добился к концу 50-х годов новых крупных успехов. К этому времени социализм одержал в Советском Союзе полную, окончательную победу.

Дальнейшее развитие марксистской философской мысли в СССР связано с вступлением советского общества в период развитого социализма. Основополагающими документами, глубоко раскрывающими закономерности и характерные черты новой полосы развития, в которых творчески разработаны вопросы марксизма-ленинизма и его философии, являются материалы XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, решения Пленумов ЦК партии, новая Конституция СССР, постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строи-

[48] Вопросы идеологической работы, с. 281.
[49] См.: Там же, с. 281—282.

тельстве», «О дальнейшем улучшении идеологической политико-воспитательной работы», «О 80-летии Второго съезда РСДРП», партийные документы, посвященные 50-летию и 60-летию Великого Октября, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 60-летию образования СССР, 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и др.

Вопросы марксистско-ленинской теории многосторонне разрабатываются в трудах руководителей партии, творчески обобщающих опыт коммунистического строительства и мирового освободительного движения, борьбы за мир во всем мире.

Большую роль в борьбе за социализм, в политической и идейной жизни страны играют указания и решения ноябрьского (1982 г.), июньского (1983) и других Пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, постановления ЦК КПСС по идеологическим вопросам.

В 1967 г. Центральный Комитет партии принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Характеризуя марксизм-ленинизм как основу руководства строительством социалистического общества, могучее орудие познания и революционного преобразования мира, идейную основу международного коммунистического движения, постановление ЦК КПСС указывает на необходимость усиления творческой работы в области обществознания. «Творческое развитие марксистско-ленинской теории партия рассматривает как свою важнейшую обязанность, как необходимое условие выполнения поставленных в Программе КПСС задач создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений, обогащения духовной культуры советского народа, коммунистического воспитания трудящихся»[50]. В постановлении подчеркивается необходимость принципиальности и твердости советских ученых, работников общественных наук в борьбе с идеологией буржуазных и реформистских фальсификаторов марксистско-ленинской науки, в разоблачении профессиональных антисоветчиков и антикоммунистов, подвизающихся в области «изучения» проблем истории СССР и КПСС, мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

В постановлении ЦК КПСС предусматриваются следующие направления научно-исследовательской работы в области философии: дальнейшая разработка материалистической диалектики, теории познания и логики, методологических проблем общественных, естественных и технических наук; изучение диалектики социалистического общества и противоречий современного капитализма, соотношения объективных и субъективных факторов общественного раз-

[50] О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве: Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 года.— Коммунист, 1967, № 13, с. 4.

вития; развитие исторического материализма как общесоциологической теории, конкретных социальных исследований; разработка проблем социальной структуры общества, совершенствования социалистических общественных отношений и их перерастания в коммунистические; выработка методологии научного предвидения развития социальных процессов; исследование закономерностей общественного сознания; теоретическая разработка проблем личности и коллектива, общества и государства, социалистического гуманизма, этики и эстетики; исследование проблем логики и психологии научного творчества [51].

Учитывая такие особенности современного периода истории, как развертывание реакционными силами широкого идеологического наступления против социализма, стремление буржуазной пропаганды отравить сознание советских людей и граждан других социалистических стран всякого рода клеветой, очернить реальный социализм и приукрасить империализм, Коммунистическая партия Советского Союза подчеркивает в своих решениях необходимость еще выше поднять уровень идеологической работы. Большое значение имеет Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (апрель 1979 г.). В этом постановлении отмечается, что построение в СССР развитого социалистического общества, значительный рост его духовного потенциала, международные успехи Коммунистической партии и Советского государства создали большие возможности для осуществления программных целей КПСС в области формирования коммунистического сознания людей. Такими целями являются воспитание трудящихся в духе высокой идейности, преданности социалистической Родине, делу коммунизма, воспитание коммунистического отношения к труду и общественной собственности, всестороннее гармоническое развитие человеческой личности, создание подлинного богатства духовной культуры социалистического общества. Коммунистическое воспитание трудящихся рассматривается партией как важнейший фронт борьбы за коммунизм. Со всем этим связано требование более широкого развертывания идеологического наступления против империализма и гегемонизма, милитаризма и реакции.

В постановлении ЦК КПСС указывается, что одна из важнейших задач идейно-воспитательной работы состоит в том, чтобы помогать советским людям распознавать всю фальшь буржуазной клеветнической пропаганды, разоблачать в ясной и доходчивой форме ее коварные методы, нести правду о первой в мире стране победившего социализма, своевременно давать надлежащий отпор идеологическим диверсиям империализма и его приспешников, вести последовательную борьбу со всеми формами оппортунизма и ревизионизма. «Сердцевиной идеологической, политико-воспитательной работы было и остается формирование у советских людей научного миро-

[51] См.: Там же, с. 7.

воззрения, беззаветной преданности делу партии, коммунистическим идеалам, любви к социалистической Отчизне, пролетарского интернационализма»[52].

Конкретизация этих идей применительно к задачам преподавания общественных дисциплин в вузах страны содержится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» от 29 июня 1979 г. Отметив, что советская школа располагает значительным отрядом высококвалифицированных кадров преподавателей общественных наук, что последовательно ведется их подготовка и повышение их квалификации (созданы, в частности, по решению ЦК партии специальные институты, призванные обеспечивать систематическую подготовку обществоведов), Центральный Комитет партии указал и на серьезные недостатки в этой области работы (недостаточно дифференцированный подход к различным категориям преподавателей, преобладание пассивных форм учебы и т. д.). В постановлении подчеркивалось, что работа по систематическому повышению квалификации обществоведов должна быть подчинена успешному решению ими главной задачи — на высоком теоретическом уровне, ярко и убедительно раскрывать идейное богатство и непреодолимую всепобеждающую силу революционного учения марксизма-ленинизма, огромный вклад, вносимый в него Коммунистической партией Советского Союза, ее Центральным Комитетом, формировать у студентов марксистско-ленинское мировоззрение, обеспечивая тесную связь изучения теоретических вопросов с практикой коммунистического строительства, учить своих слушателей умению применять социально-политические знания на практике, воспитывать их активными борцами за коммунизм, советскими патриотами и интернационалистами, непримиримыми к буржуазной идеологии[53].

В Тезисах Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» убедительно раскрывается величайшее значение ленинского теоретического наследия в строительстве социализма, в борьбе народов против империализма, за революционное обновление мира, за научно обоснованный путь к коммунизму. «Ленинизм,— отмечается в тезисах,— это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества»[54]. Важнейшей особенностью ленинского подхода к общественной жизни является органическое единство научности и революционности, подлинной объективности и принципиальной классовой оценки с позиций самого передового класса современности —

[52] Коммунист, 1979, № 7, с. 15.

[53] См.: КПСС в резолюциях... М., 1981, т. 13, с. 395.

[54] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969, с. 5.

рабочего класса. Ленинизм — «это методология революционного мышления и революционного действия»[55].

Центральный Комитет партии со всей силой подчеркивает международное значение ленинизма как последовательно интернационального учения. В противовес фальсификаторским домыслам буржуазных марксологов и разного рода ревизионистов о якобы национально ограниченном, региональном характере ленинизма, их попыткам расчленить марксистско-ленинское учение на различные модели или варианты тезисы ЦК КПСС отстаивают и обосновывают нерушимое единство марксизма-ленинизма. Это учение, единое по самой своей природе, представляет собой общее достояние всех коммунистов, всех революционных рабочих, трудящихся всех стран, оно является знаменем борьбы народов против империализма, за революционное обновление мира[56]. «Важнейший источник всепобеждающей силы ленинизма в том, что в самой его сущности заложен пролетарский интернационализм. В последовательном проведении принципов интернационализма в жизнь Ленин усматривал подлинный критерий революционности в нашу эпоху, залог побед рабочего класса»[57]. Центральным вопросом интернационалистской политики, отмечается далее в тезисах ЦК КПСС, В. И. Ленин считал правильное сочетание национального и интернационального в деятельности партий рабочего класса, всех отрядов мирового революционного движения. В современных условиях пролетарский интернационализм, являющийся важнейшей предпосылкой социального прогресса, особенно актуален.

Последовательно проводя ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия непримирима к любым проявлениям национализма, шовинизма, национальной исключительности и обособленности. Она воспитывает трудящихся в духе любви свободных народов-братьев к своей социалистической Родине. Социалистический патриотизм является новым, высшим типом патриотизма, органически слитым с интернационализмом[58].

В тезисах ЦК КПСС глубоко раскрывается роль В. И. Ленина как гениального философа, всемирно-историческое значение ленинского этапа в развитии диалектического и исторического материализма. Необходимость осмысления новых процессов общественного развития, дальнейшей разработки и применения диалектико-материалистической методологии, усиление идеологической борьбы на международной арене потребовали от ленинской партии глубочайшего анализа актуальных философских проблем. В своих трудах В. И. Ленин развил и обогатил идеи основоположников марксизма, осуществил философскую разработку накопившихся после них новых научных проблем, защитил и развил основные принципы

[55] Там же.
[56] См.: Там же, с. 37.
[57] Там же, с. 47.
[58] См.: Там же, с. 47—48, 58—59.

марксистского метода и мировоззрения, дал развернутую критику идеалистических и метафизических воззрений. «Непреходящее значение имеют дальнейшая разработка Лениным материалистической диалектики, исследование им проблем теории познания диалектического материализма, его идея союза естествознания и философии. Ленин — первый мыслитель века, который в достижениях современного ему естествознания увидел начало грандиозной научной революции, сумел вскрыть и философски обобщить революционный смысл фундаментальных открытий великих исследователей природы. Он дал блестящее философское истолкование новых научных данных в период крутой ломки принципов в ведущих отраслях естествознания. Высказанная им мысль о неисчерпаемости материи стала общим принципом естественнонаучного познания.

В. И. Ленин всесторонне исследовал диалектику общественного развития, взаимодействие экономики и политики, взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания и многие другие вопросы. Разработка Лениным проблем общественного развития была тесно связана с потребностями революционной практики и идеологической борьбы. Своей критикой субъективизма в философии и социологии Ленин нанес решительный удар по идейным истокам политического волюнтаризма и авантюризма. Принципиальное значение имеют его выступления против концепций фатализма и стихийности как теоретической базы тактики правого оппортунизма.

Подчеркивая определяющее значение объективных условий и тенденций общественного развития, Ленин всегда соединял глубину научного анализа исторических обстоятельств с самым решительным признанием значения революционной энергии, инициативы, сознательности, организованности масс, классов, партий, а также деятельности отдельных личностей. Его диалектический ум открыл новые возможности ускорения революционного процесса, связанные с действием субъективного фактора в условиях, когда общие предпосылки смены капитализма социализмом уже созрели. Решающей предпосылкой успеха революции при этом, учит Ленин, становится готовность и способность трудящихся к революционным действиям, их сознательность, организованность, опыт борьбы»[59].

Коренные вопросы ленинизма, историческая оценка теоретического наследия В. И. Ленина нашли глубокое отражение и в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» от 13 декабря 1979 г. В нем отмечается, что Ленин — титан научной мысли, гениальный теоретик и подлинно народный вождь, пламенный революционер, создавший Коммунистическую партию Советского Союза и первое в мире социалистическое государство, величайший стратег и тактик мирового пролетариата. «Выйдя на мировую арену классовой борьбы как верный и стойкий последователь Маркса и Энгельса, Ленин всесторонне развил их

[59] Там же, с. 14—15.

революционное учение. Обладая непревзойденным даром научного предвидения, глубочайшего проникновения в самую суть происходящих событий и явлений, творчески применяя диалектико-материалистический метод к анализу новых исторических условий, он обогатил принципиально важными положениями все составные части марксизма, открыл новый этап в его развитии.

Бесценным идейно-теоретическим и методологическим оружием революционеров всех стран стало ленинское учение об империализме, о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о партии, о классовых союзниках пролетариата в борьбе за демократию и социализм, о неразрывной связи социального и национального освобождения, а также о принципах мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Важное значение имеют ленинские идеи о защите социалистического Отечества. Венцом теоретического творчества Ленина явилась созданная им наука о путях строительства социализма и коммунизма... Нет и не может быть марксизма без того нового, что внес в его развитие Ленин. **Ленинизм — это марксизм современной эпохи, единое, целостное, непрерывно развивающееся учение международного рабочего класса»**[60].

Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», постановление ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и другие партийные документы содействуют углубленному изучению ленинского теоретического наследия, дальнейшей, более разносторонней и интенсивной разработке проблематики ленинского этапа развития диалектического и исторического материализма.

В современной советской философской литературе ленинское теоретическое наследие анализируется в различных проблемных ракурсах: в плане разработки общей теории диалектики как наиболее глубокого и всестороннего учения о развитии, логики и теории познания марксизма, в аспекте борьбы с идеализмом и метафизикой, выявления глубинных связей философских изысканий В. И. Ленина и развития современного естествознания, обогащения в ленинских трудах исторического материализма на основе исследования нового опыта общественного развития, под углом зрения разработки методологических вопросов истории философии и т. д.[61] Ленин-

[60] Коммунист, 1980, № 1, с. 3—4.

[61] См.: *Суворов Л. Н.* Вопросы диалектики в «Философских тетрадях» В. И. Ленина; *Он же.* Борьба В. И. Ленина против антимарксистских философских концепций в послеоктябрьский период. М., 1974; *Он же.* Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1976; *Щеглов А. В.* Из истории борьбы В. И. Ленина за диалектический материализм. Пермь, 1960; *Чагин Б. А.* Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии. М., 1960; *Он же.* Ленинский этап в развитии марксистской философии. Л., 1960; *Он же.* В. И. Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л., 1960; *Он же.* Развитие В. И. Лениным исторического материализма после Октябрьской революции. Л., 1967; *Касымжанов А. Х.* Как читать и изучать «Философские тетради» В. И. Ленина. М., 1968; *Буслов К. П.* Проблемы социального прогресса в трудах В. И. Ленина (1917—1923). Минск, 1963; *Розенталь М. М.* Ленин и

ский этап в развитии марксистской философии не ограничивается хронологическими рамками жизни В. И. Ленина, он продолжается и сейчас, в наше время. Понятно поэтому, какая большая ответственность возлагается на философов-марксистов в дальнейшей разработке и конкретизации бессмертных ленинских идей применительно к новым историческим условиям. «Ленинизм, как вечно живое, развивающееся учение, был, есть и будет в центре идейной жизни партии, основой всей ее революционно-преобразующей деятельности. Обращаясь к идейному наследию В. И. Ленина, партия видит свою важнейшую задачу в том, чтобы на основе ленинских мыслей, ленинской методологии находить решение актуальных проблем коммунистического строительства»[62].

Для марксистских философов, в том числе историков философии, особое значение на современном этапе приобретают указания партии на необходимость преодоления попыток неправильного, необъективного освещения истории советского общества. «Острой, справедливой критике,— указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— были подвергнуты отдельные попытки с непартийных, внеклассовых позиций оценивать исторический путь советского народа, умалить значение его социалистических завоеваний. В то же время партия показала несостоятельность догматических представлений, игнорирующих те большие положительные перемены, которые произошли в жизни нашего общества за последние годы»[63].

диалектика. М., 1963; *Он же.* Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976; *Новиков А. Н.* Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965; Ленин об элементах диалектики. М., 1965; Ленинская теория отражения и современность. Москва; София, 1960 (2-е изд. В 3-х т. Москва; София, 1973); *Кедров Б. М.* Ленин и революция в естествознании XX века. М., 1969; *Он же.* Из лаборатории ленинской мысли: (Очерки о «Философских тетрадях» В. И. Ленина). М., 1972; *Он же.* Ленин и научные революции. М., 1980; Ленин как философ. М., 1969; Ленин и современное естествознание. М., 1969; Ленинизм и современные проблемы философской науки. М., 1969; *Копнин П. В.* Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969; *Модржинская Е. Д.* Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970; Ленин и современная наука. М., 1970. Кн. 1, 2; *Митин М. Б.* Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971; *Он же.* Идеи В. И. Ленина и современность. М., 1981; В. И. Ленин и методологические вопросы современной науки. Киев, 1971; История марксистской диалектики. Ленинский этап. М., 1973; Философское завещание В. И. Ленина. Минск, 1973; Теоретическое наследие В. И. Ленина и современная философская наука. М., 1974; *Вдовиченко Г. Г.* Ленинская теория отражения и современная наука. Киев, 1976; *Федосеев П. Н.* Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1977; *Красин Ю. А.* Теория социалистической революции: Ленинское наследие и современность. М., 1977; *Абдильдин Ш.* Ленинский принцип конкретного анализа общественных явлений. Алма-Ата, 1978; *Качарова Ю. М.* В. И. Ленин и проблемы социалистической культуры. Тбилиси, 1979; *Ильенков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980; Ленинское философское наследие и методологические проблемы современного естествознания. Ташкент, 1980; Ленин и торжество научного материалистического мировоззрения в СССР. Минск, 1981; Ленин как политический мыслитель. М., 1981; Ленинское философское наследие и современная физика. М., 1981; и др.

[62] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 102.

[63] Там же.

В свете материалов и решений XXIV—XXVI съездов КПСС перед общественными науками, в том числе философией, встали новые серьезные задачи. Все более решительный поворот общественных наук к разработке актуальных проблем современности, к развитию теории в тесной связи с практикой, с решением конкретных задач коммунистического строительства — основное требование партии на современном этапе. Во имя достижения этой цели партией были предприняты меры для упрочения материально-организационной базы развития общественных наук, улучшения подбора, расстановки и воспитания кадров, повышения их идейно-теоретического и профессионального уровня, для создания в каждом научном коллективе подлинно творческой обстановки, атмосферы смелого поиска, плодотворных дискуссий, товарищеской взыскательности.

Партия возлагает на общественные науки большие надежды и в связи с необходимостью вести наступательную, действенную борьбу с буржуазной и ревизионистской идеологией. «Теоретическая работа,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— важная часть нашего общего интернационального, революционного долга. Противоборство сил капитализма и социализма на мировой арене, равно как и попытки разного рода ревизионистов выхолостить революционное учение, исказить практику социалистического и коммунистического строительства, требует от нас и дальше усиленного внимания к проблемам теории, ее творческому развитию. Повторение старых формул там, где они уже изжили себя, неумение или нежелание по-новому подходить к новым проблемам — все это приносит вред делу, создает дополнительные возможности для распространения ревизионистских подделок под марксизм-ленинизм. Убедительность критики буржуазных и ревизионистских наскоков на нашу теорию и практику в огромной степени усиливается тогда, когда она опирается на активное и творческое развитие общественных наук, марксистско-ленинской теории»[64].

Ценнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма является разработанная КПСС совместно с братскими партиями концепция развитого социализма, имеющая огромное международное политическое и мировоззренческое значение[65].

Для основоположников научного коммунизма было теоретически ясно, что переход от капитализма к коммунизму составит длительную историческую эпоху, что новое общество будет подниматься с одной ступени зрелости на другую, более высокую. Но исследованные Марксом и Энгельсом реальные тенденции общественного развития еще не позволяли дать ответ на вопрос, какими конкретно будут эти ступени. В этом вопросе Маркс и Энгельс не только

[64] Там же, с. 103.

[65] См.: Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций. 3-е изд. М., 1979.

сами проявляли строжайшую научную осторожность, но и призывали к ней своих последователей. Когда немецкий социал-демократ Конрад Шмидт предъявил претензию на исследование переходных этапов к коммунизму и прислал в этой связи план своей работы Энгельсу, последний дал категорический совет не спешить: «Это,— писал Энгельс,— самый трудный вопрос из всех, какие только существуют»[66].

В партийных документах справедливо отмечалось, что отвечать на этот труднейший вопрос впервые пришлось В. И. Ленину, коммунистам Советской страны. Уже на заре Советской власти Ленин, разрабатывая и решая практически неотложные задачи создания основ нового общественного строя, говорил о «полном», «развитом» социализме как о перспективе, цели начатого социалистического строительства[67]. Это тот вполне упрочившийся социализм, от которого начинается постепенный переход к коммунизму.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, в принятых съездом «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» и в других материалах съезда дана глубокая комплексная характеристика развитого социалистического общества в СССР, определены задачи его совершенствования во всех основных сферах общественной жизни, разработана экономическая стратегия партии, ориентированная на новую пятилетку и на более отдаленную перспективу.

Съезд подтвердил верность выработанного партией положения о том, что экономическая база развитого социализма по своим масштабам, зрелости и эффективности намного превосходит в своих количественных и качественных значениях соответствующую материально-техническую базу социализма, построенного в основном к середине 30-х годов. Определяя главную задачу десятой пятилетки, съезд указал, что она **«состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства»**[68].

Дальнейшее развитие концепции зрелого социализма на XXV съезде было связано с разработкой проекта новой Конституции СССР, с ее обсуждением, нашло свое выражение также в совершенствовании советского законодательства и социалистического правопорядка, имеющих важное социально-политическое значение.

В новой Конституции СССР зафиксированы великие победы социализма, нашли отражение как общие принципы социалистическо-

[66] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 108.
[67] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 139; т. 40, с. 104; т. 45, с. 370.
[68] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 166.

го строя, выражающие классовую сущность нашего государства, так и основные черты развитого социалистического общества, его политической организации. Вместе с тем в Конституции СССР нашли отражение принципы руководства народным хозяйством, роль государства в духовной жизни общества, развитие социалистической демократии. Все это еще более подчеркивает гуманистический характер социалистического государства, ставящего перед собой высшую цель — построение коммунистического общества во имя интересов трудящегося человека, во имя интересов всего народа.

Подводя итоги достижений партии и народа, XXV съезд КПСС подчеркнул: «Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса»[69].

Другим главным итогом пройденного пути является советский образ жизни, характеризующийся подлинным коллективизмом и товариществом, крепнущей день ото дня дружбой всех наций и народов СССР.

Важнейшим итогом прошедшего шестидесятилетия СССР является, как отмечено в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, советский человек: «Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом»[70].

Новый крупнейший шаг вперед в развитии советского социалистического общества был ознаменован XXVI съездом КПСС.

В Отчетном докладе ЦК КПСС были подведены итоги героической деятельности партии и народа по претворению в жизнь решений предшествующего XXV съезда КПСС, дан глубокий научный анализ внутренней жизни советского общества, современной международной обстановки, раскрыты вдохновляющие перспективы дальнейшего прогресса мировой системы социализма, поставлены величественные задачи коммунистического строительства. XXVI съезд КПСС развил Программу мира, обоснованную на XXIV и XXV съездах партии. С глубочайшим удовлетворением была воспринята все-

[69] Там же, с. 87.
[70] Там же.

ми миролюбивыми народами установка XXVI съезда КПСС на достижение важнейшей цели советских коммунистов, всего советского народа — обеспечение прочного мира. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду глубоко охарактеризована роль Коммунистической партии как руководящей политической силы общества, раскрыта ее многогранная плодотворная деятельность, показан ее неоценимый вклад в творческое развитие марксистско-ленинской теории и практики, в исследование проблем становления и развития коммунистической общественной формации.

XXVI съезд партии вновь со всей силой подчеркнул крупнейшее значение разработки вопроса о зрелом социализме. «После XXV съезда,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС,— теоретический арсенал партии пополнился рядом важных обобщений и выводов. Из того, что сделано в области теории, следует прежде всего назвать разработку концепции развитого социализма. Опираясь на эту концепцию, партия уточнила и конкретизировала пути и сроки реализации наших программных целей, определила стратегию и тактику на длительный исторический период.

В партийных документах и научных исследованиях последних лет раскрываются различные стороны зрелого социализма. Созданы работы, анализирующие опыт мирового социализма, раскрывающие закономерности мирового революционного процесса. Есть неплохие исследования истории международного рабочего движения, современного этапа общего кризиса капитализма и развития государственно-монополистического капитализма. Сделаны серьезные шаги в изучении современных международных отношений»[71].

XXVI съезд КПСС обратил внимание на необходимость творческого обобщения и своевременного отображения нового опыта, достижений строительства коммунистического общества и поставил в этой связи вопрос о внесении соответствующих изменений в Программу КПСС. Действующая программа, отмечалось в Отчетном докладе Центрального Комитета партии XXVI съезду КПСС, в целом правильно отражает закономерности общественного развития. Но за двадцать лет с момента ее принятия накоплен новый большой опыт социалистического и коммунистического строительства. Этот опыт неопровержимо свидетельствует о том, что переход к коммунизму совершается через необходимый, закономерный и исторически длительный период становления коммунистической формации — этап развитого социалистического общества. Произошли существенные изменения в структуре социалистической экономики. Много новых, принципиально важных явлений и процессов возникло на международной арене, шло неуклонное сближение социалистических стран, развивалась экономическая интеграция. За прошедшие десятилетия ликвидирована колониальная система империализма, возросла политическая роль на мировой арене молодых госу-

[71] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77—78.

дарств, многие из которых ставят своей целью развитие в направлении социализма. Наблюдаются новые явления в мире капитализма. В частности, особенностью современного этапа общего кризиса капитализма стало резкое возрастание роли военно-промышленного комплекса, транснациональных корпораций. КПСС накопила огромный опыт борьбы за мир, за разрядку международной напряженности, что обогатило и теорию и практику мирного сосуществования.

Учитывая все это, Центральный Комитет партии предложил внести необходимые изменения и дополнения в действующую Программу КПСС.

Построение в Советском Союзе впервые в мире развитого социалистического общества — эпохальный исторический рубеж на пути к коммунизму. Этот важнейший рубеж законодательно закреплен Конституцией СССР.

Коренные вопросы теории и практики коммунистического строительства получили дальнейшую творческую разработку на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. В материалах Пленума дан глубокий и многосторонний марксистский анализ положения дел на одном из важнейших участков борьбы за коммунизм — в области формирования нового человека, указаны пути обогащения содержания идейно-воспитательной работы, ее форм и методов, усиления наступательного характера пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения.

В центре внимания Пленума стояли актуальные задачи совершенствования идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, мобилизации духовной энергии и дальнейшего поднятия трудовой и социальной активности советского народа. Первое и основное в этом направлении состоит в том, чтобы решительно поднять всю нашу идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу на уровень тех больших и сложных задач, которые осуществляются партией в процессе совершенствования зрелого социализма. Весь этот комплекс проблем приобретает особо животрепещущее значение в условиях небывало напряженного и поистине глобального противоборства двух взаимоисключающих идеологий на мировой арене — буржуазной и коммунистической.

Вопросы, обсуждавшиеся на июньском Пленуме, нашли развернутое обоснование в Постановлении Пленума ЦК КПСС от 15 июня 1983 г. «Массово-политическая работа,— говорится в этом постановлении,— призвана крепить единство партии и народа, повышать коммунистическую убежденность, политическую активность трудящихся, развивать их творческую энергию. Формирование сознания коммунистов и всех членов нашего социалистического общества — задача не только идеологических работников. Это — дело всей партии»[72].

[72] Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии: Постановление Пленума ЦК КПСС 15 июня 1983 года.— Коммунист, 1983, № 9, с. 40.

Отмечая все большее выдвижение идеологической работы в современных условиях на первый план, Центральный Комитет партии с особенной силой, как и на предшествующих форумах, сосредоточил внимание на теоретическом и социально-политическом вопросе первостепенной важности — вопросе о развитом социализме.

Диалектико-материалистический подход Коммунистической партии Советского Союза к проблеме развитого социализма ярко проявился на июньском (1983 г.) Пленуме Центрального Комитета партии. Проблематика зрелого социализма должна находиться на магистральном направлении развития общественных наук в СССР. «Речь идет о том,— говорил К. У. Черненко,— чтобы, отправляясь от уже добытых истин, двигаться вперед, расширяя наш теоретический горизонт, углубляя представления о важнейших закономерностях экономического, социально-политического и духовного прогресса страны. Речь идет и о том, чтобы не толковать развитость, зрелость советского общества как его полное совершенство, не идеализировать достигнутое. Надо сосредоточить усилия всех общественных наук на конструктивной разработке методов и средств достижения наших ближайших и перспективных целей»[73].

Творческое обобщение Коммунистической партией опыта построения новой общественной формации позволило не только выделить в рамках ее первой фазы особый период зрелого или развитого социализма, но и поставить вопрос о динамике и структуре самого этого периода, характеризуя его современное состояние как начальную ступень его развития. Последующие ступени будут означать достижение им все более высокой зрелости. Совершенствование развитого социализма составляет главное содержание деятельности партии и народа на современном этапе.

Со всем этим связаны и конкретно-исторический подход ЦК КПСС к Программе партии, обоснование необходимости внесения в нее ряда новых обобщений и уточнений в связи с накопленным опытом. «Строить новый мир,— говорил на внеочередном Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 13 февраля 1984 г. товарищ К. У. Черненко,— это значит неустанно заботиться о формировании человека нового мира, о его идейно-нравственном росте. Именно под этим углом зрения, как известно, рассмотрел вопросы идеологической, массово-политической работы июньский Пленум ЦК. В соответствии с его установками партия будет добиваться, чтобы эта работа полностью отвечала характеру больших и сложных задач совершенствования развитого социализма.

Осмыслить эти задачи в их комплексе, наметить четкую долгосрочную стратегию их решения, показать связь наших текущих дел с коммунистической перспективой — вот что должна нам дать

[73] Там же, с. 20.

новая редакция партийной программы. Ее подготовке Центральный Комитет придает огромное значение»[74].

Этот подход к важнейшему партийному документу — Программе КПСС является ярким и убедительным примером последовательно научного и революционного диалектико-материалистического анализа общественной жизни в ее непрестанном развитии, диалектикой в действии.

В период зрелого социализма благодаря руководству и постоянной заботе партии в советской философской науке достигнуты плодотворные результаты. Значительно улучшились организационные и кадровые условия ее развития, растет научная продукция, увеличился ее исследовательский потенциал. Никогда еще в прошлом не выпускалось в нашей стране такого количества философских книг — ежегодно их выходит более 600 названий[75].

Большая работа по собиранию, научной подготовке к изданию и пропаганде теоретического наследия Маркса, Энгельса и Ленина проводится Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

По решению ЦК КПСС Институт марксизма-ленинизма выпустил в 1954—1966 гг. второе издание собрания Сочинений Маркса и Энгельса, в которое вошло около 1000 новых документов основоположников научного коммунизма, ранее не входивших в это собрание. Кроме того, ИМЛ при ЦК КПСС совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии приступил к выпуску Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала (МЕЦА). Выход в свет этих изданий значительно расширяет источниковедческую базу для всех общественных наук, в том числе и для марксистско-ленинской философии, для борьбы против буржуазной идеологии, ревизионизма и антикоммунизма.

По постановлению ЦК КПСС Институт марксизма-ленинизма подготовил и выпустил в свет в 1958—1965 гг. пятое — Полное собрание сочинений В. И. Ленина в 55 томах, в которое вошли не только завершенные произведения, но и подготовительные материалы — планы, конспекты, наброски, поправки к документам и др. Всего этим фундаментальным изданием охвачено около 9 тыс. произведений и документов В. И. Ленина, в том числе около 1100 работ, публикуемых впервые. Продолжалась публикация новых, ранее неизвестных читателю документов из архивного фонда В. И. Ленина — вышло уже тридцать девять Ленинских сборников. Общий тираж произведений В. И. Ленина, изданных за годы Советской власти, превысил 530 млн. экземпляров.

Вышли в свет и регулярно переиздаются подготовленные ИМЛ при ЦК КПСС научные биографии Маркса, Энгельса и В. И. Ле-

[74] Правда, 1984, 14 февр.

[75] См.: Высокий долг советских философов.— Правда, 1975, 19 сент.

нина, включающие анализ их гениального вклада в философию и социологию. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издаются Хроника жизни В. И. Ленина, многотомная история партии и другие труды большой актуальной идейно-теоретической значимости, подготавливается фундаментальная работа по истории и теории марксизма-ленинизма. Будучи центром изучения идейного наследия Маркса, Энгельса, Ленина, Институт марксизма-ленинизма призван, согласно указаниям ЦК КПСС, координировать всю научно-исследовательскую работу в области историко-партийной науки, сосредоточивая главное внимание на разработке актуальных проблем истории КПСС, научного коммунизма и международного коммунистического движения, марксизма-ленинизма в целом.

За последние десятилетия глубже и прочнее стали творческие контакты между различными философскими учреждениями Советского Союза. Большие задачи по координации планов научно-исследовательской работы возлагаются на Отделение философии и права АН СССР, в систему которого входит и Институт философии АН СССР, являющийся головным, ведущим философским учреждением страны.

Благодаря постоянному вниманию и помощи ЦК КПСС и партийных органов советских республик значительно окрепли за последние десятилетия научные философские учреждения в союзных и автономных республиках. Ученые республик широко привлекаются к участию в коллективных трудах, подготавливаемых Институтом философии АН СССР. Институт философии АН СССР многое делает для формирования квалифицированных философских кадров в нашей стране и странах социалистического содружества. За время его существования в нем получили подготовку и защитили докторские диссертации свыше 200 чел., а кандидатские — более 700 чел. Немало ученых союзных и автономных республик, получив подготовку в Институте философии, стали видными исследователями, организаторами и руководителями философских учреждений в своих республиках, краях и областях. За заслуги в развитии и пропаганде философской науки Институт философии АН СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1979 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Центрами организации марксистско-ленинской философской подготовки аспирантов и научных сотрудников, оказывающими научно-методическую помощь методологическим семинарам, ведущим исследовательскую и пропагандистскую работу в области философии, являются также Московская, Ленинградская, Казанская, Новосибирская, Уральская и другие кафедры философии в системе Академии наук СССР и соответствующие кафедры академий наук союзных республик. Большую исследовательскую работу и подготовку кадров ведут философские кафедры Академии общественных наук при ЦК КПСС, Московской, Ленинградской, Киевской, Минской, Бакинской и других высших партийных школ, а также учебных заведе-

ний системы Министерства высшего образования. Важную роль в подготовке философских кадров, развитии и распространении марксистско-ленинских идей, в научно-исследовательской работе по философии играют Институт социологических исследований АН СССР, философские факультеты Московского, Ленинградского, Киевского, Ростовского, Тбилисского, Уральского университетов, философские отделения Белорусского, Азербайджанского, Ташкентского, Казахского и других университетов. В разработке философских проблем естественных наук и психологии активно участвуют Институт истории естествознания и техники АН СССР и Институт психологии АН СССР, входящие в состав Отделения философии и права АН СССР.

В системе Президиума Академии наук СССР организованы Научные советы по важнейшим направлениям марксистско-ленинской философии: по исследованию проблем мира и разоружения (председатель — академик П. П. Федосеев), по проблемам зарубежных идеологических течений (председатель — академик М. Б. Митин), по проблемам эстетики (председатель — академик А. Г. Егоров), по истории общественной мысли, включая историю философии и социологии (председатель — член-корреспондент АН СССР М. Т. Иовчук), по философским и социальным проблемам науки и техники (председатель — член-корреспондент АН СССР И. Т. Фролов).

Созданы Философское общество СССР (президент — академик Ф. В. Константинов) и Советская социологическая ассоциация (президент — доктор философских наук Х. Н. Момджян). Систематически проводятся всесоюзные и республиканские философские конференции, симпозиумы, семинары. Все это способствует усилению научно-исследовательской и пропагандистской деятельности, росту профессионализма специалистов в области марксистской философии.

Наряду с журналом «Вопросы философии», являющимся органом Института философии АН СССР, с 1958 г. выходит в качестве органа Министерства высшего и среднего специального образования СССР журнал «Философские науки». Свою лепту в разработку и пропаганду материалистического понимания истории вносит журнал «Социологические исследования», основанный в 1974 г. На Украине издается журнал «Философська думка» (Философская мысль) — орган Института философии АН УССР. Актуальные вопросы философии, социологии, теории научного коммунизма, этики и эстетики освещаются в журналах «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», «Научный коммунизм» и других периодических изданиях.

Определенное итоговое выражение, успехи, достигнутые на данном этапе философской науки, и ее общий уровень нашли в таком фундаментальном издании, как первая в истории марксистская «Философская энциклопедия» (М., 1960—1970. Т. I—V, гл. ред. Ф. В. Константинов), в четырехтомном коллективном исследовании «Материалистическая диалектика как общая теория развития» (М.,

1982, Кн. 1—3, под рук. и общ. ред. Л. Ф. Ильичева), в пятитомной коллективной монографии «Материалистическая диалектика» (М., 1981—1982. Т. 1, 2, под ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова и др.), в коллективном труде «Марксистско-ленинская теория исторического процесса (М., 1982, рук. автор. коллектива Ф. В. Константинов, отв. ред. Ю. К. Плетников), в учебнике «Основы марксистской философии» (М., 1980, под рук. Ф. В. Константинова), в учебнике В. Г. Афанасьева «Основы философского знания» (М., 1981. 12-е изд.), в книгах «Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории» (М., 1980, под рук. П. Н. Федосеева) и «Научный коммунизм» (М., 1983. 6-е изд., под рук. П. Н. Федосеева). В справочных изданиях: «Философский энциклопедический словарь» (М., 1983, гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов), «Философский словарь» (М., 1980. 4-е изд., под ред. И. Т. Фролова), «Краткий словарь по философии» (М., 1982, 4-е изд., под общ. ред. И. В. Блауберга и И. К. Пантина), «Словарь по этике» (М., 1970. 2-е изд., под ред. О. Г. Дробницкого и И. С. Кона), «Атеистический словарь» (М., 1983 под ред. М. П. Новикова), «Словарь по научному коммунизму» (М., 1983. 4-е изд., доп., под ред. А. М. Румянцева).

Неуклонно расширяются международные научные связи советских философов. С конца 50-х — начала 60-х годов участие ученых СССР в работе международных философских и социологических конгрессов приобрело систематический характер. Особенно тесными и многосторонними стали формы творческого сотрудничества советских философов с их коллегами в социалистических странах. Связи, осуществляемые в этом направлении Институтом философии АН СССР, предусматривают прохождение в нем аспирантской подготовки и стажировки философами из стран социалистического содружества. Ведутся совместные исследования и создаются научные труды (примером может служить фундаментальный советско-болгарский трехтомный труд «Ленинская теория отражения и современная наука» и др.). Проводятся совместные исследования по актуальным проблемам: «Философские вопросы научно-технической революции», «Методологические проблемы истории философии», «Марксистско-ленинское философское наследие и современная идеологическая борьба», «Диалектика и социализм», «Мировоззренческие и методологические проблемы марксистско-ленинской философии», «Философское наследие Востока и современность» и др. Функционируют двусторонние и многосторонние проблемные комиссии, объединяющие ученых социалистических стран, регулярно проводятся совещания директоров институтов философии и социологии, редакторов философских и социологических журналов социалистических стран. Академии наук и другие научные учреждения стран социалистического содружества разрабатывают перспективные научные планы совместных исследований и координации научной работы в области философии. Научные проблемные комиссии накопили солидный

опыт совместной творческой работы в области философии. В рамках проблемных комиссий в ряде стран действуют рабочие группы, которые также ведут исследовательскую, научно-организационную и издательскую деятельность. Обмен информацией и опытом работы, активное сотрудничество развертываются и в форме двустороннего сотрудничества ученых социалистического содружества. Дружная исследовательская работа философов ряда социалистических стран усиливается. Повышается влияние советской философской науки, философской мысли других социалистических стран в Международной федерации философских обществ, в Международной социологической ассоциации и других международных научных обществах.

Внутренняя логика развития науки, освоение философского наследия, накопленного опыта, а также условия обострения идеологической борьбы на международной арене стимулировали в последние годы внимание философов к вопросам, связанным с более глубоким, чем прежде, выявлением актуального общественного, идеологического значения и роли марксистской философии, ее внутренней связи с политикой, с другими формами общественного сознания, с потребностями общественной практики.

Вопреки буржуазным критикам марксизма-ленинизма, противопоставляющим философию как науку и как идеологию, советские философы исходят из ленинской идеи об органическом сочетании, единстве в марксистском мировоззрении подлинной научности и революционной партийности. Марксистско-ленинская философия — строгая наука, отражающая действительность в ее закономерном развитии, дающая объективное знание. Вместе с тем она — составная часть революционной идеологии рабочего класса, научного мировоззрения его партии, преследующих свои классовые цели, опирающихся на научное, объективное знание о законах развития мира.

Марксистско-ленинская философия служила и служит теоретической основой политики коммунистических партий, международного коммунистического и рабочего революционного движения. Попытки оторвать философию от политики или противопоставить общественные интересы и политическую деятельность рабочих организаций марксистско-ленинской философии, предпринимаемые современными ревизионистами, неизбежно приводят к превращению их философских построений в абстрактные безжизненные конструкции. Советские философы преодолели бытовавшие некогда примитивные, упрощенные трактовки связи философии и политики, лишавшие философию тех ее функций, в основе которых лежит познание объективных законов развития общества, научное отражение действительности в человеческом мышлении.

Марксистско-ленинская философия имеет ярко выраженный мировоззренческий характер, является теоретическим фундаментом мировоззрения Коммунистической партии.

Продолжая разработку так называемых традиционных категорий диалектического материализма, обоснованных Марксом, Энгельсом, Лениным, советские философы в современных условиях обращают значительное внимание на разработку проблемы противоречий, их типологии, структуры, развития. Закон единства и борьбы противоположностей анализируется в связи с другими законами диалектики и такими ее категориями, как общее, особенное и единичное, сущность и явление, форма и содержание и др. Это позволило более глубоко представить целостный характер процесса развития и его сложный внутренний механизм.

Многое, однако, в этой области еще недостаточно полно и глубоко исследовано советскими философами — особенно в плане разработки диалектики общественного бытия и сознания. Партия обращает особенное внимание на необходимость своевременного и всестороннего выявления противоречий, присущих социализму, познания их своеобразия, конкретных форм, путей и способов их разрешения.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что вопрос о противоречиях как движущей силе общественного развития имеет весьма важное значение для теории и практики борьбы за коммунизм.

Советские философы стремятся освещать законы и категории диалектического материализма не статично и не порознь, путем раскладывания «по полочкам» какой-либо схемы, а в процессе их имманентного развертывания в конкретно-исторических условиях, в единстве, памятуя, что все они образуют грани, стороны, аспекты единого целого, выявляют объективную логику целостного диалектического процесса. Сделаны некоторые шаги для выработки различных логических моделей системы категорий диалектического материализма.

Опыт развития марксистской философии в СССР убедительно показал необходимость рассмотрения методологической функции диалектического материализма в тесной, неразрывной связи с ролью философии как мировоззрения. Это имеет актуальное значение для последовательного проведения принципа партийности философии, в частности в борьбе с попытками субъективирования диалектики, идеалистически-схоластического выхолащивания ее содержания современными ревизионистами и буржуазными советологами.

Борясь с антимарксистскими извращениями, имеющими целью «дематериализацию» диалектики, ее отрыв от материалистической теории, лишение ее прочной жизненной основы и революционной направленности, философы-марксисты продолжили в соответствии с новейшими достижениями науки разработку учения о материи, объективных формах ее существования и развития.

Более всестороннему, чем в предшествующие периоды, исследованию был подвергнут широкий спектр вопросов теории познания. Развитие научно-технической революции, потребности философско-

теоретической интерпретации успехов естественных наук, неотложные запросы общественного развития обусловили необходимость дальнейшей разработки диалектико-материалистической теории отражения, исследования субъект-объектных отношений, природы идеального, специфики познавательного образа, знаков и символов, взаимосвязи философских и общенаучных понятий, роли абстрактного мышления, интуиции, творческого воображения, опережающего характера отражения на уровне человеческого познания. Советские философы стремятся к многостороннему осмыслению роли практики в познании, ее структуры, соотношения ее гносеологической и социальной функций, к разоблачению ревизионистских попыток исказить марксистско-ленинское понимание теоретико-познавательного статуса практики в духе пресловутой «праксеологии».

В процессе разработки теории познания диалектического материализма советские марксисты все в большей мере опираются на данные современной науки — кибернетики, теории информации, общей теории систем, нейрофизиологии и психологии, лингвистики и семиотики.

В период развитого социализма широко развернулись исследования философских проблем естествознания. Ныне это одно из плодотворно развивающихся направлений диалектико-материалистической философии. Периодически проводятся Всесоюзные совещания по этому кругу вопросов, успешно работают методологические семинары в научных учреждениях и вузах, руководимые видными учеными. Все это содействует укреплению союза между диалектическим материализмом и естественными науками, завещанного В. И. Лениным. В книгах «Проблемы философии и методологии современного естествознания», «Физическая наука и философия», «Философские проблемы астрономии XX века», «Астрономия, методология, мировоззрение», «Философские проблемы биологии», в крупных коллективных трудах по философским вопросам естественных наук активное участие приняли наряду с философами (Б. М. Кедров, С. Р. Микулинский, М. Э. Омельяновский, П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов и др.) и выдающиеся естествоиспытатели современности (А. П. Александров, А. Д. Александров, В. А. Амбарцумян, П. К. Анохин, Д. К. Беляев, Д. И. Блохинцев, Е. П. Велихов, В. М. Глушков, Н. П. Дубинин, П. Л. Капица, А. А. Логунов, М. В. Келдыш, М. А. Марков, Г. П. Марчук, Ю. А. Овчинников, А. И. Опарин, Н. Н. Семенов, Е. К. Федоров, В. А. Фок, В. А. Энгельгардт и другие ученые).

Важнейшие итоги исследований философских проблем современного естествознания изложены в серии трудов «Диалектический материализм и современное естествознание». В этой серии вышли книги: «Предмет и взаимосвязь естественных наук», «Структура и формы материи», «Материалистическая диалектика и методы естественных наук», «Пространство. Время. Движение», «Ленин и современное естествознание», «Современный детерминизм», «Законы

природы», «Синтез современного научного знания» и др. В подготовке книги «Ленин и современное естествознание» приняли участие наряду с советскими учеными выдающиеся иностранные деятели науки: Дж. Бернал, С. Паули (Англия), Тодор Павлов (Болгария), С. Саката (Япония) и др.

Проведенные исследования позволили глубже уяснить методологическую роль материалистической диалектики, ее взаимосвязь с общенаучными методами и принципами познания, с частными методами наук о природе, углубили понимание содержания философских категорий, а также позволили разработать новые категории, имеющие важное гносеологическое значение.

Новые горизонты раскрываются перед естествознанием и философией в связи с развитием космонавтики. Опубликованы работы по философско-методологическому обоснованию и прогнозированию прогресса космонавтики, изучается оптимальное сочетание космической деятельности человечества с освоением природы Земли, Мирового океана и др.[76]

Эффективность дальнейших научных исследований в условиях научно-технической революции в развитом социалистическом обществе в значительной степени зависит от тесного взаимодействия естественных, технических и общественных наук.

В тесной связи с развитием науки, научно-технической революции, с ростом возможностей и влияния марксистско-ленинской философии находится возрастание роли научного атеизма. Ленинская идея нераздельности воинствующего материализма и воинствующего атеизма полностью сохраняет свою актуальность в наше время. Критика религиозно-теологических концепций, пытающихся увести массы от реальной борьбы за социализм в царство потустороннего и сверхъестественного, в мир иллюзий, научно-атеистическое просветление сознания масс играют важную роль в современной идеологической борьбе, в коммунистическом воспитании трудящихся. Естественно, что Коммунистическая партия уделяет, как и на предыдущих этапах исторического развития, значительное внимание научно-атеистической работе. В 1964 г. был создан Институт научного атеизма в составе Академии общественных наук при ЦК КПСС. Организованы кафедры атеизма в Московском, Ленинградском, Киевском и других университетах. Наряду с журналом «Наука и религия» выходит периодическое издание «Вопросы научного атеизма», выпускается серия книг «Научно-атеистическая библиотека».

[76] См.: Философские исследования естествознания: проблемы, источники, перспективы.— Вопр. философии, 1976, № 2; *Федосеев П. Н.* Философия и интеграция знания.— Вопр. философии, 1978, № 7; *Он же.* В. И. Ленин и философские проблемы современного естествознания.— Вопр. философии, 1981, № 6; *Урсул А. Д.* Союз философии и естествознания.— Вопр. философии, 1980, № 12; *Ахундов М. Д., Молчанов Ю. В., Степанов Н. И.* Философские вопросы физики.— Там же; *Казютинский В. В.* Философские проблемы исследования Вселенной.— Там же; *Урсул А. Д., Школенко Ю. А.* Социально-философские проблемы освоения космоса.— Вопр. философии, 1981, № 1.

В работах советских философов, исследующих проблемы научного атеизма и религиоведения, рассматриваются такие проблемы, как предмет научного атеизма, социальная природа и корни религии, структура религиозного сознания, взаимосвязь религии с другими формами общественного сознания, критерии и типы религиозности, место религии в истории общества, религия и мораль, система ценностей в религиозной морали, объективные и субъективные факторы сохранения религиозных пережитков при социализме, идеологические факторы секуляризации, коммунизм и религия и т. д. Одним из новых направлений в марксистском религиоведении является изучение психологии религиозных чувств и верований. Все в большей мере объектом марксистского анализа становятся проблемы эволюции религий, попытки их модернизации, кризис современного религиозного сознания, социально-философские и другие аспекты ислама (ислам и политика, ислам и этика, ислам и женщина и т. д.), буддизма, христианского сектантства, судьбы экуменического движения и т. д.[77]

Важнейшее место в теоретической деятельности КПСС занимают вопросы диалектики общественного развития. Партия уделяет неослабное внимание проблемам перехода от капитализма к социализму и от социализма к коммунизму, соотношения общего и особенного в ходе становления и развития социализма в различных странах, конкретному своеобразию мирового революционного процесса. В программных документах КПСС анализируются закономерности и особенности современной классовой борьбы на международной арене, новые явления в мире капитализма, специфика нынешнего этапа общего кризиса капитализма; выявляются новые черты, свойственные современному империализму,— резкое возрастание роли военно-промышленного комплекса, транснациональных монополий и т. п.

Особенное значение партия придает научному обобщению опыта, мирового социализма. Исследование закономерностей борьбы за социализм все больше обогащается конкретным опытом преобразований и мероприятий социалистического и демократического характера, осуществляемых в различных странах. Историческая практика показывает, что ни в одной из социалистических стран формы, методы, пути социалистических преобразований не были механическим повторением чужого опыта. Как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК партии XXVI съезду КПСС, «все социалистические страны осуществили революции по-своему, в формах, которые диктовались соотношением классовых сил внутри каждой из этих стран, национальным укладом и внешней обстановкой.

Была и вооруженная борьба, были и мирные формы перехода к новой общественной системе; быстрый переход к власти трудя-

[77] См.: *Андреев Г. А., Евдокимов В. И., Сухов А. Д., Филимонов Э. Г.* Научный атеизм за 50 лет.— Вопр. философии, 1967, № 10; *Пашков Н. А.* Актуальные проблемы научно-атеистических исследований (1967—1973).— Филос. науки, 1977, № 1.

щихся классов и процессы, растянувшиеся во времени. В одних странах революции пришлось защищаться от иностранной интервенции, в других обошлось без вторжения извне.

Создание и укрепление основ социализма, строительство социалистического общества... также имели и имеют в различных странах свои особенности»[78].

Историческая практика подтверждает вместе с тем, что своеобразие движения к социализму в разных странах отнюдь не устраняет и не заменяет коренные, основополагающие закономерности борьбы за социализм. Перед марксистско-ленинской философией и социологией стоит задача дальнейшего осмысления общих закономерностей и особенностей мировой социалистической системы как нового социально-исторического феномена, ее роли как главной революционной силы нашей эпохи, как ускорителя исторического прогресса, решающего фактора мирового общественного развития.

Рассматривая страны социализма, их политику как мировой фактор громадной значимости и характеризуя отношения между ними как новый, невиданный прежде тип международных отношений, КПСС в полной мере учитывает и современный опыт, свидетельствующий о различиях между отдельными странами в области экономики и культуры, в путях и методах решения задач строительства социализма. «История мирового социализма подтверждает, что социалистический строй создает все возможности для уверенного прогресса общества и гармоничных взаимоотношений между странами. Мы видим немало примеров того, как эти возможности реализуются на основе принципов социалистического интернационализма, которые включают в себя как безусловное уважение суверенных прав каждой страны, так и взаимную товарищескую поддержку, взаимную помощь. Но, как показывает опыт, все это само собой не приходит. Чтобы возможности были претворены в жизнь, необходима правильная политическая линия.

За ошибки в политике приходится расплачиваться. Когда ослабевает руководящая роль компартии, возникает опасность соскальзывания к буржуазно-реформистскому пути развития. Теряется связь партии с народом — и в возникшем вакууме появляются самозванные претенденты на амплуа выразителей интересов трудящихся. Нет отпора националистическим настроениям — и возникают межгосударственные конфликты, для которых, казалось бы, и базы-то нет в социалистическом мире.

И особенно важно, конечно, чтобы имеющиеся различия не мешали развитию сотрудничества. Обеспечить это — святая обязанность коммунистов, правящих коммунистических партий. В конце концов то, что нас может разделять, неизмеримо меньше того, что есть у нас общего как у строителей нового общества.

[78] Материалы XXVI съезда, с. 17.

Мы за дружбу со всеми странами социализма. Что касается наших ближайших друзей и союзников — стран социалистического содружества, то у нас общее мнение: жизнь требует не просто расширения сотрудничества, но и повышения его качества, эффективности.

Это означает, во-первых, дальнейшее совершенствование политического взаимодействия, важнейшим инструментом которого служит Организация Варшавского Договора. Мы представляем себе дело так, что в этой сфере наше сотрудничество будет все более тесным. Оно, конечно, и впредь будет развиваться с учетом особенностей положения, а также специфических интересов отдельных государств. Вместе с тем совместно определяемый общий курс будет все более прочным сплавом мнений и позиций братских стран.

Мы стремимся, во-вторых, к качественно новому уровню экономической интеграции. Без нее уже сегодня невозможно представить себе жизнь стран социалистического содружества. В перспективе же интеграция станет все более глубокой, всеохватывающей и эффективной, надежно обеспечивая укрепление национальных экономик стран-участниц. На это направлены наши совместные усилия.

Наконец, в сфере духовной жизни мы предвидим дальнейшее идейное сближение братских народов, укрепление чувства единства, общности исторических судеб, расширение обмена ценностями культуры.

Разумеется, все это — процессы длительного характера. Они идут уже сегодня, но в еще большей мере будут сказываться завтра, в грядущие десятилетия. И мы убеждены, что, чем выше и чем ближе друг к другу будут уровни общественного развития стран социализма, тем больше будет между ними взаимопонимания, тем органичнее, богаче и глубже будет их сотрудничество.

Объективный научный анализ существа разногласий, когда они возникнут по тем или иным вопросам между отдельными странами социализма, а также между некоторыми братскими партиями в мировом комдвижении... и поиск путей укрепления сплоченности коммунистов — это, безусловно, одна из важных задач партии в международном плане»[79].

Социально-философские исследования, проводимые в СССР, охватывают национально-освободительные движения, революционные процессы, развертывающиеся в освободившихся от колониального гнета странах. Особо существен для понимания происходящих в мире на современном этапе освободительных, революционных процессов опыт развития государств социалистической ориентации. Изучая такие принципиально важные явления современности, как ликвидация колониальной системы империализма, возросшая политическая роль на мировой арене десятков молодых государств, многие из которых ставят своей целью развитие в направлении социализма,

[79] Коммунист, 1983, № 9, с. 13—14.

марксистские философы и социологи, специалисты в области научного коммунизма разрабатывают теоретические проблемы упрочения союза мирового социализма с национально-освободительными движениями, другие вопросы мирового революционного развития.

Важную роль в теоретическом осмыслении борьбы за сплочение международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения играет творческий обмен опытом его участников, разного рода научные форумы, как, например, научная конференция, проведенная в июне 1975 г. в Москве «Коммунистическое движение за мир, национальное и социальное освобождение (к 40-летию VII конгресса Коминтерна)».

Одним из заметных результатов деятельности советских ученых в исследовании диалектики мирового революционного процесса является фундаментальный многотомный труд «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» (председатель Главной редакционной комиссии Б. Н. Пономарев), подготавливаемый большим коллективом специалистов. Существенную роль в деле координации усилий советских марксистов в указанной области играет Научный совет по комплексной проблеме «История международного рабочего и национально-освободительного движения» при Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР [80].

За последние десятилетия, особенно в 70-х —80-х годах, обогатилась проблематика научно-исследовательской работы в области теории исторического материализма и примыкающих к нему дисциплин [81].

[80] См.: *Пономарев Б. Н.* Избранное: Речи и статьи. М., 1977; *Он же.* Под знаменем Ленина — за мир и социализм.— Избр. произведения. М., 1981, т. 1. *Он же.* Живое и действенное учение марксизма-ленинизма: (Ответ критикам). 3-е изд., доп. М., 1981; *Брутенц К. Н.* Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979; *Загладин В. В.* Мир социализма и рабочее движение. М., 1973; *Он же.* Историческая миссия рабочего класса и современное рабочее движение. М., 1979; *Он же.* Историческая миссия социалистического общества. М., 1981; *Зародов К. П.* Социализм, мир, революция. М., 1977; *Он же.* Экономика и политика в революции. М., 1980; *Ермоленко Д. В.* Социология и проблемы международных отношений. М., 1977; *Иноземцев Н. Н.* Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972; *Красин Ю. А.* Теория социалистической революции: Ленинское наследие и современность; *Ульяновский Р. А.* Современные проблемы Азии и Африки. М., 1978; *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. 3-е изд. М., 1978; *Чертков И. П.* Диалектика революционного процесса. М., 1978; Идеологическая борьба и мировой революционный процесс. М., 1978; *Тимофеев Т. Т.* Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М., 1979; Мирное сосуществование и борьба за социальный прогресс. М., 1979; Всемирно-исторический опыт рабочего движения: Результаты и проблемы научных исследований.— Коммунист, 1981, № 7.

[81] См.: Исследования в области исторического материализма в 1971—1975 годах.— Вопр. философии, 1976, № 5; XXVI съезд КПСС и актуальные социально-философские исследования.— Вопр. философии, 1981, № 4; *Федосеев П. Н.* XXVI съезд КПСС о задачах науки в новой пятилетке.— Там же; Актуальные проблемы материалистического понимания истории.— Коммунист, 1978, № 7; *Плетников Ю. К., Шевченко В. Н.* Исследования в области исторического материализма.— Вопр. философии, 1981, № 1; *Плетников Ю. К.* Проблемы дальнейшей разработки теоретической системы исторического материализма.— Филос. науки, 1981, № 4; *Ильичев Л. Ф.* Исторический материализм. Проблемы методологии. М., 1983.

Более углубленную трактовку получают вопросы о природе социально-исторических законов, механизме их действия, роли субъективного фактора — творческой инициативы, активности народных масс и их реализации и т. п. Особое значение приобрела в условиях глобальных масштабов воздействия человека на природу проблема диалектики противоречивого единства общества и природы, оптимизации их соотношения. В философских работах рассматриваются такие, в частности, стороны этой проблемы, как взаимодействие общества и природы в различных социально-исторических условиях, соотношение социальных и биологических факторов в развитии человека, методологические аспекты преодоления угрозы экологического кризиса и борьбы за сохранение окружающей среды. Этому кругу вопросов посвящен и ряд научно-организационных мероприятий, в частности проведение в 1982 г. научной конференции во Владивостоке «Взаимодействие общества, природы и техники», Всесоюзной школы-семинара на Байкале «Проблемы взаимодействия общества и природы», Всесоюзной школы-семинара в Новосибирске «Логика и методология науки», симпозиума в г. Обнинске «Диалектика научного и технического творчества».

Растущий интерес советских философов вызывает исследование общественно-экономических формаций, выявление их общих и специфических законов, логики и структуры их социального развития и функционирования, особенностей их проявления в современную эпоху.

В ходе изучения диалектики развития производительных сил и производственных отношений зрелого социалистического общества анализируется процесс превращения науки в непосредственную производительную силу, возрастание роли науки как социального института, ее значение в построении коммунизма.

Задача исторической важности, выдвинутая Коммунистической партией Советского Союза, состоит в том, чтобы органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы.

Научно-техническая революция развертывается в обстановке обострения отношения двух мировых систем, когда, с одной стороны, нарастает мощь и влияние в мире сил социализма, национально-освободительного движения, социального прогресса, а с другой — обостряется общий кризис капитализма, углубляются все его противоречия, усиливается агрессивность империалистической системы. В этих условиях Коммунистическая партия рассматривает вопрос о повышении эффективности социалистического общественного производства на основе всемерного использования достижений научно-технической революции как стержневую проблему не только развития социалистического общества, но и всей человеческой цивилизации.

Научно-техническая революция — одно из наиболее фундаментальных явлений современной эпохи. Она существенно меняет взаи-

модействие человека и природы в целом, вносит новые черты в социально экономические, политические, культурно-идеологические процессы. В связи с этим возникает необходимость охватить в марксистской теории научно-технической революции все стороны этого социально-исторического феномена, конкретнее уяснить его сущность во всем многообразии его проявлений. Эта задача может быть успешно решена объединенными усилиями марксистов-ленинцев различных стран.

Большое значение имеют конференции и симпозиумы философов и обществоведов социалистических стран, посвященные выяснению сущности и перспектив развития научно-технической революции, подготовленные ими совместные труды по этой проблематике.

Марксистско-ленинская теория рассматривает научно-техническую революцию как мировой процесс, совершающийся в двух разных социальных формах, соответствующих коренным чертам двух противоположных социально-экономических и политических систем.

Качественное отличие марксистско-ленинской теории научно-технической революции от буржуазных концепций НТР коренится в ее исходном принципе, утверждающем неразрывную связь прогресса науки и техники с социально-экономическим и политическим развитием человечества, с растущими и изменяющимися потребностями человека. Марксизм всегда связывал перспективы развития науки, техники, производства с расстановкой и соотношением классовых сил, с задачами революционного преобразования общества на коммунистических началах, с созданием общественного строя, который обеспечивает наряду с величайшим расцветом производительных сил также и самое всестороннее развитие личности. Диалектико-материалистическая всесторонность и последовательность, подлинный социалистический гуманизм, проявившиеся со всей силой в документах партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС, позволяют марксистско-ленинской теории научно-технической революции успешно противостоять и буржуазно-технократическим течениям, и мелкобуржуазной романтической технофобии, и сциентистским увлечениям, и всякого рода обличениям «демонизма» науки, столь характерным для современного буржуазного сознания [82].

Исследование проблем классов и межклассовых различий при социализме дополняется и конкретизируется в советской философ-

[82] См.: Идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1974; Научно-техническая революция: личность, деятельность, коллектив. Киев, 1975; Философско-социальные проблемы современной научно-технической революции. Киев, 1975; Философские проблемы прогнозирования социальных последствий научно-технической революции. Киев; Одесса, 1976; Философские проблемы научно-технической революции. Ташкент, 1976; Социально-философские проблемы научно-технической революции (исследования 1971—1975 гг.).— Вопр. философии, 1975, № 2; НТР и идеологическая борьба. М., 1977; *Ильичев Л. Ф.* Философия и научный прогресс. М., 1977; *Черненко М.* Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами развитого социализма. Киев, 1977; НТР и духовный мир человека. Алма-Ата, 1979.

ской литературе анализом внутриклассовых процессов, изменений социальной структуры зрелого социалистического общества, движения его к полной социальной однородности. Стирание классовых различий, становление социальной однородности общества являются в настоящее время делом практической политики партии. В материалах партийных съездов и в других директивных документах, в работах советских ученых подчеркивается ведущая роль рабочего класса в строительстве коммунизма и закономерное возрастание роли КПСС. «Важная задача идейно-воспитательной работы — добиваться того, чтобы революционная идеология и мораль рабочего класса, его коллективистская психология, интересы и взгляды определяли духовный облик всех советских людей. Пропагандируя успехи социализма, необходимо вместе с тем показывать пути преодоления трудностей, возникающих в процессе нашего развития»[83].

Научные исследования философов и социологов идут по пути теоретического осмысления нового социального явления, закономерно возникающего в ходе строительства социализма и успешно развивающегося в условиях зрелого социализма, явления, какого еще не знала и не могла знать мировая история человечества,— этим феноменом является единый советский народ как принципиально новая историческая общность людей. Эта социальная и интернациональная общность сложилась на основе общественной собственности на средства производства, единства экономической, общественно-политической и культурной жизни, единой марксистско-ленинской идеологии, интересов и коммунистических идеалов рабочего класса, отношений дружбы и сотрудничества между всеми классами и слоями, нациями и народностями социалистического общества; вдохновителем и руководящей силой советского народа является КПСС. Большое общественно-политическое, теоретико-методологическое значение имеет дальнейшее исследование реальных и многообразных процессов развития новой исторической общности — советского народа, диалектического соотношения общего и особенного в системе национальных отношений, объективных условий упрочения единого общественного сознания всего многонационального советского народа, единой социалистической культуры[84].

Следуя учению В. И. Ленина, советские философы придавали и придают большое значение исследованию диалектики интернационального и национального в развитии социалистических наций и народностей, процессов функционирования новых межнациональных отношений на базе социально-политического и идейного единства социалистического общества, на основе экономического, политического, культурного расцвета каждой социалистической нации, на

[83] Актуальные вопросы идеологической массово-политической работы партии: Постановление Пленума ЦК КПСС от 15 июня 1983 года.— Коммунист, 1983, № 9, с. 42.

[84] См.: *Ким М. П.* Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; *Федосеев П. Н.* Советский народ — строитель коммунизма.— Вопр. философии, 1977, № 7; Развитие советского народа — новой исторической общности. М., 1981.

почве общей марксистско-ленинской идеологии, социалистического интернационализма.

Опираясь на факты из жизни многонационального социалистического государства, советские философы внесли существенный вклад в теоретическое осмысление и пропаганду замечательного ленинского открытия в теории национального вопроса — возможности для ранее отсталых народов миновать, при определенных исторических условиях, капиталистическую стадию развития.

В неразрывной связи с изменением социально-классовой структуры советского общества, с ростом его социальной однородности, идейно-политического и морального единства находится совершенствование политической организации общества в условиях зрелого социализма, перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство, дальнейшее развитие социалистической демократии.

Переход общества на стадию зрелого социализма открыл новый период в развитии социалистической государственности, когда государство пролетарской диктатуры окончательно, полностью превратилось в политическую организацию всего народа — общенародное социалистическое государство, что нашло свое законодательное выражение в новой Конституции СССР. Общенародное государство в период развитого социализма призвано продолжить дело диктатуры рабочего класса, служить организующим началом в решении задач коммунистического строительства: создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования социалистических общественных отношений и их преобразования в коммунистические, воспитания человека коммунистического общества, повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечения безопасности страны, содействия укреплению мира и развитию международного сотрудничества. Функции советского общенародного государства — это прежде всего созидательная деятельность, организация процесса строительства коммунизма.

Видное место в философской и социологической литературе последнего десятилетия занимает разработка проблемы научного управления обществом. Опираясь на знание объективных законов общественного развития, на критику субъективизма и волюнтаризма, данную Коммунистической партией, советские марксисты стремятся всесторонне разрабатывать философско-методологические аспекты теории научного управления общественным развитием при социализме. В частности, исследуются научные принципы, функции, формы и методы управления, проблемы прогнозирования и планирования экономических и социальных процессов в целях содействия нормальному функционированию всех институтов зрелого социалистического общества, его непрерывного совершенствования.

Объектом исследования философов, социологов и других обществоведов являются дальнейшее развитие социалистического общественного сознания, его взаимодействие с индивидуальным со-

знанием, пути и закономерности его формирования, его различные уровни, соотношение идеологии и социальной психологии, общественно-теоретического и обыденного сознания. Появились и первые попытки теоретического обоснования проблемы ценностей в разных аспектах жизни общества и личности в период развитого социализма. Диалектико-материалистическая разработка этой проблематики неотделима от критики современной буржуазной аксиологии.

Объектом неослабного внимания является также проблема человека, всестороннее, гармоническое развитие человеческой личности.

Одно из направлений буржуазных и ревизионистских нападок на марксистско-ленинскую философию составляют ее обвинения в «сциентизме» и игнорировании человека на том основании, что она, занимаясь исследованием наиболее общих законов развития природы, общества и мышления, превратилась, мол, в «чистую науку», подобно другим конкретным наукам, и упустила якобы из виду философскую проблему человека, человеческой личности, проблему ее «отчуждения» и т. п. В связи с этим появились попытки подменить марксистскую философию «философской антропологией», идеалистическим учением о человеке «вообще», «абстрактным гуманизмом».

Труды советских философов, особенно в последние годы, убедительно доказывают несостоятельность этих и им подобных ложных обвинений в адрес марксистско-ленинской философии. Человек — традиционно важная, первостепенная тема в системе материалистического понимания истории. В марксистских исследованиях раскрывается истинное назначение и роль человека в мире, его отношение к действительности как социально-исторического существа. Только с позиций конкретно-исторического и реального революционного, марксистско-ленинского гуманизма могут быть правильно поняты истинная сущность человека, его внутренний мир, смысл его жизни, образ человеческой жизни, его развитие. Активно участвуя в комплексном исследовании проблемы человека, советские марксисты — философы, социологи, психологи — сосредоточивают внимание на таких вопросах, как личность и общество, человек и труд, человек как важнейшая производительная сила общества, личность как субъект общественных отношений, социальная роль и активность личности, социальная типология личности, социальная психология личности, формирование нового, социалистического типа личности, духовный мир советского человека, осуществление коммунистического идеала всесторонне развитой личности и т. п.[85]

То обстоятельство, что проблема человека, его потребностей и

[85] См.: *Тугаринов В. П.* Личность и общество. М., 1965; *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967; *Корнеев М. Я.* Проблемы типологии личности. Л., 1971; *Мысливченко А. Г.* Человек как предмет философского знания. М., 1972; *Сабиров Х. Ф.* Человек как социологическая проблема. Казань, 1972; *Гриворян Б. Т.* Философия о сущности человека. М., 1973; *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972; *Надольный И. Ф.* Человек и мораль Киев, 1972; *Архангельский Л. М.* Социально-этические проблемы теории лич-

интересов, необходимости его всестороннего развития занимает важнейшее место в марксистско-ленинском учении и находится в центре внимания Коммунистической партии, нашло свое яркое подтверждение в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Вопрос о человеке рассмотрен здесь в неразрывной диалектической связи с развитием общества, историческим процессом строительства коммунизма.

Осмысление и разработка социально-философских принципов социалистической демократии, проблем свободы и ответственности личности, диалектики возрастания роли духовной жизни общества в условиях развитого социализма обусловили активизацию исследования проблем социалистического образа жизни. Категория «социалистический образ жизни» наиболее рельефно раскрывает существенные характеристики и типологические черты жизнедеятельности советского человека. Изучая теоретико-методологические, социально-культурные, нравственные аспекты проблемы образа жизни, советские философы подвергли критике «новейшие» буржуазные и ревизионистские концепции образа жизни, показали качественное, принципиальное различие социалистического и буржуазного образа жизни, их противоположную классовую природу.

Первоосновой социалистического образа жизни является, как показано в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, честное, сознательное отношение к труду. Воспитание у каждого человека потребности в труде, ясного сознания необходимости добросовестного труда на общее благо, во имя победы коммунизма рассматривается партией как важнейшая задача. От укрепления дисциплины и организации труда зависит его производительность и, стало быть, весь уровень жизни трудящихся. Неуклонное осуществление этой задачи требует повседневной кропотливой работы.

Современная эпоха — это эпоха перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, эпоха величайших революционных преобразований, углубления общего кризиса капитализма и краха его колониальной системы, возрастающего влияния реального социализма на ход мировой истории. В силу всего этого современная эпоха требует творческого осмысления и теоретической разработки широкого круга международных проблем, диалектики мирового исторического развития. К ним относятся вопросы о войне

ности. М., 1974; *Садыков К. С.* Научно-техническая революция и личность в период развитого социализма. Ташкент, 1975; *Батенин С. С.* Человек в его истории. Л., 1976; Проблема формирования целостной личности: Материалы конференции. Рига, 1976; *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977; Человек и мир человека. Киев, 1977; *Кемеров В. Е.* Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977; *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1977; *Косолапов Р. И.* Быть или не быть личностью?— В ки.: С чего начинается личность. М., 1979; Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. Л., 1979; Личность в XX столетии: Анализ буржуазных теорий. М., 1979; *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. 2-е изд. М., 1980; *Бережной Н. М.* Проблема человека в трудах К. Маркса. М., 1981.

и мире, об отсутствии фатальной неизбежности войны в современных условиях, о значении борьбы всех прогрессивных демократических сил за мир; о всевозрастающем значении мирного сосуществования стран с различным общественным строем, о соотношении мирного сосуществования и классовой борьбы, о рабочем классе как главной движущей силе революционной борьбы, всего демократического, антиимпериалистического движения. Особенно актуальное международное значение имеют теоретические разработки вопроса о единстве всех революционных сил, о необходимости сплочения всех составных частей мирового революционного процесса — международного социализма, коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений — в общей борьбе против империализма, против поджигателей новой мировой войны, за прочный мир, национальную независимость, подлинную демократию и социальный прогресс. Среди проблем, требующих дальнейшей теоретической разработки, находятся вопросы о нераздельности борьбы за демократию и социализм, о пролетарском интернационализме как важнейшем факторе сплочения мирового революционного движения, о диалектической взаимосвязи интернационального и национального в мировом революционном процессе.

Работа XXVI съезда КПСС была сконцентрирована на обсуждении двух самых коренных взаимосвязанных проблем современности — коммунистического созидания и упрочения мира. Съезд подчеркнул, что для нашей партии и советского народа, для всех народов Земли ныне не существует в международном плане более важной задачи, чем отстоять и упрочить мир; эта задача, ее решение дают путеводную нить в завтрашний день.

Программа мира, выдвинутая и научно обоснованная Коммунистической партией Советского Союза и братскими партиями, исходит из того, что центральным вопросом современного мирового развития является вопрос о войне и мире. Мир — это важнейшая, необходимая предпосылка для решения острых проблем современной цивилизации, с которыми связано будущее человечества. Сохранение мира будет содействовать социальному прогрессу и станет условием для всестороннего сотрудничества народов в области экономики, науки, техники и культуры вообще. Формирование новой системы международных отношений, исключающих войну как средство решения спорных вопросов на международном уровне, является в наши дни важнейшей объективной потребностью исторического развития человечества. Проблемы мира выдвигаются в центр общественно-политической и идеологической борьбы.

Позитивная теоретическая разработка этих проблем проводится на основе марксистско-ленинского учения о характере социального прогресса и его движущих силах, о главном противоречии современной эпохи — между капитализмом и социализмом, о природе общественно-исторических законов и идеалов, о роли народных масс в истории.

Решение первостепенной и первоочередной глобальной проблемы войны и мира, углубление разрядки на международной арене, упрочение мирного сосуществования государств с различным общественным строем, усиление действенности этого принципа ведут к активизации и росту эффективности международного сотрудничества на всех уровнях, создают необходимые предпосылки для успешного решения и других назревших глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Глобальные проблемы закономерно вызывают всевозрастающий интерес общественности, государственных деятелей, представителей науки, техники, философии, искусства. Своеобразие этого круга вопросов, тесно связанных с современной эпохой, с характерной для нее интернационализацией производства и экономической жизни, с противоречиями современного общественно-исторического процесса, с переплетением и взаимодействием его различных сторон, состоит в их общемировом масштабе, в том, что они кровно касаются интересов всех стран и народов, всех социальных групп, судеб мировой цивилизации. Это, разумеется, не означает какой-либо надклассовости или наднациональности глобальных проблем, напротив, в первую очередь они затрагивают коренные жизненные интересы рабочего класса, многомиллионных трудящихся масс; представители различных классов и социальных систем подходят к этому кругу вопросов по-разному, со своих позиций, рассматривают их в свете своего мировоззрения. Наряду с проблемой войны и мира сюда относятся такие крупномасштабные, комплексные общечеловеческие проблемы, как сохранение природы на Земле, овладение новыми источниками энергии, освоение космоса, освоение ресурсов Мирового океана, успешное решение задач борьбы с голодом и болезнями и др. Оптимальное решение этих проблем требует объединенных усилий всех стран и народов, ученых и общественных деятелей, глубокого философского осмысления и широкого международного сотрудничества, выработки надежной, научно обоснованной, долговременной стратегии.

Советские философы, опираясь на указания Коммунистической партии, на диалектико-материалистическое учение о законах общественного развития, стремятся к комплексному, системному исследованию глобальных проблем в их взаимосвязи и взаимозависимости, выявляя их методологически-мировоззренческие, гуманистические аспекты. Этому кругу вопросов были посвящены дискуссии за круглым столом в журнале «Вопросы философии»: «Человек и среда его обитания» (1973, № 1—4), «Наука и глобальные проблемы современности» (1974, № 8—11), «Социально-философские проблемы демографии» (1974, № 9, 11; 1975, № 1). Эти же проблемы нашли отражение в ряде монографий и статей [86].

[86] *Гончаренко Н. Н.* Человек и природа. Этический аспект отношения человека к природе. Киев, 1974; *Тарасенко Н. Ф.* Философские аспекты отношения человека — природы. Киев, 1975. На укр. яз.; *Федоров Е. К.* Экологический кризис и социальный про-

Исключительно важным по своему значению разделом работы советских философов является критика современной буржуазной философии и философского ревизионизма. Если в предшествующие периоды эта критика подчас имела более или менее фрагментарный характер, то в последние десятилетия положение и здесь меняется к лучшему. Анализ буржуазных и ревизионистских концепций становится более основательным, аргументированным; прослеживается динамика борьбы, выявляются различные тенденции; критика все чаще сочетается с позитивной трактовкой рассматриваемых проблем с позиций диалектико-материалистической методологии. В коллективных трудах «Проблемы современной идеологической борьбы, развития, социалистической идеологии и культуры» (М., 1972), «Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами» (2-е изд., доп. М., 1974), «Критика современных буржуазных фальсификаторов истории философии СССР» (М., 1974), «Критика современных теорий конвергенции капитализма и социализма» (Киев, 1974), «Борьба идей в современном мире. Основные линии и коренные проблемы идеологической борьбы» (т. I—III, М., 1975—1978), «Философские проблемы идеологической борьбы» (М., 1978), «Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии» (М., 1979), «Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма» (М., 1980) и др. и в монографиях Б. Н. Бессонова, А. С. Богомолова, М. Т. Иовчука, Ф. В. Константинова, Р. И. Косолапова, Ю. А. Красина, М. Б. Митина, Х. Н. Момджяна, В. В. Мшвениерадзе, М. П. Мчедлова, С. Ф. Одуева, Т. И. Ойзермана, С. И. Попова, Л. В. Скворцова, П. Н. Федосеева и других советских ученых современная буржуазная и ревизионистская мысль подвергается многоаспектной, основательной критике. Шире и разнообразнее стала типология марксистских работ, направленных против идеологов империализма, реформистов и ревизионистов. Не-

гресс. Л., 1977; *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. 3-е изд.; Современная экологическая ситуация. Рига, 1978; *Тугаринов В. Б.* Природа, цивилизация, человек. Л., 1978; *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экономические прогнозы. М., 1978; *Гвишиани Д. М.* Глобальные проблемы и роль науки в их решении.— Вопр. философии, 1979, № 7; *Он же.* Методологические проблемы моделирования глобального развития.— В кн.: Философия, естествознание, современность. М., 1981; Наука, техника, человек, природа. Ташкент, 1980; *Палий В. Ф., Щербина В. Ф.* Диалектика духовно-практического освоения природы: Методологические аспекты. Л., 1980; *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1980; *Он же.* Философия глобальных проблем.— Вопр. философии, 1980, № 2; *Он же.* Человек и человечество в условиях глобальных проблем.— Вопр. философии, 1981, № 9; *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы и будущее человечества.— В кн.: Будущее науки. М., 1980, вып. 13; *Они же.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981; *Мчедлов М. П.* Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980; *Загладин В. В.* Методологические проблемы исследования глобальных процессов мирового развития.— Вопр. философии, 1981, № 3; *Он же.* Глобальные проблемы и социальный прогресс человечества.— Вопр. философии, 1983, № 4, 9; *Шахназаров Г. Х.* Грядущий миропорядок: О тенденциях и перспективах международных отношений. М., 1981; и др.

которые из этих исследований ориентированы на глобальный охват основных направлений современной идеалистической философии[87]. Ряд книг нацелен на критический анализ социально-философских и социологических буржуазных концепций[88]. Иногда исследователи, выходя за рамки одной страны и охватывая разные направления буржуазной философии, сосредоточиваются вместе с тем на определенном проблемном «срезе» — истории философии, гносеологии, этике и т. д.[89] В других работах дается «панорамный» разбор различных концепций в масштабе отдельной страны[90], исследуется определенное направление, представленное с теми или иными вариация-

[87] См., например: Современная философия и социология в странах Западной Европы и Америки. М., 1964; Современная буржуазная философия. М., 1972; Буржуазная философия XX века. М., 1974; Буржуазная философия кануна и начала империализма. М., 1977. Сюда примыкает и освещение кризиса современной буржуазной философии и социологии в «Истории философии» (М., 1965. Т. VI. Кн. 2). См. также: *Ойзерман Т. И.* Основные черты современной буржуазной философии. М., 1960; *Бакрадзе К. С.* Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960; *Ашин Г. К.* Основные направления современной буржуазной социологии. М., 1960; *Митин М. Б.* Философия и современность. М., 1960; Идеологическая борьба и социальные изменения в современном мире. Днепропетровск, 1974.

[88] См.: Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960; *Ойзерман Т. И., Окулов А. Ф.* Чему учит и кому служит современная буржуазная социология. М., 1960; Марксистская и буржуазная социология сегодня. М., 1964; *Осипов Г. В.* Современная буржуазная социология. М., 1964; *Попов С. И.* Критика современной буржуазной социологии. М., 1967; *Антонович И. И.* Современная философская антропология. Минск, 1970; *Курганский В. А.* Критика буржуазных концепций сущности человека. Киев, 1971; *Римаренко Ю.* Буржуазный национализм и его «теория» наций. Киев, 1974; *Табачковский В. Г.* Кризис буржуазного рационализма и проблемы человеческой личности. Киев, 1974; Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977; *Митин М. Б.* Философия и социальный прогресс: анализ современных буржуазных концепций социального прогресса. М., 1979; Личность в XX столетии: Анализ буржуазных теорий; *Митин М. Б., Гвишиани Д. М., Рихта Р.* Техника, общество, человек: (Критика буржуазных концепций «Философии техники»). М., 1981; *Федорова В. Г.* Критика социокультурных ориентаций в современной буржуазной философии. М., 1981; *Мшвениерадзе В. В.* Современное буржуазное политическое сознание: Философский аспект. М., 1981.

[89] См.: *Митин М. Б.* Философия и современность. М., 1960; *Богомолов А. С.* Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. М., 1962; *Яковлев М. В.* Марксизм и современная буржуазная история философии. М., 1964; *Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А.* Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1967; Современная идеалистическая гносеология: Критические очерки. М., 1968; *Кисселъ М. А.* Учение о диалектике в буржуазной философии XX века. Л., 1970; *Он же.* Судьба старой дилеммы: (Рационализм и эмпиризм буржуазной философии XX века). М., 1974; *Бусилинский В. А.* Идейная нищета «критиков» материалистической диалектики. Киев, 1973.

[90] См.: *Эфиров С. А.* Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968; *Богомолов А. С.* Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М., 1969; *Он же.* Английская буржуазная философия XX века. М., 1973; *Он же.* Буржуазная философия США XX века. М., 1977; *Кузнецов В. Н.* Французская буржуазная философия XX века. М., 1970; *Сахарова Т. А.* От философии существования к структурализму. М., 1974; *Забирако П. С.* Кризис буржуазной социологии в ФРГ. Киев; Одесса, 1975; Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978; *Вдовина И. С.* Эстетика французского персонализма. М., 1981.

ми в ряде стран[91], либо анализ фокусируется на той или иной философской школе[92]. Объектом критического разбора в некоторых работах являются отдельные буржуазные философы, особенно полно и наглядно выразившие специфику данного течения[93].

Значительное место в литературе 60—80-х годов занимает критика ревизионизма. В мире, охваченном классовой борьбой, подчеркивается в тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», нет и быть не может внеклассовой либо надклассовой идеологии. «В идеологической борьбе нет места нейтрализму и компромиссам. Марксисты-ленинцы отвергают оппортунистический тезис о мирном сосуществовании в области идеологии. Лучшее оружие против буржуазной идеологии — творческий дух ленинизма, непрерывное развитие и обогащение марксистско-ленинской теории на основе обобщения нового исторического опыта.

[91] См.: *Нарский И. С.* Современный позитивизм; Критический очерк. М., 1961; *Мшвениерадзе В. В.* Философия неопозитивизма и семантики. М., 1961; *Григорян Б. Т.* Неокантианство. М., 1962; Философия марксизма и неопозитивизма: Вопросы критики современного позитивизма. М., 1963; Современный объективный идеализм. М., 1963; *Гайденко П. П.* Экзистенциализм и проблема культуры. М., 1963; *Авалиани С. Щ.* Философия естествознания современного позитивизма. Тбилиси, 1964; *Кон И. С.* Позитивизм в социологии. М., 1964; *Соловьев Э. Ю.* Экзистенциализм и научное познание. М., 1966; *Он же.* Экзистенциализм: (Историко-критический очерк).— Вопр. философии, 1966, № 12; 1967, № 1; *Чалин М. Л.* В плену индивидуализма. М., 1966; Современный экзистенциализм. М., 1966; *Ендовицкий В. Д.* Критика философии американского критического реализма. М., 1968; *Гараджа В. И.* Неотомизм. Разум и наука: (Критика католической концепции научного знания). М., 1969; Проблема человека в современной философии. М., 1969; *Антонович И. И.* Современная «философская антропология». Минск, 1970; Философия марксизма и экзистенциализм. М., 1971; *Желнов М. В.* Критика гносеологии современного неотомизма. М., 1971; *Каримский А. М.* Философия американского натурализма. М., 1972; *Габитова Р. М.* Человек и общество в немецком экзистенциализме. М., 1972; *Быховский Б. Э.* Эрозия «вековечной» философии: (Критика неотомизма). М., 1973; *Лях В. В.* Критика интуитивизма современной буржуазной философии. Киев, 1975; *Курсанов Г. А.* Эволюция и кризис современного позитивизма. М., 1976; *Габриэлян Г. М.* Проблема человека во французском экзистенциализме. М., 1977; *Петянков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980; *Папин А. В.* Диалектический материализм и постпозитивизм (критический анализ некоторых современных буржуазных концепций науки). М., 1981; Критический рационализм: философия и политика (анализ концепций и тенденций). М., 1981; *Вдовина И. С.* Эстетика французского персонализма; *Долгов К. М.* Диалектика и схоластика: Критический анализ философии неотомизма. М., 1983.

[92] См.: Социальная философия Франкфуртской школы: (Критические очерки). М., 1975; *Давыдов Ю. Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977.

[93] См.: *Нарский И. С.* Философия Бертрана Рассела. М., 1962; *Какабадзе З. М.* Проблема «экзистенциального» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля. Тбилиси, 1966; *Мельвиль Ю. К.* Чарльз Пирс и прагматизм. М., 1968; *Горнштейн Т. П.* Философия Николая Гартмана. М., 1969; *Кузнецов В. Н.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969; *Одуев С. Ф.* Тропами Заратустры: (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию). М., 1971; *Причепий Е. Н.* Феноменологическая теория сознания Э. Гуссерля. Киев, 1975; *Филиппов Л. И.* Философская антропология Жан-Поля Сартра. М., 1977; *Зыкова А. Б.* Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета. М., 1978; *Семенов Ю. Н.* Социальная философия А. Тойнби: Критический очерк. М., 1980.

Коммунистическое движение развивалось и развивается в борьбе против реформизма, против всех видов оппортунизма, правого и „левого" ревизионизма.

Современный ревизионизм „усваивает" идеи различных антиленинских течений, которые в свое время потерпели крах в открытых схватках с марксизмом-ленинизмом, и с их помощью пытается проникнуть внутрь коммунистических партий с целью навязать им свою линию, используя проявления идейной незрелости и догматизма. Ревизионизм, учил Ленин, всегда означает политическую капитуляцию перед трудностями, перед классовым противником, отступление от пролетарских позиций, подмену марксизма буржуазными и мелкобуржуазными концепциями. Ревизионизм в теории прокладывает путь оппортунистической практике, стремясь включить рабочее движение в капиталистическую политическую систему.

На происки империализма и раскольников коммунисты разных стран отвечают сближением своих политических и теоретических позиций, сплочением своих рядов. Лучшим средством преодоления разногласий в международном коммунистическом движении является практическая борьба за общие цели. Единство — не декларация, не фраза, оно завоевывается в совместных действиях и борьбе»[94].

В советской литературе, направленной против ревизионизма, обличаются попытки современных противников революционного марксизма вытравить душу марксистского учения — диалектику, заменив ее эклектикой и софистикой, подорвать веру рабочего класса, трудящихся масс в социализм, отвергнуть руководящую роль марксистско-ленинской партии, расколоть интернациональное единство мирового коммунистического движения. На основе реальных исторических фактов, опыта современной классовой борьбы советские ученые опровергают домыслы новейших недругов революционного марксизма о «трансформации» капитализма в некое «индустриальное общество» вообще, о затухании классовой борьбы при капитализме, о «депролетаризации» рабочего класса капиталистических стран, различные варианты пресловутых теорий конвергенции, «метаидеологии» или «транснационального сознания», «плюрализации» марксизма и т. п. Рассчитанным на затемнение и дезориентирование народных масс «марксологическим», реформистским, ревизионистским мифам советские авторы противопоставляют марксистский анализ актуальных проблем общественного развития, широко используя при этом богатейший ленинский опыт борьбы с ревизионизмом.

Представители современного философского ревизионизма — от А. Лефевра и Э. Фишера до Г. Петровича, П. Враницкого, Р. Гароди и др., претендуя на «аутентичное» прочтение и «обновление» Марксовой теории, пытаются прикрыть свой отход от классово-пролетар-

[94] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, с. 53—54.

ских позиций и отказ от диалектико-материалистических принципов спекулятивной квазидиалектикой, произвольным манипулированием понятиями практики и отчуждения. Выхолащивая реальное, конкретно-историческое содержание практики и явлений общественной жизни вообще, прикрываясь маской «демократического социализма», современные ревизионисты ополчаются не только против теории научного социализма, но и против живой практики реально существующего социалистического строя. Их несостоятельные претензии, нищета их философии разоблачены советскими и зарубежными марксистами [95].

Характерной особенностью современной марксистской критики буржуазной философии и ревизионизма является то, что она направляет все более весомые удары против самых воинствующих, агрессивных идеологических противников — антикоммунизма и антисоветизма. Антикоммунизм, основное содержание которого составляет клевета на социалистический строй, фальсификация марксистско-ленинского учения, политики и целей коммунистических и рабочих партий, является главным идейно-политическим оружием империалистической реакции. «Важнейшая задача общественных наук — вести систематическую наступательную борьбу против антикоммунизма, давать обстоятельную критику современной буржуазной философии, социологии, историографии, права и экономических теорий апологетов капитализма; разоблачать фальсификаторов идей марксизма-ленинизма, истории развития общества, коммунистического и рабочего движения; давать решительный отпор проявлениям правого и «левого» ревизионизма, национальной ограниченности как в теории, так и в политике.

Следует ярче раскрывать всеобщее интернациональное значение марксизма-ленинизма, показывать на конкретных фактах всемирной истории и опыта социалистических стран превосходство коммунистической идеологии над идеологией буржуазной, всепобеждающую силу

[95] См.: *Суровцев Ю. И.* В лабиринте ревизионизма: Э. Фишер. Его идеология и эстетика. М., 1972; *Он же.* Идеология и эстетика. М., 1972; Против буржуазной и реформистской идеологии. Минск, 1972; *Момджян Х. Н.* Марксизм и ренегат Гароди. М., 1973; *Попов С. И.* Критика философских основ современного ревизионизма. М., 1973; Современный правый ревизионизм: Критический анализ. Москва; Прага, 1973; Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. 2-е изд., доп. М., 1974; *Голдовский Л. И.* Реакционная сущность идеологии реформизма. Киев, 1974; *Тимофеев Т. Т.* Философия исторического оптимизма: (К критике антипролетарских доктрин). М., 1975; *Скаржинская В. Д.* Обыкновенный ревизионизм. М., 1976; *Митин М. Б.* Проблемы современной идеологической борьбы: Критика социологических и социально-политических концепций. М., 1976; *Бессонов Б. М.* Антимарксизм под флагом «неомарксизма». М., 1978; *Яковлев М. В.* Идеология: противоположность марксистско-ленинской и буржуазной концепций. М., 1979; Критика фальсификаторов истории и теории марксистско-ленинской философии. М., 1979; Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма. М., 1980; Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980; и др.

идей научного коммунизма»[96]. Критике антикоммунизма и антисоветизма посвящены многие работы советских авторов[97].

С вступлением СССР в период развитого социализма приобретает все более актуальное значение, более углубленный научно-исследовательский характер разработки советскими учеными этической проблематики. Опираясь на решения и указания Центрального Комитета партии, на исторические решения XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС по вопросам идейно-воспитательной работы, формирования коммунистической морали, советские философы опубликовали ряд монографических исследований по важнейшим проблемам этической теории. Объектом их пристального изучения стали такие вопросы, как сущность и структура нравственного сознания, соотношение морали с политикой, правом, искусством и наукой; природа нравственного идеала; конкретно-дифференцированный анализ категорий долга, выбора, ответственности, добра, совести, чести, скромности, справедливости, счастья и др.; соотношение этических категорий и практической морали, классовых и общечеловеческих моментов морали; нравственные ценности и нравственно-ценностная ориентация; пути и методы социологического исследования морали, происхождение морали и ее исторические типы; содержание и критерий нравственного прогресса; нравственные принципы строителей коммунизма; проблема нравственного воспитания, преодоления пережитков буржуазной и мещански-индивидуалистической морали в поведении людей; этика брачно-семейных отношений и т. д.[98]

[96] Коммунист, 1967, № 13, с. 9.

[97] См.: *Арбатов Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970; Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970; Антикоммунистическая пропаганда империализма. Доктрины. Аппарат. М., 1971; *Модржинская Е. Д.* Особенности современного антикоммунизма. М., 1971; *Она же.* Современный антикоммунизм: Критические очерки. М., 1972; *Аветисян А. А.* Антикоммунизм и его философия духовных ценностей. Киев, 1972; Буржуазная мораль на службе антикоммунизма. Киев, 1972; *Мшвениерадзе В. В.* Антикоммунизм — идеология и политика империализма. М., 1973; Антикоммунизм и ревизионизм на службе империализма. М., 1974; *Тимофеев Т. Т.* Рабочий класс и кризис антикоммунизма: О некоторых проблемах идейно-теоретической борьбы. Критика социологических и социально-политических концепций. М., 1975; *Хмель И. С.* Антикоммунизм в социально-экономической и политической жизни США. Киев, 1975; Антисоветизм на службе империализма: О некоторых разновидностях современного антисоветизма. М., 1976; Идеология и политика международного сионизма: Критический анализ. М., 1978; *Осипов Г. В., Дадиани Л. Я.* Научная несостоятельность теоретико-методологических основ социальных и социологических концепций сионизма. М., 1980.

[98] См.: *Титаренко А. И.* Мораль и политика. М., 1969; *Он же.* Структура нравственного сознания. М., 1974; *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М., 1970; *Он же.* Проблемы нравственности. М., 1977; *Харчев А. Г., Яковлев Б. Д.* Очерки истории марксистско-ленинской этики в СССР. Л., 1972; *Харламов И. Ф.* Теория нравственного воспитания. Минск, 1972; *Надольный И. Ф.* Человек и мораль. Киев, 1972; Морально-этические основы формирования коммунистического мировоззрения у студентов. Киев, 1974; *Архангельский Л. М.* Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974; *Гусейнов А. А.* Социальная природа нравственности. М., 1974; *Ефимов В. Т.* Социальный детерминизм и мораль. М., 1974; *Квасов Г. Г.* Этические проблемы развитого социалистического общества. М., 1974; *Коновалова Л. В.* Мораль и познание. М., 1975; *Надоль-*

Развитие марксистской эстетики в СССР, неотделимое, с одной стороны, от развития марксистской философии и социологии в целом, а с другой — от реальных процессов в сфере литературы и искусства, происходило в неустанной борьбе с буржуазными и ревизионистскими идеалистическими концепциями, с формализмом и вульгарным социологизмом. Опираясь на богатейшее эстетическое наследие Маркса, Энгельса и Ленина, на решения и указания партии, проявляющей постоянную заботу об успешном развитии художественного творчества, выражающего думы и чаяния народных масс, советские философы отстаивали принципы партийности, народности и реализма в искусстве, его неразрывную связь с жизнью, интересами коммунистического строительства. Одно из важнейших требований марксистско-ленинской эстетики, вытекающее из существа теории отражения диалектического материализма,— требование правдивости, глубины и полноты динамичного отображения действительности в художественных образах является своего рода лейтмотивом лучших произведений советской эстетической науки и литературы на всех этапах ее развития.

Новые и особенно плодотворные шаги в развитии эстетической мысли связаны с вступлением СССР в период развитого социализма. Творческая атмосфера, созданная решениями XXIII—XXVI партийных съездов, способствовала преодолению догматических представлений и схематизма в эстетике, укреплению ее связей с повседневной жизнью искусства. Объектом более глубоких исследований философов-эстетиков и искусствоведов стали многие сложные и актуальные проблемы теории социалистического реализма, вопросы художественной типизации и многообразия ее способов, социальной сущности и эстетической природы искусства, специфики его прогресса, соотношения метода и стиля в художественном творчестве, взаимосвязи искусства и морали, проблемы эстетической ценности и эстетического идеала, диалектики классового, национального и интернационального в искусстве, закономерности истории эстетических идей, сложный комплекс вопросов эстетического воспитания и др.

В центре внимания советских философов и других специалистов по эстетике находится и критика современных буржуазных эстетических теорий, различных направлений модернизма, их реакционной идеологической сущности [99].

ный И. Ф., Лазоренко Е. В. Социализм и личность. Киев, 1976; Структура морали и личности. М., 1977; *Ганжин В. Т.* Нравственность и наука. М., 1978; *Петропавловский Р. В.* Диалектика прогресса и ее проявление в нравственности. М., 1978; *Шишкин А. Ф.* Человеческая природа и нравственность. М., 1979; *Целикова О. П.* Нравственная целостность личности. М., 1983; и др.

[99] См.: *Егоров А. Г.* О реакционной сущности современной буржуазной эстетики. М., 1961; *Он же.* Проблемы эстетики. 2-е изд., доп. М., 1977; *Зись А. Я.* Искусство и эстетика: Введение в искусствоведение. М., 1967; *Он же.* Конфронтации в эстетике. М., 1980; *Лившиц М. А.* Карл Маркс, искусство и общественный идеал. М., 1972; *Он же.*

Мощным фактором, вдохновляющим деятелей искусства, специалистов в области эстетики, искусствознания, является постоянная забота Коммунистической партии о духовных ценностях социалистического общества, о людях, творящих эти ценности. В обогащении духовной жизни советского общества есть, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, бесспорная заслуга деятелей нашей культуры, литературы и искусства. В советском искусстве поднимается новая приливная волна — в художественной литературе, театре и кино, в музыке, живописи и скульптуре появляется в последние годы немало талантливых произведений.

В частности, на июньском (1983 г.) Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза указывалось: «Партия поддерживает все, что обогащает науку, культуру, помогает воспитанию трудящихся в духе норм и принципов развитого социализма. Она бережно, уважительно относится к талантам, к творческому поиску художника, не вмешиваясь в формы и стиль его работы. Но партия не может быть безразличной к идейному содержанию искусства. Она всегда будет направлять развитие искусства так, чтобы оно служило интересам народа. Речь, конечно, идет не об администрировании. Главным методом влияния на художественное творчество должна быть марксистско-ленинская критика, активная, чуткая, внимательная и вместе с тем непримиримая к идейно чуждым и профессионально слабым произведениям.

Все мы видим, как по мере роста культурного уровня народа усиливается воздействие искусства на умы людей. Тем самым растут и возможности его активного вмешательства в общественную жизнь. А значит, в огромной мере увеличивается ответственность деятелей искусства за то, чтобы находящееся в их руках мощное оружие служило делу народа, делу коммунизма»[100].

Партия указывает на недопустимость отступления в некоторых художественных произведениях от исторической правды, проскальзывания «богоискательских» мотивов, идеализации патриархальщины. Огромная роль в выполнении этих указаний партии принадлежит художественной критике, теоретической основой которой является марксистско-ленинская эстетика.

Шире стал в современных условиях масштаб историко-философских исследований, обогатилась их проблематика. Для лучших из них характерно то, что их авторы в соответствии с традициями

Искусство и современный мир. М., 1973; *Гаврилюк П. И.* О природе красоты. Киев, 1972; *Бесклубенко С. Д.* Общественная природа искусства. Киев, 1972; *Гордиенко А. Т.* Общественная жизнь и художественный талант. Киев, 1972; *Кудин В. А.* Эстетика и творчество. Киев, 1973; *Мазепа В. И.* Художественное творчество как познание. Киев, 1974; *Гуцаленко Л. А.* Диалектика воплощения прекрасного. Минск, 1973; *Овсянников М. Ф.* История эстетической мысли. М., 1978; *Он же.* Искусство и капитализм. М., 1979; *Донской Д. Е.* Партийность как эстетическая категория. Новосибирск, 1980; и др.

[100] Коммунист, 1983, № 9, с. 12.

марксистско-ленинской мысли меньше всего склонны сводить изучение философского наследия к простой ретроспекции, пересказу взглядов отдельных мыслителей. Выявляя закономерности и важнейшие тенденции историко-философского процесса, острые идеологические столкновения, характерные для него, они стремятся с позиций конкретного историзма оценивать поиски истины, отличавшие наиболее крупные, творческие умы прошлого.

Продвигается вперед разработка истории марксистской философии. Опубликованы монографии о формировании мировоззрения Маркса и Энгельса, о Лабриоле, Лафарге, Плеханове и других марксистских теоретиках, о марксистской философии за рубежом[101]. Совместно с партийными организациями и научными учреждениями ряда республик советские философы участвовали в проведении научных конференций и сессий, на которых рассматривалось историческое развитие и претворение в жизнь марксистско-ленинской теории в СССР: «Теоретические проблемы истории марксистско-ленинской философии и общественной мысли в СССР» (Львов, 1977), «Великий Октябрь и торжество научного материалистического мировоззрения в СССР» (Минск, 1977), «Ленинское учение о социалистической культуре и идеологическая борьба» (Тбилиси, 1980), «Марксистско-ленинское идейно-философское наследие, современность, идеологическая борьба» (Баку, 1980) и др. Плодом коллективной работы явились обобщающие монографии «Марксистско-ленинская мысль в СССР: исторический путь и проблемы его исследования» (Москва, 1978), «Ленинизм и торжество научного материалистического мировоззрения в СССР» (Минск, 1981) и др.

Пополнился фонд издания античных мыслителей в русских переводах, вышло собрание сочинений Платона в четырех книгах (1969—1972), издано четырехтомное собрание трудов Аристотеля, опубликованы два тома произведений Секста Эмпирика, «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки, появились новые работы

[101] См.: Ленинизм и развитие марксистской философской мысли за рубежом. М., 1970; История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971; История марксистской диалектики: Ленинский этап. М., 1973; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. 2-е изд., доп. М., 1974; *Лапин Н. И.* Молодой Маркс. 2-е изд., доп. М., 1976; *Иовчук М. Т., Курбатова И. Н.* Плехапов. М., 1977; *Пустарнаков В. Ф.* «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России: (Конец XIX — начало XX в.). М., 1974; *Чагин Б. А.* Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л., 1977; *Грецкий Л. Н.* Марксистская философская мысль во Франции. М., 1977; *Он же.* Наука — философия — идеология: некоторые актуальные проблемы марксистской философии во Франции. М., 1978; *Черкасов И. И.* Из истории марксистской философской мысли в США: (От И. Вейдемейера до наших дней). М., 1977; *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. 3-е изд.; «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М., 1978; *Володин А. И.* «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века. М., 1978; *Он же.* Бой абсолютно неизбежен. М., 1982; *Момджян Х. Н.* Поль Лафарг и философия марксизма. М., 1978; Марксистская философия в XIX веке. М., 1979. Т. I, II; *Никитин Л. А.* Лабриола. М., 1980; *Кувакин В. А.* Марксистская философская мысль в США (70-е гг. XX в.). М., 1980; и др.

об Аристотеле, Анаксагоре, Сократе, Платоне, Эпикуре. Особо примечателен выход в свет многотомной истории античной эстетики А. Ф. Лосева.

Усилилось внимание к сравнительно мало освещенному в предшествующий период кругу проблем истории средневековой мысли, о чем свидетельствуют книги о формировании и развитии средневековой философии, категориях средневековой культуры, проблемах народной культуры средневековья, публикации о Фоме Аквинском, Сигере Брабантском и др.

Возрастание интереса к истории восточной мысли и ее современным проблемам закономерно связано с тем, что воочию подтвердился ленинский прогноз о перспективах вовлечения многомиллионных масс народов Востока в мировой революционный процесс, с мощным подъемом национально-освободительного движения в этой части мира[102].

Наряду с изданием антологии мировой философии, охватывающей и восточную мысль, в рассматриваемый период изданы такие собрания текстов, как «Древнеиндийская философия» (1963), «Древнекитайская философия» (т. I—II, 1972—1973), «Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая (Ян Чжу, Ле Цзы, Чуан Цзы)» (1967), избранные произведения мыслителей Ближнего и Среднего Востока, философские труды Ибн Сины, книги о материалистических традициях индийской философии, о древнеиндийской цивилизации, истории философских идей в Китае и Японии, в Средней Азии и Иране, о философских воззрениях Ибн Сины, Ибн Рушда и др.

Продолжает расширяться источниковедческая база по истории отечественной мысли: вышло академическое тридцатитомное собрание сочинений Герцена (1954—1965), девятитомное собрание сочинений Добролюбова (1961—1964), Русские просветители. От Радищева до декабристов (т. I—II, 1966), двухтомные издания работ Лаврова (1965) и Ткачева (1975), труды Давида Анахта, Феофана Прокоповича, Григория Сковороды (т. I—II, 1961) и др. Опубликованы книги о Георгии Конисском, Прокоповиче, Сковороде, по философии русского Просвещения, о Белинском, Герцене, Добролюбове, Чернышевском, Писареве, Шелгунове, Лаврове, Ткачеве, о русско-украинских и белорусских философских связях, русском народном свободомыслии, ряд работ о русском идеализме.

Немало сделано за последнее время в области изучения философского наследия классиков западноевропейской мысли. Вышло в русском переводе шеститомное собрание произведений Канта (1963—1966), дополненное затем его книгой «Трактаты и письма» (1980), опубликованы «Работы ранних лет» Гегеля (т. I—II, 1970—1971),

[102] См.: *Бродов В. В.* Индийская философия нового времени. М., 1967; *Мартышин О. В.* Политические взгляды Ганди. М., 1970; *Поспелов В. Б.* Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974; *Буров В. Г.* Современная китайская философия. М., 1981; и др.

его же «Философия религии» (т. I—II, 1975—1977) и «Политические произведения» (1978), а также «Идеи к философии истории человечества» Гердера (1977), «Философия искусства» Шеллинга, сочинения Бэкона (т. I—II, 1977—1978), Гоббса (т. I—II, 1964), Беркли (1978), Юма (т. I—II, 1965), антология «Английские материалисты XVIII в.» (т. I—III, 1967—1968), «Письма об изучении и пользе истории» Болингброка (1978), «Эстетические опыты» Шефтсбери (1975), «Исторический и критический словарь» Бейля (т. I—II, 1968), сочинения Гассенди (т. I—II, 1966), «Истина или истинная система» Дешана (1973), «Характеры или нравы нынешнего века» Лабрюйера (1964), сочинения Ламетри (1976, 1983), «Мемуары. Максимы» Ларошфуко (1971), «Басня о пчелах» Мандевиля (1974), избранные сочинения Руссо в трех томах (1961), его же «Трактаты» (1969), книги о Бэконе, Гоббсе, Декарте, Спинозе, Локке, Вольтере, Мелье, Монтескье, Паскале, Руссо, Канте, Фихте, Шеллинге, Гегеле, Фейербахе, Толанде, Юме.

Одной из особенностей советской историко-философской науки на современном этапе ее развития является возросшее внимание к проблемам методологии исследования, в частности таким, как связь предмета философии и предмета истории философии, социологический аспект истории философии и познания вообще, характер историко-философских источников, типология философских школ и направлений, их судьбы в современном мире, соотношение всемирной истории философии и истории философии отдельных народов, различие между историей философии и историей общественной мысли [103].

Все чаще советские авторы переходят к целостному проблемному рассмотрению историко-философского процесса, выявлению его закономерностей и внутренней логики. Это нашло свое выражение в серии книг по истории диалектики, в монографических исследованиях по русской философии XVIII и XIX вв., в «Кратком очерке истории философии», в обобщающей шеститомной «Истории философии», вышедшей в 1957—1976 гг., в коллективном труде «Методологические проблемы истории философии и общественной мысли» и ряде других работ.

Развитие диалектического и исторического материализма в условиях развитого социалистического общества, более глубокое уяснение предмета философской науки и стоящих перед ней задач содей-

[103] См.: *Ойзерман Т. И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1969; *Он же.* Главные философские направления. М., 1971; *Он же.* Диалектический материализм и история философии. М., 1979; Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970; *Протасенко З. П.* Ленин как историк философии. М., 1969; *Богданов Б. В.* Ленинские принципы анализа истории философии. М., 1970; Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977; История философии и марксизм. М., 1979; *Иовчук М. Т.* Ленинизм, философские традиции и современность. 2-е изд. М., 1982; *Богомолов А. С., Ойзерман Т. И.* Основы теории историко-философского процесса. М., 1983.

ствовали выделению и оформлению в качестве особых научных и учебных дисциплин социологии и теории научного коммунизма. Изучение их специфики, отличия от собственно-философской области и вместе с тем тесной, неразрывной связи с диалектическим материализмом ведет к наиболее эффективному разделению труда между этими науками, к углубленному творческому взаимодействию между ними.

Известно, что классики марксизма-ленинизма, тщательно и всесторонне изучая важнейшие явления общественной жизни, оставили непревзойденные образцы конкретных социальных исследований. Отправляясь от этих исследований, советские обществоведы еще в переходный период от капитализма к социализму предприняли первые попытки социального анализа проблем электрификации страны, кооперирования сельского хозяйства, научной организации труда, создания новой школы, семейно-бытовых отношений, преодоления религиозности различных слоев населения и т. д. Примерно с середины 50-х годов и особенно в последние десятилетия марксистско-ленинская социология вновь стала интенсивно развиваться в СССР и ныне является полноправной научной теорией в семье философских и общественных наук. Были преодолены проявлявшиеся порой тенденции как забвения специфики конкретных социологических исследований, растворения социологии в общей теории исторического марксизма, так и отрыва прикладной социологии от исторического материализма как научной общесоциологической теории.

В 1968 г. организуется Институт конкретных социологических исследований, преобразованный в 1972 г. в Институт социологических исследований Академии наук СССР. Наряду с этим главным общественным координационным центром в области социологии в АН СССР и республиканских академиях существует несколько десятков отделов, секторов и лабораторий такого же профиля. Социологические отделы имеются в Ленинградском институте социально-экономических проблем, Новосибирском институте экономики и организации промышленного производства, Институте экономики Уральского научного центра в Свердловске. Социологические подразделения организованы также в Академиях наук Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии, Грузии и в других республиканских центрах. Социологические исследования проводятся в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Академии народного хозяйства СССР, Высшей школе профдвижения, Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, научно-исследовательскими институтами, подчиненными отдельным министерствам, специальными лабораториями предприятий и вузов, а также институтами и советами, возникшими на общественных началах при партийных, профсоюзных и комсомольских организациях. В некоторых вузах читаются спецкурсы по прикладной социологии. В Московском, Ленинградском, Белорусском и ряде других университетов введена на философских факультетах специализация по конкретным социологическим исследованиям.

В Ленинградском финансово-экономическом институте такая специализация проводится в рамках подготовки экономистов. Социологические факультеты функционируют в вечерних университетах марксизма-ленинизма ряда городов.

С 1974 г. в СССР выходит журнал «Социологические исследования». Издается много книг, посвященных социологическому анализу различных явлений современной общественной жизни. Накоплен опыт в методике и технике их исследования. Созданы предпосылки для введения в стране высшего социологического образования.

Опираясь на исторический материализм как на теоретическую и методологическую основу и анализируя в свете его принципов и законов при помощи специально разработанных методов и процедур обширный новый фактический материал, относящийся к разным регионам страны и различным областям социалистического строительства, советские ученые добились немалых результатов в развитии социологической мысли — в изучении культурно-технического подъема рабочего класса, динамики передвижения сельского населения, проблемы соотношения социальных и национальных факторов и в других комплексных исследованиях. Объектом проводимых в СССР социологических изысканий являются процессы изменения социальной структуры общества, пути совершенствования социалистического образа жизни, вопросы социального планирования и т. д.[104] Большое значение придается партией повышению роли социологических исследований в постановке воспитательной работы. В связи с этим в Постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС поставлен вопрос об организации на базе Института социологических исследований АН СССР Всесоюзного центра по изучению общественного мнения.

Значительное место в исследованиях советских философов в 60—70-х годах заняли методологические и социально-философские проблемы теории и истории научного коммунизма. В общетеоретическом плане роль и значение научного коммунизма как одной из составных частей целостного марксистского учения наряду с диа-

[104] См.: Марксистская и буржуазная социология сегодня. М., 1964; Социология в СССР. М., 1965. Т. 1, 2; Рабочий класс и технический прогресс. М., 1965; Труд и развитие личности. Л., 1965; Перспективное планирование социального развития производственных коллективов. Минск, 1970; *Тараткевич М. В.* Человек и коллектив в системе управленческих отношений. Минск, 1974; Социальные проблемы производственного коллектива: (Из опыта социологических исследований). Киев, 1972; *Волович В. М.* Надежность информации в социологическом исследовании: (Проблемы методологии и методики). Киев, 1974; *Анубриева В. А.* Социалистический трудовой коллектив и его традиции. Киев, 1974; Проблемы формирования нового человека в производственном коллективе. Днепропетровск, 1975; *Панюотто В. И.* Структура межличностных отношений: (Методология, методика и математические методы). Киев, 1975; *Ручка А. А.* Социальные ценности и нормы: (Некоторые теоретические и прикладные аспекты социального анализа). Киев, 1976; *Осипов Г. В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979; Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи.— Коммунист, 1980, № 13; *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М., 1980; и др.

лектико-материалистической философией и марксистской политической экономией давно, как известно, были раскрыты и обоснованы Марксом, Энгельсом и Лениным. Однако практическое разделение труда между историческим материализмом и теорией научного коммунизма представляло в различные исторические периоды немалую сложность, связанную с целым рядом обстоятельств: с неравномерностью общественного развития и акцентированием в различных конкретных условиях тех или иных сторон, аспектов единой марксистско-ленинской науки, с необходимостью учитывать степень теоретической подготовленности аудитории и наличие квалифицированных кадров преподавателей и т. п.[105] Выделение теории научного коммунизма в качестве самостоятельного раздела материалистического понимания истории, в специальную отрасль науки в настоящее время вызвано необходимостью более углубленного изучения закономерностей развитого социалистического общества, его социально-политических и идеологических проблем, возрастания роли Коммунистической партии во всех сферах жизни и деятельности советского народа, исследования путей и форм сближения условий труда, быта и культурного развития города и деревни, органического соединения умственного и физического труда в сфере производства, социалистического образа жизни, развития национальных отношений, совершенствования государственного строя, социалистической демократии и т. д. Объектом изучения теории научного коммунизма являются закономерности мирового революционного процесса, классовая борьба международного пролетариата и вопросы национально-освободительного движения, проблема войны и мира, диалектика перехода от капитализма к коммунизму в мировом масштабе.

Философы наряду с другими обществоведами, специалистами по теории научного коммунизма призваны внести свою лепту в разработку этого круга вопросов, и немало в этом отношении уже сделано. Относительная самостоятельность философско-социологического аспекта теории научного коммунизма в системе философских наук нашла и свое организационное выражение. С 1963 г. в вузах нашей страны введено преподавание теории научного коммунизма как особой дисциплины. В 1966 г. в Институте философии АН СССР был создан отдел философских проблем научного коммунизма, сосредоточивший в настоящее время свои усилия на разработке коренных проблем теории и истории научного коммунизма, на исследовании философских аспектов социальной структуры развитого социалистического общества, национальных отношений, социалистического образа жизни и культуры, на критике антикоммунизма и других актуальных проблемах. С 1973 г. в СССР выходит журнал «Научный

[105] См.: *Косичев А. Д.* Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. М., 1978; *Метелица Л. В., Тадевосян Э. В.* Проблемы научного коммунизма. М., 1979; *Коган Л. А.* К истории вопроса о соотношении научного коммунизма и исторического материализма.— Науч. коммунизм, 1980, № 6; *Фетисов В.* О преподавании научного коммунизма в вузах.— Коммунист, 1983, № 4.

коммунизм». В Московском, Уральском и некоторых других университетах созданы на философских факультетах отделения по подготовке преподавателей научного коммунизма.

При всей плодотворности оформления теории научного коммунизма как особой отрасли гуманитарного знания нельзя упускать из виду подвижности грани, отделяющей ее от исторического материализма и марксистской философии вообще, поскольку философия и научный коммунизм представляют собой составные части единого, целостного марксистско-ленинского учения. Необходимым условием успешного развертывания исследовательской работы в каждой из этих областей является их живое творческое взаимодействие в процессе комплексного изучения и обобщения опыта современной общественной жизни[106].

В период зрелого социализма все большее внимание уделяется методологическим проблемам общественных наук — истории, политической экономии, государствоведения, правоведения и др. Важным шагом в усилении систематических исследований в этой области явилась Всесоюзная конференция по теме «Актуальные проблемы методологии общественных наук» (1977), в которой приняли участие философы и социологи, специалисты по теории научного коммунизма, историки, экономисты, юристы. На основе материалов этой конференции в 1974 г. был опубликован коллективный труд «Методологические проблемы общественных наук»[107].

Деятельность советских философов в условиях развитого социализма ознаменовалась, как отмечает партийная печать, рядом успе-

[106] См.: *Федосеев П. Н.* Коммунизм и философия. М., 1962; 2-е изд. М., 1971; *Он же.* Диалектика современной эпохи. 3-е изд.; *Пилипенко Н. В.* Общее и особенное в возникновении и развитии социализма. М., 1976; *Тадевосян Э. В.* Научный коммунизм — социально-политическая теория марксизма. М., 1977; Духовный мир развитого социалистического общества. М., 1977; *Бутенко А. П.* Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978; Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций. 3-е изд. М., 1979; Развитой социализм и актуальные проблемы научного коммунизма. М., 1979; Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979; *Косолапов Р. И.* Социализм: к вопросам теории. 2-е изд. М., 1979; *Журавлев В. В.* Проблемы духовной жизни развитого социализма. М., 1980; Развитой социализм: общее и специфическое в его строительстве. М., 1980; *Семенов В. С.* Учение о развитии социализма и его перерастании в коммунизм.— Вопр. философии, 1980, № 7; *Вартанов Р. Г.* Социализм: ступени развития. Ереван, 1982; и др.

[107] См. также; *Федосеев П. Н.* Идеи Ленина и методология современной науки.— В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969; *Ильичев Л. Ф.* О соотношении философских и методологических проблем.— Вопр. философии, 1976, № 4; *Он же.* Философия и научный прогресс. М., 1977; Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976; Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964—1968. Вып. 1—6; Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Методологические проблемы историко-партийной науки. Киев, 1976; Некоторые вопросы методологии историко-партийного исследования. Л., 1978; Методологические проблемы социологического исследования. М., 1979; *Журавлев В. В.* Методологические проблемы научного коммунизма. Ростов н/Д, 1979; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Л.* Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования.— Вопр. философии, 1980, № 7; *Керимов Д.* Проблемы методологии обществознания.— Коммунист, 1980, № 11.

хов. Это нашло свое выражение в появлении обобщающих коллективных и индивидуальных исследований по магистральным направлениям философского знания, тесно связанных с назревшими потребностями коммунистического строительства, в дальнейшем укреплении союза философии и естествознания, философии и общественных наук, в росте международного авторитета советской философской мысли.

Если на первом этапе развития советской философской науки имело место становление целостного понимания курса диалектического и исторического материализма, закладывались основы его систематического изложения, а на протяжении последующего периода шел процесс дифференциации его структуры, ее членения на части, то в настоящее время наряду с углубленной разработкой отдельных разделов и проблем более широким фронтом идет развитие марксистско-ленинской философии как единого целого на основе дальнейшей конкретизации ее предмета, системного осмысления и интеграции всех ее составных частей, единства ее принципов и функций в соответствии с требованиями современной науки и общественной практики, с современными задачами борьбы за коммунизм. Наглядным подтверждением продвижения советской философской мысли по пути разработки диалектики как науки может служить выход коллективных монографических трудов по теории диалектики. Не лишенные недостатков, эти книги свидетельствуют об активном стремлении реализовать программные ленинские указания о творческой разработке диалектики как теоретического ядра марксизма-ленинизма. Все больше возрастает значение марксистско-ленинской философии в категориальном синтезе конкретных наук, ее эвристическая и координационная роль, ее мировоззренческое влияние.

Философская мысль в СССР переживает ныне время интенсивных творческих поисков. Это закономерный результат движения социалистического общества к коммунизму под руководством Коммунистической партии, проявление общего подъема марксистско-ленинской теории, достигнутого усилиями КПСС и других коммунистических и рабочих партий.

Все это отнюдь не означает, однако, что в деятельности советских философов нет существенных недостатков. Последние имеют место, их немало, и партия справедливо подвергает их критике. Важнейшую роль в деле выявления того, почему рост философской продукции далеко еще не всегда отвечает требованиям повышения качества и эффективности философских исследований, их научного уровня играют указания Центрального Комитета партии. Так, в редакционной статье газеты «Правда» «Высокий долг советских философов» (от 19 сентября 1975 г.) излагаются уточнения, внесенные Центральным Комитетом КПСС в основные направления деятельности Института философии АН СССР в современных условиях. Здесь указывается на такие серьезные недостатки в деятельности философских учреждений страны, как отсутствие должной налаженности

целеустремленной работы по исследованию ряда кардинальных проблем диалектического и исторического материализма, слабая разработка многих актуальных вопросов, выдвигаемых ходом общественного развития, подчеркивается необходимость быстрейшей подготовки высококачественных фундаментальных трудов по теории материалистической диалектики и материалистическому пониманию истории [108].

На дальнейший подъем философской работы ориентирует и редакционная статья журнала «Коммунист» «О состоянии и направлениях философских исследований» (1979, № 15). Указав на возрастание роли философской науки в условиях зрелого социалистического общества, в формировании духовного облика строителей коммунизма, «Коммунист» обращает внимание на имеющиеся еще серьезные недостатки в философской работе, на необходимость их преодоления. К их числу относится недостаточная разработанность общей концепции современных функций философского знания, вопроса о специфике философских обобщений, методе построения системы философских категорий, единстве философских наук, отставание в разработке теории общественно-исторического процесса, теории общественно-экономических формаций, прежде всего коммунистической. В редакционной статье журнала «Коммунист» указывается также на необходимость углубления взаимосвязи философии с теорией научного коммунизма, разработки методологии социального познания, более энергичного развертывания прикладных исследований, особенно в области исторического материализма, научного коммунизма, социологии, социальной психологии, науковедения.

Партия нацеливает философов на необходимость дальнейшего поднятия идейно-теоретического уровня критики антимарксистских и псевдомарксистских воззрений, в том числе в области философии и социологии. «Ныне особенно актуально углубление и совершенствование критического анализа „модернизированных" антикоммунистических, в первую очередь антисоветских, концепций, буржуазно-либеральных, буржуазно-националистических, сектантско-догматических и ревизионистских „интерпретаций" марксизма, философского и идейно-политического плюрализма и неоконсерватизма, теоретико-нравственного релятивизма и агностицизма, исторического пессимизма и прагматизма, современного кризиса буржуазной духовной культуры. Творческое, продуктивное развитие марксистско-ленинской философской мысли невозможно без всесторонней компетентной и принципиальной критики современных антимарксистских и немарксистских философских учений, в том числе неопозитивизма,

[108] Редакционная статья газеты «Правда» была перепечатана в журнале «Вопросы философии». Вопросы партийного руководства развитием философской науки в СССР постоянно освещаются на страницах философской печати. См.: передовые статьи в журнале «Вопросы философии» (1976, № 2; 1981, № 1; 1983, № 1); *Смирнов Г. Л.* За решительный поворот философских исследований к практике.— Вопр. философии, 1983, № 9; и др.

экзистенциализма, неотомизма, философско-социологических концепций реформизма, правого и „левого" ревизионизма. В свою очередь действенность этой критики находится в прямой зависимости от позитивной разработки философских проблем, на сложности которых спекулируют современный идеализм и метафизика, разные эклектические школы.

Органическое сочетание научности и партийности — главное условие повышения качества и эффективности философских исследований»[109].

Весьма важны для дальнейшего развития советской философской науки и указания, данные XXVI съездом партии. «Не преодолена еще,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии,— склонность к схоластическому теоретизированию, о чем говорилось и на XXV съезде. Философы частенько предпочитают доказывать доказанное, вместо того, чтобы осмысливать новые явления жизни»[110].

В принятом XXVI съездом партии документе «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» указывается на необходимость сосредоточить усилия в области общественных наук на следующих направлениях:

«...обобщение опыта революционно-преобразующей деятельности КПСС, международного коммунистического и рабочего движения, разработка проблем диалектического и исторического материализма, научного коммунизма и политической экономии;

исследование теоретических вопросов развитого социализма, создания материально-технической базы коммунизма и совершенствования производственных отношений, повышения эффективности общественного производства; социально-экономических проблем научно-технического прогресса и труда, проблем совершенствования управления народным хозяйством, экономики отраслей и районов, аграрной теории, демографии;

разработка проблем социальной структуры, развития политической системы зрелого социализма, укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, коммунистического воспитания, всестороннего и гармоничного развития человека, социалистического образа жизни;

исследование закономерностей развития мировой социалистической системы, проблем социалистической экономической интеграции и внешних экономических связей;

изучение вопросов экономики и политики капиталистических и развивающихся стран; критика антикоммунизма, буржуазных и ре-

[109] О состоянии и направлениях философских исследований.— Коммунист, 1979, № 15, с. 78.

[110] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 78.

визионистских концепций общественного развития, разоблачение фальсификаторов марксизма-ленинизма»[111].

Партия призывает к научному обобщению новых явлений жизни, творческому развитию марксистско-ленинской теории, указывает на необходимость уделять больше внимания социальным последствиям научно-теоретической революции, глубже и смелее анализировать политическую жизнь общества, изучать общественное мнение.

Огромное значение для развития науки, в том числе гуманитарного знания, для дальнейшего подъема философской работы в СССР имеет июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС. В материалах Пленума со всей силой ставится вопрос о необходимости нести в массы великие идеи марксизма-ленинизма, добиваться их глубокого усвоения трудящимися, повышать идейно-теоретический уровень преподавания общественных наук, действенность идеологической работы, искоренять в ней начетничество и формализм, активизировать научный поиск. Философская наука, как и другие разделы обществознания, призвана в полной мере оправдать доверие партии, оказывая реальную помощь в ее работе.

Партия требует придания большей гибкости и оперативности работе научных учреждений, решительного их поворота, как и всех ученых-обществоведов, к ключевым практическим задачам, стоящим перед советским обществом, ориентации научных работников на своевременное выявление назревших тенденций общественного развития, обеспечения надежного прогнозирования будущего. «Партия и государство,— подчеркивается в Постановлении Пленума ЦК КПСС от 15 июня 1983 г.,— ждут от экономистов, философов, историков, социологов, психологов, правоведов разработок надежных путей повышения эффективности производства, исследований закономерностей становления бесклассовой структуры общества, интернационализации социальной жизни, развития социалистического народовластия, общественного сознания, проблем коммунистического воспитания. Особенно актуальны такие вопросы, как стимулирование научно-технического прогресса, улучшение системы управления и планирования, обеспечение приоритета общенародных, государственных интересов, совершенствование распределительных отношений, принципы научно обоснованного ценообразования и т. д. Надо шире изучать все лучшее в опыте братских стран социализма. Необходим глубокий анализ новых явлений в международных отношениях, развитии мирового социализма, в мировом революционном процессе, новых аспектов и сторон общего кризиса капиталистической системы. Научные разработки должны выливаться в практические рекомендации, давать обоснованные социальные прогнозы»[112].

[111] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 145—146.
[112] Коммунист, 1983, № 9, с. 41.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Исследование В. И. Лениным проблем диалектического материализма в послеоктябрьский период неразрывно связано со всей его предшествующей деятельностью[1]. Послеоктябрьские годы имеют в деятельности В. И. Ленина особое значение: марксизм должен был доказать и действительно доказал в это время всю свою мощь, свою истинность на практике, и притом в совершенно невиданных ранее всемирно-исторических масштабах, в ходе первой в мире победоносной социалистической революции.

«Подытоживающий» характер данного периода имеет прямое отношение и к теории материалистической диалектики как методологии, лежащей в основе всей системы понятий марксизма-ленинизма, в полном соответствии с краеугольным принципом, согласно которому практика не только высший критерий истины, но и основа познания. Революционная практика послеоктябрьских лет, гениально обобщенная Лениным, обогатила материалистическую диалектику.

Трактовка В. И. Лениным проблем материалистической диалектики в теоретически концентрированном виде дана в его основных философских трудах: «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «О значении воинствующего материализма». Духом диалектики пронизаны все произведения Ленина, как дооктябрьского, так и послеоктябрьского периода.

Ленинские положения о том, что материализм не полон, не последователен без диалектики, что он несовместим с эклектикой и софистикой, объективизмом и субъективизмом, что дальнейшее развитие философии марксизма невозможно без творческого освоения

[1] См.: История философии в СССР. М., 1971. Т. 4; История философии. М., 1961; Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах. М., 1964; Краткий очерк истории философии. М., 1969; и др.

диалектической и материалистической традиции в истории философии и естествознания, без глубокого усвоения опыта Маркса и Энгельса по материалистической переработке гегелевской диалектики, без творческого обобщения современного исторического опыта,— все эти идеи нашли отражение в «Философских тетрадях», в частности в тезисе о совпадении диалектики, логики и теории познания.

Можно сказать, что логико-методологический «каркас» мышления, воплощенный в трудах В. И. Ленина послеоктябрьского периода, был выработан им еще в предшествующие десятилетия на основе творческого освоения истории диалектики и ее глубокой разработки. Конкретное же воплощение, уточнение и развитие материалистической диалектики всегда было нераздельно связано с жизнью, с политикой коммунистической партии. Важнейшая роль в этом отношении принадлежит невиданной по своей новаторской силе и историческим масштабам практике Октября, практике революционных преобразований, строительства нового, социалистического общества.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное революционизирующее влияние на многие страны Европы и Азии, обусловила ускорение мирового революционного процесса и пробуждение стран Востока. В этих условиях ленинская мысль находилась в постоянном поиске, в стремлении разобраться в ускоряющемся потоке жизни. Соображения самого принципиального порядка, касающиеся диалектики новой стадии всемирной истории, магистральных путей развития человеческого общества от капитализма к социализму, у В. И. Ленина сочетаются с трезвым учетом опасностей, связанных с разгулом мелкобуржуазной стихии, с выработкой целого комплекса мер по укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Мастерски владея оружием диалектики, В. И. Ленин дал отпор авантюристическим и капитулянтским концепциям о путях российской революции и строительства социализма в стране победившего Октября. Решая большие принципиальные вопросы и вопросы будничные, сиюминутные, В. И. Ленин всегда находил мостики к диалектике творчества, созидания, начиная с вопроса о создании новых социальных отношений и кончая проблемами быта, психологии и межчеловеческого общения.

Между ленинским определением задач строительства социализма, в частности задачи создания коммунистической культуры, сформулированных в таких послеоктябрьских работах, как «Задачи Союзов молодежи», «Великий почин» и других, и его ранее выработанной программой развития философии марксизма, его концепцией диалектики как синтеза, квинтэссенции истории знания существует принципиальная, органическая связь. Идее К. Маркса о том, что материализм есть логическая основа коммунизма, В. И. Ленин придал более конкретный, обогащенный опытом истории смысл. Он доказал, что диалектический материализм есть не только духовное оружие пролетариата в борьбе за свое освобождение, но и мировоззренческая, логико-гносеологическая, методологическая основа процесса

перестройки всей системы жизнедеятельности людей на социалистических и коммунистических началах. В. И. Ленин на деле, конкретно убеждал в необходимости *тесной связи теории с практикой, диалектики с политикой* как непременном условии формирования коммунистических партий нового типа, отличных от старых партий II Интернационала. Требования органического взаимопроникновения диалектики как теории и реальной диалектики истории, требующей максимальной гибкости в тактике, готовности к смене форм борьбы, к необходимым и вынужденным отступлениям и компромиссам, составляют суть ленинских уроков по диалектике, содержащихся во многих его работах послеоктябрьских лет, особенно в книге «Детская болезнь „левизны" в коммунизме». Доказывая необходимость преодоления оппортунизма II Интернационала, В. И. Ленин вместе с тем настоятельно предостерегал от легковесной «ультрареволюционности», отличающейся прежде всего игнорированием совокупности объективных факторов. Стремясь консолидировать международное коммунистическое движение на принципах, проверенных Октябрем, В. И. Ленин требовал учета возможностей многовариантности исторического развития на основе полного охвата факторов в их динамике, исходя из мысли о том, что направление развития в огромной степени зависит от субъективного фактора, от политики партии, ее тактики, от ее умения искусно вести за собой массы, вооружая их ясной революционной перспективой.

Из самого существа философии марксизма, из ее исходного пункта, гениально намеченного Марксом в «Тезисах о Фейербахе», вытекает, что связь философских идей с практикой, с революционно-преобразующей деятельностью составляет необходимое условие плодотворного развития философии. Именно этот пункт В. И. Ленин раскрыл и развил в тезисе, который имеет принципиальное и при этом особое значение применительно к послеоктябрьскому периоду: *«Практика выше (теоретического) познания,* ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»[2].

Постановку В. И. Лениным проблем диалектического материализма после Октября следует рассматривать именно под этим углом зрения, в полной мере учитывая, что применение диалектико-материалистической методологии к анализу реального течения событий, к процессу построения новых форм жизни, к социальному творчеству масс составляет стержень деятельности Ленина в области философии. «Сейчас все дело *в практике*... наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...»[3] В. И. Ленин боролся против рутинно-догматических представлений о теории, коренящихся в конечном счете в отрыве умственного труда

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.
[3] Там же, т. 35, с. 202.

от физического и сводящихся к тому, что теория может заранее, априори рассчитывать все перипетии действительного процесса развития. Оппортунисты-антиленинцы, столкнувшись на практике с тем, что теория могла предвидеть лишь в самом общем виде, оказались в плену устарелых, опровергаемых практикой представлений о социализме, о государстве, революции, демократии и т. д., подтвердив, что подлинная жизненная суть теории марксизма ими не понята, не усвоен метод марксистского мышления. Их «марксизм» на поверку оказался пустой фразеологической конструкцией.

В послеоктябрьский период В. И. Ленин особенно резко выступал против всякого шаблонного, схематического толкования общих положений теории. Весьма характерен в этом отношении ленинский подход к анализу позиций, связанных с Брестским миром. Противников заключения мира В. И. Ленин справедливо упрекал в софистике, в подмене анализа объективных обстоятельств «революционными» фразами. В ответ на анализ конкретных условий революционной войны в данное время, разъяснял он, и на вытекающий отсюда практический вывод о невозможности для революционной России вести войну именно сейчас «приводятся исключительно *общие* соображения, абстракции, неизбежно превращающиеся в фразу. Ибо всякое общее историческое соображение, применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, становится фразой»[4]. В блестяще написанной статье «О чесотке» В. И. Ленин, вскрывая корни квазиреволюционного фразерства, особо отмечает обстоятельство «непереваренности известных теоретических истин», их неосвоенность и «детски аляповатого, ученически-рабского повторения их не к месту (не понимают люди, как говорится, «что к чему»)»[5].

В. И. Ленин не только применяет на практике материалистическую диалектику, но и творчески развивает и обогащает ее теорию. Развитие и применение им диалектики неотделимы друг от друга, органически взаимосвязаны. Концепция совпадения диалектики, логики и теории познания, будучи итогом, результатом всего процесса развития философского мышления В. И. Ленина и представляя собой своего рода центр, фокус «Философских тетрадей», является вместе с тем и стержнем тех разработок в области философии, которые характеризуют ленинские труды послеоктябрьского периода. Эти труды — яркое свидетельство того, что основные идеи, касающиеся содержания материалистической диалектики и развитые в «Философских тетрадях», отнюдь не предназначались только для «внутреннего употребления» и вовсе не имели сугубо «чернового характера» (как это подчас предполагалось ввиду конспективной формы этого ленинского труда). Философские идеи В. И. Ленина в области теории диалектики в послеоктябрьский период есть прямое продол-

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 373.
[5] Там же, с. 361.

жение, развитие и реализация идей книг «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради».

Отмечая эту связь, следует вместе с тем учитывать, что одно дело — попытка чисто теоретически выяснить вопрос, другое — отправляясь от уже выработанной позиции, апробировать ее, применять ее на деле, причем в гигантских масштабах. С подобного рода апробацией неизбежно связана дальнейшая творческая разработка самой теории, о чем свидетельствует и данная В. И. Лениным после Октября гениальная формулировка общих принципов диалектики как логики, методологии научного исследования (в том числе и политического анализа), и определение им тех генеральных задач, которые в новых условиях стоят перед марксистами в области философии. Как в статьях, где В. И. Ленин специально обращался к рассмотрению теоретических проблем материалистической диалектики («Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина», «О значении воинствующего материализма»), так и во многих других работах послеоктябрьского периода отчетливо прослеживается то громадное значение, которое В. И. Ленин постоянно придавал *диалектическому способу мышления* в выработке революционной ориентации для преобразования мира на коммунистических началах.

Подлинно диалектический способ мышления, по Ленину, не совместим ни с каким релятивизмом и субъективизмом. Этот аспект диалектики в послеоктябрьские годы приобрел особое значение в связи с усилением пропагандистской деятельности А. А. Богданова в 20-х годах, для методологии которого был особенно характерен релятивизм, ведущий в теории познания к идеализму и ставший вместе с тем методологической основой богдановской теории «пролетарской культуры» — субъективистски-нигилистической концепции, получившей в то время довольно значительное распространение и противостоявшей ленинскому, научно обоснованному плану культурной революции. Тем более острой была потребность дать отпор проводимой под квазиреволюционным флагом политике нигилистического отношения к культуре и ее истории.

Позиция, занятая Богдановым в этих вопросах, была тесно связана с тем, что он остался чужд диалектике, считал ее пройденным этапом, видя в диалектике Гегеля и Маркса лишь подготовительный материал к своей «всеобщей организационной науке»[6]. Механицизм и релятивизм Богданова, отрицание им объективной истины вели к прагматически-утилитарной трактовке науки. Ленин же и после Октября продолжал настойчиво отстаивать диалектико-материалистическую теорию отражения, ориентированную на познание объективной истины, которая ни в коей мере не может зависеть от того, кому она должна служить[7]. Он проводил четкую принципиальную

[6] *Богданов А.* Социализм науки. М., 1918, с. 101—102.
[7] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 446.

грань между материалистической диалектикой и всякого рода субъективизмом, защищая, как и раньше, методологическую установку, ярко выраженную в «Философских тетрадях»: «Отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»[8]. Практическое, революционно-преобразующее значение науки всегда было и оставалось для В. И. Ленина неотделимым от ее объективной истинности. В органическом единстве объективности и революционности состоит непреодолимая сила марксистской философии, ее коммунистической партийности.

Характерные черты методологии В. И. Ленина ясно видны на его подходе к Программе партии. Одним из вопросов, по которому он выступил против Бухарина, был вопрос о том, надо ли включать в Программу характеристику капиталистического производства вообще. Бухарин считал, что, поскольку капитализм перерос в империализм, отпадает надобность в привлечении характеристики товарно-капиталистического производства вообще. Действительность, современность есть империализм, и потому «коренные вопросы можно рассматривать только с точки зрения империализма». В противовес такому механистическому подходу В. И. Ленин доказывал, что сам империализм требует *исторического*, следовательно, диалектического подхода, нет «чистого» империализма; в «действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма»[9]. И дело не только в самом теоретическом принципе историзма, но также и в актуальных требованиях практики. Революция, свергнув господство империализма в одной из отсталых европейских стран, реально раскрыла, что империализм — «верхушка», «*надстройка над капитализмом*», разрушение которой «обнажает основания»[10] в виде элементарнейших, основных явлений капитализма и даже возврата к самым первоначальным формам товарного производства[11], т. е. возврата не только к генезису империализма, но и к его предыстории. Поэтому приходится и теоретически и практически брать в расчет всю историю, все ее пласты, которые продолжают действовать, а не только самый верхний пласт. Это касается и сферы чисто экономической, и психологической (необходимость преодоления частнособственнической психологии), и культурной (необходимость освоения культурного наследия прошлого) и т. д.

Постигнуть историю во всей ее полноте — значит не забывать наличия всякого рода зигзагов, изломов в историческом процессе.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.
[9] Там же, т. 38, с. 155.
[10] Там же.
[11] См.: Там же, с. 153.

Но именно потому, что историческое развитие невероятно сложно, непрямолинейно, запутанно, важно сохранить общую перспективу, ясность видеть главную нить, связывающую все движение капитализма и всю дорогу к социализму. Непрямую историческую дорогу мы, говорил В. И. Ленин, должны в Программе представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец [12], должны выработать «более общие, более широкие или более далеко идущие взгляды» [13], «выпрямить» внутри теории представление об общем ходе развития, иначе любой маленький зигзаг может поставить в тупик. Здесь важен критерий широкой исторической перспективы. Это означает, что историзм В. И. Ленина связан с оценкой событий под углом зрения будущего, требует не засматриваться на сегодняшний, а тем более на вчерашний день, как это получалось у Бухарина. История не сводится к прошлому, она не завершилась, она продолжается.

Та же метафизическая в своей основе методология, которая определила оценку Бухариным соотношения империализма и его генезиса и предыстории, дала себя знать в вопросе о праве нации на самоопределение. Бухарин оспаривал это право. В. И. Ленин обосновывал необходимость признания этого права за нациями, исходя, как того требует марксистский историзм, из учета полноты всего процесса развития нации на различных уровнях и в различных формах — «на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной — к пролетарской демократии» [14].

В лекции «О государстве» В. И. Ленин с исключительной ясностью выделил основные компоненты диалектико-материалистически понятого историзма. Подчеркнув как главное необходимость выработки умения самостоятельно подходить к тому или иному вопросу, Ленин указывал на следующие моменты принципа историзма: учет того, какие главные этапы развития пройдены; внимательное изучение того, что сформировалось. Из совокупности этих компонентов складывается исторический, диалектический взгляд на развитие того или иного явления в целом, от начала до конца.

На конкретном примере применения этой методологии к государству ее особенности выглядят особенно четко. В. И. Ленин прежде всего обращал внимание на то, что государство существовало не всегда, и объяснял, почему его не было на раннем этапе развития общества. Тезис «было время, когда государства не было» направлен против предрассудков, освящающих государство как нечто вечное и неизменное. Затем В. И. Ленин выявляет суть государства, формы его проявления и уровни развития. И наконец, выясняет условия слома эксплуататорско-государственной машины и последующего отмирания государства вообще.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 47.
[13] Там же, т. 38, с. 41.
[14] Там же, с. 159.

Взгляд Ленина на *диалектику как на философскую науку* лежит в основе той критической оценки, которую он дал книге Бухарина «Экономика переходного периода» (1920).

Прежде всего В. И. Ленин выступил против засорения метода Маркса схоластической богдановской терминологией, за которой скрывался бухаринский методологический релятивизм, признание диалектики лишь одной из «точек зрения», имеющих чисто условную познавательную ценность. Этой субъективистской позиции Ленин противопоставил понимание материалистической диалектики как объективного отражения всеобщих законов развития, как наиболее цельной и последовательной теории развития, как философской науки.

Хотя Бухарин претендовал на общетеоретический подход к методу, ему не удалось ни уловить специфику реальных явлений, поскольку он подходил к ним абстрактно, неисторично, ни определить основные положения диалектического метода в их общем виде, поскольку он брал эти положения в их частном преломлении. Это отчетливо сказалось у Бухарина в его подходе к одной из важнейших проблем диалектики — *к вопросу о противоречии.*

Бухарин смешивал антагонизм как специфическую форму социального противоречия с противоречием вообще: особенная, исторически преходящая форма противоречия заслоняла в его представлении общую природу противоречия, его универсальность как источника развития. Неизмеримое превосходство ленинской методологии над бухаринской выступает здесь со всей очевидностью. В. И. Ленин раскрывает всеобщность противоречия, показывая вместе с тем необходимость выявления его конкретных, исторически обусловленных форм. «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме...»[15]

Ленинская характеристика антагонизма как одной из преходящих форм противоречий дает возможность осмыслить универсальную значимость противоречий и изменчивый характер форм их проявления в разных конкретно-исторических условиях. Вскрывая противоречия развития нового общества, Ленин указывал одновременно способы и пути их преодоления, связанные с характером, особенностями тех или иных противоречий.

В ряду ленинских послеоктябрьских трудов, внесших неоценимый вклад в развитие марксистской философии, и прежде всего *диалектической логики*, особое место занимает работа «Еще раз о профсоюзах, текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» (1921). Здесь наглядно и убедительно показано коренное, принципиальное различие между эклектически-метафизической «логикой» Бухарина и Троцкого, с одной стороны, и марксистской диалектической логикой — с другой. В ленинской аргументации нашла свое развитие и конкретное применение идея о принципиальной противо-

[15] Ленинский сб., т. 11, с. 357.

положности диалектики эклектике и софистике, творчески обоснованная в «Философских тетрадях»: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,— вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»[16].

Субъективное применение гибкости понятий — занятие столь же легкое, сколь и оторванное от действительных запросов жизни, схоластичное. Критикуя Троцкого и Бухарина по теоретическим и практическим вопросам, В. И. Ленин неоднократно отмечал схоластичность, антидиалектичность их методологии.

Диалектичность подхода к общественной жизни ярко сказалась в позиции, занятой В. И. Лениным в 20-х годах, во время профсоюзной дискуссии.

Ленинская линия в вопросе о профсоюзах заключалась в том, что профсоюзы — это массовая организация самих трудящихся, подготавливающая их к сознательному участию в управлении обществом. Линия эта основывалась на диалектическом понимании соотношения политики и экономики, на признании первенства научно обоснованной марксистской политики, ибо без правильного политического подхода к делу невозможно решение экономических, хозяйственных задач.

Против ленинской линии выступил Троцкий, предлагая «перетряхнуть» профсоюзы и превратить их в административно-технический аппарат управления производством, слить их с государственным аппаратом. Бухарин пытался обосновать некую «буферную» позицию, якобы «примиряющую» эти противоположные взгляды, а на деле оправдывающую троцкистскую платформу как якобы верную, хотя и одностороннюю. По утверждению Бухарина, его «буферная» позиция будто бы «соединяла» «политический» и «хозяйственный» подходы к профсоюзам. В целях обоснования своей точки зрения и ее иллюстрации Бухарин привел пример со стаканом. Пытаясь ответить на вопрос, что такое стакан, рассуждал он, один человек утверждает, что это — стеклянный цилиндр, а другой говорит, что это — инструмент для питья, причем оба считают свои мнения взаимоисключающими. Этот пример рассматривался Бухариным как направленный против односторонности.

В. И. Ленин неопровержимо доказал, что бухаринское рассуждение о соединении кусочка одного с кусочком другого не имеет ничего общего с диалектикой,— это есть типичная эклектика. Неудачными были и бухаринские рассуждения о стакане, и его сделанные по аналогии общие выводы о роли профсоюзов. Стакан, как и всякий другой предмет, бесспорно, имеет бесконечное количество

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

сторон, связей со всем остальным миром (это — и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья, и тяжелый предмет, могущий служить инструментом для бросания, и т. д. и т. п.). Но при научном теоретическом подходе необходима конкретная постановка вопроса. «Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.»[17]

Если встает вопрос об определении места и роли профсоюзов, то и здесь нужно прежде всего выявить их основное, главное назначение. Профсоюзы в системе диктатуры пролетариата, делает вывод В. И. Ленин,— это прежде всего школа трудящихся — школа коммунизма, школа хозяйничания, управления. Вот в чем состоит в данном случае главное и определяющее. Позиция же Троцкого игнорирует эту специфическую роль профсоюзов, он, как иронически замечает В. И. Ленин, хочет использовать стакан как инструмент для питья при непременном условии, чтобы этот стакан был «без дна». Позиция же Бухарина есть бессодержательная, мертвенная эклектика, нанизывание абстрактных односторонних положений, их механическое сочетание, не способствующее конкретно-теоретическому постижению существа проблемы. Итоговая оценка Бухарина как теоретика дана в политическом завещании В. И. Ленина, в «Письме к съезду»: «Его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»[18].

Характеризуя гносеологическую сущность ошибок Бухарина как подмену диалектики эклектицизмом, В. И. Ленин раскрыл политическую ошибочность бухаринской позиции, указав, что, ставя вопрос эклектически, Бухарин совершенно запутался и договорился до синдикализма. В. И. Ленин раскрыл логические основания эклектицизма Бухарина, показал, что тот стоит на точке зрения логики формальной, а не диалектической. В ленинских положениях о соотношении формальной и диалектической логики, высказанных в работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина», нашла свое дальнейшее развитие идея единства диалектики, логики и теории познания.

В. И. Ленин ни в коей мере не умалял и тем более не отрицал значения формальной логики. Более того, он считал целесообразным и необходимым преподавание формальной логики при условии вне-

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 289.
[18] Там же, т. 45, с. 345.

сения в нее соответствующих поправок. Вместе с тем он показал, что формальная логика не дает рекомендаций, ориентированных на достижение полного знания предмета, не вскрывает его внутренних противоречий, законов его существования и развития, не выявляет богатства его существенных связей.

«Логика формальная...берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим»[19]. Если при этом берутся два или несколько различных определений и случайно соединяются вместе (например, отмечается, что стакан — это и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья), то в результате такого подхода возникает эклектическое определение, фиксирующее различные стороны предмета, но не более того.

Диалектическая же логика, указывал В. И. Ленин, идет дальше этого.

Во-первых, она требует всестороннего изучения объекта. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования". Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения...

Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижении" (как говорит иногда Гегель), изменении»[20]. В. И. Ленин употребляет термин «самодвижение» с тем, чтобы подчеркнуть мысль с том, что диалектическая логика анализирует процесс развития, как содержащий в самом себе движущие импульсы в виде внутренних противоречий, тогда как формальная логика, как правило, ограничивается сравнением и описанием различных стадий и состояний развивающегося объекта, не рассматривая самого процесса развития, самодвижения.

«В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное „определение" предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что „абстрактной истины нет, истина всегда конкретна", как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов»[21].

Подчеркивая наиболее существенные особенности диалектической логики, В. И. Ленин отметил также, что ими ее содержание не исчерпывается[22].

Идеи, выдвинутые в работе «Еще раз о профсоюзах...» и являющиеся развитием, конкретизацией мыслей, разрабатывавшихся В. И. Лениным в «Философских тетрадях», оказали огромное влияние на дальнейшую работу советских философов над проблемами теории диалектики.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 289—290.
[20] Там же, с. 290.
[21] Там же.
[22] См.: Там же.

Критика позиций Троцкого и Бухарина, данная в работе «Еще раз о профсоюзах...», важна и в том отношении, что она выдвигает методологическое требование: доискиваться *теоретических, гносеологических корней* любого ошибочного воззрения. То, что было сформулировано в «Материализме и эмпириокритицизме» и «Философских тетрадях» по отношению к идеализму — в виде исходных установок диалектико-материалистической критики идеализма, теперь конкретизируется в требование диалектико-материалистического подхода к любой форме заблуждения, к любой ошибке. Эти ленинские установки имели особенно актуальное значение для борьбы с отступлениями, уклонами от генеральной линии партии, с разного рода оппортунистическими, ревизионистскими, антипартийными течениями. Указывая на гносеологические корни правого и «левого» оппортунизма в коммунистическом движении — догматизм, эклектику, софистику, релятивизм, В. И. Ленин последовательно отстаивал принцип конкретности истины, соблюдения конкретно-исторической меры, в которой применима та или иная истина, ибо ее преувеличение, распространение за пределы ее действительной применимости делает истину чрезмерной, т. е. превращает ее в свою противоположность, в абсурд [23].

Исключительно важную роль в философской жизни 20-х годов и следующих десятилетий сыграло знаменитое ленинское произведение «О значении воинствующего материализма», написанное в марте 1922 г. и, несомненно, являющееся логическим продолжением предшествующих трудов В. И. Ленина. Это произведение непосредственно посвящено специально философским проблемам и справедливо получило название ленинского философского завещания. В нем В. И. Ленин сформулировал важнейшие задачи журнала «Под знаменем марксизма», определил основные направления философской работы в стране, в первую очередь по общим проблемам теории материалистической диалектики, начертал ее цели и наметил практические способы их реализации.

Постановка общетеоретических проблем, связанных с длительной исторической перспективой, закономерно сочетается в ленинской работе с рассмотрением задач, подсказанных непосредственными потребностями того времени. И в том и в другом случае, и в трактовке фундаментальных теоретических проблем, и при решении текущих вопросов, В. И. Ленин последовательно проводит идею *коммунистической партийности* как важнейший историко-материалистический и методологический принцип, выражающий краеугольные требования марксистской диалектики — объективности и конкретности рассмотрения вопросов и революционно-пролетарского классового подхода к ним.

В. И. Ленин настаивал на союзе диалектических материалистов с представителями современного естествознания во имя плодотвор-

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

ного философского обобщения достижений наук о природе и последовательной борьбы против идеалистического и метафизического лжетолкования открытий и выводов этих наук. Он придавал особенное, первостепенное значение дальнейшей творческой разработке на основе обобщения достижений современной науки и общественной практики *материалистической диалектики как единственно научной теории познания и метода познания действительности.*

Единственным научно-философским и последовательно революционным мировоззрением современности является диалектический материализм. Материализм, не проникнутый принципами диалектики, не может быть, как отмечает В. И. Ленин, последовательно воинствующим материализмом, «он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым».

В. И. Ленин писал о том, что современное естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без научно обоснованных диалектических и материалистических философских выводов оно не может обойтись. При этом, отмечал В. И. Ленин, надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и направления. Внимательно следить за ходом развития науки, изучать философские вопросы, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей — это задача, без разрешения которой воинствующий материализм не может быть ни воинствующим, ни материализмом.

В связи с анализом проблемы союза марксистской философии и естествознания В. И. Ленин специально останавливался на отношении философов к теории относительности Эйнштейна. Характеризуя Эйнштейна как великого ученого-новатора и отмечая, что за его открытия пытаются «уцепиться» различного рода идеалисты, В. И. Ленин призывал к тому, чтобы четко различать научное содержание теории относительности и те идеалистические спекулятивные выводы, которые стремятся построить на ее основе представители «модных» буржуазных философских течений.

Таким образом, одна из задач союза диалектических материалистов с естествоиспытателями состоит в том, чтобы внимательно изучать достижения, открытия современного естествознания и делать из них правильные, т. е. диалектико-материалистические, методологические и мировоззренческие выводы, творчески развивая на этой основе диалектический материализм.

Другая, не менее существенная цель этого союза — приобщение естествоиспытателей к принципам материалистической диалектики как единственно научной теории и методу научного познания действительности. «Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и вос-

становления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом»[24].

Ленинский призыв к упрочению союза философов-марксистов с представителями естествознания получил свою замечательную реализацию в ходе дальнейшего развития советского общества.

Намечая конкретные пути борьбы против идеалистического и метафизического мировоззрения и призывая к всесторонней разработке теории диалектики, В. И. Ленин особо подчеркивал при этом *значение гегелевского философского наследия, диалектики Гегеля*. «Чтобы достигнуть этой цели,— писал он,— сотрудники журнала „Под знаменем марксизма" должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай),— т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения Земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы,— каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»[25].

Материалистически понятая и преобразованная диалектика Гегеля должна сыграть важную методологическую роль в развитии как естествознания, так и общественных наук. «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых „сбиваются" в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды»[26].

Глубокие идеи, содержащиеся в работе В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», имеют в высшей степени актуальное значение и в настоящее время. Эта статья пронизана страстным стремлением показать методологическое и мировоззренческое значение марксистской философии для творческого освоения природы, преобразования общественной жизни и развития духовного мира, для строительства социализма и коммунизма. Чем большее время отдаляет нас от выхода в свет знаменитого ленинского произведения, тем ярче и полнее выступает животворная идейно-философская ценность этого труда, его влияние, сила научного предвидения по-

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 29—30.
[25] Там же, с. 30.
[26] Там же, с. 31.

следующего хода развития марксистской философии, теории материалистической диалектики в ее органической связи с прогрессом науки и общественной практики.

Ленинская стратегия и тактика классовой борьбы в послеоктябрьские годы — яркий образец *применения диалектики к политике*, умения в сложном переплетении событий охватывать динамическую картину общественной жизни в целом, извлекать из опыта побед революции и даже из временных поражений, отступлений «урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу». Способность В. И. Ленина подняться на высоту больших теоретических обобщений, взглянуть на происходящее в свете уроков предшествующего развития и тенденций, перспектив дальнейшего движения, подсказываемых объективной логикой борьбы, способность, опирающаяся на колоссальный опыт, огромные знания и гениальную интуицию, объясняет глубину ленинских тактических и стратегических выводов. Их проницательность проистекает из того, что любая ситуация анализируется В. И. Лениным диалектически, с учетом интересов и позиций борющихся классов, соотношения их сил, под углом зрения перспектив революционного движения пролетариата. В. И. Ленин, как никто другой, творчески усвоил уроки истории диалектики, т. е. способы подхода, приближения к действительности, проникновения в ее глубинную суть, вырабатывающиеся в ходе развития человеческого познания. Богатство этих способов, приемов, оттенков подхода к действительности и создавало предпосылки рассмотрения любого предмета объективно, в его многосложных связях и опосредованиях, в соответствии с требованиями диалектики, которая представляет собой «*живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...»[27]. Такой подход к действительности сочетался у В. И. Ленина с постоянной ориентацией на опыт масс, создающей возможность перехода от объективного научного анализа к непосредственным лозунгам, мобилизующим массы; с всесторонним учетом не только совокупности объективных условий, но и субъективного фактора, в том числе настроения масс, деятельности партий, роли отдельных личностей; с блестящим умением возглавить массы, повести их за собой, что невозможно без четкого уяснения существа дела и выработки ясной программы действий.

В применении диалектики к политике В. И. Ленин видел принципиальную сторону всей системы марксистского мировоззрения, связанную с теоретическим признанием партийности философии. В органической связи диалектики и политики проявляется действенный, активный, антисозерцательный характер философии марксизма. Сам ход революционных преобразований, начатых Великим Октяб-

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

рем, необычайно ускоренный, максимально насыщенный сложными противоречиями и превращениями, с огромной силой выдвинул эту сторону дела на первый план. И В. И. Ленин дал мастерские образцы диалектического анализа текущей политики, сумев найти в конкретных ситуациях единственно правильные решения. В. И. Ленин требовал прежде всего объективности. «Как можно трезвее и точнее противопоставить учет фактических классовых сил и бесспорные факты нытью и панике филистеров от реформизма и филистеров от революционаризма — такова задача марксистов»[28]. Но для этого надо оценивать явления в целом, в их совокупности. Надо «постараться взглянуть на все политические течения вместе взятые, ибо только так, только при этом условии мы можем обезопасить себя от ошибок при извлечении отдельных примеров. Понятно, что примеров можно найти сколько угодно в подтверждение какого угодно положения»[29]. Именно объективный учет соотношения сил дает основу для трезвой и дальновидной политики.

Блестящим примером диалектики стратегии и тактики рабочего класса, марксистско-ленинской партии является работа В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» (1920). Сочетание принципиальности и гибкости, умение использовать противоречия в стане врага, искусство извлекать уроки исторической диалектики не только из побед, но и из поражений — таковы некоторые установки Ленина в этой области.

В. И. Ленин учил принципиальной твердости и вместе с тем гибкости в тактике, иначе говоря, правильному применению на практике теоретических принципов марксистской диалектики.

В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В. И. Ленин писал: «За что-нибудь прозвали нас враги наши „твердокаменными"... Но мы научились также — по крайней мере: до известной степени научились другому необходимому в революции искусству — гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным»[30]. В. И. Ленин делает и практический вывод: «Гибкость нужна теперь максимальная и для этого для гибкого маневрирования наибольшая твердость аппарата»[31]. Напоминая в этой связи о формуле Маркса «наша теория не догма, а руководство к действию», В. И. Ленин расценивал и видоизменение тактики в соответствии с условиями классовой борьбы как вытекающее из принципов марксизма. Так, в связи с необходимостью учета противоречивого поведения среднего крестьянства и мелкой буржуазии В. И. Ленин писал, что «от нас потребуется частая

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 102.
[29] Там же, т. 36, с. 242.
[30] Там же, т. 44, с. 151.
[31] Там же, т. 43, с. 373.

перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным»[32].

В. И. Ленину претило «словесное признание марксизма», он боролся против «чрезмерного погружения в теорию, оторванную от непосредственного действия»[33]. Да, должно поступать в соответствии с научной теорией. Но в конкретных условиях приходится брать в расчет и непредвиденное, черпаемое из исторического опыта, *не предусмотренное теорией*. Так, вопрос об армии в новых условиях Советской России после Октября оказался совершенно новым, он не ставился раньше даже теоретически. Классики, говорил В. И. Ленин, также никак не высказывались и по вопросу о буржуазных специалистах. «Нам нужно строить сейчас практически, и приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество. Это кажется противоречием, быть может, даже неразрешимым противоречием, но на самом деле только этим может быть разрешена задача коммунистического строительства»[34].

Невозможность полного программирования развития в теории не может, однако, служить оправданием неуверенности, колебаний, шараханья. Она свидетельствует в пользу необходимости неустанного обогащения теории на основе обобщения практики. Не заучивать готовые формулировки, а научиться самостоятельно думать, самостоятельно разбираться в фактах — вот в чем состоит задача марксиста перед лицом быстро текущего потока событий. Свойственный Ленину гносеологический оптимизм он выражает, как бы полемизируя с Сократом и поправляя его: «Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше...»[35].

Образцом применения диалектики к политике является ленинское решение проблемы *неравномерности перехода от капитализма к социализму*.

В. И. Ленин считал, что переход от капитализма к социализму не может не сопровождаться острыми и своеобразными противоречиями: «Удивительно было бы, если бы осуществление *новой* формы демократии история подарила нам *без* ряда противоречий.

Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: „Вероятен ли равномерный или гармонически пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата?“ — ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно»[36].

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 136—137.
[33] Там же, с. 75
[34] Там же, т. 38, с. 142.
[35] Там же, т. 41, с. 305.
[36] Там же, т. 38, с. 304.

Одним из проявлений диалектического закона взаимосвязи количественных и качественных изменений в общественном развитии является соотношение *реформы и революции.*

Маркс учил, что реформа есть побочный продукт революционной борьбы. После Октября, говорил Ленин, во взаимоотношении революции и реформы возник новый элемент. Реформа может выступать в этих условиях как необходимая и законная передышка, как известное отступление для передислокации сил. Такой реформой был нэп. Необходимость прибегнуть к обходному маневру противники революции пытались истолковать в том смысле, что, может быть, не было надобности в революции, что надо было начинать с реформ и ограничиться ими, что это-де не тактика, а эволюция, перерождение. В. И. Ленин, отвечая противникам революции, показал, что отступление — вещь страшно трудная, особенно после больших побед, но, если оно необходимо для перегруппировки сил, оно становится обязанностью революционера, хотя и несет с собой опасность («опасность есть стихия войны»). Учитывая условность всех граней, В. И. Ленин требовал соблюдения диалектической меры в самой революционности. «Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать „революцию" с большой буквы, возводить „революцию" в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия... перейти к действию реформистскому»[37]. В. И. Ленин, как истинный революционер, требовал бесстрашия мысли, считая губительной боязнь истины. Смотря в глаза правде, говорил он, мы сохраняем трезвость, понимание того, «где, когда и насколько надо отступить (чтобы сильнее прыгнуть)»[38]. Коль скоро лидеры II Интернационала превратили компромиссы в сговор с буржуазией против пролетариата, то легче всего было сказать: «никаких компромиссов». Но легкий путь не самый лучший. Труднее решать вопрос по-другому: в каждом конкретном случае определить, какие компромиссы допустимы, целесообразны в силу объективных обстоятельств и способствуют расширению борьбы рабочего класса, а какие — нет. Практически пролетарии инстинктивно чувствуют разницу между допустимыми компромиссами и теми компромиссами, в которых приносятся в жертву их коренные интересы. Обязанность марксистской партии, ее руководителей состоит в том, чтобы, не ограничиваясь наличием этого классового инстинкта, интуиции, теоретически продумывать случаи возможных компромиссов, превращая их в орудие борьбы пролетариата. «Надо иметь собственную

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 223.
[38] Там же, с. 418.

голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов»[39].

В диалектике политической мысли и политического действия, как она разрабатывалась Лениным после Октября, важное место занимает *проблема самокритики*. Только партия, выражающая интересы последовательно революционного класса, способна быть самокритичной, глубоко анализировать и своевременно исправлять свои ошибки. Умен не тот, кто не делает ошибок (таких людей нет), а тот, кто делает небольшие ошибки и способен вовремя их исправить. Серьезное отношение политической партии рабочего класса к своим ошибкам есть исполнение ею на деле, а не на словах обязанностей по отношению к массам, к своему классу. И здесь единство теории и практики подкрепляется у В. И. Ленина требованием учета опыта масс, массового творчества, что составляет своего рода лейтмотив в его подходе к диалектике в послеоктябрьский период.

Октябрьская революция провела итоговую демаркационную черту между большевизмом и меньшевизмом, *между диалектико-материалистической методологией большевиков и доктринерски-формалистической методологией старых партий II Интернационала, в частности меньшевиков*, между творческой большевистской теорией, опирающейся на революционный поиск, живое творчество трудящихся, и догматической социал-реформистской теорией, игнорирующей революционную деятельность и творчество масс. В результате проведения абстрактно-схематичной, оторванной от жизни и народа догматической установки меньшевики с неизбежностью оказались за бортом революции, в лагере эмиграции и контрреволюции. Исходя из косной антидиалектической идеи о том, что весь комплекс общественных явлений есть автоматическое следствие достигнутого уровня производительных сил, меньшевики в духе струвизма рассуждали о «недозрелости» капитализма в России, о «преждевременности» социалистической революции, о «бланкизме» большевиков и т. д. Ленинская постановка вопроса была принципиально иной: раз совокупность объективных обстоятельств подвела массы к восстанию, следует не отстраняться от него, а направить его ход к победоносной революции.

Реальное перенесение теоретических положений в практику, из сферы «алгебраических формул» в жизнь означало их обогащение и конкретизацию в полном соответствии с марксистским тезисом о

[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 52—53.

примате практики перед теорией. В то же время это перенесение было проверкой убеждений, нравственной и теоретической смелости и последовательности всех деятелей партий II Интернационала. Переход из области теории в область практики оказался критическим и роковым для тех, кто признавал марксизм всуе, на словах, а на деле отходил от него. Ленин проводил принципиальную грань между отвлеченно-умозрительным, кабинетным пониманием истины и умением делать из нее конкретные практические выводы в сложной обстановке. Эклектическое, догматическое понимание теории и истории привело видного теоретика II Интернационала К. Каутского к ренегатству, к измене делу пролетарской революции. Каутский, отмечал В. И. Ленин, «жульничает при помощи цитат и ссылок»[40]. Философские основы извращения Каутским марксизма — подмена диалектики софистикой и эклектикой; социально-психологические корни — дух лакейства перед буржуазией, сформировавший в среде II Интернационала обстановку массового ренегатства[41]. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», касаясь другого оппортунистического деятеля — Вандервельде, Ленин показал, что, подобно Каутскому, он «великий мастер по части замены диалектики эклектицизмом»[42]. Вандервельде смешивает, спутывает два различных процесса: революционный переход от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата с постепенным отмиранием социалистической государственности. Причем делается это якобы во имя диалектики, борьбы против всяких «абсолютов», как будто диалектика сводится к релятивизму и к отрицанию конкретности и точности. На самом деле диалектика конкретна и революционна. «Диалектика отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории. Эклектик не хочет „слишком абсолютных“ утверждений, чтобы просунуть свое мещанское, свое филистерское пожелание „*переходными ступенями*“ заменить революцию»[43].

Для понимания коренного различия между диалектической методологией большевиков и доктринерской методологией лидеров старых партий II Интернационала, включая меньшевиков, исключительно важное значение имеют последние работы В. И. Ленина, в частности статья «О нашей революции (по поводу заметок Н. Суханова)» (1923). Типичные для меньшевизма черты: педантское понимание учения Маркса, ориентация на прошлое, игнорирование тех корректив, которые жизнь неизбежно вносит в теорию, вера в то, что учебник, построенный по Каутскому, способен предусмотреть дальнейший ход истории,— все эти особенности характеризовали и

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 104.
[41] См.: Там же, с. 309—311.
[42] Там же, с. 335.
[43] Там же, с. 336.

мышление меньшевика Суханова, его книгу «Записки о русской революции». «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики»[44]. Раскрывая гносеологические основы меньшевистского подхода к Октябрьской революции, В. И. Ленин усматривал их в шаблонном, недиалектическом понимании исторического процесса. Он настаивал на необходимости учета конкретной ситуации, в которую был поставлен народ России условиями войны, голода и разрухи. Во-первых, указывал он, наша революция связана с мировой империалистической войной. «В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало»[45]. Во-вторых, разъяснял Ленин, наличие общей закономерности развития всемирной истории не только не исключает, но, наоборот, предполагает своеобразие формы или порядка отдельных полос этого развития. Мелкобуржуазные реформисты, изображающие из себя революционеров, не способны были понять, что Россия ввиду своего особого положения на границе цивилизованных стран и стран, впервые вовлекаемых в цивилизацию, «могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»[46].

Решающим для оценки русской революции теоретики II Интернационала считали отсутствие в России экономических предпосылок для социализма. Россия, утверждали они, не достигла того уровня производительных сил, который делает возможным социализм. На этой позиции стоял меньшевик Суханов. Развенчивая эту оппортунистически-капитулянтскую «аргументацию», Ленин писал: «Ну, а что́ если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз „крестьянской войны“ с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой „марксист“, как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что́ если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 378.
[45] Там же, с. 379.
[46] Там же.

западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?»[47]. И коль скоро требуется определенный уровень культуры для построения социализма, то вполне закономерно рабочему классу, трудящимся массам начать с завоевания посредством революции предпосылок для этого уровня, а уже потом «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[48].

Для меньшевиков было характерно доктринерское отношение к революционной деятельности масс, стремление затормозить их активность, приостановить их инициативу, революционную самостоятельность. Недооценка самодеятельности масс, проявившаяся в политике меньшевиков, сказалась и в их теории, в скептическом и пренебрежительном отношении к революционному народу, которое еще в период революции 1905 г. выразилось, в частности, в печально известной формуле «не надо было браться за оружие». Но это как раз и значило, что меньшевики совершенно не поняли в марксизме главного — его революционной диалектики. В. И. Ленин подчеркивал, что Маркс с громадным уважением относился ко всякому глубинному народному движению, считая рост числа масс, вовлеченных в историческое действие, мерилом его основательности. Не только массы, но и партии и их вожди учатся и доучиваются в периоды революционных сдвигов. Ленин вслед за Марксом не считал зазорным для себя учиться на опыте движения угнетенного класса, не превращая дело его просвещения и развития в морализирующее поучение.

В статье «О нашей революции» читаем: «Помнится, Наполеон писал: „On s'engage et puis... on voit". В вольном русском переводе это значит: „Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет". Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу»[49]. Эта подлинно диалектическая, революционно-марксистская постановка вопроса в корне противоположна меньшевистскому догматическому подходу к революции. Сетования меньшевиков на «неправомерность» Октябрьской революции ввиду отсутствия полного состава предпосылок социализма были продолжением их политической линии и методологической ориентации, ясно выявившихся еще в 1905 г. «Для создания социализма,

[47] Там же, с. 380—381.
[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.
[49] Там же.

говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы,— пишет В. И. Ленин,— не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»[50].

Победа Великой Октябрьской социалистической революции обусловила дальнейшее творческое развитие стратегии и тактики международного революционного движения. По-новому встал вопрос *об общих и специфических закономерностях мирового революционного процесса.* В. И. Ленин писал: «Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»[51].

К общим закономерностям социалистической революции Ленин относил прежде всего необходимость установления диктатуры пролетариата, превращение частной собственности на средства производства в общественную, наличие марксистской политической партии рабочего класса, ее руководящую роль в борьбе за уничтожение гнета капитала и построение социализма и коммунизма, союз рабочего класса с крестьянством.

По своей сущности переход от капитализма к социализму является единым для всех стран всемирно-историческим процессом. Однако этот общий, закономерный процесс всегда протекает в особенных, своеобразных условиях тех или иных стран и является результатом творчества определенных народов. Специфичность конкретно-исторических условий не может не получить свое отражение в характере вызревания предпосылок социалистической революции, в формах и методах подготовки масс к революции, ее совершения и построения нового общества.

Теоретическим выражением диалектического единства общего и особенного в развитии разных стран является знаменитое ленинское положение о том, что каждая нация внесет своеобразие в те или иные формы демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон социальной действительности.

Блестящим примером диалектико-материалистического подхода к проблемам послеоктябрьской эпохи является ленинский анализ ее противоречий. В. И. Ленин вскрыл *основное противоречие новой эпохи* — противоречие между социализмом и капитализмом, которое возникло вместе с рождением и укреплением молодой Республики

[50] Там же.
[51] Там же, т. 41, с. 3.

Советов: «Теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга, во всемирном масштабе, без малейшего преувеличения»[52].

Этому коренному противоречию между двумя социально-экономическими и политическими системами В. И. Ленин придавал принципиальное методологическое значение. Учет этого противоречия составляет необходимое условие научного теоретического осмысления решающих социальных событий современности, характера взаимоотношения между государствами и выработки правильной стратегии и тактики коммунистическими партиями мира. Подчеркивая методологическую значимость этого противоречия, В. И. Ленин писал: «Взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах»[53].

В. И. Ленин вскрыл также новые глубокие внутренние *противоречия*, раздиравшие после Октября *мировую капиталистическую систему*, показал, как растет антагонизм труда и капитала, как обостряются противоречия между монополиями, между империалистическими государствами и т. д. Молодая Советская республика получила возможность использовать эти противоречия. «Все наши враги,— писал В. И. Ленин,— формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и представителями капитала,— как бы они ни были объединены формально,— оказались разъединенными, их внутренняя связь по сути дела их же разъединяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей»[54].

Непреходящее значение имеет ленинский теоретический анализ *диалектики эпохи диктатуры пролетариата.*

В отношении будущего, т. е. коммунистического общества, у Маркса нет и капельки утопизма, говорил В. И. Ленин. Учение Маркса есть последовательное применение диалектической теории развития, поскольку оно не занимается фантастическими проектами будущего, а исследует с естественнонаучной точностью закономерный процесс превращения капитализма в социализм, целую переходную полосу, которая в политическом отношении есть эпоха дик-

[52] Там же, т. 40, с. 245.
[53] Там же, т. 41, с. 242.
[54] Там же, т. 40, с. 242.

татуры пролетариата. Опыт истории создал реальную возможность конкретизации этой общей картины и породил необходимость в теоретическом освещении конкретных путей строительства нового общества. Ленинские идеи об электрификации, индустриализации, новой экономической политике, экономических рычагах построения нового общества, ленинский кооперативный план и идея культурной революции составляют теоретический фундамент строительства социализма и коммунизма.

Коммунизм, согласно Марксу, Энгельсу и Ленину, не может обойтись без использования и закономерного развития всех тех запасов знания, *достижений культуры*, которые выработало человечество. Между тем в России реально проявилось противоречие между наличным низким культурным уровнем трудящихся масс и той высокой культурой, имеющей богатые традиции, которой массы должны были овладеть.

В предшествующем историческом развитии угнетенные массы не могли проявить полностью свои силы в социально-политическом творчестве, они приобщались к нему лишь в моменты революционных потрясений. Трудящиеся были оторваны от достижений культуры, которыми пользовались имущие классы, превращавшие даже знание в орудие угнетения. Враги революции утверждали, что приход к власти пролетариев означает «крах культуры». Великий диалектик В. И. Ленин нашел способ ликвидации этого противоречия. Он убедительно показал, что в эпоху империализма и пролетарской революции именно пролетариат выступает как поборник передовой культуры, законный преемник всего лучшего, что создано человечеством.

В. И. Ленин многое разъяснил из того, как добиться, чтобы пролетариат успешно выполнил эту свою историческую миссию в полном объеме. Он был уверен, что культура найдет в массах наиболее плодотворную, благодатную почву для своего развития. Культурная революция призвана поднять массы к высотам науки, литературы и искусства. Но начать надо с главного — с вовлечения трудящихся в практическое социальное творчество. Только практика, борьба воспитывают массы, расширяют их кругозор, формируют их таланты и способности, проясняют ум, закаляют волю. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности»[55].

В. И. Ленин предостерегал против неосторожного применения Бухариным понятия «диалектическое отрицание», в особенности по отношению к культуре. Опровергая субъективистски-вульгаризаторское, нигилистическое отношение к культуре прошлого, В. И. Ленин настаивал на принципиальном отличии революционной диалектики исторического творчества, которой руководствуются подлинные марк-

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.

систы, от догматической левоэкстремистской «архиреволюционности», исходящей из пафоса уничтожения, разрушения старого во что бы то ни стало.

Освоение массами всей предшествующей культуры рассматривалось В. И. Лениным как одна из центральных задач социалистического строительства. В. И. Ленин считал, что анархистское «ультрареволюционное» бунтарство, пронизанное мелкобуржуазной психологией, традициями прошлого, может привести лишь к варварству по отношению к культуре. По сути дела, оно антидемократично.

Диалектика творчества коммунистической культуры требует безусловного отсечения отчужденных форм функционирования культуры, свойственных буржуазному строю, непримиримой борьбы с буржуазной идеологией. Неуклонное проведение этой революционной классовой линии является необходимым условием творчески-диалектического освоения победившим пролетариатом культурного наследия. Перед победившим рабочим классом встает задача учиться, учиться и еще раз учиться, ибо коммунистом можно стать лишь тогда, когда овладеешь всем богатством культуры, которое выработало человечество. Политическая революция есть лишь предпосылка, начало революции в области культуры. Задачи последней не решаются «кавалерийским наскоком». Творческое отношение к прогрессивному наследию прошлого — альфа и омега пролетарской революции.

Вовлечение масс в культурное творчество — революционная задача, связанная с созиданием новых форм жизни. Подлинный социализм, учил Ленин, есть живое творчество самих масс, чуждое всякой казенщине и бюрократизму.

Лейтмотивом произведений «Великий почин», «Очередные задачи Советской власти», «Задачи Союзов молодежи» и других послеоктябрьских работ В. И. Ленина является идея о первостепенной важности творчества нового, прогрессивного, об изменении и перестройке в связи с этим отношения к труду, ко всей общественной жизни со стороны широких народных масс. Разработка диалектики созидания нового общества составляет важнейший вклад В. И. Ленина в теорию диалектики. Он показал, что диалектика не только критична и революционна, но также и конструктивна, созидательна по своему существу, глубоко проникнута творчески-созидательным духом, революционным гуманизмом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ О ДИАЛЕКТИКЕ ИСТОРИИ, О СООТНОШЕНИИ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ, ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой, коммунистической эпохе, новому этапу всемирного освободительного движения пролетариата [1]. Она зажгла факел социальной революции, мирового революционного процесса. Стало ясно, что «никакая сила в мире назад человечество не вернет»[2]. Процесс коренных преобразований общественных отношений из капиталистических в социалистические, разработка генеральной линии коммунистического движения потребовали от Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина дальнейшего творческого развития социологической теории, обогащения и развития исторического материализма и научного коммунизма [3].

1

Обобщение исторического опыта строительства социализма и развитие марксизмом категориального аппарата теории исторического материализма и научного коммунизма

Ленинский подход к развитию марксистской теории всегда основывался на признании объективной истинности ее принципов. В. И. Ленин развивал ту мысль, что только на основе теории марксизма и с учетом диалектико-материалистического анализа и обобщения новых тенденций и явлений общественной практики возможно обогащение и дальнейшее развитие марксистского учения, которое не может быть коллекцией абстрактных или азбучных истин, а «есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них»[4].

Ленинизм — принципиальный противник формального, абстрактного, «академического» истолкования марксизма, противник как правого доктринерства, цепляющегося за старые формулировки, не ви-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 212.

[2] Там же, с. 372.

[3] Вопросы развития В. И. Лениным исторического материализма и теории научного коммунизма до Октября 1917 г. рассмотрены в т. IV «Истории философии в СССР» (с. 417—554). Здесь мы рассматриваем идеи, выдвинутые В. И. Лениным в процессе новой практики коммунистического преобразования мира.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 172.

дящего новых проблем, возникающих в практике, так и «левого» псевдоноваторства и волюнтаризма, ставящего под сомнение саму суть, принципы революционной теории.

В. И. Ленин подчеркивал огромное значение практики, ее влияния на теорию, особенно в переломные, революционные периоды, «когда теория превращается в практику, оживляется практикой»[5]. Ленин отмечал, что *общественно-производственная практика* — это широкое понятие, подразумевающее область человеческой деятельности, в основе которой лежит деятельность в сфере материального производства, но которая далеко не ограничивается этой сферой. Согласно В. И. Ленину, революционные партии вряд ли могут выполнить веления времени, если они будут уповать только на историческую необходимость, т. е. признавать ее формально, ожидая, когда она проявится, не опираясь на творчество масс и не поощряя это творчество, которое придает истории, в особенности в революционную эпоху, своеобразные черты. Признание богатства, разнообразия возможностей в истории вовсе не означает преклонения перед стихийностью исторического процесса. Сложные вопросы производственной, социально-экономической и политической практики марксизм-ленинизм решает, руководствуясь знанием основных закономерностей и тенденций общественного развития. Для В. И. Ленина развитие теории и методологии познания истории было императивом как с точки зрения практических потребностей сознательных действий передовых классов в масштабах мирового революционного процесса, глубоко партийного руководства социалистической революцией и коммунистическим строительством, так и в целях защиты и развития научных представлений о закономерностях общественного развития, в особенности в полемике против буржуазной и мелкобуржуазной социологии и философии истории, против представителей реформизма и ревизионизма.

В послеоктябрьский период В. И. Ленин неоднократно критиковал буржуазную идеалистическую теорию и методологию истории, как западноевропейскую (О. Шпенглер), так и русскую (Ю. Виппер, Н. Бердяев, П. Сорокин, «сменовеховцы»). Ленин отмечал, что такая критика является одной из необходимых предпосылок творческого развития материалистического понимания истории.

Другим направлением ленинской критики было обличение «теоретического опошления марксизма» (Э. Бернштейн, К. Каутский, Ф. Адлер, Р. Гильфердинг и др.). Философия истории, развивавшаяся идеологами обанкротившегося II Интернационала, характеризовалась словесным признанием диалектики и абсолютным неумением, полной беспомощностью в применении ее на практике[6]. Это были,

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 202.

[6] См.: Ленинский сб., т. 9, с. 237. Ленин отмечал, что не следует ожидать «особенно блестящих умственных способностей от этих людей» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 191). Им не дано проникнуть в диалектику истории, они «учились диалектике», но не умеют применять ее на практике.

в сущности, разрыв с материалистической диалектикой, неумение выйти за пределы идеалистической метафизики и эклектики, игнорирование требований новой революционной практики, т. е. догматическая слепота и трусость мысли[7].

«Ортодоксальные» псевдомарксисты ничего так не любят, отмечал Ленин, как предупреждать о пагубных последствиях возможных ошибок. Но ведь никакая теория не может охватить общественное развитие во всей его всеобщности и конкретности. Следование методу материалистической диалектики вовсе не означает создания абсолютных социальных рецептов; диалектика является теоретической гарантией конкретности и всесторонности анализа общественных явлений на основе диалектико-материалистических принципов.

Как отмечал В. И. Ленин, решающее в марксизме — «его революционная диалектика», материалистическая диалектика «конкретна и революционна», она «отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории»[8]. Диалектика признает объективность и одновременно относительность нашего все углубляющегося знания об историческом процессе. Материалистическая диалектика как метод познания общественных явлений — могучий инструмент социальной теории марксизма, она сочетает строгую реалистичность подхода к событиям и фактам с глубиной их анализа на основе своих принципов, и прежде всего требования всесторонности и конкретности. Признавая объективные закономерности истории, диалектика требует конкретности мышления, учета того, что любая абстрактная формула, как бы она ни была правильна сама по себе, относительна по своему значению в изменяющихся исторических условиях. Методология сама по себе не гарантирует верного знания. Необходимо глубокое проникновение в суть событий. В письме к Н. Д. Кикнадзе В. И. Ленин подчеркивал эту сторону дела, отмечая, что «в „методологии" (о коей Вы пишете) надо различать возможное от действительного»[9].

Главное в диалектико-материалистическом подходе к общественным процессам — конкретный анализ конкретной ситуации: «Все теории хороши, *если* соответствуют объективной действительности»[10]. Как подчеркивал Ленин, история не знает абсолютной повторяемости

[7] Теоретические оракулы современного капитализма восхваляют Бернштейна и Каутского как «непонятых пророков». Р. Арон видит в Бернштейне «предшественника и теоретика демократического социализма двадцатого века в его основных пунктах: эволюция капиталистической системы и влияние социальных реформ» (Marxism in the Modern World. Stanford, 1965, p. 46).

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 378; т. 37, с. 336.

[9] См.: Ленинский сборник, т. 3, с. 477.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 184. Эта же мысль отражена в резолюции X съезда партии, где решительно подчеркнуто, что партия революционного марксизма, т. е. ленинизма опровергает «поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса...» теории, опирающейся на нее практики и настаивает на исторической конкретности подходов и решений. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 206.

событий; возникают новые общественные связи и отношения. «Старые ситуации не повторяются в их прежнем виде»[11]. К тому же общественные ситуации в XX в., как правило, более сложны, более противоречивы, текучи, чем когда-либо прежде. Повторяемость проявляется не в конкретных событиях и явлениях, а в существенных тенденциях развития социально-экономических формаций, в общественных законах. Следовательно, необходим не только анализ каждой данной исторической ситуации, но и проникновение в существо глубинных законов и противоречий истории. Для Ленина в послеоктябрьский период, как и ранее, характерен строго конкретный анализ исторической закономерности, соотношения общего и специфического, объективного и субъективного, стихийного и сознательного, массового и личностного в общественном развитии. Еще в сентябре 1917 г. В. И. Ленин писал: «Мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к деятельности... Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»[12]. Законы истории не есть нечто внешнее по отношению к человеческой деятельности, нечто стоящее над людьми, навязанное им как фатум. Они — результат человеческой деятельности. Вместе с тем они не являются чем-то статичным и изменяются вместе с изменением исторических условий и форм практической деятельности масс. В истории конкретно раскрывается *диалектика объективных и субъективных факторов* человеческой деятельности. Созидание истории происходит через отношения между классами, через классовую борьбу, в которой люди участвуют по-разному: одни активно, другие пассивно, одни сознательно, другие стихийно, одни выступают с революционных позиций, другие — с консервативных и реакционных.

Признание общих объективных закономерностей истории, которые прокладывают себе дорогу «сквозь цепь случайностей», не только не исключает, но и предполагает понимание того, что существуют «отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[13]. В этом знаменитом положении ярко выражена одна из центральных идей ленинской концепции исторического процесса — идея многовариантности возможностей в истории, диалектическое понимание отношения объективных условий (прежде всего в сфере материального производства) и субъективного фактора, общего и особенного применительно к типам и формам социального развития, признание возрастания роли субъективного фактора в истории. История не одноцветна, а многоцветна.

Эпоха строительства социализма, начало которой положила Великая Октябрьская социалистическая революция, имеет всемирно-историческое значение. Сравнительно с предшествующими периодами,

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 134.
[12] Там же, т. 34, с. 116.
[13] Там же, т. 45, с. 379.

даже с бурным XIX веком, она характеризуется небывалым размахом исторического творчества масс, новизной и противоречивостью всех общественных процессов. Поскольку количество масс, участвующих в историческом творчестве, неизмеримо увеличивается, поскольку в революционный процесс логикой развития общественных отношений вовлекаются все новые миллионы активно действующих людей, постольку новым качеством истории становится резкое ускорение ее течения, быстрая смена общественно-политических ситуаций, поразительное многообразие событий и явлений. Опыт революции показал, что старая, хотя и верная трактовка вопроса о решающей роли народных масс в истории должна быть дополнена и конкретизирована. Развитие классовой борьбы требовало обстоятельного и каждый раз строго конкретного анализа отношений *массы — классы*, *массы — господствующие классы*, *массы — социальные слои и группировки в господствующем классе*, *массы — партии*, *классы — партии*, *массы — вожди*, *классы — вожди*, *партии — вожди*. Такой анализ создает большие возможности для прогресса социального познания.

Когда «историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов», она и «могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью»[14]. Капитализм, в особенности в эпоху империализма, способствовал пробуждению масс, их приобщению к более активной исторической деятельности; «в одном из крупных изломов истории, повертывающей от империализма к коммунистической революции», решающая роль народных масс в истории обнаруживается все яснее, их творчество приобретает небывалый размах. «История шагает быстрее», темпы общественного развития ускоряются, экономические и политические отношения, складывавшиеся в течение веков, разрушаются в самые краткие исторические сроки.

Обобщение нового исторического опыта деятельности масс, классов, партий и выдающихся личностей как субъектов истории неизбежно влечет за собой уточнение категориального аппарата исторического материализма и научного коммунизма. Так, на III конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин анализировал понятия „принципы", „цели", „стратегия", „тактика" в свете развивающегося мирового коммунистического движения и в борьбе против ревизионистского опошления марксизма. Диалектично по своей сути общественное развитие, диалектичной должна быть и философско-социологическая мысль, отражающая существенное в этом процессе. Старые формулы могут быть применяемы в новой исторической ситуации со значительными поправками на конкретные сложившиеся условия.

Доктринерское (догматическое) понимание исторического материализма было следствием во многом формального знания марксизма. У отдельных деятелей, считавших себя теоретиками, этот догматизм был следствием «чрезмерного» погружения в теорию, «оторван-

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 81.

ную от непосредственного действия». Такое «погружение» характерно для тех, кто при длительном отсутствии революционной ситуации, в подполье, в эмиграции оторван от масс, от непосредственной практики. Но доктринерское понимание теории может быть у теоретика, «важничающего всеми учеными и модными словами», что характерно для отдельных молодых теоретиков революционной полосы исторического развития[15]. Такое теоретическое доктринерство есть обычно, как отмечал В. И. Ленин, «*фальсификация* исторического материализма», «игра в исторический материализм»[16].

Революция, открывающая новую полосу всемирной истории, требует теории, проникнутой конкретным историзмом. И первым объектом внимания такой теории является сама революция.

2

Наука о революции. Объективные условия и субъективный фактор в революционном процессе

Первым и центральным из вопросов исторического материализма и теории научного коммунизма стал в послеоктябрьское время вопрос о революции, о теории революции, о глубоком сущностном понимании революционного процесса.

Идея Маркса и Энгельса о возможности одновременной победы социалистической революции в ряде развитых в промышленном отношении стран основывалась на анализе закономерностей домонополистического капитализма. Ленинский вклад в теорию социалистической революции связан в первую очередь с его анализом новых закономерностей и тенденций революционного преобразования общества в эпоху империализма.

Возможен ли в эпоху империализма равномерный переход стран с различным уровнем развития от капитализма к социализму? Согласно В. И. Ленину, на этот вопрос следует ответить «несомненно отрицательно». Равномерность, пропорциональность, гармоничность общественного развития несовместимы с анархической логикой развития капиталистических отношений. Благодаря неравномерности развития капитализма в отдельных странах в эпоху империализма оказались возможными прорыв цепи империализма в его наиболее слабом звене и победа социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране. Идею возможности победы социализма первоначально в одной стране В. И. Ленин выдвинул еще до Октября в работах «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Военная программа пролетарской революции», открыв закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Великая Октябрьская социали-

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 291.
[16] Там же.

стическая революция подтвердила ленинские выводы об этом общественном законе.

После Октября Ленин вновь возвращается к вопросу о неравномерности развития капитализма в эпоху империализма и пролетарских революций; подчеркивая ранее найденное решение, он отмечает и новые моменты, определявшиеся прежде всего возникновением социалистического государства.

Мировой революционный процесс в эпоху империализма развивается стихийно, а не по заранее намеченному плану. В результате неравномерности развития капитализма в эпоху империализма в мире складываются своего рода исторические диспропорции. Они являются не следствием ошибок или непонимания конкретных обстоятельств (хотя ошибки и непонимание со стороны передовых классов, партий и вождей возможны, более того — неизбежны), а выражением объективно-противоречивых тенденций мирового общественного развития. Вследствие этого кризисные революционные ситуации созревают в различных звеньях мировой системы капитализма разновременно. В силу исторических и социально-экономических особенностей развития отдельных стран революционные ситуации в них всегда отличаются известным своеобразием.

Вопрос о перспективах мирового революционного процесса стал после Октября одним из стержневых для исторического материализма и научного коммунизма. Возникла настоятельная необходимость научного прогнозирования тенденций мирового революционного процесса. Поэтому марксисты, говорил В. И. Ленин, признавая, что «революция мудрая, трудная и сложная наука»[17], обязаны тщательно исследовать ход революции, глубоко проанализировать социальные изменения, которые она приносит, исследуя, «как коммунистическая революция возникла, почему она неизбежна, в чем ее значение, ее сущность, ее сила, что она должна решить»[18].

Анализ закономерностей коммунистической революции должен включать изучение ее генезиса. Проблема начала революции, социально-экономических, политических, идеологических, культурных и психологических предпосылок социального переворота выдвигалась тем самым на первый план как актуальнейшая для материалистического понимания истории. В. И. Ленин подчеркивал, и не раз, что революции не делаются по заказу, они подготавливаются объективным развитием общественных противоречий, которые подготавливают революционные ситуации.

Массы идут за теми партиями, которые реально отстаивают их конкретные, в первую очередь экономические, интересы и умеют использовать исторически благоприятные ситуации. «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности все-

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 119.

[18] Там же, т. 38, с. 178—179. Этот вопрос — один из актуальных. Он активно обсуждается и в марксологической литературе. См.: *Rabehl Bernd.* Marx und Lenin. V. S. A. Hamburg, 1977.

ми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «*низы*» *не хотят* старого и когда «верхи» *не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»[19]. Но не всякая революционная ситуация переходит в революцию[20].

В свете опыта трех русских революций В. И. Ленин пришел к выводу, что революционному классу страны со средним, как Россия, или даже со среднеслабым уровнем развития капитализма «легче» начать революцию. Этому способствует особая острота классовых противоречий, обусловленная существованием остатков феодальных отношений, эксплуатацией трудящихся не только «своей» буржуазией, но и иностранным капиталом.

Революция, победившая в такой стране, неизбежно будет испытывать трудности при переходе от капиталистических отношений к социалистическим, в частности, из-за недостаточного уровня развития культуры. Но ее принципиальный вклад в мировое общественное развитие не подлежит сомнению: революция впервые конституирует новые производственные отношения. В. И. Ленин поправлял Бухарина, утверждавшего, что революции в эпоху империализма начинаются с низких по своему промышленному развитию стран («наиболее слабых народнохозяйственных систем») и что скорость революционных преобразований обратно пропорциональна зрелости капиталистических отношений в данной стране[21]. Великий теоретик, критикуя эту схему, отмечал: правильно то, что революция начинается «не с высших», т. е. не обязательно с высших, по своему экономическому развитию, стран; но «без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»; неверен тезис о том, что темпы революционных преобразований «обратно пропорциональны» зрелости капиталистических отношений в канун революции; эти темпы «прямо пропорциональны» зрелости этих отношений[22]. В то же время, разъяснял В. И. Ленин, рабочему классу страны с высоким уровнем развития капитализма и буржуазной культуры объективно труднее

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 69—70.

[20] XIV конференция РКП(б), развивая ленинские идеи, указала на различие «между а) революционной ситуацией вообще, б) *непосредственно*-революционной ситуацией и в) прямой революцией» (КПСС в резолюциях и решениях... 8-е изд., т. 3, с. 208). Эта трактовка противоположна однолинейному пониманию революционной ситуации.

[21] См.: Ленинский сб., т. 11, с. 397.

[22] См.: Там же. В «Тезисах о задачах Коминтерна и РКП(б)», принятых XIV конференцией РКП(б), было подтверждено, что некоторые страны, вставшие на путь социализма, в канун социалистической революции «не обязательно будут странами самого развитого капитализма» (КПСС в резолюциях и решениях... 8-е изд., т. 3, с. 210). Этот социальный прогноз был подтвержден последующим общественным развитием.

начать революцию (в связи, в частности, с буржуазно-парламентарными «демократическими» формами обмана трудящихся, влиянием тред-юнионизма и оппортунизма, наличием «рабочей аристократии» и т. д.)[23]. Необходимы не только объективные, но и субъективные предпосылки. Следует также принимать во внимание то немаловажное обстоятельство, что в отличие от России в Западной Европе имеются «серьезные руководители капитализма»[24], умеющие искусно маневрировать, готовые на социальные подачки, могущие демагогически обманывать массы. В то же время революцию в этих странах легче будет завершить победой, т. е. более быстрым строительством новых общественных отношений в виду, в частности, достигнутого еще до революции высокого уровня культуры и материального производства.

В. И. Ленин называет *законом политического успеха*, законом «той ожесточенной войны классов, которая называется революцией», осуществление такой политики, при которой революционная партия «в решающий момент в решающем пункте» будет «иметь подавляющий перевес сил». Политическая власть завоевывается ради интересов *всего* рабочего класса и трудящихся масс, но установление такой власти не обязательно является делом всего класса. В развитых капиталистических странах для завоевания власти нужен, при известных условиях, в том числе при уже состоявшемся завоевании большинства рабочего класса, т. е. при определенном уровне идейного просвещения рабочей массы, удар в решающем месте большинства социально решающих частей рабочего класса[25]. Эти ленинские идеи были закреплены в программных документах Коммунистического Интернационала. В них в качестве предпосылки завоевания политической власти рабочим классом выдвигалось «завоевание под свое влияние большинства членов собственного класса, в том числе женщин-работниц и рабочей молодежи»[26]. Для революционного класса и его политической партии необходимо быстрее преодолеть расстояние, отделяющее начало революционных взрывов (вооруженное восстание, политический переворот) от социальной революции, когда осуществляются коренные социальные преобразования и со всей силой и размахом начинает сказываться историческое творчество масс[27].

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 155.

[24] Там же, т. 36, с. 269.

[25] Эти разъяснения Ленин обращал в особенности к «левым» при подготовке решений I конгресса Коммунистического Интернационала.

[26] Программа и Устав Коммунистического Интернационала. М., 1933, с. 154. Современные теоретики капиталистической системы вроде Д. Белла, Г. Кана, З. Бжезинского утверждают, будто в «технотронную эру», где-то в районе 2000 г., рабочий класс ввиду мощного развития техники «сойдет на нет», исчезнет как социальная, а тем более как революционная сила. Факты не только не подтверждают их «футурологического прогноза», но говорят об обратном, о росте рабочего класса и его влияния, об усилении борьбы рабочего класса против монополий.

[27] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 291.

В. И. Ленин характеризовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию как революцию глубоко народную, в которой созидательная деятельность народных масс получила высшее воплощение как «народное творчество»[28]. Ленинская идея о народной революции имела колоссальное значение как для борьбы против реформистских иллюзий о «спокойной» революции в результате эволюции производительных сил, так и для борьбы против домыслов о «верхушечном» характере революции, рождаемой будто бы «заговорщической» тактикой большевизма[29]. Революции никогда не происходят по воле отдельных лиц, какова бы ни была объективно их значительная роль в истории. В современную эпоху массы выступают со своими требованиями и лозунгами, выражающими их стремления демократического и социалистического характера[30], хотя сами массы не обязательно до конца осознают значение и последствия этих стремлений. К тому же в революциях выявляются не только рациональные, ясно осознанные, но и эмоциональные, стихийные мотивы. Эта стихийно-эмоциональная сторона деятельности масс, разрушающих старые общественные порядки, вызывает историческую реакцию гибнущих классов и их идеологов, которым творчество масс в революции кажется «истинным светопреставлением и бесповоротной гибелью всего»[31]. Стихийное народное творчество в революции, отмечал В. И. Ленин, пугает реформистов и оппортунистов, которые, наподобие Отто Бауэра, пытаются «*поливать бушующую революцию* маслицем *реформистских фраз*»[32]. Революции не идут гладко, они никогда не были и не будут только спокойным или только триумфальным шествием[33]. В. И. Ленин указывал, ссылаясь, в частности, на идею Ф. Энгельса, что существует, «по-видимому, закон, требующий от революции продвипуться *дальше, чем она может осилить*, для закрепления менее значительных преобразований»[34]. Такая ленинская трактовка одного из законов революции была, с одной стороны, обобщением опыта величайшей из революций в истории, а с другой — указывала на возможность *повторения* сходного в других революциях, которые, как подчеркивал В. И. Ленин, будут неизбежным следствием новой эпохи, эпохи крушения капитализма и становления коммунизма. Возможны в революции и «революционные глупости», от которых не застрахованы ни один революционный класс

[28] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 6.

[29] Обвинение в «верхушечном» характере революции сравнительно недавно вновь повторил австрийский «неомарксист» Э. Фишер. В своих работах он утверждал, что «Октябрь не имел корней» и был делом интеллекта и воли Ленина. Он отвергает, таким образом, народный характер революции, повторяя старую субъективистскую версию причин торжества ленинизма в Октябре 1917 г. Фишер исказил роль В. И. Ленина как вождя *народной революции*, руководимой большевистской партией.

[30] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 53.

[31] Там же, т. 35, с. 283.

[32] Там же, т. 40, с. 137.

[33] См.: Там же, т. 36, с. 102.

[34] Там же, т. 53, с. 206.

и ни одна партия, в особенности в условиях быстрой смены революционных ситуаций. Однако партия революции обязана стремиться к тому, чтобы делать поменьше таких «глупостей», не настаивать на ошибках и исправлять их с меньшим уроном для дела революции[35]. «Левый коммунизм» исходил, казалось бы, из самых благих намерений: опираясь на успехи революции в одной стране, развязать мировую революцию. На практике же вследствие господства псевдореволюционной фразы «левые коммунисты» приходили к вульгарному авантюризму. Они, например, как отмечал В. И. Ленин, всегда намеревались, «исходя из русских сил, ставить задачу свержения международного империализма»[36]. Это — революционная гасконада.

В. И. Ленин видел объективные основания распространения субъективистских иллюзий во время революции (Л. Троцкий, «левые коммунисты», Н. Бухарин и др.) в исторически относительном уровне развития классового самосознания пролетариата и его партий, которое не является неизменной величиной, а развивается вместе с революцией. Наличие традиций демократической культуры, определенная степень организованности рабочего класса в развитых капиталистических странах могут служить основанием для предположения, что «западноевропейские революции, может быть, пройдут более гладко»[37]. Но это — возможность. На практике для революционной партии важнейшее значение имеет уменье «быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели»[38]. Субъективизм, политический авангардизм могут сыграть пагубную роль и на Западе и на Востоке, могут привести к отрыву авангарда от масс. В особенности это опасно тогда, когда политическим авангардом овладевает вера во всемогущество насилия. Эти теоретические прогнозы В. И. Ленина были подтверждены и конкретизированы в истории рабочего и коммунистического движения как на Западе (где сектантство и субъективизм сыграли свою пагубную роль непосредственно после Октября 1917 г., в годы революционного подъема, и где преодоление сектантских, ревизионистских ошибок было всегда актуальной задачей теории и практики коммунистического движения), так и на Востоке, в особенности в период маоистской «великой пролетарской культурной революции»[39].

Разрабатывая науку о революции, В. И. Ленин развил ряд новых соображений *о месте и роли насилия в революции*,— вопрос, который продолжал оставаться одним из актуальных в полемике с буржуаз-

[35] Ср. своего рода теоретическое обоснование «революционных глупостей» в работе одного из лидеров «новых левых».— Руди Дучке. См.: *Dutchke Rudi.* Versuch, Lenin auf altee Fusse zu Stellen. Berlin, 1975.

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 253.

[37] Там же, т. 38, с. 155.

[38] Там же, т. 44, с. 151.

[39] См.: Lenin and India. Atar Chand. Delhi, 1980. A Bibliography with Selected Abstracts, 1917—1980.

ными и мелкобуржуазными теоретиками. Критикуя «теории» защитников политического насилия, видящих в нем решающий фактор исторического прогресса (Дюринг, эсеры, анархисты, Троцкий), В. И. Ленин дал научное объяснение подлинной роли насилия. Он исходил из того, что насилие неизбежно в эпоху революционных кризисов, оно — «спутник краха капитализма». Победа социализма невозможна без революционного насилия. Причем существуют две основные исторические формы насилия, сложившиеся в условиях классового общества: реакционное насилие эксплуататорского меньшинства над трудящимся большинством и революционное насилие эксплуатируемого большинства над меньшинством. Первое негативно, антигуманно. Второе является позитивным средством созидания нового общества, гуманным в своей основе, хотя и имеет свои негативные стороны. В моменты особенно острой борьбы с внутренней контрреволюцией и интервенцией Советская власть в ответ на белый террор применила красный террор. Как только спала острота открытой классовой борьбы, В. И. Ленин призвал (в частности, на IX съезде Советов) к «большей революционной законности». Насилие не является ни самоцелью, ни императивным требованием партии революции. Применение насилия, в том числе в форме «мирного» принуждения, степень и размах насилия зависят от степени и размаха сопротивления противников революции. Важное в коммунистическом понимании насилия — обучение рабочего класса, трудящихся «тактике *необходимого насилия*»[40]. Это означает в первую очередь умение революционного класса выбирать различные способы решения социальных вопросов, среди которых насилие отнюдь не всегда является решающим или первостепенным. Ленин разъяснял, что «революционное насилие представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся»[41].

В годы Октября и гражданской войны Коммунистическая партия вновь решительно отвергла анархистскую концепцию всеобщего безначалия и перманентного насилия ради осуществления социалистических целей. Когда анархист Ге стал доказывать (как бы предвосхищая маоистскую концепцию), что в революции политическое насилие определяет все, что «винтовкой он заставит каждого», Ленин подверг резкой критике эту мысль как нелепость, как «непонимание

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 43. К. Каутский приписывал веру во всемогущество насилия русским рабочим и большевизму как идейному течению, связывая это с присущим будто бы им «анархизмом». Это была грубая выдумка ренегата, намеренно отождествившего стихийный народный гнев, возмущение против векового рабства с идеологическими требованиями политического авангарда трудящихся масс, с ленинизмом, который является антиподом анархизма.

[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 74.

того, к чему винтовка служит»[42], т. е. непонимание того, что революционное насилие есть крайнее средство, отнюдь не всегда применяемое революционной партией; тем более оно не может быть обращено против трудящихся масс.

Старые господствующие классы не уходят из истории добровольно. Их стремление к сохранению своего положения реализуется в период революции в многочисленных попытках реставрации старых общественных отношений с применением самых крайних средств борьбы против революционных масс. Эти средства не могут быть нейтрализованы благодушными реформистско-оппортунистическими призывами к умеренности: «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»[43]. Поэтому в революции, особенно на ее начальных стадиях, успех или неуспех зависит в значительной мере от того, на чьей стороне армия.

Русская революция была «тяжелой» революцией, следующей за войной, связанной с войной[44]. Но революция в отличие от империалистической бойни служит интересам освобождения человечества. Только социалистическая революция способна разрубить гордиев узел противоречий империализма, спасти культуру и человечество.

В. И. Ленин различал социальную революцию в одной стране, являющуюся следствием неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, и *социальную революцию в мировом масштабе*[45]. Теория обязана объяснить особенности перерастания социальной революции в данной стране в революцию в ряде стран. Еще до Октября В. И. Ленин указывал, что мировая революция — это не одна битва, а эпоха, складывающаяся из целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, процесс бурных политических и экономических изменений.

Мировой революционный процесс складывается объективно, это процесс крушения прежде всего системы империализма, включая его колониальную «подсистему». Мировой революционный процесс объективно разрушает не только империализм, но и сохранившиеся в мире докапиталистические общественные отношения, т. е. не только буржуазные отношения в метрополиях, но и колониальную и полуколониальную периферию империализма. Эта революция, развивающаяся в связи с кризисом всей системы империализма, коренным образом отличается от буржуазной революции периода перехода от феодализма к капитализму, задача которой состояла в обеспечении

[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 272. См. также: *Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма: (Борьба партии большевиков против анархизма, 1917—1922 гг.). М., 1975.

[43] Там же, т. 37, с. 122.

[44] См.: Там же, т. 36, с. 476.

[45] Там же, т. 38, с. 175. Ср.: т. 35, с. 286. Ленинская теория мирового революционного процесса противостоит путанице ревизионистских взглядов. Так, Э. Фишер уверял, что революция и реформа по сути одно и то же. «Я бы,— вещал он,— вообще не противопоставлял резко реформы и революцию. Мировую революцию я считаю серией больших и малых реформ» (Der Spiegel, 1969, N 47, S. 150).

возможностей развития капитализма[46]. Мировая социалистическая революция — сложный и далеко не однозначный процесс революционного перехода от капитализма к социализму, процесс, включающий в себя не только собственно социалистические революции, но и революции антиимпериалистические, национально-освободительные. Ее задача — разрушение мировой системы капитализма. Из различения революции в одной стране и мировой социалистической революции логически вытекает и различие революционной ситуации в одной стране и объективной мировой революционной ситуации, предпосылкой которой является общий, все углубляющийся кризис капитализма.

Богатство ленинских идей и глубина прогноза социального развития оказались исключительно плодотворными и в анализе *общего и особенного в мировом революционном процессе*. Все нации придут к социализму, указывал В. И. Ленин, но разными путями. «Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как „во имя исторического материализма" рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской»[47]. Мировой освободительный процесс охватывает целый ряд национальных революционных потоков. Учитывая исторические и национальные особенности своих стран, но опираясь при этом «на общекоммунистическую теорию и практику»[48], коммунисты должны творчески, диалектически применять общие принципы. «Основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран»[49].

Конечно, «русский образец» показал всем народам и странам многое и весьма существенное из их неизбежного будущего. Но было бы проявлением догматической ограниченности полагать, будто возможно знание всех будущих обстоятельств и всех поворотов в развитии мировой истории и мирового революционного процесса. Критикуя итальянского социалиста Бордигу, который манипулировал общими фразами о «диктатуре пролетариата вообще», В. И. Ленин говорил: можно, например, предположить, что «революция в Италии будет протекать иначе, чем в России. Она начнется иным образом. Каким именно? Ни вы, ни мы не знаем этого»[50]. Неверно думать, будто революции в Западной Европе или на Востоке, чтобы быть успешными, должны слепо скопировать «русский образец». Таким образом, согласно В. И. Ленину, проблема национальных особенностей в социалистической революции не только не снимается, но должна получить дальнейшую разработку в интересах социалистической революции во всем мире. В. И. Ленин подчеркивал также, что ни о каком так называемом экспорте революции не может быть

[46] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 5. Ср.: *Fischer E., Marek T.* Was Lenin wirklich sagte? 1969, S. 16.

[47] *Ленин В. И* Полн. собр. соч., т. 30, с. 123.

[48] Там же, т. 39, с. 329.

[49] Там же, т. 44, с. 19.

[50] Там же.

и речи. Революции подготавливаются, совершаются, побеждают благодаря развитию внутренних социальных противоречий, социальных (общенациональных) кризисов в данной стране и революционной деятельности масс, руководимых передовыми классами и ведомых революционными партиями.

В начале XX в. не оправдались прогнозы тех, кто предполагал, что *национальный вопрос* в эпоху империализма теряет свое значение (Р. Люксембург, Ю. Пятаков, Л. Троцкий, Н. Бухарин).

Уже дискуссия о праве наций на самоопределение, происшедшая в мировом социалистическом движении в 1916 г., выявила основные пункты теоретических расхождений, но не была завершена. После Октября В. И. Ленин вновь подверг критике тех, кто полагал, будто «народ есть нечто единое», что «народная воля может быть выражена в чем-либо ином, вне классовой борьбы»[51]. Наряду с этим В. И. Ленин развил обстоятельную критику несостоятельности левацко-догматических установок по национальному вопросу, вроде утверждений Пятакова, что признание реальности наций — это якобы анахронизм, что «наций никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев»[52], поскольку налицо бурный процесс классовой дифференциации в недрах каждой нации, а также утверждений Троцкого, который третировал понятие «нация», считая его «пустым звуком».

В. И. Ленин разъяснил, что национальный нигилизм чужд марксизму, что вопрос заключается не в признании или отрицании классовой дифференциации — она происходит в действительности, а в установлении степени этой дифференциации; объединение всех пролетариев, независимо от национальной принадлежности, произойдет совсем на иной стадии коммунистического развития[53]. Отдаленная перспектива слияния наций в единое коммунистическое общество не должна смешиваться с ближайшими перспективами установления братских отношений между ними. «Лучшее средство к тому — совместная работа по отстаиванию диктатуры пролетариата и Советской власти»[54].

Основное условие победы мирового коммунистического движения над «всемирным империализмом» заключается в соединении натиска эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны «с революционным натиском сотен миллионов человечества, которые до сих пор стояли вне истории, рассматривались только как ее объект»[55].

Анализируя условия и предпосылки мировой социалистической революции, В. И. Ленин отмечал, что в странах, где главной массой является крестьянство, а рабочий класс и буржуазия или отсутству-

[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 214.
[52] Там же, т. 38, с. 181.
[53] См.: Там же.
[54] Там же, т. 40, с. 46.
[55] Там же, т. 44, с. 282.

ют вовсе, или только зарождаются, в первую очередь «нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»[56]. Решение этой проблемы — социальная предпосылка решения других проблем, обеспечивающих движение по социалистическому пути. Национально-освободительное движение в этих странах первоначально направляется на антифеодальную борьбу, на национальное освобождение от феодально-клерикальной реакции, а затем, вливаясь в общий мировой и революционный поток, неизбежно «обратится против капитализма и империализма»[57]. Соответственно этому прогрессивные и коммунистические партии вносят применительно к таким регионам необходимые коррективы в свою стратегию и тактику. Идея союза рабочего класса и крестьянства, единства всех трудящихся масс в борьбе против империализма и реакции вновь подчеркивается В. И. Лениным как стержневая идея понимания революционного процесса в этих регионах и странах.

Крестьянство отсталых в промышленном отношении стран, где полностью или почти полностью отсутствует рабочий класс, безусловно сблизится с молодым рабочим классом своей собственной страны, а также развитых стран, и это сближение произойдет «в общем потоке революционного творчества», который будет способствовать становлению различных форм социалистической государственности.

Возможность некапиталистического развития ряда стран является реальной возможностью в силу также того, что пролетариат промышленно развитых стран, придя к власти, оказывает всемерную поддержку национально-освободительному движению.

В. И. Ленин анализировал и социальные условия возможной политической структуры общества, создаваемого в результате некапиталистического пути развития на развалинах «средневековых остатков». В этом обществе основные начала социалистического строя могут быть созданы на самой широкой классовой основе революционного движения. Новая эпоха требует от марксистов признания исторического своеобразия общественных условий, решительного отказа от «единообразного шаблона», требует строгого историзма при обсуждении и решении любой проблемы национальных и межнациональных отношений, т. е умения диалектически сочетать марксистскую теорию и практику. Эти принципиальные ленинские указания и прогнозы имели важнейшее международное значение, в частности для деятельности Коминтерна и молодых коммунистических партий Запада и Востока, укрепляющих свои связи с массами на основе ленинской стратегии и тактики. «Наука о революции», развитая Лениным, стала необходимым идейным оружием мирового освободительного и коммунистического движения.

[56] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 329.
[57] Там же, т. 44, с. 38.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В. И. ЛЕНИН О СТАНОВЛЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одно из важнейших направлений теоретической деятельности В. И. Ленина в послереволюционное время — разработка программы строительства коммунизма и обобщение практического опыта по реализации этой программы [1].

Творческий марксизм, писал В. И. Ленин, не может ограничиваться «абстрактным противоположением „капитализма" „социализму"»[2]. Исторический материализм и научный коммунизм исследуют условия и конкретные пути перехода от одной формации к другой, особенности становления социалистического экономического базиса и политической надстройки.

Важнейшими проблемами теории и практики, стоявшими в центре внимания В. И. Ленина и Коммунистической партии, были вопросы о политической системе социализма, о диктатуре пролетариата, о создании и всемерном укреплении Советского социалистического государства.

1
В. И. Ленин о социалистической государственности

Вопрос о власти, отмечал В. И. Ленин, «есть коренной вопрос всякой революции»[3]. Он является главным для революционной партии перед социалистической революцией, во время революции и после нее.

Теория разрушения буржуазного государства и создания *социалистического* была разработана В. И. Лениным еще до Октября 1917 г., в частности в труде «Государство и революция», где на основе принципиальных положений Маркса и Энгельса и обобщения новой исторической практики он развил новые идеи. После победы социалистической революции речь шла о конкретизации и развитии общей теории государства на опыте строительства социалистического го-

[1] А. Мейер утверждает, будто В. И. Ленин в годы революции «отбрасывал теорию в сторону, говоря, что течение событий не поддается классификации и анализу» (*Meyer A.* Leninism. Cambridge, 1957, p. 252). Это выдумка Мейера. В. И. Ленин не отбрасывал теорию, а развивал, поднимал ее на более высокий уровень, указывая не один раз на значение единства теории и практики.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 301.

[3] Там же, т. 43, с. 217.

сударства. В. И. Ленин отмечал, что наличие государственно-правовых отношений и государственного аппарата в переходный период является вернейшим признаком, что в общественных отношениях сохраняется обширная область принуждения.

Марксисты не разделяют суеверного почтения к Государству (с большой буквы) и в этом смысле не являются «государственниками» вопреки обвинениям «левых» и анархистов (в частности, в гегельянском обожествлении государства), но они видят и признают историческую необходимость социалистической государственности[4]. Социалистическая государственность — необходимая историческая и политическая предпосылка коммунистической безгосударственности. После победы социалистической революции социалистическая государственность выступает в форме диктатуры пролетариата, представляющей собой «новый, невиданный в истории, тип государственной власти»[5]. Этот момент ленинской концепции диктатуры пролетариата следует отметить особо. Речь идет не об абстрактной диктатуре как таковой, не о диктатуре ради диктатуры, а об определенном, исторически необходимом способе осуществления государственной власти рабочими и крестьянами в интересах трудящихся масс и самими массами. Признание исторической необходимости диктатуры пролетариата в переходный период является основой всякой революционной концепции[6]. Дальнейшее развитие некоторых теоретических сторон вопроса о диктатуре пролетариата В. И. Ленин считал актуальным, в частности, потому, что в теоретических дискуссиях противники ленинизма употребляли и такие понятия, как «диктатура партии», «диктатура марксизма» и т. п.

Экономический смысл диктатуры пролетариата заключается в том, что именно через нее достигается более высокая общественная организация и производительность труда сравнительно с капитализмом. Здесь проявляется организаторско-созидательная функция социалистической государственности, противостоящая «социализму in abstracto»[7].

Диктатура пролетариата выражает вместе с тем особую стадию классовой борьбы в ходе и непосредственно после социалистической революции, готовность рабочего класса взять на себя функции управления обществом. «Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии»[8]. Однако функция подавления, насилия отнюдь не является в диктатуре пролетариата главной. При

[4] См.: Там же, т. 37, с. 390. Обвинения в «чрезмерном почтении к государству» шли в основном после Октября из анархистско-синдикалистского направления, выступавшего против социалистической государственности, против диктатуры пролетариата. См.: *Боровой А.* Анархизм. М., 1918, с. 74.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 287.

[6] См.: Там же, т. 40, с. 348.

[7] Ленинский сб., т. 3, с. 494.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

всем своем исторически обусловленном значении функция подавления играет менее существенную роль в сравнении с функцией организаторско-созидательной.

Диктатура пролетариата, победившая в нашей стране, представляет собой качественно новое государство, «государство иного социального типа, иного классового содержания, государство *советское*»[9]. Социалистическая государственность в форме Советов — «высший по демократизму тип государства»[10], «шаг вперед во всемирном развитии социализма»[11]. Эта форма власти трудящихся обеспечивает решение всех насущных задач социалистического переустройства общества; она противостоит как реальной власти буржуазии, так и оппортунистическому мифу о возможности некоей «средней власти»[12].

Будучи исторически необходимым путем к отмиранию государства, диктатура пролетариата не является последней формой социалистической государственности. В преддверии коммунистической «безгосударственности» и всеобщего самоуправления возможны промежуточные формы, приближающиеся к общественному самоуправлению. Последовательность этих промежуточных форм была указана Лениным, когда он писал, что «республика Советов выше республики с Учредительным собранием. Республика полного социализма выше республики Советов. Коммунистическое общество выше социалистической республики»[13].

В. И. Ленин допускал возможность в будущем существования «интернациональной республики Советов» в виде «могучей революционной федерации» социалистических стран. Обеспечивая участие в управлении всех трудящихся, она создает «всечеловеческое государство».

Диктатура пролетариата означает революционный слом эксплуататорской государственной машины, разрушение буржуазной демократии. Но одновременно через диктатуру пролетариата осуществляется громадный прогресс в развитии социалистической демократии, подлинно демократических форм общественной жизни в интересах трудящихся масс. Тем самым в качестве новой проблемы общественной теории возникает вопрос *о диалектике диктатуры и демократии* в рамках диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин отмечал: «Величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества... может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии, может произойти без самых крутых переломов, без соз-

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 300.

[10] Там же, с. 58.

[11] Там же, с. 50.

[12] Там же, т. 39, с. 135. Критика идеи «средней власти» подразумевала не только эсеров и меньшевиков, Каутского и австромарксистов, но и анархистов, выступавших непосредственно после Октября против Советов с демагогическими призывами к «третьей революции» (В. Л. и А. Л. Гордины и др.).

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 427.

дания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.»[14]. Демократии «вообще» в классовом обществе не было, нет и не будет. Демократия — понятие классовое. Поэтому расплывчатые понятия вроде «диктатура демократии» ошибочны[15]. Они не раскрывают классового содержания той или иной демократии. Лозунг свободы и равенства *вообще* ведет к «социализму in abstracto», т. е. лишь к абстракции, а не к реальному социализму[16]. В полемике с Каутским и каутскианцами, с меньшевиками, а затем и с представителями так называемой рабочей оппозиции, которые требовали «производственной демократии» (ср. с понятием базисной демократии в работах «еврокоммунистов»), В. И. Ленин подчеркивал, что характер демократии определяется классовыми отношениями в данной социальной системе. Форма собственности определяет в конечном счете форму демократии, которая, как теоретическое понятие, является слепком с отношений товарного производства[17] и «определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества»[18].

Преимущества социалистической демократии коренятся уже в особенностях ее генезиса: «Она основана по революционному опыту» масс, являясь исторически необходимым, демократическим решением проблемы: массы — классы — партии — вожди[19]. Конкретно в практике социалистических отношений это означает, что «масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их... Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции»[20]. При этом социалистическая демократия зиждется на точно устанавливаемой ответственности руководителей, осуществляющих волю общества. Это наиболее представительная в истории форма демократии. Тем не менее социалистическая демократия вовсе не пытается конституировать себя в качестве вечного общественного института и уже на первых стадиях своего существования начинает подготовлять отмирание государства. Диалектика заключается здесь в том, что отмирание государства (и демократии как формы политических отношений) идет через всемерное укрепление и развитие социалистического демократизма, социалистической государственности.

Особое значение для исторического материализма и теории научного коммунизма в переходный период имела мысль В. И. Ленина о первенстве *политики* над *экономикой*. Можно ли утверждать, что надстроечное явление, каким является политика, имеет первенство

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 498—499.
[15] См.: Там же, т. 39, с. 281.
[16] См.: Ленинский сб., т. 3, с. 494.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 81.
[18] Там же, т. 42, с. 276.
[19] См.: Там же, т. 41, с. 24, 25.
[20] Там же, т. 36, с. 157.

перед базисным явлением, каким является экономика? В каком смысле политика первенствует над экономикой? В том смысле, что политика всегда связана с материальными отношениями в сфере производства, она необходимо выражает интересы класса, господствующего в сфере производственных отношений: «политика есть концентрированное выражение экономики»[21].

В. И. Ленин решительно критиковал тезис о полном соответствии между политикой и экономикой, навеянный «теорией равновесия». Идея такого соответствия, равновесия выражала метафизическое понимание законов исторического развития и «на деле является ошибкой, неверным учетом особенностей перехода»[22]. В действительности политика обладает относительной самостоятельностью, между ней и экономикой «полного соответствия не будет никогда». Критикуя механистическую методологию Бухарина, В. И. Ленин писал: «Не точнее ли говорить о „необходимости известной пропорциональности", чем о „точке зрения равновесия?" Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму»[23]. Поскольку строительство социалистической экономики обеспечивается политикой социалистического государства, Коммунистической партии, «политика не может не иметь первенства над экономикой»[24].

Заниматься политикой, отмечал В. И. Ленин,— значит «разбирать явления с массовой, а не с личной точки зрения»[25]. Коммунистическая политика начинается не там, где тысячи, а там, где миллионы[26], т. е. это политические действия в интересах широчайших масс. Основываясь на познании и использовании объективных законов общественного развития, коммунистическая политика делает миллионы трудящихся сознательными участниками исторического процесса. В этом случае политика — *наука*. Политика одновременно и *искусство*, искусство целенаправленных действий в интересах определенных классов, их системы отношений и государства, искусство умелого использования в сфере субъективного фактора необходимых тенденций общественного развития. Искусство политического руководства как раз и заключается в умении, следуя верной стратегии, постоянно обновлять тактические средства. Здесь на первый план выдвигаются личные качества выдающихся деятелей коммунизма. Кроме преданности делу класса, знания, опыта и воли политических вождей, определенную роль играет их интуиция, политическое

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

[22] Ленинский сб., т. 11, с. 384.

[23] Там же, с. 384, 385. В данном случае имеется в виду то, что понимание Н. Бухариным вопроса о соотношении базиса и надстройки, экономики и политики основывалось на «теории равновесия» А. Богданова; его «теория исторического материализма» была попыткой механистического применения «теории равновесия» к общественному развитию, обоснования «социологии» без философии.

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

[25] Там же, т. 38, с. 220.

[26] Там же, т. 41, с. 65.

чутье[27]. Гарантией проведения политики в интересах масс является контроль общественного мнения[28].

В. И. Ленину принадлежит заслуга всесторонней разработки *внешнеполитической программы Советского государства*, в основу которой легла теория мирного сосуществования, социалистическая программа мира между народами.

Важнейшим социальным последствием Октября было разделение мира на две противоположные социально-экономические системы. Послеоктябрьская революционная практика поставила на повестку дня одну из величайших проблем эпохи — проблему длительного *мирного сосуществования* различных социальных систем и стран с различным общественно-политическим строем. После завоевания пролетариатом власти в одной стране отношения между этой страной и остальным, все еще капиталистическим миром, указывал В. И. Ленин, не должны строиться на основе непосредственной политической конфронтации, вооруженной борьбы. Для пролетариата, победившего первоначально в одной стране, революционная война с международным капиталом вовсе не является вопреки догмам «левых» и троцкистов немедленным императивным требованием. Политика мирного сосуществования является выражением иной, социалистической природы нового общественного строя, не нуждающегося в навязывании своей воли другим государствам. Следует допустить, что, несмотря на агрессивную природу империализма, известный период времени «будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»[29]. В. И. Ленин разъяснял ошибочность как механистической концепции равновесия, «мертвого баланса» сил социализма и капитализма, так и «левых» требований немедленного «экспорта революции».

В. И. Ленин трактовал мирное сосуществование как диалектическое противоречие, как своеобразную форму классовой борьбы между двумя противоположными системами, принципиально исключающую примирение классовых интересов буржуазии и пролетариата, «конвергенцию» социализма и капитализма, исключающую мирное идеологическое сосуществование и способствующую победе в конечном счете социализма. В ходе мирного сосуществования, как указывал В. И. Ленин, будут бороться две тенденции: «идейное заражение» трудящихся капиталистической системы «бациллой большевизма» и «развращение революционного сознания рабочих» со стороны капитализма, буржуазной идеологии[30].

В условиях сосуществования возникает реальная возможность, используя противоречия интересов буржуазии разных стран и разных групп буржуазии внутри отдельных стран, успешно противодей-

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 53.
[28] См.: Там же, т. 36, с. 52.
[29] Там же, т. 39, с. 197.
[30] См.: Там же, т. 37, с. 164; т. 38, с. 301.

ствовать реакционным устремлениям империализма. Более того. Исторически не исключены случаи, когда, как допускал еще Маркс, неумолимый ход событий в отдельных странах заставит «капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа»[31].

2

Базис и надстройка. Классы и классовые взаимоотношения переходного периода. Проблема управления

Социалистическая революция поставила в качестве реальной практической задачи постепенное устранение классов и классовых различий. Ликвидация эксплуататорских классов, установление правильных взаимоотношений между рабочими и крестьянами, а также внутри этих классов, между классами и социальными группами (в частности, с буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией), постепенное стирание классовых различий стали практическими вопросами теории исторического материализма и научного коммунизма. Складывалась новая социальная структура.

Дело осложнялось тем, указывал В. И. Ленин, что наше представление о социализме сложилось во многом на основе анализа стадии капитализма. Это представление не могло быть всесторонним и исчерпывающим. Новая практика внесла существеннейшие уточнения, в том числе в понимание *переходного периода*. «Теоретически,— отмечал В. И. Ленин,— не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства»[32].

Введение В. И. Лениным понятия *уклада* имело неоценимое теоретико-методологическое и практическое значение, ибо уточнило категорию экономического базиса применительно к особенностям становления социалистического базиса. В. И. Ленин ввел понятие переходных форм как ступеней, этапов развития экономической и политической организации общества. Новое общество может стать реальностью лишь благодаря практическому осуществлению теории научного коммунизма — через ряд «конкретных попыток»[33]. Революция, гражданская война и первые годы созидания социалистических отношений сделали очевидным, что переход к коммунизму — процесс

[31] Там же, т. 43, с. 215. Эта была иная перспектива, чем та, которую видели отдельные лидеры оппозиции. Так, К. Радек предлагал пойти на «большие экономические уступки международному империализму в целях усиления деловых сношений с иностранным капиталом» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 510). Это предложение было отвергнуто.

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 271.

[33] Там же, т. 43, с. 212.

длительный и сложный. Переходный период есть такое общественное состояние, при котором происходит особенно интенсивное разрушение всего отжившего и обветшалого. Но господствующим и развивающимся является социалистический уклад. О возможности же какого-то гибридного социального строя могут мечтать лишь «самовлюбленные Нарциссы»[34]. Естественно, что переходный период не может не соединить в себе с чертами социалистических отношений какие-то черты старых укладов и даже допустить существование этих укладов в течение известного исторического периода.

Их существование не означает, что между капитализмом и социализмом есть какая-то промежуточная общественная формация, вроде, например, обосновывавшегося Каутским и австромарксистами «ультраимпериализма». Монополистический капитализм эпохи империализма является «непосредственным преддверием» и — объективно — подготовкой материальных условий социализма. Между ним и социализмом никаких промежуточных формаций организации общества не существует[35]. Однако одно абстрактное противопоставление двух общественно-экономических формаций было бы упрощением проблемы. Между государственно-монополистическим капитализмом и коммунизмом, несмотря на противоположность классовых интересов и различие целей, есть и нечто общее: обе противоположные социально-экономические системы предполагают высокую степень технической оснащенности производства, использование данных наук, в частности, в организации труда, систему рационализации производства и т. п. Одной из серьезных задач общественной науки оказался объективный анализ новой формации как целостной системы, структуры этой системы, ее элементов, исторически конкретных тенденций ее развития.

На первой стадии развития социалистического общества, непосредственно после революции сохраняется многоукладность экономики — социально-экономическая основа классовых различий: уклады — патриархальный, мелкотоварный, капиталистический, государственно-капиталистический и социалистический. Реликты прошлых формаций создают дополнительные трудности научной организации производства и планирования. Выявление В. И. Лениным диалектики взаимоотношений между основными укладами переходного периода было важным достижением теории.

До Октября марксистской мыслью была доказана возможность строительства новых, социалистических отношений, но, как говорил

[34] В. И. Ленин имел в виду теоретических оракулов правой социал-демократии и «сменовеховцев», которые искажали понятие переходного периода. Отвергая его закономерность, Ю. Финн-Енотаевский писал, что учение Маркса о переходном периоде «не означало переход ведения общественного производства в руки государственной власти», т. е. отвергал социалистическое управление производством. См.: *Финн-Енотаевский Ю. А.* Карл Маркс и новейший социализм. Пг., 1922, с. 104.

[35] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 302.

В. И. Ленин, тогда еще не решался, не мог быть решен вопрос, «как строить». Верное решение этого вопроса требовало не только знания взаимодействия базиса и надстройки, объективных законов общественного развития, но и в первую очередь исследования реально действующих в данных условиях экономических тенденций, умения использовать эти тенденции в интересах коммунизма, опираясь на живой, конкретный опыт исторического творчества масс.

Естественно, что верное *определение общественного класса* приобрело особенное теоретико-методологическое значение. В. И. Ленин именно после Октября разрабатывает наиболее полное научное определение понятия «класс». «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[36].

Это ленинское определение класса имело неоценимое теоретико-методологическое и актуальное идеологическое значение. Оно было направлено, в частности, против «распределительной» концепции класса, которую отстаивали Каутский и австромарксисты (в наше время эту концепцию защищают представители Франкфуртской школы).

Формирование новых общественных отношений происходит в классовой борьбе. С углублением социалистических преобразований уменьшается значение одних форм этой борьбы, усиливается значение других и возможно возникновение новых форм. На первых стадиях перехода от капитализма к социализму основные формы классовой борьбы, как отмечал В. И. Ленин,— это подавление сопротивления эксплуататоров, гражданская война, нейтрализация мелкой буржуазии, использование буржуазных специалистов, воспитание новой дисциплины труда.

Отношения в новом, социалистическом обществе между рабочим классом и крестьянством, укрепление союзных отношений между ними В. И. Ленин рассматривал как решающий вопрос классовых отношений и в переходный период, и в перспективе — «с точки зрения уничтожения классов»[37]. Он отмечал, что в стране с преимущественно крестьянским населением революция встала «на свой настоящий пролетарский базис» только тогда, когда «в деревне летом 1918 года началась и произошла Октябрьская революция», т. е. когда помещичье землевладение было разбито вдребезги и осуществились

[36] Там же, т. 39, с. 15.
[37] Там же, т. 43, с. 301.

демократические чаяния крестьянства. В этой связи особенно важным стало понимание сложной социальной природы крестьянства, которая неизбежно проявляет себя после разгрома помещичьего класса. Крестьянин — полусобственник и полутрудящийся[39], поэтому он не может не колебаться между старым обществом и новым[39]. Вместе с тем крестьянин по своей психологии — «материалист, практик и требует конкретных материальных благ». «Крестьяне социалистами не являются»[40]. Общественные преобразования, указывал В. И. Ленин, должны вестись с учетом этой определяющей стороны социальной природы крестьянства и его психологии. Поэтому, например, ничто не может повредить строительству коммунистических отношений больше, чем «попытки насильственным путем загнать крестьян в коммуны». Решающее значение в этом случае имеет отыскание конкретных форм участия крестьянства в строительстве социализма[41].

В. И. Ленин выявил три возможных этапа вовлечения крестьянства в строительство социализма: «социализация земли» (после конфискации помещичьих земель), «общая обработка земли» (кооперирование крестьянства) и «крупное социалистическое земледелие»[42], поставленное на современной технико-научной основе. Разрабатывая кооперативный план, В. И. Ленин определял социализм в деревне как «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией»[43].

Разрабатывая теорию переходного периода, В. И. Ленин постоянно доказывал, что в практике становления социалистических *общественных отношений*, совершенствования новой социальной структуры должен быть устранен «разрыв между величием начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной»[44]. Предпосылкой этого должны стать построение фундамента социалистической экономики, индустриализация страны. «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»[45]. Эти цели и преследовал ленинский план ГОЭЛРО.

[38] См.: Там же, т. 38, с. 144.

[39] См.: Там же, с. 133.

[40] Там же, т. 42, с. 146.

[41] Это хорошо понимали противники ленинизма. Так, бывший «легальный марксист» М. Туган-Барановский предлагал повсеместную организацию «трудовых общин», демагогически призывая к возрождению «старых традиций землепользования», противопоставляя их социалистической кооперации, осуществляемой «диктатурой пролетариата». См.: *Туган-Барановский М.* В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. М., 1919. Ср.: Leninismus — neue Stufe des Wissenschaftlichen Sozialismus? V. S. A. Hamburg, 1977.

[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 71.

[43] Там же, т. 45, с. 373.

[44] Там же, с. 61.

[45] Там же, т. 44, с. 9.

Социалистические отношения впервые созидались в стране, которая была разорена империалистической и гражданской войнами. В целях подъема социалистической экономики стала необходимой *новая экономическая политика.*

Реальная диалектика социализма в его начальной фазе привела к допущению государственного капитализма в переходный период. Вопрос о «государственном капитализме» был поставлен В. И. Лениным сразу же после Октября. «Военный коммунизм» был следствием обнаружившейся невозможности введения «государственного капитализма» на основе добровольного подчинения капиталистов организующей силе социалистической власти. Уже на другой день после Октября В. И. Ленин предлагал Рябушинским, Нобелям, Терещенко и К° договориться мирно. Новая экономическая политика могла стать реальностью не в 1921-м, а в 1918 г. Но руководители русского капитала не желали мира и переговоров, они надеялись задушить Советскую Республику если не «костлявой рукой голода», то путем контрреволюции и интервенции. Старые классы развязали гражданскую войну. После победы над интервенцией и внутренней контрреволюцией В. И. Ленин обосновал необходимость исторически конкретного решения этого вопроса. Он считал несостоятельными положения «левых коммунистов», в частности Бухарина, грешившего метафизическим абстрактным противопоставлением «чистой» диктатуры пролетариата и «чистого» капитализма и утверждавшего, что в условиях этой «чистой» диктатуры пролетариата не может быть «презренного» государственного капитализма. Е. Преображенский, как типичный «левый» метафизик, считал, что «мы имеем совершенно новое своеобразное образование, для которого термин, относящийся к другому общественному строю, не подходит и который поэтому нужно отбросить»[46]. Нельзя, говорил В. И. Ленин, уподобляться людям, которые сочиняют свои лозунги, противопоставляя идеальный социализм реальному государственному капитализму. Нет никаких причин смешивать конкретный госкапитализм при социализме с американским или с германским государственно-монополистическим капитализмом. При господстве общественной собственности на средства производства и при диктатуре пролетариата государственный капитализм ограничен областью распространения, условиями применения, надзором социалистической власти, всенародным учетом и контролем и т. д. К тому же госкапитализм составляет лишь момент, этап в развитии социалистического общества, будучи временным средством развития производительных сил.

В практике социалистических преобразований госкапитализм не получил развития[47]. Переход к социалистическому строю осущест-

[46] Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1922, с. 73.

[47] Возможность государственного капитализма была предметом широкого обсуждения в начале 20-х годов. Так, И. Скворцов-Степанов опубликовал в «Правде» в декабре 1920 г. статьи «Об иностранных концессиях» и «Не упрочивают ли концессии капиталистического строя?» В. И. Ленин отмечал в них «верные мысли», но вместе

вился на иной основе — социалистической индустриализации страны, кооперирования сельского хозяйства, социалистической культурной революции. Эти социальные явления стали этапами общественного прогресса и движения к развитому социализму. Но в теории и практике переходного периода ленинские идеи о госкапитализме заняли весьма заметное место.

Огромную роль в построении материальной базы социализма и новых производственных отношений В. И. Ленин отводил научно-техническому прогрессу. Размышляя над социальными последствиями усовершенствования техники, он отметил ее двойственную роль: революционизирующего фактора общественного развития и фактора регрессивного, прежде всего как средства насилия в руках эксплуататорских классов [48]. Ленин указывал, что при социализме развитие техники ведет к ряду благоприятных социальных последствий в отличие от таковых при капитализме, позволяет создать «планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества» [49]. Постановка последнего вопроса была новой и исключительно плодотворной по своим социальным последствиям. Ленин возражал против недооценки или преуменьшения значения техники, в особенности в конкретных условиях, когда сохраняются классы. Ленин считал, что заложить основы новых отношений между людьми и поднять трудящегося человека как личность можно только ценой громадной технической эволюции [50]. Социалистическая экономика может быть создана только на научных основаниях, в условиях мощного подъема технической базы. Научной предпосылкой здесь является «систематическое изучение и обследование естественных производительных сил» [51]. На первой фазе строительства коммунизма необходимо заимствование лучших, наиболее прогрессивных достижений культуры буржуазного общества. Ленинская идея использования старой интеллигенции имела в виду и создание условий для быстрой ассимиляции техники капитализма в целях построения коммунизма.

При постановке новой, всемирно-исторического значения задачи построения фундамента социалистической экономики необходимо было решить вопрос: достаточно ли опираться только на идеальные побудительные мотивы в деятельности людей, рассчитывая на быстрое развитие социалистического сознания в массах, или необходимо перенести центр тяжести на *сочетание материального и морального стимулов* в деятельности трудящихся?

с тем находил у автора преувеличенные страхи относительно использования иностранных специалистов, которые, по мнению Скворцова-Степанова, будут разлагать социализм и насаждать капитализм.

[48] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 84—85.

[49] Там же, с. 86.

[50] См.: Там же, т. 42, с. 187.

[51] Там же, т. 36, с. 228.

В теоретическом отношении бесспорно, писал В. И. Ленин, что конечной целью коммунизма является достижение равенства в вознаграждении за всякий труд. Но нельзя ставить своей задачей немедленное осуществление этого равенства [52]. Социальная диалектика проявляется в том, что при социализме продолжает существовать известное неравенство как неизбежное явление на пути к осуществлению принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Анализируя стимулы деятельности членов строящегося социалистического общества, В. И. Ленин выделял понятие «ударности» [53], которое он анализировал в связи с понятием уравнительности. Уравнительность — не принцип социализма. Он считал, что все зависит от искусства управления, от оперативности в использовании «ударности», подкрепляемой материальным поощрением, социалистическим соревнованием, системой премий и т. д. [54]

Что касается морального стимулирования, то оно осуществляется прежде всего в процессе социалистического соревнования. Соревнование, отмечал В. И. Ленин, свойственно природе социалистических отношений, оно способствует развитию гуманистической природы социалистического строя и должно развертываться в его «человеческих формах» [55]. Главное в соревновании — развитие творческих сил народа, «самодеятельности масс». Именно результаты социалистического соревнования «подскажут нам дальнейшие формы строительства» [56]. Поэтому нет ничего более убогого теоретически и смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать будущие общественные отношения «одноцветной серой краской» [57].

В переходный период особенно трудной и сложной стала *проблема управления обществом*. «Уменье управлять,— писал В. И. Ленин,— с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению» [58]. Обучение и самообучение масс искусству управления государством являются решающей предпосылкой планомерной организации управления, «регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом» [59]. Основная тенденция, как отмечал В. И. Ленин, заключалась в том, что в долгосрочном процессе коммунистического строительства необходимость научного политического руководства экономическими процессами будет все больше выступать на первый план. В то же время все меньше будет надобности в аппарате, ведающем, собст-

[52] Там же, т. 38, с. 98.
[53] Там же, т. 42, с. 211.
[54] См.: Там же, т. 36, с. 151.
[55] Там же.
[56] Там же, с. 153.
[57] Там же, т. 30, с. 123.
[58] Там же, т. 40, с. 252.
[59] Там же, т. 36, с. 220.

венно, только управлением, в котором решающее значение имеет управление людьми как таковое [60].

В октябре 1917 г. революция разрушила буржуазно-помещичье государство. Был осуществлен слом старой государственной машины. В принципе советский тип политической организации общества — «повый тип государства без бюрократии». Однако при организации нового, социалистического управления пришлось использовать старое чиновничество. Имея это в виду, В. И. Ленин писал, что аппарат «у нас, в сущности, унаследован от старого режима»[61]. Пропитанные буржуазной психологией чиновники умышленно тянули управление в «поганое бюрократическое болото»[62]. Не исключалась В. И. Лениным возможность воссоздания бюрократии на социалистической почве [63]. Такая бюрократия способна паразитировать на несовершенстве методов управления, бескультурье масс, пристрастии к «общей фразе», на перенапряжении наиболее активных слоев социалистического общества. Эти указания в конкретных условиях 20-х годов играли тем бóльшую роль, что имело место своеобразное идеологическое оправдание новой бюрократии, выразившееся, например, в идеологии «сменовеховства»[64]. В то же время в ответ на демагогию Троцкого, а затем и «рабочей оппозиции» о необходимости «рабочего государства» В. И. Ленин разъяснял, что, поскольку Советское государство является не чисто рабочим, а «рабоче-крестьянским», бюрократические извращения неизбежны ввиду большинства крестьянского населения. Всемерно добиваясь преодоления бюрократических изъянов в управленческом аппарате, В. И. Ленин учитывал, что окончательная ликвидация бюрократизма может быть осуществлена лишь в течение целой исторической эпохи. С развитием подлинно социалистических форм управления постепенно изживаются бюрократия, бюрократические навыки и методы управления. Полное устранение бюрократии возможно в итоге глубоких социалистических преобразований, развития социалистической демократии, привлечения масс к управлению, развития духовной культуры масс. Все это в совокупности создает «основы о т м и р а н и я бюрокр[ати]зма, отмирания верхов и низов, отмирания нерав[енст]ва»[65].

Одна из особенностей управления советским обществом на первых этапах его развития заключалась в том, что «неимоверную тяжесть управления» нес сравнительно небольшой слой людей [66]. Но это по-

[60] См.: Там же, с. 130.
[61] Там же, т. 45, с. 347.
[62] Там же, т. 44, с. 364.
[63] Там же, с. 45, с. 390.
[64] См.: Там же, с. 94.
[65] Ленинский сб., т. 4, с. 376.
[66] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 145. Ср. с характеристикой причин бюрократизма в Программе РКП(б) (1919 г.): «Недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу».

ложение, допустимое в течение небольшого отрезка времени, не могло оставаться неизменным.

Поскольку общество строящегося социализма — классовое общество, проблема управления — это в первую очередь воспитание, самовоспитание, обучение правящего рабочего класса, который после революции отнюдь не становится сразу, автоматически способным к управлению. Организаторские таланты и способности прежде всего обнаруживаются именно в рабочем классе, ибо сам характер его труда требует умения наладить совместную работу, контроль за производственным процессом, за распределением орудий и продуктов труда[67]. Необходимо поэтому опираться на передовых рабочих и «просвещенные элементы» социалистического общества. Управление осуществляется не только для них, но ими самими, всеми, а не некоторыми с помощью самого демократического в истории аппарата управления. С этой точки зрения исключительно важно замечание В. И. Ленина о неправильности организации состава ВЦИКа, когда большинство его членов были должностными лицами. В. И. Ленин предложил, «чтобы не менее 60% членов ВЦИКа были рабочие и крестьяне, не занимающие никаких должностей на совслужбе»[68]. Иными словами, решающая тенденция заключается во все более активном, далеко рассчитанном и планомерном выдвижении в сферу управления людей из народа.

3

Теория культурной революции. Формирование нового человека

Термин *культура* используется в послеоктябрьских трудах и выступлениях В. И. Ленина весьма широко — в смысле культуры как таковой, цивилизации, культуры труда, быта, личности и т. д. Но за этой многозначностью использования термина стоит точное научное понимание культуры в целом, классового характера старой культуры и необходимости социалистической культурной революции. Понятие культурной революции было впервые введено В. И. Лениным. Ломая старые общественные отношения, революция открывает путь свободному народному творчеству не только в сфере материальной культуры, но и в области духовной культуры. Культурная революция является, следовательно, особым этапом социальной революции. «Политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим»[69]. В этой связи теория культурной революции приобретала особенное значение. Говоря о культурной революции, В. И. Ленин подразумевал не только революционный

[67] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 93.
[68] Там же, т. 45, с. 203.
[69] Там же, с. 377.

характер преобразования в области духовной культуры масс, например ликвидацию неграмотности и малограмотности широких масс трудящихся, хотя это и было одним из важнейших ее аспектов. Культурная революция предполагала широкую сеть мероприятий, осуществляемых самими массами (под руководством партии и социалистического государства), как в сфере материальной культуры (значительное улучшение культуры труда, овладение новой техникой и т. д.), так и в сфере духовной культуры (приобщение масс к ценностям демократической культуры, деятельность трудящихся в сфере искусства, овладение социалистической идеологией и т. д.). Ленинская теория культурной революции своим острием была направлена против бескультурья, порожденного эксплуататорским строем и, в первую очередь, против буржуазной идеологии.

Социалистическая революция является исходным пунктом революции и в области культуры. Причем, как отмечал В. И. Ленин, целью коммунистов является интернациональная культура на социалистической основе [70].

Особенность культурной революции на ее первом этапе заключалась в том, что социалистическая революция победила в стране с преобладающим крестьянским населением: социальные преобразования по своей глубине, размаху, по темпам в определенной мере зависили от «мужицкой наивности и мужицкой беспомощности»[71]. Эта беспомощность и наивность давали знать о себе в первую очередь в низкой культуре труда, но они оказывали влияние и на многие сферы жизни трудящихся масс. Особенно важным стало после Октября решение вопроса о существе новой, социалистической культуры. Для этого следовало выяснить отношение к культуре прошлого, наметить способы разрешения противоречий между культурной традицией и новаторством. Естественно, что до Октября невозможно было с достаточной ясностью решить все вопросы теории и практики социалистической культуры. Было ясно, что для создания социалистического общества необходим определенный уровень культуры масс, но история не могла сказать, «каков именно этот определенный уровень культуры»[72]. Он мог быть найден только на практике, в процессе созидания новых общественных отношений.

Вопрос о содержании и формах новой, коммунистической культуры после революции стал сразу же предметом острых дискуссий в партии и вне ее. Это было связано, в частности, с тем, что революция вызвала к жизни и так называемые левые концепции культуры. «Пролеткульт» и его теоретики, главным образом А. А. Богданов, трактовали феномен культуры как исключительно классовый продукт, а «пролетарскую культуру» как «социально-организованный опыт» одного класса. Ошибки теоретического объяснения культуры

[70] См.: Ленинский сб., т. 3, с. 467.
[71] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 331.
[72] Там же, т. 45, с. 381.

вели к ошибкам практики, когда пытались воздвигнуть каркас «пролетарской культуры», отвергая прогрессивные и демократические традиции прошлого.

В противовес «левачеству» В. И. Ленин разъяснял, что хотя возникновение новой, коммунистической культуры является революцией в истории культуры, но коммунистическая культура возникает не на пустом месте, а на основе усвоения и развития достижений предшествующей культуры человечества. Новая культура ассимилирует общечеловеческие ценности старой, в том числе и буржуазной, культуры. Более того, как подчеркивал В. И. Ленин, «без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить»[73]. Парадокс истории заключается в том, что идея и конкретное содержание социализма становились более доступными массам с помощью средств науки и техники, выработанных при капитализме. Поэтому для трудящихся масс, как подлинных творцов истории, возникает необходимость глубокого знания уже созданных в истории человечества культурных ценностей, переработки предшествующей культуры[74]. Абсолютное, «левое» отрицание буржуазной культуры В. И. Ленин квалифицировал как опасную бессмыслицу. Социализм отвергает не всю культуру прошлого, а реакционное ее содержание, и в первую очередь буржуазную идеологию. Культура буржуазного общества — это не только буржуазная идеология, не только иллюзорное классовое сознание (в том числе и сознание буржуазного интеллигента, считающего знание своей монополией). Культура капитализма — это одновременно область знания, науки, техники, подлинного искусства. Новое общество должно «взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»[75].

Критикуя «левый» нигилизм в понимании культуры, В. И. Ленин указал на необходимость коммунистического воспитания трудящейся молодежи, воспитания в ней коммунистической морали, коммунистического отношения к труду, развития общекультурных навыков. «Именно о культуре,— писал В. И. Ленин,— ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки»[76]. Анализируя вопрос о перспективах культуры, В. И. Ленин отмечал, что культура станет коммунистической в полном смысле этого слова тогда, когда она разовьется на своей собственной основе; исторически это — дело будущего, когда увеличится значение материальных и духовных ценностей,

[73] Там же, с. 38, с. 142.

[74] См.: Там же, с. 142—143.

[75] Там же, с. 55. Ленин дал отповедь и анархистским «обличениям» науки, которая будто бы с помощью буржуазной культуры надела «цепи на душу» человека. См.: *Братья Гордины*. Беседы с философом-анархистом. М., 1918, с. 79.

[76] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 390.

созданных в новом обществе. Только тогда понятие «пролетарская культура» будет вполне тождественно понятию «коммунистическая культура»[77].

Социалистическая революция явилась практическим опровержением буржуазного понимания равенства как формального равенства собственника и пролетария. Она впервые предоставила трудящимся возможности практического применения своих сил. Экономические условия существования масс были изменены коренным образом. Впервые была создана общественная система, основанная на требовании «*производство для человека, а не наоборот*»[78]. Революция создала тем самым общественные условия для решительного улучшения «человеческого материала», а значит, и сознания трудящихся.

Развитие человека как личности связано в первую очередь с прогрессом общественного производства, с совершенствованием социалистической демократии и управления. Материальные основы формирования нового человека коренятся в экономических условиях деятельности людей, освобожденных революцией. Эти условия на первой фазе строительства социализма не являются особо благоприятными: «Потребности увеличились, а производство не увеличилось или недостаточно увеличилось»[79]. Уже поэтому революция не может решить сразу все вопросы формирования новой личности. Создание новых, коммунистических отношений и формирование коммунистической личности — длительный исторический процесс, в ходе которого снимаются как объективные, так и субъективные ограничения, препятствующие гармоничному и всестороннему развитию нового человека. Одно из основных противоречий, разрешение которого является делом социалистической практики, состоит в том, что новые, коллективистские отношения на первом этапе строят реальные, связанные с прошлым личности, люди, которые во многом «испорчены» и «развращены» капитализмом, отчасти пропитаны «буржуазным миросозерцанием и привычками»[80]. Личность производна от общества, но, являясь в своей действительности совокупностью господствующих в обществе отношений, она в то же время является и их творцом, как часть более всеобъемлющей совокупности — народа, масс, класса.

В. И. Ленин раскрыл теоретическую бесплодность и практическую несостоятельность требований быстрого, чуть ли не мгновенного формирования коммунистической личности. Сила старых привычек миллионов — «самая страшная сила»[81], и она не исчезнет даже

[77] См.: там же, т. 51, с. 299.

[78] Там же, т. 38, с. 396.

[79] Там же, т. 42, с. 216. Ср. с положением Программы партии (1919 г.): «Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленное осуществление этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму (КПСС в резолюциях и решениях. М., 1953, ч. 1, с. 423).

[80] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 97.

[81] Там же, т. 41, с. 27.

от самых лучших декретов. В. И. Ленин критиковал на VIII съезде партии Бухарина за стремление «расписывать» прелести будущего общества в ущерб повседневной черновой работе по строительству новых общественных отношений. Получить «солидный человеческий материал» можно только в ходе длительной общественной эволюции[82]. В процессе ее изживаются остатки буржуазных и мелкобуржуазных отношений и традиций. Это одновременно и процесс формирования новых, социалистических, а в перспективе и развитых коммунистических отношений. Новые традиции и привычки складываются отчасти стихийно, но еще в большей мере через сознательное, целеустремленное творчество, вдохновляемое Коммунистической партией.

В. И. Ленин дал всему мировому революционному и национально-освободительному движению непреходящий урок глубокой конкретной историчности мышления при анализе трудной *проблемы патриотизма.* В Отчете Центрального Комитета VIII съезду РКП(б) он определил патриотизм как «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями существования обособленных отечеств». Патриотизм, следовательно, социальное чувство, вызываемое в первую очередь устойчивыми экономическими условиями жизни людей[83]. Обособленность мелкого собственника в обособленном отечестве делает это чувство особенно живучим среди мелкой буржуазии. Крупная буржуазия «в смысле денег всегда была интернациональна», более космополитична, чем мелкие собственники, привязанные своими материальными интересами к данной территории. Поэтому можно сказать, что мелкую буржуазию вопросы патриотизма «ослепляют абсолютно»[84]. Социалистическая революция не снимает вопроса «за патриотизм или против патриотизма?». В связи с интернациональным характером революции «мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции»[85], вопрос о патриотизме получает новое решение. В. И. Ленин рассматривал как трагедию германской революции 1918—1920 гг. то, что в среде германского рабочего класса были слабо развиты чувства интернационализма. Немецкие рабочие, отмечал он, скорее бы достигли своих целей, «если бы пошли на революцию, *не считаясь* с национальными жертвами (только в этом и состоит интернационализм)»[86].

Понятие патриотизма — вовсе не чужеродное в системе социалистической идеологии, оно выражает важный аспект интернационального по своей природе сознания пролетариата. Чувство социалисти-

[82] В беседе с П. А. Кропоткиным (май 1919 г.) В. И. Ленин отметил, что основная трудность социалистического строительства будет заключаться «в формировании нового человека». См.: ЦГАОР, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 24, лист. 3.

[83] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 133.

[84] См.: Там же, с. 135.

[85] Там же, т. 37, с. 190.

[86] Там же, с. 109.

ческого патриотизма рождалось, преодолевая чувства узко понимаемых «национальных интересов». Рождался «социалистический патриотизм». Его носителем выступил российский пролетариат, который «был всегда интернационалистским не на словах, а на деле»[87].

Социалистическая революция создает действительные предпосылки развития трудящегося человека тем, что она решительно устраняет все, что мешает общественному прогрессу,— социальные привилегии одних и унижение других, социальное неравенство, обеспечивая одновременно главное условие развития деятельного трудящегося человека — свободный, раскрепощенный труд на благо отечества. Вместе с тем ни социалистическое, ни коммунистическое общество не обещает полного, абсолютного *равенства* людей. Требование абсолютного равенства ошибочно в своей основе. На высшей фазе коммунизма создаются равные для всех возможности удовлетворения потребностей, но и здесь люди будут отличаться друг от друга как характером, силой и степенью своих способностей, так и формой их проявления. Научный коммунизм не предлагает, по словам В. И. Ленина, одного человека сделать равным другим во всех отношениях. Различие физических индивидов, различие человеческих качеств личности, их творческих способностей и наклонностей, возможностей к совершенствованию сохраняется. Коммунизм означает не унификацию духовного мира людей, а равенство возможностей интеллектуального и морального совершенствования личности. Каждому, говорил В. И. Ленин, общество предоставляет возможность «испытать свою способность»[88] на деле. Идеал коммунизма — органическая совокупность коллективов всесторонне развитых личностей. Первая фаза коммунизма создает исходные предпосылки для формирования коллективов таких личностей, действующих «согласованно, солидарно и сознательно во всех его элементах»[89]. Собственно, в этом пункте ленинской теории культурной революции конкретизируется проблема соотношения общественного бытия и общественного сознания применительно к первым фазам развития и социалистического общественного бытия, и социалистического общественного сознания.

Становление коммунистических отношений невозможно без постепенного устранения всех тех слабостей, *недостатков*, «которые имеются и у трудящихся, которые тянут пролетариат книзу»[90]. Эти слабости и недостатки порождаются незрелостью новых общественных отношений, а также влиянием традиционной психологии буржуазного общества. Поэтому необходимо решительное отмежевание от всяких попыток неонароднической фетишизации и идеализации масс.

[87] Там же, с. 98.
[88] Там же, с. 414.
[89] Там же, т. 54, с. 311.
[90] Там же, т. 37, с. 449.

Становление коммунистических отношений предполагает постепенное устранение (через воспитание) слабостей, которые имеются и у трудящихся (традиционная психология). К тому же есть, по выражению В. И. Ленина, «границы для человеческих сил»[91]. Нарушение этих границ (обычно во время войны, революции и гражданской войны) приводит к перенапряжению сил и к «срыву» не только отдельных личностей, но и целых социальных слоев. Необходимы поэтому известные меры социалистического государства по недопущению такого рода срывов. В социальном смысле это — воспитание коммунистических свойств и качеств личности посредством широкого развития «взаимной помощи внутри класса», а также вне его — по отношению к выходцам из других социальных слоев и классов[92].

Социалистическому обществу «нужны работники дела и дела». К социалистической по своей сути деятельности следует привлечь всех членов общества, опираясь на «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести»[93].

В. И. Ленин указал на принципиальное изменение роли *общественного мнения* при социализме сравнительно с капитализмом. Общественное мнение масс при капитализме всегда одобряло борьбу против капитализма, в том числе «плохой» труд на конкретного собственника. Теперь же общественное мнение является действенным орудием социализма, мощным средством коммунистического воспитания; оно осуждает несоциалистическое отношение к труду и общественной собственности, поддерживает и поощряет все ростки нового, передового, социалистического.

Социалистическая система учитывает необходимость *воспитания* не только массы трудящихся, но и *руководителей*: «Мы обязаны начать с самих себя»,— говорил В. И. Ленин. «Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им»[94]. Надо отбирать лидеров на основе испытанных критериев: жизненного опыта, преданности коммунизму, твердости в достижении цели, уважения товарищей, стремиться к выдвижению «практикой испытанных деятелей»[95], не давать воли «крикунам и фразерам»[96].

Деятельность руководителя невозможна без чувства ответственности, поэтому социалистическое общество должно ценить самостоятельных людей, воспитывать в людях качества самокритичности, реалистического мышления. Предупреждая против возможных нежелательных последствий недооценки личных качеств в отно-

[91] Там же, т. 44, с. 52.
[92] См.: Там же, т. 53, с. 187.
[93] Там же, т. 45, с. 391.
[94] Там же, т. 42, с. 221.
[95] Там же, т. 36, с. 144.
[96] Там же, т. 43, с. 216.

шениях между руководителями, В. И. Ленин писал, что на фоне, казалось бы, более сложных и первоочередных теоретических и практических проблем вопрос о качестве личности руководителя «может показаться ничтожной мелочью», но в действительности в политике это «такая мелочь, которая может получить решающее значение»[97].

Помимо коммунистических идейных убеждений, В. И. Ленин считал важным для руководителя такие качества, как способности и воля, «нетерпимость к грубости», искренность и прямота, умение признавать и преодолевать частные недостатки и ошибки. В. И. Ленин указывал, что постоянное пополнение знаний, развитие общей культуры являются императивом для «управляющего человека»; отсутствие личной культуры невозможно заменить «каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще»[98]. В тесной связи с этим находится его требование воспитания самокритичности, умения мыслить объективно, реалистически.

Личные особенности людей, участников классовой борьбы, черты их характера и т. д. следует рассматривать в определенном политическом контексте, с учетом того, какую позицию эти люди занимают в социальной борьбе. Ленин четко различал отдельные, более или менее случайные ошибки честных и преданных делу коммунизма людей от отнюдь не случайных выступлений противников марксизма, проводящих враждебную ему линию[99].

К. Каутский, П. Леви и другие представители «социалистического» ренегатства развернули в 1918 г. травлю К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга и других коммунистов-интернационалистов. В. И. Ленин же подчеркивал великое значение их деятельности, полагая, что ошибки «великой коммунистки» Р. Люксембург принципиально отличны от ошибок тех, кто роется «среди навозных куч» — «на заднем дворе рабочего движения»[100].

Под влиянием В. И. Ленина лучшие представители пролетарского интернационализма — К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, Б. Кун, С. Кашен, Т. Самуэли и многие другие отдали свои лучшие годы революционной борьбе. По определению В. И. Ленина, им противостояли в международной социал-демократии «люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле не способных понять ее, когда она началась»[101].

[97] Там же, т. 45, с. 346.

[98] Там же, с. 391.

[99] Там же, т. 37, с. 215.

[100] Там же, т. 44, с. 422. Эти высказывания опровергают домыслы современных буржуазных историков ленинизма, которые не желают видеть поворота Р. Люксембург к ленинизму в 1917—1918 гг. См., например: *Hechtheons O. K.* Erntführungen Rosa Lüxemburg. Politische Schriften. Frankfurt; Wien, 1966—1968.

[101] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 459.

В. И. Ленин считал вместе с тем, что принадлежность того или иного лидера к революционному и коммунистическому движению не является сама по себе «индульгенцией». Его недостатки не могут нанести существенного ущерба движению только в том случае, если этот деятель сумеет найти в себе «физическую силу ума» (и характера), чтобы признать ошибку, исправить ее и перевернуть данную страничку истории РКП»[102].

В целом теоретическое обобщение В. И. Лениным опыта становления новой личности в первые послеоктябрьские годы имеет и сейчас неоценимое значение для теории и практики формирования нового человека.

4
Проблемы национальных отношений в СССР в переходный период

В послеоктябрьские годы В. И. Ленин уделял проблемам национальных отношений огромное внимание, сочетая их теоретическую разработку с непосредственной практической деятельностью по налаживанию этих отношений. Формирование подлинно прогрессивных и социально справедливых отношений между всеми нациями и народностями в многонациональной России В. И. Ленин относил к числу коренных и жизненно важных вопросов строительства социалистического общества. Анализируя исторический процесс формирования и эволюции национальных отношений при капитализме, особенно в эпоху империализма, а также практику установления принципиально новых отношений между нациями нашей страны в первые годы Советской власти, В. И. Ленин обращал внимание на сложный и своеобразный характер национальных отношений в истории человечества вообще и на первых порах созидания новой, коммунистической общественной формации в частности.

Сложность сферы национальных отношений В. И. Ленин видел прежде всего в ее переплетении со всеми другими общественными отношениями — социально-экономическими, политическими, правовыми, а также идеологическими (в широком смысле этого понятия), культурными, религиозными, бытовыми и т. д. Болезненный, во многих случаях драматический характер национальных взаимоотношений при империализме обусловливался тем, что «капитализм разделил нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских), полноправных, привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неравноправных наций»[103]. Первая мировая империалистическая вой-

[102] Там же, т. 42, с. 242.
[103] Там же, т. 40, с. 43.

на еще больше усилила это деление, обострила злобу и ненависть на этой почве.

Колониалистская политика империалистических держав (в том числе и буржуазно-помещичьей России), ставившая угнетающие нации в привилегированное положение, приводила к развращению общественного и обыденного сознания наиболее отсталых слоев населения угнетающих наций в духе великодержавного шовинизма. В то же время эта политика, сопровождавшаяся часто насильственными способами территориального расселения наций и народностей, насильственными мерами в отношении их экономического, языкового и культурного развития, отправления религиозных культов, поддержкой реакционных клик в управленческих политических структурах угнетенных наций, вызывала ответную реакцию — чувства недоверия, ненависти и вражды по отношению не только к правящим классам, но и ко всему населению угнетающих наций. Они глубоко и на длительное время закреплялись в психологии и образе жизни угнетенных наций в виде осознанного местного антиколониального и «бытового» национализма.

Всегда последовательно отстаивая и развивая марксистский принцип пролетарского интернационализма, строго различая национализм нации угнетающей и имеющий «историческое оправдание»[104] национализм нации угнетенной, В. И. Ленин еще до Октябрьской революции наметил пути их преодоления в условиях перехода от капитализма к социализму. Победа Октября, приведшая к установлению государственной власти рабочего класса и трудящихся масс, решительно порвавшей с колонизаторской политикой буржуазии и помещиков в России и с империалистической внешней политикой, открыла реальные возможности для коренного позитивного решения национального вопроса в нашей стране, для создания в обществе качественно новых национальных отношений.

В. И. Ленину принадлежит заслуга разработки целостной социалистической концепции национальных отношений, ставшей крупным вкладом в марксистскую общественную науку XX в., а также заслуга его непосредственного, личного участия в ее практическом осуществлении на протяжении первых шести послеоктябрьских лет развития советского общества. «Творчески развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса,— говорится в постановлении ЦК КПСС „О подготовке к 50-летию образования СССР“,— он создал стройное учение по национальному вопросу, разработал научные принципы национальной политики Коммунистической партии»[105].

В переходный период Коммунистической партии и Советской власти предстояло разобраться в положении десятков наций и народностей бывшей Российской империи, находившихся на разных ступенях исторического развития — от патриархально-родового строя до

[104] Там же, т. 39, с. 330.
[105] Об идеологической работе КПСС. М., 1977, с. 347—348.

современного капитализма. Даже их приблизительная численность в первые годы существования нового строя не была и не могла быть установлена, ибо процесс формирования многих народностей и наций на базе капиталистических отношений еще не развернулся, а процесс их формирования на базе социалистического строительства еще только начинался. Учитывая сложность национальных отношений, В. И. Ленин неоднократно предупреждал партию и ее руководящие органы о необходимости особенно глубокого и всестороннего диалектико-материалистического, конкретно-исторического подхода к анализу национальных отношений, к выработке национальной политики и исторического такта при ее практическом осуществлении.

Исходным пунктом ленинской концепции национальных отношений в советскую эпоху является завещанный К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитый в дооктябрьский период самим В. И. Лениным *принцип пролетарского интернационализма*, воплощающий в себе единство национального и интернационального на пролетарски-социалистической классовой основе. Все другие принципы: полное равноправие всех наций и народностей, свободное и суверенное право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, добровольность их объединения и налаживание сотрудничества между ними в устройстве своей жизни на началах социализма — пронизаны духом последовательного пролетарского интернационализма и вместе с тем теснейшим образом связаны между собой.

В теоретическом, философско-социологическом плане принцип пролетарского интернационализма, равноправия всех рас и наций генетически восходит к идее единства человеческого рода.

Эта идея была выдвинута задолго до появления марксизма, но получила свое глубочайшее обоснование лишь в марксизме-ленинизме, превратившем ее в орудие социального и национального прогресса человечества. Чтобы быть пролетарским интернационалистом, писал В. И. Ленин, «надо думать *не* о своей только нации, *а выше ее* ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие»[106], надо добиться того, «чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»[107].

В истолковании В. И. Ленина пролетарский интернационализм, ставящий своей основной целью сближение и слияние пролетариев и трудящихся масс всех наций в их революционной борьбе за переход к социализму, является всеобщим принципом воспитания рабочего класса и трудящихся масс как угнетающих (или бывших угнетающих), так и угнетенных (или бывших угнетенных) наций. На начальных этапах строительства советского общества, когда на территории бывшей Российской империи уже возникли такие государ-

[106] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 44—45.
[107] Там же, т. 39, с. 328.

ственные образования как Украина, Белоруссия и др., применение принципа пролетарского интернационализма было особенно важно для русского рабочего класса. Почему? Да потому что хотя недоверие к великороссам, унаследованное от эпохи царизма, достаточно быстро исчезает у трудящихся масс наций, входивших в состав Российской империи, но исчезает оно не сразу. Поэтому требуется «особая осторожность в отношении к национальному чувству, заботливое проведение равенства и свободы отделения наций на деле»[108].

Это требование, содержащееся в написанном В. И. Лениным проекте второй Программы Коммунистической партии и вошедшее в партийную программу, получило дальнейшее развитие и конкретизацию в его записках «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» (1922). Интернационализм со стороны бывшей угнетающей нации, говорится там, должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, «но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»[109]. Необходимо своим обращением или своими уступками угнетенной нации рассеять то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ей правящими классами великодержавной нации. «Ничто так не задерживает развития и упрочения пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства»[110]. Вот сколь решительно в ленинской концепции национальных отношений ставился вопрос об исторических обязательствах социалистического пролетариата и трудящихся масс в прошлом угнетающей нации. И это вполне естественно, ибо в переходный период от капитализма к социализму в СССР главной опасностью в национальных отношениях для братства трудящихся, для дела социализма был *великодержавный шовинизм*.

Но это отнюдь не значит, что В. И. Ленин недооценивал историческую ограниченность и отрицательные стороны национализма ранее угнетенной нации (*«местного национализма»*). Перед коммунистическим авангардом и трудящимися ранее угнетенной нации или народности в условиях перехода от капитализма и докапиталистических отношений к социализму и при социализме В. И. Ленин выдвигал их интернационалистскую задачу: «Бороться *против* мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего»[111].

Вслед за Марксом и Энгельсом В. И. Ленин признавал преимущества крупного государства, отвечающего объективным требовани-

[108] Там же, т. 38, с. 94—95.
[109] Там же, т. 45, с. 359.
[110] Там же, с. 360.
[111] Там же, т. 30, с. 45.

ям современного экономического и социального прогресса, перед мелким государством, и тем не менее он решительно отстаивал право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. «Мы требуем свободы самоопределения, *т. е.* независимости, *т. е.* свободы отделения угнетенных наций, не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств»,— писал В. И. Ленин незадолго до победы Октября [112].

При этом В. И. Ленин считал недопустимым какие-либо меры насилия в организации новых, социалистических национальных отношений. В этом плане принципиальное значение имеют положения В. И. Ленина, сформулированные им в «Проекте Программы РКП(б)» и в полемике против Бухарина и Пятакова на VIII съезде РКП(б) при обсуждении вопроса о партийной программе.

Смысл позиции Бухарина сводился к следующему: нация — это-де буржуазия вместе с пролетариатом, и не дело пролетарской партии признавать право на самоопределение какой-то буржуазии. Откинуть самоопределение нации и поставить самоопределение трудящихся — призывал на съезде Бухарин. Охарактеризовав эту позицию как «левацки»-коммунистическую, выдававшую желаемое за действительное, В. И. Ленин показал, что даже в таких странах, как Германия, Польша и Финляндия, пролетариат и трудящиеся массы в большинстве своем еще идут за буржуазией и реформистскими партиями. Что же касается народов, живущих в пределах бывшей Российской империи, то лишь у некоторых из них процесс классовой дифференциации развился и продолжает развиваться, а такие народы, как башкиры, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, до сих пор находятся под сильным влиянием своих мулл. Следовательно, в политике по отношению к ним нужно учитывать их уровень развития. Бухаринская же постановка вопроса не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций. Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся. Подталкивание революционного процесса извне, пока внутри нации социальный переворот не назрел, может только задержать самоопределение трудящихся.

Исходя из реальной действительности положения наций, их исторической эволюции В. И. Ленин и сформулировал положение, которое вошло не только во вторую Программу Коммунистической партии, но и в первые советские конституции. «В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневе-

[112] Там же, т. 27, с. 68.

ковья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»[113].

«Нет вещи хуже, чем недоверие нации»,— говорил В. И. Ленин[114]. Высшим же выражением доверия является предоставление всем нациям права на государственное отделение.

О принципе добровольности в выработке форм национальных и межнациональных отношений в Стране Советов В. И. Ленин напоминал каждый раз, когда ходом самой жизни выдвигался этот вопрос той или иной большой или малой нацией. Так, после разгрома белогвардейских войск Деникина на украинской земле В. И. Ленин писал рабочим и крестьянам Украины: «Мы хотим *добровольного* союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться»[115].

Не только в переходный период от капитализма и докапиталистических отношений к социализму, но и при социализме, когда процесс отделения трудовых элементов от элементов эксплуататорских уже осуществился, принципы свободы и добровольности и право на самоопределение наций должны, согласно Ленину, последовательно осуществляться. В. И. Ленин решительно отверг утверждение Пятакова об «отмене наций» при социализме. «Это можно было бы сделать,— говорил он,— если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить»[116].

Последовательно отстаивая право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, В. И. Ленин никогда не смешивал право на отделение с целесообразностью отделения той или иной нации.

Лишь социалистическая ориентация в установлении новых, братских национальных и межнациональных отношений открыла реальные возможности для решения труднейшей задачи — ликвидации не только формально-правового, но и фактического неравенства наций и народностей. Труднейшей потому, что по своим социально-культурным и природно-географическим условиям жизни нации и народности Российской империи были разделены между собой историческим расстоянием в одну-две, а то и в три общественно-экономические формации; они были почти на три четверти, а на окраинах и сплошь неграмотными и к тому же в течение длительного времени подвергались воздействию крупнейших мировых религий. И лишь гибкая тактика в национальной политике позволила Коммунистиче-

[113] Там же, т. 38, с. 428.
[114] Там же, с. 161.
[115] Там же, т. 40, с. 43.
[116] Там же, т. 38, с. 164.

ской партии и Советскому государству преодолеть эти колоссальные трудности. Как указывал В. И. Ленин, в советском строе пролетариат России нашел ключ к правильному решению национального вопроса вообще, реалистический путь к созданию устойчивого многонационального государства на началах равноправия и добровольности в частности.

Под непосредственным руководством В. И. Ленина, ленинской партии центром сплочения советских народов стала РСФСР. Здесь находились крупнейшие очаги промышленности и культуры. Мощный, закаленный в революционных битвах российский пролетариат открывал путь в новое общество всем освободившимся от социального и национального гнета нациям и народностям. Именно Советская Россия, заложив основы братской дружбы и сотрудничества народов, явилась своего рода прообразом Союза ССР.

В. И. Ленин выдвинул и научно обосновал *принцип советской федерации* (а равно и автономии) в национально-государственном строительстве раскрепощенных Великой Октябрьской социалистической ревлюцией народов. Советская федерация наций рассматривалась В. И. Лениным как найденная социалистической революцией форма государства, как переход к сознательному и более тесному единству трудящихся, научившихся «*добровольно* подниматься выше национальной розни»[117].

В своих знаменитых тезисах по национальному и колониальному вопросам для II конгресса Коминтерна (1920) В. И. Ленин отмечает жизненность проводимого Коммунистической партией и Советской властью принципа федерации. Федерация, говорится в тезисах, уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам, так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии[118].

В ленинском истолковании советская федерация полностью устраняла остатки уродливого административно-территориального деления страны, унаследованного от старого строя, ибо органически включала в себя связь территории с национальным составом населения и в основе своей совпадала с границами реального расселения отдельных национальностей, национальных групп и народностей, строилась с непременным учетом экономических и культурных нужд всех национальностей.

В области национально-государственного устройства на социалистических началах В. И. Ленин твердо и последовательно отстаивал общий организационный принцип советского государственного устройства — *демократический централизм*: «Мы стоим за демократический централизм»,— говорил В. И. Ленин[119]. Этот принцип от-

[117] Там же, т. 36, с. 73.
[118] См.: Там же, т. 41, с. 164.
[119] Там же, т. 36, с. 151.

личается, с одной стороны, от централизма бюрократического, а с другой — от анархизма. Раскрывая возможности применения демократического централизма к условиям многонациональной страны, вставшей на социалистический путь развития, В. И. Ленин показал полную совместимость данного принципа и с автономией и с федерацией. На самом деле, разъяснял он, «демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности,— даже федерация нисколько не противоречит демократическому централизму»[120]. Более того, сама «федерация при действительно демократическом строе, при советской организации государственного устройства» является «переходным шагом к действительно демократическому централизму»[121]. При этом В. И. Ленин сослался на опыт РСФСР, где впервые осуществлены и федерация и автономия нового типа. Этот ценнейший опыт, прозорливо указывал он, послужит «вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство»[122].

Ленинская политика сближения наций осуществляется при социализме в полном соответствии с объективными процессами интернационализации общественной жизни. Но при этом национальное и интернациональное не выступают как антиподы; при социализме они тесно сочетаются друг с другом, обеспечивая свободное и гармоничное развитие наций. В советском обществе изменилась сама природа национального. Возникли и развиваются социалистические нации, выступающие ныне как составные части более обширной и целостной социальной общности — единого советского народа. Вопреки утверждениям буржуазных идеологов усиление социальной однородности советского общества, интернациональное объединение всех наций и народностей ведут к укреплению их сплоченности, к взаимному обогащению их духовной жизни, а отнюдь не к «денационализации».

Как и предвидел В. И. Ленин, образование СССР и его опыт по разрешению национального вопроса, по налаживанию подлинно братского сотрудничества на основе социализма приобрели непреходящее значение для народов всего мира. По словам Гэса Холла — одного из виднейших деятелей международного коммунистического движения, «образование СССР положило начало новому образу жизни для человечества». Во всех отношениях «это яркий пример

[120] Там же.
[121] Там же.
[122] Там же.

для народов всего мира, пример, который копируется, которому следуют и который изучается. Рождение Советского Союза — страны, в которой живет много наций и национальностей, создающих свободно и на равной основе одну общность людей и представляющих одно государство — СССР, поистине является огромным достижением человечества»[123].

На фоне монолитной дружбы народов нашей страны разительным контрастом предстает положение в капиталистическом мире, для которого национальный вопрос оказался поистине неразрешимым. А нерешенный национальный вопрос — это вопиющее нарушение прав не только человека, но и народа.

Проблемы, непосильные для капитализма, успешно решил социализм. Решил надежно, без перепрыгивания через необходимые этапы, с учетом не только ближайших, но и отдаленных перспектив в развитии наций, решил на основе ленинской теории наций и национальных отношений, ленинской национальной политики.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В. И. ЛЕНИН ОБ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В своих послеоктябрьских произведениях В. И. Ленин продолжал уделять огромное внимание научной разработке целостного учения о коммунистической партии как *партии нового типа* — важнейшей составной части субъективного фактора в мировом революционном процессе, в сознательном, планомерном строительстве нового, социалистического и коммунистического общества. Он глубоко понимал сложности, трудности и ограниченные возможности преобразования старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый тип партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию и настаивал на создании Коминтерном именно таких партий. «Нам нужны новые партии, партии иные,— говорил В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна.— Нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить»[1].

[123] Правда, 1972, 6 дек.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 237.

Образцом пролетарской партии нового типа являлась и продолжает оставаться наша, созданная В. И. Лениным и его соратниками Коммунистическая партия. Конкретизация и обогащение уже утвердившихся в ее жизни идейно-теоретических и организационных принципов, обоснование ее возрастающей роли в общественном развитии в целом, в механизме политической системы всегда были сферой теоретической и практической деятельности гениального вождя Коммунистической партии и Советского государства.

Теоретической основой пролетарской партии нового типа является учение К. Маркса и Ф. Энгельса в единстве и взаимодействии всех основных частей — диалектико-материалистической философии, политической экономии, научного коммунизма. В. И. Ленин был самым великим, последовательным продолжателем этого учения, образцом верности ему. «Но верность марксизму величайший ученый в революции и революционер в науке усматривал не в одном лишь признании неувядаемых истин, провозглашенных его основателями. Как никто другой Ленин понимал — величие марксизма прежде всего состоит в том, что уже в самой сущности, в самих коренных устоях этого учения заложено властное требование творчески применять революционные принципы к изменяющейся действительности. Восприняв новаторский и деятельный характер марксизма, руководствуясь идеей творческого претворения теории в жизнь, гений Ленина переплавил все, что выработано прогрессивной мыслью столетий, все, что испытано трудящимися в классовых битвах, добыто ими ценою героических усилий»[2]. В новых исторических условиях именно В. И. Ленин всесторонне развил марксистскую теорию, обогатил ее многими принципиально важными положениями в такой степени, что для пролетарской партии нового типа марксизм немыслим без вклада, внесенного Лениным. Вот почему вполне научно обоснованно и закономерно ленинизм мы называем марксизмом современной эпохи, единым, целостным, непрерывно развивающимся учением, учением, глубоко выражающим «интересы рабочего класса, всех трудящихся, потребности всемирного социального прогресса»[3].

Неотъемлемым и действенным принципом всей деятельности Коммунистической партии, ее стратегии и тактики, ее внутренней жизни является и должен быть, по учению В. И. Ленина, великий *принцип пролетарского интернационализма*. Мы, неустанно повторял он, принципиальные противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. «Мы — международники, интернационалисты»[4].

Принцип интернационализма В. И. Ленин отстаивал и в организационном строительстве коммунистической партии. Его концеп-

[2] Коммунист, 1980, № 5, с. 5.
[3] Там же, № 1, с. 4.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 43.

ция коммунистической партии включает в себя важное положение о том, что в каждой стране должна быть одна коммунистическая партия. До Октябрьской революции В. И. Ленин вел решительную борьбу против позиции Бунда, добивавшегося особенного положения в РСДРП, положения единственного представителя еврейского пролетариата, что было отвергнуто революционными марксистами России. «Не федерация национальных рабочих организаций,— указывал В. И. Ленин,— а единство интернациональное, единая организация, ведущая работу на *всех* языках местного пролетариата... Вот — единственно соответствующий социализму отпор националистическим мещанам, старающимся *национально расколоть* пролетариат»[5].

И после создания в стране национальных, в том числе и независимых, советских республик, говорится в решении VIII съезда РКП(б) по организационному вопросу, «необходимо существование *единой* централизованной Коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава»[6]. В соответствии с этим решением в партийных организациях всех национальных республик и областей утверждался ленинский принцип пролетарского интернационализма, присущий партии в целом.

Одним из самых важных условий внутреннего развития и функционирования коммунистической партии В. И. Ленин считал ее *идейно-политическое и организационное единство* на всех этапах строительства нового общества. Для обеспечения такого единства, указывал он, обязательна последовательная и непримиримая борьба в защиту марксизма против правого и «левого» оппортунизма и ревизионизма в собственных рядах. В коммунистической партии недопустимы никакие фракции и группировки. Историческое значение и по сию пору имеет написанная В. И. Лениным и принятая X съездом РКП(б) резолюция «О единстве партии». Признавая вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности в партии и внутри ЦК, резолюция предписывала распустить все фракционные группы; по предложению В. И. Ленина съезд предоставил право Центральному Комитету применять к членам ЦК, вставшим на путь фракционности, все меры партийного воздействия, вплоть до исключения из партии.

Идейно-политический разгром оппортунистических и ревизионистских групп внутри ленинской партии явился необходимым условием построения социализма в СССР. Ныне наша партия как никогда сильна и едина, сплочена вокруг своего ленинского Центрального Комитета. Внутри нашей страны уже давно нет социаль-

[5] Там же, т. 25, с. 30.

[6] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 73—74.

ной базы для образования каких-либо организованных уклонов от генерального ленинского курса Коммунистической партии. В СССР достигнуто небывалое единство партии и народа. Но и в нынешних условиях, когда идейное противоборство двух систем становится все более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной, идейно-политическое и организационное единство партии остается ее неизменным принципом.

Одним из важных условий боеспособности и идейно-политического единства коммунистической партии В. И. Ленин считал сохранение *классового характера партии*, поддержание в ней на определенном уровне рабочего ядра. В. И. Ленин всегда отстаивал строгие уставные условия приема в партию представителей непролетарских слоев общества. Партия соблюдала этот ленинский принцип. В результате построения социализма крестьянство стало социалистическим классом, сформировалась новая, советская интеллигенция — плоть от плоти рабочего класса и колхозного крестьянства, сложилось идейно-политическое и моральное единство советского общества, упрочившееся в условиях развитого социализма. Но и в этих условиях, став партией всего советского народа, Коммунистическая партия «отнюдь не утрачивает своего классового характера. По своей природе КПСС была и остается партией рабочего класса... Это закономерно, это отражает роль рабочего класса в жизни общества»[7].

Важнейшим принципом организационного строения коммунистической партии является демократический централизм. Он означает выборность всех руководящих партийных органов, их подотчетность перед своими организациями и перед вышестоящими органами, строгую, единую для всех коммунистов дисциплину и подчинение меньшинства большинству, безусловную обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих. В ленинской трактовке этот принцип означает демократическое, развивающееся конкретно-историческое сочетание внутрипартийной демократии и централизма. В процессе развития партии, в зависимости от ее задач и исторических условий содержание, формы и рамки применения этого принципа претерпевали определенные изменения. В период гражданской войны и иностранной интервенции Коммунистической партии пришлось временно в какой-то степени ограничивать демократию и усиливать централизм.

Осуществление демократического централизма в развитии Коммунистической партии В. И. Ленин связывал с *принципом коллективности партийного руководства* и последовательно придерживался его в своей деятельности. Высшим олицетворением коллективной мысли и воли партии, ее гигантского политического, организационного и идеологического опыта он считал решения съездов партии, а между съездами — решения Пленумов ЦК. «Принципы

[7] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 63.

партии,— учил В. И. Ленин,— блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный Комитет»[8].

Строгое соблюдение принципа коллективности руководства, разъяснял В. И. Ленин, гарантирует партию от элементов случайности, односторонности, субъективизма в принимаемых решениях. Подчеркивая роль Центрального Комитета как коллективного органа руководства партией и государством, он требовал, чтобы «только коллегиальные решения ЦК, принятые в Оргбюро или в Политбюро, или пленуме ЦК, исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарем ЦК партии. Иначе работа ЦК не может идти правильно»[9].

В этой связи уместно напомнить, что наша партия решительно осудила культ личности И. В. Сталина, столь же решительно и последовательно ликвидировала его отрицательные последствия, полностью восстановила во всей своей деятельности ленинский принцип коллективности руководства, закрепила его в своем Уставе.

В. И. Ленин неизменно подчеркивал, что принцип коллективности при решении партийных и государственных вопросов не освобождает, а предполагает личную ответственность за порученное дело. Он считал большим злом безответственность, прикрываемую ссылками на коллегиальность.

Одним из важнейших средств развития творческой активности коммунистов, повышения авангардной роли коммунистической партии, всех ее организаций и учреждений, правильной, объективной оценки результатов их деятельности является, по В. И. Ленину, *критика и самокритика*. Еще до Октябрьской революции В. И. Ленин утверждал ее огромное значение для партии. «Самокритика безусловно необходима для всякой живой и жизненной партии. Нет ничего пошлее самодовольного оптимизма»[10]. Но особенно необходима критика и самокритика для правящей коммунистической партии, которая обязана чутко прислушиваться к голосу масс (к критике снизу), оперативно и до конца исправлять недостатки и ошибки, вскрываемые трудящимися. Вместе с тем, указывал В. И. Ленин, критика недостатков в самой партии и ее организациях должна вестись с партийных позиций, должна быть пронизана чувством заботы об общем деле, критикой конструктивной, а не сводиться к беспочвенным и безответственным обвинениям, болезненным преувеличениям недостатков. «Мы,— писал В. И. Ленин,— допустили критику не для критики, а чтобы вынести правильные решения»[11]. Он всегда отвергал демагогические притязания антипартийных, антисоветских элементов и всякого рода незрелых в политическом отношении людей на «свободу критики». Критика

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 150—151.
[9] Там же, т. 40, с. 238.
[10] Там же, т. 10, с. 355.
[11] Там же, т. 42, с. 350.

не должна носить форм, которые могут быть используемы классовыми врагами пролетариата для клеветы на советский строй, на социализм и коммунизм.

В связи с возрастающей ролью критики и самокритики в жизни и деятельности самой партии В. И. Ленин в послеоктябрьские годы неоднократно анализировал вопрос о том, *как коммунистическая партия должна относиться к своим ошибкам.* Он напомнил коммунистам, что одно признание ими революционного марксизма и программы партии еще не избавляет от ошибок, что могут допускать ошибки в своей деятельности не только вожди партий, но и партии в целом, особенно в периоды крутых поворотов в историческом развитии. Поэтому так важно воспитывать в рядах компартий правильное, научно обоснованное, диалектико-материалистическое отношение к своим ошибкам.

Отношение коммунистической партии к собственным ошибкам, указывал В. И. Ленин, есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. «Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*»[12].

Признание и исправление ошибок В. И. Ленин считал нелегким делом. Для этого необходимо (Ленин приводит слова Лассаля) найти в себе «физическую силу ума» (и характера), чтобы признать ошибку и исправить ее[13]. Необходимо понимание последствий опасности самообмана, губительной опасности «боязни истины». Боязнь истины присуща исторически нисходящим классам и их партиям. Но она может проявляться и в деятельности субъектов и восходящих классов ввиду трудностей строительства новой жизни и предвидения всех возможных социальных последствий. Что касается ошибок, допускаемых марксистскими пролетарскими партиями, частью их или отдельными деятелями, то опасность такого рода ошибок обнаруживается незамедлительно в том, что их подхватывает умный классовый враг. В. И. Ленин обращает внимание коммунистических партий на то, что апологеты буржуазии всегда и во всех странах цепляются за любые отступления от марксистских принципов, горой встают за оппортунистические элементы и тенденции в коммунистическом и рабочем движении, расточают им, и особенно оппортунистам в правящих коммунистических партиях, похвалы в своей стоустой печати.

Жизненно важным принципом внутреннего развития коммунистической партии В. И. Ленин всегда считал единство *слова и де-*

[12] Там же, т. 41, с. 41.
[13] См.: Там же, т. 42, с. 242.

ла, познания, переходящего в убеждение, и практического действия, основанного на убеждении, верности принципам научного коммунизма. Партия в целом и каждый член партии должны проявлять высокую принципиальность и партийность во всем, в слове и действии. Партия принимает в свои ряды тех, кто на деле доказывает, что идет в партию во имя самоотверженной работы на пользу коммунизма.

Коммунистическая партия — политический руководитель рабочего класса и трудящихся масс. Ее сила и жизненность в теснейшей и всеохватывающей связи с массами, в умении учить массы и учиться у масс. Конкретизируя формулу «связь с массой», В. И. Ленин указывал на следующие составляющие моменты этой общей закономерности развития и функционирования коммунистической партии: «Жить в *гуще*. Знать *настроения*. Знать *все*. Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать ее **абсолютное** доверие. Не отрываться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда»[14]. И еще: «Учет предрассудков и отсталости — не потакать и не льстить, а поднимать»[15]. Но главное все же в том, что к массам надо научиться подходить «особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»[16].

Еще при жизни В. И. Ленина в нашей стране сложилась и утвердилась *однопартийная политическая система.* Вокруг этого фундаментального явления жизни советского социалистического общества до сих пор на Западе не прекращаются попытки буржуазных и ревизионистских фальсификаторов очернить внутреннюю политику Коммунистической партии и Советского государства, принизить достижения реального социалистического общества, обелить буржуазный образ политической жизни с ее многопартийной системой.

Однопартийная политическая система сложилась в нашей стране потому, что меньшевики и правые эсеры с самого начала отвергли Октябрьскую революцию и участие в Советской власти. В ноябре 1917 г. ЦК партии предложил левым эсерам разделить власть с большевиками при условии лояльного, честного обязательства подчиняться большинству и проводить программу, «состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму»[17]. Но левые эсеры не захотели честного сотрудничества с партией Ленина во имя строительства социализма. Находясь в составе ВЦИК и некоторое время в Совнаркоме, они делали все, чтобы срывать или тормозить осуществление революционных мер, направленных на создание фундамента социалистической экономики. А в июле 1918 г. эсеры организовали вооруженный мятеж против

[14] Там же, т. 44, с. 497.
[15] Там же, с. 498.
[16] Там же, т. 41, с. 192.
[17] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 142.

Советской власти, что окончательно подорвало реальную возможность осуществления блока большевиков с мелкобуржуазными партиями. В дальнейшем, в условиях ожесточенной гражданской войны и военной интервенции, продолжался не только идейный, но и организационный распад этих партий. Прогрессивная их часть перешла на сторону большевиков, была принята в ряды Коммунистической партии и вместе с ней принимала участие в строительстве социализма. Другая часть эсеров и меньшевиков открыто перешла в лагерь врагов Советской власти и трудового народа. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным сделал их «*соучастниками* империалистического бандитизма»[18]. Из всех политических партий нашей страны только партия большевиков продолжила дело Октября, дело революции. Став во главе Советского государства, она дала народу свободу, землю, мир, приступила к строительству социализма. Рабочий класс, трудящиеся страны нашли в Коммунистической партии единственного до конца последовательного и стойкого выразителя и защитника их насущных интересов.

Однопартийная политическая система, установившаяся в нашей стране, оправдала себя полностью. Об этом убедительно свидетельствуют более чем 60-летний опыт существования Советского государства, его огромные успехи в развитии экономики, науки и культуры, социалистического демократизма, в обеспечении невиданной (и невозможной ни в одной капиталистической стране) свободы и прав человека для гигантского трудящегося большинства, в формировании нового, советского человека, патриота и интернационалиста, глубоко преданного идеалам коммунизма.

Правда, опыт других социалистических стран показал, что однопартийная система не является всеобщим принципом при социализме, что могут быть и многопартийные системы организации нового общества. Но и при этом руководящая роль должна принадлежать одной партии — коммунистической, марксистско-ленинской партии рабочего класса. Ее руководящая, направляющая роль в обществе — всеобщая объективная закономерность перехода от капитализма к социализму. Как показал опыт истории, всякие попытки обойти эту закономерность в строительстве социализма и коммунизма, подорвать руководящее положение коммунистической партии, растворить ее в массе других организаций чреваты тяжелыми последствиями.

Современные ревизионисты в коммунистическом движении, в частности сторонники «еврокоммунизма», твердят о назревшей будто бы потребности найти «новую форму» коммунистических партий, ибо централистический тип партии, созданной В. И. Лениным, отвечал-де лишь потребностям своей эпохи и специфическим историческим условиям России. По их мнению, новый тип

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 22.

партии должен представлять собой политическую организацию, открытую для всех, без подчинения меньшинства большинству, которое якобы означает подавление всякой инициативы и самодеятельности партийной массы. Преобразование принципиальных основ компартий должно быть направлено якобы на либерализацию их внутренней жизни, на осуществление не вертикальной, а так называемой горизонтальной демократии, предполагающей отказ нижестоящих партийных организаций от подчинения центрам, от соблюдения партийной дисциплины и равной для всех ответственности за свои взгляды и действия, узаконение фракционной деятельности внутри партий и т. д.

Эти рассуждения совсем не новы, но тем не менее и не безопасны, ибо они требуют от марксистов-ленинцев сделать шаг назад в партийной жизни, вернуться к старому, господствовавшему типу рыхлых организаций II Интернационала, характерной чертой которых было расхождение слова и дела и которые проявили неспособность к революционному действию. И не случайно, что за эти рассуждения ревизионистов ухватились буржуазные идеологи и политики. Они приветствуют такой поворот в рабочем и коммунистическом движении, отступление от революционных марксистских принципов, расточают похвалы оппортунистам и ревизионистам, видят в них своих потенциальных, а порой и прямых союзников.

В ленинской концепции строительства нового общества *коммунистическая партия выступает прежде всего как политический руководитель, организатор и воспитатель рабочего класса и народа, как высшая форма классовой организации трудящихся.* Руководящую роль коммунистической партии В. И. Ленин выдвигал как непременное и решающее условие революционного преобразования общества в любой стране, осуществляющей переход к социализму и коммунизму. Руководство коммунистической партии созиданием нового общественного строя В. И. Ленин рассматривал как один из важнейших принципов научного коммунизма и его разработке уделял постоянное внимание.

Понятие «*партия*» В. И. Ленин рассматривает всегда в теснейшей диалектической связи с категориями «*класс*» и «*массы*».

Массы делятся на классы, но «противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства»[19]. Обычно, по крайней мере в странах с развитой социальной структурой, классами руководят политические партии, которые являются передовыми, наиболее организованными и сознательными отрядами классов, их авангардами, и противополагать политическую партию классу можно, лишь противополагая часть

[19] Там же, с. 24.

целому. «Политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»[20].

Для коммунистов Советской России эти положения, писал Ленин, стали азбучными истинами. И он добивался такого же их понимания зарубежными компартиями.

Для успеха победы над капитализмом и строительства социализма «требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической, партией, революционным классом, пролетариатом,— и массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых»[21]. Правильность этого соотношения зависит прежде всего от самих коммунистических партий, роль которых огромна и исключительно важна. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом пролетариата, способна руководить пролетариатом в его борьбе против капитализма, в строительстве социализма. Только под руководством коммунистической партии пролетариат способен развернуть всю свою революционную мощь, «всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества»[22]. Только под руководством рабочего класса и его партии масса трудящихся, освобожденная от гнета буржуазии, может развернуть впервые в истории всю инициативу и энергию миллионов, осуществить действительное участие в управлении обществом через свое государство, свои Советы, учась не только из книжек, а и из собственного опыта «делу социалистического строительства, созданию новой общественной дисциплины, свободного союза свободных работников»[23].

Руководствуясь этими ленинскими положениями, опирающимися не только на теорию марксизма, но и на практический опыт большевистской партии, а также международного рабочего и коммунистического движения, партия Ленина опровергла утверждения троцкистов, зиновьевцев и зарубежных оппортунистов, что в нашей стране осуществляется якобы лишь воля (диктатура) партии, а не воля класса и народных масс.

Коммунистическая партия находится *в центре управления общественными процессами*. «Чтобы управлять,— писал В. И. Ленин,— надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией»[24]. Основу ее руководящей роли Ленин видел прежде всего в выработке генеральной перспективы развития общества, научно обоснованных действий, которые определяют все стороны внутренней и внешней политики партии и го-

[20] Там же.
[21] Там же, с. 187.
[22] Там же.
[23] Там же, с. 188.
[24] Там же, т. 42, с. 254.

сударства. Разумеется, выработка такой перспективы и правильной политической линии предполагает наличие у партии вполне компетентных деятелей, ибо, согласно Ленину, «политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, и ... пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе *своих*, пролетарских «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных»[25]. Значение партийной организации и партийных вождей в том и состоит, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех революционно мыслящих представителей своего класса «вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных вопросов»[26].

В своей политике, учил В. И. Ленин, партия должна *опираться на прочный фундамент марксистской теории*, раскрывающей закономерности развития общества, позволяющей постоянно видеть цель движения и подчинять ее осуществлению все другие задачи. Как свидетельствует история КПСС, при выработке политической линии партии В. И. Ленин решительно осуждал позицию «левых коммунистов» и троцкистов, которые пренебрежительно относились к требованиям экономики, потребностям экономического развития общества и лишали тем самым политическую линию партии объективной основы, что на практике могло бы привести к перепрыгиванию через необходимые ступени развития и к другим проявлениям субъективизма и произвола. В. И. Ленин постоянно подвергал резкой критике и другую позицию — позицию тех правооппортунистических деятелей, которые принижали созидательную роль политических решений и действий партии, государственных органов и общественных организаций и тем самым способствовали усилению воздействий неконтролируемых, стихийных, враждебных социализму сил на экономическое развитие.

Согласно ленинскому учению наличие правильной политической линии еще не исчерпывает содержания руководящей роли коммунистической партии. Она необходимо включает в себя *способность и реальную силу партии организовать проведение политической линии в жизнь*, включает огромную и никогда не прекращающуюся *организаторскую, идеологическую и идейно-воспитательную работу* не только в собственных рядах, но и среди всех слоев и поколений трудящихся масс. «Воспитывая рабочую партию,— писал В. И. Ленин,— марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии»[27].

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 65.
[26] Там же, с. 53.
[27] Там же, т. 33, с. 26.

Именно партия, осуществляя руководство массами, экономической, социально-политической и духовной жизнью общества, объединяет, координирует и направляет деятельность всех государственных и общественных организаций, составляющих в своей совокупности *политическую систему советского общества*[28]. Исторически в нашей стране политическая организация общества сложилась сразу же после победы Октября под непосредственным руководством вождя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина в составе: Коммунистической партии, Советов, профсоюзов, кооперации — организаций, действовавших и до установления власти трудящихся, а также комсомола, культурно-просветительных и других организаций, возникших лишь в годы Советской власти. В. И. Ленин тщательно определил место каждого звена в этой системе, раскрыл их специфику, диалектику их взаимоотношений и функциональную роль в общей системе. Эти организации подчиняются общим закономерностям социалистической политической надстройки.

Новая, *пролетарская государственность* в нашей стране осуществилась в форме Советов, Советской Республики, в форме Союза Советских Социалистических Республик. Одной из важнейших теоретических заслуг В. И. Ленина является то, что он в своих послеоктябрьских произведениях дал глубокий научный анализ исторического значения Советов, рожденных революционным творчеством народа, как новой политической формы организации трудящихся масс и ее роли в становлении и развитии социалистического общества, социалистической демократии.

По учению В. И. Ленина, правящая коммунистическая партия по своей природе, по своему существу не обладает непосредственно государственными функциями. Свою руководящую и направляющую роль КПСС осуществляет через *Советы*, которые объединяют трудящиеся массы города и деревни независимо от профессий, национальной принадлежности, религии и т. д. и потому являются самыми всеобъемлющими и всеохватывающими демократическими организациями трудящихся в стране. При переходе к социализму, писал В. И. Ленин, «диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков»[29].

Советы с их многочисленными разветвлениями в центре и на местах в виде административных, хозяйственных, военных, культурных и других государственных организаций есть прямое выражение диктатуры пролетариата, народовластия трудящихся.

[28] По вопросу о политической системе, политической организации общества, существе и объеме этих понятий применительно к различным этапам советского общества среди наших обществоведов идет полемика. См. об этом в публикациях А. К. Белых, А. И. Денисова, С. В. Мокина и др.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 30.

Хозяйственно-организаторские и культурно-воспитательные функции органически присущи органам Советского государства, они являются главными. Но в определенном смысле и в определенных условиях и «администрирование», и административный подход к делу в деятельности Советов обязательны. Не могут Советы отрекаться в определенной мере и от принуждения и даже от революционного насилия, особенно в эпоху диктатуры пролетариата, когда рабочий класс вынужден подавлять силой мятежи, восстания, вредительство, диверсии и другие контрреволюционные акции свергнутой буржуазии, получающей поддержку от империалистов. «Революционное насилие,— разъяснял В. И. Ленин, характеризуя эпоху диктатуры пролетариата,— представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся»[30]. Через Советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы связывают многомиллионные массы трудящихся всех наций и народностей с авангардом пролетариата — коммунистической партией. Система Советов в лице ее высших и низших, законодательных и исполнительных органов является прямым выражением пролетарской демократии, демократии трудящихся, которая, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, «*в миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии», ибо Советы — это непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, «*облегчающая* им возможность самим устраивать государство и управлять им»[31]. Через систему Советов, развивающуюся в нашей стране в тесной связи с национально-государственным строительством, в ходе становления суверенных союзных и автономных республик и областей обеспечивалось уже в первые послеоктябрьские годы прямое и широкое участие трудовых масс всех национальностей в государственном управлении. Глубокий интернационализм и последовательная социалистическая устремленность Советов привели к тому, что они стали примером для рабочего класса и трудящихся зарубежных стран. В ходе революционного подъема, начавшегося в Западной Европе под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, революционные рабочие Венгрии, Германии, Австрии, Чехословакии стали создавать государственные организации по типу Советов. В. И. Ленин говорил, что огромное международное значение Советов не предполагает их точного копирования в других странах, что «советский тип еще не Советы, как они существуют в России, но советский тип становится международным»[32].

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 74.
[31] Там же, т. 37, с. 257.
[32] Там же, т. 38, с. 159.

Весьма большую роль в осуществлении задач переходного от капитализма к социализму периода, в функционировании диктатуры пролетариата В. И. Ленин отводил *профсоюзам*. Под руководством большевистской партии наши профсоюзы прошли замечательную школу борьбы, были подготовлены к активному и немедленному выполнению своих исторических функций, обусловленных установлением Советской рабоче-крестьянской власти, диктатуры пролетариата, приступившей к строительству социализма. «Наши профсоюзы,— отмечал В. И. Ленин на IX съезде РКП(б),— оказали гигантскую помощь в строительстве пролетарского государства. Они были звеном, которое связывало партию с миллионной темной массой»[33]. Во время слома старой, буржуазной государственной машины они были резервуаром новой государственной власти, в годы гражданской войны и иностранной интервенции — боевыми помощниками партии в защите социалистического Отечества, укреплении тыла и в борьбе с голодом. «Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженной работы их не только в хозяйственном, *но и в военном* строительстве мы, разумеется,— писал В. И. Ленин в 1920 г.,— не смогли бы не только в течение 2 1/2 лет, но и 2 1/2 месяцев»[34].

Роль профсоюзов в политической системе советского общества при диктатуре пролетариата и социализме весьма своеобразна и диалектична, она учитывает то важное и реальное обстоятельство, что от капитализма в наследство новому строю осталась неоднородность рабочего класса по уровню развития его классовой сознательности. С одной стороны, поголовно охватывая, включая в свои организации индустриальных рабочих, «профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса», который «осуществляет государственное принуждение». С другой стороны, профсоюзы «не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма»[35]. Но это, указывал В. И. Ленин, совсем не обычного типа школа, где имеются преподаватели и ученики, а такая школа, в которой мы имеем дело с некоторым своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и что не могло не остаться, и того, что выдвигает перед рабочим классом его авангард — Коммунистическая партия.

В ленинской трактовке профсоюзы, по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят «между партией и государственной властью»[36]. Они являются школой управления, где миллионы людей постигают науку управления производством, государством, об-

[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 255.
[34] Там же, т. 41, с. 31.
[35] Там же, т. 42, с. 203.
[36] Там же.

ществом и поставляют из своей среды кадры для руководящей работы по всем отраслям управления. В этой области, указывал В. И. Ленин, специфическое и главное есть не управление (например, народным хозяйством), а «связь» между государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся.

Став школой социалистического хозяйствования, приобретя новые, невиданные ранее функции созидания нового общества, активизируя и расширяя свое участие в развитии народного хозяйства, подъеме общественного производства, профсоюзы сохраняют в своей деятельности и старую функцию — функцию защиты интересов и прав трудящихся, заботы об улучшении условий их труда и быта. Профсоюзы призваны в условиях перехода к социализму и при социализме защищать трудящихся, по выражению В. И. Ленина, от чрезмерного ведомственного усердия и бюрократических извращений, с которыми еще приходится сталкиваться трудящемуся человеку в деятельности государственного аппарата.

Защита профсоюзами материальных и духовных интересов своих членов должна осуществляться одновременно с заботой о подъеме производства, повышении производительности труда и укреплении производственной дисциплины, ибо рост и совершенствование экономики в советском обществе является прямым и верным путем к улучшению жизненных условий трудящихся, их семей, всех граждан.

Советские профсоюзы — это школа коммунизма, где трудящиеся учатся жить и работать по-коммунистически, где формируется новый духовный облик человека труда, воспитываются высокие качества тружеников — советских патриотов, интернационалистов и гуманистов.

Ленинская концепция профсоюзов предусматривала их превращение в школу коммунизма сначала для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся. В этой связи принципиальное значение имеет ленинское положение о вовлечении в сферу профсоюзного движения в переходный период от капитализма и докапиталистических отношений к социализму и при социализме трудящихся деревни. Эта задача, указывал В. И. Ленин, поставлена в Программе партии и «с порядка дня социалистического строительства снята быть не может. Укрепить работу профсоюзов — значит распространить ее не только на сельский пролетариат, но на все трудящееся крестьянство. Как это сделать, мы еще не знаем... мы к ней будем возвращаться много раз и добиваться, чтобы эта задача была разрешаема практически с разных сторон»[37]. В. И. Ленин придавал, в частности, большое значение всестороннему развитию шефства рабочих коллективов городов над трудящейся деревней, имеющего своей целью пробудить в сознании трудового крестьянства необходимость поворота к обобществленному, коллективному труду, оказать помощь совхозам, артелям, коммунам, культурным

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 170—171.

очагам деревни в этом деле. Коммунистическая партия конкретизировала и развила дальше ленинское положение об обязанностях советских профсоюзов в отношении деревни, и этот ленинский завет последовательно воплощается в жизнь.

Указанные В. И. Лениным основные направления работы профсоюзов ныне, в условиях развитого социализма, приобретают еще большее значение и раскрываются с еще большей полнотой.

На современном этапе партия придает первостепенное значение совершенствованию демократических начал в развитии общественного производства. Активизация деятельности профсоюзов по широкому вовлечению трудящихся в управление производством и является одним из глубоких проявлений социалистического демократизма. Там, где рабочий человек знает, что к его голосу прислушиваются, что его позиция действительно учитывается при разработке хозяйственных и социальных планов,— там, и только там он чувствует себя подлинным хозяином производства. Профсоюзы в нашей стране — это общественная сила, действующая на переднем крае борьбы за выполнение пятилетних планов, за повышение эффективности производства и улучшение всех его качественных показателей.

Вместе с тем партия обращает внимание на развитие моральной, нравственной стороны в деятельности профсоюзов. Наряду с удовлетворением растущих материальных потребностей трудящихся необходимо дальнейшее совершенствование бережного отношения к человеку, воспитания человеческой доброты, взаимоуважения, подлинного товарищества, чтобы обеспечить радостную жизнь детей, облегчить участь инвалиду, залечить действительную или порой кажущуюся обиду личности и т. д.

Воспитание нового человека и все большее возрастание роли народных масс в процессе коммунистического строительства во многом зависят от деятельности профсоюзов — самой массовой из общественных организаций страны.

В ленинской концепции социально-политической организации советского общества большое значение придается *кооперации*, которая рассматривается как массовая организация главным образом крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами прежде всего по линии вовлечения крестьянства в русло социалистического строительства.

Заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он наметил конкретный путь решения самой трудной, после завоевания рабочим классом политической власти, задачи пролетарской революции — вовлечения миллионов крестьян в строительство социализма и их перевода от единоличных хозяйств к крупному коллективному социалистическому производству. Обобщив опыт развития кооперации и создания первых коллективных крестьянских хозяйств в Советской России — товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей, «земледельческих коммун», В. И. Ленин разработал гениальный кооперативный план переустройства жизни

крестьянства на социалистических началах. Кооперация, разъяснял В. И. Ленин, дает возможность соединить личный интерес крестьянина с интересом общества и государства. Применение различных форм кооперации — сначала в сфере сбыта и снабжения, а затем в области производства — позволяет постепенно внедрять основы коллективизма в крестьянское хозяйство. Поэтому она является путем к социализму «более *простым, легким и доступным для крестьянина*»[38], открывающим возможность практически строить социализм так, «чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении»[39].

Основным принципом при создании коллективных хозяйств В. И. Ленин считал принцип добровольности. Принуждение крестьян к вступлению в коллективные хозяйства он категорически считал недопустимым. Кооперирование должно проводиться исключительно путем разъяснения, убеждения, наглядно показывая крестьянам преимущества коллективного хозяйства перед хозяйством единоличным.

В. И. Ленин считал, что для осуществления кооперативного строя в деревне потребуется длительное время — одно-два десятилетия, ибо для этого надо создать необходимую материально-техническую базу и значительно повысить культурный уровень крестьянства. Он подчеркивал, что процесс социалистического кооперирования деревни не может происходить самотеком, стихийно, что он осуществим лишь при условии направляющего воздействия и всемерной помощи кооперации со стороны пролетарского государства, шефства города над деревней, широкого привлечения рабочего класса, профессиональных союзов, комсомола и других общественных организаций к активному участию в социалистическом преобразовании деревни. Так складывалось взаимодействие кооперации с другими звеньями политической системы советского общества.

Для теории научного коммунизма существенное значение имеет разграничение В. И. Лениным понятий «кооперирование» и «коллективизация». Они родственны, но неидентичны. Массовое кооперирование крестьянства рассматривается В. И. Лениным как одно из важных условий, предваряющих собственно коллективизацию, но оно еще не решало проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства, которое оставалось мелкотоварным. Лишь вступление трудящегося крестьянства в коллективные хозяйства могло привести и привело к коренным социально-экономическим преобразованиям в деревне, к формированию нового, социалистического класса — колхозного крестьянства.

Колхозное движение и колхоз — это совершенно новые исторические явления, возникшие после Октября в результате творчества народных масс в социалистическом строительстве.

[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.
[39] Там же.

Зарубежные идеологические фальсификаторы реального социализма в нашей стране пытаются противопоставить коллективизацию ленинскому кооперативному плану и даже утверждают вопреки истине, будто В. И. Ленин, выдвигая задачу кооперирования, ничего не говорил о колхозах, о коллективизации. В действительности же В. И. Ленин многократно употреблял понятия «колхоз», «коллективное хозяйство», «коллективизация» и столь же неоднократно перечислял конкретные формы колхозов: коммуны, артели, товарищества по общественной обработке земли[40].

Еще в 1919 г. на I съезде земледельческих коммун и артелей В. И. Ленин говорил: «Я уверен, что при вашей общей, единодушной поддержке мы добьемся того, чтобы каждая из существующих теперь нескольких тысяч коммун и артелей стала настоящим рассадником коммунистических идей и представлений среди крестьян, практическим примером, показывающим им, что она, хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового, социалистического строя»[41]. Это предвидение сбылось.

Важное место в политической организации советского общества В. И. Ленин отводил *Союзу молодежи* (*комсомолу*). Специфика функций этой организации состоит в том, что комсомол, будучи непартийной, но непосредственно примыкающей к партии организацией, является помощником партии в деле воспитания молодого поколения строителей социализма и резервом партии.

О том, какой должна быть организация юношей и девушек, какими должны быть ее функции и задачи, В. И. Ленин много размышлял еще до Октябрьской революции. Выступая против недооценки роли молодежи, призывая смелее и шире вовлекать ее в революционное движение, В. И. Ленин развивал мысль о необходимости обязательного учета возрастных особенностей молодежи, ищущей и часто ошибающейся в жизни. Нередко бывает, констатировал он, что представители поколения пожилых и старых революционеров «*не умеют* подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе*, не *тем* путем, *не в той форме*, *не в той* обстановке, как ее отцы»[42]. В. И. Ленин настаивал на организационной самостоятельности Коммунистического Союза Молодежи, ибо без этого «молодежь *не сможет* ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед*»[43]. Отстаивая самостоятельность союзов молодежи, В. И. Ленин вместе с тем высказывался и за необходимость товарищеской критики их ошибок, за то, чтобы исправлять их с терпением, постепенно, путем преиму-

[40] См.: Там же, т. 37, с. 320, 360, 362; т. 38, с. 256; т. 43, с. 60, 282, 380, 395.
[41] Там же, т. 39, с. 382.
[42] Там же, т. 30, с. 226.
[43] Там же, т. 30, с. 226.

щественно убеждения, а не борьбы. «Льстить молодежи мы не должны»[44].

Это ленинское требование получило подтверждение в резолюции VIII съезда РКП(б). В ней говорится: «Коммунистическая работа среди молодежи может пойти успешно только через самостоятельные организации, идущие под знаменем коммунизма, в которых молодежь могла бы проявить максимум самостоятельности, безусловно необходимой для ее коммунистического воспитания. Такой организацией является Российский коммунистический союз молодежи, выполняющий громадную работу по организации и коммунистическому воспитанию молодежи, призывающий пролетарское юношество к непосредственному строительству коммунистического общества и к защите Советской республики»[45].

Главную задачу комсомола В. И. Ленин видел в том, чтобы помочь партии строить коммунизм, и выражал надежду, что молодое поколение страны создаст коммунистическое общество. Он призвал молодежь учиться коммунизму, овладевая знанием всех богатств, которые выработало человечество, связывая «каждый шаг своего учения, воспитания, образования... с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров»[46]. Быть членом Союза молодежи — значит отдавать свои силы на общее дело, на общий труд страны. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами. «Надо,— писал В. И. Ленин,— чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде»[47], чтобы комсомол был ударной группой, которая во всякой работе показывает свою инициативу, свой почин.

Громадное значение В. И. Ленин придавал идейно-нравственному воспитанию молодежи. Наша мораль, говорил он, подчинена интересам классовой борьбы пролетариата, выражает идеалы трудящихся, является самой справедливой в истории моралью. Она противостоит морали буржуазного общества с его частнособственнической психологией, индивидуализмом и эгоизмом. «В основе коммунистической нравственности,— учил В. И. Ленин,— лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму»[48]. Переход к коммунизму предполагает воспитание, обучение и подготовку «*всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен придти и *придет*»[49].

[44] Там же.

[45] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 84.

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 314.

[47] Там же, с. 318.

[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

[49] Там же, с. 33.

Одна из важнейших функций комсомола — быть надежным резервом Коммунистической партии. В резолюции VIII съезда «О работе среди молодежи» говорится: «Партия должна иметь за собой хорошо подготовленные резервы, из которых она могла бы черпать новых, проникнутых революционным энтузиазмом, честных и сознательных работников»[30].

В политической системе советского общества комсомол тесно связан не только со своим руководителем и воспитателем — партией, но и с государственными органами — Советами, а также с профсоюзами, кооперацией и всеми другими общественными организациями. Он участвует в управлении Советским государством, представители комсомола работают в государственных, профсоюзных органах, учреждениях народного контроля, культуры и спорта. Ныне комсомол — одна из самых массовых организаций развитого социалистического общества, боевой, активный участник коммунистического строительства. Широкий комплекс политических и социально-экономических прав и свобод, которые предоставлены молодежи в Конституции СССР,— это реальное проявление заботы нашего общества о молодежи.

Исключительно важное значение В. И. Ленин придавал участию *женских организаций* не только в социально-экономической, но и в политической системе советского общества. Разработка им этого вопроса включала в себя меры по установлению полного фактического равенства женщины с мужчиной, сокращению и максимальному облегчению женского труда в домашнем хозяйстве, развитию и совершенствованию системы общественного обслуживания и форм общественной организации быта. Все это позволяет решить важную задачу — широко вовлечь женщин в сферу общественно-производительного труда и управления обществом.

В целях развития социальной и политической активности женщин еще при жизни В. И. Ленина и по его указаниям при партийных организациях создавались женотделы, действовали женские курсы, клубы, были основаны специальные журналы: «Коммунистка», «Крестьянка», «Работница», «Делегатка». Через них партия и Советская власть устанавливали прочную связь с широкими массами женщин. Работа среди женщин народов советского Востока проводилась партией с учетом их исторически сложившейся семейной и религиозной психологии.

Идеи В. И. Ленина о роли женщин и самодеятельных организаций со всей теоретической и правовой четкостью воплощены в Конституции СССР.

Из всех входящих в политическую систему советского общества организаций складывается «в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат... посредством которого, при руководстве пар-

[30] КПСС в резолюциях и решениях... 8-е изд., т. 2, с. 84.

тии, осуществляется *диктатура класса*»[51]. «Нельзя осуществлять диктатуру без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»[52].

В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что в политической системе общества, переходящего к социализму, партия выступает как основная руководящая и направляющая сила по отношению ко всем организациям, составляющим эту систему. Осуществляя руководящую роль, партия не подменяет собой ни Советов, ни профсоюзов, ни каких-либо других организаций. Еще на VIII съезде РКП(б) (1919), которым руководил В. И. Ленин, наша партия твердо заявила, что свои решения она проводит «через советские органы, в рамках Советской конституции» и «старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»[53].

Современные буржуазные идеологи и социал-реформисты пытаются отыскать противоречие в том, что Конституция СССР преследует цель всестороннего развития демократии и одновременно закрепляет руководящую роль Коммунистической партии. В представлении этих критиков реального социализма руководящая роль Коммунистической партии может осуществляться якобы лишь за счет умаления или ущемления роли других организаций, входящих в политическую систему. Но подобные представления обусловлены практикой антагонистического буржуазного общества, где господство и подчинение определяют все общественные, в том числе и политические, отношения и не имеют ничего общего с социалистическим обществом, в котором все отношения между различными звеньями политической системы определяются совершенно иными принципами. Руководство КПСС строится на убеждении и силе ее идейного влияния, примера и организации и опирается на доверие трудящихся к политике партии.

Объединяя и направляя деятельность государственных и общественных организаций, КПСС считает принципиально важным, чтобы все они в рамках своих уставных прав проявляли инициативу и творческий подход. Возрастание руководящей роли партии, повышение роли Советов, профсоюзов и других общественных организаций — взаимосвязанный и закономерный процесс, отражающий глубоко демократический характер политической системы социалистического общества.

В непоколебимой верности ленинским принципам и нормам партийной жизни КПСС и другие коммунистические партии видят источник своей мощи, нерасторжимой связи с рабочим классом и народными массами, важнейшее средство повышения своей руководящей роли в революционной классовой борьбе, в осуществлении задач строительства социализма и коммунизма.

[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 31.
[52] Там же, т. 42, с. 205.
[53] КПСС в резолюциях и решениях... 8-е изд., т. 2, с. 77.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ НАУКЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ (20-е годы)

1

Борьба советских ученых за материализм и диалектику. Развертывание философской дискуссии с «механистами»

Борьба за диалектический материализм в СССР являлась необходимой составной частью борьбы за победу коммунистической идеологии над буржуазной, за социализм. Будучи философской основой мировоззрения Коммунистической партии, диалектический материализм противостоял всем антинародным, реакционным силам и традициям. Одной из первых преград, вставших на его пути после победы Великой Октябрьской социалистической революции, была буржуазно-идеалистическая философия.

Потерпев поражение в качестве идеологической опоры старого строя, русский философский идеализм не собирался капитулировать. Это был серьезный, опытный противник, пытавшийся приспособиться к новым обстоятельствам. В первые послеоктябрьские годы философы-идеалисты продолжали занимать кафедры в высших учебных заведениях, публиковались в многочисленных сборниках, альманахах, периодике, издавали свои книги, в том числе разного рода «введения» в философию, рассчитанные на более или менее широкую пропаганду буржуазных идей, привлечение к ним новой аудитории, на завоевание умов молодежи. Во главе проповедников идеалистической философии и социологии выступали известные буржуазные профессора и публицисты, представляющие ее различные направления: А. И. Введенский — неокантианство, И. А. Ильин — неогегельянство, Н. О. Лосский и С. Л. Франк — интуитивизм, Е. Н. Трубецкой — «конкретно-идеалистический» вариант религиозного мистицизма, П. А. Сорокин — позитивизм и т. д. Неко-

торые из русских идеалистов могли бы претендовать на своего рода приоритет в плане общеевропейского и даже мирового развития буржуазной мысли. Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов, например, были среди тех, кто прокладывал пути новейшему христианско-экзистенциалистскому направлению в Западной Европе, Л. М. Лопатин — персонализму. Питирим Сорокин занял позднее одно из ведущих мест в буржуазной социологии США. Если учесть, что русский идеализм, прошедший в начале XX в. через полосу своеобразного «обновленчества» и консолидации — так называемый религиозный Ренессанс, выступал в качестве одного из авангардных отрядов мировой идеологической реакции, то не будет преувеличением сказать, что борьба советских марксистов против последних могикан буржуазно-идеалистической мысли в России имела фактически международный характер. Иначе и быть не могло. Прежде всего потому, что эта идеологическая конфронтация представляла собой передний край борьбы между старым и новым миром, между отжившим, ретроградным мировоззрением и новым, научным диалектико-материалистическим мировоззрением, под знаменем которого победила социалистическая революция[1].

Таким образом, борьба за диалектический материализм была непримиримой борьбой между противоположными, взаимоисключающими идеологиями — коммунистической и буржуазной, выражающими интересы противоположных классов общества. Следует вместе с тем иметь в виду, что, хотя каждый шаг вперед в защите, утверждении и осуществлении принципов диалектико-материалистического мировоззрения, осуществляемый в борьбе с его смертельными врагами, был связан с последовательным опровержением их ошибочных взглядов, тем не менее основой творческого развития марксистско-ленинской философии на всех ее этапах было обобщение нового исторического опыта и данных современной науки.

В процессе революционного преобразования общества все большее значение приобретает социально-политический аспект марксистской философии, ее связь с жизнью, практикой, политикой Коммунистической партии.

Борясь за ленинизм, отстаивая чистоту марксистско-ленинской теории, обогащая ее новым опытом, новыми выводами и претворяя ее в жизнь, Коммунистическая партия Советского Союза решительно и последовательно обличала все отклонения от ее генеральной линии, от ленинских принципов, в какую бы сторону эти уклоны ни были направлены — вправо или «влево».

Методологической основой правооппортунистического уклона были теория равновесия, концепция стихийности и самотека, при-

[1] Вопрос об идейном банкротстве русской буржуазно-идеалистической философии в послеоктябрьский период и ее критике советскими марксистами рассматривается во 2-й книге V тома «Истории философии в СССР».

водившие к отрицанию субъективного фактора в общественно-историческом процессе, и прежде всего руководящей роли партии, к затушевыванию классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, толкавшие партию и народ на замедление темпов социалистической индустриализации, равнение на «узкие» места, пассивное фаталистическое приспособленчество.

Методологическую основу «левого» оппортунизма, его опаснейшей троцкистской разновидности составлял наряду с механистическими концепциями равновесия и упрощенческого «сведения» сложного к «простому» крайний субъективизм, волюнтаризм, отрывавший под прикрытием ультрареволюционных фраз политику от экономики, делавший ставку на «волевое» изменение истории, толкавший партию и массы на путь сектантства и авантюризма. Как правый, так и «левый» оппортунизм подрывали единство и сплоченность Коммунистической партии, рабочего класса, вели к капитуляции перед империализмом и буржуазной идеологией. Как для правого, так и для «левого» оппортунизма были характерны догматический, антидиалектический метод мышления, софистика, эклектика.

Борьба с правым и «левым» оппортунизмом, ревизионизмом и догматизмом широко развертывалась и на международной арене. Опыт, накопленный в ходе этой борьбы Коммунистической партией Советского Союза, имел и имеет мировое значение. Критикуя правое и «левое» доктринерство как своего рода метафизику в действии, В. И. Ленин писал: «Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями»[2]. Борьба со всеми видами оппортунизма, реформизма и ревизионизма имела и имеет не только огромное политическое, но и чрезвычайно большое философское значение. Разоблачение и преодоление антимарксистских и антипартийных течений означают вместе с тем удар и по их идеалистическим и метафизическим основам, по питающей их буржуазной идеологии.

Начальный этап становления советской философской науки характеризуется тем, что сторонники материализма выступали в основном единым фронтом против представителей старых идеалистических школ. Наряду с весьма немногочисленными кадрами ученых-марксистов, стоявших на позициях диалектического материализма, в борьбе с религиозно-идеалистическим мировоззрением участвовали

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 89.

в начале 20-х годов стихийные материалисты и материалисты, придерживавшиеся в той или иной мере механистических взглядов. Это был период собирания сил, первоначального накопления опыта, и внутренние разногласия между различными представителями материалистического лагеря находились еще до известной степени в скрытом состоянии.

Разъяснение, популяризация исходных положений материализма, их распространение вширь закономерно предшествовали в деятельности советских ученых, преподавателей и пропагандистов развитию марксистской философии вглубь. Нужно было прежде всего приобщить к ее основам, к ее азбуке кадры строителей нового общества, передовых рабочих, близкую народу интеллигенцию, молодежь.

Уровень философской работы существенно ограничивался нехваткой литературы. Некоторые основополагающие труды классиков марксизма не были еще опубликованы, значительная часть их произведений оставалась рассеянной в дореволюционных изданиях.

В первые послеоктябрьские годы под флагом «пролетарской культуры» выходило много сочинений А. А. Богданова: «Вопросы социализма» (1918), «Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса» (1920), «Очерки всеобщей организационной науки» (1921), «Наука и рабочий класс» (1922), «Философия живого опыта» (1923) и др. Богданов и устно распространял свои взгляды — вел занятия в МГУ, читал лекции в московском Пролеткульте и других учреждениях. Его концепции пропагандировались пролеткультовскими организациями и журналами.

Богданов был сложной, противоречивой личностью и прошел большой, очень неровный путь развития[3]. Разносторонне образованный человек, он отличался личной честностью и искренностью. «Богданов лично заклятый враг всякой реакции и буржуазной реакции в частности»,— писал В. И. Ленин[4]. Вместе с тем В. И. Ленин подвергал сокрушительной критике реакционность его идеалистических воззрений. В начале своего пути Богданов был сторонником стихийного естественноисторического материализма; в молодости — активный участник революционного движения; в годы первой русской революции — большевик, но затем отошел от большевизма; в 1909 г. исключен из партии. В годы реакции и позднее пропагандировал разработанную им субъективно-идеалистическую философию — эмпириомонизм, представлявшую собой разновидность махизма (эмпириокритицизма), а затем так называемую тектологию («всеобщую организационную науку»). В последней наряду с идеалистическими и механистическими установками, идейно по-

[3] Взгляды А. А. Богданова и критика его В. И. Лениным в дооктябрьский период рассматриваются в книге «История философии в СССР» (М., 1971. Т. 4, гл. 7). О ленинской критике философии Богданова после Октября говорится в разделе первом настоящего тома. См. также: *Митин М. Б.* Идеи В. И. Ленина и современность. М., 1981.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

рочным противопоставлением диалектическому материализму содержались, по мнению ряда советских ученых, попытки обоснования некоторых положений (системный подход, моделирование, принцип обратной связи), получивших позднее развитие в общей теории систем, в кибернетике[5]. Отойдя от революционной политической деятельности и не уяснив социалистического характера Октябрьской революции, Богданов стремился вместе с тем участвовать в научной работе, проводимой в Советской России,— был членом Коммунистической академии, возглавлял первый в мире Институт переливания крови. Умер в 1928 г., произведя на себе медицинский опыт.

Учитывая положительные стороны личности Богданова, партия непримиримо критически относилась к его ошибочным взглядам. Характерные для него субъективизм, схоластика и механицизм мешали распространению марксистских идей. Механицизм Богданова оказал воздействие на складывание механистической тенденции во взглядах ряда советских ученых. Претендующая на оригинальность, на «дополнение» марксизма идеалистическая философия Богданова и связанное с ней нигилистическое отношение пролеткультовцев к культурному наследию, сепаратистские установки Пролеткульта на автономию от партии и государства встретили решительное противодействие со стороны В. И. Ленина и ленинцев.

В первые послеоктябрьские годы сказывалось сильное влияние работ Г. В. Плеханова, сыгравших большую положительную роль в борьбе с идеализмом. Знакомство с ярким и доходчивым плехановским изложением философских основ марксизма подготавливало почву для осмысления более глубокой ленинской интерпретации диалектического материализма.

Философские труды Г. В. Плеханова, получившие высокую ленинскую оценку, и в особенности произведения самого В. И. Ленина нанесли сильнейший удар по чуждым марксизму взглядам Богданова. Активное участие в критике «богдановщины» принимали советские философы.

В философской деятельности советских пропагандистов, публицистов, преподавателей в первые послеоктябрьские годы зачастую фиксировалось не столько то, чем отличается марксистская философия от других материалистических концепций, сколько то общее, что их объединяет.

[5] См.: *Сетров М. Н.* Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем: Философские и социологические исследования.— Учен. зап. кафедры общественных наук Ленинграда. Философия, 1967, вып. VIII; *Тахтаджян А. Л.* Тектология: история и современные проблемы.— В кн.: Системные исследования: Ежегодник, 1971, М., 1972; *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Аверьянов А. Н.* Система: Философская категория и реальность. М., 1976; *Уемов А. Н.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; Философский словарь. 4-е изд. М., 1980, с. 37.

Более высокий уровень философского развития был связан с переходом от войны к восстановлению, а затем к реконструкции народного хозяйства, с развернутым партией широким наступлением на буржуазную идеологию, активизировавшуюся в обстановке нэпа. Новые, невиданные по размаху и трудности задачи социалистического строительства и новые, сложные условия классовой борьбы требовали нового подхода ко многим явлениям, всестороннего анализа различных тенденций развития, своевременного выявления и разрешения многочисленных противоречий; в связи с этим возрастало значение диалектико-материалистической логики познания и действия. Без диалектического подхода к новейшим данным и выводам науки невозможна была и правильная ориентация в сложных, противоречивых процессах развития естествознания. Все это выдвигало на первый план проблему метода, делало особенно актуальной разработку теории диалектики. Эта проблема и была поставлена во весь рост в 1922 г. В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма». Именно это программное выступление знаменовало начало перехода к новой фазе философского развития; усиливалось внимание советских философов к теории диалектики, разработке ее принципов и категорий. Это не значит, что раньше такая работа отсутствовала — ее неустанно вел В. И. Ленин, в том числе в первые годы Советской власти, обогащая своими трудами и выступлениями сокровищницу марксистской мысли. Вопросы диалектики творчески рассматривались в решениях Коммунистической партии, поднимались в той или иной конкретной связи соратниками В. И. Ленина, постоянно затрагивались в советской прессе. Но в новых условиях необходимость разработки теории материалистической диалектики выдвигалась на первый план. Оставаться просто материалистом оказывалось уже недостаточным. Быть современным воинствующим материалистом — значило быть материалистом-диалектиком. Необходимость проведения сознательной диалектико-материалистической линии во всей работе обусловливалась самой жизнью.

Однако эта необходимость не всеми была своевременно осознана. Часть естественников и философов-материалистов, хорошо проявивших себя в предшествующие годы, в лобовых схватках с открытым противником — воинствующими церковниками и другими идеологами контрреволюции, продолжали по инерции отстаивать эмпирические и механистические взгляды, не понимая их ограниченности и несоответствия новым, возросшим требованиям. Такие взгляды проникали и через естественнонаучную литературу, выражая консервативность мышления тех ученых, которые пытались некритически оперировать в XX в. категориями естествознания минувших десятилетий. В основе своей механицизм 20-х годов был своеобразной модификацией позитивизма.

Активным проводником механистической методологии был Бухарин, основу книги которого «Теория исторического материализ-

ма» (1921) составляла заимствованная у Спенсера и настойчиво проповедовавшаяся Богдановым теория равновесия. Методологический порок этой теории состоял, разумеется, не в самом факте признания равновесия (диалектический материализм никогда не отрицал роли равновесия как одного из необходимых моментов процесса развития), а в его абсолютизации, в противопоставлении его принципу развития. Книга Бухарина имела широкое хождение в качестве учебного пособия. Теория равновесия разделялась и Троцким. Волюнтаризм эклектически сочетался у него с механистическим редукционизмом, сведением высших, более сложных форм движения к низшим; марксистская теория объявлялась применением дарвинизма к общественной жизни.

Позднее теория равновесия использовалась правыми оппортунистами в целях обоснования их антипартийной платформы. Это придало борьбе с механицизмом особую остроту. Отсюда не следует, что можно (как это нередко делалось в прошлом) брать за одну скобку механицизм и правый оппортунизм. В действительности дело обстояло значительно сложнее. Некоторые видные «механисты» защищали партийную линию в борьбе с оппозицией. Как справедливо заметил Е. М. Ярославский, отвергая упрощенческий подход к этому вопросу, «такая постановка („раз ты механист, то этим самым ты и правый оппортунист") есть карикатура на диалектический материализм, есть механицизм наизнанку»[6].

Борьба советских ученых за диалектику и критика механицизма начались еще до того, как он оформился в особое философское направление. Вслед за В. И. Лениным, развенчавшим его богдановски-бухаринскую разновидность и выявившим связь механицизма с субъективизмом, против методологии Бухарина выступили и другие марксисты. М. С. Ольминский еще в 1921 г. указывал на недопустимость толкования в книге Бухарина «Экономика переходного периода» диалектики лишь как одной из точек зрения, которая произвольно «выпячивается» в переходный период. Подчеркивая объективное содержание диалектики, Ольминский отмечал, что этот метод «всегда и неизменно присущ марксистскому исследованию»[7]. Отвергая подмену диалектики постулатом равновесия, он обвинял Бухарина в ревизионизме. Ольминского поддержала в том же году сестра В. И. Ленина, А. И. Ульянова-Елизарова[8]. Бухарин, писала

[6] За поворот на философском фронте. М.; Л., 1931, вып. 1, с. 11.

[7] *Ольминский М.* О книге т. Н. Бухарина.— Красная новь, 1921, № 1, с. 248—249.

[8] В фонде М. С. Ольминского, хранящемся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), имеется машинописный экземпляр статьи А. И. Елизаровой «Нечто относительно экономики и психики переходного периода. (По поводу книги Бухарина „Экономика переходного периода" и вызванной ею полемики)». На этом документе есть карандашная пометка: «напечатано в журнале „Торговый вестник", сентябрь 1921» (ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 34). Э. Б. Генкина, ссылающаяся в своей книге «Государственная деятельность В. И. Ленина. 1917—1923 гг.» (М., 1970) на упомянутый архивный документ, пишет: «К сожалению, журнал и опубликованную в нем статью А. И. Елизаровой нам пока в библио-

она, строит свою теорию чисто абстрактно, не опираясь на конкретные данные,— такое метафизическое построение «совершенно чуждо методу Маркса, прилагавшему свой анализ к изучению конкретной действительности и к выводам из нее»[9].

Вскоре после выхода в свет подверглась критике и «Теория исторического материализма» Бухарина. У Бухарина, указывал В. Ф. Горин (Галкин), имеет место терминологическое заигрывание с диалектикой, по существу же — ее богдановское отрицание, поскольку диалектический процесс сводится к механическому движению и «диалектика Бухарина как две капли воды похожа на метафизическую точку зрения Дюринга»[10].

В 1922 г. с критикой книги Бухарина «Теория исторического материализма» выступил С. Л. Гоникман. Вместо вскрытия противоречий, имманентных данному обществу, говорил он, Бухарин рассуждает о равновесии между обществом и природой; его метод остается в рамках описания явлений, не поднимаясь до подлинного *объяснения* развития[11].

теках Москвы обнаружить не удалось» (с. 141). Вопрос этот представляет определенный интерес, поскольку его решение позволяет более точно судить о масштабах и характере полемики, начало которой было положено В. И. Лениным.

Нами установлено, что А. И. Елизарова опубликовала свою статью в журнале «Народное хозяйство» за 1921 г. (№ 8/9). Этот журнал и раньше выступал с критикой Бухарина.

[9] *Елизарова А.* Нечто относительно экономики и психики переходного периода: (По поводу книги Бухарина «Экономика переходного периода» и вызванной ею полемики).— Народ. хоз-во, 1921, № 8/9, с. 224.

[10] *Горин (Галкин) В. Ф.* Стенографические записи 13, 14 и 15 июня 1922.— ЦПА ИМЛ, ф. 292, оп. 1, ед. хр. 28, л. 36, 44, об., 45. Из этих материалов видно, что автор был знаком с полемикой между Ольминским и Бухариным. Владимир Филиппович Горин (Галкин), принадлежавший, как и Михаил Степанович Ольминский, к старым большевикам (был делегатом II съезда РСДРП, вел революционную работу в подполье и в эмиграции, участвовал в подготовке Октябрьского вооруженного восстания, в гражданской войне), с молодых лет много занимался философией. В 1908 г. выступал, как он пишет в своей автобиографии, «под руководством Ильича против махистов (Богданов, Луначарский, Алексинский)». Эти выступления в защиту материализма были поддержаны В. И. Лениным и Г. В. Плехановым. Горин (Галкин) был еще в рукописи знаком с работой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», содействовал ее выходу в свет. Один из экземпляров этой книги был подарен ему В. И. Лениным. Ленинский труд несомненно дал толчок появлению в 1910 г. книги Горина (Галкина), направленной против махизма,— «Долой материализм! (Материалистическая теория познания и введение к критике эмпириокритической критики)». Второе, переработанное издание этой книги вышло в 1920 г. На экземпляре, преподнесенном В. И. Ленину, автором была сделана надпись: «Дорогому учителю и вождю Владимиру Ильичу Ленину от автора в знак глубокой преданности» (Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961, с. 159). В начале 20-х годов В. Ф. Горин (Галкин) читал лекции по философии в Московском университете и других учебных заведениях. В письме к В. И. Ленину от 27.IV 1922 г. он сообщает о своем замысле, касающемся материалистической переработки «всей логики Гегеля» (ЦПА ИМЛ, ф. 292, оп. 1, ед. хр. 12, л. 5). Любопытно в связи с этим, что еще в 1907 г. Горин (Галкин) писал, что диалектика в его представлении «затрагивает и теорию познания» (Там же, ед. хр. 3, л. 73 об.).

[11] См.: *Гоникман С.* Диалектика т. Бухарина.— Под знаменем марксизма, 1922, № 3, с. 78, 86; *Он же.* Учение Гегеля о действительности.— Там же, 1924, № 3, с. 31.

С «Экономикой переходного периода» и «Теорией исторического материализма» полемизировал в начале 20-х годов и В. Н. Сарабьянов, считавший, что Бухарин не столько пользуется диалектикой, «сколько прилагается к ней, как к мощам»[12]. Л. И. Аксельрод также отмечала (правда, в самом общем виде) свое расхождение с Бухариным в понимании метода[13]. Нужно вместе с тем принять во внимание, что некоторые критические высказывания о механицизме, относящиеся к началу 20-х годов, например Горина (Галкина), оставались неизвестны широкой аудитории, другие же затрагивали лишь отдельные стороны этой концепции.

Положение изменилось с середины 20-х годов, когда механицизм сложился окончательно как течение и со всей очевидностью выявилась его несовместимость с диалектическим материализмом. Важную роль в этом выявлении сыграло то, что в 1925 г. были впервые обнародованы «Диалектика природы» Ф. Энгельса и «К вопросу о диалектике» В. И. Ленина. К тому времени на базе Института красной профессуры и других научных учреждений выросли новые, квалифицированные философские кадры. Стала неизбежной новая философская «разборка», и она действительно произошла, вылившись в размежевание (или, как тогда говорили, раскол) советских философов на «механистов» и «диалектиков».

«Механисты» были довольно пестрой группой. Л. Аксельрод — старейший среди них философ-профессионал — представляла их общеметодологические принципы. Она не сразу, а лишь спустя некоторое время включилась в философскую дискуссию. В 1919 г. она читала лекции по историческому материализму (точнее, по критике буржуазных философско-исторических воззрений) учителям в Тамбовской губернии, затем руководила (наряду с Дебориным) занятиями по истории философии в Институте красной профессуры. Ее преобладающей стихией была полемика. В послеоктябрьские годы все сильнее сказывалось отставание Аксельрод от уровня новых задач. Другой представитель этого направления — А. В. Варьяш занимался преимущественно формально-логической и историко-философской проблематикой. В. Н. Сарабьянов — один из первых советских популяризаторов философских знаний — в 20-х годах часто выступал по вопросам экономики и экономической политики, был одновременно систематиком и полемически-публицистической «легкой кавалерией» механицизма. Естественнонаучное обоснование этой концепции стремились дать физик А. К. Тимирязев и химик С. С. Перов. В защиту механистической методологии выступал И. И. Скворцов-Степанов — крупный ученый и публицист, внесший ценный вклад в теорию и практику научного атеизма.

[12] *Сарабьянов В. Н.* Диалектика и формальная логика: (По поводу книги т. Бухарина «Исторический материализм»).— Под знаменем марксизма, 1922, № 3, с. 72.

[13] См.: *Аксельрод Л. И. (Ортодокс).* Курс лекций по историческому материализму.— Красная новь, 1922, № 6 (10), с. 201.

Основным оплотом механицизма был в течение ряда лет Государственный Тимирязевский научно-исследовательский институт, издававший в качестве своего непериодического органа сборники «Диалектика в природе» (№ 1—5, 1926—1929).

Механистическое направление страдало в целом упрощенным подходом к вопросам философии. Его характерными чертами были: недостаточное уяснение и раскрытие существа и значения теории диалектики, а подчас и третирование ее как гегельянщины; тенденция к замене сложных форм движения более простыми; отрицание в ряде случаев объективности качества, объективной случайности, плоский эволюционизм; недопонимание роли внутренних противоречий как источника развития.

Не следует, однако, абсолютизировать эти моменты, ибо они выступали большей частью как тенденции. Это тем более желательно учесть, что нередко о «механистах» 20-х годов писали как о людях, совершивших крутой поворот вспять, возврат к механистическому материализму XVIII в. Но механицизм некоторых советских ученых и философов не был, разумеется, аналогом гольбахианства. Говоря о механике как о своего рода первонауке, задающей тон другим отраслям естествознания, «механисты» 20-х годов имели подчас непосредственно в виду не только старую классическую механику, но и новые представления о движении микрочастиц (что, впрочем, отнюдь еще не свидетельствует об адекватном понимании ими существа квантовой механики)[14].

Такие люди, как А. Варьяш, В. Сарабьянов, И. Скворцов-Степанов и некоторые другие, объективно отражая в той или иной степени в своем механицизме воздействие позитивистских идей, были тем не менее противниками буржуазной идеологии, активно участвовали в борьбе за новое, социалистическое общество. Советские «механисты» в отличие от механистических материалистов прошлого, стоявших на позициях исторического идеализма, отстаивали материалистическое понимание истории.

У разных представителей механицизма 20-х годов выдвигались на первый план различные моменты. Временами возникали между ними и разногласия. Так, Сарабьянов критически отзывался о некоторых высказываниях Скворцова-Степанова. Он выражал несогласие с тем, что Скворцов-Степанов именует марксистское мировоззрение механическим, чем, по мнению Сарабьянова, подчеркивается только материализм. Сарабьянов же настаивал на включении «механистического мировоззрения» в диалектическое. Скворцов-Степанов, в свою очередь, порицал «блуждания» Сарабьянова по вопросу о роли скачков в развитии. Подобные расхождения касались обычно отдельных вопросов или терминологической стороны

[14] См.: *Тимирязев А.* Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII столетия?— Вестн. Ком. акад., 1925, № XVII, с. 126.

дела, не затрагивая общей методологической основы, сущности механицизма.

Взгляды «механистов» встретили резкий отпор на страницах печати, в философской среде. Их активными противниками были А. М. Деборин и его школа. Деборин вел в послеоктябрьские годы большую научную и педагогическую работу, многое сделал для организации марксистского философского журнала, создания Общества воинствующих материалистов. Знаток Гегеля, он сосредоточил свою исследовательскую деятельность вокруг вопросов истории и теории диалектики, а также истории материализма.

Среди учеников Деборина выделялся своей эрудицией И. К. Луппол. В развязывании дискуссии с «механистами» заметную роль сыграл Я. Э. Стэн, а в ее последующем развертывании — Н. А. Карев, уделявший наряду с полемикой значительное внимание положительному рассмотрению проблем диалектики. Естественнонаучное «крыло» деборинской группы представляли физик Б. М. Гессен и биологи И. И. Агол, М. Л. Левин, С. Г. Левит.

Ближайшим толчком к философской дискуссии явилась статья И. Скворцова-Степанова «Исторический материализм и современное естествознание», опубликованная в качестве приложения к книге Г. Гортера «Исторический материализм» и изданная затем отдельной брошюрой. «Марксист,— писал автор статьи,— должен прямо и открыто сказать, что он принимает это так называемое механистическое воззрение на природу, механическое понимание ее»[15]. Не оставляя, по существу, места для философии диалектического материализма, автор приходит к выводу, что марксистское понимание истории может с успехом сочетаться с механистическим воззрением на природу. «Для марксизма,— утверждал он,— не существует области какого-то „философствования“, отдельной и обособленной от науки; материалистическая философия для него — последние и наиболее общие выводы современной науки»[16].

Эта ориентация на механицизм и в особенности позитивистски звучащие выводы вызвали решительные возражения в статье Я. Стэна «Об ошибках Гортера и тов. Степанова», в которой речь шла о том, что Степанов обошел вопрос о диалектическом методе, его активной роли по отношению к естествознанию. Стэн подчеркивал необходимость поднятия стихийных устремлений ученых к материализму и диалектике на уровень философской сознательности[17]. Скворцов-Степанов ответил резкой статьей «О моих ошибках, „открытых и исправленных“ тов. Стэном»[18]. Это повлекло за собой повторное выступление Стэна — «О том, как т. Степа-

[15] *Степанов И.* Исторический материализм и современное естествознание.— В кн.: Гортер Г. Исторический материализм. М., 1924, с. 166.

[16] Там же, с. 151—152.

[17] См.: Большевик, 1924, № 11, с. 85.

[18] См.: Там же, № 14.

нов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса»[19]. В дискуссию включились и другие философы[20].

В феврале 1925 г. в Тимирязевском институте состоялось обсуждение работы Скворцова-Степанова, вызвавшей разногласия. Подавляющим большинством участников обсуждения была поддержана позиция автора книги. Материалы этого совещания вскоре вышли в свет[21]. В том же году состоялся диспут в 1-м Московском университете, где позиции «механистов» защищали Скворцов-Степанов и Тимирязев, а против них выступали Карев и Стэн.

Особого напряжения дискуссия достигла весной 1926 г., когда развернулось двухмесячное обсуждение спорных вопросов в Институте научной философии. Здесь противоборствующие точки зрения отстаивались Дебориным, Каревым, Лупполом, Стэном, Троицким, с одной стороны, Аксельрод, Варьяшем, Перовым, Тимирязевым — с другой.

Когда в мае 1924 г. возникло Общество воинствующих материалистов, в него вошли и сторонники механицизма. Но разногласия, выявившиеся в ходе философской дискуссии, проникли и в это общество, вызвав его перестройку. Группой его членов была подготовлена декларация, осуждавшая «механистов». Лидеры механицизма отказались поддержать этот документ. Тем временем молодые сторонники Деборина создали Общество материалистических друзей гегелевской диалектики. В результате последующего слияния прежней организации с новой в 1928 г. возникло Общество воинствующих материалистов-диалектиков. «Механисты» в него не принимались. 2-я Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений, происходившая с 8 по 13 апреля 1929 г., подвела итог длительным спорам. Подчеркнув возрастание роли диалектики в науке и жизни, она осудила механицизм как проявление философского ревизионизма[22]. Таковы основные вехи философской дискуссии с «механистами». Существо проблем, вокруг которых шли споры, мы рассмотрим ниже.

Философская дискуссия 20-х годов нашла отклик в ряде республиканских центров страны. В критике «механистов» приняли участие философы Украины, Белоруссии, Грузии и др.[23]

[19] См.: Большевик, 1924, № 15/16.

[20] Против механистических положений, выдвинутых И. И. Скворцовым-Степановым, были направлены также рецензия А. Ф. Вишневского (Под знаменем марксизма, 1924, № 12) и его статья «В защиту материалистической диалектики (Ответ тов. Степанову)» (Под знаменем марксизма, 1925, № 8/9). Критикуемый автор опубликовал, в свою очередь, новую работу, название которой с полемической подчеркнутостью выражало занятую им позицию: «Диалектическое понимание природы — механистическое понимание» (Под знаменем марксизма, 1925, № 3).

[21] См.: Механистическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925.

[22] См.: Под знаменем марксизма, 1929, № 5, с. 6—7.

[23] См.: Выступление П. Демчука на I Всесоюзном совещании Обществ воинствующих материалистов-диалектиков о деятельности украинских философов. (Под знаменем марксизма, 1929, № 5); *Он же.* В борьбе за марксистско-ленинскую философию. Харьков, 1930; *Юринец В.* Философский фронт на Украине.— Под знаменем марксизма, 1929, № 5;

В результате проведенной дискуссии были выявлены и раскритикованы многие недостатки механистической методологии, возрос интерес общественности к марксистской философии, усилилось стремление ученых к овладению диалектикой.

Вместе с тем нужно признать, что у «механистов» далеко не все было ошибочным. В их работах содержались здравые тенденции: стремление опираться на достоверные данные естествознания, нетерпимость к схоластическому «рассуждательству» и априоризму, подчеркивание важности количественной характеристики явлений. Такие ученые, как И. Скворцов-Степанов и В. Сарабьянов, уделяли много внимания антирелигиозной пропаганде. «Механисты» справедливо отмечали слабые стороны в деятельности деборинской группы — сглаживание принципиальных различий между марксовой и гегелевской диалектикой, тенденцию к замыканию в рамках общих абстрактных положений и т. п.[24] Замечания подобного рода исходили не только от «механистов». Еще в 1923 г. в «Спутнике коммуниста» — органе Московского комитета РКП(б) — отмечалось, что журналу «Под знаменем марксизма» наряду с достоинствами присуща тенденция к узкому академизму, что в этом журнале «вовсе не уделяется места ленинизму»[25]. Орган ЦК КП(б)У «Знамя коммунизма», положительно оценивая выступления философского журнала против извращений марксизма и разработку мало освещенных вопросов, указывал в то же время, что журнал «Под знаменем марксизма» «страдал и страдает одним весьма существенным недостатком: на страницах этого журнала мы не находим отклика на нашу текущую повседневную практическую работу в области экономики и советского строительства»[26].

Большое значение для правильной ориентации учебной, пропагандистской и исследовательской работы в области общественных наук, включая философию, имели решения XIII съезда партии (май 1924 г.). В них подчеркивалось, что «пропитывание всех общественных дисциплин ленинизмом, изучение при их прохождении вкладов Владимира Ильича Ленина во все вопросы революционной теории и практики марксизма должно стать необходимейшей принадлежностью учебной работы совпартшкол и комуниверситетов»[27]. Съезд нацелил преподавательские и теоретические кадры на «борьбу со схоластицизмом» и указал, что «преподавание общественных

Быховский Б. Э. Марксизм и философия.— Полымя, Минск, 1926, № 5. На белорус. яз.; *Каценбоген С. З.* Диалектический материализм и механистическое мировоззрение.— Працы беларускага дзяржаунага універсітэта, Минск, 1926, № 11; *Вашкамадзе И.* Задачи марксистско-ленинской теории.— Большевик, Тбилиси, 1930, № 2. На груз. яз.

[24] А. М. Деборин признавал в ходе философской дискуссии в 1925 г., что ему и его единомышленникам инкриминируется «тенденция марксизировать Гегеля и гегельянизировать Маркса». См.: Архив АН СССР, ф. 355, оп. 1, ед. хр. 15, л. 17.

[25] Спутник коммунизма, 1923, № 25, с. 195—197, 208.

[26] Знамя коммунизма. Харьков, 1923, № 5/6, с. 168.

[27] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 3, с. 104—105.

наук должно быть оживлено и связано с практическими задачами современности»[28]. Против отрыва теории от действительности выступали уже в первой половине 20-х годов и некоторые философы. Например, С. Ю. Семковский предупреждал в 1924 г., имея в виду деборинцев, об опасности схоластицизма, он даже говорил в то время, впадая в известное преувеличение, о схоластическом уклоне[29]. Горин (Галкин) тогда же критически отзывался о «созерцательности» Деборина[30].

Более обстоятельная критика в адрес Деборина и его последователей развернулась позднее, когда отрицательные тенденции в их деятельности сказались гораздо отчетливее.

Позиции спорящих сторон не оставались неизменными: некоторые свои ошибки они стремились исправить в ходе дискуссии. Одним из показателей подобной эволюции могут служить сборники Тимирязевского института «Диалектика в природе». Там встречаются необычные для «механистов» признания необходимости изучать Гегеля, соображения о недостаточности механистического взгляда на природу и т. п.[31] Деборинцы со своей стороны, как бы откликаясь на делавшиеся им упреки в отрыве от конкретных наук, писали: «Необходимо установить ныне, что не должно быть больше философов, которые не занимались бы какой-либо конкретной наукой, диалектикой ее категорий и законов. Глубокомыслепному пустословию должна быть объявлена решительная борьба. Покажите, что вы знаете диалектику, применением ее к конкретному предмету — вот что должно неуклонно требовать от всякого, клянущегося именем диалектики»[32]. К сожалению, уточнения той или иной стороной своих высказываний не учитывались, как правило, оппонентами. Полемика зачастую приобретала самодовлеющий характер. Гипертрофия внутренних, не всегда принципиальных разногласий мешала борьбе с буржуазной философией. Социально-философские проблемы, особенно связанные с актуальными запросами современной общественной жизни, оставались во многом вне поля зрения спорящих.

[28] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 3, с. 120.

[29] См.: *Семковский С. Ю.* Этюды по философии марксизма. М., Б. г., с. 163—164.

[30] См.: *Горин (Галкин) В. Ф.* Лекция на тему: Теория и ленинизм (Гегель, Маркс, Ленин), 4 февраля 1924 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 292, оп. 1, ед. хр. 30, л. 191; см. также: *Горин В., Подвойский Н.* Лекция на тему: Государство и экономика-техника, 23 февраля 1923 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 292, оп. 1, ед. хр. 30, л. 70.

[31] См.: Диалектика в природе. Вологда, 1927, вып. 2, с. VII, 124. Можно привести и другие примеры подобной самокритики. Так, о «неправоте механического материализма» писал А. В. Варьяш в предисловии к кн.: Основы материалистической диалектики. Энгельс/сост. В. О. Клемм. 1927, с. 155. Нельзя обойти молчанием и тот факт, что работа Гегеля «Введение в философию. (Философская пропедевтика)» была впервые издана в русском переводе Государственным Тимирязевским научно-исследовательским институтом (М., 1927). Ее переводчиком и автором обширных примечаний был С. Васильев.

[32] Под знаменем марксизма, 1929, № 5, с. 5.

Философская жизнь советского общества 20-х годов отнюдь не ограничивалась полемикой между «механистами» и «диалектиками». Тем более следует подчеркнуть, что для зарубежной «советологической» литературы весьма характерно такое ограничение, а по существу обеднение. Конструктивные моменты философской дискуссии, разработка ее участниками конкретных проблем, позитивная творческая работа советских философов вообще, реальный процесс приращения философских знаний обычно оказываются при таком подходе обойденными[33]. Отметим также, что в борьбе с механицизмом активно участвовали и ученые, не являвшиеся «деборинцами»: В. В. Адоратский, В. Ф. Асмус, В. В. Быстрянский, Б. Э. Быховский, М. А. Дынник, А. В. Луначарский, В. И. Невский, М. В. Серебряков, Л. Ф. Спокойный, А. К. Столяров, А. Я. Троицкий, М. М. Фурщик и др.[34] Не только в ходе полемики, но и независимо от нее шла большая, разносторонняя позитивная работа. Впервые — не только в истории нашей страны, но и во всемирном масштабе — советскими учеными был подготовлен и введен в практику высшей школы систематический курс марксистской философии; создавались первые учебные пособия по диалектическому и историческому материализму; в книгах и многочисленных статьях разрабатывались различные философские проблемы; к философии приобщался новый, массовый контингент, какого она прежде не знала.

2
Споры о предмете философии

Существо диалектического материализма было давно раскрыто его основоположниками. Нужно, однако, учесть, что многие их работы в первые послеоктябрьские годы не были еще известны ши-

[33] Так обстоит, в частности, дело в книгах: *Bochenski J. M.* Der Sowjetische Dialektische Materialismus (Diamat). Bern, 1950; *Wetter A.* Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Thomas Morus — Press in Verlag Herder. Wien, 1952; *Lieber H.-J.* Die Philosophie des Bolschewismus in dem Gründzugen ihrer Entwicklung. Frankfurt a/M.; Berlin; Bonn, 1957; *Ahlberg R.* Dialektische Philosophie und Gesellschaft in der Sowjetunion. Berlin, 1960. Игнорируя конкретно-исторические побудительные мотивы философской дискуссии 20-х годов, одни из упомянутых авторов пытаются «объяснить» ее противоборством содержащихся в диалектическом материализме и якобы исключающих друг друга «частей» — материализма и диалектики. См.: *Bochenski J. M.* Op. cit., S. 49. Другие «выводят» споры между «механистами» и «диалектиками» из столь фатально якобы запрограммированного столкновения «детерминистской» и волюнтаристической тенденцией, в равной-де мере коренящихся в марксистской философии. См.: *Wetter A.* Op. cit., S. 95.

Предвзятость, антиисторизм, стремление извратить марксизм в приведенных «объяснениях» западных советологов проявляются со всей очевидностью.

[34] См.: *Асмус В. Ф.* Л. И. Аксельрод и философия.— Под знаменем марксизма, 1928, № 9/10; *Он же.* Формальная логика и диалектика: (По поводу книги А. Варьяша «Логика и диалектика»).— Под знаменем марксизма, 1929, № 2/3; *Дынник М.* Категория случайности в понимании Плеханова.— Под знаменем марксизма, 1928, № 5. Значительный интерес представляет в связи с философской дискуссией 20-х годов стенограмма

рокой аудитории, а ряд высказываний, непосредственно касающихся предмета философии, нуждался в разъяснениях и дальнейшей разработке. Немало людей судило об отношении марксизма к философии по взглядам М. Адлера и К. Каутского, отвергавших диалектический материализм и интерпретировавших положения Ф. Энгельса о нем в позитивистском духе.

Позитивизм представлял собой главный теоретический источник так называемого философского нигилизма — огульного отрицания философии, получившего в 20-х годах довольно широкое распространение. Особенно влиятельной была у нас богдановская разновидность позитивизма. Еще до Октября философия рассматривалась А. Богдановым как преходящее явление, присущее лишь эксплуататорскому строю. Свое дальнейшее развитие этот взгляд получил в тектологии Богданова, которая была призвана, по мнению автора, упразднить и заменить философию [35].

Философский нигилизм 20-х годов проявлялся в разных формах. Его характерной чертой было то, что отрицание философии проводилось под флагом защиты научного или технического прогресса и в большинстве случаев под прикрытием «левых» фраз, претендующих на сверхреволюционность. Но за вычетом этих черт оставалось много особенностей, оттенков, в том числе весьма существенных, которые не позволяют брать всех тогдашних ниспровергателей философии за одну скобку: в их числе были люди с далеко не совпадающими, а иногда и противоположными убеждениями и целями.

Первыми после Октября выступили философы-анархисты. Об этом свидетельствуют, в частности, изданные в 1918 г. книги за подписью братьев Гординых. В их эпигонски-эклектической концепции сильна была иррационалистическая струя. Вся история человечества представлялась им воплощением дикости и заблуждений. Подлинной культуры, утверждали авторы, еще не было, ее предстоит изобрести. Но для этого нужно покончить с первопричиной всех зол и бедствий — философией, наукой, вообще теорией, так как они являются социальной магией, суезнанием, религией буржуазии [36]. Искоренить эту «магию» может, по мнению Гординых, только техника, особенно социотехника, поэтому они именовали свою точку зрения техникализмом. Философский (и «контркультурный» вообще) нигилизм анархического толка отстаивался и

лекции А. В. Луначарского от 9 марта 1929 г. «Диалектический материализм и механисты» (ЦПА ИМЛ, ф. 124, ед. хр. № 429) и его полемика с В. Н. Сарабьяновым. (Несколько слов сердитому критику.— Там же, ф. 142, ед. хр. 402).

[35] В рукописи, относящейся к 20-м годам, «От философии к организационной науке» Богданов писал, касаясь создания тектологии: «С этого времени философия, как таковая, потеряла для меня реальный интерес» (ЦПА ИМЛ, ф. 259, оп. 7, ед. хр. 34, л. 41). Бухарин видел в богдановской тектологии «оригинальную попытку преодоления философии» (*Бухарин.* Теория исторического материализма, с. 87).

[36] См.: *Гордины.* Социология и социотехника. Ч. 1. Христианство и марксизм. М., 1918, с. 3, 77, 82, 131; *Они же.* Манифест пананархистов. М., 1918, с. 3.

другими авторами. А. Боровой, например, утверждал, что путь к победе анархизма идет через преодоление культуры, торжество воли над разумом. А. Андреев разглагольствовал о противоестественности труда и отвергал социальные идеалы, противопоставляя им анархо-индивидуалистское кредо: «Идеал — это „я"». «Цепь причинности,— возглашал он,— должна быть порвана»[37].

Сходные черты содержатся в сочинениях Э. Енчмена. Считая себя сторонником Маркса, он имел о марксизме более чем смутное представление. Енчмен призывал отказаться от «тяжелого интеллектуального наследия» прошлого, сдать в архив психологию, логику и философию. Роль панацеи играла у него так называемая теория новой биологии. В дальнейшей перспективе Енчмен намечал полное упразднение познания как определенного вида духовной деятельности: «Вслед за низвержением эксплуататорских классов начинается,— писал он,— массовое ослабление, отмирание, а затем полная гибель, взрыв в воздух, уничтожение реакций „познания"»[38]. Эти квазиноваторские заклинания, сулившие к тому же обманчиво легкий путь к мировому переустройству, нашли известный отклик среди учащейся молодежи: возникли даже кружки «енчменистов».

Иную, сциентистскую разновидность философского ликвидаторства выражали некоторые ученые, ставшие на путь сотрудничества с новым общественным строем. Их антифилософские выпады были продиктованы разочарованием в идеализме и стремлением отмежеваться от него. Но правильного понимания диалектического материализма у них не было, и это приводило к целому ряду заблуждений. Одним из таких ученых был историк науки И. А. Боричевский (с начала 20-х годов профессор Петроградского университета), резко критиковавший религиозно-мистическую философию, неокантианцев, махистов и другие идеалистические течения, но ошибочно рассматривавший в то же время философию и науку как антиподы. Всякая философия есть, по его мнению, метафизика; будучи некогда царицей наук, она превратилась в блудницу, выброшенную за пределы научного знания. Поэтому современная наука «сама себе философия»[39]. В этом же направлении высказывался В. Миллер. Любое философское положение, считал он, в истоках своих является априорным. Философия представляет собой разновидность опасного интеллектуального гипноза, от которого следует как можно скорее освободиться. «Единственный способ спасти умственную культуру от грозящего ей развала,— утверждал Миллер,— реши-

[37] См.: *Боровой А.* Общественные идеалы современного человечества. 2-е изд. М., 1917, с. 3; *Он же.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. М., 1920, с. 70; *Андреев А.* Неонигилизм. М., 1922, с. 21, 35, 47.

[38] *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм. М., 1923, вып. I, с. 23.

[39] *Боричевский И.* Введение в философию науки: (Наука и метафизика). М., 1922, с. 101.

тельно концентрировать борьбу всех прогрессивных элементов против самого принципа философии»[40].

Особый вариант философского нигилизма был представлен С. К. Мининым и его единомышленниками. Старый партиец, активный участник боев с белогвардейской контрреволюцией (он возглавлял штаб обороны Советов в Царицыне, являлся членом Реввоенсовета I Конной армии), Минин был законно обеспокоен в начале 20-х годов активизацией русских идеалистов, претендовавших на монопольное право выступать от имени философии. Философия ассоциировалась в его представлении с оторванным от науки и жизни умозрительно-догматическим мышлением. Минину казалось, что ликвидация философии доведет до конца освобождение пролетариата от пут старой, отжившей идеологии. Философия («не идеалистическая, не метафизическая только,— пояснял Минин,— а именно философия вообще, философия как таковая»[41]) именовалась им духовным слепком буржуазии, квинтэссенцией ее классового духа. Она должна, как и религия, быть вытеснена в сознании пролетариата наукой. «Нужна наука, только наука, просто наука»[42]. Защитниками точки зрения Минина выступили В. Рожицын, Б. Таль, В. Смоленский[43].

Позиция философского нигилизма была в то время поддержана ректором Коммунистического университета им. Свердлова М. Н. Лядовым, который, справедливо ратуя за связь диалектического материализма с жизнью, вместе с тем утверждал, что «философия, как отдельная дисциплина, из наших программ должна быть решительно вычеркнута»[44]. В 1924 г. вышла книга Д. Максимова «Введение в изучение марксизма», канонизировавшая основные положения Минина. Философия трактуется здесь как стадия в развитии религиозной идеологии, как богословие товарного общества, а мысль Энгельса о том, что возникновение марксизма означало конец философии в старом смысле слова, грубо упрощается и толкуется как признание бесполезности и гибели всякой философии вообще.

Откровенное философское ликвидаторство прокладывало путь механицизму. И. Боричевский, принявший участие в дискуссии 20-х годов на стороне «механистов», требовал освобождения науки «от всяких философских призраков»[45]. И. И. Скворцов-Степанов справедливо возражал против обособления философии от естествознания, но, не сумев подняться до диалектического понимания их

[40] *Миллер В.* К вопросу о философском наследстве (об отношении научного социализма к философии).— Научные известия, Смоленск, 1924, т. II, с. 71.

[41] *Минин С.* Философию за борт.— Под знаменем марксизма, 1922, № 5/6, с. 123.

[42] *Минин С.* Коммунизм и философия.— Под знаменем марксизма, 1922, № 11/12, с. 195.

[43] См.: Агитпропаганда, 1922, № 7; Знамя коммунизма, 1922, № 8; Партспутник Царицынского губернского комитета РКП, 1923, № 9/10.

[44] *Лядов М.* Спасает ли философия от оппортунизма?— Правда, 1924, 13 янв. Эта статья была помещена в качестве дискуссионной. Критический отклик на нее см.: Под знаменем марксизма, 1924, № 1, с. 246—247.

[45] Механистическое естествознание и диалектический материализм, с. 52.

взаимосвязи, отождествлял марксистскую философию с наиболее общими выводами современной науки[46]. Такого же примерно взгляда придерживался А. Тимирязев, видевший в философии «верхушки» естественнонаучных знаний[47]. Отсюда не следует, что позиции «нигилистов» от философии и «механистов» совпадали. Последние не отвергали в принципе значения теории, логических обобщений, метода, активно отстаивали философский материализм в борьбе с идеализмом. Л. Аксельрод, А. Варьяш, В. Сарабьянов признавали в отличие от «нигилистов», чьи взгляды рассмотрены нами выше, право философии на существование как особой формы общественного сознания. Были и другие «механисты», не согласные с прямолинейным сведением философии к естествознанию[48]. Следует учесть и критическое отношение некоторых «механистов», например Сарабьянова, к Енчмену.

Все упомянутые здесь «механисты» выступали от имени диалектического материализма, давая, однако, упрощенно-схематическое толкование ряда его положений. Они считали себя защитниками диалектики как метода, ее практического применения, но разработку вопросов общей теории диалектики нередко ошибочно третировали при этом как схоластику. Диалектика — *метод* и диалектика — *наука* рассматривались ими в этих случаях как взаимоисключающие понятия[49]. Диалектику, полагали «механисты», сле-

[46] См.: *Степанов И.* Исторический материализм и современное естествознание. М.; Л., 1926, с. 55.

[47] См.: *Тимирязев А.* Ленин и современное естествознание. М.; Л., с. 55. И. И. Скворцов-Степанов был прав, предостерегая против «произвола философов» по отношению к естествознанию, против каких-либо попыток с их стороны в духе старой натурфилософии предписывать наукам результаты, к которым те должны приходить. См.: Под знаменем марксизма, 1925, № 3, с. 215. Однако сами «механисты» нарушали в ряде случаев это требование, не умея отделить ошибочные идеалистические выводы, делавшиеся буржуазными философами из новейших открытий, от объективного значения этих открытий, специального содержания естественнонаучных теорий. Таковы, например, вульгаризаторские суждения А. Тимирязева о теории относительности, согласно которым идеалистические выводы коренятся якобы в физической сущности теории Эйнштейна. Следует заметить, что недооценка теории относительности и некоторых других достижений естествознания XX в. свойственна была и некоторым деборинцам. Однако в советской философской литературе 20-х годов прокладывала дорогу и другая тенденция — стремление выделить ценное содержание современных научных концепций, отсекая идеалистические выводы из них. Выразителями этой тенденции были С. Семковский («Теория относительности и материализм». Харьков, 1924; «Диалектический материализм и принцип относительности». М.; Л., 1926), В. Быстрянский («Ленин как материалист-диалектик». Л., 1925), Б. Гессен («Основные идеи теории относительности». М., 1928), О. Ю. Шмидт («Задачи марксистов в области естествознания».— В кн.: Труды 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений. М., 1929, вып. 1) и другие ученые.

[48] См.: Диалектика в природе. Вологда, 1927, вып. 1, с. 265—266.

[49] В качестве синонима диалектики как науки «механисты» пользовались понятием «система», употребляя его в одиозном, осудительном смысле. Так, С. Перов говорил во время философской дискуссии 20 апреля 1926 г.: «„Механисты“ отрицают философию как систему, но для естественников необходима философия как метод в естествознании, механика помогает нам объяснить явления» (Архив АН СССР, ф. 355, оп. 1, ед. хр. 29, л. 30).

дует не столько разрабатывать теоретически как особую науку, марксистскую логику, сколько эмпирически извлекать в каждом конкретном случае из фактов и снова применять к ним в качестве определенного эталона. Речь шла, таким образом, не столько о диалектике как общем руководящем, методологически-гносеологическом принципе, особой (собственно философской) теории, сколько о некоей «рабочей» схеме, сумме стереотипных правил или приемов.

В обстановке острой классовой борьбы философский нигилизм представлял значительную опасность, поскольку независимо от побудительных мотивов он вел к идейному разоружению рабочего класса. Немалый ущерб мог причинить и механицизм, примыкающий так или иначе к этой ликвидаторской линии. Партия считала необходимым дать решительный отпор позитивистским настроениям, в каких бы формах они ни проявлялись.

Еще в 1919 г. видный большевик, участник гражданской войны С. И. Гусев писал: «Нет, философия вовсе не так далека от жизни, от классовой борьбы пролетариата, как это может показаться. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что пролетарская философия — диалектический материализм — совершенно неприемлема для буржуазии, так как в основе этой философии лежит закон изменения, развития, движения вперед». Гусев подчеркивал, что «вопросы философии очень важны и интересны для борющегося пролетариата»[50]. В подтверждение этих выводов он ссылается на В. И. Ленина. В 1922 г. твердо ставил вопрос о марксистском методе М. В. Фрунзе, видя в нем надежное противоядие против всякого рутинерства, шаблонности мышления[51].

Вслед за В. И. Лениным, особо подчеркнувшим в 1922 г. значение диалектического материализма (что сыграло большую роль в борьбе с нигилистически-позитивистскими нападками на философию), в защиту марксистской философии активно выступала партийная пресса в центре и на местах. Так, в органе Киевского губкома партии указывалось, что «в наших Комвузах, высших партшколах и марксистских кружках надо обращать сугубое внимание на ознакомление партийного молодняка с основами марксистской философии»[52]. В партийной печати осуждалось упрощенчество С. Минина, отмечалась близость некоторых его высказываний идеям родоначальника позитивизма О. Конта[53]. В 1923 г. журналы «Спутник коммуниста», «Молодая гвардия» и другие решительно выступили против претенциозно-примитивных «откровений» Енчмена, а в 1924 г. в Москве вышел направленный против

[50] *Гусев* [*С. И.*] Теория пролетариата: (Научный социализм). Пг., 1919, с. 15, 16—17.

[51] См.: *Фрунзе М. В.* Собр. соч. М.; Л., 1929, т. 1, с. 403, 411—412.

[52] Коммунар, 1924, № 16, с. 79.

[53] См.: *Канатчиков С.* Мысли о партийно-воспитательной работе.— Правда, 1922, 18 авг.; *Равич Н.* Нужна ли пролетариату философия.— Партспутник Царицынского губернского комитета РКП, 1922—1923, № 7/8.

него сборник «Очередное извращение марксизма». Обобщая и направляя всю эту критическую работу, партия решительно подчеркивала в решениях XIII съезда, что «необходима борьба с упрощенством и походом на теорию»[54].

Борясь с философским нигилизмом, советские марксисты указывали на неправомерность однозначного решения вопроса о судьбах философии, решения, игнорирующего различие между догматически-умозрительными системами, выступавшими в роли верховного арбитра, науки наук, способной якобы раз и навсегда раскрыть все тайны бытия (такие системы себя действительно изжили), и философией нового типа — диалектическим материализмом, чуждым подобным претензиям и признающим, что объект познания неисчерпаем. Учитывая это, А. Троицкий писал, что у философии снята не голова (как утверждали ее ниспровергатели), а лишь корона бывшей царицы наук. «Только спятивший с ума,— писал он,— может рекомендовать партии забросить философскую работу... Она не может согласиться на это, не рискуя своим собственным теоретическим перерождением, разрывом со своим прошлым, подпадением под чуждое влияние в области теории. Она, партия, не может этого сделать, если хочет оставаться кормчим революции»[55].

В 20-х годах общетеоретические основы марксизма в советских учебных заведениях и литературе были зачастую представлены историческим материализмом. Крен в сторону социологической проблематики частично объясняется тем, что сама жизнь, условия переходного периода ставили прежде всего вопросы общественного бытия и сознания. Известную роль играли и соображения методического порядка: естественным было стремление так строить изложение марксистской теории, чтобы постепенно переходить от более близких и доступных вопросов к более отвлеченным и сложным. Но наряду с этими объективными причинами были и субъективные мотивы, в силу которых понятие «исторический материализм» нередко вытесняло понятие «диалектический материализм». Одна из таких «негативных» причин состояла в том, что часть авторов и преподавателей того времени (среди них были выходцы из мелкобуржуазных партий) испытали влияние литературы эпохи II Ин-

[54] КПСС в резолюциях и решениях... 8-е изд., т. 3, с. 120.

[55] *Троицкий А.* Зазорно ли большевику заниматься философией?— Большевик, 1925, № 17/18, с. 18, 25. Критика философского ликвидаторства дана во многих работах того времени: *Румий В.* Философию за борт?..— Под знаменем марксизма, 1922, № 5/6; *Он же.* Аз — Буки — Веди.— Под знаменем марксизма, 1922, № 11/12; *Невский В.* Современное естествознание и материализм Маркса и Энгельса.— Под знаменем марксизма, 1922, № 2/3; *Вайнштейн И. Я.* Теория новой биологии Енчмена.— Печать и революция, 1923; № 6; *Карев Н.* Марксистская критика и критика марксизма.— Большевик, 1924, № 10; *Гоникман С.* Против философского ликвидаторства.— Правда, 1924, 10 янв.; *Быстрянский В.* Ленин как материалист-диалектик. М., 1925; *Самойлов А.* Детская болезнь «левизны» в материализме. Л., 1926; *Быховский Б.* Марксизм и философия.— Полымя, Минск, 1926, № 5. На белорус. яз.; и др.

тернационала, недооценивающей значение философии марксизма. Большую отрицательную роль играло давление механистической методологии. В ряде работ по историческому материализму вообще отсутствовало изложение вопросов философского материализма и диалектики. В некоторых учебных пособиях общефилософские вопросы выступали как соподчиненные социологическим, в качестве простого введения к ним. В других книгах социологическая проблематика предшествовала общефилософской.

Известным отступлением от принятой в первое время схемы построения курса философии явилась вышедшая в 1922 г. в Минске книга *С. Я. Вольфсона* «Диалектический материализм». Выдержав семь изданий, она использовалась в качестве пособия в ряде учебных заведений. Отметив, что в учебных планах курс марксистской философии значится под названием «Исторический материализм», Вольфсон писал, что он предпочитает наименование «Диалектический материализм», как более точное. Понятие «диалектический материализм» шире, чем понятие «исторический материализм»[56]. После историко-философского введения в этой книге рассматриваются некоторые особенности познавательного процесса, диалектики, а затем положения материалистического понимания истории. Дело было, конечно, не в названии, а в попытке уяснения существа марксистской философии, ее предмета и структуры. Это существо, как считали многие советские ученые (А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол, А. К. Столяров, А. Я. Троицкий, Г. С. Тымянский и др.), резюмируется в диалектическом методе, являющемся высшим способом мышления, орудием отыскания новых результатов. Отображая развитие объективной действительности, этот метод перерастает в ходе исследования в теорию диалектики и, как наука о всеобщих законах и формах развития, выступает в качестве общей методологии.

Поскольку данные опыта обобщаются в логических понятиях, диалектика является учением о мышлении, логикой; последняя представляет собой итог исторического развития познания. Разработка диалектической логики рассматривалась как одна из важнейших задач, стоящих перед философами-марксистами. Логика характеризовалась как основная философская дисциплина[57].

В понимании соотношения диалектической и формальной логики как у «механистов», так и у деборинцев не было достаточной ясности и внутреннего единства. Первые утверждали, что диалектика есть «метод двух логик, увязанных в один узел»[58], либо выражали

[56] См.: *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм. Минск, 1923, с. 1.

[57] См.: *Спокойный Л. Ф.* Диалектический и исторический материализм. Л., 1930, с. 10. Диалектика, писал Горин (Галкин), «есть просто наука логики, диалектическая логика». И далее: «Диалектика есть самостоятельная наука вопреки Бухарину и ни в коем случае не растворяется в какой-нибудь частной науке, в том числе в механике» (ЦПА ИМЛ, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 23, л. 119, 121).

[58] *Сарабьянов В.* Беседы о марксизме. М., 1925, с. 28.

желание «слить в единство» их положительные стороны[59]. Отталкиваясь от верного тезиса о связи диалектической и формальной логики, но не признавая их своеобразия как двух различных, хотя и взаимодополняющих наук, некоторые «механисты» толковали эту связь упрощенно, по существу подменяя единство абстрактным тождеством. Деборин же, правильно отвергая абсолютизацию законов формальной логики, не сумел выделить ее рациональное содержание и думал, что она составляет одно целое с метафизикой. Это привело к огульному отрицанию формальной логики, которая якобы «забавляется» чисто отвлеченными категориями, к требованию «замены» формальной логики диалектической[60]. Луппол, признававший формальную логику частью научного познания, считал тем не менее, что она «в лучшем случае скользит по поверхности вещей»[61]. Другие участники тогдашних философских споров включали формальную логику в диалектику как ее частный случай[62].

Некоторые советские философы 20-х годов считали формальную логику подготовительным этапом к диалектике[63].

Активно участвуя в защите самостоятельности философии, в обосновании ее предмета, деборинцы во многом следовали за Г. В. Плехановым. Вместе с тем они уделяли значительно больше внимания, чем он, диалектике мышления, диалектической логике. Это было связано с интересом, проявлявшимся ими к гегелевской «Науке логики», а также с благотворным воздействием ленинских трудов.

В подходе А. Деборина и его учеников к предмету философии были свои, и немалые, недостатки. Вначале деборинцы негативно относились ко всякой гносеологии, полагая, что последняя отжила свой век вместе с кантовским критицизмом. Г. К. Баммель писал в связи с этим о «пресловутой гносеологии»[64]. Не уяснив коренного качественного своеобразия марксистской теории познания, возрастания ее роли в современную эпоху (на что обращал особое внимание В. И. Ленин), Деборин противопоставлял в своей статье 1923 г. «Маркс и Гегель» диалектическую методологию теории по-

[59] См.: *Варьяш А.* Логика и диалектика. 1928, с. 16; см. также: *Аксельрод Л.* [*Орто докс*]. Маркс как философ. Харьков, 1924, с. 16.

[60] См.: *Деборин А.* Диалектика и естествознание. 3-е изд. М.; Л., 1929, с. 49, 116; *Он же.* Философия и марксизм. М.; Л., 1930, с. 269.

[61] *Луппол И.* Ленин и философия. М.; Л., 1930, с. 269.

[62] См.: *Агол И.* Диалектический метод и эволюционная теория. М.; Л., 1927, с. 11; *Гессен Б. М.* Основные идеи теории относительности. М., 1928, с. 174; *Столяров А.* Диалектический материализм и механисты. Л., 1930, с. 146.

[63] См.: *Адоратский В. В.* Избр. произведения. М., 1961, с. 44, 49; *Быстрянский В.* Ленин как материалист-диалектик. М., 1925, с. 46.

[64] См.: *Баммель Г. К.* Форлендер. Общедоступная история философии.— Под знаменем марксизма, 1922, № 11/12, с. 246. Этот негативистский подход к гносеологии отражал, по-видимому, до известной степени влияние Г. В. Плеханова. В. А. Базаров вспоминает, что «самое слово „гносеология" приводило его (Плеханова.— *Ред.*) в насмешливое настроение, и в интимных беседах он нередко называл эту почтенную дисциплину „гнусеологией"» (ЦПА ИМЛ, ф. 259, оп. 1, ед. хр. 6, л. 17).

знания[65]. Н. А. Карев настаивал на том, что «марксизм не строит своей особой теории познания», но признавал вместе с тем гносеологию «моментом» общей методологии. Позже, по мере ознакомления с «Философскими тетрадями» В. И. Ленина, деборинцы пытались внести в свое понимание этой проблемы ряд коррективов. В статье «Ленин и теория диалектики (О XI Ленинском сборнике)» Карев отмечал вслед за В. И. Лениным, что диалектика и есть теория познания Гегеля и марксизма[66]. В другой работе («О XII Ленинском сборнике») Карев указывал, что диалектика и теория познания «непосредственно соединяются» между собой в марксизме. «Если мы отвлечемся в определении диалектики,— писал он,— от того, каким образом диалектические законы отражаются в нашем мышлении, и от того, как обусловливаются эти диалектические законы практикой общественно-исторического развития людей, человеческого общества, то мы несомненно отвлечемся от одной из существенных сторон диалектики. Ведь то новое, что внес Ленин в теорию диалектики в противоположность, в частности, и Плеханову, заключалось, между прочим, в том, что теория познания, логика и диалектика для марксизма — это одно и то же»[67]. Но раскрыть глубочайшее существо ленинских идей о единстве, тождестве диалектики, логики и теории познания, сделать отсюда конкретные выводы деборинцы не смогли.

С одной стороны, отделение Деборина в системе диалектического материализма общей теории диалектики от диалектики природы, а с другой — растворение исторического материализма в методологии истории вели к абстрактному методологизму. Применительно к естественным наукам это иногда оборачивалось рецидивами натурфилософских настроений: требованием переработки науки на новой философско-методологической основе, призывом к тому, чтобы естествознание растворилось в философии диалектического материализма. Последний вывод Деборина противоречил ряду

[65] См.: Под знаменем марксизма, 1923, № 8/9, с. 5. Более четкое понимание этого вопроса содержится в книге В. Ф. Асмуса «Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина» (Киев, 1924). Возражая против попыток отрицания понятия «гносеология» и обнаруживая не часто встречавшееся в то время знакомство с идеями классиков марксизма о соотношении диалектики и теории познания, автор писал: «Материалистическая диалектика и есть теория познания». «Гносеология марксизма составляет одно целое с его теорией и методологией и может быть лишь в абстракции — в целях методических — выделена из них» (с. 7). В 1926 г. со статьей «Диалектика как теория познания» выступил В. А. Быстрянский, опиравшийся на частично опубликованные к тому времени материалы «Философских тетрадей» В. И. Ленина. См.: Ком. университет на дому, 1926, № 11.

[66] См.: *Карев Н.* О действительном и недействительном изучении Гегеля.— Под знаменем марксизма, 1924, № 4/5, с. 243—244.

[67] Большевик, 1929, № 15, с. 94; см. также *Баммель Г.* Ленин и проблема логики в марксизме.— Под знаменем марксизма, 1929, № 4; *Подволоцкий И.* Ленинский конспект «Науки логики» и проблемы материалистической диалектики.— Вестн. Ком. акад., 1929, кн. 31, 32.

его высказываний, хотя и не был случаен. Признавая, что диалектико-материалистическая философия не должна подменять конкретные науки, Деборин все же склонен был ставить ее над другими науками. Эта тенденция, связанная с недостаточно глубоким уяснением революции в философии, произведенной Марксом и Энгельсом, коренного отличия диалектического материализма от всех предшествующих философских систем, сказалась, в частности, в следующем утверждении передовой статьи журнала «Под знаменем марксизма» (№ 5 за 1929 г.): «Марксистско-ленинской философии по праву принадлежит то место, которое занимала в системе наук философия классическая» (с. 8). Подобная тенденция не отвечала ленинским указаниям о связи диалектического материализма с конкретными науками, идее союза философов-марксистов с материалистически мыслящими естествоиспытателями. Понимание деборинцами предмета марксистской философии существенно ограничивалось тем, что у них оставался недоработанным вопрос о соотношении метода и мировоззрения.

Обратной стороной сведения диалектического материализма к «чистой» методологии было то, что, несмотря на все оговорки, в произведениях Деборина и его единомышленников не уделялось соответствующего внимания марксистскому философскому материализму, не раскрывалось должным образом органическое единство, взаимопроникновение диалектики и материализма в марксистской философии. Не были сделаны необходимые выводы из того, что марксизм-ленинизм представляет собой монолитное целое. За пределами интересов деборинской группы оставался в основном исторический материализм[68]. Все это вело к отрыву методологической функции философии от ее мировоззренчески-идеологической функции, к забвению важнейшего марксистского принципа — партийности философии.

В некоторых выступлениях, касающихся философии, особо выделялась роль гипотез, «смело, но логически верно дополняющих уже открытое наукой», являющихся необходимым звеном мировоззрения[69], средством общенаучного прогнозирования. Не останавливаясь перед преувеличением, А. В. Луначарский даже называл философию совокупностью гипотез[70]. В лекции «Материализм и идеализм», прочитанной в Политехническом музее 10 января 1929 г., Луначарский усматривал специфику философии в решении вопросов о том, что такое познание, каков его аппарат, что собой представляет его объект, каково место человека в мире. В высказыва-

[68] На I Всесоюзном совещании Обществ воинствующих материалистов-диалектиков отмечалось, в частности, что в течение трех лет на философском отделении Института красной профессуры не было ни одного семинара по историческому материализму. См.: Под знаменем марксизма, 1929, № 5, с. 135.

[69] См.: *Луначарский А. В.* Беседы по марксистскому мировоззрению. Л., 1924, с. 12.

[70] См.: Там же. О роли гипотез в познании см.: *Топорков А. К.* Элементы диалектической логики. М., 1927.

ниях Луначарского прослеживается идея единства гносеологического и оценочного, аксиологического моментов. Он особо выделял значение философии как общенаучной методологии[71]. Советскими учеными 20-х годов учитывались в известной мере также эвристические функции диалектического материализма.

Критика советскими учеными 20-х годов упразднителей философии не решила и не могла еще решить многие сложные теоретические проблемы. Но она помогла отстоять право философии на существование и дала толчок дальнейшим размышлениям.

3
Трактовка в философской литературе 20-х годов основных законов диалектики

Необходимость изучать жизнь во всей ее полноте и конкретности, «помня о всеобщей связи», не выхватывая объект исследования «из комплекса окружающих явлений», подчеркивалась уже в первых советских пособиях по философии[72]. Позднее некоторые авторы пытались распространить этот принцип на структуру диалектического материализма. А. Варьяш, Н. Карев, И. Подволоцкий считали, что законы диалектики не разобщены, находятся в тесной зависимости друг от друга, выражают различные стороны целостного мирового процесса[73].

Делая такой вывод, советские ученые не смогли, однако, в то время последовательно реализовать его в своих работах. Во многом это объясняется тем, что положение В. И. Ленина о «ядре диалектики» было еще недостаточно понято. В ходе философской дискуссии 20-х годов наибольшее внимание сосредоточивалось не на законе единства и борьбы противоположностей, а на категориях количества и качества.

«Механисты» не отрицали перехода количества в качество. Л. Аксельрод даже называла его главным принципом диалектики, выражающим сущность развития. Но вместе с тем она вслед за Богдановым (отвергавшим категорию качества как якобы обывательский термин, лишенный научного содержания) видела в понятии качества нечто неопределенное, неясное — «таинственное слово». В некоторых высказываниях И. Скворцова-Степанова проявлялась тенденция к абсолютизированию непрерывности в развитии и противопоставлению ее прерывности, к сведéнию в конечном счете качества к количеству. В понимании качества В. Сарабьяновым

[71] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 425, л. 5, 8.

[72] См.: *Адоратский В. В.* Научный коммунизм Карла Маркса.— Избр. произведения, с. 61; *Горев Б. И.* Очерки исторического материализма. М., 1925, с. 81.

[73] См.: *Варьяш А.* Диалектика у Ленина. М., 1928; *Аксельрод Л.* В защиту диалектического материализма. Против схоластики. М.; Л., 1928; *Подволоцкий И.* Ленинский конспект «Науки логики» и проблема диалектики.— Вестн. Ком. акад., 1929, кн. 31/1; *Карев Н.* О XII Ленинском сборнике.— Под знаменем марксизма, 1930, № 6.

выделяется несколько моментов. В онтологическом плане он толковал качество как отношение совокупности свойств одной вещи или явления к совокупности свойств других вещей и явлений. Появление или исчезновение какого-либо свойства меняет, по его мнению, качество данного процесса. В логическом плане качество понималось Сарабьяновым как оценочная категория, связанная с состоянием покоя, в противоположность изменяющемуся динамическому количеству. В гносеологическом аспекте такие явления, как цвет, звук, теплота и т. п., характеризовались Сарабьяновым как наши ощущения или субъективное бытие (бытие для меня). В целом же качество определялось им как субъективно-объективная категория[74].

Качественное многообразие, полагали другие советские философы, объективно присуще материальной действительности в силу ее развития. Тот, кто не признает объективности качества, исключает тем самым и переход количества в качество. Нет ни изолированного отвлеченного качества, ни изолированного отвлеченного количества, а есть конкретные вещи, обладающие качественной и количественной определенностью. Всякое количество является количеством какого-либо качества. Развитие есть количественно-качественный процесс. Качество и количество — моменты движения. Их единство связано с единством прерывности и непрерывности. Непрерывные изменения не выводят сами по себе за рамки данного, уже существующего качества. Возникновение нового осуществляется через перерыв непрерывности, скачок. В основе качественных различий лежат формы движения материи, каждая из которых представляет собой ступень конкретного целого (действительности), новый синтез, новый узел. Категория качества служит для выявления этого нового, составляет принцип различия и связи вещей. Качество выражает специфику, определенность формы и содержания предметов и процессов, их относительную устойчивость и самостоятельность, конечность и изменчивость, их структуру[75]. Использование этой категории — необходимое условие понимания конкретности явлений. «И только тогда, когда мы подходим к охвату нашим сознанием качественно-конкретного содержания всей действительности, возникают проблемы диалектической логики»[76].

[74] См.: *Сарабьянов В.* Беседы о марксизме. М., 1925; *Он же.* О некоторых спорных проблемах диалектики.— Под знаменем марксизма, 1925, № 12; *Он же.* Введение в диалектический материализм. М., 1925; *Он же.* Как иные товарищи творят ревизионизм: (Вынужденный ответ тов. Столярову).— Под знаменем марксизма, 1926, № 6; *Он же.* В защиту философии марксизма. М.; Л., 1929.

[75] См.: *Деборин А.* Диалектика и естествознание. 3-е изд.; *Он же.* Философия и марксизм; *Он же.* Философия и политика. М., 1961; Современные проблемы философии марксизма.— В кн.: Труды 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений. М., 1930, вып. 1; *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма. М.; Л., 1930; *Столяров А.* Диалектический материализм и механисты. Наши философские разногласия. Л., 1930; *Тымянский Г. С.* Введение в изучение теории диалектического материализма. 2-е изд. М.; Л., 1931.

[76] *Стэн Я.* О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса.— Большевик, 1924, № 15/16, с. 88.

Разногласия, связанные с законом перехода количественных изменений в качественные, наиболее остро проявились при обсуждении проблемы «сводимости». Исходя из правильного положения об отсутствии в природе абсолютных граней, но утрируя и упрощая его, противопоставляя прерывности непрерывность, «механисты» ратовали за сведéние высших форм к низшим, сложного к простому, видя в этом единственный путь к нахождению общего, универсальную схему познания [77].

Настаивая на необходимости применения химических и физических методов в исследовании живых организмов, И. Скворцов-Степанов, А. Тимирязев и их единомышленники были совершенно правы. Этот вывод, суливший огромные успехи на стыке естественных наук, исходил из признания материального единства мира и генетической преемственности форм, отсутствия непреодолимых барьеров между физикой, химией и биологией. Но «механисты» впадали в ошибку, склоняясь к трактовке сложного как количественной модификации более простого и полагая, что возможно лишь альтернативное объяснение явлений жизни: либо механистическое, либо виталистическое. С их точки зрения, только первое способно выявить подлинное единство мира, обосновать принцип материалистического монизма. Тем самым редукция как правомерный и при определенных обстоятельствах необходимый, плодотворный прием исследования гипертрофировалась и превращалась в механический редукционизм, всеобщую методологическую панацею.

Монизм, к которому ведет такое «сведéние», возражали противники «механистов»,— мертвый, метафизический, постулирующий абстрактное тождество всего сущего. Отвечая «механистам», видевшим главную задачу науки в «развязывании» качественных узлов, Деборин говорил, что это рассуждение не может устранить того факта, что «узел, который носит название, скажем, органической материи, в природе действительно существует и что процесс „развязывания“ для нас важен лишь постольку, поскольку он в состоянии объяснить процесс „завязывания“, т. е. создания, возникновения соответствующего узла со всеми его специфическими особенностями» [78]. Проблема состоит не в том, возможно ли и нужно ли «сведение» одних форм движения к другим вообще, а в конкретном определении меры этого «сведения», его пределов, условий его научной правомерности [79].

[77] См.: Механистическое естествознание и диалектический материализм, с. 18, 24; см. также: *Степанов И.* Диалектический материализм и деборинская школа. М.; Л., 1929.

[78] *Деборин А.* Диалектика и естествознание. 3-е изд., с. 144, 37, 68; *Он же.* Наши разногласия.— Летописи марксизма, 1926, № 11.

[79] См.: *Вишневский А.* В защиту материалистической диалектики: (Ответ тов. Степанову).— Под знаменем марксизма, 1925, № 8/9, с. 261, 263; *Семковский С. Ю.* Диалектический материализм и принцип относительности. М.; Л., 1926, с. 208; *Луппол И.* Ленин и философия, с. 118.

Пристальное внимание деборинцев к категории качества было плодотворным, поскольку содействовало преодолению упрощенной вульгарно-схематической модели бытия, уяснению конкретного многообразия диалектической картины мира. Но отрицание «сводимости» далеко не всегда сопровождалось выявлением структурно-генетических связей высшего с низшим. Однобокому выпячиванию момента непрерывности противопоставлялось нередко одностороннее преувеличение прерывности; полемическое «заострение» качественной специфики как таковой вело к ее абсолютизации и придавало ей порой вопреки намерению авторов оттенок некоего метафизически-субстанционального натурфилософского «начала». Сказывалась и недооценка деборинцами всевозрастающей роли количественных методов исследования. Как мы видим, и у той и у другой спорящей стороны наряду с правильными положениями были определенные потери, отклонения от истины. Так было и в других вопросах.

В отличие от «механистов», искавших импульс движения вовне, в столкновении противоположно направленных сил, многие советские философы 20-х годов сосредоточивали свое внимание на процессе самодвижения, источником которого являются внутренние противоречия, присущие данному процессу. «Движущей силой развития,— писал С. Семковский,— является имманентное, внутреннее противоречие, присущее каждой ступени и толкающее ее к переходу раньше или позже на другую высшую ступень»[80]. Действительность, отмечал А. Деборин, соткана из противоречивой ткани. Нет бытия без становления, единства без многообразия, рассеяния энергии без ее концентрации, частицы без волны и т. д. Раскрывая противоречие, мы проникаем во внутреннюю структуру вещи, ее сущность. Н. Карев характеризовал закон единства противоположностей как основную форму связи, ключ к пониманию взаимоотношения всех диалектических категорий. А. Столяров называл этот закон принципом построения диалектической логики. Диалектика рассматривалась ими как логика противоречий.

В литературе 20-х годов отсутствовал, как правило, дифференцированный подход к противоречиям. Если «механисты» отождествляли всякое противоречие с антагонизмом, то деборинцы сосредоточивали свое внимание почти исключительно на неантагонистических противоречиях. У тех и других не было ясного понимания различий между этими видами противоречий.

Момент относительного единства противоположных сторон выдвигался школой А. М. Деборина на первый план, оставляя до некоторой степени в тени борьбу между ними. С этим связано и то, что разрешение противоречий понималось обычно не столько как их преодоление в ходе борьбы противоположностей, сколько

[80] *Семковский С. Ю.* Конспект лекций по историческому материализму. Харьков, 1925, с. 25.

как переход этих противоположностей друг в друга, через промежуточные звенья, их взаимное «снятие», синтезирование, слияние, примирение в высшем единстве.

Известное место в работах советских философов отводилось закону отрицания отрицания. Иногда он отождествлялся с триадой — последовательной сменой трех положений: тезиса, антитезиса и синтеза[81]. В механистической интерпретации этим ступеням соответствовал переход от равновесия через его нарушение к новому равновесию. Имея в виду триадическое толкование данного закона (и не представляя, по-видимому, возможности иного), Б. И. Горев отказывался признать отрицание отрицания законом диалектики. У Гегеля, полагал он, триада была своеобразной мистикой чисел. Оперирование подобной схемой в современных условиях является рецидивом гегелевского идеализма. Триада, по Гореву,— архитектурное украшение в философском рассуждении или иллюстрация, но отнюдь не закон диалектики[82]. С. Я. Вольфсон считал такой подход отступлением от марксизма. Диалектическое отрицание рассматривалось им как существенный и необходимый элемент революционной диалектики, один из ее важнейших законов[83]. Точка зрения Б. И. Горева оспаривалась и Н. А. Каревым, возражавшим против сведения этого закона к триаде и подчеркивавшим, что диалектическое отрицание представляет момент реального движения предмета[84]. В ряде выступлений советских ученых отмечалось, что трехчленная схема не передает всего богатства развития. Отрицание, играющее в нем большую роль, не носит шаблонного характера, осуществляется по-разному. «Будучи весьма общим законом развития,— писал В. Ф. Асмус,— отрицание в каждом отдельном случае проявляется сообразно с индивидуальными особенностями данного явления. Поэтому в каждом случае развития исследователь должен проследить и установить те особые пути, по каким явление, развиваясь, отрицает самое себя, а затем переходит в отрицание отрицания»[85]. Против формального понимания этого закона диалектики, использования триады в качестве прокрустова ложа для всякого развития выступал Б. Э. Быховский, указывавший на многоступенчатость диалектического процесса[86]. В противоположность «механистам», считавшим повторяемость как таковую главным в законе отрицания отрицания, другие советские философы подчеркивали относительный характер этой повторяемости, представляющей собой не конечный итог, а лишь момент спирального

[81] См.: *Сарабьянов В.* Основное в едином научном мировоззрении — методе. Харьков, 1925; *Семковский С. Ю.* Конспект лекций по историческому материализму; *Цейтлин З. А.* Наука и гипотеза. М.; Л., 1926.

[82] См.: *Горев Б. И.* Очерки исторического материализма, с. 25.

[83] См.: *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм. 3-е изд. Минск, 1923, с. IV, 118.

[84] См.: Под знаменем марксизма, 1925, № 1/2, с. 251; Большевик, 1930, № 1, с. 37.

[85] *Асмус В. Ф.* Диалектический материализм и логика, с. 208.

[86] См.: *Быховский Б. Э.* Очерк философии диалектического материализма, с. 209.

движения [87]. Признавая диалектическое отрицание имманентным действительности, они стремились уяснить его зависимость от развертывания внутренних противоречий. В. Адоратский связывал смену фазисов развития с борьбой противоположностей [88].

4
Проблема категорий. Подход в 20-х годах к вопросу об их системе в диалектическом материализме

Не ограничиваясь рассмотрением основных законов диалектики, советские философы проявили живой интерес ко многим ее категориям (материя и движение, время и пространство, целое и часть, необходимость и случайность и т. п.), видя в них ступеньки в истории познания, коренные, наиболее общие понятия, выражающие объективную взаимосвязь явлений, и как орудие познания действительности, категории диалектики служат вместе с тем показателем глубины нашего проникновения в нее, являются идеальным (идеализированным возведением в обобщающие понятия-абстракции) выражением реальных отношений [89].

Заслуживают внимания соображения, высказывавшиеся в философской литературе 20-х годов по вопросу о взаимном согласовании категорий диалектики, их развертывании в систему.

Общую постановку вопроса о необходимости разработки теории диалектики как открытой системы категории высказал А. М. Деборин. Категории материалистической диалектики следует, с его точки зрения, свести в единое систематическое целое. Их логическая последовательность должна соответствовать объективному соотношению форм движения материи и ходу протекания познавательного процесса. Отсюда следует, что категории необходимо располагаются в порядке возрастающей конкретизации — от более простых и абстрактных к более сложным и конкретным. В основу диалектической логики берется, по Деборину, реальное бытие (природа), причем вначале, как исходный пункт, она фигурирует в качестве неопределенного субстрата, а затем, по мере движения вперед, все больше конкретизируется и выступает в конечном счете как определенная материальная субстанция, конкретная целостность [90]. Деборин настаивал на введении в диалектическую логику категорий времени и пространства. Система этой логики не может иметь замкнутого, абсолютно законченного характера. «Всякая та-

[87] См.: Там же, с. 210.

[88] См.: *Адоратский В. В.* Избр. произведения, с. 66—67.

[89] См.: *Деборин А.* Философия и марксизм, с. 104.

[90] См.: *Деборин А.* Диалектика и естествознание. 3-е изд., с. 32; *Он же.* Философия и марксизм, с. 112, 303, 315—316; Труды Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Современные проблемы философии марксизма. М., 1929, вып. I, с. 38—39.

кая система ограничена временем и данным уровнем развития науки. Но для данного времени она, конечно, должна быть, по возможности, полной, т. е. отражающей всесторонне и исчерпывающе состояние нашего знания о мире»[91].

О необходимости построения системы диалектической логики писал Н. Карев. В диалектическом материализме, подчеркивал он, нет места для законченной системы категорий. «Но это не значит, что не может быть системы категорий вообще. Наоборот, с точки зрения диалектической логики ее категории имеют значение не в их изолированности, а именно как моменты такой системы развивающегося целого»[92]. Следует выявить внутренне необходимую связь между категориями, их взаимоотношения и взаимопереходы, отражающие развитие объективного мира. Исходное понятие диалектической логики должно быть наиболее широким по объему, выражать универсальную связь явлений и содержать в себе единство противоположностей, как наиболее существенную форму этой связи. Таковым является понятие движения материи, взятое в его общем виде, как изменение вообще. Все другие категории логически опираются на это понятие, все они являются категориями движения, становления, орудиями познания различных его форм. Развитие категорий логики указывает путь познания. С одной стороны, оно призвано отражать процесс воспроизведения внутренних связей действительности в нашем мышлении на основе современного уровня развития науки; с другой стороны, оно должно отобразить исторический ход развития познания, предшествующий данной ступени[93].

Самодвижение материи трактовалось в качестве отправного пункта диалектической логики и Г. С. Тымянским. Источником и основным законом самодвижения является закон единства и борьбы противоположностей. В более или менее развернутом виде проблема системы диалектико-материалистической логики была поставлена на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений, подведшей итоги философской дискуссии 1924—1929 гг. «Нам нужно начать работу над системой логики диалектического материализма,— говорил Тымянский.— Сейчас наша работа заключается в следующем. Мы берем малую логику Гегеля и превращаем ее в учебник диалектики, но это опасная вещь. Правда, мы контролируем, мы говорим, что Гегель не Маркс, мы переделываем Гегеля. Мы даем критику, и довольно основательную критику, Гегеля и пытаемся строить марксистскую методологию. Но нельзя быть гарантированным, что научный работник, за-

[91] *Деборин А.* Философия и марксизм, с. 309.

[92] *Карев Н.* Ленин и теория диалектики: (О IX Ленинском сборнике).— Большевик, 1929, № 5, с. 92—95.

[93] См.: Там же, с. 97; *Он же.* О XII Ленинском сборнике.— Под знаменем марксизма, 1930, № 6, с. 54—55.

нимаясь логикой Гегеля, не воспринимает его идеалистические тенденции.

Я думаю поэтому, что работа над логикой диалектического материализма является необходимейшей сейчас задачей и ее нужно сделать во что бы то ни стало.

Итак, первая задача, которая перед нами стоит, это — создание логики диалектического материализма. Если эта задача трудна и быстро сделать ее невозможно, то нужно сделать, по крайней мере, некоторые шаги в этом направлении»[94].

Г. К. Баммель, касаясь вопроса о путях материалистической переработки философского наследия Гегеля, отмечал, что недостаточно отбросить его идеалистическую систему, чтобы получить диалектику, готовую для использования в современных условиях, материалистическую диалектику. Все дело в том, что, хотя между методом и системой Гегеля существует противоречие, они в то же время неразрывно связаны. Отсюда сложность марксистской переработки диалектики Гегеля и соответственно трудность построения общей теории материалистической диалектики. Переходя к вопросу о единстве категорий, системе диалектико-материалистической логики, автор писал: «Вопрос о последовательности и связи категорий в логике для нас не безразличен. Отсюда возникает целый ряд проблем: во-первых, проблема непосредственного — как исходной категории или «начала»; во-вторых, проблема исторического и логического, т. е. понимание соотношения этих двух моментов в последовательности категорий; в-третьих, проблема понимания качества и количества и их единства в мире как категорий, отображающих непосредственное отношение к миру и потому являющихся наиболее абстрактными и, стало быть, также одними из первых в логике. Все эти проблемы теснейшим образом связаны»[95]. Недостаточность ограничения теми категориями, которые представлены в гегелевской логике, отмечалась на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений В. Юринцом. «В этом отношении,— говорил он,— мы должны пойти дальше, и работа наша над Гегелем должна заключаться не только в материализации Гегеля, но в расширении круга, так сказать, категорий»[96]. Попытки подобной коррекции, хотя и свидетельствовали о признаках частичного осознания опасности гегельянизирования диалектики, были все же недостаточны, малоэффективны, имели паллиативный характер. В целом деборинское направление придерживалось того взгляда, что гегелевская логика не требует глубокой переработки и можно ограничиться поэтому лишь некоторой перегруппировкой и материалистической конкретизацией ее кате-

[94] Труды Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Задача марксистов в области естествознания. М., 1929, вып. II, с. III.

[95] *Баммель Г.* На философском фронте после Октября. М.; Л., 1929, с. 190.

[96] Труды Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений, вып. II, с. 91.

горий, отдельными дополнениями к ней. Это вело к формалистическому выводу, что главным в построении марксистской материалистической логики является не раскрытие новаторского существа, характера ее категорий (содержание которых принципиально отличается от интерпретации их Гегелем), а порядок их расположения.

Однако сама постановка вопроса о системе диалектических категорий, подход к этой сложной задаче представляют значительный интерес в истории марксистской философской мысли в СССР 20-х годов. Важнейший творческий импульс к поискам в этом направлении был, несомненно, дан в «Философских тетрадях» и других произведениях В. И. Ленина.

Материя и движение. Справедливо настаивая на естественнонаучном выявлении структуры и свойств материи, «механисты» в ряде случаев допускали недооценку ее обобщающего философского понятия. Оно как бы заслонялось и отодвигалось для них исторически сменяющими друг друга конкретными представлениями о материи, вырабатываемыми физикой, химией и другими науками. При этом элементарные частицы понимались некоторыми «механистами» как простейшие первоэлементы, своего рода кирпичики мироздания.

Вместе с тем нужно отметить, что уже в первых работах советских философов начала складываться традиция защиты ленинского подхода к понятию материи как к гносеологической категории. В. Адоратский и С. Семковский видели в материи объективную реальность, не зависящую от сознания и отображаемую им [97]. Эту точку зрения разделял и С. Вольфсон, разъясняя, что имеется в виду не только актуальный процесс отображения, происходящий в данное время и в данном месте, но и все те потенциальные акты отражения, которые могут произойти, т. е. присущая материи «способность действовать на наши чувства и вызвать тем самым у нас те или иные ощущения». Это воздействие не обязательно носит прямой, непосредственный характер, и, стало быть, материя есть объективная реальность, «прямо или косвенно, так или иначе» являющаяся источником наших ощущений [98].

В 20-х годах вошла в употребление формула о двух понятиях материи. Возражая против подмены философского понимания материи описанием ее конкретных свойств, состояний и структуры, А. Деборин писал в 1925 г.: «Ленин очень тонко проводит в защиту материализма разграничение между философским и физическим понятиями материи, времени, пространства и т. д.» [99]. Неточность, допущенная здесь Дебориным, состоит в том, что В. И. Ленин говорил не об особом физическом понятии материи, существу-

[97] См.: *Адоратский В.* Программа по основным вопросам марксизма. М., 1922; *Семковский С.* Против эклектики.— Путь просвещения, Харьков, 1922, № 7/8.

[98] См.: *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм, с. 97.

[99] *Деборин А. М.* Философия и политика, с. 392.

ющем как бы на паритетных началах с ее философским определением, а о разного рода физических, химических и тому подобных положениях, характеризующих ее строение и свойства. Выработать общее научно-философское понятие о материи в целом с позиций физики или иной естественной науки, изучающей отдельные формы движения материи, невозможно. Предельно широкое понятие материи, гносеологическое по своему характеру и означающее признание первичности материи по отношению к сознанию, фиксирующее ее роль как источника всякого знания, создает философия, опирающаяся на всю совокупность научных сведений о мире и обобщающая их. Фактически Деборин и другие философы, упоминая о физическом понятии материи, имели в виду данные о ее структуре и состоянии. Они считали вслед за В. И. Лениным недопустимым смешивать эти данные с понятием материи как гносеологической категории, утверждали, что диалектический материализм не связывает себя с тем или иным определенным строением материи и что философский вопрос о материи совпадает по существу с основным вопросом философии — об отношении мышления к бытию. «С точки зрения диалектического материализма важно то,— писал А. К. Столяров,— что, на какой бы ступени развития ни стояла в данный момент физика, материя же во всех ее формах остается: 1) объективно существующей в пространстве и времени, 2) вечно движущейся, изменяющейся, 3) не только количественно, но и качественно определенной, разнообразной, исключающей возможность абсолютного тождества каких бы то ни было „мельчайших частиц", 4) неисчерпаемой, несовместимой с представлением о „последних инстанциях", о конечных элементах, об абсолютном начале или об абсолютном конце»[100]. Но Деборин не сумел уловить диалектическую тонкость ленинского разграничения философского и естественнонаучного подхода к материи, склоняясь к толкованию материи как некоего «абсолюта»[101]. Это вело к неверному, отдающему, по существу, дань натурфилософским представлениям выводу о независимости обобщающего философского понятия материи от прогресса науки. Такое направление мысли было обратной стороной характерного для деборинской школы субстанциального крена в подходе к материи. Деборин и его ученики отдавали подчас предпочтение созерцательно-онтологическому толкованию материи как особой вещественной субстанции, рассматриваемой безотносительно к основному вопросу философии[102]. Беда заключалась в данном случае, разумеется, не в акцентировании объективного существования материального бытия (его признание является азбукой марксизма), а в непонимании то-

[100] *Столяров А.* Диалектический материализм и механисты. Наши философские разногласия, с. 123—124.

[101] См.: *Деборин А. М.* Философия и политика, с. 393.

[102] См.: *Деборин А.* Введение в философию диалектического материализма. М., 1922, с. 224—225; *Он же.* Философия и марксизм, с. 291.

го, что диалектический материализм, снимая «чистый онтологизм» и «чистый гносеологизм», преодолевает их в марксистско-ленинском учении о единстве (тождестве) диалектики, логики и теории познания. Любопытно, что представление о материи как об абстрактно-субстанциальной первооснове или существенности вещей отстаивали и «механисты» и деборинцы; различие заключалось в том, что первые в ряде случаев считали ее гомогенной (однородной по своему составу), а вторые — гетерогенной (неоднородной, многокачественной) и единой.

Внутренняя неисчерпаемая активность материи, богатство ее проявлений подчеркивались А. В. Луначарским. Материальное бытие характеризуется им как постоянное взаимодействие противоположных сил, создающих в ходе борьбы все более сложные комбинации. «Природе самой не присуще то, что будто бы все можно строить из простых кирпичиков,— говорил Луначарский, полемизируя с «механистами»,— и все можно разложить на простые кирпичики. Природа не такова. Она сложнее, она есть процесс, в котором определенные противоречия развиваются»[103]. Внешний мир и человек не отделены китайской стеной, поскольку человек со своим сознанием находится не вне, а внутри природы и общества, является их частью. Для Маркса, отмечал Луначарский, характерно расширение понятия материи: это — все окружающее бытие в его единстве[104]. «Материя содержит в себе гигантские возможности... Она рождает из себя то, что называется жизнью, то, что называется мыслью, что не может быть сведено на простое движение материи,— то, что называется общественными явлениями, самыми высокими и сложными»[105]. Неорганическая материя, органическая материя, человеческое общество — таковы различные уровни развития и организации материального бытия. «Думать поэтому, что можно свести социологию к биологии, психологию к физиологии, физиологию к химии, физику и химию к простой механике и все будет объяснено, неверно», это «грубый метод»[106]. В этом высказывании, если считать его адресованным конкретным оппонентам, есть преувеличение: вряд ли так думал кто-нибудь из «механистов»; скорее всего, Луначарский имел здесь в виду намечавшуюся у них тенденцию, против которой он счел нужным предостеречь.

Советские философы понимали большей частью движение материи как ее самодвижение, взаимопревращение ее форм, в основе которого лежит переход противоположностей друг в друга. Движение рассматривалось как осуществленное противоречие, а всякое

[103] Стенограмма лекции А. В. Луначарского, прочитанной на собрании ячейки ВКП(б) Наркомпроса на тему «Диалектический материализм и механисты», 9 марта 1929 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 429, л. 39).

[104] См. стенограмму лекции А. В. Луначарского, прочитанной в Политехническом музее на тему «Идеализм и материализм» 10 января 1929 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 425, л. 51).

[105] Там же, ед. хр. 429, л. 26.

[106] Там же, л. 32.

бытие — как определенная форма и фаза движения, становления[107]. Вещь есть частный случай процесса, писал М. Гришин[108]. Луначарский, желая подчеркнуть важность момента становления в космическом масштабе, говорил, что «мир не готов»[109].

Самодвижение трактовалось и как момент единства мира, его конструирующая сила. Движение — не просто одна из форм существования. Это — само существование. Где нет движения, нет и существования, существовать — значит быть в движении[110].

Отметим также предпринимавшуюся в 20-х годах попытку различения понятий «движение» и «развитие». Всякое развитие есть движение, но не всякое движение — развитие. Движение — основа развития. Развитие предполагает определенную систему движения и изменения, характеризующуюся длительной закономерной направленностью. Оно ведет к возникновению нового. Понятие развития охватывает изменение структуры предмета, качественный переход в новую форму. Оно содержит в себе и синтезирует другие категории. В своей глубочайшей сущности развитие есть борьба противоположностей[111].

Целое и часть. Значительный интерес в связи с уяснением структуры бытия вызывала категория целостности. Характеризуя сущность метода диалектического материализма Маркса, В. Адоратский указывал, что ему присуще стремление охватить процесс во всем его объеме, ибо действительность, будучи бесконечно сложной, есть целостный, единый процесс. «Диалектическое мышление учит,— писал он в работе «Научный коммунизм Карла Маркса» (1923),— не примирять искусственно непримиримое, а, изучив подробнейшим образом весь процесс в целом, понять взаимную связь и необходимость всех противоречий во всей их полноте — объединить в познании всего процесса все явления в целом, ничего не выбрасывая и правильно оценивая каждую часть, стараясь строго приспособить свое суждение к познанию процесса в целом, исходя из мысли, что действительность есть единый, целостный, непрерывный процесс»[112]. Об этом же говорится и в статье Адоратского «О теории и практике революционного марксизма» (1924). Умение охватить процесс во всей его полноте и сложности, правильно понять связь явлений в целом и выдвинуть на первый

[107] См.: *Деборин А.* Ленин как мыслитель. М.; Л., 1925, с. 36; *Он же.* Философия и марксизм, с. 137, 188.

[108] См.: *Гришин М.* Основы философии марксизма. Оренбург, 1926, с. 23.

[109] *Луначарский А.* От Спинозы до Маркса. М., 1925, с. 117.

[110] См.: Под знаменем марксизма, 1930, № 6, с. 42; *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма.

[111] См.: *Агол И.* Диалектический метод и эволюционная теория, с. 9; *Вишневский А. Ф.* Исторический материализм. Ростов н/Д, 1927, с. 46, 51; *Карев Н.* Тектология или диалектика.— Под знаменем марксизма, 1926, № 3, с. 31; *Луппол И.* Ленин и философия, с. 155—156.

[112] *Адоратский В. И.* Избр. произведения, с. 54.

план самое важное было характерно для диалектического мышления К. Маркса и В. И. Ленина. Адоратский указывает на положение В. И. Ленина о том, что в каждый данный момент нужно ухватить наиболее важное, «основное звено», не упуская из виду всей обстановки в целом, прошлом и будущем [113].

Та же проблема рассматривалась А. Дебориным в плане соотношения отдельного и общего, конечного и бесконечного. В непосредственном опыте мы имеем дело с отдельными материальными объектами, а не с материей в целом. Эти отдельные предметы конечны и относительны, целое же бесконечно и абсолютно. Чем больше связей, в которых находится данный предмет, мы раскрываем, тем глубже его познаем. «Мы при изучении отдельных явлений должны держать курс, если позволено будет так выразиться, на абсолютное, на безусловное, т. е. на целое,— писал Деборин.— Но так как в опыте целое, т. е. природа или мир, как органическое единство не дано, то всякое знание относительно, несмотря на то что оно есть знание абсолютного, т. е. целого. Но мы тем самым получаем относительное знание целого, т. е. частичное знание бесконечного» [114].

Другая сторона вопроса — диалектика целого и части в пределах структуры данного предмета или явления. Всякий предмет образует некоторое целое, проявляющееся во взаимодействии его частей. Не только целое не может существовать без своих частей, но и части теряют свое качество и не могут быть поняты как таковые вне и помимо целого. Часть (частное) как бы вкоренена в целое (общее). Целое одновременно тождественно со своими частями и отлично от них. Оно составляет их деятельное единство, целокупный предмет [115]. В связи с диалектикой целого и части, единства и множества некоторыми авторами 20-х годов поднимался в самом общем виде вопрос о понятии «система». В работе М. Смит отмечалось, что организм (как природный, так и общественный) характеризуется наличием определенной системы связей между его органами. Эта система лежит в основе жизненных процессов, делая возможным их взаимное системное функционирование. «Система связей вводит нас в динамику организационного целого и дает руководящую нить к объяснению его трансформационных процессов» [116]. По вопросу о том, что чему предшествует — целое частям или наоборот, было две точки зрения. Одна из них призна-

[113] См.: Там же, с. 433.

[114] *Деборин А.* Очерки по истории диалектики. Очерк первый. Диалектика у Канта.— В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1924, кн. 1, с. 61.

[115] См.: *Топорков А. К.* Элементы диалектической логики. М., 1925; *Гриб В.* Диалектика и логика как научная методология: (По поводу статьи т. Перлина).— Под знаменем марксизма, 1928, № 6; *Спокойный Л. Ф.* Диалектический и исторический материализм; *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма; *Тымянский Г.* Введение в изучение теории диалектического материализма. 2-е изд., М.; Л., 1931.

[116] Красная новь, 1921, № 3, с. 214.

вала первичность целого, считая наиболее правильным и плодотворным путь познания «через организм к клетке, через цельного человека к отдельным актам его поведения, через общество к отдельному человеку»[117]. Другая точка зрения сводилась к тому, что в сложных процессах целое и части взаимно предполагают и обусловливают друг друга. Например, в живом организме они одинаково первичны. «Ни целое, ни части, в особенности в органическом и социальном мире, не даны, а возникают путем развития, и это возникновение, этот процесс развития происходит таким образом, что вместе с целым развиваются и части и вместе с частями развивается целое»[118].

Причинность. Некоторые участники философской дискуссии 20-х годов считали главной проблемой философии категорию причинности. Различие между материализмом и идеализмом в понимании категории причинности А. Варьяш называл самым радикальным, какое только можно себе представить. Л. Аксельрод полагала, что признание механистической причинности является душой материализма[119]. Причинно-следственная связь нередко трактовалась как прямолинейно-однозначное отношение между жестко фиксированными сторонами, одна из которых с неизбежностью порождает другую.

Борясь с индетерминизмом и выступая против ограниченной механико-метафизической трактовки детерминизма, многие ученые стремились глубже разобраться в категории причинности. Отмечалось, что при всей ее важности нельзя видеть в том или ином ее освещении главный рубеж, разделяющий материалистическую и идеалистическую философию; что проблема причинности, взятая в гносеологическом плане, производна от вопроса об отношении мышления к бытию. Поскольку причинную зависимость могут признавать как материалисты, так и идеалисты, задача состоит в том, чтобы выяснить содержание, характер детерминистических связей. Для решения этих вопросов причинность должна быть осмыслена не как изолированное соотношение двух внешне сосуществующих элементов, а в контексте универсальной взаимозависимости. Выражая внутреннюю активность материи, причинность реализуется в действии, это действенная материальная связь, посредством которой возникает новое. Переход от причины к следствию лишь одно из звеньев бесконечной цепи[120].

[117] *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма, с. 115—116.

[118] *Деборин А.* Философия и марксизм, с. 333. Идея диалектически развивающегося целого нашла отражение и в эстетической мысли 20-х годов. Так, Ю. Н. Тынянов характеризовал литературное произведение как «развертывающуюся динамическую целостность» (*Тынянов Ю. Н.* Проблемы стихотворного языка. Л., 1924, с. 10).

[119] См.: *Варьяш А.* История новой философии. М.; Л., 1926, т. 1, ч. 1, с. 13; *Аксельрод Л. И.* [*Ортодокс*]. В защиту диалектического материализма. Против схоластики. М.; Л., 1928, с. 89.

[120] См.: *Тележников Ф. Е.* Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма.— Вестн. Ком. акад., 1927, кн.: XXIV; Механистическое естествознание и

Предпринимались также попытки диалектико-материалистического истолкования соотношения причинности и целесообразности. Отвергая телеологическую трактовку целесообразности как некоего абсолютного первоначала, как мистической цели, запрограммированной «свыше», ряд ученых указывали на неправомерность противопоставления естественной целесообразности, наблюдаемой в явлениях природы и общества, материальной причинной обусловленности этих явлений; социально-историческое целеполагание представляет собой качественно особый процесс, соответствующий более высокому уровню развития материального бытия. Целесообразность — не разрыв причинных связей, а их специфическая модификация. Отмечались взаимодействие целесообразного с нецелесообразным в природе, переход одних форм в другие, связь этих категорий с соотношением высших и низших форм движения, с возможностью, случайностью, необходимостью [121].

Абсолютизация механической формы причинности приводила к тому, что, сталкиваясь с более сложными проявлениями причинных отношений, характерными для микромира, некоторые физики делали вывод о крушении детерминизма. Заслугой ряда советских ученых рассматриваемого периода было то, что они, не отвергая однозначной динамической формы причинно-следственной связи, не останавливались на ней, а отстаивали многообразие форм причинности. Одной из таких форм, усложняющих, но не подрывающих принцип детерминизма, признавалась статистическая вероятностная закономерность, реализующаяся в движении массы разнонаправленных элементов. Еще в начале 20-х годов высказывался взгляд, что закономерность явления, представляющего результат совместного действия множества причин, связана со всем их комплексом и проявляется в общей совокупности единичных случаев. «Открыть закономерность в совокупности» — так ставилась задача [122]. Статистический характер законов современной физики отмечался И. Е. Таммом. «Классический детерминизм, носивший, если можно так выразиться, индивидуальный характер,— писал он,— все больше и больше вытесняется детерминизмом статистическим» [123].

В статье, посвященной V съезду русских физиков, Б. Гессен и В. Егоршин писали, что современная квантовая механика больше, чем классическая физика, соответствует данным опыта, дает их

диалектический материализм; *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма; *Семковский С. Ю.* Диалектический материализм и принцип относительности.

[121] См.: Протокол заседания секции диалектического материализма Института научной философии от 16 дек. 1927.— Архив АН СССР, ф. 355, оп. 1, ед. хр. 41, л. 2 об., 3—3 об., 4—4 об.

[122] См.: *Орженцкий Р.* К вопросу о логической природе статистической закономерности. Киев, 1922, с. 3, 1—2.

[123] Красная новь, 1923, № 7, с. 305; Физика. М., 1929, т. II, с. 7. О защите И. Таммом идеи причинной обусловленности квантовых процессов см.: *Омельяновский М. Э.* Диалектика в современной физике. М., 1973, с. 16.

количественную интерпретацию, объясняет ряд явлений, оставшихся ранее непонятыми. В то же время они указывали на недостатки гносеологического обоснования квантовой теории, на отступления некоторых выдающихся ученых в сторону феноменализма[124].

Немалый интерес к проблеме статистической закономерности проявлял А. Деборин. Критикуя в 1929 г. индетерминизм Иордана и других физиков, проповедовавших свободу электрона, и указывая на необоснованность отрицания причинности в микромире, он говорил: «В статистической закономерности мы имеем, по-видимому, особую форму проявления закона причинности. Столкнувшись с некоторым новым видом закономерности, физики пошли по пути отрицания детерминизма, вместо того чтобы вскрыть своеобразие статистической закономерности и связь ее с динамической закономерностью. Статистическая и динамическая закономерности не являются абсолютными противоположностями. Эти закономерности составляют, по-видимому, специальные формы более общего принципа или типа связи... Неправильно было бы думать, что существует лишь один вид причинности, одна лишь форма связи в виде *механической* причинности. Поэтому мы полагаем, что в форме „статистической закономерности" раскрываются более *сложные*, чем обычно, *типы связей*, *более сложные закономерности*, которые требуют серьезного изучения и экспериментального исследования»[125]. Если учесть, что в 20-х годах квантовая механика находилась еще в процессе формирования и проблема соотношения статистической и динамической закономерностей впервые выдвигалась на авансцену науки с такой остротой, то заслуга советских ученых, уже в то время отстаивавших многообразие причинных связей в природе, незыблемость и сложность проявлений детерминизма в микромире, едва ли может вызвать сомнение.

Необходимость и случайность. Внимание, уделявшееся проблеме статистической закономерности, объясняет в известной степени и большой интерес советских философов 20-х годов к диалектике случайного и необходимого. «Механисты», следуя традиции, идущей от Демокрита через Спинозу к французскому материализму XVIII в., отождествляли причинность с необходимостью. Сквозь призму этой нивелирующей схемы все явления представлялись им одинаково необходимыми. Случайности, полагали они, не существует, это субъективная категория, синоним нашего незнания при-

[124] См.: Под знаменем марксизма, 1927, № 1, с. 138.

[125] См.: *Деборин А. М.* Философия и политика, с. 433, 466. О диалектическом соотношении динамической и статистической закономерностей, подтверждающем марксистский детерминизм, см. также: *Азов И.* Витализм, механический материализм и марксизм. М.; Л., 1928; *Гессен Б.* Механический материализм и современная физика.— Под знаменем марксизма, 1928, № 7/8; *Он же.* Статистический метод в физике и новое обоснование теории вероятности Р. Мизеса. Ст. 1. Коллектив и его распределения.— В кн.: Естествознание и марксизм. М., 1929, вып. 1.

чин явлений или, как говорил А. И. Варьяш, «это только неточное выражение, и не больше»[126].

Противники «механистов» отвергали абстрактный детерминизм, могущий породить иллюзию фатальной неизбежности, предопределенности всего происходящего, вести к пассивности, квиетизму. А. Луначарский отмечал, что сам факт существования «слепого случая» подрывает телеологическую версию об абсолютной целесообразности, ибо показывает, что «мир не создан для человека, что в мире не царствует целесообразность»[127]. Однако относительная, материально обусловленная целесообразность, как частный случай причинности, этим отнюдь не исключалась.

Отводя упрек «механистов» в том, что признание случая равносильно допущению беспричинных явлений и означает поэтому разрыв цепи детерминизма, философы, старавшиеся диалектически осмыслить эту категорию, указывали, что случайности, как и все другие явления, имеют свои причины, и, стало быть, различие случайного и необходимого — это различие характера, форм причинно-следственной связи; оно существует не вопреки детерминизму, а на его основе, помогая более глубокому уяснению проблемы качества, специфичности явлений.

Механистическая альтернатива либо необходимость, либо случайность является ложной еще и потому, что признание случайности не есть отрицание необходимости вообще, а лишь отрицание непосредственной необходимости данного конкретного явления. «Признание случайности,— писал Г. Тымянский,— кажется многим отрицанием необходимости, но это неверно, наоборот, только благодаря случайности получает свой научный, разумный смысл необходимость. Только как противоречие необходимости и случайности может быть понято и научно объяснено действительное развитие природы»[128]. Будучи причинно обусловлена, случайность всегда так или иначе связана с необходимостью, является ее моментом, специальной формой, ее частным выражением. Для ряда советских философов того времени характерно, что, исходя из указаний классиков марксизма и опираясь на Гегеля, они подчеркивали нераздельность понятий о необходимости и случайности с другими категориями диалектики — внутренним и внешним, общим и отдельным, возможностью и действительностью, сущностью и явлением. Случайное и необходимое, с их точки зрения, могут быть логически (диалектически) осмыслены лишь при посредстве всех этих категорий.

[126] Диалектика в природе. Вологда, 1927, сб. 3, с. 122, 272—274; см. также *Аксельрод Л. И.* [*Ортодокс*]. В защиту диалектического материализма. Против схоластики, с. 244, 248; *Сарабьянов В.* В защиту философии марксизма, с. 80.

[127] *Луначарский А. В.* Несколько слов сердитому критику.— ЦПА ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 402, л. 95.

[128] *Тымянский Г.* Введение в теорию диалектического материализма, с. 307; Под знаменем марксизма, 1927, № 5, с. 213.

Отмечалось, что в отличие от необходимости, выражающей имманентный данному явлению процесс закономерного развития, общую линию этого развития, вытекающую из его существа, случайность представляет собой нечто внешнее, частное, несущественное по отношению к данному явлению. Это момент действительности, лишенный в этом смысле внутреннего основания и представляющий внешнюю, относительную необходимость. Отмечалась и связь рассматриваемых категорий с общим и отдельным. Отдельное, взятое в его частном, непосредственном бытии, выступает как случайное. Но поскольку нет абсолютно изолированных явлений и каждое отдельное связано с общим, включает в себя это общее, а общее, в свою очередь, проявляется через отдельное, постольку случайность и необходимость раскрываются как разные стороны единого процесса развития. В силу этой универсальной взаимозависимости общего и отдельного, целого и части и т. д. случайность всегда вплетается в сложную ткань необходимости, а необходимость пробивается сквозь все случайности [129].

В генетическом плане случай неотделим от возможности. Превращение возможности в действительность — важный рычаг в механизме возникновения случайности. Исходя из этого, случай характеризовался как осуществленная возможность [130].

Обосновывая объективное существование случайности, некоторые авторы связывали эту категорию со сложной структурой бытия — неустойчивым, неупорядоченным расположением частей целого в квантовомеханических процессах. Отсюда вытекало сближение случайности с вероятностью и трактовка законов природы как общего результата бесчисленных неупорядоченных движений материальных частиц [131]. Это подводило к выводу о вероятностной природе законов.

Верное само по себе отстаивание объективности случайного приобретало иногда в литературе 20-х годов характер излишне жесткого, абстрактного противопоставления случайного необходимому. Последнее сказывалось в деборинской интерпретации случайности как явления, обусловленного «чисто внешними» обстоятельствами, которые якобы не вытекают «из необходимой природы вещей» [132], хотя сам же Деборин признавал соотносительность внутреннего и внешнего, их взаимопереход, обусловленность случайного необходимым и, стало быть, неверность таких понятий, как «чистая» случайность и «чистая» необходимость.

[129] См.: *Луппол И.* О новом учебнике по историческому материализму.— Под знаменем марксизма, 1924, № 12; *Деборин А. М.* Ленин как мыслитель; *Он же.* Диалектика и естествознание. 3-е изд. *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма. М.; Л., 1930.

[130] См.: *Деборин А.* Диалектика и естествознание, с. 134.

[131] См.: *Орлов И. Е.* Логика естествознания. М.; Л., 1925; *Агол И.* Диалектический метод и эволюционная теория; *Гессен Б.* Механический материализм и современная физика.

[132] *Деборин А.* Диалектика и естествознание, с. 128.

Вполне уместны и своевременны были поэтому соображения, высказанные М. Дынником о том, что для диалектического материализма неприемлемо толкование случайности не только как субъективной категории, но и как объективной метафизической категории. Выход заключается в признании объективной и вместе с тем относительной природы случая. В этом именно плане следует понимать положение Энгельса о «кажущихся» случайностях. Энгельс отвергал не случайность как таковую, а ее абсолютизацию. Случайное и необходимое переходят друг в друга. Случайное для одного ряда явлений может быть необходимым для другого ряда[133].

Возражения против толкования случая как чего-то самодовлеющего высказывали и другие участники дискуссии. Распространенное определение случайности как точки скрещивания необходимых процессов, говорил Л. Ф. Спокойный, не дает достаточно точного и полного решения проблемы, поскольку складывается впечатление, будто сами эти процессы не содержат ничего случайного[134], в итоге мы вновь оказываемся перед «чистой» необходимостью и «чистой» случайностью. С. Семковский, И. Луппол, А. Вишневский и другие обращали внимание на то, что объективная природа случайности не исключает наличия в этой категории «субъективного» момента, вытекающего из сложности, противоречивости познания, которое движется от явления к сущности вещей. Одно дело, что случайность нельзя свести к неполноте наших знаний, и совсем другое дело, что эта неполнота и связанные с ней (а в первую очередь со свойствами самого объекта, межобъективными отношениями) неожиданность, непредвидимость играют свою роль в уяснении специфики случайного и характера его влияния. И. Агол видел в случайности непредвиденную осуществленную возможность[135]. Объективная сторона случайного является определяющей, но учет «субъективной» стороны также важен для его всестороннего познания, уяснения его условности, относительности в гносеологическом плане. Речь идет не об устранении случайности вообще (ибо от того, что мы их познаем, они не перестают существовать), а об их «расшифровке», раскрытии необходимости, лежащей в основе их проявлений. Эта «расшифровка», будучи одним из элементов познания, в целом неисчерпаема, как и весь познавательный процесс.

По вопросу об отношении науки и случайности существовало два основных мнения. Одно из них сводилось к тому, что случайное не заслуживает серьезного внимания науки ввиду своей «чрезвычайности», «частности»[136]. Поле зрения науки тем самым огра-

[133] См.: *Дынник М.* Категория случайности в понимании Плеханова.— Под знаменем марксизма, 1928, № 5, с. 64—65, 69; см. также: Вестн. Ком. акад. 1927, кн. 20, с. 267—268; 1929, кн. 35/36, с. 87.

[134] См.: *Спокойный Л.* Проблема свободы и необходимости у Плеханова.— Под знаменем марксизма, 1928, № 5, с. 79.

[135] См.: Под знаменем марксизма, 1924, № 12, с. 105; *Вишневский А. Ф.* Исторический материализм; *Агол И.* Диалектический метод и эволюционная теория.

[136] См.: Под знаменем марксизма, 1928, № 1, с. 219.

ничивалось, живая связь внутреннего и внешнего, общего и отдельного нарушалась; упускалось из виду, что для науки недостаточно фиксировать лишь заключительный итог превращения случайного в необходимое или наоборот, а важно исследовать весь ход этого превращения, его диалектику.

Другое мнение состояло в том, что, несмотря на решающую роль необходимости в процессе развития, случайности также оказывают на него определенное (и притом нередко значительное) воздействие и не должны поэтому сбрасываться со счета наукой [137].

5
Познавательный процесс

В литературе 20-х годов должным образом еще не было раскрыто существо и значение ленинской теории отражения. Некоторые из «механистов» противопоставляли ей толкование познания как простого соответствия наших представлений формам и отношениям вещей. Мышление, утверждал В. Н. Сарабьянов, не отражает бытие, а соответствует ему. «Иначе говоря, познавать — значит не копии снимать, а искать соответствия» [138]. Сарабьянов рассматривал ощущения как условные знаки [139]. Эти ошибки усугублялись к тому же отрицанием объективной истины. Отсюда имели место релятивистский крен, признание множественности «правд» и, как общий вывод из этого, следовал субъективизм, возведенный в принцип познания и деятельности. А. Деборин и его сторонники, напротив, защищали идею объективной истины, но и в их работах ленинское понимание теории познания как теории отражения не нашло надлежащего освещения и оценки. Субъективизму Сарабьянова и некоторых других «механистов» нередко противостоял у деборинцев объективизм; как первое, так и второе было связано с недостаточным вниманием к практике как к основе познания и критерию истины.

В первых советских пособиях по философии выделялась главным образом чувственная основа познания. Позднее были предприняты попытки рассмотрения познавательного процесса в целом, отмечался его ступенчатый характер.

Для механицизма характерна недооценка роли абстрактного мышления. Л. Аксельрод полагала, что диалектический материализм эмпиричен от начала до конца. В. Сарабьянов, писавший о «простоте» марксистской гносеологии, видел в разуме регистратора и сортировщика чувственного материала. С. Перов отвергал

[137] См.: *Быховский Б.* Очерк философии диалектического материализма, с. 134.
[138] *Сарабьянов В.* Основное в едином научном мировоззрении — методе, с. 70.
[139] См.: Там же.

такие понятия, как «вид», «клетка», «ген» и т. п., в качестве пустых абстракций [140].

Философы, боровшиеся с эмпиризмом «механистов», справедливо подчеркивали огромную роль абстрактного мышления [141]. Они уделяли большое внимание роли понятий, выполняющих функцию логического опосредования, и особенно проблеме конкретного понятия. Конкретное понятие, полагали они, не абстрактная всеобщность, исключающая единичность, а конкретно-общее, включающее в себя отдельное и особенное [142].

Признание единства чувственного и рационального не исключает того, что у отдельных авторов преобладала эмпирико-сенсуалистическая либо рационалистическая тенденция. Так, И. Луппол делал основное ударение на роли чувственного. Сознание понималось им в духе Гельвеция, как модификация ощущения, «чувство, соотносящее данные других чувств». Марксистская теория познания, писал он, есть сенсуализм [143]. Г. Тымянский, напротив, тяготел к рационализму. Н. Карев полагал, что марксистская философия стоит на почве рационального эмпиризма.

Заметное место в философской литературе 20-х годов занимал вопрос об отношении субъекта и объекта. Отмечалось, что их абсолютное тождество, как и абсолютное противопоставление, делало бы невозможным научное познание, сводило бы его к самосознанию. Познавательный процесс предполагает единство и различие субъекта и объекта. Относительность их различения за пределами основного вопроса философии видна из того, что человек как субъект познания есть часть объекта, взятого в широком смысле слова, как познаваемый нами мир; познающий человек является не только субъектом, но и объектом (субъектом для себя, объектом для другого). Вместе с тем субъект имеет свою специфику; будучи итогом развития сложной организации объекта, он отличается высокой активностью — ставит цели, борется за их осуществление, изменяет окружающую действительность, может при известных условиях предвидеть результаты своих действий [144].

[140] См.: *Аксельрод Л. И.* [Ортодокс]. В защиту диалектического материализма. Против схоластики; *Она же.* Очередное извращение марксизма. М., 1924; *Сарабьянов В.* Исторический материализм. М., 1925; *Перов С. С.* Диалектика в биохимии.— В кн.: Диалектика в природе. М., 1929, вып. 4.

[141] См.: *Деборин А.* Философия и марксизм; *Асмус В.* Л. И. Аксельрод и диалектика.— Под знаменем марксизма, 1928, № 9/10; *Карев Н.* Л. И. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму.— Там же.

[142] См.: *Деборин А.* Диалектика и естествознание. М.; Л., 1929; *Карев Н.* К итогам и перспективам споров с механистами.— Под знаменем марксизма, 1928, № 4; *Он же.* Ленин и теория диалектики: (О IX Ленинском сборнике).— Большевик, 1929, № 15; *Луппол И.* К вопросу о теоретических корнях правого уклона.— Большевик, 1929, № 18.

[143] См.: *Луппол И.* Ленин и философия, с. 130, 157.

[144] См.: *Адоратский В.* Научный коммунизм Карла Маркса (1923); *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм; *Асмус В. Ф.* Диалектический материализм и логика; *Куразов И. Ф.* Исторический материализм. М.; Л., 1929; *Тымянский Г.* Введение в теорию диалектического материализма.

Субъект и объект — исторические категории, продукты исторического развития. Марксистская теория познания тесно связана с материалистическим пониманием истории культуры. Исходя из этого, советские философы выступали против гносеологической робинзонады — трактовки познания как умозрительного акта, осуществляемого абстрактным изолированным индивидом. Субъектом познания является субъект социального бытия — коллектив, общество и представляющая его исторически определенная личность. Взаимодействие субъекта и объекта, их конкретно-историческое единство не исчерпываются гносеологической функцией, они реализуются прежде всего в процессе труда, в материальном производстве [145].

В плане осмысления диалектико-материалистической сущности практики как предметно-чувственной деятельности выделялись в 20-х годах статьи П. Л. Кучерова. Отмечая, что в практике деятельность и предмет взаимно проникают друг в друга, он писал: «Практика существует как подвижное единство противоположностей бытия и мышления. Конкретная производственная деятельность людей есть каждодневное доказательство взаимопроникновения мысли и предмета. Именно в этом глубочайший смысл учения о критерии практики. Диалектика субъекта и объекта и есть общественно-историческая практика» [146]. В другой работе автор конкретизировал свое понимание структуры и гносеологической функции практики через категории опредмечивания и распредмечивания. Переход из формы деятельности в форму бытия, в предмет (опредмечивание) и обратный переход из формы бытия в форму деятельности (распредмечивание) представляют единый процесс предметной деятельности, практики. «Опредмечивание» нужно понимать как «распредмечивание»; оба процесса находятся в единстве друг с другом. В единстве обоих процессов, в труде обнаруживается существо субъекта; субъект является формой практики, предметной деятельности. Разрешение проблемы субъекта и объекта в предметной деятельности является рубежом буржуазно-индивидуалистической гносеологии и теории познания диалектического материализма [147].

С этим связано и преодоление марксизмом характерного для прежней философии разрыва гносеологии и онтологии. «Единство онтологического и гносеологического обнаруживается как опосредованное социально-историческим. Практика выступает как пред-

[145] См.: *Деборин А.* Маркс и Гегель.— Под знаменем марксизма, 1923, № 8/10; *Он же.* Людвиг Фейербах. М., 1923; *Он же.* Марксизм, Ленин и современная культура.— Под знаменем марксизма, 1924, № 6; *Он же.* Философия и марксизм; *Разумовский И. П.* Курс теории исторического материализма. 2-е изд., М.; Л., 1927.

[146] *Кучеров П.* Практика как единство субъекта и объекта.— Под знаменем марксизма, 1929, № 5, с. 36.

[147] См.: *Кучеров П.* Практика и диалектическая логика.— Под знаменем марксизма, 1930, № 7/8, с. 76.

посылка единства процессов бытия и познания, как предпосылка единства объекта и понятия»[148].

Все же, несмотря на ряд интересных исследований, категория практики не заняла в философской литературе 20-х годов принадлежащего ей по праву места и толковалась большей частью абстрактно; роль и значение революционно-преобразующей деятельности в современную эпоху, принцип единства теории и практики не получили конкретной творческой разработки ни у «механистов», ни у деборинцев[149].

* * * * *

20-е годы были трудным, но ярким периодом в истории советской философской науки. Она складывалась в бурных схватках, в противоборстве различных мнений. При всех полемических преувеличениях, в которые впадали дискутирующие стороны, нельзя представлять этот период цепью заблуждений и ошибок. В спорах, в мучительных подчас поисках рождалась истина, хотя она и выступала большей частью не в виде монографически обоснованных решений, а более или менее фрагментарно, в форме различных подходов, наметок, постановки вопросов. Одни мысли, высказанные философами-марксистами тех лет, не выдержали испытания времени, другие вошли в научный обиход, получили развитие и подтверждение, третьи и ныне сохраняют в известной мере роль своего рода творческих заявок, стимулирующих дальнейшее исследование.

Философская жизнь в СССР в 20-х годах не сводилась к полемике между «механистами» и «диалектиками». Огромную роль играли в идейно-философском развитии советского общества, во всех сферах его жизни многогранная деятельность, труды и выступления В. И. Ленина и его соратников, решения партийных съездов и конференций, указания Центрального комитета Коммунистической партии, партийной печати. Вместе с советским народом его философские кадры активно участвовали в борьбе за дело Великого Октября, в сражениях гражданской войны, в закладывании фундамента социалистической экономики, в построении новой, социалистической государственности, в осуществлении ленинского плана культурной революции. Особенно значительна была роль советских ученых-гуманитариев в идейном разгроме реакционной идеалистической философии, всех форм буржуазно-реставраторской идеологии и ревизионизма. В созданных впервые в послеоктябрьские годы научно-исследовательских институтах и учебных заведениях под-

[148] См.: *Кучеров П.* Практика и диалектическая логика.— Под знаменем марксизма, 1930, № 7/8, с. 84.

[149] Характерно в этом отношении, что понятие «практика» отсутствует в первом советском философском словаре (вышедшем в издании Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова в 1930 г.) — в «Кратком философском словаре» Ищенко Т. С.

готавливались новые кадры философов-марксистов, создавались первые учебные пособия по диалектическому и историческому материализму; в массовых аудиториях и на страницах периодической печати развертывалась широкая пропаганда коммунистического мировоззрения.

В условиях острой идеологической борьбы советские марксисты отбили натиск философского нигилизма, отстояли право философии на существование, укрепляли ее союз с естественными науками, разрабатывали ее понятийный аппарат, систематизировали ее идеи, вооружали ими широкие круги строителей нового общества.

Постепенно повышался теоретический уровень философской работы в стране.

Важную роль на этом этапе сыграла борьба с механистическим упрощенчеством, в которой активно участвовала деборинская группа. Однако чем больше руководящее ядро этой группы претендовало на монополию и непогрешимость, тем отчетливее обнаруживались недостатки, ошибочные тенденции в ее собственной деятельности.

В целом работа, проделанная советскими философами в 20-х годах, явилась значительным этапом в истории диалектического материализма, подготовившим его последующие успехи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ НАУКЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

(первая половина 30-х годов)

В конце 20-х — начале 30-х годов Коммунистическая партия Советского Союза приступила к практическому решению задач развернутого социалистического строительства. Социальные и идейно-политические изменения в стране, задачи построения социалистического общества предъявляли всевозрастающие требования к гуманитарным и естественным наукам. Партия нацеливала советских ученых на более глубокое осмысливание вопросов нового этапа строительства социализма, обращала внимание научных работников на необходимость активизации теоретической разработки проблем строительства социализма.

Новая историческая обстановка чрезвычайно остро поставила вопрос о ленинском философском наследии, о ленинском понимании социальной функции философии, о связи философских знаний с общественно-политической практикой, с жизнью и деятельностью

народа и партии. Историческим событием в философской жизни страны явилась публикация в 1929—1930 гг. ленинских «Философских тетрадей»[150]. Советские читатели получили исключительной ценности документ по теории диалектики. Эта работа помогла научной общественности еще глубже осознать, что невозможно разрабатывать диалектический и исторический материализм, не опираясь на ленинскую методологию, на ленинские философские идеи.

Философская дискуссия конца 20-х — начала 30-х годов и ее значение в идейной борьбе партии за философское наследие В. И. Ленина. Большую роль в повороте советской философской науки к практике строительства социализма, к разработке философского наследия В. И. Ленина сыграла дискуссия по проблемам философии в конце 20-х — начале 30-х годов. В центре этой дискуссии стояла борьба за ленинизм. «Философская разборка» того времени была необходима и имела за собой длительную предысторию.

Еще в середине 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-ой Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений». В нем отмечалось, что сделан важнейший шаг вперед в деятельности научно-исследовательских учреждений во главе с Коммунистической академией, состоявший в дальнейшем совершенствовании организационных форм научной работы (создание специальных научно-исследовательских институтов), в переходе к научной работе философов в специальных отраслях знания, в решительном отпоре буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. В то же время ЦК партии обращал внимание советских ученых на то, что «темп развертывания работы марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений отстает от предъявляемых к ним современными условиями требований и запросов»[151].

В июне 1930 г. расширенный пленум Коммунистической академии рассматривал вопрос о состоянии научно-исследовательской работы в институтах Комакадемии. В принятой резолюции «Об итогах работы и новых задачах, стоящих перед Комакадемией на новом этапе» отмечались недостатки и упущения в деятельности советских философов. «К их числу нужно прежде всего отнести отставание теоретической борьбы в области философии от задач социалистического строительства и конкретных отраслей научного знания, недостаточную связь с актуальными проблемами политики партии и Коминтерна, слабое внимание к проблемам исторического материализма, почти полное отсутствие критики методологических основ троцкизма, недостаточную борьбу с формалистическими извращениями материалистической диалектики и слабое развертыва-

[150] В № 5/6 журнала «Под знаменем марксизма» за 1925 г. был впервые опубликован фрагмент В. И. Ленина «К вопросу о диалектике».

[151] Вестн. Ком. акад., 1929, № 33 (3), с. 282.

ние самокритики среди философов-диалектиков, в основном стоящих на правильных позициях, но в отдельных случаях допускавших ошибки»[152].

Наиболее полное и всестороннее обсуждение назревших философских вопросов состоялось на заседании президиума Коммунистической академии, проходившем 18—20 сентября 1930 г. С основным докладом выступил председатель президиума Комакадемии В. П. Милютин, с содокладом — А. М. Деборин. В прениях высказалось около 30 человек, в том числе старые большевики — В. В. Адоратский, П. Н. Лепешинский, Н. А. Скрыпник, Е. М. Ярославский. Развернулась серьезная идейная полемика по целому ряду коренных проблем марксистско-ленинской философской теории.

В ходе дискуссии резкой критике подверглись А. М. Деборин и его ближайшие единомышленники — Н. И. Карев, И. К. Луппол, И. П. Подволоцкий, Я. Э. Стэн и др. В печати, в выступлениях представителей молодого поколения советских философов (М. Б. Митина, Ф. В. Константинова, П. Ф. Юдина, М. Д. Каммари, В. Ф. Ральцевича, А. Таксера, П. С. Черемных) указывалось, что одна из основных ошибок А. Деборина и его учеников состояла в том, что они недостаточно полно оценивали В. И. Ленина как философа, значение ленинского теоретического наследия в развитии марксистской философии. Неоднократно отмечалось, что А. Деборин и его сторонники не видели, не учитывали всей глубины различий, которые существовали между В. И. Лениным и Г. В. Плехановым в философии, не дали анализа плехановских ошибок и ограниченности в области марксистской теории. Речь, по сути дела, шла о более глубоком овладении советскими учеными ленинскими методологическими принципами, об утверждении в общественных науках ленинских философских идей. Выступая в прениях в Комакадемии, Н. А. Скрыпник подчеркивал: «Под каким же знаком работу нужно вести? Позвольте мне быть глубоко уверенным, что здесь никто отрицать не будет, как безусловное для нас, нужно исходить от Ленина, строить на ленинизме философское вооружение партии в ее социалистическом переустройстве страны»[153].

В ходе обсуждения были вскрыты ошибочные положения, содержащиеся в работах А. Деборина, специально посвященных философским взглядам В. И. Ленина. Отмечалось, что в этих работах не нашел своего адекватного решения вопрос о том, какой вклад внес В. И. Ленин в развитие марксистской философии, в теорию диалектики. В предисловии к IX Ленинскому сборнику, в котором были напечатаны «Философские тетради», А. Деборин писал, что В. И. Ленин, по-видимому, думал «написать специальную работу о материалистической диалектике... Нет никакого сомнения в том,

[152] Вест. Ком. акад., 1930, № 37/38, с. 6.
[153] Там же, 1930, № 40/41, с. 86.

что если бы ему удалось довести начатое дело до конца, он дал бы серьезный толчок дальнейшему развитию диалектического материализма, подняв его на более высокую ступень»[154]. Многие участники дискуссии расценили это утверждение как явное непонимание значения того огромного вклада, который уже был внесен В. И. Лениным в развитие революционного марксизма и его философии, как игнорирование ленинского этапа в развитии марксистской философии. Позднее в результате критики Деборин вынужден был признать, что он недооценивал В. И. Ленина как теоретика, поднявшего марксизм на новую, высшую ступень, не понял ленинский этап как новую ступень в развитии философии марксизма[155].

В ходе философской дискуссии начала 30-х годов и в последующее время все больше возрастало внимание советских философов к разработке вопроса о ленинизме в философии, к тому принципиально новому, что внес В. И. Ленин в теорию и практику марксистской философии. Речь уже шла не о тех или иных частных, отдельных сторонах философских взглядов В. И. Ленина, а о совокупности философских проблем, поставленных и развитых им в новых исторических условиях, о ленинизме в философии в целом.

В Постановлении ЦК ВКП(б), принятом в январе 1931 г. о журнале «Под знаменем марксизма», ленинизм в философии был определен как «ленинский этап в развитии философии марксизма»[156]. Этот вывод имел принципиальное значение. Утверждение этого научного положения означало, что путь плодотворного развития советской философской мысли — это путь овладения всем идейно-философским богатством ленинизма, его методологическими принципами.

Усиление внимания к ленинским идеям в философии, к философскому учению ленинизма явилось бесспорно важнейшим позитивным моментом философской дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов. В результате серьезного идейного спора все более отчетливо выкристаллизовывалась тема ленинизма в философии. В философских публикациях того времени к стержневым вопросам ленинского этапа в философии марксизма относили: 1) ленинский принцип партийности в философии; 2) положение В. И. Ленина о совпадении в марксизме диалектики, логики и теории познания; 3) теоретический анализ В. И. Лениным закона единства и борьбы противоположностей как «ядра», «сути» диалектики; 4) ленинскую диалектико-материалистическую теорию отражения; 5) идеи В. И. Ленина о союзе философии и естествознания[157]. Тем самым

[154] Ленинский сб., т. 9, 1929, с. 3.

[155] См.: *Деборин А.* Письмо в редакцию.— Правда, 1931, 18 дек.

[156] Постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» было опубликовано 26 января 1931 г. в газете «Правда».

[157] См.: *Митин М.* Очередные задачи работы на философском фронте в связи с итогами дискуссии.— Вестн. Ком. акад., 1931, № 5/6; *Ситковский Е.* К вопросу о тождест-

очерчивались проблемы, которые советская философская наука должна исследовать в первую очередь в области диалектического материализма.

В ходе дискуссии была подвергнута критике тенденция к стиранию качественной грани между марксистской и гегелевской диалектикой, характерная для Деборина и его группы. В известном смысле Деборин справедливо утверждал, что гегелевская логика должна служить исходным пунктом в деле развития материалистической диалектики. Но, во-первых, при этом неверно оценивалась суть гегелевской логики. А во-вторых, упускалось из виду, что от «исходного пункта» до конечного — дистанция огромная.

«В общем гегелевское построение надо считать правильным и с материалистической точки зрения»,— писал он [158]. Н. Карев полагал, что в гегелевской философии «материалистическим был именно метод»[159]. В соответствии с этим неправильно рассматривался и вопрос о возникновении марксистской философии, которая трактовалась как «синтез метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории»[160]. Такой подход вел к разрыву логического и исторического, к абстрактному логизированию, отрыву диалектики от практики. Деборин и его единомышленники не сумели в должной мере реализовать ленинские рекомендации о том, каким способом можно успешно овладеть философским наследием Гегеля. Отсюда, разумеется, вовсе не следует, что Деборин и его соратники были идеалистами-гегельянцами. Нельзя не видеть заслуг Деборина и его группы, состоящих, в частности, в том, что они подчеркивали роль и значение гегелевской диалектики, провели немалую позитивную работу в области изучения и освоения рационального содержания философии Гегеля, хотя и допускали недостаточно критическое отношение к гегелевской идеалистической системе.

Анализ хода развития философской дискуссии с февраля по ноябрь 1930 г. позволяет сделать вывод о том, что в этот период она носила, как правило, деловой характер, спор шел по существу обсуждаемых проблем, хотя и в это время дело не обходилось без перегибов и неоправданных резкостей. Поддержав критику по адресу Деборина и его единомышленников, старые коммунисты В. В. Адоратский, П. Н. Лепешинский, В. А. Милютин, Н. А. Скрыпник, Е. М. Ярославский, принявшие активное участие в дискуссии, призывали советских философов объективно вскрывать и критиковать действительные ошибки, совершенные А. М. Дебориным и его единомышленниками. Они указывали на недопустимость прибегать

ве диалектики, логики и теории познания.— Под знаменем марксизма, 1932, № 11/12; *Селектор М.* О разделении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики.— Под знаменем марксизма, 1933, № 3.

[158] См. предисловие А. М. Деборина к кн.: *Гегель.* Соч. М., 1929, т. I, с. XXXIV.

[159] Под знаменем марксизма, 1925, № 8/9, с. 9.

[160] *Деборин А.* Диалектика у Канта.— В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1924, т. 1, с. 14.

в философских спорах к методам шельмования и произвольного наклеивания порочащих политических ярлыков[161]. Выступая на дискуссии в Комакадемии, Ярославский говорил, что Деборин и его группа допустили формалистические ошибки, связанные с отрывом философии от революционной политики партии по преобразованию общества. «Мы обязаны вскрыть этот формалистический уклон,— отмечал Е. М. Ярославский,— предупредить товарищей, которые в него впадают, потому, что если они не смогут повернуть круто, решительно от этого уклона и его изжить, тогда получится разрыв с диалектическим материализмом»[162].

В начале декабря 1930 г. состоялась беседа И. В. Сталина с членами бюро ячейки ВКП(б) Института красной профессуры, ставшая своего рода переломным пунктом в ходе дискуссии. На этой встрече с философами Сталин заменил прежнюю оценку недостатков деборинского направления как «формалистический уклон» и охарактеризовал деборинцев как «меньшевиствующих идеалистов»[163].

25 января 1931 г. ЦК ВКП(б) вынес Постановление о журнале «Под знаменем марксизма». В постановлении справедливо указывалось, что «возглавлявшая журнал «Под знаменем марксизма» группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде вопросов на позиции меньшевиствующего идеализма»[164]. Речь здесь шла об ошибочном уклоне, неверной тенденции в деятельности философского руководства (Деборин, Карев, Луппол, Стэн и др.), проявившейся в *ряде вопросов* (главным образом в вопросе о связи между теорией и практикой), а не в том, что взгляды деборинцев в целом представляют собой законченную систему идеалистической ревизии диалектического материализма, как, к сожалению, стала квалифицироваться позиция А. М. Деборина и его единомышленников. Появившиеся в тогдашней печати утверждения о том, что взгляды «философского руководства» во главе с Дебориным — это «система идеалистических антимарксистских и антиленинских ошибок»[165], противоречили смыслу содержания Постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. о журнале «Под знаменем марксизма»[166].

[161] См.: За поворот на философском фронте. М.; Л., 1931; *Скрыпник Н. А.* За ленинскую философию. Харьков, 1931. На укр. яз.

[162] Вестн. Ком. акад., 1930, № 40/41, с. 123.

[163] См.: *Митин М.* Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936, с. VI—VII.

[164] Правда, 1931, 26 янв.

[165] См., например: Вестн. Ком. акад., 1931, № 1, с. 18—19.

[166] В «Большой Советской Энциклопедии» следующим образом определяется термин «меньшевиствующий идеализм» : «Смысл термина „меньшевиствующий идеализм“ состоял в том, что отрыв Дебориным и его учениками теории от практики рассматривается как возрождение известной меньшевистской догмы (отсюда — „меньшевиствующий“), а отождествление ими диалектики Гегеля и Маркса — как отход к идеализму

Подводя итоги философской дискуссии, ЦК ВКП(б) наметил магистральное направление дальнейшей разработки марксистско-ленинской философии. Партия призывала советских философов глубоко раскрывать идейно-философское богатство ленинизма, творчески разрабатывать далее теорию и метод материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с общественным развитием, с практикой социалистического строительства.

Известную положительную роль в активизации философских сил страны сыграло Всесоюзное совещание Общества воинствующих материалистов-диалектиков, состоявшееся в апреле 1931 г. в Москве. На совещание прибыли делегаты из Ленинграда, Харькова, Воронежа, Минска, Киева, Свердловска, Казани, Саратова, Перми, Омска и других городов.

С докладами «Очередные задачи работы на философском фронте в связи с итогами дискуссии» и «О задачах антирелигиозной пропаганды» выступили М. Б. Митин и Е. М. Ярославский. В принятых решениях были определены направления в разработке диалектического и исторического материализма: 1) изучение диалектики, логики и теории познания в «Капитале» Маркса; 2) изучение диалектики империализма, пролетарской революции, переходного периода; 3) изучение опыта социалистического строительства в период социализма [167].

Несмотря на ряд негативных моментов, имевших место в философской дискуссии 30-х годов, в целом она сыграла положительную роль в развитии философской науки СССР. Произошел радикальный поворот к ленинскому философскому наследию и началась гораздо более деятельная, нежели в прошлом, его разработка, было заострено внимание на проблеме партийности марксистско-ленинской философии.

Разработка и популяризация философского наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Ленинская идея совпадения в марксизме диалектики, логики и теории познания. В 30-х годах впервые вышли в свет такие работы основоположников марксизма, как «Экономическо-философские рукописи» К. Маркса (на немецком языке), его же «Математические рукописи», «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса, конспект книги М. Бакунина «Государственность и анархия», составленный Марксом. Многие сочинения основоположников марксизма вышли в новых переводах.

(отсюда — „идеализм"). Позднее термин был распространен на ряд теоретических ошибок в других науках (например, на ошибки И. И. Рубина в области политической экономии и др.).

С конца 50-х годов термин „меньшевиствующий идеализм" оспаривается некоторыми учеными как не имеющий точного теоретического содержания, но сохраняет свое историческое значение» (БСЭ. 3-е изд., 1974, т. 16, с. 83).

[167] См.: Вестн. Ком. акад., 1931, № 5/6, с. 60—61.

В 1930—1933 гг. был закончен выпуск второго и третьего изданий Сочинений В. И. Ленина. В 1929 г. публиковались замечания В. И. Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». В 1933 г. был издан полный текст ленинских выписок и конспектов по философским вопросам, составивших отдельную книгу — «Философские тетради». Большую работу по подготовке ее к печати проделали В. Адоратский, А. Троицкий, Н. Карев, П. Сапожников, А. Сараджев. В 1937 г. Институт Маркса — Энгельса — Ленина впервые опубликовал критические замечания В. И. Ленина о книге В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Э. Маха)»[168], представлявшую «пример безмерного опошления материализма», «карикатуру на материализм в истории»[169]. Существенное расширение источниковедческой базы марксизма положительно влияло на развитие философской науки.

В тесной связи с изучением философских идей В. И. Ленина шло исследование актуальных проблем диалектического материализма. Разрабатывая вопрос о ленинском этапе в философии, советские философы стремились выявить новаторство в решении В. И. Лениным вопросов философской теории. Особое внимание привлекла ленинская *идея совпадения диалектики, логики и теории познания*. М. Б. Митин писал: «В основном то новое, что внесено Лениным в понимание материалистической диалектики как „философской науки“, состоит в дальнейшем развитии теории материалистической диалектики как логики, как теории познания. Тождество диалектики, логики и теории познания — вот то важнейшее звено в понимании диалектического материализма, что дальше развито, конкретизировано Лениным по сравнению с Марксом и Энгельсом»[170]. В философских публикациях отмечалось, что неоднократное возвращение В. И. Ленина к положению о единстве, тождестве в марксизме диалектики, логики и теории познания свидетельствует об исключительно большом значении этого вопроса.

В литературе указывалось, что этот принцип не «изобретен» В. И. Лениным. Эта идея являлась непосредственным продолжением мыслей К. Маркса и Ф. Энгельса, рассматривавших диалектику как теорию познания. В. И. Ленин, двигая вперед марксистскую философскую науку, ясно и четко сформулировал принципиально важное положение о единстве, тождестве диалектики, логики и гносеологии, разработал ряд его аспектов, заострил на нем внимание и тем самым дал понимание существа предмета и задач марксистской философии в целом[171].

[168] Пролетарская революция, 1937, № 8.

[169] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 174.

[170] *Митин М.* Гегель и теория материалистической диалектики.— В кн.: Гегель и диалектический материализм. М., 1932, с. 92.

[171] См.: Диалектический материализм. Харьков, 1932; Диалектический и исторический материализм, ч. 1, с. 137. Первая часть этого учебника — «Диалектический мате-

П. Л. Кучеров, М. Б. Митин, Г. Д. Обичкин, Е. П. Ситковский, И. Широков, П. Н. Федосеев и другие высказывали мнение, что с точки зрения В. И. Ленина никакой особой теории познания вне и помимо диалектики в марксизме не существует. Ленинский вывод о совпадении логики, диалектики и теории познания указывает на единство, цельность и нераздельность всех составных частей философии марксизма. Диалектика, или диалектико-материалистическая логика, есть философская наука марксизма. В выступлениях советских авторов отмечалось, что марксизм последовательно преодолел разобщение между онтологией, гносеологией и логикой, характерное для философских систем прошлого, в особенности кантианской, отрывавшей теорию познания от законов бытия, от практики. «Диалектический материализм как наука представляет собою неразрывное целое, являющееся одновременно и логикой, и теорией познания, и учением об объективном реальном бытии материи»[172].

В философии Гегеля диалектика, логика и теория познания также совпадают. Однако у Гегеля это совпадение происходит на базе идеалистически трактуемого тождества законов мышления и бытия, сведéния бытия к мышлению. В философской литературе 30-х годов подчеркивалось, что в отличие от гегелевской постановки вопроса К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин разрешили эту проблему на основе диалектико-материалистического принципа отражения, рассматривающего категории мышления как отраженные и преобразованные в голове человека законы объективного материального мира. В марксизме-ленинизме онтология и гносеология, логика и методология не изолируются, не обособляются друг от друга как отдельные самостоятельные науки. Имеется, в сущности, одна многосторонняя философская наука — диалектика, которая одновременно является логикой и теорией познания; взятая в том или ином аспекте, она выполняет соответствующую функцию. Материалистическая диалектика и есть теория познания, т. е., по определению В. И. Ленина, материалистическая диалектика выступает как собственно философская наука, предметом которой являются наиболее общие законы развития природы, общества и мышления, законы развития всех природных, социальных и духовных явлений. В ленинской трактовке тождества диалектики, логики и теории познания выражена глубочайшая суть марксистской философии. В этом советские философы видели и принципиальное отличие взглядов В. И. Ленина от точки зрения Г. В. Плеханова, который, по существу, рассматривал диалектику отдельно от теории познания, вне органической связи с развитием самого процесса познания.

риализм» — была написана при участии Базилевского Б., Бобровникова Н., Вандека В., Липендина П., Маегова А., Макарова А., Митина М., Ситковского Е., Тащилина И., Черемных П. и др.

[172] Диалектический и исторический материализм, ч. 1, с. 137.

После опубликования «Диалектики природы» и «Философских тетрадей» мысли Ф. Энгельса о диалектике как науке о всеобщих законах развития природы, человеческого общества и мышления и В. И. Ленина о логике как учении о «развитии всего конкретного содержания мира и познания его» стали в центр внимания философских кадров СССР.

Осваивая идейно-философское наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, советские философы рассматриваемого периода делали в общем и целом правильное заключение, что философия марксизма — это материалистическая диалектика, выступающая в качестве логики и теории познания, в качестве теории и метода научного мышления[173]. В литературе выдвигался и обосновывался тезис (правда, в основном в общем плане, в порядке постановки вопроса) об огромном вкладе В. И. Ленина в разработку диалектики как науки, как логики и теории познания.

Сохраняя положительные выводы, сделанные в литературе предшествующего периода и связанные с интерпретацией предмета и структуры марксистской философии, советские исследователи 30-х годов продолжали уточнять проблематику философии как одной из специфичных форм познания.

Изучая философское наследие классиков марксизма, они отмечали, что, несмотря на разные формулировки, *касавшиеся определения предмета философии*, речь шла об одном и том же: философия сохраняется как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. В работах 30-х годов неоднократно цитировались слова Ф. Энгельса о том, что от философии остается в современных условиях учение о законах мышления, логика и диалектика. Но при этом обычно учитывалось, что законы диалектического мышления отражают наиболее общие объективные законы развития. На этой диалектико-материалистической основе и осуществляется совпадение диалектики, логики и теории познания. «Если считать, что материалом диалектики являются только категории мышления,— указывалось в одной из статей,— это и значит целиком оставаться в границах идеалистической диалектики, которая имеет дело лишь с понятием, а не с движением объективного материального мира. Такая трактовка марксизма вовсе не вскрывает, а, наоборот, затушевывает, замазывает тот шаг вперед от Гегеля, который был сделан Марксом и Энгельсом»[174]. В ходе философской

[173] См.: *Быховский В.* Очерк философии диалектического материализма. М.; Л., 1930, с. 8—10; *Татулов Г.* Введение в теорию познания диалектического материализма. М.; Л., 1930, с. 94; *Широков И.* Ленинский этап в развитии материалистической диалектики.— Проблемы марксизма, 1932, № 9/10, с. 50, 58; *Ситковский Е.* К вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания.— Под знаменем марксизма, 1932, № 11/12, с. 193.

[174] *Васильева А.* Гегель и современный ревизионизм.— В кн.: Гегель и диалектический материализм, с. 205.

дискуссии была подвергнута критике та тенденция во взглядах А. Деборина и его сторонников, которая в конечном счете могла привести к ограничению предмета философии учением о мышлении или научной методологией, к сужению предмета философии, абсолютизации одной из ее сторон — логико-методологического аспекта. При таком подходе во многом выпадала социальная, партийно-идеологическая функция философии, упускалась из виду связь философии и политики, теории и практики. Между тем философия решает не только теоретико-познавательные, логико-методологические задачи, как общетеоретическая основа мировоззрения, как специфическая форма общественного сознания она тесно связана с классово-политической борьбой в обществе.

В соответствии с этим в книгах и статьях советских философов 30-х годов подчеркивалось, что принцип партийности философии занимает одно из главных мест в системе ленинских идей. Он означает, что разрешение философских проблем в условиях классового общества происходит с позиций материализма или идеализма, диалектики или метафизики; что противоположность этих позиций отражает в конечном счете интересы борющихся классов общества; что диалектический материализм открыто и ясно заявляет о своей классовости, партийности, является философским мировоззрением рабочего класса и его коммунистической партии. Принцип партийности неразрывно связан с вопросом о соотношении политики и философии [175].

Разработка и пропаганда ленинской теории познания. Укрепление союза философов и естествоиспытателей. С конца 20-х — начала 30-х годов советские философы стали все более настойчиво подчеркивать мысль о том, что В. И. Ленин творчески развил и конкретизировал принцип отражения, последовательно проводящийся в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса при рассмотрении проблем человеческого познания.

С работами, посвященными ленинской теории отражения, выступали А. Деборин, М. Митин, Т. Павлов (П. Досев), М. Мирошхина и др. Различные аспекты диалектической концепции отражения рассматривались под углом зрения того нового, что внес В. И. Ленин в философию. В этой связи Т. Павлов (П. Досев) писал: «Главное и основное в ленинской теории отражения состоит именно в том, что Ленин особо углубил и конкретизировал учение марксистской гносеологии о действенном и диалектическом характере познания. Или, что одно и то же, особо развил марксистское учение о материалистической диалектике как орудии для революционного изменения мира» [176].

Важной вехой в изучении и разработке идейно-философского

[175] См.: Диалектический и исторический материализм, ч. 1, с. 42—43, 345.
[176] 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934, с. 65.

наследия В. И. Ленина, диалектико-материалистической теории отражения, ленинской идеи о союзе философов-марксистов и естествоиспытателей явилась научная сессия Института философии Комакадемии, посвященная 25-летию со времени выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Сессия проходила в Москве 20—23 июня 1934 г. Наряду с философами и представителями других общественных наук в ней приняли участие и выступили с докладами крупнейшие советские ученые-физики С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе.

Анализируя ленинскую теорию отражения, М. Б. Митин подчеркнул, что в марксизме диалектика сливается с теорией отражения в единую философскую науку. В. И. Ленин неустанно обращал внимание на относительный и приблизительный характер отражения реальности на каждой исторической ступени познания, настаивал на том, что познание есть не зеркально-мертвое отображение, а сложный исторический процесс, протекающий на базе общественной практики. М. Митин охарактеризовал новейшие экспериментальные данные, которые имелись в области исследования физиологии высшей нервной деятельности, в области зоопсихологии и психологии ребенка, представлявшие богатый эмпирический материал для подтверждения правильности ленинского исторического подхода к проблемам познания и роли социальной практики в развитии психической деятельности [177].

С. Вавилов и А. Иоффе приводили новые естественнонаучные факты, подтверждающие правильность диалектического материализма. С. Вавилов, характеризуя современное состояние учения о свете, говорил об относительности и подвижности граней в природе, о диалектике природных явлений и о диалектическом развитии познания. А. Иоффе особо подчеркнул ленинские идеи о неисчерпаемости материи и о связи науки с социальными условиями. Он привел факты современной физики, которые подтверждают «безусловную правильность диалектического материализма»: 1) превращение количественных изменений в качественные при переходе от макроскопических явлений к микроскопическим и от атомной физики к физике ядра; 2) синтез противоположностей (частицы и волны); 3) объединение пространства и времени в пространственно-временной континуум. «Мы знаем,— говорил А. Иоффе,— что на почве кризиса капитализма вырастает идеализм, пытающийся использовать каждый шаг науки для затуманивания голов. С этим надо бороться, но нельзя огулом объявлять идеалистами всех крупнейших представителей современной физики. В основе своей они материалисты, и именно поэтому они ищут новых средств выражения объективной реальности... Не только от своего лица, но и от лица

[177] См.: Под знаменем марксизма, 1934, № 4, с. 23—50.

подавляющей массы всех физиков нашего Союза я могу сказать, что мы всячески приветствуем союз материалистов-диалектиков с естествоиспытателями для борьбы с идеализмом»[178].

На сессии выступила Л. Аксельрод-Ортодокс, которая в свое время недооценивала книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», отвергала ленинскую теорию отражения. Характеризуя значение «Материализма и эмпириокритицизма», она заявила, что это произведение имеет огромное историческое значение, что «книга Ленина представляет собой концентрацию диалектического материализма и знамя для борьбы против всех форм реакционной философии, в том числе и философии социал-демократической»[179].

Выступил на этой сессии и Г. Лукач, который в те годы жил в СССР. Он отметил, что борьба во всех секциях Коминтерна за марксистско-ленинское мировоззрение должна вестись с такой же решительностью и основательностью, как и борьба за стратегически-тактическую или организационную линию. «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина дает всем секциям Коминтерна острое идеологическое оружие для этой борьбы[180]. Лукач подверг критике свою собственную идеалистическую позицию, изложенную им в книге «История и классовое сознание» (1922).

Сессия вызвала большой интерес у общественности. Она свидетельствовала об успехах в борьбе за ленинизм в философии, а также о том, что марксисты-философы совершали все более энергичный поворот в сторону изучения, освещения и использования того нового научного материала, который в различных областях знания давала современная им эпоха. По итогам сессии Института философии президиум Коммунистической академии принял постановление, в котором было сказано: «Сессия Института философии проходила при большом общественном внимании и интересе к ней со стороны широких философских и естественнонаучных теоретических кадров. Участие в работе сессии членов Академии наук — крупнейших представителей советской физики имеет большое значение, с одной стороны, с точки зрения связи философии с конкретными науками, а с другой — для укрепления союза с естествоиспытателями, для борьбы против идеалистической реакции, за материалистическую диалектику в науке»[181].

Активизация внимания к ленинским идеям и методологии в области философии способствовала расширению фронта научно-исследовательской деятельности философских кадров по проблемам

[178] Под знаменем марксизма, 1934, № 4, с. 63—68, 70—78.

[179] Цит. по: XXV лет «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленина, 1909—1934.— В кн.: Труды научной сессии Института философии. М.; Л., 1935, с. 180.

[180] См.: Под знаменем марксизма, 1934, № 4, с. 128.

[181] Вестн. Ком. акад., 1934, № 3, с. 135.

диалектического материализма. В сферу научных интересов стали вовлекаться новые вопросы, новые философские понятия, которые недостаточно рассматривались прежде.

Серьезным исследованием вопросов марксистско-ленинской теории познания явилась монография Т. Павлова «Теория отражения» (М.; Л., 1936). Его книга была одной из первых в нашей философской литературе монографий, в которой основательно рассматривались узловые проблемы диалектико-материалистической теории познания. Эта работа широко обсуждалась в Институте философии, на философском отделении Института красной профессуры. Наиболее интересными являлись главы, освещавшие проблемы первичных и вторичных качеств, единства непосредственного и опосредованного в процессе познания, вопросы об идеях, о конкретности истины.

Заслуживает внимания подход Т. Павлова к характеристике роли и значения интуиции в научном и художественном освоении (познании) мира — вопрос, который почти не освещался в тогдашней марксистской литературе. Автор подчеркивал, что неправильно сводить процесс познания к чисто дискурсивно-абстрактному (опосредованному) мышлению и пренебрегать моментом непосредственности в ходе познания[182]. Следует также отметить данный в книге анализ вопросов о единстве и взаимопроникновении ощущения и мышления, об эмоциональном и волевом моментах в познании. Интерпретируя ленинскую формулировку о ступенях познания, Т. Павлов особо остановился на том, что переход от субъективности представлений и идей к объективной сущности вещей осуществляется через практику. В этом движении от идеи к предмету на саму практику необходимо смотреть как на исторически развивающийся фактор.

Интересной по постановке вопроса была статья К. Мергелидзе «От животного сознания к человеческому». Сконцентрировав внимание на характеристике активно-творческого начала сознания, он писал: «Между субъектом и природой вырастает целый исторический мир культуры, мир материально-технический, идейный и т. д., словом, вместо биологических отношений утверждаются отношения общественно-исторического порядка. Созданные производственно-трудовой деятельностью человека, социальные отношения являются основой для формирования развития и сохранения чувств и сознания»[183].

В трудах советских философов 30-х годов значительное место отводилось освещению вопроса *о роли практики в гносеологии марксизма*, о влиянии практической деятельности на развитие мышления человека. Опираясь на тезис Маркса о том, что люди

[182] См.: *Павлов Т.* Теория отражения. М.; Л., 1936, с. 121.
[183] Цит. по кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1935, т. V, с. 49.

начинают с практического, активно-производственного отношения к внешнему миру, советские ученые подчеркивали, что марксизм-ленинизм кладет в основу своей теоретико-познавательной концепции практический, исторический опыт человечества. Домарксистская философия решала гносеологический вопрос в значительной мере внесоциально. Субъект и объект рассматривались как метафизически обособленные сущности. В марксизме гносеологическое отношение субъекта к объекту включает в себя предметную, целенаправленную деятельность. Процесс активного воздействия человека на природу с помощью орудий труда ведет к развитию опосредованного знания, к формированию отвлеченных абстрактных понятий, к выделению логических категорий: субъекта, объекта, причинности, закономерности и т. д.

Проблема образования *абстрактных понятий* и их отношения к объективной действительности — еще одна тема гносеологических исследований советских философов первой половины 30-х годов.

Одна из первых в нашей философской литературе попыток рассмотрения эвристического правила, позволяющего отыскивать такие общие свойства у предметов, которые не воспринимаются непосредственно через органы чувств, была представлена в статье С. А. Яновской «О так называемых определениях через абстракцию», в которой автор, опираясь на идеи К. Маркса и ленинскую теорию отражения, стремилась выяснить происхождение математических абстракций из реальной действительности. Соотнося метод определения через абстракцию в математике с методом выведения Марксом категорий стоимости и денег в «Капитале», С. Яновская заключала, что, «как всякий последовательно материалистический метод, этот способ образования понятий носит ярко выраженный диалектический характер»[184].

Законы и категории материалистической диалектики. Вопросы логики. Все шире включая в научный оборот ленинские философские идеи и обобщения, советские ученые в первой половине 30-х годов акцентировали внимание на том, как В. И. Ленин совершенствовал и развивал законы материалистической диалектики. Пристальный интерес вызывала мысль В. И. Ленина о единстве и борьбе противоположностей как «ядре», «сути» диалектики. В некоторых работах предпринимались попытки разъяснить, детальнее раскрыть *закон единства и борьбы противоположностей.* Подчеркивался прежде всего объективный характер диалектики, наличие противоречивых сил и тенденций во всяком явлении материальной действительности. Много внимания уделялось критике механистических воззрений на противоречия как на антагонизмы

[184] Сборник статей по философии и математике/Под ред. С. А. Яновской. М., 1935, с. 134.

внешних сил и в этом контексте критиковалась теория равновесия[185].

Закон единства и борьбы противоположностей советские философы рассматривали в двух плоскостях, тесно связанных между собой: с одной стороны, как выражение существа объективного процесса развития, с другой стороны, как важнейший закон познания. О. Розенблюм в статье «К вопросу о логике „Капитала" Маркса» обстоятельно рассматривал анализ процесса *раздвоения единого* на примере абстрактного и конкретного труда, отмечая, что сам Маркс относил открытый им двойственный характер труда к своим наибольшим теоретическим удачам в «Капитале». Розенблюм исследовал также принцип *единства логического и исторического*, примененный К. Марксом при изучении становления капиталистической формации. «Труд Маркса,— писал он,— это логическое отражение в абстрактной и теоретически последовательной форме исторического процесса развития капиталистического общества»[186].

Важный аспект логического метода «Капитала» был рассмотрен в статье М. Розенталя «Разработка категорий сущности и явления в „Капитале" К. Маркса». Здесь прослеживалось, как К. Маркс оперировал этими понятиями при исследовании капиталистического общества, для которого типична крайняя фетишизация социальных отношений. Тип соотношения *сущности и явления*, отмечал М. Розенталь, различен в зависимости от исторических условий. Ввиду несовпадения явления с сущностью возникает необходимость осмыслить посредствующие, промежуточные звенья между ними. Только практическая деятельность дает возможность проникнуть в сущность того или иного явления, «отнять» у действительности черты видимости и познавать объективную истину[187].

Разъясняя ленинское понимание закона единства противоположностей, М. Розенталь подчеркивал, что для В. И. Ленина особенно характерно проникновение в механизм перехода противоположностей, выяснение того, «как и когда можно и должно соединять противоположности», сочетать их так, чтобы получилась «симфония, а не какафония»[188].

Философские аспекты проблемы причинности в квантовой механике рассматривались в статьях Ф. Гальперина и М. Маркова, подчеркивавших, что причинная связь — это не субъективное понятие, не удобная установка нашего мышления, а объективная за-

[185] См.: *Селектор М. З.* О раздвоении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики.— Под знаменем марксизма, 1933, № 3; *Он же.* Диалектический материализм и теория равновесия. М.; Л., 1934.

[186] *Розенблюм О.* К вопросу о логике «Капитала» Маркса.— Под знаменем марксизма, 1935, № 2, с. 101.

[187] См.: *Розенталь М.* Разработка категорий сущности и явления в «Капитале» К. Маркса.— Под знаменем марксизма, 1933, № 3, с. 16, 23, 33.

[188] См.: *Розенталь М.* О некоторых чертах ленинского понимания закона единства противоположностей.— Под знаменем марксизма, 1935, № 4, с. 148.

кономерность природы; квантовая механика выявляет новые формы выражения принципа причинности, пересматривает метафизически застывшие физические понятия, все глубже и точнее отображает объективный мир [189].

Значительный круг философских вопросов, обсуждаемых в литературе первой половины 30-х годов, связан с выяснением *соотношения диалектики и формальной логики.* В среде советских ученых утверждались взгляды, согласно которым диалектическая логика имеет свой предмет как наука, изучающая законы развития мышления, исследующая генезис, формирование и изменение философских понятий и категорий. В компетенцию диалектической логики входит задача проследить исторический путь познания, данный в обобщающих его логических категориях, в их взаимной связи и переходах. В порядке общей постановки вопроса о диалектической логике как логике противоречивых процессов и универсальных связей указывалось, что абстракции, которыми она оперирует, имеют конкретный характер. Анализ и синтез в ней нераздельны, ее категории максимально гибки и ведут к истине. Отмечалось также, что базой диалектической логики является история познания, практика. Диалектическая логика изучает формы человеческого познания — понятия, суждения и умозаключения в неразрывной связи с тем, как они применяются на деле, в реальном историческом процессе познания [190].

Отмечая этот аспект исследования проблем логики, следует вместе с тем признать, что в целом в 30-х годах логическим аспектам познания уделялось сравнительно мало внимания. Лишь эпизодически предпринимались попытки разъяснения категорий, их взаимной связи и взаимовлияния, переходов между ними. Слабо освещались вопросы об отражении диалектики бытия мышлением в формах анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрактного и конкретного, логического и исторического. Очень часто позитивная разработка проблем диалектической логики подменялась излишне нигилистической критикой формальной логики, как ее якобы главного антипода и противника. В ряде философских публикаций того времени «антиномия» диалектики и формальной логики разрешалась прямолинейно, упрощенно. Старая, традиционная формальная логика объявлялась основой идеализма и метафизики. Некоторые авторы (К. Милонов и др.) стояли на позициях, по существу, отрицавших ее самостоятельное существование как научной

[189] См.: *Гальперин Ф., Марков М.* Соотношение неточностей в квантовой механике.— Под знаменем марксизма, 1932, № 9/10; *Они же.* Новые высказывания о принципе причинности.— Под знаменем марксизма, 1935, № 4.

[190] См.: *Деборин А.* Диалектика и естествознание. М.; Л., 1930, с. 3—12; Диалектический материализм/Под ред. А. Айзенберга, Г. Тымянского, И. Широкова. Л., 1933, с. 278; Диалектический материализм.— В кн.: БСЭ, 1933, т. 22; Диалектический и исторический материализм, ч. 1, с. 222.

дисциплины. Она объявлялась «пустоцветом», «бессмыслицей», которая «отжила свой век»[191].

Существовала, правда, и другая точка зрения. А. Х. Чичикалов, например, выступая на научной сессии, посвященной 50-летию со дня смерти К. Маркса (1933), справедливо критиковал тенденцию, носители которой «формальную логику превращают в жупел, превращают в нечто такое, что должно быть якобы совершенно выброшено из круга нашего внимания»[192]. В. Асмус, Г. Тымянский, М. Каммари и другие доказывали, что формальная логика была и остается необходимой ступенью научного познания, изучающей законы и формы мышления, отвлекаясь от их конкретного содержания.

В первой половине 30-х годов советские философы подвергали критике работы логических позитивистов.— Карнапа, Рейхенбаха и других, стремясь выявить присущие им идеалистические и агностические положения. Хотя при этом наблюдались известные упрощения — недооценивались, например, попытки неопозитивистов уяснить познавательное значение терминов и знаков научной теории, работу советских философов первой половины 30-х годов в направлении критики неопозитивизма можно оценить в целом весьма высоко.

* * * * *

Философская дискуссия конца 20-х — начала 30-х годов и последующая положительная творческая деятельность советских ученых-марксистов по освоению, разработке и пропаганде диалектического материализма сыграли большую позитивную роль и явились важным рубежом в развитии советской философской науки. В соответствии с указаниями Коммунистической партии был осуществлен поворот работы философов-профессионалов к решению актуальных задач борьбы за социализм. С большой силой подчеркивалось величайшее значение ленинского вклада в философию, ленинского этапа в развитии диалектического и исторического материализма. Принцип партийности философии был выдвинут на первый план.

[191] См.: Диалектический материализм, ч. 1, с. 223; *Милонов К.* К вопросу о соотношении логики формальной и диалектической.— Под знаменем марксизма, 1937, № 4/5, с. 59—60; и др.

[192] Материалы научной сессии: К 50-летию со дня смерти К. Маркса. М.; Л., 1934, с. 121.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ НАУКЕ В ПЕРИОД УПРОЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Во второй половине 30-х годов в СССР завершился переходный период. Победил социализм, было в основном построено социалистическое общество. Началась новая полоса истории нашей страны — этап упрочения и дальнейшего развития социализма, борьбы советского народа под руководством Коммунистической партии за построение развитого социалистического общества. С победой социализма изменилась социальная структура советского общества, сложилось его политическое и моральное единство, выросло могущество социалистического государства, еще больше усилилась роль КПСС как организатора и руководителя коммунистического строительства. Внимание партии было направлено на дальнейшее развитие и укрепление материально-технической базы социализма, совершенствование производственных отношений нового общества, коммунистическое воспитание трудящихся. Однако решение этих задач наталкивалось на большие трудности.

Конец 30-х годов ознаменовался нарастанием фашистской агрессии. В 1939 г. началась вторая мировая война. Капиталистическое окружение, в котором находился Советский Союз, постоянная угроза его безопасности требовали от партии и народа неослабного внимания к укреплению обороны страны, решительности и мужества в организации отпора империалистическим провокациям. Нападение гитлеровских армий на СССР прервало мирный, созидательный труд советского народа. Его величайшим подвигом, потребовавшим титанического напряжения всех сил и небывалого самопожертвования, явилась победа в Великой Отечественной войне, а после окончания войны — восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства. Тысячи разрушенных фашистами городов и десятки тысяч сожженных сел и деревень, уничтоженных промышленных предприятий приходилось поднимать буквально из руин и пепла. Деятели советской культуры, в том числе философы, принимали активное участие в войне, во всей кипучей работе партии и народа. Без учета этого обстоятельства нельзя правильно оценить положение, складывавшееся тогда в философской науке, уяснить пути ее развития, его неравномерность.

Не будет преувеличением сказать, что период с конца 30-х до середины 50-х годов, насыщенный огромным историческим содержанием, принадлежит вместе с тем к наиболее сложным и трудным периодам в истории советской философской науки.

1
Усиление пропаганды марксистского мировоззрения

В постановлениях и других документах ЦК КПСС, в научных работах советских марксистов было придано важнейшее значение делу пропаганды марксизма-ленинизма. Необходимость всемерного укрепления социально-политического и идейного единства советского общества выдвигала на одно из первых мест воспитание рабочего класса, колхозного крестьянства, социалистической интеллигенции, всех наций и народностей СССР в духе единого марксистско-ленинского мировоззрения. Его пропаганда приобрела огромный размах. Быстро росло число школ и курсов, занимавшихся партийным просвещением, намного увеличился выпуск литературы по вопросам марксистско-ленинской теории. Было завершено первое русское издание собрания Сочинений Маркса и Энгельса, издавались большими тиражами их «Избранные произведения», выходили в новых, улучшенных переводах «Манифест Коммунистической партии», «Анти-дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Диалектика природы», продолжалась публикация рукописей основоположников марксизма в «Архиве Маркса и Энгельса», публиковалось 4-е издание Сочинений В. И. Ленина, издавались новые Ленинские сборники.

В целях подготовки новых кадров специалистов в гуманитарной области в 1931 г. был создан на базе факультета отечественных наук (ФОН) МГУ Московский государственный институт истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского, в состав которого входил философский факультет с аспирантурой при нем (в 1942 г. философский факультет МИФЛИ вошел в состав Московского государственного университета). В 1936 г. Институт философии Коммунистической академии вошел в систему Академии наук СССР.

В 1938 г. вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)», для которого И. В. Сталиным была подготовлена в качестве четвертой главы работа «О диалектическом и историческом материализме». Она неоднократно издавалась и в виде отдельной брошюры, накладывая сильный отпечаток как на теоретическую деятельность в области философии, так и в особенности на пропаганду философских знаний в течение длительного времени.

Работа И. В. Сталина была в известной мере связана с предыдущим этапом развития советской философской литературы. Она по-своему отразила и подытожила некоторые ее положительные стороны и недостатки. К позитивным моментам в выступлениях советских философов (особенно с конца 20-х — первой половины 30-х годов), нашедшим отображение и в данном произведении, следует отнести подчеркивание партийного, мировоззренческого харак-

тера марксистской философии, ее действенности, ее значения для практической деятельности партии рабочего класса. В работе «О диалектическом и историческом материализме» была продолжена та линия на размежевание материалистической диалектики и идеалистической диалектики Гегеля, а также марксистского философского материализма и антропологически-метафизического материализма Фейербаха, которая являлась одним из итогов философской дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов.

Работа И. В. Сталина представляла собой краткое изложение марксистской философии, доходчиво освещающее некоторые ее вопросы: о взаимосвязи и движении, материальности мира и закономерности его развития, первичности материи и вторичности сознания и т. д. В силу этого она содействовала распространению философских знаний, ознакомлению массы читателей с диалектическим и историческим материализмом. В условиях, когда на Западе заметно активизировалась иррационалистическая философия, прагматические, неопозитивистские и другие концепции, направленные в первую очередь против марксизма, данная работа ориентировала на защиту материалистического мировоззрения, на борьбу против буржуазной идеологии и ревизионизма.

Вместе с тем популярность изложения достигалась Сталиным ценой схематизации, упрощения ряда вопросов, сочеталась с отступлениями от положений, содержащихся в трудах классиков марксизма[1]. В работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме» сказалась определенная недооценка ленинского философского наследия («Философских тетрадей», послеоктябрьских трудов В. И. Ленина). Самое понятие ленинского этапа в развитии марксистской философии не нашло должного отражения ни в данной работе, ни в других сочинениях Сталина.

Цельная, последовательно монистическая философия марксизма расчленялась Сталиным на две части — метод и теорию. В качестве метода выступала диалектика сама по себе, а в качестве теории — философский материализм сам по себе. Не получило объяснения то обстоятельство, что диалектика и материализм необходимо взаимопроникают друг в друга в марксистской философии, образуя нерасторжимое органическое единство. Материалистическая диалектика — это не только метод, но и всеобщая теория развития в ее наиболее полном, глубоком и многостороннем виде, наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления,

[1] См.: XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук.— В кн.: Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений 30 января — 2 февраля 1962 года. М., 1962; История философии. М., 1965. Т. VI, кн. I; Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах. М., 1965; Краткий очерк истории философии. М., 1969; Филос. энцикл., 1970, т. 5.

а марксистский философский материализм, диалектический по самой своей сути,— не только теория, но и метод, материалистический метод исследования.

Не выявив этой целостности диалектического материализма и расчленив его на «подход» к явлениям природы и их «истолкование», обойдя молчанием диалектическую логику, Сталин не смог, естественно, раскрыть единство диалектики, логики и теории познания в марксистской философии, показать, что материалистическая диалектика и есть теория познания марксизма, чему уделялось такое большое внимание В. И. Лениным.

В советской печати отмечалось, что в отличие от В. И. Ленина Сталин фактически исключил из определения закона единства и борьбы противоположностей аспект «единства» противоположностей, оставив только их «борьбу». Из всего многообразия форм этой борьбы им принимались во внимание главным образом отношения между новым и старым. Отмечалось также, что, характеризуя переход количественных изменений в качественные, Сталин считал обязательным признаком качественных изменений их быстроту, а скачкообразность фактически приравнивалась им к внезапности, одноразовости. Позднее, в работе «Марксизм и вопросы языкознания», Сталин отказался от этого мнения, признав, что переход количественных изменений в качественные при определенных условиях может происходить и происходит в форме постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания старого качества. Но на протяжении ряда лет его одностороннее толкование этого вопроса сказывалось на развитии философской мысли и преподавании философии в учебных заведениях.

В советской философской литературе (История философии. М., 1955, т. 6, кн. 1, с. 194; Краткий очерк истории философии. 2-е изд. перераб. М., 1969, с. 632; Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 125; Диалектика отрицания отрицания. М., 1983, с. 19—22 и др.) указывалось на отсутствие в работе «О диалектическом и историческом материализме» анализа закона отрицания отрицания как одного из основных законов материалистической диалектики.

Переключение усилий значительной части философов того времени на пропаганду работы «О диалектическом и историческом материализме» привело к тому, что проблематика философской литературы соответственно сузилась, шаблонизировалась. Большое место в статьях, брошюрах, сборниках занимало комментаторство, цитатничество. Как справедливо отмечалось на XX съезде КПСС, распространению догматизма и начетничества сильно способствовал культ личности.

Нельзя, однако, представлять дело так, что рассматриваемый период не дал ничего положительного в области марксистской философии. Мы решительно не согласны с утверждением буржуазных «советологов», которые, не утруждая себя исследованием, изображают 30—50-е годы как сплошное темное пятно в истории совет-

ской философской мысли, ее абсолютный застой, «искоренение» диалектики [2–4]. Другое дело, что развитие философской мысли переживало в то время серьезные трудности, шло больше вширь, чем вглубь, было направлено на решение не столько теоретических, сколько пропагандистски-публицистических, популяризаторских задач [5]. Последнее закономерно обусловливалось совокупностью исторических обстоятельств, в первую очередь серьезным расширением фронта воспитательной работы, вовлечением все более широких масс трудящихся в активное социалистическое строительство и необходимостью их приобщения к основам марксистского мировоззрения. На международной арене все более острой, взрывоопасной становилась конфронтация двух противоположных систем, все сильнее нарастала напряженность борьбы между марксистской и империалистической идеологиями. В этих условиях чрезвычайно повышалось значение пропаганды марксистско-ленинских идей, в том числе в области философии. Было бы поэтому неправильно, исторически неправомерно недооценивать пропагандистскую деятельность советских марксистов того времени, снобистски выводить ее за пределы теории. Эта работа играла важную роль. Она велась во многих республиках Советского Союза [6].

Нужно также иметь в виду, что рассматриваемый нами период не был на всем своем протяжении однозначен в смысле реальных возможностей, условий развития философии: в нем различаются такие своеобразные полосы, как предвоенная, военная, послевоен-

[2–4] Исходные постулаты этой схемы, огульно перечеркивающей целые десятилетия в истории советской философской науки, были выдвинуты белоэмигрантскими авторами — Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским, С. Л. Франком и др. (см.: *Berdyaew N.* The «General Line» of Soviet philosophy. London, 1933; Wahrheit und Luge des Kommunismus. Lucern, 1934), а также неотомистами И. Бохенским и Г. Веттером. Многие последующие буржуазные обзоры развития философской мысли в СССР после Октября в основном лишь варьируют эти «источники». Характерным примером может служить коллективная монография «Общественная мысль в Советском Союзе» (Social Thought in the Soviet Union. Edited with and introduced by Alex Semirenko. Chicago, 1969), объявляющая развитие гуманитарных наук в СССР (включая философию и социологию) от Октябрьской революции до 1956 г. «периодом упадка». Предвзятость, нежелание объективно разобраться в фактах, подойти к ним исторически сочетаются в этих рассуждениях с поверхностностью и претенциозностью. Правда, в современной зарубежной историко-философской литературе имеют место и попытки другого рода, связанные с желанием уяснить реальный процесс развития советской философской науки.

[5] См.: О диалектическом и историческом материализме. М., 1939. В работе над этой книгой приняли участие М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Г. Ф. Александров, А. В. Щеглов, В. С. Молодцов, Е. П. Ситковский, М. М. Розенталь, А. А. Максимов и др. См. также: *Митин М. Б.* Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии. М., 1939; *Позпер В. М.* Очерк диалектического материализма. М., 1939; *Константинов Ф. В.* Что такое марксистско-ленинская философия? М., 1941; и др.

[6] См.: *Гусейнов Г.* О диалектическом материализме. Баку, 1939. На азерб. яз.; *Он же.* Диалектика и метафизика. Баку, 1941. На азерб. яз.; *Назаренко И.* Основные черты диалектического метода.— Коммунист Украины, 1940, № 7. На укр. яз.; *Он же.* О «Философских тетрадях» В. И. Ленина.— В кн.: В помощь изучающим историю ВКП(б). Харьков, 1940; *Гумеров Г. Х.* Основные черты диалектического материализма.

ная и т. д., каждой из которых присущи свои специфические особенности движения философской мысли, вытекающие в конечном счете из конкретных условий внутреннего и международного развития страны в тот или иной период.

Практика преподавания философии не укладывалась в рамки «Краткого курса». Определенную помощь в усвоении диалектического материализма советскими и партийными кадрами, интеллигенцией оказывали новые, вышедшие в конце 30-х — начале 50-х годов учебные пособия, наиболее известными из которых были книги М. А. Леонова и М. М. Розенталя[7]. Советские философы, преподаватели высшей школы стремились обогатить свои лекции и работы ленинскими идеями, использовали «Философские тетради» и другие труды В. И. Ленина, произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Появлялись ценные не только в естественнонаучном, но и в философском отношении труды крупных советских ученых-материалистов: С. И. Вавилова, Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комарова, А. И. Опарина, И. Е. Тамма, И. И. Шмальгаузена, В. А. Фока и др.

Материалистическая диалектика все в большей мере рассматривалась советскими учеными в качестве надежного методологического ориентира в научных исследованиях. «Для новой физики,— отмечал С. И. Вавилов,— метод материалистической диалектики стал необходимостью»[8]. И далее: «Наша страна упорно учится диалектическому материализму»[9].

Уфа, 1941. На башк. яз.; *Мотарович П.* Марксистский диалектический метод. Минск, 1945. На белорус. яз.; Марксистский диалектический метод. Баку, 1945; и др.

[7] См.: *Леонов М. А.* Очерк диалектического материализма. М., 1948; *Розенталь М. М.* Марксистский диалектический метод. М., 1951.

[8] *Вавилов С. И.* Физика.— В кн.: БСЭ. 1-е изд., т. 57, кол. 242.

[9] Под знаменем марксизма, 1938, № 12, с. 33. С. И. Вавилов непосредственно участвовал в создании в 1945 г. сектора философских вопросов естествознания в Институте философии АН СССР и был его первым руководителем. Выступая на расширенном заседании Ученого совета Института философии 24 марта 1945 г., он говорил: «Для меня, как физика, и многих моих товарищей, занимающихся историей физики, участие в философской работе стало сейчас совершенно неотложной задачей. И это, повторяю, относится к представителям целого ряда естественнонаучных областей» (Из научного наследства академика С. И. Вавилова.— Вопр. философии, 1960, № 8, с. 122). Среди проблем, подлежащих философской разработке, С. И. Вавилов особенно выдвинул в этом выступлении проблему причинности, как «очень актуальную, носящую совершенно конкретный характер, связанную с конкретными работами биологов, физиков, химиков и работников других областей естествознания и имеющую в то же время очень важное значение для философов» (Там же, с. 123). Перу С. И. Вавилова принадлежит ряд работ по философским вопросам естествознания: «Диалектика световых явлений» (1934). «Новая физика и диалектический материализм» (1939), «Развитие идеи вещества» (1941), «Ленин и современная физика» (1944), «Ленин и философские проблемы современной физики» (1950) и др.

2
Законы и категории диалектики

Необходимость разработки диалектики как науки, завещанная В. И. Лениным, требовала внимания к *законам* этой науки (ибо не может быть науки без объективных законов, которые она изучает). Наряду с преобладанием в большинстве публикаций по диалектическому материализму с конца 30-х до середины 50-х годов пересказа «основных черт» диалектического метода и материалистической теории в тогдашней философской литературе продолжалась и разработка основных законов и категорий диалектики, проводившаяся в предшествующий период.

На рубеже 30—40-х годов было опубликовано несколько лекций и статей о законах диалектики. Позднее, в конце 40-х — первой половине 50-х годов, эта проблематика нашла отражение в ряде диссертаций, защищенных в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), в Московском и Ленинградском университетах. Вопрос ставился прежде всего о «ядре» диалектики в ленинском его понимании. «Марксистская диалектика,— отмечалось в 1940 г. в лекции на Всесоюзном совещании руководителей кафедр основ марксизма-ленинизма,— есть наука о наиболее общих законах развития в природе, человеческом обществе и мышлении». И далее: «Ленин, считая материалистическую диалектику душой марксизма, определял *закон единства и борьбы противоположностей* как ядро, суть диалектики»[10].

Речь шла, по существу, о сохранении уже сложившейся в советской философской науке традиции изложения важнейшего закона марксистской диалектики в его полном, «неурезанном» виде. Каждый шаг в этом направлении, сделанный в то время, каким бы скромным он ни казался, заслуживает внимания. Одним из таких шагов было включение в 1941 г. темы «Закон единства и борьбы противоположностей» в вузовскую программу по философии[11]. В философской литературе обсуждались вопросы о различных типах противоречий — антагонистических и неантагонистических, внутренних и внешних и т. д., об особенностях противоречий при социализме и способах их разрешения, о непримиримости марксистско-ленинской диалектики к софистике и эклектике[12].

[10] *Розенталь М. М.* Важнейший закон диалектики. М., 1940, с. 3 (курсив наш.— *Ред.*). Эта же мысль содержится в стенограмме лекции, прочитанной Розенталем 27 января 1947 г. в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). См. также: *Горынин В.* Единство и борьба противоположностей.— Пропаганда и агитация, 1939, № 22.

[11] См.: Программа по курсу диалектического материализма для высших учебных заведений. М., 1941, с. 2. В последующих вариантах программы момент «единства» противоположностей вновь исключался (большей частью до середины 50-х годов) при определении соответствующей «черты» диалектического метода.

[12] См.: *Федосеев П.* Материалистическая диалектика и софистика.— Под знаменем марксизма, 1940, № 2; *Кръвелев И.* Материалистическая диалектика и эклектика.— Под

П. Ф. Юдин подчеркивал в 1939 г. значение ленинских высказываний о диалектике, содержащихся в «Философских тетрадях»: о диалектической логике и первостепенном значении закона единства и борьбы противоположностей. Законы диалектики, понимаемые в соответствии с указаниями основоположников марксизма, не могут рассматриваться как не связанные между собой и независимые друг от друга. Представляя различные стороны единого, закономерного развития материального мира, эти законы «действуют не поочередно, не отгорожены друг от друга. Процесс развития природы и всей жизни вообще есть единый процесс, и лишь на различных ступенях развития преобладают то одни, то другие стороны и формы движения. Законы диалектики как раз выражают различные стороны и формы движения законов объективного мира»[13]. Там, где, скажем, с особой силой проявляется закон перехода количественных изменений в качественные, вместе с ним присутствуют и действуют также другие законы диалектики. Все они функционируют на основе закона единства и борьбы противоположностей, как ядра диалектики, «так что разрывать, отрывать законы диалектики друг от друга и рассматривать их независимо один от другого невозможно: это противоречит духу диалектики»[14].

Однако стремление представить в лекционных курсах и в периодике важнейший закон диалектики во всей его полноте не всегда могло реализоваться. В начале 50-х годов была предпринята попытка оправдать отрыв «борьбы» противоположностей от их «единства» тем, что «единство», «тождество» противоположностей — это якобы чисто гегелевские понятия, остаток гегельянства, мешающий усвоению материалистической диалектики[15].

знаменем марксизма, 1940, № 3/4; *Александров Г.* Диалектика и политика.— Под знаменем марксизма, 1940, № 8, 9, 10; *Вишняков А.* К вопросу о диалектике развития социалистического общества.— Коммунист, 1953, № 10; *Дудель С. П.* О внутренних антагонистических и неантагонистических противоречиях.— Вопр. философии, 1953, № 2; *Козловский В.* Антагонистические и неантагонистические противоречия. М., 1954; *Чертков В. П.* Единство советского общества и борьба нового и старого.— Вопр. философии, 1955, № 6; и др.

[13] *Юдин П.* Классические произведения марксистского философского материализма. М., 1939, с. 75.

[14] Там же, с. 76.

[15] См.: Вопр. философии, 1952, № 6, с. 13; 1953, № 4, с. 28. Но уже в 1954 г. в этом журнале можно было прочесть: «Некоторые товарищи выступили против употребления термина „единство противоположностей", мотивируя это тем, что единство может быть понято как единство интересов противоположных сторон, что, на наш взгляд, неубедительно. Термином „единство противоположностей" пользовались в своих трудах классики марксизма-ленинизма, и нам нет никаких оснований от него отказываться» (№ 2, с. 231). В том же году, продолжая линию восстановления в правах «ядра диалектики», передовая «Вопросов философии» отмечала: «В этой путанице повинна и редакция нашего журнала. Отрицание понятия „единство противоположностей" породило неправильные представления, будто между противоположными сторонами целого нет единства, тогда как без такого единства и взаимосвязи нет и не может быть и борьбы противоположностей, развития» (№ 5, с. 9).

На сходные возражения наталкивались в ряде случаев и попытки «восстановить» в правах *закон отрицания отрицания*[16]. Нигилистическое отношение к нему также было шагом назад, тем более досадным, что уже после появления работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме» обоснованию важности этого закона диалектики было посвящено советскими философами несколько публикаций[17]. О диалектическом отрицании как всеобщем законе развития писал П. Ф. Юдин[18]. А. В. Востриков в статье, посвященной этому закону, отмечал его связь с законами единства противоположностей и перехода количественных изменений в качественные. Не ограничившись фиксацией поступательного характера развития, он указывал и на другие стороны этого закона диалектики, в частности на то, что диалектическое отрицание является моментом саморазвития и взаимосвязи явлений. «Смысл диалектического отрицания состоит в том, что оно выступает не только как момент уничтожения старого, отжившего, но и как момент связи со всем положительным, что было создано при старых формах развития, как момент исторической преемственности. В новом, возникшем в результате отрицания старого, воплощается все богатство, созданное предшествующим развитием. И только так образуется единая цепь развития и жизнь целого»[19]. Далее автор возражал против понимания восхождения от низшего к высшему как прямой линии, отмечая, что этот процесс содержит в себе относительные повторения и возвраты к исходным пунктам. «Возврат якобы к старому» рассматривался им как существенный момент диалектики, одна из характерных черт закона отрицания отрицания в его ленинском истолковании[20]. Причем речь идет не о буквально понимаемых повторениях, а о том, что последующие стадии поступательного развития стоят выше предыдущих[21]. Закон отрицания отрицания трактовался в качестве одного из основных законов диалектики и в первых изданиях «Краткого философского словаря»[22]. Однако в дальнейшем, до середины 50-х годов, он интерпретировался лишь как философское понятие, отражающее одну из сторон процесса развития.

Сравнительно лучше обстояло дело в те годы с разъяснением закона перехода количественных изменений в качественные. В 1946 г. вышла монография Б. М. Кедрова, в которой на большом естественнонаучном материале анализировались понятийная структура этого закона и механизм его действия. Руководствуясь указа-

[16] См.: Вопр. философии, 1947, № 1, с. 199; 1953, № 4, с. 27.

[17] См.: *Бердник П.* Что такое отрицание отрицания?— Пропаганда и агитация, 1939, № 16; *Розенталь М.* Закон отрицания отрицания. М., 1940.

[18] См.: *Юдин П. Ф.* Классические произведения марксистской философии, с. 75.

[19] *Востриков А.* Отрицание отрицания и гегелевская триада.— Под знаменем марксизма, 1941, № 5, с. 75.

[20] См.: Там же.

[21] См.: Там же, с. 71—82.

[22] См.: Краткий философский словарь/Под ред. М. Розенталя, П. Юдина. 2-е изд. М., 1940, с. 206.

ниями В. И. Ленина, автор отказывался «от часто практикуемого способа характеризовать при помощи энного количества примеров закон перехода количества в качество и связанную с ним концепцию развития»[23]. Необходимо, отмечал он, «показать этот закон и соответствующую ему концепцию развития как результат длительного и противоречивого движения человеческой мысли; говоря словами Ленина, показать, что названный закон есть закон «развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»[24].

В монографии Б. М. Кедрова качественная специфика трактовалась как своего рода имманентная граница или определенность предметов, выражающая их природу. «Можно сказать на этом основании,— писал Б. М. Кедров,— что качество есть внутренняя граница вещи, позволяющая отделять ее от всех вещей другого рода и отождествлять (идентифицировать) ее с вещами одного с нею рода»[25].

Б. М. Кедров прослеживал объективную динамику количественно-качественных изменений, беря ее в связи с историей естествознания — открытиями Дальтона, Лавуазье, Ломоносова, Менделеева, Дарвина. Значительное место уделено в книге единству скачкообразности и непрерывности в процессе развития.

Закон перехода количественных изменений в качественные освещался и в работах других авторов[26]. Но в его толковании нередко сказывались односторонность, схематизм, особенно при рассмотрении проблемы скачка. Если раньше скачок понимался многими как одноразовый акт, то после выхода брошюры Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» многие авторы впали в другую

[23] *Кедров Б. М.* О количественных и качественных изменениях в природе. М., 1946, с. 9.

[24] Там же. См. также: *Кедров Б. М.* Учение марксистской диалектики о качестве, количестве, мере.— Под знаменем марксизма, 1941, № 3; *Он же.* Ленин о связи между диалектикой и естествознанием.— Там же, 1944, № 1; *Он же.* О произведении Ф. Энгельса «Диалектика природы». М., 1947; *Он же.* О путях развития естествознания. М.; Л., 1948; *Он же.* Развитие понятия элемента от Менделеева до наших дней. М., 1948; *Он же.* Атомистика Дальтона. М.; Л., 1949; *Он же.* О формах скачков в развитии природы и общества.— Большевик, 1951, № 15; *Он же.* О двух путях перехода от старого качества к новому.— Московский пропагандист, 1951, № 3; *Он же.* Постепенность как одна из форм перехода от старого качества к новому качеству.— Вопр. философии, 1954, № 2. Во всех этих работах дано изложение взглядов того времени на основные законы диалектики.

[25] Вопр. философии, 1954, № 2, с. 13.

[26] См.: *Розенталь М. М.* Развитие как переход количественных изменений в коренные качественные изменения. М., 1941; *Сарсенбаев Н. С.* О различных путях перехода от старого качества к новому.— Вопр. философии, 1951, № 5; *Платковский В.* Марксизм-ленинизм о характере скачков в общественном развитии.— Молодой большевик, 1951, № 18; *Коганов В. М.* О путях перехода от старого качества к новому в процессе развития.— Вопр. философии, 1952, № 2; *Топорков А.* Развитие как переход количественных изменений в коренные качественные.— В кн.: Труды Ин-та истории и философии АН Аз. ССР, 1955, т. 8; *Минасян А. К.* Скачкообразный характер изменения и развития материи. Ереван, 1955. На арм. яз.; и др.

крайность и стали абсолютизировать момент постепенности, сглаживая различие между качественными и количественными изменениями.

Исследование и освещение *категорий диалектики* не в меньшей мере, чем изучение законов материалистической диалектики, усложнялось тем обстоятельством, что они не стали объектом специального рассмотрения в работе «О диалектическом и историческом материализме».

Одна из первых в советской литературе попыток сведения воедино важнейших категорий диалектики была предпринята в работе Е. П. Ситковского «О некоторых категориях марксистской диалектики» (1939). Сославшись на изложение основных черт диалектики, данное незадолго до этого Сталиным, автор следующим образом мотивировал актуальность избранной им темы: «Но в бесконечно многообразной природе действуют не только эти основные законы. В природе существует множество разнообразных типов связей и опосредствований, действует множество других законов развития, каждый из которых выражает особые, отличные от других формы развития и типы связей. Все эти законы являются дополнением, углублением и конкретизацией основных законов развития, в частности закона о единстве и борьбе противоположностей»[27]. В обширной статье Е. П. Ситковского рассматривались сущность и явление, закон причинности, причинность и целесообразность, возможность и действительность, форма и содержание. Будучи производными по отношению к основным законам диалектики, эти категории также являются, полагал автор, законами и играют большую роль в развитии объективной действительности и ее познании. Компактное изложение в этой работе категорий, рассматривавшихся обычно в отдельности друг от друга, содействовало осознанию их как различных сторон единого целого, выявлению их многоцветного спектра, оказывало помощь изучающим марксистскую философию, хотя анализ системы этих категорий, ее внутренней логики оставался еще на том этапе нерешенной задачей.

Проблема категорий, хотя и фрагментарно, включалась в 30—40-х годах в разделы учебных пособий, излагающие основные черты диалектики и материализма. Такое соподчинение было достаточно условным и имело свою негативную сторону. Зачисление тех или иных категорий «по ведомству» одной какой-либо «черты» (например, случайность и необходимость включались обычно в «первую черту» метода, а возможность и действительность — в третью) мешало уяснению всеобщности категорий, разносторонних отношений между ними.

Ряд категорий диалектики был довольно тщательно проанализирован в литературе 30—50-х годов, в частности категория случайности.

[27] См.: Под знаменем марксизма, 1934, № 4, с. 180.

Е. Ситковский различал два основных вида случайности: внешнюю случайность, выступающую в качестве внешнего толчка или удара, присоединяющуюся извне, со стороны к данной необходимой цепи событий, и внутреннюю случайность, находящуюся внутри необходимого процесса, как одно из его несущественных звеньев. Различие этих видов случайности зависит от характера их взаимосвязи с необходимостью; в первой ситуации случайность не связана с данной необходимостью, хотя и является формой проявления какой-то другой необходимости, во второй же (внутренней) случайности проявляется данная необходимость [28].

В поле зрения советских авторов находились и такие категории, как *сущность и явление*. В соответствии с ленинской трактовкой этих категорий отмечалось, что сущность выражает прочное, остающееся, пребывающее в явлениях, их внутренние связи, их основу, их подлинную природу. Явление есть обнаружение сущности. Таким образом, сущность и явление представляют собой две стороны единой объективной реальности — внутреннюю и внешнюю. Для проникновения в сущность вещей, не совпадающую с явлениями, хотя и выражаемую через них, требуется логическая работа ума, сила абстракции. «Логическая работа мысли при познании сущности вещей тем более важна, что эта сущность бесконечно сложна, что за более поверхностной, сравнительно легко открываемой сущностью скрывается другая, более глубокая» [29]. Выражением сущности вещей является закон. Сущность и закон — однопорядковые понятия. Общее раскрывается ими в массе явлений. Поэтому сущность, закон не могут найти прямого, непосредственного выражения в отдельном, единичном. Попытка установить прямое тождество сущности и явления, общего и единичного ведет к искажению обоих. Постижение сущности осуществляется через посредствующие звенья в процессе движения мысли от абстрактного к конкретному [30].

Особо заслуживает быть отмеченным интерес в литературе рассматриваемого периода к категориям *возможности и действительности*, которым прежде, в 20-х годах, не уделялось должного внимания многими философами, несмотря на то что проблема категорий в целом разрабатывалась довольно активно. Интерес к категориям возможности и действительности был в немалой мере связан с поворотом философской деятельности к практике. Эти категории приобретали особую актуальность в условиях борьбы за упрочение устоев социализма, за использование всех имеющихся ресурсов для выполнения народнохозяйственных планов.

В ряде публикаций говорилось о единстве и различии возможности и действительности, о недопустимости отождествления возможности с действительностью, обрекающего на фатализм, о связи

[28] См.: *Ситковский Е.* Категории марксистской диалектики. М., 1941, с. 40—41.

[29] *Ситковский Е.* О некоторых категориях марксистской диалектики.— Под знаменем марксизма, 1939, № 4, с. 157.

[30] См.: *Розенталь М.* Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М., 1955, с. 262.

возможности с необходимостью и закономерностью, о борьбе противоположных возможностей, представляющих собой разные тенденции в процессе развития. Одним из теоретических аспектов этой проблемы, обсуждавшихся в философской литературе тех лет, был вопрос о видах возможностей, о важности различения реальных и «абстрактных» (или «формальных») возможностей. Некоторые авторы, целиком приравнивая так называемую абстрактную возможность к беспочвенным фантазиям, домыслам, утверждали, что марксизм вообще не принимает ее во внимание, отбрасывает. В «Кратком философском словаре» такая возможность называлась пустой [31]. Но существовало и другое мнение, исходившее из того, что возможности не представляют собой чего-то раз навсегда данного, неизменного и к ним поэтому нужно подходить конкретно-исторически. Сторонники этого взгляда считали, что наряду с такой, чисто формальной, «возможностью», которая ни при каких условиях не может реализоваться (и стало быть, практически равна невозможности), существуют возможности, которые, будучи неосуществимы в данных условиях, выражают тем не менее один из объективных моментов, одну из тенденций развития; они становятся осуществимыми в другое время, при изменившихся обстоятельствах. Высказывалась точка зрения, согласно которой абстрактная возможность есть своего рода зачаток реальной возможности. Речь фактически шла, таким образом, о реально существующих возможностях различной степени сформированности и вероятности — одни из них могут исторически перерастать в другие [32]. Авторы тех лет, указывая на значение объективных условий, подчеркивали важнейшую роль человеческой деятельности, практики в деле превращения возможности в действительность в общественной жизни [33].

К середине 50-х годов вышло несколько книг, подводивших в известной мере итог предшествующей работе над законами и категориями диалектики. Одной из них был коллективный труд преподавателей кафедры философии Ярославского педагогического института «Категории диалектического материализма», опублико-

[31] См.: Краткий философский словарь. М., 1954, с. 81.

[32] См.: *Калошин Ф.* Материалистическая диалектика о возможности и действительности.— Под знаменем марксизма, 1938, № 10; *Таранчук М. В.* Марксистская диалектика о возможности и действительности.— Вопр. философии, 1949, № 1; *Морочник С. Б.* Возможность и действительность — категории материалистической диалектики.— Вопр. философии, 1954, № 4; *Грудинин И.* Диалектический материализм о возможности и действительности. М., 1955.

[33] В работах советских философов 30—50-х годов рассматривались и другие философские категории. См.: *Калошин Ф.* Диалектика формы и содержания.— Под знаменем марксизма, 1939, № 7; *Юдин П.* Свобода и необходимость.— Большевик, 1939, № 14; *Кузьмин Л. Ф.* Свобода и необходимость. М., 1941; *Ойзерман Т. И.* Марксистско-ленинское решение проблемы свободы и необходимости.— Вопр. философии, 1954, № 3; *Федоров Г.* Диалектический материализм о свободе и необходимости.— Коммунист, 1954, № 17; *Ахмедов З. М.* Марксизм-ленинизм о свободе и необходимости.— В кн.: Труды Азербайджанского университета им. С. М. Кирова. Баку, 1954, т. II (На азерб. яз.); и др. В ряде статей обосновывалось место и значение категорий в марксистской фило-

ванный в 1954 г.[34] Это была одна из первых попыток систематизированного изложения философских категорий, охватывавшая как те из них, которые раньше, в течение ряда лет, «закреплялись» только за «чертами» метода, так и те, которые принято было в данной связи опускать (материя, движение, пространство, время). Несмотря на недостатки, в частности отсутствие развернутой классификации категорий, эта книга несомненно дала толчок дальнейшей разработке категориального аппарата марксистской философии. В том же году в Ленинграде была издана книга В. П. Тугаринова «Законы объективного мира, их познание и использование», в которой рассматривалось соотношение закона, сущности, причины, условия; понятие «закон науки» в его связи с правилом, принципом, теорией; своеобразие природных и социально-исторических законов; взаимосвязь законов и практики; значение законов для научного предвидения. Фактически это была первая за многие годы обстоятельная исследовательская монография, специально посвященная проблеме закона и дающая ее всесторонний анализ[35]. На основе большого конкретного материала и исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма автор дал аргументированную критику буржуазно-идеалистического толкования закона. Он глубоко обосновал объективность законов природы и общества, означающую, что они действуют независимо от того, знаем ли мы их действие или нет, желательно оно для нас или нежелательно; люди не властны ни создавать, ни уничтожать законы материального бытия. Понимая закон и сущность как однопорядковые категории, автор тем не менее различает их между собой. Закон трактуется им как одна из многообразных форм сущности, существенных отношений. Не всякое существенное явление или отношение представляет собой, по мнению автора, закон. Многие черты явлений, будучи существенны для них, не могут считаться законом, если эти черты не охватывают всех явлений вообще или всех явлений определенной группы. Формула закона науки включает указание на явления, подчиненные этому закону, на связь явлений, определяемых законом, и на область условий, в которых эта связь необходимо осуществляется. Видя в законах науки отражение объективных законов природы и

софии в целом. См.: *Гак Г.* О категориях материалистической диалектики и их изучении.— Коммунист, 1954, № 13; *Горский Д. П.* О категориях материалистической диалектики.— Вопр. философии, 1955, № 3; *Георгиев Ф.* О категориях материалистической диалектики.— Московский пропагандист, 1955, № 11.

[34] См.: Категории диалектического материализма.— В кн.: Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского; вып. XVI (XXVI). Ярославль, 1954, кафедра философии. Вскоре тот же коллектив (с участием представителей других научных учреждений) подготовил книгу «Категории материалистической диалектики» (М., 1956), при написании которой была использована предыдущая работа.

[35] См. также: *Кедров Б. М.* О материалистическом понимании законов природы.— Вопр. философии, 1952, № 6; *Штракс Г. М.* Категория закона в марксистско-ленинской философии. М., 1955; *Церетели С. Б.* О природе законов науки. Тбилиси, 1955; *Туленов Ж. Т.* Закон как важнейшая категория материалистической диалектики.— Коммунист Казахстана, 1956, № 6; и др.

общества, В. П. Тугаринов четко различает понятия объективного закона и закона науки, являющегося отвлечением от реальной действительности. Закон науки представляет собой диалектическое единство абсолютного и относительного моментов познания. Справедливо и указание автора на сложный характер формирования законов науки, которые конкретизируются, уточняются, совершенствуются на основе развития общественно-исторической практики.

В 1955 г. вышла упоминавшаяся уже монография М. М. Розенталя «Вопросы диалектики в „Капитале" Маркса», положившая начало более или менее обстоятельному рассмотрению идей главного произведения родоначальника марксизма под специально философским углом зрения, разбиравшая на конкретном материале этого труда роль научных абстракций, анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Попытки освещения законов и категорий диалектического материализма, предпринятые в рассматриваемый период, представляли собой одну из весьма плодотворных тенденций, подготавливавших новые исследования в этой области философского знания.

3

Материя и сознание. Вопросы гносеологии и логики

Продолжая отстаивать материалистическую линию в философии, советские ученые уделяли значительное внимание проблеме соотношения материи и сознания. По сравнению с предыдущим периодом, когда вопрос об отношении мышления к бытию трактовался на страницах учебно-популярной литературы в самом общем виде, нередко умозрительно, во второй половине 30-х—40-е годы интерес ряда философов начал сосредоточиваться на уяснении реального механизма перехода от материи к сознанию, на естественнонаучном обосновании материальной обусловленности мышления. Это требовало знания достижений отечественной и мировой науки — биохимии, физиологии высшей нервной деятельности, психологии, языкознания и т. д.

Заметное место в философской литературе тех лет занимали работы Ф. И. Хасхачиха по вопросам теории отражения[36]. Он стре-

[36] В первые дни Великой Отечественной войны Федор Иванович Хасхачих добровольно вступил в Народное ополчение. Участвуя в боях с немецко-фашистскими захватчиками, пал смертью храбрых в 1942 г. на Калининском фронте. К прижизненным научным публикациям Ф. Хасхачиха относятся: Некоторые вопросы теории отражения.— Под знаменем марксизма, 1937, № 11/12; Основные моменты процесса познания.— Под знаменем марксизма, 1940, № 12; Об античном скептицизме.— В кн.: Труды Моск. гос. ин-та истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского. М., 1940. Т. 9. Теория познания диалектического материализма: Стенограмма лекций, прочитанных в 1940—1941 учебном году. М., 1941. Наиболее полным посмертным изданием является: *Хасхачих Ф. И.* Вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1967. Работы Ф. И. Хасхачиха переведены на иностранные языки.

мился избежать умозрительности, чисто цитатных аргументов и как можно полнее опираться на конкретный естественнонаучный материал. Наряду с использованием «Диалектики природы», «Материализма и эмпириокритицизма», «Философских тетрадей» и других произведений классиков марксизма он ссылается на труды Ч. Дарвина, Э. Геккеля, В. Л. Комарова, Д. И. Менделеева, А. М. Опарина, И. П. Павлова, Л. Пастера, М. Планка, К. А. Тимирязева, И. М. Сеченова, А. Эйнштейна.

Рассматривая сознание как свойство высокоорганизованной материи, Ф. И. Хасхачих писал, что всякая материя, обладающая сознанием, обладает свойством отражения, однако не всякая материя, обладающая свойством отражения, обладает сознанием. Вопрос об отражении как свойстве всей материи рассматривался Ф. Хасхачихом в связи с закономерностью перехода от неощущающей материи к ощущающей. Различным формам движения материи соответствуют качественно особые виды отражения. Под этим углом зрения автор прослеживал общий ход эволюции материи, возникновение жизни, появление раздражимости и способности ощущения. Вслед за этим подвергались анализу предыстория человеческого мышления, роль труда в его формировании, различные формы чувственного и логического познания, проблема истины и ее критерия. Комплексное освещение этих вопросов на основе современных научных данных является заслугой Ф. Хасхачиха. Одним из первых советских философов он дал цельный очерк теории познания диалектического материализма.

Схематическая трактовка теории познания, возобладавшая с конца 30-х годов, сводила ее в основном к идее познаваемости. Большинство статей и брошюр по этой проблематике выходило в соответствии с этим под одинаковым заголовком: «Познаваемость мира и его закономерностей». Само по себе акцентирование мощи человеческого разума, науки играло положительную роль в борьбе с современным агностицизмом, являющимся одним из проявлений кризиса буржуазной идеологии и подводившим гносеологический фундамент под разного рода упаднические настроения и концепции пассивности, фатализма, неверия в прогресс. Однако тенденция к сужению гносеологической проблематики, замыканию ее на одном, хотя и важном вопросе, выключению логически-методологических аспектов теории познания ограничивала возможности критики агностицизма и ту помощь, которая могла бы (и должна была бы) оказываться советскими философами естественникам, представителям других отраслей знания.

Правда, в лекционных курсах философии, читавшихся в высших учебных заведениях, использовалось известное ленинское положение из «Философских тетрадей» о пути познания *от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике*. Осмысление познания как процесса и связанный с этим разбор вопросов о единстве относительной и абсолютной истины, роли практики и т. п.

давали основу для более глубокого изложения диалектического материализма. Но, к сожалению, сам процесс постижения объективной реальности нередко толковался схематично. Некоторые авторы видели не только в чувственно-эмпирическом и рационально-логическом моментах познания, но и в практике отдельные «ступени», следующие одна за другой[37]. Это никак не соответствовало, по мнению ряда советских философов, глубоко диалектическому пониманию этой проблемы В. И. Лениным, нарушало представление о целостности познавательного процесса, условности его внутреннего членения, всеобщности практики как основы познания и мерила истины на всем его протяжении. Общее направление этого процесса, поступательный ход познания от низшего к высшему, выраженные в ленинской формуле, необходимо предполагают тесную взаимосвязь его форм, качественно различных моментов как в целом, в масштабах всего познавательного процесса, так и в рамках каждой из его фаз. Не только абстрактное мышление зависит от материала, поставляемого ему органами чувств, но и живое созерцание (человеческие ощущения, восприятия, представления) не существует изолированно от мыслительной деятельности человека, без ее помощи. «Указание Ленина, что путь познания идет от ощущения к мышлению и от последнего к практике,— справедливо писал Ф. Хасхачих,— не следует понимать в том смысле, что на первой ступени человеческого познания мы имеем лишь ощущения, на второй — мышление и только на третьей ступени появляется практика. Так понимать Ленина было бы совершенно неверно. Практика, по Ленину, является основой всего процесса человеческого познания от начала и до конца»[38]. Далее автор подчеркивал, что отражение, как его понимает марксистско-ленинская гносеология, не есть нечто застывшее, зеркально-мертвое; оно движется и изменяется, ибо в постоянном развитии находится внешний мир (который оно отражает), живой организм (с которым оно связано) и общественная практика (являющаяся основой развития познания и его критерием). Активность человеческого сознания демонстрировалась Ф. Хасхачихом на примере роли воображения, фантазии, гипотез и т. д. Познание, отмечал он, есть живое общественно-историческое отражение.

Эти соображения и ныне опровергают домыслы философского ревизионизма о созерцательности, пассивности, якобы свойственных ленинской теории отражения, надуманное противопоставление современными ревизионистами принципа практики принципу отражения[39]. Путь к истине лежит, как убедительно показывали еще

[37] См.: *Гайдуков Ю. Г.* Роль практики в процессе познания. М., 1950; *Подосетник В. М.* К вопросу о ступенях познания истины.— Вопр. философии, 1954, № 5.

[38] Под знаменем марксизма, 1937, № 11/12, с. 54.

[39] Такой позиции придерживается, например, М. Маркович. Из того факта, что люди есть практические существа, он делает вывод, что отражение не типично для их сознания. «Для сознания человека и его отношения к миру типичным можно считать то,

в 30-х годах Ф. Хасхачих и другие советские философы, твердо стоявшие на ленинских позициях, не через абсурдную метафизическую альтернативу «либо отражение, либо практика», а через применение диалектики к теории отражения, через введение практики в основу теории познания, через единство теории и практики.

Необходимость уяснения целостной структуры познавательного процесса, взаимодействия и взаимопереходов всех его моментов доказывали и другие авторы. При этом отмечалось, что осуществление практикой своей гносеологической функции на всех уровнях познания не исключает того, что она выступает, в известном смысле, в определенных пределах и в качестве завершения, итога данного познавательного процесса в целом, как целесообразная деятельность, основанная на постижении объективной истины и ее применении [40].

Внимание советских философов привлекал и вопрос о содержании понятия *практика*. Большинство сходилось на том, что практика — это специфически человеческая материальная, предметно-чувственная деятельность людей, выражающая их взаимодействие с объективным миром (природой, обществом) и направленная на его изменение. Будучи объективным социально-историческим явлением, практика охватывает материальное производство, деятельность по преобразованию общественных отношений (классовую борьбу, революции, строительство социализма и коммунизма), научные эксперименты и наблюдения, открытия, художественное творчество и т. д. Сюда входит и индивидуальный предметно-чувственный опыт людей. Роль практики в познании чрезвычайно многогранна: она фиксирует, выделяет его предмет, является исходным пунктом и основой познания, его движущей силой, критерием и целью [41]. Доказывалась также необходимость конкретно-исторического подхода к практике, учитывающего весь ход ее развития, охватывающего ее в целом и вместе с тем признающего, что мерилом достоверности тех или иных определенных знаний может быть

что это творческое активное, практическое отношение» (Neki problemi teorije odraza. Bied, 1960, str. 140). Та же точка зрения отстаивается в работах. *Petrović M.* Filozofia i marksizam. Zagreb, 1965; *Filipović M.* Lenin. Monografija njego misli. Sarajevo — Veselin — Maslesa, 1968. Измышления современных ревизионистов о несовместимости понятий «отражение» и «практика», как якобы исключающих друг друга, давно опровергнуты наукой.

[40] См.: *Рутквич М. Н.* Практика — основа познания и критерий истины. М., 1952. Различные аспекты марксистской гносеологии, освещавшиеся в республиканской печати 30-х — начала 40-х годов, преимущественно в газетных и журнальных статьях, позднее все чаще становились объектом более обстоятельного научного анализа. См.: *Ильюшин И. М.* Ленинская критика кантианства и неокантианства.— Зап. Белорус. Акад. наук, 1936, кн. 5. На белор. яз.; *Назаренко И. Д.* Познаваемость мира.— Пропагандист и агитатор, 1946, № 5. На укр. яз.; *Кутелия А.* Некоторые вопросы марксистской теории познания. Тбилиси, 1948. На груз. яз.; *Шушаникашвили Г.* О конкретности понятия.— В кн.: Труды Ин-та философии АН ГССР, Тбилиси, 1954, т. 5. На груз. яз.

[41] См.: Вопросы логики. М., 1955.

не всякая практика, а лишь конкретная, связанная с явлениями и процессами, истинность которых требует подтверждения. Диалектичность практики как критерия истины рассматривалась и под углом зрения единства ее относительности и абсолютности[42]. Одним из пунктов разногласий был вопрос о соотношении практики и сознания. Высказывалось мнение, что материальность практики свидетельствует о невозможности включения в нее духовной деятельности; это, полагали некоторые авторы, вело бы к стиранию разницы между практикой и теорией, к растворению практики в познании. В других выступлениях подобный взгляд отвергался, как упрощающий проблему. Общественная практика характеризуется своей целенаправленностью. Духовная деятельность входит в нее как важный специфический момент, хотя ее материальная основа является первичным и решающим фактором[43].

Многие важные аспекты практики оставались тем не менее недостаточно уясненными: соотношение социальной практики в широком смысле и практики как теоретико-познавательной категории; гносеологический статус практики, причины, позволяющие ей быть надежным мерилом истины; своеобразие конкретной реализации функции критерия истинности в различных отраслях знания и др.[44]

Важное место в ряду гносеологических вопросов, привлекавших внимание советских ученых, занимала проблема *взаимосвязи мышления и языка*. Выступая как против концепции совпадения (слияния) мысли и слова, так и против идеи об их независимости друг от друга, известный советский психолог Л. С. Выготский трактовал речевое мышление как сложную динамическую структуру. Связь мысли и слова возникает в процессе развития и сама развивается. «Отношение мысли к слову есть живой процесс рождения мысли в слове», оно обнаруживается как движение через целый ряд внутренних планов, переход от одного из них к другому[45]. Мысль вырастает из мотивировочной сферы человеческого сознания, охватывающей наши влечения и потребности, интересы и побуждения, эффекты и эмоции. Осмысленное слово — микрокосм человеческого сознания[46]. Выготский проявлял большой интерес к роли языка и особенно внутренней речи в становлении ребенка, в формировании внутреннего мира личности и ее поведенческих актов на основе определенных культурно-исторических условий. Разработав культурно-историческую теорию развития психических функций, он

[42] См.: *Комаров В. К.* Критерий практики в теории познания.— Учен. зап. Харьк. ун-та, 1957. Труды кафедры диалектического и исторического материализма, т. 1; *Казакова А. Т., Ельмеев В. Я.* Об абсолютности и относительности практики как критерия истины.— Учен. зап. ЛГУ, 1958, № 248, вып. 13.

[43] См.: *Якушевский И. Т.* К вопросу об определении практики.— Учен. зап. Рост. ун-та, 1957, т. 54, вып. 4; *Он же.* О диалектико-материалистическом понимании практики.— Филос. науки, 1958, № 4.

[44] См.: Практика.— В кн.: Филос. энцикл., 1967, т. 4.

[45] См.: *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 1934, с. 315, 317.

[46] См.: Там же, с. 318.

рассматривал психику в динамике и социальной детерминированности.

Генезис мышления и единство мысли и языка исследовались Л. О. Резниковым. Понятийному мышлению, писал он, предшествовало мышление при помощи чувственных образов. Понятия формировались посредством обобщения многих предметов и процессов в соответствии с их ролью в практической деятельности. Вследствие этого они стали мощными аккумуляторами общественно-исторического опыта. Развитие мышления шло, полагал автор, от неопределенных, диффузных понятий с нерасчлененно-комплексным значением к определенным, дифференцированным частным (видовым) понятиям с ограниченным конкретным значением, а от них — к отвлеченным, общим (родовым) понятиям [47].

С развитием мышления необходимо связано развитие языка. Различные функции языка: интеллектуальная, или рационально-логическая (средство мышления, образования понятий и оперирование ими), экспрессивная (средство выражения эмоций, относящихся к выражаемому), эстетическая (средство художественной выразительности), волевая (средство приказывания, призыва и т. п.) — находятся в сложном противоречивом единстве. Из них особо выделяется коммуникативная функция, на основе которой развиваются все остальные. Поскольку язык является средством общения, он служит и формой мышления. Ведущая роль в диалектическом единстве мышления (как содержания) и речи (как формы) принадлежит мышлению. Понятийное содержание определяет словесную форму, но сказывается и обратная связь — воздействие языка на мышление, слова на понятие [48].

Известным обобщением, выводом предыдущих исследований явилась книга Л. О. Резникова «Понятие и слово», вышедшая в конце 50-х годов. Возражая против утверждения, что слово либо выражает понятие, либо создает его, автор подчеркивал, что речь должна идти о сторонах, моментах целостной характеристики отношения между словом и понятием. Слово является и формой выражения понятия, и способом его формирования, одно неотделимо от другого. В сущности, слово является формой социального и интеллектуального осуществления понятия. Это осуществление вклю-

[47] См.: *Резников Л. О.* Проблема образования понятий в свете истории языка.— Филос. записки. М.; Л., 1946, т. 1; *Он же.* К вопросу о генезисе человеческого мышления.— Учен. зап. Рост. ун-та, 1945, т. VI, вып. 3; Первые работы этого автора были посвящены в основном проблемам чувственного познания. См.: *Резников Л. О.* Теория отражения и вопрос о «первичных» и «вторичных» качествах.— Под знаменем марксизма, 1937, № 7; *Он же.* Теория отражения и «физиологический» идеализм.— Под знаменем марксизма, 1938, № 3; *Он же.* О роли чувственных восприятий в познании.— Под знаменем марксизма, 1938, № 8.

[48] См.: *Резников Л. О.* К вопросу о соотношении языка и мышления.— Вопр. философии, 1947, № 2. Эта проблема привлекла внимание и других авторов. См., например: *Воронин Л. Г.* Понятие и слово в свете марксистско-ленинского учения о единстве мышления и языка. Киев, 1954.

чает в себя, как моменты единого процесса, образование и выражение, формирование и проявление. «В процессе своего социального и интеллектуального осуществления в слове (во внешней и внутренней речи) понятие и образуется и выражается: образуясь, оно выражается, выражаясь, оно образуется»[49]. Поскольку слово сочетает в себе функции отображения и обозначения, будучи единством знака-звука и знака-понятия, оно представляет собой обозначенное понятие, обозначенное обобщенное отражение реально существующих предметов и явлений[50]. Язык — это объективированная, чувственно воспринимаемая форма существования мысли. Центральным ядром значения слова является выражаемое им понятие[51].

В тесной связи с основными моментами познавательного процесса рассматривался *вопрос об истине* как итоге познания, ее объективности и конкретности, движении постигающего человеческого разума от менее полных и точных истин к более полным и точным.

Учение диалектического материализма об относительной и абсолютной истине интерпретировалось Ф. И. Хасхачихом как новый принцип материалистической философии. «Ни один из представителей старого (домарксовского) материализма,— писал он,— не смог подняться до понимания исторического развития человеческого познания. Никто из них не умел применить диалектику к процессу и развитию человеческого познания. Учение об абсолютной и относительной истине явилось результатом применения Марксом и Энгельсом материалистической диалектики к развитию человеческого познания. Особенно велика роль Ленина в конкретизации и дальнейшем развитии этого принципа»[52].

Одна теория сменяется в истории науки другой. Каждое открытие — ступень в прогрессивном развитии. Тот факт, что диалектический и исторический материализм представляет высшую ступень в развитии философии, отнюдь не означает, что все предыдущие философские учения есть сплошная ложь. Это совсем не так. Без предшествующей философии не могла бы возникнуть и марксистско-ленинская философия[53].

Одной из интересных попыток проследить решение проблемы познания объективной истины на конкретном материале современной науки была книга И. В. Кузнецова о философском значении принципа соответствия. «В наиболее общем виде,— резюмировал автор,— принцип соответствия может быть сформулирован следующим образом: теории, справедливость которых была экспериментально установлена для определенной группы явлений, с появлением новых теорий не отбрасываются, но сохраняют свое значение для

[49] *Резников Л. О.* Понятие и слово. Л., 1958, с. 23.

[50] См.: Там же, с. 30, 50—51, 123.

[51] См.: *Резников Л. О.* Гносеологические основы связи мышления и языка.— Учен. зап. ЛГУ, 1958. Диалектический материализм, вып. 13, № 248.

[52] *Хасхачих Ф. И.* Материя и сознание. М., 1952, с. 177.

[53] См.: Там же, с. 180.

прежней области явлений как предельная форма и частный случай новых теорий»[54]. Характеризуя идею соответствия между классической и современной физикой как одно из выдающихся достижений естествознания XX в., И. Кузнецов видел в ней выражение объективной закономерности исторического развития физики, необходимой преемственности знания, обязательности научной традиции, вытекающее из познавательной ценности науки и являющееся убедительным подтверждением диалектико-материалистического учения об истине.

Вопросы *диалектической логики* редко освещались в исследуемый нами период на страницах философской прессы. Лишь в 50-х годах вновь начинает подниматься после длительного перерыва (притом только в отдельных выступлениях и в самой общей форме) проблема единства диалектики, логики и теории познания. Эта идея утверждалась не без труда, преодолевая укоренившуюся в течение ряда лет инерцию. «Непонимание того, что марксистская диалектика есть теория познания марксизма,— писал в 1952 г. В. П. Тугаринов,— выражается в преподавании марксистской философии и в действующих программах по философии в том, что теория познания марксизма излагается лишь в круге вопросов, связанных со второй и третьей чертой марксистского философского материализма, а иногда даже только с третьей чертой»[55]. Автор склонялся к мысли, что диалектическая логика является одной из сторон марксистской философии, совпадая с марксистской диалектикой[56]. В. П. Рожин также считал, что материалистическая диалектика выступает как диалектическая логика, но не сводится к учению о мышлении[57]. М. М. Розенталь, напомнив положение В. И. Ленина о том, что диалектика и есть теория познания марксизма, подчеркивал, что оно направлено против разрыва между учением о бытии и учением о познании, характерного для буржуазной философии; этот разрыв достиг своей кульминации в современную эпоху. «Развивая тезис о том, что диалектика и есть теория познания, что логика, диалектика и теория познания — это одно и то же, В. И. Ленин тем самым доказывает, что логические формы, законы познания являются не чем иным, как формами отражения, законами познания самой объективной действительности. Мир развивается диалектически, следовательно, и познание должно соответствовать этому развитию, должно быть слепком с него. Научное познание не отражает каких-либо иных законов, помимо диалектических законов объективного мира. В объективном мире все явления взаимосвязаны, переходят

[54] *Кузнецов И. В.* Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М., 1948, с. 8.

[55] *Тугаринов В. П.* Марксистская диалектика как теория познания и логика. Л., 1952, с. 19.

[56] См.: Там же, с. 23.

[57] См.: *Рожин В. П.* Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Л., 1955.

друг в друга, находятся в процессе беспрерывного развития, в состоянии борьбы противоположностей и т. д., следовательно, и логические категории, понятия и прочие формы познания, отражающие те или иные стороны действительности, должны быть столь же взаимосвязаны, изменчивы, едины в противоположностях, иначе они не достигнут своей цели — быть верными формами отражения объективного мира»[58].

О трудностях, стоявших на пути разработки диалектической логики, и о стремлении их преодолеть свидетельствовал план исследовательской работы в этом направлении, выдвинутый в середине 50-х годов Институтом философии АН СССР. В нем указывалось на необходимость «раскрыть конкретное содержание общей формулы Ленина о единстве (о совпадении) диалектики, теории познания и логики в марксизме». В 30-х годах, продолжали авторы проспекта, немало говорилось об этой идее, но «конкретного раскрытия и разработки это положение не получило ни тогда, ни позже»[59]. Проспект призывал преодолеть неправильное мнение, будто анализом понятий, суждений, умозаключений и других форм мышления призвана заниматься только формальная логика. Задача диалектической логики заключается в исследовании этих форм с точки зрения их роли в развитии познания, его перехода от явления к сущности, от конкретного к абстрактному, под углом зрения отражения в формах мышления развивающейся объективной действительности. В числе тем, намечавшихся для исследования, фигурировали: «Закономерности познания как закономерности диалектической логики», «О совпадении логики и истории познания», «О структуре (системе) диалектической логики», «Проблема субординации суждений и умозаключений в диалектической логике» и т. д.

В 50-х годах отдельные логические проблемы получили некоторую (и подчас интересную) разработку в работах Э. В. Ильенкова, М. М. Розенталя, С. Б. Церетели и др.[60] Однако проспект в целом, составленный Институтом философии АН СССР, остался в те годы нереализованным. В 1958 г. на философском факультете Московского университета было введено преподавание курса диалектической логики, содействовавшее дальнейшему оживлению работы в этом направлении.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны произошел перелом в отношении к *формальной логике* — в смысле призна-

[58] *Розенталь М. М.* Развитие В. И. Лениным марксистской теории познания. М., 1950, с. 31; *Он же.* В. И. Ленин о задачах и принципах разработки диалектической логики.— Вопр. философии, 1955, № 2.

[59] Проспект проблемы: Единство материалистической диалектики, логики и теории познания.— Вопр. философии, 1955, № 6, с. 243.

[60] См.: *Церетели С. Б.* К марксистско-ленинскому пониманию логического. Тбилиси, 1952; *Розенталь М. М.* О роли научной абстракции в познании.— Вопр. философии, 1954, № 2; *Ильенков Э. В.* О диалектике конкретного и абстрактного в научно-теоретическом познании.— Вопр. философии, 1955, № 4.

ния ее права на существование. С 1946 г. она была введена как предмет преподавания в средних школах и высших учебных заведениях СССР. Были переизданы некоторые старые учебники по логике [61]. Появились и новые учебные пособия: В. Ф. Асмуса (М., 1947), М. С. Строговича (М., 1948), К. С. Бакрадзе (Тбилиси, 1951), Д. П. Горского (М., 1954), Н. И. Кондакова (М., 1954), Г. А. Брутяна (Ереван, 1957. На арм. яз.).

«Логика» В. Асмуса была первым опытом систематического изложения логических учений с позиций материализма и на основе современных достижений формальной логики. Представленная в ней теория умозаключений опиралась на исследования крупнейшего русского логика М. Н. Каринского, а теория доказательства — на классификацию доказательств, предложенную представителем логики отношений С. И. Поварниным. Автор стремился показать связь логики с развитием конкретных наук, значение логических закономерностей в научном мышлении. Проводя принципиальное различие между формальной логикой и формалистичностью в логике, он писал: «Изучение логических форм так же мало походит на формализм, как мало походит на формализм изучение форм, например, музыкального или поэтического искусства. Кто изучает форму сонаты в музыкальном искусстве, тот еще не есть тем самым формалист искусствознания. Кто исследует форму трагедии или эпической поэмы, тот также не есть тем самым формалист литературоведения. Формалистом будет лишь тот музыковед и лишь тот литературовед, который, изучая форму,— что является вполне почетной и нужной задачей,— изучает ее в заблуждении, будто форма никак не зависит от содержания» [62].

Воссоздание формальной логики в качестве учебной дисциплины и ее дальнейшая разработка как специальной отрасли знания не были простым и бесконфликтным делом. Если в предвоенный период она обычно отвергалась с порога и еще в конце 1940 г. говорилось о ее «метафизической природе» [63], то во второй половине 40-х годов обнаружилась тенденция к ее канонизации [64], явившаяся своеобразной реакцией на прежнее нигилистическое отношение к ней. Не меньший ущерб причиняли вульгаризаторские рассуждения о клас-

[61] См.: *Челпанов Г. И.* Учебник логики. М., 1946; *Виноградов С. Н.* Учебник логики. М., 1947.

[62] *Асмус В. Ф.* Логика. М., 1947, с. 11.

[63] См.: Под знаменем марксизма, 1940, № 12, с. 83, 96. Следует, впрочем, заметить, что и в то время отношение к формальной логике не было однозначным. Так, В. Ральцевич в лекции «Формальная логика и диалектика», прочитанной 19 декабря 1933 г. в Институте красной профессуры, признавая формальную логику по существу метафизической, пытался в то же время отмежеваться от тех, кто утверждал, будто «формальная логика вообще и абсолютно представляет реакционное явление». Такой взгляд он считал «левым загибом» в философии, признавая «известную историческую прогрессивность» формальной логики, ее «известную истинность». (См.: ЦГАОР СССР, ф. 5205, оп. 1, ед. хр. 700, л. 3—4, 5, 11).

[64] См.: Вопр. философии, 1947, № 1, с. 155, 229.

сово-надстроечном характере формальной логики, которая якобы всегда была орудием эксплуататорских классов. Неумение отделить конкретную структуру и функции формальной логики как науки от ее различных философско-идеалистических истолкований было рецидивом вульгарного социологизма, упрощенчества[65]. Отсюда вытекали огульные и надуманные обвинения в формалистичности, предъявлявшиеся сторонниками этой точки зрения специалистам по формальной логике, стоявшим на марксистских позициях.

Значение этих споров было не столько в решении возникшей проблемы, сколько в выявлении трудностей, с которыми это решение сопряжено. Тогдашняя философская литература не дала однозначного, достаточно обоснованного ответа ни на вопрос о предмете формальной (и особенно диалектической) логики, ни на вопрос о характере отношений между ними. Эта незавершенность сказалась и в редакционной статье журнала «Вопросы философии», подводившей итоги обсуждения. Справедливо отвергнув упрощенческие тенденции и установки (о служебной роли формальной логики по отношению к идеологии, о «диалектизировании» формальной логики и т. п.), статья отмечала: «Призывая создавать новую, „советскую“ логику как единую, в которой нераздельно слиты (точнее сказать, смешаны) формальная логика и диалектика, вульгаризаторы марксизма выступили, по существу, с отрицанием как формальной логики, так и марксистской диалектической логики»[66]. Однако позитивного решения основных спорных вопросов (об отношении современной формальной логики и философии и др.), сколько-нибудь ясной программы дальнейших исследований в области логики эта статья не содержала.

Восстановление формальной логики как предмета преподавания в СССР и споры 40—50-х годов вокруг вопроса об ее соотношении с диалектической логикой нашли известное отражение в западной буржуазной литературе. Насколько неадекватным является это отражение, видно, в частности, из работы Г. Коха «Советская идеология как мировоззрение и наука». Не признавая традиционную логику формальной, а марксистскую диалектической, он интерпретирует суть тогдашней дискуссии следующим образом: «Действительна ли „формальная“ логика в стиле старой школы от Аристотеля до Канта или новая, необходимым образом связанная с партией, „диалектическая“?»[67]. Упрощая существо обсуждавшихся вопросов, Г. Кох не может скрыть своего недовольства тем, что речь шла у советских философов не о простой реставрации старой формальной логики и что, «реабилитируя» формальную логику как науку, они

[65] См.: *Вышинский П. Е.* Против формализма и аполитичности в преподавании логики.— Вопр. философии, 1948, № 1; *Осьмаков И. И.* Всесоюзное совещание по логике.— Вопр. философии, 1948, № 2.

[66] Вопр. философии, 1951, № 6, с. 144.

[67] *Koch H.* Sowjetideologie als Weltanschauung und Wissenschaft.— Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Osten, 1957, S. 14.

считали в то же время необходимым отсечь ее идеалистически-метафизическое обоснование. Ничего общего не имеет с наукой и попытка Г. Коха представить дело так, будто между В. И. Лениным и Ф. Энгельсом существовали принципиальные разногласия в понимании логики, поскольку первый вообще якобы отрицал формальную логику как метафизическую, а второй-де «был более расположен к ней»[68].

В 50-х годах развернулась дискуссия о соотношении формальной и диалектической логики, явившаяся в известной мере продолжением тех споров, которые велись по этому вопросу в предшествующие периоды. Активное участие приняли в дискуссии о логике философы Грузии. Последнее неудивительно, поскольку исследование логических проблем опиралось здесь на давнюю традицию. Еще в 20-х годах был опубликован учебник по логике Ш. И. Нуцубидзе[69] (не говоря уже о «Логике» С. И. Додашвили, вышедшей столетием раньше). Позднее грузинские авторы выступили с рядом работ по этой проблематике. В обсуждение вопросов логики активно включались также представители многих культурных центров страны, разных советских республик — Белоруссии, Узбекистана, Таджикистана и др. Дискуссия приобрела, по существу, всесоюзный размах. Споры по вопросам логики вызвали интерес и за рубежом[70].

Выявилось несколько подходов к проблеме взаимоотношения формальной и диалектической логики. Одни ученые утверждали, что есть только формальная логика, представляющая собой науку о формах и законах правильного мышления. Особой диалектической логики, полагали они, не существует, ибо диалектический материализм — это не логика, а метод и теория познания. Понятия «логика» в собственном смысле слова и «формальная логика» толковались в данном случае как синонимы. Другие считали, что формальная логика, соответствующим образом исправленная, является стороной

[68] Ibid.

[69] См.: *Нуцубидзе Ш. И.* Логика. Тбилиси, 1923. На груз. яз.; *Он же.* Диалектическая и формальная логика.— В кн.: Труды Тбил. ун-та; т. 43. Тбилиси, 1951.

[70] Одним из зарубежных откликов на обсуждение советскими философами проблем диалектической логики является книга западногерманского автора Э. Хубера «О диалектической логике. Дискуссии в новейшей советской философии». Автору нельзя отказать в знакомстве с нашей философской литературой, он ссылается буквально на десятки имен и названий. Беда, однако состоит в том, что диалектическая логика подменяется диалогом, последний же целиком относится автором к сфере компетенции формальной логики. «Если мышление,— пишет он,— диалектично, если поиски истины — процесс диалектический, если движение от относительной истины к абсолютной диалектично, а не является суммой „абсолютных истин", если субъектом мышления является „общественный человек", тогда мышление должно исходить из диалога и снова выражать себя в нем. Как раз это лежит в основе формальной логики» (*Huber E.* Um eine "dialektische Logik". Diskussion in der neueren Sowjet Philosophie. Anton Pustet München and Salzburg, 1966, S. 232). Неудивительно, что самое выражение «диалектическая логика» Э. Хубер берет в иронические кавычки. Диалектика и логика «разводятся» им в разные стороны — первая якобы возможна без логики или «идет против логики» (Ibid., S. 233).

или частью диалектической логики. Ряд авторов отстаивали необходимость создания новой, единой логики, которую нельзя трактовать ни как чисто формальную, ни как чисто диалектическую; фактически это было требованием их слияния. Сравнительно большое распространение получил взгляд, согласно которому формальная и диалектическая логика представляют собой две ступени познания — низшую и высшую; формальная (или элементарная) логика подготавливает собой переход к высшей, диалектической, рассматривающей мышление в развитии. Высказывалось также мнение, что марксистски понимаемая формальная логика — это самостоятельная наука, отпочковавшаяся от философии и не являющаяся частью диалектического материализма, но опирающаяся на него. На практике различные точки зрения иногда сочетались, переплетались между собой [71].

Не ограничившись полемикой, советские философы (В. Ф. Асмус, Е. К. Войшвилло, Л. П. Гокиели, Д. П. Горский, Н. И. Кондаков, Г. А. Курсанов, Н. П. Попов, П. В. Таванец и др.) вели значительную конструктивную работу: после дискуссий конца 40-х — начала 50-х годов был опубликован ряд статей по теории понятия, суждения, силлогизмов и т. д.[72]. Вышло и несколько книг по вопросам формальной логики [73].

[71] См.: *Кедров Б. М.* Об отношении логики к марксизму.— Вопр. философии, 1951, № 4; *Ковалев А.* Законы логического мышления.— Наук. зап. Львов. ун-ту, 1948, XVII, вып. 4, Сер. історічне (на укр. яз.); *Бакрадзе К. С.* К вопросу о соотношении логики и диалектики.— Вопр. философии, 1950, № 2; *Он же.* Против ненаучной и недоброжелательной критики.— Вопр. философии, 1956, № 2; *Кирюшин П. М.* Энгельс и вопросы логики.— Изв. АН БССР, Минск, 1951, № 1; *Попов П. С.* Предмет формальной логики и диалектики.— Вопр. философии, 1951, № 1; *Завадская Н. В.* К дискуссии по вопросам логики.— Там же: *Астафьев В. К.* О двух ступенях в развитии логики.— Там же; *Лезовский Б. Н.* О логике формальной и диалектической.— Там же; *Рощин В. Б.* Несколько замечаний по спорным вопросам логики.— Там же: *Морочник С. Т.* К вопросу о формальной и диалектической логике.— Учен. зап. Тадж. ун-та, 1954, т. 2; *Жданов Д. А.* Об истинности и правильности логического мышления. Киев, 1954; *Мороз В. Н.* Насущные вопросы логики. Ташкент, 1955; *Мансев А. К.* О предмете логики: Канд. дис. филос. наук. Минск, 1955; *Буинов А. В.* К вопросу о логике и ее значении.— Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та, Улан-Удэ, 1955, вып. VII; Против путаницы и вульгаризации в вопросах логики.— Вопр. философии, 1956, № 2; «Не настаивать на ошибках и не усугублять, а преодолевать их» (от редакции).— Там же; *Попов С.* Дискуссия о предмете формальной логики.— Вестн. МГУ, Сер. экономики, философии и права, 1957, № 1; *Болтаев М. Н.* Формально-логические законы в свете теории отражения диалектического материализма.— Учен. зап. Ин-та философии АН УССР, 1957, т. 4.

[72] См.: *Таванец П. В.* О структуре суждения в атрибутивной логике и в логике отношений.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1946, т. III, № 6; *Он же.* Об идеалистической критике аристотелевской теории суждения.— Изв. АН СССР, 1947, т. 6, № 4; *Он же.* Об объективном содержании законов формальной логики.— Вопр. философии, 1953, № 3; *Борисов В. Н.* О логической форме понятия.— Учен. зап. Калинин. гос. пед. ин-та, 1954, т. XXIV, вып. 1; *Курсанов Г. А.* Логические законы мышления. Л., 1947; *Маньковский Л. А.* Общая форма суждения в классической логике.— Учен. зап. Тамбов. гос. пед. ин-та, 1946, вып. 2; *Гокиели Л. П.* Относительно некоторых вопросов теории логики.— В кн.: Тр. Тбил. ун-та, т. 45, Тбилиси, 1951; *Он же.* О природе логического. Тбилиси, 1958; *Горский Д. П., Комлев Н. Г.* К вопросу о соотношении логики и грамматики.— Вопр. философии, 1953, № 6; *Войшвилло Е. К.* Критика логики отно-

Если в 30—40-х годах монографии по диалектическому материализму и логике были исключением, в то время преобладали статьи пропагандистски-комментаторского типа и дело обычно не шло дальше общей постановки вопросов, то ко второй половине 50-х годов положение стало существенно меняться к лучшему.

4
Дальнейшая разработка вопросов диалектического материализма (вторая половина 50-х — начало 60-х годов)

Новый подъем творческой активности советских философов начался со второй половины 50-х годов и был связан с XX съездом КПСС, созданием широкой сети новых философских учреждений и развернувшейся в масштабах всей страны подготовкой философских кадров. Показательно, что только за время с 1956 по 1960 г. в СССР вышло более тысячи книг и брошюр по философии, почти столько же, сколько за сорок предыдущих лет[74]. Как в центре страны, так и в ряде республик появились новые учебные пособия по диалектическому материализму, отразившие достигнутый уровень развития философской науки: «Основы марксистской философии» под ред. Ф. В. Константинова (М., 1958), обширные лекционные курсы по диалектическому материализму И. Д. Андреева, И. Д. Панцхавы, М. Н. Руткевича. В Азербайджане в 1957 г. вышла книга К. П. Юсиф-заде «Марксистский материализм и марксистская диалектика». Институт философии и права Академии наук Узбекской ССР и преподаватели вузов республики создали учебные пособия на узбекском языке: «Вопросы диалектического материализма» (1958—1959) и «Очерки диалектического материализма» (1961). В 1961 г. кафедра философии Таджикского университета им. В. И. Ленина подготовила «Лекции по диалектическому материализму». В Таджикистане вышли в том же году «Лекции по диалектическому материализму для медицинских институтов» С. Б. Морочника.

Первостепенное внимание было обращено на освоение философского наследия В. И. Ленина, разработку ленинского этапа марксистской мысли[75]. Как дата огромного идейно-теоретического

шений как релятивистского направления в логике.— Филос. зап. 1953, т. 6; *Кардаш А. Д.* Суждение и предложение. Киев, 1954; *Уемов А. И.* О выводах через ограничение и условия их правильности.— Учен. зап. Иванов. гос. пед. ин-та, 1955, т. 8; *Мороз В. Н.* Об условных и разделительных силлогизмах. Ташкент, 1957.

[73] См.: *Таванец П. В.* Суждение и его виды. М., 1953; *Он же.* Вопросы теории суждений.М., 1955; *Асмус В. Ф.* Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954; *Попов Н. П.* Определение понятий. Л., 1954; Вопросы логики, М., 1955.

[74] См.: XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1962, с. 32.

[75] См.: *Кедров Б. М., Гургенидзе Г. С.* За фундаментальную разработку ленинского философского наследия.— Коммунист, 1955, № 14; Вопросы марксистско-ленинской философии: (Из философского наследия В. И. Ленина).— Учен. зап. кафедры истории

значения была отмечена по всей стране полувековая годовщина ленинского труда «Материализм и эмпириокритицизм»[76]. Объектом систематических исследований стала книга В. И. Ленина «Философские тетради». Первый обстоятельный коллективный труд, посвященный ей, «О „Философских тетрадях" В. И. Ленина» (М., 1959) был подготовлен Институтом философии Академии наук Белорусской ССР и философской кафедрой Белорусского университета им. В. И. Ленина[77].

Одним из признаков оживления в области литературы по диалектическому материализму явились горячие споры о принципах построения новой программы курса философии для вузов, отказ от доминировавшей ранее схемы (четыре черты метода, три черты материализма). Если прежние выступления, сколько-нибудь отходившие от этого канона, были «первыми ласточками», еще не делавшими весны, то теперь появилась целая серия работ об *основных законах и категориях диалектики*[78]. Этот круг вопросов стал привлекать интенсивное внимание философов также союзных и автономных республик. В Армении, Белоруссии, Казахстане, Турк-

философии АОН при ЦК КПСС, М., 1956, вып. 21; *Хачатурян А. Б.* К вопросу о ленинском этапе в развитии материалистической диалектики.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1957, т. 113, вып. 2; Вопросы марксистской философии в трудах В. И. Ленина. Минск, 1958; *Голосов В. Ф.* Возникновение ленинизма — новый этап в развитии марксистской философии. Красноярск, 1958; Вопросы диалектического материализма в трудах В. И. Ленина.— Учен. зап. Челяб. гос. пед. ин-та, 1959, т. 7, вып. 1; *Расулов Т.* Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в 90-е гг. XIX века. Баку, 1960.

[76] См.: Великое произведение воинствующего материализма. М., 1959; Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — важнейший этап в развитии марксистской философии. М., 1959; Великое произведение марксистской мысли. М., 1959; О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1959; *Кедров Б. М.* Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современное естествознание. М., 1959; *Готт В. С.* «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина и современная наука.— Укр. хим. журн. 1959, т. 25, вып. 4; *Ильин А. Я.* Произведение В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и некоторые вопросы борьбы материализма и идеализма в современном естествознании.— Учен. зап. Бурят. пед. ин-та, Улан-Удэ, 1959. Ист.-фил. сер., вып. 18; *Мисабишвили С. Б.* Выдающееся философское произведение В. И. Ленина: (К 50-летию со дня выхода в свет труда «Материализм и эмпириокритицизм»). Сухуми, 1959.

[77] См. также: *Джафарли Т.* Некоторые вопросы теории понятия в свете труда В. И. Ленина «Философские тетради».— В кн.: Труды Тбил. гос. пед. ин-та, 1957, т. 12; *Каландаришвили Г. М., Тавадзе И. К.* В. И. Ленин о «Науке логики» Гегеля. Тбилиси, 1959; *Александров Г. Ф., Горбач В. И., Ковалгин В. М.* Развитие В. И. Лениным марксистского учения о законах диалектики. Минск, 1960; *Суворов Л. Н.* Вопросы диалектики в «Философских тетрадях» В. И. Ленина. М., 1960.

[78] См.: *Мороз К.* Об основных законах материалистической диалектики.— Моск. пропагандист, 1956, № 1; *Архангельский Л.* Категории материалистической диалектики. Свердловск, 1957; *Рожин В. П.* О диалектических законах развития.— Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1957, № 11, вып. 2; *Он же.* Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Л., 1957; *Ракитов А.* О категориях материалистической диалектики.— В помощь политическому образованию, 1957, № 6; *Коган Л. А.* О значении марксистской диалектики для военной науки. М., 1957; *Дудель С. П.* Законы материалистической диалектики. М., 1958; *Сюсюкалов Б. И.* Основные законы материалистической диалектики. М., 1958; *Андреев И. Д.* Основные законы и категории диалектики. М., 1959.

мении, на Украине было предпринято целостное рассмотрение законов и категорий материалистической диалектики[79]. Появилось немало работ республиканских авторов и об отдельных категориях[80].

Был полностью восстановлен в правах закон отрицания отрицания[81]. В 1955 г. он был снова — после длительного перерыва — включен в программу по философии для вузов. Нашли в ней свое место и основные категории диалектики, причем не вразнобой, как прежде, а компактно[82].

Работы, посвященные закону отрицания отрицания, были подготовлены во многих республиках Советского Союза[83]. Вокруг этого закона развернулся оживленный обмен мнениями, инициаторами которого выступили ленинградские философы[84]. При рассмотрении

[79] См.: Вопросы диалектического материализма. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; *Панкратов А. Я.* К вопросу о категориях материалистической диалектики.— Учен. зап. Кабардино-Балкарского гос. пед. ин-та, Нальчик, 1958, вып. II; *Рахматулин К. Х.* Основные законы и категории материалистической диалектики. Алма-Ата, 1958; Категории материалистической диалектики. Киев, 1958. На укр. яз.; *Шахарян Г. Г.* Основные законы диалектики. Ереван, 1959. На арм яз.; *Алексашин В. И.* Основные законы материалистической диалектики. Минск, 1959; *Мельников В. П.* К вопросу о природе философских категорий. Киев, 1959. На укр. яз.; Категории материалистической диалектики. Ереван, 1960. На арм. яз.; *Бекмурадов Х.* Об основных законах материалистической диалектики. Чарджоу, 1960. На туркм. яз.

[80] См.: *Морочник С. Т.* Об абстрактных и реальных возможностях.— Вопр. философии, 1956, № 5; *Он же.* Диалектический материализм о возможности и действительности. Сталинабад, 1957; *Батымурзаев М. Т., Свидерский В. И.* О понятии «форма» в материалистической философии.— Учен. зап. Даг. ун-та, Махачкала, 1956; *Батымурзаев М. Т.* К вопросу о диалектике содержания и формы и ее проявлении в экологическом развитии советского общества.— Вестн. Даг. ун-та, Махачкала, 1957, № 5; *Зиапуров Ф. Т.* Содержание и форма. Волгоград, 1957; *Габриэлян Г. Г.* Диалектика содержания и форма. Ереван, 1958. На арм. яз.; *Севастьянов С. Т.* Содержание и форма, сущность и явление.— В кн.: Вопросы диалектического материализма. Воронеж, 1958; *Мачидзе Г.* Диалектика формы и содержания. Тбилиси, 1958. На груз. яз.; *Алиев А. С.* К проблеме сущности и явления. Баку, 1958; *Цинцадзе Ц. В.* Возможность и действительность.. Тбилиси, 1959; *Болтаев М.* Материя и сознание. Сталинабад, 1959; *Алексанян К. Г.* Диалектика возможности и действительности. Ереван, 1960. На арм. яз.; *Широканов Д. И.* Диалектика необходимости и случайности. Минск, 1960.

[81] См.: *Кедров Б. М.* Закон отрицания отрицания.— Коммунист, 1956, № 13; *Он же.* Отрицание отрицания. М., 1957; *Он же.* О повторяемости в процессе развития. М., 1961; *Ельмеев В. А.* Закон отрицания и его роль в процессе развития общества.— Пропагандист, 1956, № 12; *Ойзерман Т. И.* Основные ступени процесса познания. М., 1957; *Миловидов А. С.* Закон отрицания отрицания. М., 1957; *Мороз К. В.* Закон отрицания отрицания. М., 1957; *Исаев И. К.* Всеобщность закона отрицания и особенности его проявления.— Учен. зап. Хабаров. пед. ин-та, Магадан, 1958, т. III.

[82] См.: Программа курса диалектического и исторического материализма для высших учебных заведений. М., 1959, с. 15—16.

[83] См.: *Злотина М. Л.* Закон отрицания отрицания. Киев, 1957; *Болтаев К.* Закон отрицания отрицания.— Коммунист Таджикистана, 1957, № 2; *Рейнфельдт Б. К.* Закон отрицания отрицания. Йошкар-Ола, 1957; *Багиров З. Н.* Категория отрицания в марксистской диалектике.— Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. гуманит., 1959, № 1; *Он же.* Закон отрицания отрицания. Баку, 1960; *Абрамян Л. А.* Категория «отрицания» и современное естествознание. Ереван, 1962. На арм. яз.

[84] См.: Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1958, № 23, вып. 4. Статьи, составляющие философский отдел этого номера, целиком посвящены данному закону диалектики.

логической структуры закона отрицания отрицания комплексно охватывались его различные стороны. Отмечалось, что он выражает общий ход и направление развития, его поступательный характер и обновляющую силу; движение от единства к раздвоению и от раздвоения к новому единству; развертывание и разрешение противоречий данного процесса; не только отрицание старого новым, но и связь нового со старым и преемственность в развитии; относительную повторяемость в ходе развития, его цикличность (проявляющуюся в двойном отрицании) и спиралевидность (включающую такие элементы диалектики, как возврат якобы к старому и повторение на высшей стадии некоторых черт или сторон низшей); подытоживает определенный цикл развития и вместе с тем выражает бесконечность развития в целом, поскольку завершающая фаза одного цикла представляет собой начало другого; является законом диалектического синтеза, объединяющего в высшей фазе возникшее новое с положительным содержанием предыдущих этапов, представленным в снятом, преобразованном виде. Из всего этого вытекает неправомерность сведения данного сложноструктурного закона к простому чередованию отрицаний [85].

Объектом ряда обсуждений и исследований стал *закон единства и борьбы противоположностей*. В 1958 г. в Институте философии Академии наук СССР состоялась дискуссия на тему «Проблема противоречия в свете современной науки и практики». Эта проблема рассматривалась как в социально-историческом плане — под углом зрения выяснения особенностей борьбы между новым и старым в условиях единства социалистического общества, так и в общеметодологическом аспекте (понятие диалектического противоречия; соотношение единства, тождества, равнодействия и борьбы противоположностей; роль противоречий в познании и т. д.) и, наконец, в применении к различным областям естествознания (проблема противоречия в современной микрофизике, биологии, физиологии высшей нервной деятельности)[86].

Единство противоположностей, процесс их развития и разрешения освещались в ряде работ, опубликованных в Белоруссии, Таджикистане, Дагестане и других республиках Советского Союза [87].

[85] См.: *Ельмеев В. Л., Козаков А. П.* Закон отрицания отрицания и преемственность в развитии.— Вестн. ЛГУ, 1956, № 23; *Минасян А. М.* Закон отрицания отрицания.— Учен. зап. Рост. ун-та, 1957, т. 54, вып. 4; *Морозов В. Д.* За действительное изучение и всестороннюю разработку закона отрицания отрицания: (Обзор литературы).— Филос. науки, 1958, № 4; *Он же.* Закон отрицания отрицания. Минск, 1960.

[86] См.: О противоречиях при социализме.— Вопр. философии, 1955, № 6; *Ильенков Э. В.* К вопросу о противоречии в мышлении.— Вопр. философии, 1957, № 4; *Чертков В. П.* Неантагонистические противоречия при социализме. М., 1957; *Морозов К. В.* Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1957; *Копнин П. В.* Диалектика и противоречия в мышлении.— Вопр. философии, 1958, № 7; Конференция по вопросам противоречий.— Вопр. философии, 1958, № 12.

[87] См.: *Деканосидзе Д. Д.* Раздвоение единого и познание противоречивых частей его в свете марксистско-ленинского философского наследства.— Учен. зап. Даг. гос.

Со второй половины 50-х годов заметно усилился исследовательский подход к *категориям* диалектики.

Признавая этот факт, некоторые зарубежные авторы усматривают в нем прямой возврат к Гегелю, напоминающий трактовку этого вопроса рядом философов 20-х годов [88]. Нетрудно заметить, что при таком «объяснении» упускается из виду главное: изменение конкретных условий (в том числе накопление новых научных данных) и связанное с этим реальное движение марксистской мысли (что, разумеется, не снимает вопроса об исторической преемственности в ее развитии). Новое в подходе к философским категориям было связано с расширением естественнонаучной и социально-исторической базы, на которой развертывалось их изучение, с растущим вниманием к их современному материалистическому обоснованию на основе творческого освоения ленинского теоретического наследия.

Защищая и обосновывая в борьбе с идеалистической философией диалектический материализм, советские философы стремились к глубокому осмыслению и конкретизации в свете открытий современного естествознания таких фундаментальных понятий, как материя, движение, время, пространство.

В предшествующий период широко распространился взгляд, согласно которому существует два различных и вместе с тем как бы равнозначных понятия материи — философское и физическое (или естественнонаучное). Новый подход к этой проблеме выявился в 60-х годах, когда указанный взгляд был подвергнут критике, как не соответствующий диалектико-материалистическому пониманию. Ф. Т. Архипцев, возражая против приписывания В. И. Ленину положения о двух понятиях материи, писал, что известное ленинское определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях, закономерно носит философский характер. Естествознание опирается на это понятие и руководствуется им, формулируя естественнонаучные представления о конкретных видах, структуре и свойствах материи [89]. Выработка предельно широкого и подлинно научного понятия материи доступна марксистской философии в силу

пед. ин-та, Махачкала, 1957, т. 1; *Раджабов М.* Закон единства и борьбы противоположностей. Сталинабад, 1959; *Горбач В.* Закон единства и борьбы противоположностей. Минск, 1960.

[88] См.: *Mikulak M.* Philosophy and Science.— In: Survey, London, July, 1964, N 52; *Planty-Bonjour Gui.* Les categories du materialisme dialektique. (L'antologie Sovietique contemporaine). Dortrecht, 1965.

[89] См.: *Архипцев Ф. Т.* Ленинское учение о материи — образец творческого марксизма.— Вопр. философии, 1951, № 6; См. также: *Суворов С. Г.* О так называемом физическом понимании материи.— Усп. физ. наук, 1951, т. XIV, вып. 4; *Кузнецов И. В.* Против путаницы в вопросе о понятии материи.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1952, т. IX, № 3; *Овчинников Н.* Материальность мира и закономерности его развития. М., 1952; *Мелюхин С. Т.* Диалектический материализм о материи и движении. Л., 1955; *Еричев Л. И.* Ленинское понятие материи и его значение для борьбы с идеалистической теорией познания.— Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1956, № 11, вып. 2; *Библер В. С.* К ленинскому определению философского понятия материи.— Учен. зап. Тадж. ун-та, Сталинабад, 1959, т. 24, вып. 3.

того, что, обобщая данные о природе объективного мира, накопленные различными отраслями знания, будучи всеобщей научной методологией, она постигает мир в его наиболее универсальных взаимосвязях, единстве.

Известный шаг вперед был сделан и в плане освещения вопроса *о структуре и свойствах материи*, приведения его трактовки в соответствие с уровнем современной науки. В работах советских философов и физиков рассматривались объективная реальность и двуединая корпускулярно-волновая природа микроявлений, сложность элементарных частиц, их изменчивость и взаимопревращение, неразрывность вещества и поля и относительность различий между ними, подтверждающие марксистский философский вывод о единстве развивающегося материального мира. В связи с этим по-новому вставал вопрос о неисчерпаемости материи, о необходимости углубления этого ленинского положения. Советские исследователи отмечали неправомерность такого понимания этой проблемы, которое сводит ее к беспредельной делимости вещества на однокачественные составные части. Подобному дроблению противоречит уже то обстоятельство, что вещество не есть нечто противоположное полю, а представляет собой совокупность частиц и полей; микрообъекты обладают как свойством дискретности, так и свойством непрерывности. Элементарные частицы не бесструктурны, но вопрос об их структуре решается не путем дальнейшего механического дробления, а в плане раскрытия их бесчисленных и сложных свойств, связей, взаимодействий и превращений, уяснения многообразных форм бытия, безграничных возможностей развития материи, ее перехода из одних форм в другие, ее бесконечности вглубь, неисчерпаемости ее свойств, состояний, закономерностей, учета их качественной специфики [90]. «Микрочастицы не являются ни простыми, ни составными, хотя они и обладают сложной структурой. Существует качественный предел для деления, за которым операция дробления на более мелкие подобные частицы утрачивает физический смысл. Это, однако, не означает, что наука когда-нибудь подойдет к таким

[90] См.: *Мелюхин С. Т.* К философской оценке современных представлений о взаимосвязи поля и вещества.— В кн.: Диалектический материализм и современное естествознание. М., 1957; *Он же.* Неисчерпаемость свойств «элементарных» частиц.— В кн.: Некоторые философские вопросы естествознания. М., 1957; *Он же.* Проблема конечного и бесконечного. М., 1958; *Он же.* О диалектике развития неорганической природы. М., 1960; *Кузнецов И. В.* К вопросу об определении предмета современной физики.— В кн.: Некоторые философские вопросы естествознания. М., 1957; *Иваненко Д. Д.* Развитие физики элементарных частиц.— Вопр. философии, 1958, № 5; *Он же.* О единой физической картине мира, неисчерпаемости материи и некоторых проблемах теории элементарных частиц.— Вопр. философии, 1959, № 6; *Смускевич А. В.* Диалектика прерывности и непрерывности и иерархический принцип строения материи.— В кн.: Научные труды по философии. Минск, 1959, вып. 2, ч. 1; *Шугайлин А. В.* Философские вопросы учения современной физики о строении и свойствах материи. Киев, 1959; *Терлецкий Я. П.* О нелинейном обобщении и интерпретации квантовой теории.— Вопр. философии, 1959, № 4; *Берестецкий В. Т.* Проблема структуры «элементарных» частиц в современной физике.— Вопр. философии, 1959, № 9.

частицам, которые вообще не будут обладать сложной структурой и неисчерпаемыми свойствами»[91].

Структура всех материальных систем обусловливается их движением. В соответствии с этим большое место в работах советских философов занимал вопрос о единстве и взаимосвязи качественно различных форм движения материи, их классификации, соотношения сложных и сравнительно простых форм движения, высших и низших, главных и побочных, присущих макромиру и характерных для микромира. Б. Кедров, специально разрабатывавший эту проблематику, выделял при анализе соотношения форм движения два аспекта: структурный (сопоставление простого и сложного, части и целого, сплошного и составного) и генетический (происхождение предмета, становление низшего и высшего, взаимоотношение различных фаз развития). При возникновении высшей или сложной формы движения из низшей или более простой низшая (простая) форма не устраняется, а продолжает существовать в высшей в качестве подчиненной, побочной формы, входя в структурном отношении как часть в целое. Последовательно располагаясь по мере все большего усложнения, формы движения образуют своего рода лестницу, каждая ступень которой связана диалектическими переходами с предыдущей и последующей ступенями[92].

Проблема *противоречивости движения* анализировалась В. И. Свидерским. В основе этой противоречивости, полагал он, лежит единство противоположных моментов — устойчивости и изменяемости. К формам устойчивости относятся: равновесное состояние взаимодействующих процессов, постоянство определенных законов и т. д., а к формам изменчивости — качественное изменение процесса в целом и его отдельных компонентов, изменения внутри этих компонентов, связи между ними и др. Устойчивость (постоянство, покой) исключает движение и изменение, но вместе с тем предполагает их; и наоборот, изменяемость отрицает постоянство, сохранение, но одновременно и предполагает их как необходимое условие своего существования. Понятия движения и изменения обретают свой смысл лишь как понятия изменения определенного состояния, т. е. изменения чего-то пребывающего в данном состоянии, обладающего относительной устойчивостью; изменение, в свою очередь, является определенным состоянием, которое пребывает, сохраняется, обладает известной устойчивостью. Всякое движение, изменение неразрывно связаны с устойчивостью, постоянством, сохранением. Абсолютность движения и относительность покоя

[91] *Мелюхин С. Т.* Проблема конечного и бесконечного, с. 38.

[92] См.: *Мелюхин С. Т.* Диалектический материализм о материи и движении. Л., 1955; *Вислобоков А.* О неразрывности материи и движения. М., 1955; *Овчинников Н. Ф.* Понятие массы и энергии в их историческом развитии и философском значении. М., 1957; *Кедров Б. М.* О соотношении форм движения.— В кн.: Философские проблемы современного естествознания. М., 1959; *Морочник С. Б.* Материя и формы ее существования. Сталинабад, 1959.

состоят в том, что движение играет ведущую, определенную роль в объективных процессах (ибо им порождается все новое), а покой является подчиненной, производной, хотя и необходимой стороной этих процессов [93].

При рассмотрении *категорий времени и пространства* подчеркивались их объективность и нераздельность (не исключающая своеобразия каждой из этих сторон пространственно-временного континуума), зависимость их метрических и топологических свойств от движущейся материи, единство абсолютности и относительности времени и пространства, их непрерывности и прерывности, их внутренняя противоречивость (протяженность и структурность пространства, длительность и смена моментов времени и т. п.). Некоторые авторы подвергли рассмотрению и такие аспекты сложной и многогранной проблемы времени-пространства, как различение их универсальных и локальных свойств, коренное изменение качественной природы пространственно-временных и причинно-следственных отношений, особенности пространства в живой природе (своеобразие и оригинальность внешних форм и строения животных и растений, пространственная организованность клетки, характерные только для живого вида симметрии, рост организмов как специфически биологическая форма простирания материи)[94].

Особый интерес вызывала *проблема бесконечности времени и пространства, диалектика конечного и бесконечного.* Исходя из того, что единство мира не означает однообразия его строения, советские ученые возражали против сведения бесконечности природы к постоянному повторению одного и того же (т. е. к «дурной бесконечности»). Они отстаивали идею единства и взаимного проникновения конечного и бесконечного, понимание конечного как формы существования бесконечного. Противоречие конечного и бесконечного проявляется в противоречиях отдельного и общего, относительного и абсолютного, преходящего и вечного. При этом указывалось на методологическую необоснованность абстрактно-умозрительного переноса тех или иных особенностей, присущих отдельным областям Вселенной (например, их пространственно-временной ограниченно-

[93] См.: *Свидерский В. И.* Противоречивость движения и ее проявления. Л., 1959.

[94] См.: *Новик И. Б.* О соотношении пространства, времени и материи.— Вопр. философии, 1955, № 3; *Фок В. А.* Теория пространства, времени и тяготения. М., 1955; Философские вопросы современной физики. Киев, 1956; *Свидерский В. И.* Диалектический материализм о пространстве и времени. Л., 1956; *Он же.* Философское значение пространственно-временных представлений в физике. Л., 1956; *Урманцев Ю. А., Трусов Ю. П.* О специфике пространственных форм и отношений в живой природе.— Вопр. философии, 1958, № 6; *Фаталиев Х. М.* Диалектический материализм и вопросы естествознания. М., 1958; *Александров А. Д.* Философское содержание и значение теории относительности.— Вопр. философии, 1959, № 4; *Широков М. Ф.* Некоторые проблемы пространства и времени в свете ленинского понимания сущности физической теории.— Вопр. философии, 1959, № 5; *Дышлевой П. С.* Вопрос о пространстве и времени в теории относительности. Киев, 1959. На укр. яз.; Философские проблемы современного естествознания. М., 1959.

сти), на мир в целом. Реальная бесконечность толковалась как выражение абсолютности материи, ее несотворимости и неуничтожимости, как особая форма разрешения противоречия между абсолютностью движущейся материи и относительностью ее отдельных, преходящих форм и состояний, как структурная неисчерпаемость материи, бесконечное многообразие ее конкретных проявлений, бесконечность ее самодвижения и развития [95].

Всевозрастающее внимание в связи с успехами ядерной физики и других наук привлекала *проблема причинности*, в особенности своеобразие ее проявления в микропроцессах, соотношение статической закономерности и закономерности жесткой детерминации.

Советские философы были убежденными противниками отождествления вероятностно-статистических отношений с индетерминизмом. Отвергая позитивистское истолкование квантовой теории, они старались вместе с тем преодолеть упрощенчески-нигилистическую тенденцию в подходе к ней, отчетливо проявившуюся в конце 40-х годов в процессе обсуждения закономерностей микромира и их познания, начатого журналом «Вопросы философии» [96]. Против этой тенденции (сторонники которой вместе с «водой» идеализма выплескивали «ребенка» объективной физической истины) с самого начала выступил ряд авторов [97].

Более обстоятельное, разностороннее, нежели в 40-х — начале 50-х годов, освещение проблемы причинности началось со второй половины 50-х годов. Определенным вкладом в марксистскую разработку теории каузальности явилась коллективная монография «Проблема причинности в современной физике» (М., 1960), подготовленная И. В. Кузнецовым, С. Т. Мелюхиным, М. Э. Омельяновским, Н. Ф. Овчинниковым, Ю. В. Сачковым, Г. А. Свечниковым.

[95] См.: *Свидерский В. И.* О диалектико-материалистическом понимании противоречивости бесконечности.— Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1956, № 5, вып. 1; *Мелюхин С. Т.* Проблема конечного и бесконечного. М., 1958; *Аскинадзе Н. Ф.* О бесконечности Вселенной в пространстве и времени.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1958, т. XII; *Кармин А. С.* О диалектико-материалистическом понимании бесконечности.— Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1959, № 5, вып. 1.

[96] Начало этой дискуссии было положено интересной статьей М. А. Маркова «О природе физического знания», опубликованной в порядке обсуждения. См.: Вопр. философии, 1947, № 2.

[97] См. редакционную статью «К дискуссии по статье М. А. Маркова» и выступления Д. И. Блохинцева, Д. С. Данина и др. (Вопр. философии, 1948, № 1). Спорные вопросы физики микромира довольно широко дебатировались в журнале «Успехи физических наук». Одна из первых в советской литературе попыток не только критического, но и конструктивного рассмотрения философских аспектов квантовой механики была предпринята Б. М. Кедровым в книге «Энгельс и естествознание» (М., 1947). См. также: *Никольский К. М.* Квантовые процессы. М., Л., 1940; *Фундер М.* Причинность и закономерность.— Под знаменем марксизма, 1941, № 5; *Омельяновский М. Э.* Ленин и физика XX века. М., 1947; *Он же.* В. И. Ленин о причинности квантовой механики.— Вестн. АН СССР, 1958, № 4; *Блохинцев Д. И.* Основы квантовой механики. М.: Л., 1949; *Он же.* Критика философских воззрений так называемой «копенгагенской школы» в физике.— В кн.: Философские вопросы современной физики. М., 1952; *Терлецкий Я. П.* Динамические и статистические законы физики. М., 1950; *Фок В. А.* Критика взглядов Бора на квантовую механику.— Усп. физ. наук, 1951, т. XV, вып. 1.

Советские ученые подчеркивали огромное методологическое значение принципа причинности в марксистско-ленинской философии, раскрывали объективный, всеобщий и необходимый характер причинно-следственных связей, их место и роль как одного из элементов универсального взаимодействия, рассматривали сложный процесс переноса материи и движения по «ценям причинения». Выявлялись такие виды причин, как внутренние и внешние, существенные и несущественные, необходимые и случайные, общие и ближайшие, а также отношения между причинностью и законами сохранения, необратимостью времени и т. д.[98] С. Т. Мелюхин и некоторые другие исследователи пришли к различению понятий «детерминизм» и «причинность», полагая, что первое из них охватывает как причинную (генетически порождающую) связь, так и функциональную зависимость. Понятия причинности и функциональной зависимости связаны, но не все функциональные отношения носят сами по себе причинный характер и не все причинные связи функциональны[99]. Отсюда «не следует, что функциональность не может быть *видом* причинности»[100].

Значительные усилия направлялись на уяснение специфики причинности в микромире и в связи с этим на критику «физического» идеализма в истолковании квантовой механики. Учитывая большой удельный вес нерешенных и спорных вопросов в этой области, едва ли следует удивляться тому, что конкретные представления и оценки, возникавшие по мере ее философского осмысления, претерпевали существенную эволюцию.

Известной вехой на этом пути, заметным явлением в советской философской литературе была книга М. Э. Омельяновского «Философские вопросы квантовой механики» (М., 1956), вслед за которой появились работы Ю. В. Сачкова, Г. А. Свечникова и других философов, специализирующихся в области методологических вопросов современной физики.

Невозможность одновременного точного определения местоположения электрона в пространстве (координаты) и скорости его дви-

[98] См.: *Анисимов С. Ф.* Соотношение категорий закона, причинности, необходимости и случайности.— Вопр. философии, 1955, № 6; *Забела З. И.* Диалектический материализм об объективном характере причинной связи и критика идеалистических теорий причинности.— Весці АН БССР. Сер. грамадьских навук, 1956, № 3. На белорус. яз.; *Багдасарян В. Х.* О категории причинности. Ереван, 1959. На арм. яз.; *Славнов Д. А., Суханов А. Д.* К вопросу о причинности в теории с индефинитной метрикой.— Докл. АН СССР, 1959, т. 124, № 6; *Кузнецов И. В.* Принцип причинности и его роль в познании природы.— В кн.: Проблема причинности в современной физике М., 1960; *Овчинников Н. Ф.* Законы сохранения в физике и причинная обусловленность явлений природы.— Там же; *Мелюхин С. Т.* О диалектике развития неорганической природы. М., 1960; *Ничик В. М.* Диалектический материализм о категории причинности. Киев, 1960. На укр. яз.

[99] См.: *Мелюхин С. Т.* Причинность и функциональная зависимость.— В кн.: Проблема причинности в современной физике; *Он же.* О диалектике развития неорганической природы.

[100] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 471.

жения (импульса), однозначного предсказания его поведения свидетельствует, отмечали советские ученые, о том, что объективные причинные связи не сводятся к однолинейной «лапласовской» форме причинности, выражаемой уравнениями классической механики, а бесконечно сложнее и многообразнее, чем допускалось механистической методологией. Поэтому дело не в крахе детерминизма вообще, а в кризисе его конкретной формы — детерминизма классической механики, в кризисе механицизма. Понятие причинности исторически расширяется и углубляется в ходе развития науки. Поведение микрочастиц имеет вероятностный характер и подчиняется статистической закономерности, объектом которой является не каждая частица в отдельности, а их совокупность, квантовостатистический ансамбль, состоящий из множества материальных компонентов. Детерминация отдельного осуществляется здесь опосредованно, через общее — коллектив микрочастиц. Необходимость прокладывает себе дорогу как ведущая внутренняя тенденция через массу случайных отклонений. Ядро статистической закономерности составляет причинность, реализующаяся в неразрывной связи со случайностью, возможностью, вероятностью (как мерой этой возможности), через превращение возможности в действительность[101]. Выражалось в то же время несогласие с толкованием вероятностно-статистических характеристик как неполного, несовершенного, второстепенного знания, ограниченность которого проистекает из недостаточного проникновения в детали исследуемых процессов (откуда вытекал вывод о необходимости замены статистического объяснения микропроцессов динамическим, возврата к механическому детерминизму). Признавая, что квантовая теория далека от «законченности» и ее не следует абсолютизировать, противники такого толкования указывали вместе с тем на неправомерность ее трактовки как временного заменителя строго научного объяснения; к вероятности, которой она оперирует, нельзя подходить как к чему-то субъективному, выражению нашего незнания. Квантово-механические закономерности объективно вероятностны по своей

[101] См.: *Омельяновский М.* Диалектический материализм и современная физика.— Коммунист, 1956, № 5; *Он же.* Философские вопросы квантовой механики. М., 1956; *Воисовский С. В.* Принцип причинности в современной физике.— В кн.: Некоторые философские вопросы естествознания. М., 1957; *Свечников Г. А.* Против индетерминизма в квантовой механике.— В кн.: Диалектический материализм и современное естествознание. М., 1957; *Он же.* Причинность и связь состояний в физике.— Вопр. философии, 1959, № 6; *Он же.* Квантовая механика и причинность.— В кн.: Проблема причинности в современной физике; *Фок В. А.* Замечания к статье Бора о его дискуссиях с Эйнштейном.— Успехи физ. наук, 1958, т. XVI, вып. 4; *Мелюхин С. Т.* Проблема конечного и бесконечного; *Шахпаронов М. И.* Диалектический материализм и некоторые проблемы физики и химии. М., 1958; *Шмальгаузен И. И.* О детерминизме и статистических законах в учении о наследственности.— Ботан. журн., 1958, № 8; *Пахомов Б. Я.* К проблеме причинности в квантовой механике.— Вопр. философии, 1958, № 9; *Сачков Ю. В.* О материалистическом истолковании квантовой механики. М., 1959; Философские проблемы современного естествознания.— В кн.: Тр. Всесоюз. совещ. по филос. вопросам естествознания. М., 1959.

природе, коренящейся в корпускулярно-волновых свойствах микрообъектов. Вероятность играет в этой области (и далеко за ее пределами) фундаментальную роль.

Признание качественного своеобразия микрообъектов должно сочетаться со все более глубоким исследованием диалектического взаимодействия между ними и окружающей макрообстановкой, с раскрытием единства микро- и макромира, а стало быть, тесной взаимосвязи статистической и динамической закономерностей, несводимых друг к другу, но взаимодополняющих одна другую[102].

В советской литературе с конца 50-х годов выдвигалось мнение о необходимости дальнейшего *усовершенствования логического инструментария науки*, пересмотра некоторых привычных, но не соответствующих современным условиям понятий и выработки новых, способных более точно и гибко выразить специфику микропроцессов. «Физические понятия несомненно будут развиваться,— писал академик В. Фок,— но уже сейчас ясно, что это развитие пойдет в сторону дальнейшего отхода от классических представлений, а никак не в сторону возврата к ним... Тот, кто пытается во имя материализма отрицать новые идеи и реставрировать старые, оказывает материализму плохую услугу»[103].

Одна из характерных особенностей развития философской мысли в СССР заключается в том, что со второй половины 50-х годов советские философы стали вовлекать в орбиту своего анализа те из категорий, которые раньше оставались вне поля их зрения или были мало разработаны: вещь, свойство и отношение[104], единичное, особенное и всеобщее[105], закон[106], вероятность[107], целое и часть[108], цель

[102] См.: *Воисовский С. В., Курсанов Г. А.* О связи динамических и статистических закономерностей в атомных явлениях.— Вестн. АН СССР, 1957, № 4; *Мякишев Г. Я.* Соотношение между динамическими и статистическими закономерностями.— Вопр. философии, 1958, № 6; *Пахомов Б. Я.* К проблеме причинности в квантовой механике.— Вопр. философии, 1958, № 9; *Мелюхин С. Т.* О диалектике развития неорганической природы. М., 1960; *Омельяновский М. Э.* Философская борьба вокруг проблемы причинности в квантовой механике.— В кн.: Проблема причинности в современной физике; *Сачков Ю. В.* Соотношение динамических и статистических закономерностей в физике.— Там же.

[103] *Фок В. А.* Об интерпретации квантовой механики. М., 1957, с. 18.

[104] См.: *Маньковский Л. А.* Категории «вещь» и «отношение» в «Капитале» К. Маркса.— Вопр. философии, 1956, № 5; *Тугаринов В. П.* О категориях предмета, свойства и отношения.— Вестн. ЛГУ, Сер. экономики, философии и права, 1956, № 17, вып. 3.

[105] См.: *Стерлин А. О.* Единичное, особенное и всеобщее.— В кн.: Категории материалистической диалектики. М., 1956; *Бродский И. Н.* Отражение диалектики общего и отдельного в суждении.— Вестн. ЛГУ, 1956, № 17, вып. 3; *Шептулин А. П.* Диалектика особенного и общего. Красноярск, 1957; *Шептулин А. П., Органова О. Н.* Взаимосвязь единичного и общего в научном и художественном познании. М., 1957.

[106] См.: *Ковалгин В. М.* Диалектический материализм о законах науки. Минск, 1958; *Туленов Ж. Т.* Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959.

[107] См.: *Смирнов А. В.* Категория вероятности.— Вопр. философии, 1958, № 12; *Тройнов И. В.* Проблема вероятности и достоверности выводного знания.— Учен. зап. Костром. пед. ин-та, 1958, т. 4, вып. 1.

[108] См.: *Блауберг И. В.* О категориях целого и части в марксистской философии.— Вопр. философии, 1957, № 4; *Чипек Ф.* Проблема целостного вида.— Учен. зап. ЛГУ, 1958, № 248, вып. 3.

и целесообразность[109], логическое и историческое[110] и др. В ряду наиболее перспективных тенденций, выявившихся к концу рассматриваемого периода в области диалектического материализма, можно отметить стремление к комплексному охвату законов и категорий, раскрытию их единства.

В связи с этим указывалось на необходимость учитывать не только основные, но и неосновные законы диалектики (управляющие отношениями общего и отдельного, сущности и явления и т. д.)[111], выявлять внутреннюю связь всех законов, ядро которой составляет единство противоположностей[112]. Подчеркивалось единство онтологической, гносеологической, логической и методологической функций марксистско-ленинской философии. Будучи относительно самостоятельными, они тесно связаны между собой, образуют различные стороны единого целого[113].

Известный интерес представляли попытки монографического обоснования *системы категорий*. Одна из них была предпринята в 1956 г. В. П. Тугариновым. Исходя из деления объективной действительности на предметы, свойства и отношения, он намечал три группы категорий диалектического материализма: 1) субстанциальные (связанные с понятием субстанции, субстрата): природа — бытие — материя — явление; 2) атрибутивные (связанные с понятием всеобщих свойств, атрибутов): движение — изменение — развитие, пространство — время, объективное — субъективное, сознание — мышление; 3) релятивные (выражающие всеобщие отношения, закономерности явлений): качество — количество — постепенность — скачок, основа — сущность — проявление, содержание — форма, общее — особенное — единичное, тождество — единство, различие — противоположность — противоречие — конфликт, причинность — необходимость — случайность — возможность — вероятность — действительность, необходимость — целесообразность — цель — свобода, закон — закономерность, истина: объективная — абсолютная — относи-

[109] См.: *Федоров Г. А.* Материалистическая диалектика о категории цели.— Вопр. философии, 1956, № 1; *Казакевич Т. А., Курбашев А. В.* Проблемы органической целесообразности.— Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1957, вып. 2; *Фролов И. Т.* Детерминизм и телеология.— Вопр. философии, 1958, № 2; *Макаров М. Г.* К истории категории «цель» в домарксовой философии.— Вопр. философии, 1959, № 10.

[110] См.: *Розенталь М.* О категориях исторического и логического.— Коммунист, 1956, № 7; *Подкорытов Г. А.* Соотношение истории и теории в познании.— Вопр. философии, 1958, № 10; *Грушин Б. А.* Логические и исторические приемы исследования в «Капитале» К. Маркса.— Вопр. философии, 1959, № 4.

[111] См.: *Рожин В. П.* О диалектических законах развития.— Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1957, № 11, вып. 2, с. 49—50.

[112] См.: *Чертков В. П.* О взаимосвязи законов диалектики.— Вопр. философии, 1959, № 1.

[113] См.: *Кребер Г.* О соотношении законов диалектического материализма и социальных наук.— Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права, 1956, № 17, вып. 3, с. 65; *Тугаринов В. П.* О структуре и функциях марксистской философии.— Вестн. ЛГУ, 1957, № 17, вып. 3, с. 64; *Рожин В. П.* Предмет и структура марксистско-ленинской философии. Л., 1958, с. 33.

тельная. Логическая последовательность и соподчиненность характеризуют, с точки зрения автора, отношения как между названными группами, так и в пределах каждой группы и внутри каждого «гнезда» наиболее близких категорий данной группы [114].

Иной тип классификации категорий разрабатывался В. С. Библером. Считая невозможным постижение предмета и его качеств вне тех отношений, в которых этот предмет находится (а равным образом уяснение существа предмета и его отношений вне его атрибутов), т. е. раздельное рассмотрение групп философских категорий друг за другом, автор писал: «В реальной истории (и теории) познания каждая ступень углубления в предмет связана с определенным срезом, „сечением",— и субстанциальных, и атрибутивных, и релятивных категорий в их неразрывной связи». Развертывание сетки логических категорий трактовалось автором как спиральный процесс, состоящий из нескольких «кругов». В конце каждого из них основополагающие категории, «материальный мир», «предмет» воспроизводятся на основе все более глубокого познания. Сначала изучаемый предмет выступает как определенность, затем — как процесс и наконец как деятельность [115].

Предложенные схемы классификации категорий рассматривались авторами не как готовые, законченные и общеобязательные решения, а скорее как своего рода заявки, возможные варианты подхода к проблеме, ее предварительная, гипотетическая постановка.

Более разнообразной с середины 50-х годов становилась проблематика в области *теории познания, логики и методологии научного исследования.* Наряду с обобщающими публикациями по теории познания и логике [116] в ряде городов и республик Советского Союза

[114] См.: *Тугаринов В. П.* Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956, с. 17, 19, 44, 58, 76, 77.

[115] См.: *Библер В. С.* О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958, с. 51, 60, 155. Существовали и другие наметки систематизации категорий, например разделение их на две группы: 1) категории объективной диалектики (материя, движение, количество, качество, сущность, явление, содержание, причинность, необходимость, случайность и др.) и 2) категории субъективной диалектики (ощущение, представление, понятие и др.). См.: *Митерев И. В.* О предмете диалектической логики и соотношении категорий и законов материалистической диалектики.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1959, т. 162.

[116] См.: *Ойзерман Т. И.* Основные ступени процесса познания. М., 1957; *Вардапетян К. Б.* Вопросы марксистско-ленинской теории отражения. Ереван, 1958, на арм. яз.; *Савинов А. В.* Логические законы мышления: (О структуре и закономерностях логического процесса). Л., 1958; *Андреев Н. Д.* Основы теории познания. М., 1959; *Он же.* Основные законы и категории материалистической диалектики. М., 1959; *Брутян Г. А.* Диалектика процесса познания. Ереван, 1959. На арм. яз.; *Пресняков П. В., Кантемиров Д. С.* Теория познания диалектического материализма и учение о первичных и вторичных качествах. Алма-Ата, 1959; *Каландаришвили Г. М.* О соотношении диалектической логики и логики формальной. Владивосток, 1959; *Алексеев М. Н.* Диалектика форм мышления. М., 1959; *Он же.* Диалектическая логика: (Краткий очерк). М., 1960; *Алексеев В. П.* Место и роль категорий в диалектическом материализме. М., 1960; *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.

подготавливались работы по отдельным, наиболее актуальным гносеологическим и логическим вопросам: о взаимосвязи форм мышления, о возрастающем значении абстракции в познании, о роли гипотезы и эксперимента, анализа и дедукции, о проблеме истинности в логике и т. д.[117] В ряде публикаций была продолжена разработка узловой проблемы диалектического материализма — проблемы единства диалектики, логики и теории познания[118]. Новым в нашей литературе было рассмотрение вопросов о соотношении традиционных и современных средств логического исследования, о сущности и значении математической логики[119]. В 1959 г. в Москве вышел обобщающий труд П. С. Новикова «Элементы математической логики». Перед философами встал сложный вопрос о связи между логикой и математикой, о соотношении математической логики и материалистической диалектики.

К тому же времени относится появление философских работ, связанных с проблемами, возникающими на стыке нескольких отраслей знания, в частности философии и психологии, посвященных генезису и исторической эволюции сознания[120].

С. Л. Рубинштейн сосредоточивал внимание на двух сторонах проблемы соотношения сознания и бытия — на отношении психиче-

[117] См.: *Копнин П. В.* Гипотеза и ее роль в познании. М., 1958; *Церетели С. В.* О диалектической природе логической связи. Тбилиси, 1956; *Уемов А. И.* Индукция и анализ. Иваново, 1956; *Геворкян Г. А.* О роли абстракции в познании. Ереван, 1957. На арм. яз.; *Он же.* Гипотеза и ее роль в науке. Ереван, 1959. На арм. яз.; *Бабаев Д. М.* Марксизм-ленинизм об истине. Ташкент, 1959. На узб. яз.; *Стемпковская В. И.* О роли абстракций в познании. М., 1959; *Каландаришвили М.* О соотношении логики формальной и диалектической. Владивосток, 1959; *Алексеев М. Н.* Диалектика форм мышления; *Он же.* Диалектическая логика: (Краткий очерк).

[118] См.: *Ситковский Е. П.* Ленин о совпадении в диалектическом материализме диалектики, логики и теории познания.— Вопр. философии, 1956, № 2; *Гак Г. М.* О соотношении диалектики, логики и теории познания.— Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1956, т. 42, вып. 3; *Габриэлян Г. Г.* Марксистская логика как диалектика. Ереван, 1956, На арм. яз.; *Семенов Ю. Н.* В. И. Ленин о тождестве логики, диалектики и теории познания диалектического материализма. Красноярск, 1958; *Колшанский Г.* Логика, диалектика и проблемы познания.— Вестн. истории мировой культуры, 1959, № 2; *Маньковский Л. А.* В. И. Ленин о диалектике, логике и теории познания. М., 1959.

[119] См.: Сборник статей по математической логике и ее применении к некоторым вопросам кибернетики. М., 1958; *Ильин В. В.* К вопросу о соотношении математической и формальной логики.— В кн.: Тр. Казан. авиацион. ин-та, 1958, т. XIII; *Войшвилло Е. К., Кузнецов А. В., Лахути Д. Г., Финн В. К.* Неотложные задачи научно-исследовательской и учебной работы в области логики.— Вопр. философии, 1959, № 3; *Бирюков Б. В.* Как возникла и развивалась математическая логика.— Вопр. философии, 1959, № 9; *Субботин А. Л.* Математическая логика — ступень в развитии формальной логики.— Вопр. философии, 1960, № 9.

[120] См.: *Рубинштейн С. Л.* Философия и психология.— Вопр. философии, 1957, № 1; *Он же.* Вопросы психологии мышления и принцип детерминизма.— Вопр. философии, 1957, № 5; Мышление и язык/Под ред. Д. П. Горского .М., 1957; *Ладыгина-Котс Н. П.* Развитие психики в процессе эволюции организмов. М., 1958; *Антонов Н. П.* Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959; *Протасеня П. Ф.* Происхождение сознания и его особенности. Минск, 1959; *Ковалгин В. М.* Проблема ощущений и рефлекторная теория. Минск, 1959; *Леонтьев А. П.* Проблемы развития психики. М., 1959; *Спиркин А. С.* Происхождение сознания. М., 1960.

ского к внешнему миру и к мозгу. Материальная обусловленность психики исследовалась им под углом зрения воздействия внешних причин через внутренние условия, опосредования первых вторыми. Это способствовало преодолению как индетерминистских концепций, так и односторонности механического детерминизма, непосредственно выводящего поведение человека из внешних факторов по схеме «стимул — реакция», игнорирующего диалектику взаимодействия внешнего и внутреннего. В своем практическом преломлении вопрос о детерминированности психических явлений трактовался С. Л. Рубинштейном как вопрос об их управляемости, возможности их направленного изменения. Отсюда намечался прямой выход к решению проблемы формирования психических свойств, воспитания человека[121]. Для С. Л. Рубинштейна характерно настойчивое проведение принципа единства человеческого сознания и деятельности. Влияние внешнего объекта на человеческое сознание опосредуется деятельностью субъекта. Мышление — это познание, ведущее к решению проблем или задач, стоящих перед людьми, ориентированное на проблемные ситуации[122]. Определяя общий замысел своей новой, к сожалению оставшейся незавершенной, книги «Человек и мир» (она создавалась в конце 50-х годов, но опубликована посмертно) и раскрывая ее преемственную связь с предыдущей работой «Бытие и сознание», С. Л. Рубинштейн писал: «Наш важнейший тезис заключается в том, что идея, образ, а значит, и вообще сознание, мышление не могут быть приняты в качестве самостоятельного члена основного гносеологического отношения. За отношением идеи, образа и вещи, сознания или познания и бытия стоит другое отношение — человека, в познавательной деятельности которого только и возникает образ, идея и бытие, которое он познает... Этим не упраздняется, не снимается вопрос об отношении образа, идеи к вещи, а значит, и проблема сознания (вообще психического) и бытия, но за этой первой проблемой закономерно, необходимо встает другая, как исходная и более фундаментальная — о месте уже не психического, не сознания только как такового во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни. Этой проблеме всех проблем и посвящена настоящая книга»[123]. Человек находится в центре внимания автора. В исследовании подчеркивается объективный характер отношения человека к бытию. Познавательное его отношение к миру производно от реального человеческого бытия и реализуется через практическое отношение человека с этим бытием и с другими людьми. Отношение человека к миру, к бытию и отношение человека к человеку рассматриваются во

[121] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957, с. 3, 7, 226.

[122] См.: *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958, с. 14.

[123] *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир.— В кн.: Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 255—256.

взаимосвязи и взаимообусловленности. Познание выступает не только как деятельность человеческого сознания, но и — ввиду роли, выполняемой в познавательном процессе практикой,— как определенный модус существования человека по отношению к бытию. Этот общественно-исторический способ человеческого существования является вместе с тем ступенью развития самого бытия. Исходя из этого, автор формулирует свой подход к философским категориям. Человек должен быть гносеологически введен в круг бытия и соответственно занять свое место как реальное, практическое существо, субъект действия и познания в диалектико-материалистической системе категорий. «С появлением новых уровней бытия в новом качестве выступают и все нижележащие уровни. Иными словами, человеческое бытие — это не частность, допускающая лишь антропологическое и психологическое исследование, не затрагивающая философский план общих, категориальных черт бытия. Поскольку с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план, необходимо видоизменение категорий, определений бытия с учетом бытия человека. Значит, стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении»[124]. В связи с этим возникает, в частности, представление о качественно различных структурах времени и пространства, обусловленных не только особенностями процессов, происходящих в неорганической и органической природе, но и особенностями человеческой жизни, истории человеческого общества (различие природного и социально-исторического времени и т. д.). Опосредование познавательного отношения человека к бытию общественными отношениями между людьми преодолевает жесткое разделение на «чистую» гносеологию и «чистую» социологию. Тем самым подчеркивается внутренняя органическая связь между философскими и социально-философскими аспектами диалектико-материалистического мировоззрения, единство теории познания и социологии познания. В рассматриваемой работе поставлены и многие другие проблемы: «бытие, существование, становление», «соотношение имплицитного и эксплицитного в познании», «онтология человеческой жизни», «человек как субъект жизни» и т. д.

Факты, приведенные в настоящей главе, свидетельствуют о том, что исследуемый период истории советской философской науки отнюдь не может быть охарактеризован (как это не раз делалось и делается в современной буржуазной и ревизионистской литературе) в однозначно-негативном плане. Не скрывая и не сглаживая те значительные трудности и противоречия, через преодоление которых шло в 30—50-х годах движение советской философской науки, было бы неверно и несправедливо упускать из виду само это поступатель-

[124] *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир, с. 259.

ное движение, недооценивать то положительное, что делалось советскими учеными.

Развитие философской мысли в СССР представляло собой, как и на всех других этапах послеоктябрьской истории, интегральную часть коммунистического преобразования общества. В советском обществе неуклонно шел — и это было главным, что определяло содержание его жизни,— процесс упрочения и развития завоеваний социализма. Продолжая идти под руководством КПСС по никем еще не изведанному пути построения новой общественной формации, преодолевая связанные с этим трудности, пройдя через горнило тягчайших испытаний Великой Отечественной войны и добившись триумфальной победы над фашизмом, советский народ — первопроходец истории, творец и победитель, продолжая идти вперед, создавал новые материальные и духовные ценности. Высота его нравственного подвига изумила мир.

Активными участниками этого процесса были наряду с другими деятелями социалистической культуры советские философы. Вместе со всем советским народом, вдохновляемые партией, они отстаивали и отстояли социализм, его диалектико-материалистическое мировоззрение.

Борьба за коренные принципы, устои коммунистического мировоззрения подготавливала дальнейшие успехи советской философской науки, социалистической культуры в целом.

Возросшие задачи коммунистического строительства, потребности мирового революционного движения, международной идеологической борьбы, потребности научно-технической революции делали необходимым дальнейшее творческое развитие философской мысли, смелую постановку новых актуальных вопросов, глубокое и систематическое исследование фундаментальных проблем. Это стало возможным на новом историческом рубеже, к которому подошло в начале 60-х годов советское общество, в условиях развитого социализма.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Многосторонний прогресс науки в СССР, дальнейший подъем марксистской философской мысли тесно связаны с полной и окончательной победой социализма, с построением развитого социалистического общества, с возникновением и развитием мировой социалистической системы. Важнейшую роль в развитии марксистской

философии сыграли решения XXIV—XXVI съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС, Постановление ЦК КПСС о мерах по дальнейшему развитию общественных наук (1967) и другие партийные документы.

Характерной особенностью современного этапа развития философской мысли в СССР является то, что разработка теории диалектического материализма ведется в различных направлениях; освещение конкретных вопросов, зачастую представленное на предыдущем этапе лишь отдельными статьями и книгами, получает более углубленное и систематическое обоснование; заметно расширился круг рассматриваемых проблем; изучаются новые вопросы, выдвинутые на первый план развитием современной эпохи; усиливается значение комплексного, синтетического подхода к их решению, возрастает роль интегративной функции диалектического материализма.

Общий уровень исследований по проблемам диалектического материализма в определенной мере отражен в «Философской энциклопедии» (Т. 1—5. М., 1960—1970). Создание этого труда потребовало не только кооперации усилий большого коллектива советских философов, но и концептуального осмысления достигнутого уровня развития материалистической диалектики и концентрации внимания философов-марксистов на еще не решенных проблемах. Это же относится к обобщающим фундаментальным трудам, а также к учебным пособиям по марксистской философии.

1
Изучение и дальнейшая разработка философского наследия классиков марксизма-ленинизма. Общие вопросы теории диалектики

Важным творческим импульсом к исследованию и разработке теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма явились выход в 60—70-х годах значительно дополненного 2-го издания собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, переиздание их ранних произведений, в частности «Экономическо-философских рукописей» К. Маркса, новая публикация первой главы «Немецкой идеологии», подготовительных работ к «Капиталу» и других трудов основоположников марксизма.

Огромную роль в деле углубленного изучения ленинского теоретического наследия и в дальнейшем развитии марксистской мысли сыграл выход первого Полного собрания сочинений В. И. Ленина, обнародование большого числа новых, ранее неизвестных его рукописных материалов. Проблемы ленинского этапа в развитии диалектического и исторического материализма составляют одну из важнейших областей исследований советских философов.

Дальнейшее творческое развитие марксизма-ленинизма нашло глубоко научное решение в Отчетных докладах ЦК КПСС и других

материалах XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов партии, в партийных документах, посвященных 50-летию Октября, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 50-летию образования СССР и др., в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Эти документы дают образцы творческого применения материалистической диалектики к анализу общественных процессов.

Ряд книг, вышедших в эти годы, специально посвящен вкладу В. И. Ленина в сокровищницу марксистской философии[1].

Систематическое изучение ленинских произведений, «Капитала» К. Маркса и других трудов основоположников марксизма-ленинизма позволило существенно усилить идейно-мировоззренческое и методологическое влияние диалектико-материалистической философии.

Теоретическое и методологическое осмысление всего наследия основоположников марксизма имело весьма большое значение. В этот период получили содержательную разработку многие ранее недостаточно исследованные проблемы диалектики: метод восхождения от абстрактного к конкретному, марксистский анализ соотношения исторического и логического, специфические логические средства, примененные К. Марксом в «Капитале», а именно индукция и дедукция, анализ и синтез, способ анализа сложных систем, представляющих собой органическое целое, и т. д.

Задача дальнейшей разработки творческого наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, более глубокого осмысления всего богатства их философских идей, исследования на основе их идей новых актуальных проблем социального и научного прогресса, естественно, сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Особенностью этого периода является и то, что разработка теории материалистической диалектики осуществляется в тесной связи с логическим обобщением истории марксистской философии, с исследованием разных этапов развития материалистической диалектики. Такого рода подход позволил связать содержание и генезис фундаментальных проблем материалистической диалектики, рассмотреть их в контексте развития социально-революционной практики, науч-

[1] См.: Ленин как философ. М., 1961; Ленин и философские проблемы современности. М., 1970; Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970; История марксистской диалектики. Ленинский этап. М., 1973; Философское завещание В. И. Ленина. Минск, 1973; *Розенталь М. М.* Ленин и диалектика. М., 1963; Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976; *Копнин П. В.* Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969; *Кедров Б. М.* Ленин и революция в естествознании XX века. Философия и естествознание. М., 1969; *Он же.* Из лаборатории ленинской мысли: (Очерки о «Философских тетрадях» В. И. Ленина). М., 1972; *Он же.* Ленин и научные революции. Естествознание. Физика. М., 1980; *Он же.* О методе изложения диалектики. М., 1983; *Федосеев П. Н.* Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1972; *Ильенков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. Размышление над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1980. Результатом совместной работы советских и болгарских философов явилась книга «Ленинская теория отражения и современность» (Москва; София, 1963; 2-е изд.: в 3-х т. Москва; София, 1973).

ного познания, философской мысли, истории всей культуры человечества.

В период развитого социализма особенно важное значение имеет *применение материалистической диалектики к анализу процессов общественного развития.* Диалектика борьбы двух противоположных социальных систем, закономерностей перехода от капиталистической общественно-экономической формации к новой, коммунистической, диалектика становления и развития социализма стоит в центре внимания советской философской науки. Исследуются пути и формы мирового революционного процесса, условия и задачи борьбы за мир, разрабатывается теория диалектики на основе изучения современной общественной жизни и новейших данных науки.

Широкий круг вопросов, связанных с диалектикой становления и развития социалистического общества, рассмотрен в ряде работ[2–3]. В них анализируется действие основных законов диалектики при переходе от капитализма к социализму и в условиях социалистического общества, выявляются новые аспекты диалектического материализма, связанные с изучением особенностей современного общественного развития.

Новый этап общественного развития подтверждает как непреходящее значение основных принципов материалистической диалектики, так и тот факт, что каждая эпоха оказывает определенное влияние на разработку материалистической диалектики. В трудах советских философов были проанализированы характер и роль противоречий при социализме, взаимоотношения между внутренними и внешними противоречиями, диалектика общего, особенного и отдельного, соотношение субъективных и объективных факторов и др. Получили обстоятельный анализ проблемы диалектики перехода от капитализма к социализму, вопросы о неравномерности современного исторического процесса и о диалектике международных отношений, о специфических особенностях современного социального процесса. Особое внимание было уделено диалектике общего и особенного в социальном развитии в связи с развертыванием научно-технической революции, взаимодействием человека и техники,

[2–3] См.: *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1966; 3-е изд., доп., М., 1978; *Он же.* Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность. 2-е изд., доп. М., 1977; *Ильичев Л. Ф.* Философия и научный прогресс. М., 1977; *Он же.* Коммунизм и философия. М., 1971; *Украинцев Б. С., Ковальчук А. С., Чертков В. П.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1963; *Афанасьев В. С.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975; *Пилипенко Н. В.* Соотношение общих закономерностей и особенностей в возникновении и развитии социализма. М., 1974; *Косолапов Р. И.* Социализм: к вопросам теории. М., 1975; *Кузьмин В. П.* Проблемы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; 2-е изд., 1980; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. М., 1980; Диалектика материальной и духовной жизни общества. М., 1966; Диалектика современного общественного развития. М., 1966; Категории социальной диалектики. Минск, 1978.

протеканием информационных процессов, развитием систем социального управления. Плодотворным и перспективным является применение методологии системных исследований к анализу социально-экономических проблем.

Сложные и многоплановые процессы, характеризующие современный этап общественного развития, дальнейшее развитие и упрочение системы социализма, конфликты современного капиталистического общества, своеобразные задачи, стоящие перед развивающимися странами, различные социальные последствия НТР, происходящие по-разному в различных социально-экономических системах,— все эти сложные, реальные, злободневные проблемы человечества предполагают в качестве одного из необходимых условий научного подхода их социально-философское осмысление.

Исследование реальной диалектики современного общественного прогресса, взаимосвязей и конфликтов различных уровней развития социальных систем, переплетения разных по своему типу социальных противоречий, комплексное исследование всех многообразных сторон общественной жизни — это не просто одна из сфер «приложения» общей теории диалектики, а плодотворный способ разработки ее самой на актуальном материале, способ обогащения концептуального содержания материалистической диалектики.

Проблемы материалистической диалектики, ее мировоззренческой и методологической функций стали привлекать все большее внимание как философов, так и широких кругов научной интеллигенции. В 1963 г. вопросы, связанные с *методологической функцией материалистической диалектики*, обсуждались на расширенном заседании Президиума АН СССР[4].

В апреле 1965 г. состоялось Всесоюзное совещание по проблемам материалистической диалектики[5]. Оно подвело итоги исследовательской работы в области диалектического материализма, позволило оценить уровень разработки отдельных вопросов и наметить основные линии дальнейшего изучения проблем диалектики в связи с задачами философско-методологического анализа достижений в различных областях современной науки. В докладе П. Н. Федосеева и выступлениях других советских философов, в развернувшейся полемике была показана необходимость творческого философского анализа актуальных проблем современной науки, переосмысления многих, казалось бы уже решенных, вопросов (например, о структуре марксистской философии, о взаимосвязи онтологического и методологического подходов в диалектике и т. д.). Основная дискуссия на этом совещании развернулась по проблемам диалектики общественного развития и особенно коммунистического строительства. В выступлениях и материалах широкое отражение нашли

[4] См.: Методологические проблемы науки. М., 1964.

[5] См.: Диалектика и логика научного познания. М., 1966; Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966; Диалектика материальной и духовной жизни общества; Диалектика современного общественного развития.

также многие гносеологические и методологические проблемы диалектики научного познания.

В 1968 г. в Алма-Ате состоялся Всесоюзный симпозиум по диалектической логике, в котором, кроме казахских философов, принимали участие видные ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, Новосибирска и других городов.

На симпозиуме были обсуждены вопросы, связанные с предметом и построением системы категорий марксистской диалектической логики, с проблематикой диалектики как методологии науки[6].

В 1977 г. в Алма-Ате состоялся Всесоюзный симпозиум по материалистической диалектике как логике и методологии современного научного познания, на котором обсуждались основные принципы построения теории материалистической диалектики, ее мировоззренческие и методологические функции, социальная обусловленность логических категорий и их логико-гносеологическое содержание. С докладами выступили известные ученые: Б. М. Кедров, Е. П. Ситковский, Э. В. Ильенков, Н. В. Пилипенко, В. И. Шинкарук и др.[7]

Интенсивно разрабатывался также основополагающий ленинский тезис о единстве диалектики, логики и теории познания[8].

Вопрос о диалектике как логике и теории познания является одним из наиболее дискутируемых. Между тем от трактовки этой проблемы зависит не только понимание предмета диалектического материализма, но и сама структура теории диалектики. Если выделить наиболее значительные публикации советских ученых по данному кругу проблем, то прежде всего следует назвать работы М. М. Розенталя. Одним из первых обратившись к этой проблеме, он исходит из того, что диалектика — это не набор неизменных правил, а постоянно изменяющаяся и развивающаяся методология теоретического анализа и практически-политической борьбы. В его исследованиях рас-

[6] См.: Актуальные проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1979.

[7] См.: Материалистическая диалектика как логика. Алма-Ата, 1971.

[8] См.: *Розенталь М. М.* Принципы диалектической логики. М., 1970; *Он же.* Ленин и диалектика; *Копнин П. В.* Диалектика как логика. Киев, 1961; *Он же.* Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. М., 1973; *Он же.* Диалектика, логика, наука. М., 1973; *Он же.* Гносеологические основы науки. М., 1974; *Касымжанов А. Х.* Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания. Алма-Ата, 1962; *Абдильдин Ж., Касымжанов А., Науменко Л., Баканидзе М.* Проблемы логики и диалектики познания. Алма-Ата, 1963; *Кедров Б. М.* Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963; *Габриэлян Г. Г.* Марксистская логика как диалектика и теория познания. Ереван, 1963; *Науменко Л. К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968; *Оруджев З. Н.* Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968; *Он же.* Диалектика как система. М., 1973; *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; *Он же.* Диалектическая логика. М., 1974; *Солопов Е. Ф.* Предмет и логика материалистической диалектики. М., 1973; *Шинкарук В. И.* Единство диалектики, логики и теории познания. Киев, 1977; *Алексеев М. Н.* Диалектическая логика. М., 1960; *Он же.* Диалектическая логика как наука. М., 1961; *Черкесов В. Н.* Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962; *Мальцев В. И.* Очерк по диалектической логике. М., 1964.

крывается взаимная связь диалектических законов, принципов и категорий, они рассматриваются как многоуровневая система. Причем существенно то, что в работах М. М. Розенталя подчеркивается объективная сторона диалектики, акцентируется соответствие диалектики познания диалектике объективной реальности.

В ряде своих трудов, вышедших в 60—70-х годах, Б. М. Кедров показывает, что единство диалектики, логики и теории познания обусловлено единством самого процесса познания, единством субъекта и объекта. Фундаментальным основанием понимания диалектики как логики и теории познания является диалектический характер процесса познания окружающего мира. Логика совпадает с диалектикой и теорией познания постольку, поскольку человеческое мышление есть диалектический процесс отражения объективной диалектики. Позиция Б. М. Кедрова состоит в том, что диалектика, логика и теория познания — это различные стороны единой марксистской философии. Диалектика — это всеобщее учение о законах развития. Логика (имеется в виду диалектическая) — это распространение диалектики на познание и мышление, поэтому она представляет собой одну из сторон диалектики. Теория познания представляет другую сторону, поскольку в центре ее — отношение мышления к бытию. Иными словами, Б. М. Кедров обращает внимание на различие аспектов диалектики и вместе с тем на ее внутреннее единство.

В работах Э. В. Ильенкова делается акцент на совпадении, тождестве диалектики, логики и теории познания. Согласно автору, марксистская «логика (т. е. материалистическая теория познания) полностью и без остатка сливается с *диалектикой*... У диалектики нет предмета, отличного от предмета теории познания (логики), так же как у логики (теории познания) нет объекта изучения, который отличался бы от предмета диалектики. И там и тут речь идет о всеобщих, универсальных формах и законах развития вообще, отражаемых в сознании именно в виде логических форм и законов мышления через определения категорий»[9].

Изложенными точками зрения не ограничивается все многообразие позиций, выраженных в публикациях по данной теме. Каждый из исследователей данной проблемы рассматривал свой круг вопросов, обращая преимущественное внимание на определенные аспекты этой сложной многогранной проблемы.

Наличие разных точек зрения по этой проблеме и широкое их обсуждение способствовали оживлению интереса к методологической функции диалектики, содержательному исследованию таких вопросов, как предмет и задачи диалектической логики, а самое главное — более углубленному и конкретному теоретическому исследованию самой многообразной проблематики материалистической диалектики.

[9] *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974, с. 227.

Одним из широко обсуждаемых вопросов в 60-х годах был вопрос о *соотношении диалектической и формальной логики.* Успехи формальной логики за последние десятилетия, ее использование при изучении логической структуры научного знания заставили по-новому взглянуть на эту проблему, отказаться от примитивно-негативного отношения к формальной логике. В ряде работ этого периода, в частности в сборниках «Диалектика и логика. Законы мышления» (М., 1962), «Диалектика и логика. Формы мышления» (М., 1962) и других, предлагалось новое рассмотрение вопроса о взаимоотношении диалектической и формальной логики. Серьезные дискуссии развернулись относительно предмета и содержания диалектической логики.

Трудно представить в одной главе все многообразие позиций советских ученых по данному вопросу. Так, Б. М. Кедров считает, что формальная логика — это философская наука и она входит как элемент в логику диалектическую. П. В. Таванец и П. В. Копнин не разделяют этого мнения, полагая, что формальная логика не философская, а частная наука. Диалектическая же логика является для нее, как и для других частных наук, методом исследования. М. Н. Алексеев исходит из того, что диалектическая логика в отличие от формальной исследует законы диалектического мышления, которое может быть стихийным или сознательным. В ряде работ предлагалось диалектически переосмыслить традиционные проблемы формальной логики, в связи с чем якобы целесообразно говорить о диалектических суждениях и умозаключениях. Расхождение точек зрения в этом вопросе оказалось весьма значительным, однако дискуссия в целом позволила уточнить предмет современной формальной логики и характер ее отношения к философско-методологической проблематике.

Формальная логика, долгое время развивавшаяся в направлении математических приложений, ныне стала активно вторгаться в совершенно новые для нее области исследования. Идеи и методы современной формальной логики были интенсивно использованы при обсуждении многих методологических проблем. Влияние современной формальной логики связано, в частности, с расширением арсенала методологических приемов (формализация, аксиоматизация, интерпретация и т. д.), с более углубленным анализом логических особенностей многих традиционно используемых методов познания (определений, объяснений и предсказаний, различных видов абстракций), с существенным расширением дедуктивных и индуктивных схем вывода и т. д.

Возросшая познавательная ценность формальной логики заставляет уточнить те оценки возможностей формальной логики, которые вытекали из недостаточности уровня ее развития в определенную историческую эпоху (например, мнение об элементарном, «школьном» характере формальной логики, представление о том, что эта логика оперирует лишь двумя полярными оценками — «да» и «нет»

и т. д.). При этом сохраняется понимание ее внутренней ограниченности, признание качественных различий между диалектической и формальной логикой.

Особенность исследований категорий диалектики в анализируемый период состоит, во-первых, в том, что посвященная им литература многократно возросла, что изучение стало более разносторонним, конкретным, во-вторых, в том (и это главное), что исследование их мировоззренческой и методологической функций все более тесно связывается с философским осмыслением опыта современной науки. Так, например, диалектика количества и качества изучается в неразрывном единстве с анализом количественных и качественных процедур, операций измерения и т. д. Диалектика формы и содержания исследуется в контексте взаимоотношения формальных и содержательных компонентов научного знания и в связи с обсуждением возможностей формализации. Диалектика возможности и действительности — в свете тех перспектив, которые открываются широким применением категории возможности, с одной стороны, в современной науке (в частности в квантовой механике), с другой стороны, в практике социального переустройства (альтернативы исторического развития)[10].

Плодотворным оказался подход к исследованию ряда категорий с точки зрения диалектико-материалистического принципа системности, играющего очень важную роль в современной науке. На этом пути удалось рассмотреть, например, комплекс проблем, связанных с исследованием системных качеств (В. П. Кузьмин)[11].

Проблемы современной науки заставили по-новому проанализировать такие вопросы, как критерии существования и реальности; диалектика тождества и различия; вещи, свойства, отношения, процессы[12].

Философское осмысление нового естественнонаучного материала особенно значимо в тех случаях, когда речь идет о таких категориях, которые непосредственно связаны с марксистско-ленинским

[10] См.: *Кузьмин В. П.* Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966; *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972; *Ильин В. В.* Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. М., 1972; *Цехмистро И. Э.* Диалектика множественного и единичного. М., 1972; *Цехмистро И. Э., Бобкова И. П.* Диалектика множественного и единого и континуум. Харьков, 1977; *Мамардашвили Л. К.* Формы и содержание мышления. М., 1968; *Кураев В. И.* Диалектика содержательного и формального в научном познании. М., 1977; Соотношение содержательного и формального в научном познании/Отв. ред. Ж. Абдильдин. Алма-Ата, 1978; *Абдильдин Ж.* Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967; *Шептулин А. П.* Диалектика единичного, особенного и всеобщего. М., 1973; *Широканов Д. И.* Диалектика познания и категория субстанции. Минск, 1974; *Вивир П. И., Урсул А. Д.* Диалектика определенности. Кишинев, 1976; и др.

[11] См.: *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд., М., 1980.

[12] См.: *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963; *Панухова И. Д., Пахомов Б. Я.* Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1974; *Райбекас А. Я.* Вещи, свойства, отношения как философские категории. Томск, 1977; и др.

учением о материи, формах ее существования (пространство и время, типы детерминизма), а также о таких категориях, как необходимость, случайность, взаимодействие [13]. В исследовании последних наши философы заметно продвинулись в 60—70-х годах. Так, например, если раньше общепринятым было мнение о том, что случайность выражает лишь внешние, а необходимость — лишь внутренние связи, то в современных философских исследованиях в соответствии с данными науки показано, что случайность может служить выражением и внутренних зависимостей, что само взаимоотношение между необходимостью и случайностью диалектически изменяется на разных уровнях развития материи [14].

Наряду с анализом отдельных категорий внимание ученых привлекает изучение целостных *систем категорий материалистической диалектики.* Во многих исследованиях этого периода подчеркивается, что систематизация категориального аппарата диалектики позволяет не только установить связи между отдельными категориями, но и рассмотреть каждую из них как момент системы, а саму систему категорий необходимо понять как многоуровневую, открытую, развивающуюся [15].

Как и всякой сложной, решение этой проблемы шло в разных направлениях. Вокруг нее разгорелись оживленные споры. Естественно, что в центре внимания исследователей встал вопрос об основаниях систематизации. Большинство советских философов исходят из того, что система категорий диалектики должна основываться на принципе единства исторического и логического, однако и в его трактовке, и в реальном его осуществлении обнаружились различные подходы. Так, П. В. Копнин и М. М. Розенталь предлагали строить систему категорий как обобщение развития познания от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. А. П. Шептулин, рассматривая категории как ступени познания, видит определяющий фактор построения системы категорий в развивающейся практике [16]. Ряд советских философов считают основополагающими категории

[13] См.: *Пилипенко Н. В.* Необходимость и случайность. М., 1965; *Он же.* Диалектика необходимости и случайности. М., 1980; *Жбанкова И. И.* Проблема взаимодействия: (Философский очерк). Минск, 1971; и др.

[14] См.: *Пилипенко Н. В.* Диалектика необходимости и случайности.

[15] Проблемы диалектики как системы законов и категорий разрабатываются в книгах: *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса; *Андреев И. Д.* Диалектический материализм. М., 1960; *Он же.* О методах научного познания. М., 1964; *Маньковский Л. А.* Логические категории в «Капитале» Маркса. М., 1962; *Кедров Б. М.* Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963; *Шептулин А. П.* О взаимосвязи категорий материалистической диалектики. М., 1964; *Он же.* Категория диалектики. М., 1970; *Широканов Д. И.* Взаимосвязь категорий диалектики. Минск, 1969; Категории диалектики как ступени познания. М., 1971; *Петров Ю. А.* Логическая функция категорий диалектики. М., 1972; *Оруджев З. М.* Карл Маркс и диалектическая логика, Баку, 1964; *Он же.* Диалектика как система. М., 1973; *Шевцов И. С.* Вопросы методологии в «Капитале» Маркса. Казань, 1977.

[16] См.: *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики. М., 1967; Категории диалектики как ступени познания.

«материя», «бытие», «субстанция» и т. д. Б. Н. Сагатовский в книге «Основы систематизации всеобщих категорий» (Томск, 1975) специально останавливается на вопросах об эмпирическом базисе системы категорий, о множественности категориальных систем, о критериях истинности того или иного типа систематизации, зависимости его от специфической познавательной задачи.

В обсуждении этого круга проблем были выявлены различные аспекты теории диалектики, построены интересные варианты системы категорий. Однако многие вопросы остаются еще неясными, и прежде всего — сами критерии, по которым должны выделяться классы категорий и осуществляться построение целостной их системы. Может быть, это является одной из причин того, что до сих пор мы не располагаем достаточно обоснованной и развернутой системой категорий диалектического материализма. Другой причиной этого является отсутствие фундаментальных работ по истории мышления (в частности, по истории научного познания), по истории техники, т. е. как раз тех исследовательских направлений, которые, по мысли В. И. Ленина, должны составить исключительно важное звено в разработке теории диалектики.

Существенно важным для правильного подхода к этой проблематике является предостережение, прозвучавшее с трибуны июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, о том, что «дискуссии по поводу законов и категорий науки, при всей их значимости, не должны носить самодовлеющего, схоластического характера. Партия надеется, что в результате научных исследований будут чаще появляться добротные практические рекомендации»[17]. Речь, как видим, идет здесь не о том, что под сомнение ставится целесообразность изучения данного круга вопросов вообще, а лишь о недопустимости его замыкания в слишком узких рамках, превращения его в самоцель, схоластизации. Подлинно марксистская разработка вопроса о системе категорий должна, как и исследование других проблем, иметь конкретный, целеустремленный характер, тесно увязываться с назревшими задачами жизни, практики.

В последние десятилетия продолжалась разработка проблем *диалектики как теории изменения и развития*[18]. Здесь наметилось два подхода. Если при первом подходе акцент делается на анализе самих объективных процессов, происходящих в природе и в обще-

[17] Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии.— Коммунист, 1983, № 9, с. 21.

[18] См.: *Свидерский В. И.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965; *Босенко В.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966; *Шептулин А. П.* Основные законы диалектики. М., 1966; *Столяров В. И.* Процесс изменения и его познание. М., 1966; Проблема развития в современном естествознании. М., 1968; *Семенчев В. М.* Понятие развития и законы диалектики.— Вопр. философии, 1968, № 2; *Лойт Т., Макаров М., Вальт Л.* Основные законы марксистской диалектики. Таллин, 1971; Принцип развития. Саратов, 1972. Ряд вопросов диалектической теории развития, связанных с разработкой общей теории организации, рассматривается в сборниках «Проблемы диалектики» (Л., 1972—1980. Вып. 1—9).

стве, то при втором исследуются в первую очередь познавательные средства и методы изучения изменения и развития (разумеется, в их объективной обусловленности). Следует подчеркнуть, что методы изучения процессов, средства теоретического воспроизведения изменяющихся объектов еще недостаточно исследованы в нашей литературе. Между тем осмысление логико-методологических приемов и операций науки в анализе процессов развития — весьма актуальная задача и социальных и естественных наук (теория эволюции, историческая геология, современная космология и др.). Помимо разработки метода восхождения от абстрактного к конкретному как совокупности приемов воспроизведения сложных, развивающихся, самоорганизующихся систем, советские философы стремились использовать новые понятия и познавательные средства для теоретического истолкования развития. Так, для понимания структуры процессов было применено понятие диахронии в противоположность понятию синхронии[19], анализировалось время как фундаментальная характеристика процессов изменения и развития[20]. Трудности в изучении процессов изменения стали весьма очевидными в дискуссии о противоречивости движения и выражении его в понятиях.

Внимание советских исследователей было обращено на изучение *диалектического противоречия* как движущей силы изменения и развития. П. Н. Федосеев обстоятельно проанализировал проблему единства противоположностей[21]. Различные аспекты этого закона рассматриваются и в других работах[22]. При этом в трактовке природы и сущности диалектического противоречия выявилось несколько различных точек зрения (характер расхождения в решении этой проблемы отражен в статье «Противоречие» в 4-м томе «Философской энциклопедии», две части которой написаны соответственно И. С. Нарским и Г. С. Батищевым). Многие из существующих позиций и расхождений в трактовке диалектического противоречия четко представлены в книге «Диалектическое противоречие» (М., 1979).

В середине 60-х годов журнал «Философские науки» провел спе-

[19] См.: *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Серов Н. К.* О диахронической структуре процессов.— Вопр. философии, 1970, № 7; и др.

[20] См.: *Аскин Я. Ф.* Проблема времени. М., 1966; *Он же.* Проблема времени в биологических системах.— В кн.: Системные исследования. М., 1970.

[21] См.: *Федосеев П. Н.* Коммунизм и философия. М., 1971.

[22] См.: Диалектика развития социалистического общества. М., 1961; О диалектике развития советского социалистического общества. М., 1962; *Чертков В. П.* Ядро диалектики. М., 1962; *Штракс Г. М.* Социальное единство и противоречия социалистического общества. М., 1966; *Он же.* Социальное противоречие. М., 1974; *Дудель С. П., Штракс Г. М.* Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967; Диалектические противоречия в природе. М., 1967; *Георгиев Ф. И., Петровичева Л. Ф.* Проблема противоречия. М., 1969; *Нарский И. С.* Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969; *Он же.* Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; Диалектическое противоречие. М., 1979.

циальную дискуссию по вопросу о противоречивости механического движения и ее выражении в логике понятий [23]. В ходе этих обсуждений обнаружились разные подходы к проблеме. Представители одного из них, признавая формулу «движущийся предмет одновременно и находится и не находится в данном месте» строгой, считали, что она не связана с нарушением формально-логического принципа непротиворечивости (А. С. Богомолов, Б. М. Кедров, П. В. Копнин, М. М. Розенталь и др.). Мотивировалось это соображение тем, что особенностью формальной логики является отвлечение от реальных процессов развития, тогда как диалектическая логика отражает их объективную диалектику. Это означает, что средства формальной логики недостаточны для выражения диалектически противоречивых явлений и процессов. Поэтому не может существовать дилеммы: либо ошибочна формальная логика, либо ошибочно положение об объективной противоречивости движения.

Согласно другой точке зрения диалектические противоречия в подобных случаях должны формулироваться как противоречия в разном смысле или отношении (Е. К. Войшвилло, В. И. Свидерский).

Особую позицию в этом вопросе занимали Д. П. Горский, Ю. П. Петров (к ним отчасти примыкал И. С. Нарский). В работах этих авторов исследуется вопрос о гносеологических трудностях отображения движения в понятиях, которые вытекают из огрубляющего характера мышления,— принятия определенным образом идеализированных («огрубленных») допущений. Отвлечение от некоторого их несоответствия движущейся, меняющейся действительности, от расплывчатости границ исследуемых объектов позволяет давать формально непротиворечивые ее описания, выделяя центральное, огрубленное и остановленное («омертвленное») ядро. Однако осознание ограниченности подобных способов описания и обращение к тем сторонам явления, от которых мы первоначально отвлеклись, приводит к возникновению новых противоречий [24], которые в дальнейшем разрешаются посредством некоторой новой идеализации, строящейся на основе знания, добытого ранее, и т. д.

[23] См.: *Батищев Г. С.* Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963; *Он же.* К вопросу об условиях познания диалектического противоречия.— Филос. науки, 1964, № 6; *Богомолов А. С.* «Летящая стрела» и закон противоречия.— Филос. науки, 1964, № 6; *Босенко В. А.* Некоторые вопросы диалектики противоречивости движения.— Филос. науки, 1964, № 5; *Войшвилло Е. К.* Еще раз о парадоксе движения, о диалектических и формально-логическом противоречиях.— Филос. науки, 1964, № 4; *Драгун Б. А.* В чем противоречивость механического движения.— Филос. науки, 1964, № 1; *Дудель С. П.* Об отражении противоречивости механического движения в понятиях.— Филос. науки, 1964, № 7; *Мелюхин С. Т.* Возможно ли непротиворечивое понимание противоречивости движения?— Филос. науки, 1964, № 6.

[24] Д. П. Горский, в частности, полагал, что формальные противоречия, обнаруживающиеся на отдельных этапах развития теории, выступают в функции диалектических противоречий, стимулирующих развитие нашего познания. См.: *Горский Д. П.* Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966.

«В разрешении этих вновь и вновь возникающих противоречий, связанных с отображением движения (а следовательно, и с самой его сущностью),— отмечала С. А. Яновская,— и состоит развитие науки, которое само есть процесс и носит, следовательно, тот же диалектический характер»[25].

Гносеологическая природа трудностей анализа диалектики движения состоит в том, что движение по самой своей сущности не может быть не чем иным, как единством противоположностей, взятых в одно и то же время и в одном и том же отношении, и вместе с тем такое противоречие невозможно. Его признание, равно как и отрицание, приводит к парадоксальным выводам.

В свете проведенной дискуссии возникает вопрос (требующий дальнейшей разработки) о том, что противоречивость движения может быть понята с более общей позиции — с позиции противоречивости изменения.

Особая гносеологическая трудность выявилась при использовании категорий прерывности и непрерывности для анализа движения. В ходе дискуссии ряд авторов указывали на необходимость рассматривать движение как противоречие, которое «одновременно и осуществляется и разрешается». Л. А. Маньковский, например, полагал, что в этом состоит «главное требование диалектической логики».

Однако интерпретировать противоречивость движения с позиций обычных представлений о непрерывности и прерывности движения весьма трудно. Необходимо диалектически трактовать единство непрерывности и прерывности, а именно как их взаимопроникновение в каждом пространственно-временном пункте. Тем самым они теряют привычные значения постепенности и скачка, их обычные смысловые границы размываются, а их противоположность становится менее резкой и менее очевидной.

В ходе дискуссии подчеркивалось, что моменты возникновения и разрешения противоречия не различаются между собой как качественно различные ступени развития противоречия, возникающие одна из другой и одна после другой; ведь движение определяется как противоречие, которое постоянно возникает и одновременно разрешается. Новые аспекты этой проблемы связаны с прерывностью и непрерывностью пространства и времени.

В последние годы появился ряд монографий, в которых общая структура диалектического противоречия рассматривается в связи с анализом диалектики развития научного знания, парадоксов в обосновании математики, противоречия содержательного и формального, конечного и бесконечного в естественнонаучном знании, парадоксов целостности в биологическом познании и т. д.

[25] *Яновская С. А.* Преодолены ли в современной науке трудности, известные под названием «апорий Зенона»?— В кн.: Проблемы логики. М., 1963, с. 134.

Особое внимание советские философы начали уделять анализу типологии диалектических противоречий, исследованию роли противоречия в качестве источника самодвижения [26].

Новый этап обсуждения проблемы диалектического противоречия мы находим в книге «Диалектическое противоречие» (М., 1978). Как отметил во вступлении ее главный редактор Б. М. Кедров, эта работа представляет собой своеобразную книгу-диспут, творческую полемику между ее авторами.

Особенность обсуждения проблемы в данной книге состоит в том, что все ее участники признают необходимость разрешения логического противоречия. Все авторы книги считают, что формальная антиномия типа «А и не-А» не является окончательным выражением объективного диалектического противоречия и должна быть разрешена, «снята» в какой-то иной структуре. Каковы способы этого разрешения, какова эта «иная» структура, какую роль играет формализация в этом процессе — по всем этим вопросам ведется острая дискуссия.

Г. С. Батищев, например, считает, что антиномии характеризуют процесс становления знания, в то время как в «готовом», овеществленном знании они отсутствуют. Однако само «овеществление» знания в знаковой форме он рассматривает не в качестве необходимого момента познавательного процесса, а как результат воздействия на познание определенных внешних обстоятельств, которые в известной мере затемняют подлинную сущность познания. Поэтому, с его точки зрения, отсутствие антиномий в «формализованном» знании, хотя и совершенно неизбежно, свидетельствует о некоторой неполноценности этого знания по сравнению с тем, в котором процесс движения по логике объекта не получил выражения в виде знаковой формализованной структуры.

З. М. Оруджев признает, что формальная антиномия возникает лишь тогда, когда мы вырываем определенный момент из объективно существующего диалектического противоречия, в котором полюса антиномии реально опосредованы некоторыми звеньями; поэтому хотя антиномия и выражает определенный момент реальности (и в этом смысле имеет объективное содержание), но выражает его в субъективной форме, ибо упускает из виду посредствующие звенья.

Э. В. Ильенков подчеркивает, что содержание, которое выражается в виде логической антиномии, точно воспроизводит определенную сторону самого объекта. Вместе с тем, по его мнению, то содержание, которое отражается в антиномии, выступает лишь

[26] См.: *Вяхкерев Ф. Ф.* Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972; *Горбач В. И.* Проблемы диалектических противоречий. М., 1972; Принцип противоречия в современной науке. Алма-Ата, 1975; *Нарский И. С.* Проблемы противоречия в диалектической логике. М., 1969; *Он же.* Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; *Суханов В. И.* Предметное противоречие, структура и механизм действия. Саратов; Москва, 1976.

моментом структуры развивающегося объективного противоречия. Поэтому дальнейшее движение познания означает «разрешение», антиномии, что выражается, однако, не в ее устранении, не в ее модификации, а в ее включении в состав некоторого более широкого целого.

Наряду с основным законом диалектики продолжают разрабатываться и два других ее закона — *отрицания отрицания и перехода количественных изменений в качественные*[27]. Проблемы современной практики и достижения современного научного познания ставят перед советскими философами новые задачи в анализе законов диалектики. Ряд новых аспектов осуществления этих законов в современной науке нашли свое отражение в работах Б. М. Кедрова, В. П. Кузьмина, В. С. Тюхтина и других авторов. В частности, исследовались проблема изомерии в связи с переходом количества в качество, роль симметрии в действии законов диалектики, категории «меры», «системного качества» в научном знании, диалектика прогресса, регресса, отрицания и др.

В 70-х годах появился ряд работ (преимущественно коллективных), в которых предпринимаются попытки целостного рассмотрения системы материалистической диалектики, ее принципов, законов и категорий в единстве ее мировоззренческих и методологических функций. Авторы этих работ стремятся, с одной стороны, подвести определенный итог тому, что было сделано в данной области, а с другой — наметить новые рубежи научной деятельности[28].

В этих работах предпринята попытка последовательного проведения той или иной логики систематического *построения теории материалистической диалектики*, в них формулируются исследовательские программы работы в этой области. Одни из авторских

[27] См.: *Мелюхин С. Т.* О диалектике развития неорганической природы. М., 1960; *Овчинников Н. Ф.* Качество и свойство.— Вопр. философии, 1960, № 6; *Кедров Б. М.* О повторяемости в процессе развития. М., 1961; *Домрачев Г., Ефимов С., Тимофеева А.* Закон отрицания отрицания. М., 1961; *Ильенков Э. В.* Количество.— В кн.: Филос. энцикл., 1962; *Украинцев Б. С., Ковальчук А. С., Чертков В. П.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1963; *Тюхтин В. С.* Закон перехода количества в качество в свете данных современной науки.— В кн.: Проблемы научного метода. М., 1964; *Вахтомин Н. К.* Законы диалектики — законы познания. М., 1966; *Кравченко Л. Г.* Проблема качества в философии. Минск, 1971; *Харин Ю. А.* Диалектика социального отрицания. Минск, 1972; *Ильин В. В.* Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. М., 1972; *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972; *Кузьмин В. П.* Категория «меры» в марксистской философии. М., 1975; и др.

[28] См.: *Копнин П. В.* Диалектика, логика, наука. М., 1973; *Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я.* Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971; *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974; Проблемы материалистической диалектики как теории познания: Очерки теории и истории. М., 1979; *Алексеев П. В.* Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1978; Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1978; Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории/Под ред. П. Н. Федосеева. М., 1980; Материалистическая диалектика: В 5-ти т. Т. 1. Объективная диалектика/Под общ. ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. М., 1981; Категории диалектики, их развитие и функции/Под ред. М. А. Булатова. Киев, 1980; и др.

коллективов или отдельных авторов исходят прежде всего из анализа объективной диалектики, другие — из исследования единства объективной и субъективной диалектики, третьи — из теоретического обобщения истории познания (истории философии, истории отдельных наук, языка, истории умственного развития ребенка и животных). Особенностью 70-х годов является появление работ, в которых проблемы теории диалектики рассматриваются в широком контексте социально-культурной, исторически развивающейся человеческой жизнедеятельности.

Появление целого ряда фундаментальных трудов по теории материалистической диалектики создает новую ситуацию в разработке проблематики этой важнейшей области марксистско-ленинской философии [29].

2

Материя и формы ее существования. Проблема причинности

В 1958 г. состоялось Первое Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания, на котором были подведены итоги предшествующих дискуссий вокруг современных физических теорий, особенно теории относительности и квантовой механики [30]. В этих дискуссиях, помимо других, рассматривались и важные в мировоззренческом и методологическом отношении вопросы о структуре и формах существования материи, о структуре и свойствах пространства и времени, о соотношении причинности, вероятности и детерминизма. В результате усилий ряда выдающихся советских физиков и философов, в особенности А. Д. Александрова, Г. И. Наана, М. Э. Омельяновского и В. А. Фока, удалось значительно продвинуться в понимании структуры и закономерностей движения материи, углубить диалектико-материалистическую интерпретацию теории относительности и квантовой механики. Дальнейшее развитие философских исследований структуры, строения и свойств материи, пространства и времени, причинности и детерминизма происходило в направлениях, намеченных на данном совещании, а итоги исследований обсуждались на II (1970) и III (1981) Всесоюзных совещаниях по философским вопросам естествознания [31].

[29] Вопросы целостного рассмотрения системы материалистической диалектики обсуждались в течение ряда лет в периодических выпусках (см.: Проблемы диалектики. Л., 1972—1980. Вып. 1—9), а также в ряде статей Б. М. Кедрова, опубликованных в 70-х годах в журнале «Вопросы философии».

[30] См.: Философские проблемы современного естествознания.— В кн.: Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., 1959.

[31] См.: Физическая наука и философия. М., 1973; Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. М., 1981. Вып. III; Эволюция материи и ее структурные уровни: Тезисы выступлений к III Всесоюзному совещанию по философским вопросам современного естествознания. М., 1981. Вып. I.

Разработка ленинского учения о материи проходила в разнообразных естественнонаучных и философских аспектах. В ряде работ основное внимание уделялось дальнейшему рассмотрению и анализу диалектико-материалистического понятия материи, обоснованию его методологического и мировоззренческого значения для современной науки и общественной практики, для борьбы с идеализмом и метафизикой. В этой связи был поставлен вопрос о современной интерпретации и об обосновании принципа материального единства мира, о его соотношении с проблемой бесконечности Вселенной [32].

Развитие современного *учения о всеобщих свойствах и закономерностях материи* привело к существенному уточнению представлений о наиболее фундаментальных свойствах материи, а также к постановке ряда новых проблем.

Окончательный крах потерпели попытки последователей энергетизма представить энергию в качестве последней субстанции, которая лежит в основе мироздания. Было достигнуто понимание энергии как одного из наиболее фундаментальных (наряду с массой) свойств материи. Раскрыта естественнонаучная и философская несостоятельность отождествления материи с веществом, а энергии с полем, истолкования массы как меры количества материи и утверждений о превращении массы в энергию, а энергии в массу и об их эквивалентности [33]. На передний план выдвинулись проблемы, поставленные физикой элементарных частиц. Наряду с необходимостью анализа понятия элементарной частицы, критериев элементарности, вопросов о соотношении состава, части, элемента, структуры и об их взаимодействии в свете новейших теоретических и экспериментальных данных физики высоких энергий были поставлены и более общие вопросы об элементарности и элементаризме как гносеологических принципах, которые играют важную роль при изучении всех структурных уровней материи. В частности, важное значение приобрело выдвинутое М. Э. Омельяновским положение об особом характере относительности понятий элементарного и сложного в физике микромира [34]. Дальнейшее развитие получили вопросы о соотношении понятий элементарности и неисчерпаемости, об эволюции понятия элементарности в процессе познания, об исторической смене форм элементаризма и т. д. В связи с развити-

[32] См.: *Архипцев Ф. Т.* Материя как философская категория. М., 1961; *Готт В. С.* Философские вопросы современной физики. М., 1967; *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве бесконечности и развитии. М., 1966; *Он же.* Бесконечность материального мира. М., 1973; Философия естествознания. М., 1967. Вып. 1; *Асимов М. С.* Материя и физическая картина мира. Душанбе, 1967. На тадж. яз.; Ленин как философ. М., 1969; *Солопов Е. Ф.* Материя и движение. Л., 1972; *Вислобоков А. Д., Грибанов Д. П.* Материя и формы ее существования. М., 1976; *Кучевский В. Б.* Анализ категории «материя». М., 1983.

[33] См.: Философия естествознания. Вып. 1.

[34] См.: *Омельяновский М. Э.* Диалектика в современной физике. М., 1973.

ем так называемого космологического подхода к физике элементарных частиц все большее внимание уделяется философским аспектам соотношения микро- и мегамира, соотношения элементарной частицы и Вселенной [35].

Ряд выдающихся открытий, сделанных за последние годы в физике элементарных частиц, поставил новые интересные методологические и мировоззренческие проблемы. Новые результаты дают основание надеяться на создание единой теории сильных, слабых и электромагнитных взаимодействий.

В этой связи особое значение приобретают методологические исследования логико-математического аппарата современных теорий микромира в целях выявления возможностей синтеза квантовых и релятивистских принципов, а также рассмотрение вопросов о повышении информационной емкости абстрактных математических пространств, лежащих в основе различных физических теорий [36].

Глубокие изменения, происходящие в современной науке, связанные с проникновением во внутренний мир атома, элементарных частиц, с исследованием живых организмов и сложных самоуправляющихся систем, с использованием и созданием качественно новых, мощных источников энергии, с исследованиями в области астрономии, космологии и т. д., потребовали дальнейшего развития диалектико-материалистического *учения о движении как способе существования материи*, анализа всеобщности и абсолютности движения и относительности конкретных его характеристик. Потребовалось уточнение содержания *понятий движения и развития* и их соотношения, а также дальнейший анализ проблемы классификации основных форм движения материи, специфики конкретных форм движения.

В ходе обсуждения были выявлены различные подходы и точки зрения на решение многих вопросов. Так, при определении сущности и содержания понятий развития и движения, при решении вопроса об их соотношении можно констатировать наличие трех точек зрения.

Одни авторы отрицают необходимость деления видов изменчивости на движение и развитие, ссылаясь на то, что не сформулировано пока четкого и единого критерия, который позволил бы проводить ясное различие между ними [37]. Другие же считают, что подобное разделение провести можно. Однако относительно того, какую из этих категорий рассматривать как более общую, точки зрения

[35] См.: *Марков М. А.* О природе материи. М., 1976; *Степанов Н. И.* Концепции элементарности в научном познании. М., 1976.

[36] См.: *Акчурин И. А.* Единство естественно-научного знания. М., 1974; *Брагинский В. П.* Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л., 1973; *Кузнецов В. И.* Философский анализ оснований физики элементарных частиц Киев, 1977.

[37] См.: *Босенко В. А.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966.

расходятся. По мнению одних, более общей является категория развития[38], по мнению же других — категория движения[39].

Различные взгляды существуют и на понимание развития, на само определение этой категории. Наиболее распространенной является точка зрения, которую можно назвать «традиционной» и согласно которой развитием является поступательное движение по восходящей в структурном отношении линии от низшего к высшему и от простого к сложному. Хотя такое понимание развития является наиболее наглядным и понятным, а также подтверждается многими примерами развития природы и общества, все же оно сталкивается с рядом существенных трудностей. Эти трудности связаны прежде всего с определением понятий «простого» и «сложного», «низшего» и «высшего», что подразумевает уже знание и определение категории развития. Однако имеется и более фундаментальное возражение, которое связано со всеобщим характером развития. Если понимать развитие как восходящее движение от простого к сложному, от низшего к высшему, то его нельзя рассматривать как всеобщую характеристику бытия, ибо любая индивидуальная материальная система в ходе своей истории опровергает подобное истолкование принципа развития. Она возникает, усложняется, достигает определенной структуры и начинает разрушаться, пока не происходит ее полное разложение и слияние с окружающей средой.

Поэтому предлагались и иные трактовки развития. Одни авторы понимают под развитием качественные изменения предмета в целом или качественные преобразования его структуры[40]. Другие предлагают понимать под развитием только необратимые качественные изменения[41], третьи считают, что развитие следует определять как диалектическое взаимодействие прогрессивных и регрессивных изменений[42].

Анализу и разработке диалектико-материалистической теории развития посвящен ряд трудов. Так, Институтом философии АН СССР предпринято издание пятитомного коллективного труда «Материалистическая диалектика как общая теория развития». В вышедшей в 1982 г. первой книге «Философские основы теории развития» раскрывается органическая связь материалистической диалектики с многогранной проблематикой развития, показываются фундаментальный характер проблемы развития, ее важная роль в современном научном познании мира и преимущества диалектико-

[38] См.: *Дудель С. П., Штракс Г. М.* Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967.

[39] См.: *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии.

[40] См.: *Грушин Б. А.* Опыт анализа объективной структуры процесса развития.— Вопр. философии, 1961, № 2; *Молевич Е. Ф.* Движение, развитие, прогресс. Свердловск, 1967.

[41] См., например: *Всехсвятский С., Казютинский В.* Рождение миров. М., 1961.

[42] См.: *Столяров В. И.* Изменение и развитие.— Вопр. философии, 1965, № 12.

материалистического подхода к ее решению, в котором подчеркивается универсальный и всеобщий характер развития, необходимость понимания его как единого, неразложимого в своей всеобщности процесса, охватывающего как прогрессивные, так и регрессивные изменения.

Раскрываемая в развитии современной науки бесконечная сложность реального мира и его процессов привела к осознанию того, что любая классификация форм движения материи (и наук, изучающих их), являющаяся важным этапом в их познании и строящаяся в соответствии с уже добытыми научными данными, представляет собой лишь определенную ступень, которая неизбежно совершенствуется с дальнейшим развитием науки. «Раз мы познали формы движения материи... то мы познали самое материю»,— подчеркивал в свое время Ф. Энгельс[43]. Эта мысль остается актуальной и в настоящее время.

Совершенствование видов классификации форм движения материи, их уточнение и изменение выражаются в настоящее время в попытках расширить данную Ф. Энгельсом классификацию путем включения в нее ряда новых форм движения материи. Выдвигались предложения дополнить физическую, химическую, биологическую, социальную формы движения материи геологической, географической, кибернетической, космологической и др. Однако эти предложения сталкиваются с неопределенностью истолкования понятия «форма движения материи» и критериев выделения тех или иных процессов природы и связанных с ними закономерностей в самостоятельную, отличную от других форму движения.

Ряд авторов ставят вопрос о соотношении понятий «форма движения материи» и «структурный уровень материи». Высказывается мнение о том, что в современной науке понятие «форма движения материи» устарело и может быть во всех отношениях заменено понятием «структурный уровень материи»[44]. Другие исследователи считают, однако, что данные понятия не подменяют друг друга, а имеют свое особое содержание, являются взаимосвязанными[45].

Существенный вклад сделан советскими философами в исследование методологических и мировоззренческих аспектов современного *учения о пространстве и времени* — этих фундаментальных атрибутов материи или, выражаясь словами Ф. Энгельса, «основных форм всякого бытия». Интерес к этим понятиям, находившимся в центре внимания мыслителей на протяжении всей истории философии, был в XX в. усилен теорией относительности и квантовой

[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 546.

[44] См.: *Дышлевый П. С.* Взаимосвязь философии и естествознания на современном этапе развития науки.— В кн.: Целостность и биология. Киев, 1968, с. 15—16; *Крымский С. Б.* О понятиях «система» и «структура».— Там же, с. 50.

[45] См.: *Кедров Б. М.* Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1962; *Кузнецов И. В.* Учение Ф. Энгельса о формах движения материи и современное естествознание.— Вопр. философии, 1970, № 1.

физикой, где они стали играть особенно важную роль в интерпретации физических явлений.

До последних лет философский анализ пространственно-временных свойств и отношений проводился совместно в рамках единой проблемы пространства-времени, однако сейчас наблюдается тенденция к перенесению центра тяжести на проблему времени и к выделению ее в самостоятельную область исследований, охватывающую самые разнообразные научные дисциплины.

В исследованиях единой проблемы пространства и времени основное внимание уделялось рассмотрению и анализу свойств и структуры пространства, тогда как свойства времени отодвигались на второй план. Были вместе с тем достигнуты серьезные успехи в конкретизации диалектико-материалистических представлений о сущности пространства и времени, таких их фундаментальных характеристик, как объективность, абсолютность и относительность, бесконечность. Были рассмотрены метрические и топологические свойства пространства (трехмерность, связность, прерывность, непрерывность, изотропность или однородность) и времени (временной порядок, одномерность, прерывность-непрерывность, однонаправленность и необратимость), обсуждалось естественнонаучное содержание и философское значение таких понятий, как «многомерное пространство» и «четырехмерное пространство-время»[46].

Одним из центральных вопросов в период исследования единой проблемы пространства-времени был вопрос об их прерывности или непрерывности, обсуждению которого посвящено много работ[47]. Хотя современное состояние науки не позволяет сделать окончательный вывод в пользу того или иного решения вопроса о прерывности или непрерывности пространства и времени, все же философский анализ этой проблемы привел к выяснению различных точек зрения на то, чем определяются эти свойства. Одни авторы считают, что пространство и время сами по себе непрерывны, а дискретность привносится в них материальными объектами и процессами. Другие же полагают, что, хотя прерывность или непрерывность пространства и времени обусловлена в конечном счете

[46] См.: *Свидерский В. И.* Пространство и время: Философский очерк. М., 1958; *Штейнман Р. Я.* Пространство и время. М., 1962; *Готт В. С.* Пространство и время микромира. М., 1964; *Мостепаненко А. М., Мостепаненко М. В.* Четырехмерность пространства и времени. М.; Л., 1966; Пространство и время в современной физике. Киев, 1968; Пространство, время, движение. М., 1971; *Чудинов Э. М.* Пространство и время в современной физике. М., 1969; *Мостепаненко А. М.* Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974; *Он же.* Пространство-время и физическое познание. М., 1975.

[47] См.: *Готт В. С.* Пространство и время микромира. М., 1964; *Вяльцев А. Н.* Дискретное пространство-время. М., 1965; *Андреев Э. П.* Пространство микромира: Философский очерк. М., 1969; *Блохинцев Д. И.* Пространство и время в микромире. М., 1970; *Жарков В. И.* Непрерывно-дискретные пространство и время микрообъектов: Философский аспект проблемы. Новосибирск, 1971; *Ахундов М. Д.* Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени. М., 1974; *Готт В. С., Недзельский Ф. В.* Диалектика прерывности и непрерывности в физической науке. М., 1975.

структурой материальных систем и закономерностями их движения, все же связь между ними является более тесной и интимной и ни о каком внешнем «привнесении» не может быть и речи. Третьи считают, что пространство и время непрерывны в макромире, однако дискретны в микромире.

В ходе исследования философских проблем физики выявляется интересная тенденция — превращения отдельных проблем в самостоятельные комплексные области исследования, в которые втягиваются не только физика и философия, но и другие научные дисциплины как естественные, так и общественные. В качестве примера таких областей можно привести проблему времени, а также проблемы причинности и детерминизма.

Проблема времени за последние десять лет выдвинулась на передний край философских исследований в области физики и естествознания в целом как в нашей стране, так и за рубежом. Выяснилось, что она является комплексной и, с одной стороны, состоит из ряда вопросов, каждый из который является достаточно сложным и дискуссионным, а с другой стороны, актуальна для всех уровней строения материи, которые исследуются всей совокупностью наук о природе, обществе и мышлении.

Резкое повышение интереса к проблеме времени обусловлено ее фундаментальным мировоззренческим значением, нерешенностью большинства аспектов, которые включаются в нее, и фактической беспомощностью человека перед течением времени. Если в отношении пространства и структуры материи мы можем с полным правом сказать, что, хотя не все связанные с ними теоретические проблемы решены, все же в своей практической деятельности человек довольно успешно преобразовывает структуру материальных тел, преодолевает и осваивает пространство, то со временем дело обстоит иначе: здесь практические возможности человека, кроме способов измерения (часы) и системы счета больших промежутков времени (календари), практически ничтожны. Во всяком случае, человек не в состоянии ни предотвратить течение времени, ни изменить его ход, ни перемещаться в нем. Он не может ни предотвратить многие нежелательные события будущего, ни изменить уже совершившееся прошлое.

Комплекс вопросов, составляющих проблему времени, включает в себя в первую очередь основной вопрос философии, вопрос о том, представляет ли собой время объективную, независимую от сознания и действий человека и человечества сущность (или свойство), или же это есть одно из свойств человеческого сознания или один из способов восприятия человеком внешнего мира. На этот вопрос в советской философской литературе дается вполне однозначный материалистический ответ.

Другим важным вопросом является проблема соотношения времени, материальных систем, составляющих Вселенную, и взаимодействий между этими системами, представляет ли время собой

некую первичную, фундаментальную сущность, которая не зависит ни от чего другого (пространства, материальных систем или их взаимодействий), или же является чем-то вторичным, производным от других более фундаментальных сущностей. Первый ответ ведет к субстанциальной, второй — к реляционной концепции времени. Согласно современной материалистической реляционной концепции времени временные отношения являются производными от физических взаимодействий между материальными системами [48].

В ходе обсуждения проблем, поставленных теорией относительности, осознание возможности различных концепций времени привело к выявлению содержания такого весьма важного понятия, как одновременность. Одновременными с позиций современной реляционной концепции времени являются такие, происходящие в различных точках пространства (разноместные) события, которые в силу отсутствия в природе мгновенного дальнодействия не могут быть связаны между собой. Для передачи материальных взаимодействий из одной точки пространства в другую в силу конечной величины скорости передачи этих взаимодействий необходим какой-то промежуток времени. Все события, происходящие в данных точках за этот промежуток времени, не могут взаимодействовать между собой и являются объективно одновременными.

Новая трактовка отличается от старой, классической трактовки отношения одновременности, согласно которой событию, происшедшему в данной точке пространства, в любой другой точке пространства может соответствовать только одно-единственное одновременное с ним событие, причем данное отношение сохраняет силу для всех систем.

Событию, которое произошло в данной точке пространства, в любой другой точке пространства будет соответствовать не одно-единственное одновременное с ним событие, а некоторое их множество, объем которого зависит от расстояния между этими точками (множество событий, которые в принципе не могут взаимодействовать с данным). Из этого множества по определению (условия определений могут быть различны) выбирается одно-единственное событие, которое считается (или называется) одновременным (или, вернее, абсолютно одновременным) с данным. Однако это отношение имеет силу только для одной системы отсчета, исходя из которой устанавливается «определение». Для любой другой системы отсчета одновременным с данным будет уже другое событие, но все из того же множества объективно одновременных событий. Одновременность является относительной в двух смыслах: во-первых, данному событию соответствует не одно-единственное одновременное событие, а некоторое их множество;

[48] См.: Философские проблемы современной физики. Киев, 1964; *Молчанов Ю. Б.* Понятие одновременности, его эволюция.— Вопр. философии, 1964, № 9; *Он же.* Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977; *Аскин Я. Ф.* Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1967; Философия естествознания. Вып. 1.

во-вторых, отношение абсолютной одновременности, установленное по определению для какой-то избранной пары событий, имеет силу только для одной системы отсчета и не имеет силы для любой другой системы отсчета. Там одновременной будет уже другая пара событий [49].

В советской философской литературе анализируется содержание таких понятий, как «теперь», «настоящее время», «одновременность», «детерминированность и недетерминированность», «определенность и неопределенность» [50].

Из всего комплекса вопросов, составляющих проблему времени, пожалуй, наибольшее внимание исследователей за последние годы привлекал вопрос о направлении времени. Мы живем в мире необратимых процессов, которые протекают во вполне определенном порядке, обратимость этих процессов воспринималась бы нами как чудо. Необратимость определяется наличием термодинамических и электромагнитных процессов, которые протекают в направлении рассеивания теплоты, диссипации энергии, затухания колебаний и рассеивания электромагнитных волн в космическом пространстве. Кроме того, вся доступная нашему познанию область Вселенной испытывает однонаправленный процесс так называемого космологического расширения, которое выражается в разбегании удаленных галактик от нас и друг от друга со скоростями, пропорциональными расстояниям до этих галактик.

Наряду с этим все известные нам физические законы, описывающие поведение и взаимодействия простейших материальных систем, начиная от классической механики и кончая квантовой электродинамикой и релятивистской космологией, совершенно безразличны к направлению времени. Согласно этим законам все процессы могут протекать как в известном нам направлении, так и в прямо противоположном.

Таким образом, мир необратимых процессов описывается индифферентными к направлению времени законами. Мы не знаем такого физического закона, который определял бы направление времени и выражал бы данное необратимое протекание процессов природы. В поиске такого закона (или законов) и состоит проблема направления времени.

В работах советских философов в целях теоретического обоснования направления времени, помимо рассмотрения конкретных областей физических явлений и управляющих ими законов, выдвигались и более общие соображения. Ряд авторов видели это обосно-

[49] См.: *Молчанов Ю. Б.* О различных смыслах отношения одновременности (к истории вопроса).— В кн.: Эйнштейновский сборник, 1968. М., 1968; *Он же.* Понятие одновременности и концепция времени в специальной теории относительности.— В кн.: Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. М., 1979.

[50] См.: *Жаров А. М.* Проблема времени в свете диалектики определенности и неопределенности.— В кн.: Философские аспекты проблемы времени. Л., 1978; *Молчанов Ю. Б.* Развитие и время.— Вопр. философии, 1979, № 12.

вание в необратимости причинно-следственных связей[51]. Другие усматривали это обоснование в диалектической концепции развития[52].

Для некоторых работ последнего времени характерно разделение критериев необратимости и направления времени на эмпирические (фактуальные) и теоретические (номологические) и переключение внимания на рассмотрение обоснования времени с помощью физических законов[53]. Для подавляющего большинства этих работ характерна мысль, что не следует пытаться найти какой-то один и единый закон, определяющий направление времени. Однако высказывается и мнение, что все поразительно согласующиеся в своей необратимости процессы (статистические, электродинамические и космологические) могут быть различными проявлениями какого-то одного фундаментального закона.

Внимание философов было привлечено также к анализу ряда закономерностей развития материи во Вселенной, диалектики поступательного развития, взаимоотношения между цикличностью и необратимостью, прошлым и будущим, конечным и бесконечным в развитии[54].

Важное место в обсуждении философских вопросов современной науки занимает вопрос о конечности и бесконечности пространства и времени. Интерес к нему особенно обострился в связи с тем, что в современной космологии были получены результаты, указывающие на возможность трактовки Вселенной как конечной в пространстве и во времени.

Анализ дискуссий показывает довольно широкий спектр возможных подходов к формулировке как самих проблем, так и предлагаемых путей и средств их решения[55]. Выяснилась прежде всего дискуссионность определения таких исходных понятий, как «Вселенная» и «бесконечность». Так, вопрос о том, что представляет собой Вселенная как объект исследования современной астро-

[51] См.: *Мелюхин С. Т.* О диалектике развития неорганической природы; *Уемов А. И.* Причинная связь и необратимость времени.— В кн.: Проблема причинности в современной физике. М., 1960; *Смирнова В. Н.* Симметрия и асимметрия физических процессов и необратимость времени.— В кн.: К вопросу о структуре и свойствах материи. Саратов, 1960.

[52] См.: *Аскин Я. Ф.* Проблема времени. Ее философское истолкование.

[53] См.: *Казарян В. П.* Относительно представлений об обратном течение времени.— Вопр. философии, 1970, № 3; *Сучкова Г. Г., Турсунов А.* Проблема анизотропии времени и космология.— Вопр. философии, 1975, № 3; *Турсунов А.* Направление времени: новые аспекты старой проблемы.— Вопр. философии, 1975, № 3; *Лисовой Н. Н.* Сингулярность, направление времени и развитие Вселенной. М., 1976; *Баженов Л. Б., Лебедев В. П.* Второе начало термодинамики и проблема развития Вселенной.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века. М., 1976; *Мостепаненко А. М.* Пространство и время в макро-, мега- и микромире: *Алибеков З. Г.* Пространство и время.— Филос. науки, 1972, № 5; *Ярошенко В. С.* К философской оценке современных физических представлений о необратимости времени.— Филос. науки, 1975, № 3.

[54] См.: *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии.

[55] См.: Бесконечность и Вселенная. М., 1969; Астрономия. Методология. Мировоззрение. М., 1979.

физики и космологии, решается по-разному. Одни, например, считают, что Вселенная как объект космологии — это наша метагалактика, рассматриваемая с точки зрения глобальных свойств[56]. По мнению других, Вселенная — это всеобъемлющая физическая система, превышающая по своим масштабам метагалактику и включающая ее в себя в качестве локальной области[57]. Наконец, третьи считают, что объектом космологии является не весь материальный мир как целое, а материальный мир, рассматриваемый в больших масштабах. Эта точка зрения связана с представлением о множестве Вселенных, особенно с идеей о связи мега- и микромира в полузамкнутых фридмановских Вселенных, которые могут иметь общую массу, равную массе элементарных частиц, и представляться внешним наблюдателям как элементарные частицы, хотя и будут содержать в себе скопление галактик (идея так называемых «фридмонов» или «планкеонов»)[58].

Как известно, релятивистская космология пришла к идее так называемой начальной точки (сингулярности) существования Вселенной в пространстве и во времени, из которой в результате «Большого взрыва» возникли современные типы материальных систем, начиная с элементарных частиц и кончая метагалактикой. В ходе обсуждения этих проблем было выяснено, что все указанные выше три различные точки зрения на предмет космологии позволяют рассматривать начальную сингулярность в качестве констатации существования в далеком прошлом такой формы или таких форм бытия материи, описание свойств которых выходит за пределы возможностей современной науки. Это не момент «начала» материи и Вселенной, а момент перехода материи из одних форм бытия (пока нам неизвестных) в другие, которые мы наблюдаем и изучаем в рамках доступной нам области Вселенной[59].

Различные точки зрения существуют и на содержание самого понятия бесконечности. Так, ряд авторов считают, что сама проблема бесконечности относится к компетенции прежде всего фило-

[56] См.: *Гинзбург В. Л.* О теории относительности. М., 1979; *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Строение и эволюция Вселенной. М., 1975.

[57] См.: *Зельманов А. Л.* Многообразие материального мира и проблема бесконечности Вселенной.— В кн.: Бесконечность и Вселенная; *Турсунов А.* Философия и современная космология. М., 1977; *Он же.* Основания космологии. М., 1979.

[58] См.: *Марков М. А.* О природе материи. М., 1976; *Станюкович К. П., Колесников С. М.* Философские аспекты современной космологии и теории гравитации.— В кн.: Физическая наука и философия. М., 1973; *Барашенков К. С.* Проблемы субатомного пространства и времени. М., 1979.

[59] См.: *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Строение и эволюция Вселенной; *Мицкевич Н. В.* Космология, релятивистская астрофизика и физика элементарных частиц.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века; *Он же.* Парадоксы пространства-времени в современной космологии.— В кн.: Астрономия. Методология. Мировоззрение; *Мостепаненко А. М.* Топологическая структура пространства-времени Вселенной.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века; *Новиков И. Д.* Эволюция Вселенной. М., 1979; *Турсунов А.* Философия и современная космология; *Он же.* Основания космологии.

софии[60]. Другие полагают, что эта проблема решается главным образом конкретными науками — астрономией и физикой.

Научный анализ понятия бесконечности в математике, физике и космологии, в ходе которого были рассмотрены различные типы бесконечности, позволил уточнить постановку проблемы бесконечности Вселенной и выяснить, о чем же в современной космологии идет речь: о практической бесконечности, бесконечности как безграничности или же о метрической бесконечности. Было выяснено, что речь в данном случае, как правило, идет о метрической конечности и бесконечности, которые являются относительными и зависят от конкретных систем отсчета.

Видимо, на окончательное решение проблемы бесконечности вообще и пространственно-временной бесконечности Вселенной не может претендовать ни одна научная дисциплина сама по себе, в том числе и философия. Эти комплексные проблемы должны решаться всей совокупностью наук. Однако для их решения важное методологическое значение имеют такие философские принципы, как принцип материального единства и принцип неисчерпаемости реального мира[61].

Прогресс современного естествознания, проникновение науки в глубинные тайны атомного мира и в безбрежные просторы космоса, исследование структуры и закономерностей биологического уровня организации материи, бурное развитие кибернетики и теории информации поставили на повестку дня ряд важных мировоззренческих и методологических вопросов, связанных с проблемами *причинности и детерминизма*. Разработка этой проблематики показала, что развитие науки осуществляется как через формирование новых, так и через существенное обогащение и обобщение старых, классических понятий и категорий. Философские исследования последних лет выявили необходимость разработки таких обобщенных категорий причинности и детерминизма, которые могли бы охватывать широкий круг явлений и иметь силу для различных областей действительности. В центре внимания оказалось как содержание понятий причинности, детерминизма, вероятности, случайности, не-

[60] См.: *Мелюхин С. Т.* Проблема бесконечности мира в философии и естествознании.— Вопр. философии, 1965, № 6; *Свиберский В. И., Кармин А. С.* Конечное и бесконечное: Философский аспект проблемы. М., 1966.

[61] См.: *Наан Г. И.* К проблеме бесконечности.— Вопр. философии, 1965; № 12; *Он же.* Понятие бесконечности в математике и космологии.— В кн.: Бесконечность и Вселенная; *Зельманов А. Л.* Многообразие материального мира и проблема бесконечности Вселенной.— В кн.: Бесконечность и Вселенная; *Он же.* О понятиях и эталонах длины и длительности.— В кн.: Методологический анализ теоретических и экспериментальных оснований физики гравитации. Киев, 1973; *Казютинский В. В., Кармин А. С.* Проблема бесконечности Вселенной и современная космология.— В кн.: Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977; *Мелюхин С. Т.* Философские основания идеи бесконечности Вселенной.— Филос. науки, 1978, № 1; *Готт В. С.* Материальное единство мира и единство естественнонаучного знания.— Вопр. философии, 1977, № 12; *Чудинов Э. М.* Эйнштейн и проблемы бесконечности Вселенной.— В кн.: Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. М., 1979.

обходимости и других связанных с ними, так и различные возможности их связи и сопоставления друг с другом.

Методологической основой исследования проблемы причинности в работах советских ученых служит прежде всего признание объективного характера изучаемых наукой явлений и анализ познания как процесса все более глубокого и полного отражения в сознании человека объективных закономерностей природы. При этом показана несостоятельность точки зрения, будто признание причинности отражает уже пройденный этап в развитии науки и дальнейшее обобщение наших представлений о причинности невозможно, а единственно возможной трактовкой понятия и принципа причинности является трактовка, господствовавшая в классической физике. В разработке современного диалектико-материалистического учения о причинности советские ученые исходят из важнейшего ленинского положения о том, что «действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле,— а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п.»[62].

В советской философской литературе исследован широкий круг вопросов, относящихся к проблеме причинности, ее месту и значению в современной науке: о смысле причинного объяснения, о формулировке общего принципа причинности и универсальности его, о структуре каузального отношения, о временном соотношении причины и следствия, о функциях концепций причинности и др.[63]

Фундаментальными признаками причинности традиционно считались ее производительный, творческий характер, который выражается в порождении следствия причиной, неразрывная связь причинности с необходимостью и непреложный временной порядок

[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 164.

[63] См.: Проблема причинности в современной физике. М., 1960; Проблема причинности в современной биологии. М., 1961; *Свечников Г. А.* Категория причинности в физике. М., 1961; *Он же.* Причинность и связь состояний в физике. М., 1971; *Фролов И. Т.* О причинности и целесообразности в живой природе. М., 1961; Философия естествознания. Вып. 1; *Парнюк М. А.* Детерминизм диалектического материализма. Киев, 1967; *Он же.* Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972; *Сачков Ю. В.* Введение в вероятностный мир: Вопросы методологии. М., 1971; *Украинцев Б. С.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972; *Мякишев Г. Я.* Динамические и статистические закономерности в физике. М., 1973; *Сейфуллаев Р. С.* Концепция причинности и ее функция в физике. Новосибирск, 1973; Современный детерминизм. Законы природы. М., 1974; *Иванов В. Г.* Детерминизм в философии и физике. Л., 1974; Современный детерминизм и наука. Новосибирск, 1975. Т. 1, 2; *Налетов И. З.* Причинность и теория познания. М., 1975; *Купцов В. И.* Детерминизм и вероятность. М., 1976; *Аскин Я. Ф.* Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.

этой связи — причина всегда должна предшествовать своему следствию. Под давлением естественнонаучных данных, особенно теории относительности, квантовой физики, современной биологии и кибернетики, эти представления подвергались критическому анализу и претерпели некоторые изменения.

Так, признак производительности или порождаемости оказался верным лишь в первом грубом приближении, на уровне обыденного макрокосмического опыта (любое явление имеет множество «причин» и подчас трудно решить, какая же из них его «порождает»). Признак «воздействия» причины на следствие точнее выражает процесс материального взаимодействия или передачи материи (вещества и поля), энергии и информации от причины к следствию.

Результаты статистической и особенно квантовой физики привели к отказу от жесткой связи причинности с необходимостью. Согласно современным представлениям причинные связи, передающие вещество, энергию и информацию, могут осуществляться (или подчиняться закономерностям) как в строго динамической, детерминистической, определенной, так и в статистической, вероятностной, неопределенной форме. В настоящее время термин «статистическая» или «вероятностная» причинность получил «право гражданства» в марксистской философской литературе.

Ряд авторов предлагали отказаться от представления о непреложности временного порядка причины и следствия в пользу положения об одновременности причины и следствия[64]. Однако их аргументация представляется неубедительной, поскольку подобные представления предполагают возможность такого определения причины и следствия, которое не содержало бы скрытых ссылок на их временное следствие. Отсутствие даже попыток со стороны защитников концепции одновременности причины и следствия найти такое определение свидетельствует в пользу фундаментального характера этой черты причинных отношений.

В связи с обсуждением гипотезы о возможности существования процессов и частиц, распространяющихся со сверхсветовыми скоростями, в современной физической литературе широкое распространение получила точка зрения о возможности нарушения временного порядка причины и следствия в подобных явлениях и выдвинуты предложения таким образом обобщить принцип причинности, чтобы исключить из него требование обязательного предшествования причины следствию. Однако эти предложения представляются логически необоснованными, поскольку опираются на не сформулированное явным образом и недоказанное предположение об обязательной обусловленности временного порядка электро-

[64] См.: *Уемов А. И.* О временном соотношении между причиной и следствием. Борьба против индетерминизма в квантовой механике и временное соотношение между причиной и действием.— Учен. зап. Иванов. гос. пед. ин-та, 1969, т. XXV, вып. 1; *Уемов А. И., Остапенко С. В.* Причинность и время.— В кн.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973.

магнитными (световыми) взаимодействиями и на отождествление «наблюдаемого» временного порядка событий с реальным[65].

Интерпретация закономерностей квантовой физики привела к таким трактовкам соотношения причинности и детерминизма, которые связывают их менее жестким образом. Согласно одной точке зрения детерминизм есть свойство или характеристика причинных связей, которые могут быть как жестко однозначными, детерминистическими, так и недетерминистическими, неопределенными, статистическими, вероятностными. Согласно же другой точке зрения более общей категорией является детерминизм, причинность же есть более частная категория, которая характеризует один из возможных механизмов установления детерминистических связей и закономерностей. Согласно этой точке зрения детерминизм может быть и акаузальным, каузальные же связи всегда только детерминистические, строго определенные, необходимые.

Высказывается также точка зрения, которая допускает возможность понимания причинности и детерминизма как различных, нетождественных друг другу категорий, каждая из которых не является ни частным случаем, ни проявлением другой. Согласно этой концепции временные последовательности состояний материальных систем, серий событий и явлений можно трактовать с помощью различных сочетаний детерминизма и причинности. Причем принцип детерминизма описывает форму этих последовательностей, а причинность — механизм установления этих последовательностей и связи между их элементами.

История развития естественнонаучной и философской мысли и современное состояние обсуждения проблем дают примеры различных сочетаний детерминизма и причинности при описании временных, пространственных и математических последовательностей.

Необходимо обратить внимание на неоднозначность трактовки самого термина «детерминизм». В философской литературе его обычно трактуют как определяемость или обусловленность, т. е. так или иначе связывают его с причинностью. В физической же литературе в него часто вкладывают несколько иной смысл, а именно «определенность», и когда физики говорят об «индетерминизме квантовой механики», то они подразумевают под этим не отказ от причинности как механизма связи состояний, а лишь ее неопределенный, вероятностный характер.

Все эти различные точки зрения нашли отражение в литературе. Так, Г. А. Свечников считает, что необходимо проводить различие между причинной связью и связью состояний, которая характеризует эволюцию объектов во времени, но в отличие от причинности не связана с материальными взаимодействиями, а вер-

[65] См.: *Барашенков В. С.* О возможностях элементарных процессов со сверхсветовыми скоростями; *Молчанов Ю. Б.* Принцип причинности и гипотеза сверхсветовых скоростей.— Вопр. философии, 1976, № 5.

нее, с порождением одних вещей другими[66]. Л. И. Баженов, с точки зрения которого главное в причинной связи — временная необратимость, наоборот, считает, что связь состояний есть один из важнейших аспектов причинности[67].

Продолжалось обсуждение вопроса о соотношении причинных связей и функциональных зависимостей[68]. Под функциональной обычно понимается такая форма взаимозависимости свойств, объектов, явлений, при которой изменение одного из них вызывает вполне определенное изменение другого и наоборот. Все авторы, обсуждавшие этот вопрос, сходятся в том, что причинность не следует отождествлять с функциональной связью. По мнению С. Т. Мелюхина, например, функциональность и причинность представляют собой понятия, объемы которых лишь частично совпадают друг с другом.

Отмечалось, что, помимо однозначных функциональных зависимостей, существуют многозначные — корреляционные зависимости[69].

Анализу вероятностных представлений в современной науке также уделялось значительное внимание, что было обусловлено всевозрастающей ролью статистических, вероятностных методов в различных областях знания[70]. Успех вероятностных идей в науке в значительной степени связан с тем, что они позволяют использовать хорошо развитый математический аппарат. В связи с этим были проанализированы различные подходы к определению самого понятия вероятности: сложившееся в математике и опирающееся на понятие «равновероятность» и статистическое, или частотное, определение вероятности. Вместе с тем подчеркивалось, что одна только математическая природа вероятности не в состоянии объяснить ни объективного содержания понятия вероятности, ни сущности и познавательного значения вероятностных идей. Эти вопросы необходимо рассматривать в свете развития философского учения о принципах структурной организации материи, общего знания о сложных системах, развития наших представлений о природе познания. Так, при изучении относительно простых объектов можно было отвлекаться от их внутренней структуры и рассматривать их как

[66] См.: *Свечников Г. А.* Категория причинности в физике. М., 1961; *Он же.* Причинность и связь состояний в физике. М., 1971.

[67] См.: Философия естествознания. Вып. 1.

[68] См.: Проблема причинности в современной физике; *Свечников Г. А., Волосевич О. М., Лойфман И. Я.* Причинность и функциональная зависимость.— В кн.: Некоторые категории диалектики. Ростов, 1962; Философия естествознания. Вып. 1.

[69] См.: *Самойлов Л. Н.* Корреляция как форма диалектической связи.— Вопр. философии, 1965, № 3.

[70] См.: *Сачков Ю. В.* Вероятность и ее роль в развитии познания.— Вопр. философии, 1962, № 5; *Он же.* Введение в вероятностный мир. М., 1971; *Корюкин В. И., Рутжевич Н. Н.* Вероятность.— В кн.: Некоторые категории диалектики. М., 1963; *Смирнов Л. В.* Вероятность и ее роль в научном познании. Л., 1971; *Мякишев Г. Я.* Динамические и статистические закономерности в физике. М., 1973; *Пятницын Б. Н.* Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., 1976.

относительно бесструктурные. Сложные же системы характеризуются прежде всего наличием определенной структуры, и основными структурными характеристиками выступают здесь именно вероятностные распределения. При отвлечении от внутренней структуры систем и наличия в них относительно автономных уровней связей между объектами возникает схема жесткой детерминации. Необходимость учета внутренней структуры сразу обнаруживает ограниченность этой схемы и приводит к выводу о необходимости выделения разных уровней кодирования информации, причем между кодовыми знаками высшего и низшего уровня системы однозначного дедуктивного перехода не существует. Идея об относительной автономности уровней кодирования информации и детерминации свидетельствует о том, что неопределенность и неоднозначность входят в фундамент мироздания и обусловливают применение вероятностных методов как стиля мышления, характерного для современного естествознания.

Развитие теоретической биологии и кибернетики поставило вопрос *о соотношении причинности, целесообразности и целенаправленности.* Анализ объективного содержания таких понятий, как «цель», «целесообразность», «целенаправленность», привел к осознанию необходимости различения онтологического и гносеологического аспектов содержания этих понятий, преодоления антинаучных, идеалистических их интерпретаций и установления адекватного соотношения между причинностью и целесообразностью как взаимодополняющими принципами в теоретическом познании действительности [71].

3

Вопросы теории познания

Значительное внимание в советской философской науке уделяется проблемам теории познания. В основе теории познания диалектического материализма лежит теория отражения, иначе говоря, исследование принципиальных характеристик процесса отражения в той форме, в какой оно имеет место на познавательном уровне, т. е. присуще познающему субъекту. В то же время в общей теории отражения исследуются процессы отражения и на допознавательном уровне, в неживой и живой природе.

Разработка *общих принципов теории отражения* имеет весьма важное значение. Актуальность этой проблематики еще более возросла в 60—70-х годах, насыщенных острой идеологической борьбой с буржуазной философией, с различного рода ревизионистскими

[71] См.: *Фролов И. Т.* О причинности и целесообразности в живой природе. М., 1961; *Берг А. И.* Проблемы управления и кибернетика.— В кн.: Философские вопросы кибернетики. М., 1961; Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964; *Бернштейн Н. А.* На пути к биологии активности.— Вопр. философии, 1965, № 10; *Украинцев Б. С.* Категория «активность» и «цель» в свете основных понятий кибернетики.— Вопр. философии, 1967, № 5; *Он же.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

течениями, противостоящими марксизму. В условиях нарастания темпов научно-технической революции необходимость дальнейшего развития теории отражения диктуется потребностью современной науки в философском осмыслении ее основных тенденций и результатов. Теория отражения, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, является краеугольным камнем диалектико-материалистической философии, ее мощным оружием против субъективно и объективно идеалистических, агностических и априористских концепций знания и познания. Философские исследования проблем теории отражения проводятся обычно на базе достижений целого ряда наук: кибернетики, физики, различных отраслей современной биологии, физиологии мозга, психологии, лингвистики и семиотики.

Важной вехой в исследовании проблем ленинской теории отражения в 60-х и 70-х годах был выход фундаментального советско-болгарского труда под редакцией Т. Павлова «Ленинская теория отражения и современная наука». Этот труд вышел в одном томе в 1969 г. и в трех томах в 1973 г. в Софии (т. 1 — «Отражение, познание, логика»; т. 2 — «Теория отражения и естествознание»; т. 3 — «Теория отражения и обществознание»). Монография синтезировала в известной мере успехи в изучении проблемы теории отражения, зафиксировала уровень их разработки и имела большое прогрессивное значение.

Сущность отражения как всеобщего свойства материи рассматривается в работах Б. С. Украинцева, В. С. Тюхтина, А. Д. Урсула, Л. М. Веккера, Я. А. Пономарева, Н. В. Медведева, А. Н. Илиади, И. Б. Новика, В. И. Кремянского и др.[72]

Вопрос об уровнях и типах отражения рассматривается В. И. Кремянским[73].

Большой комплекс сложных вопросов был поставлен перед диалектическим материализмом в связи с необходимостью философского осмысления проблем кибернетики. Кибернетика, оперирующая широким классом многообразных объектов, создала и успешно применяет значительное число новых понятий. Некоторые из них оказались настолько широкими, что вышли далеко за пределы кибернетики и в настоящее время играют все более важную роль в других науках: в биологии, медицине, экономике, лингвистике и т. д. К числу таких понятий следует в первую очередь отнести понятия информации, управления и обратной связи. Все они в большей или меньшей мере подвергаются философской интерпре-

[72] См.: *Украинцев Б. С.* О сущности элементарного отображения.— Вопр. философии, 1960, № 2; *Он же.* О возможностях кибернетики в свете свойств отображения материи.— В кн.: Философские вопросы кибернетики; *Тюхтин В. С.* О природе образа. Техническое отражение в свете идей кибернетики. М., 1963; *Он же.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; *Новик И. Б.* Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М., 1963; *Веккер Л. М.* Восприятие и основы его моделирования. Л., 1964; *Кремянский В. И.* Структурные уровни живой материи. М., 1969.

[73] См.: *Кремянский В. И.* Типы отражения как свойства материи.— Вопр. философии, 1963, № 8; *Он же.* Структурные уровни живой материи. М., 1969.

тации. Особенно это относится к понятию *информации*, одному из центральных в кибернетике. Здесь философский анализ оказался крайне важен, он позволил выявить качественные аспекты информационных процессов и поставить их в связь с гносеологической проблематикой.

Широкое распространение информационных процессов в естественных и искусственных системах сделало актуальной проблему истолкования информации в свете ленинской теории отражения. Все авторы работ, обсуждающих этот вопрос, единодушны в мнении, что содержательная характеристика информации может быть дана лишь на базе этой теории. Однако соотношение информации и отражения не получило единой оценки и явилось предметом дискуссии.

Некоторые участники дискуссии (Б. С. Украинцев, Н. И. Жуков) полагают, что информация есть производное от отражения, особая форма всеобщей связи — связь аппарата управления с любым элементом системы, с другими системами и внешним миром, осуществляемая через сигнал — знак отражения. Таким образом, информация и управление рассматриваются как парные категории. Но отсюда следует, что об информации можно говорить только применительно к высокоорганизованным системам, которые в состоянии приспосабливаться к окружающей среде. В неживой природе не может быть места информации (исключая искусственные системы, созданные человеком). По смыслу употребления этого термина в кибернетике информация всегда является объектом передачи, хранения и переработки. Отсюда следует, что без этих трех моментов нет информации. Информация, свойственная только системам управления, является стороной отражения, его упорядоченным изменением, используемым для управления.

Другие авторы (В. М. Глушков, И. Б. Новик) рассматривают информацию как свойство материи вообще. По их мнению, информация и отражение выражают разные стороны одного и того же явления. Свойство отражения понимается как субстрат информации. В информации, в структурности ее символов выражается упорядоченность отражения. Поэтому информация связывается с упорядочением отражения [74].

[74] См.: *Новик И. Б.* Негэнтропия и количество информации.— Вопр. философии, 1962, № 6; *Он же.* Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М., 1963; *Украинцев Б. С.* Информация и отражение.— Вопр. философии, 1963, № 2; *Он же.* Отображение в неживой природе. М., 1969; *Он же.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972; *Жуков Н. И.* Информация в свете ленинской теории отражения.— Вопр. философии, 1963, № 11; *Он же.* Информация: (Философский анализ центрального понятия кибернетики). Минск, 1971; *Глушков В. М.* Мышление и кибернетика.— Вопр. философии, 1963, № 1; *Тарасенко Ф. П.* К определению понятия «информация» в кибернетике.— Вопр. философии, 1963, № 4; *Урсул А. Д.* Природа информации: Философский очерк. М., 1968; *Он же.* Информация. Методологические аспекты. М., 1971; *Он же.* Отражение и информация. М., 1973; *Он же.* Проблемы информации в современной науке: Философские очерки. М., 1975.

Как показала дискуссия, в этой проблеме есть ряд весьма сложных моментов, требующих, в частности, дальнейших исследований как в области теории отражения, так и в сфере процессов информации и управления [75].

Философски-методологический анализ *проблемы управления* был начат в нашей литературе в работах В. Г. Афанасьева «Об интенсификации развития социалистического общества: (Проблемы взаимодействия науки, техники и управления)» (М., 1969), «Научное управление обществом: (Опыт системного исследования)» (М., 1968; 2-е изд. М., 1973), «Социальная информация и управление обществом» (М., 1975), Д. М. Гвишиани «Организация и управление» (М., 1972) и других авторов. Одной из предпосылок развертывания такого анализа явилось, в частности, развитие системного подхода на диалектико-материалистической основе.

Чрезвычайно важное место в развитии современной науки заняла *проблема моделирования*. В последние 30—40 лет этот метод весьма широко распространился в самых разнообразных отраслях знания. Каждая из них строит специфические модели, применяя свои особые методы и способы моделирования. Однако при всех этих различиях можно выделить общие черты, выражающие гносеологическую природу моделирования, познавательные функции моделей.

В 60—70-х годах в СССР опубликован по данному кругу проблем ряд исследований [76], в которых рассматриваются главным образом два круга вопросов — определение и классификация моделей как особых средств познания в различных науках, особенно в ки-

[75] Принципиальные проблемы теории отражения освещаются также в работах: *Георгиев Е. И., Дубовский В. Н., Коршунов А. М., Михайлова И. Б.* Чувственное познание. М., 1965; *Украинцев Б. С.* Отображение в неживой природе; Современные проблемы теории познания диалектического материализма: В 2-х т. М., 1970; *Коршунов А. М.* Теория отражения и творчество. М., 1971; *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика; *Михайлова И. Б.* Чувственное отражение в современном научном познании. М., 1972; *Брудный А. А.* Семантика языка и психология человека. О соотношении языка, сознания и действительности. Фрунзе, 1972; *Михайлов Ф. Т.* Загадка человеческого Я. М., 1976; *Тюхтин В. С.* Теория автоматического опознавания и гносеология. М., 1977; *Коршунов А. М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1977; и др.

[76] *Фролов И. Т.* Гносеологические проблемы моделирования биологических систем.— Вопр. философии, 1961, № 2; *Глушков В. М.* Гносеологическая природа информационного моделирования.— Вопр. философии, 1963, № 10; *Жданов Ю. А.* Моделирование в органической химии.— Вопр. философии, 1963, № 6; *Амосов Н. М.* Моделирование информации и программ в сложных системах.— Вопр. философии, 1963, № 12; *Новик И. Б.* Гносеологическая характеристика кибернетических моделей.— Вопр. философии, 1963, № 8; *Он же.* О моделировании сложных систем. М., 1965; *Он же.* Философские вопросы моделирования психики. М., 1969; *Штофф В. А.* О роли моделей в познании. Л., 1963; *Он же.* Моделирование и философия. Л., 1966; *Жданов Г. В.* Информационные модели в физике.— Вопр. философии, 1964, № 7; *Глинский Б. А., Грязнов Б. С., Никитин Е. П.* и др. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965; *Амосов Н. М.* Моделирование мышления и психика. Киев, 1965; *Он же.* Искусственный разум. Киев, 1969; и др.

бернетике, где роль моделей исключительно велика, а также в биологии, физике, социологии, экономике, лингвистике и т. д.

Из анализа литературы по проблеме моделирования можно сделать вывод, что под моделью в настоящее время, как правило, понимается система материальных или идеальных (выраженных в знаках) элементов, которые строятся так, чтобы они находились в определенном объективном отношении с исследуемым объектом (оригиналом) и были способны выразить существенные в данном случае и для данной проблемы стороны последнего. Общепринятым является деление моделей на вещественные (материальные) и знаковые (идеальные). Современное научное знание оперирует прежде всего со знаковыми моделями. Под ними понимаются обычно особые формальные математические и логические системы, интерпретация которых описывает определенные объекты. Модели такого типа имеют то преимущество, что одна и та же знаковая модель может описывать целый ряд объектов, различных во многих отношениях.

Классификация моделей проводится также и по другим основаниям. Например, модели делят на субстратные, отображающие некоторые вещественные стороны оригиналов, и функциональные (статические и динамические), моделирующие функции оригиналов (обычно на другой субстратной основе). В частности, динамические и функциональные модели занимают важнейшее место в кибернетике [77].

Что касается функций моделей в познании, то обычно говорят о функциях наглядности, замещения объекта, эвристической и объяснительной функциях и т. д.

Исследование функций и значения моделирования в научном творчестве входит составной частью в марксистскую теорию познания. Определяя гносеологический статус категории «модель», советские философы подчеркивают ее обусловленность природой рассматриваемого предмета, и вместе с тем моделирование наглядно выражает активное познавательное отношение человека к миру, свидетельствует о том, что познание есть по своему существу опережающее отражение человеком реальности.

Проблема моделирования является одной из новых в гносеологии и логике науки, поэтому ее исследования в начале 60-х годов носили в значительной мере постановочный характер. Они предполагали более систематическое и основательное исследование типов моделей, применяемых в различных отраслях современной науки, и уточнение на этой основе общей классификации моделей, более детальное выяснение логико-методологических особенностей метода

[77] Попытку классификации типов моделирования, используемых в современной науке, предпринял В. А. Веников. См.: *Веников В. А.* Некоторые методологические вопросы моделирования.— Вопр. философии, 1964, № 11. Существуют и иные формы классификации моделей.

моделирования и условий его эффективного и конструктивного применения. К сожалению, в дальнейшем исследования в этой области стали сосредоточиваться преимущественно на анализе конкретных типов моделей, интерес же к общим философско-методологическим проблемам моделирования несколько снизился.

Большой интерес советских философов вызвали такие вопросы, как природа *идеального*, его отношение к материальному, пути исследования идеального. Эти вопросы занимают, в частности, большое место в работах Э. В. Ильенкова[78], Д. И. Дубровского[79], рассматриваются Я. А. Пономаревым[80]. Данная проблема оказалась весьма дискуссионной и повлекла за собой постановку и обсуждение целого комплекса вопросов: о сущности сознания, психики, о месте самосознания среди феноменов сознания, об отношении психологии и гносеологии к физиологии высшей нервной деятельности и т. д. Философские аспекты психологии сознания рассматриваются А. Н. Леонтьевым[81], К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинским, К. К. Платоновым, М. Г. Ярошевским и многими другими исследователями. В эти же годы усилился интерес к исследованию генезиса сознания, к диалектическому осмыслению развития сознания и мышления[82].

Значительное внимание было уделено также исследованию *логико-семантической* и *семантической проблематики*, рассмотренной под углом зрения всеобщности отражательных процессов. Кодирование и дешифровка информации на уровне отражения действительности познающим человеком производятся с учетом свойств и законов функционирования знаковых систем. Обширный комплекс логико-семантических вопросов обнаруживает при этом свое глубинное философское содержание[83].

Возрастание роли человеческого фактора в ходе научно-технической революции делает особенно острой и актуальной разработку многих проблем, относящихся к диалектике субъекта и объекта, в частности вопросов, связанных с исследованием различных типов и видов предметной деятельности, их отношения к материальной

[78] См.: *Ильенков Э. В.* Идеальное.— В кн.: Филос. энцикл., 1962, т. 2; *Он же.* Идолы и идеалы. М., 1972; *Он же.* Диалектическая логика. М., 1974; *Он же.* Проблема идеального.— Вопр. философии, 1979, № 6, 7.

[79] См.: *Дубровский Д. И.* Психические явления и мозг. М., 1971; *Он же.* Информация. Сознание. Мозг. М., 1980.

[80] См.: *Пономарев Я. А.* Проблемы идеального.— Вопр. философии, 1964, № 8.

[81] См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1959; 2-е изд., 1965; 3-е изд., 1972.

[82] См.: *Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М., 1960.

[83] См.: *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепора-Уоффа. Ереван, 1968; *Брудный А. А.* Семантика языка и психология человека. О соотношении языка, сознания и действительности. Фрунзе, 1972; *Вартазарян С. Р.* От знака к образу. Ереван, 1973; *Васильева С. А.* Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974; *Коршунов А. М., Мантатов В. В.* Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974; *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977; и др.

практике, взаимоотношения операционального и предметного компонентов в теоретическом знании, взаимоотношения деятельности и творчества и т. д. Философское осмысление достижений инженерной психологии, эргономики, психологии и физиологии труда, технической эстетики позволило выявить многообразие форм человеческой деятельности (операторской, проективной и т. д.), подчеркнуть методологическое значение *принципа деятельности*, впервые введенного в теорию познания марксизмом.

Нужно сказать, что значение этой проблематики определяется не только появлением целого ряда научных дисциплин, которые исследуют человеческую деятельность и проектируют ее новые виды, но и тем, что содержание многих общественных и гуманитарных наук (в психологии, лингвистике, антропологии, теории культуры и др.) перестраивается на базе понятия деятельности, которое включает как предметно-практическую, так и знаково-символическую человеческую деятельность [84].

Выдвижение проблематики природы идеального позволило раскрыть два круга вопросов, имеющих принципиальное значение для диалектического материализма. Это, во-первых, вопрос о социально-исторической обусловленности идеального, сознания, мышления. При всех различиях в конкретных подходах к решению этой проблемы все советские исследователи в равной мере подчеркивают, что сознание социально по своему генезису и природе, что оно формируется в ходе деятельности человека и его общения с другими людьми. Такая постановка вопроса оказалась весьма плодотворной не только в теоретическом, но и в практическом плане: она стимулировала развитие новых направлений исследования в психологии и педагогике, а несколько позднее, к концу 60-х годов, породила целый комплекс исследований социальной природы познания.

Во-вторых, была поднята и начала обсуждаться проблематика деятельности, а также значение этого понятия в марксистской гносеологии. Теоретическим фундаментом работ в этой области послужили «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса и ряд положений В. И. Ленина, особенно из его «Философских тетрадей». В исследованиях советских ученых анализируется философское и методологическое значение принципа деятельности, раскрываются многообразные ее формы, ее решающие характеристики, в частности диалектика «опредмечивания» и «распредмечивания», интериоризации и экстериоризации, выявляется целесообразная, целенаправленная природа деятельности [85].

[84] См.: Методологические проблемы исследования деятельности. Эргономика. М., 1976. Вып. 10; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978; *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1978.

[85] См.: *Трубников К. Н.* О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; *Макаров М. Г.* Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977; *Яценко А. И.* Целеполагание и идеалы. Киев, 1977.

Исследование социально-философской природы деятельности и ее общей логической структуры тесно опирается как на углубленное освоение трудов классиков марксизма-ленинизма, так и на плодотворную марксистскую традицию в ряде гуманитарных дисциплин. Идея деятельности успешно развивалась сначала в работах Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна, а затем в целой серии теоретических и экспериментальных исследований А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, П. Я. Гальперина, П. И. Зинченко, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова и других советских ученых. Взаимообогащение философского и конкретно-научного подходов к изучению деятельности способствовало более глубокой постановке проблемы в целом и оказало несомненное положительное влияние на конкретные социальные дисциплины и на разработку философско-методологических аспектов познавательной деятельности. Так, например, в этой связи получил более развернутое и широкое обоснование тезис об активном, деятельном характере познания и мышления, а философский принцип деятельности сыграл и продолжает играть важную роль в становлении и совершенствовании категориального аппарата ряда наук, в перестройке системы народного образования и т. д.

Советские философы подчеркивают, что между объективными условиями и деятельностью человека существует сложное диалектическое взаимоотношение, что объективные факторы человеческой деятельности необходимо включены в механизм целеполагания; лишь при учете их и опоре на них возможны творческая активность субъекта, проявление его деятельно-активной сущности, его творческих потенций.

Важное место в современной советской литературе занимает разработка учения *о роли практики в познании*, о чем свидетельствует появление ряда монографий, исследующих такие проблемы, как формы практики, ее структура, связь ее объективного и субъективного моментов, значение моделирования в практической деятельности и т. д.[86] Здесь существует большой комплекс вопросов, требующих дальнейшего осмысления (например, соотношение понятий «творчество», «деятельность», «практика», «труд», формы практики, соотношение теории и практики и др.).

Исследование проблематики идеального, деятельности сопровождалось вычленением новых компонентов центральной для марксист-

[86] См.: *Илиади А. Н.* Практическая природа человеческого познания. М., 1964; *Степин В. С., Томильчик Л. М.* Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970; *Огурцов А. П.* Практика как философская категория.— Вопр. философии, 1972, № 7; *Воронович Б. А.* Философский анализ структуры практики. М., 1972; Практика и познание. М., 1973; *Булатов П. А.* Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976; *Давыдова Г. А.* Творчество и диалектика. М., 1976; *Иванов В. П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977; *Ахтомин Н.* Практика — мышление — знание: К проблеме творческого мышления. М., 1978; Понятие деятельности в философской литературе. Томск, 1978; *Коршунов А. М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979.

ско-ленинской теории познания тематики *субъекта* и *объекта*.

Комплекс вопросов, связанных с диалектикой субъекта и объекта, плодотворно исследовался в нашей литературе в 60-х годах, исходя из тех идей, которые еще во второй половине 50-х годов были сформулированы в работах С. Л. Рубинштейна и П. В. Копнина [87].

70-е годы обозначили новый рубеж этих разработок: субъектно-объектные взаимодействия стали рассматриваться в более широком контексте, в новых аспектах, большее внимание стала привлекать проблематика взаимоотношения объектно-субъектных и субъектно-субъектных взаимодействий, а в этой связи такие вопросы, как взаимоотношение предметной деятельности, общения и понимания, роль знаково-символических средств в процессе общения и др.

В этом отношении большое значение имела публикация труда известного советского философа и психолога С. Л. Рубинштейна «Человек и Мир» [88].

В последние годы на основе философского обобщения проблем методологии науки, психологии познания, психолингвистики, истории науки проводится всесторонний анализ познавательного отношения субъекта и объекта. Исследуются различные формы и типы связи предметно-практической и познавательной деятельности, различные компоненты в системе знания, проблема обоснования и развития знания. Вычленяется до недавнего времени мало разработанная у нас тематика: взаимосвязь познания, предметно-практической деятельности и коммуникации; проблема непрерывности познавательного опыта; взаимосвязь познания (в частности, развития знания), самосознания и рефлексии и др. [89] Опубликован целый ряд работ, посвященных разработке диалектики субъекта и объекта [90].

[87] См.: *Лекторский В. А.* Проблема субъекта и объекта в теории познания.— Вопр. философии, 1964, № 5; *Он же.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; *Он же.* Принцип воспроизведения объекта в знании.— Вопр. философии, 1967, № 4; *Он же.* Ленинское понимание диалектики субъекта и объекта.— Коммунист, 1967, № 6; *Он же.* Субъект, объект, познание. М., 1980; *Копнин П. В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966; *Он же.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972; *Типухин В. Н.* Логическое становление субъекта. Омск, 1971; *Кармин А. С., Майзель И. А.* К анализу субъектно-объектных отношений в научном познании.— В кн.: Вопросы теории познания и методологии научного исследования. Л., 1969; *Бухалов Ю. Ф.* О соотношении субъективного и объективного в познавательном образе.— Вопр. философии, 1961, № 5; *Дышлевой В. С.* Диалектика соотношения объекта и субъекта познания в современной физике.— Вопр. философии, 1969, № 6; *Степин В. С.* Проблема субъекта и объекта в опытной науке.— Вопр. философии, 1970, № 1; и др.

[88] См. в кн.: *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.

[89] См.: *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание.

[90] См.: *Абульханова К. А.* О субъекте психологической деятельности. М., 1973; *Она же.* Деятельность и психология личности. М., 1980; Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке. Воронеж, 1974; Проблема субъекта и объекта в немецкой классической философии и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1975; *Абдильдин Ж. П., Балгимбаев А. С.* Диалектика активности субъекта в научном

В последние годы все большее внимание советских исследователей привлекает изучение *процесса познания в связи с его включением в предметную практическую деятельность и в связи с социально-культурными и историческими измерениями этой деятельности*[91]. И это вполне закономерно. Ведь именно на последнем пути, как показывает марксистско-ленинская философия, и можно в полной мере выявить специфику познания, отличающую его от всех других форм отражения. Физическое или физиологическое отражение, процессы передачи и дешифровки информации, хотя и принимают исключительно важное участие в познании, сами по себе непосредственно еще не конституируют познавательного образа. Акт познания осуществляется не биологическим организмом, не перерабатывающим информацию механизмом, а человеком как активным субъектом, творчески преобразующим мир и включенным в систему социальной деятельности. Только в этой более широкой системе могут быть поняты генезис и функционирование познавательного отношения, т. е. отношения знания как гносеологического образа и объекта. Подобное понимание познания радикально трансформирует теоретико-познавательную тематику и выводит ее за рамки тех традиций, которые характерны для буржуазной гносеологии в целом.

В этой связи особое значение для теоретико-познавательного исследования приобретает изучение социально-культурной опосредованности познания, всей той системы предметов-«посредников», которые человек ставит между собой и познаваемым объектом и которые функционируют по законам социальной деятельности. Специфически человеческое, т. е. познавательное, отражение понимается как исторически развивающаяся система. Поэтому теория познания диалектического материализма должна опираться на широкое философское обобщение филогенеза и онтогенеза познания, на анализ истории познания культуры в целом. В этой связи В. И. Ленин подчеркивал, что история философии, история познания вообще, отдельных наук, умственного развития ребенка и животных, история языка, а также психология и физиология органов чувств — это те области знания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика»[92].

Актуальность теоретико-познавательного исследования этих проблем стимулируется развитием ряда общественных и гуманитарных

познании. Алма-Ата, 1977; *Коршунов А. М.* Теория отражения и активность субъекта. М., 1978; *Панов В. П.* Чувственное, рациональное, опыт. М., 1976; и др.

[91] См.: *Мотрошилова Н. В.* Истина и социально-исторический процесс познания. М., 1977; *Микешина Л. А.* Детерминация естественнонаучного познания. Л., 1977; *Чудинов Э. М.* Природа научной истины. М., 1977; Философия и наука в системе культуры. Природа научного знания. Минск, 1979; *Ильенков Э. В.* Проблема идеального.— Вопр. философии, 1979, № 6, 7.

[92] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 314.

наук, анализирующих как предметно-практическую, так и знаково-символическую деятельность, а также появлением целого ряда научных дисциплин, которые не только исследуют человеческую деятельность, но и проектируют ее новые виды.

В. И. Ленин отметил в качестве характерной особенности новой физики тенденцию к возрастающей *математизации знания.* В ходе развертывания научной революции XX в. эта тенденция распространилась на всю систему научного знания. Вместе с тем в последние годы современная наука обнаруживает и другую тенденцию, которую иногда именуют *«гуманитаризацией» знания.* Речь идет не только о все более настоятельной необходимости в интенсивном развертывании гуманитарных дисциплин, но также и о растущем значении мировоззренческих, этических и других проблем для развития самих естественных наук (при этом не только на стадии применения добытых наукой результатов, но и на стадии исследования), и, наконец, о все большем осознании значения социально-культурных и исторических предпосылок науки и познания в целом.

Для марксистско-ленинской гносеологии, исходящей из признания социально-исторического характера познания, обстоятельное исследование теоретико-познавательных проблем, связанных с тенденцией «гуманитаризации» знания, становится все более актуальным.

4

Развитие логики и методологии науки

В 60—70-х годах в советской философии весьма интенсивно разрабатывались проблемы методологии и логики научного познания. В 1960 и 1963 гг. проводились Всесоюзные конференции по логике научного исследования в Томске, в 1962 и 1976 гг.— в Киеве, в 1972 г.— в Ереване.

В ряде научных учреждений сформировались подразделения, специально занимающиеся разработкой проблем методологии и логики науки (в Институте философии АН СССР, в Институте истории естествознания и технике АН СССР и др.). Появилось большое количество литературы в этой области — как коллективных трудов и сборников статей, так и индивидуальных монографий. В конце 50-х — начале 60-х годов работы по логике науки выделились в самостоятельное научное направление, использующее принципы и методы диалектического материализма для выявления логического строения научного знания, законов научного исследования, решения конкретных проблем логико-методологического анализа, возникающих в отдельных областях науки.

В начале 60-х годов особенно интенсивному обсуждению подвергается понятие *логики научного познания, или логики научного исследования.* Большинство авторов отличают ее как от традици-

онной, так и от современной формальной математической или символической логики, подчеркивая нацеленность логики научного познания на анализ логических процессов и приемов, специфических именно для науки[93]. При этом с конца 50-х годов интенсивно развивается направление в логике науки, стремящееся использовать методы и понятия современной математической логики для анализа логико-методологической проблематики науки[94]. В рамках этого подхода обсуждаются, в частности, такие проблемы, как логическая структура понятий, логическая структура знаний о законах природы, структура дедуктивного метода построения научных теорий, проблемы построения вероятностной логики, аналогия как проблема логики науки, семантическое определение истины, структура гипотетико-дедуктивного метода и т. д.

Развитие формальных методов в логико-методологическом исследовании в рассматриваемый период стимулировало также рост внимания к роли знаково-символических средств в процессе познания. В 60-х годах выходит ряд индивидуальных монографий и сборников статей, посвященных проблеме знака и значения, общим философско-гносеологическим проблемам семиотики[95]. Логико-методологический анализ языка науки рассматривается в этом контексте как одна из форм приложения семиотического изучения научного знания, включающая в себя не только формально-синтаксическое, но и семантическое и прагматическое исследование специфических искусственных научных знаковых систем. Причем семиотический подход к языку науки связывается с осмыслением многообразных форм знаково-символической деятельности человека, с углубленным интересом к смене и наращиванию исторических форм знаковых систем и знаково-речевой деятельности человека, в том числе и особенно к естественному языку.

Работа по *применению к анализу методологических проблем науки средств современной математической логики* успешно продолжалась в 70-х годах. Основное внимание при этом концентрировалось на анализе проблем теории индукции, возможностях формализации языка науки, построении различных неклассических

[93] См.: *Таванец П. В.* Логика научного познания и современная формальная логика.— Вопр. философии, 1964, № 3; *Копнин П. В.* Логика научного исследования и ее основные понятия.— Вопр. философии, 1964, № 3; *Он же.* Логические основы науки. Киев, 1968; *Он же.* Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969.

[94] Результаты работы этого направления представлены в ряде научных сборников: Логические исследования. М., 1959; Применение логики в науке и технике. М., 1960; Философские проблемы современной формальной логики. М., 1962; Проблемы логики. М., 1963; Проблемы логики научного познания. М., 1964; Логическая структура научного знания. М., 1965; Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.

[95] См.: *Абрамян Л. А.* Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965; *Резников Л. О.* Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964; *Попович М. В.* О философском анализе языка науки. Киев, 1966; *Он же.* Логика и научное познание. Киев, 1971; *Ветров А. А.* Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968; Проблема знака и значения. М., 1969; *Нарский И. С.* Проблема значения знака. Современные проблемы теории познания диалектического материализма. М., 1969.

логик, ориентированных на большее приближение к реальной практике научного мышления[96].

Внедрение точных методов логической формализации в область логико-методологического анализа науки, бесспорно, оказало определенное положительное влияние на общую культуру философско-теоретического мышления в сфере логики и методологии науки. Вместе с тем советским философам всегда была чужда абсолютизация формальных методов логического анализа и подмена ими содержательного гносеологического и методологического анализа науки, свойственная неопозитивистскому анализу науки, являвшемуся долгое время господствующим направлением философско-методологического исследования на Западе. Подлинно научная разработка этой проблематики, в том числе и того направления логики науки, которое было связано с применением методов современной математической логики, сопровождалась критикой советскими философами неопозитивистских концепций философии и логики науки[97].

Успешно проводились также исследования *логико-методологической проблематики науки с позиций исходных принципов диалектической логики.* Характерной чертой этих исследований являлось то, что их авторы вышли за рамки дискуссий о предмете диалектической логики, ее соотношении с логикой формальной, которые имели такое широкое распространение в 50-х годах, и обратились к анализу реальных процессов научного мышления и его методов, к изучению методологического наследия классиков марксизма-ленинизма и применению его к современному научно-теоретическому мышлению (Б. М. Кедров, М. М. Розенталь, Э. В. Ильенков и др.).

Особое значение имело здесь исследование логической структуры «Капитала» К. Маркса. Это было реализацией известного указания В. И. Ленина о том, что если Маркс не оставил «Логики» с большой буквы, то он оставил логику «Капитала»[98]. Предметом исследования выступили в первую очередь проблемы метода восхождения от абстрактного к конкретному, противоречия как дви-

[96] См.: Логика и эмпирическое познание. М., 1972; Философия в современном мире. Философия и логика. М., 1974; *Смирнов В. А.* Формальный вывод и логические исчисления. М., 1972; Теория логического вывода. М., 1973; *Ледников Е. Е.* Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. Киев, 1973; *Солдатов В. И.* Методология научного познания. Киев, 1976; *Петров Ю. А.* Методологические вопросы анализа научного знания. М., 1977; Методы логического анализа. М., 1977; *Карпович В. Н.* Термины в структуре теорий (логический анализ). Новосибирск, 1978.

[97] См.: *Нарский И. С.* Современный позитивизм. М., 1961; *Швырев В. С.* Неопозитивизм и проблема эмпирического обоснования науки; *Ледников Е. Е.* Проблема постулатов в анализе научных теорий.— В кн.: Философия марксизма и неопозитивизм. М., 1963.

[98] Среди работ, специально посвященных общему анализу логики «Капитала» К. Маркса, следует отметить прежде всего: *Розенталь М. М.* Диалектика «Капитала» Маркса. 2-е изд. М., 1967; *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1959; *Вазюлин В. А.* Логика «Капитала» Маркса. М., 1968; *Нарский И. С.* Вопросы диалектики познания в «Капитале» Маркса. М., 1969.

жущей силы познания, взаимоотношения логического и исторического[99].

Из исследования логико-методологической проблематики, выдвинутой в логике «Капитала» Маркса (восхождение от абстрактного к конкретному, диалектика формы и содержания мышления, взаимоотношение логического и исторического метода исследования) исходил также содержательно-генетический подход к анализу научного познания, подчеркивавший необходимость исследования структуры диалектического продуктивного творческого научного мышления, тех приемов и операций, которые лежат в его основе[100].

В общем и целом для логико-методологических исследований в советской философской науке в период 60—70-х годов характерно стремление выйти за пределы общих рассуждений о природе познания, о соотношении форм мысли и законов бытия, предмета диалектической и формальной логики и перейти к исследованию реальной методологической проблематики научного познания. Преобладающим в логике и методологии науки в рассматриваемый период является тип исследований, которые, не замыкаясь в рамки некоторой «идеальной модели» познания и не абсолютизируя какие-либо методы его анализа, ориентируются на всестороннее рассмотрение форм и структур научного знания, методологических приемов и процедур научного исследования, процессов научного познания.

Исследования этого типа с точки зрения анализа теоретических средств, которые лежат в их основе, носят синтетический характер. Они исходят из общих философско-гносеологических принципов материалистической диалектики как теории познания и общей методологии науки, предполагая в то же время конкретный анализ современного научного познания и истории науки. Их известная описательность и эмпиричность по сравнению, скажем, с исследованиями, использующими только методы логической формализации, связаны с бóльшей приближенностью к изучению практики научного мышления и к фактам истории науки.

В 60-х годах было выдвинуто понятие *логики научного исследования*. Как отмечал П. В. Копнин, сформулировавший это поня-

[99] См.: *Батищев Г. С.* Противоречия как категория диалектической логики. М., 1963; *Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М.* Анализ развивающегося понятия. М., 1967; *Нарский И. С.* Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; *Наумейко Л. К.* Моннзм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968; *Абдильдин Ж. П.* Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1968; Актуальные проблемы диалектической логики: (Материалы Всесоюзного симпозиума по диалектической логике, 1968). Алма-Ата, 1971.

[100] *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления. М., 1968; *Щедровицкий Г. П.* О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятия содержательно-генетической логики.— Вопр. психологии, 1969, № 2; *Вдовиченко Г. Г.* Проблема структуры в теории отражения. Киев, 1972; *Руденко К. Ф.* Логика и научное предвидение. Киев, 1972; *Рыжко В. А.* Средства построения научных теорий. Киев, 1974; Диалектика принципов и законов в структуре научной теории. Ташкент, 1979.

тие, логику научного исследования нельзя понимать как некую замкнутую логическую систему исчисления, выражающую идеальную модель связей мысли в ходе любого научного исследования: «Логика научного исследования необходима прежде всего как содержательная логико-гносеологическая система, дающая целостное знание о процессе научного исследования и его составляющих элементах»[101]. Подытоживая в известной степени опыт логико-методологического исследования 60-х годов, П. В. Копнин отмечал его интегративный, синтетический характер. Он писал: «Логика науки складывается из ряда связанных между собой моментов, разработка ее может и должна происходить в различных направлениях и приходить к разным результатам: 1) обогащению категориального аппарата научной философии; 2) развитию средств формальной логики с ее искусственными языками; 3) глубокому пониманию и овладению самим процессом движения знания, включая научное творчество; 4) осознанию логических основ и структуры отдельных областей науки»[102].

По всем этим направлениям советские философы проделали в рассматриваемый период значительную и плодотворную работу.

В число конкретных тем логико-методологического исследования науки, привлекавших основное внимание советских авторов в 60-х годах, входят: отношение эмпирического и теоретического уровней научного знания, гипотеза как форма научного познания, природа научного факта, сущность структуры и функции теории, природа теоретических идеализированных объектов, природа гипотетико-дедуктивного метода и структура гипотетико-дедуктивной теории, сущность и функция идеализации в научном познании, природа и функции научного объяснения, природа моделирования как прием научного исследования, природа абстракции[103].

[101] *Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973, с. 196. Термин «логика научного исследования» был использован логиками и методологами науки, работавшими в Киеве, в качестве названия для их коллективного труда, опубликованного в 1965. В предисловии к этому труду П. В. Копнин и сформулировал понятие «логика научного исследования». См.: Логика научного исследования. Киев, 1965, с. 7.

[102] *Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания, с. 39. Представление об общей структуре логики науки см. также: *Ракитов А. И.* Курс лекций по логике науки. М., 1971.

[103] См.: *Баженов Л. Б.* Основные вопросы теории гипотезы. М., 1961; *Горский Д. П.* Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961; *Садовский В. Н.* Проблема методологии дедуктивных теорий.— Вопр. философии, 1963, № 3; *Лекторский В. А.* Единство эмпирического и теоретического в научном познании: Проблема научного метода. М., 1964; *Смирнов В. А.* Уровни знания и этапы процесса познания.— В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964; *Субботин А. Л.* Идеализация как средство научного познания.— В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964; *Глинский Б. А., Грязнов Б. С., Никитин Е. П.* и др. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965; *Крымский С. Б.* Интерпретация как логическая операция.— Вопр. философии, 1965, № 11; *Копнин П. В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966; *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966; *Ракитов А. И.* Логическая структура научной теории.— Вопр. философии, 1966, № 1; *Рубашкин В. Ш.* Интерпретация физической тео-

В 70-х годах наряду с продолжением работы в указанных направлениях особое внимание советских философов, работающих в области анализа научного познания, привлекают темы, связанные с динамикой научно-познавательного процесса, исследованием процессов изменения и развития научного знания. Логико-методологический анализ науки оказывается в бóльшей степени связанным с исследованием истории науки. Анализ проблем формирования и развития научно-теоретического знания на материале истории науки был предпринят, в частности, в монографии В. С. Степина «Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний в физике» (Минск, 1976). На основе исследования реального материала истории физики, прежде всего текстов, оставленных творцами физических теорий — Максвеллом, Фарадеем, Бором, Розенфельдом и другими, автор прослеживает существенные закономерности становления и развития научной теории, выявляет конкретные приемы и операции творческого мышления в науке. В работе убедительно продемонстрирован содержательно-конструктивный характер процесса научного познания, показано, что важнейшая роль в формировании понятийного аппарата науки принадлежит процедурам построения теоретической схемы, которое осуществляется на стыке между картиной мира, математическим аппаратом и эмпирическим слоем знания.

Вопросы, связанные с развитием научного знания, оценкой и отбором теорий в процессе этого развития, рассматриваются также в других монографиях [104].

Отмеченная выше ориентация на исследования научного знания в его динамике, развитии находит свое выражение и в подходе к исследованию такой кардинальной философско-методологической проблемы, как проблема соотношения теоретического и эмпирического в анализе возможностей гипотетико-дедуктивной модели, в рассмотрении сущности и функций научной теории [105].

Изучение процессов развития научного знания, в частности противоречий в мышлении, как движущей силы этого развития осуществлялось также в русле разработки проблем диалектической логики,

рии как методологическая проблема.— Вопр. философии, 1961, № 1; *Кузнецов И. В.* Структура физической теории.— Вопр. философии, 1967, № 11; *Рузавин Г. И.* Роль гипотетико-дедуктивного метода в построении физической теории.— Вопр. философии, 1968, № 7; *Никитин Е. П.* Объяснение — функция науки. М., 1970; *Он же.* Проблема обоснования. М., 1982; Подтверждение и выбор гипотезы в научном познании. Днепропетровск, 1973; *Черняк В. С.* Факт в системе научного знания.— Полит. самообразование, 1975, № 10; *Он же.* О природе научной теории.— Вопр. философии, 1977, № 6.

[104] См.: *Крымский С. Б.* Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974; *Мамчур Е. Д.* Проблема выбора теории: К анализу переходных ситуаций в развитии физического знания. М., 1975; *Черняк В. С.* Диалектика в научном познании. М., 1977.

[105] *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978; *Меркулов И. П.* Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. М., 1980; *Рузавин Г. И.* Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978.

приближения ее к реальной методологической проблематике науки [106].

Среди методологических проблем изучения познавательного процесса важное место занимает проблема имманентных законов развития науки. При ее разработке советскими философами использовалось методологическое указание К. Маркса о том, что имманентным законом развития всякой органической системы является превращение необходимых условий (предпосылок) возникновения предмета в результаты его собственного бытия, а последних снова в условия дальнейшего его развития. В силу такого оборачивания ролей развитие приобретает характер спирали, где каждый новый виток представляет собой «расширенное воспроизводство» собственных необходимых предпосылок развития системы. Механизм оборачивания ролей применительно к науке принимает форму так называемого оборачивания метода. Впервые этот термин был введен Марксом при анализе генезиса понятия дифференциала. Как показал В. С. Черняк, оборачивание метода не ограничивается отдельными фрагментами математических дисциплин, ни даже математикой в целом, а представляет собой общую схему (закон) развития научного познания вообще [107].

Углубление логико-методологического анализа науки, повышение внимания к процессам развития научного знания существенно обогатили представления *о структуре научного познания*, выдвинули новые проблемы, связанные с необходимостью выявления исходных предпосылок формирования и развития научного знания, факторов не только внутринаучного значения, но и общекультурного, социологического и др. В частности, в исследованиях 70-х годов на передний план выдвинулась проблема роли исторически сменяющихся стилей мышления, исходных картин мира, которые лежат в основе формирования конкретных научных теорий [108]. Это — общие тенденции мысли, которые изменяются достаточно медленно и образуют определенные исторические типы научного сознания. Логико-методологические основания, присущие науке того или иного периода, остаются относительно тождественными и представляют собой определенные познавательные идеалы, гносеологические системы отсчета, которые лежат в основе теоретического знания и являются исходным базисом в трактовке его объектов.

[106] См.: Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1978.

[107] См.: *Черняк В. С.* Оборачивание метода и диалектика развития знания.— Вопр. философии, 1975, № 8.

[108] *Кузнецов Б. Г.* Эйнштейн и стиль физического мышления в XX в.— В кн.: Эйнштейновский сборник. М., 1966; *Он же.* Фундаментальная физическая идея Бора Н.— В кн.: Н. Бор. Жизнь и деятельность. М., 1967; *Сачков Ю. В.* Эволюция стиля мышления в естествознании.— Вопр. философии, 1968, № 4; *Веденов М. Ф., Сачков Ю. В.* Проблема стилей мышления в естествознании. М., 1971; *Мостепаненко М. В.* Философия и методы научного познания. Л., 1972; *Новик И. Б.* Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975; *Степин В. С.* Структура и эволюция теоретических знаний. Природа научного познания. Минск, 1979.

Стили мышления составляют особенность не только естествознания, но и вообще научного знания. Они в такой же мере определяют и социальное научное знание, которое переходило от линейного детерминизма к осмыслению вероятностных характеристик социального взаимодействия, а ныне все больше проникается пониманием системной организованности общественной жизни. Изучение стилей мышления, «картин мира» лежащих в основе теоретических построений, выявление относительно устойчивых принципов научного знания и определенных парадигм возможны лишь в том случае, если исследователь выходит за пределы данной теоретической системы, обращается к ее философским основаниям, анализирует другие познавательные структуры, рассматривает теорию в контексте культуры определенного периода. Тем самым изучение логики развития науки базируется на понимании связи научного и философского знания, на выяснении того влияния, которое оказывает философско-мировоззренческая «система координат» на формирование и развитие специально-научного категориального аппарата и методологических средств, на онтологическое и теоретическое содержание научных концепций.

Наряду с изменяющимися в процессе исторического развития науки стилями мышления и парадигмами объектом такого же рода исследований становятся *научные революции, проблема дифференциации и интеграции научного знания, преемственности и прерывности в его развитии* и т. д. (Б. М. Кедров, С. Р. Микулинский, Н. Ф. Овчинников, Б. С. Грязнов и др.)[109] Ряд работ посвящен анализу развития форм научного исследования на материале истории науки[110].

Использование истории науки в качестве основы для философско-методологических обобщений делает весьма актуальными вопросы о *соотношении философско-методологического и историко-научного исследования, о философских принципах методологии историко-научного исследования, о соотношении внутренней логики развития научного знания и социально-культурных факторов его истории* (так называемая проблема экстернализма и интернализма). Эти серьезные и сложные вопросы также привлекают в настоящее время пристальное внимание советских философов[111].

[109] Эта проблематика получила свое освещение, в частности, в сборнике «Проблемы истории и методологии научного познания» (М., 1974).

[110] *Библер В. С.* Мышление как творчество. М., 1975; *Ахутин А. В.* История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М., 1976; *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980; *Левин В. Е.* Миф. Технология.— Природа, 1977, № 3; *Петров М. К.* Как создавали науку?— Природа, 1977, № 9; *Степин В. С.* Естествознание как социокультурный феномен: (К проблеме становления естествознания в истории цивилизации) Ценностные аспекты современного естествознания. Обнинск, 1979.

[111] *Кедров Б. М.* Принцип историзма в его приложении к системному анализу развития науки.— В кн.: Системные исследования. Ежегодник, 1974, М., 1974; *Микулинский С. Р.* Методологические вопросы историко-научного исследования. М., 1974; *Он же.* Мнимые и реальные проблемы развития науки.— Вопр. философии, 1977, № 11; *Микулинский С. Р., Маркова Л. А.* Основные методологические направления в зарубежной

Определенное значение для позитивной разработки логико-методологической проблематики развития научного знания, исторически сменяющихся стилей мышления и парадигм, этапов научной революции и т. д. имело критическое осмысление опыта эволюции философии науки на Западе, прежде всего дискредитации неопозитивизма и усиления влияния так называемого постпозитивистского направления (И. Лакатош, Т. Кун, П. Фейерабенд и др.)[112].

Расширение объема исследований научного познания и его углубление сопровождались в 70-х годах усилением внимания к анализу исходных понятий самого этого исследования, дальнейшему развитию представлений о его сущности, функциях и уровнях. Если в 60-х годах активно обсуждался вопрос о статусе логики науки, о ее отношении к диалектической и формальной логике, то в 70-х годах на первый план выдвигается обсуждение вопроса *о природе, функциях и уровнях методологического исследования.* Многоплановость, внутренняя расчлененность методологического анализа науки приводит к выдвижению плодотворной идеи о существовании различных типов и уровней этого анализа[113]. В работах ряда авторов, развивающих эту идею, проводится тезис о необходимости различения философского и специально-научного уровней методологического исследования. Как подчеркивает Л. Ф. Ильичев, «разграничение общефилософской методологии, с одной стороны, и частной методологии — с другой, кажется нам обоснованным хотя бы уже потому, что таким путем будет предотвращено чрезмерное расширение проблематики философии за счет методологических проблем, относящихся к специальным областям исследования, и только к ним»[114]. В то же время несомненно, что во всякой методологической проблематике, поскольку она в конечном счете связана с отношением субъекта и объекта в познавательной деятельности, с отношением знания и действитель-

истории науки. М., 1971; *Кузнецова Н. И., Макашева О. В.* Проблемы методологии историко-научных исследований.— Вопр. философии, 1974, № 7; *Родный Н. И.* Очерки по истории и методологии естествознания. М., 1975.

[112] См.: *Швырев В. С.* Анализ научного познания в современной «философии науки».— Вопр. философии, 1971, № 2; *Лекторский В. А.* Философия, наука, «философия науки».— Вопр. философии, 1973, № 4; *Мамчур Е. А.* Проблемы выбора теории. М., 1975; *Никифоров А. Л.* Методологическая концепция П. Фейерабенда.— Вопр. философии, 1976, № 8; *Микулинский С. Р., Маркова Л. А.* Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций».— В кн.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; *Панин А. В.* Критицизм как направление в западной философии науки.— Вопр. философии, 1977, № 5; *Пружинин Б. И.* Проблема рациональности в англо-американской философии науки.— Вопр. философии, 1978, № 6; *Грязнов Б. С., Садовский В. Н.* Проблема структуры и развития науки в «Бостонских исследованиях по философии науки»: Структура и развитие науки. М., 1978; *Меркулов И. П.* Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. М., 1980; *Панин А. В.* Диалектический материализм и постпозитивизм. М., 1982.

[113] См.: *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ (типы и уровни).— В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972; *Штофф В. А.* Проблемы методологии научного познания. М., 1978; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.

[114] *Ильичев Л. Ф.* Философия и научный прогресс. М., 1977, с. 114.

ности, объективно заключено определенное философское содержание, которое может быть выявлено при соответствующей глубине анализа. Именно поэтому методологическое исследование не может осуществляться без философских предпосылок, независимо от философии, и тем самым «общефилософская методология пронизывает все уровни научного исследования»[115]. Материалистическая диалектика выступает как философское учение о познании, как теоретическая основа всякого методологического анализа.

В 70-х годах публикуется ряд работ, посвященных анализу методологии как особой научной дисциплины, ее предмету, методам, общей структуре и т. д.[116] При определенных различиях в трактовке отдельных вопросов можно выделить некоторые принципиальные положения этих работ, которые дают основание для формулировки общей позиции по отношению к методологии науки, позиции, выраженной в советской философской науке. В качестве предмета методологии науки здесь рассматриваются закономерности функционирования и развития научного знания, приемы и способы научно-познавательной деятельности, обеспечивающие это функционирование и развитие. Методологию науки следует поэтому отличать от логики научного познания как более узкой дисциплины, связанной прежде всего с анализом структуры «ставшего», «готового», сформулированного знания (следует заметить, правда, что демаркация между этими двумя областями исследования научного познания проводится в общем и целом не очень четко. Как уже отмечалось выше, при трактовке логики науки как логики научного исследования эта грань становится весьма условной. Методология науки оценивается как дисциплина, тесно связанная с философской теорией познания, но нетождественная с ней. Теория познания, во-первых, шире общей методологии науки, поскольку в ее предмет входит не только научное познание, но и познавательный процесс в целом. Во-вторых, методология науки имеет свою специфическую проблематику, выходящую за пределы собственно философско-гносеологического подхода. Большинство авторов рассматривают при этом методологию науки и как часть науковедения, указывая, что она опирается на историю науки и на практику современного научного мышления, служит их обобщением, проверяет и корректирует свои выводы, соотнося их с реальным научным исследованием. В то же время она призвана служить последнему руководством и ориентиром, не претендуя на

[115] *Ильичев Л. Ф.* Философия и научный прогресс. М., 1977, с. 114.

[116] См.: *Мостепаненко М. В.* Философия и методы научного познания; Методологические основы научного познания. М., 1972; Философия, методология, наука; *Зотов А. Ф.* Структура научного мышления. М., 1973; *Рузавин Г. И.* Методы научного исследования. М., 1974; *Степин В. С., Елсуков А. И.* Методы научного познания. Минск, 1974; *Столяров В. И.* Диалектика как логика и методология науки. М., 1975; *Костюк В. И.* Методология научного исследования. Киев, Одесса, 1976; *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки. Системный подход. М., 1977; *Штофф В. А.* Проблемы методологии научного познания. М., 1978.

подмену творческого мышления в науке, которое нельзя вытеснить никакими общими схемами процесса познания или методологическими предписаниями.

Большое внимание советских философов в 70-х годах было уделено *взаимоотношению философских принципов, конкретно-научных картин мира и методов частных наук.* В непосредственной связи с данным кругом проблем находится и такая комплексная тема, как взаимоотношение философских и общенаучных понятий. В ряде работ советских ученых предлагается возвести некоторые общенаучные категории (например, «структура», «симметрия» и др.) в ранг философских. Предметом обсуждения в этот период были критерии соотношения философских категорий и общенаучных понятий, имеющих методологическое значение для широкого круга научных дисциплин. Одни из философов видят этот критерий лишь во всеобщности содержания философских категорий. Другие полагают, что этот критерий нужно искать не во всеобщности, а в степени их содержательности, в уровне постижения объектов [117].

К числу таких понятий, претендующих на общенаучную методологическую значимость, относится, в частности, понятие информации и симметрии [118].

Предметом систематического исследования советских философов становится также сравнительно новый феномен в развитии методологии — методологические направления и концепции, имеющие общенаучный характер, т. е. применяемые одновременно в нескольких различных научных дисциплинах. Это прежде всего относится *к философскому анализу системного подхода и общей теории систем* [119]. В работах советских специалистов раскрыты философско-методологические и историко-научные аспекты системного подхода. Показано, в частности, огромное воздействие на исходные принципы этого направления философских идей классиков марксизма-ленинизма,

[117] Различные аспекты этого круга вопросов рассматриваются в работах: *Мостепаненко М. В.* Философия и методы научного познания; *Зелькина О. С.* Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970; *Жбанкова И. И.* Философские принципы в научном познании. Минск, 1974; *Готт В. С., Урсул А. Д.* Общенаучные понятия и их роль в познании. М., 1975; *Рузавин Г. И.* Методы научного исследования; *Семенюк Э. П.* Общенаучные категории и подходы к познанию. Львов, 1978; и др.

[118] См.: *Сухотин А. К.* Наука и информация. М., 1972; *Гришин И. И.* Понятие информации: Логико-методологический аспект. М., 1973; *Урманцев Ю. А.* Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974; *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке: Философские очерки. М., 1975.

[119] См.: *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964; *Тюхтин В. С.* Системно-структурный подход и специфика философского знания.— Вопр. философии, 1968, № 11; *Блауберг И. Б., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системный подход: предпосылки проблемы, трудность. М., 1969; Системные исследования: Ежегодник. М., 1969—1979; Проблемы методологии системного исследования. М., 1970; *Блауберг И. Б., Лекторский В. А., Швырев В. С.* Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода.— Вопр. философии, 1971, № 1; *Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

выявлена существенная роль отечественной научной традиции в формировании общесистемных концепций, подвергнуты анализу методологические функции системного подхода к общей теории систем, исследованы такие понятия как «система», «структура», «целостность» и др. Специальное внимание уделено критике представлений зарубежных авторов о системном подходе, в частности их позитивистской ориентации и необоснованных попыток возвести общую теорию систем в ранг философской концепции. Как известно, некоторые методологические принципы исследования сложных объектов в той или иной мере рассматривались задолго до XX в. (проблема целостности, сложности), а в трудах классиков марксизма-ленинизма эти принципы получили не только общетеоретическое решение, но и практическую реализацию. Исследования системности, организованности имеют определенную традицию и в истории ряда специальных наук (в частности, биологии, психологии, лингвистики). Однако в качестве осознанного принципа методологии научного познания системные идеи начали выступать лишь с конца XIX в., когда наука в целом ряде своих отраслей стала переходить к систематическому исследованию структуры, организации и принципов функционирования сложных объектов действительности. В связи с этим в ряде наук начали формироваться специальные методы системного исследования, а системный подход утвердился в качестве одного из методологических направлений.

Философско-методологическое исследование проблематики системного подхода развернулось в нашей стране с 60-х годов, первоначально по преимуществу в форме критического рассмотрения общей теории систем, выдвинутой Л. фон Берталанфи, а затем в виде самостоятельной разработки ряда методологических проблем. Вместе с тем надо подчеркнуть, что вопросы методологии исследования сложных объектов действительности начали разрабатываться в нашей философской литературе еще в конце 50-х годов, до знакомства советских исследователей с работами зарубежных авторов, хотя и без широкого употребления соответствующего понятийного аппарата (А. А. Малиновский, В. И. Кремянский).

С начала 60-х годов вопросы методологии системного исследования все более широко освещаются в книгах и в философской периодике. Объектом анализа выступают онтологические, гносеологические и логические аспекты основных понятий системного подхода (система, структура, организация, целостность, связь и др.). Предложены и обсуждаются различные пути построения общей теории систем или ее эквивалентов. Естественно, что многие работы носили при этом дискуссионный характер. В частности, значительные расхождения обнаружились в трактовке таких понятий системного подхода, как «система», «структура», «элемент», «связь», в понимании взаимосвязи организации и эволюции, структуры и генезиса.

В настоящее время возрастает интерес к интеграционистско-системной ориентации научного исследования, что находит свое выра-

жение в ряде областей современной науки (например, в экологии, теории организации, биоэнергетике и др.). Советские философы, занимающиеся проблемами системно-структурного анализа, в отличие от некоторых зарубежных исследователей (например, Л. Альтюссера) пытаются понять с помощью этих методов проблематику изменения и развития, не отъединяют методы познания процессов от способов постижения структуры и организованности объектов, стремятся включить параметр времени в исследование систем. Эта тенденция объединения системно-структурных и историко-генетических методов, которая наметилась в последнее время, весьма перспективна, и с ней могут быть связаны большие достижения в теоретико-методологическом осмыслении проблем современной науки.

В 70-х годах была продолжена и углублена работа по анализу оснований системно-структурного подхода, его исходных принципов и методов, а также по определению основных возможных направлений его развития[120]. В ряде работ советских философов была показана глубокая связь коренных проблем методологии системно-структурного исследования с традиционной философской проблематикой анализа целостности, системной причинности и т. д.[121] Такой подход существенно способствует преодолению опасности абсолютизации системно-структурного анализа, его позитивистской и натуралистической интерпретации, подмены им философской методологии. Советские философы показали, далее, органическую связь реальной методологической проблематики системно-структурных исследований с проблематикой разработки методов исследования сложных систем в марксистской диалектике, прежде всего в «Капитале» Маркса. Этой исключительно важной теме как для развития системно-структурного подхода, так и для самой материалистической диалектики в ее функции философской методологии науки специально посвящена монография В. П. Кузьмина «Принцип системности в теории и методологии Маркса» (1-е изд. М., 1976; 2-е изд., 1980) В. П. Кузьмин отмечает, в частности, что если кратко подвести итоги тому, что сделал К. Маркс в обоснование системности как одного из важных элементов методологии, то это можно было бы определить как открытие нового измерения действительности. На смену господствующему многие века «предметоцентризму» пришел «системоцентризм».

Позитивная разработка системно-структурного подхода с позиций диалектического материализма сопровождалась критикой буржуазных философско-методологических концепций, связанных с проблематикой этого подхода. В частности, в 70-х годах появляется ряд

[120] См.: *Тюхтин В. С.* Отражение, система, кибернетика: (Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода). М., 1972; *Блауберг И. Б., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода; *Садовский В. Н.* Основание общей теории систем: Логико-методологический анализ. М., 1974; Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности.

[121] См.: *Абрамова Н. Т.* Целостность и управление. М., 1974; *Петрушенко А. А.* Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975.

работ, посвященных критике структурализма как философско-методологической концепции [122].

Важным участком работы советских философов в области методологии науки в рассматриваемый период является также исследование *методологической проблематики частных наук* с позиций общеметодологических философских принципов диалектического материализма. Наиболее интенсивно и результативно эта работа велась в области естествознания. К числу фундаментальных работ, в которых рассматриваются методологические принципы и проблемы естественнонаучного знания, следует отнести коллективный труд «Синтез современного научного знания» (М., 1973), подготовленный отделом философских вопросов естествознания Института философии АН СССР. Труд этот дает широкое представление о методологической проблематике современного естествознания, которая связана не только с исследованием структуры научного знания и приемами научного исследования, но и с установлением взаимодействия между различными отраслями естествознания, проблемами интеграции науки, использования аппарата и средств одних дисциплин для развития других.

Последний период ознаменовался также появлением большого числа методологических исследований, связанных с проблематикой частных научных дисциплин. Они обычно характеризуются рассмотрением широкого спектра проблем, начиная с философских вопросов этих частных дисциплин и кончая специальными вопросами их концептуального аппарата и приемов исследования. В связи с этим возникают актуальные проблемы более четкого осознания специфики собственно методологического подхода в частных научных исследованиях, более четкой дифференциации этого подхода от рассмотрения содержательной тематики данных исследований. В реальной практике научной работы, как свидетельствует анализ соответствующей литературы, грань между методологическим подходом к концептуальным проблемам, возникающим в частных науках, и содержательно-теоретическим рассмотрением этих проблем носит весьма условный, относительный характер. В то же время появление многочисленных работ под рубрикой методологических исследований демонстрирует серьезный интерес именно к методологической проблематике, стремление освоить и использовать возможность методологического исследования для решения проблем, стоящих перед учеными в различных отраслях естествознания и науки вообще.

Определенные результаты были достигнуты в рассматриваемый период советскими философами и в исследовании методологических вопросов социально-гуманитарного знания, хотя в целом разработка этой исключительно важной и актуальной проблематики отстает от

[122] См.: *Грецкий М. Н.* Французский структурализм. М., 1971; *Сахарова Т. А.* Современная французская философия. М., 1976; *Автономова Н. С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977; и др.

развития общей методологии и методологии естествознания. Был опубликован ряд монографий и сборников статей, посвященных методологии социологического исследования, социальной психологии, анализа категории деятельности как ключевого понятия, социально-гуманитарного исследования и т. д.[123]

Значительная работа была проделана по исследованию методологических вопросов исторической науки[124].

Современное логико-методологическое исследование науки должно учитывать многообразие форм ее анализа. Изучение науки осуществляется в настоящее время под разными углами зрения: социологическим, науковедческим, психологическим, гносеологическим. В эпоху научно-технической революции крайне актуальным становится осмысление не только структуры научного знания, его развития и функционирования, традиционно составляющих предмет логико-методологического анализа, но и социальных аспектов приложения науки, этических проблем деятельности ученого, структуры и функционирования научных коллективов и пр. Формируются специфические дисциплины, анализирующие различные аспекты деятельности науки как социального института. Так возникает социология науки, появляются исследования по проблемам психологии научного творчества, формируется науковедение, понимаемое как комплексное исследование науки, и т. д.

Современный подход к науке характеризуется ее рассмотрением во всем многообразии ее связей, в контексте социально-культурной деятельности человечества в целом.

Своеобразное соединение логико-методологического и социологического анализов науки реализуется, в частности в рамках науковедения, в тех работах, которые ставят перед собой задачу осмысления тех сдвигов, которые происходят в самосознании науки[125]. Это осмыс-

[123] См.: *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; *Куприян А. П.* Методологические проблемы социального эксперимента. М., 1971; *Ядов В. А.* Социологическое исследование. М., 1972; Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Процесс социального исследования. М., 1975; Методологические проблемы исследования деятельности. М., 1976. (Эргономика. Тр. ВНИИТЭ); *Осипов Г. В., Андреев Э. П.* Методы измерения в социологии. М., 1977; Методология и методы социальной психологии. М., 1977; Методологические проблемы социологического исследования. М., 1979; *Голофаст В. Б.* Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1981.

[124] *Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972; *Петров Ю. В.* Причинность в исторической науке. Томск, 1972; Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1972; Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; *Уваров А. И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973; *Мадиевский С. А.* Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке. Кишинев, 1974; *Сайко С. П.* Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании. Алма-Ата, 1975; *Козина Н.* Познание и историческая наука. Саратов, 1980.

[125] См.: *Микулинский С. Р., Родный Н. И.* Наука как предмет социального исследования.— Вопр. философии, 1966, № 5; Проблемы логики и теории истории науки. М., 1970; Наука и научное творчество. Ростов н/Д, 1970; и др.

ление различных образов науки, различных концепций существа, структуры и законов развития научного знания предполагает включение социальных и культурных компонентов развития науки, которые в значительной степени объясняют смену форм философско-методологического анализа науки. При этом подходе к научному знанию выявляется не только историчность научных проблем и путей их решения, но и историчность того, как представляется философско-методологическому сознанию сама наука, какие компоненты в ней выдвигаются на первый план, каковы причины смены типов методологического анализа науки.

В настоящее время совершенно ясно, что анализ науки с философско-методологической точки зрения не может ограничиваться, так сказать, взглядом на научное знание изнутри; исследование структур знания и познавательной деятельности в науке с необходимостью должно включать рассмотрение исходных оснований и предпосылок построения и развития научного знания в исторической перспективе их социокультурной детерминации. Методологическая проблематика науки с неизбежностью переходит на определенном уровне в проблематику широкого социокультурного анализа науки. Такой подход к методологической проблематике науки органически вытекает из марксистского ее понимания как социально-исторически обусловленного способа отражения действительности и формы общественного сознания. Он особенно актуален в наше время, в эпоху научно-технической революции, внедрения науки во все сферы человеческой жизнедеятельности, острой идеологической и мировоззренческой борьбы вокруг истолкования сущности науки как социального феномена и фактора современного человеческого существования [126].

* * * * *

В современных условиях острой идеологической борьбы на международной арене марксистская философия подвергается ожесточенным нападкам со стороны различного рода «советологов», «марксологов», ревизионистов и т. д. Их атаки на диалектический материализм ведутся по ряду направлений: «опровергается» материализм, объявляется «несостоятельной» ленинская теория отражения и, наконец, либо фальсифицируется, либо вообще «упраздняется» диалектика.

Критика материализма, как правило, базируется на элиминировании понятия материи. В борьбе против понятия «материя» участвует широкий круг идеологов — от теоретиков «Праксиса» до неотомистов [127]. Отрицая объективную реальность материи, противники

[126] См.: *Швырев В. С., Юдин Э. Г.* Мировоззренческая оценка науки: Критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1973.

[127] См.: *Mikecin V.* Marksisti i Marks. Zagreb, 1970, S. 34; *Wetter G. A.* Sowjetideologie heute... Frankfurt a/M; Hamburg, 1962, S. 40.

марксизма выступают также против теории отражения. «Критики» ленинской теории отражения объявляют ее «наивным реализмом» (Бохенский), отождествляют с механицизмом (Гароди), «конформистским натурализмом» (М. Животич), «умеренным реалистическим эмпиризмом» (де Фриз) и т. д.

В современной буржуазной и ревизионистской литературе значительное место занимает критика и фальсификация материалистической диалектики. Предпринимаются давно уже дискредитировавшие себя попытки «субъективизировать» диалектику, перечеркнуть ее значение как науки о всеобщих законах развития природы, общества и мышления (Ж.-П. Сартр, Р. Гароди, М. Кангрга). Значительное число «критиков» диалектического материализма исходит из откровенно антидиалектических позиций [128]. Отрицая как объективную, так и субъективную диалектику, они всячески пытаются доказать «противоречивость», «неправомерность», «устарелость» ее основных законов. Буржуазные и ревизионистские «интерпретаторы» ставят под сомнение многочисленные данные науки и практики, подтверждающие жизненность закона единства и борьбы противоположностей, извращают существо проблемы противоречия [129], перехода количественных изменений в качественные [130] и т. д.

В современном «критическом походе» против диалектического материализма объединяются представители различных направлений: и «творческие марксисты» вроде Р. Гароди, и представители различных течений современной буржуазной философии, и профессиональные антикоммунисты, занимающиеся фальсификаторством в рамках так называемой советологии. Всем им присущи метафизика, субъективизм и агностицизм, явная беспомощность перед лицом современного освободительного движения и научно-технического прогресса, неспособность справиться с реальными проблемами поиска объективной научной истины.

Как видно из сказанного ранее, в последние десятилетия советские философы добились определенных успехов в разработке актуальных проблем диалектического материализма. Дальнейший прогресс в этой области связан прежде всего с методологическим и мировоззренческим осмыслением достижений естественных, общественных и технических наук, с анализом всей системы методов, процедур и приемов, используемых в современной науке, с построением общей теории диалектики, понятой как логика и теория познания марксизма.

[128] См.: *Wetter G. A.* Dialektischer und historischer Materialismus. Frankfurt a/M, 1963, S. 122—123.

[129] См: *Schneider E.* «Einheit» und «Gegensatz». Über das Hauptgesetz der materialistischen Dialektik der Sowjetphilosophie. München, 1970, S. 124; *Lobkowicz N.* Widerspruch.— Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleihende Enzyklopädie Freiburg — Basel — Wien, 1972, Bd. 6, S. 959.

[130] См.: *Lobkovicz N.* Quantität und Qualität.— Sowjetsystem..., 1972, Bd. 5, S. 427—428.

Многое, однако, еще не сделано, не изжиты еще, в частности, такие недостатки, как проявления схоластицизма, начетничества и формализма, подвергнутые справедливой партийной критике. Бывает и так, что в естественном стремлении сфокусировать внимание на новых аспектах в трактовке научных проблем, на новых категориях некоторые философы склонны оставлять без особого внимания так называемые традиционные понятия, в том числе принципы марксизма, относя их к азбучным истинам. КПСС справедливо предостерегает против недооценки и этого круга вопросов. Ибо есть истины, не подлежащие пересмотру, проблемы, решенные давно и однозначно. Нельзя, оставаясь на почве науки, забывать об основополагающих принципах материалистической диалектики. Принципы диалектического материализма остаются всегда незыблемыми, требуя творческого применения к конкретным и меняющимся условиям жизни.

Перед советскими философами стоят задачи, связанные с творческим анализом современности, всесторонним исследованием диалектики общественного развития, закономерностей развитого социализма и его перехода к коммунизму, мирового революционного процесса, научно-технической революции, с созданием фундаментальных трудов по диалектическому материализму, отвечающих требованиям передовой науки и практики.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Отбив атаки интервентов и белогвардейцев, Страна Советов вплотную взялась за решение великих созидательных задач социалистической революции. На первый план выдвинулись проблемы хозяйственного и культурного строительства. Они определяли внимание Коммунистической партии к творческому развитию общественных наук и их непосредственной теоретической и методологической основы — исторического материализма. В решениях, которые партия принимала в первые годы Советской власти, красной нитью проходит мысль о том, что работу в области общественной науки необходимо поставить на службу практике социалистического строительства. Особенно подчеркивалось значение этой работы для воспитания трудящихся. Например, XII съезд партии указывал в своих решениях на необходимость «готовить из рабочего и крестьянина практического работника революции, вооруженного методами марксистского подхода к конкретным вопросам революционного строительства... Каковы бы ни были основные задачи каждого типа школы, в частности вузов и техникумов, она, вырабатывая специалиста в той или иной отрасли строительства, в то же время должна готовить в его лице общественно-политического работника, вооруженного теорией марксизма»[1].

Задача формирования у трудящихся научных представлений о жизни общества стояла тем более остро потому, что в первые послереволюционные годы в стране давали о себе знать обстоятельства, способствовавшие сохранению влияния буржуазной идеологии. Преобладающую часть населения составляли мелкобуржуазные слои. Пролетариат был в значительной степени деклассирован вследствие разрухи в промышленности. Пополнение, влившееся в партию в годы войны, когда трудно было вести систематическую работу по марксистскому образованию, не обладало теоретической зрелостью. Этими обстоятельствами стремились воспользоваться идеологи буржуазии,

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 456.

распространявшие антимарксистские концепции. К идеям и методам, которые заключали в себе эти концепции, обращались представители оппортунистических течений — противники ленинского политического курса, пытавшиеся обосновать свои установки с помощью ревизии марксистской теории. Оживление капиталистических элементов в условиях нэпа явилось питательной почвой для оппортунизма и усиливало необходимость борьбы как против откровенных апологетов капитализма, так и против попыток теоретического обоснования уклонов от генеральной линии партии, против различных форм ревизионистского извращения исторического материализма.

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма», обращаясь к философам-марксистам и определяя задачи журнала «Под знаменем марксизма», призванного объединить их силы, требовал беспощадно критиковать идейное прислужничество эксплуататорским классам, как бы оно ни маскировалось. В. И. Ленин подчеркивал необходимость «разоблачения и преследования всех современных „дипломированных лакеев поповщины", все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя „демократическими левыми или идейно-социалистическими" публицистами»[2]. В. И. Ленин указывал, что разработка материалистической диалектики, опирающаяся на достижения естественных наук и изучение современной общественной жизни, реальных процессов «в области отношений экономических, политических»[3] неотделима от борьбы против всяких отступлений от материализма.

Особенно важно было развернуть последовательную борьбу против извращенных представлений о жизни общества, наиболее опасных для практики социальных преобразований, что позволило не только отстоять марксистско-ленинское учение о закономерностях общественной жизни, но и преодолеть проявления односторонности в трактовке этого учения, имевшие место в среде марксистов и мешавшие развивать его в соответствии с потребностями социалистического строительства.

1

Борьба за диалектико-материалистическое понимание социальных процессов. Определение предмета исторического материализма

В защите и развитии воинствующего материализма в обществоведении активную роль играли философы-марксисты В. В. Адоратский, В. А. Быстрянский, В. П. Волгин, С. Я. Вольфсон, И. К. Луппол, В. И. Невский, С. А. Оранский, М. Н. Покровский, И. П. Разумовский, И. И. Скворцов-Степанов, А. И. Тюменев, Б. А. Фингерт

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 25.
[3] Там же, с. 30.

и другие ученые. Они видели свою главную задачу в систематизации и популяризации философско-социологических идей К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Эта задача решалась в ожесточенной борьбе против представителей различных направлений позитивистской социологии, религиозно-идеалистической философии истории и неокантианской социологии.

В начале 20-х годов особое внимание пришлось уделять разоблачению мистической трактовки исторического процесса, имевшей место у таких реакционных философов-идеалистов, как Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк. В публикациях советских философов было показано, что утрата русской буржуазией власти и крах идей, с помощью которых она пыталась удержать эту власть, толкнули ее идеологов на откровенно религиозные позиции, вызвали у них приступ «философско-мистического бешенства»[4]. Борьба с идеалистическим пониманием социальных процессов и явлений велась путем критики не только реакционных философов, но и стоявших на их позициях историков, экономистов, юристов, литературоведов. Характерен в этом отношении анализ идеалистических установок Р. Виппера и некоторых других историков, данный на страницах журнала «Под знаменем марксизма»[5]. Идеалистическое понимание истории, односторонние представления о роли личности и народных масс в истории анализировались с марксистских позиций в работах, критически раскрывающих содержание концепций М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина, П. Л. Лаврова, других теоретиков[6]. Эта критика помогала выявить несостоятельность теоретических позиций, с которых выступали анархо-синдикалисты и троцкисты.

Особенно сложной задачей, решение которой потребовало длительного времени, оказалось разоблачение несостоятельности позитивистских концепций и механистических представлений, оказавших влияние не только на многих представителей естественных наук, но и на ряд философов-марксистов, которые восприняли механицизм как средство борьбы с идеализмом. Характерное для позитивистов стремление подменить философию частными естественными науками выражалось в разнообразных формах, сказавшихся и на трактовке социальных процессов.

Попытка свести сущность этих процессов к биологическим законам предпринималась, в частности, П. Сорокиным, Е. А. Энгелем, Н. А. Гредескулом и др. Е. А. Энгель вслед за социал-дарвинистами подменял борьбу классов борьбой за существование, отождествляя

[4] Книга и революция, 1923, № 2(36), с. 22.

[5] См., например: *Покровский М. Н.* Проф Р. Виппер о кризисе исторической науки.— Под знаменем марксизма, 1922, № 3.

[6] См.: *Горев Б. И.* М. А. Бакунин, его жизнь, деятельность и учение. Ив.-Вознесенск, 1927; *Он же.* Лавров и утопический социализм.— Под знаменем марксизма, 1923, № 6/7; *Лозовский А.* Анархизм и марксизм в массовом движении.— Под знаменем марксизма, 1922, № 3; и др.

развитие животного мира с развитием человечества[7]. Н. А. Гредескул считал общество «животной общественностью» и потому, мол, социология должна получить биологическое обоснование[8]. М. А. Бубликов пошел еще дальше, заявив, что «социология есть часть биологии, социальные формы существуют и у растений, и у животных»[9]. Биологизация социальных процессов проявилась и в попытках объяснить их, опираясь на психоанализ З. Фрейда, соединить с учением Фрейда исторический материализм[10].

Биологизаторские тенденции были свойственны и такому крупному естествоиспытателю, как В. М. Бехтерев; они проявились в его «Коллективной рефлексологии».

Сведение социальных процессов к низшим формам движения материи выразилось не только в их биологизации, но и в попытках объяснить их с помощью «энергетического подхода», т. е., по сути дела, подменить социальные законы физическими. Суть методологии, которая лежала в основе такого стремления, весьма недвусмысленно обнаружилась в утверждении Г. Г. Боссе о том, что-де нужно для анализа социальных явлений использовать некий «физико-химико-биологический» метод[11].

Представление о том, что можно раскрыть сущность социальных процессов с помощью естественных наук и их методов, оправдывало отказ от социальной философии. Призыв С. К. Минина «Философию — за борт!» распространялся и на исторический материализм. Ему фактически отказывали в праве на существование не только прямые ликвидаторы философии, но и механисты, пытавшиеся «сохранить» его, лишив философского характера и методологических основ, заключенных в диалектико-материалистической философии.

Отстоять диалектико-материалистический подход к изучению социальной действительности настоятельно требовала практика социалистического строительства. Определить его задачи и пути их успешного решения было бы невозможно без правильного политического подхода к ним, особенно необходимого в условиях сложного переплетения разных хозяйственных укладов и интересов различных социальных групп, представлявших эти уклады, в условиях острой классовой борьбы. Выработать верный политический подход можно было только на основе диалектико-материалистической методологии, адекватной характеру объективного процесса общественного развития. Естественной поэтому была та острота, которую приобрела борьба против попыток подменить эту методологию, органически присущую историческому материализму, механицизмом.

[7] См.: *Энгель Е. А.* Очерки материалистической социологии. Пг., 1923.

[8] См.: *Гредескул Н. А.* Происхождение и развитие общественной жизни. Л., 1925. Т. 1.

[9] *Бубликов М. А.* Борьба за существование и общественность. М., 1926, с. 10.

[10] См.: *Залкинд А. Б.* Революция и молодежь. М., 1924; *Малис Г.* Психоанализ коммунизма. Казань, 1924.

[11] См.: Механистическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925, с. 62—64.

Среди социологических работ, пронизанных методологией механицизма, наибольшее распространение получила «Теория исторического материализма» Н. И. Бухарина. На первый взгляд может показаться, что Бухарин исходил из правильной установки, характеризуя исторический материализм как марксистскую социологическую теорию и отмечая, что она служит методом исследования социальных явлений, так как отражает «общие законы человеческого развития»[12]. Однако в качестве последних у него выступали отнюдь не подлинные социологические законы, открытые марксизмом и выражающие диалектику исторического процесса. Задачу исторического материализма он видел в том, «чтобы показать, как в обществе людей общие законы естественных наук проявляются в о с о б о й, только человеческому обществу присущей форме»[13]. Подменив законы материалистической диалектики «общими законами естественных наук», Бухарин представил последние в качестве законов механики. Именно из этой области естествознания он извлек схему, в которую пытался втиснуть общественный процесс. Согласно этой схеме общество представляет собой агрегат индивидов, подобный куче, сложенной из камней; общественные явления образуются из механического взаимодействия отдельных воль, чувств, действий и т. д. Вся эта механическая система стремится, по мнению автора, к покою, равновесию, которое нарушается лишь под влиянием толчков извне[14].

Общественные явления Бухарин объяснял с точки зрения теории равновесия. С этих позиций он подходил к истолкованию связей между производительными силами и производственными отношениями, между классами, обществом и государством, между политикой и экономикой. В результате эти связи разрывались, противоречия смазывались, одни общественные явления оказывались существующими изолированно от других. Теория равновесия использовалась правыми оппортунистами для затушевывания коренных различий между капитализмом и социализмом, для «обоснования» установок на примирение противоречий между социализмом и капиталистическими элементами, на плавное врастание мелкого собственника в социализм.

Механистическая теория была на руку не только правым оппортунистам, ратовавшим за реставрацию капитализма, но и троцкистам, отрицавшим возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Эклектическая методология, которой пользовались троцкисты, сохраняла пороки, характерные для методологической концепции Бухарина,— механицизм и абстрактно-схоластический подход к общественным явлениям, исключавший возможность их конкретно-исторического анализа.

[12] *Бухарин Н.* Теория исторического материализма. М., 1921, с. 12.
[13] Там же, с. 63.
[14] См.: Там же, с. 38.

В силу особой значимости методологических установок в борьбе против механицизма и других проявлений позитивистской трактовки социальных процессов сами проблемы методологии стали предметом особого внимания, это было характерной тенденцией в развитии марксистской философии. И не случайно, что именно методологические основы марксистского учения об обществе стали главным объектом атак теоретиков II Интернационала. Прикидываясь сторонниками исторического материализма, они пытались его извратить, оторвать от диалектического материализма, соединить с неокантианством, махизмом и прочими модными направлениями буржуазной философии.

Глубокое обоснование единства диалектического и исторического материализма дал В. И. Ленин, раскрыв несостоятельность различных проявлений чуждой марксизму методологии — от субъективистского метода, на который опиралась социология либеральных народников, до механистической основы социологических построений Богданова, от неприкрытых позитивистских установок буржуазного социолога Сорокина до стыдливого позитивизма Бухарина, подменявшего диалектику метафизикой.

Философы, продолжавшие ленинскую линию в решении социально-философских проблем, стремились показать, что несостоятельность позитивистских социологических воззрений коренится в антинаучном подходе к рассмотрению социальных явлений, в отрицании или игнорировании материалистической диалектики как единственно научного метода исследования общественной жизни. Развернутую критику взглядов одного из лидеров механистов — А. А. Богданова, подменявшего диалектический материализм эмпириомонизмом, еще в начале 1920 г. дал В. И. Невский в статье «Диалектический материализм и философия мертвой реакции»[15]. Выступления Невского в печати были направлены и против попыток разрабатывать марксистскую социологию на основе естествознания, отбросив диалектический материализм, против взглядов тех, кто с помощью биологии или физики хотел раскрыть сущность социальных процессов[16]. Подобные взгляды разоблачал и В. А. Быстрянский. Он писал: «Общество имеет свою специфическую (особенную) закономерность. Последняя не сводится к законам, устанавливаемым науками о природе. Законы общественной жизни не могут быть выведены из законов естествознания»[17].

Активно выступали против философского ликвидаторства, механицизма и других проявлений позитивизма философы, группировавшиеся вокруг журнала «Под знаменем марксизма»: А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол и др. О позиции, занятой журналом, можно судить, в частности, по содержанию его третьего номера,

[15] Эта статья была помещена в качестве приложения во втором издании книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (М., 1920).

[16] См.: Под знаменем марксизма, 1922, № 3, с. 59.

[17] Коммунистический университет на дому, 1925, № 2, с. 70.

в котором был дан критический анализ «Теории исторического материализма» Бухарина и на примере «Коллективной рефлексологии» Бехтерева раскрыта беспочвенность попыток возвести некоторые черты природных процессов в ранг общих законов, которым подчиняется и общественная жизнь. На недопустимость переноса биологических законов на историю человеческого общества указывал Н. Карев[18]. Критикуя попытки апеллировать к естественным наукам для объяснения сущности социальных процессов, И. Луппол подчеркивал, что следует помнить «резкий и справедливый протест Ленина против некритического перенесения в общественные науки категорий механических, химических, биологических»[19].

В первые годы Советской власти вышло немало книг, в которых пропагандировалась каутскианская точка зрения на исторический материализм как на эмпирическую теорию, не относящуюся к области философии и нейтральную по отношению к тем или иным общефилософским установкам. Утверждалось, например, что историческому материализму «нет дела ни до Вселенной, ни проблем бытия и его начала и конца, ни до проблем о феноменах духа (ощущений, чувств, мыслей, желаний): для исторического материализма безразлично, решаются ли и понимаются ли все эти проблемы материалистически, монистически, трансцендентально или иным образом»[20]. В этом рассуждении воспроизведен тезис, который повторялся в переведенных на русский язык работах по вопросам исторического материализма К. Каутского, М. Адлера, Г. Кунова и других теоретиков оппортунизма, в книгах И. Штерна «Исторический материализм и теория прибавочной ценности Маркса», Г. Гортера «Исторический материализм» и др.

В борьбе с этой установкой важно было отстоять единство исторического и диалектического материализма, показать, что исторический материализм несовместим не только с откровенно идеалистическими общефилософскими концепциями, но и с любым проявлением позитивизма или вульгаризации философского материализма. Выступая против подмены исторического материализма механицизмом при анализе общественных процессов, А. Деборин и его сторонники не смогли, однако, правильно определить предмет исторического материализма и его место в марксистской философии. Исторический материализм в их представлении оказывался только методологией, но не теорией, отражающей объективные общесоциологические законы.

«Исторический материализм,— писал И. Луппол,— есть методология истории, политической экономии, науки о праве и государстве»[21].

[18] См.: Большевик, 1924, № 14, с. 124.

[19] *Луппол И.* Ленин в борьбе за диалектический материализм. Л., 1924, с. 51—52.

[20] Научное обоснование социал-демократии (популярное изложение исторического материализма). Пг., 1917, с. 21—22.

[21] *Луппол И.* Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. М.; Л., 1924, с. 96.

Отличая социологию в широком смысле слова от социологии в узком смысле слова, включающую лишь исходные принципы исследования общественных процессов, но не его результаты, И. Разумовский считал, что в качестве последней в марксизме выступает исторический материализм, являющийся методологией общественного познания[22]. Как «чистую методологию» рассматривали исторический материализм Г. К. Баммель, С. Л. Гоникман, А. М. Деборин, Г. С. Тымянский и др.

При такой трактовке из марксистской философии выпадало то, что необходимо для выполнения ее мировоззренческих функций и является предметом исторического материализма как теории,— общесоциологические законы. Если С. С. Кривцов[23] относил эти общие законы к предмету социологии как особой частной науки, то в работах других авторов необходимость изучения этих законов в философии отрицалась на том основании, что они якобы вообще не существуют. Н. Карев, например, утверждал, что есть различные законы разных общественных формаций, а общим, связывающим их является лишь «*переход* этих законов, смена их и *метод изучения этой смены*»[24]. Более того, Р. Выдра писал, что «социология не является истматом и истмат не является социологией. Социология не является наукой, она своего рода алхимия»[25].

Трактовка исторического материализма лишь как метода, но не как общей социологической теории неизбежно приводила к сужению содержания ленинизма. Недооценка того обстоятельства, что разработка В. И. Лениным проблем организации рабочего класса на борьбу против капитализма, проблем социалистической революции и диктатуры пролетариата опиралась на творческое развитие исторического материализма, вела к умалению значения этой стороны ленинского теоретического наследия.

Примечательна в этом отношении полемика, начатая выступлением Н. Бабахана на страницах «Правды» и продолженная в журнале «Под знаменем марксизма»[26]. Если в позиции Бабахана отразилось противопоставление ленинизма как революционно-практического учения марксизму как «чистой теории», то и в критическом разборе этой позиции на страницах журнала «Под знаменем марксизма» явственно ощущалась недооценка ленинизма как нового этапа в развитии исторического материализма[27]. Она вытекала из одно-

[22] См.: Под знаменем марксизма, 1926, № 12, с. 60.

[23] См.: *Кривцов С.* Плеханов как социолог.— Под знаменем марксизма, 1923, № 6/7, с. 45.

[24] *Карев Н.* Исторический материализм как наука.— Под знаменем марксизма, 1929, № 12, с. 19—20.

[25] *Выдра Р.* Теория общественного развития. Гомель, 1928, с. 15.

[26] См.: *Бабахан Н.* Марксизм и ленинизм.— Правда, 1928, 6 апр.; *Он же.* В защиту ленинизма.— Под знаменем марксизма, 1923, № 4/5.

[27] См.: «Трусливый оппортунизм будущего профессора».— Под знаменем марксизма, 1923, № 2/3; *Карев Н.* На путях изучения марксистской философии.— Там же.

сторонней оценки личности В. И. Ленина. Солидаризуясь в этом отношении с Бухариным, А. Деборин, например, писал: «Ленин в философии является „учеником" Плеханова... Плеханов прежде всего теоретик. Ленин прежде всего практик, политик, вождь»[28].

А. М. Деборин и группировавшиеся вокруг него философы считали, что теория ленинизма сводится в основном к социальным проблемам, разработка которых относится к предмету научного коммунизма (или, по терминологии, часто используемой в те годы, «научного социализма»), но не является непосредственной задачей философии[29]. Уделяя этим проблемам мало внимания, они сосредоточили его на разработке методологических и историко-философских проблем.

Отношение руководящей группы журнала «Под знаменем марксизма» к историческому материализму отчетливо выразилось в статьях, открывавших 12-й номер этого журнала за 1926 г., в которых подводились итоги деятельности его редколлегии. Отметив, что на страницах журнала «разрабатывались теория познания материализма, *история материализма и проблемы современного естествознания*»[30], А. М. Деборин заверял читателей, что и впредь именно эти направления будут объектом внимания редакции. О проблемах общественной жизни, об их исследовании и освещении Деборин даже не упомянул. Н. Карев, пытаясь несколько восполнить этот пробел, разъяснял, что главную борьбу против враждебной идеологии журнал ведет «в области философии», но, поскольку философия не исчерпывает собой теории вообще, в дальнейшем следует усилить внимание и ко всем областям общественно-научного знания, к специальным общественным наукам.

Таким образом, в одной статье имело место игнорирование социальной тематики, в другой — противопоставление философии социальным проблемам как объекту только специальных наук. Такой подход тормозил разработку исторического материализма как теории, раскрывающей законы общественного развития в целом, во взаимосвязи его сторон. Попытки целостной характеристики общественного процесса, смены общественно-экономических формаций предпринимались в основном историками, прежде всего М. Н. Покровским, либо представителями так называемой генетической социологии, которые рассматривали ее как особую науку и ограничивались изучением досоциалистических формаций[31].

[28] Под знаменем марксизма, 1924, № 1, с. 15.

[29] Например, С. З. Каценбоген, характеризуя составные части марксизма, выделял в нем «научный коммунизм, или ленинизм» как научную теорию «социально-экономического и политического революционного преобразования современного капиталистического общества» (*Каценбоген С. З.* Марксизм и социология. Саратов, 1926, с. 24).

[30] *Деборин А.* К пятилетию журнала «Под знаменем марксизма».— Под знаменем марксизма, 1926, № 12, с. 8.

[31] П. Л. Кушнер писал, что задача его работы «Очерк развития общественных форм» состоит не в изложении теории исторического материализма, а в том, «чтобы, пользуясь методом исторического материализма как чем-то хорошо усвоенным, дать схему генетической социологии на фоне общего развития общества в докапиталистическую эпоху»

Односторонняя трактовка исторического материализма, выводившая исследование социальных проблем за рамки философии, порождала известную схоластизацию последней, уводя ее от теоретического осмысления практики социалистического строительства. XIII съезд РКП(б), рассматривая вопросы преподавания общественных наук, призвал «к борьбе со схоластицизмом, имеющим место в комвузах» и подчеркнул, что «преподавание общественных наук должно быть оживлено и связано с практическими задачами современности»[32]. Это требование партии имело прямое отношение не только к преподавательской деятельности, но и к исследовательской работе.

Недостатки в преподавании общественных наук и в исследовательской работе в области исторического материализма преодолевались в 20-х годах по мере того, как все более глубоко осваивалось ленинское философское наследие.

К анализу ленинского теоретического наследия обратились В. В. Адоратский, В. Астров, В. А. Быстрянский, В. И. Невский, Е. Б. Пашуканис, П. И. Стучка и другие советские философы. Выступая против попыток умалить роль В. И. Ленина как теоретика, показывая, что Ленин является «глубочайшим социальным теоретиком современности»[33], они освещали в своих работах значение ленинских идей для обществознания, для правильного решения проблем социалистического строительства.

В связи с обобщением практики социалистического строительства с конца 20-х годов начинает все более прочно утверждаться представление об историческом материализме как о целостной теории общественного развития, выступающей в качестве метода исследования социальных явлений. Исторический материализм «есть определенное социологическое учение, снабжающее историка правильным методом для исторических исследований»,— утверждал Н. И. Андреев[34]. Указывая на органическую связь методологической и мировоззренческой функций исторического материализма, С. А. Оранский писал: «Если исторический материализм служит методом для других наук, то в этом проявляется тот общий факт, что всякая абстрактная теоретическая наука, будучи в своей сфере самостоятельной теорией, дает в то же время известные познавательные принципы другим, более частным наукам, служит им в этом смысле методом»[35].

Трактовка предмета исторического материализма среди философов, рассматривавших его в качестве общей социологической теории, не была однозначной. Если, например, С. Ю. Семковский определял

(*Кушнер П.* Очерк развития общественных форм. М., 1924, с. 5). В сущности, из той же установки исходили О. В. Трахтенберг и А. И. Гуковский (см.: *Трахтенберг О. В., Гуковский А. И.* Фазы общественного развития. М., 1926) и Н. И. Андреев (см.: *Андреев Н. И.* История развития общественных форм. Л., 1926).

[32] КПСС в резолюциях и решениях..., 8-е изд., т. 3, с. 119—120.

[33] Под знаменем ленинизма, 1925, № 1/2, с. 34.

[34] *Андреев Н. И.* К вопросу о понимании закономерности в истории. Л., 1925, с. 69.

[35] *Оранский С. А.* Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1929, т. 1, с. 13.

эту теорию как «общее учение о человеческом обществе и законах его развития»[36], то у некоторых авторов можно было встретить в определении ее предмета указание на законы не только развития, но и функционирования общества, его структурной организации. Социологическая теория, писали, например, С. Фарфоровский и И. Кочергин, «является наукой, исследующей законы организации и развития общества»[37]. Противопоставление этих двух аспектов рассмотрения общества, выразившееся у К. М. Тахтарева, К. В. Первушина и у других авторов в делении социологии на две самостоятельные части — статическую и динамическую, было подвергнуто критике М. Н. Покровским[38]. В работах М. Н. Покровского, В. А. Быстрянского, В. И. Невского и других марксистских авторов разоблачались попытки буржуазных социологов отрицать объективный характер исторической закономерности и с позиций индетерминизма описывать социальную жизнь.

Философы, рассматривавшие общие социологические законы в качестве предмета исторического материализма, вместе с тем отмечали, что в его задачу входит исследование общества как целостного социального организма. При этом они решительно выступали против механистической трактовки связей между сторонами этого социального целого и плюралистических представлений о нем, распространявшихся сторонниками теории факторов. Исторический материализм, писал О. Трахтенберг, является «строго монистической теорией, отмежевывающейся от всяких эклектических попыток, хотя и признающих порою тезис „бытие определяет сознание", но ищущих объяснение этого сознания в безысходном клубке всевозможных „взаимодействующих факторов" — природных, расовых, политических, экономических, правовых и т. д.»[39]. Нельзя понять исторический процесс, утверждал С. Семковский, если рассматривать его как механическое взаимодействие различных независимых друг от друга «факторов», не замечая определяющей роли экономики в этом процессе[40].

Стремление с диалектико-материалистических позиций рассмотреть содержание и взаимосвязь различных сторон социального целого отчетливо выразилось в учебных пособиях, систематизирующих проблемы исторического материализма. В 1924 г. вышло 1-е издание «Курса теории исторического материализма» И. П. Разумовского — учебника, который сыграл существенную роль в преодолении механистического извращения исторического материализма. В 1925 г.

[36] *Семковский С. Ю.* Конспект лекций по историческому материализму. Харьков, 1925, с. 31.

[37] *Фарфоровский С., Кочергин И.* Социология. Казань, 1920, с. 24.

[38] См.: *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923.

[39] *Трахтенберг О.* Беседы с учителем по диалектическому материализму. М., 1922, с. 250.

[40] См.: *Семковский С.* Конспект лекций по историческому материализму, с. 45.

появилась составленная В. В. Адоратским хрестоматия по историческому материализму, в которой систематизировались выдержки из произведений В. И. Ленина. Были изданы «Очерки по историческому материализму» М. Б. Вольфсона и Г. М. Гака, «Очерки исторического материализма» Б. И. Горева, «Исторический материализм» Н. Перлина, «Азбука исторического материализма» А. Раевского и ряд других работ.

В последующие годы число философов, специализирующихся на разработке систематического курса исторического материализма, увеличивается. Печатаются книги А. Ф. Вишневского, Л. Я. Зивельчинской, И. Ф. Куразова, С. А. Оранского, В. К. Сережникова, Л. Ф. Спокойного, Б. А. Фингерта и М. Ширвиндта и др. Полемика между авторами этих работ и их критическая оценка в периодической партийной печати способствовали постепенному преодолению элементов механицизма и схоластики в освещении проблем исторического материализма.

Философская дискуссия конца 20-х — начала 30-х годов выдвинула на одно из первых мест вопрос о дальнейшей разработке исторического материализма. Центральный Комитет партии, подводя итоги дискуссии в постановлении «О журнале „Под знаменем марксизма“», указал на необходимость «разрабатывать теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции»[41].

В 30-х годах расширился круг философов, изучающих актуальные проблемы общественной жизни. В разработку теории исторического материализма активно включились новые философские кадры, в частности молодые ученые из числа преподавателей и слушателей Института красной профессуры — М. Д. Каммари, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин, П. Ф. Юдин и др. Складывалась традиция подготовки обобщающих трудов по теории исторического материализма: в 1931 г. выходят учебник, подготовленный коллективом авторов Института красной профессуры, и коллективная работа «Очерки исторического материализма. Учебное пособие для совпартшкол и рабфаков», в 1932 г.— «Исторический материализм» под редакцией М. Митина и И. Разумовского и др.

В этих трудах и в ряде монографий[42] подчеркивалось значение того нового, что внес в развитие исторического материализма В. И. Ленин, освещались ленинская трактовка категорий исторического материализма, ленинский подход к выявлению специфики действия общесоциологических законов в условиях становления и развития коммунистической формации, к анализу положения и взаимоотношений классов, политической организации общества и других сторон общественной жизни.

[41] О партийной и советской печати. М., 1954, с. 407.

[42] См.: например: *Горохов Ф. А.* Ленин и исторический материализм. М., 1934.

Изучение наследия классиков марксизма-ленинизма, теоретическое осмысление новой исторической практики, поиски и дискуссии позволили советским философам выразить предмет исторического материализма в системе законов и категорий, отражающих важнейшие стороны процесса общественного развития в их взаимосвязи. В рамках теории исторического материализма охватывался все более широкий круг проблем. Уже в начале 20-х годов в него включались: обоснование объективного характера законов общественного развития как естественноисторического процесса; определение общественной формации и анализ взаимосвязей ее базиса и надстройки; определение способа производства и взаимосвязи производительных сил и производственных отношений; учение о классах, классовой борьбе и социальных революциях; учение о сущности и роли государства; анализ определяющей роли общественного бытия в развитии общественного сознания, а также форм и функций последнего; проблема роли масс и личности в общественном процессе. Стремление охватить все эти проблемы обнаруживается, например, в структуре книги Б. Горева «Очерки исторического материализма». Правда, выделение основных проблем в специальные разделы или главы здесь еще не проведено достаточно полно (нет, например, главы о социальной революции).

В работах, изданных в конце 20-х годов, структура изложения становится более четкой, все более значительное место отводится специфике проявления общих законов общественного развития в условиях строительства социализма. Например, М. Вольфсон и Г. Гак в учебнике по историческому материализму, изданном в 1929 г., посвятили специальные параграфы анализу состояния производительных сил в СССР и отличия социалистических производственных отношений от капиталистических, характеристике классов советского общества и классовой борьбы в СССР, Советского государства как формы диктатуры пролетариата, руководящей роли пролетарской партии в системе диктатуры пролетариата, роли науки и научной идеологии в социалистическом строительстве [43].

Связь с актуальными задачами социалистического строительства становится еще ощутимее в учебниках по историческому материализму, которые выходят в свет в 30-х годах, после философской дискуссии. В этих учебниках рассматриваются следующие темы: марксизм-ленинизм как мировоззрение пролетариата; материализм и идеализм; диалектический материализм; исторический материализм как наука; производительные силы и производственные отношения; общественно-экономическая формация; классы и классовая борьба; учение о государстве и диктатуре пролетариата; общественное сознание пролетариата; общественное сознание и культурная революция; воинствующий атеизм и религия; теория революции (диалектика общественного развития в целом); борьба на два фронта в фило-

[43] См.: *Вольфсон М. Б., Гак Г. М.* Очерки исторического материализма. М.: Л., 1929.

софии и политике. Освещение каждой из тем, посвященных той или иной стороне общественного процесса, содержит не только анализ того общего, что присуще разным формациям, но и развернутую характеристику специфики проявления этого общего в условиях строительства социализма. Большое место в учебниках занимает критический разбор попыток оппортунистов извратить марксистско-ленинскую теорию и ошибок в трактовке ряда теоретических положений, допущенных философами-марксистами.

Актуализация изложения теории исторического материализма в работах, появившихся после философской дискуссии, сыграла положительную роль, ибо позволила углубить и конкретизировать ее содержание. Однако при этом в предмет исторического материализма оказалась включенной значительная часть проблематики научного коммунизма, что в известной мере тормозило разработку последнего как особой научной дисциплины, представляющей собой относительно самостоятельную часть марксистско-ленинского учения. Чрезмерное расширение предмета исторического материализма было связано с нечетким определеним специфики рассмотрения в его аспекте актуальных проблем общественной жизни и сопровождалось ослаблением внимания к его методологической функции.

2

Проблемы общественно-экономических формаций

Для подавляющего большинства работ 20—30-х годов по историческому материализму общим было рассмотрение категории общественно-экономической формации как исходного понятия, характеризующего сущность социального организма в целом на определенном историческом этапе его развития. Растущее внимание к этой категории определялось стремлением целостно представить процесс социалистических преобразований в органическом единстве его сторон, теоретически осмыслить и обосновать объективную необходимость укрепления этого единства в практике строительства нового общества. Актуальность этой задачи усиливалась в связи с попытками рассматривать стороны общественной жизни изолированно друг от друга, например, отрывать экономику от политики. Марксистско-ленинскую трактовку этой важнейшей категории приходилось отстаивать и развивать в борьбе с ее извращениями. Основным направлением здесь было разоблачение механистических концепций, в частности бухаринской схемы, в которой понятие формации, утратив свое конкретно-историческое содержание, превращалось в термин для обозначения некоей абстрактной социальной системы, представляющей собой агрегат внешне связанных между собой элементов, не способный к саморазвитию и функционирующий подобно машине.

На несостоятельность этой схемы указали еще первые критики Бухарина. С. Гоникман в свое время показал, что теория равновесия несовместима с диалектическим пониманием развития. Однако он

ограничился общеметодологическими замечаниями, не касаясь содержания социальных процессов. В. Н. Сарабьянов конкретнее подошел к анализу бухаринской схемы, показав, что она стирает различия между качественными особенностями, специфическими законами разных формаций, недооценивает значение противоречий, движущих общественное развитие, и ведет к фатализму, сводя на нет роль субъективных факторов в этом развитии. Но значение этого критического анализа снижалось вследствие того, что у самого Сарабьянова имелись элементы механицизма, выразившиеся, в частности, в отрицании роли надстройки в переходе общества от одной формации к другой.

В последующие годы многие авторы возвращались к критическому разбору бухаринской концепции. С. Ф. Васильев, например, писал, что эта концепция, подменяя изучение специфики определенных формаций рассуждениями об обществе вообще, «толкает к забвению конкретных социальных явлений и отодвигает на задний план историческую смену специфических форм общества»[44]. В работе С. Васильева, в «Очерках исторического материализма», вышедших в Ленинграде в 1931 г., в книге «Исторический материализм» под редакцией М. Митина и И. Разумовского и в других работах подчеркивалось, что понятие формации и марксистский историзм исчезают в бухаринской схеме, игнорирующей качественное своеобразие отдельных общественных форм.

В разработке учения о формации существенное значение имело определение ее сторон — базиса и надстройки, их взаимосвязи. Подчеркивая методологическое значение понимания общества как совокупности общественных отношений, советские философы рассматривали базис как материальную сторону этой совокупности. Но при характеристике этой стороны подчас стиралось различие между материальными и идеологическими отношениями, на которое указывал В. И. Ленин. Например, П. Стучка писал, что в положении о базисе и надстройке «Маркс имел перед глазами просто образное выражение своих философских слов о бытии и сознании» и что поэтому не только экономические, но и правовые отношения «относятся к базису, а их абстрактная форма (закон, идеология и т. д.) — к надстройке»[45].

Такое представление было порождено стремлением преодолеть несостоятельность нормативистских концепций, в которых право и политика сводились лишь к феноменам общественного сознания — идеям, нормативным предписаниям. В борьбе против этих концепций важно было показать, что политические, правовые, моральные идеи и нормы реализуются в общественных отношениях. Именно это имели в виду И. Луппол, И. Разумовский, Е. Б. Пашуканис, харак-

[44] *Васильев С. Ф.* Исторический материализм в освещении Н. И. Бухарина. Баку, 1930, с. 27.

[45] *Стучка П.* Материалистические или идеалистические понимания права? — Под знаменем марксизма, 1923, № 1, с. 178.

теризуя политические и правовые отношения как объективные. И. П. Разумовский, например, критикуя М. А. Рейснера за нормативизм, отмечал, что у последнего исчезает связь «правовой идеологии с объективными правовыми отношениями»[46].

Большинство советских философов рассматривали базис как совокупность не всех общественных, а только производственных отношений. При этом многие авторы (А. Ф. Вишневский, С. С. Кривцов, О. В. Трахтенберг, А. Тюменев и др.) включали в базис и производительные силы, стремясь подчеркнуть органическую связь последних с производственными отношениями. «Производительные силы,— писал О. Трахтенберг,— совместно с определяемой ими совокупностью общественных производственных отношений образуют экономическое основание, или базис общественного строения»[47]. Однако в некоторых работах констатация связи производственных отношений с производительными силами не сопровождалась включением последних в базис. А. Раевский, например, определял его как «производственные отношения, соответствующие уровню развития производительных сил»[48].

Подчеркивая, что политика и право выражаются не в одних лишь идеях, но также в реальных общественных отношениях и таких социальных институтах, как аппарат государственной власти, И. Разумовский, Б. Пашуканис и другие решительно выступили против сведения надстройки к формам общественного сознания, против ее психологизации, характерной для представителей нормативизма.

В учебниках по историческому материализму при характеристике надстройки нередко выделялись ее идеологические стороны и их «опредмечивание» в учреждениях. А. Ф. Вишневский, например, предлагал различать «субъективные» надстройки (наука, философия, нравственность и т. д.) и «объективные» (государство и др.)[49]. Эта же мысль выражена и в «Очерках исторического материализма» М. Б. Вольфсона и Г. М. Гака, которые различали два основных вида надстроек — социально-политические (государство, партии и др.) и идеологические (формы общественного сознания)[50].

Борьба против троцкистов, считавших, что обеспечение индустриализации страны может быть достигнуто административным нажимом на трудящихся, а не путем развития социалистических производственных отношений, а также борьба против правых оппортунистов с их ориентацией на самотек, на стихийное развитие экономики требовали преодоления теоретических ошибок в трактовке взаимосвязи базиса и надстройки. В работах многих советских философов

[46] *Разумовский И.* Философская ревизия и вопросы права.— Под знаменем марксизма, 1926, № 7/8, с. 13.

[47] *Трахтенберг О.* Беседы с учителем по диалектическому материализму, с. 167.

[48] *Раевский А.* Азбука исторического материализма. Москва; Ростов н/Д, 1925, с. 38.

[49] См.: *Вишневский А. Ф.* Исторический материализм. М., 1927, с. 122.

[50] См.: *Вольфсон М. Б., Гак Г. М.* Очерки исторического материализма. М., 1931, с. 117.

подвергался критике субъективизм, выражавшийся в игнорировании или недооценке определяющей роли базиса. Вместе с тем большинство философов, подчеркивая объективный характер экономического развития, выступали против фаталистических представлений об этом развитии, не учитывающих активную роль надстройки. «Надстройка,— писал Н. Карев,— в свою очередь способствует развитию о п р е д е л е н н о г о, ее породившего и обусловившего, типа производственных отношений...»[51] А. Вишневский, критикуя тезис В. Сарабьянова о том, что надстройка влияет на базис лишь количественно, не меняя его качества, отмечал, что этот тезис «неверен и политически вреден, ибо ведет к фаталистическому взгляду на условия пролетарской революции, к выводу, что политическая борьба пролетариата может лишь количественно изменить капиталистические отношения»[52]. Еще более настойчиво мысль об активной роли надстройки отстаивалась в работах 30-х годов.

Актуализация освещения проблем исторического материализма в конце 20-х годов выдвинула задачу конкретной характеристики развития общества как процесса перехода от одних общественно-экономических формаций к другим. Это требование приобрело особое значение в связи с необходимостью конкретизировать понимание сущности новой, коммунистической формации, становление которой началось в нашей стране с победой Октября, с необходимостью выработать правильную политику по отношению к укладам, представлявшим собой остатки досоциалистических формаций, определить пути включения в социалистическое строительство тех народов страны, которые задержались на докапиталистических стадиях развития.

Проблемы, связанные с характеристикой формаций и периодизацией исторического процесса, рассматривались отчасти в рамках «генетической социологии» и в еще большей степени в работах историков. Различие позиций, на которых стояли авторы этих работ, нашло свое отражение и в учебниках по историческому материализму. Принципиально важно было критически проанализировать эти различные точки зрения и выработать критерии, позволяющие уточнить представления о формациях. Эта задача решалась в ходе острых дискуссий, которые развернулись в 1928—1933 гг. в Коммунистической академии, Институте красной профессуры и в других научных учреждениях, а также на страницах журналов и книг.

Одним из важных итогов этих дискуссий явилось преодоление элементов теории цикличности, которая вела к неправомерному расширению исторических рамок существования капитализма. Б. Горев, например, утверждал, что капитализм в зародыше существовал во всех древних государствах, а в Древнем Риме даже функционировали акционерные капиталистические компании[53]. О. Трахтенберг и

[51] Под знаменем марксизма, 1927, № 10/11, с. 93.
[52] *Вишневский А. Ф.* Исторический материализм, с. 123—124.
[53] См.: *Горев Б.* Очерки исторического материализма. Харьков, 1925, с. 211.

А. Гуковский считали, что культурные народы древности проходили в своем развитии те же фазы, что и современные народы, и закончили его эпохой торгового капитализма[54].

Отождествление капитализма с простым товарным хозяйством было теоретической ошибкой, тем более недопустимой потому, что ее пытались использовать троцкисты с целью стереть различия между середняком и кулаком. Отрицая возможность привлечения трудового крестьянства к социалистическому строительству, троцкисты отвергали реальность ленинского кооперативного плана. Критика проявлений теории цикличности не только способствовала разоблачению троцкистских установок, но и имела важное значение в борьбе против правых оппортунистов, которые, по существу, смыкались с буржуазными идеологами, пытавшимися доказать вечность капитализма.

В дискуссии об общественно-экономических формациях значительное место заняло обсуждение проблем, касающихся ранних этапов развития человечества, доклассового общества.

Некоторые философы и историки при этом сводили все формы собственности только к частной собственности и отрицали применимость учения о формациях к характеристике доклассового общества. Так, Г. С. Зайдель утверждал, что понятие «способ производства» применимо только к классовому обществу[55]. Получили распространение взгляды, согласно которым производственные отношения (отношения собственности) не существовали в доклассовом обществе и исчезнут с переходом к коммунизму[56]. Историки, разделявшие эти взгляды, например С. И. Ковалев, полагали, что доклассовое общество представляло собой аморфный конгломерат социальных ячеек и что распространение понятия формации на это общество может привести к переоценке его социальной дифференциации.

Против таких идей выступали ученые, считавшие, что нельзя сужать понятие формации, применяя его только к классовому обществу. Некоторые из них утверждали, что в доклассовом обществе существовало несколько формаций[57]. Иную точку зрения, согласно которой доклассовое общество рассматривалось как одна формация, отстаивал С. М. Быковский и др. А. Г. Пригожин, например, считал, что доклассовое общество представляло собой архаическую формацию, прошедшую в своем развитии разные стадии: дородового общества, или первобытного стада, родового общества, или первобытной коммуны, и сельской общины[58].

[54] См.: *Трахтенберг О. В., Гуковский А. И.* Фазы общественного развития, с. 4.

[55] См.: Спорные вопросы методологии истории. М., 1930.

[56] См.: *Зивельчинская Л. Я.* Исторический материализм. М., 1929; *Куразов Н. Ф.* Исторический материализм. М.; Л., 1929; *Тымянский Г. С.* Введение в теорию диалектического материализма. М.; Л., 1931.

[57] Это положение выдвигалось, например, в работах А. Я. Брюсова, В. К. Никольского, П. Л. Кушнера.

[58] См.: *Пригожин А. Г.* Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. М.; Л., 1933.

Рассмотрение доклассового общества как определенной формации требовало выявления внутренних противоречий ее развития. Отвергнув мнение тех, кто отрицал наличие этих противоречий (в частности, мнение Г. Тымянского), большинство участников дискуссий не согласились и со взглядами М. П. Жакова и некоторых других исследователей, гипертрофировавших значение биологических факторов в развитии доклассового общества и подменявших производственные отношения отношениями родства. Учеными, искавшими это противоречие внутри способа производства, предпринимались различные попытки его конкретизации. А. М. Золотарев усматривал противоречие между низким уровнем производительных сил и коллективными формами производства. По мнению А. Пригожина, основным в доклассовом обществе было противоречие между первобытно-коммунистическими производственными отношениями и отрывом труда от собственности, на основе которого шел процесс развития производительных сил. В. И. Равдоникас считал, что основным является противоречие между первобытно-коммунистическими производственными отношениями и разделением труда как формой развития производительных сил.

Обсуждение проблем доклассового общества имело существенное значение и для развития теории исторического материализма, и для анализа исторических судеб национальных меньшинств, проживавших на территории нашей страны. Еще более важную роль (и в теоретическом и в актуально-политическом отношении) сыграли дискуссии, объектом которых стали антагонистические формации.

Марксистской периодизации развития антагонистического общества, выделяющей в качестве основных исторических фаз три формации — рабовладельческую, феодальную и капиталистическую, противополагались взгляды ряда историков и философов. Так, в работах, посвященных античному обществу, нередко игнорировалась его рабовладельческая сущность[59]. С. Ковалев, например, характеризовал историю Древней Греции как эпоху расцвета и надения феодализма, А. Тюменев — как эпоху торгового капитализма. Рабовладельческая формация не нашла отражения и в периодизации исторического процесса, предложенной в некоторых учебных пособиях по историческому материализму, например в «Азбуке исторического материализма» А. Раевского, в «Истории развития общественных форм» (Л., 1926) Н. Андреева и др.

Большинство участников дискуссий не согласились с предложением считать особой формацией «азиатский способ производства». Периодизацию исторического процесса, согласно которой азиатский способ производства рассматривался как особая формация, можно было встретить в некоторых учебных пособиях по историческому

[59] См.: *Ковалев С. И.* Курс всеобщей истории. М., 1923—1925. Т. 1, 2; *Рейснер М. А.* История политических учений. М.; Л., 1929; *Сергеев В.* Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938; *Сережников В.* Очерки по истории философии. М.; Л., 1929; и др.

материализму [60]. В дискуссиях, развернувшихся на рубеже 30-х годов, защитники тезиса об особой азиатской формации были подвергнуты основательной критике в статьях А. Пригожина и Е. Иолка, опубликованных в журнале «Под знаменем марксизма».

Дискуссии по проблемам общественно-экономических формаций помогли конкретнее раскрыть закономерности национально-освободительного движения, яснее увидеть перспективу некапиталистического развития исторически отставших стран и народов, четче определить пути реализации этой возможности в условиях диктатуры пролетариата. Вместе с тем развернувшаяся в ходе дискуссий критика отступлений от марксистско-ленинской методологии и уточнение представлений об отдельных этапах исторического развития подготавливали более цельное и всестороннее теоретическое рассмотрение категории «общественно-экономическая формация». В наиболее значительных из работ по историческому материализму, вышедших в начале 30-х годов, ей посвящаются специальные главы [61]. В них подчеркивается, что категория общественно-экономической формации, развитая В. И. Лениным, дает возможность охватить в целом логику и закономерности исторического процесса, что эта категория включает в свое содержание не только материальную основу общества на определенной ступени его развития — способ производства, но и «внутреннее, конкретное единство всех сторон общественной жизни, образующих данный живой социально-производственный организм» [62].

Изучению ленинских идей, явившихся теоретической основой плана социалистического строительства и практики общественных преобразований, которые осуществлялись в стране в период перехода к социализму, уделялось особое внимание авторами работ по историческому материализму, выходивших в конце 20-х и в 30-х годах. В этих работах рассматриваются основные признаки социализма, прогнозируются изменения, которые в результате его полной победы произойдут в экономике, в социальной структуре и политической организации общества. Появляются исследования, специально посвященные характеристике общих черт и особенностей двух фаз развития коммунистической формации, закономерностей перехода от социализма к коммунизму [63].

[60] См.: *Раевский А.* Азбука исторического материализма; *Фингерт Б., Ширвиндт М.* Краткий учебник исторического материализма. М.; Л., 1928; *Гоникман С.* Исторический материализм. М.; Л., 1931.

[61] См.: Диалектический и исторический материализм/Под ред. М. Б. Митина и И. П. Разумовского. М., 1932.

[62] Исторический материализм/Под ред. М. Б. Митина, И. П. Разумовского, с. 56.

[63] См.: *Кузнецов А.* Социализм и коммунизм. М.; Л., 1929; См. также статьи А. Стецкого, А. Леонтьева, П. Юдина, вошедшие в сборник «Социализм и коммунизм» (М., 1936),

3

Проблема способа производства и диалектики производительных сил и производственных отношений

Для характеристики общественно-экономической формации важнейшее значение имеет правильное понимание ее основы — способа производства. Естественно, что вопросы, связанные с трактовкой его сторон — производительных сил и производственных отношений, с выяснением их взаимосвязи, занимали одно из центральных мест в работах по историческому материализму. Внимание к этим вопросам определялось их значением для теоретического обоснования экономической политики партии. Ее разработка требовала правильного определения всех компонентов системы производительных сил, роли каждого из них в этой системе, факторов ее развития, связанных с новыми производственными отношениями, основанными на общественной собственности. В центре дискуссий по этим проблемам находилась критика взглядов, прямо или косвенно оправдывавших антипартийные позиции оппортунистов.

Одна из характерных черт оппортунистической ревизии исторического материализма состояла в игнорировании диалектического единства производительных сил и производственных отношений. Правые оппортунисты взяли на вооружение каутскианскую концепцию способа производства, в которой развитие производительных сил рассматривалось как автоматический процесс, протекающий стихийно и независимо от социально-экономических отношений и политической надстройки. Опираясь на эту концепцию, Бухарин выхолащивал социально-экономическое, классовое содержание производственных отношений, растворял их в производительных силах, отождествлял с техническими отношениями производства. «Под производственными отношениями,— писал он,— я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как „живые машины“) в пространстве и времени»[64]. Это вело к стиранию качественных различий между капиталистическими и социалистическими способами производства, оправдывало установку на развитие производительных сил «вообще», независимо от того, по какому пути оно осуществляется — по социалистическому или же по капиталистическому. Бухаринская концепция толкала рабочий класс и его партию к отказу от руководства хозяйственным строительством, от подавления капиталистических элементов.

Реакционный характер носили и взгляды оппозиционеров, прикрывавшихся «левой» фразой. Троцкисты рассматривали развитие производительных сил как процесс, которым можно командовать по произволу, не считаясь с реальными возможностями, обусловленными состоянием производственных отношений. Они считали возможными нарушения правильного обмена трудовой деятельностью между промышленностью и сельским хозяйством, что вело к авантюристиче-

[64] Вестн. Соц. акад., 1923, № 3, с. 9.

ским установкам в процессе индустриализации, к идее выкачивания средств из сельского хозяйства, обрекающего его на развал, к идее снижения жизненного уровня трудящихся — главной производительной силы общества.

Борьба против взглядов, на которые опирались правые и «левые» оппортунисты, требовала разработки понятий, позволяющих четко различать технико-экономическую и социально-экономическую стороны способа производства. Одним из вариантов решения этой проблемы явилось выявление в совокупности производственных отношений двух принципиально разных «слоев» — технических отношений (или по терминологии А. Тюменева «непосредственных технически-трудовых», по терминологии И. Разумовского «организационно-технических») и имущественных, социально-экономических отношений, отношений собственности. В свое время такое деление производственных отношений предложил Г. В. Плеханов в полемике с П. Б. Струве. Он считал, что технические отношения определяются техникой и всегда соответствуют производительным силам, а имущественные отношения на определенной ступени развития производства вступают в конфликт с производительными силами. Этот взгляд получил широкое распространение в работах конца 20-х — начала 30-х годов. «Надо различать два вида производственных отношений,— писали, например, Б. Фингерт и М. Ширвиндт,— 1) технические, связывающие людей в процессе их совместной работы, и 2) имущественные, вытекающие из частной собственности на средства производства»[65].

Наряду с такой трактовкой производственных отношений была и другая, согласно которой в это понятие включались только социально-экономические отношения, а технические связи рассматривались в качестве элемента производительных сил. Эта точка зрения, выдвинутая А. Вишневским в его «Историческом материализме», встретила возражения со стороны Ф. Горохова, рецензировавшего его книгу[66]. Но ее поддержали ряд философов. В частности, Л. Зивельчинская писала: «Не надо смешивать трудовые отношения с производственными. Первые возникают в процессе технического разделения труда, какое существует в бесклассовом обществе примитивной общины и в социалистическом строе. Вторые возникают в процессе общественного разделения труда, которое рождается и исчезает одновременно с частной собственностью на средства производства. Следовательно, производственные отношения суть классовые отношения»[67].

Характерно, что сторонники обеих точек зрения связывали социально-экономические отношения только с частной собственностью, полагая, что их не было до ее появления и они исчезнут с ее ликвидацией. Это представление, по существу отрицавшее применимость понятий «собственность» и «отношения собственности» к бесклассо-

[65] *Фингерт Б., Ширвиндт М.* Краткий учебник исторического материализма, с. 98.
[66] См.: Большевик, 1927, № 7/8.
[67] *Зивельчинская Л. Я.* Исторический материализм, с. 20.

вому обществу, вытекало из стремления подчеркнуть непосредственную связь социально-экономической стороны производства с делением общества на классы.

Для разоблачения теоретических основ оппортунизма необходимо было не только отличать технико-экономическую сторону производства от социально-экономической, но и видеть их диалектическое единство, не отрывать одну от другой. «Чрезмерное разграничение технической организации и общественных форм (с одной и той же техникой часто соединяются различные виды общественного труда), этих двух сторон единого процесса производства, прекрасно согласуется с теорией мирного врастания в социализм»,— отмечали Е. Пашуканис и И. Разумовский[68]. «Мы должны избегать двух крайностей,— писал А. П. Гагарин.— Одна — это подмена, сведение и отождествление производственных отношений с производительными силами, а последних с техникой (механистическая методология). Другая крайность — это идеалистический отрыв производственных отношений (формы) от производительных сил (содержания), что ведет к устранению объективно-неизбежной революционной ломки производственных отношений капитализма (такова ошибка, например, Рубина)»[69].

Стремление подчеркнуть единство технико-экономической и социально-экономической сторон производства выразилось у некоторых авторов в отказе от категорического отнесения этих сторон к содержанию разных понятий. «Технико-трудовые отношения,— писал, например, И. Ф. Куразов,— входят как сторона в состав производительных сил. Но как отношения они входят и в состав производственных отношений»[70]. Этот взгляд разделял и С. Оранский, считавший, что плехановское деление производственных отношений нужно принимать с поправкой, подчеркивающей органическую связь этих отношений с производительными силами[71].

Попытки адекватно отразить в понятиях исторического материализма различие и взаимосвязь сторон способа производства диктовались необходимостью правильно определить их значимость. Игнорирование некоторыми авторами активной роли социально-экономических отношений выражалось в представлениях о том, что они не могут служить движущей силой развития производительных сил, причины которого надо искать либо в этих последних, либо вне производства — в географической среде, в росте народонаселения, в усложнении потребностей людей и т. п. Отстаивая тезис об имманентном развитии производительных сил, И. Куразов утверждал, что «производственные отношения как форма консервативны по своей

[68] *Пашуканис Е. Б., Разумовский И. П.* Новейшие откровения Карла Каутского. М., 1929, с. 33.

[69] *Гагарин А.* Общественная закономерность и относительная случайность. М.; Л., 1931, с. 105.

[70] *Куразов И. Ф.* Исторический материализм. М.; Л., 1929, с. 95.

[71] См.: *Оранский С. А.* Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1931, с. 207.

природе и активность их выражается лишь в том, что они могут надолго затормозить развитие производительных сил и даже привести общество к гибели»[72]. С. Гоникман рассматривал производственные отношения как «пассивное следствие» развития производительных сил[73].

Подобные утверждения опровергались авторами, которые в комплексе причин изменения производительных сил отводили место как их саморазвитию, так и влиянию производственных отношений. Н. Карев, например, писал: «Диалектика взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями такова, что движение содержания, обусловив появление определенной формы, совершается затем в пределах этой формы и под ее влиянием... Это не значит, что производительные силы не имеют никакой собственной логики развития. Они не только полагают определенную общественную форму, но и на известной ступени развития необходимо перерастают ее»[74]. В трудах по историческому материализму, вышедших после философской дискуссии, подчеркивалось значение производственных отношений как активной стороны способа производства, развивалось положение о том, что производственные отношения обусловливают развитие производительных сил, если соответствуют им, и становятся тормозом этого развития, когда перестают им соответствовать.

В развитии представлений о производительных силах общества важное место занимал вопрос о единстве их вещных и личностных элементов. Игнорирование личностных элементов производительных сил, сведение их содержания к технике были характерны для Бухарина и других механицистов. «Техника и производительные силы,— писал, например, Ю. К. Милонов,— это два разных названия одной и той же вещи»[75]. Выступая против таких взглядов, многие советские философы подчеркивали значение трудящихся как главной производительной силы. Так, критикуя Гортера за то, что он ставил знак равенства между производительными силами и орудиями труда, техникой, Я. Э. Стэн писал: «Производительной силой орудия труда и не только орудия труда, но и в широком смысле слова средства производства могут быть только в диалектическом единстве с рабочей силой»[76]. В. Адоратский отмечал, что «материальные производительные силы — это не только механические двигатели, но и сам человек со своей нервной и мускульной энергией, поскольку он участвует в процессе производства»[77]. Материальность производи-

[72] *Куразов И. Ф.* Исторический материализм, с. 99.

[73] См.: *Гоникман С.* Теория классов и классовой борьбы в капиталистическом обществе.— Под знаменем марксизма, 1930, № 2/3, с. 21.

[74] *Карев Н.* К вопросу о предмете политической экономии.— Под знаменем марксизма, 1929, № 5, с. 46.

[75] *Милонов Ю.* Революция в технике. М., 1922, с. 3.

[76] *Стэн Я.* Об ошибках Гортера и тов. Степанова.— Большевик, 1924, № 11, с. 88.

[77] *Адоратский В.* Научный коммунизм Карла Маркса. М., 1923, с. 95—96.

тельных сил, утверждал В. Адоратский, не исключает того, что в их состав человек входит со всеми его чувствами, реализуемыми в процессе производства, а следовательно, и с его психикой, способностью мыслить, научными знаниями [78].

В работах ряда авторов отмечалось, что наука выступает в качестве непосредственной производительной силы лишь в той мере, в какой она воплощается в факторах производства. Наука является производительной силой не как «умственная система сама по себе,— писал С. Ю. Семковский,— а как материализованная в производстве сила» [79]. Э. Эссен считал, что, прежде чем проявить себя в производстве в качестве действительной движущей силы, наука выступает лишь как потенциальная производительная сила подобно силам природы [80].

В полемике о составе производительных сил затрагивался и вопрос о том, относить ли к их вещным элементам предметы труда. Ф. Горохов критиковал А. Вишневского за то, что последний исключает предметы труда из состава производительных сил, и напоминал, что «Маркс под производительными силами понимает факторы, действующие в процессе общественного производства: средства производства, состоящие из орудий труда и материала труда, и рабочую силу во всех ее свойствах, поскольку она есть фактор процесса труда» [81]. Этот взгляд на состав производительных сил разделяли многие авторы.

В отдельных работах ставился вопрос о том, что производительные силы следует рассматривать не как сумму всех этих элементов, а как систему связей между ними, воплощенную в технической организации производственного процесса. Эта мысль высказывалась Л. Спокойным, С. Оранским. Сами же технические отношения между работниками рассматривались в качестве элемента производительных сил (А. Вишневский, Л. Зивельчинская и др.).

Наряду с анализом состава производительных сил рассматривались и их функциональные характеристики. Так, А. Ефимов утверждал, что производительные силы следует рассматривать не как реальную совокупность средств производства и рабочих сил, а как функциональную категорию — теоретическую абстракцию, характеризующую одну из сторон реальных условий существования производства [82]. Уточняя в ходе дискуссии 1927—1929 гг. свои взгляды, А. Ефимов пришел к следующему определению: «Производительные силы общества — это производственный аппарат (людской и вещный, взятый в действии), рассматриваемый как производительная возмож-

[78] *Адоратский В.* Научный коммунизм Карла Маркса. М., 1923, с. 95—96.

[79] *Семковский С.* Конспект лекций по историческому материализму, с. 37.

[80] *Эссен Э.* Введение в изучение марксизма. Вып. 1. Естествознание и обществоведение. Л., 1924, с. 132.

[81] Большевик, 1927, № 7/8, с. 139.

[82] См.: *Ефимов А.* Производительные силы.— Вестн. Ком. акад., 1927, № 13, с. 125—126.

ность, способность общества»[83]. К факторам, определяющим эту способность и входящим в содержание производительных сил, А. Ефимов относил уровень развития науки и техники, размеры и качество средств производства, квалификацию рабочей силы, степень кооперации труда и общественной организованности производственного процесса.

Попытку преодолеть противопоставление функциональной трактовки производительных сил их вещной, субстанциональной трактовке предпринял А. Л. Бернштейн. Критикуя А. Ефимова за односторонний подход к производительным силам, он подчеркивал, что исторический материализм «исходит из производительных сил как единства вещи и ее общественной функции»[84].

4
Проблемы социальной структуры общества

Сложность классовых отношений в стране в переходный период от капитализма к социализму обусловила особое внимание советских философов к проблемам, связанным с пониманием сущности классов и других социальных групп, с анализом их взаимоотношений и исторических судеб.

Разработка этих вопросов требовала разоблачения несостоятельности антимарксистских концепций, прежде всего идеологов оппортунизма, искавших причины возникновения классов в формах распределения доходов или в разделении труда на исполнительский и организаторский. Распределительная теория классообразования, которую отстаивали Э. Бернштейн, М. Туган-Барановский, В. Чернов, служила обоснованием реформистских представлений о том, что противоречия классовых интересов можно якобы разрешить в рамках капитализма, без революционной замены частнокапиталистической собственности на средства производства общественной, социалистической собственностью. Игнорирование необходимости коренных изменений в формах собственности на средства производства сближало с распределительной теорией классообразования концепцию, которую выдвинул А. А. Богданов. Он утверждал, что разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых было вызвано не возникновением частной собственности на средства производства, а появлением слоя организаторов, выделившегося в результате функционального разделения труда. Процесс классообразования А. Богданов изображал следующим образом: на почве различий в функциональном содержании деятельности организаторов и организуемых росло взаимное непонимание людей, относящихся к этим группам, у них складывались противоположные психологии, которые

[83] Вестн. Ком. акад., 1927, № 22, с. 149.
[84] Там же, № 21, с. 216.

«сгустились», превратившись в противоположные идеологии, разделившие общество на классы.

Эту концепцию принял Бухарин. В своей «Теории исторического материализма» он вслед за А. Богдановым представил в качестве основы образования классов техническое, функциональное разделение средств производства и работников. Отсюда вытекала техницистская трактовка классообразующих признаков, отбрасывавшая главный из них — отношение к средствам производства. Такая трактовка вела к тому, что из содержания категории «класс» выхолащивалось самое существенное и она отождествлялась с такими понятиями, как «сословие» и «профессия». У Бухарина это получило конкретное выражение в том, что он, с одной стороны, затушевывал классовую дифференциацию крестьянства, классовые различия между кулаком и середняком, а с другой — рассматривал интеллигенцию как особый класс.

Критический анализ различных концепций классообразования пытался осуществить С. И. Солнцев[85]. Он разделил все теории классов на три группы: 1) учения, построенные на неэкономической основе; 2) учения на смешанной основе; 3) учения на экономической основе. Последнюю, третью группу он, в свою очередь, расчленил на распределительные теории (принимающие за основу классообразования либо величину дохода, либо его источники) и производственную теорию. Однако С. Солнцев не вскрыл принципиального отличия марксистской теории классов от богдановской «производственной» теории, основанной на абсолютизации организационно-технических факторов. И хотя он выразил несогласие с бухаринской трактовкой соотношения категорий «класс», «сословие» и «профессия», указав, в частности, что профессия — это категория техническая, а не экономическая, дать строго научное определение класса он не сумел.

Важным моментом в дискуссии о классах явилась статья А. Д. Удальцова[86], в которой было показано, что, ограничиваясь указанием на одинаковое положение в процессе производства как на экономический признак класса, С. Солнцев дает слишком неопределенную характеристику последнего, упускающую главный классообразующий признак — отношение к средствам производства. Раскрывая несостоятельность богдановской точки зрения, А. Удальцов подчеркивал, что «не „организаторская" деятельность создает классы, но владение средствами производства»[87].

Этот вывод, соответствовавший ленинскому определению классов, был развит в ряде вышедших в последующие годы работ, посвященных проблеме классов и классовой борьбы и критике антимарксист-

[85] См.: *Солнцев С. И.* Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. 2-е изд. М., 1923.

[86] См.: *Удальцов А.* К критике теории классов у А. А. Богданова.— Под знаменем марксизма, 1922, № 7/8, с. 93.

[87] Там же, с. 93.

ских концепций по этому вопросу[88]. Значение ленинского определения классов раскрывалось в работах В. Адоратского, В. Быстрянского, В. Невского, в учебниках по историческому материализму, вышедших в конце 20-х — начале 30-х годов.

В социальной структуре советского общества в качестве основных классов выделялись рабочий класс и трудовое крестьянство. Капиталистические элементы города и деревни рассматривались как неосновной класс, который ликвидируется в ходе строительства социализма.

Широко распространенным было мнение, что уже в процессе строительства социализма должны исчезнуть социальные различия между рабочим классом и трудовым крестьянством, что построение социализма будет означать переход к бесклассовому обществу. «Переходный период превратится в социализм тогда,— писал, например, Л. Спокойный,— когда исчезнут классы, т. е. сотрутся различия между пролетариатом и крестьянством»[89]. Это же утверждалось в работах, которые вышли в свет в начале 30-х годов[90].

Практика социалистического строительства показала, что утверждения такого рода не соответствуют действительности, и в дальнейшем было уточнено представление о социалистическом обществе как неантагонистическом, состоящем из двух дружественных классов — рабочего класса и колхозного крестьянства и тесно связанной с ними народной интеллигенции.

Позитивная разработка проблем социальной структуры советского общества в начале 20-х годов была тесно связана с разоблачением взглядов анархо-синдикалистов. Их попытки растворить классовые различия, реально существовавшие в среде трудящихся, в неопределенном понятии «производители» вели к отрицанию ведущей роли рабочего класса. Такой внеклассовый подход к трудящимся массам разоблачался в работах, направленных и против анархистских взглядов, и против концепций реформистов. А. Лозовский, например, отмечал, что фактическое преклонение перед личностью, характерное для анархизма, сочетается с «отвлеченным теоретическим культивированием массы»[91]. О политическом значении борьбы В. И. Ленина против попыток растворения пролетариата в трудящейся эксплуатируемой массе писал С. Кривцов[92]. Н. Карев показал, что установки Гильфердинга — одного из столпов реформизма — основываются на подмене классовых отношений техническими отношениями в производственном процессе, которая проявляется, в частности, в том, что

[88] См.: *Граве Б. Б.* Теория классовой борьбы Маркса. М., 1923; *Яковлев С.* Заметки о классовой теории Маркса — Энгельса: (Ее методологическое и историческое значение).— Октябрь мысли, 1924, № 2; и др.

[89] *Спокойный Л. Ф.* Исторический материализм. Л., 1929, с. 31.

[90] См.: Маркс и пролетарское государство. М., 1933; и др.

[91] *Лозовский А.* Анархизм и марксизм в массовом движении.— Под знаменем марксизма, 1922, № 3, с. 87.

[92] См.: *Кривцов С.* Партия пролетариата или мелкой буржуазии.— Под знаменем марксизма, 1924, № 12.

Гильфердинг «упорно записывает... всех техников, чиновников и т. д. в ряды рабочего класса»[93].

Опираясь на ленинское понимание сущности рабочего класса и факторов, определяющих его ведущую роль в борьбе за победу социализма, М. Н. Покровский, Б. Б. Граве, А. М. Панкратова, С. А. Пионковский и другие историки-марксисты развернули исследования процессов формирования и развития российского пролетариата, его революционной борьбы против буржуазии. В 1932 г. вышел в свет коллективный труд «Очерки истории пролетариата в СССР», подготовленный Б. Б. Граве, М. В. Нечкиной, А. М. Панкратовой и К. Ф. Сидоровым.

В разработке проблемы классов в 20—30-х годах важное место заняло разоблачение попыток правых и «левых» оппортунистов извратить характер действительных отношений между рабочим классом и крестьянством.

Троцкисты считали, что реальным союзником рабочего класса является только крестьянская беднота; центральную фигуру деревни — середняка они, по существу, отождествляли с кулаком и на этом основании объявляли подавляющую часть крестьянства реакционной силой, которую нельзя привлечь к участию в социалистическом строительстве. Исходя из этого, троцкист Преображенский ратовал за осуществление социалистического накопления путем выкачивания средств из хозяйств крестьян-середняков, их фактического подавления.

Неправильная оценка роли середняка обнаружилась и в работах некоторых философов, в частности Н. Карева. Полагая, что рост удельного веса середняков в трудовом крестьянстве не позволяет отнести его к числу основных классов переходного периода, он утверждал, что в этот период существует только один основной класс — пролетариат и что отношение пролетариата ко всем другим классам есть отношение классовой борьбы[94].

Третирование середняка троцкисты «обосновывали», механически перенося на условия переходного периода закономерности социальной дифференциации крестьянства, действующие при капитализме. В 1925 г. в Коммунистической академии проходила дискуссия по докладу Л. Н. Крицмана, который пытался доказать, что характерный для капитализма процесс пролетаризации основной массы крестьянства идет и в советской деревне. Это противоречило действительности, ибо на самом деле в советской деревне шел процесс не разорения бедняцких слоев, а их превращения в середняков. На это указали, возражая Л. Крицману, В. П. Милютин и другие участники дискуссии[95].

[93] *Карев Н.* Гильфердинг против социализма.— Под знаменем марксизма, 1924, № 6/7, с. 241.

[94] См.: *Карев Н.* За материалистическую диалектику. М., 1929.

[95] См.: Вестн. Ком. акад., 1926, № 16.

На дискуссии была вскрыта и порочность концепции Ф. Кондратьева, который призывал к поддержке кулацкого хозяйства. Разоблачение «кондратьевщины» как идеологии кулачества не помешало, однако, правым оппортунистам встать фактически на ее защиту. Их тезис о возможности мирного врастания кулака в социализм, их установка на отказ от борьбы против капиталистических элементов деревни вытекали из отрицания коренных классовых различий между кулачеством и середняцкими слоями деревни.

В трактовке крестьянства отчетливо обнаружилась общность методологических установок Бухарина и Троцкого, хотя выводы их были различны; игнорирование существенных классообразующих признаков у обоих проявилось в стремлении отождествить кулака и середняка. Если Троцкий, опираясь на такой подход к рассмотрению крестьянства, ратовал за политику подавления не только кулачества, но и середняцких слоев деревни, то Бухарин пытался представить не только середняков, но и кулаков как фактических союзников рабочего класса.

Против позиции Бухарина и Троцкого выступили авторы, подчеркивавшие значение классовой дифференциации крестьянства. Развернутая критика недифференцированного подхода к крестьянству была дана в ряде работ, вышедших в 30-х годах [96].

В этих работах было показано, что ленинская постановка вопроса «кто кого?» отражала объективный процесс обострения борьбы между капиталистическими элементами города и деревни и трудящимися массами во главе с рабочим классом. Разоблачая правооппортунистические установки на примирение с кулачеством, основанные на бухаринской теории «равновесия» и затухания классовой борьбы, авторы этих работ в то же время раскрывали несостоятельность позиций троцкистов, которые перечеркивали принципиальное различие между подавлением эксплуататоров и перевоспитанием середняцких масс, извращали ленинское учение о многообразии форм классовой борьбы в переходный период и пытались навязать партии политику, подрывающую союз рабочего класса с трудовым крестьянством.

С большими трудностями столкнулись советские философы при определении социальной природы интеллигенции. В начале 20-х годов философы-марксисты при рассмотрении интеллигенции видели свою главную задачу в том, чтобы разоблачить измышления Н. Бердяева, С. Франка, А. Изгоева и других идеологов реакции о независимости интеллигенции от каких-либо классов и их политики. Но справедливо выступая против тезиса о «надклассовости» интеллигенции, ее место в социальной структуре общества разные авторы определяли по-разному. Бухарин вслед за Богдановым характеризо-

[96] См.: *Корнеев М. Н.* Вторая пятилетка и уничтожение классов. М., 1932; *Крыленко Н. В.* Формы классовой борьбы на данном этапе. М., 1933; *Осипов А.* Классовая борьба в деревне на современном этапе. Л., 1933; *Быковский С. Н.* Ленин и основные проблемы истории классового общества. М.; Л., 1935; и др.

вал интеллигенцию как особый промежуточный класс. Критикуя эту точку зрения, вытекавшую из признания технического разделения труда основой деления общества на классы, большинство советских философов рассматривали интеллигенцию либо как «своеобразную профессиональную группировку, размещающуюся в различных классах»[97], либо как часть какого-либо одного из классов[98], либо же как межклассовую социальную группу[99].

Анализ социальной структуры общества в работах советских философов, опубликованных в 20—30-х годах, не ограничивался рассмотрением различий и отношений между большими социальными группами, прежде всего классами. Ставился вопрос о различии социальных слоев внутри классов. В частности, в связи с анализом социальных корней реформизма рассматривались разные по уровню классовой зрелости слои внутри пролетариата[100]. Определенные шаги были сделаны и в изучении социальных ячеек общества. В разработке научного подхода к изучению социалистического трудового коллектива определенную роль играли исследования А. К. Гастева, П. М. Керженцева и др. Отнюдь не только специально-педагогическое, но и большое методологическое значение имели работы А. С. Макаренко, раскрывавшие сущность социалистического коллектива. Известный вклад в теорию коллектива внесла книга А. С. Залужного[101]. Теоретические проблемы семьи и тенденции ее развития в условиях социализма в той или иной мере затрагивались в работах А. В. Луначарского, Е. М. Ярославского, С. Я. Вольфсона, В. М. Шекина и др.[102]

Советские философы уделяли должное внимание также и проблеме личности. Критикуя концепции, основанные на отрыве личности от социальных условий ее формирования и деятельности, на противопоставлении личности массе, В. И. Невский, М. В. Серебряков и другие философы показали, что характер и значение деятельности личности обусловлены исторической ролью класса, интересы которого она представляет. Разрабатывалась также идея о том, что проблема личности не сводится к выяснению роли выдающихся людей, что следует рассматривать каждого члена общества как субъекта

[97] *Васильев С. Ф.* Исторический материализм в освещении Н. И. Бухарина, с. 21. Такое представление об интеллигенции нашло отражение и в книге «Очерки исторического материализма. Учебное пособие для совпартшкол и рабфаков». «Сколько классов, столько интеллигенций»,— утверждали авторы этой книги (см.: Указ. соч. Л., 1931, с. 182).

[98] Б. Горев, например, считал интеллигенцию частью пролетариата.

[99] См.: *Вольфсон С.* Интеллигенция как социально-экономическая категория. М., 1926; *Оранский С.* Основные вопросы марксистской социологии.

[100] См.: *Астров Б.* О социальных корнях оппортунизма.— Под знаменем марксизма, 1924, № 4/5; *Рубинштейн М.* Социальные основы реформизма.— Под знаменем марксизма, 1925, № 3.

[101] См.: *Залужный А. С.* Учение о коллективе. М.; Л., 1930.

[102] См.: *Ярославский Е. М.* Мораль и быт пролетариата в переходный период. Л., 1926; *Луначарский А. В.* О быте. М.; Л., 1927; *Вольфсон С.* Социология брака и семьи. Минск, 1929; *Шекин В. М.* Новый быт, новая семья. Кострома, 1924; и др.

исторического процесса, выявлять реальные пути создания условий, наиболее благоприятных для свободного и всестороннего развития личности [103].

5
Проблема социальной революции

Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась вдохновляющим примером для эксплуатируемых масс других стран, оказала могучее влияние на развитие мирового революционного процесса. Напуганные подъемом освободительного движения масс, идеологи буржуазии отрицали закономерность социалистической революции, старались изобразить ее в виде некоего исторического «нонсенса», повторение которого немыслимо в других странах. Активную помощь буржуазии в этом оказывали идеологи социал-реформизма — Каутский, Кунов, Бауэр, Гильфердинг и другие, пытавшиеся извратить марксистско-ленинское учение о социалистической революции. В разоблачении этих попыток существенную роль сыграли работы советских философов, посвященные анализу ленинского теоретического наследия и критике реформизма [104].

В этих работах было показано, что обострение противоречий в капиталистических странах на практике подтверждает правильность ленинской характеристики империализма как кануна социалистической революции и опровергает утверждения теоретиков реформизма о возможности мирного перерастания монополистического капитализма в социализм.

Каутский и другие теоретики II Интернационала отвергали вывод К. Маркса о том, что социалистическая революция объективно обусловлена противоречием между потребностями развития производительных сил и сковывающими их капиталистическими производственными отношениями. «Мы ожидаем конца капитализма не в результате конфликта между производительными силами... и капиталистической собственностью»,— писал Каутский [105]. По сути дела, в этом и заключалась точка зрения оппортунистических лидеров, считавших, что рост монополий превращает капитализм в организованную систему хозяйства, свободную от анархии произ-

[103] См., например: *Гроссман-Рощин И.* Личность, необходимость, реальность.— Под знаменем марксизма, 1924, № 12; *Асмус В. Ф.* Противоречия специализации в буржуазном сознании.— Под знаменем марксизма, 1926, № 9/10; *Зивельчинская Л. Я.* Исторический материализм; *Арутюнянц А.* Мысли Маркса и Ленина об общественном разделении труда и новом человеке.— Революция и культура, 1930, № 9/10; *Леонтьев А.* Основоположники марксизма о коммунизме и человеке.— Большевик, 1935, № 13; и др.

[104] См.: *Керженцев П. М.* Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. М., 1925; *Луппол И. К.* Ленин и философия. М.; Л., 1926; *Покровский М. Н.* Октябрьская революция. М., 1929; *Липендин С.* Каутский в борьбе с материалистическим пониманием истории. М.; Л., 1934; *Месин Ф.* Новая ревизия материалистического понимания истории. М., 1929; и др.

[105] *Каутский К.* Материалистическое понимание истории. М.; Л., 1931, т. II, с. 624.

водства, и обеспечивает простор для развития производительных сил без революционной замены капиталистической собственности на средства производства общественной, социалистической собственностью.

В ходе критики Гильфердинга — одного из активных сторонников этой концепции Н. Карев ее охарактеризовал так: «Марксовская диалектика обобществления производства революционным путем победоносной классовой борьбы подменяется плоской организационной задачей, совершенно не учитывающей структуру и противоречия того, что подлежит организации»[106]. Советские исследователи отмечали беспочвенность идиллической картины расцвета организационных элементов хозяйства внутри капитализма, якобы превращающих его в социализм[107].

Сходство позиций правых оппортунистов и реформистов было обусловлено общей для них методологической установкой — отождествлением социально-экономической стороны производства с его организационно-технической стороной. Однако, если Каутский прямо отрицал наличие конфликта между производительными силами и производственными отношениями в условиях империализма, то у Бухарина этот конфликт просто исчезал, ибо, по его мнению, новые производственные отношения, соответствующие требованиям производительных сил, формируются уже в недрах монополистического капитализма. Все это вело к искажению социально-экономического содержания пролетарской революции, к утверждению, что она завершается экспроприацией крупных собственников и не включает в круг своих задач борьбу с кулачеством и другими капиталистическими элементами, оказывающими упорное сопротивление обобществлению средств производства. Из такой трактовки пролетарской революции как раз и вытекал бухаринский тезис о мирном врастании кулака в социализм. Критике этого тезиса препятствовала механистическая концепция четырех фаз революции, выдвинутая Л. Крицманом и получившая известное отражение в ряде пособий по историческому материализму.

Согласно этой концепции революция начинается с идеологической фазы, в результате которой пролетариат овладевает социалистической идеологией. На второй, политической фазе революции пролетариат устанавливает свою диктатуру. Затем наступает третья, экономическая фаза, которая делится на два этапа: на первом осуществляется экспроприация крупных собственников — капиталистов, разрушение старой и утверждение новой государственной вла-

[106] *Карев Н.* Гильфердинг против социализма.— Под знаменем марксизма, 1924, № 6/7, с. 238.

[107] См.: *Борилин Б.* С. Ленин и проблема империализма.— Под знаменем марксизма, 1925, № 5/6, с. 116—121. Развернутая критика представлений Бухарина об «организованном капитализме» была дана в статьях: *Борилин Б.* Ленин об «экономике переходного периода».— Большевик, 1929, № 20; *Эвентов Л.* Легенда об «организованном капитализме».— Большевик, 1929, № 20; и др.

сти в экономике; на втором этапе реорганизуется вся система экономических отношений в обществе путем преодоления стихии рынка и налаживания социалистического производства. После этого наступает четвертая фаза — техническая революция.

При такой трактовке единый революционный процесс механически разрывался на части: вместо выделения решающих звеньев в этом многостороннем процессе каждая из его сторон изображалась как обособленная фаза, переход к которой возможен только тогда, когда завершена предыдущая. Действительно революционными объявлялись только те преобразования, которые происходят до второго этапа экономической революции. Что касается социально-экономических преобразований, то они выносились за рамки социалистической революции.

Эта концепция была подвергнута критике в ряде работ[108]. Было показано, что базой для оппортунистических выводов служит утверждение, в частности, Крицмана, что классовая борьба с кулачеством должна носить не революционный, а реформистский характер, поскольку она ведется в стране, в которой уже победила пролетарская революция. По этому поводу С. А. Покровский писал: «Только на почве отрыва технической реконструкции от социально-экономической и непонимания последней как революционной политики уничтожения классов мог родиться чудовищный тезис о законченности революции с экспроприацией крупного капитала»[109].

Борьбу за ленинскую теорию социалистической революции советским философам пришлось вести на два фронта — против правых оппортунистов, извращавших содержание и задачи революции, и против троцкистов, утверждавших, что завоевания Октябрьской революции нельзя будет сохранить и построить социализм в нашей стране, если социалистическая революция не победит в ряде развитых капиталистических стран. Теория «перманентной революции», выдвинутая Троцким, при всей ее кажущейся «революционности» смыкалась с правооппортунистическими, реформистскими теориями. Как и последние, она толкала нашу страну к реставрации капитализма.

Одним из реформистских аргументов при этом был тезис о противоположности интересов крестьянских масс и социалистических интересов рабочего класса. И. В. Сталин в работах «Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» показал, что именно на отрицании роли крестьянства как резерва и союзника рабочего класса в его борьбе за социализм основана теория «перманентной революции», которую Троцкий противопоставил ленинскому учению о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране. Отрицание рево-

[108] См.: *Стецкий А.* Фразеология революции.— Большевик, 1925, № 2; *Покровский С. А.* Теория пролетарской революции. М.; Л., 1931.

[109] *Покровский С. А.* Теория пролетарской революции, с. 50.

люционных возможностей трудового крестьянства было характерно как для троцкистов, так и для западных реформистов во главе с Каутским, толковавших о беспочвенности пролетарской революции в России — стране с преобладанием крестьянского населения [110].

У реформистов Троцкий заимствовал и представление о монополистическом капитализме как такой организации хозяйства, которая обеспечивает простор для технического прогресса и сглаживает противоречия капитализма, устраняя возможности его революционной замены социалистическим строем. Основываясь на этом, Троцкий утверждал, что, если в Европе не будет в самый короткий срок развязана революционная война, американский империализм закабалит европейские страны, задушит Советскую власть и социалистическая революция окажется отодвинутой на несколько столетий.

Раскрывая несостоятельность этой аргументации и ревизионистских методологических установок в подходе к анализу социалистической революции, советские философы внесли важный вклад в борьбу против правого и «левого» оппортунизма. Отстаивая ленинскую теорию социалистической революции, авторы работ, посвященных основным проблемам исторического материализма, значительное место отводили освещению задач, которые рабочий класс решает в процессе революции, содержания и движущих сил этого процесса, условий его развертывания и победоносного завершения.

6
Проблема государства

Вопрос о социалистической революции неотрывен от проблемы диктатуры пролетариата.

Стремясь опорочить Советскую власть, теоретики западного социал-реформизма — М. Адлер, О. Бауэр, К. Каутский, Г. Кунов и другие — изображали ее как диктатуру узкой политической группы, навязывающей свою волю народу. Утверждая, что ничем иным и не может быть диктатура пролетариата, они старались представить ее как орудие насилия, используемое для подавления демократии. Эти измышления разоблачались в работах В. Адоратского, И. Луппола, Е. Пашуканиса, И. Разумовского, П. Стучки и других советских философов, раскрывавших действительную сущность диктатуры пролетариата [111]. Принципиальное значение для защиты и

[110] Примечательно, что концепция Крицмана, взятая на вооружение правыми оппортунистами, служила одновременно и для «обоснования» утверждений троцкистов о том, что крестьянство не может участвовать в строительстве социализма. Крицман отрывал пролетарскую революцию в городе от революции в деревне, считая последнюю мелкобуржуазной, завершающейся с превращением основной массы крестьян в свободных товаропроизводителей.

[111] См.: *Адоратский В. В.* О государстве. М., 1923; *Стучка П. И.* Ленинизм и государство. М., 1924; *Луппол И. К.* Ленин как теоретик пролетарского государства. Л., 1924;; *Берман Я. Л.* Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1925; *Пашуканис Е. Б., Разумовский И. П.* Новейшие открытия Карла Каутского; *Пашуканис Е.*

обоснования ленинского учения о диктатуре пролетариата имели труды И. В. Сталина «Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К вопросам ленинизма».

В работах советских философов подчеркивалось, что при изучении проблем государства особенно важно помнить указание В. И. Ленина о недопустимости подмены конкретно-исторического, классового подхода к общественным явлениям метафизической спекуляцией «вечными» категориями. «Провозглашая полную независимость демократии от какой-либо классовой и исторической основы, превращая эту демократию в вечный метафизический фетиш... Каутский каждый раз вступает в русло идеалистической методологии»,— писал И. Альтер [112]. Подходя с таких методологических позиций к трактовке политической надстройки, Каутский и его единомышленники выхолащивали ее действительное политическое содержание, формально-юридически истолковывали право и государство как явления, якобы не зависящие от разделения общества на классы и от классовой борьбы.

Советские философы показали, что такой подход к государству и праву характерен и для оппортунистических лидеров, прикидывающихся марксистами, и для таких откровенных противников марксизма, как Г. Кельзен. И те и другие пропагандируют нормативистские концепции, в корне противоположные взглядам на государство как на орудие господства определенного класса и на право как на выражение его воли [113].

С теоретической позицией социал-реформистов, по существу, смыкались установки анархо-синдикалистов, отрицавших необходимость пролетарского государства. Эти установки разделял также и Бухарин. На VII съезде партии он предложил включить в партийную программу положение о ликвидации политической надстройки, уничтожении всякой политической власти. Съезд отверг это предложение, согласившись с В. И. Лениным, который решительно выступил против того, чтобы заранее провозгласить отмирание государства [114]. Однако Бухарин и в последующие годы продолжал отстаивать тезис о том, что государство как политическое орудие рабочему классу не требуется. Утверждая, что в переходный период государственная организация уже не является надстройкой, а растворяется в базисе, он пытался выхолостить классовый характер

Пролетарское государство и построение бесклассового общества. М., 1932; *Борилин Б.* Советская демократия. М., 1935; и др.

[112] *Альтер И.* Демократия против революции. Учение Каутского о революции. М., 1930, с. 179.

[113] См.: *Луппол И. К.* Ленин как теоретик пролетарского государства; *Вольфсон С. Я.* Кельзен, Ленц и К°. Минск, 1925; *Пашуканис Е.* Общая теория права и марксизм. М., 1924; *Разумовский И.* Детские и старческие болезни в правовой теории.— Под знаменем марксизма, 1925, № 5/6; *Он же.* Философская ревизия и вопросы права.— Под знаменем марксизма, 1926, № 7/8.

[114] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 66.

пролетарского государства, представить его в виде некоей политически нейтральной организации, которая служит не орудием классовой борьбы против капиталистических элементов, а средством налаживания сотрудничества с ними. «По Бухарину,— отмечалось в книге «Маркс и пролетарское государство»,— диктатура пролетариата — оболочка для сотрудничества классов, мирного врастания кулака в социализм»[115].

В основе взглядов на государство, которые пропагандировали идеологи правого оппортунизма, лежал метафизический отрыв надстройки от базиса. Этот же методологический порок сказался и в троцкистской трактовке сущности пролетарского государства. Не веря в возможность построения социализма в России, Троцкий отрицал созидательную роль диктатуры пролетариата, сводил ее функции к насилию и при этом рассматривал пролетарское государство как орудие насилия по отношению не только к эксплуататорским классам, но и к крестьянству. «Троцкистское понимание диктатуры пролетариата превращало ее в вопрос гражданской войны с крестьянством»,— писал Д. З. Мануильский[116], и, раскрывая суть установок Троцкого на поглощение профсоюзов государством и усиление административного нажима на трудящиеся массы, охарактеризовал их как законченную программу «проталкивания» страны к социализму «исключительно методами голого классового насилия»[117].

Разоблачая троцкистские взгляды на диктатуру пролетариата, советские философы подчеркивали, что ее основой является союз рабочего класса с трудовым крестьянством, что, прибегая к насилию для подавления сопротивления, которое оказывают свергнутые эксплуататорские классы строительству социализма, рабочий класс видит главную задачу своей диктатуры в организации этого строительства, в привлечении к нему всех трудящихся.

С переходом страны к индустриализации и коллективизации крестьянских хозяйств анализу созидательных задач диктатуры пролетариата уделяется все больше внимания как в специальных работах, так и в учебниках по историческому материализму. В частности, отмечалось, что «основной проблемой исторического материализма в переходный период является проблема диктатуры пролетариата, ее роль и ее задачи в строительстве социализма, получившие выражение в генеральной линии партии»[118]. Центральное место в разработке этой проблемы заняло раскрытие руководящей и направляющей роли коммунистической партии в системе диктатуры пролетариата, методов реализации ее политики в планирующей и регулирующей деятельности социалистического государства. Со-

[115] Маркс и пролетарское государство. М.; Л., 1933, с. 36.

[116] *Мануильский Д.* Классы, государство, партия в период пролетарской диктатуры. Русский вопрос на VI конгрессе Коминтерна. М.; Л., 1928, с. 33.

[117] Там же, с. 63.

[118] Исторический материализм/Под ред. М. Б. Митина, И. П. Разумовского, с. 270.

ветские философы в монографических работах, в статьях, публиковавшихся на страницах журнала «Большевик» и других периодических изданий, показали, что закономерностью социалистического строительства является возрастание роли пролетарского государства, обусловленное развитием его хозяйственно-организаторских и культурно-воспитательных функций и необходимостью защиты страны от угрозы внешнего нападения, усилившейся в связи с ростом милитаризма и фашизма в капиталистических странах.

Одной из главных тем в работах, посвященных политической надстройке советского общества, становится анализ демократической сущности диктатуры пролетариата, форм привлечения все более широких масс к управлению общественными делами. Исследуя тенденции развития социалистической демократии, советские философы подчеркивали, что путь к коммунистическому самоуправлению лежит не через ослабление социалистического государства, а через его усиление.

Этот вывод, отражавший объективный процесс возрастания роли государства в социалистическом строительстве, имел важное значение для разоблачения оппортунистических представлений о самотеке, стихийности общественного развития в переходный период. Однако следует отметить, что в борьбе против этих представлений некоторые авторы не избежали влияния волюнтаристских взглядов. Например, А. Кон, справедливо критикуя Е. А. Преображенского за абсолютизацию стихийности в развитии экономики переходного периода, неправомерно отождествил стихийность с объективностью экономических законов. Он выдвинул тезис о том, что «плановое хозяйство не знает экономических закономерностей», что оно подчиняется лишь общесоциологическим законам, корни которых «лежат не в плоскости отношений между людьми, а в плоскости отношений между обществом и природой»[119]. Отождествление стихийности с объективностью экономических законов обнаружилось и в работах А. Стецкого, утверждавшего, что нет оснований говорить о наличии «какого-то объективного, вне нас лежащего закона движения, который действует в нашей экономике»[120].

Уделяя главное внимание исследованию проблем развития диктатуры пролетариата, советские философы вместе с тем держали в поле зрения те изменения, которые претерпевала диктатура буржуазии. В их работах разоблачались попытки Каутского и других социал-реформистов скрыть классовую сущность буржуазного государства, было показано, что реакционный характер этого государства проявляется все более явно по мере вырождения буржуазной демократии, уступающей место фашистским режимам[121].

[119] *Кон А.* О «новой экономике» Е. А. Преображенского. М., 1927, с. 6—7.

[120] *Стецкий А.* В борьбе за ленинскую теорию. М., 1933, с. 52.

[121] См.: *Пашуканис Е. Б., Разумовский И. П.* Новейшие откровения Карла Каутского; *Климов М.* Буржуазное государство эпохи империализма. М.; Л., 1931; *Рудаш В.* Вопросы государства и социал-фашисты. М., 1933; и др.

В круг социальных проблем, привлекавших внимание советских философов в 20—30-х годах, кроме перечисленных в главе, входили также социальные вопросы труда, быта и свободного времени, вопросы духовной жизни и развития социалистической культуры. В разработке проблем исторического материализма в эти годы сказывалось все более полное овладение теоретическим наследием классиков марксизма-ленинизма. Хотя исторический материализм ими был создан, «требовались,— как справедливо отмечают Б. А. Чагин и В. И. Клушин,— большие усилия и значительное время, чтобы основное богатство его идей было органически усвоено работниками идеологического фронта»[122]. Усваивая и пропагандируя эти идеи, советские философы вместе с тем помогали партии развивать и конкретизировать их на основе обобщения нового исторического опыта, и прежде всего опыта социалистического строительства в СССР.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ПЕРИОД УПРОЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Исследовательскую работу советских философов в области общетеоретических проблем исторического материализма в рассматриваемый период можно расчленить на четыре подпериода: 1) предвоенные годы; 2) годы Великой Отечественной войны; 3) годы восстановления и развития народного хозяйства после победы в Великой Отечественной войне; 4) период после XX съезда КПСС (вторая половина 50-х годов). Каждый из этих подпериодов характерен своими особенностями, наложившими определенный отпечаток на развитие исторического материализма, исследование тех или иных его проблем.

Построение в основном социалистического общества выдвигало на первый план философско-социологические проблемы развития социалистического способа производства, источников, закономерностей и движущих сил развития социализма, социально-классовой структуры социалистического общества.

[122] *Чагин Б. А., Клушин В. И.* Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975, с. 89.

В предвоенные годы, а также и в послевоенное время на круг вопросов исторического материализма, включавшихся в сферу теоретического рассмотрения, а также на их интерпретацию сильное влияние оказывал вошедший в «Краткий курс истории ВКП(б)» написанный И. В. Сталиным параграф «О диалектическом и историческом материализме».

Правда, надо отметить, что изложение в этой работе основ марксистской философии имело то достоинство, что подчеркивало органическую связь общефилософских, особенно социологических, проблем с политической практикой, с задачами построения социализма и борьбы против его классовых врагов. Однако сами философские проблемы, в том числе проблемы материалистического понимания истории, не раскрывались в этой работе с необходимой теоретической глубиной.

Изучение и пропаганда марксистско-ленинской философии, в том числе исторического материализма, были ограничены положениями, которые содержались в этой работе И. В. Сталина. Преподавание самостоятельного курса диалектического и исторического материализма было сохранено лишь в университетах и институтах, где имелись философские, исторические, юридические и литературные факультеты, а в остальных вузах и во всей системе пропаганды в основу было положено изучение «Краткого курса истории ВКП(б)».

Несмотря на присущие этой книге недостатки, она «сыграла значительную роль в изучении истории нашей партии, в развертывании идеологической работы»[1]. Сыграла она свою роль и в ориентации исследований в области исторического материализма. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» нацеливало на то, чтобы в идеологической работе «были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марксистско-ленинского учения — диалектический и исторический материализм и ленинизм, а исторический материализм был бы связан с политикой партии... было бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма и изложено то новое, что внесено Лениным и его учениками в марксистскую теорию на основе обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций»[2].

В 1939—1940-х годах в журнальных статьях, прежде всего в журнале «Под знаменем марксизма», в брошюрах подвергаются историко-материалистическому анализу различные стороны и сферы жизнедеятельности социалистического общества, проблемы его уп-

[1] История КПСС. М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 28.

[2] О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП(б). М., 1938, с. 4.

рочения и дальнейшего развития, его защиты от вооруженного нападения агрессора [3].

Появляются работы, посвященные анализу проблемы отношения общества и личности, общественных и личных интересов при социализме, роли народных масс и личности в истории в целом, в том числе в условиях социализма [4].

Общетеоретические проблемы исторического материализма рассматривались в ряде статей [5]. В ряде работ по историческому материализму учитывался и вовлекался в оборот научных исследований богатейший теоретический материал, содержащийся в трудах классиков марксизма.

В 1940 г. в журналах «Под знаменем марксизма», «Проблемы экономики», в ряде учебных заведений развернулась важная в теоретическом отношении дискуссия о противоречиях в социалистическом способе производства, открывшаяся публикацией статьи Н. Власова «К вопросу о движущем противоречии социалистического общества» («Под знаменем марксизма», 1940, № 3/4).

В годы Великой Отечественной войны, когда вся Советская страна стала единым военным лагерем, когда партия выдвинула лозунг «Все для фронта, все для победы!», усилия философов, как и всего народа, были направлены на то, чтобы военное противоборство с

[3] См.: *Юдин П.* Ученые ленинизма о победе социализма в одной стране.— Большевик, 1938, № 10/11; *Гак Г.* От социализма к коммунизму.— Под знаменем марксизма, 1939, № 9; *Митин М.* О постепенном переходе от социализма к коммунизму.— Под знаменем марксизма, 1939, № 11; О ленинской теории социалистической революции.— Большевик, 1939, № 1; *Каплан И.* Коммунизм и армия.— Под знаменем марксизма, 1939, № 5; *Лебедев М., Царицын А.* Переход к коммунизму и вооруженные силы.— Большевик, 1939, № 13; *Баканов И.* Основы марксистско-ленинского учения о типах войн.— Под знаменем марксизма, 1940, № 12; *Дворкин И.* Уничтожение противоположности между городом и деревней.— Под знаменем марксизма, 1938, № 10; *Батищев С.* Труд в коммунистическом обществе.— Под знаменем марксизма, 1939, № 3; *Чекалин М.* Возрождение народностей и консолидация наций в СССР.— Под знаменем марксизма, 1939, № 10; Роль науки в развитии производительных сил в СССР.— Под знаменем марксизма, 1940, № 5; и др.

[4] См.: *Константинов Ф.* О марксистском понимании роли личности в истории.— Большевик, 1938, № 10/11; *Юдин П.* Марксистское учение о роли личности в истории.— Под знаменем марксизма, 1939, № 5; *Бернадинер Б.* Роль народных масс в истории.— Под знаменем марксизма, 1939, № 7; *Ситковский Е.* Личный и общественный интерес в социалистическом обществе.— Под знаменем марксизма, 1939, № 7; *Глезерман Г.* Сочетание личных и общественных интересов при социализме.— Молодой большевик, 1939, № 12; *Гак Г.* Личность и общество.— Под знаменем марксизма, 1941, № 5; и др.

[5] См.: *Горохов Ф.* Общественное бытие и общественное сознание.— Под знаменем марксизма, 1938, № 11; *Он же.* Исторический материализм о материальной основе жизни общества.— Под знаменем марксизма, 1939, № 2; *Юдин П.* Общественное бытие и общественное сознание.— Там же, № 9; *Глезерман Г.* Общественное бытие и общественное сознание.— Молодой большевик, 1940, № 5/6; *Баскин М.* Обратное воздействие общественного сознания на общественное бытие.— Под знаменем марксизма, 1940, № 2; *Черемных П.* Основные типы производственных отношений.— Там же, № 11/12; Об основных элементах производительных сил.— Большевик, 1940, № 17; и др.

фашистским агрессором подкрепить идеологическим наступлением на фашизм. Выходило большое количество работ, раскрывавших классовую сущность фашизма как диктатуры наиболее реакционных, шовинистических, агрессивных и авантюристических сил монополистического капитализма. Разоблачалась реакционная, антинаучная сущность фашистской идеологии, расистских концепций, их игра на низменных инстинктах людей, лживость и демагогичность. Одновременно анализировались проблемы материалистического понимания истории, как, например, преимущества социализма, его экономической системы, политического строя, его научной марксистско-ленинской идеологии, значение морально-политического единства партии, армии и народа. Под углом зрения принципиальных положений марксизма-ленинизма был раскрыт характер Великой Отечественной войны Советского Союза как самой справедливой в истории войны в защиту великих исторических завоеваний социализма. В ряде работ были показаны особенности Вооруженных Сил СССР как вооруженных сил социалистического типа, источники их силы, истоки массового героизма советских воинов, передовой характер советской военной науки и военного искусства. Большую положительную роль в освещении всех этих вопросов сыграли выступления руководящих деятелей партии — И. В. Сталина, А. А. Жданова, В. М. Молотова, М. И. Калинина, Н. М. Шверника, А. С. Щербакова, Е. М. Ярославского и др., а также статьи и брошюры советских философов — Г. Ф. Александрова, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина, П. Н. Федосеева, Ф. В. Константинова, Л. Ф. Ильичева, М. Т. Иовчука, В. С. Кружкова, М. М. Розенталя и др.

Первое послевоенное десятилетие явилось периодом не только героического труда советских людей по возрождению и восстановлению разрушенного и испепеленного фашистскими ордами, но и дальнейшего упрочения и развития социализма во всех сферах общественной жизни нашей страны, образования мировой системы социализма, закрепления кардинальных изменений на мировой арене в пользу сил социального прогресса. Одновременно это были годы развязанной силами международной реакции во главе с империализмом США „холодной войны", разнузданных антисоциалистических, антисоветских кампаний. Отпор идеологическим диверсиям, срыв «психологической войны» стали непременным условием успешного решения задач послевоенного восстановления и дальнейшего успешного решения задач социалистического созидания.

В этой обстановке важное значение имели принятые ЦК ВКП(б) в 1946—1948 гг. постановления по идеологическим вопросам. Хотя они и содержали, как отмечалось позднее в принятых ЦК КПСС постановлениях, некоторые ошибочные оценки, главное заключалось в их направленности на решительное отстаивание ленинского принципа партийности искусства, идеологии вообще, в ориентации на тесную связь идейно-теоретической работы и пропаганды с интересами народа, государства, с политикой партии.

Центральный Комитет партии предпринял в послевоенные годы ряд важных мер с целью поднять роль общественных наук в решении актуальных задач внутренней и внешней политики, всей идейно-воспитательной работы в стране. Этой цели были подчинены, в частности, дискуссии по философии (1947), языкознанию (1950) и политической экономии (1951).

В ходе и в результате дискуссий 40-х — начала 50-х годов, особенно дискуссии по философии, развернувшейся в связи с выходом в 1946 г. книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», во главу угла были поставлены ленинские идеи партийности философии, необходимости тесной связи философии с жизнью, практикой строительства и защиты социализма. Дискуссии стимулировали исследовательскую работу во всех разделах философской науки, в том числе и в области исторического материализма. Вновь интенсивно стали изучаться объективные законы развития социалистической фазы коммунистической формации, диалектика развития производительных сил и производственных отношений, проблема их соответствия и противоречий между ними. Появились работы, в которых анализировались движущие силы советского общества, изменения в его социальной структуре, характер социалистического государства, процесс формирования социалистических наций[6].

Важным событием явилось издание учебного пособия «Исторический материализм» (1950), подготовленного коллективом видных советских философов под общей редакцией Ф. В. Константинова[7]. Книга давала систематическое изложение широкого круга вопросов, обнимающих проблематику как собственно исторического материализма, так и научного коммунизма.

Начавшаяся во второй половине 50-х годов перестройка идеологической работы в стране потребовала более глубокой разработки марксистско-ленинских положений о возрастании роли народных масс в ходе поступательного исторического развития, о правильных отношениях между массами, классами, политическими партиями и политическими руководителями, о принципе коллективности руководства. Все эти вопросы рассматривались в свете новых, насущных задач, вставших в результате восстановления нарушенного войной

[6] См.: *Гак Г.* Политика и идеология в советском обществе.— Большевик, 1946, № 21; *Константинов Ф. В.* Исторический материализм как наука. М., 1949; *Глезерман Г. Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; *Константинов Ф. В.* О движущих силах развития социалистического общества. М., 1951; *Он же.* Формы общественного сознания. М., 1951; *Глезерман Г. Е.* Базис и надстройка в советском обществе. М., 1954; *Каммари М. Д.* Народ — творец истории. М., 1954; *Момджян Х. Н.* Социалистическое общество и творческая активность народных масс. Ереван, 1954; *Федосеев П. Н.* Исторический материализм — наука о законах развития общества. М., 1954.

[7] См.: Исторический материализм/Авт. коллектив: Ф. В. Константинов, Г. Е. Глезерман, Г. М. Гак, М. Д. Каммари, Ф. Д. Хрустов, П. Ф. Юдин. М., 1950.

народного хозяйства, успешного продвижения советского общества к стадии зрелого социализма, упрочения международных позиций СССР и образовавшегося в эти годы социалистического лагеря.

Огромное значение не только для определения и успешного решения практических задач укрепления и дальнейшего развития социализма, но и для плодотворной творческой разработки марксистско-ленинской теории имел состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Съезд дал марксистский анализ нового соотношения классовых сил в мире, указал на выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему как на главную черту новой эпохи. В связи с этим съезд отметил, что «приобрели особо важное значение такие коренные принципиальные вопросы современного международного развития, как вопросы о мирном сосуществовании двух систем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху и о формах перехода различных стран к социализму»[8]. XX съезд КПСС явился мощным стимулом развития всего фронта общественных наук и способствовал подъему теоретической марксистско-ленинской мысли на новый, более высокий уровень. Огромное значение имело выдвижение основанных на глубоком анализе и научном обобщении происходящих в мире коренных изменений новых положений, обогативших марксистско-ленинскую теорию: конкретизация ленинского принципа мирного сосуществования применительно к эпохе сосуществования противоположных социальных мировых систем; вывод о реальной возможности предотвращения мировой войны в современных международных условиях; развитие ленинского положения о разнообразии форм перехода различных стран к социализму на основе общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства. Съезд, руководствуясь положениями марксизма-ленинизма о роли народных масс, партии и личности в истории, рассмотрел вопрос о преодолении культа личности и его последствий.

Решения XX съезда КПСС, постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, участвовавших в праздновании 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, способствовали оживлению научных исследований по всему фронту общественных наук. В области исторического материализма наметилась тенденция к более глубокому социально-философскому анализу новых явлений как на международной арене, так и в процессах развития социализма в СССР и в странах народной демократии; как в капиталистическом мире,

[8] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. М., 1956, т. II, с. 413.

так и в условиях социализма. В конце 50-х годов выходят новые издания учебных пособий по философии, в которых раздел исторического материализма освобождается от встречавшихся раньше отдельных ошибочных или нечетких положений, обогащается теоретическими положениями, развитыми в решениях XX съезда КПСС и в документах Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий.

После XX съезда партии разворачивается интенсивная работа во всех отраслях советского обществознания, в том числе в области исторического материализма. За пятилетие между XX и XXII съездами КПСС резко возрастают исследования по всему спектру проблем исторического материализма и научного коммунизма. Выходит новое, существенно переработанное издание книги «Исторический материализм» (под ред. Ф. В. Константинова), перерабатываются учебные программы изучения философии в вузах и в системе партийной пропаганды, широкое развитие получает проведение конкретных социологических исследований реальных процессов жизни общества — в области материального производства, культуры и духовной жизни, в быту и сфере свободного времени, в области национальных отношений и т. д.

В ряде работ уточняется и конкретизируется предмет исторического материализма, подвергаются критике имевшие место односторонние определения исторического материализма. В этой связи более глубоко рассматривается единство и взаимопроникновение диалектического и исторического материализма [9].

Предпринимаются попытки осмыслить на современном историческом материале содержание ряда основополагающих категорий исторического материализма: «общественное бытие» и «общественное сознание», «производительные силы» и «производственные отношения», «общественно-экономическая формация», «базис и надстройка», «общественные законы», «народ» и др. Предполагаются определенные варианты систематизации категорий исторического материализма [10].

[9] См.: *Федорова А. Т.* К вопросу о предмете исторического материализма.— Вопр. философии, 1957, № 3; *Панюшев И. М.* К вопросу о соотношении диалектического и исторического материализма.— Вопр. философии, 1958, № 1; *Нарский И. С.* Об историческом материализме как марксистской социологии.— Вопр. философии, 1959, № 4; *Каммари М. Д.* В. И. Ленин о единстве диалектического и исторического материализма.— Вопр. философии, 1959, № 5; *Караваев Г.* Исторический материализм — составная часть марксистской философии. Л., 1959; *Глезерман Г. Е.* К вопросу о предмете исторического материализма.— Вопр. философии, 1960, № 3; *Приписнов В. И.* О соотношении исторического материализма и исторической науки.— Вопр. философии, 1961, № 1; *Он же.* О предмете исторического материализма. Душанбе, 1959.

[10] См.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Категории исторического материализма.— Вопр. философии, 1956, № 4; *Каммари М. Д.* Некоторые вопросы теории базиса и надстройки.— Коммунист, 1956, № 10; *Матвеенков И. И.* Законы общественного развития и их использование. М., 1956; За творческое изучение и разработку теории базиса и надстройки.— Коммунист, 1957, № 4; *Бутенко А. П.* Народ как социологическая катего-

На более высоком теоретическом уровне исследуются вопросы развития советского социалистического общества. В 1955—1958 гг. на страницах журнала «Вопросы философии» публикуются в дискуссионном порядке многочисленные статьи о характере противоречий в социалистическом обществе и о путях и способах их разрешения и преодоления. Начало дискуссии было положено статьей Ц. А. Степаняна «Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления» («Вопросы философии», 1955, № 2).

Хотя итоги ее не были подведены, дискуссия была полезной; в ходе ее были уяснены важные вопросы диалектики развития социализма, проанализированы различные неантагонистические противоречия в экономике, социальной, политической и духовной сферах жизнедеятельности советского общества, формы их проявления и способы разрешения [11].

Выходят работы, в которых анализируются процессы социально-политической и духовной жизни советского общества, развитие Советского государства, роль народных масс в условиях социализма, закономерности перехода от социализма к коммунизму [12]. В тот период преобладало представление о социализме как о сравнитель-

рия.— Вопр. философии, 1957, № 1; *Федосеев П. Н.* Роль народных масс и личности в истории. М., 1957; *Ковальзон М. Я.* Законы развития производительных сил и производственных отношений. М., 1957; *Арутюнян А. Е.* О законах и закономерностях развития общества. Ереван, 1959; *Тугаринов В. П.* Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958; *Он же.* О категориях «общественное бытие» и «общественное сознание».— Вопр. философии, 1958, № 1; *Глезерман Г. Е.* К вопросу о понятии «общественное бытие».— Вопр. философии, 1958, № 5; *Чавин Б. А., Харчев А. Г.* О категориях «производительные силы» и «производственные отношения».— Вопр. философии, 1958, № 2; *Они же.* Об источниках развития производительных сил общества.— В кн.: Проблемы развития в природе и обществе. Л., 1958; *Джунусов М. С.* Общественно-экономическая формация как категория исторического материализма.— Вопр. философии, 1960, № 10.

[11] См.: Материалы дискуссии в журнале «Вопросы философии»: 1955, № 6; 1956, № 3, 4; 1957, № 3, 4, 6; 1958, № 1, 2, 6, 8, 10, 11; *Чертков В. П.* Неантагонистические противоречия при социализме. М., 1957; *Соболев А.* О противоречиях социалистического общества и путях их преодоления.— Коммунист, 1958, № 2; и др.

[12] См.: *Чесноков Д. И.* О функциях социалистического государства.— Вопр. философии, 1958, № 7; *Курылев А. К.* К вопросу о преодолении существенного различия между городом и деревней.— Вопр. философии, 1959, № 4; *Цамерян И. П.* Развитие национальных отношений в период развернутого строительства коммунизма.— Вопр. философии, 1959, № 7; Строительство коммунизма и рост творческой активности масс. М., 1960; *Колесов Н. Д., Колесова К. И.* О развитии и сближении двух форм социалистической собственности.— Вопр. философии, 1960, № 1; О закономерностях возникновения и развития социалистического общества. М., 1960; Диалектика развития социалистического общества. М., 1960; *Малышев В. И.* О роли народных масс в советском социалистическом обществе. М., 1960; *Гак Г. М.* Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960; *Журавлев В. В.* Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. М., 1961; *Федосеев П. Н.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм.— Вопр. философии, 1961, № 10; *Ядов В. А.* Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961; *Кувель С. А.* Измерения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. Л., 1962; *Степанян Ц. А.* Основные закономерности строительства коммунизма.— Вопр. философии, 1964, № 12.

но кратковременной фазе развития. Ленинские положения об этапах зрелости, развитости самого социализма не привлекали еще необходимого внимания философов, предполагалось, что от достигнутой уже к тому времени стадии развития начинается непосредственный переход к высшей фазе коммунистической формации.

В ряде работ рассматривались проблемы мирового развития под углом зрения теоретических положений XX съезда партии, а именно: характер современной эпохи, особенности классовой борьбы в современном капиталистическом мире, вопросы войны и мира, мирного сосуществования как особой формы классовой борьбы на международной арене, формы перехода различных стран к социализму. Советские философы давали резкий отпор оживившемуся в капиталистических странах ревизионизму, выступившему в обличии так называемого национального коммунизма [12].

Из всей совокупности проблем исторического материализма, разрабатывавшихся в советской философской литературе рассматриваемого периода — со второй половины 30-х до начала 60-х годов, можно выделить ряд наиболее важных: предмет исторического материализма; законы общественного развития и их использование; диалектика производительных сил и производственных отношений; движущие силы развития социализма; проблема противоречий при социализме; нации и национальные отношения; классовая структура общества; диалектика развития социалистического государства; критика фашизма и буржуазной идеологии; базис и надстройка; общественное бытие и общественное сознание; диалектика эпохи и мировой революционный процесс; проблемы войны и мира.

Предмет исторического материализма. Законы общественного развития и их использование. На рубеже 40—50-х годов в советской литературе утвердилось понимание исторического материализма как философской науки о наиболее общих законах развития общества, как методологии познания социальных явлений и революционного преобразования мира.

Авторы учебного пособия «Исторический материализм» исходили из следующего определения предмета исторического материализма: «Исторический материализм является наукой о наиболее общих законах развития общества... Исторический материализм... изучает законы развития общества в целом, во взаимодействии всех его сторон... имеет своей задачей исследование общих законов историче-

[12] См.: *Соболев А. И.* Марксизм-ленинизм о формах перехода от капитализма к социализму. М., 1958; *Бутенко А. П.* Национальный коммунизм — идеологическое оружие буржуазии.— Вопр. философии, 1958, № 6; *Он же.* Превращение мировой системы социализма в решающий фактор развития человечества.— Вопр. философии, 1961, № 4; *Свердлин М. А., Рогачев П. М.* Патриотизм и интернационализм.— Вопр. философии, 1959, № 1; *Семенов В. С.* Проблемы классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии. М., 1959; Общие закономерности перехода к социализму и их проявления в разных странах. М., 1960; Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960; *Красин Ю. А.* Мирное сосуществование — форма классовой борьбы. М., 1961.

[13] Исторический материализм, с. 5.

ского процесса»[13]. Подчеркивалось, что «исторический материализм представляет собой цельную и стройную научную теорию, объясняющую развитие общества, переход от одного общественного строя к другому. Вместе с тем он является единственно правильным, научным методом изучения каждой из отдельных сторон общественной жизни, методом исследования конкретных исторических явлений и в целом истории стран и народов»[14]. Неуклонно проводилось важнейшее положение о том, что «исторический материализм, как наука о законах развития общества, служит не только методом познания общества, но и методом его преобразования, методом революционного действия»[15]. В этом же учебном пособии была предпринята серьезная попытка дать систематическое изложение исторического материализма как целостной диалектико-материалистической теории общественной жизни, выделить и определить ее ключевые категории, показать значение научного понимания законов общественного развития для успешного решения практических задач строительства и упрочения социализма.

Книга «Исторический материализм» сыграла важную роль в улучшении преподавания и пропаганды исторического материализма. В то же время она, как и другие философские работы этих лет, имела в структуре и по существу изложения некоторых вопросов ряд недостатков, связанных с жестким следованием содержанию и трактовкам работы И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», а также его работы «Марксизм и вопросы языкознания», написанной в связи с дискуссией по вопросам языкознания (1950). «Анализ диалектического взаимодействия базиса и надстройки общественной формации, особенностей этого взаимодействия при социализме и капитализме, характера и типа скачка в общественных процессах, данных в ходе дискуссии, внес определенный вклад в марксистско-ленинскую науку и помог уяснению в новых условиях ряда проблем социалистического и коммунистического строительства. Наряду с правильными положениями были высказаны спорные, а также неточные положения и выводы. Не учитывались, например, особенности различных частей надстройки и преемственность отдельных надстроечных элементов»[16].

Недостатки первого издания книги «Исторический материализм» были устранены в новом, существенно переработанном ее издании, вышедшем после XX съезда КПСС. Трактовка исторического материализма, данная в этой книге, нашла отражение в научных исследованиях, пропагандистских работах и учебных пособиях, в которых, особенно после XX съезда, рассматривались важные вопросы материалистического понимания истории, анализировались общесо-

[14] Там же, с. 6.
[15] Там же, с. 7.
[16] История КПСС. М., 1970, т. 5, кн. 2, с. 251.

циологические законы и категории в связи с актуальными задачами коммунистического строительства [17].

Одним из важных теоретических вопросов, вставших перед советскими философами при анализе новой общественной формации, был вопрос *о характере социальных законов в социалистическом обществе*. До середины 30-х годов существовало мнение, будто бы при социализме общественные законы создаются людьми сознательно.

Решающая роль в создании социальных законов социализма приписывалась социалистическому государству [18]. Это вело к субъективно-волюнтаристической интерпретации закона, что представляло большую опасность для успешного строительства социализма. Подобная точка зрения впоследствии постепенно преодолевается. В 50-х годах появился ряд исследований об объективном характере законов строительства и развития социализма. В работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» был подчеркнут объективный характер законов развития социалистического общества, подвергалась критике неправильная точка зрения, согласно которой Советское государство может якобы произвольно создавать или отменять законы развития общества [19].

В трудах советских ученых социальный закон рассматривался как необходимая, внутренне присущая общественным явлениям главная тенденция их развития, как выражение основных, необходимых, повторяющихся связей и отношений. В советской философской литературе давалась характеристика основных признаков и черт социального закона, рассматривались условия, на базе которых возникает и функционирует тот или иной закон, требования, которые он предъявляет, действия, которые он вызывает. Большое внимание отводилось также исследованию взаимоотношения законов природы и законов общества, их специфике и различиям. При исследовании вопроса о социальной закономерности и сознательной

[17] См.: *Федосеев П. Н.* Исторический материализм — наука о законах развития общества. М., 1954; *Тугаринов В. П.* Законы природы и общества. М., 1956; *Он же.* Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958; *Козлов Д. Ф.* Исторический материализм как наука. М., 1958; *Приписнов В. И.* О предмете исторического материализма. Душанбе, 1959; *Караваев Г. Г.* Исторический материализм — составная часть марксистской философии. Л., 1969; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Исторический материализм. М., 1962; *Рожин В. П.* Введение в социологию. Л., 1962; Исторический материализм. Тбилиси, 1957. На груз. яз.; Вопросы марксистско-ленинской философии. Минск, 1956; Категории исторического материализма. Фрунзе, 1959; Вопросы исторического материализма. Ташкент, 1962. На узб. яз.; Исторический материализм. Алма-Ата, 1964; и др.

[18] Характерным примером такого толкования может служить следующая постановка вопроса: «Закономерности развития социалистической экономики создаются самим социалистическим государством рабочих и крестьян. Закономерности эти создаются и изменяются самим социалистическим государством, руководимым коммунистической партией» (*Борилин В.* О предмете политической экономии социализма и ее преподавании.— Большевик, 1937, № 1, с. 24).

[19] См.: *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 3—10.

деятельности людей подчеркивалось, с одной стороны, что социальные законы носят объективный характер, не зависят от воли и желания людей, а с другой,— что они реализуются лишь через практическую деятельность людей, масс, классов. Борьба против фатализма и субъективизма в понимании социальных законов являлась характерной чертой исследований советскими марксистами проблемы закона. Исследовались также общие и специфические законы общества, разрабатывался вопрос о познании и использовании социальных законов[20].

Диалектика производительных сил и производственных отношений. В связи с изучением закономерностей социализма большое внимание уделялось вопросу о диалектике развития социалистического способа производства. В работе «О диалектическом и историческом материализме» была выдвинута формула о полном соответствии между производительными силами и производственными отношениями при социализме. Отсутствие в социалистическом способе производства антагонистических противоречий между ними, характерных для буржуазного общества, Сталин рассматривал как полное соответствие между ними.

Формула Сталина получила широкое распространение в литературе по общественным наукам. Она истолковывалась многими философами в том смысле, что при социализме нет и не может быть никаких противоречий между этими двумя сторонами способа производства.

Положение о полном (или, что то же самое, абсолютном) соответствии противоречит требованиям материалистической диалектики, которая учит, что всякое соответствие является относительным, подвижным, так как развитие всегда носит противоречивый характер, осуществляется через противоречия. В. И. Ленин разъяснил, что соответствия, понимаемого в смысле отсутствия противоречий, нет и не может быть никогда в развитии природы и общества[21].

Формула о полном соответствии между производительными силами и производственными отношениями при социализме была односторонней и потому ошибочной, она уводила от исследования реальных процессов развития социализма, подменяла общесоциоло-

[20] См.: *Тугаринов В. П.* О законах объективного мира и законах науки.— Вопр. философии, 1952, № 4; *Он же.* Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954; *Штракс Г. М.* Категория закона в марксистско-ленинской философии. М., 1955; Некоторые вопросы закономерностей развития советского социалистического общества. Ярославль, 1955; *Матвеенков И. И.* Законы общественного развития и их использование. М., 1956; *Арутюнян А. Е.* О законах и закономерностях развития общества. Ереван, 1959; Некоторые вопросы развития социалистического общества. Баку, 1958; *Гончаренко Н. В.* Сознательное использование экономических законов — научная основа практической деятельности советского общества. Пермь, 1958; Вопросы строительства коммунизма в СССР. М., 1958; *Молодцов В. С.* Закономерности перехода к коммунизму. М., 1959; О закономерностях возникновения и развития социалистического общества. М., 1960; и др.

[21] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 135; т. 27, с. 312.

гический закон соответствия производственных отношений производительным силам, действующий во всех формациях, понятием полного соответствия, что вело к упрощенному представлению о действии этого закона при социализме. Отрицательное влияние этой формулы проявилось, в частности, в дискуссии, развернувшейся в 1940 г. на страницах журнала «Под знаменем марксизма». Высказанная в ходе дискуссии точка зрения, согласно которой движущим противоречием социалистического общества является неантагонистическое противоречие между двумя сторонами способа производства — растущими и развивающимися производительными силами общества и имеющими тенденцию отставать от них производственными отношениями[22], была отвергнута многими участниками дискуссии, обосновывавшими тезис о полном соответствии производительных сил и производственных отношений при социализме[23].

Вместе с тем в советской литературе 30—40-х годов отмечалось, что признание полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил не означает, что в социалистическом обществе вообще отсутствуют противоречия. Обращалось внимание, в частности, на существование противоречий в способе материального производства, а также между социалистическим общественным бытием и пережитками капитализма в сознании людей[24].

В 50-х годах в работах советских обществоведов дается более глубокая трактовка проблемы соотношения производительных сил и производственных отношений при социализме. В работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) признается, что полное соответствие между производительными силами

[22] См.: *Власов И.* К вопросу о движущем противоречии социалистического общества.— Большевик, 1940, № 3/4.

[23] См.: Обзор поступивших в редакцию статей по вопросу о соответствии производственных отношений характеру производительных сил при социализме.— Под знаменем марксизма, 1940, № 8.

[24] Так, в книге под редакцией Ф. В. Константинова «Исторический материализм» (1950) говорится, что «социалистический способ производства, конечно, знает свои противоречия, свои формы борьбы между новым и старым, свои особые формы преодоления этих противоречий. Но это *неантагонистические противоречия*, они разрешаются в рамках и на основе полного соответствия социалистических производительных сил и социалистических производственных отношений. Так, внутри социалистического способа производства возникают и разрешаются противоречия между развивающимися производительными силами и существующими формами организации и разделения труда» (с. 189). См. также: *Митин М. Б.* Победа социализма в СССР и остатки старого в новом.— Большевик, 1937, № 19; *Александров Г. Ф., Васецкий Г. С.* О преодолении пережитков капитализма в сознании людей.— Большевик, 1939, № 3; *Чагин Б. А., Пручанский Б. И.* О характере противоречий при социализме и путях их преодоления. Л., 1948; *Юдин П. Ф.* О полном соответствии производительных сил и производственных отношений в СССР.— Вопр. философии, 1948, № 1; О развитии советского социалистического общества. М., 1950; *Степанян Ц. А.* О постепенном переходе от социализма к коммунизму. М., 1951; *Константинов Ф. В.* Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. М., 1953; *Федосеев П. Н.* Производительные силы и производственные отношения социалистического общества. М., 1955.

и производственными отношениями нельзя понимать в абсолютном смысле. Не следует думать, что при социализме нет никакого отставания производственных отношений от роста производительных сил. И при социализме производительные силы, являясь наиболее подвижным и революционным элементом производства, идут впереди производственных отношений. Социалистическое общество имеет возможность своевременно привести отстающие производственные отношения в соответствие с производительными силами, не доводя дело до конфликта между ними. В течение некоторого времени понятие полного соответствия продолжало сосуществовать в тогдашней литературе с признанием возможности противоречий между двумя сторонами социалистического способа производства.

Во второй половине 50-х годов, особенно после XX съезда КПСС, появляются работы, рассматривающие диалектику производительных сил и производственных отношений развивающегося социалистического общества, составные элементы производительных сил и производственных отношений в условиях этого общества. Большое внимание уделяется роли науки, связи общественного и научно-технического прогресса при социализме[25]. Важное место в исследованиях по историческому материализму занимают проблемы качественных изменений, характера диалектических скачков при социализме, закономерностей социального прогресса[26].

Более глубоко и полно анализируется диалектика производительных сил и производственных отношений при социализме, подчеркивается активная роль социалистических производственных отношений как движущей силы развития производительных сил. Социалистические производственные отношения освещаются с точки зрения их роли в процессе улучшения материального положения и подъема культурного уровня людей. Во многих работах отмечается, что эти отношения являются важнейшим побудительным мотивом, главным фактором творческой активности народных масс.

В разработку названных вопросов все более активно включались ученые-марксисты из союзных и автономных республик[27].

[25] См.: *Фомина В. А.* Диалектика производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе. М., 1954; *Кураков И. Г.* Наука и техника в период развернутого строительства коммунизма. Некоторые вопросы развития. М., 1956; *Ковальзон М. Я.* Законы развития производительных сил и производственных отношений. М., 1957; Проблемы развития в природе и обществе. Л., 1958; *Осипов Г. В.* Техника и общественный прогресс. М., 1959; *Чесноков Д. И.* Диалектика производительных сил и производственных отношений. М., 1959; Основы марксистской философии. М., 1962; От социализма к коммунизму. М., 1962; *Фомина В. А., Белозерцев В. И.* Особенности развития социалистического способа производства. М., 1962.

[26] См.: *Степанян Ц. А.* Октябрьская революция и победа социализма в СССР. М., 1947; *Лем Г.* О переходе от старого качества к новому в общественном развитии. М., 1958; Основы марксизма-ленинизма. М., 1959; О диалектике развития советского социалистического общества. М., 1962.

[27] См.: *Абдрахманов М. И.* О роли социалистических производственных отношений в развитии производительных сил.— Учен. зап. Казан. ун-та, 1957, т. 117, кн. 5; *Гусев А.* Сочетание общественных и личных интересов при социализме. Минск, 1957; *Бос-*

Движущие силы развития социализма. Проблема противоречия при социализме. Для разработки исторического материализма в исследуемый период характерно большое внимание к проблеме противоречий при социализме.

В дискуссии по этому вопросу были высказаны различные точки зрения[28].

Противоречие является источником развития и при социализме, противоречие — одна из его движущих сил, считали одни авторы. Не сами по себе противоречия движут советским обществом, а преодоление, разрешение этих противоречий, которое осуществляется целенаправленно, сознательно коммунистической партией,— возражали им другие. Не все противоречия помогают развитию; нужно различать объективные противоречия, являющиеся источником и движущей силой развития, и противоречия, не вытекающие из природы социализма и представляющие собой помехи, трудности, препятствия,— считали третьи. Постепенно накапливалось все больше конкретного материала для разработки научно-философской классификации противоречий. Выделялись, в частности, противоречия общего характера между природой и обществом, между общественным бытием и общественным сознанием, базисом и надстройкой, производительными силами и производственными отношениями, производством и потреблением, между классами, городом и деревней, между физическим и умственным трудом и др. Обсуждался вопрос о правомерности выделения основного противоречия социалистического общества, а также о специфике противоречий при социализме в разных конкретно-исторических условиях.

Дискуссия 50-х годов о противоречиях при социализме, при всей ее незавершенности и выявившихся среди ее участников разногласиях, имела определенное положительное значение для разработки

танджян К. М. Основные черты социалистической экономики. Ереван, 1958. На арм. яз.; *Он же.* Диалектика становления коммунистического способа производства. М., 1967; *Дерюгин А. М.* Диалектика производительных сил и производственных отношений. Сталинабад, 1959; *Ширалиев Г. И.* Новые производственные отношения — главная сила в развитии производительных сил. Баку, 1960. На азерб. яз.; *Цвелих П. Т.* Развитие социалистических производственных отношений в период перехода к коммунизму. Киев, 1960; *Луарсумиани С.* О закономерности развития социалистического способа производства. Тбилиси, 1961. На груз. яз.; *Базаров А.* О соотношении моральных и материальных стимулов в производственной деятельности людей. Сталинабад, 1961; и др.

[28] См.: Вопр. философии, 1954, № 4; 1955, № 6; 1956, № 2, 4; 1957, № 1, 3, 4, 6; 1958, № 1, 2, 6, 8, 10, 11; *Чертков В. П.* Неантагонистические противоречия при социализме. М., 1957; *Даниелян М.* Марксизм-ленинизм о противоположности между умственным и физическим трудом. Ереван, 1957; *Гуджабидзе К.* К вопросу о внутренних и внешних противоречиях. Тбилиси, 1958; *Соболев А.* О противоречиях социалистического общества и путях их преодоления.— Коммунист, 1958, № 2; *Симонян Г. А.* Содержание и сущность антагонизма между физическим и умственным трудом. Баку, 1958; *Салманов Ш. Дж.* Характер и пути преодоления противоречий при переходе от капитализма к социализму. Баку, 1958. На азерб. яз.; *Он же.* Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления. Баку, 1959. На азерб. яз.; *Габриелян Г. Г.* Противоречия социалистического общества и пути их преодоления. Ереван, 1962.

теории советского социалистического общества, для всестороннего осмысления диалектики социализма.

Развитие и совершенствование социалистического строя требовало выявления и исследования движущих сил социалистического общества. В Отчетном докладе ЦК партии XVIII съезду указывалось, что на основе победившего социализма выросли и развернулись новые движущие силы общественного развития: морально-политическое единство, дружба народов, советский патриотизм.

Анализируя движущие силы развития советского общества, советские ученые показали, что и при социализме диалектика производительных сил и производственных отношений является главной движущей силой развития общества. Новые движущие силы выросли на базе социалистических производственных отношений и выражают их различные стороны. Эти силы отразили новую социально-классовую структуру победившего социализма, утверждение в широких народных массах марксистско-ленинской идеологии. В трудах советских философов подчеркивалось, что все эти достижения есть результат практической и теоретической деятельности Коммунистической партии [29].

Морально-политическое единство советских людей явилось выражением общности экономических и политических интересов и взглядов рабочих, крестьян, интеллигенции. Единство общества как новая движущая сила общественного развития стало возможным лишь тогда, когда установился единый социалистический способ производства.

Движущей силой развития социалистического общества является социалистический патриотизм, цементирующий как морально-политическое единство, так и дружбу народов. Сила социалистического патриотизма особенно наглядно проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда советский народ, разгромив фашистскую Германию и милитаристскую Японию, спас завоевания социализма, освободил многие народы Европы и Азии от ига фашизма, содействовал их социальному прогрессу [30].

[29] См.: О советском социалистическом обществе. М., 1948; О развитии советского социалистического общества. М., 1950; Великая сила идей ленинизма. М., 1950; *Константинов Ф. В.* О движущих силах развития социалистического общества. М., 1951; *Везиров Х.* Критика и самокритика — движущая сила советского строя. Баку, 1954; Критика и самокритика в советском обществе. М., 1955; *Каландадзе Д. Ф.* О движущих силах советского общества. Тбилиси, 1956. На груз. яз.; *Вардапетян К. Б.* О роли идей и теорий в общественном развитии. Ереван, 1957. На арм. яз.; *Дарахвелидзе А. В.* Роль марксистско-ленинских идей в развитии общества. Тбилиси, 1957.

[30] См.: *Митин М. Б.* Вопросы патриотизма в свете марксистско-ленинской теории М., 1946; О советском патриотизме. М., 1950; *Матюшкин И. И.* Советский патриотизм — могучая движущая сила социалистического общества. М., 1952; *Евстафьев Г. Н.* Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952; *Федосеев П. Н.* Социализм и патриотизм. М., 1954.

В результате победы социализма, коренных экономических, политических и культурных преобразований изменилась социальная природа прежних наций. На место национального антагонизма пришли дружба и взаимная поддержка в общей борьбе за социализм. Это многократно увеличивает силы советского народа и убыстряет темпы социального прогресса [31].

В 50-х годах, в особенности после XX съезда КПСС, стали появляться научные труды, в которых раскрывалась решающая роль сознательной и организованной деятельности народных масс в истории, исследовался вопрос о роли вождей и их связи с массами. Огромное стимулирующее значение для творческого подхода к разработке марксистско-ленинского учения о роли народных масс и личности в истории имели решения XX—XXII съездов КПСС и постановление Центрального Комитета партии «О преодолении культа личности и его последствий» (1956).

Анализу важных теоретических проблем, выдвинутых XX съездом КПСС в связи с критикой культа личности, была посвящена коллективная работа советских философов «Роль народных масс и личности в истории» (1957). В этой книге рассматривалась решающая роль народных масс в историческом процессе, в строительстве социализма и коммунизма, раскрывалась великая руководящая сила КПСС в борьбе за коммунистические преобразования. В книге подчеркивалась непримиримость К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по отношению к культу личности, а также значение их выступлений против анархистского отрицания роли и авторитета вождей и руководителей рабочего класса в борьбе за победу социалистической революции и социалистического строительства.

В ряде работ, вышедших в то время, конкретизировалось понятие «народные массы», показывалось, что его содержание меняется вместе с изменением исторических условий. Народ составляют лишь те классы и социальные слои, которые на определенном этапе истории способны решать прогрессивные задачи общественного развития. В условиях победившего социализма этим понятием охватываются все классы и социальные слои общества [32]. Народ рассматривается коммунистической партией как творец истории, решающая сила строительства коммунизма.

В связи с выявлением движущих сил и роли народных масс в развитии социализма получает определенную разработку и вопрос о роли субъективного фактора в истории, в развитии социалистиче-

[31] См.: *Каммари М. Д.* Марксизм-ленинизм и национально-колониальный вопрос. М., 1949; *Он же.* СССР — великое содружество социалистических наций. М., 1950; *Митин М. Б.* Марксизм-ленинизм о национальном вопросе. М., 1951; и др.

[32] См.: *Федосеев П. Н.* Роль народных масс и личности в истории; *Федоренко Е. Г.* О роли народных масс и личности в истории. Киев, 1957; *Бутенко А. П.* Народ как социологическая категория.— Вопр. философии, 1957, № 1; *Шаров А. Д.* Народ — тво-

ского общества[33]. Субъективный фактор определяется как сознательная организованная деятельность масс, классов, партий, отдельных личностей.

Если при капитализме общественное развитие носит, как правило, стихийный характер, то при социализме стихийный ход развития общества сменяется сознательным и планомерным, что ведет к ликвидации антагонизма в соотношении объективных условий и субъективного фактора.

В этих условиях роль субъективного фактора неизмеримо возрастает: он становится громадной силой ускорения процесса социалистических преобразований.

Нации и национальные отношения. В работах советских ученых теоретически осмысливался процесс формирования социалистических наций. В разработке проблем, связанных с этим процессом, советские марксисты опирались на труды В. И. Ленина, в которых впервые было сформулировано понятие социалистической нации. Опубликование работ Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» (1949) и «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) стимулировало появление большого числа публикаций о формировании и сотрудничестве социалистических наций, о развитии национальных отношений в СССР в период социализма.

В монографиях и статьях отмечалось, что процесс формирования социалистических наций охватывает целую историческую эпоху — от свержения буржуазии до полной победы социализма. Подчеркивалось, что возникновение и развитие социалистических наций — это скачок в развитии общества, особенностью которого является то, что он осуществляется постепенно и не стихийно. Становление социалистических наций обусловливалось объективными и субъективными факторами: созданием и развитием социалистического способа производства, явившегося материальной основой формирования социалистических наций, укреплением диктатуры пролетариата, которая являлась политической основой этого процесса, утверждением и победой марксизма-ленинизма среди широких народных масс, что составляло идейную основу процесса формирования и развития социалистических наций. Коммунистическая партия направляла этот сложный процесс и руководила им.

Социалистические нации возникали не только на базе старых буржуазных наций. В процессе строительства социализма формиро-

рец культуры. Киров, 1958; *Денисов В. В.* Против буржуазной клеветы на народные массы. М., 1960; *Топаз С. Е.* В. И. Ленин о роли народных масс как творцов истории. Ашхабад, 1960; Строительство коммунизма и рост творческой активности масс. М., 1960; *Малышев И. В.* О роли народных масс в советском социалистическом обществе. М., 1960.

[33] См.: *Глезерман Г. Е.* О роли субъективного фактора в развитии социалистического общества.— Партийная жизнь, 1955, № 24; *Каммари М. Д.* В. И. Ленин о роли субъективного фактора в истории.— Вопр. философии, 1955, № 2; *Федяев М. В.* В. И. Ленин о роли субъективного фактора в общественном развитии. Омск, 1961.

вались в социалистические нации и те народности, которые раньше еще не успели сложиться в нации, так как еще не прошли стадии капиталистического развития. Расцвет и развитие социалистических наций происходит не путем их обособления, а на основе тесного сотрудничества, постоянного сближения, глубокого взаимопонимания во всех сферах общественной жизни.

Особое внимание в трудах советских ученых уделялось раскрытию специфических особенностей социалистических наций, подчеркивались их новая социально-экономическая сущность и духовный облик, их социалистический интернационализм и патриотизм. Важной особенностью социалистических наций является их взаимопомощь, сотрудничество, дружба в строительстве социализма. Отдаленной перспективой постепенного сближения наций при полной победе коммунизма является их слияние и образование единой интернациональной общности людей[34].

В результате широкой разработки проблемы национальных отношений в 50-х годах появились труды, посвященные проблемам формирования украинской[35], белорусской[36], азербайджанской[37], армянской[38], таджикской[39], туркменской[40], узбекской[41] социалисти-

[34] См.: *Богоутдинов А. М.* О социалистических нациях советского Востока.— Вопр. философии, 1949, № 3; *Каммари М. Д.* СССР — великое содружество социалистических наций; *Мординов А. Е.* О развитии языков социалистических наций в СССР.— Вопр. философии, 1950, № 3; *Он же.* Расцвет и взаимное обогащение культур народов СССР.— Вопр. философии, 1951, № 6; *Цамерян И. П.* Великая эпоха формирования и развития социалистических наций в СССР. М., 1951; *Он же.* Марксистско-ленинская теория по национальному вопросу. М., 1954; Социалистические нации в СССР. М., 1955; *Алтмышбаев А.* Некоторые особенности формирования и развития социалистической культуры народов советского Востока. Фрунзе, 1958; *Он же.* О некоторых особенностях формы перехода народов Средней Азии к социализму. Фрунзе, 1959; О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры. М., 1959.

[35] См.: Торжество идеологии дружбы народов на Украине. Киев, 1953. На укр. яз.: *Воробьев И. Ф.* О возникновении и развитии украинской социалистической нации. Киев, 1955. На укр. яз.; *Емельяненко Г. Г.* Октябрьская революция и разрешение национального вопроса в СССР. Киев, 1957. На укр. яз.

[36] См.: Формирование и развитие белорусской социалистической нации. Минск, 1958; Развитие белорусской социалистической культуры. Минск, 1960.

[37] См.: *Наджафов А. Ю.* Формирование и развитие азербайджанской социалистической нации. Баку, 1955.

[38] См.: *Меликян М. А.* К вопросу о формировании армянской нации и ее социалистическом преобразовании. Ереван, 1957. На арм. яз.

[39] См.: *Богоутдинов А. М.* О консолидации таджикской социалистической нации. Сталинабад, 1955. (Тр. АН ТаджССР; Т. 31); *Он же.* К вопросу о консолидации таджикской нации. Сталинабад, 1957.

[40] См.: *Овезбердыев Ч.* Образование и развитие туркменской социалистической нации. М., 1953; *Мухаммедбердыев К.* О формировании туркменской социалистической нации.— Тр. ТФИМЛ при ЦК КПСС, 1955, вып. 1; *Репин И. Л.* Расцвет культуры Советского Туркменистана. Ашхабад, 1957; *Мухаммедбердыев К., Росляков А. А.* Об отсталых племенах и социалистической нации.— В кн.: Формирование социалистических наций в СССР. М., 1962; *Пальванова Б.* Культура солнечной Туркмении.— В кн.: Развитие социалистической культуры в союзных республиках. М., 1962; и др.

[41] См.: *Вахабов М. Г.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961; *Аббушукуров Р. Х.* Октябрьская революция, расцвет узбекской социалистической

ческих наций, социалистических наций в республиках Советской Прибалтики[42], Северного Кавказа[43], Поволжья[44], Сибири[45].

Из многих проблем теории наций и национальных отношений своей особой актуальностью и практической значимостью выделяется вопрос о формировании и развитии наций у народов и народностей, не прошедших капиталистической стадии развития. На решении этой проблемы сосредоточены усилия большого отряда советских ученых, особенно в республиках Средней Азии и Казахстана, Северного Кавказа, Поволжья, Приуралья и Сибири.

В данном случае значительное внимание уделялось разработке различных аспектов процесса консолидации народов в социалистические нации. При этом отмечалось, что народы, не прошедшие в своем историческом развитии капиталистической стадии, консолидировались в социалистические нации благодаря Октябрьской социалистической революции, в ходе строительства социализма. Опыт строительства социализма в нашей стране показал, что социализм и расцвет наций неотделимы, что социалистический путь — это путь возрождения всех наций и народностей, коренного изменения их экономической жизни, социально-классовой природы и духовного облика, путь взаимообогащения наций и национальных культур. Практика полностью подтвердила выдвинутое еще до Октябрьской революции В. И. Лениным теоретическое положение о том, что при социализме в противоположность капитализму будет происходить неуклонное сближение наций и народностей на базе всестороннего расцвета их экономики и культуры.

Рассматривая различные пути формирования социалистических наций — на базе буржуазных наций и на базе народностей, не прошедших капиталистической стадии развития, советские исследователи указывали на общие закономерности, присущие процессу формирования всех социалистических наций, так как и в том и в другом случае речь идет об образовании нового исторического типа наций, складывающегося в ходе создания и развития социалистического способа производства. В связи с этим отмечалось, что было бы неправильно искать какие-то принципиальные различия между образованием социалистических наций на базе уже сложившихся ранее буржуазных наций и формированием их на базе народностей

нации и сближение ее с нациями СССР. Ташкент, 1961; *Шермухаммедов О.* О национальной форме социалистической культуры узбекского народа. Ташкент, 1961.

[42] См.: *Зиманас Г.* Предпосылки и условия формирования литовской социалистической нации. Вильнюс, 1963. На литов. яз.

[43] См.: *Бербеков Х. М.* Образование и развитие кабардинской социалистической нации. Нальчик, 1958.

[44] См.: *Яшин И. А.* Формирование мордовской социалистической нации. Саранск, 1960; *Еналеев Ш. М.* Осуществление ленинской национальной политики в Татарии. Казань, 1960.

[45] См.: *Затеев В. И.* К вопросу о формировании бурятской народности.— Учен. зап. ВГПИ, Улан-Удэ, 1961, вып. XXIII.

и этнических групп, ибо общей экономической основой формирования всех социалистических наций является создание социалистических производственных отношений. Вместе с тем учитывалось, что формирование и развитие социалистических наций на базе народностей и племенных групп являлось более сложным и трудным процессом. Ликвидация патриархально-феодальных и других докапиталистических отношений, экономической и культурной отсталости, переход к оседлому образу жизни, создание экономических и культурных центров, ликвидация территориальной раздробленности — решение всех этих задач советские исследователи рассматривают как важнейшие дополнительные факторы в процессе формирования социалистических наций на базе народностей и этнических групп.

Исследуя этапы формирования и развития социалистических наций, советские ученые пришли к выводу, что социалистические нации сложились в одни и те же сроки, примерно в первой половине 30-х годов. На большом и разнообразном фактическом материале в работах анализируется огромная и всесторонняя братская экономическая, политическая и культурная помощь великого русского народа и других народов и наций Советского Союза ранее отсталым окраинам России.

Вскрывая общие, характерные для всех народов СССР процессы формирования социалистических наций, ученые союзных и автономных республик стремятся в то же время всесторонне выявить их различные аспекты и факторы. Так, философы Киргизии большое внимание уделяли социалистическому образу жизни как фактору сближения наций. Анализируя закономерности становления киргизской социалистической нации, исследователи отмечали изменения в психологии киргизского народа, обусловленные взаимодействием и взаимопроникновением киргизской, русской и других национальных культур. В работах, посвященных проблеме сближения наций, взаимообогащению их культур, ученые Казахстана показывают процесс дальнейшего сближения наций, расширения и углубления общих черт в их духовном облике, происходящий в период строительства коммунизма. В прибалтийских и других советских республиках подвергалась острой критике буржуазно-националистическая идеология. Партийные организации, ученые-марксисты Латвии, Литвы и Эстонии многое сделали для воспитания трудящихся в духе интернационализма, дружбы народов, для критики буржуазного национализма [46].

Классовая структура общества. Диалектика развития социалистического государства. Победа социализма коренным образом изменила социально-классовую структуру советского общества. В ре-

[46] См.: *Пельше А.* Боевая программа идеологической работы.— Большевик Советской Латвии, 1948, № 6; *Калнберзин Я.* Воспитание трудящихся в духе дружбы народов.— Большевик Советской Латвии, 1955, № 11; *Воос А. Э.* Вопросы воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов. М., 1961; и др.

золюции XVIII съезда партии указывалось, что «социалистическое общество в СССР состоит теперь из двух дружественных друг другу классов — из крестьян и рабочих, грани между которыми, а также между этими классами и интеллигенцией стираются, постепенно исчезают... Победа социализма в СССР обеспечила невиданное раньше нигде внутреннее моральное и политическое единство народа»[47].

В трудах советских философов показывалось, что с уничтожением эксплуататорских классов, а также с кооперированием крестьянства в нашей стране исчезли классовые антагонизмы, хотя и сохранились классы, существование которых обусловливается наличием общенародной и колхозно-кооперативной форм социалистической собственности. Между рабочим классом, кооперированным крестьянством и народной интеллигенцией (как особой социальной прослойкой) установились дружеские отношения. Они базируются на едином социалистическом способе производства, имеют единую цель — построение социализма и коммунизма. В СССР классовая борьба исчезла как движущая сила развития общества. Основной фронт классовой борьбы теперь перенесен на мировую арену, направлен против международного империализма. Внутри страны ведется борьба против носителей буржуазных нравов, частнособственнической психологии.

Однако разработка вопроса о классах советского общества затруднялась ошибочной формулой о том, что по мере успехов в строительстве социализма классовая борьба в стране будет обостряться[48].

В трудах советских философов анализировались качественные изменения, которые произошли с построением социализма в социальной природе классов в СССР, раскрывалась специфика союза рабочего класса и крестьянства при социализме, определялись формы этого союза и их значение для успешного строительства социализма. В союзных и автономных республиках появляются исследования по проблемам классов, социальной структуры общества на примере национальных республик[49].

Изменения социально-классовой структуры общества стимулировали разработку *теории социалистического государства*. В Отчет-

[47] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1971, т. 5, с. 336.

[48] См.: *Сталин И. В.* О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников.— Большевик, 1937, № 7.

[49] См: *Глезерман Г. Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; *Чернов Ф. Ф.* Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы. М., 1950; Великая сила идей ленинизма. М., 1950; *Векмурадов Х.* Марксизм-ленинизм о классах и классовой борьбе. Ашхабад, 1957. На туркм. яз.; *Овезбердыев Ч.* Марксистско-ленинская теория классов, классовой борьбы и государства и современный ревизионизм. Ашхабад, 1959. На туркм. яз.; *Чедавичюс А.* Классы и классовая борьба. Вильнюс, 1959. На литов. яз.; и др.

ном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии была дана характеристика основных фаз в развитии социалистического государства, проанализированы его основные функции на современном этапе, подчеркнута необходимость сохранения и укрепления социалистического государства.

Социологические проблемы государства ставились и разрабатывались в трудах ряда советских ученых — Д. И. Чесноковa, М. А. Аржанова и др. Отвергая ревизионистские и анархистские концепции, ученые нашей страны обосновывали необходимость укрепления Советского государства для построения социализма и коммунизма и считали, что только в условиях полного построения коммунизма, когда капитализм исчезнет с нашей планеты, государство перестанет существовать[50]. Вместе с тем в ряде трудов 40-х — начала 50-х годов в трактовке проблем социалистического государства допускались элементы субъективизма и волюнтаризма. Авторы некоторых работ забывали известное ленинское положение, что сила социалистического государства состоит в сознательности масс, в их сплоченности вокруг коммунистической партии. Они четко не осознавали, что главным методом социалистического государства в руководстве обществом является убеждение.

Значительное место в исследованиях проблем исторического материализма занимала борьба с реакционными буржуазными и ревизионистскими концепциями, критика буржуазной социологии[51].

Советские ученые рассматривали закономерность обострения борьбы между марксизмом и буржуазной идеологией как результат общего кризиса капитализма. Они показали, что буржуазную философию и социологию характеризуют глубокий пессимизм и страх перед революционными силами, агностицизм и неверие в науку, в силы и возможности человека, мистицизм и отрицание прогресса, злобный антикоммунизм и антисоветизм. Вместе с тем

[50] См.: *Чернов Ф.* Советское социалистическое государство. М., 1951; *Чесноков Д. И.* Советское социалистическое государство. М., 1952; *Он же.* Роль социалистического государства в строительстве коммунизма. М., 1959; *Каландадзе Д. Ф.* Марксизм-ленинизм о базисе и надстройке. Тбилиси, 1955; *Василенко В. Л.* Роль советского государства в создании социалистического способа производства. Киев, 1957. На укр. яз.; *Цамерян И. П.* Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития. М., 1958; *Аржанов М. А.* Государство и право в их взаимоотношении. М., 1960.

[51] См.: *Быховский Б. Э.* Маразм современной буржуазной философии. М., 1947; *Он же.* Основные течения современной идеалистической философии. М., 1957; *Баскин М. П.* Англо-американская социология на службе империализма. М.; Л., 1949; *Он же.* Фидеизм и идеализм на службе у англо-американского империализма. М., 1951; *Семенов Ю. Н.* Фашистская геополитика на службе американского империализма. М., 1952; *Замошкин Ю. А.* Психологическое направление в современной буржуазной социологии. М., 1958; *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Семенов В. С.* Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии. М., 1959; Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960; *Модржинская Е. Д.* Идеология современного колониализма. М., 1961; *Францев Ю. П.* Мифы идеологов антикоммунизма.— Коммунист, 1961, № 4; *Гвишиани Д. М.* Социология бизнеса. М., 1962; и др.

советские философы выявили несостоятельность буржуазной фальсификации научно-материалистической теории исторического процесса, подчеркивали великую силу и непреоборимость марксистско-ленинских идей.

Была вскрыта, в частности, несостоятельность буржуазных концепций классов и классовой борьбы, которые занимают одно из центральных мест в буржуазной социологии. Разоблачая апологетическую сущность теорий социальной стратификации и социальной мобильности, советские ученые показали, что единственно верную картину классовой структуры и тенденций обострения классовой борьбы в буржуазном обществе дает теория исторического материализма.

Много внимания уделялось критике социологических концепций современного ревизионизма, анализу его теоретико-гносеологических и методологических корней — субъективизма и агностицизма, идеализма и метафизики, его реакционной классовой сущности [52].

Базис и надстройка. Общественное бытие и общественное сознание. Актуальные проблемы исторического материализма обсуждались в ряде теоретических дискуссий (о взаимодействии базиса и надстройки, об объективном характере законов исторического развития и т. д.).

В дискуссии 1950 г. по языкознанию были высказаны неверные суждения о базисе и надстройке. И. В. Сталин, а вслед за ним и некоторые философы считали, что в антагонистических формациях надстройка является совокупностью взглядов и учреждений лишь господствующего класса и что она всецело ликвидируется вместе с ликвидацией экономического базиса. Эта ошибка была исправлена в работах советских философов второй половины 50-х годов, в которых доказывалось, что в надстройке антагонистического общества содержатся взгляды и учреждения как господствующего класса, так и угнетенных классов. Только такое целостное понимание дает возможность вскрыть отражаемые в надстройке закономерности экономического базиса, определить различные тенденции в развитии надстройки. Подчеркивалось, что признание одноклассового характера надстройки эксплуататорских формаций и исключение из нее взглядов и учреждений угнетенных классов неизбежно ведут к снятию противоречий в надстройке, отражающей противоречия и борьбу классов в экономическом базисе общества, могут привести к недооценке прогрессивной культуры предшествующих общественных формаций [53].

[52] См.: Ревизионизм — главная опасность. М., 1958; Против современного ревизионизма. М., 1958; *Бутенко А.* Основные черты современного ревизионизма. М., 1959; Великая хартия коммунистических и рабочих партий. М., 1961; и др.

[53] См.: Коммунист, 1957, № 4; *Глезерман Г. Е.* Базис и надстройка в советском обществе. М., 1954; *Каммари М. Д.* Что такое базис и надстройка общества. М., 1957; *Он же.* Некоторые вопросы теории базиса и надстройки.— Коммунист, 1956, № 10;

Ряд работ, посвященных проблеме базиса и надстройки, был издан в национальных республиках [54].

В связи с исследованием вопроса о базисе и надстройке рассматривались и *проблемы общественного бытия и общественного сознания, роли передовых идей, культуры и культурной революции* [55]. Наряду с этим в послевоенный период еще недостаточно исследовались вопросы психологии; общественное сознание нередко сводилось по существу к идеологии.

После XX съезда КПСС оживилась работа по исследованию широкого круга вопросов, связанных с определением общественного сознания, выявлением его структуры, закономерностей его развития. Освещались отдельные формы общественного сознания и их взаимодействие. Много внимания уделялось общественной психологии и ее соотношению с идеологией, выявлению противоречивости и неравномерности развития общественного сознания, анализу пережитков прошлого в сознании людей и путей их преодоления в условиях социалистического строительства [56].

Во второй половине 50-х годов широкое развитие получили социологические исследования, проводившиеся в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Горьком, Воронеже и других городах.

Объектом социологических исследований стали различные аспекты изменения характера труда, роста культурно-технического уровня рабочего класса и крестьянства, формирования коммунистиче-

Корнеев М. Н. Наука и надстройка. М., 1958; Базис и надстройка социалистического общества. Л., 1961; и др.

[54] См.: *Чарыев Г., Сосонкин И. Л.* О базисе и надстройке.— Большевик Ашхабада, 1952, № 5; *Кули-заде.* Роль надстройки в антагонистическом обществе. Баку, 1958; *Васенев С. А.* Возрастание роли социалистической надстройки в строительстве коммунизма.— В кн.: Сб. трудов Марийского пединститута им. М. Горького. Йошкар-Ола, 1969, № 59, вып. 1; и др.

[55] См.: *Константинов Ф. В.* Роль передовых идей в общественном развитии. М., 1940; *Карпов Г. Г.* О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954; *Ким М. П.* Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955; *Гливерман Г. Е.* Общественное бытие и общественное сознание. М., 1958; *Мординов А. Е.* О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры. М., 1959; *Джандильдин И.* Развитие культуры и науки в Советском Казахстане. Алма-Ата, 1956; *Киселев А. Л.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959; *Ковалев С. М.* Коммунистическое воспитание трудящихся. М., 1960; Вопросы теории и практики коммунистического воспитания трудящихся. М., 1962.

[56] См.: Формы общественного сознания. М., 1951; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Формы общественного сознания. М., 1959; *Егоров А.* Искусство и общественная жизнь. М., 1959; *Новчук М. Т.* Закономерности развития общественного сознания при социализме. М., 1959; *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1959; *Фомина В. А.* Общественное сознание и закономерности его развития. М., 1960; Формы общественного сознания. М., 1960; *Нестеренко Г. Я.* Идеология, ее особенности и формы. М., 1960; *Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М., 1960; *Гак Г. М.* Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960; *Журавлев В. В.* Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. М., 1961; *Увинович Д. М.* О специфике религии. М., 1961; *Ядов В. А.* Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961; *Ильичев Л. Ф.* Научная основа руководства развитием общества. М., 1962.

ского отношения к труду; изучались процессы, происходящие в духовной жизни общества, развитие социалистической культуры в национальных республиках, рациональное использование свободного времени, борьба против пережитков прошлого и т. д.[57] Разработка и применение методов социологических исследований, опирающихся на научную теорию исторического материализма, давали ценные результаты, которые стали служить важным фактором для выработки практических рекомендаций по управлению социальными процессами, являлись эффективным средством развития и совершенствования всех сторон и сфер жизни социалистического общества, становились ценным источником обогащения теории исторического материализма, формой его животворной связи с практикой социалистических преобразований.

Победа народно-демократических революций в ряде стран, образование и развитие мировой системы социализма поставили перед философской советской наукой новые задачи по изучению опыта социалистического строительства в различных странах, соотношения между общими законами становления и развития социализма и конкретными формами их проявления в каждой из стран в соответствии с исторически сложившейся экономической и социальной структурой, историческими традициями и т. д., многообразия путей перехода к социализму, закономерностей нового типа взаимоотношений стран в мировой системе социализма. Этим проблемам были посвящены многие работы советских авторов[58].

В трудах советских марксистов на основе анализа развития мирового революционного процесса получило дальнейшее подтверждение и развитие ленинское положение о том, что все нации придут к социализму, но каждая из них внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни.

Важные положения о соотношении общих и специфических законов, общего и особенного в строительстве социализма содержались

[57] См.: Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961; Знаменосцы коммунистического труда. М., 1961; Общественное и личное. Воронеж, 1961; Внерабочее время трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. Свердловск, 1961. Вып. 1—3; *Дурдыев Т.* Подъем культурного уровня туркменского дайханства в послевоенный период. Ашхабад, 1962; *Бабий А., Ермуратский В.* Расцвет культуры молдавского села. Кишинев, 1962; Развитие социалистической культуры в союзных республиках. М., 1962; и др.

[58] См.: *Константинов Ф. Т.* Болгария на пути к социализму. М., 1953; *Соболев А. И.* Народная демократия — новая форма политической организации общества. М., 1953; *Он же.* Марксизм-ленинизм о формах перехода от капитализма к социализму. М., 1958; *Джунусов М.* Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах. М., 1958; Содружество стран социализма. М., 1958; *Заводов К.* О формах перехода различных стран от капитализма к социализму. М., 1959; О народной демократии в странах Европы. М., 1959; *Глезерман Г. Е.* О законах общественного развития. М., 1960; Общие закономерности и особенности перехода к социализму в разных странах. М., 1962; и др.

в Декларации (1957) и Заявлении (1960) Совещаний коммунистических и рабочих партий. В них были четко сформулированы закономерности социалистического строительства, которые обязательно проявляются в каждой стране, вступающей на путь социализма: «Руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов: солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм»[59].

Были указаны общие закономерности, действующие в мировой системе социализма, принципы отношений между странами социализма[60].

В документах Совещаний подчеркивалось, что попытки догматизировать опыт какой-либо страны и навязать его другим странам, пренебрежение национальным своеобразием, конкретными условиями социалистических преобразований в равной мере как и отрицание общих закономерностей за счет раздувания абсолютизации национальной специфики социалистического строительства, причиняют ущерб общему делу социализма[61].

Диалектико-материалистическое понимание соотношения объективного и субъективного, стихийного и сознательного легло в основу закрепленных в партийных документах и развиваемых советскими учеными положений о закономерном характере возрастающей роли и значения КПСС как организующей, руководящей и направляющей силы советского общества в условиях социализма и перехода к коммунизму[62].

[59] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961, с. 12—13.

[60] См.: Там же, с. 50—51.

[61] См.: Там же, с. 52.

[62] См.: Коммунистическая партия — направляющая и руководящая сила советского народа.— Правда, 1953, 10 июня; *Глезерман Г. Е.* КПСС — руководящая сила социалистического государства. М., 1954; *Степанян Ц. А.* Коммунистическая партия — великая

В партийных документах были выявлены объективные основы возрастающей роли партии в коммунистическом строительстве, сделан вывод о том, что КПСС, не теряя своего классового характера, превратилась в партию всего народа.

В материалах XX—XXII съездов КПСС, трудах советских ученых дается анализ характера современной эпохи, исследуются закономерности мирового революционного процесса, проблемы войны и мира.

Великий Октябрь открыл новую эпоху всемирной истории. Характеризуя ее, В. И. Ленин писал: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»[63].

Опираясь на ленинскую методологию, анализируя и обобщая коренные изменения, происшедшие после Октября и в современном мире, марксисты-ленинцы дали развернутое определение современной эпохи, охарактеризовали ее основное содержание как переход от капитализма к социализму, указали на то, что современная эпоха есть эпоха борьбы двух диаметрально противоположных общественных систем, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода к социализму все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. В «Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий» (1960) отмечалось, что «в центре современной эпохи стоит международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма»[64].

Капитализм навсегда утратил историческую инициативу. Мировая система социализма превращается в решающую силу исторического прогресса: в союзе с рабочим движением капиталистических стран и национально-освободительным движением она определяет направление и судьбы мирового общественного развития. Мировая система социализма, являясь главной революционной силой современности, объединяет все революционные силы международного пролетариата и национально-освободительного движения. Связь между революционными силами современной эпохи имеет многосторонний характер: мировая система социализма оказывает материальную, политическую, моральную помощь и поддержку всем прогрессивным силам современного мира, а рабочее и национально-

преобразующая сила общества.— Вопр. философии, 1955, № 6; Массы, партия, руководитель в борьбе за коммунизм.— Коммунист, 1956, № 5; *Румянцев А.* Творческий марксизм-ленинизм и политика партии.— Коммунист, 1957, № 11; *Якубовский В. Е.* Воздействие политики КПСС на совершенствование социалистических производственных отношений. М., 1958.— (Учен. зап. АОН при ЦК КПСС. Вып. 43); *Николаев В. В.* Возрастание руководящей роли КПСС в период развернутого строительства коммунизма.— Вопр. философии, 1959, № 10; *Ильичев Л.* Научная основа политики ленинской партии.— Правда, 1961, 21—23 апр.; *Платковский В. В.* Партия строителей коммунизма.— Вопр. философии, 1961, № 8; и др.

[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 425.

[64] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, с. 46.

освободительное движение, в свою очередь, оказывает поддержку мировому социализму в решении стоящих перед ним задач. Единство всех этих революционных сил имеет первостепенное значение для антиимпериалистической борьбы. Инициатором создания боевой программы единых антиимпериалистических действий, всех революционных и демократических сил выступают коммунистические и рабочие партии.

Правильное определение стратегии и тактики всех революционных сил предполагает научное понимание основного противоречия современной эпохи. Таким противоречием, которое оказывает определяющее влияние на все другие, в том числе и на решение противоречия между трудом и капиталом в странах империализма, а также противоречия между империализмом и национально-освободительным движением, является противоречие между капитализмом и социализмом.

Противоречие между двумя общественными системами является всемирным, охватывает все сферы всемирной истории: экономику, политику, культуру и идеологию.

Борьба против империализма неотделима от борьбы за мир во всем мире. Образование мировой системы социализма, растущая мощь СССР, подъем рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения изменили соотношение сил в пользу сил мира, демократии и социализма. КПСС и другие братские марксистско-ленинские партии сделали принципиальный вывод, что объединенными усилиями мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения, всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил «мировую войну можно предотвратить»[65].

Радикальный путь обеспечения прочного мира — всеобщее и полное разоружение при строгом международном контроле. Мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим строем — объективная необходимость развития человеческого общества в век термоядерного оружия. Оно отвечает интересам всех стран, всех народов. Социализм и мир неразделимы.

* * * * *

Как свидетельствуют факты, в рассматриваемый период КПСС, советские философы продолжали неуклонно отстаивать принципы материалистического понимания истории, конкретизировать и разрабатывать теорию исторического материализма, давая конструктивное решение ряда важных проблем марксистско-ленинской социологии. К 60-м годам советская философская наука, изучая социальные явления, достигла определенных теоретических результатов, позволивших в условиях построения зрелого социалистического

[65] Там же, с. 57.

общества развернуть широким фронтом научные исследования, совершенствовать принципы, обогащать содержание и категориальный аппарат исторического материализма как идеологической, методологической и социально-философской базы всего обществознания.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

1

Основные направления научно-исследовательской работы в области исторического материализма

Начиная с 60-х годов исследования в области исторического материализма характеризуются не только их активизацией и расширением проблематики, но и качественным сдвигом, выразившимся в более глубокой постановке и разработке социально-философских проблем, выдвинутых всем ходом борьбы за упрочение и дальнейшее развитие реального социализма, потребностями борьбы против идейно-политических диверсий реакционных антисоциалистических сил.

60-е и 70-е годы — годы огромных исторических перемен, выразившихся как в дальнейших серьезных изменениях в соотношении мировых социально-классовых сил в пользу социализма, так и в особенности в успешном продвижении стран социалистического содружества к стадии зрелого социалистического общества, а Советского Союза — во вступлении в эту стадию.

60-е и 70-е годы явились также временем, когда в условиях сосуществования противоположных социально-экономических систем в мире развернулась научно-техническая революция, которая при определенном сходстве ее собственно научных и технико-технологических процессов вызвала совершенно различные социальные последствия в странах капитала и в странах социализма. В эти же годы во весь рост встали так называемые глобальные проблемы, имеющие жизненно важное значение для судеб всего человечества и требующие для своего теоретического осмысления и практического разрешения объединенных усилий всех стран и народов. К ним, помимо кардинальнейшей проблемы войны и мира, относятся: энергетическая, материально-сырьевая, продовольственная, природоохранная, демографическая и другие проблемы.

Вступление нашей страны в качественно новый этап развития — этап зрелого социалистического общества — поставило новые величественные задачи не только в области экономики, социального развития, совершенствования политической системы, но и в области духовной жизни — идеологии, науки, образования, литературы и искусства.

Возрастание масштабности и сложности задач совершенствования социалистического строя делает потребность дальнейшего обогащения и творческого развития марксистско-ленинской философии, и в частности. исторического материализма, все более настоятельной. Решающую роль в определении основных направлений развития марксистско-ленинской теории играли и играют важнейшие документы Коммунистической партии Советского Союза, решения ее XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов, Пленумов ЦК КПСС, постановления ЦК КПСС по идеологическим вопросам.

Требование объективного, строго научного подхода к разработке важнейших проблем социального развития партия с особой строгостью предъявила к работникам научно-обществоведческого фронта. Во весь рост был поставлен вопрос о качестве, актуальности и действенности научных исследований. 14 августа 1967 г. Центральный Комитет принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Постановление ориентировало теоретические кадры партии на тесную связь научно-исследовательской работы с практикой коммунистического строительства, с поиском наиболее рациональных и эффективных методов реализации преимуществ социалистического строя, с задачами подъема работы по идейно-политическому воспитанию трудящихся. Указав на положительное влияние, которое оказали на развитие общественных наук проведенные партией мероприятия по преодолению последствий культа личности, субъективизма и волюнтаризма, на значение теории в обеспечении научного руководства развитием социалистического общества, ЦК КПСС обратил внимание на недостатки, выразившиеся в области философии прежде всего в отставании в исследовании фундаментальных теоретических проблем, всесторонне раскрывающих механизм действия закономерностей современного общественного развития, зачастую в поверхностном анализе реальных процессов общественной жизни, что «мешает правильной оценке исторического опыта и перспектив развития нашего общества»[1]. ЦК КПСС определил перспективные направления комплексного развития научно-исследовательской работы в области философских, экономических, правовых наук, научного коммунизма и истории КПСС. В сфере исторического материализма была поставлена общая проблема развития исторического материализма как общесоциологической теории, а также задачи разработки методологических проблем

[1] Об идеологической работе КПСС. М., 1977, с. 460.

общественных наук, изучения диалектики социалистического общества и противоречий современного капитализма, соотношения объективных и субъективных факторов общественного развития, динамики социальной структуры социалистического общества, проблем совершенствования социалистических общественных отношений и их перерастания в коммунистические, исследования закономерностей общественного сознания, проблем личности и коллектива, общества и государства [2].

Под руководством ЦК КПСС в конце 60-х и в 70-х годах были подготовлены принципиально важные в политическом и теоретическом отношениях документы, содержавшие глубокие теоретические обобщения опыта развития нашей страны, всей мировой системы социализма, развертывания мирового революционного процесса и формулировавшие новые положения и выводы. Особенно следует указать на тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» (1967), тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1969), постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» (1972), постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» (1977), постановление ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1979), постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979), постановление июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии».

В 70-х годах органы ЦК КПСС газета «Правда» и журнал «Коммунист» выступили с принципиально важными редакционными статьями, в которых давался обстоятельный анализ и достижений и недостатков в работе советских философов и в соответствии с указаниями съездов КПСС уточнялись и конкретизировались основные направления разработки актуальных философских проблем [3]. «Правда» отмечала, в частности, что в предшествующий период «оказалось неоправданно ослабленной разработка общетеоретических проблем исторического материализма». Советские философы, работающие в этой области, были направлены «на подготовку концептуальных работ, развивающих исторический материализм и как общесоциологическую теорию, и как социально-философское знание», на создание в содружестве с другими обществоведами «комплексного обобщающего труда по марксистской теории исторического процесса».

Указав на определенные научные достижения советской философской мысли, журнал «Коммунист» подчеркнул, что «новые яв-

[2] См.: Там же, с. 463.

[3] Высокий долг советских философов.— Правда, 1975, 19 сент.; О состоянии и направлениях философских исследований.— Коммунист, 1979, № 15.

ления общественной жизни и научные достижения обязывают по-новому, на более высоком уровне ставить и решать фундаментальные проблемы философии»; должны быть решительно изжиты осужденные партией пороки схоластического теоретизирования, с одной стороны, и скороспелого, претенциозного псевдоноваторства — с другой. Подчеркивалось также, что необходимо преодолеть известный разрыв между исследованиями в области диалектического и в области исторического материализма, углубить связи последнего с теорией научного коммунизма, что по-прежнему актуальна «задача создания целой отрасли исследований методологии социального познания», что необходимо ликвидировать отставание исследований таких проблем теории марксизма, как теория общественно-исторического процесса, общественно-экономических формаций, в том числе и главным образом коммунистической, как диалектика современных социальных процессов, диалектика развития отдельных сфер общественной жизни и их взаимодействия.

Сформулированные на XXIV—XXVI съездах партии, в партийных документах основные направления разработки философских проблем знаменовали собой начало поворота в сторону углубленной разработки философских проблем исторического материализма на основе обобщения и осмысления общественной практики, актуальных задач социалистического и коммунистического строительства, мирового революционного процесса, общего кризиса капитализма, проблемы войны и мира, экологической, энергетической, ресурсной, демографической и других глобальных проблем. На базе изучения процессов общественного развития в последние десятилетия развернулась работа по исследованию отдельных фундаментальных проблем исторического материализма, по разработке его законов и категорий.

Углублены представления о функциях исторического материализма: методологической, гносеологической, логической, мировоззренчески-идеологической. Исторический материализм представляется как общесоциологическая теория и всеобщий метод познания социальных явлений и преобразования действительности.

Обогащение и совершенствование законов и категориального аппарата исторического материализма, выявление глубоких связей между ними породили возможность и необходимость построения системы категорий, которая позволила бы в наиболее полном виде выразить развитие общества. В связи с этим советские философы сосредоточивают внимание на выявлении исходных принципов построения такой системы категорий.

В 60-х годах на реализации историческим материализмом его философско-мировоззренческой и методологической функций все более отрицательно сказывалось то обстоятельство, что трем основным составным частям марксизма-ленинизма: философии, политической экономии и научному коммунизму — фактически соответствовали лишь две самостоятельные научно-исследовательские и учеб-

ные дисциплины — философия диалектического и исторического материализма и марксистская политическая экономия. Что касается вопросов научного коммунизма, то их целостное исследование и изложение включалось по частям в проблематику исторического материализма, а также в круг вопросов политической экономии и истории КПСС. Это приводило, в частности, к тому, что, с одной стороны, страдало дело всестороннего, комплексного исследования социализма как первой фазы коммунистической формации, его закономерностей, этапов развития, соотношения в нем всеобщих и национально-особенных черт и т. д., а с другой стороны, в историческом материализме оттеснялись на второй план разработка его фундаментальных проблем как философско-социальной теории марксизма-ленинизма, совершенствование и конкретизация его категориального аппарата, его структуры, реализация его методологической, мировоззренческой и прогностической функций.

В деле преодоления этих недостатков большое значение имела постановка на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (1962) вопроса о создании и разработке в вузах самостоятельного курса основ научного коммунизма. Этот курс, отмечалось на совещании, «прежде всего должен глубоко освещать теорию научного коммунизма, разработанную в трудах классиков марксизма-ленинизма, в решениях партии... Курс основ научного коммунизма должен включать и рассмотрение основных этапов истории и теории международного рабочего движения, и практику строительства социализма, но центральными вопросами курса должны быть проблемы строительства коммунизма»[1].

Жизнь показала своевременность выделения самостоятельного учебного курса основ научного коммунизма. Это решение оказало благотворное влияние как на научные исследования коренных проблем становления и развития коммунистической формации, содействуя в дальнейшем разработке концепции развитого социализма как закономерного этапа на пути к коммунизму, так и на научную разработку назревших проблем исторического материализма. Наметился поворот в сторону углубленного исследования таких социально-философских проблем, как теория общественно-экономической формации, типология социальных противоречий, политическая организация общества, исторические формы общности людей и теория национальных отношений, война как общественно-историческое явление, мировой революционный процесс и его общие закономерности и др. Стали исследоваться и такие сравнительно слабо разрабатывавшиеся в прошлом проблемы, как общество и личность, общественные интересы и потребности, общественное и индивидуальное

[1] XXII съезд КПСС и задачи общественных наук: Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений 30 января — 2 февраля 1962 года. М., 1962, с. 26.

сознание, образ жизни и его типология и т. д. Подверглись серьезной переработке и программы учебных курсов по историческому материализму. В 60—70-х годах был издан ряд пособий и обобщающих работ, отразивших определенные достижения в разработке ряда актуальных проблем исторического материализма[5].

В 60—70-х годах развернулись также активные дискуссии о соотношении исторического материализма и социологии[6]. Были преодолены попытки противопоставления социологии историческому материализму, подтверждено ленинское понимание исторического материализма как общесоциологической теории марксизма, как единственно научной социологии. В то же время получили разработку вопросы об уровнях социологических исследований и знания, об историческом материализме как общеметодологической основе конкретных социальных исследований.

В большинстве своем советские философы и социологи пришли к выводу, что попытки создать наряду с историческим материализмом особую, специальную социологическую науку, охватывающую все стороны общественной жизни, с одной стороны, ведут к бесперспективной подмене других наук об обществе (научный коммунизм, политическая экономия, правоведение, искусствознание и т. д.) специфической «социологической наукой», а с другой стороны, к еще более несостоятельному обособлению социологического знания от общей научной философско-социологической теории — исторического материализма. В действительности исторический материализм, будучи общесоциологической теорией марксизма, научной методологией социального познания, не исключает, а предполагает широкое распространение конкретных социологических исследований и научную разработку специальных теорий (социологии труда, семьи, социологии культуры и т. п.) на основе методологии диалектического

[5] См.: Основы марксистско-ленинской философии/Под ред. Ф. В. Константинова. 2-е изд. М., 1962; 3-е изд., 1971; 4-е изд., 1976; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Исторический материализм: Курс лекций. М., 1962. 2-е изд., 1969; Исторический материализм/Под ред. А. Д. Макарова, Г. В. Теряева, Е. Н. Чесноковa. М., 1963; *Спиркин А. Г.* Курс марксистской философии. М., 1963; 2-е изд., 1966; Марксистско-ленинская философия/Под ред. В. П. Рожина, В. П. Тугаринова, Б. А. Чагина. М., 1964; 2-е изд., 1966; 3-е изд., 1968; *Чесноков Д. И.* Исторический материализм. М., 1964; 2-е изд., 1965; Курс марксистско-ленинской философии/Под ред. Е. А. Хоменко, М. И. Ясюкова. М., 1968; 2-е изд., 1974; *Фурман А. Е.* Исторический материализм: Курс лекций. М., 1970; *Федосеев П. Н.* Коммунизм и философия. 2-е изд. М., 1971; *Он же.* Диалектика современной эпохи. 3-е изд., доп. М., 1978; *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971; Исторический материализм/Под ред. Г. Л. Фурманова. М., 1973; Исторический материализм как наука/Под ред. И. Д. Панцхавы, Е. В. Боголюбовой, Ю. К. Плетникова. М., 1974; Исторический материализм/Под ред. А. П. Шептулина, В. И. Разина. М., 1974; Исторический материализм и актуальные проблемы современности. М., 1980; и др.

[6] См.: *Рожин В. П.* Введение в марксистскую социологию. Л., 1962; О структуре марксистской социологической теории. М., 1970; *Францев Г. П.* Философия и социология. М., 1971; Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1978; *Осипов Г. В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979; *Фурманов Г. Л.* Исторический материализм как общесоциологическая теория. М., 1979; *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М., 1980.

и исторического материализма. Марксистская социологическая наука ставит своей целью не только объяснить механизм функционирования различных систем, различные виды деятельности людей в рамках этих систем, но и органически связать системный и структурно-функциональный подходы с историко-генетическим, с теорией общественного развития.

В связи с бурным развитием специальных общественных наук, накоплением нового фактического материала в области истории, политической экономии, правоведения, археологии, педагогики, языкознания возникла возможность и необходимость обогащения и уточнения ряда важных методологических положений теории исторического материализма (в области, например, проблем общественно-экономической формации, характеристики стимулов деятельности, вопросов прогнозирования и т. д.). Наряду с этим ясно обозначилась потребность дальнейшей разработки на общетеоретической базе исторического материализма, как общей методологии общественных наук, методологических принципов частных наук об обществе[7].

Примером тесного сотрудничества специалистов частных общественных наук с философами, работающими в области исторического материализма, может служить проведенное в начале января 1964 г. расширенное заседание философов и историков при секции общественных наук Президиума АН СССР, на котором по докладам П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева обсуждались методологические проблемы исторической науки[8].

Советские историки и философы в последние десятилетия внесли существенный вклад в исследование процесса становления человеческого общества, в понимание проблем социогенеза, специфики докапиталистических формаций. Исходя из марксистского представления о всемирной истории как о прогрессивной смене общественно-экономических формаций, советские ученые подчеркивают сложность этого процесса, многообразие форм проявления его закономерностей, характер переходных исторических эпох. Посвященные решению актуальных проблем исторического материализма всесоюзные конференции и симпозиумы, в работе которых активное участие принимали представители естественных, технических и общественных наук, имели большое значение для развития материалистического понимания истории. Редакция журнала «Вопросы философии»

[7] См.: История и социология. М., 1964; Методологические вопросы общественных наук. М., 1966. Вып. I; 1971. Вып. II; Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968. Вып. 1; 1971. Вып. 2; Маркс — историк. М., 1968; Проблемы истории докапиталистических формаций. М., 1968; *Румянцев А. М.* Проблемы современной науки об обществе. М., 1969; История и психология. М., 1971; Философские проблемы общественного развития. М., 1974; Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975; Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978; Методологические проблемы общественных наук/Под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1979; *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980; Методологические проблемы обществознания. Киев, 1980.

[8] См.: История и социология. М., 1964.

провела в этой связи несколько дискуссий. Важным событием научной жизни стала Всесоюзная теоретическая конференция «Актуальные проблемы методологии общественных наук» (1977), в работе которой приняли участие философы, экономисты, исследователи проблем научного коммунизма, социологи, историки, археологи, юристы. В принятых конференцией рекомендациях отмечалось, что обеспечение интенсивного развития научных исследований в области марксистско-ленинской методологии, укрепление союза и расширение контактов ученых-обществоведов являются необходимым условием творческой разработки всех направлений и основных частей общественной теории. Для развертывания научно-исследовательской работы в области исторического материализма в 60-х и особенно в 70-х годах характерны расширение поля исследований, охват новых проблем, находящихся на стыке философии и специальных общественных наук: политической экономии, теории научного коммунизма, истории, психологии, теории государства и права, этнографии и т. д.

Серьезным шагом в развитии общих проблем исторического материализма стала двухтомная коллективная монография «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» (М., 1981—1983), в которой раскрывается значение исторического материализма как общей теории исторического процесса, единой системы развивающегося социально-философского и общесоциологического знания, исследуются предпосылки и исходные начала человеческой деятельности, генезис общественных отношений и их природа, материальные основы и соотношение первичного и вторичного в историческом процессе, критикуются буржуазные, ревизионистские концепции общественного развития.

С конца 60-х годов начинают более основательно разрабатываться методологические проблемы частных областей обществознания, а также принципиальные вопросы социального познания*.

Возрастание роли и значения субъективного фактора в развитии революционных процессов современности, социалистического общества в особенности, вызывает повышенный интерес к теоретическому исследованию и осмыслению этих проблем. Активно иссле-

* См.: Проблемы познания социальных явлений. М., 1968; Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970; Принцип марксизма в познании социальных явлений. М., 1972; Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972; Теория отражения и обществознание. София, 1973; *Караваев Г. Г.* Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973; *Маков А. С.* Ленинская методология социального познания. М., 1974; *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; 2-е изд., доп., 1980; *Розенталь М. М.* Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976; *Андреев И. Д.* Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977; Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979; *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980; *Рутгевич М. Н.* Диалектика и социология. М., 1980; Диалектика социального познания и революционного действия. М., 1981; *Черненко А. К.* Причинность в истории. М., 1983; и др.

дуются, причем прежде всего сквозь призму процессов, характерных для реального социализма, различные аспекты фундаментальной темы — «общество и личность». Все больший удельный вес в научной продукции занимают социально-философские исследования основных сфер общественной жизни — экономической, социально-политической, духовной и т. д. Хотя не все исследования характеризовались достаточным уровнем и смелым проникновением в сущность новых общественных процессов, тем не менее в целом в 60—70-х годах шло углубленное философское осмысление явлений, тенденций и закономерностей современной социальной жизни, и прежде всего проявляющихся или возникающих в условиях развитого социалистического общества. А это, несомненно, давало импульс и для более широких обобщений, для философского подхода к социалистическому обществу в целом, для анализа глобальных процессов, проблем всемирного развития.

Все более насущными становились в 60—70-х годах задачи обогащения и конкретизации системы категорий исторического материализма[10], в том числе его фундаментальных категорий — общественного бытия и общественного сознания, общественных отношений, социальной формы движения материи, общественно-экономической формации, социального противоречия, общественного прогресса и др. Шла дальнейшая разработка вопросов структуры исторического материализма как целостной социально-философской теории марксизма-ленинизма.

2

Разработка фундаментальных проблем и категорий исторического материализма в связи с потребностями практики международного революционного движения, социалистического и коммунистического строительства

Необходимость развития и совершенствования теории исторического материализма не только определяется внутренними потребностями науки, логикой ее собственного развития, но и во все большей степени диктуется глубокими социальными преобразованиями, которые происходят в современном мире, всевозрастающим социальным динамизмом нашей эпохи.

Утверждение развитого социалистического общества и строительство коммунизма в СССР, возникновение и развитие мировой социалистической системы, гигантский размах международного рабоче-

[10] См.: Проблема возможности и действительности. Л., 1964; *Барулин В. С.* Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. Барнаул, 1969; *Куценко В. И.* Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, 1972; *Шершунов А. Д.* Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975; Категории социальной диалектики/Под ред. Ю. А. Харина. Минск, 1978; Категории исторического материализма/Под ред. Н. И. Дряхлова, В. И. Разина, Э. Лассова, Г. Штилера. М., 1980; и др.

го и национально-освободительного движения, бурно развивающаяся научно-техническая революция, борьба за разрядку международной напряженности и сложившаяся в результате этих революционных изменений новая социально-политическая реальность требуют современного теоретического осмысления, разработки и уточнения фундаментальных проблем и категорий исторического материализма, его понятийного аппарата, позволяющего адекватно отражать сложную, противоречивую, но ускоренно и прогрессивно развивающуюся социальную действительность, раскрывать диалектику современного общественного процесса, вырабатывать соответствующие прогнозы, вооружать революционные силы надежным оружием преобразования мира на коммунистических началах.

Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет, советские ученые, опираясь па классическое наследие Маркса—Энгельса—Ленина и обобщая достижения науки и практики, проделали плодотворную работу по разработке фундаментальных проблем исторического материализма, внесли большой вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Общественное бытие и общественное сознание. В трудах советских ученых 60—70-х годов полнее и содержательнее, нежели в предшествующие десятилетия, исследуются вопросы общественного бытия. Разъясняется несостоятельность расширительного понимания общественного бытия, когда в него включалась вся непосредственная жизнь и деятельность общества, в том числе и некоторые элементы надстройки (например, политические учреждения) или даже все то (включая и духовную жизнь общества), что обладает признаком существования [11]. Понятие общественного бытия выработано основоположниками марксизма-ленинизма не для обозначения всего того, что находится в обществе вне сознания и оказывает какое-либо влияние на общественное сознание, а для выявления первоосновы, которая обусловливает возникновение и развитие общественного сознания, т. е. для решения применительно к общественной жизни основного вопроса философии. Предпринята попытка конкретизировать понимание общественного бытия в качестве материальной основы жизни общества. В этом плане общественное бытие характеризуется как материальная деятельность людей и материальные отношения, складывающиеся в процессе этой деятельности [12], или как материальные процессы человеческой жизнедеятельности, самостоятельное существование которых непосредственно связано с материальными общественными отношениями [13].

Вместе с тем исследуется структура общественного сознания, выделяются его аспекты, исторические типы, формы, уровни и состояния, вскрываются и разрабатываются специфические внутренние за-

[11] См.: *Демичев В. А.* Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи. Кишинев, 1969.

[12] См.: Исторический материализм/Отв. ред. Г. Л. Фурманов. М., 1973.

[13] См.: *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971.

закономерности развития общественного сознания как явления, обладающего относительной самостоятельностью [14]. Анализируется соотношение индивидуального и общественного сознания, общественной психологии и идеологии сознания обыденного и теоретического [15].

Советские философы вскрывают особенности становления социалистического общественного сознания, пути и закономерности его формирования, закономерности перерастания *социалистического общественного сознания в коммунистическое.*

Современная эпоха резкого обострения идеологической борьбы обусловила возрастающий интерес к проблемам *идеологии.* В центре внимания ученых находятся механизм возникновения идеологии, законы ее функционирования и развития, ее социальная природа и функции. Идеология как совокупность политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, философских взглядов и идей выражает и защищает интересы определенного класса, выступает как самосознание класса. В работах советских авторов показано, что партийность марксистско-ленинской идеологии вовсе не означает ее «внеположности» науке, как это пытаются утверждать буржуазные «марксологи». Специфика этой идеологии состоит в том, что она выражает интересы рабочего класса и всех трудящихся, совпадающие с потребностями исторического развития. Развенчана ложная концепция «деидеологизации», которая стремится лишить прогрессивные силы современности их духовного оружия [16]. Много внимания ученые уделяют роли идеологии в условиях развитого социализма, значение которой постоянно возрастает [17].

Общественно-экономические формации, законы их функционирования и развития. Значительное внимание уделялось в советской философской литературе 60—70-х годов разработке вопросов струк-

[14] См.: *Уледов А. К.* Структура общественного сознания. М., 1968; *Анищенко А. И.* Структура общественного сознания. М., 1973.

[15] См.: *Степанян Ц. А.* Закономерности перерастания социалистического сознания масс в коммунистическое сознание. М., 1963; *Уледов А. К.* Общественное мнение советского общества. М., 1963; *Серов Ю. М.* Индивидуальное и общественное сознание. М., 1964; Взаимодействие форм общественного сознания. М., 1964; *Журавлев В. В.* Основные закономерности развития коммунистического общественного сознания. М., 1965: *Грушин Б. А.* Мнение о мире и мир мнений. М., 1967; Общественная психология и коммунистическое воспитание. М., 1967; *Нестеренко Г. Я.* Проблемы сознания в марксистской социологии. М., 1971; *Тугаринов В. П.* Философия сознания. М., 1971; *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972; *Журавлев В. В.* Проблемы духовной жизни общества. Ростов н/Д, 1972; Некоторые вопросы исследования форм общественного сознания. М., 1973; *Чудинов И. А.* Обыденное сознание масс. Л., 1973; *Ребрин В. А.* Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974; Духовный мир развитого социалистического общества. М., 1977; Общественное сознание и общественная практика. М., 1979; *Медведев В. А.* Развитой социализм: вопросы формирования общественного сознания. М., 1980; Творческая природа социалистического общественного сознания. М., 1980; и др.

[16] См.: *Мшвениерадзе В. В.* Роль идеологии в жизни общества. М., 1969; Социология и идеология. М., 1969; *Яковлев М. В.* Идеология. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазной концепций. М., 1979; и др.

[17] См.: *Вихренин Н. Б.* Социалистическая идеология. М., 1979.

туры общественно-экономических формаций, исследованию особенностей первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций, раскрытию методологического значения понятия общественно-экономической формации.

Общественно-экономическая формация — это исторически определенная ступень развития человеческого общества, характеризующаяся общественным способом производства, экономическим базисом и возвышающейся над ним надстройкой. Поэтому было бы неправильно отождествлять общественно-экономическую формацию со способом производства или сводить ее к системе производственных отношений. К характеристике формации относятся и такие элементы, которые не включаются непосредственно или в базис, или в надстройку данного общества (например, классы, семья и др.)[18].

Изучение содержания отдельных формаций в конкретных условиях развития различных регионов привело к возобновлению дискуссии об азиатском способе производства. В этой дискуссии принимали участие историки, философы, социологи, археологи и т. д. Спор еще не окончен, но многие советские ученые считают, что те специфические черты, которые отличают так называемый азиатский способ производства, еще не дают оснований делать вывод, что он представляет особую общественно-экономическую формацию[19].

В ходе дискуссий, а также в ряде работ историков и философов иногда допускались односторонние суждения, недооценивалось методологическое значение понятия общественно-экономической формации, порой не раскрывались общественно-материальные условия возникновения и развития формаций. В работах советских ученых была дана убедительная критика этих ошибочных положений[20].

В вопросе *о соотношении общих и специфических законов развития и функционирования общественно-экономических формаций* в советской литературе существуют две точки зрения. Одни исследователи считают, что общие законы проявляются в специфических законах отдельных формаций, другие, напротив, полагают, что общие законы хотя и связаны со специфическими законами, но существуют сами по себе, имея самостоятельную форму проявления. Специфические законы каждой формации обладают известной самостоятельностью, они выражают своеобразие, конкретные особен-

[18] См.: *Теряев Г. В.* О закономерностях становления коммунистической формации. М., 1970; Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978; Теория общественно-экономической формации. М., 1982.

[19] См.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; *Качановский Ю. П.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М., 1971.

[20] См.: Вопр. истории, 1966, № 9; *Данилов А. И.* К вопросу о методологии исторической науки.— Коммунист, 1969, № 3; *Качановский Ю. П.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства; *Жуков Е. М.* Некоторые вопросы теории общественно-экономических формаций.— Коммунист,1973, № 11; Проблемы социально-экономических формаций; Общественно-экономические формации. Проблемы теории; и др.

ности данной формации. Действие специфических законов формации не отменяет действия общих законов. Задача заключается в том, чтобы исследовать глубокую, органическую внутреннюю связь общих и специфических законов [21].

Вопрос о роли и значении общих закономерностей, их связи с конкретно-историческими условиями становления и развития коммунистической формации получил развернутую характеристику в документах КПСС и в документах и материалах международных Совещаний коммунистических и рабочих партий. В Отчетном докладе XXV съезду партии указывалось: «Коммунисты в своей борьбе исходят из общих закономерностей развития революции и строительства социализма и коммунизма. Эти закономерности, отраженные в теории марксизма-ленинизма и подтвержденные практикой, были коллективно сформулированы в развернутой форме международными совещаниями братских партий. Глубокое понимание этих общих закономерностей, опора на них в сочетании с творческим подходом и учетом конкретных условий в каждой данной стране были и остаются неотъемлемой особенностью марксистов-ленинцев» [22].

Развитие и смена общественно-экономических формаций — это процесс, выражающий прогрессивное развитие общества. В трудах советских философов разрабатываются проблемы, связанные с общественным прогрессом, который выражает поступательное развитие общества по восходящей линии; выясняются типы общественного прогресса, его критерий, изучаются характерные особенности прогресса социалистического и коммунистического общества (непрерывность, планомерность, неисчерпаемость и др.) [23].

В исследованиях критерия общественного прогресса советские философы опираются на работы В. И. Ленина. Вместе с тем по вопросу об общем критерии общественного прогресса высказаны различные точки зрения. Одни ученые считают, что общим критерием

[21] См.: *Пилипенко Н. В.* Об общих закономерностях строительства социализма и коммунизма и своеобразии их проявления в разных странах. М., 1963; 2-е изд., 1974; *Яцкевич А. Ф.* Ленинизм и законы общества. Минск, 1971; *Ермолаев И. Д.* Законы развития общества и строительство коммунизма. М., 1972; *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975; Проблема закона и закономерностей в обществознании. Л., 1975; *Гончарук С. И.* Законы развития и функционирования общества. М., 1977; *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979; и др.

[22] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 31.

[23] См.: Марксистская и буржуазная социология сегодня. М., 1964; *Францев Г. П.* Исторические пути социальной мысли. М., 1965; *Семенов Ю. Н.* Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; Марксистско-ленинская философия и современный общественный прогресс. М., 1969; *Начкебия Я. Е.* Марксистско-ленинская теория общественного прогресса. Тбилиси, 1969. На груз. яз.; *Макаровский А. А.* Общественный прогресс. М., 1970; *Мишин В. И.* Общественный прогресс. Горький, 1970; *Левяш И. Я.* Содержание и критерий общественного прогресса. Саратов, 1973; *Сухов А. Д.* Прогресс и история. М., 1983; *Каландаришвили В. И.* Разработка научной теории общественного прогресса. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; *Бутенко А. П.* Общественный прогресс и его критерий. М., 1980.

развития общества является развитие производительных сил, уровень производительности труда. Другие в качестве общего критерия выдвигают способ производства, который характеризует собой степень господства людей над силами природы и силами самого общества. Третьи полагают, что такой критерий должен включать в себя комплексный показатель — степень развития экономической, социальной, политической и духовной сторон жизни общества. Четвертые обосновывают положение о развитии личности как общем критерии социального прогресса, подчеркивая, что данный критерий приобретает особенно наглядный интегративный характер в условиях коммунистической общественно-экономической формации.

В рассматриваемый период появились работы, в которых рассматриваются вопросы соотношения *общественно-экономической формации и цивилизации*[24]. В них подчеркивается различие этих понятий, показывается, что только коммунистическая цивилизация способна решить поставленные на повестку дня глобальные проблемы современности, что утверждение социализма и коммунизма является настоятельной потребностью прогрессивного развития общества в современных условиях.

Базис и надстройка. Завершение строительства социализма, утверждение развитого социалистического общества стимулировали исследование проблем экономического базиса и надстройки, особенно роли последней в развитии базиса и всего общества в целом. В трудах советских философов уточнена структура надстройки. В настоящее время в нее включаются три главных элемента: общественное сознание (идеи, убеждения, социальные чувства и др.), учреждения и организации (государство, политические партии и др.) и идеологические (политические, правовые, моральные, эстетические, религиозные) отношения. Была показана несостоятельность сведения базиса только к производственным отношениям господствующего экономического уклада. Базис общества представляет собой совокупность производственных отношений не только господствующего экономического уклада, но и существующих остаточных или зарождающихся укладов общества.

Было подвергнуто критике ошибочное положение о ликвидации всей старой надстройки вслед за ликвидацией старого экономического базиса. Такая трактовка вопроса о базисе и надстройке вела к отрицанию прогрессивных элементов в старой надстройке, порождала нигилистическое отношение к предшествующей культуре, отвергала преемственность в развитии духовной культуры[25]. В совет-

[24] *Маркарян С. С.* О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962; *Тугаринов В. П.* Природа, цивилизация, человек. Л., 1978; *Мчедлов М. П.* Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980; и др.

[25] См.: *Теряев Г. В.* Марксизм-ленинизм о базисе и надстройке. М., 1963; *Якуба А. Е.* Право как составная часть надстройки. Харьков, 1964; *Аваров Н. И.* В. И. Ленин о политике как общественном явлении. М., 1971; 2-е изд., 1975; Политика и общество. Л., 1975; Социальные и экономические проблемы современности. 2-е изд. М., 1979; *Вишняков А. С.* Политика КПСС: методологические проблемы и практика. М., 1980.

ской социологической литературе получило дальнейшее развитие и конкретизацию положение классиков марксизма-ленинизма о том, что с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей надстройке. Этот переворот характеризуется не только ликвидацией отживших, реакционных элементов надстройки, но также сохранением, критической переработкой и дальнейшим развитием ее прогрессивных элементов. Все больше внимания уделяется рассмотрению проблемы экономической роли современного, прежде всего социалистического, государства, соотношения экономики и политики в условиях развитого социализма.

В оценке экономической деятельности социалистического государства существует две точки зрения. Одни ученые исходят из того, что социалистическое государство остается надстроечным элементом, а его экономическая деятельность является выражением присущей социалистическому государству хозяйственно-организаторской функции. Другие, напротив, считают, что в связи с возрастанием экономической роли государства оно выступает как своего рода «двойственный» институт, частично относящийся к надстройке и частично к базису. Дискуссия, которая развернулась по вопросам экономической деятельности социалистического государства, выявила необходимость более глубокого анализа взаимосвязи базиса и надстройки при социализме. Развитие социалистического базиса способствует укреплению государства и повышению его роли в решении экономических и социальных задач. В свою очередь, дальнейшее совершенствование политической системы, развитие социалистической демократии является мощным фактором ускорения экономического прогресса общества.

Диалектика производительных сил и производственных отношений. Строительство развитого социалистического общества, созидание материально-технической базы коммунизма потребовали раскрытия диалектики производительных сил и производственных отношений. Большое внимание уделяется исследованию структуры производительных сил, выяснению их составных элементов и связи между ними. До середины 50-х годов в содержание производительных сил включались обычно лишь орудия труда и люди, приводящие их в движение. Такая точка зрения была выражена в ряде работ советских философов и экономистов. В настоящее время это узкое понимание содержания производительных сил преодолено. В исследованиях 60—70-х годов дается системный анализ производительных сил, исследуются их субстанциональные (субстратные) и функциональные характеристики, вещные (объективные) и личные (субъективные) компоненты, выделяются индивидуальные и общественные производительные силы, выявляется место и роль науки в системе современных производительных сил.

В 60—70-х годах наметилась тенденция уделять значительное внимание проблеме человека как главной производительной си-

лы[26]. В состав производительных сил включают людей, осуществляющих процесс материального производства, в том числе научно-технических и инженерно-технических работников, непосредственно связанных с материальным производством. Раскрывается известное положение К. Маркса: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»[27]. Наряду с социально-философской характеристикой средств труда как элемента производительных сил рассматривается вопрос о производительной функции предмета труда, его статусе в процессе общественного производства[28].

Характерным для современных исследователей является признание того факта, что прогресс производительных сил осуществляется благодаря все более глубокому овладению силами, свойствами и закономерностями природы. В связи с этим богатства природы становятся важным фактором, который должен учитываться при определении перспективы развития и размещения производительных сил[29]. На XXV и XXVI съездах КПСС, в частности, подчеркивалось, что задача заключается в том, чтобы предусмотреть наиболее целесообразное размещение производительных сил внутри страны, максимально учесть потребности в освоении новых районов, которые особенно богаты сырьем и топливом.

В условиях научно-технической революции в производство все шире внедряется «безмашинная техника», все большее распространение получают физические, химические и биологические способы переработки материалов, а также преобразование вещества на молекулярном и атомном уровне. Современные производственные процессы показывают относительность, подвижность грани между средствами и предметами труда. Но такая грань все же существует, подобно тому как существует качественное различие между природой и обществом. Все это при характеристике элементов производительных сил требует гибкого, диалектического подхода.

На рубеже 50—60-х годов в советской философской литературе усилился интерес *к вопросу об источниках развития производительных сил.* Дискуссия, возникшая на страницах журнала «Вопросы философии», довольно скоро получила распространение не только в нашей стране, но и за ее пределами.

[26] См.: *Ельмеев В. Я.* Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М., 1964.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 191.

[28] См.: *Соснина Т. Н.* Предмет труда (философский анализ). Саратов, 1976; *Капелян Е. Х.* Производительные силы: структура, функции, типология. Минск, 1976.

[29] См.: *Марахов В. Г.* Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1970; Процесс превращения науки в непосредственную производительную силу. М., 1971; и др.

В ходе дискуссии высказывались различные суждения. Одни авторы видят источник развития производительных сил в труде как процессе взаимодействия человека и природы, другие — во взаимодействии элементов производительных сил, третьи — во взаимодействии производительных сил и производственных отношений. Вместе с тем определилась и критика одностороннего понимания проблемы, сложился, преобладающий в настоящее время, синтетический (комплексный) подход, сочетающий и субординирующий все многообразие этих взаимодействий [30].

Содержание производительных сил, связь между составляющими их элементами меняются вместе с прогрессом производства, науки и техники. Мощным фактором развития современных производительных сил является наука [31], ставшая ныне непосредственной производительной силой, причем такой производительной силой, значение которой неуклонно возрастает.

На развитие производительных сил оказывает огромное влияние развернувшаяся в середине XX в. научно-техническая революция. В трудах советских ученых раскрываются содержание научно-технической революции, ее особенности и характерные черты [32]. Исследования научно-технической революции все больше приобретают комплексный характер. В рамках исторического материализма основное внимание уделяется методологическим вопросам, и прежде всего выяснению места и роли научно-технической революции в развитии общества, в переходе человечества от капитализма к социализму, в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Советские ученые всесторонне изучают социальные аспекты научно-технической революции, соотношение научно-технического и социального прогресса [33].

[30] См.: *Сюсюкалов Б. И.* Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973.

[31] См.: *Волков Г. Н.* Социология науки. М., 1968; *Он же.* Истоки и горизонты прогресса. М., 1976; *Рачков П. А.* Роль науки в строительстве коммунизма. М., 1969; Актуальные проблемы современной научно-технической революции. М., 1970; Процесс превращения науки в непосредственную производительную силу. М., 1971; *Майзель И. А.* Наука, автоматизация, общество. Л., 1972; *Андреев И. Д.* Наука и общественный прогресс. М., 1972; Проблема управления наукой в условиях научно-технической революции. М., 1972; *Белозерцев В. И.* Техническое творчество. М., 1975; *Плеханов Н. И.* Диалектика превращения науки в производительную силу. Кишинев. 1975; Социализм и наука. М., 1981; и др.

[32] См.: Борьба идей и научно-техническая революция. М., 1972; Современная научно-техническая революция. 2-е изд. М., 1973; Человек — наука — техника. Опыт марксистского анализа научно-технической революции. М., 1973; Научно-техническая революция и общество. М., 1973; Научно-техническая революция. Общетеоретические проблемы. М., 1976; и др.

[33] См.: *Зворыкин А. А.* Наука, производство, труд. М., 1965; *Мелещенко Ю. С., Шухардин С. В.* Ленин и научно-технический прогресс. М., 1969; Современная научно-техническая революция в развитых капиталистических странах. Экономические проблемы. М., 1971; *Марков Н. В.* Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. М., 1971; 2-е изд., 1973; Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1972; Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М.,

Порождаемая научно-техническим прогрессом тенденция уменьшения необходимого рабочего времени дополняется при капитализме тенденцией увеличения прибавочного рабочего времени — возрастания доли неоплаченного, прибавочного труда. Научно-техническая революция обостряет основные противоречия капитализма и порождает новые антагонизмы. Баснословные прибыли монополий и массовая хроническая безработица трудящихся — прямой итог ее развертывания в этих условиях. Хотя капитализм и имеет определенные результаты в осуществлении научно-технической революции, он не в состоянии обеспечить органическое соединение ее достижений со своей системой хозяйства. Научно-техническая революция не вмещается в узкие рамки капиталистических отношений, она углубляет старые и порождает ряд новых противоречий.

При социализме научно-техническая революция является необходимым фактором строительства материально-технической базы коммунизма. Ее развитие подготавливает реальные возможности для обеспечения изобилия материальных и духовных благ, создает материальные предпосылки для осуществления принципа коммунизма — от каждого по способности, каждому по потребности. Тенденция уменьшения необходимого рабочего времени сочетается с тенденцией увеличения свободного времени. Свободное время, без которого невозможно всестороннее развитие общественного индивида, формирование нового типа работника, становится мерой действительного богатства общества. «Только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление»[34].

Под влиянием научно-технической революции при социализме изменяется содержание и характер труда, ускоряется процесс стирания существенных различий между умственным и физическим трудом, осуществляется процесс их органического соединения. Труд

1972; *Дряхлов Н. И.* Социальные проблемы научно-технической революции. М., 1972; *Козиков И. А.* Проблемы соотношения научно-технической и социальной революций. М., 1972; Научно-техническая революция в развивающихся странах. М., 1973; Научно-техническая революция и социализм. М., 1973; Проблемы научно-технической революции. Л., 1974; Научно-техническая революция и социальное развитие. Баку, 1974; *Марахов В. Г.* Научно-техническая революция и ее социальные последствия. М., 1975; Научно-техническая революция и строительство коммунизма, М., 1976; *Абдушукуров Т. А.* Социальные последствия современной научно-технической революции. Ташкент, 1976; Научно-техническая революция и идеологическая борьба. М., 1977; Философия марксизма и современная научно-техническая революция. XV Всемирный философский конгресс. М., 1977; Капитализм, человек и научно-техническая революция. М., 1977; Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. М., 1977; Философия марксизма и современная научно-техническая революция. М., 1977; Философские проблемы научно-технической революции. Ташкент, 1977; Научно-техническая революция и развитое социалистическое общество. Тбилиси, 1977; *Шухардин С. В., Кузин А. А.* Теоретические аспекты современной научно-технической революции. М., 1980.

[34] Материалы XXV съезда КПСС, с. 47.

все более становится творческим [35]. Изменяется соотношение профессиональных и социальных групп, происходят глубокие структурные изменения в рабочем классе и колхозном крестьянстве, резко увеличивается количество и роль научно-технических работников. Всего в стране в середине 70-х годов насчитывалось около 40 млн. работников, занятых умственным трудом, т. е. более 30% трудящегося населения [36]. В 1980 г. в СССР было 1,4 млн., или одна четвертая часть всех научных работников мира [37]. Осуществление поставленной партией задачи органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства рассматривается в трудах советских ученых как величайший фактор победы социализма в соревновании с капитализмом. Особо важное значение партия придает кардинальному повышению производительности труда.

В советской философской науке большое внимание уделяется *структуре производственных отношений.* Разрабатываются и обосновываются методологические принципы деления производственных отношений на составляющие их элементы. В основу такого деления кладется ленинское определение классов, что позволяет вычленить следующие элементы производственных отношений: 1) место людей в системе общественного производства, характеризующее их отношение друг к другу (есть ли это отношение господства и подчинения или отношение сотрудничества и взаимопомощи); 2) отношения собственности на средства производства, отвечающие на вопрос, кому принадлежат средства производства; 3) отношения распределения, показывающие, какая доля национального продукта, общественного богатства достается различным социальным группам; 4) отношения обмена и потребления. Форма собственности на средства производства рассматривается как основное производственное отношение, как сущность всей совокупности производственных отношений. Ставится также вопрос об изучении наряду с первичными производственными отношениями производных (вторичных, третичных) производственных отношений, определенную роль среди которых играют международные экономические связи.

Исследуется закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Подчеркивается, что между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом обществе существуют неантагонистические противоречия, ибо производительные силы и при социализме, оставаясь наиболее подвижной стороной способа производства, в своем развитии опережают развитие производственных отношений.

[35] См.: *Чанзли И. И.* Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973; *Товмасян С. С.* Философские проблемы труда и техники. М., 1972; *Марков Н. В.* Социалистический труд и его будущее. Некоторые проблемы развития труда в условиях научно-технической революции. М., 1976.

[36] См.: СССР в цифрах в 1979 году. М., 1980, с. 17.

[37] См.: Правда, 1980, 24 янв.

Именно стремление охватить и выразить наиболее гибко, подвижно, многогранно диалектику и взаимодействие этих двух сторон способа производства — производительных сил и производственных отношений социалистического общества побудило советских философов отказаться от предложенного вначале определения «абсолютное», а затем «обязательное» соответствие. В исследовании этого вопроса советские философы опираются на ленинские положения о том, что полного, абсолютного соответствия «не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества»[38] и что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»[39].

В разрешении неантагонистических противоречий, возникающих между производительными силами и производственными отношениями при социализме, огромная роль принадлежит сознательной деятельности народных масс, руководимых коммунистической партией. При социализме партия, народные массы, опираясь на объективные законы развития общества, сознательно совершенствуют производственные отношения, своевременно приводят их в соответствие с выросшими производительными силами и обеспечивают тем самым простор для их дальнейшего развития[40]. Производственные отношения соответствуют характеру и уровню развития производительных сил тогда, когда они порождают у людей движущие мотивы, стимулы, заинтересованность в развитии производства, в совершенствовании орудий труда, когда удовлетворяются материальные и духовные запросы людей. Нарушение соответствия между производственными отношениями и производительнымы силами при социализме связано не с отставанием всей совокупности структурных элементов производственных отношений, а лишь с отставанием некоторых из них. Противоречия возникают между производительными силами и отдельными элементами производственных отношений. Тот факт, что противоречия в социалистическом обществе носят неантагонистический характер, не означает, что можно игнорировать эти противоречия в политике.

Важное значение для установления соответствия между производственными отношениями и производительными силами имеют организационные мероприятия, руководство и управление экономикой. Создание новых форм организации (организационных отношений) в сфере производства, распределения, обмена и потребления —

[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 306.

[39] Ленинский сб., т. 11, с. 357.

[40] См.: *Келле В., Ковальзон С.* Исторический материализм. 2-е изд. М., 1965; *Марахов В. Г.* Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1967; *Марков Н. В.* Закономерности развития производительных сил в период строительства коммунизма. М., 1969; *Перфильев М. Н.* Общественные отношения. Л., 1974; Социализм. Диалектика развития производительных сил и производственных отношений. М., 1975; *Сергеев А. А.* Структура производственных отношений социализма. М., 1979; Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1980; и др.

один из важных рычагов приведения производственных отношений в соответствие с уровнем и характером развития производительных сил. На важность улучшения планирования и усиления хозяйственного механизма в развитии экономики указывает постановление ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов» (1979). Глубинную основу этого процесса составляет дальнейшее обобществление производства, развитие государственной (всенародной) и колхозно-кооперативной форм социалистической собственности на средства производства по пути их сближения и слияния в перспективе в единую всенародную собственность.

В условиях капитализма стремление определенных кругов государственно-монополистической буржуазии к расширению планирования и программирования не приносит желаемого результата, ибо управление в системе всего общества приходит в конфликт с частной собственностью и стихией рынка. Только социализм обеспечивает научное управление в экономической, социальной, политической и духовной сферах развития общества. В трудах советских ученых разрабатываются общие принципы, функции, формы и методы управления, вскрывается классовый характер управления. Научное управление в социалистическом обществе опирается на волю и заинтересованность в управлении всех слоев общества.

Роль народных масс в истории. Соотношение субъективного и объективного факторов. Стихийное и сознательное в историческом процессе. Совершенствование развитого социалистического общества и строительство коммунизма — живое творчество масс, руководимых коммунистической партией. Открытый марксизмом общий социологический закон возрастания роли народных масс в процессе развития общества, закон, выражающий их значение как главной производительной силы, как творцов истории, находит в условиях развитого социализма свое ярчайшее подтверждение [41].

При социализме создаются благоприятные условия и широкие возможности для действия этого закона. Возрастание роли народных масс при социализме осуществляется более быстрыми темпами, чем во всех предшествующих общественных формациях, и проявляется во всех сферах общественной жизни: экономической, социальной,

[41] См.: *Горшков В. А.* Роль народных масс и личности в истории. Йошкар-Ола, 1965; *Кузин В. А.* Народные массы и революция. Казань, 1966; *Фомин Д. В.* Строительство коммунизма и закон возрастания роли народных масс в истории. Ставрополь, 1968; *Игитханян М. Х.* Социализм и народные массы. М., 1968; Творческая активность народных масс и развитие социалистической демократии. М., 1972; *Беленький В. Х.* Активность народных масс. Красноярск, 1973; *Чхиквишвили Д. И.* Народ и культура. Тбилиси, 1974; *Косичев А. Д.* Теоретическое обоснование В. И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. М., 1974; *Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л.* Рабочий класс — ведущая сила советского общества. М., 1977; Советский народ — строитель коммунизма. Фрунзе, 1977. Кн. 1, 2; Соревнование и его роль в условиях развитого социализма. М., 1977; и др.

политической, духовной. Партия исходит из того, что народ есть решающая сила строительства коммунизма.

Становление развитого социалистического общества и борьба против субъективизма, волюнтаризма и фатализма потребовали глубокого изучения *роли субъективного фактора в истории, соотношения субъективного и объективного факторов* в совершенствовании развитого социалистического общества и строительстве коммунизма.

В трудах советских ученых дается определение субъективного фактора, раскрывается его сущность и структура. Под субъективным фактором понимается сознательная и организованная деятельность людей, их воля, энергия, направленные на решение назревших задач общественного развития. Это понимание субъективного фактора получило широкое распространение в советской философской литературе [42]. В этом общем определении имеются различные оттенки. Категории субъективного и объективного факторов отражают взаимодействие между деятельностью субъекта и обстоятельствами, в которых он действует. В обществе объективным фактором могут быть не только материальные условия, но и те или иные сферы духовной жизни (например, психология масс по отношению к сознанию индивида).

Советские философы в своих трудах показывают, что важным компонентом субъективного фактора являются идеи, которые, овладевая массами, становятся материальной силой [43]. В содержание субъективного фактора включаются также чувства, мысли, которые приводят в движение массы, цели и намерения, которые стремятся осуществить люди. Необходимым компонентом субъективного фактора является организованность как материально-объективное выражение сознательности. Много внимания уделяется анализу морально-психологического состояния людей, их выдержки, твердости, энтузиазма.

Организующее ядро, сердцевину всей социально-политической жизни советского общества составляет КПСС. В Конституции СССР сказано: «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу разви-

[42] См.: *Глезерман Г. Е.* Соотношение объективных условий и субъективного фактора в строительстве коммунизма. М., 1966; *Приписнов В. И.* Проблема субъективного фактора в историческом материализме. Душанбе, 1966; *Антонян М. О.* Соотношение объективных условий и субъективного фактора при социализме. Ереван, 1967; *Васенев С. А.* О соотношении и роли объективных условий и субъективного фактора в строительстве коммунизма. Йошкар-Ола, 1967; *Чагин Б. А.* Субъективный фактор, структура и закономерности. М., 1968; Историческая закономерность и сознательная деятельность людей. Краснодар, 1971; *Николаева Л. В.* Объективные и субъективные факторы социального прогресса и свободы. М., 1974; Сознательная организация общественной жизни в условиях развитого социализма. Киев. 1980.

[43] См.: *Чагин Б. А.* Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л., 1967; Объективные и субъективные факторы в историческом процессе. М., 1969; Диалектика объективного и субъективного в развитии социалистического общества. М., 1970; Объективное и субъективное в общественном развитии. Владивосток, 1979; и др.

тия общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма»[44].

Раскрывая соотношение объективного и субъективного факторов в общественном развитии, советские философы подчеркивают огромную, всевозрастающую роль субъективного фактора в социальных преобразованиях, в решении назревших исторических задач.

В трудах советских философов проводится различие между понятиями «возрастающая» и «решающая» роль субъективного фактора, подчеркивается, что субъективный фактор может сыграть свою решающую роль лишь при наличии созревших объективных условий[45], подвергается критике субъективизм, гносеологические корни которого кроются в абсолютизации возросшей роли субъективного фактора или в преувеличении одного из его компонентов.

В тесной связи с проблемой диалектики объективного и субъективного факторов исследуется *соотношение стихийного и планомерного (сознательного) в историческом процессе*. Господство стихийности, которая порабощала людей в досоциалистических формациях, в условиях социализма уступает место планомерному развитию общества, люди все более сознательно творят свою историю. Стихийность начинает носить подчиненный характер[46].

Задача совершенствования развитого социалистического общества и построения коммунизма тесно связана с проблемой целенаправленного *управления экономическими, социальными, политическими и духовными процессами*, с эффективным использованием возможностей и преимуществ развитого социализма, с повышением результативности использования объективных законов. Решение поставленных задач предполагает систематическое детальное изучение диалектики общественного развития, разработку методов научного прогнозирования и планирования, постоянное сопоставление намеченных планов с реальным положением дел, конкретное исследование механизма действия и использования общественных законов, их специфики, соотношения объективных условий и субъективных факторов образа жизни и т. д. Анализу этих проблем посвящено немало работ[47]. В связи с этими исследованиями ведется разработ-

[44] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 7.

[45] См.: *Косичев А. Д.* Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964; *Он же.* Учение В. И. Ленина о социализме. М., 1970.

[46] См.: *Никонов К. М.* Соотношение сознательного и стихийного в социалистическом обществе. Сталинград, 1959; *Камынин И. И.* Методологические проблемы соотношения стихийного и сознательного при социализме. Ростов, 1971; *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971; *Партин В. Ф.* Социальный детерминизм как проблема развитого социализма. М., 1981; и др.

[47] См.: Диалектика объективного и субъективного в развитии социалистического общества. М., 1970; *Федосеев П. Н.* Коммунизм и философия. 2-е изд. М., 1971; *Он же.* Диалектика современной эпохи. 3-е изд. М., 1978; *Плетников Ю. К.* О природе соци-

ка проблем социального детерминизма, а также вопросов рациональной организации труда и деятельности производственных коллективов, координации и субординации органов управления, дальнейшего совершенствования системы управления во всех ее звеньях [48].

Разработка вопросов управления, прогнозирования и планирования общественных процессов требует проведения конкретных социальных исследований. Чтобы целенаправленно воздействовать на развитие зрелого социалистического общества, обеспечить нормальное функционирование всех его институтов и их постоянное совершествование, недостаточно знания общих теоретических положений и законов. Необходимо глубокое научное исследование реальных процессов во всех их деталях, доведенное до конкретных практических рекомендаций.

Важным и необходимым условием жизни и развития общества является *народонаселение*. От роста, численности и плотности населения в определенных общественных условиях зависит ускорение или замедление темпов общественного развития. Но рост и плотность населения не могут быть главным и определяющим фактором развития общества, ибо сам закон народонаселения определяется существующим способом производства. Как показали основоположники марксизма-ленинизма, каждому способу производства присущи свои, имеющие исторический характер, законы народонаселения. Советские социологи и демографы стремятся вскрыть *механизм действия закона народонаселения в социалистическом обществе*, использовать его в интересах научной разработки и проведения в жизнь

альной формы движения. М., 1971; Философские проблемы общественного развития. М., 1971; *Приписнов В. И.* Механизм действия законов общества и субъективный фактор. Душанбе, 1972; *Виноградов В. Г., Гончарук С. И.* Законы общества и научное предвидение. М., 1972; *Глезерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. 2-е изд. М., 1973; *Чесноков Д. И.* Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973; *Пилипенко Н. В.* Об общих закономерностях строительства социализма и коммунизма и своеобразии их проявления в разных странах. М., 1974; *Ильичев Л. Ф.* Философия и научный прогресс. М., 1977; *Андреев И. Д.* Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977; *Бутенко А. П.* Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978; *Фурманов Т. Л.* Исторический материализм как общесоциологическая теория. М., 1979; *Косолапов Р. И.* Социализм. К вопросам теории. 2-е изд. М., 1979; *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980; *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М., 1980.

[48] См.: Количественные методы в социологии. М., 1966; Научное управление обществом. М., 1967—1979. Вып. 1—13; *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1977; Моделирование социальных процессов. М.., 1970; *Гвишиани Д. М.* Организация и управление. М., 1970; 2-е изд., 1972; *Маслов П. П.* Статистика в социологии М., 1971; *Суворов Л. Н.* Ленин и методологические проблемы социального управления. М., 1973; Ленинизм и управление социальными процессами при социализме. М., 1973; *Варламов К. И.* Ленинская концепция социалистического управления. М., 1973; *Ельмеев В. Я.* Методологические основы планирования социального развития. М., 1974; Методологические проблемы социального прогнозирования. Л., 1975; Управление, информация, интеллект. М., 1976; Методологические проблемы социального предвидения. Киев, 1977; *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977; *Керимова Т. В.* Социальный прогресс и управление. М., 1980; *Омаров А. М.* Социальное управление. М., 1980.

активной демографической политики[49]. XXV съезд КПСС отметил, что «разработка эффективной демографической политики — важная задача целого комплекса естественных и общественных наук»[50].

Советские ученые, исследуя закон роста народонаселения и разрабатывая теоретические основы научной демографической политики, исходят из закономерностей развития способа производства, из материально-экономических и культурных условий жизни людей, из положения женщины в обществе, семейно-брачных отношений, требований охраны материнства и младенчества. На XXVI съезде КПСС отмечалось, что главный путь решения проблем народонаселения в нашей стране, которые обострились за последнее время,— это «усиление заботы о семье, молодоженах и прежде всего о женщине»[51].

Советские философы в содружестве с обществоведами и естествоиспытателями исследуют различные аспекты динамического единства природы и общества. Вскрывается хищническое отношение капитализма к природе, показывается свойственное социализму планомерное, сознательное отношение к природе[52]. Выдвигается положение о необходимости в современных условиях наряду с воспроизводством духовных и материальных благ и самих людей осуществлять воспроизводство и природной среды.

XXV и XXVI съезды КПСС определили конкретные пути формирования нового отношения общества к природе, подчеркнули, что техническое перевооружение общественного производства должно обеспечивать не только повышение производительности труда, ка-

[49] См.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965; *Валентей Д. И.* Теория и политика народонаселения. М., 1967; *Болдырев В. А.* Экономический закон населения при социализме. М., 1968; *Коростелев Г. М.* Рост народонаселения и общественный прогресс. Свердловск, 1968; Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. М., 1969; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1972; *Лармин О. В.* Методологические проблемы изучения народонаселения. М., 1974; Народы и расы. М., 1975; Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1975; *Рубин Я. И.* Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы. Минск, 1976; и др.

[50] Материалы XXV съезда КПСС, с. 73.

[51] См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 54.

[52] См.: *Доскач А. Г., Трусов Ю. П., Фадеев Е. Т.* Проблемы взаимодействия природы и общества и современная география.— Вопр. философии, 1965, № 4; *Худушин Ф. С.* Человек и природа. М., 1966; Природа и общество. М., 1968; *Федоров Е. К.* Взаимодействие общества и природы. Л., 1972; Человек и среда его обитания.— Вопр. философии, 1973, № 1—4; *Тарасенко М. Ф.* Философские аспекты соотношения общества и природы. Киев, 1975. (На укр. яз.); Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975; Природа и общество. Куйбышев, 1975; *Лысенко Л. П.* Природа и общество. Минск, 1976; *Гирусов Э. В.* Система «общество — природа». М., 1976; Характер взаимоотношения общества и природы в условиях научно-технической революции. Фрунзе, 1976; *Урсул А. Д.* Человечество, Земля, Вселенная. М., 1977; Философские проблемы космонавтики. М., 1977; *Григорьян Т. Г.* Природа и общество. М., 1977; Научно-техническая революция, человек, его природная и социальная среда. Л., 1977; *Лось В. А.* Человек и природа. М., 1978; Современная экологическая ситуация: (О некоторых философско-правовых проблемах). Рига, 1978; *Тугаринов В. П.* Природа, цивилизация, человек. Л., 1978; Человек и природа. М., 1980; и др.

чество продукции, улучшение условий труда, но и охрану природной среды, рациональное использование и воспроизводство ее ресурсов. Только социализм и коммунизм, преодолевая порожденное частной собственностью отчуждение природы от человека, могут обеспечить их органичное единство. Однако интересы охраны природы и устранение угрозы экологического кризиса требуют в наше время, в условиях мирного сосуществования двух противоположных общественных систем, безотлагательного заключения международных соглашений и осуществления конкретных мер, направленных на сохранение природной среды. Защита природы — один из принципиальных пунктов советской Программы мира, разработанной КПСС. Преодоление угрозы «экологического кризиса», установление динамического равновесия между природой и обществом, охрана природы и рациональное использование ее ресурсов стали задачей всего человечества.

3
Диалектика развития социалистического общества

Победа социализма в Советском Союзе, образование мировой социалистической системы, выход на историческую арену целой группы стран социалистической ориентации выдвинули на одно из первых мест разработку диалектики развития социалистического общества, раскрытие движущих сил этого развития [53].

Самым крупным достижением марксистско-ленинской теоретической мысли явилась концепция развитого социализма, в которой нашли отражение важнейшие черты современного советского общества. Разработка философско-социологических проблем развитого социалистического общества, как необходимого, закономерного и исторически длительного периода в становлении коммунистической формации,— одно из главных направлений деятельности ученых, специализирующихся в области исторического материализма.

В партийных документах, в трудах философов указывались в числе закономерностей зрелого социализма обеспечение высокого уровня развития производительных сил на основе использования новейших достижений научно-технической революции; дальнейшее развитие в экономическом базисе общества социалистической собственности в двух ее основных формах — государственной и кол-

[53] См.: *Глезерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967; 2-е изд., доп., 1973; *Бутенко А. П.* Социализм как общественный строй. М., 1974; Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества. М., 1975; *Косолапов Р. И.* Социализм: к вопросам теории. М., 1975; 2-е изд., доп., 1979; Развитое социалистическое общество. Сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций. 3-е изд. М., 1979; *Мчедлов М. П.* Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980; Диалектика развития социалистического общества. М., 1980.

хозно-кооперативной, их постепенное сближение. Главной целью социалистического общества является неуклонный рост благосостояния народа. Важнейшими закономерностями развития социализма являются сохранение в течение продолжительного периода и совершенствование социалистического принципа распределения по труду как основного способа распределения; формирование полной социальной однородности общества, повышение руководящей роли рабочего класса, укрепление его союза с крестьянством и интеллигенцией; растущее идейно-политическое единство всех наций и народностей на основе их равноправия, общности интересов, коммунистических идеалов; мощное развитие и дальнейшее сближение их экономики и культуры; перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство, углубление и всестороннее развитие социалистической демократии; дальнейшее повышение уровня образования, культуры широких масс, рост их политической сознательности, идейной зрелости, формирование научного, марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся; укрепление всестороннего сотрудничества с братскими социалистическими странами; повышение руководящей роли коммунистических партий во всех сферах общественной жизни как главное условие победы социализма и коммунизма.

Процесс перехода от социализма к коммунизму совершается путем полного и всестороннего развития принципов и устоев социализма. Социализм и коммунизм — это две ступени, фазы одной и той же коммунистической общественно-экономической формации. При всех различиях они имеют в своей основе один и тот же способ производства, общественную собственность на орудия и средства производства, им присуща единая, цельная и творчески развивающаяся коммунистическая идеология. Элементы высшей фазы коммунизма возникают и развиваются уже на низшей его фазе — при социализме.

Переход к коммунизму — это закономерный, объективный и сравнительно длительный процесс, развертывающийся при наличии необходимых материальных условий. Попытки перепрыгнуть через объективно необходимые этапы развития, стремление «ввести» его без соответствующих условий могут лишь нанести ущерб делу социалистического и коммунистического строительства. Переход от социализма к коммунизму происходит постепенно, по мере вызревания материальных и духовных предпосылок, он не терпит субъективизма, волевых решений, немедленного, осуществляемого административным путем введения принципов коммунизма.

Действие основных законов диалектики в условиях социализма. В условиях победившего социализма складываются совершенно новые условия сознательной деятельности людей. Классовая борьба перестает быть движущей силой общественного развития. Важнейшей движущей силой становится социально-политическое и идейное единство общества. Но это вовсе не означает, что в условиях социа-

лизма прекращает свое действие закон единства и борьбы противоположностей. И при социализме развитие идет через преодоление противоречий, которые по своей природе не являются антагонистическими. Представление о том, будто противоречия в условиях социализма исчезают или являются лишь «недостатком», расходится с основными положениями марксистско-ленинской теории, с реальной практикой социалистического строительства. Борьба этих противоположностей, их разрешение, победа передовых сил укрепляют единство всего общества, содействуют поступательному развитию социализма. В связи с этим в трудах советских марксистов исследуется проблема соотношения социального единства и противоречий в развитом социалистическом обществе.

Выделяются два вида противоречий. Во-первых, объективные противоречия, являющиеся имманентным источником и движущей силой развития социалистического общества, и, во-вторых, противоречия, вызванные субъективными причинами, не всегда умелой и организованной работой людей. При социализме создается реальная возможность своевременного разрешения противоречий, которая и реализуется в планомерно организованных действиях масс, заинтересованных в прогрессе [54].

Наметился ряд точек зрения по вопросу об основном противоречии социализма: одни авторы считают таковым противоречие между растущими потребностями масс и достигнутым уровнем производства; другие — противоречие между производительными силами и производственными отношениями; третьи — противоречие между равным отношением всех членов общества к средствам производства и некоторым неравенством в распределении материальных благ. Выдвинуты и другие толкования основного противоречия при социализме: как противоречия между новым и старым, обществом и природой и др. Некоторые советские ученые вообще ставят под сомнение вопрос о существовании основного противоречия при социализме как источника и движущей силы его развития [55]. Эта проблема требует дальнейшего изучения.

В ряде работ исследуется специфика проявления закона перехода количественных изменений в качественные при социализме. Для социализма характерным является постепенный переход от старого качества к новому — без разовой ломки основ старого качества. «Постепенность становится формой не только количествен-

[54] См.: *Чертков В. П.* Ядро диалектики. М., 1963; *Штракс Г. М.* Социальное единство и противоречия социалистического общества. М., 1966; *Он же.* Социальное противоречие. М., 1977; *Борщов С. Г.* Противоречия, развитие, практика. Саратов, 1966; *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1966; 3-е изд., 1978; *Румянцев А. М.* О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., 1966; *Зеркин Д. П.* Источники и движущие силы развития социалистического общества. Ростов н/Д., 1966; *Горбач В. И.* Проблемы диалектических противоречий. М., 1972; Социалистическое общество. М., 1975; *Мороз И. А.* Диалектика развития социализма. Киев, 1978; Диалектика развития социалистического общества. М., 1980.

[55] См.: Диалектика современного общественного развития. М., 1966.

ных, но и качественных изменений, формой осуществления социального скачка»[56]. Специфический характер приобретает при социализме и действие закона отрицания отрицания[57].

Классовая структура социалистического общества. В советской философской литературе значительное внимание уделяется исследованию характера классовой структуры социалистического общества и происходящих в ней изменений[58]. Рост социальной однородности — основная тенденция развития социальной структуры социализма. В постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС отмечалось, что «ныне делом практической политики является стирание классовых различий, становление социальной однородности общества»[59]. Советскими философами разрабатывается вопрос о путях и формах ликвидации классовых различий и достижения полного социального равенства. Раскрываются перспективы развития трудовых коллективов, место и роль которых в коммунистическом строительстве получили закрепление в Конституции СССР и в Законе о трудовых коллективах, принятом восьмой сессией Верховного Совета СССР десятого созыва.

Решающее значение для достижения полной социальной однородности, стирания классовых различий имеет построение материально-технической базы коммунизма, создание единой коммунистической формы собственности, преодоление существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом. XXVI съезд КПСС сделал вывод, что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет уже на этапе зрелого социализма. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС были конкретизированы представления о становлении бесклассовой

[56] *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1972, с. 163. См. также: *Брушлинский В. А.* О своеобразии скачка при переходе от социализма к коммунизму. М., 1964; *Ковальчук А. С.* Становление нового качества в развитии общества. М., 1968; и др.

[57] См.: *Украинцев Б. С., Ковальчук А. С., Чертков В. П.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1963; Особенности действия законов диалектики в период перехода к коммунизму в СССР. Л., 1963; *Харин Ю. А.* Диалектика социального отрицания. Минск, 1972; и др.

[58] См.: Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968; Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968; *Гаврилов В. А.* Малые социальные группы в социалистическом обществе. М., 1969; *Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р.* Социальные перемещения. М., 1970; *Курылев А. К.* Коммунизм и равенство. М., 1971; *Амвросов А. А.* От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1972; 2-е изд., 1977; Проблемы изменения социальной структуры советского общества. Ростов, 1972; Проблемы социальной структуры советского общества. Л., 1972; *Зиле Л.* Периоды и этапы строительства социализма и изменения социальной структуры общества. Рига, 1975; Проблемы социально-классовой структуры общества развитого социализма. Горький, 1975; Классы и слои в развитом социалистическом обществе. Свердловск, 1975; Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976; *Руткевич М. Н.* Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977; *Семенов В. С.* Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977; Советская интеллигенция. М., 1977; Рабочий класс и общественный прогресс. М., 1980.

[59] Коммунист, 1983, № 9, с. 42.

структуры общества, раскрыта зависимость этого процесса от решения крупных задач в области внутренней политики партии.

Большая работа по изучению процессов, происходящих в рядах рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, ведется в союзных и автономных республиках [60].

Политическая организация социалистического общества. Диалектика социалистических общественных отношений. С середины 60-х годов более глубокому исследованию подвергаются проблемы политической организации общества, представляющей собой систему государственных и негосударственных организаций. Выявляются закономерности развития политической организации общества, показывается роль государства как главного ее звена, а также место и функции в политической организации классово-антагонистического общества негосударственных организаций. Много внимания уделяется вопросам совершенствования политической организации общества при социализме, анализу тенденции развития общенародного социалистического государства, прежде всего расширению и углублению социалистической демократии, становлению коммунистического самоуправления [61].

[60] См.: *Сохань А. В., Сильченко З. А.* Технический прогресс и рабочий. Формирование рабочего нового типа в процессе коммунистического строительства. Киев, 1963. На укр. яз.; *Рустамов М. А.* Формирование и развитие азербайджанской советской интеллигенции. Баку, 1963. На азерб. яз.; *Хаджаев Е.* Коммунизм и интеллигенция. Ашхабад, 1963; *Джумавазин Т., Аманаев В., Набин Т.* Развитие социалистического сознания колхозного крестьянства. Алма-Ата, 1964; Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма. Минск, 1965; *Мильтыкбаев Х.* Изменение социальной структуры общества в период коммунистического строительства (на материалах Узбекистана). Ташкент, 1965; Строительство коммунизма в СССР и стирание классовых различий. Ташкент, 1965; Строительство коммунизма и социальные изменения в крестьянстве. Минск, 1966; *Буслов К. П.* О критерии внутриклассовых различий. Минск, 1966; Внутриклассовые изменения крестьянства. Минск, 1966; *Валиев А. К.* Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. Ташкент, 1966; *Санжиев Г. Л., Пискаев А. О., Яшкин И. А., Кривуляк Ю. М.* Социальные преобразования Мордовии. Саранск, 1969; *Амантаев В. А.* Социализм и коренное преобразование социальной природы казахского крестьянства. Алма-Ата, 1969; *Иманов Г. Р.* Изменение социально-классовой структуры в Азербайджане в процессе строительства социализма и коммунизма. Баку, 1971. На азерб. яз.; *Аженов М. С.* Изменение социально-классовой структуры Казахстана в процессе коммунистического строительства. Алма-Ата, 1972; *Насырходжаев С. Н.* Интеллигенция Узбекистана и ее роль в строительстве коммунизма. Ташкент, 1972; *Сулидзе В. Е.* Формирование социалистической интеллигенции в Грузии. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; Преобразование социально-классовой структуры сельского населения. Кишинев, 1974. На молд. яз.; *Корбу В. Н.* Становление и развитие сельской интеллигенции в Советской Молдавии. Кишинев, 1974; *Мурниекс Э.* Колхозное крестьянство в Латвии. Рига, 1975. На латыш. яз.; Строительство коммунизма и сближение города и деревни. Ташкент, 1977; *Рустамов М. А.* Советская интеллигенция в условиях развитого социализма. Баку, 1977. На азерб. яз.; и др.

[61] См.: Школа общественного самоуправления. Ижевск, 1963; Общенародное социалистическое государство. М., 1964; *Курбанов В. М.* Советское общенародное государство — новая качественная ступень развития социалистической государственности. Ташкент, 1964; *Туленов Ж. Т.* Политическая организация советского общества. Алма-Ата, 1965; Школа общественной активности. Ижевск, 1966; *Шебалин М. К.* Советы общенародного государства. Йошкар-Ола, 1966; *Разин В. И.* Политическая организация обще-

Крупным вкладом в теорию и интернациональную практику строительства социализма явилась новая Конституция СССР, в которой отражены итоги революционно-преобразующей деятельности Коммунистической партии и советского народа после Октябрьской революции и дана ясная перспектива дальнейшего коммунистического строительства. На этапе зрелого социализма все более широкое и активное участие трудящихся масс в управлении жизнью страны прочно утвердилось как центральное направление политического развития общества.

В документах и материалах КПСС, в трудах советских ученых раскрывается содержание процесса становления и совершенствования развитого социализма и его движения к коммунизму [62].

Нации и национальные отношения при социализме. В период развитого социализма и постепенного перехода к коммунизму наступает новый этап в развитии социалистических наций и народностей. В материалах XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС и других партийных документах указывалось, что за годы социалистического строительства в нашей стране возникла и развивается новая соци-

ства. М., 1967; *Волков М. С.* Политическая организация общества. М., 1968; *Николаев В. В.* Советское социалистическое государство. М., 1968; *Грабченков В. М.* Историческая роль диктатуры пролетариата. Ижевск, 1968; *Бурлацкий Ф. М.* Ленин, государство, политика. М., 1970; Социально-,классовая и политическая организация социалистического общества. Саратов, 1971; *Пулатов Х.* Коммунизм, государство, личность, культура. Ташкент, 1971; *Белых А. К.* Управление и самоуправление. Л., 1972; *Цамерян И. П.* Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. М., 1973; *Еремин Ю. Е.* Классы и демократия. М., 1974; *Белов Г. А.* Политические отношения социалистического типа. М., 1976; Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История развития и современность. М., 1977; Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о социалистическом государстве и праве. История развития и современность. М., 1978; *Керимов Д. А.* Демократия развитого социализма. М., 1980; Политическая система развитого социализма. М., 1980. Ч. I, II; и др.

[62] См.: *Прохоренко И. Д.* Перерастание социалистических общественных отношений в коммунистические. М., 1963; *Курылев А. К.* Преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом — проблема строительства коммунизма. М., 1963; О закономерностях развития социалистического общества. Тбилиси, 1963. На груз. яз.; От социализма к коммунизму. Минск, 1963; *Самборский К.* Основные закономерности подъема деревни до уровня города. Киев, 1963. На укр. яз.; *Покрытин А. К., Касаткин В. И., Мазур В. И.* Социалистическая собственность при переходе к коммунизму. М., 1964; *Кочкин И. Н.* Преодоление социально-экономических различий между городом и деревней. М., 1964; Формирование коммунистических общественных отношений. Алма-Ата, 1964; Некоторые закономерности перехода от социализма к коммунизму. Душанбе, 1964; *Вартанов Р. Г.* Диалектика развития социализма. Ереван, 1964; *Машков А. М.* Развитие общественных отношений в период перехода от социализма к коммунизму. Л., 1965; Пути преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом. Л., 1965; *Гульметов З.* Развитие духовной культуры колхозной деревни в период развернутого строительства коммунизма (по материалам УзССР). Ташкент, 1965; Строительство коммунизма и развитие общественных отношений. М., 1966; *Юсупов Ю. Э.* Уничтожение противоположности между городом и деревней в ранее отсталых странах. Ташкент, 1966; *Капелян Е. Х.* Преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом. Минск, 1966; *Урсул Д. Т.* Развитие общественных отношений в Советской Молдавии. Кишинев, 1967; На пути к развитому социализму. Ташкент, 1976; *Завтур А. А.* Социальная структура Молдавии. Становление социально-политического единства. Кишинев, 1977. На молд. яз.

альная и интернациональная историческая общность людей — советский народ[63]. Советские философы исследуют закономерности развития национальных отношений в условиях развитого социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму, их связь с классовыми отношениями социалистического общества[64]. Исследуется диалектика двух тенденций в национальном вопросе — расцвета и сближения наций. При социализме и строительстве коммунизма эти две тенденции находятся в органическом единстве: расцвет наций, национальных культур содействует их сближению, а процесс сближения дает еще больший толчок расцвету социалистических наций[65].

[63] См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 81; Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57; Советский народ — новая историческая общность людей. Волгоград, 1969; *Нажафов А.* Сближение культуры социалистических наций. Баку, 1970; Советский народ и диалектика национального развития. Баку, 1972; Советский народ — новая историческая общность людей.— Коммунист, 1972, № 12; *Ким М. П.* Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие. М., 1976; *Дашдамиров А. Ф.* Советский народ. Баку, 1977; Развитие советского народа — новой исторической общности. М., 1980.

[64] См.: *Лукошко В. С.* Сближение социалистических наций в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963; *Джандильдин Н.* Коммунизм и развитие национальных отношений. М., 1964; Расцвет социалистических наций и их сближение. Ташкент, 1967; Развитие национальных отношений на современном этапе. Пятигорск, 1969; *Калтахчан С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; 2-е изд., 1976; Советская национальная политика и буржуазные историки. М., 1971; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972; *Глезерман Г. Е.* Классы и нации. М., 1974; 2-е изд., 1977; *Усубалиев Т. У.* Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов. М., 1974; *Куличенко М. И.* Нация и социальный прогресс. М., 1983; и др.

[65] См.: *Ханазаров К. Х.* Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963; *Ахмедов Ф.* Интернациональное воспитание трудящихся в период строительства коммунизма. Баку, 1964. На азерб. яз.; *Сабиров К.* Формирование и развитие социалистических наций советского Востока. Душанбе, 1964; Формирование и развитие национальных отношений. М., 1964; *Овезбердыев Ч.* Сближение наций в период строительства коммунизма. Ашхабад, 1964; *Смирнов А.* Расцвет и сближение социалистических наций в СССР. Вильнюс, 1964. На литов. яз.; Узбекистан на пути к коммунизму. Ташкент, 1964; Пролетарский интернационализм, отечество и патриотизм. Киев, 1965; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Ташкент, 1965; *Мурадова Г.* Интернациональное воспитание трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. Ашхабад, 1965; Интернациональное воспитание трудящихся. Киев, 1966. На укр. яз.; *Фадеев К. Ф.* Силы братства и дружбы. Казань, 1966; *Он же.* Национальные отношения и ислам. Казань, 1966; *Евдокименко В. Е.* Критика идейных основ украинского буржуазного национализма. Киев, 1967. На укр. яз.; Расцвет социалистических наций и их сближение. Ташкент, 1967; Через расцвет — к единству. О закономерностях дальнейшего сближения социалистических наций. Вильнюс, 1968. На литов. яз.; Национальное и интернациональное в социалистической культуре. Казань, 1970; О формировании эстонской социалистической нации. Таллин, 1979. На эст. яз.; *Урсул Д. Т.* Расцвет и сближение советских наций. Кишинев, 1971; *Хидоятов Т.* Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; *Насиров В. Г.* Единство советского патриотизма и социалистического интернационализма. Баку, 1972. На азерб. яз.; *Иноятов Х. Ш.* Ленинская национальная политика в действии. Ташкент, 1973; *Грекул А. В.* Расцвет молдавской социалистической нации. Кишинев, 1974; *Кахк Ю.* Черты сходства: Социологические очерки. Таллин, 1974; *Головнев А. И.* Интернациональное и национальное в развитии социалистической культуры. Минск, 1974;

На XXVI съезде партии отмечалось, что «единство советских наций сегодня прочно, как никогда. Это не значит, конечно, что все вопросы в сфере национальных отношений уже решены. Динамика развития такого крупного многонационального государства, как наше, рождает немало проблем, требующих чуткого внимания партии»[66]. Среди этих проблем и вопросы всестороннего сближения наций и их культур. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду обоснован глубокий диалектический подход партии к решению этого вопроса: «Происходят расцвет и взаимообогащение национальных культур, формирование культуры единого советского народа — новой социальной и интернациональной общности. Этот процесс идет у нас так, как он и должен идти при социализме: на основе равенства, братского сотрудничества и добровольности. За соблюдением этих ленинских принципов национальной политики партия следит строго. От них мы не отступим никогда»[67].

Актуальное международное значение приобрела проблема социалистического пути развития ранее отсталых народов. Ее разработка продолжается на материалах ряда союзных и автономных республик. Выводы, сделанные в ряде работ, полностью опровергают концепции буржуазных идеологов, пытающихся найти противоречия между ленинским учением о некапиталистическом пути развития отсталых стран и общей теорией марксизма о социалистической революции. Так, на материале из жизни Казахской Советской Республики рассмотрены закономерности ломки докапиталистических и установления социалистических отношений. При этом на основе анализа общих и специфических закономерностей исторического процесса замены докапиталистических производственных отношений социалистическими исследуется роль переходных ступеней в осуществлении социально-экономических и политических преобразований[68].

В Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане в результате коллективных усилий философов, юристов, экономистов, историков и других специалистов изучены различные аспекты процесса перехода к социализму тех народов, которые не прошли капиталистической стадии развития. В исследованиях туркменских ученых, например, особое внимание уделяется раскрытию специфических

Братство народов и интернациональное воспитание. Ташкент, 1974; *Гузелидзе Р. К.* Межнациональные отношения в развитом социалистическом обществе. Тбилиси, 1975. На груз. яз.; Национальные отношения и интернациональное воспитание в условиях строительства коммунизма. Рига, 1975. На латыш. яз.; Социализм и нации. М., 1975; и др.

[66] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 56.

[67] Там же, с. 57.

[68] См.: О закономерностях перехода народов ранее отсталых стран к социализму. Алма-Ата, 1961; *Кшибеков Д.* О закономерностях замены докапиталистических производственных отношений социалистическими (на материалах Казахстана). Алма-Ата, 1963.

проявлений действия общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства на ранее отсталых окраинах нашей страны, выявлено многообразие политических форм перехода отсталых народов от капиталистических отношений к социалистическим [69].

Процесс ускоренного развития от патриархально-феодальной отсталости к социализму всесторонне изучен философами и социологами Киргизии [70]. Активное изучение некапиталистического пути развития продолжается в Бурятии [71].

В исследованиях ученых Северного Кавказа большое место занял национальный вопрос [72].

Важное значение имела проведенная в Душанбе в 1962 г. Всесоюзная научная сессия по проблемам некапиталистического пути развития. Она не только подытожила работу, проделанную в этом направлении, но и сориентировала представителей общественных наук на всестороннее исследование этой проблемы, научное и практическое международное значение которой трудно переоценить. Институт философии АН СССР по итогам этой сессии издал коллективный труд, получивший положительную оценку научной общественности [73].

Проблемы социалистической культуры и культурной революции. Потребности общества развитого социализма активизировали разработку вопросов социалистической культуры и культурной революции. В исследованиях советских ученых разносторонне рассматриваются структура и содержание понятия «культура», подчеркивается ее классовый характер в антагонистических формациях, раскрывается роль народных масс в прогрессивном развитии культуры. Критика и переосмысление традиционного понимания культуры как совокупности материальных и духовных результатов

[69] См.: От социализма к коммунизму. Душанбе, 1963; *Киселев Д. С.* Развитие советской государственности в Туркменистане. Ашхабад, 1963; Некоторые закономерности перехода от социализма к коммунизму. Душанбе, 1964; От докапиталистических отношений к социализму и коммунизму. Ашхабад, 1964; *Абдушукуров Р. Х.* Торжество ленинской теории перехода отсталых стран к социализму и коммунизму, минуя капитализм. Ташкент, 1972; *Джабаров Н. И.* Закономерности преобразования докапиталистической структуры общественного сознания народов советского Востока в социалистическую структуру. Ташкент, 1973; *Ахмедова Н.* Некапиталистический путь развития... Ташкент, 1976; Закономерности прогресса быта и культуры в процессе некапиталистического пути развития. Ташкент, 1976.

[70] См.: *Алтмышбаев А. А.* О некоторых особенностях формы перехода народов Средней Азии к социализму. Фрунзе, 1959; *Он же.* Октябрь и развитие общественного сознания киргизского народа. Фрунзе, 1980; и др.

[71] См.: *Лубсанов Д. Д.* Переход бурятского народа к социализму, минуя капитализм.— В кн.: Октябрьская революция и Монголия. Улан-Батор, 1969; *Затеев В. И.* Великий Октябрь и национальная консолидация народов, не прошедших капиталистической стадии развития.— Там же.

[72] См.: *Авдев А.* К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965; *Салманов С. Б.* О характере и сущности экономической жизни народов, строящих социализм и коммунизм. Махачкала, 1965; *Исмайлов И. З.* Ленинская теория некапиталистического развития народности Кавказа. Баку, 1968.

[73] См.: От средневековья к вершинам современного прогресса. М., 1965.

деятельности людей начались с работ Д. И. Чеснокова, который определял культуру как исторически обусловленную совокупность знаний, навыков, идей и чувств и их закрепление и материализацию во всех сферах жизни и деятельности как отдельного человека, так и всего общества [74]. Культура не отождествлялась им с материальной деятельностью и не сводилась только к духовным ценностям общества. В большинстве работ, посвященных проблемам культуры, делается попытка связать культуру с деятельностью человека по преобразованию природы и общества, ибо только в процессе активного функционирования культура приобретает собственную жизнь, подлинную значимость и ценность как компонент реального исторического движения и выражает собой уровень развития субъекта истории как деятельности человека [75].

Победа социалистической революции повлекла коренной переворот в развитии культуры. В трудах советских ученых раскрывается содержание культурной революции, показывается, что она знаменует собой качественное преобразование духовной жизни общества, переход на новую, более высокую ступень развития человечества. Сущность культурной революции состоит не только в приобщении народных масс к богатствам культуры, в усвоении ее ценностей, но и — это следует особо подчеркнуть — в невиданной ранее активизации непосредственного участия народа в самом культурном творчестве. В центре задач культурной революции стоит преодоление существующего веками деления общества на творцов и потребителей, на элиту и массу, соединение культуры с массами, с их деятельностью, развитие творческих способностей и сил каждого человека.

Особенности культурной революции состоят в том, что она не отбрасывает все предшествующие завоевания науки и культуры, а, очищая их от реакционных наслоений, развивает и обогащает все ценное и положительное на новой основе [76].

Культурная революция по своим методам существенно отличается от политической революции: в культурной революции на первом плане стоят методы воспитания, убеждения, образования, идеологического воздействия.

[74] См.: *Чесноков Д. И.* Исторический материализм. М., 1965.

[75] См.: *Межуев В. М.* Культура и история. М., 1977.

[76] См.: Технический прогресс и духовный рост строителей коммунизма. М., 1963; *Шакирзаде А.* Народ — творец культуры коммунизма. Баку, 1965; Строительство коммунизма и проблемы культуры. М., 1966; *Аллахяров Ф. Г.* Сближение культур советских социалистических наций в период строительства коммунизма. Баку, 1966; Культурная революция в СССР. М., 1967; Роль рабочего класса в развитии социалистической культуры. М., 1967; *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969; Ленинизм и развитие социалистической культуры. Москва; Ташкент, 1971; *Арнольдов А. И.* Культура развитого социализма. М., 1975; *Лукин Ю. А.* Многогранная социалистическая культура. М., 1977; Проблемы коммунистического воспитания и социалистической культуры. М., 1977; *Иовчук М. Т., Коган Л. Н.* Советская социалистическая культура: исторический опыт и современные проблемы. М., 1979.

В партийных документах, в трудах советских марксистов разрабатывается проблема диалектики национального и интернационального в культуре. Подчеркивается, что путь к созданию общечеловеческой культуры коммунизма идет не через изживание национальных культур, а через их всестороннее развитие, поэтому советские ученые подвергают критике как точку зрения о немедленном слиянии национальных культур в единую общечеловеческую культуру коммунизма, так и тенденцию консервирования устаревших национальных традиций[77].

По своим целям и задачам культурные преобразования принципиально одинаковы во всех социалистических странах. Однако исторические особенности каждой страны обусловливают разнообразие форм культурного строительства. Руководствуясь марксистско-ленинским учением о культурной революции, социалистические страны творчески заимствуют друг у друга все ценное, учатся друг у друга.

Было бы неправильно считать, что культурная революция заканчивается вместе с построением социализма. Она охватывает весь период перехода от капитализма к коммунизму.

Исследования проблем человека. Переход к коммунизму требует всестороннего развития личности, воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту, физическое совершенство. В Отчетном докладе на XXV съезде КПСС отмечалось: «...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжелых боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знание и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом»[78].

Изучение проблем человека становится все более комплексным. В настоящее время складывается сложная разветвленная система теоретического и практического человекознания, причем обнаруживаются все новые взаимоотношения между естествознанием и общественными науками, техникой и человеком, медициной и педагогикой, научным и эстетическим освоением мира человеком. Социальную значимость всестороннего развития науки о человеке подчеркивают ряд советских ученых. Так, например, Б. Г. Ананьев

[77] См.: *Джандильдин Н.* Коммунизм и развитие национальных отношений. М., 1964; *Рогачев П. М., Свердлик М. А.* Нации — народ — человечество. М., 1967; Единство советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Волгоград, 1967: *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования национальной общности людей.

[78] Материалы XXV съезда КПСС, с. 87; см. также: КПСС о формировании нового человека. М., 1976.

писал: «Для социального прогнозирования необходимы научные знания о резервах и ресурсах самого человеческого развития, об истинных потенциалах этого развития, еще крайне недостаточно использующихся обществом»[79].

Исторический материализм открывает широкий простор для разработки проблемы личности в ее соотношении с обществом. В общефилософском плане проблема человека ставится в связи с анализом активного отношения общества к природе, практически преобразовательной деятельности людей. В плане философско-социологическом рассматривается переход от индивидуального к социальному и от социального к индивидуальному. Кроме того, проблема человека ставится и в более конкретной плоскости — в аспекте исследования социологических факторов формирования личности, изучения тех возможностей, которые представляет НТР в социалистическом обществе, конкретных путей осуществления коммунистического идеала гармонически развитого человека.

По данной проблематике опубликовано в рассматриваемый период немало монографических исследований, сборников, статей[80]. Ряд работ посвящен анализу общих условий формирования личности в социалистическом и капиталистическом обществах. Некоторые из них подчеркивают и специально анализируют роль коллектива в развитии личности[81]. Большое внимание было уделено анализу факторов всестороннего гармонического развития человека, исследованию роли трудовой деятельности в этом процессе; изучается

[79] *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977, с. 6.

[80] См.: *Тугаринов В. П.* Личность и общество. М., 1965; *Дроздов А. В.* Человек и общественные отношения. Л., 1966; *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967; *Корнеев М. Я.* Проблемы социальной типологии личности. Л., 1971; *Мысливченко А. Г.* Человек как предмет философского познания. М., 1972; *Григорьян Б. Т.* Философия о сущности человека. М., 1973; *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; *Батенин С. С.* Человек в его истории. Л., 1976; *Навасардян Р. Г.* Формирование марксистской концепции человека. Ереван, 1976; *Кемеров В. Е.* Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977; *Демин М. В.* Проблемы теории личности. М., 1977; *Абульханова-Славская К. А.* Диалектика человеческой жизни. М., 1977; *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978; Проблема человека в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркса/Под ред. Е. Я. Режабека. Ростов н/Д, 1977; *Шульга Н. А.* Классовая типология личности. Киев, 1978; *Кон И.* Открытие «Я». М., 1978; *Карыгин В. Д.* Научно-техническая революция и личность. М., 1978; *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1979; Проблема человека в диалектическом материализме. Пермь, 1979; Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии/Под ред. В. А. Штоффа. Л., 1979; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности. 3-е изд., доп. М., 1980; и др.

[81] См.: *Гусев А. Д.* Общество и личность. Минск, 1963; *Тугаринов В. П.* Личность и общество; *Афанасьева А. И., Нуруллаев А. А.* Коллектив и личность. М., 1965; *Гак Г. М.* Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1967; Коллектив и личность. М., 1968; Формирование личности в производственном коллективе. М., 1968; *Ковалев С. М.* О человеке, его порабощении и освобождении. М., 1970; *Иванов В. Г.* Коллектив и личность. Л., 1971; Общество и личность. Волгоград, 1974; *Лутидзе В. И.* Коллектив и личность. Тбилиси, 1975. На груз. яз.

проблема влияния на развитие личности социальной среды, ее микро- и макроуровней [82].

В процессе творческих поисков и решений были высказаны разные точки зрения по вопросам о структуре личности, соотношении в ней социального и биологического [83], о разделении труда и всестороннем развитии личности. Появились и отдельные монографические исследования, специально посвященные этим проблемам [84]. На III Всесоюзном совещании по философским проблемам естествознания вопрос о соотношении социального и биологического в человеке был одним из центральных. Сущность человека социальна, а не биосоциальна — этот тезис отстаивался и развивался многими участниками совещания.

Определенный вклад в освещение проблемы личности внесли исследования в области марксистской теории ценностей (хотя их проблематика, естественно, шире, ибо включает анализ ценностей не только личного, но и общественного порядка) [85].

В трудах советских ученых разрабатывается марксистская концепция человека, исследуются пути и формы всестороннего развития личности [86]. Показана несостоятельность структуралистских

[82] См.: *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968; *Ануфриев Е. А.* Социальная среда и активность личности. М., 1971; *Сычев Ю. В.* Микросреда и личность. Философские и социологические аспекты. М., 1974; *Сафронов В. В., Дорогова Л. Н.* Мир человека. Методологические вопросы формирования духовного мира личности. М., 1975; Диалектика взаимосвязи личного и социального в условиях развитого социализма. Л., 1980.

[83] Материалы дискуссии, посвященной проблеме соотношения социальных и биологических факторов развития человека, помещены в журнале «Вопросы философии» (1972, № 2). См. также: *Дубинин Н. П.* Социальное и биологическое в современной проблеме человека.— Вопр. философии, 1972; № 10, 11; *Фролов И. Т.* Прогресс науки и будущее человека. М., 1975; Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977; *Тарасов К. Е., Черненко Е. К.* Социальная детерминированность биологии человека. М., 1979; Соотношение биологического и социального. Пермь, 1981; и др.

[84] См.: *Кайдалов Д. П.* Закон перемены труда и всестороннее развитие личности. М., 1968; *Курылев А. К.* Преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом — проблема строительства коммунизма. М., 1963; Проблемы личности. М., 1969—1970; Т. 1, 2; *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973; *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974; *Алексеев Н. И.* Диалектика труда при социализме. М., 1979; *Сиземская И. Н.* Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981; и др.

[85] См.: *Дробницкий О. Г.* Мир оживших предметов. Проблема ценности в марксистской философии. М., 1967; *Шишкин А. Ф.* Социализм и моральные ценности человечества.— Вопр. философии, 1967, № 10; *Тугаринов В. П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968; *Анисимов С. Ф.* Ценности реальные и мнимые. М., 1970; Культура, творчество, человек. М., 1970; *Титаренко А. И.* Антиидеи. М., 1976; *Смолянский В. Г.* Ценности социалистического мира, М., 1977; и др.

[86] См.: *Струков Э. В.* Всестороннее и гармоническое развитие личности. М., 1963; *Молодцов В. С.* Научное мировоззрение — каждому строителю коммунизма. М., 1963; Человек и эпоха. М., 1964; Коммунизм и личность. М., 1964; Гармоничный человек. М., 1965; Строительство коммунизма и духовный мир человека. М., 1966. *Сохань Л. В.* Духовный прогресс личности и коммунизм. Киев, 1966; *Моргунов И.* Всестороннее развитие личности. Рига, 1967; Личность при социализме. М., 1968; *Мялкин А. В.* Личность и строительство коммунизма. Ростов, 1971; *Резницкий И. И.* Философские основы индивидуальности. М., 1971; *Ануфриев Е. А.* Социальная роль и активность лич-

концепций человека как «детали» в заданной социальной системе, а также абстрактно-гуманистического подхода к личности как к некой внеисторической сущности. Человек — всегда конкретно-историческое существо, творец определенных общественных отношений. Всестороннее развитие личности, ее расцвет предполагают формирование у каждого члена общества научного мировоззрения, глубокой идейной коммунистической убежденности, высокой этической и эстетической культуры, развитие всех творческих способностей, широкий диапазон знаний при глубоком овладении той или иной специальностью. Критерием развития личности являются не просто богатый духовный мир и образованность, но прежде всего применение ею своих знаний и способностей в интересах общественного прогресса, для блага народа, в целях построения социализма и коммунизма. Важнейшим критерием ценности личности является ее общественная активность, человечность, ответственность, высокий нравственный долг, коммунистическое отношение к труду.

Огромное внимание вопросам формирования коммунистического мировоззрения было уделено на XXV и XXVI съездах КПСС и в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем повышении идеологической, идейно-воспитательной работы» (1979), в постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Формирование коммунистического мировоззрения должно носить не абстрактный характер, а находиться в тесной связи с жизнью, с практикой коммунистического строительства. «Коммунистическая идейность,— отмечалось на XXV съезде КПСС,— это сплав знаний, убеждения и практического действия ... Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения»[87].

Важное значение в воспитании нового человека, во всестороннем развитии личности имеет изменение характера труда, ликвидация существенных различий между умственным и физическим трудом[88]. Общественные условия труда определяют меру свободы лич-

ности. М., 1971; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. М., 1971; 3-е изд., 1980; Духовный мир советского рабочего. М., 1972; *Васина Э. Л.* Социализм и воспитание масс. М., 1973; *Камилов М. К.* Формирование новой личности. М., 1975; Коммунизм, личность, воспитание. М., 1974; *Бальсис А.* Становление научного мировоззрения личности. Вильнюс, 1974; Проблемы формирования целостной личности. Рига, 1976; Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976; Человек как объект социологического исследования. М., 1977; *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978; Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. Л., 1979; *Ципко А.* Социализм: жизнь общества и человека. М., 1980; *Ковалев С. М.* Формирование социалистической личности. М., 1980; и др.

[87] Материалы XXV съезда КПСС, с. 76, 77.

[88] См.: *Туровский М. В.* Труд и мышление. М., 1963; Труд и коммунистическое воспитание. Рига, 1964; *Зворыкин А. А.* Наука, производство, труд. М., 1965; Личность и труд. М., 1965; *Голосов В. Ф.* Труд и человек. Красноярск, 1966; *Кайдалов Д. П.* Закон перемены труда и всестороннее развитие личности. М., 1968; *Жанзельдин Т.* О роли труда в коммунистическом воспитании. Алма-Ата, 1959. На каз. яз.; *Амеев И.*

ности, ее всестороннего развития[89]. Труд — показатель социальной зрелости человека.

В марксистско-ленинской концепции человека большое место занимает проблема свободы. В работах советских философов подчеркивается, что определение свободы как познанной необходимости составляет предпосылку и важнейшее условие свободы, но еще не решает вопроса о ее сущности. Действительная свобода достигается лишь при освобождении людей от эксплуатации, в материально-производственной, социально-политической и культурной деятельности, в ходе которой люди на основе познанной необходимости планомерно изменяют общественные отношения, осуществляют свои цели и намерения. Содержание свободы многопланово. В советской философской литературе свобода рассматривается в общем (социальном) и конкретном (личностном) аспектах, исследуются пути развития свободной деятельности трудящихся в ходе коммунистического строительства[90].

В связи с проблемой свободы рассматривается вопрос об ответственности человека при социализме. Подчеркивается, что общий ход прогресса зависит от активности, инициативы каждого отдельного человека, и в то же время свобода, творческое развертывание сущности индивида находятся в прямой зависимости от уровня развития материальных и духовных предпосылок, коренящихся в общественных отношениях. Необходимость всестороннего развития личности, воспитания коллективизма и борьбы с индивидуализмом потребовала исследования проблемы связи личности и общества. Подвергаются анализу различные аспекты данной проблемы: связь индивидуального и социального, личность и классы, личность и экономический строй общества, личность и национальные отношения,

Роль рабочего времени во всестороннем развитии личности. Баку, 1966. На азерб. яз.; *Дутидзе В. И.* Труд и человек. Тбилиси, 1967; *Мамедов Т. К.* Научно-технический прогресс и его роль во всестороннем развитии личности рабочего. Баку, 1970; *Товмасян С. С.* Философские проблемы труда и техники. М., 1972; *Овчинников В. Ф.* Научно-технический прогресс и развитие творческого потенциала работника производства. Л., 1974; Научно-техническая революция и человек. М., 1977; Формирование духовного мира человека и научно-техническая революция. М., 1977; *Ниорадзе О. Я.* Научно-техническая революция и формирование нового человека. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; *Алексеев Н. И.* Диалектика труда при социализме. М., 1979; Теория и практика коммунистического воспитания. М., 1980; и др.

[89] См.: *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1978.

[90] См.: *Косолапов Р. И.* Коммунизм и свобода. М., 1964; *Ахмедли Дж. Т.* Свобода и необходимость. Баку, 1964; *Николаева Л. В.* Свобода — необходимый продукт исторического развития. М., 1964; *Давидович В. Е.* Проблема человеческой свободы. Львов, 1967; *Шубняков В. С.* Свобода общества и личности. Ярославль, 1967; *Бычко И. В.* Познание и свобода. М., 1969; Свобода и ее содержание. Волгоград, 1972; *Паркин В. Ф.* Диалектика свободы и необходимости при социализме. М., 1973; *Голубенко В. П.* Необходимость и свобода. М., 1974; *Стемпковская В. И.* Социализм и свобода. М., 1975; *Мхитарян Г. Е.* Свобода и историческая необходимость. Ереван, 1976; *Рубцов Н. И.* Коммунизм и свобода. Минск, 1978; *Смирнов В. А.* Социальная активность советских рабочих. М., 1979; *Лоханов И. И.* Свобода личности. М., 1980; *Новиков К. А.* Свобода воли и марксистский детерминизм. М., 1981; и др.

личность, демократия и дисциплина, личность и коллектив, личная жизнь, быт, семья и другие вопросы, связанные с формированием и развитием личности[91].

В работах советских ученых анализируются истоки и сущность социалистического гуманизма, присущее ему единство научности и революционности, действенности, патриотизма и интернационализма.

Из работ по проблемам гуманизма, вышедших в 70-х годах, следует назвать коллективную монографию «Проблемы гуманизма в марксистско-ленинской философии», подготовленную учеными СССР, Болгарии, Польши, Румынии и Чехословакии. В этой книге охарактеризованы философско-теоретические принципы социалистического гуманизма, выявлены его актуальные проблемы в современную эпоху, прослежена реализация гуманистических идеалов в социалистических странах в экономической, политической, духовной сферах жизни общества, дана убедительная критика буржуазного антигуманизма. Марксистский гуманизм, показывают авторы, есть историческое и логическое развитие гуманистических традиций всей предшествующей философско-социологической мысли. И вместе с тем он знаменует собой новый качественный рубеж: марксизм впервые в истории дал научное обоснование проблем гуманизма, вскрыл причины порабощения человека и указал пути всеобщего освобождения. «Вместо абстрактной мечты о счастье человека в марксизме-ленинизме воплотился гуманизм революционно-действенной борьбы за уничтожение социальных условий, обрекающих людей на нечеловеческое существование. В этом состоит сущность марксистского понимания гуманизма, его коренное отличие от всех буржуазных и мелкобуржуазных толкований»[92].

Разъясняя ленинскую мысль о том, что в «нашем идеале нет места насилию над людьми»[93], советские ученые показывают место и вынужденную историческую необходимость революционного насилия в процессе освобождения от эксплуатации и порабощения. В редакционной статье журнала «Коммунист» говорится: «Марксисты твердо стоят на почве признания необходимости и исторической правомерности революционного принуждения в ходе борьбы с неизбежно сопротивляющейся буржуазией за социалистическое преобразование общества. Вот почему они твердо убеждены в том, что отказ от него равносилен на деле отказу от конечных целей борьбы рабочего класса, от социализма»[94]. Марксизм не абсолютизирует насилия, признает, что главным в процессе революционного преобразования общества является творчески-созидательная актив-

[91] См.: Коммунизм и личность. М., 1964; Личность при социализме. М., 1969; *Косолапов В. И., Марков В. С.* Свобода и ответственность. М., 1969; *Слободнюк С. С.* Личность как ценность. М., 1971; *Плахотный А. Ф.* Свобода и ответственность. Харьков, 1972; *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978; и др.

[92] Проблемы гуманизма в марксистско-ленинской философии. М., 1975, с. 283.

[93] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

[94] Социалистический идеал и реальный социализм.— Коммунист, 1979, № 11, с. 15.

ность трудящихся масс, руководимых коммунистической партией.

Рабочий класс и его коммунистическая партия — это исторические силы, действия которых направлены к уничтожению насилия как такового и которые сознательно ставят перед собой эту цель. Марксисты-ленинцы всегда выступали и выступают против иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Социалистические и коммунистические преобразования основаны на марксистско-ленинских гуманистических идеалах и в то же время выступают как необходимые условия развернутого осуществления этих идеалов — подлинных принципов социалистического гуманизма, реального обеспечения прав трудящихся, создания необходимых предпосылок их гармоничного развития[95]. «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии»,— подчеркивалось на XXVI съезде КПСС[96].

Организующей силой советского народа в реализации гуманистических идеалов выступает общенародное социалистическое государство. «В соответствии с коммунистическим идеалом „Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех" государство ставит своей целью расширение демократии, реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности»[97].

С середины 70-х годов в советской философской литературе стали интенсивно разрабатываться вопросы, связанные с проблемой образа жизни, и в особенности социалистического образа жизни. По теоретическим проблемам образа жизни в настоящее время ведутся оживленные дискуссии. Некоторые авторы отождествляют образ жизни с условиями, которые имеют отношение к жизни людей и всего общества. Это расширительное понимание ныне преодолевается в научной литературе. Другие определяют образ жизни как форму поведения (характер мышления и поступков, уклад внутренней жизни) или как систему жизнедеятельности людей, рассматривая окружающие условия жизни лишь как внешнюю среду. При таком понимании упускается из виду, что мысли и поступки людей детерминированы объективными условиями, а сами условия преобразуются людьми.

Учитывая внутреннюю диалектику образа жизни и окружающих людей условий, большинство авторов приходят к мысли, что образ жизни надо понимать как детерминируемую общественными отно-

[95] См.: *Петросян М. И.* Гуманизм. М., 1964; *Симонян Е. А.* Коммунизм — это реальный гуманизм. М., 1970; *Попов С. И.* Социализм и гуманизм. М., 1974; *Он же.* Социализм и оптимизм. М., 1981; *Денисов В. В.* Социология насилия. М., 1975; *Бережной Н. М.* Действительность социалистического гуманизма. М., 1979; Гуманистическое содержание социальных процессов при социализме. Новосибирск, 1980; и др.

[96] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 49.

[97] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 12.

шениями и географической средой, а также ценностными установками совокупность форм жизнедеятельности людей, социальных групп или всего общества в экономической, социально-политической, семейно-бытовой, а также духовной сферах общества.

В работах советских марксистов дается критика буржуазных идеологов, которые пытаются подменить понятие «образ жизни» понятиями «стиль жизни», «качество жизни» и т. д. и тем самым пытаются отрицать классовый подход при рассмотрении образа жизни в антагонистических формациях.

В ряде книг рассматриваются общие черты социалистического образа жизни: коллективизм, гуманизм, интернационализм, социальный оптимизм и другие, его коренные отличия и преимущества по сравнению с буржуазным образом жизни, вскрывается диалектика развития социалистического образа жизни, анализируются процессы преодоления социальных различий в рамках социалистического образа жизни, постепенное нарастание черт, элементов коммунистического образа жизни[98].

В материалах XXV и XXVI съездов КПСС нашли отражение существенные, яркие черты социалистического образа жизни, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности: атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, крепнущая день ото дня сплоченность, дружба всех наций и народностей страны, нравственное здоровье, делающее советских людей сильными и стойкими в труде и борьбе[99].

4
Закономерности современной эпохи. Проблемы войны и мира. Мировой революционный процесс

«Наша эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь

[98] См.: *Толстых В. И.* Образ жизни. Понятие, реалии, проблемы. М., 1975; Социалистический образ жизни. М., 1976; Философские проблемы общественного развития (некоторые аспекты формирования и развития социалистического образа жизни). М., 1976; Советский образ жизни: сегодня и завтра. М., 1976; Проблемы социалистического образа жизни. М., 1977; *Харчев А. Г., Алексеева В. Г.* Образ жизни, мораль, воспитание. М., 1977; *Руткевич М. Н.* Социалистический образ жизни и его развитие в СССР. М., 1977; *Струков Э. В.* Социалистический образ жизни. М., 1977; *Коридзе Д. А.* Социалистический образ жизни. Тбилиси, 1977. На груз. яз.; *Сдобнов С. И.* Социалистический образ жизни: (Экономический аспект). М., 1981; *Бутенко А. П.* Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1980; Социалистический образ жизни. М., 1980; и др.

[99] См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 87.

социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе»[100].

Проблемы основного содержания современной эпохи получили глубокое теоретическое освещение в программных документах КПСС и международных Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий.

Научное обоснование движущих сил мирового революционного процесса потребовало от советских философов глубокого анализа противоречий современной эпохи. Главным противоречием современной эпохи является противоречие между социализмом и капитализмом, между утверждающейся, идущей вперед коммунистической общественно-экономической формацией и движущимся по нисходящей линии капитализмом. Это противоречие является главным потому, что оно выражает основное содержание современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму, составляет центральную ось современного мирового развития. Это противоречие носит всеобщий характер, пронизывает все стороны жизни современного мира: экономику, политику, идеологию, культуру.

Глубокое знание характера современной эпохи и ее противоречий предполагает постоянное внимание к исследованиям новых особенностей в классовой структуре современного капиталистического общества, борьбы классов в современном мире. Новейшие исследования показывают, что: 1) в классе капиталистов все более резко выделяется правящий слой монополистической буржуазии, сокращается удельный вес немонополистической буржуазии и землевладельцев; 2) возрастает доля наемной армии труда, рабочие и служащие составляют 70—95% занятого населения стран капитала; 3) рабочий класс растет по численности, сознательности и организованности, усилилась его общественно-политическая роль; 4) в средних слоях уменьшается доля мелкой буржуазии города и деревни, главное место занимают интеллигенция и служащие, которые по своему социальному положению приближаются к рабочим, что облегчает установление союза между ними, открывает дополнительные возможности для расширения фронта сил, выступающих во главе с рабочим классом за коренное изменение существующих эксплуататорских обществ.

Основную массу пролетариата составляют по-прежнему работники физического труда, и хотя социально-экономические границы пролетариата расширились, однако включать в его ряды все слои наемных работников, занятых в сфере умственного труда, а также в сфере обслуживания, было бы ошибочно.

Советские ученые подвергают критике буржуазные теории о классовой гармонии, «социальном партнерстве», анализируют усиле-

[100] Программные документы борьбы за мир, народную демократию и социализм. М., 1961, с. 39.

пие классовой борьбы в капиталистических странах, выявляют ее специфику, необычайно расширившуюся социальную базу борьбы против монополистического капитала [101].

Вопреки модным на Западе антимарксистским теориям о том, что будто бы современная НТР ведет к сужению границ рабочего класса и даже чуть ли не к его ликвидации, реальные факты свидетельствуют о том, что научно-технический прогресс повсюду ведет к росту рабочего класса.

Применительно к современным условиям в советской научной литературе развито положение о ведущей революционно-преобразующей роли рабочего класса во всех общественных движениях современности, показана несостоятельность капитулянтских рассуждений ревизионистов о мнимом ослаблении революционного потенциала рабочего класса, падении его удельного веса в жизни общества, о переходе революционного начала к интеллигенции, крестьянству или студенчеству.

В советской философской литературе исследуется также классовая структура развивающихся стран, где представлены и действуют классы, социальные слои и группы почти всех известных укладов. В большинстве развивающихся стран современные классы и социальные группы окончательно еще не сложились. Пролетариат составляет небольшую долю населения, но его численность, сознательность, а также роль быстро растут [102].

Социологические аспекты войны и мира — одна из важных проблем современности. К компетенции исторического материализма относятся социально-философское исследование сущности войны как общественно-политического явления, ее источников и причин, места и роли в истории, социальных условий и сил, путей и средств предотвращения войны, а также ее полного уничтожения. Все эти вопросы рассматриваются в советской литературе.

Как социально-классовое явление война — это порождение антагонистических формаций, по своему существу она является продолжением политики насильственными средствами. Разоблачая биологические, расовые, геополитические и другие теории о причинах и источниках войн, советские ученые глубоко и убедительно показали, что причина войн коренится в господстве эксплуататорских классов. Не против всяких войн выступают марксисты. Они разли-

[101] См.: Классовая борьба в развитых капиталистических странах. М., 1966; *Усенин В. И.* Социальное партнерство или классовая борьба? М., 1968; *Семенов В. С.* Капитализм и классы. М., 1969; *Москвин Л. Б.* Рабочий класс и его союзники. М., 1977; Международное рабочее движение. М., 1980; и др.

[102] См.: Классы и классовая борьба в развивающихся странах. М., 1967. Т. 1; 1967. Т. 2; 1968. Т. 3; Рабочий класс и антиимпериалистическая революция. М., 1969; Научно-техническая революция и развивающиеся страны. М., 1973; *Андреев И. Л.* Некапиталистический путь развития. М., 1975; *Ульяновский Р. А.* Очерки национально-освободительной борьбы. М., 1976; Рабочее движение в развивающихся странах. М., 1977; *Брутенц К. Н.* Современные национально-освободительные революции. М., 1974; *Он же.* Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979; и др.

чают войны справедливые и несправедливые, поддерживают первые, выступают против вторых. Мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем, которое является исторической необходимостью в современном мире, благоприятствует развертыванию классовой борьбы в капиталистических странах, способствует выявлению преимуществ социализма перед капитализмом.

В связи с этим изучаются проблемы мирного сосуществования, международного конфликта и конфликтных ситуаций, показывается, что современную ядерную войну нельзя считать приемлемым средством решения спорных вопросов международной политики. Анализируются коренные сдвиги, происшедшие на международной арене, которые позволяют в современных условиях предотвратить термоядерную мировую войну [103]. В Обращении Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира» (1981) подчеркивается: «Мир — общее достояние человечества, а в наше время и первейшее условие его существования. Только совместными усилиями он может и должен быть сохранен и надежно обеспечен» [104].

Опираясь на обоснованные В. И. Лениным принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем и исходя из более чем полувекового опыта миролюбивой внешней ленинской политики Советского государства, на XXIV—XXVI съездах КПСС, в решениях пленумов ЦК КПСС партия выдвинула развернутую Программу мира, успешно осуществляемую Советским Союзом, мировым социалистическим содружеством, борющимся за прочный, справедливый мир между народами, за главное право человека — право на жизнь. Эта гуманистическая, отвечающая интересам всего трудящегося человечества Программа мира и последовательное ее осуществление диалектически взаимосвязаны с коренными интересами революционного международного рабочего класса, ведущего борьбу за подлинную демократию и социальный прогресс, за победу социализма и осуществление коммунистических идеалов, за светлое будущее всего человечества.

На XXVI съезде наша партия выступила с рядом новых важных инициатив и конкретных предложений, направленных на устранение угрозы мировой термоядерной войны, обуздание гонки вооружений, укрепление международной обстановки.

Отстаивая политику мира, мирного сосуществования стран с различным общественным строем, КПСС считает, что такая полити-

[103] См.: *Пуховский Н. В.* О войне и мире. М., 1965; *Замковой В. И.* Критика буржуазных теорий неизбежности новой мировой войны. М., 1965; *Емельянов В. С.* Атом и мир. М., 1967; Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1968; Методологические проблемы военной теории и практики. М., 1969; Современные проблемы разоружения. М., 1969; Международные конфликты. М., 1972; Философское наследие В. И. Ленина и проблемы современной войны. М., 1972; Общественность и проблемы войны и мира. М., 1976; *Кондратков Т. Р.* Формирование научного понимания войны и критика его фальсификаторов. М., 1976; Война и армия. М., 1977; *Шеляг В. В.* Мир и война. М., 1978; и др.

[104] Коммунист, 1981, № 10, с. 5.

ка отнюдь не означает отказа от поддержки мировым социалистическим содружеством революционных и национально-освободительных движений.

Главной революционной силой современности является мировая социалистическая система — становой хребет современного мирового революционного процесса. Мировая социалистическая система — решающая, определяющая сила общественного прогресса. Она оказывает всевозрастающее влияние на ход мировых событий. «Нет такой страны или группы стран, такого идейного или политического течения, которое не испытало бы на себе в той или иной мере влияния социализма. Такова реальность конца двадцатого века»[105]. Под воздействием мировой системы социализма возникают закономерности, без учета которых невозможно понять многие процессы, происходящие в капиталистических странах[106].

Социализм наносит поражение капитализму в решающей сфере человеческой деятельности — в сфере материального производства. В ходе экономического соревнования Советского Союза и других социалистических стран с капиталистическими странами социализм доказывает свое преимущество перед капитализмом, воодушевляет трудящиеся массы на борьбу против буржуазии. Экономическое соревнование капитализма и социализма — это не просто борьба за первенство в мировой экономике. Чем крепче экономика социалистических стран, тем надежнее дело социального и национального освобождения народов.

В трудах советских марксистов большое внимание уделяется анализу борьбы международного рабочего класса против капитала. Подчеркивается, что без последовательной революционной борьбы пролетариата капиталистических стран против «своей» буржуазии победа социалистической революции в этих странах невозможна[107].

Важную роль в ослаблении тылов империализма играет национально-освободительное движение. Этот вопрос получил глубокую теоретическую разработку в партийных документах, в трудах советских марксистов.

Большое внимание уделяется обоснованию необходимости проч-

[105] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 79.

[106] См.: Социалистическая революция и современный капитализм. М., 1966; Международное революционное движение рабочего класса. М., 1966; Великий Октябрь и мировой революционный процесс. М., 1967; Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября. М., 1968; Ленинизм и международное рабочее движение. М., 1969; Ленинизм и философские проблемы современности. М., 1970; Международные конфликты. М., 1972; *Розенталь М. М.* Диалектика ленинского исследования империализма и современность. М., 1976; Революционный процесс: общее и особенное. М., 1981; Рабочий класс и мировой революционный процесс. М., 1981; и др.

[107] См.: Строительство коммунизма и мировой революционный процесс. М., 1966; Международное коммунистическое движение. М., 1972; Проблемы коммунистического движения. М., 1978; *Загладин В. В.* Историческая миссия рабочего класса и современное рабочее движение. М., 1979; Международное коммунистическое движение. Правда против вымыслов. М., 1981; и др.

ного единства трех революционных сил современности — мировой социалистической системы, революционного движения международного пролетариата и национально-освободительного движения, составляющих в своем развитии единый мировой революционный процесс. При этом подвергаются критике попытки противопоставления национально-освободительного движения мировой социалистической системе и революционному движению международного пролетариата [108].

Проблемы социальной революции нашли свое отражение во многих публикациях. Подвергнуты исследованию экономическая основа революции, ее движущие силы, расширение ее социальной базы, объективные и субъективные предпосылки, разрабатывается классификация типов революции, выявляются особенности социальной революции в докапиталистических формациях, специфика социалистических, национально-освободительных, народно-демократических революций в современную эпоху [109].

Важное место в литературе по историческому материализму занимает исследование связи между борьбой за демократию с борьбой за социализм [110]. Борьба за демократические реформы и преобразования в различных странах мира, мощные демократические движения помогают создать политическую армию социалистической революции, сплотить и организовать широкие трудящиеся массы на

[108] См.: Международное революционное движение рабочего класса; Проблемы рабочего движения. М., 1968; *Искандеров А. А.* Национально-освободительное движение. М., 1970; Проблемы национально-освободительного движения. М., 1970; Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974; Борьба идей в современном мире. Развивающиеся страны: проблемы и идеологические течения. М., 1978. Т. 3; и др.

[109] См.: *Ковалев А. М.* Социальная революция. М., 1967; Социалистическая революция и современный капитализм. М., 1968; *Крутько Н. Г.* Демократические движения — форма подхода масс к социалистической революции. Минск, 1968; *Евменов Л. Ф.* Диалектика и революция: (Критический очерк). Минск, 1969; Современная эпоха и мировой революционный процесс. М., 1970; *Зародов К. И.* Ленинизм и современные проблемы борьбы за социализм. М., 1970; *Красин Ю. А.* Диалектика революционного процесса. Методологические проблемы. М., 1972; *Он же.* Революцией устрашенные: Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975; *Он же.* Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977; *Селезнев М. А.* Социальная революция. М., 1972; Ленинская теория социалистической революции и современность. 2-е изд. М., 1975; 3-е изд., доп., 1980; Методологические проблемы социалистической революции. Иваново, 1972; *Лейбзон Б. М.* Что такое революционность сегодня. М., 1972; *Косичев А. Д.* Теоретическое обобщение В. И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. М., 1974; *Водолазов Г. Г.* Диалектика и революция: (Методологические проблемы социальной революции). М., 1975; Проблемы теории социальной революции. М., 1976; *Зародов К. И.* Социализм, мир, революция. М., 1977; *Он же.* Экономика и политика в революции. М., 1980; *Чертков В. П.* Диалектика революционного процесса. М., 1978; *Красин Ю. А., Лейбзон Б. М.* Революционная форма и революционная политика. М., 1979; Мировой революционный процесс и современность. М., 1980; Движущие силы мирового революционного процесса. М., 1981; и др.

[110] Ленинская теория социалистической революции и современность. 3-е изд., доп.; Мировой революционный процесс и современность.

борьбу против буржуазии. Демократическая борьба масс направляется на обновление и расширение демократии, на свержение реакционных политических режимов и создание новой революционно-демократической власти, которая может осуществить глубокие политические и экономические преобразования. Важнейшей задачей новой демократической власти является национализация монополий, что подрывает сам фундамент, на котором держится все здание современного капитализма. Нанести удар по собственности монополий — значит серьезно ослабить капитализм в целом.

В материалах XXV и XXVI съездов КПСС, в документах международного коммунистического движения, в трудах советских и зарубежных марксистов рассматривается многообразие форм перехода от капитализма к социализму, дается критика так называемого еврокоммунизма [111]. Наряду с исследованием немирной формы перехода разрабатывается также вопрос о мирной форме осуществления социалистической революции, минуя гражданскую войну и вооруженное восстание.

Исследовательская работа в области исторического материализма, проводимая нашей партией, советскими философами в условиях развитого социалистического общества, свидетельствует о том, что под руководством КПСС, выполняя ленинские заветы, советская философская наука сумела добиться определенных успехов в разработке актуальных проблем исторического материализма. Однако стратегия партии в совершенствовании развитого социализма ставит перед советскими учеными все более сложные задачи по углублению и дальнейшему развитию исторического материализма, по полному преодолению встречающихся в философских исследованиях элементов схоластического теоретизирования. На первый план выдвигается задача всестороннего и глубокого исследования закономерностей развитого социализма.

Актуальной задачей является создание целой отрасли исследований методологии социального познания, которое потребует объединения усилий специалистов всех общественных наук, активного участия естествоиспытателей. Необходимо ликвидировать отставание в изучении фундаментальных проблем марксистско-ленинской теории общественно-исторического процесса, общественно-экономических формаций, теории научного коммунизма, диалектики современных социальных процессов, коммунистической перспективы их развития. Особенности современного этапа зрелого социализма тре-

[111] См.: Вопросы марксистско-ленинской теории в документах Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. М., 1961; Ленинизм и мировое революционное движение. М., 1969; *Федосеев П. Н.* Марксизм в XX веке. 2-е изд. М., 1977; Великий Октябрь и современный мир. Прага, 1977; Коммунистическое движение: проблемы теории и практики. М., 1980; и др.

буют также более активной разработки проблем коммунистического воспитания, формирования коммунистического мировоззрения. И это только часть вопросов, которыми предстоит заняться в области исторического материализма. Нуждаются в более энергичном развитии социологические исследования, необходимо совершенствование их методического и методологического уровня, систематическое изучение общественного мнения.

Исторический материализм призван и впредь обеспечивать непрерывное познание динамично развивающейся социальной действительности, вырабатывать наиболее эффективные пути практической реализации научного знания в коммунистическом строительстве, активно способствовать формированию научного мировоззрения, становящегося настоятельной потребностью каждого советского человека, вести наступательную борьбу против буржуазной и ревизионистской идеологии, против искажений и извращений марксистско-ленинской теории.

Исторический материализм, теория марксизма-ленинизма, постоянно развивающаяся и обогащающаяся новыми теоретическими положениями, обобщениями и выводами, должны и впредь служить надежным инструментом познания и революционного переустройства мира в духе коммунистических идеалов Маркса — Энгельса — Ленина.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ, ЭСТЕТИКИ И НАУЧНОГО АТЕИЗМА

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЭТИКА

В философской мысли СССР после победы Великой Октябрьской социалистической революции важное место занимает развитие этической теории. Роль и значимость этой области знания резко возросли с переходом к социалистическому строительству. Становление нового исторического типа нравственности, практика коммунистического воспитания масс выдвинули перед марксистской этикой ряд крупнейших теоретических проблем.

В то же время развитие этической теории было необходимым условием успешного решения коренных задач коммунистического воспитания в стране. Глубокий перелом в нравственной жизни, преодоление взглядов, чувств, привычек, взращенных и закрепленных всей историей классового общества, не могли осуществиться стихийно. Выполнение этих задач требовало многогранной воспитательной работы Коммунистической партии, решения целого комплекса новых в истории этической мысли проблем. Следует также учесть, что формирование нового исторического типа морали осложнялось в первые послереволюционные годы тяжелыми последствиями войны и разрухи, идейным влиянием чуждых социализму классовых сил, силой многовековых традиций частнособственнического общества.

В этих условиях на первый план выдвинулись такие этические проблемы, как четкое определение новых нравственных идеалов и оценок, поиск путей преодоления собственнической морали, вопросы об отношении победившего пролетариата к моральным ценностям прошлого, о формах воспитания рабочего класса и всех трудящихся в духе требований коммунистической морали.

Раскрытие гуманистического смысла социалистической революции, обоснование нравственных целей и ценностей нового общества имели не только этический, но и политический смысл. Следует отметить, что идеалистическая философия в России, выступившая как активный, сознательный, воинствующий противник социализма еще в дореволюционный период, после Октября 1917 г. особенно широко использовала этическую «аргументацию» в идеологической борьбе против советского строя. Эта борьба широко развертывалась

и на страницах идеалистических журналов и сборников периода 1917—1922 гг., и позже — в эмигрантских изданиях. При всех различиях в воззрениях Н. Бердяева, С. Франка, Ф. Степуна, Л. Карсавина, Н. Лосского и других идеалистов их объединяла общность «этической критики» социалистической революции как «нравственного зла», «разрушения моральных устоев», «массового психоза» и т. д.[1] Независимо от того, выдвигали ли философы-идеалисты некий «новый» социально-этический идеал («новое средневековье» Бердяева) или вели критику социалистической революции с традиционных позиций религиозно-идеалистической этики, они опирались, как правило, на концепцию надклассовой, вечной, надысторической морали (под которой фактически всегда подразумевалась буржуазная или религиозная мораль). Борьба против таких воззрений была особенно необходима и потому, что идеи «вечной», «надысторической» морали существовали и в сознании значительной части масс (прежде всего крестьянских), веками находившихся под влиянием религиозного воспитания. В то же время некоторые из христианских богословов (в первую очередь деятели «обновленчества») выступили с попытками создать некий синтез христианства и коммунизма, доказывая непреходящую ценность христианской морали.

Разоблачение всех этих концепций заняло значительное место в деятельности марксистских теоретиков.

Решение задач, стоящих перед марксистской этикой в первые годы Советской власти, предполагало преодоление ряда специфических для того времени трудностей, главной из которых была нехватка хорошо подготовленных марксистских кадров в области общественных наук. В то время отсутствовало целостное и систематическое изложение марксистских взглядов на мораль; к тому же некоторые работы К. Маркса и Ф. Энгельса, весьма важные для этической теории («Немецкая идеология», «Экономическо-философские рукописи»), были тогда еще не опубликованы и практически неизвестны. Не была в полной мере освоена и значительная часть того теоретического богатства, которое содержалось в ленинских трудах дореволюционной эпохи, так как собрание Сочинений В. И. Ленина появилось лишь после его смерти.

В международной марксистской литературе тон в области этики задавала книга К. Каутского «Этика и материалистическое понимание истории» (1906). Влияние некоторых ошибочных идей этой работы

[1] Еще весной — летом 1917 г. подобные утверждения выдвигали Н. Бердяев и др. См.: *Бердяев Н.* Возможна ли социальная революция? М., 1917; *Он же.* Народ и классы в русской революции. М., 1917; *Франк С.* Нравственный водораздел в русской революции. М., 1917. «Братство, царство Божие на земле не может быть добыто революционным переворотом... К совершенному обществу ведет любовь, а не ненависть»,— писал Бердяев (*Бердяев Н.* Возможна ли социальная революция?, с. 15). «Зло вообще имеет революционную природу,— вторил Бердяеву в 1925 г. один из контрреволюционных богословов,— зло и революция суть понятия равнозначащие, иногда даже синонимы» (*Ильин В.* Столп злобы богопротивной.— Евразийский вестн., Берлин., 1925, кн. IV, с. 156—157).

(в частности, трактовки нравственного чувства как модификации «общественных», стадных инстинктов животных) сказывалось до середины 20-х годов.

Сложность нравственной жизни в переломную, революционную эпоху, неопытность и недостаточная зрелость теоретических кадров обусловили появление в первые послереволюционные годы ряда якобы марксистских, но по сути дела вульгаризаторских, упрощенческих выступлений по вопросам этики. Социалистическая пролетарская мораль трактовалась в них как совокупность простых «организационно-технических норм», которые противопоставлялись традиционной моральной проблематике и терминологии. Такого рода взгляды развивались прежде всего Н. Бухариным и Е. Преображенским. Смешивая характеристику морали как общественного явления с некоторыми специфическими чертами морали классового общества, Бухарин утверждал, что мораль («этика») есть фетишистская форма сознания. Пролетариат, по его словам, не нуждается в этом моральном «фетишизме», поэтому мораль должна быть заменена простыми техническими правилами поведения, нужными для коммунизма. Существо этики, писал Бухарин, в том и состоит, что «это есть нормы, охваченные фетишистской оболочкой... Там, где исчезает этот фетишизм, там исчезает и этика»[2].

В работе В. Преображенского «О морали и классовых нормах» также отрицалась необходимость морального регулирования поведения людей в коммунистическом обществе, ибо при коммунизме человек «постепенно приучится переносить в свою деятельность все то, что диктуется наукой и общими интересами»[3]. Такого рода идеи в разных формах популяризировались некоторыми публицистами первых послереволюционных лет. Распространение подобных точек зрения серьезно дезориентировало практику коммунистического воспитания.

Примерно в том же духе трактовали мораль теоретики Пролеткульта. Еще в 1918 г. А. Богданов писал, что условием социалистического строительства является «культурно-организационное вызревание» пролетариата в замкнутых организациях «пролетарской культуры»[4]. Цель последних — выработать «новые формы социально-организованного опыта» на основе полного отрицания культурных (в том числе и нравственных) ценностей прошлого. Таким образом, марксистскому тезису о том, что люди, переделывая мир, переделывают и самих себя, противопоставлялась концепция, согласно которой революционный класс станет способным к преобразованию мира лишь после того, как он «культурно-организационно вызреет». При этом в подобном «вызревании» согласно воззрениям пролеткультовских идеологов не было места нравственному воспитанию.

[2] *Бухарин Н.* Теория исторического материализма. М., 1922, с. 278.
[3] *Преображенский Е.* О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923, с. 111—112.
[4] См.: *Богданов А.* Вопросы социализма. М., 1918.

Решающую роль в преодолении вульгаризаторских точек зрения, в определении принципиальных позиций марксистской этики по целому ряду коренных теоретических проблем, в анализе того нового, что принесла в нравственную жизнь общества Великая Октябрьская социалистическая революция, сыграли выступления В. И. Ленина, особенно его знаменитая речь «О задачах союзов молодежи».

В. И. Ленин решительно отверг попытки отрицания коммунистической морали. «Существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам»[5]. Доказывая необходимость нравственности и вместе с тем ее исторически изменяющийся классовый характер, В. И. Ленин подчеркивал: «Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»[6].

Эти принципиальные положения сыграли исключительно важную роль в идейной борьбе первых послереволюционных лет и в последующей ориентации марксистской этической мысли. Особенно важными были ленинские положения о четком разграничении индивидуалистической, частнособственнической и революционно-коллективистской, коммунистической форм морали и о преемственности прогрессивных традиций в области культуры и, следовательно, в области нравственности. Все выводы, оценки, характеристики нравственных явлений, содержащиеся в послеоктябрьских работах В. И. Ленина, вырастали из анализа общественной жизни, ее реальных противоречий и тенденций развития. Ему были принципиально чужды какие-либо попытки искусственно форсировать процесс перевоспитания масс. Напротив, В. И. Ленин неоднократно отмечал огромную историческую трудность этой задачи, то, что нужно раз и навсегда отбросить утопические иллюзии о «разведении» особых людей в «особых парниках и теплицах». Советское общество, говорил он, не может построить коммунизм иначе, как из «материала», оставленного капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан буржуазной психологией.

Однако В. И. Ленин не ограничивался констатацией этих огромных трудностей. Охватывая всю картину социалистического переустройства общества, он видел и первые ростки нового нравственно-

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 309.
[6] Там же, с. 311, 319.

го сознания, новых отношений между людьми, вскрывал их действительное коммунистическое содержание. В этом отношении классическим примером остается ленинская оценка первых коммунистических субботников. «Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда *эта* победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым»[7].

В ленинском анализе проблем морали нашел воплощение диалектико-материалистический метод изучения общественной жизни: не идеализировать ее и не смазывать огромную сложность задачи социалистического преобразования нравственных отношений, а видеть тенденцию развития, ростки новой морали и помогать их дальнейшему укреплению. Особенно большое внимание В. И. Ленин уделял вопросам становления новой общественной дисциплины, отношения человека к труду, соотношения личных и общественных интересов. При этом он четко различал, с одной стороны, формальное, внешнее усвоение коммунистических нравственных норм, с другой — искреннее, убежденное, бескорыстное следование этим нормам, когда действие на благо общества, во имя коммунизма становится для человека внутренней необходимостью. Такой уровень нравственного воспитания масс требует несравненно больше усилий, но только он обеспечивает победу действительно коммунистического труда и поведения.

Отмечая принципиальную важность глубокого усвоения норм коммунистической морали, В. И. Ленин рассматривал эту мораль прежде всего как практическую силу, содействующую объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, строящего под руководством партии коммунистов новое, социалистическое общество. Классовость коммунистической морали означает, согласно В. И. Ленину, не голое отрицание моральных ценностей прошлого, а критическое их освоение, использование их в интересах коммунизма, развитие новой, коммунистической морали. Общечеловеческий и классовый аспекты морали — две стороны нравственного прогресса человечества.

Известно, что реальный уровень нравственного сознания, его характер в условиях переходного периода от капитализма к социализму были весьма различны у разных общественных классов и прослоек. Анализ этих различий содержится в работах В. И. Ленина, посвященных не только этическим, но и политическим, эконо-

[7] Там же, т. 39, с. 5—6.

мическим, хозяйственным вопросам. В. И. Ленин исходил из того, что в многоукладном обществе торжество коммунистической морали может быть достигнуто только в результате укрепления политического господства рабочего класса, путем глубоко специфичной для каждой социальной группы воспитательной работы. Эта работа опиралась на нравственный авторитет Коммунистической партии и моральный опыт пролетариата, в деятельности которого находили наиболее полное и последовательное воплощение такие нормы новой морали, как интернациональная солидарность, горячая любовь к социалистическому Отечеству, коллективизм, преданность революционному долгу. Идейное влияние рабочего класса на остальных трудящихся В. И. Ленин считал важнейшим условием коммунистического воспитания. Необходимо, подчеркивал он, «чтобы привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал себе в продолжение многих десятилетий в борьбе за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков и идей послужила орудием воспитания всех трудящихся»[8].

Разнообразие форм коммунистического воспитания, различие конкретных подходов к отдельным социальным группам должны сочетаться с единством целей воспитательного воздействия, должны быть органически связаны с практикой борьбы за социализм и коммунизм. Этот принцип последовательно проводился В. И. Лениным на протяжении всей его теоретической деятельности. В. И. Ленин всегда решительно выступал против попыток свести моральное воспитание к «усладительным речам о правилах нравственности», оторвать слово от дела.

Закономерно обращая основное внимание на разработку В. И. Лениным главных, кардинальных проблем марксистской этики, нельзя недооценивать и его высказываний по отдельным, более частным и конкретным вопросам этической науки и морали, составляющих богатейший источник идей, которые в дальнейшем использовали, разъясняли, аргументировали и развивали его ученики и соратники.

В произведениях В. И. Ленина содержится целостная концепция коммунистической морали, противостоящая как буржуазной системе нравственных ценностей, так и псевдореволюционному отрицанию нравственной культуры и ее роли в регулировании человеческого поведения. В этой ленинской концепции дана единственно верная, научная ориентация для этиков-марксистов на многие годы и десятилетия вперед.

В 20-х годах в разработке этических проблем ближайшие соратники В. И. Ленина, руководящие деятели партии шли в первую очередь от практических задач социальной жизни. Их привлекали преимущественно проблемы морального облика советского народа, сущности и задач коммунистического нравственного воспитания, борьбы с пережитками прошлого в сознании советских людей.

[8] Там же, т. 41, с. 401.

Ставя и решая эти вопросы как в контексте хозяйственно-организационной и политической проблематики (Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе), так и в работах, специально посвященных вопросам коммунистической морали и коммунистического воспитания (А. В. Луначарский, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, Е. М. Ярославский, И. И. Скворцов-Степанов), соратники В. И. Ленина подчеркивали высокий гуманизм коммунистической морали, присущее ей единство революционного новаторства и верности прогрессивным традициям прошлого, связь моральных идеалов коммунизма с повседневной, будничной, практической деятельностью, огромную цепкость нравственных пережитков прошлого и сложность процесса их преодоления. В их работах была продолжена начатая еще при жизни В. И. Ленина полемика с буржуазными и религиозными моралистами по вопросу о сущности морали, доказывалось превосходство коммунистической морали над буржуазным нравственым сознанием, обосновывались и подробно анализировались (особенно в работах А. В. Луначарского и М. И. Калинина) нравственные нормы социалистического общества, исследовались пути их формирования в различных сферах общественной жизни.

Ценный вклад в марксистско-ленинскую этику вносили те выступления марксистских теоретиков, в которых критика идеалистической этики была органически соединена с обоснованием новой морали. Наиболее ярким примером такого синтеза явились работы А. В. Луначарского[9]. «Буржуазное сознание,— писал А. Луначарский,— в значительной степени толкает на признание себя эгоистом, потому что практика буржуазии эгоистическая»[10]. Но с этих позиций не объяснить даже простейших норм человеческой взаимопомощи, поэтому «в глазах большинства буржуазных мыслителей мораль и по сию пору остается явлением загадочным, не от мира сего»[11].

Вскрыв это противоречие между обыденно-мещанскими представлениями о морали и буржуазной идеалистической этикой, А. Луначарский показал его обусловленность двойственностью, противоречивостью самой нравственной жизни в капиталистическом обществе. В связи с этим он обстоятельно проанализировал вопрос о противоположности коммунистического коллективизма не только буржуазному эгоизму, но и буржуазному «коллективизму» — уродливому суррогату коллективности, означающему стадность и подавление личности, не имеющему ничего общего с коммунистическим нравственным идеалом. «Мы отнюдь не стремимся,— писал А. Луначарский,— к стадности, к растворению личности, к стиранию ори-

[9] Особенно ценны его работы «Мораль с марксистской точки зрения» (1925), статьи и речи о коммунистическом воспитании молодежи, в частности «Воспитательные задачи советской школы» (1928) и «Культпоход комсомола» (1929), диспут с одним из лидеров «обновленчества» — А. Введенским. Следует отметить и переизданную в 1923 г. дореволюционную работу А. Луначарского «Мещанство и индивидуализм».

[10] *Луначарский А. В.* Мораль с марксистской точки врения. М., 1925, с. 10.

[11] Там же, с. 5.

гинальности... Нам нужно, чтобы на коллективной основе особенности человека получали полное развитие... Только разнообразное в своих отдельных человеческих личностях общество, распадающееся на ярко выраженные индивидуальности, представляет действительно культурное богатое общество»[12].

Развивая эту мысль в других своих работах, А. Луначарский подчеркивал два важнейших момента. Во-первых, культурная революция, образование, просвещение, развитие самого человека не могут рассматриваться лишь как средство для решения экономических и политических задач, поскольку лишь в духовном росте людей реализуется основная цель нового общества[13]. Во-вторых, человек, ставший участником революционной борьбы и строительства нового общества, обретает иной смысл жизни: меняется его представление о счастье, об отношении к коллективу и обществу. В полемике с «обновленцами» Луначарскому неоднократно приходилось касаться одного из наиболее острых вопросов этики — нравственного содержания веры в личное бессмертие и отрицания этой веры марксистским мировоззрением. Он горячо отстаивал мысль о новом понимании смысла жизни как об основе совершенно иного, нежели в религии, разрешения этого традиционного вопроса. «Человек может сознавать: от смерти я не спасусь, но мое бессмертие заключается в том, что не пропадет результат моих действий. Так строится новая мораль»[14].

Разработка теоретических проблем этики непосредственно смыкается в этот период с широким обсуждением вопросов воспитательной работы. При этом нравственное воспитание обычно специально не выделялось.

Наиболее существенным вкладом данного периода в развитие марксистско-ленинской теории воспитания явились работы Н. К. Крупской. Коммунистическое воспитание анализировалось в них в плане как целей (всестороннее развитие личности, выработка «общественных инстинктов», нравственных навыков и привычек), так и средств идеологического и психологического воздействия, таких, как «расширение рамок общественных переживаний детей», «сближение школы с заправдашней общественной жизнью», максимальное использование в воспитательном процессе нравственных возможностей самого коллектива воспитуемых.

В ряде работ Н. К. Крупской ставились и решались также вопросы о положении женщин, браке, семье, старом и новом быте. Значение этих работ (к ним следует добавить также брошюру

[12] *Луначарский А.* О народном образовании. М., 1918, с. 445.

[13] Подчеркивая этот момент, А. Луначарский как бы предвосхищал современную критику социализма со стороны буржуазных и ревизионистских теоретиков, пытающихся приписать социалистическому обществу подход к человеку лишь как к средству достижения экономических и политических целей. См., например: *Marcuse H.* Soviet Marxism. New-York, 1958; *Ehlen.* Philosophische Etic in Soviet Union. München; Salzburg, 1972.

[14] *Луначарский А.* Мораль с марксистской точки врения, с. 27.

Е. М. Ярославского «Быт и мораль пролетариата в переходный период» (1926)) определяется прежде всего тем, что в них давалась верная, марксистско-ленинская трактовка рассматриваемых проблем после ряда лет горячих, но страдавших односторонностью, а порой и упрощенчеством дискуссий по вопросам пола.

Как известно, В. И. Ленин был решительным противником теории так называемой свободной любви[15]. Однако он не успел изложить свои взгляды публично. В начале 20-х годов большой общественный резонанс получили статьи А. М. Коллонтай[16], в которых наряду с правильными, марксистскими положениями содержались и своеобразные отзвуки этой теории. В статье «Дорогу крылатому Эросу!» А. Коллонтай подчеркивала, что в новом, социалистическом обществе неизбежно должны глубоко измениться и человеческие чувства и нравственные оценки половой жизни людей. Главным содержанием этого процесса она считала очеловечивание, гуманизацию отношений между мужчиной и женщиной, резко выступала против примитивно-упрощенческого подхода к вопросам пола. Вместе с тем А. Коллонтай полагала, что изменения характера этих отношений не должны ограничиваться какими-либо нормами. Пролетарская социалистическая мораль не вправе, по ее мнению, санкционировать определенную форму брака, отдавать предпочтение длительному или «скоротечному» супружеству. Эта позиция, разделявшаяся в 20-х годах рядом теоретиков, не способствовала становлению новой, советской семьи. Однако содержащаяся в работах А. Коллонтай критика собственнических отношений между полами, ее анализ важнейших принципов новой половой морали составили важную страницу истории марксистско-ленинской этики.

К сожалению, сильные стороны работы А. Коллонтай в дальнейшем почти не вспоминались, наиболее же одиозные места из написанного ею широко использовались и до сих пор используются для вульгаризации марксизма или для критики коммунистических идеалов в области брачно-семейных отношений.

Вопросы нового быта, разрабатывавшиеся теоретиками 20-х годов, включали в себя и обоснование нового уклада всей повседневной жизни, новых норм поведения, размежевание с мещанством как их антиподом. В статьях марксистских авторов 20-х годов подчеркивалось, что мерой продвижения вперед по пути культурной революции является преодоление буржуазных понятий и привычек[17]. Острой критике подвергались пьянство, хулиганство и другие

[15] Критику этих взглядов см. у В. И. Ленина в письмах Инессе Арманд от 17 и 24 января 1915 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49), а также в беседе В. И. Ленина с К. Цеткин (см.: *Цеткин К.* О литературе и искусстве. М., 1958).

[16] В 1922—1923 гг. в журнале «Молодая гвардия» была опубликована серия статей А. М. Коллонтай по вопросам морали. См.: *Коллонтай А. М.* Каким должен быть коммунист? Письмо к трудящейся молодежи.— Молодая гвардия, 1922, № 1/2; *Она же.* Дорогу крылатому Эросу!— Молодая гвардия, 1923, № 3; и др.

[17] Литература, посвященная критике мещанства, диспуты о мещанстве в 20-х годах необычайно обширны. Но с точки зрения истории этической мысли наиболее ценны

наследия рабского положения, духовной ограниченности, невежества трудящихся масс в прошлом. Эта критика исходила из ленинского указания о хулиганстве как классово-враждебном социализму явлении.

Руководящие деятели партии прекрасно понимали, что в период строительства социализма и массового перевоспитания людей, как никогда, возрастает значение нравственного примера коммунистов. Поэтому большое внимание уделялось разработке вопросов партийной этики, определению более высокого по сравнению с повседневной моралью круга требований по отношению к члену коммунистической партии. Эти вопросы были предметом специального рассмотрения на Пленуме Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК) в 1925 г. С докладами о партийной этике неоднократно выступали в этот период Е. М. Ярославский и А. А. Сольц.

В 1925 г. была предпринята попытка выработать кодекс коммунистической морали (он мыслился как внутрипартийный). Первоначальный проект тезисов был составлен Е. М. Ярославским; затем секретариат и президиум ЦКК выделили комиссию из 5 человек: Н. К. Крупская, А. А. Сольц, М. Ф. Шкирятов, С. И. Гусев, Е. М. Ярославский. Однако комиссия отказалась от мысли оформить круг нравственных требований к коммунисту в виде записанного кодекса. «Мы пришли к тому,— говорил Е. Ярославский,— что всеохватывающего кодекса коммунистической этики мы дать не можем»[18]. Было признано необходимым указать лишь общие принципы, которых должен придерживаться каждый член партии. Эти принципы были в основном конкретизацией ленинского положения о преданности делу коммунизма как критерии коммунистической морали. В докладах А. Сольца и Е. Ярославского обращалось также внимание на важность товарищеских взаимоотношений в партии. Так, в докладе А. Сольца подчеркивалось: «Только тогда, когда мы смотрим друг на друга как на товарищей, объединившихся для единой задачи, и может сложиться та дисциплина, которая нас выручала из всех бед»[19].

С середины 20-х годов значительно расширяется разработка этических проблем профессиональными кадрами философов-марксистов. Проблемы этики постепенно становятся предметом систематического философского анализа. К этической проблематике обращаются в своих работах Л. И. Аксельрод [Ортодокс], А. М. Деборин, В. Ф. Асмус, И. К. Луппол, И. П. Разумовский и другие советские философы. Важным направлением этой работы была критика идеалистических концепций в этике, в частности критика

две статьи Т. Кострова, главного редактора «Комсомольской правды». См.: *Костров Т.* Культура и мещанство.— Революция и культура, 1927, № 3/4; *Он же.* Заметки о коммунистическом воспитании молодежи.— Революция и культура, 1928, № 7.

[18] *Ярославский Е. М.* О партэтике. Л., 1925, с. 6—7.

[19] *Сольц А.* О партэтике. М., 1925, с. 7.

работ русских идеалистов[20]. Во второй половине 20-х годов на страницах журнала «Под знаменем марксизма» появилось несколько серьезных статей по истории этических учений, среди которых следует отметить статью В. Асмуса об этике Спинозы[21].

Однако наиболее важным явлением в развитии профессиональной этической мысли стали не отдельные работы, а длительная и острая дискуссия по вопросам этики, проходившая в 1926—1930 гг.[22]

Первопачально эта дискуссия была одной из сторон известной полемики между «механистами» и деборинцами в философской литературе конца 20-х годов. Однако по своему содержанию обсуждение этических проблем вышло за рамки полемики. Практика социалистического строительства и задачи идеологической борьбы требовали всестороннего философского анализа проблем этики.

В работах Л. Аксельрод, резко протестовавшей против «морального нигилизма» и справедливо писавшей о необходимости воспитания нравственных обязанностей, нравственного долга и разработки этих проблем в этике, повторялись некоторые ее старые ошибки, восходящие еще к дореволюционному периоду,— фактическое признание (хотя и с различными оговорками) «категорического императива», «всеобщего нравственного закона»[23]. Критику попыток восстановить кантовский категорический императив дал в ходе дискуссии А. Деборин. В своих статьях он вскрыл происхождение и социальную сущность этой этической концепции, показав, что в буржуазном обществе категорический императив представляет собой не реальную, «действующую», а формальную мораль, выполняет роль идеологической иллюзии. Однако сам А. Деборин в ходе этой дискуссии далеко не был последователен. Критикуя концепцию категорического императива как нравственного закона, он пытался в то же время сохранить представление об «общем нравственном

[20] Ценная критика Н. Бердяева содержится в дореволюционных и послереволюционных работах Л. Аксельрод, в статьях И. Луппола и Г. Баммеля в журнале «Под знаменем марксизма». Развивалась критика русской идеалистической философии «эмигрантского» периода. См.: *Луппол И.* Новое средневековье.— Под знаменем марксизма, 1926, № 12; *Баммель Г.* Русская идеалистическая философия после Октября.— Под знаменем марксизма, 1930, № 5; и др.

[21] См.: *Асмус В.* Диалектика необходимости и свободы в этике Спинозы.— Под знаменем марксизма, 1927, № 2/3.

[22] См.: *Аксельрод [Ортодокс] Л.* В защиту диалектического материализма. М.; Л., 1928; *Деборин А.* Наши разногласия.— Летописи марксизма, 1926, кн. 1; *Он же.* Ревизионизм под маской ортодоксии.— Под знаменем марксизма, 1927, № 9, 12; *Фурщик М.* О либеральном и марксистском понимании этики.— Большевик, 1930, № 6; *Новиков С.* О либерально-меньшевистском и марксистско-большевистском понимании этики.— Под знаменем марксизма, 1930, № 5; *Разумовский И.* О марксистском и эклектическом понимании этики.— Под знаменем марксизма, 1930, № 5.

[23] В ходе дискуссии (особенно на первом ее этапе) не вполне строгий характер имели сами понятия, которыми оперировали участники дискуссии. Так, в одних случаях понятия «мораль», «нравственность», «этика» рассматривались как синонимы, в других под этикой понималась теория морали; понятие нравственности иногда связывалось с «нравственным законом» и т. д.

чувстве»[24]. На это указывал в ходе дискуссии М. М. Фурщик, впавший вместе с тем в другую крайность и отрицавший научную правомерность самих понятий «социальный инстинкт», «социальное чувство». Несколько позже С. И. Новиковым, И. П. Разумовским и другими была показана несостоятельность этой полемической попытки М. Фурщика. Можно отметить, что в философской литературе тех лет она больше не повторялась. Так, в ходе самой дискуссии выявлялось значение научного аппарата этики, складывались важные его элементы.

Обсуждение и разработка советскими философами проблем этики имели важное социально-политическое и идеологическое значение, ибо именно в эти годы в западноевропейской социал-демократии особенно активно развивались попытки ревизии марксистского понимания морали, складывались новые формы этического ревизионизма. От К. Каутского, изображавшего в своем основном реформистском труде «Материалистическое понимание истории» (1922) всеобщий нравственный закон как основу «единения» человечества, до интуитивистов Г. де Мана, Г. Ролланд-Гольст и других, социал-демократические теоретики использовали ревизию марксистской этики для обоснования оппортунизма и отказа от революционной борьбы. В частности, Г. де Ман призывал к «возрождению» социалистического учения, опирающегося не на экономическую необходимость, а на «чувства и совесть людей».

Несомненно, что этическая дискуссия во многом способствовала повышению уровня критики советскими философами оппортунистической доктрины[25] этического «обновления» марксизма, которая фактически вела к замене классовой борьбы нравственной проповедью. Советские философы показали несостоятельность противопоставления экономической необходимости и «чувства совести» людей.

В сложных и далеко не благоприятных условиях делала свои первые шаги марксистская этическая мысль в СССР. Но тем большей представляется историческая заслуга В. И. Ленина и опиравшихся на его труды теоретиков-марксистов, сумевших в этих условиях дать глубокий научный анализ целого комплекса новых для истории этики проблем. Это первое освещение этического аспекта революционного преобразования мира, начатого Октябрем, составляет важный этап в истории как марксистской философии, так и мировой философской мысли.

Становление социалистических производственных отношений не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, ликвидация эксплуататорских классов в городе и деревне создали в стране новую политическую и идеологическую обстановку и во многом облегчили

[24] С другой стороны, некоторые философы выступили с отрицанием общечеловеческого содержания даже в «простых нормах нравственности».

[25] См.: *Деборин А.* Новый поход против марксизма.— Летописи марксизма, 1926, кн. 1.

выполнение задачи нравственного перевоспитания масс. В этом же направлении действовали культурная революция, распространение среди населения грамотности и образования, хотя культурный и моральный прогресс далеко не совпадают между собой и повышение образовательного уровня людей отнюдь не ведет к автоматическому повышению их моральной зрелости.

В то же время такие явления, как временные материальные трудности и связанные с индустриализацией и коллективизацией массовые миграции населения, в частности перемещение миллионов людей из деревень и малых городов в крупные промышленные центры, сопровождавшееся разрывом традиционных нравственных связей и систем контроля, не способствовали упрочению даже существовавших нравственных устоев и зачастую были источником аморальных явлений и тенденций.

Таковы в общих чертах некоторые социальные обстоятельства, оказавшие в эпоху 30-х годов наиболее непосредственное воздействие на нравственное развитие советского общества, а значит, и на те требования, которые это общество выдвигало перед этической наукой.

В партийных документах того времени в качестве наиболее существенного факта политической и нравственной жизни страны отмечалось создание политического и морального единства народа — единства, означавшего общность главных, существенных интересов социалистических наций СССР, рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, общества и личности.

Вместе с тем в качестве одной из важнейших задач в партийных документах выдвигалась необходимость преодоления пережитков капитализма в сознании людей. Партия указывала, что буржуазно-мещанская идеология и психология может поддерживаться и стимулироваться не только влиянием капиталистического окружения и отставанием сознания от бытия, но и примитивно-уравнительной трактовкой социализма и коммунизма.

Материально-техническое и экономическое развитие страны требовало сосредоточения внимания на проблемах воспитания нового отношения к труду и к социалистической собственности. Эти проблемы также широко обсуждались на партийных и государственных форумах тех лет.

В мае 1934 г. М. И. Калинин выступил перед активом днепропетровского комсомола с речью «Будьте всесторонне развитыми людьми», в которой вопрос о единстве интеллектуального и физического развития молодежи, ее мировоззрения и поведения был поставлен как актуальная практическая задача. Несколько позднее, в 1940 г., М. И. Калинин в докладе о коммунистическом воспитании подчеркнул необходимость сочетания внутренней и внешней культуры, значение последней для формирования важнейших нравственных качеств личности [26].

[26] См.: *Калинин М. И.* О коммунистическом воспитании.— В кн.: Калинин М. И. Избранные статьи и речи. 2-е изд. М., 1946, с. 88.

В работах М. Калинина этого периода была также сделана плодотворная попытка рассмотреть основные принципы коммунистической морали в их совокупности и взаимосвязи. Эти принципы формулируются М. Калининым как основные цели коммунистического воспитания. К ним относятся: сознательное, социалистическое отношение к труду и к общественной собственности, любовь к родине (советский патриотизм), коллективизм, интернационализм.

Ряд проблем марксистско-ленинской этики, и прежде всего вопросы, связанные с практикой формирования нового человека-труженика, хозяина и патриота своей страны, ставится и решается в этот период в выступлениях С. М. Кирова, Н. К. Крупской, Е. М. Ярославского и других руководящих политических деятелей.

Одним из наиболее значительных явлений в профессиональной марксистской этике в 30-х годах стали труды А. С. Макаренко, в которых рассматривались почти все принципиальные вопросы этической теории. Центральное место в этих трудах занимает учение о социалистическом коллективе, его характере и особенностях. «Новая этика,— говорил А. Макаренко,— должна начинаться с учения о коллективе»[27]. Именно воспитание в коллективе чувства ответственности перед коллективом формирует человеческую личность, обладающую максимумом духовного и нравственного богатства. Принципиально новый коллективистский характер коммунистической морали определяет и новое содержание ее важнейших понятий (долга, чести, счастья и т. д.). В то же время особая роль коллектива в нравственном воспитании предполагает, по мысли А. Макаренко, высокие нравственные требования к самому коллективу в практике воспитания и разработку теории коллектива. «Воспитывая отдельную личность,— писал А. Макаренко,— мы должны думать о воспитании всего коллектива»[28].

Новый характер коммунистической нравственности состоит не только в ее принципиально новом содержании; меняются цели, а также и формы морального воспитания. Старая этика чаще всего сводила это воспитание к тому, что человек должен усвоить определенные нормы и неуклонно им следовать. Марксистская этика, говорил А. Макаренко, ставит иную цель — не внушение заповедей на все случаи жизни, а воспитание сознательного члена общества, который способен, руководствуясь основными принципами коммунистической нравственности, в каждом конкретном случае сам найти критерии нравственности своего поступка. Только такой человек действительно свободен в своем поведении.

Важное место в развитии этических идей в этот период принадлежало А. М. Горькому, лучшая часть публицистики которого находилась на высоте творческой философской мысли. Как и А. Макаренко, А. Горький видел в коммунистической морали высший этап

[27] *Макаренко А. С.* Соч. М., 1971, т. 5, с. 356.
[28] Там же, с. 334.

в нравственном развитии человечества. Отмечая изменения духовного облика личности в социалистическом обществе, А. Горький особо подчеркивал роль и значение труда в этом процессе. Труд сформировал мораль, паразитическое же существование собственников, отрыв их от созидательного труда были важнейшими причинами их морального вырождения. В труде — источник того нравственного прогресса, носителем которого всегда выступали народные массы и который в высшей степени свойствен социализму и коммунизму.

Вместе с тем А. Горький подчеркивал противоречивый характер формирования новой морали. Он одним из первых в марксистской этике отметил, что различные стороны нравственного сознания изменяются далеко не одновременно. На этой основе возможны расхождения между рациональным и эмоциональным отношением к миру, ибо на эмоционально-психологическом уровне пережитки старой морали особенно живучи. Поэтому изменение психологии людей, развитие культуры их чувствования не только создают гармоничный тип личности, но и приводят, по мнению А. Горького, к гармонии нравственного и эстетического восприятия человеческих взаимоотношений. Нравственный смысл социалистического преобразования общества и человека Горький справедливо характеризовал как становление нового гуманизма.

В 30-х годах в марксистской философии и этике окончательно преодолеваются вульгаризаторские попытки отрицания социалистического гуманизма, которые проявлялись у идеологов Пролеткульта, позднее у РАППа и в некоторых «левых» течениях в искусстве. Критика этих ошибок была связана с жизненной необходимостью теоретической разработки важнейших принципов новой морали, освещения уже достигнутого уровня нравственного прогресса. В конце 30-х годов на страницах журнала «Под знаменем марксизма» была опубликована серия статей по проблемам коммунистической нравственности, в которых анализировалось большинство ее важнейших принципов: единство патриотизма и интернационализма, новое отношение к труду, коллективизм и гуманизм [29].

На труды по проблемам этики конца 30-х — первой половины 40-х годов наложила отпечаток атмосфера начавшейся второй мировой войны и освободительной борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Основными аспектами этической проблематики того времени были следующие:

[29] См.: Пролетарский гуманизм.— Под знаменем марксизма, 1935, № 1; *Деборин А.* Гуманизм буржуазный и гуманизм социалистический.— Под знаменем марксизма, 1937, № 10; *Зись А.* Мораль буржуазная и мораль социалистическая.— Под знаменем марксизма, 1939, № 6; *Чернов Ф.* О коммунистической нравственности.— Под знаменем марксизма, 1933, № 7; *Ситковский Е.* О советском патриотизме.— Под знаменем марксизма, 1936, № 9; *Колбановский В.* Воспитание коммунистического отношения к труду.— Под знаменем марксизма,1940, № 7; *Батищев С.* Стахановское движение в строительстве коммунизма.— Под знаменем марксизма, 1940, № 8.

проблема советского, социалистического патриотизма, его связи с прогрессивными патриотическими традициями прошлого и его роли как движущей силы развития советского общества и источника массового трудового и боевого героизма советского народа;

проблема морального фактора в войне;

проблема воспитания воинского долга, храбрости, мужества, преданности социалистической Родине и верности героическим традициям ее борьбы против иноземных захватчиков;

разоблачение человеконенавистнической морали фашизма, обнаружение ее классовых и идейно-исторических истоков.

Освещение этических вопросов борьбы с фашистскими захватчиками вышло далеко за научно-профессиональные рамки. Вопрос о моральных факторах войны освещался в выступлениях И. В. Сталина, о моральных качествах советских людей — в известной статье М. И. Калинина «Моральный облик советского народа», о моральной ответственности командира в происходившей войне—в диалогах пьесы А. Корнейчука «Фронт»; наступление на фашистскую мораль и этику велось в произведениях виднейших советских писателей — И. Эренбурга, А. Толстого, М. Шолохова, Л. Леонова, К. Симонова и др.

Искусство, которое всегда интересовалось нравственной психологией и глубоко ее исследовало, явило в этот период всю мощь своих средств, всю широту своих возможностей и в анализе нравственного духа народа, и в морально-этическом воздействии на массы.

Профессиональная философия в эти годы также обращалась в первую очередь к разработке революционно-патриотической и антифашистской проблематики. Возрос интерес к истории отечественной этической мысли.

В период войны актуальное значение приобрел вопрос о политико-нравственной оценке отдельных явлений отечественной истории. Не отступая от принципиальной конкретно-исторической классовой позиции, советские марксисты во многом углубили, уточнили, сделали более многосторонними оценки таких исторических событий, как Куликовская битва, Ледовое побоище, Отечественнная война 1812 г., Севастопольская оборона, и таких исторических деятелей, как Дмитрий Донской, Александр Невский, Петр Первый, Суворов, Ушаков, Кутузов, Нахимов, Сенявин, Богдан Хмельницкий, Багратион.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. еще раз подтвердила огромное значение морального фактора в общественной жизни и истории. Не случайно поэтому в послевоенный период наблюдалось повсеместное усиление внимания к этике.

Проблемы свободы и детерминации человеческого поведения, ответственности и долга, нравственной сущности человека и смысла человеческого существования стали предметом продолжительных дискуссий в буржуазной философии. Однако главный фронт теоретической борьбы по этим (как и другим) вопросам этики проходил между буржуазной и марксистско-ленинской философией. Многие буржуаз-

ные теоретики отказались от становившейся все более безнадежной и бесперспективной позиции отрицания самого существования морали и этики марксизма-ленинизма. Взамен была выдвинута концепция фактического тождества буржуазных и коммунистических нравственных ценностей (как своего рода этическая аналогия пресловутой теории конвергенции).

Столь кардинальная переориентация некоторых представителей буржуазной этики явилась в известной мере ответом на систематический рост марксистских исследований проблем этики после второй мировой войны.

Не только в СССР, но и в странах народной демократии, в коммунистических партиях буржуазных стран этика заняла одно из видных мест в системе общественных наук. За рубежом были опубликованы марксистские монографические работы Селзама (США), Бека, Миллера (ГДР), Энгста, Попелевой (ЧССР), Фрицханда, Михалика (ПНР), Гулиана, Попеску (РНР), Ангелова, Момова, Вычева (НРБ), Хуссара, Фаркаша (ВНР), Вука Павичевича (СФРЮ).

В ряде социалистических стран, в том числе и в СССР, организованы кафедры этики, в вузах введено чтение факультативных курсов по этике. Начиная с 50-х годов неуклонно возрастает количество публикаций на этические темы. Систематическое освещение ряда этических проблем было дано в этот период в монографии видного советского этика А. Ф. Шишкина «Основы марксистской этики». Ответом на рост потребности в пропаганде этических знаний была публикация и ряда других учебников, курсов, лекций, учебных пособий по вопросам коммунистической морали [30].

В послевоенные годы значительное внимание было уделено изучению истории этики, и прежде всего русской этической мысли. Работы Д. И. Чеснокова, М. Т. Иовчука, В. С. Кружкова, В. Е. Евграфова, З. В. Смирновой, А. Н. Маслина и других раскрыли научную глубину и оригинальность, демократизм и революционность этических взглядов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, преемственность между идеями русской революционно-демократической этики и ленинским этапом развития этической науки [31]. Усилился интерес и к истории философско-этических идей других народов СССР [32].

В более широком плане историко-этическая проблематика получила освещение в книгах А. Ф. Шишкина «Из истории этических учений» (1959), Т. М. Джафарли «Из истории домарксистской этиче-

[30] *Иванов В. Г., Рыбакова В. Н.* Очерки марксистско-ленинской этики. Л., 1963; Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. На груз. яз.; *Анисимов С. Ф.* Марксистско-ленинская этика. М., 1972—1973. Ч. 1, 2; *Архангельский Л. М.* Курс лекций по марксистско-ленинской этике. М.; 1974; *Ефимов В. Г.* Социальный детерминизм и мораль. М., 1974; Марксистская этика/Под общ. ред. А. П. Титаренко. М., 1976; и др.

[31] См.: Очерки истории русской этической мысли. М., 1976.

[32] См.: *Гейшев З. Б.* Этическая мысль в Азербайджане. Баку, 1968; *Джумбаев Ю. Д., Мамедов Ш. Ф.* Этическая мысль Средней Азии в IX—XV вв. М., 1974.

ской мысли» (1970), в коллективном труде «Очерки истории этики» под ред. Б. А. Чагина, М. И. Шахновича, З. Н. Мелещенко (М., 1969) и в изданной Институтом философии АН СССР шеститомной «Истории философии».

Истории советской этики была посвящена монография А. Г. Харчева и Б. Д. Яковлева «Очерки истории марксистско-ленинской этики в СССР» (1972).

В послевоенный период активизировалась, стала более конкретной и доказательной критика современной буржуазной этики. Это направление в научной литературе представлено прежде всего работами А. Ф. Шишкина, К. А. Шварцман, О. Г. Дробницкого, Т. А. Кузьминой, А. И. Титаренко.

Большую роль в интенсификации и координации научной работы в области этики сыграло совещание, проведенное в 1960 г. в Ленинграде [33].

Углубленное изучение этических категорий вылилось в оживленную дискуссию, начало которой было положено статьей Л. М. Архангельского в журнале «Философские науки» [34].

В ходе дискуссии была подчеркнута настоятельная необходимость четкого разграничения понятий «мораль» и «этика». Известно, что в повседневной жизни они часто употребляются как тождественные. Некоторые исследователи были склонны сводить различие между этими понятиями лишь к различию между обыденным и систематизированным сознанием, рассматривая этику только в качестве теоретического аспекта морали, ее наиболее абстрактного выражения. Между тем этика как наука о сущности и законах развития морали относится не к нравственному, а к научному сознанию общества. Для нее мораль — предмет исследования, хотя в ее задачи входит и теоретический анализ, и научное решение проблем нравственной жизни.

Дискуссия позволила по-новому посмотреть и на проблему сущности и специфики морали. В заключительной статье [35] эта специфика определялась через своеобразие социальной функции морали, которая состоит в том, чтобы согласовать поведение личности с интересами и требованиями социального целого (класс, общество), утвердить социальное в индивидуальном. В этом смысле мораль выполняет роль формы преодоления неантагонистических противоречий между личными и групповыми, коллективными, общественными интересами и включает в себя не только нормативное сознание, но и нравственную психологию, и нравственную практику как воплощение, реализацию моральных императивов.

[33] См.: Вопросы марксистско-ленинской этики: Материалы научного совещания. М., 1960.

[34] См.: *Архангельский Л. М.* Сущность этических категорий.— Филос. науки, 1961, № 3.

[35] См.: *Харчев А. Г.* К итогам дискуссии о категориях этики.— Филос. науки, 1965, № 2.

В ходе дискуссии были намечены пути решения относительно большого круга вопросов марксистско-ленинской этики. Значительная часть этих предложений стала затем предметом обсуждения в литературе СССР и других социалистических стран.

В частности, проблемы сущности и специфики морали заняли видное место в ряде монографий [36]. Одним из наиболее интересных аспектов этого направления явились исследования *по логике и гносеологии морального сознания*. С одной стороны, сами этики стремятся понять, какова специфическая для морали форма регуляции (О. Г. Дробницкий, О. М. Бакурадзе, Л. М. Архангельский, В. П. Кобляков), с другой — логики идут к этике, пытаясь осмыслить логическую структуру моральных оценок и норм (А. А. Ивин, В. Е. Ермолаева, Д. П. Горский).

Значимость этих исследований для дальнейшего развития этики несомненна. Логика не подменяет ни философию, ни этику, она лишь дает средства, позволяющие этике с большей строгостью и убедительностью решать свои проблемы.

При обсуждении вопросов, относящихся к гносеологии морали (о предмете и характере морального отражения, о применимости к моральным оценкам, нормам и принципам свойства истинности), выделились два наиболее характерных мнения. Одна группа авторов, исходя из посылки, что свойство истинности присуще только суждениям (предложениям, в которых нечто утверждается или отрицается), считает неправомерным поиск этого свойства в предложениях, выраженных в виде моральных норм, предписаний и даже оценок. Другая — придерживается мнения, что не существует принципиального различия в применении критерия истинности к предложениям, выражены ли они в повествовательно-описательной, оценочной или нормативной форме. В исследованиях А. Ф. Шишкина, К. А. Шварцман, О. Г. Дробницкого, В. П. Коблякова, Л. В. Коноваловой и других обосновывается точка зрения, согласно которой противопоставление отражения действительности в формах нравственного сознания дискурсивному отражению несостоятельно.

Изучение этических проблем, стоящих на «стыке» с социальной психологией, позволило предпринять попытки обоснования *категории «моральная потребность»* (Т. В. Холостова, Н. П. Плаксина). По-видимому, этой категории предстоит сыграть важную роль в анализе «механизма» нравственного поведения и нравственных взаимоотношений людей, исследование которого начато рядом ученых.

Значение и актуальность исследований гносеологических и пси-

[36] См.: *Куликова Н. И.* Содержание и критерий нравственного прогресса. М., 1966; *Самсонова Т. В.* Теоретические проблемы этики. М., 1966; *Шварцман К. А.* Теоретические проблемы этики. М., 1969; *Бандзеладзе Г. Д.* Этика. Тбилиси. На груз. яз.; *Даниелян М. С.* Некоторые вопросы марксистско-ленинской этики. Ереван, 1962; *Дробницкий О. Г.* Моральное сознание. М., 1969; *Он же.* Понятие морали. М., 1974; *Боровский М. И.* О критерии нравственности. Минск, 1970; *Рыбакова Н. В.* Моральные отношения и их структура. Л., 1974; Нравственный прогресс и личность. Вильнюс, 1976.

хологических проблем морали становятся особенно ощутимыми в свете свойственной марксистско-ленинской этике тенденции углубленного изучения всего богатства взаимоотношений нравственного сознания и нравственной практики с другими сферами социальной жизни. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в работах М. З. Селектора, А. И. Титаренко (вопросы соотношения морали и политики), А. К. Уледова (мораль как элемент структуры общественного сознания), М. П. Каревой, Я. З. Хайкина, А. Е. Якубы (мораль и право). Научно-техническая революция во весь рост поставила в этике проблему соотношения морали и науки, морали и искусства, которая исследуется и обсуждается в последнее время не только философами, но и представителями других научных дисциплин.

Наряду с исследованиями в рамках этики все большее значение в развитии марксистской этической мысли в СССР приобретают работы, в которых этические вопросы ставятся и решаются в контексте более широких общесоциальных проблем. К ним непосредственно примыкают социологические исследования, в той или иной мере воссоздающие картину нравов современного советского общества и тенденций их развития. Значение подобных работ состоит прежде всего в том, что они позволяют судить о степени соответствия различных сторон нравственной практики теоретическим моделям морального поведения, об успехах и трудностях развития коммунистической морали и морального воспитания, о роли морального фактора в различных областях социальной жизни и деятельности.

На научную разработку проблем этики в 60-х годах самым благотворным образом повлиял XXII съезд КПСС, впервые в истории нашей страны кодифицировавший основные, наиболее важные моральные требования социалистического общества. *Моральный кодекс строителя коммунизма* сосредоточил внимание исследователей на наиболее важных проблемах современной марксистско-ленинской этики, ориентировал их на более тесную связь этических исследований с практикой строительства коммунизма.

В целях пропаганды требований кодекса было опубликовано большое количество монографий, брошюр, статей как по всей системе сформулированных в нем моральных принципов, так и по каждому из них в отдельности [37].

В последующие годы началась разработка в свете Морального кодекса строителя коммунизма проблем профессиональной морали ученого (А. Ф. Шишкин), врача (С. А. Позднякова, Ю. М. Саарма), офицера (Д. А. Волкогонов), педагога (Я. Г. Якубсон, В. И. Писаренко и И. Я. Писаренко), общих вопросов профессиональной этики (И. П. Петросян, Ю. В. Согомонов, С. С. Уткин, Г. И. Белякова, М. Г. Лазар) [38].

[37] Обстоятельное толкование морального кодекса было дано в коллективной монографии «Нравственные принципы строителя коммунизма» (М., 1965).

[38] См.: О коммунистической этике. Л., 1962; *Джафарли Т. М.* Основы коммунистической морали. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; Проблемы судебной этики. М., 1974.

Положено начало конкретному исследованию истории становления и развития коммунистической нравственности и ее основных принципов в ходе революционной борьбы пролетариата (А. Ф. Шишкин).

Со все большей интенсивностью шло изучение центральной для данного периода *методологической проблемы соотношения этических категорий и практической морали в формах нравственного сознания и нравственных отношений.* Некоторые итоги работы по проблеме соотношения этических категорий и практической морали были подведены на симпозиуме в Новосибирске (1969)[39].

При всем многообразии высказанных на этом симпозиуме точек зрения для всех них характерно признание моральной практики, моральных отношений полноправным компонентом морали. В соответствии с выводами предшествующих дискуссий эти явления рассматривались как разновидности идеологических отношений, объективных по форме своего выражения и существования, и духовно-субъективных в той мере, в какой данной объективности предшествует ориентация на определенные идеологические ценности. Это значит, что указанные отношения, прежде чем сложиться, «проходят через человеческую голову». Следовательно, и отношения моральной жизни людей с экономическим базисом общества опосредуются моральным сознанием, нравственно-ценностной ориентацией. Этот вывод в настоящее время выражает преобладающую тенденцию в решении вопроса о сущности и специфике морали.

* * * * *

В период развитого социализма научные исследования в области этики значительно расширяются и углубляются. В центре их находится исследование морали как одного из аспектов человеческой деятельности, как специфической сферы образа жизни людей.

Более углубленное исследование морали как социального явления повлекло за собой необходимость уточнения ряда аспектов вопроса о *ее происхождении и развитии.*

Представители традиционной точки зрения (А. Ф. Шишкин, С. С. Уткин, В. Ф. Зыбковец и др.) выводили нравственность из первых форм трудовой деятельности. Это мнение было поставлено под сомнение А. А. Гусейновым на основе анализа материалов истории обычая кровной мести[40], А. Г. Харчевым в связи с попыткой выяснить возможности социологического исследования морали[41], А. И. Титаренко, исходившим из его концепции нравственного про-

[39] См.: Проблема категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969.

[40] См.: *Гусейнов А. А.* Проблема происхождения нравственности.— Филос. науки, 1964, № 3.

[41] См.: *Харчев А. Г.* Мораль как объект социологического исследования.— Вопр. философии, 1965, № 1.

гресса[42], и некоторыми другими теоретиками. Исходя из понимания морали как более сложной, чем нормы так называемого обычного права, формы регулирования человеческого поведения, предполагающей в качестве объекта личность, а в качестве условия своего функционирования возможность выбора (в рамках объективной детерминации) той или иной «линии поведения», они связывали возникновение морали не с самим по себе трудом, а с процессом разделения труда, развитием личности, возрастанием ее свободы, а следовательно, и ответственности.

В плане дальнейшей конкретизации проблемы сущности и специфики морали советские этики все большее внимание стали уделять изучению *нравственных норм*. При этом одна группа авторов была склонна относить их исключительно к области сознания, ограничиваясь указанием на их внешнюю, императивную сторону (В. П. Шкоринов, Г. Д. Бандзеладзе); подобная интерпретация нравственной нормы неизбежно вела к ее субъективизации. Другие этики, в частности О. Г. Дробницкий и Л. М. Архангельский, рассматривали моральную норму одновременно как элемент и морального сознания, и нравственной практики. Норма становится реальностью лишь тогда, когда осуществляется переход воспринятого личностью нравственного требования в общий опыт, традицию, привычку, обычай, практикуемые отношения.

При исследовании моральных норм было также немало попыток осмыслить *сущность и значение обычаев и нравов*. Как правило, понятие «обычай» трактуется очень широко. В него иногда включают даже «общепринятые приемы и способы труда, действия, которые воспроизводятся массами стихийно» и т. п.[43]

Заслуживают внимания те определения, в которых обычай рассматривается как один из видов социальных норм, выполняемых в силу привычки. Нравы, в свою очередь, рассматриваются в большинстве работ как разновидность обычаев, хотя при этом отмечается и их специфичность. Ряд авторов ставят вопрос о нравах как о самостоятельном виде социальных норм (С. В. Курылев). Эту трактовку оспаривали сторонники понимания нравов как сочетания обычаев, привычек, общепринятых норм поведения в данной социальной среде, в какой-то мере представляющих собой уклад общественной жизни определенной группы людей (Д. И. Чесноков, В. Г. Синицын).

Огромный материал, касающийся обычаев, нравов, содержится в работах, изданных в республиканских издательствах. Эти работы ценны тем, что в них представлена фактическая эволюция традиций, укладов жизни различных групп людей[44].

[42] См.: *Титаренко А. И.* Нравственный прогресс. М., 1969.

[43] См.: Краткий словарь по этике. М., 1966, с. 288—289.

[44] См.: *Муминов И. М.* Новым, лучшим традициям — простор широкий.— Обществ. науки в Узбекистане, Ташкент, 1963, № 8/9; *Наджимов Г.* Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям. Ташкент, 1965; *Сарсенбаев Н.* Обычаи и традиции в развитии. Алма-Ата, 1965; *Кшибеков Д.* О феодально-байских пережитках и их преодолении. Алма-Ата, 1957; *Рахимов И.* Становление коммунистической нравственности в бы-

Большая литература создана и *по отдельным этическим категориям*: долг (Э. В. Воколов, Л. В. Коновалова, В. А. Ребрин, В. П. Шкоринов, К. Курбанов, Т. Г. Сиддиков), совесть (И. И. Резвицкий, З. А. Бербешкина, К. Л. Немиров), нравственная свобода (Ю. Н. Давыдов, В. Е. Давидович), ответственность (А. П. Черменина, А. И. Ореховский, Р. И. Косолапов, В. А. Марков и Н. А. Головко), справедливость (Л. Г. Гринберг, Ю. И. Сулин), честь (В. А. Блюмкин, Н. Р. Стремякова), счастье (М. Н. Корнеева, М. И. Новиков, Г. П. Сидоров, Ю. Джумабаев), добро (Я. Г. Якобсон, Ю. В. Согомонов, М. А. Лабахуа), скромность и простота (Я. С. Блудов, А. М. Степанченко). Начата разработка проблемы моральных качеств личности, их сущности, структуры, типологии и особенностей формирования в социалистическом обществе (В. А. Блюмкин). Все это позволило развернуть исследование ценностного аспекта нравственных явлений.

Вопрос о нравственных ценностях впервые в советской этической литературе был поставлен В. П. Тугариновым. В дальнейшем он освещался в работах К. А. Шварцман, А. Ф. Шишкина, А. П. Федосовой, В. А. Василенко, В. П. Коблякова, З. Б. Геюшева, С. Ф. Анисимова и др. А. Шишкин и К. Шварцман доказали, что анализ нравственных ценностей значительно углубляет познание морали как социального феномена, усиливает наши позиции в борьбе с буржуазной этикой и аксиологией [45].

В советской этической литературе нравственные ценности, как правило, рассматриваются в связи с взаимоотношениями личности и общества. Вследствие этого значимыми, т. е. обладающими ценностью, большинство авторов называют: а) качества характера отдельных лиц; б) мотивы и цели поведения; в) поступки индивидов, обычаи и традиции; г) идеи, нормы и принципы как факторы нравственного регулирования.

При анализе специфики нравственных ценностей отмечается, что каждая из них включает в себя требование, ориентирующее поведение отдельного человека, группы или общества в целом. В этом смысле моральная ценность выступает своего рода стимулом к деятельности и связана с оценкой последней. *Категория моральной*

ту (по материалам УзССР). Ташкент, 1965; Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций. Улан-Удэ, 1968—1969. Вып. 1, 2; *Читинов А.* Взаимосвязь традиций с некоторыми формами и элементами общественного сознания. Фрунзе, 1971; *Сиддиков Г. Г.* Долг как категория марксистско-ленинской этики (по материалам УзССР). Ташкент, 1964; *Надольный И. Ф.* Людина і мораль. Київ, 1972; *Акмамбетов Г. Г.* Проблемы нравственного развития личности. Алма-Ата, 1971; *Сарсенбаев И. С.* Обычаи, традиции и общественная жизнь. Алма-Ата, 1974; *Таштемиров У.* Социалистическая семья. Ташкент, 1977. На узб. яз.; *Азаронян А. С.* Проблемы формирования коммунистического общественного сознания. Ташкент, 1977; *Амантаев Б. А.* Основные пути, принципы и нормы поведения советского человека. Алма-Ата, 1977.

[45] См.: *Шишкин А. Ф., Шварцман К. А.* XX век и моральные ценности человечества. М., 1968.

оценки получила в современной этической литературе глубокое раскрытие (Н. Н. Мокроусов, Т. Б. Холостова и др.). Здесь нет резко расходящихся мнений, разные авторы дополняют и углубляют друг друга в анализе социальных функций оценки, ее воспитательных возможностей и соотношения ее с суждениями факта.

Исследования нравственной оценки опирались на результаты изучения *природы нравственного идеала* и, в свою очередь, способствовали более конкретной разработке данной проблемы. Большим событием в этике явились работы выдающегося советского педагога В. А. Сухомлинского, выдвинувшего стройную и глубокую концепцию нравственного идеала и нравственного воспитания в современной советской школе. В теоретическом плане (С. Н. Иконникова, Е. И. Шубенкова) нравственный идеал трактовался как существенная сторона общественного идеала, как выражение предельности моральных требований, как отражение действительности в движении — от того, что есть, к тому, что должно быть.

Известно, что в свое время в нашей литературе проявилась тенденция рассматривать человека лишь как средство социально-экономического прогресса. Эта тенденция принципиально чужда марксизму, и партия уже подвергла ее критике. Этическая наука реагировала на эту установку партии теоретической разработкой *проблемы человека как высшей ценности* (А. Ф. Шишкин, В. П. Тугаринов, В. Г. Иванов, Н. В. Рыбакова, И. И. Резвицкий и др.), проблем отчуждения, соотношения цели и средств и др.

Относительно *проблемы отчуждения* встречались ошибочные суждения, характеризующие отчуждение как моральную категорию: оно якобы имеет место там, тогда и постольку, где, когда и поскольку у людей существует неправильное представление о смысле жизни. Но большинство этиков рассматривали и рассматривают отчуждение как социологическую категорию (имеющую громадное значение для характеристики морального сознания), которая выражает взаимоотношения людей в условиях господства стихийных сил собственнической экономики и взаимной разобщенности [46].

Поскольку реальность и действенность нравственных ценностей выражаются через практическое поведение человека, постольку исследование ценностного аспекта морали в какой-то мере стимулировало дальнейшую разработку *вопросов нравственного воспитания*. В настоящее время проблемы нравственного воспитания ставятся и решаются преимущественно в рамках более общей проблемы *формирования личности при социализме*.

Работа в этой области получила практический стимул в движении бригад коммунистического труда. Комплексный характер воспитания в социалистических трудовых коллективах обусловил в целом

[46] См.: *Давыдов Ю. Н.* Труд и свобода. М., 1962; *Он же.* «Феноменология духа» и ее место в истории философской мысли.— В кн.: *Гегель.* Соч. М., 1959. Т 4.

плодотворные попытки сочетать при его изучении методику различных наук: этики, социологии, социальной психологии [47].

Связь нравственных ценностей с практическим поведением человека и прежде всего с его трудовой деятельностью, рассматривается во многих работах, издаваемых практически во всех районах страны [48]. Это одна из наиболее популярных тем советской этической литературы.

Началось исследование *воспитания как диалектического процесса взаимодействия объективных и субъективных факторов* (среды, целенаправленного воздействия общества, активности объекта воспитания) [49]. Г. Г. Квасовым была предпринята плодотворная попытка установить зависимость между характером разрешаемых воспитанием противоречий и его формами, средствами, методами [50].

Успехи в изучении структуры морали позволили дифференцировать проблему нравственного развития личности и приступить к углубленному анализу взаимодействия отдельных компонентов нравственного сознания с теми или иными аспектами жизнедеятельности индивида [51].

В 70-х годах в развитии марксистской этики заметно усиливается и расширяется связь теории с практикой. Эта тенденция реализуется, с одной стороны, за счет роста теоретического уровня этических исследований, с другой — путем развития прикладных отраслей этического знания. Рост теоретического уровня исследований в области этики, выявление новых аспектов марксистской этической мысли стимулировались тем, что в данный период существенно усилилось внимание к проблемам этики и нравственного воспитания. Советскими философами глубоко проанализированы сущность и основные формы коммунистического воспитания, взаимодействие нравственного воспитания с процессами формирования духовного облика

[47] См.: *Квасов Г. Г.* О всестороннем развитии личности в коллективе коммунистического труда.— Коммунист Молдавии, 1961, № 10; *Азимова Р. Д.* Категории нравственной самооценки в марксистско-ленинской этике. Баку, 1977; *Соколов В. М.* Проблемы нравственного воспитания как объект социологического исследования.— Социол. исслед., 1978, № 1.

[48] См.: *Жангельдин Т.* О роли труда в коммунистическом воспитании. Алма-Ата, 1959. На каз. яз.; *Азимов С. Э.* Роль труда в формировании и развитии коммунистической морали. Ташкент, 1961; *Котов Л. И.* Они строят будущее. Коллективы коммунистического труда и воспитание молодежи. Ижевск, 1961; Воспитание в труде — основа формирования человека коммунистического общества. Минск, 1963; *Гришанов Л. К.* Советская молодежь и моральные ценности. Кишинев, 1976. На молд. яз.; *Наджафов Н. Г.* Нравственные аспекты труда в условиях научно-технической революции. Баку, 1977; Проблемы коммунистического воспитания. Кишинев, 1978.

[49] См.: *Харчев А. Г.* О диалектике процесса воспитания.— Филос. науки, 1971, № 1; *Он же.* Воспитание и жизнедеятельность личности.— Вопр. философии, 1975, № 12.

[50] См.: *Квасов Г. Г.* Этические проблемы развитого социалистического общества. М., 1974.

[51] См.: *Архангельский Л. М.* Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974; *Боровский М. И.* Детерминизм и нравственное поведение личности. Минск, 1974; Структура морали и личность. М., 1977; *Ефимов В. Т., Косолапов Р. И.* Формирование активной жизненной позиции — цель нравственного воспитания. М., 1977.

социалистической личности, рассмотрены наиболее актуальные в современных условиях аспекты таких основополагающих принципов коммунистической нравственности, как преданность делу коммунизма, социалистический интернационализм, сознательное отношение к труду, советский патриотизм, выявлены главные причины отставания некоторых участков воспитательной работы.

Новым стимулом развития этических исследований явились исторические документы XXV съезда КПСС. Съезд подчеркнул преемственность решений партии по проблемам коммунистического воспитания, значение постановлений ЦК КПСС, принятых в период между XXIV и XXV съездами КПСС, для повышения уровня воспитательной работы в стране.

Документы XXV съезда партии по вопросам нравственно-воспитательной и всей идеологической работы исходят из того, что развитие личности происходит прежде всего под воздействием объективной социальной среды, социалистического образа жизни, которому свойственны атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими.

Однако что касается жизнедеятельности отдельных людей, семей и даже производственных коллективов, то она может не всегда и не во всем соответствовать социалистическим принципам. Поэтому для успеха коммунистического воспитания необходимы прежде всего последовательная, систематическая борьба за повышение уровня хозяйственно-организаторской работы, совершенствование организации и стимулирование труда, бытового обслуживания населения, досуга.

В противном случае может возникпуть несоответствие и даже противоречие между воспитанием и воздействием на человека объективных условий его существования. Это противоречие, в свою очередь, чревато опасностью обесценивания воспитательной работы как таковой, резкого снижения ее результативности. «Разрыв между словом и делом,— подчеркивалось на XXV съезде КПСС,— в каких бы формах он ни выражался, наносит ущерб и хозяйственному строительству, но особенно — нравственному воспитанию»[52].

Рассмотренная проблема имеет и другую, не менее важную сторону: конечной целью воспитательной работы партии является не просто внушение людям определенных истин, а выработка у каждого человека активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу.

Формулируя понятие активной жизненной позиции личности как задачу нравственного воспитания на современном этапе, XXV съезд КПСС придал практическую направленность его дальнейшему осмыслению. Жизненная позиция личности — емкое понятие, позво-

[52] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 77—78.

ляющее дать целостное философско-этическое представление о нравственном идеале нового человека, общественной направленности его сознания и поведения; оно является обобщенным критерием нравственного возвышения личности, показателем уровня развитости нравственных отношений на данном историческом этапе социалистического общества. Это понятие, таким образом, объединяет общетеоретические и прикладные аспекты марксистской этики.

XXV съезд КПСС особо отметил необходимость комплексного подхода к постановке всего дела воспитания, т. е. обеспечения тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся, улучшения нравственного микроклимата на предприятиях, роста идеологическо-воспитательной дееспособности каждого коллектива, неуклонного повышения требовательности к каждому работнику, особенно к руководителям всех рангов.

Съезд поставил вопрос о максимально эффективном использовании всех средств для борьбы с антиподами социалистической морали, о повышении в этой борьбе роли как убеждения, так и принуждения, силы и авторитета административного воздействия, закона.

Важную роль в ориентации этических исследований на наиболее актуальные проблемы современности, на дальнейшее совершенствование методологии и методики советской этической науки сыграло постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». В постановлении подчеркивалось огромное значение идейно-политического воспитания в условиях зрелого социализма, развивалось и конкретизировалось ленинское положение об органической связи и взаимодействии политики и нравственности. Эта связь отнюдь не означает, что нравственность при социализме есть лишь инструмент политики, как почти единодушно утверждают наши буржуазные «критики», и что личность — это «только объект общества, которое управляет им с помощью моральных норм»[53].

Слово «управлять» имеет множество значений — от косвенного, многократно опосредованного регулирования поведения личности (общественное мнение, общественный контроль, воспитание) до прямого администрирования и принуждения. Весь дух названного постановления ЦК КПСС — яркое свидетельство того, что социалистическое общество твердо стоит на первом из этих путей. Иначе говоря, для социализма неприемлема рекламируемая ныне некоторыми буржуазными авторами неуправляемость как «вседозволенность» (permissive society), потому что она ведет к аморализму, антисоциальности, деградации личности. Для того чтобы достигнуть поставленных перед собой целей, общество должно стать историческим субъектом, т. е. действовать как единое целое, а это невозможно без регулирования индивидуального поведения, управления им. Для

[53] См.: *Ehlen P.* Philosophische Ethic in d. S. U. München; Salzburg, 1972, S. 30.

марксистов управлять — значит прежде всего воспитывать, убеждать. При этом главной задачей воспитания является отнюдь не «нивелирование» или «стандартизация личности», не формирование некоего «репрессивного коллективизма», как иногда выражаются наши идеологические противники, а всестороннее развитие человека, повышение его культуры, активности, выявление и утверждение его индивидуальности, ибо во всем этом — один из важнейших источников силы социалистического строя.

Отмечая необходимость диалектического, творческого подхода к организации всей воспитательной работы, постановление требует решительного преодоления еще встречающихся в ней штампов, склонности к словесной трескотне, формализму, абстрактности, напыщенности, парадности, повторению общих истин. Совершенствовать воспитательную работу в современных условиях означает всесторонне учитывать динамичность социально-экономических процессов и духовной жизни зрелого социалистического общества, открыто ставить на обсуждение наиболее актуальные вопросы нашей общественной жизни, не замалчивать существующие в ней трудности и недостатки, смелее внедрять в практику воспитания научные рекомендации, давать оперативный и аргументированный отпор всем попыткам буржуазной пропаганды принизить и очернить достижения реального социализма.

По материалам XXV съезда и документам КПСС, развивающим и конкретизирующим его установки, был проведен ряд научно-практических конференций, способствовавших дальнейшему сближению исследовательской работы с деятельностью партийных организаций. Всесоюзная научно-практическая конференция по теме «Активная жизненная позиция» состоялась в апреле 1979 г. в Баку. Конференция явилась весомым мобилизующим фактором для исследователей проблем нравственного воспитания. Опубликованные в одиннадцати книжках материалы конференции стали хорошим подспорьем не только для практиков; в них воплощен удачный опыт соединения науки и практики, привлечения к осмыслению проблем нравственного воспитания представителей разных наук. Конференция выявила реальные проблемы нравственного воспитания, которые предстоит глубоко осмыслить и решить в ближайшее время.

О системе нравственного воспитания можно говорить в широком и узком смысле слова. В широком смысле нравственное воспитание связано с сознательным управлением всеми социальными факторами, так или иначе опосредующими взаимодействие общества и личности и обладающими в силу этого нравственно-воспитательной функцией. Такими факторами являются: трудовой коллектив, уровень его организации, идейно-политической и практической деятельности; семья и социальные процессы, характеризующие ее развитие в современных условиях; школа, специальные учебные заведения, учреждения культуры; правопорядок, осуществление мер предупреждения антиобщественных явлений, искоренение причин правонарушений; Со-

ветская Армия как школа выдержки и дисциплины, физической, политической и нравственной закалки молодых людей; литература и искусство, средства массовой информации и пропаганды; рациональное использование свободного времени, физкультура и спорт, работа по месту жительства и т. д. Такой широкий комплексный подход дал возможность определить нравственное воспитание как «процесс, сочетающий идеологические, партийно-организационные, общественные и административные меры, направленные на утверждение коммунистической морали и бескомпромиссную борьбу с ее антиподами»[54].

Наряду с этим нравственное воспитание как относительно самостоятельная подсистема в общей системе воспитания раскрывается через ряд взаимодействующих звеньев, к которым относятся: 1) организация системы этического просвещения, позволяющая преодолеть односторонность стихийно усваиваемых моральных норм в повседневном общении; 2) создание морально здоровой атмосферы в коллективах, осуждение любых отклонений от норм социалистической морали; 3) использование положительных примеров, ориентация на коммунистический моральный идеал; 4) индивидуальная работа с людьми, использование специальных педагогических приемов в целях формирования у воспитанников моральных качеств, соответствующих социалистическому типу личности[55].

Исследование специфики нравственного воспитания сталкивается с большими трудностями, вытекающими из того, что нравственное воспитание не представляет собой обособленной сферы в системе коммунистического воспитания в целом и органически связано со всеми его конкретными видами (идейно-политическим, трудовым, эстетическим и т. д.). Поэтому в ряде работ из стремления не упустить эту связь происходит невольное растворение специфики нравственного воспитания в иных видах воспитания. Богатейший опыт нравственно-воспитательной деятельности нередко остается еще не исследованным теоретиками.

XXV съезд КПСС стал мощным стимулом развития прикладных аспектов этической науки, определил основные направления приложения сил ученых к потребностям практики. Суть этого направления — обоснование наиболее действенных средств решения главной задачи воспитания — формирования активной жизненной позиции каждого советского человека. Однако для того, чтобы от общей теории морали осуществить переход к практическим проблемам воспитания, необходимо решить ряд важных методологических проблем. Поэтому вполне оправданно внимание ученых к обоснованию исходных, *концептуальных вопросов теории воспитания* и, следовательно, к уточнению категориального аппарата этой теории. В этом плане

[54] *Алиев Г. А.* Формирование активной жизненной позиции: опыт и актуальные проблемы нравственного воспитания. Баку, 1979, с. 28.

[55] См.: *Архангельский Л. М.* Комплексный подход в теории и практике нравственного воспитания.— Филос. науки, 1980, № 1.

большой научный интерес вызвали статья Г. Е. Глезермана «Формирование, воспитание, самовоспитание»[56] и книга А. Г. Харчева и В. Г. Алексеевой «Образ жизни, мораль, воспитание»[57], в которой представлен социологический аспект теории нравственного воспитания, раскрыта формирующая роль социальной среды в ее дифференцированном и едином проявлении, вскрыты основные тенденции этапов нравственного развития личности в современных условиях.

В 70-х годах опубликовано немало статей и брошюр по различным вопросам нравственного воспитания, но многие из них носят по преимуществу разъясняющий, комментирующий характер. Естественно поэтому то большое внимание, с которым была встречена впервые созданная большим авторским коллективом (на базе АОН при ЦК КПСС) монографическая работа «Нравственное воспитание, проблемы теории и практики» (М., 1979). В книге рассматриваются специфика и особенности нравственного воспитания, его место в комплексном подходе к идеологической работе, роль КПСС и конкретный опыт партийных организаций в нравственном воспитании, раскрывается значение социальных институтов и идеологических средств в системе нравственного воспитания, дается развернутый критический анализ буржуазных этических концепций.

В последнее время на первый план в этике стала выдвигаться проблема управления. Осмысление специфики управления нравственными процессами в социалистическом обществе, в том числе нравственным воспитанием, определение его «технологических» координат имеют большое значение[58].

Проблемы теории нравственного воспитания определяют прикладной уровень марксистской этики. Но прикладная этика не исчерпывается этим. Вопрос о ее статусе может быть решен на основе выявления многоаспектности практических задач, решаемых на данном уровне. Уже сейчас ясно, что прикладная этика не может рассматриваться как «очередной», а именно эмпирический, уровень исследования. Как правильно указывает В. И. Бакштановский, «предмет прикладной этики — тот срез общего для всех аспектов этического знания объекта, который можно назвать технологическим, обеспечивающим исследование, проектирование и внедрение его результатов в моральную практику с целью ее совершенствования по критериям, выведенным фундаментальным этическим знанием»[59]. Остается, однако, установить, что является наиболее общим определителем статуса прикладной этики.

Управление нравственными процессами есть практическое воздействие на их состояние в определенном направлении на основе получаемой информации и принимаемых решений. Практически воз-

[56] См.: Вопр. философии, 1976, № 4.

[57] *Харчев А. Г., Алексеева В. Г.* Образ жизни, мораль, воспитание. М., 1977.

[58] См.: Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск, 1980.

[59] Там же, с. 185.

действовать на нравственные процессы становится возможным в результате изменения условий труда, быта, досуга, формирующих моральное сознание и поведение людей, а также путем их нравственного воспитания. Нравственное воспитание, таким образом, представляет собой одно из средств управления нравственными процессами, с другой стороны, оно само нуждается в управлении (планировании, корректировке, контроле). Все это означает, что прикладная этика включает такие аспекты, как этико-эмпирические исследования, обеспечивающие получение необходимой информации о состоянии морального сознания и поведения различных групп трудящихся и учащихся; ту часть нормативной этики, которая определяет направленность нравственного воспитания (сюда же относятся и вопросы профессиональной этики), этические аспекты теории нравственного воспитания и, наконец, вопросы «технологии» моделирования моральных качеств личности, принятия управленческих решений, связанных с внедрением в практику принятых моделей поведения, с изучением их эффективности.

В целях реализации и конкретизации программы идеологической деятельности, принятой на XXV съезде, на XXVI съезде КПСС был выдвинут ряд принципиально важных вопросов прямой связи нравственного воспитания с решением социальных задач дальнейшего развития советского общества. Прежде всего это касается рассмотрения узловых проблем формирования нового человека в контексте укрепления материальных и духовных основ социалистического образа жизни.

На XXVI съезде было отмечено, что «в период развитого социализма завершается перестройка всех общественных отношений на внутренне присущих новому строю коллективистских началах. Эта перестройка охватывает и материальную, и духовную сферы, весь уклад нашей жизни»[60]. Это значит, что в современных условиях углубляется взаимодействие объективных и субъективных факторов формирования социалистической личности, новых нравственных отношений. Коммунистическое отношение к труду формируется, например, не только под влиянием воспитательной деятельности, но и вследствие создания условий, способствующих изменению самого характера труда, окончательному вытеснению ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда. Не менее важно и внимание к постоянному улучшению условий быта, снабжения, отдыха трудящихся. Развертывающееся на этой основе социалистическое соревнование как патриотическое движение масс формирует такие качества личности, как высокое понимание общественного долга, героизм, самоотверженность в труде. Совершенствование условий труда, отдыха, быта и нравственное воспитание — не параллельные, а взаимообусловленные процессы, ведь условия создаются самими трудящимися при организующей и вдохновляющей роли

[60] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 57.

партии. «Речь идет о том, чтобы добиться на деле единства идейно-теоретической, политико-воспитательной, организаторской и хозяйственной работы партии»[61]. Между организационными, хозяйственными и нравственными задачами существует как прямая, так и обратная связь: с одной стороны, объективные условия и повседневная практика являются реальным базисом нравственно-воспитательной деятельности и всей идеологической работы, с другой — сами они нуждаются в соответствующем идеологическом оснащении. Не случайно в таком документе, как «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» решение экономических и социальных задач поставлено в один ряд с воспитанием таких личных качеств, как социалистическая деловитость, предприимчивость, оперативность, инициативность, коллективизм, рачительное отношение каждого к народному добру.

Поставив вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования средств социального контроля, материального и морального стимулирования, XXVI съезд КПСС совершенно четко и недвусмысленно обозначил те отрицательные явления, искоренение которых из практики является насущной задачей. Это — посягательство на социалистическую собственность, тунеядство, взяточничество, спекуляция, формализм, невнимание к людям, пренебрежение отдельными работниками своим служебным долгом. Между отрицательными явлениями существует цепная зависимость: на почве стремления побольше урвать от государства произрастают эгоизм и мещанство, накопительство, равнодушие к заботам и делам народа. Серьезной проблемой остается пьянство. К сожалению, нельзя не отметить, что вопросы борьбы с отрицательными явлениями в области морали, выяснение их природы в условиях социализма крайне слабо решаются представителями этической науки. Эффективность решения таких вопросов возможна на основе укрепления связи этики с социологией и другими общественными науками, например юридическими.

Одним из важнейших аспектов укрепления связи этической теории с практикой является сосредоточение внимания исследовательской мысли не только на должном, что всегда было прерогативой этики, но и на *изучении живой действительности морали, реальной практики повседневных нравственных отношений*. Это направление этических исследований до сих пор меньше всего разрабатывалось по целому ряду причин. Одна из них состоит в трудностях социологического характера: необходима разработка довольно гибкого инструментария, позволяющего измерять с определенной достоверностью не только внешнюю сторону поведения, но и сложный мир внутренней моральной мотивации. До сих пор такого совершенного инструментария не существует. Тем не менее делаются настойчивые попытки применить социологические методы для изучения реаль-

[61] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77.

ной нравственности, причем делается это либо путем изучения моральных ориентаций определенных групп населения, либо путем фиксирования фактического поведения в доступных для этого сферах (отношение к труду, выполнение общественных поручений, бытовое поведение, семейные отношения). Лишь в отдельных случаях удается совместить оба плана исследования, что и дает возможность выявить нравственную сторону поведения. В этом все более дающем о себе знать процессе этики и социологи движутся навстречу друг другу. Значительный шаг в этом направлении сделан в работе В. М. Соколова[62], в которой впервые социология морали рассматривается и в теоретическом и в практическом планах, исследуются методологические принципы социологии морали и одновременно на большом материале конкретных исследований анализируется реальное функционирование морали в обществе.

Трудности развертывания широким фронтом этико-социологических исследований заключаются и в другом. Как известно, всякое социологическое исследование опирается на систему теоретически обоснованных показателей, которые должны опираться на теоретически обоснованные концепции морали. До сих пор в этике преобладал достаточно общий подход к характеристике социалистической морали, в то время как принцип историзма предполагает выявление не только исторически масштабных типов морального сознания, но и внутриформационного выделения определенных фаз, этапов, уровней нравственного развития. Становление коммунистической нравственности в широком смысле этого понятия включает превращение пролетарской нравственности в социалистическую и совершенствование социалистической морали до уровня собственно коммунистической. Вместе с тем, как отмечал В. И. Ленин, коммунистическая нравственность в своих основных чертах (бескорыстная преданность общеклассовым интересам пролетариата, самоотверженный труд без расчета на вознаграждение во имя общественных интересов, коллективизм и гуманизм) зарождается уже в недрах революционной морали рабочего класса, в авангардных рядах строителей социализма и коммунизма. Мораль развитого социалистического общества — важнейший этап на пути становления коммунистической нравственности в узком, собственном смысле этого понятия.

Анализ коммунистической морали в связи с различными сторонами жизнедеятельности советского общества, с нравственными задачами, которые решаются ныне Коммунистической партией, дан в коллективном труде «Мораль развитого социализма» (М., 1976), подготовленном АОН при ЦК КПСС. В работах Г. Л. Смирнова, Х. Н. Момджяна, М. Т. Иовчука, А. Г. Харчева, Г. Г. Квасова, А. И. Титаренко мораль развитого социализма рассматривается как развитие традиций пролетарской нравственности, морального созна-

[62] См.: *Соколов В. М.* Нравственный мир советского человека: (Опыт социологического анализа нравственных проблем современника). М., 1981.

ния рабочего класса эпохи строительства социализма, морали социалистического общества. Мораль развитого социализма — развитая социалистическая нравственность, основные черты которой отражают социально-экономические достижения нашего общества. Это проявляется преимущественно в расширении сферы морального регулирования за счет включения в сферу моральной оценки новых объектов (научно-техническое творчество масс, культура, образование, политика, экономика), появления в существующей морали норм, конкретизирующих основные принципы по отношению к вновь включаемым в эту сферу аспектов социальной, групповой и индивидуальной жизни; в усилении действенности этого регулирования и в дальнейшем повышении дееспособности морали в решении поставленных партией задач. Усиление социальной однородности социалистического общества и развитие его в направлении полного социального равенства способствуют укреплению общенародного характера социалистической нравственности, углублению морально-политического и идейного единства социалистического общества, развитию вширь и вглубь социалистического коллективизма. Мораль развитого социализма характеризуется неуклонным ростом социально-политической и трудовой активности трудящихся, их патриотического и интернационального сознания. Происходит дальнейшее обогащение принципа социалистического гуманизма, создание предпосылок для всестороннего нравственного развития личности.

Расцвет наций при социализме, преодоление социально-экономических и культурных различий между ними, образование новой исторической общности людей — советского народа, дружеские отношения между народами социалистических стран — все это значительно расширило сферу действия социалистической морали, укрепило ее интернациональный характер.

Вместе с тем в исследовании морали развитого социализма учитывается реальность исторического этапа, диалектическая противоречивость и сложность нравственного развития, порождаемая рядом объективных и субъективных факторов. «Даже элементарный жизненный опыт говорит о том, что в настоящее время в рамках единой морали социалистического общества существуют разные уровни освоения отдельными людьми общественных нравственных норм: от простого знания о существовании таковых до глубокой внутренней убежденности, когда поступать вопреки нормам означает для человека „пойти против совести", то есть оказывается просто невозможным»[63].

Выявлению *уровней развития морального сознания и поведения* различных категорий людей посвящены работы этико-социологического плана. Некоторые из них опираются на достаточно широкие конкретные исследования, дающие возможность прийти к более или менее достоверным выводам. В качестве критерия разграничения

[63] Мораль развитого социализма. М., 1976, с. 27.

исследуемых уровней избирается мера проявления активной жизненной позиции граждан советского общества. Этот показатель отражает главное в морали развитого социализма — руководствование масс сознанием общественного долга, ответственности, единством слова и дела.

В результате обобщения данных конкретных исследований выявляются факторы, обусловливающие неравномерность развития морального сознания различных групп населения. К таким факторам относятся возраст, образование, жизненный опыт, трудовой стаж, духовная культура, характер и способы проведения досуга. Положительно влияет на нравственное самоутверждение личности партийность, трудовая и общественная активность. Все исследователи единодушны во мнении, что наличие неидентичных уровней нравственного развития различных групп населения в советском обществе не связано с классовым положением и лишь косвенно отражает вторичные социальные различия, выражающиеся в неравномерности овладения социальными группами богатством социалистической духовной культуры. Наиболее непосредственно определяет уровень поведения осуществление мер социального контроля в регионах страны и постановка организационно-воспитательной деятельности в трудовых коллективах.

Изучение закономерностей морали развитого социализма находится еще на начальной стадии. Дальнейшее развитие этико-социологических исследований, повышение их научного уровня будут способствовать росту эффективности нравственного воспитания, осуществлению дифференцированного подхода к воспитанию различных групп населения.

В 70-х годах продолжалось исследование общефилософских вопросов этики, и прежде всего ее ключевого *вопроса о социальной сущности морали.*

Большой интерес в плане исследования общей этической теории марксизма имеет опубликованная в 1974 г. (посмертно) монография О. Г. Дробницкого «Понятие морали». Лейтмотивом монографии Дробницкого стала мысль о том, что «задача определения морали не сводится к нахождению какой-то языковой формулы. Она предполагает исследование ее природы (назначения, происхождения, функций, механизма, роли в жизни человека и развитии общества)»[64]. Хотя автор не претендовал на полное и законченное решение этой задачи, проделанная им работа является значительным вкладом в развитие марксистской этики, поскольку Дробницкому удалось раскрыть структуру проблемы определения морали и дать всесторонний анализ ее современного состояния.

Историческое развитие морали исследовалось в монографии А. И. Титаренко[65]. Утверждая существование исторически опреде-

[64] *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М., 1974, с. 141.

[65] См.: *Титаренко А. И.* Структуры нравственного сознания: Опыт этико-философского исследования. М., 1974.

ленных структур морали, автор вычленял их основные показатели, анализировал строение нравственного сознания и его функционирование в феодальной и капиталистической формациях, доказывал историческое превосходство морали и структуры нравственного сознания социалистического типа. А. Титаренко показал, сколь велики возможности реализации в научно-исследовательской работе марксистско-ленинского методологического принципа единства исторического и логического.

По мере развертывания НТР все больше исследований советских этиков посвящается анализу *ее социально-нравственных последствий*, ее влияния на развитие морали и решение нравственных проблем [66].

Изучение исторических типов нравственности и последствий НТР в классовом обществе потребовало, в свою очередь, разработки сложной теоретической проблемы *соотношения классового и общечеловеческого моментов морального сознания*, а, следовательно, и практики. Наибольшие разногласия и споры вызвало само понимание общечеловеческого. Одна точка зрения сводила его к простым нормам нравственности, элементарным правилам человеческого общежития, общим для различных классов (С. Ф. Анисимов, Г. Д. Бандзеладзе), другая искала ключ к решению этой проблемы прежде всего в соотношении субъективных интересов класса и «объективной логики» общественного развития (А. И. Титаренко, Б. Д. Яковлев), наконец, третья в дополнение к указанным подходам предлагала учитывать при выяснении природы общечеловеческого в морали также аспект соотношения содержания нравственных ценностей и их формальной структуры (А. Г. Харчев).

Глубокая аргументация необходимости рассматривать классовое содержание морали в единстве с общечеловеческим развернута в работах П. Н. Федосеева, посвященных соотношению культуры и морали. Связывая анализ моральных ценностей с изучением всего культурного прогресса человечества, П. Федосеев отмечает, что нравственность всегда затрагивает вопрос о том, каким образом должно жить человечество в целом, хотя вопрос этот решается с точки зрения различных классовых позиций. В то же время нравственность связывается с развитием самой человеческой личности. Поэтому основное, общечеловеческое содержание морали состоит в выработке «таких норм, принципов и ценностей во взаимоотношениях между людьми, которые все полнее и глубже выражают его специфически человеческую сущность как творческого, активного, деятельного существа. Здесь же и ответ на вопрос об объективном критерии нравственности и культуры: при прочих равных условиях высшими культурными и нравственными ценностями яв-

[66] См.: Философские проблемы общественного развития. Научно-техническая революция и мораль. М., 1975; НТР и социально-этические проблемы. М., 1977; *Бандзеладзе Г. Д.* НТР и проблемы нравственного прогресса. Тбилиси, 1979. На груз. яз.

ляются те, которые в наибольшей степени содействуют развитию общества и всестороннему развитию личности»[67].

К работам, освещающим *вопросы исторического развития морали*, взаимодействия прогрессивного и реакционного, классового и общечеловеческого моментов в этом развитии, относится также монография Э. Ф. Петрова «Эгоизм. Философско-этический очерк» (М., 1969), в которой рассматриваются источники и результаты собственнической деформации морали как средства социального регулирования, и монография А. А. Гусейнова «Социальная природа морали» (М., 1974), где вопрос об общечеловеческом и классовом в нравственности проанализирован на фоне широкого исследования целого комплекса проблем, связанных с взаимоотношением требований общества и интересов личности.

В этических исследованиях последних лет углубляется марксистское представление о связи двух аспектов рассмотрения морали: как *ценностно-нормативной формы отражения общественного бытия и в аспекте ее активного отношения к действительности*. В этом плане имеет принципиальное значение разрабатываемое в работах А. И. Титаренко[68] марксистское положение о морали как о способе духовно-практического овладения миром. Такой подход исходит из признания деятельной сущности субъекта морали — человека и делает акцент на уточнении сложившихся представлений о структуре и функциях морали. Структура морали рассматривается как в плане соотнесенности морального сознания с человеческой деятельностью, морали с поведением[69], так и в аспекте выявления диалектического взаимодействия внутренних компонентов морального сознания — моральных императивов, мотивов, личностных позиций[70].

Установившаяся в марксистской этике точка зрения, отвергающая взгляд на существование некоей автономной, самостоятельной моральной деятельности, не ставит под сомнение задачу исследования характера соотношения морального сознания и деятельности. Дело в том, что природа морального сознания, его свойства и внутренняя структура не могут быть глубоко поняты, если они берутся вне связи с целесообразной деятельностью человека, имеющей определенное общественное значение. Человеческая деятельность включает в себя и нормативно-оценочный и мотивирующий аспекты. «Поэтому поведение и моральное сознание относятся друг к другу не как две рядом и независимо друг от друга существующие системы или структуры, а как целое и его сторона. Лишь в абстракции,

[67] *Федосеев П. Н.* Мораль и культура.— В кн.: Протоколы XV Всемирного конгресса по философии. София, 1973, т. 1, с. 170.

[68] См.: Марксистская этика. 2-е изд. М., 1980.

[69] См.: Структура морали и личность. М., 1977; *Анисимов С. Ф.* Мораль и поведение. М., 1979.

[70] См.: *Гусейнов А. А.* Социальная природа нравственности: Автореф. дис. д-ра филос. наук. М., 1977; Моральный выбор. М., 1980.

вполне допустимой в научном исследовании, можно рассматривать моральное сознание и его внутреннюю структуру в качестве изолированного объекта. В действительном же своем существовании оно включено в более широкую систему человеческой деятельности (поведения)»[71].

Такой подход к обоснованию сущности морали представляет собой шаг вперед в понимании единства духовных и практических компонентов нравственности; внимание обращается на ряд малоизученных аспектов морали: на структуру нравственного поступка, связь поступков с поведением, взаимодействие намерений, мотивов, переживаний и моральных качеств личности, природу моральных требований и др. Выявление специфики взаимодействия перечисленных компонентов возможно только на основе глубокого диалектического подхода к предмету этики и имеет практическое значение, заключающееся в уточнении методов оценки поступков: только в свете общей логики поведения, с учетом намерения и конечного результата человеческих действий, нравственная оценка может быть наиболее объективной и справедливой, а следовательно, она может выполнять роль не только моральной санкции, но и стимула человеческой активности[72]. В этой связи представляет интерес рассмотрение поступка в качестве исходной «клеточки» построения теории морали[73], в его органической связи с общей линией поведения, с целостной деятельностью человека в единстве ее духовных и практических сторон. Поведение определяет смысл и ценность отдельных поступков и нравственных качеств личности. Заслуживает внимания развиваемый Г. Н. Гумницким подход, выявляющий внутреннюю органическую связь поведенческой стороны морали с выраженным в ней основным и вторичным моральными отношениями (отношение к благу общества как к высшей цели и отношение к человеку как к конечной цели)[74]. Это дает возможность ввести системообразующий принцип в рассмотрение разнообразных по содержанию и формам проявления нравственных отношений, выявить их действительную природу исходя из принципа единства сознания и деятельности. Нравственные отношения несводимы исключительно к духовным отношениям, так же как их невозможно представить только как внешнюю сторону морали. Нравственные отношения, с одной стороны, есть внутреннее отношение морального сознания к деятельности (и в этом следует видеть источник единства или расхождения между сознанием и действием, словом и делом), а с другой — это сама действительность морали, ее жизненная плоть — живые контакты человека с человеком, с обще-

[71] См.: Структура морали и личность, с. 10.

[72] См.: Там же, с. 86.

[73] См.: *Анисимов С. Ф.* Марксистско-ленинская этика; Курс лекций. М., 1973. Ч. II; Моральный выбор.

[74] См.: *Гумницкий Г. Н.* Методологические проблемы исследования специфики морального сознания: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук, 1976, с. 3.

ством, коллективом, сознательно регулируемые субъектами поведения [75].

В работах последних лет отмечается расширение сферы *нравственных отношений*, усиление, например, нравственного аспекта отношений людей к природе, культуре, научно-техническому прогрессу. Обострение экологических проблем, как известно, повлекло за собой оживление этического натурализма в странах буржуазного Запада. Вместе с тем, как справедливо отмечает А. А. Гусейнов, «само нравственное содержание отношения человека к природе можно правильно понять только при рассмотрении нравственности как своеобразного способа выражения и практического обеспечения всеобщих интересов общества... Своеобразие современной экологической ситуации состоит в том, что она требует, помимо всего прочего, мобилизации нравственных механизмов в качестве условия сохранения природной среды» [76].

Основательная *критика* с позиций марксистского понимания человека *идеалистических и натуралистических взглядов на человека* и особенно критика попыток ряда буржуазных философов и естествоиспытателей дать натуралистическое обоснование морали дана в опубликованной посмертно монографии А. Ф. Шишкина «Человеческая природа и нравственность» (М., 1979). Исследованию современного состояния буржуазной этики посвящена коллективная монография «Этика и идеология» (М., 1983), подготовленная сектором этики Института философии АН СССР. Анализ буржуазной этической литературы 70-х годов дается сквозь призму идеологии; авторы выявляют взаимосвязь теоретических концепций и динамики современных буржуазных этических воззрений с закономерностями идеологической борьбы.

В связи с усилившимся вниманием к обоснованию активной роли морали в жизни общества в работах последних лет наметилось более всестороннее рассмотрение *регулятивной функции морали*. Если до сих пор при рассмотрении этой функции подчеркивался побудительный характер нормативно-оценочного механизма, то теперь обращается внимание и на то, что «нравственное требование представляет собою единство противоречивых определений: оно, во-первых, предполагает и стимулирует добровольный, индивидуально-ответственный характер, осознанно-самостоятельный характер принимаемых решений и поступков, во-вторых, ориентирует на всеобщие интересы, на такие поступки, которые имеют не эгоистическую природу, утверждают ценность человеческой личности». Моральная регуляция раскрывается как «качественно новый тип регуляции, который привычную логику (от сущего к должному) заменяет противоположной — от должного к сущему» [77].

[75] См.: Структура морали и личность, с. 56.
[76] *Гусейнов А. А.* Социальная природа нравственности, с. 17.
[77] Там же, с. 21.

В этой связи встает вопрос *о специфике нравственной формы социального контроля*. Моральную регуляцию невозможно рассматривать вне связи с активностью человека — непосредственного субъекта морали [78]. Ее неправильно представлять в виде безликого механизма подчинения индивидов общепринятым нормам поведения, что пытаются приписать марксистской этике буржуазные идеологи. Мораль осуществляет функцию регуляции человеческого поведения не иначе, как участвуя в общем процессе формирования (становления, развития и воспитания) личности. Великая побудительная и возвышающая личность сила морали представлена ее активной социальной ролью. Не случайно в ряде работ последнего времени обращено внимание на связь различных сторон этого процесса: усвоение уже сложившихся норм, идеалов, их реализация в поведении и выработка новых норм (моральное творчество), отвечающих потребностям социального прогресса, рассматриваются как дополняющие друг друга [79].

В этой связи закономерен интерес к исследованию *механизмов морального выбора* [80]. Новизна современного подхода к этой классической для этики теме заключается в проведении различия аксиологического, связанного с целью и намерением и праксиологического, связанного со средством выбора личностью поведения, попыткой определить правила выбора средств, ведущих к реализации цели [81]. Однако перенесение в этику соответствующей праксиологическому подходу логики ведет к завышению значения всевозможных «императивов умения» в ситуации морального выбора, в то время как принципиально важным является широкая трактовка процесса морального выбора, связанная «со всем богатством жизненных побудителей активности личности».

Одной из характерных черт современной марксистской этики является рассмотрение ее проблем на личностном уровне. Разработка *личностных аспектов марксистской этики* неразрывно связана с научной теорией личности, с изучением, учетом связи морального фактора с социальными процессами социалистического общества (научно-технической революцией, урбанизацией, демографическими и экологическими процессами). Появляются исследования, положившие начало разработке этико-социологической проблематики [82]. Личностные аспекты этики, в свою очередь, связаны с углуб-

[78] *Ганжин В. Т., Согомонов Ю. В.* Нравственные формы социального контроля и управления процессом воспитания молодежи.— В кн.: Тезисы научно-практической конференции «Коммунистическое воспитание молодежи: система, проблемы эффективности». М., 1980.

[79] См.: *Крутов Н. Н.* Мораль в действии. М., 1977; Личность: этические проблемы. М., 1979.

[80] См.: Моральный выбор, с. 115.

[81] См.: *Ганжин В. Т.* Моральная рефлексия и личность.— В кн.: Личность: этические проблемы; *Кобляков В. П.* Этическое сознание. Л., 1979.

[82] См.: *Архангельский Л. М.* Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974; *Журавков М. Г.* Социализм и мораль. Некоторые черты и особенности формирования морали советского общества. М., 1974; Философские проблемы общественного раз-

лением в психологическую проблематику. Это позволяет осуществить более конкретный анализ субъективной стороны моральной активности, восстановить в правах и по-новому осветить забытое понятие «моральная рефлексия»[83], обратиться к таким проблемам, как моральность личности[84], моральная культура[85], нравственные аспекты общения[86]. Представляет интерес разработка категории «нравственная целостность личности»[87], обозначающей высокую ступень индивидуального нравственного развития. Тема нравственного развития личности получила новый импульс, она трактуется не только как воплощение социального в индивидуальном, но и более диалектично — как проблема активности, самоутверждения личности в процессе ее жизнедеятельности. В этом плане особый интерес представляет коллективный труд советских этиков и этиков социалистических стран «Нравственные проблемы развития личности» (М., 1982).

Следует заметить, что наибольшие успехи в раскрытии подобного подхода достигаются на базе освоения и творческого применения к современности классического историко-философского и художественного опыта, о чем свидетельствуют работы Р. И. Косолапова «С чего начинается личность?» (М., 1979) и В. И. Толстых «Сократ и мы» (М., 1981). Эти же работы свидетельствуют еще об одном: границы этики как отрасли философского знания условны, она не может быть замкнута жесткими рамками специфического для нее категориального анализа или описания нормативных правил поведения.

Добиваясь углубления и расширения имеющихся научных представлений о морали, советские ученые все больше обращают внимание на методологию исследования этого сложнейшего явления. Если в большинстве работ методологические принципы не выдвигаются в качестве предмета самостоятельного анализа, то в ряде публикаций их исследование рассматривается как важная и особая задача. Еще предстоит изучение морали в связи с социально-философским осмыслением сущности и закономерностей самого процесса освоения мира человеком, на повестку дня поставлено изучение методологических проблем рассмотрения морали во всех основных

вития. Научно-техническая революция и мораль. М., 1975. Вып. 3; *Блюмкин В. А.* Моральные качества личности Воронеж, 1974; *Квасов Г. Г.* Этические проблемы развитого социалистического общества. М., 1974; Нравственный прогресс и личность: (Методологические вопросы нравственного прогресса и совершеиствования личности). Вильнюе, 1976.

[83] См.: *Гвнжин В. Т.* Моральная рефлексия и личность.— В кн.: Личность: этические проблемы; *Кобляков В. П.* Этическое сознание.

[84] См.: Личность: этические проблемы, с. 12.

[85] См.: Моральная культура. Вильнюс, 1980; *Бачинин В. А.* Нравственная культура и личность. М., 1979.

[86] *Титаренко А. И.* Антиидеи. М., 1976; *Он же.* Нравственные аспекты общения. М., 1980.

[87] См.: *Целихова О. П.* Нравственная целостность социалистической личности.— В кн.: Структура морали и личность, с. 101.

ракурсах ее проявления (историческом, современном, личностном, управленческо-воспитательном). В 1982 г. вышла монография «Методология этических исследований», подготовленная сектором этики Института философии АН СССР. Она представляет собой одно из первых систематических исследований методологического арсенала этики. В монографии дано применение материалистической диалектики к анализу морали, рассмотрены пути и методы изучения нравственной жизни развитого социалистического общества.

Исследование развития марксистской этики в 70-х годах позволяет прийти к выводу, что социальная роль данной философской науки определяется возрастанием ее мировоззренческой, воспитательной значимости, что воплощается в дальнейшем раскрытии ее теоретического потенциала, в развитии прикладных аспектов теории коммунистической нравственности. В перспективе возможно отпочкование от этики специальных отраслей, например прикладной этики, что не изменит общей оценки ее социальной роли.

Таким образом, современный этап марксистской этики характеризуется, с одной стороны, расширением диапазона этических исследований, включением в них все новых выдвигаемых практикой проблем, с другой — более систематическим и всесторонним изучением явлений, входящих в сложный и противоречивый мир морали, стремлением постичь этот мир как единое целое в его становлении и развитии, во всем многообразии его внутренних и внешних связей. И хотя марксистская этическая мысль в СССР очень много сделала и в освоении классического, прежде всего ленинского, теоретического наследия, и в изучении современных нравственных процессов, сейчас, как никогда ранее, широк круг этических проблем, нуждающихся в дальнейшей творческой разработке.

Особой важности задачи поставил перед общественными науками, и в частности перед этикой, июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС. Они заключаются прежде всего в более полном и глубоком раскрытии закономерностей, присущих нашему обществу, и путей дальнейшего его совершенствования [88].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЭСТЕТИКА

Советская эстетика имеет свою периодизацию, характеризующуюся преемственностью и соответствием главным этапам развития советского общества. Каждому периоду в поступательном движении эстетической мысли в СССР свойственны как теоретические достиже-

[88] См.: Материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1983.

ния, так и определенные трудности и сложности, преодолевавшиеся коллективными усилиями советских ученых под руководством Коммунистической партии.

Октябрьская социалистическая революция привела к коренному перелому в эстетической мысли, выдвинула на первый план вопросы о путях развития нового, социалистического искусства, о его соотношении с революционной действительностью и с художественной культурой прошлого.

Поиски ответов на эти вопросы определили характер эстетических дискуссий 20—30-х годов — периода утверждения марксистско-ленинской методологии в эстетике и литературно-художественной критике.

Марксистская традиция в русской эстетике сложилась еще в дореволюционные годы в работах Г. В. Плеханова, А. В. Луначарского, В. В. Воровского, М. С. Ольминского и др. В послереволюционный период эта традиция развивалась в острой идеологической борьбе с течениями буржуазной эстетической мысли, формализмом, вульгарно-социологическими искажениями марксистской идеологии. Определяющее влияние на процессы становления и формирования советской эстетики оказали идеи В. И. Ленина, ленинская политика в области художественной культуры.

Еще в период первой русской революции 1905 г. В. И. Ленин выдвинул мысль о литературе как об органической части общепартийного дела. Партийность художественного творчества В. И. Ленин связывал с его правдивостью, с полнотой отражения в нем действительности [1].

В послеоктябрьских работах В. И. Ленин подчеркивал огромную важность всестороннего изучения жизненных явлений и процессов, умения «отделить разложение старого от ростков нового»[2]. Прямое отношение к художественному творчеству имел призыв В. И. Ленина быть ближе к жизни, уделять больше внимания тому, как рабочие и крестьяне на деле строят новую жизнь. Непреходящее значение для развития советской эстетической мысли имеет разработанное В. И. Лениным учение о культурной революции, о неразрывной связи развития пролетарской культуры с всесторонним усвоением и творческой переработкой «ценнейших завоеваний буржуазной эпохи»[3].

Осознание эстетических принципов советского искусства проходило в первые послеоктябрьские годы в борьбе творческих группировок, представлявших определенные направления эстетической мысли. Коммунистическая партия оценивала деятельность этих группировок с точки зрения того, какое место они занимали в процессе формирования социалистической культуры, подвергала кри-

[1] См.: История философии в СССР. М., 1971, т. 4, с. 592—598.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 91.
[3] Там же, т. 41, с. 337.

тике проявления групповщины и сектантства, направляла развитие теоретических споров, подводила итоги наиболее значительных идейно-эстетических дискуссий. Одно из главных мест в теоретической полемике первых послереволюционных лет заняла проблема пролетарской культуры.

Всестороннему обсуждению была подвергнута выдвинутая А. А. Богдановым и другими теоретиками Пролеткульта концепция «чистой», «классово-обособленной» пролетарской культуры, абсолютно противостоящей культуре других классов и всему предшествующему культурному развитию. А. Богданов выдвигал в эстетике вместо принципа отражения, познания действительности принцип «организации живых образов». На страницах пролеткультовских журналов проповедовались идеи «монолитного единства» и «слитности» рабочего с машиной, полной «однородности» трудового коллектива, в котором ликвидируются различия человеческих индивидуальностей. Эта «коллективно-трудовая» точка зрения вела к противопоставлению человека массе, к умалению роли личности, индивидуального начала в общественной жизни и искусстве. В то время как В. И. Ленин ставил задачи строительства пролетарской культуры в тесную связь с задачами культурной революции, с приобщением широчайших народных масс к художественным ценностям, накопленным человечеством, теоретики Пролеткульта резко противопоставляли эти задачи.

В речи В. И. Ленина на III съезде комсомола, в лепинском проекте резолюции о пролеткультах, в постановлениях ЦК РКП(б) о Пролеткульте, принятых в 1920—1921 гг., в выступлениях Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Я. А. Яковлева и других советских марксистов была дана многосторонняя критика сектантски-нигилистических ошибок Пролеткульта. В этих работах отстаивалась и развивалась марксистская идея усвоения пролетариатом прогрессивного культурного наследия прошлого.

Дискуссия развернулась и вокруг футуризма, пытавшегося объявить себя «государственным искусством» и доказывавшего родство своей формальной «революции в искусстве» с Октябрьской революцией. В ходе дискуссии было показано, что футуризм воспринял деструктивные тенденции буржуазного модернистского искусства начала XX в., его эстетический нигилизм и беспредметничество, ведущие в идеологический тупик. Подлинно революционное искусство, как подчеркивали А. Луначарский и другие критики футуризма, характеризуется не формалистическим штукарством, а гуманистическим пафосом, глубоким реалистическим содержанием.

Важнейшее значение для развития советской эстетики имела дискуссия 1923—1925 гг., в которой наряду с теоретиками искусства, критиками и писателями активное участие принимали видные партийные деятели (М. В. Фрунзе, И. М. Варейкис, С. И. Гусев и др.). Главными в дискуссии были вопросы о социальном назначении искусства, об отношении социалистической художественной

культуры к классическому наследию. В центре внимания стояли и такие коренные эстетические проблемы, как отношение искусства к действительности, соотношение объективности и субъективности в художественном творчестве и др. Дискуссия первоначально развернулась между журналами «На посту» (орган Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей — ВАПП) и «Красная новь». Представлявшие журнал «На посту» (И. Вардин, Г. Лелевич, С. Родов и др.) защищали узкоутилитарный, релятивистский взгляд на искусство, трактовали его исключительно как «средство организации сознания», «орудие эмоционального заражения», «классового воздействия». Они механически отождествляли искусство с другими формами идеологии, игнорировали его эстетическую сущность и объективно-познавательное содержание. В их работах партийное руководство искусством трактовалось в духе левацкого сектантства и администрирования.

На страницах журнала «Красная новь» и в особенности в выступлениях его редактора А. К. Воронского были вскрыты уязвимые стороны методологии журнала «На посту»: субъективистские искажения классовости искусства, отрицание преемственности в его развитии, противопоставление социального и эстетического. Так же как А. В. Луначарский, В. П. Полонский и другие, А. Воронский подверг критике и ошибочные теоретические позиции журнала «Леф», теоретики которого трактовали художественный реализм как созерцательное искусство, не несущее стремления к переустройству жизни и предполагающее «безвольность восприятия». Лефовские теоретики (Б. Арватов, С. Третьяков, Н. Чужак) выдвинули концепции «жизнестроения» и «производственного искусства», которые сводились к идее о слиянии искусства с производительным трудом и фактически к исчезновению при социализме искусства как специфической формы общественного сознания.

Важное место занял вопрос об усвоении и развитии реалистических традиций классического искусства прошлого. В выдвинутом А. Луначарским лозунге «назад к Островскому» нашел выражение призыв к художникам отказаться от модернистского псевдоноваторства и вернуться к искусству «реалистическому, социально-психологическому, социально-содержательному и имеющему подходящую к этому технику выразительности»[4].

Особое место в дискуссии заняло майское совещание в Отделе науки ЦК РКП(б) (1924), на котором обсуждался широкий круг вопросов политики партии в области литературы и искусства. В резолюции совещания была подчеркнута необходимость всемерной поддержки пролетарской литературы и одновременно осуждена линия «напостовцев», как отталкивающая талантливых беспартийных писателей от партии и Советской власти. Основные положения совещания вошли в резолюцию XIII съезда РКП(б) «О печати».

[4] *Луначарский А. В.* О театре и драматургии. М., 1958, с. 336.

Итоги дискуссии были подведены в резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», где нашел обобщение богатый опыт развития эстетической мысли первых послереволюционных лет. В резолюции ЦК РКП(б), представлявшей высшее достижение марксистской эстетики 20-х годов, подробно рассматривался вопрос о характере социалистической художественной культуры, о путях и методах ее формирования. Подчеркивая значение классовой, идеологической борьбы в искусстве, партия обращала внимание на то, что классовая природа литературы и искусства выражается в формах, бесконечно более разнообразных чем, например, в политике.

Исходя из исторически сложившегося соотношения между различными группировками писателей по социально-классовому содержанию их творчества, партия поддерживала пролетарских писателей и одновременно предупреждала их от чванства как самой губительной тенденции, призывала к широкому охвату жизненных явлений во всей их сложности. Пролетарская литература, указывалось в резолюции ЦК, должна стремиться быть литературой не цеха, а борющегося великого класса, ведущего за собой миллионы крестьян; должна ориентироваться на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского.

Этой ориентацией определялся и призыв резолюции ЦК к писателям вырабатывать форму, понятную миллионам, используя все технические достижения мастерства художников прошлого. Отказываясь связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области художественной формы, партия высказывалась за свободное творческое соревнование различных группировок и течений в данной области.

В резолюции ЦК подчеркивалось, что одним из главных воспитательных орудий в руках партии является коммунистическая критика, которая должна вскрывать объективный классовый смысл литературных произведений и обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным группам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним. Критика призвана бороться с легкомысленным и пренебрежительным отношением к специалистам художественного слова и к старому культурному наследству, изгонять все претенциозное, полуграмотное и самодовольное. Только тогда критика будет иметь глубокое воспитательное значение, когда она будет опираться на идеи марксизма-ленинизма [5].

Резолюция ЦК РКП(б) оказала значительное влияние на развитие советской эстетической мысли, способствовала более углубленной разработке марксистско-ленинской методологии анализа художественных явлений, теоретико-методологических основ литературно-художественной критики.

[5] См.: Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов. М., 1962.

Дискуссии второй половины 20-х годов сосредоточились вокруг вопросов, связанных с органическим сочетанием гносеологического, социологического и эстетического подходов к художественному творчеству. Как плодотворный итог теоретических исканий этих лет в советской эстетике возникло понятие «художественный метод».

Разработкой проблем творческого метода советского искусства активно занимались теоретики литературных группировок РАПП и «Перевал». Основными теоретическими лозунгами РАПП во второй половине 20-х годов стали лозунги «За живого человека» и за психологизм в искусстве, направленные против штампа и схематизма в изображении советской действительности. Критики РАПП (А. А. Фадеев, Л. А. Авербах, А. И. Зонин, В. В. Ермилов и др.) выступали за учебу у классиков и за «пролетарский реализм», творчески развивающий реалистические традиции искусства прошлого. Вместе с тем для их платформы были характерны требования обязательного изображения жизни в формах самой жизни, неприятие приемов романтического пересоздания действительности в искусстве, которые теоретиками РАПП связывались с идеализмом, мистикой, мелкобуржуазным мировоззрением художника.

А. Воронский и находившиеся под влиянием его идейно-эстетических взглядов критики «Перевала» (А. Г. Лежнев, Д. Горбов и др.) отстаивали принципы гуманизма и правдивости в искусстве, выступали за органическое сочетание эстетического и социологического анализа художественных явлений, за широту творческих исканий и чистоту художественного метода. Однако в полемике с рационалистическими тенденциями в эстетике они иногда преувеличивали значение интуитивного начала в процессе художественного творчества, допускали предвзятость в оценке творческих платформ других направлений в советском искусстве.

Окончательное закрепление понятия «художественный метод» в советской эстетике произошло на рубеже 30-х годов, в ходе дискуссии о творческих путях советского искусства. К этому времени в сознании художников все более крепло убеждение, что литературно-художественные группировки изживают себя, что в советском искусстве складывается новое идейно-художественное единство. Этому здоровому стремлению служила помехой тенденция некоторых группировок (РАПП, АХРР, РАПХ)* к идеологической монополии в литературно-художественном движении, их склонность к грубой вульгаризаторской проработке и администрированию в искусстве. В начале 30-х годов рапповская критика, возвратившись к вульгарно-социологической методологии, стала механически переносить философские понятия на область художественного творчества, выдвинула лозунг «диалектико-материалистического» метода

* РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей; АХРР — Ассоциация художников революционной России; РАПХ — Российская ассоциация пролетарских художников.

в искусстве, отождествляющий художественный метод с мировоззрением.

Активное участие в теоретических спорах 20-х и первой половины 30-х годов принимал А. Луначарский, который уделял особое внимание разработке теоретико-методологических основ советской критики и искусствознания. А. Луначарский утверждал: «Критик-марксист — не литературный астроном, поясняющий неизбежные законы движения литературных светил от крупных до самых мельчайших. Он еще и боец, он еще и строитель. В этом смысле момент оценки должен быть поставлен в современной марксистской критике чрезвычайно высоко»[7].

А. Луначарский дал глубокое марксистско-ленинское решение проблемы социальной природы искусства. Классовость художественного творчества, по мысли А. Луначарского, выражается не только в раскрытии классовых идей, но и в передаче классовых чувств, того, что можно назвать эмоциональным строем, психологической эмоциональной доминантой данного класса. Ведя борьбу за правильное истолкование классического наследия, А. Луначарский глубоко разрабатывал проблему художественной ценности. Он показывал, что социалистическому искусству близки многие черты классического искусства, прежде всего «внутренний тонус этого торжественного и торжествующего самоутверждения человечности, этот высокий гуманизм, реалистический, чувственный, счастливый»[8].

А. Луначарский указывал на активный, творческий характер коммунистической партийности искусства, выступал против тенденций к иллюстративности, описательности, натуралистической приземленности в художественном творчестве. «Плох художник,— подчеркивал А. Луначарский,— который своими произведениями иллюстрирует уже выработанные положения нашей программы. Художник ценен именно тем, что он со своей интуицией проникает в новизну, в которую обычно трудно проникнуть статистике и логике»[9].

Последовательно проводя линию борьбы за реализм, А. Луначарский критиковал «левые» теории, призывающие к отходу от реальности во имя «декоративности» и «деформации». А. Луначарский считал, что модернистская эстетика смешивает различные функции искусства — декоративную и идеологическую. Сам он полагал, что искусство по своей природе двояко, что следует отличать искусство украшения и оформления быта, которое он называл художественным производством или художественной промышленностью (задача этого искусства — создавать радостную и красивую внешнюю среду обитания человека), от собственно искусства, носящего идеологический характер. В этой связи он критиковал «производственников»

[7] *Луначарский А. В.* Статьи о литературе. М., 1957, с. 109.
[8] Там же, с. 146.
[9] Там же, с. 10.

20-х годов, отрицавших познавательную и идеологическую природу искусства и пытавшихся подвести все виды художественного творчества под закономерности развития прикладных искусств. Упрекая «левых» художников в том, что во имя ложно понятой декоративности они отступают перед содержательностью в искусстве, А. Луначарский писал: «Человек, который думает, что сочетание красок и линий представляет ценность само по себе,— это недоросль, которому и в самые новые меха влить нечего, или полумертвый человек, который носится с формами, потому что пережил и утратил свое внутреннее содержание»[10].

Ратуя за научный, социологический анализ художественных явлений, учитывающий их познавательную ценность и эстетическую специфику, А. Луначарский принимал активное участие в спорах 20-х годов между представителями формального и социологического метода в советской эстетике и искусствознании.

В первой половине 20-х годов активно выступала «формальная школа» в литературоведении, теоретическим центром которой было Общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ). Представители этой школы (В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, Ю. Тынянов и др.) выступали против эклектизма буржуазного академического литературоведения и субъективистских импрессионистских методов символистской критики. Основной задачей науки о литературе они считали изучение строения художественного произведения и внутреннего, имманентного развития художественных форм, смены одних, устаревших приемов другими, обновленными. При этом художественная форма рассматривалась как некое самодовлеющее начало, а жизненное и идеологическое содержание искусства считалось чем-то второстепенным. Сторонники этой школы не сумели решить поставленную ими задачу уяснения специфической природы художественного творчества, поскольку они игнорировали многообразные связи искусства с общественной жизнью.

Уже в 20-х годах исследования В. Жирмунского, Ю. Тынянова и других участников ОПОЯЗа вступили в противоречие с формалистической методологией анализа художественных произведений. После содержательной дискуссии о формальном методе на страницах журнала «Печать и революция» (1924) началась методологическая перестройка сторонников «формальной школы», которые в своем большинстве в последующие годы перешли на позиции марксистско-ленинской эстетики.

«Формальной школе» противостояло социологическое направление в советской эстетике, сторонники которого (прежде всего В. М. Фриче, В. Ф. Переверзев и их ученики) ставили своей задачей изучение искусства в его неразрывных связях с общественной жизнью и классовой борьбой. В работах В. Фриче и В. Переверзева отмечалось значение реалистических традиций в искусстве, рассмат-

[10] *Луначарский А. В.* Об искусстве. М., 1941, с. 478.

ривались различные типы и виды реализма. Вместе с тем проблема реализма анализировалась ими вне ленинской теории отражения. Сторонники социологического метода противопоставляли буржуазной идеалистической и позитивистской эстетике положения о социально-классовой обусловленности художественных явлений, однако эту обусловленность они понимали крайне механистично, неверно полагая, что мировоззренческая позиция целиком и полностью определяется классовым происхождением и положением художника.

Настаивая на абсолютной «детерминированности» образной системы закономерностями производственного процесса, В. Переверзев рассматривал художественное сознание как субъективное выражение «классового бытия» художника. Эта концепция противостояла пониманию искусства как объективного отражения действительности. Фетишизируя социальное происхождение художника, ученики В. Переверзева (И. Беспалов, М. Гельфанд, Г. Поспелов и др.) защищали концепцию «классовой замкнутости» художественного творчества, фатальную неизменность социальной природы художника. В поисках «социологического эквивалента», якобы единого на всем протяжении творчества художника, многие сторонники социологизма в эстетической мысли 20-х годов прибегали к упрощенно-схематическим квалификациям, представлявшим большинство художников прошлого выразителями корыстных интересов эксплуататорских классов. Эти исследователи отказывались признать, что возможно несоответствие между замыслом художника и тем объективным общественным значением, которое его произведения получают в жизни современной и последующей эпох.

Отрицая внутренние закономерности развития искусства, В. Фриче определял художественный стиль как «эстетическое выражение экономического стиля эпохи»[11] и ставил смену художественных направлений в непосредственную зависимость от смены общественно-экономических формаций. В его работах было выдвинуто положение о едином художественном стиле эпохи, вырастающем из господствующего способа производства[12]. Непонимание методологического значения для эстетики ленинской теории отражения, рассмотрение развития искусства изолированно от жизненных интересов и борьбы народных масс и другие ошибки школ В. Переверзева и В. Фриче послужили основанием для резкой критики в начале 30-х годов этих направлений как выражения «вульгарной социологии».

Влияние вульгарной социологии ощущалось в 20-х годах также в области театральной и музыкальной эстетики. Так, теоретики РАПМ (Российской ассоциации пролетарских музыкантов) защищали концепцию «классовой исключительности», приводившую к полному раздроблению музыки на ряд классово обособленных музы-

[11] Вестн. Ком. акад., 1926, № 17, с. 172.

[12] См.: *Фриче В.* Проблемы искусствоведения. М., 1931.

кальных культур, каждая из которых понятна только своему классу. Единственный отправной пункт всего музыкального творчества пролетариата РАПМ видел в массовой революционной песне. Зачисляя всю музыкальную классику в разряд «помещичье-буржуазной» музыки, вульгарные социологи игнорировали историческую преемственность в развитии музыкального искусства.

В эстетической мысли 20-х годов проявлялись также попытки создания «комбинированного» метода, сочетающего формалистическую методологию в анализе стилевых особенностей художественного произведения с социологической трактовкой содержания искусства. Так называемые форсоцы — приверженцы формально-социологического изучения художественного творчества (О. Брик, Б. Арватов, М. Левидов и др.) — пытались находить «социологический эквивалент» каждой стилистической категории, создавали формальные схемы стилистической эволюции искусства в духе западной социологии начала XX в.

Уже в 20-х годах в работах А. Лупачарского, А. Воронского и других советских эстетиков были выдвинуты главные и решающие аргументы против вульгарной социологии. В противовес истолкованию творчества классиков как выразителей субъективно-классовых стремлений своей социальной группы А. Луначарский отстаивал идею народности величайших художников прошлого. В критических выступлениях против вульгарных социологов было раскрыто, что приверженцы этого направления превращают классовую борьбу в нечто самодовлеющее, в самоцель, отрицают тот важнейший факт, что в формах классовой борьбы происходило поступательное развитие всего общества в целом, совершалось накопление и обогащение ценностей духовной культуры. Классовый субъективизм в эстетике игнорировал диалектическую взаимосвязь классового и общечеловеческого в художественном творчестве, отрицал преемственность и прогресс в развитии искусства.

В начале 30-х годов взгляды В. Переверзева и В. Фриче были подвергнуты резкой критике, однако вульгарно-социологические представления продолжали проявляться в работах многих советских эстетиков и на протяжении 30-х годов.

Широкое распространение вульгарного социологизма было связано с трудностями овладения марксистской методологией, тем более, что многие основополагающие идеи К. Маркса и Ф. Энгельса в области эстетики еще не были известны. Родословную марксистской науки об искусстве в 20-х годах зачастую вели от Тэна, Гаузенштейна и других западных философов позитивистского толка. Многие советские теоретики считали, что К. Маркс и Ф. Энгельс не разработали системы эстетических идей, которая могла бы послужить основой для создания марксистской науки об искусстве. «Теорию исторического процесса мы давно имеем, марксистскую теорию художественного творчества приходится еще создавать,— писал М. Н. Покровский.— Это не то, что политическая экономия.

Там нам оставили ряд классических образцов наши великие учителя. По истории художественной литературы, кроме нескольких работ Плеханова и Меринга, ничего нет»[13]. Вплоть до начала 30-х годов в работах многих советских искусствоведов проводился лозунг «За плехановскую ортодоксию», согласно которому ведущим авторитетом в области марксистской эстетики объявлялся Г. В. Плеханов.

Вульгаризаторские и сектантские тенденции в искусстве и эстетике были подвергнуты серьезной критике в постановлении ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932). Сменив устаревшие организационные формы литературно-художественного движения, ликвидировав атмосферу нездоровой групповой борьбы, постановление ЦК создало благоприятные условия для идейно-творческого сплочения советского искусства, для плодотворного обсуждения проблем художественного творчества, разработки теории социалистического реализма.

Последующее развитие советской эстетической мысли было связано с преодолением вульгарно-социологических концепций и более глубоким усвоением марксистско-ленинской методологии, применением ее к анализу проблем реализма, народности и гуманизма художественного творчества.

В 30-х годах советские ученые приступили к всестороннему изучению эстетического наследия классиков марксизма. К этому времени расширяется источниковедческая база советской эстетики в связи с публикацией новых работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Издание хрестоматий, в которых впервые было собрано воедино и систематизировано эстетическое наследие классиков марксизма[14], позволило в новом свете представить проблемы реализма, метода и мировоззрения, тенденциозности в искусстве и т. д. С начала 30-х годов эстетические идеи К. Маркса и Ф. Энгельса стали рассматриваться в качестве целостной эстетической концепции, методологической базы советской эстетической науки. Истолкованию эстетического наследия классиков марксизма как стройной системы идей были посвящены работы М. Лифшица, Г. Лукача, Ф. Шиллера и др.[15]

В центре внимания исследователей марксистского эстетического наследия встали такие проблемы, как сущность эстетического отношения к действительности, относительная самостоятельность и противоречивость развития искусства в классовом обществе, неравно-

[13] Марксистское искусствознание и В. М. Фриче. М., 1930, с. 29.

[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Об искусстве. М., 1933; К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1937.

[15] См.: *Лифшиц М.* К вопросу о взглядах Маркса на искусство. М.; Л., 1933; *Он же.* Вопросы искусства и философия. М.; Л., 1935; *Шиллер Ф.* Энгельс как литературный критик. М.; Л., 1933; *Лукач Г. Ф.* Энгельс как теоретик литературы и литературный критик.— Лит. критик, 1935, № 8; *Он же.* Литературные теории XIX века и марксизм. М., 1937.

мерность уровня развития художественной культуры по отношению к экономическому и социальному прогрессу.

Одновременно развернулась борьба за ленинский этап в эстетике, продвинувшая решение многих сложных вопросов эстетической теории. Основной круг вопросов, связанных с применением ленинской теории отражения к эстетической проблематике, был освещен в труде А. Луначарского «Ленин и литературоведение» (1932).

Если в начале 30-х годов в борьбе против лозунга «За плехановскую ортодоксию» была допущена несправедливо резкая «проработочная» критика эстетики Г. В. Плеханова, то в дальнейшем, с появлением работ М. М. Розенталя, С. Гольдентрихта, В. Ф. Асмуса, эстетические взгляды Г. В. Плеханова рассматривались всесторонне и объективно, с учетом их сильных и слабых сторон [16].

Углубление проблематики советской эстетики сказалось также в пристальном изучении домарксистской эстетической мысли. В этом отношении активная роль принадлежала журналу «Литературный критик», где были опубликованы статьи об эстетических взглядах Гете, Канта и других классиков мировой эстетики.

Значительное внимание уделялось исследованию эстетики русских революционеров-демократов, освещению их борьбы за реализм и народность искусства. В арсенал советской эстетики значительно полнее, чем прежде, вошли суждения об искусстве крупнейших философов и художников прошлого. Во второй половине 30-х годов были опубликованы «Лекции по эстетике» Гегеля, изданы сборник «Бальзак об искусстве», книга Эккермана «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» со вступительной статьей В. Асмуса. Впервые с марксистских позиций были исследованы взгляды величайших представителей мировой эстетической мысли материалистического направления. В изучение материалистической линии в истории эстетической мысли серьезный вклад внесли работы Д. Гачева о Дидро, И. Альтмана о Лессинге, В. Р. Гриба о Бальзаке и эстетике немецкого просвещения и др.[17]

В 20—30-х годах на позиции марксистской эстетики перешли такие крупнейшие мастера и теоретики искусства, как К. С. Станиславский, Б. Асафьев-Глебов и др. Преодолевая влияние бергсонианства, эмпириокритицизма и других идеалистических течений, Б. Асафьев глубоко разработал вопрос о специфике музыки как интонационно-образного искусства. Раскрывая сложно опосредованный характер отображения действительности в музыкальном искус-

[16] См.: *Розенталь М.* Эстетические взгляды Плеханова. М., 1936; *Он же.* Искусство и пролетариат в эстетике Плеханова.— Лит. критик, 1938, № 9/10; *Гольдентрихт С.* Некоторые вопросы эстетики Плеханова.— Под знаменем марксизма, 1939, № 9; *Асмус В.* Вопросы эстетики в работах Г. В. Плеханова.— Под знаменем марксизма, 1943, № 6.

[17] См.: *Гачев Д.* Эстетические взгляды Дидро. М., 1936; *Альтман И.* Лессинг и драма. М., 1939; *Гриб В. Р.* Избранные работы. М., 1956.

стве, Б. Асафьев показал особые возможности музыки в передаче внутреннего мира людей, их эмоций.

Крупные успехи были достигнуты в 20—30-х годах в развитии эстетической теории советской архитектуры. В работах братьев Весниных, М. Гинзбурга и других советских архитекторов обосновывалось единство эстетического и функционально выразительного в современном индустриальном строительстве, выдвигалась идея создания новых архитектурных типов, исходящих из функционального содержания здания.

Ведущее значение в развитии советской эстетики 30-х годов приобрела теоретическая деятельность А. М. Горького. Глубоко анализируя специфику искусства, природу творческого процесса, М. Горький дал убедительную критику иррационалистических концепций художественного творчества, попыток представить искусство формой интуитивного познания. Он выступал против, «может быть, невольного и бессознательного стремления писателя понизить роль мысли, показать ее бессилие против „сверхразумного" или „подсознательного"»[18]. Возражая тем, кто считал, что в творчестве «интуиция преобладает над разумом», М. Горький утверждал, что художник «должен стремиться к равновесию в нем силы воображения с силою логики, интуитивного начала и рационального»[19].

Одновременно М. Горький отвергал узкорационалистическое понимание искусства, различал интуитивное и бессознательное и разъяснял, что в отличие от «бессознательного» творчества интуиция — это то, что «еще не включено в сознание, но в опыте уже есть»[20]. По мнению М. Горького, в художественной литературе фантазия, выдумка, интуиция играют важную роль[21].

М. Горький показывал неисчерпаемые возможности реалистического творчества, включающего художественный анализ и синтез, наблюдение и интуицию, глубокое знание жизни и смелый полет фантазии. Подчеркивая право искусства на художественное преувеличение, М. Горький часто употреблял понятие преувеличения в смысле художественного обобщения, концентрации в одном образе черт, вскрывающих смысл множества аналогичных явлений.

Рассматривая социалистический реализм как качественно новое направление в искусстве, возбуждающее в людях «гордый», радостный пафос», воспитывающее революционное миропонимание, мироощущение, М. Горький главный признак социалистического реализма видел в умении смотреть на прошлое и настоящее с высоты великих целей будущего[22].

Последовательно выступая против схематизма и упрощенчества в искусстве, М. Горький раскрывал значение реалистической типи-

[18] *Горький А. М.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1949—1955, т. 25, с. 23.
[19] Там же, т. 27, с. 229.
[20] Там же, с. 414.
[21] См.: Там же, т. 25, с. 83.
[22] См.: Там же, т. 27, с. 12—13.

зации. Он подчеркивал, что «один только классовый признак еще не дает живого, цельного человека, художественно оформленный характер». М. Горький считал, что «нужно в каждой изображаемой единице найти, кроме общеклассового, тот индивидуальный стержень, который наиболее характерен для нее и в конечном счете определяет ее социальное поведение»[23]. М. Горькому принадлежат существенные заслуги в разработке категории народности искусства, в критике буржуазно-идеалистических элитарных теорий, умаляющих роль народных масс в развитии художественной культуры, а также модернистских направлений в искусстве и эстетике.

Мысль М. Горького о необходимости борьбы против переоценки культурной роли буржуазии способствовала более глубокому уяснению советской эстетикой ленинского учения о двух культурах. Опираясь на это учение, советские исследователи выступили с развернутой критикой упрощенных социологических схем в эстетике и искусствоведении.

На основе изучения основополагающих идей классиков марксизма о правдивости и тенденциозности художественного творчества в советской эстетике стала складываться новая концепция реализма, учитывающая обусловленность типических характеров типическими обстоятельствами, внутреннюю логику художественных образов и широкие возможности реалистического метода в воспроизведении правды жизни. Исходя из методологических принципов ленинских статей о Л. Н. Толстом, где творчество великого художника рассматривалось с учетом противоречивого единства «сильных» и «слабых» сторон его мировоззрения, советские эстетики раскрывали объективное отношение творчества художника к коренным проблемам его эпохи, показывали необходимость анализа всей совокупности общественных отношений эпохи для определения классового характера творчества того или иного художника. В 30-х годах было осознано значение категорий гуманизма и народности как критериев прогрессивности искусства, в центре внимания исследователей встали вопросы объективно-познавательной ценности искусства[24]. Значительную роль в борьбе с вульгарным социологизмом сыграл журнал «Литературный критик» (1933—1940).

VII конгресс Коминтерна обратил внимание на опасность «левого» сектантства. В связи с этим советские исследователи обратились к более пристальному исследованию гуманистической традиции в истории художественной мысли человечества. В докладе И. К. Луппола на Международном конгрессе писателей в июне 1935 г. прозвучал призыв к современным гуманистам, страдающим

[23] См.: *Горький А. М.* Указ. соч., т. 26, с. 415—416.

[24] См.: *Розенталь М.* О марксиствующих критиках и о социальном анализе.— Лит. критик, 1936, № 1, 9; *Он же.* Против вульгарной социологии в литературной теории. М., 1936; *Он же.* Борьба Ленина против вульгаризации марксизма.— Лит. критик, 1937, № 8; *Денисова Л.* Энциклопедия вульгарной социологии.— Лит. критик, 1937, № 5.

от фашистского издевательства над культурой, объединиться в деле борьбы за защиту культурных ценностей человечества. В противовес «левацкому» принижению художественного наследия И. Луппол обосновывал вывод о том, что «генезис пролетарской культуры прослеживается в глубь веков»[25].

Серьезный удар по вульгарному социологизму, сводившему «всю сложность и все значение творчества того или иного писателя к элементарнейшей классовой характеристике», был нанесен выступлениями партийной печати, в частности на страницах ее центрального органа — газеты «Правда»[26]. Разработка идеи о непреходящем значении творчества классиков стимулировала внимание советских исследователей к категории народности в искусстве. Широкая публикация в середине 30-х годов работ о народных истоках творчества классиков была связана также с обострившимся интересом к национальному культурному наследию, к отечественным патриотическим традициям, фольклору.

Критике вульгарно-социологических тенденций в эстетике и искусствознании в середине 30-х годов был посвящен ряд работ. Однако со второй половины 30-х годов в процессе борьбы с упрощенным, схематическим пониманием классовости искусства наметилась противоположная крайность. Развенчание вульгарного социологизма породило у некоторых исследователей сомнения в плодотворности социологического подхода к искусству. Абсолютизация идеи о народных истоках творчества классиков, чрезмерно расплывчатое, внеисторическое использование понятий «народность» и «гуманизм» приводили к снятию проблемы объективной исторической ограниченности художников прошлого, к модернизации и искусственному «улучшению» классического наследия. В эти годы получила некоторое распространение теория «единого потока», согласно которой все развитие прогрессивного искусства прошлого стало рассматриваться как свободный от классовых противоречий единый поток передового и народного творчества.

В 30-х годах советские эстетики серьезное внимание уделяли изучению специфики искусства. В работах И. И. Виноградова[27] специфика художественного творчества усматривалась в основном в образной форме (обобщение, сохраняющее индивидуальный облик). Л. И. Тимофеев выступил против отождествления содержания науки и искусства, доказывая, что индивидуализация и художественный вымысел как особая форма познания действительности вытекают из предмета художественного творчества. Он отстаивал поло-

[25] *Луппол И.* Проблема культурного наследства.— Под знаменем марксизма, 1935, № 4

[26] См.: Правда, 1936, 8 авг

[27] См.: *Виноградов И.* Проблема спецификума литературы.— РАПП, 1931, № 1; *Он же.* О специфике литературы.— Лит. современник, 1933, № 9; *Он же.* Вопросы марксистской поэтики. М., 1936.

жение о том, что человек в своей целостности, всесторонности отражается только в художественном творчестве [28].

Важное место в эстетических спорах 30-х годов занял вопрос о соотношении мировоззрения и метода. Дискуссия вокруг этой проблемы была открыта статьями П. Ф. Юдина и М. М. Розенталя, в которых отвергалось положение о тождестве данных категорий и доказывалось, что диалектический материализм должен применяться в искусстве с учетом специфических закономерностей художественного творчества. П. Юдин и М. Розенталь защищали идею о ведущей роли реалистического метода по отношению к мировоззрению. «Объективное значение событий и характеров, изображенных в произведении,— писал П. Юдин,— неизбежно определяет мировоззрение и идейную направленность самого произведения»[29]. Эта точка зрения получила развитие в статьях М. Розенталя, где противоречие между мировоззрением и методом рассматривалось как противоречие между взглядами художника на мир и результатами художественного познания. М. Розенталь утверждал, что великие реалисты прошлого давали правдивое изображение своей эпохи вопреки своему мировоззрению и благодаря своему художественному методу. В их творчестве мировоззрение встречало «противодействие в лице самой жизни, которая живыми фактами убеждает художника, что действительность, ее процессы, ее течения совершенно иные, чем ему кажется согласно своему мировоззрению»[30]. В процессе творчества влияние объективной действительности преодолевает влияние собственного сознания художника. Тщательное изучение и глубокое знание художником жизни направляют его творчество по пути реализма, который вопреки исторически ограниченным взглядам автора проявляется в правдивом изображении действительности.

Сторонники данной точки зрения, выдвинутой в полемике с вульгарными социологами, подчеркивали активную роль художественного метода, способность искусства глубоко познавать правду жизни. Однако утверждения о том, что великие победы реализма в творчестве крупнейших художников прошлого были достигнуты вопреки их мировоззрению, вели к принижению роли мировоззрения в искусстве. При этом мировоззрение рассматривалось крайне суженно, конструировалось из чисто теоретических высказываний художника. Концепция, согласно которой политические и философские взгляды художников прошлого не оказывали существенного влияния на их творчество, была своеобразной данью представлениям о бессознательном, чисто интуитивном характере художественного процесса.

[28] См.: *Тимофеев Л.* Литературный образ и поэтический язык.— Лит. критик, 1934, № 4, с. 10—11.

[29] Лит. критик, 1933, № 1, с. 24.

[30] *Розенталь М.* Мировоззрение и метод в художественном творчестве.— Лит. критик, 1933, № 6, с. 24.

В ходе дискуссии, развернувшейся в середине 30-х годов вокруг проблемы мировоззрения и метода, был подвергнут критике разрыв мировоззрения и метода в художественном творчестве. Участники дискуссии доказывали, что метод призван обогащать, развивать мировоззрение [31]. В ряде работ справедливо отмечалось, что действительность оказывает влияние не только на метод, но и на формирование мировоззрения художника. С этой точки зрения следует иметь в виду не только противоречия метода и мировоззрения, но и противоречия в самом мировоззрении художника, отделять ограниченное и реакционное от прогрессивных и демократических элементов в его мировоззрении. Такой подход к анализу взаимоотношений мировоззрения и творчества нашел выражение в работах В. Гриба, И. Виноградова и др.[32]

Широко развернувшееся изучение исторических этапов в развитии реализма подтверждало вывод о гуманистической проблематике творчества классиков, о народном характере их эстетических идеалов [33].

В 30-х годах сложилась концепция так называемого большого реализма, сильной стороной которой была критика суженного понимания реализма как фотографической верности изображения, как правдоподобия деталей, раскрытие объективно-познавательных возможностей реалистического метода. Однако при этом некоторые авторы приходили к отождествлению реализма с правдивостью и прогрессивностью искусства, сводили все поступательное развитие художественного образного мышления к развитию одного лишь реалистического направления.

Концепция «большого реализма» получила особенно отчетливое выражение в работах Г. Лукача, который вершиной реалистического искусства объявил критический реализм XIX в. Существенной стороной эстетической концепции Г. Лукача была идея о все нарастающем разложении искусства при капитализме, которое кладет конец бескорыстному исследованию и непримиримой критике действительности. Со второй половины XIX в., по мнению Г. Лукача, на судьбы западной художественной культуры, оказавшейся во власти прогрессирующего «разрушения разума», все более заметный отпечаток накладывает философский иррационализм. Основным противоречием художественного развития XX в. Г. Лукач считал противоречие между реализмом и декадентством. В дискуссиях последующих лет была показана ограниченность этой концепции, поскольку она игнорировала новые возможности критического реализ-

[31] См.: В спорах о методе. Л., 1934.

[32] См.: *Виноградов И. И.* Вопросы марксистской поэтики. М., 1936; *Гриб В. Р.* Избранные работы. М., 1956.

[33] См.: Французский реалистический роман XIX века. М., 1932; Из истории реализма XIX века на Западе. М.; Л., 1934; Реализм XVIII века на Западе. М., 1936; *Лукач Г.* К истории реализма. М., 1939; *Переверзев В.* У истоков русского реального романа. М., 1937.

ма в западном искусстве, открывшиеся в XX в., а также обходила реальные противоречия творческого развития многих выдающихся художников современности.

В развитии эстетической мысли в 30-х годах важное место принадлежало разработке проблем теории социалистического реализма. В ходе дискуссии 1932—1934 гг., предшествовавшей I съезду советских писателей, а также на самом съезде (1934) наряду с эстетиками, критиками, писателями выступили видные деятели Коммунистической партии (А. А. Жданов, А. С. Бубнов, А. И. Стецкий, А. В. Косарев и др.). В полемике с трактовкой социалистического реализма как стиля искусства А. Лупачарским была выдвинута мысль о многообразии стилей, которое прямо вытекает из метода социалистического реализма [34]. Признание эстетического богатства и многообразия социалистического реализма нашло выражение в принципиальном положении принятого съездом Устава Союза писателей СССР: «Социалистический реализм обеспечивает художественному творчеству исключительную возможность проявления творческой инициативы, выбора разнообразных форм, стилей, жанров».

Творческий импульс обсуждению проблем социалистического реализма дали горьковские идеи о соотношении социалистического и критического реализма (последнее понятие было впервые выдвинуто М. Горьким), об активном и пассивном романтизме, о методе революционной романтики в социалистическом реализме. Вместе с тем некоторые идеи М. Горького подверглись догматической канонизации в работах ряда исследователей (Е. Добин и др.), которые увидели в отстаивании революционной романтики установку на «приподымание» действительности в искусстве, на идеализацию жизни. Утверждалось, что в отличие от критического реализма, якобы лишенного положительных идеалов, социалистический реализм в изображении советской действительности лишен всяких критических начал. На I съезде советских писателей многие делегаты выступили против такого упрощенного толкования утверждающего характера социалистического реализма, справедливо считая, что оно ведет к сусальности, слащавости, бодрячеству, приукрашиванию действительности. На съезде получила признание идея об исходящей из самой действительности революционной романтике как неотъемлемой составной части метода социалистического реализма.

Дискуссии по вопросам творческого метода советского искусства продолжались и во второй половине 30-х годов. Обсуждение проблем формализма и натурализма в искусстве, открытое в 1936 г. редакционными статьями «Правды», показало, что советские художники в подавляющем большинстве отвергают формалистические и натуралистические тенденции. Вместе с тем в ряде статей, по-

[34] См.: *Лупачарский А. В.* Статьи о советской литературе. М., 1958.

явившихся в ходе этой дискуссии, всякое художественное экспериментирование, искание новых форм в искусстве расценивались как проявление формализма и эстетства, а все, что не соответствовало узко понимаемому эталону «простоты», осуждалось как «мелкобуржуазное новаторство» и «левацкое уродство».

В дискуссиях конца 30-х — начала 40-х годов наметилась линия борьбы против широко распространившихся в искусстве и эстетике тенденций к облегченному, приукрашенному изображению советской действительности. Теоретическим обоснованием этих тенденций служили взгляды на развитие социалистического общества как на процесс, в котором отсутствуют внутренние противоречия и конфликты [35]. Против подобных взглядов, противоречивших практике жизни и творческому опыту советского искусства, выступали многие советские художники и критики (А. С. Макаренко, Г. Усиевич и др.).

Эстетические дискуссии 30-х годов не получили своего завершения. Однако непреходящие теоретические достижения, завоеванные советской эстетикой в переходный период от капитализма к социализму, послужили ценной основой для более всесторонней разработки эстетической проблематики в последующие десятилетия.

Существенными теоретическими завоеваниями, равно как и преодолением серьезных противоречий и трудностей в развитии эстетической мысли, характеризуется период, когда в Советском Союзе завершалось создание основ социализма.

Развитие советской эстетической мысли (преимущественно в публицистических формах) продолжалось в годы Отечественной войны, когда особое внимание уделялось раскрытию патриотического пафоса и народности искусства, вопросам национально-патриотических и освободительных традиций художественной культуры [36]. Проблема гражданской ответственности и высокой общественной роли художника в годину исторических испытаний, выпавших на долю его Родины, была в центре критических выступлений А. Фадеева, Н. Тихонова, И. Эренбурга и др. В докладе А. Толстого «Четверть века советской литературы» на юбилейной сессии Академии наук в ноябре 1942 г. раскрывались гуманистический пафос, новаторство и идейно-нравственные основы литературы социалистического реализма.

Развитие эстетической и критической мысли первых послевоенных лет определили во многом Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам (1946—1948 гг.). В этих постановлениях подчеркивались партийность, идейность, народность, активно преобразующая роль советского искусства, его неразрывная связь с политикой, враждебность безыдейности и формализму. Вместе с тем

[35] См.: Под знаменем марксизма, 1940, № 6, с. 54, 75.

[36] См.: *Тимофеев Л.* Советская литература и война.— Знамя, 1942, № 11; *Еголин А.* Величие русской литературы.— Большевик, 1942, № 22; *Дурылин С.* Идея и образ Родины в русской литературе.— Октябрь, 1942, № 3/4; *Асмус В.* Вопросы реализма в эстетике Льва Толстого.— Под знаменем марксизма, 1943, № 1/2.

в то время были допущены несправедливые, неоправданно резкие оценки творчества ряда крупных мастеров советского искусства. Односторонние оценки, выражавшие субъективистский подход к художественному творчеству, были исправлены в Постановлении ЦК КПСС от 28 мая 1958 г. и в выступлениях партийной печати второй половины 50-х годов.

Центральное место в эстетической мысли 40-х годов занимали проблемы реализма и народности искусства. В работах этого периода особое внимание обращалось на объективно-познавательное значение художественного творчества, связанное с широтой и глубиной знания и понимания жизни художником.

В конце 40-х — начале 50-х годов в эстетической литературе получила распространение «широкая» трактовка реализма, при которой реализм объявлялся непременным следствием демократизма и народности общественной позиции художника. При таком подходе из поля зрения исследователя выпадало качественное своеобразие различных этапов в развитии реалистического метода. Более того, искусство классицизма, сентиментализма, прогрессивного романтизма зачастую рассматривалось как разновидность реалистического творчества.

Внеисторический подход наложил отпечаток и на трактовку понятия народности. Подъем национального самосознания советских социалистических наций, обращенность его не только к настоящему, но и к прошлому народов СССР вызвали у некоторых исследователей стремление рассматривать творчество выдающихся художников прошлого как выражение народных идеалов, свободное от противоречий и классовой ограниченности. Такой подход, по существу, игнорировал ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре прошлого.

В первое послевоенное десятилетие продолжалось изучение вопросов социалистического реализма, идейно-художественного новаторства этого метода и роли классических традиций в его развитии [37]. В разработку теоретических представлений о социалистическом реализме существенный вклад внесли статьи и выступления по вопросам искусства выдающихся советских писателей: М. Шолохова, А. Фадеева, Л. Леонова, К. Федина, И. Эренбурга, А. Твардовского, М. Исаковского и др. Эстетическое своеобразие творческого метода советского искусства исследовалось в работах литературоведов и искусствоведов.

Однако на протяжении первого послевоенного десятилетия теоретическая работа в области эстетики была во многом свернута. В критических и теоретико-публицистических работах этого перио-

[37] См.: *Мотылева Т.* Об утверждающем и критическом начале в социалистическом реализме.— Октябрь, 1947, № 12; Проблемы социалистического реализма. М., 1948; *Мясников А.* Об основных чертах социалистического реализма.— Большевик, 1951, № 24; *Бурсов Б.* «Мать» М. Горького и вопросы социалистического реализма. М.; Л., 1951; *Тимофеев Л.* О социалистическом реализме.— Октябрь, 1952, № 4.

да проявлялись узконормативистский подход к социалистическому реализму, сведение этого понятия к совокупности определенных догм и правил.

Понижение культуры эстетического анализа было связано с оправданием риторики, декларативности, приукрашивания жизни в искусстве. «Лакировка» действительности «обосновывалась» в «теориях» бесконфликтности и «идеального героя», согласно которым положительный герой советского искусства должен представлять некое идеальное существо, лишенное всяких недостатков и внутренних противоречий характера. Следование канонам бесконфликтности обусловило серьезное отставание драматургии и театра, отмеченное в 1952 г. в статье «Правды», где подчеркивалось, что вульгарная «теория затухания конфликта» приводит к антиреалистическому, однобокому изображению действительности [38].

Вульгаризаторские наслоения в советском искусстве и эстетике, проявившиеся в первые послевоенные годы, были преодолены на XX и последующих съездах партии, открывших простор для творческого развития марксистско-ленинской общественной науки.

С середины 50-х годов наметились серьезные и плодотворные сдвиги в развитии советской эстетической мысли.

На II съезде советских писателей (1954) были осуждены рецептурно-нормативные представления о социалистическом реализме, иллюстративистские концепции, трактовавшие художественный образ как внешнюю оболочку заранее заданного идейного содержания. Снижение эстетических критериев в оценке произведений искусства связывалось с отставанием эстетической науки, со слабой разработанностью ряда кардинальных теоретических проблем художественного творчества, с подменой творческой мысли цитатничеством.

В борьбе с догматическими тенденциями в эстетике важную роль сыграла редакционная статья журнала «Коммунист» «К вопросу о типическом в литературе и искусстве», которая подвергла критике схоластические формулы, ошибочно связывавшиеся на протяжении ряда лет с точкой зрения партии на искусство. Эти формулы гласили, что типическое сводится к сущности данного социально-исторического явления. Статья указывала, что сведение всего содержания типических образов к одной лишь социальной сущности ведет к насилию над этими образами, к оскоплению их, мешает понять общечеловеческие черты многих типических образов, которые волнуют во все времена людей различных социальных групп [39].

Статья журнала «Коммунист» обращала внимание на вульгаризаторский смысл отождествления партийного и типического, на неправомерность механического перенесения ленинского понимания партийности в философии на искусство, без учета того, что принцип партийности в искусстве имеет свою специфику. Указывая на мно-

[38] См.: Преодолеть отставание драматургии.— Правда, 1952, 7 апр.
[39] См.: Коммунист, 1955, № 18.

гообразие способов художественной типизации, статья обращала внимание на то, что сомнительные рассуждения об исключительном герое, подразумевающие под исключительным малораспространенное, а также доктринерское утверждение преимуществ сознательного преувеличения, прямо связанное с установкой на приукрашивание действительности, представляют отступление от основного принципа реалистической эстетики — соответствия художественных образов правде жизни.

Во второй половине 50-х годов вышли первые коллективные обобщающие работы, систематически излагающие основные проблемы марксистско-ленинской эстетики [40]: сборники статей по вопросам теории искусства [41], монографии, посвященные анализу категорий содержания и формы, других эстетических категорий [42]. Были выпущены значительно более полные, чем раньше, снабженные богатым научным аппаратом сборники, систематизирующие высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам эстетики и искусства [43].

В это время советские исследователи обратились к более глубокому изучению вопроса о специфике искусства. Вопрос о специфике не только формы, но и объективного содержания искусства был поставлен в книге А. И. Бурова [44], вызвавшей оживленную дискуссию. А. Буров пришел к выводу, что специфическим предметом искусства является человек в единстве общего и индивидуального, в единстве духовных и физических, социальных и биологических, внешних и внутренних качеств, во всем реальном многообразии своих отношений к природе и обществу.

В книге А. Бурова было дано оригинальное решение вопроса о сущности эстетического. Красота — это истина особого качества, отражающая объективную тенденцию человеческой жизни к полноте ее проявления и вызывающая особое состояние эстетического переживания в воспринимающем субъекте. Представление о красоте фиксируется в понятии эстетического идеала, который является критерием эстетической оценки всех явлений действительности.

Во второй половине 50-х и в 60-х годах появился ряд работ, посвященных природе эстетического. Сторонники так называемой природной концепции эстетического (Н. Дмитриева, Г. Поспелов, П. Трофимов и др.) исходили из того, что эстетические качества действительности (наряду с механическими, физическими и хими-

[40] См.: Вопросы марксистско-ленинской эстетики. М., 1956; Очерки марксистско-ленинской эстетики. М., 1957; 2-е изд., 1960.

[41] См.: *Рюриков Б.* О богатстве искусства. М., 1956; *Кеменев В.* Статьи об искусстве. М., 1956; *Мейлах Б.* Вопросы литературы и эстетики. Л., 1958.

[42] См.: *Ванслов В.* Содержание и форма в искусстве. М., 1956; *Виноградов И.* Проблемы содержания и формы литературного произведения. М., 1958; *Борев Ю.* Основные эстетические категории. М., 1960.

[43] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1956; В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1957.

[44] См.: *Буров А. И.* Эстетическая сущность искусства. М., 1956.

ческими свойствами материальных предметов) существуют до и независимо от человеческого общества и что сущность красоты заключена в закономерностях материального мира. Для характеристики прекрасного они выдвигали такие понятия, как «симметричность», «соответствие частей внутри целого», «единство в многообразии», «высшая ступень в развитии жизни» и др.[45] Приверженцы «общественной» концепции[46] считали, что красота существует не как естественное свойство природы, а как свойство «очеловеченной», т. е. вовлеченной в систему человеческих отношений, природы, ставшей для человека значимой и ценной теми или иными свойствами, сходными с состояниями его жизни. Двойственная, субъективно-объективная, материально-духовная природа эстетических свойств действительности выводилась сторонниками «общественной» концепции из идейно-эмоционального отношения людей к конкретно-чувственным вещам и явлениям, из осмысления человеком полезности этих явлений для всего человеческого рода, из их «одухотворения» человеком в процессе труда. В дискуссии между «природниками» и «общественниками» были затронуты сложные философско-эстетические проблемы, требующие многостороннего анализа, основанного на данных современной науки и конкретного опыта художественного развития человечества и опирающегося на творческое развитие и применение диалектико-материалистической теории отражения. Вместе с тем споры, развернувшиеся по этому вопросу, были в значительной мере оторваны от живой практики искусства и нередко принимали абстрактно-схоластический характер.

В ходе дискуссии по вопросу о природе эстетического было выдвинуто положение о необходимости акспологического анализа проблемы эстетического[47]. При таком подходе красота осознается как особого рода ценность, т. е. как явление, образующееся во взаимосвязи субъекта и объекта. Объективная сторона эстетического выступает как ценность, а субъективная — как оценка. Одной из важных задач эстетической науки становится выяснение отношений между ценностью и оценкой, специфики эстетических ценностей и их взаимосвязи с другими классами ценностей.

Дискуссия о природе эстетического была тесно связана с осмыслением специфики искусства. В 60-х годах существенное значение в этом плане имела полемика вокруг так называемой производственно-практической концепции художественного творчества, сто-

[45] См.: *Дмитриева Н.* О прекрасном. М., 1960; *Поспелов Г.* Эстетическое и художественное. М., 1965.

[46] См.: *Ванслов В.* Проблема прекрасного. М., 1957; *Столович Л.* Эстетическое в действительности и искусстве. М., 1959; *Бореев Ю.* Введение в эстетику. М., 1965; *Гольденштейн С.* О природе художественного творчества. М., 1966.

[47] См.: *Товмасян С. С.* К вопросу об объективных критериях оценки произведений искусства. Ереван, 1955; *Габилая Ш. В., Квачахия В. М.* Социальная сущность эстетического. Тбилиси, 1965; *Крюковский Н. И.* Логика красоты. Минск, 1965; *Каган М. С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1963. Ч. 1; *Столович Л. Г.* Предмет эстетики. М., 1961.

ронники которой допускали ошибку, подвергая сомнению взгляд на искусство как на один из видов познания жизни; они объявляли такой взгляд выражением гегелевского «гносеологизма» в эстетике и видели специфику художественного освоения мира в «творчестве красоты» в отличие от научного освоения, представляющего «творчество истины». Приверженцы этой точки зрения утверждали, что эстетическое отношение к миру есть духовное утверждение человека в действительности, радостное чувство своих возможностей и сил и поэтому художником делает человека развитая способность творчески и свободно трудиться в области, наиболее соответствующей его внутренним задаткам. Отрицание роли искусства как специфической формы познания действительности приводило к безоговорочному распространению особенностей архитектуры и различных форм прикладного искусства на все виды художественного творчества. Критика производственно-практической концепции показала необходимость более углубленной разработки гносеологических проблем марксистской эстетики, таких категорий, как типизация, творческий метод и т. д.

Анализируя вопросы, связанные с гносеологической природой художественного образа, советские исследователи раскрыли несостоятельность понимания образа как чувственно-наглядного, конкретного оформления идей, положений, теорий, уже выработанных понятийным, научным мышлением[48]. Большое внимание было уделено творческому, «первооткрывательскому» началу в художественном мышлении.

Разработка вопроса о познавательных возможностях искусства способствовала более широкой трактовке проблемы творческого метода. Для советских эстетиков понятие метода характеризует исторически сложившиеся основные принципы художественного отбора, обобщения и оценки жизненных явлений. В ряде работ было обращено внимание на объективную сторону художественного метода, на те его черты, которые зависят не столько от художника, сколько от самой эпохи, выдвигающей тот или иной художественный метод[49]. Изучалась диалектика соотношения сознательного и бессознательного в художественном методе, в процессе художественного творчества.

В связи с обогащением представлений о сущности художественного метода в советской эстетике развернулась дискуссия о реализме. В 40-х и 50-х годах получила распространение концепция, сводившая всю историю искусства к борьбе реализма с антиреалистическими течениями по аналогии с борьбой материализма и идеализма в философии. Сторонники данной концепции ратовали за

[48] См.: *Егоров А.* Искусство и общественная жизнь. М., 1959; *Лармин О.* Эстетический идеал и современность. М., 1964; и др.

[49] См.: *Тимофеев Л.* Советская литература. Метод. Стиль. Поэтика. М., 1964; Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М., 1962.

трактовку реализма как извечного и универсального принципа художественного мышления. При таком «расширительном» подходе правдивость, прогрессивность и художественность искусства приписывались только реализму. «Есть лишь одно полноценное искусство и один полноценный метод — реализм»,— подчеркивалось в «Очерках марксистско-ленинской эстетики»[50].

В противовес этой концепции во второй половине 50-х годов и в 60-х годах была выдвинута и обоснована иная точка зрения, опирающаяся на понимание реализма как исторически сложившегося и развивающегося типа художественного мышления[51]. Здесь было выражено стремление выявить специфические черты художественной правды, характерные именно для реализма; зарождение реализма как метода относилось к эпохе Возрождения и выделялся ряд исторических этапов в развитии реализма. В тот же период была выдвинута концепция, по-иному ставившая вопрос об исторических границах реализма. Ее сторонники рассматривали реализм как осознанный художественный метод, сложившийся в XIX в.

Пытаясь определить основные признаки реалистического метода, различные исследователи выделяли такие принципы, как историзм, социальный детерминизм, саморазвитие характера, универсальность в изображении человека, полное развитие познавательной функции искусства и т. д.[52]

В книге В. Д. Днепрова «Проблемы реализма» (М., 1961), вызвавшей оживленную дискуссию в советской эстетике, нашла оригинальную разработку проблема соотношения реализма и дореалистических методов художественного творчества. Исследователь исходил из того, что формы соотношения действительности с исторически сложившимся эстетическим идеалом различны в разные эпохи развития искусства. В соответствии с этим В. Днепров предлагал различать идеализацию и типизацию как главные, исторически самостоятельные формы художественного обобщения. Идеализация присуща дореалистическим художественным методам, для которых характерна нормативная предопределенность образа. В отличие от этого реализм отказывается эстетически подчинять сущее должному и рассматривает действительность, какова она есть на самом деле, в ее отношении к идеалу. Типизация представляет форму художественного обобщения, присущую именно реалистическому методу. В то время как идеальный образ связан с преобладанием норма-

[50] Очерки марксистско-ленинской эстетики. М., 1956, с. 264.

[51] См.: *Лазарев В.* Искусство проторенессанса. М., 1956; Проблемы реализма в мировой литературе. М., 1959; *Вайман С. Т.* Марксистская эстетика и проблемы реализма. М., 1964.

[52] См.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., 1962. Т. I—III; *Петров С. М.* Реализм. М., 1964; *Вайман С. Г.* Марксистская эстетика и проблемы реализма. М., 1964; *Сучков Б. Л.* Исторические судьбы реализма. Размышления о творческом методе. М., 1967; 2-е изд., 1970; 3-е изд., 1973; *Вершман И. Е.* Проблемы художественного познания. М., 1967.

тивной функции искусства, типический образ существенно связан с преобладанием познавательной функции. Начиная с эпохи Возрождения, когда зарождался реалистический метод, типизация и идеализация на протяжении столетий сосуществовали в искусстве. Лишь со второй четверти XIX в. методы типизации получили преобладание, а реализм вытеснил все формы идеализирующего обобщения.

Л. Тимофеев разрабатывал концепцию о соотношении реалистического и романтического типов художественного творчества. Эта концепция, восходящая к взглядам М. Горького и А. Фадеева, рассматривала реализм и романтизм как извечные начала искусства. Реалистический тип творчества, по мнению Л. Тимофеева, характеризуется воспроизведением действительности в формах, присущих самой жизни, в то время как в романтическом искусстве заостряется тенденция к раскрытию таких начал, которые художник хочет приблизить, утвердить, в которых он видит соответствие своему идеалу, хотя и не может непосредственно соотнести их с действительностью [53].

Анализируя историческое взаимодействие различных типов художественного мышления и прослеживая основные этапы развития реалистического метода в искусстве, советские исследователи видят в социалистическом реализме высшее развитие принципов реалистического творчества, живой и развивающийся новаторский метод.

В свете решения проблем художественного метода советская эстетика разработала широкую концепцию мирового художественного развития XX в.[54] В работах исследователей 50—60-х годов была вскрыта несостоятельность догматического отнесения всех явлений несоциалистического искусства XX в. к буржуазному декадансу, а также ошибочность широко бытовавшей в 30—40-х годах теории, согласно которой развитие критического реализма со второй половины XIX в. представляло собой сплошную цепь эстетических утрат. В работах Т. Мотылевой, Б. Сучкова, Б. Зингермана и других исследователей, раскрывающих возрастающее многообразие реалистического искусства в современную эпоху, на широком историческом материале показано, что многие художественные явления в критическом реализме XIX в. можно и должно рассматривать как звенья в цепи перехода к искусству социалистического реализма. Вместе с тем в борьбе с концепциями «безбрежного реализма» советские авторы выступили против размывания границ между реализмом и модернизмом, показали, что размежевание этих противостоящих друг другу направлений обусловлено не различием в тех или иных художественных средствах и приемах, а коренной проти-

[53] См.: *Тимофеев Л.* Основы теории литературы. М., 1954, с. 135.

[54] См.: *Упит А.* Вопросы социалистического реализма в литературе. Рига, 1959; Социалистический реализм и художественное развитие человечества. М., 1966; *Овчаренко А. И.* Социалистический реализм и современный литературный процесс. М., 1968; Реализм и художественные искания XX века. М., 1969.

воположностью концепций мира и человека, принципиально различным отношением к проблеме гуманизма.

Советские исследователи подвергли дальнейшей разработке вопрос о соотношении метода и стиля в художественном творчестве. Понятие стиля в их работах обозначает общность образной системы, средств и приемов художественной выразительности. Выступая против канонизации тех или иных формальных признаков в качестве атрибутов «единого современного стиля», советские философы обосновали многообразие художественных форм и стилей как характерную особенность искусства социалистического реализма. Социалистическое искусство развивается одновременно в двух направлениях: ко все большему единству метода и ко все большему развитию индивидуальных стилей. Этот вывод находит подтверждение в работах, посвященных анализу взаимодействия метода и стиля, метода и творческой индивидуальности художника[55]. Плодотворные споры, развернувшиеся в 50—60-х годах, позволили углубить понимание коренных теоретических и методологических принципов эстетической науки, способствовали идейно-творческому развитию советского искусства.

Современный этап развития советской эстетической мысли связан с построением в СССР развитого социалистического общества. Новые, более широкие возможности решения экономических и социальных задач в условиях зрелого социализма нашли отражение, в частности, в существенном расширении сферы эстетического освоения действительности и в обогащении проблематики художественного творчества.

Кардинальные проблемы марксистско-ленинской эстетики нашли отражение в решениях XXIII—XXVI съездов КПСС. В этих и других партийных документах дается глубокий анализ закономерностей развития художественного творчества в эпоху зрелого социализма и научно-технической революции, указывается на недопустимость упрощенческого подхода к художественному творчеству.

Важную роль в развитии советской эстетической мысли сыграло принятое в 1972 г. постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Отметив возрастающую роль художественной культуры в коммунистическом строительстве, постановление подчеркивает значение литературно-художественной критики в утверждении революционных, гуманистических идеалов искусства социалистического реализма, в разоблачении реакционной сущности буржуазной «массовой культуры» и декадентских течений. Развивая традиции марксистско-ленинской эстетики, советская литературно-художественная критика должна сочетать точность идейных оценок, глубину социального анализа с эстетической взыскательностью.

[55] См.: Художественный метод и творческая индивидуальность писателя. М., 1964; Время, пафос, стиль: (Художественные течения в современной советской литературе). М., 1965.

В решениях XXVI съезда КПСС всесторонне раскрыта роль литературы и искусства в подъеме духовной жизни советского общества. «Партия приветствует свойственные лучшим произведениям гражданский пафос, непримиримость к недостаткам, активное вмешательство искусства в решение проблем, которыми живет наше общество»[56]. Вместе с тем на съезде было подчеркнуто, что проявления безыдейности, мировоззренческая неразборчивость, отход от четкой классовой оценки отдельных исторических событий и фигур способны нанести ущерб творчеству даже даровитых деятелей искусства.

Содержащиеся в решениях XXIII—XXVI съездов КПСС, в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, массово-политической работы» положения о необходимости творческого развития марксистско-ленинской теории, обобщения новых явлений жизни в полной мере относятся и к эстетической науке. Хотя во многих работах советских эстетиков еще не преодолена склонность к схоластическому теоретизированию, можно с полным основанием говорить о происходящем в последние годы плодотворном развитии различных областей эстетического знания.

Эстетика, как и другие философские науки, становится относительно более самостоятельной, более четко определяет в ряду других научных дисциплин свое место, свой специфический предмет и задачи. В работах 70-х годов преодолен своеобразный «искусствоцентризм», характерный для предшествующих лет, осознана несводимость эстетического к художественному. Эстетическая деятельность неизмеримо шире художественной, хотя последняя составляет его высшее, концентрированное выражение, своеобразный «резервуар», насыщающий эстетическим содержанием общественное и индивидуальное сознание в тех видах творческой деятельности, которые направлены на решение по преимуществу внехудожественных задач.

Современный этап развития советской эстетической науки отмечен появлением целого ряда трудов, освещающих важнейшие категории и проблемы марксистско-ленинской эстетики, определяющих ее предмет и связи с другими науками[57]. Некоторые из этих работ используются как учебники или учебные пособия для различных ступеней и форм обучения.

В книге А. Г. Егорова «Проблемы эстетики» (М., 1974; 2-е изд., 1977) обобщены и исследованы наиболее актуальные проблемы эстетической культуры общества зрелого социализма. В центре внимания автора находятся такие вопросы, как структура марксистско-

[56] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 62.

[57] См.: *Еремеев А. Ф.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Свердловск, 1960—1970. Т. I—III; *Каган М. С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. 2-е изд. Л., 1971; Марксистско-ленинская эстетика. М., 1973; *Борев Ю. Б.* Эстетика. 2-е изд. М., 1975; 3-е изд., 1981; *Буров А.* Эстетика. Проблемы и споры. М., 1975; *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; *Барабаш Ю.* Вопросы эстетики и поэтики. М., 1978.

ленинской эстетической науки, роль искусства в общественной жизни, закономерности развития социалистического искусства. А. Егоров освещает взаимосвязь между художественно-образным и научным отражением действительности, диалектику классового, национального и интернационального в искусстве. В книге вскрывается несостоятельность попыток подмены философской методологии марксизма-ленинизма методами структурного или семиотического анализа и одновременно обосновывается возможность использования аналитических подходов частных наук (семиотики, психологии и т. д.) при исследовании художественных явлений.

В монографии А. Я. Зися[58] исследуется социальная сущность и эстетическая природа искусства, характеризуются основные эстетические категории, служащие узловыми пунктами художественного познания мира. Рассматривая место каждого вида искусства в общей системе художественной культуры, А. Зись видит коренную основу деления художественного творчества на различные виды искусства в многогранности объективного мира: каждый вид искусства находит в нем свой предмет отражения. С этих позиций в книге последовательно обосновывается концепция своеобразной ценности всех видов искусства.

Заостряя внимание на сложных методологических вопросах эстетики, автор предостерегает против проявляющейся в некоторых работах односторонности в истолковании многогранной природы искусства и узловых эстетических категорий. А. Зись подчеркивает правомерность анализа знакового характера художественного творчества, но в то же время показывает, что семиотический подход к искусству имеет свои границы: он может играть положительную роль лишь при изучении коммуникативного аспекта в искусстве и ни в коей мере не может заменить социологического, гносеологического и эстетического анализа художественного творчества. В книге отвергаются претензии структуралистов, считающих, что использование категорий содержания и формы в эстетике ведет к «дуалистическому» анализу искусства и поэтому должно быть заменено понятием структуры. Данное понятие занимает существенное место в категориальном аппарате современной науки, но диалектика формы и содержания им никак не снимается.

В настоящее время советскими исследователями эстетика определяется как наука, изучающая закономерности эстетического освоения человеком действительности, специфику законов красоты и их проявление в различных сферах жизни[59]. Происходящее в последние годы широкое внедрение эстетических начал в материальное производство, быт и общественные отношения диктует чрезвычайно многообразную проблематику эстетических исследований.

[58] См.: *Зись А.* Искусство и эстетика. Традиционные категории и современные проблемы. 2-е изд. М., 1975.

[59] См.: *Кияшенко И. И.* Сущность прекрасного. М., 1977.

В 70-х годах усилилась разработка проблем эстетического сознания и его структурных составляющих: эстетического чувства, восприятия, оценки и т. д.[60] Эти комплексные проблемы решаются эстетикой во взаимосвязи с естественными (физиология), техническими (техническое проектирование и конструирование) и общественными (философия, социология, психология, педагогика) науками. Анализ теоретических проблем, возникающих на стыках между эстетикой и теорией информации, психологией восприятия и творчества, позволил углубить понимание соотношения образа и знака, отражения и моделирования в искусстве. Интеграция различных областей научного знания вызвала к жизни содержательные дискуссии, посвященные возможностям и границам применения математических, кибернетических, системных методов в исследовании художественных явлений[61].

Все шире развертывающийся процесс интеграции и дифференциации эстетической деятельности предопределил внимание советских исследователей к анализу эстетических аспектов трудовой деятельности и ее результатов, к разработке теории нового вида эстетической деятельности — дизайна. С 60-х годов активное развитие получил новый раздел эстетической науки — техническая эстетика, разрабатывающая теорию художественного конструирования в массовом индустриальном производстве[62].

Поставленная XXV и XXVI съездами КПСС задача не только удовлетворения, но и формирования потребностей, воспитания эстетических вкусов населения предполагает всестороннее решение таких малоразработанных проблем, как изучение эстетических способностей и потребностей, социология эстетических вкусов. Наряду с философским освещением проблем эстетических потребностей и эстетического вкуса[63] осуществляется обобщение конкретно-социологических исследований эстетического восприятия художественных явлений[64], исследуются социально-психологические и эстетические

[60] См.: Художественное восприятие. М., 1971; *Раппопорт С. Х.* Искусство и эмоции. М., 1972; *Гольдентрихт С. С., Гальперин М. П.* Специфика эстетического сознания. М., 1974.

[61] См.: *Переверзев Л.* Искусство и кибернетика. М., 1966; *Лотман Ю.* Структура художественного текста. М., 1970.

[62] См.: *Тасалов В. И.* Прометей или Орфей. Искусство технического века. М., 1967; *Кантор К. М.* Красота и польза: социологические вопросы материально-художественной культуры. М., 1967; *Безмоздин Л. Н.* Технический прогресс и эстетика труда. Ташкент, 1969; *Он же.* Художественно-конструктивная деятельность человека. Ташкент, 1975; *Повилейко Р., Левицкий Л.* Человек. Машина. Красота. Техническая эстетика. Проблемы и практика. Новосибирск, 1960; *Новикова Л. И.* Искусство и труд. М., 1974; *Она же.* Эстетика и техника: альтернатива или интеграция? М., 1976.

[63] См.: Проблема потребностей в этике и эстетике. Л., 1976; *Джидарьян И.* Эстетическая потребность. М., 1976.

[64] См.: *Цукерман В. С.* Музыка и слушатель. Опыт социологического исследования. М., 1972; *Кудрявцева С. П.* Эстетическая культура молодежи (интересы, запросы, суждения). Л., 1974; Проблемы социологии театра. М., 1974.

механизмы формирования моды[65]. Содержательные исследования посвящены анализу проблем эстетического воспитания[66], взаимоотношению этического и эстетического в жизни и искусстве[67].

Важные проблемы, освещаемые в эстетической литературе 70-х годов, связаны с анализом влияния научно-технической революции и ее социальных последствий на судьбы художественной культуры. Это влияние находит выражение в непосредственном воздействии достижений науки и техники на возникновение и обогащение выразительных возможностей старых видов искусства, в растущем интересе художников к впечатляющим достижениям современной науки и техники. Для эпохи НТР характерна тенденция к проникновению эстетических начал во все сферы жизнедеятельности людей. Растущему взаимодействию искусства и науки была посвящена дискуссия на страницах журнала «Вопросы философии» (1975, № 1, 8, 10 и 1976, № 10, 12), а также ряд монографических работ[68].

В свете общих закономерностей социального прогресса советские исследователи рассматривают исторические закономерности развития искусства, проблемы художественной преемственности и прогресса художественной культуры[69].

Одним из ведущих направлений исследовательской работы в области эстетики продолжает оставаться творческая разработка проблем социалистического реализма[70]. В работах 70-х годов ощущается стремление исследователей к единству типологического и системного подхода к социалистическому реализму, к анализу

[65] См.: Мода: за и против. М., 1973; *Петров Л. В.* Мода как общественное явление: (Анализ в социально-коммуникативном аспекте). Л., 1974.

[66] См.: *Кияценко Н. И.* Вопросы формирования системы эстетического воспитания в СССР. М., 1971; *Джибладзе Г.* Принцип эстетического воспитания. Тбилиси, 1971; *Лихачев Б. Т.* Эстетика воспитания. М., 1972; *Кабалевский Д. Б.* Прекрасное пробуждает доброе. Эстетическое воспитание. М., 1973; *Неменский Б. М.* Распахни окна: Мысли художника об эстетическом воспитании. М., 1974.

[67] См.: Искусство нравственное и безнравственное. М., 1969; Этическое и эстетическое. Л., 1971; *Столович Л. Н.* Природа эстетической ценности. М., 1972; *Толстых В. И.* Искусство и мораль: (О социальной сущности и функции искусства). М., 1973.

[68] См.: *Мейлах Б. С.* На рубеже науки и искусства. Л., 1971; Искусство и научно-технический прогресс. М., 1973; *Акопджанян Е. С.* Эстетическое в научном творчестве. Ереван, 1978; *Гулыга А. В.* Искусство в век науки. М., 1978.

[69] См.: *Парсаданов И. Я.* О поступательном характере развития искусства. М., 1964; *Конрад Н. И* Запад и Восток. М., 1966; *Лихачев Д. С.* Будущее литературы как предмет изучения.— Новый мир, 1969, № 9; *Ванслов В. В.* Прогресс в искусстве. М., 1973; *Бушмин А. С.* Преемственность в развитии литературы. Л., 1975; *Гончаренко Н. В.* Прогресс в искусстве. М., 1976.

[70] См.: *Дубровин А. Г.* Цель художника. М., 1972; *Незуитов А. Н.* Социалистический реализм в теоретическом освещении. Л., 1975; *Марков Д. Ф.* Генезис социалистического реализма. М., 1970; *Он же.* Проблемы теории социалистического реализма. М., 1978; Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969; *Метченко А. И.* Кровное, завоеванное. М., 1971; *Петров С. М.* Основные вопросы теории реализма. М., 1975; Социалистический реализм сегодня: Проблемы и суждения. М., 1977; *Куликова И. С.* Новаторская сущность метода социалистического реализма. М., 1979.

типологии стилевых течений, соотношения и взаимодействия художественных принципов отбора и типизации жизненных явлений как системы методообразующих факторов. В работах В. С. Сучкова и Д. Ф. Маркова эстетическая природа социалистического реализма рассматривается в связи с реальным многообразием художественных возможностей, дифференциацией художественных форм внутри творческого метода советского искусства. Социалистический реализм как система означает способность этого метода интегрировать завоевания других направлений искусства прошлого и современности в области выразительных средств на основе творческого переосмысления и преобразования идейно-эстетических функций художественных форм, зародившихся в русле иных художественных методов. Поэтика социалистического реализма представляет динамичный процесс расширения различных способов образной выразительности в рамках единой системы, постоянно обогащающейся в ходе поступательного движения художественной мысли. Концепция социалистического реализма как новаторской системы, способной к историческим изменениям, к обогащению идейных основ и развитию художественных принципов, разделяется многими советскими исследователями (Л. Тимофеев, В. Днепров, А. Бушмин, Г. Недошивин, А. Мясников и др.).

Советские исследователи подвергли глубокой аргументированной критике основные направления буржуазной эстетической мысли, эстетические концепции ревизионизма и «левого» экстремизма[71]. Критическое освещение путей решения современной буржуазной эстетикой коренных эстетических проблем дается в серии сборников

[71] См.: *Егоров А.* О реакционной сущности современной буржуазной эстетики. М., 1961; О современной буржуазной эстетике. М., 1963—1972. Вып. 1—3; *Днепров В. Д.* Черты романа XX века. М., 1965; *Хачикян Я. И.* Абстракционизм и художественное познание. Ереван, 1966; *Ермолаева В. Н., Толстых В. И.* Социалистический реализм и штампы буржуазной эстетики. Полемика. М., 1967; *Лифшиц М. А., Рейнгардт Л. Я.* Кризис безобразия. От кубизма к поп-арт. М., 1968; Борьба идей в эстетике. М., 1966; Критика основных направлений современной буржуазной эстетики. М., 1968; *Куликова И. С.* Сюрреализм в искусстве. М., 1970; *Афасижев М. Г.* Фрейдизм и буржуазное искусство. М., 1971; *Кияшенко Н. И., Лейзеров Н. Л.* Борьба идей в культуре и искусстве. М., 1972; *Суровцев Ю. И.* В лабиринте ревизионизма. Эрнст Фишер, его идеология и эстетика. М., 1972; Модернизм. Анализ и критика основных направлений. М., 1973; *Басин Е. Я.* Семантическая философия искусства: (Критический анализ). М., 1973; Борьба идей в эстетике. Марксистско-ленинская критика реакционных эстетических учений. М., 1974; *Лифшиц М. А., Рейнгардт Л. Я.* Незаменимая традиция. Критика модернизма в классической марксистской литературе. М., 1974; *Куликова И. С.* Философия и искусство модернизма. М., 1974; *Малахов Н. Я.* О модернизме. М., 1975; *Давыдов Ю. Н.* Эстетика нигилизма: (Искусство и «новые левые»). М., 1975; Буржуазная эстетика сегодня. М., 1975; *Долгов К. М.* Философия, искусство, политика: (Критика современных буржуазных концепций). М., 1976; *Куликова И. С.* Критика эстетических концепций современного буржуазного искусства. М., 1976; *Новиков А. В.* От позитивизма к интуитивизму: Критические очерки буржуазной эстетики. М., 1976; *Бореев Ю. Б.* Критика современных буржуазных эстетических концепций. М., 1977; *Овсянников М. Ф.* Искусство и капитализм. М., 1979; *Зись А. Я.* Конфронтации в эстетике. М., 1980.

«Теории, школы, концепции (критический анализ)» (М., 1975, 1977). Опыт совместного исследования усилиями марксистов различных стран вопросов идеологической борьбы в сфере эстетики и искусства нашел отражение в интернациональном сборнике «Борьба идей в эстетике. Марксистско-ленинская критика реакционных эстетических учений» (М., 1974). Подвергнув развернутой критике концепции дегносеологизации и деидеологизации искусства, авторы показали, что многочисленные течения современной буржуазной эстетики и эстетического ревизионизма смыкаются в неприятии теории отражения, в проповеди идей о банкротстве разума, якобы не способного проникнуть в сущность мира и человека. Определяющей чертой современного буржуазного сознания выступает философский иррационализм, трактовка искусства как мифотворчества, якобы позволяющая художнику с помощью языка символов и некоего мифического озарения проникнуть в еще не существующую реальность.

Роли искусства в борьбе идеологий посвящена книга М. А. Лифшица. В этой книге автор отмечает, что «в мире существуют две безусловно противоположные теоретические линии, за которыми стоят классовые интересы. С одной стороны, теория отражения действительности во всяком духовном творчестве, связанная для нас с именем Ленина. С другой — теория, согласно которой исходным пунктом духовного творчества является выражение внутренней стихийной силы субъекта вопреки объективному миру и его восприятию обыкновенным человеческим глазом»[72]. Вторая линия порождает «негативную логику модернизма», находящую закономерное завершение в поп-арте и других дикостях «современного стиля». Поэтому марксистская критика модернизма является также защитой абсолютного содержания искусства и заключенной в нем объективной эстетической истины.

Отмечая сложность современного модернизма, среди активных приверженцев которого встречаются и носители антикапиталистических настроений, ненавидящие общественную несправедливость, М. Лифшиц пишет: «Как бы ни было важно само по себе это субъективно-честное направление мысли, модернизм портит его, превращает в анархический бунт против лучших традиций человеческой культуры и подчиняет общему потоку идей, возвещающих наступление эры цивилизованного варварства. Учение Маркса и Ленина не безразлично к этому вопросу, ибо оно является закономерным результатом всего развития классической культуры и не имеет ничего общего с нынешним ретроградным настроением ведущих умов буржуазного мира»[73].

Для дальнейшего развития марксистско-ленинской эстетической теории важное значение имеет изучение истории эстетических уче-

[72] *Лифшиц М.* Искусство и современный мир. М., 1973, с. 97.
[73] Там же, с. 100.

ний. В 1963 г. вышла первая работа, систематически освещающая с марксистских позиций историю развития эстетической мысли, начиная с древнейших времен и кончая возникновением марксизма[74]. Вслед за выходом в свет в 60-х годах памятников мировой эстетической мысли в 5-и томах (главный редактор М. Ф. Овсянников) и завершением издания 4-томной «Эстетики» Гегеля осуществляется выпуск серии книг «История эстетики в памятниках и документах». Вышли в свет тематические сборники — антологии и хрестоматии[75].

В работах, посвященных ранним этапам развития художественной культуры и эстетической мысли, глубокое освещение нашли проблемы эстетического идеала, мифа и символа в античной и средневековой эстетике[76]. Вышли фундаментальные труды, освещающие важные этапы в развитии зарубежной эстетической мысли[77], а также труды, посвященные наследию русских революционных демократов[78], истории эстетических идей в советское время[79], появились очерки по истории эстетических учений народов СССР.

Наряду с трудами, всесторонне освещающими эстетические идеи классиков марксизма-ленинизма[80], осуществлены издания эстетических работ выдающихся пропагандистов марксизма: К. Либкнехта, А. В. Лупачарского, В. В. Воровского, С. Г. Шаумяна, Ю. А. Мархлевского, Г. Д. Димитрова, а также исследования, посвященные истории советской эстетической мысли[81].

[74] См.: *Овсянников М., Смирнова З.* Очерки истории эстетических учений. М., 1963.

[75] См.: Музыкальная эстетика Западной Европы XVII—XVIII вв. М., 1971; Идеи эстетического воспитания. Антология: В 2-х т. М., 1973; Музыкальная эстетика России XI—XVIII вв. М., 1973.

[76] См.: *Лифшиц М. А.* Античный миф, мифология, эстетическое воспитание. М., 1973; *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969; *Он же.* История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974; *Он же.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975; *Он же.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

[77] См.: *Асмус В. Ф.* Немецкая эстетика XVIII века. М., 1963; *Он же.* Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968; *Вакслов В. В.* Эстетика романтизма. М., 1966; *Давыдов Ю. Н.* Искусство и элита. М., 1966.

[78] См.: *Соловьев Г. А.* Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М., 1974; *Кружков В. С.* Н. А. Добролюбов. М., 1976.

[79] См.: *Передерий В. Ф.* Украинская революционно-демократическая эстетика. Киев, 1964. На укр. яз.; *Апресян Г.* Эстетическая мысль народов Закавказья. Домарксистский период. М., 1968; *Джаши Н.* Из истории грузинской советской эстетики. Тбилиси, 1969. На груз. яз.; *Дорошевич Э. К., Конон В. М.* Очерк истории эстетической мысли Белоруссии. М., 1972; *Вайткунас Г.* Очерк развития эстетической мысли в Литве. М., 1972.

[80] См.: Ленин и искусство. М., 1969; Эстетическое наследие В. И. Ленина и проблемы искусства. М., 1971; *Лифшиц М.* Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. М., 1972; *Лукин Ю. А.* Ленин и теория социалистического искусства. М., 1973; *Овсянников М. Ф.* Эстетическая теория К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. М., 1974.

[81] См.: Из истории советской эстетической мысли. М., 1967; *Лейзеров Н. Л.* В поисках и борьбе. Из истории эстетических воззрений и эстетического воспитания в советской России. М., 1971; Из истории советского искусствоведения и эстетической мысли 1930-х годов. М., 1977.

* * * * *

Достижения советской эстетической мысли завоеваны в процессе овладения марксистско-ленинской методологией, в принципиальной борьбе с антинаучными, идеологически враждебными тенденциями. На всех этапах движение советской эстетической науки сохраняло преемственность, выражающуюся в разработке «сквозных» теоретических проблем, имеющих важное значение для развития всей сферы эстетического освоения действительности, и в особенности для художественного творчества.

Советская эстетика разрабатывает теоретико-методологические основы литературоведения, искусствознания и литературно-художественной критики, прежде всего — принципы историзма в оценке художественных явлений, органического единства гносеологического, социологического и эстетического подходов к анализу художественного творчества.

Советская эстетическая наука с марксистско-ленинских позиций всесторонне анализирует основные этапы в истории мировой эстетической мысли, дает критический анализ буржуазных и ревизионистских эстетических концепций.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА

Научный атеизм представляет собой комплексную систему взглядов, которая сформировалась в рамках философии, истории, этнографии, археологии, психологии, социологии и других дисциплин. Хотя проблематика научного атеизма в достаточной мере определилась, становление его как науки еще не закончено. Процесс интеграции, приведший к его созданию, продолжается. Как и в любой другой науке, интеграция дополняется встречным процессом — процессом дифференциации. Создается структура научного атеизма. Происходит специализация исследователей, занимающихся его проблематикой. В настоящее время функционируют такие научные дисциплины, как история религии и атеизма, психология, социология религии и т. д. Углубленно изучаются отдельные конфессии и религиозные направления (существует, например, исламоведение, сектантствоведение и т. п.).

Раздел научного атеизма, исследующий философские проблемы религии и атеизма, тесно соприкасается с различными отраслями философского знания.

История советского общества на практике дала положительный ответ на поставленный еще Пьером Бейлем вопрос о преходящем характере религии, о возможности существования общества, свободного от религиозных иллюзий. Нашей стране первой в истории пришлось решать задачи того основного этапа секуляризации общественной жизни, когда речь идет не о частичном ограничении, а о радикальном преодолении влияния религии на бытие и сознание масс. Впервые в истории создано общество, в котором господствует научно-материалистическое мировоззрение. Это не только важное достижение социализма и показатель его зрелости, но и глубокий качественный скачок в духовной истории человечества.

В первые послереволюционные годы атеистическое движение в СССР развертывалось под непосредственным руководством В. И. Ленина. В. И. Ленин творчески обогатил научный атеизм, определил принципы политики Коммунистической партии и Советского государства в отношении религии и церкви. Эти принципы развивались и конкретизировались в ходе разработки и осуществления первых декретов Советской власти, особенно Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, второй Программы партии, резолюций VIII, X, XII съездов РКП(б), ряда постановлений ЦК РКП(б), принятых в 1917—1923 гг. Вопросы научного атеизма ставились во многих работах В. И. Ленина: «Речь на I Всероссийском съезде работниц» (1918), «О задачах Союзов молодежи» (1920), «О значении воинствующего материализма» (1922) и др.

В. И. Ленин теоретически обосновал и последовательно проводил на практике принцип подчинения атеистической пропаганды основной задаче Коммунистической партии — строительству социализма и коммунизма. Рассматривая борьбу с религиозной идеологией как важную задачу Коммунистической партии, В. И. Ленин требовал ставить эту борьбу в тесную связь с конкретной практикой строительства нового общества, ибо такая практика больше всего и лучше всего на деле воспитывает массы в материалистическом и атеистическом духе.

Строить атеистическую пропаганду на основе неукоснительного соблюдения ленинских принципов означало:

научно, материалистически, с учетом исторических, социальных, культурных и эмоционально-психологических факторов объяснять причины сохранения и воспроизводства религиозности;

сочетать идейную борьбу против религии с укреплением единства верующих и неверующих;

не выдвигать вопросы борьбы с религией на первый план, преодолевать религиозные пережитки в процессе и на основе осуществления основных задач коммунистического строительства, распространения научных знаний среди народа;

не допускать ни уступок религии, ни попыток административного ее запрета, «не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле

пустой „революционаризм" анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога»[1].

Эти ленинские идеи составляли и составляют основу политики Коммунистической партии по отношению к религии, церкви и верующим, всей деятельности КПСС по атеистическому воспитанию трудящихся.

Ленинское атеистическое наследие занимает важное место в работах советских исследователей. Можно назвать десятки работ, посвященных этому наследию. В первую очередь здесь следует назвать имена соратников В. И. Ленина — М. И. Калинина, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, П. А. Красикова, Е. М. Ярославского, В. Д. Бонч-Бруевича, И. И. Скворцова-Степанова, Н. Нариманова и др. Их работы, изданные в 20—30-х годах, положили начало глубоким исследованиям ленинского этапа в развитии научного атеизма. В дальнейшем плодотворно работали в этой области П. Н. Федосеев, Г. П. Францев, А. Т. Лукачевский, Ф. М. Путинцев и др.

В первые послереволюционные годы большую роль в претворении в жизнь ленинских принципов атеистической пропаганды сыграл VIII съезд Народного Комиссариата Юстиции по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. В истории атеистического движения в СССР видное место занимают также массовая общественная организация Союз воинствующих безбожников (1925—1941), журнал «Революция и церковь» (1919—1924), газета «Безбожник» (1922—1941), журналы «Атеист» (1923—1930), «Антирелигиозник» (1926—1941), «Безбожник» (1926—1932) и другие центральные и местные периодические атеистические издания.

Атеистическая работа в первые годы после революции развертывалась в чрезвычайно сложной обстановке. Большинство духовенства враждебно встретило социалистическую революцию, активно сотрудничало с армиями белых и интервентов, принимало участие в антисоветских мятежах и заговорах. Позже реакционная часть церковников выступала против социалистического строительства, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В соответствии с требованиями конкретной исторической обстановки в эти годы в центре внимания атеистической работы находилось раскрытие классовой роли религии и религиозных организаций, разоблачение враждебного социализму политического облика реакционного духовенства. Программа РКП(б), принятая на VIII съезде партии, отмечала необходимость полного разрушения связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды. В этот период особое внимание обращалось на выявление классового характера религиозного мировоззрения и религиозной морали;

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 421.

широкое распространение получила историческая критика религии и церкви.

Марксисты вели активную борьбу против идеологов буржуазно-помещичьей реакции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского, Л. П. Карсавина и др. «Дипломированные лакеи поповщины» пытались опровергнуть марксистскую философию с позиций православия. Они утверждали, будто религия, а не марксизм, отвечает «духу русского народа».

Со второй половины 20-х годов религиозные организации начали переходить на лояльные позиции в отношении социалистического государственного и общественного строя. Борьба против религии приобретала в основном характер идеологической борьбы за торжество научного мировоззрения. Центр тяжести атеистической пропаганды был перенесен на научно-теоретическую критику религии. В основу позитивной программы атеистической работы была положена главным образом естественнонаучная тематика. Усилиями исследователей и пропагандистов в этот период была создана значительная литература, сыгравшая большую положительную роль в освобождении масс от религии и формировании научного мировоззрения[2].

Коммунистическая партия, творчески развивая ленинские принципы атеистической работы, подвергла критике отклонения как в сторону примитивной воинственности, так и в сторону абстрактного просветительства и примиренческого отношения к религиозной идеологии. С псевдорадикальной программой в середине 20-х годов выступила группа атеистов, объединявшаяся вокруг журнала «Безбожник у станка». Ограничивая антирелигиозную пропаганду разоблачением классовой, эксплуататорской роли религии, группа называла критический анализ философского, социального и нравственного аспектов религии «схоластическим спором», а историческую критику религии и церкви — «копанием в доисторических древностях». Она не учитывала эволюцию религиозных организаций в социалистическом обществе и считала, что как политически враждебной Советскому государству, так и лояльной по отношению к нему церкви — «одна цена». Волюнтаристский «максимализм» журнала вызывал недовольство верующих, особенно крестьян, и мешал освобождению масс от влияния религии и церкви. Позиция журнала была осуждена Всесоюзным антирелигиозным совещанием в ЦК ВКП(б) в 1926 г.

В конце 20-х — начале 30-х годов развитие антирелигиозной пропаганды было связано с критикой механистов и группы А. М. Деборина. Механисты порой упрощенно объясняли явления религиозно-

[2] См.: *Путинцев Ф. М.* Политическая роль сектантства. М., 1928; Против религии (материалы АППО ЦК ВКП(б)). М.; Л., 1929; *Лукачевский А. Т.* Изучение социальных корней религии в СССР. М., 1930; Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932; *Глан Я.* Антирелигиозная литература. М., 1930—1932. Т. I—III; и др.

сти в СССР исключительно экономическими факторами, игнорировали относительную самостоятельность в развитии религии, роль традиций в ее сохранении. Деборинцы же, отрывая теорию от практики социалистического строительства, недостаточно активно участвовали в антирелигиозной работе. Критика ошибочных взглядов механистов и группы Деборина по вопросам атеизма активизировала научную и пропагандистскую деятельность в этой области.

В трудах советских исследователей религия рассматривалась как специфическое порождение и отражение социальных условий жизни. Проблема преодоления религии ставилась в связь с вовлечением масс в активное строительство нового общества, распространением научных знаний среди народа, борьбой против старых традиций и привычек. Среди работ, посвященных этим вопросам, особенный интерес представляют труды П. Н. Федосеева «О религии и борьбе с ней» (1938) и «Марксизм-ленинизм о религии и ее происхождении» (1941), Ю. П. Францева «Фетишизм и проблема происхождения религии» (1940).

Для работ советских ученых 20—30-х годов характерен интерес к конкретным социальным исследованиям религии и атеизма.

Обширные программы исследований религиозности были тогда осуществлены Коммунистической академией и Академией наук СССР, Союзом воинствующих безбожников и другими организациями. Среди этих исследований — анкетирование рабочих ряда промышленных предприятий Москвы в 1929 г., обследование бюджета времени крестьян (количества часов, затрачиваемых на учебу и религиозные обряды) в 1923 и в 1932 гг., распространение 12 тыс. анкет в городах и селах Белоруссии в 1929 г. Результаты исследований, опубликованные, в частности, в работах Н. М. Маторина «Религия и борьба с ней в Северном крае» (1930), С. Я. Вольфсона «Современная религиозность» (1931), свидетельствовали о падении религиозности и росте атеизма в СССР. Они содержали значительный материал, позволивший судить о мотивах разрыва трудящихся с религией и церковью.

Вопросы истории атеизма рассматривались советскими учеными в трудах по истории философской мысли (например, в работах И. К. Луппола о Спинозе, Уриэле д'Акоста, Нэжопе и др.). Ряд статей по истории атеизма появился в 30-х годах в журнале «Под знаменем марксизма». Попытка дать обобщенное представление о развитии атеистической мысли была предпринята в фундаментальном труде И. П. Вороницына «История атеизма» (1928—1930).

Новый подъем атеистической работы начался с середины 50-х годов, после принятия ЦК КПСС специальных постановлений «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г. Постановления ЦК КПСС ориентировали на активную пропаганду научного материалистического мировоззрения, на повыше-

ние сознательности трудящихся и на развитие атеистической убежденности.

Благодаря социалистическим преобразованиям и воспитательной работе большинство советских людей освободилось от религиозных верований, обычаев и традиций. Если в дореволюционной России верующие составляли абсолютное большинство населения, а к концу переходного от капитализма к социализму периода — примерно половину взрослого населения, то в настоящее время религиозной остается сравнительно небольшая часть советских граждан. Несколько выше среднего уровень религиозности в республиках Средней Азии, в западных областях Украины и Белоруссии. Характерно, что процент верующих особенно невелик среди интеллигенции, квалифицированных рабочих, сельских механизаторов. Симптоматичен и тот факт, что подрастающее поколение в Советском Союзе в основном безрелигиозно: это свидетельствует о неуклонном сужении сферы влияния религии, ее постепенном отмирании.

Современный этап атеистического воспитания характеризуется рядом особенностей как по содержанию, так и по формам и методам антирелигиозной работы. Продолжая солидные традиции естественнонаучной пропаганды, исследователи и пропагандисты атеизма все больше внимания уделяют атеистической работе, связанной с социальной и нравственной проблематикой. Главный фронт идейной борьбы между научным и религиозным мировоззрением перемещается в область исследования законов развития общества, духовной культуры, проблемы человека, социальных и нравственных идеалов.

За время, минувшее после Великой Октябрьской социалистической революции, разработка научного атеизма советскими учеными явилась весомым вкладом в общественную мысль, имевшим важное значение для практики атеистического воспитания трудящихся. В Советском Союзе выросла большая, творчески работающая школа ученых-специалистов в области религиоведения и атеизма.

Накопленный богатый опыт атеистического воспитания масс, теоретическая разработка проблем критики религии позволили создать учебные пособия, которые играют немалую положительную роль в подготовке кадров пропагандистов атеизма. Наибольшую известность получил учебник «Научный атеизм» (М., 1973). Широко используются и другие учебные пособия [3].

В сфере *философских проблем атеизма и критики религии* главное место занимают вопросы: предмет научного атеизма, природа и корни религии, ее взаимосвязь с другими формами общественного сознания, место и роль религии в общественном развитии, объективные и субъективные факторы сохранения религиозных пережитков при социализме, социальные и идеологические факторы

[3] См.: Основы научного атеизма. Алма-Ата, 1961; Вопросы научного атеизма. Душанбе, 1966; *Тапчер В. К.* Основы научного атеизма. Киев, 1968. На укр. яз.; Основные вопросы научного атеизма. Тбилиси, 1972. На груз. яз.; Основи наукового атеізму. Київ, 1973. На укр. яз.; История и теория атеизма. М., 1982.

секуляризации. Раскрытие несостоятельности религии, объяснение причин ее возникновения, эволюции и отмирания органически дополняются выработкой атеистической убежденности, опирающейся на систему положительных знаний о мире и играющей, в свою очередь, важную роль в формировании нравственного облика, соответствующего коммунистическим идеалам. Еще Л. Фейербах выступал против представления об атеизме как об «отрицании», «простом непризнании» религии; он ратовал за «положительный» атеизм[4]. Ф. Энгельс писал: «Атеизм как голое отрицание религии, ссылающееся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет и потому сам еще является религией»[5]. Когда функции научного атеизма ограничиваются критикой религии, происходит обеднение, недооценка его гуманистического содержания.

Опираясь на достижения современного знания, теория научного атеизма раскрывает содержание этих достижений под определенным, научно-материалистическим атеистическим углом зрения.

Вопрос *о социальной природе религии, ее месте в общественном развитии* постоянно привлекает внимание советских ученых. Религия, как и любая другая форма общественного сознания, отражает общественное бытие людей. Специфика каждой из форм сознания обусловливается не только тем, какую сторону общественного бытия отражает данная форма, но и тем, как именно происходит это отражение. В книгах Ю. Ф. Борунков а «Структура религиозного сознания» (1971), А. Д. Сухова «Религия как общественный феномен» (1972), Д. М. Угриновича «Введение в теоретическое религиоведение» (1973), Е. К. Дулумана «Религия как социально-исторический феномен» (1974, на укр. яз.), Т. И. Панджикадзе «Религия и современность» (1973, на груз. яз.) показано, что религия отражает ту сторону объективных условий жизни, которая связана с отношениями несвободы, зависимости людей от этих условий. Она искаженно, превратно отражает общественное бытие и является тормозом социального прогресса. Знаменитую формулу К. Маркса «Религия — опиум народа» В. И. Ленин считал «краеугольным камнем всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии»[6]. В условиях социалистического общества религия по-прежнему дает ложную ориентировку общественной и личной жизни людей, деформирует сознание и поведение верующих, поддерживает пережитки старых отношений между людьми, господствовавших при капитализме и в докапиталистических обществах.

Исследование *особенностей проявления религии при социализме* — актуальная задача научного атеизма. При определенных достижениях в этой области[7] все еще недостаточно разработан воп-

[4] *Фейербах Л.* Избр. филос. произведения. М., 1965, т. II, с. 807.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 161.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 416.

[7] См.: *Черняк В. А.* О преодолении религиозных пережитков. Алма-Ата, 1965; Причины существования и пути преодоления религиозных пережитков. Минск, 1965; Стро-

рос о социальной роли религии в социалистическом обществе. Пока лишь в общей форме раскрыто взаимоотношение «пережиточных» явлений с определенными ступенями развития социалистического общества. В связи с нерешенностью этих проблем иногда приходится в теории и практике атеистического воспитания встречаться с двумя крайностями. С одной стороны, не учитываются объективные условия атеистической работы, социальные и социально-психологические факторы живучести религиозных пережитков, что ведет к субъективистским стремлениям преодолеть религию «одним махом». С другой стороны, имеют место пассивно-объективистский подход, утверждения о стихийном отмирании религии по мере социально-экономического и духовного развития общества, порождающие примиренческое отношение к религиозным заблуждениям. В трудах советских исследователей подчеркивается, что преодоление религии предполагает решение задач коммунистического строительства в тесной связи с научно-атеистической и культурной работой среди трудящихся [8].

Примечательно, что появляется все больше работ, обобщающих накопленный партийными, профсоюзными, комсомольскими и другими организациями передовой опыт атеистического воспитания. Авторы этих трудов — партийные работники, пропагандисты, ученые — раскрывают место атеистического воспитания в системе идеологической деятельности, специфику атеистической работы среди различных групп населения, эффективность научно-атеистической работы.

Большое внимание советских ученых привлекает *проблема взаимоотношения религии и современного социального, научного и нравственного прогресса.* Веками боровшаяся с завоеваниями человеческого разума церковь в наши дни уже не в состоянии открыто выступать против достижений цивилизации. Успехи социализма, развитие науки, широкое развертывание борьбы трудящихся масс против социального и национального угнетения заставили церковно-богословские круги во многом изменить свои позиции. Касаясь богословской интерпретации науки, советские ученые отмечают, что

ительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков. М., 1966; *Бахтиаров А. С.* Религиозная психология и пути ее преодоления. Баку, 1966. На азерб. яз.; *Кривануцы Л. Н., Табунщик Ф. З.* Религиозные пережитки и пути их преодоления. Кишинев, 1967; Процесс преодоления религиозных пережитков в Грузии. Тбилиси, 1973. На груз. яз.

[8] См.: *Колесник Н. А.* Марксистско-ленинский принцип атеистической работы. Киев, 1971. На укр. яз.; *Семиванов П. Д.* Партийное руководство атеистическим воспитанием. М., 1973; *Платонов Р.* Воспитание атеистической убежденности. Минск, 1973; *Джаббаров И.* Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973; Индивидуальная работа с верующими. М., 1974; Проблемы атеистического воспитания. Л., 1974; О научном атеизме и атеистическом воспитании. М., 1974; Атеистическое воспитание студенческой молодежи. М., 1977; Комплексный подход к атеистическому воспитанию. Киев, 1982; Организация и методика атеистической работы. Киев, 1982; *Сапрыкин В. А.* Урбанизация. Атеизм. Религия. Алма-Ата, 1981.

церковники не могут старыми методами отстаивать религиозное мировоззрение и пытаются утверждать религиозное понимание природы на путях приспособления к современному естествознанию, фальсификации его достижений[9]. Возрождение на религиозной основе теории двойственной истины, рассуждения о разграничении сфер религии и науки, призванные вывести из сферы компетенции научного знания вопросы духовной жизни человека,— все это свидетельства глубокого кризиса религиозной идеологии. Советские ученые уделяют большое внимание раскрытию несостоятельности попыток церковников приспособиться к современной науке, доказательству несовместимости науки и религии[10]. На тему о соотношении науки и религии много работ издается в союзных республиках[11].

Основной фронт борьбы между научным и религиозным мировоззрением все более перемещается в область социальной науки, культуры и этики. Гигантские перемены в современном мире, резкое повышение активности масс в историческом развитии, рост сознательности и ответственности человека — все это определяет интерес религиозных организаций к вопросам общественного развития. Отношение церковно-богословских кругов к этим вопросам дифференцированно. С одной стороны, все более проявляется антикоммунистическая линия правого крыла духовенства в капиталистических странах, с другой — внутри церкви выделяются радикальные, «левые» течения, пытающиеся понять религию как стимул антимонополистической и антиимпериалистической борьбы. Исследованию различного *отношения церковно-богословских кругов к вопросам общественного развития* посвящена обширная литература[12].

[9] См.: *Крывелев И. А.* Религиозная картина мира и ее богословская модернизация. М., 1968; *Гараджа В. И.* Неотомизм, разум, наука. М., 1968; *Иванов И. Г.* Роль естествознания в развитии атеистического миропонимания. М., 1969; *Бабосов Е. М.* Научно-техническая революция и модернизация католицизма. Минск, 1971; *Гапочка М. П.* Материализм против фидеизма. М., 1980; *Окулов А. Ф.* Социальный прогресс и религия. М., 1982; и др.

[10] См.: Успехи современной науки и религия. М., 1961; Наука против религии. М., 1967; Жизнь, ее происхождение и развитие. М., 1967; Наука о неорганической природе и религия. М., 1973.

[11] См.: *Исаян Т. С.* Космогония против религии. Ереван, 1960. На арм. яз.; *Давидюк Г. П.* Несовместимость религиозной идеологии и коммунизма. Минск, 1968; Научное и религиозное мировоззрение. Кишинев, 1965; *Пасамбаев А.* Математика и религия. Алма-Ата, 1966; *Габидзашвили О. Д., Гегешидзе Д. В.* Религиозная вера и научное знание. Тбилиси, 1969. На груз. яз.; *Абдылдаев Т.* Противоречие науки и религии. Фрунзе, 1972.

[12] См.: *Шейнман М. М.* От Пия IX до Иоанна XXIII. М., 1966; *Мчедлов М. П.* Эволюция современного католицизма. М., 1966; *Он же.* Религия и современность. М., 1981; Религия и общество. М., 1967; Человек, общество и религия. М., 1968; *Андреев М. В.* Католицизм и проблемы современного рабочего и национально-освободительного движения. М., 1968; *Тимофеев В. Д.* Социальные принципы коммунизма и религии. М., 1969; *Великович Л. Н.* Религия и политика в современном капиталистическом обществе. М., 1970; *Ковальский П. А.* Католицизм и мировое социальное развитие. М., 1974; Идейный кризис религии и религиозный модернизм. М., 1974; *Лисавцев Э. И.* Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1975; *Григуле-*

Религиозные организации в СССР поддерживают социалистические преобразования. Отказавшись в свое время от враждебной советскому строю политической деятельности, они пытаются укрепить свои позиции в идеологической области, упрочить свое место в новом обществе, активнее влиять на его духовную жизнь. Это стремление свидетельствует о том, что идеи и практика научного коммунизма оказывают огромное влияние на верующих, которое не может не учитываться в религиозно-идеологической сфере.

Эволюционирует отношение церковников к нравственному прогрессу. Морально-этическая проблематика испокон веков считалась «заповедным полем» религии, которая объявлялась сокровищницей нравственности и гуманизма, моральным наставником человечества. Для религиозных организаций, существующих в Советском Союзе, характерна тенденция попыток сближения нравственных идеалов религии с нравственными ценностями коммунизма [13]. Попытки сближения нравственных идеалов религии и коммунизма основаны главным образом на искаженном истолковании общечеловеческих норм морали, выработанных народными массами на протяжении тысячелетий и включенных в качестве составной части в моральный кодекс строителя коммунизма. Углубленная критика концепций церковников предполагает анализ религиозного искажения общечеловеческих моральных ценностей, раскрытие антигуманистической сущности таких основных религиозно-этических понятий, как «грех», «спасение», «искупление», «святость» и т. п.

Модернизация религии и церкви выдвигает перед исследователями и пропагандистами научного атеизма ряд новых проблем. Всеобщий процесс эволюции религии, пересмотр религиозной доктрины, нововведения в области культа и церковной организации составляют одну из характерных черт современности. Необычная социально-историческая и идеологическая обстановка, в условия которой попадают религиозные организации с победой социализма, определяет специфическую форму проявления общей тенденции приспособления религии.

Результаты *изучения процесса модернизации религии* в современных условиях освещены в ряде трудов [14]. Марксистская оценка

вич И. Р. Папство. Век XX. 2-е изд., доп. М., 1981; *Степанянц М. Т.* Мусульманские концепции в философии и политике (XIX—XX вв.). М., 1982; Философия. Религия. Культура. М., 1982.

[13] См.: *Момджян Х. Н.* Коммунизм и христианство. М., 1958; Нравственность и религия. М., 1964; *Буслов К. П.* О назначении человека и смысле его жизни. Минск, 1966; *Анисимов С. Ф.* Ценности реальные и мнимые. М., 1970; *Мишкявичюс Я. В.* Католицизм и нация. М., 1970; Атеизм, религия, нравственность. М., 1972; *Шердаков В. Н.* Иллюзия добра. М., 1982.

[14] См.: Модернизация религии в современных условиях. М., 1966; Второй Ватиканский собор. Замыслы и итоги. М., 1968; *Гордиенко Н. С.* Современное православие. М., 1968; *Белов А. В.* Адвентизм. М., 1968; *Курочкин П. К.* Эволюция современного русского православия. М., 1971; *Новиков М. П.* Тупики православного модернизма. М., 1979; *Добреньков В. И.* Современный протестантский модернизм в США. М., 1980; и др.

характера основных направлений, причин и последствий религиозного реформаторства дает возможность конкретизировать и углубить представления о современных модификациях религии, выработать более совершенные формы, методы и средства атеистического воспитания.

Эволюция религии и церкви — противоречивый процесс: выражая закономерный упадок веры, она в то же время является формой сопротивления этому упадку. Приспособление и модернизация религии дают ей некоторые дополнительные возможности существования, но не могут остановить процесс секуляризации, вызванный грандиозной сознательной деятельностью советского народа по строительству коммунизма, огромными успехами научно-технического прогресса, культурной и воспитательной работой Коммунистической партии.

Философский аспект исследования проблем атеизма и религии тесно связан с социологическим. В работах советских исследователей видное место занимает *анализ критериев и типов религиозности, обыденного религиозного сознания, взаимодействия между религиозно-психологической и религиозно-идеологической сферами, эффективности атеистической работы* и т. д.[15]

Социологические исследования религии и атеизма велись и ведутся дифференцированно в зависимости от конкретных задач. Это, во-первых, исследования, имеющие целью дать широкий и представительный материал для теоретических выводов и обобщений. Это, во-вторых, исследования, проводимые непосредственно для изучения форм и особенностей проявления религии и атеизма на конкретных объектах.

Особенно широкий размах социологические исследования в области религии и атеизма приобрели в последнее время[16].

Социологические исследования позволили воссоздать более точную картину религиозности в ряде областей, районов и населенных пунктов, выяснить дифференциацию верующих по полу, возрасту, роду занятий, образованию, изучить своеобразие проявления религиозности в различных социальных и национальных группах. Анализ динамики современного обыденного религиозного сознания показал, что у большинства верующих представления о сверхъестественном переплетаются с научными представлениями. По мере развития социалистического общества в этом «раздвоенном» сознании все большее место занимают материалистические идеи, коммунистическая идеология. Религиозное мировоззрение, сравнительно целостная система которого сейчас характерна для очень узкого круга верую-

[15] См.: *Букин В. Р.* Психология верующих и атеистическое воспитание. М., 1969; *Попова М. А.* О психологии религии. М., 1969; Психология и религия. М., 1971.

[16] См.: Причины существования и пути преодоления религиозных пережитков. М., 1965; *Ерышев А. А., Приходько Р. С., Онищенко А. С.* Религиозные пережитки и их преодоление. Киев, 1963; Конкретные исследования современных религиозных верований. М., 1967; Баптизм и баптисты. Минск, 1969; *Яблоков И. Н.* Социология религии. М., 1979.

щих, становится эклектичным, аморфным, смутным. Нарастает и усиливается расхождение между предписаниями религии и практическим поведением людей, находящихся под ее влиянием. Верующие все в меньшей степени действуют в соответствии с рекомендациями религии.

Расширение фронта исследований в сфере религии и атеизма, совершенствование его методики и техники позволяют получить новые научные результаты и значительно обогатить теорию и практику научного атеизма.

Серьезный вклад внесли советские ученые в разработку *истории атеистической мысли*[17]. В ряде работ показано, что переход широких масс на позиции атеизма и неверия был не простым «зеркальным» отражением эволюции общественного бытия, а результатом их практической революционно-преобразующей деятельности по изменению этого бытия, результатом политики КПСС, организующей и направляющей деятельность масс. Социализм не только ликвидирует общественные условия, нуждающиеся в религиозных иллюзиях, подрывает социальные корни религии, он рождает в трудящихся массах и новую потребность — потребность в научном, диалектико-материалистическом, атеистическом мировоззрении.

В поле зрения советских ученых находится также свободомыслие народных масс в прошлом[18].

В философском аспекте рассматривались в ряде работ проблемы истории религии[19]. По вопросам истории атеизма и свободомыслия, а также религиоведения вышли интересные труды в союзных республиках[20].

Необходимость более глубокой разработки проблем истории атеизма и религии, выяснения их места и роли в историческом про-

[17] См.: Победы научно-материалистического мировоззрения в СССР за 50 лет. М., 1967; По этапам развития атеизма в СССР. М., 1967; *Григорьян М. М.* Лекции по истории атеизма. М., 1970; *Тажуризина З. А.* Актуальные вопросы истории атеизма. М., 1979; *Сухов А. Д.* Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980; *Пищик Ю. Б.* Становление атеизма К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1983.

[18] См.: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России. М., 1960; *Коган Л. А.* Крепостные вольнодумцы. М., 1966; и др.

[19] См.: *Сухов А. Д.* Философские проблемы происхождения религии. М., 1967; *Францев Г. П.* Научный атеизм. М., 1972; *Крывелев И. А.* История религий. М., 1975—1976. Т. 1—2; *Григулевич И. Р.* Крест и меч. Католическая церковь в Латинской Америке. М., 1977.

[20] См.: Из истории религии и атеизма в Эстонии. Таллин, 1956. Т. I; 1965. Т. II. На эст. яз.; *Прокошина Е. С.* Вопросы атеизма в белорусской общественной мысли. Минск, 1960; *Габдуллин Б., Искаков А.* Казахские просветители о религии. Алма-Ата, 1964; *Саттаров М. М.* Формирование атеистического мировоззрения у азербайджанского народа в период социалистического строительства. Баку, 1964; *Ибикеев С.* Элементы атеизма в киргизском устном народном творчестве. Фрунзе, 1966. На кирг. яз.; *Марош Я. Н.* Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Минск, 1969; Из истории религии и атеизма в Молдавии. Кишинев, 1970; *Абдусаметов А. И.* Становление атеистического мировоззрения в Узбекистане. Ташкент, 1973; *Бабий А. И.* Свободомыслие, антиклерикализм и атеизм в истории Молдавии. Кишинев, 1974.

цессе определяется повышенным интересом читательской аудитории к атеизму, что связано с теми огромными социальными изменениями, которые произошли на мировой арене. Возрастает закономерный интерес советских народов к своему историческому прошлому, своему духовному наследию. Спекулируя на недостаточной осведомленности части людей о подлинной роли религии в истории нашей страны, религиозные деятели распространяют иллюзии о ней как о патриотической силе, вдохновителе борьбы с иноземными захватчиками, хранителе культуры и т. п. Бывает и так, что, недостаточно учитывая противоречивый характер истории народов и их культурного развития, социально-классовую обусловленность идеологий, отдельные деятели литературы и искусства порой отступают от марксистской классовой оценки их культурного наследия, и в частности его религиозных элементов. Необходимость четкой классовой оценки прошлого народов подчеркнул XXVI съезд КПСС. В частности, отмечалось, что «проявления безыдейности, мировоззренческая неразборчивость, отход от четкой классовой оценки отдельных исторических событий и фигур способны нанести ущерб творчеству даже даровитых людей»[21].

Современный этап атеистического воспитания требует дальнейшей научной работы. Решения XXVI съезда КПСС нацеливают исследователей философских проблем религии и атеизма на изучение и осмысление новых явлений жизни. Нуждаются в более глубокой разработке общетеоретические, философские, методологические проблемы критики религии и научного атеизма. Религиозным и буржуазным концепциям человека необходимо противопоставить марксистско-ленинскую методологию решения проблем человека. Весьма актуальна аргументированная критика попыток ревизии марксистской концепции религии, которые связаны с приукрашиванием прошлого религии и со стремлением синтезировать марксизм и христианство, марксизм и ислам. Научный анализ современной религии предполагает особое внимание к социологическому прогнозу ее эволюции, что позволяет разрабатывать стратегию атеистического воспитания. Необходимы исследования процесса секуляризации современного общества, высвобождения всех сфер общественной и личной жизни из-под многовекового влияния религии и церкви.

История атеистического движения в СССР является живым подтверждением марксистско-ленинского вывода о неизбежности изживания религии под влиянием социального и духовного прогресса общества.

[21] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 62.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, МАТЕМАТИКИ И КИБЕРНЕТИКИ, ЛОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ, ЭКОЛОГИИ И КОСМОНАВТИКИ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

СОЮЗ ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ — ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Разработку и развитие марксистско-ленинской философии невозможно представить вне связи и взаимодействия ее с науками о природе. Марксистско-ленинская философия и естествознание взаимодополняют и взаимообусловливают друг друга. В. И. Ленин, анализируя революцию в физике на рубеже нашего века, сделал вывод, что дальнейшее развитие науки и техники невозможно без усиления взаимосвязи материализма и диалектики с естествознанием, без сознательного, делового и творческого контакта философов и естествоиспытателей. В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин, продолжая линию К. Маркса и Ф. Энгельса, показал объективную необходимость союза марксистской философии и естествознания, рассматривал усиление этого союза как закономерный результат и объективную тенденцию развития науки в целом.

В. И. Ленин сформулировал общие принципы, которые должны были в процессе их реализации обеспечить укрепление союза философов-марксистов и естествоиспытателей. Решающую роль в укреплении этого союза сыграли те коренные социальные изменения, которые произошли в СССР после Октябрьской социалистической революции и привели к построению развитого социалистического общества.

Уже в первые годы Советской власти выдающиеся естествоиспытатели обращаются к марксизму и вносят свой вклад в формирование философско-мировоззренческих обобщений. Они, как и профессиональные философы, посвятившие себя разработке философ-

ских вопросов естественных наук, продолжали дело, начатое В. И. Лениным. При этом весьма существенно, что в этот период, когда практически происходило завершение становления современной физики, ведущие советские физики (С. И. Вавилов, Д. С. Рождественский, А. Ф. Иоффе, И. Е. Тамм, М. А. Марков, В. А. Фок и др.) исходили из необходимости материалистических позиций.

Союз философии и естествознания принимал различные формы в зависимости от уровня развития естествознания и степени разработанности их философской проблематики. В начале внимание уделялось философскому анализу известных, ранее созданных теорий, главным образом в области физики и биологии. В эти годы закладывались основы диалектико-материалистической интерпретации теории относительности и квантовой механики, теории Дарвина, фундаментальных законов естествознания (закон сохранения энергии и др.). В ходе философского анализа этих теорий и законов обогатилось содержание философских категорий материи, причинности, необходимости, случайности, пространства, времени, сущности и явления, возможности и действительности и др.

Становление союза философии и естествознания не протекало гладко, здесь были трудности, ошибки, проявления субъективизма и догматизма, отдельные натурфилософские запреты под флагом борьбы с идеализмом (в отношении теории относительности, генетики, химии, кибернетики и др.). Подобные ошибки были преодолены благодаря настойчивой идеологической работе КПСС, подчеркивавшей необходимость укрепления союза философов и естествоиспытателей, необходимость дальнейшего творческого развития и применения марксистско-ленинской теории. Результаты этой работы были подведены на состоявшемся в 1958 г. Первом Всесоюзном совещании по философским проблемам современного естествознания, в ходе которого была проведена плодотворная дискуссия по узловым философским вопросам естественных наук. Были подвергнуты решительной критике попытки натурфилософского и догматического отношения к частнонаучным теориям, дана аргументированная критика идеалистических трактовок теорий и результатов естественных наук. Это создало новые возможности для плодотворной философской работы в области новейших достижений естествознания. Важнейшую роль в организации исследований философских проблем естествознания стал играть созданный после этого совещания Научный совет по философским вопросам современного естествознания при Президиуме АН СССР, основными задачами которого являлись координация научной работы и укрепление творческого сотрудничества философов и естествоиспытателей, занимающихся философскими вопросами естественных наук.

В дальнейшем были проведены многочисленные совещания и конференции по философским проблемам различных отраслей естествознания, опубликованы коллективные труды, среди которых за-

метное место занимает серия «Диалектический материализм и современное естествознание».

Философы и ученые стали ориентироваться не только на диалектико-материалистическое осмысление фундаментальных естественнонаучных теорий, их методов и понятий, но и на проблемы, связанные с теми направлениями естествознания, которые находились в стадии формирования, на проблемы современного научного поиска. Значительное внимание стало уделяться новейшим направлениям физики элементарных частиц, квантовой химии, астрофизики и внегалактической астрономии, космологии, молекулярной биологии и генетики. Началось философское осмысление кибернетических дисциплин — теории управления, теории игр и исследования операций, теории информации. Широко стали развиваться методологические исследования теории систем и системно-структурного подхода. Все больше стал меняться и акцент в философских подходах — главное внимание уделялось гносеологическим и методологическим аспектам естествознания.

О дальнейшем упрочении союза философов и естествоиспытателей свидетельствовало Второе Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания в 1970 г., посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Совещание показало, что возросло значение логики и методологии научного познания, гносеологического анализа актуальных проблем развития естествознания. Философов и естественников все больше стал привлекать анализ становления новых идей и теорий, методов и понятий. Совещание наметило дальнейшие задачи в области укрепления взаимосвязей марксистско-ленинской философии и современного естествознания на основе разработки материалистической диалектики как логики, методологии и теории познания. В ходе реализации этих задач советские ученые существенно продвинулись вперед в разработке коренных проблем теории материалистической диалектики, в исследовании методологических функций диалектического материализма в частных науках, в философской разработке кардинальных и актуальных проблем научно-технической революции, а также в критическом рассмотрении разного рода идеалистических и буржуазно-апологетических концепций, спекулирующих на достижениях современной науки.

В 1981 г. состоялось Третье Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания. Задачи совещания состояли в дальнейшем развитии ленинского союза философов и естествоиспытателей, подведении итогов исследований по философским вопросам естествознания, выполненных за последнее десятилетие, в определении новых проблем и магистральных направлений исследований в этой области, в реализации задач, поставленных XXVI съездом КПСС. Если предыдущие совещания строились главным образом в плане обсуждения философских проблем отдельных естественнона-

учных дисциплин, прежде всего физики и биологии, то последнее совещание было направлено на анализ кардинальных проблем, общих для всех отраслей научного знания и в этом смысле общенаучных. Это — проявление комплексного подхода к важнейшим вопросам развития науки, когда интересы марксистско-ленинской философии и частных наук рассматриваются в системном единстве, что позволяет наиболее эффективно решать проблемы современной науки.

Важной чертой развития союза марксистско-ленинской философии и наук о природе является все более широкое и активное участие крупнейших представителей естествознания в философско-методологических исследованиях. Ведущие естествоиспытатели входят в редакционные коллегии и в авторский состав всех главных трудов по философии наук о природе. Все больше из них участвуют в разработке социально-философских проблем, вопросов этики, научного творчества, эстетики. В последние годы изданы сборники философских работ таких ученых, как Н. Н. Семенов (Наука и общество. М., 1973), В. А. Амбарцумян (Философские вопросы науки о Вселенной. Ереван, 1973), П. А. Капица (Эксперимент, теория, практика. М., 1974), М. А. Марков (О природе материи. М., 1976) и др.

Заметен сдвиг, происшедший в разработке имеющего большую практическую значимость вопроса о том, как именно материалистическая диалектика содействует решению поисковых проблем, движению к новому знанию, какова ее взаимосвязь с общенаучными методами и принципами познания, а также с частными методами конкретных наук. В этой связи были проанализированы актуальные проблемы взаимосвязи эмпирического и теоретического исследования, принципы и способы построения естественнонаучных теорий. Выявлены теоретико-познавательные и гносеологические функции ряда основных философских категорий и соответствующих им естественнонаучных понятий.

Наряду с более углубленным анализом философских проблем физики, математики, астрономии, химии, биологии, кибернетики в последние годы в орбиту исследования включены новые науки и проблемы, в частности космонавтика и технические науки, науки о Земле, экологическая проблематика и др. Усилилось внимание к мировоззренческим и социально-философским проблемам естественных наук, активизировалась критика идеалистических концепций, в частности плюрализма, гносеологического релятивизма, постпозитивизма. Началась интенсивная разработка философско-методологических проблем взаимодействия общественных, естественных и технических наук, формирования на этой основе новых интегративных общенаучных форм и средств познания.

Важным элементом всей научной деятельности в нашей стране стала работа философско-методологических семинаров в научных учреждениях естественнонаучного профиля и в вузах. Их деятель-

ность помогает ученым творчески овладевать марксистско-ленинской методологией научного поиска, глубоко разбираться в сложных мировоззренческих аспектах современной науки, воспитывает в духе непримиримого отношения к буржуазной идеологии, учит критически подходить к концепциям, выдвигаемым нашими философскими оппонентами.

Широкое развитие получили контакты с учеными социалистических стран. Совместными усилиями проведены: советско-польские симпозиумы по проблемам взаимосвязи организации и развития в современной биологии (Москва, 1974 и Варшава, 1976); симпозиумы (Берлин, 1976 и Москва, 1977), на которых обсуждались методологические проблемы формирования естественнонаучных теорий, и в частности место и роль методов экспериментирования и моделирования в этом процессе; международный симпозиум «Философия и социальный прогресс» (Москва, 1977) под эгидой Международной федерации философских обществ, на котором работала секция «Революция в естествознании и развитие философской мысли». Более 10 лет работает ежегодная летняя Международная Варненская школа по марксистско-ленинской философии, где часто обсуждаются в числе других и философские вопросы наук о природе.

Большая работа проведена Всемирными философскими конгрессами, на которых значительное внимание уделялось философским вопросам естествознания. Выступления философов-марксистов и видных естествоиспытателей на этих конгрессах носили активный, наступательный характер, продемонстрировали высокий уровень представленных ими докладов, творческий характер марксистско-ленинской философии, единство философско-мировоззренческих позиций СССР и других социалистических стран, плодотворный характер этого сотрудничества, возрастающее влияние и авторитет марксистской теории.

Союз марксистско-ленинской философии и естествознания укрепился не только в нашей стране, но и в странах социалистического содружества. Выявились новые пути координации философов-марксистов и естествоиспытателей капиталистических стран (перевод работ советских философов на иностранные языки, совместные конференции и т. д.).

Укреплению союза философии и естествознания содействует само развитие естественных наук: современная НТР привела к таким преобразованиям науки, к возникновению таких ее новых черт и особенностей, которые необходимо связывают ее с материализмом и диалектикой. Диалектический материализм становится для современной науки той формой и тем стилем мышления, которые полностью отвечают революционным изменениям в науке и технике второй половины XX в. Марксистско-ленинская философия наиболее близка к проблемам современной науки, она активно и плодотворно способствует синтезу нового частнонаучного знания,

выступает в качестве системы общих направляющих регулятивов научных поисков. Эта активность и адекватность особенно заметны в эпоху НТР, когда различные буржуазные философские течения, пытаясь осмыслить и приспособиться к ее бурному развитию, впали либо в сциентизм и техницизм, либо же в антропогуманистическую крайность и иррационализм и тем самым изолировали себя от реально существующей науки.

Современная НТР существенно повысила интерес к философским вопросам естествознания. Дело в том, что все основные отрасли естествознания теснейшим образом связаны с НТР и образуют, так сказать, ее естественнонаучное ядро. Это относится прежде всего к поиску и освоению новых энергетических источников (атомной и ядерной энергии), новейших методов прямого преобразования тепловой энергии в электрическую. Физика (главным образом физика твердого тела) и химия активно занимаются созданием материалов с заранее заданными свойствами (высоколегированные стали и сплавы, бездефектные кристаллы, особо чистые металлы, пластические массы, синтетические волокна и т. д.).

Значительная роль в развертывании НТР принадлежит биологической науке, в особенности молекулярной биологии и биохимии, позволившим расшифровать генетический код и изучить различные генетические процессы. Существенный вклад вносится также кибернетикой и теорией информации, разработавшими математические методы изучения процессов связи и управления, что позволило существенно расширить как техническую сеть массовых и индивидуальных средств коммуникации, так и способы преобразования информации (ЭВМ, АСУ и т. п.). Как бы вершиной НТР выступает изучение и освоение космоса, опирающееся практически на все естественные науки (космические физика, химия, геология, биология).

Из всех естественных наук в различных направлениях НТР ведущую роль играла и продолжает играть физика. Из всех естественных наук именно физика лидирует не только в естествознании, но и в философском осмыслении его проблем, достижений и противоречий развития. Это лидерство физики в философских исследованиях сказывается не только в количестве публикуемых работ, но и в качестве исследований, которые являются образцом для «подражания» при философской работе в иных областях современной науки.

Философские дискуссии о пространстве, времени, движении, причинности, прерывности и непрерывности, конечности и бесконечности, о соотношении динамического и статистического и т. д. оказали значительное воздействие на развитие и обогащение философских категорий. Именно в ходе философского осмысления проблем, поставленных физикой, выявлялись те диалектические противоречия, которые в дальнейшем обнаруживались и в других науках, скажем, в биологии, кибернетике. Однако эти противоречия пре-

одолевались здесь гораздо легче, ибо на материале физики отрабатывался «алгоритм» поиска, проясняласъ в известной мере сама проблемная ситуация.

Интересно также и то, что многие философские вопросы, поднятые В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм», при анализе революции в физике в конце XIX и начале XX в., а затем философами-марксистами в нашей стране и за рубежом, начали также развиваться уже в последние десятилетия на материале биологии, химии, астрономии, наук о Земле, кибернетики и т. д.

Между бурным развитием того или иного направления современной НТР и усилением философской работы над обобщением его достижений нет прямой корреляции. Во-первых, далеко не всякие научно-технические достижения влекут за собой коренное преобразование принципов и понятий, существенно влияющих на научную картину мира и мировоззрение (а именно это как раз и может привлечь внимание философа). Так, изменения в области прикладной науки, хотя они и влияют на бытие людей, на материально-техническую базу, привлекают главным образом социологов и экономистов. Философов интересуют прежде всего фундаментальные естественные и общественные науки, в лоне которых возникают новые принципы и понятия, формирующие и регулирующие отношение человека к социальной и природной среде.

Во-вторых, при взаимодействии философии и естествознания, в частности в случае исследования проблем, выходящих за рамки самой философии, философов привлекает то, что может обогатить, развить материалистическую диалектику. В конечном счете это всегда такие вопросы, которые нужны не только какой-то конкретной отрасли знания, но и всей науке в целом. Поэтому выводы, полученные в результате философского анализа физического знания, важны и необходимы не только для физики, но и для многих отраслей частнонаучного знания, в том числе и весьма далеких от физики.

Развитие естествознания в условиях НТР выдвигает совершенно новые философско-методологические проблемы, связанные с анализом структуры естественнонаучного знания в целом, закономерностей и направленности его развития, с вопросами социологии познания.

Ведущие проблемы современного естествознания носят комплексный характер, их исследование опирается на взаимодействие и синтез весьма многих «традиционных» наук и их методов. Соответственно этому философский анализ «по наукам» будет нами дополняться анализом «по проблемам», общим для всех или для многих наук. В современной науке наряду с дальнейшей специализацией появились мощные и все усиливающиеся интеграционные процессы, которые ломают «демаркационные» линии между науками, синтезируют знания различных дисциплин. А это требует и иного

подхода к философскому анализу достижений науки, учитывающего интеграционные явления, закономерности синтеза нового знания и его внедрения в практику.

Именно такой подход оказывается единственно возможным при исследовании глобальных и общенаучных проблем современности, общенаучных понятий, методов и тенденций. На стыке различных естественных, общественных и технических наук открываются новые возможности для плодотворных исследований как фундаментального, так и прикладного характера.

Превращение науки в непосредственную производительную силу общества связано со многими изменениями в структуре науки. Соответственно этому в философско-методологических исследованиях все большее значение стали приобретать вопросы организации, планирования и прогнозирования развития науки. Анализируются новые формы связи науки с производством, выразившиеся в создании научно-технических комплексов, включающих в себя исследовательский институт, конструкторское бюро и опытный завод, задачей которых является выполнение работ по всему циклу — от рождения идеи до ее внедрения в производство.

В организации научных исследований резко возрос удельный вес комплексных научно-технических программ. В их постановке и решении все большее значение стали приобретать социальные факторы, вопросы социально-экономического развития вообще. Стали разрабатываться проблемы социологии познания, в частности вопросы социальной детерминации развития познания, что весьма важно для определения направленности и темпов развития науки.

Философия объединяет на единой методологической и мировоззренческой основе частные науки как элементы единой системы — науки как целого, непрерывно воссоздает качественно новую целостность познавательного процесса. На переднем крае этого процесса становления целостности находится взаимодействие философии и естествознания.

Интегративно-синтезирующая функция философского знания обнаружила себя в самом начале возникновения диалектического материализма, но особенно рельефно проявилась в процессе обретения единства естественнонаучного знания. Интегративные процессы в естествознании в наше время расширили свои рамки и границы, вышли за пределы наук о природе, стали проявляться в науках об обществе и технике. По сути дела, ленинская идея союза философии и естествознания обрела новые масштабы и формы. Расширение союза философии с частными науками в наше время выступает как объективная и необходимая тенденция, закономерность познания, существенно повышающая роль философии в синтезе, сближении всех основных отраслей современной науки.

1
Физика

XX век ознаменовался небывалым развитием естественных наук, оказавшим огромное влияние буквально на все сферы деятельности человека. Открытие новых закономерностей, рождение новых понятий, создание невиданных дотоле приборов и машин, принципиально иное осмысление законов природы поставили перед учеными, прежде всего перед физиками, задачу адекватного философского восприятия нового круга явлений.

В постановке и решении основных философских проблем, прямо или косвенно связанных с революционными преобразованиями физики первой половины XX в., ученые нашей страны за годы Советской власти прошли большой путь, опираясь на основополагающие идеи классиков диалектического материализма, на прочные материалистические традиции, заложенные в России трудами М. В. Ломоносова, Н. И. Лобачевского, В. В. Петрова, Э. Х. Ленца, А. Г. Столетова, П. А. Умова, П. Н. Лебедева и других, и, наконец, на собственные творческие достижения в развитии магистральных направлений экспериментальной и теоретической физики.

Существует тесная взаимосвязь между фундаментальными открытиями и теориями XX в. в области физики и развитием таких важнейших философских категорий, как объективная истина, причинность, пространство и время, физическая реальность и др. Именно эта взаимосвязь и является одним из конкретных проявлений того, что материалистическая диалектика развивается «с учетом революционных сдвигов в науке и общественной жизни, на основе творческого взаимодействия философии и всех областей научного знания»[1].

Философское значение и методологические вопросы теории относительности. Созданная А. Эйнштейном в 1905 г. специальная теория относительности выросла, с одной стороны, из доказательства несостоятельности попыток преодоления в рамках ньютоновской физики трудностей и противоречий электродинамики быстро движущихся сред (в связи с опытом Майкельсона) и из глубокого анализа природы пространственно-временных измерений — с другой.

Один из наиболее фундаментальных результатов теории состоит в том, что обеспечить универсальный (не зависящий от выбора системы координат) вид физических законов можно только путем признания относительности масштабов пространства и времени, связанных друг с другом и со скоростью движения наблюдателя (т. е. с выбором конкретной системы отсчета) через фундаментальную физическую константу C, численно равную скорости света в вакууме. Показано при этом, что ньютоновское представление об абсо-

[1] *Федосеев П. Н.* В. И. Ленин и философские проблемы современного естествознания. М., 1981, с. 20.

лютном характере понятия одновременности неизбежно связано с допущением возможности бесконечно большой скорости распространения материальных взаимодействий.

Недостаточное овладение диалектикой, с одной стороны, смешение физических и философских проблем — с другой, породили одно время среди части советских философов и физиков тенденцию к отрицанию этого поразительного вывода, а вместе с ним и теории относительности вообще [2].

Наряду с этим следует отметить и правильные философские оценки теории относительности, данные еще в 20-х годах [3].

Негативизм, характерный для ряда работ 20-х, 30-х и начала 50-х годов, являлся, помимо всего прочего, реакцией на те идеалистические философские построения, которые в изобилии возникали вокруг теории А. Эйнштейна.

Необычность многих положений новой теории, переоценка относительного характера измерения пространственно-временных величин и роли наблюдателя послужили основой многочисленных «спекуляций» (в философском смысле этого термина) со стороны идеалистов, стремившихся разгромить материализм от имени современной физики. При этом они использовали то, что при обсуждении гносеологических вопросов сам А. Эйнштейн отдал определенную дань операционализму и в известной мере позитивизму вообще. Так возникли утверждения, что пространство и время — это произвольная сетка, налагаемая на хаос явлений природы сознанием человека, что материя может превращаться в энергию и обратно, что космологическая теория А. Эйнштейна «подтверждает» божественное сотворение мира и пр.

Без подлинно диалектической гибкости мышления оказались невозможными осмысление и объективная оценка огромного революционизирующего влияния идей теории относительности. Значительную роль в этом процессе сыграли работы 30-х годов, посвященные как пропаганде философских взглядов В. И. Ленина на материю, пространство, время и движение, так и анализу общей ситуации в физике того времени с позиций диалектического материализма [4]. Особенно много в этом направлении было сделано

[2] См.: *Максимов А. А.* О значении абстракции в механике и физике.— В кн.: Философские вопросы современной физики. М., 1952; *Тимирязев А. К.* Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм.— В кн.: Тимирязев А. К. Естествознание и диалектический материализм. М., 1925; *Он же.* Ответ тов. Семковскому. Экспериментальное опровержение принципа относительности Эйнштейна.— Под знаменем марксизма, 1925, № 8/9; и др.

[3] См.: *Семковский С. Ю.* Диалектический материализм и принцип относительности. М.; Л., 1926; *Шмидт О. Ю.* Задачи марксистов в области естествознания.— В кн.: Труды II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений. М., 1929, вып. 2; и др.

[4] См.: *Митин М.* К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма.— Под знаменем марксизма, 1931, № 7/8; *Хайкин С.* Достижения в области физики за 15 лет.— Под знаменем марксизма, 1932, № 9/10; *Иоффе А. Ф.* О положении на философском фронте советской физики.— Под знаменем марксизма, 1937, № 11/12.

С. И. Вавиловым[5], который прекрасно знал историю физики и на опыте ее многовекового развития доказывал, что, обладая исключительной общностью и широтой охвата явлений природы, физика всегда влияла на развитие философии и вместе с тем сама постоянно испытывала воздействие философских систем. Именно поэтому он обосновывал необходимость союза физики с диалектико-материалистической философией.

Хотя уже к концу 20-х годов выяснилась полная несостоятельность всех объяснений новых открытий в физике с дорелятивистских механистических позиций, попытки коренного пересмотра логической структуры теории А. Эйнштейна продолжались еще очень долго. При этом наметились три основные методологические линии.

Первая точка зрения была представлена И. В. Кузнецовым и Р. Я. Штейнманом[6], а также Л. Яноши[7] в Венгрии. Уравнения Эйнштейна признавались справедливыми, но вся система его взглядов на метрические свойства пространства и времени объявлялась несостоятельной. Предлагалась трактовка уравнения А. Эйнштейна с позиций так называемой теории быстрых движений и была сделана чересчур прямолинейная попытка найти прямые динамические причины изменения пространственных и временных протяженностей в телах, движущихся относительно окружающей их среды[8].

Второе направление, развивавшееся А. Д. Александровым[9], исходило из правильности физических воззрений Эйнштейна на содержание основных результатов теории относительности, но ставило своей задачей полную перестройку ее методологии. Как известно, сам А. Эйнштейн начинает изложение теории с ревизии традиционных представлений об абсолютном характере одновременности и в результате приходит к существованию физических величин, имеющих инвариантный характер (квадраты длин четырехмерных векторов), и к инвариантной форме записи физических законов. Таким образом, эйнштейновская логика развития теории ведет через относительное к познанию абсолютного. А. Александров же считал необходимым с самого начала ввести представление об абсо-

[5] См.: *Вавилов С. И.* Новая физика и диалектический материализм.— Под знаменем марксизма. 1938, № 12; *Он же.* Философские проблемы современной физики и задачи советских физиков в борьбе за передовую науку.— В кн.: Философские вопросы современной физики.

[6] См.: *Кузнецов И. В.* Советская физика и диалектический материализм.— В кн.: Философские вопросы современной физики; *Штейнман Р. Я.* За материалистическую теорию быстрых движений.— Там же.

[7] См.: *Яноши Л.* Философский анализ специальной теории относительности.— Вопр. философии, 1961, № 9.

[8] Обсуждение относящихся сюда физических проблем можно найти в статье: *Фейнберг Е. Л.* Можно ли рассматривать релятивистское изменение масштабов длины и времени как результат действия некоторых сил.— УФН, 1975, т. 116, вып. 4.

[9] См.: *Александров А. Д.* По поводу некоторых взглядов на теорию относительности.— Вопр. философии, 1953, № 5; *Он же.* Философское содержание и значение теории относительности.— Вопр. философии, 1959, № 1.

лютной пространственно-временной структуре мира, которая явилась бы прямым проявлением его причинно-следственной структуры и позволила бы ввести пространственные преобразования Г. А. Лоренца как группу преобразований, сохраняющих определенную систему отношений физических воздействий с характерной для них предельной скоростью распространения. Однако с математической точки зрения такой путь не представляется однозначным.

Наконец, третья линия в трактовке методологических основ теории относительности наиболее четко была сформулирована В. А. Фоком и Л. И. Мандельштамом [10].

В. Фок сосредоточил свое внимание не на логике вывода основных уравнений теории относительности (как частной, так и общей), а на ее физической аксиоматике. Он показал, в частности, что наряду с двумя явно использованными А. Эйнштейном постулатами частной теории (принцип относительности и принцип существования конечной скорости распространения электромагнитных возмущений, не зависящей от скорости их источника) в теории неявно предполагается еще и независимость метрики пространства-времени от природы соответствующих физических процессов.

Поправки к постулатам А. Эйнштейна В. Фок сделал и в области общей теории относительности, которую, как он считал, правильно называть просто теорией тяготения, поскольку тяготение объясняется здесь искривляющим действием материальных тел на структуру (метрику) окружающего их пространства. Как утверждает В. Фок, никакой общей относительности в неинерциальных системах не существует из-за различных начальных и предельных условий для одних и тех же уравнений. Точка зрения В. Фока по этому вопросу не является, однако, общепринятой среди советских физиков.

При наличии ряда существенных методологических расхождений в оценке исходных положений теории относительности и логики ее построения подавляющее большинство советских физиков и философов пришли к согласию в философской оценке ее главных результатов [11]. Эта оценка состоит прежде всего в том, что выявленная А. Эйнштейном [12] глубокая связь структурных (точнее, метрических) свойств пространства и времени друг с другом и с со-

[10] См.: *Фок В. А.* Теория пространства, времени и тяготения. 2-е изд. М., 1961; *Он же.* О роли принципов относительности и эквивалентности в теории тяготения Эйнштейна.— Вопр. философии, 1961, № 12; *Мандельштам Л. И.* Полн. собр. тр. Л., 1950. Т. V.

[11] См.: *Гинзбург В. Л.* О теории относительности. М., 1979; *Наан Г. И.* К вопросу о принципе относительности в современной физике.— Вопр. философии, 1951, № 2; *Он же.* О бесконечности Вселенной.— Вопр. философии, 1961, № 6; *Свидерский В. И.* Философское значение пространственно-временных представлений в физике. Л., 1956; *Аскин Я. Ф.* Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1956; *Дышлевой П. С.* Материалистическая диалектика и физический релятивизм. Киев, 1972; *Готт В. С., Тюхтин В. С., Чудинов Э. М.* Философские проблемы современного естествознания. М., 1974.

[12] См.: *Эйнштейн А.* Собр. науч. тр. М., 1966. Т. 2

стоянием движения материи в целом является новым проявлением и подтверждением диалектико-материалистического тезиса о пространстве и времени как об объективных формах существования материи. При этом свойства времени и пространства в прошлом (особенно вблизи так называемой сингулярности) могли существенно отличаться от того, что мы знаем о них сегодня[13] Не менее важен и вывод об относительном характере пространства и времени, в смысле их конкретной зависимости как форм бытия движущейся материи от содержания, каковым являются коренные свойства самой материи (в частности, скорость движения в частной и распределение плотности в общей теории относительности). Наконец, рассмотрение пространства и времени уже не в качестве характерного для Ньютона пассивного вместилища событий, а в качестве всеобщих форм бытия[14] позволило вскрыть взаимосвязь многих, казавшихся ранее изолированными физических величин и понятий, таких, как магнитное и электрическое поле, энергия и импульс, масса и скорость, масса инертная и масса гравитирующая, наконец, масса и энергия.

Среди перечисленных выше вопросов в нашей печати и в устных дискуссиях особенно подробно обсуждался вопрос о взаимосвязи понятий массы и энергии и о значении фундаментального соотношения А. Эйнштейна $E=MC^2$[15].

Масса и энергия являются физическими понятиями, которые для физика служат количественной мерой, отражающей особенности таких фундаментальных философских категорий, как материя и движение, соответственно. Неудивительно, что неумение провести четкую грань между физическими и философскими проблемами неоднократно приводило здесь к большой путанице и ко многим «недоразумениям» между физиками и философами.

Обстоятельное обсуждение этого вопроса происходило в 1952 г. на специальном заседании Ученого совета сектора диалектического материализма Института философии АН СССР. В частности, в докладе И. В. Кузнецова[16] было показано, как в работах целого ряда американских физиков, не говоря уже о философах-идеалистах, проявляется попытка «опровергнуть» материализм с позиций энергетизма, ссылаясь при этом на авторитет Эйнштейна и на его

[13] См.: *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Проблемы современной космологии.— Вопр. философии, 1974, № 4.

[14] См.: *Таммару Ю. В.* Пространство как система отношений.— Учен. зап. Тарт. ун-та, 1965, вып. 174. (Тр. по философии; IX); *Готт В. С.* Философские вопросы современной физики. 2-е изд. М., 1972.

[15] См.: *Рудаш В.* Проблемы материи в новейшей естественнонаучной и философской литературе.— Под знаменем марксизма, 1929, № 6; *Фридман В.* Против отрицания закона сохранения и превращения энергии.— Под знаменем марксизма, 1937, № 11/12; *Гальперин Ф.* Современные взгляды на природу массы и протяженность электрона.— Под знаменем марксизма, 1940, № 6.

[16] См.: *Кузнецов И. В.* Против идеалистических извращений понятий массы и энергии.— УФН, 1952, т. XLVIII, вып. 2.

порой неудачную терминологию. Подробно аргументированная трактовка этого вопроса была дана С. И. Вавиловым [17], который показал, что так называемая эквивалентность массы и энергии означает не их взаимную превращаемость или, более того, тождественность, а только глубокую взаимосвязь этих двух принципиально различных понятий.

Среди поставленных Эйнштейном в связи с общей теорией относительности, но еще далеко не решенных проблем стоят сложные проблемы космологии и космогонии, подробно рассматривавшиеся в методологическом и в общефилософском плане А. Л. Зельмановым [18] и Г. И. Нааном [19]. Отметим здесь такие вопросы: 1) единство и различие между двумя частями материального мира — природой как совокупностью микро- и макроявлений, изучаемых средствами физического эксперимента, и Вселенной, которая изучается в астрономических наблюдениях; 2) о неправомерности экстраполяции свойств наблюдаемой астрономами части Вселенной на всю Вселенную, в которой могло бы осуществляться все многообразие физических условий, явлений и движения; 3) о правомерности построения космологии как физического учения о Вселенной в целом и о той специфической форме, в которой здесь выступает критерий практики; 4) об относительности, условности противопоставления конечной и бесконечной (в пространстве и во времени) Вселенной, которое осложняется тем, что структура пространства может определяться не только наличием его кривизны (и знаком этой кривизны), но и топологическими свойствами, и в частности возможным наличием анизотропии и неоднородности Вселенной.

Исследованию философской позиции А. Эйнштейна были посвящены работы В. А. Фока, Б. Г. Кузнецова, Б. М. Кедрова [20]. В. Фок характеризует позицию А. Эйнштейна как стихийный, непоследовательный материализм с уступками позитивизму [21], который Эйнштейну удалось в значительной мере преодолеть в зрелый период его творчества. Философская позиция А. Эйнштейна нашла свое отражение и в его творчестве как физика. Он очень высоко ценил роль такого требования к физической теории, как «внутреннее совершенство» (т. е. простота и логическая стройность), и до конца

[17] См.: *Вавилов С. И.* Философские проблемы современной физики и задачи советских физиков в борьбе за передовую науку.— В кн.: Философские вопросы современной физики.

[18] См.: *Зельманов А. Л.* К постановке космологической проблемы.— В кн.: Тр. Второго съезда Всесоюз. астрономо-геодез. о-ва. М., 1960.

[19] См.: *Наан Г. И.* К проблемам бесконечности.— Вопр. философии, 1965, № 12.

[20] См.: *Фок В. А.* Замечания к творческой автобиографии Альберта Эйнштейна.— УФН, 1956, т. XIX, вып. 2; *Кузнецов Б. Г.* Эйнштейн. М., 1962; *Кедров Б. М.* О теории Эйнштейна и о взглядах Энгельса и Ленина.— В кн.: Философия, естествознание, современность. М., 1981.

[21] Критика идей позитивизма дана М. Э. Омельяновским. См.: *Омельяновский М. Э.* Философская борьба в современной физике вокруг проблемы объективного и субъективного.— Вопр. философии, 1976, № 2.

дней своих верил в возможность чисто умозрительного пути создания всеобъемлющей теории, пригодной для любых физических полей. При этом, однако, характерным для А. Эйнштейна всегда оставалось его глубокое убеждение в объективности внешнего мира, в частности утверждение, что «уверенность в существовании внешнего мира, независимого от познающего субъекта, лежит в основе всего учения о природе».

Более подробное обсуждение различных методологических вопросов теории относительности дается в ряде работ 70-х годов [22], особенно в коллективной монографии «Эйнштейн и философские проблемы физики XX века» (М., 1979).

Философские проблемы, поставленные нерелятивистской квантовой механикой. Сформулированные Н. Бором в 1913 г. постулаты — эти как бы «черновые наброски» квантовой механики — отражали важнейшие особенности явлений микромира: 1) относительная устойчивость состояний и свойств вещества есть результат дискретности состояний его атомных систем, характеризуемых набором квантовых чисел (правила отбора); 2) переходы между различными дискретными состояниями представляют собой тоже дискретный акт и не укладываются в рамки классической электродинамики и вообще классических представлений о пространстве-времени; при этом частота излучения определяется не только начальным, но и конечным состоянием электрона в атоме (правило частот).

Как известно, дальнейшее развитие и обобщение волновых представлений Л. де Бройлем, Э. Шредингером и другими привело к формулировке волнового варианта теории, а развитие идей, связанных с определением вероятностей или, точнее, амплитуд переходов,— к формулировке матричного варианта (В. Гейзенберг).

Начиная с 1927 г., когда четко определилась так называемая копенгагенская интерпретация основных уравнений и постулатов теории, перед философами и физиками встали следующие фундаментальные гносеологические проблемы, в значительной мере связанные с интерпретацией понятия волновой функции: трактовка корпускулярно-волнового «дуализма» в природе микрообъектов; отказ от классической причинности и полнота квантовомеханического описания движения микрообъектов; проблема физической реальности во взаимоотношениях субъекта, прибора и объекта исследований; соотношение причинного и пространственно-временного описания явлений микромира.

Основатели квантовой теории Н. Бор и В. Гейзенберг в 1926 г. предложили решение всех этих проблем на основе концепции дополнительности, которую сам Н. Бор рассматривал как «последо-

[22] См.: Пространство, время, движение. М., 1971; *Чудинов Э. М.* Теория относительности и философия. М., 1974; *Габараев А. Д., Молчанов Ю. Б.* Проблема времени и теория относительности.— В кн.: Философские вопросы естествознания. М., 1976, ч. 1; *Ахундов М. Д.* Структура пространства и времени.— Там же; *Молчанов Ю. Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977.

вательное обобщение идеала причинности»[23]. Концепция дополнительности волнового (и тем самым пространственно-временного) и корпускулярного (прежде всего динамического) способов описания явлений микромира в литературе часто отождествляется с принципом дополнительности, хотя достаточно четкой и однозначной формулировки этого принципа, как правило, не приводится. Суть этой идеи заключается в том, что в зависимости от условий и конкретной постановки физического эксперимента проявляются те или иные характеристики микрочастицы, объективно присущие ей, а сами эти условия, необходимые для выявления, с одной стороны, волновых, а с другой — корпускулярных характеристик, взаимно исключают и в то же время дополняют друг друга. Концепция дополнительности позволила дать методологическую трактовку и соотношениям неопределенности Гейзенберга, которые задают количественные ограничения применимости к микрочастицам основных (строго применимых лишь в области макромира) понятий классической физики (координата и импульс).

В дальнейшем Н. Бор уделил много сил попыткам применения и обобщения этой концепции к явлениям, далеко выходящим за пределы квантовой механики и физики вообще, вследствие чего она и превратилась в гносеологический принцип. Как показали дискуссии между Н. Бором и советскими учеными в 1961 г.[24], этот принцип можно рассматривать как одно из проявлений диалектического закона единства противоположностей в явлениях природы[25].

Сам Н. Бор, уделявший большое внимание вопросам гносеологии, с самого начала, по-видимому, отчетливо представлял себе, что приведшие к созданию квантовой теории пересмотр и углубление ряда фундаментальных физических понятий означают отнюдь не отказ от материалистического взгляда на мир, а лишь отказ от свойственной метафизическому, примитивному материализму абсолютизации классического «идеала» причинности, связанного с представлением о движении материальных точек по строго однозначным траекториям в любых условиях. Наряду с этим именно Н. Бор больше, чем кто-либо другой, сумел подчеркнуть рациональное зерно принципа дополнительности, связанное как с выражением объективной диалектики противоречивых, корпускулярно-волновых свойств микрочастиц, так и с особой ролью процесса взаимодействия микрообъекта с макроприбором.

Однако тот же Н. Бор вначале, по-видимому, не замечал, что в концепции дополнительности имеется ряд недоговоренностей, открывающих многочисленные лазейки как позитивизму, так и субъективному идеализму. Лишь под влиянием многолетних дискуссий

[23] *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, с. 44.

[24] См.: Развитие современной физики. М., 1964.

[25] См.: Материалистическая диалектика и концепции дополнительности. Киев, 1975; Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. М., 1976.

с А. Эйнштейном, а также с В. Фоком и другими советскими учеными[26] Н. Бор перестал настаивать на некоторых утверждениях, носящих позитивистский характер. Таковы были, в частности, утверждения о якобы неконтролируемом характере взаимодействия прибора с микрообъектом и о том, что характерная для микромира черта неделимости атомных процессов якобы «несовместима с самой идеей причинности»[27].

С другой стороны, основываясь на принципе дополнительности (или, во всяком случае, не вступая с ним в явное противоречие), более далекие от диалектического материализма ученые, такие, как В. Гейзенберг[28], П. Дирак и особенно П. Иордан (не говоря уже о философах-идеалистах вроде Ф. Франка и Г. Рейхенбаха), пытались найти в нем аргумент против материализма вообще.

Естественно, что не только в СССР, но и среди передовых зарубежных ученых возникло стремление разобраться по существу в сложных методологических и философских проблемах, связанных с интерпретацией квантовой механики. Принципиальные подходы к материалистической интерпретации квантовой механики можно разделить на три основных направления.

Первое направление, характеризующееся попыткой свести законы квантовой механики к динамическим законам классического или полуклассического типа путем введения в той или иной форме «скрытых» параметров, сформировалось в значительной мере под влиянием французской школы Л. де Бройля[29] и отчасти работы Д. Бома (1952). Среди физиков нашей страны оно поддерживалось в значительной мере выступлениями Я. П. Терлецкого и Д. Д. Иваненко, которые возлагали большие надежды на развитие так называемого нелинейного направления в квантовой механике. Их позиция состояла в том, чтобы, отвергнув принцип дополнительности, отказаться вообще от присущего копенгагенской школе взгляда на симметрию корпускулярных и волновых свойств материи.

Следует, однако, отметить, что ни одно из направлений, связанных с понятием нелинейного поля, пока не дало новых предсказаний, выходящих за рамки обычной квантовой механики; в лучшем случае можно было получать уже известные результаты, только более сложным путем.

Второе направление, начатое Л. И. Мандельштамом и К. В. Никольским и наиболее активно развиваемое в дальнейшем Д. И. Бло-

[26] См.: *Марков М. А.* О природе физического знания.— Вопр. философии, 1947, № 2; *Он же.* О природе материи. М., 1976; *Блохинцев Д. И.* Критика философских воззрений так называемой «копенгагенской школы» в физике.— В кн.: Философские вопросы современной физики; *Фок В. А.* Об интерпретации квантовой механики.— В кн.: Философские вопросы современной физики. М., 1959; *Он же.* Дискуссия с Нильсом Бором.— Вопр. философии, 1964, № 8.

[27] *Бор Н.* Квантовая физика и философия.— УФН, 1959, т. XVII, вып. 1, с. 37.

[28] См.: *Гейзенберг В.* Физика и философия. М., 1968.

[29] См.: *Бройль Л. де.* Интерпретация волновой механики.— Вопр. философии, 1956, № 6.

хинцевым [30], исходит из того, что волновая функция не дает описания состояния индивидуального микрообъекта, но лишь характеризует его принадлежность к определенному ансамблю тождественных микрообъектов. Что касается причин статистического характера законов движения микрообъектов, то их, по мнению Д. Блохинцева, следует искать в особенностях взаимодействия отдельного микрообъекта с окружающей его микрообстановкой (прибором). Правда, такой подход, как отмечал В. Фок [31], еще не решает вопроса о причинах неоднозначности квантовых переходов.

Д. Блохинцев указывает, что наличие неоднозначного исхода динамических взаимодействий материальных объектов в квантовой механике является основой для введения понятия вероятности различных переходов и в то же время выражением новых форм необходимости и причинности в природе.

Третье направление стремится сохранить в силе основные физические идеи копенгагенской интерпретации волновой функции как математического образа состояния индивидуальных микрообъектов, разоблачив связанные с ней позитивистские и идеалистические наслоения и сделав соответствующие философские выводы с позиций диалектического материализма.

Эта концепция излагалась в работах В. Л. Гинзбурга, Б. Г. Кузнецова, М. Э. Омельяновского, А. Д. Александрова. Весьма детально она развита в работах В. Фока [32]. В. Фок, в частности, подчеркивает, что квантовомеханическое описание вполне объективно, но носит неабсолютный характер, поскольку оно относится к объекту, который так или иначе взаимодействует с прибором определенного типа. Такая точка зрения не только оставляет в силе полную симметрию волновых и корпускулярных свойств микрообъекта, но и подчеркивает диалектический характер единства их противоположности. В то же время она отнюдь не порывает с принципом причинности, ибо, с одной стороны, уравнение Э. Шредингера может

[30] См.: *Мандельштам Л. И.* Собр. соч. М., ... Т. 5; *Никольский К. В.* Квантовые процессы. М.; Л., 1940; *Блохинцев Д. И.* Элементарные частицы и поле.— УФН, 1950, т. XLII, вып. 1; *Он же.* Критика идеалистического понимания квантовой теории.— УФН, 1951, т. XIV, вып. 2; *Он же.* О квантовых ансамблях.— Вопр. философии, 1963, № 9; *Он же.* Принципиальные вопросы квантовой механики. М., 1966.

[31] См.: *Фок В. А.* О так называемых ансамблях в квантовой механике.— Вопр. философии, 1952, № 4; *Он же.* Об интерпретации квантовой механики.— УФН, 1957, т. XII, вып. 4.

[32] См.: *Гинзбург В. Л.* Памяти Нильса Бора.— В кн.: Нильс Бор. М., 1967; *Кузнецов Б. Г.* Фундаментальная физическая идея Бора.— В кн.: Нильс Бор; *Он же.* Принцип дополнительности. М., 1968; Философские вопросы квантовой физики. М., 1970; *Омельяновский М. Э.* Ленин и проблемы диалектики в современной физике.— В кн.: Физическая наука и философия. М., 1973; *Он же.* Диалектика в современной физике. М., 1973; *Он же.* Гейзенберг и развитие физических понятий.— Вопр. философии, 1975, № 1; *Александров А. Д.* О смысле волновой функции.— Докл. АН СССР, 1952, т. 85, № 2; *Фок В. А.* Об интерпретации квантовой механики.— В кн.: Философские вопросы современной физики. М., 1959; *Он же.* Квантовая физика и философские проблемы. М., 1970.

рассматриваться как особая форма причинного изменения состояния индивидуального микрообъекта под действием внешних сил и полей, а с другой стороны, как отметил В. Гинзбург, требование «изгнать вероятность» из квантовой механики связано с попытками абсолютизировать в применении к микрочастицам классический образ материальной точки с характерными для нее одновременно существующими значениями координаты и импульса и традиционное представление о причинности.

В этой концепции, как показал В. Фок, вся необычность законов квантовой механики сводится к двум главным особенностям квантовомеханического описания явлений:

1) к относительности описания к средствам наблюдения (и это можно рассматривать как обобщение характерного для теории относительности принципа относительности к системе отсчета);

2) к обобщению понятия состояния системы или объекта на основе понятий о потенциально возможном (что проявляется, в частности, при использовании математического аппарата волновых функций) и о диалектическом единстве возможного и действительного.

Подробное обсуждение вероятностной концепции на основе системных представлений дано в работе Ю. В. Сачкова[33].

Таким образом, среди советских ученых имеются разные точки зрения на существенные методологические вопросы квантовой механики. Окончательное решение этих вопросов, по-видимому, придется отложить до построения и экспериментальной проверки какой-то более общей физической теории, которая сможет включить в себя в качестве частных случаев и релятивистскую механику макромира и нерелятивистскую механику микрочастиц. Общий же философский вывод, в котором едины советские ученые, как физики, так и философы, состоит в следующем. Квантовая механика вскрыла новые, глубоко диалектические черты в свойствах материи (сочетание волновых и корпускулярных свойств), в кинематике ее движения и в формах проявления причинности. Несмотря на всю необычайность этих свойств, объективный характер их не вызывает сомнений, основой же для идеалистических наслоений в значительной мере явилось, во-первых, одностороннее подчеркивание относительного характера описания микрообъектов и, во-вторых, отождествление характерного для классической физики лапласовского детерминизма с концепцией объективной причинности в природе вообще.

Среди гносеологических проблем квантовой механики на первом месте стоит проблема физической реальности, в трактовке которой и выявилась основная линия борьбы между идеализмом и материализмом.

[33] См.: *Сачков Ю. В.* Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. М., 1971.

Переоценка роли прибора в духе взглядов о наличии якобы принципиальной координации между объектом и субъектом привела одного из творцов квантовой механики — В. Гейзенберга к своеобразному логическому скачку от признания двух дополняющих друг друга классов приборов к абсурдному заключению о том, что физика всегда находится перед альтернативой отказа от причинного или пространственно-временного описания явлений микромира. Традиционная для позитивистов критика принципа причинности направлена главным образом против характерной для динамических законов классической физики формулировки его в духе лапласовского детерминизма с однозначной предсказуемостью событий по исчерпывающим начальным данным в мире движущихся материальных точек. Как показано, однако, в работах Г. А. Свечникова и Г. Б. Жданова [34], основное содержание принципа причинности состоит в том, что изменения состояний движения обусловлены взаимодействием материальных объектов; при этом та особая ситуация, которая возникает в микромире из-за сочетания волновых и корпускулярных свойств этих объектов, приводит не к исчезновению всякой причинности, а лишь к изменению форм ее проявления.

Позитивистская тенденция проявляется у В. Гейзенберга и в философской оценке требования принципиальной наблюдаемости. Как отметил М. Омельяновский [35], это требование имело определенную эвристическую ценность, поскольку предположение о принципиальной одновременной ненаблюдаемости положения и скорости электрона в атоме привело В. Гейзенберга и к соотношению неопределенности (задающему границы применимости этих классических понятий), и к созданию матричного математического аппарата. Но если физическая реальность — это только показания приборов, а задачей теории считается лишь описание связей между результатами измерений, то естественно, что все величины, не поддающиеся прямому наблюдению, оказываются излишним балластом. Подобного рода «приборный идеализм» никогда не разделялся Н. Бором, который неоднократно обсуждал вопрос, где именно должна проводиться граница между субъектом и объектом исследования в конкретных экспериментах, и обращал внимание на то, что хотя в квантовой механике эта граница относительна, подвижна, но она обязательно существует. Такая точка зрения остается материалистической до тех пор, пока утверждение об относительном характере проявления тех или иных свойств исследуемого объекта сочетается с признанием объективности этих свойств, т. е. их независимости от человеческого сознания.

Одним из интересных аспектов проблемы физической реальности являются вопросы о роли наглядных моделей и математических

[34] См.: *Свечников Г. А.* Категория причинности в физике. М., 1961; *Жданов Г. Б.* Концепция причинности и ее значение в физике.— Вопр. философии, 1968, № 2.

[35] См.: Методологические проблемы теории измерений. Киев, 1966.

гипотез, рассмотренные, в частности, в статьях М. Омельяновского и И. Кузнецова [36], а до этого — еще в трудах Л. Мандельштама [37].

В тех случаях, когда формирование того или иного физического понятия требует высокой степени абстракции, отрыва от привычных образов, связанных с показаниями органов чувств, и понятий, связанных с известным кругом явлений, вступает в силу формализованная логика в виде соответствующего математического аппарата и определенных постулатов, касающихся сопоставления этого аппарата с физическими величинами. Решающим критерием реальности того или иного свойства (или объекта в целом) диалектический материализм считает не наглядность, а степень адекватности отображения сущности того или иного круга явлений и объектов.

Более подробное изложение данного круга вопросов (вместе со списком литературы) можно найти в работе Л. Б. Баженова [38].

Некоторые уроки развития квантовой теории поля и физики элементарных частиц. Завершение стройного математического аппарата нерелятивистской квантовой механики, с одной стороны, и целая серия удивительных открытий новых частиц, новых свойств и типов их взаимодействий — с другой, вплотную подвели физиков к необходимости релятивистской квантовой теории, которая явилась бы синтезом теории относительности и «обычной» квантовой теории. Анализ таких попыток содержится, в частности, в работах М. А. Маркова, В. Б. Берестецкого, В. Я. Файнберга и А. А. Логунова [39].

Даже самое общее рассмотрение принципиально новых экспериментальных фактов, которые призвана отразить новая теория, вместе с трудностями выполнения этой задачи в рамках более или менее «традиционных» физических идей показывает, сколь своеобразным оказался современный этап научного атомизма. При взаимодействиях частиц достаточно высокой энергии взаимное превращение частиц разной природы становится практически универсальным явлением. Поэтому в отличие от нерелятивистской квантовой теории новая теория должна быть справедливой для системы с переменным числом степеней свободы, и это обстоятельство с успехом может быть учтено, если процессы рождения или поглоще-

[36] См.: *Омельяновский М. Э.* Проблема наглядности в физике.— Вопр. философии, 1961, № 11; *Кузнецов И. В.* О математической гипотезе.— Вопр. философии, 1962, № 10.

[37] См.: *Мандельштам Л. И.* Лекции по оптике, теории относительности и квантовой механике. М., 1972.

[38] См.: *Баженов Л. Б.* Философские вопросы квантовой механики.— В кн.: Философские вопросы естествознания.

[39] См.: *Марков М. А.* О современной форме атомизма.— Вопр. философии, 1960, № 3, 4; *Он же.* О понятии первоматерии.— В кн.: Теория познания и современная физика. М., 1972, вып. IV; *Берестецкий В. Б.* Динамические симметрии сильно взаимодействующих частиц.— УФН, 1965, т. 85, вып. 3; *Файнберг В. Я.* Специфические черты квантовой теории элементарных частиц.— Там же; *Логунов А. А., Нгуен Ван Хъеу.* Основные тенденции в развитии теории сильных взаимодействий.— Физика элементар. частиц и атом. ядра, 1974, т. 5, вып. 3.

ния любых частиц рассматривать как скачкообразные изменения состояния возбуждения соответствующих непрерывных субстанций — полей.

Взаимная превращаемость элементарных частиц в области высоких энергий позволяет осуществить совершенно новый подход и к самому понятию «элементарная частица». В работах М. А. Маркова, И. Е. Тамма, В. С. Барашенкова, М. Э. Омельяновского [40] высказывается мысль о том, что на современном этапе атомизма физика столкнулась с новой постановкой диалектически противоречивых понятий структурного и простого, сложного и элементарного. Количественный критерий необходимости иного подхода к понятию элементарности может быть найден в относительной величине энергии связи частиц, ее образующих. Действительно, уже из даваемого нерелятивистской квантовой теорией соотношения неопределенностей между энергией и импульсом, с одной стороны, временны́ми и пространственными протяженностями микрообъектов — с другой, можно было подозревать, что на определенном этапе углубления в структуру частиц физикам, возможно, придется столкнуться с очень высокой степенью концентрации энергии, а значит, и с «субчастицами», масса которых существенно превышает массу целой системы. Однако наиболее популярной оказалась в последнее время прямо противоположная возможность существования субчастиц с малой массой, сила взаимодействия которых мала только на небольших расстояниях, но не позволяет разъединить их друг от друга, т. е. развести на большие расстояния [41]. К подобного рода картине в виде так называемой кварково-глюонной модели в последние годы приходят физики на основании опытных данных по глубоко неупругому взаимодействию электронов с протонами и по соударениям электронов с позитронами при высоких энергиях.

Анализируя дальнейшие перспективы работ по изучению структуры частиц, обладающих сильным воздействием (адронов), М. А. Марков [42] говорит и о большом философском значении физической идеи так называемого «бутстрапа» (буквально — «зашнуровки»), которая образно характеризуется как «ядерная демократия». Речь идет о модели, в которой частицы каждого сорта появляются как результаты взаимодействия частиц всех остальных типов, находящихся в особых, виртуальных состояниях.

При этом модель «ядерной демократии» можно рассматривать как диалектический синтез двух издавна враждующих между собой

[40] См.: *Марков М. А.* О современной форме атомизма; *Тамм И. Е.* Физика элементарных частиц. Современное состояние и перспективы.— Природа, 1965, № 6; *Омельяновский М. Э.* Проблема элементарного и сложного в физике микромира.— Вопр. философии, 1965, № 10; *Барашенков В. С.* Актуальные философские вопросы физики элементарных частиц.— Вопр. философии, 1965, № 9; Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1963.

[41] См.: *Дремин И. М.* Структура частиц. М., 1975.

[42] См.: *Марков М. А.* О современной форме атомизма.

концепций структуры материи — концепций неограниченной делимости и концепций праматерии (Марков называет их условно линиями Эмпедокла и Демокрита).

Не менее интересны в философском отношении предпринимаемые М. Марковым и другими физиками попытки привлечь к описанию строения частиц гравитационные силы, в частности модель «фридмонов» — элементарных частиц, представляющих собой почти замкнутую внутри себя вселенную. При полном отсутствии в данное время каких-либо экспериментальных подходов к проверке этих идей они интересны как попытки единого физического подхода к строению материи в масштабах мега- и микромира.

Большое методологическое значение имеет и достигнутый в последние годы существенный прогресс в построении физических теорий, охватывающих с единой точки зрения сначала слабые и электромагнитные, а в дальнейшем также и сильные взаимодействия [43].

В современной физике элементарных частиц представления о структуре тесно связаны с большой ролью симметрий и соответствующих им законов сохранения, о чем подробно говорилось в работах А. А. Соколова, Ю. В. Сачкова и Н. Ф. Овчинникова [44].

Глубокая внутренняя связь между законами сохранения и соответствующими симметриями пространства и времени имеет большое философское содержание с точки зрения общих свойств пространственно-временного движения. Так, например, сохранение энергии и импульса связано с однородностью времени и пространства, иначе говоря, с независимостью вида физических законов от выбора начала отсчета времени и координат. Сохранение момента количества движения частиц (без которого не имело бы никакого смысла понятие спина) связано с изотропией физических свойств пространства. Особую актуальность в физике частиц приобрело свойство зеркальной симметрии пространства, которое оказалось неабсолютным — нарушенным в процессах слабого взаимодействия частиц.

Открытие все новых и новых свойств частиц микромира свидетельствует прежде всего о неисчерпаемости материи, в полном согласии с гениальным предвидением В. И. Ленина. Всевозрастающая роль симметрии в познании природы частиц является характерным проявлением единства мира элементарных частиц и объективной основой для их научной классификации. Особенно важ-

[43] См.: *Арбузов Б. А., Логунов А. А.* Частицы и силы: поиски единства.— В кн.: Наука и человечество: Ежегодник, 1979. М., 1979; *Марков М. А.* О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира.— Вопр. философии, 1980, № 11, с. 60.

[44] См.: *Соколов А. А.* Развитие учения об элементарных частицах как познание все более глубоких объективных закономерностей микромира.— В кн.: Философские проблемы физики элементарных частиц; *Сачков Ю. В.* Развитие представлений физики об элементарных объектах в свете идей симметрии.— Вопр. философии, 1963, № 2; *Овчинников Н. Ф.* Принципы сохранения. М., 1966.

ным оказались в этом отношении так называемые унитарные симметрии, позволившие объяснить с единой точки зрения огромное разнообразие открытых за последние годы типов частиц.

Значение этих симметрий далеко выходит за пределы «удобной» схемы для единой классификации частиц. С их помощью оказалось возможным находить соотношения не только для зарядов, но и для масс частиц в пределах одного семейства (супермультиплета), а благодаря этому и предсказывать открытие «недостающих» членов семейства. Теория симметрий идет и дальше, позволяя находить связи между магнитными моментами разных частиц, константами взаимодействия их с полями и т. д.

К числу важнейших философских и физических проблем физики элементарных частиц относится анализ возможных путей коренного пересмотра современных представлений о пространстве и времени в малых масштабах, которому посвятили свои силы многие советские физики и философы[45]. Наиболее заманчивым путем в этом направлении являются попытки кардинального преодоления трудностей, связанных с бесконечными теоретическими значениями масс частиц, за счет квантования пространства и времени, т. е. введения некоторой фундаментальной константы l, которой соответствуют «атомы» пространства того же размера и «атомы» времени протяженностью l/c. Видоизменением той же идеи является представление о принципиально нелокальном характере взаимодействий, т. е. о невозможности точечной локализации частиц в пространстве и во времени.

Попытки пересмотра и обобщения существующих представлений о структуре пространства и времени органически связаны и с поисками новых форм причинной связи явлений микромира. Так, например, нелокальные теории, в которых взаимодействие мгновенно распространяется на какую-то малую область пространства-времени, вообще говоря, не удовлетворяют принципу причинности в микромасштабах. Однако можно представить себе такие математические модели нелокальных теорий, когда нелокальность распространена лишь на мнимую часть координат или времени, а следовательно, сверхсветовые сигналы отсутствуют в реальном пространстве-времени и микропричинность не нарушена.

Всевозрастающую роль в физике элементарных частиц играет познание физических свойств вакуума. Будущее развитие теории может пролить свет на очень важный вопрос о том, в какой мере флюктуации, связанные со взаимодействием частицы с вакуумом,

[45] См.: *Шапиро И. С.* О квантовании пространства и времени в теории элементарных частиц.— В кн.: Философские проблемы физики элементарных частиц; *Аронов Р. А.* К проблеме пространства и времени в физике элементарных частиц.— Там же; *Мелюхин С. Т.* К философской оценке современных представлений о свойствах пространства и времени в микромире.— Там же; *Барашенков В. С.* Элементарности и проблема структуры микрообъектов.— В кн.: Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977.

могут определять собой статистический характер законов ее движений. «Обрастание» вакуума конкретными физическими свойствами и превращение его в особую форму движения материи согласуются с точкой зрения диалектического материализма на философский смысл категорий пространства и времени как форм существования материи, а не как накладываемой сознанием человека координатной сетки событий.

Философские вопросы физики элементарных частиц продолжали интенсивно разрабатываться в 70-х годах [46].

Советскими исследователями в последние годы особенно активно изучается большая группа методологических проблем, связанных со спецификой самого процесса познания в современной физике. Результаты этих работ имеют существенное значение для развития и философии и естествознания [47].

Совместными трудами советских физиков и философов был внесен существенный вклад в решение философских и методологических проблем, связанных с крупнейшими достижениями физики XX в.

Сформулировано правильное соотношение между объективностью и относительностью научного описания и объяснения явлений природы. Речь идет, в частности, о вскрытой теорией относительности зависимости казавшихся ранее абсолютными пространственных и временны́х протяженностей от скорости движения соответствующих объектов относительно связанной с наблюдателем координатной системы, а также о вскрытой квантовой механикой зависимости импульсно-энергетических и пространственно-временны́х характеристик микрообъектов от выбора того или иного класса экспериментальной аппаратуры.

Наряду с исследованием качественно различных физических форм движения материи большое значение имеют установление и дальнейшие поиски ряда новых универсальных физических закономерностей (соотношение $E = mc^2$, принципиальная возможность объединения качественно разнородных полей в единое поле), свидетельствующих о единстве материального мира.

Открытие в микромире законов качественно нового, в частности вероятностного и распадного типа истолковано не с агностических позиций отрицания причинности и не с позиций существенной неполноты квантовой механики (как это утверждали сторонники скрытых параметров в статистической трактовке квантовой механики), а с позиций качественно новых форм причинности.

Вскрытая теорией относительности неразрывная связь пространственно-временны́х характеристик материи (метрика) с состоянием

[46] См.: *Ахчурин И. А., Степанов Н. И., Турсунов А.* Философские вопросы физики элементарных частиц.— В кн.: Философские вопросы естествознания.

[47] См.: *Ахундов М. Д., Молчанов Ю. Б., Степанов Н. И.* Философские вопросы физики.— Вопр. философии, 1980, № 12.

ее движения и чисто физическими характеристиками (распределение масс) в сочетании с обнаружением конкретных физических свойств вакуума явилась блестящим подтверждением и конкретизацией известного диалектико-материалистического тезиса о пространстве и времени как о формах существования движущейся материи.

Большие успехи, достигнутые теоретической физикой в использовании концептуального и математического аппарата симметрий различного типа для описания и классификации уже известных и для предсказания новых структурных свойств элементарных частиц и взаимодействий между ними, явились блестящим подтверждением известного тезиса В. И. Ленина о том, что причинные формы связи — это лишь малая часть всемирной, универсальной связи явлений природы.

Только на основе диалектической логики удалось правильно осмыслить лежащие в самом фундаменте строения материи такие на первый взгляд несовместимые противоположности, как понятия вещества и поля, частицы и волны, дискретного и непрерывного, которые органически присущи современным представлениям квантовой теории поля, и не только в физике элементарных частиц, но и в объяснении таких уникальных явлений, как индуцированное излучение (в лазерах и мазерах), сверхпроводимость и сверхтекучесть при сверхнизких температурах вещества.

Качественно новая форма атомизма в современной физике, сменившая собой концепцию XIX в. о неделимых и неизменных атомных или субатомных частицах, с характерной для нее универсальной взаимопревращаемостью всех «первичных» элементов материи, явилась блестящим подтверждением диалектического тезиса об универсальной взаимосвязи всех явлений природы.

2
Астрономия

Развитие современной астрономии представляет собой непосредственное продолжение революции, которая произошла в физике первой трети XX в. Новые импульсы для исследований Вселенной создала современная научно-техническая революция [48].

[48] См.: *Амбарцумян В. А.* Некоторые особенности современного развития астрофизики.— В кн.: Октябрь и научный прогресс. М., 1967, т. 1; *Он же.* Особенности развития современной астрофизики.— В кн.: Октябрь и наука. М., 1977; *Шкловский И. С.* Размышления об астрономии, ее взаимосвязи с технологией и влиянии на современную культуру.— Вопр. философии, 1969, № 5; *Гинзбург В. Л.* Современная астрофизика. М., 1970; *Петров В. Н.* Исследования космоса и научно-технический прогресс.— Вопр. философии, 1974, № 10; *Сагдеев Р. З., Зайцев Ю. И.* Космонавтика и научно-технический прогресс.— Вопр. философии, 1975, № 7, 8; Философские проблемы астрономии XX века. М., 1976; Астрономия. Методология. Мировоззрение. М., 1979.

Прогресс современной астрономии все более выявляет своеобразие ее объектов: они представляют собой сложные, многокачественные, саморазвивающиеся системы, «время жизни» которых, как правило, охватывает сотни миллионов или миллиарды лет, т. е. периоды, существенно превышающие эпоху астрономических наблюдений. Теории этих объектов должны быть по своему содержанию эволюционными.

В современной астрономии особенно рельефно проявляется практическая природа научного познания. Еще не так давно наука о Вселенной рассматривалась многими зарубежными астрономами как сравнительно мало связанная с социальной практикой, в частности с материально-производственной деятельностью общества. Между тем, как отмечалось многими советскими астрономами, подобное понимание природы научного познания является неверным. На самом деле исследования Вселенной реализуют не только цели, определенные внутренней логикой развития астрономии, но также во всевозрастающей степени цели, направленные на решение практических проблем, которые ставит развитие современного общества[49]. В частности, большое значение приобретает изучение фундаментальных свойств материи в широком диапазоне физических условий в эволюционирующей Вселенной, исследование ближнего космоса для его включения в сферу практической деятельности человека.

Практическая природа познания в астрономии проявляется также и в том, что многие из материальных и теоретических средств познания, определяющих основные направления исследований Вселенной, часто появляются как следствие социально-практической и научной деятельности, рамки которых выходят далеко за сферу собственных потребностей науки о небе. Так, революция в физике, итогом которой было и появление новых фундаментальных физических теорий — специальной и общей теории относительности и квантовой механики — и последующий прогресс физики элементарных частиц, физики плазмы и др., привела к подлинному перевороту в стиле мышления астрономов, в средствах и методах исследования Вселенной. Появление в ходе НТР новых космических средств и методов исследования Вселенной существенно изменило условия познания в астрономии. Появились возможности изучать небесные тела непосредственно из космоса, преодолев тем самым помехи, создаваемые земной атмосферой, а также совместно из космоса и с земной поверхности (например, наблюдения при помощи радиотелескопа, установленного на борту станции «Салют-6»).

Необычайно раздвинулись горизонты охваченной наблюдениями области Вселенной. Наряду с нашей Солнечной системой и Галактикой в центре внимания астрономов находится сейчас исследование Метагалактики — гигантского мира звездных систем и других

[49] См.: Философские проблемы астрономии XX века.

внегалактических объектов. Астрономия вступила в полосу величайших открытий, в результате которых обнаруживаются многочисленные принципиально новые, и притом все более «диковинные», явления [50].

Значительные успехи достигнуты в построении обоснованных моделей или теорий многих объектов и процессов во Вселенной, в их включении в систему физического знания, научную картину мира. Это потребовало радикальных изменений в представлениях о пространственно-временной структуре Вселенной, о протекающих в ней эволюционных процессах. Эволюционирующая Вселенная — не только расширяющаяся, но и буквально «взрывающаяся», как показали исследования последних десятилетий, так же мало похожа на картину статичной Вселенной, которую развивала астрономия начала XX в., как современные знания об изменчивости и взаимопревращаемости атомов и элементарных частиц на представления классической физики о неделимых атомах.

Изменения в способах исследовательской деятельности астрономов и системе знания о Вселенной обусловили резкое усиление значимости философской, методологической проблематики в этой науке, перестройку ее философских оснований, стиля мышления, принципов исследования, описания и объяснения космических явлений. Развитие астрономии уже в 20—30-х годах пришло в противоречие с принципами и установками метафизического, механистического материализма. В условиях кризиса философских основ естествознания, причины которого были проанализированы В. И. Лениным, за рубежом предпринимались многочисленные попытки истолковать достижения и проблемы астрономии с позиций субъективного и объективного идеализма, а в ряде случаев — в откровенно теологическом духе. Однако в работах советских ученых астрономов и философов было показано, что лишь материалистическая диалектика способна сформулировать адекватные философские основания современных исследований Вселенной. Обсуждение философских вопросов астрономии с позиций материалистической диалектики развивалось соответственно основным этапам исследования Вселенной и было направлено на разработку наиболее эффективных стратегий научного поиска, на осмысление ее достижений и проблем, а также на критический анализ разного рода идеалистических и метафизических концепций.

Астрономия — одна из физических наук, и многие философские проблемы, возникшие в ходе ее развития, аналогичны тем, которые были поставлены революцией в физике начала XX в. Но эти проблемы обладают своей спецификой, которая обусловлена качественным своеобразием ее объектов, средств, методов и условий познания. Вместе с тем, поскольку в современной астрономии в от-

[50] См.: *Гинзбург В. Л.* О физике и астрофизике. Какие проблемы представляются сейчас особенно важными и интересными? М., 1974.

личие от физики большое значение придается изучению революционных процессов в космических масштабах, вплоть до эволюции Вселенной как целого, философские проблемы, стоящие перед астрономией, в некоторых отношениях сближаются с теми, которые решают геология и биология.

Происходящие в астрономии радикальные изменения, включая перестройку системы знания о Вселенной, со всей остротой поставили комплекс гносеологических проблем. Специфика решения последних состоит в том, что, например, традиционная философская проблема субъекта и объекта ставится в астрономии применительно к весьма своеобразному объекту познания, каким является «Вселенная как целое»,— с подобным объектом не имеет дела ни одна из наук.

Особенности методологических проблем астрономии обусловлены своеобразием способов получения эмпирических и теоретических знаний о Вселенной. Астрономические наблюдения несут черты «квазиэкспериментальной» деятельности или «экспериментального наблюдения»[51]. Хотя астроном не может вмешиваться в протекание большинства космических явлений, он активно ищет возможности наблюдать это явление для ряда одноименных объектов при разнообразных условиях. Далее, астроном экспериментирует, как правило, не с самими космическими телами, а с их излучением, и, наконец, многие астрономические наблюдения связаны с построением специфической приборной ситуации, при которой часть наблюдательных «приборов» конструируется из объектов Вселенной, например в наблюдениях солнечного затмения.

Познание Вселенной неизбежно включает экстраполяцию естественнонаучного знания, прежде всего фундаментальных физических теорий, законов, понятий, на всю расширяющуюся Вселенную, на ее прошлое, настоящее и будущее. В этих условиях познания особенно важное значение, как отмечают многие авторы, приобрело высказывание В. И. Ленина о том, что «всеобщий принцип развития надо совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.»[52]. В астрономии эти принципы конкретизируются применительно к особенностям космических объектов и эволюционных процессов[53].

Многие советские астрономы подчеркивают также плодотворную методологическую роль принципа неисчерпаемости материи.

[51] См.: *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Революция в астрономии и ее взаимосвязь с революцией в физике.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века; *Степин В. С.* Взаимосвязь наблюдения, эксперимента и теории в познании Вселенной.— Вопр. философии, 1976, № 10; *Омельяновский М. Э.* Экспериментальное наблюдение, теория и диалектика в физической науке.— Там же; *Севастьянов В. И., Старостин А. М., Урсул А. Д.* Космонавтика и научный эксперимент. М., 1979.

[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

[53] См.: *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Диалектика в современной астрономии.— В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969.

Наиболее существенной является проблема разработки эффективных путей построения космологических и астрофизических теорий, и прежде всего вопрос о соотношении в этих процессах эмпирических и теоретических знаний: достаточно ли фундаментальных законов современной физики для истолкования всего многообразия условий и явлений во Вселенной, или же трудности построения теорий таких объектов, как активные ядра галактик, будут разрешены лишь после разработки новых, более общих, чем известные сейчас, фундаментальных физических законов и теорий? По этому вопросу как в космологии, так и в астрофизике высказывались существенно различные точки зрения, отражающие (на уровне специально-научной методологии) несовпадение принципов исследовательских программ. Методологический анализ путей изучения Вселенной, формулируемых основными исследовательскими программами в различных разделах этой науки, за последние годы привлекает большое внимание [54].

Астрономия относится к наукам, которые на протяжении всей своей истории ставили наиболее острые проблемы мировоззрения, отражающие различное понимание человеком своего места во Вселенной, являющейся сферой его бытия, объектом практической и познавательной деятельности. Многие из них обсуждаются ныне с не меньшей остротой, чем проблема обоснования гелиоцентрической системы во времена Коперника, Бруно, Галилея, хотя, разумеется, и не в столь драматической форме.

Философские проблемы релятивистской космологии. Первым из разделов астрономии, в котором остро встали коренные философские вопросы, была космология, объектом изучения которой является Вселенная как целое. Обсуждение этих вопросов происходило преимущественно в плане анализа теории расширяющейся Вселенной, ее фундаментальных понятий и принципов, способа ее построения и соответствия этой теории объективной реальности. Значительное внимание уделялось также и другим космологическим теориям, а также научному статусу космологии.

Особенность *космологической проблемы* состоит в том, что никакими эмпирическими средствами Вселенная как объект космологии не выделена. Непосредственному исследованию доступна лишь часть Вселенной, ограниченная в пространстве и во времени. Все выводы о Вселенной как о целом получаются путем реконструкции целого по его части.

В 20-х годах классическая, Ньютонова космология, согласно которой Вселенная рассматривалась как статическая система, безграничная в пространстве и во времени, сменилась релятивистской теорией нестационарной, расширяющейся Вселенной. Основы этой теории были заложены выдающимся советским ученым А. А. Фрид-

[54] См.: Философские проблемы астрономии XX века; Астрономия. Методология. Мировоззрение.

маном, который исходил из уравнений общей теории относительности, а также из так называемого космологического принципа: свойства Вселенной одинаковы во всех точках (однородность) и по всем направлениям (изотропия).

Пространственно-временны́е свойства Вселенной в теории А. Фридмана необычны. Пространство оказывается в ней «искривленным» и описывается не евклидовой, а римановой геометрией; оно безгранично, но может оказаться конечным (хотя такая возможность и не является единственной: Вселенная может оказаться и пространственно-бесконечной). Кроме того, как следует из теории, в прошлом существовала эпоха, когда свойства Вселенной радикально отличались от современных; возможно даже, что само физическое понятие времени в привычной нам форме, которое используется космологией, ограничено в прошлом неким пределом, за которым оно уже неприменимо.

Важнейшее значение релятивистской космологии состояло в том, что впервые в истории науки идея развития была применена к Вселенной в больших масштабах.

Высказывания А. Фридмана по философским проблемам релятивистской космологии проникнуты духом материализма и диалектики. Считая задачей космологии решение вопроса «об общем устройстве нашей (само собой разумеется, материальной) Вселенной»[55], он диалектически рассматривал проблему соотношения абсолютной и относительной истин в космологии. На «принцип относительности», согласно А. Фридману, не следует смотреть как на нечто вполне установившееся: «многие детали теории Эйнштейна, особенно относящиеся к установлению мировых законов, могут и должны будут видоизменяться как под влиянием новых экспериментальных фактов, так и под действием непрерывно совершенствующегося математического анализа»[56].

Согласно взглядам А. Фридмана, мир, «схематическая картина которого создается принципом относительности, есть мир естествоиспытателя, есть совокупность лишь таких объектов, которые могут быть измерены или оценены числами, поэтому этот мир бесконечно у́же и меньше мира — вселенной философа»[57]. Таким образом, в отличие от многих космологов А. Фридман отнюдь не считал, что объектом космологии выступает «вся материя», весь материальный мир «как целое». Вместе с тем он неоднократно подчеркивал и то, что картина мира, создаваемая современной наукой,— это картина мира «чрезвычайно схематизированного и упрощенного, напоминающего настоящий мир лишь постольку, поскольку тусклое отражение в зеркале схематического рисунка Кельнского собора может напомнить нам сам собор»[58].

[55] *Фридман А. А.* Избр. тр. М., 1966, с. 247.
[56] Там же, с. 310—311.
[57] Там же, с. 245.
[58] Там же.

Интересен анализ А. Фридманом методологических путей решения проблем пространственно-временной структуры и эволюции Вселенной. Способ изучения этих проблем А. Фридман рассматривал, по существу, как математическую экстраполяцию, выступающую в форме математической гипотезы. Пространственно-временные свойства мира, писал А. Фридман, «вполне определятся, коль скоро мы будем знать материю, заполняющую физическое пространство и ее движение с течением времени»[59]. Трудность решения вопроса в общем виде заставляет сделать ряд упрощающих предложений, в частности свести всю материю, заполняющую мир, к тяготеющим массам. Если бы имелись достаточно подробные данные о распределении и движении тяготеющих масс во Вселенной, с их помощью можно было бы перепробовать все частные решения уравнения общей теории относительности, а это позволило бы определить и геометрию мира, и распределение, и жизнь тяготеющих масс во Вселенной[60].

«К сожалению,— отмечал А. Фридман, намеченный идеально правильный путь неприменим практически». С одной стороны, необходимое исследование уравнений ОТО еще не могло быть проверено с достаточной полнотой. С другой стороны, и астрономические данные были недостаточны для решения задачи в таком виде. В связи с этим, писал А. Фридман, приходится «идти другим путем. Для упрощения математической стороны вопроса приходится делать произвольные гипотезы, сводящие мировые уравнения к более простым. Для экспериментальной проверки приходится выводить некоторые простые следствия из устройства Вселенной, намеченной исследованием упрощенных мировых уравнений, и уже эти простые следствия подвергать сравнению с имеющимися астрономическими данными и проверять, таким образом, экспериментально развитую математически теорию»[61]. Исходя из сказанного, он настаивал на том, что «следует считать изучение Вселенной в целом в настоящее время в самой младенческой стадии развития; ко всем без исключения выводам, вытекающим из изучения Вселенной, должно в настоящее время относиться с полным недоверием; это недоверие к тому же подкрепляется крайней шаткостью и ненадежностью наших астрономических сведений о Вселенной»[62]. Подобную ситуацию А. Фридман рассматривал как временную, выражая уверенность, что «наши потомки, без сомнения, узнают характер Вселенной, в которой мы обречены жить»[63]. Но никакое из решений космологической проблемы не будет окончательным в силу неисчерпаемости Вселенной.

[59] *Фридман А. А.* Избр. тр. М., 1966, с. 314.
[60] См.: Там же.
[61] Там же, с. 316.
[62] Там же.
[63] Там же, с. 322.

Таким образом, принципиальным моментом взглядов А. Фридмана относительно методологических проблем космологии является подчеркивание роли фактических (наблюдательных) данных в решении проблем космологии, а также характеристика однородных и изотропных релятивистских моделей Вселенной как чрезвычайно упрощенных схем, которые представляют собой лишь начальный этап в исследовании свойств бесконечно многообразной Вселенной.

Острые философские споры вокруг релятивистской космологии вспыхнули вскоре после того, как теория А. Фридмана, развитая бельгийским космологом Ж. Лемэтром и другими, получила известность.

В конце 20-х — начале 30-х годов их характер во многом был обусловлен принципиальной новизной и необычностью вывода о нестационарности Вселенной в больших масштабах, который был обоснован спустя два с половиной десятилетия после открытия делимости атомов и практически одновременно с разработкой квантовой механики. Для современников это были тесно связанные между собой звенья единой цепи событий, вызвавших коренную перестройку старой и создание новой картины мира. Многие естествоиспытатели и философы, которые разделяли позиции «физического идеализма», говорили о «дематериализации» атома. Аналогичные мировоззренческие выводы делали также в отношении релятивистской космологии. Особенную активность проявили английские астрономы Дж. Джинс, А. Эддингтон, Э. Милн, стремившиеся подкрепить свои религиозные взгляды ссылками на теорию расширяющейся Вселенной, а вслед за ними — большое число философов-идеалистов и теологов.

В противовес идеалистическим, в частности откровенно теологическим, истолкованиям релятивистской космологии в СССР появился ряд исследований, направленных на осмысление теории расширяющейся Вселенной с позиций материализма. Однако некоторые материалисты (стоящие по сути на позициях недиалектического материализма) не смогли правильно понять сущность тех изменений, которые вносит релятивистская космология в систему знания о природе. Они отдавали себе отчет в том, что прежняя привычная картина Вселенной как целого пришла в противоречие с данными релятивистской космологии. Но непонимание того, что открыто качественно новое, и притом грандиозное, явление природы, или вполне естественные возражения против стремления рассматривать расширение Метагалактики как универсальный космический эффект (т. е. расширение всего материального мира, рассматриваемого как всеохватывающая физическая система) привели их от крайне сдержанной оценки новой теории к прямому ее отрицанию.

Стремление опровергнуть теорию А. Фридмана выражалось, во-первых, в преувеличенном подчеркивании некоторых противоречий теории с фактами. Например, из теории вытекало, что возраст Все-

ленной меньше, чем возраст Земли. Но впоследствии оценки возраста Вселенной были пересмотрены и это противоречие отпало, так же как и многие другие. (Однако некоторые затруднения, обусловленные крайней схематичностью и упрощенностью теории — в ее первоначальном варианте — сохраняют свою силу и сейчас.)

Во-вторых, сразу же после открытия явления красного смещения в спектрах галактик приобрела большую популярность точка зрения, что оно объясняется не эффектом Допплера (откуда и вытекало, что Вселенная в больших масштабах нестационарна, расширяется), а совсем иными причинами. Например, выдающийся советский астрофизик А. А. Белопольский высказал в 1929 г. предположение, что при движении квантов света (фотонов) через космическое пространство должна происходить потеря ими энергии, которая будет пропорциональна расстоянию от соответствующей галактики. Потеря энергии и проявляется в покраснении фотонов — происходит как бы их «старение».

Мнение А. Белопольского должно было произвести тем большее впечатление, что именно он впервые показал (1900) применимость принципа Допплера к световым явлениям. Оно было поддержано и развивалось в конце 30-х годов А. Ф. Богородским, а также М. С. Эйгенсоном, который в начале 30-х годов придерживался концепции расширения нашей системы галактик, рассматривая ее как локальную область Вселенной, но затем признал красное смещение в спектрах галактик недопплеровским эффектом[64]. Впоследствии, однако, было доказано, что все подобные истолкования не имеют под собой сколько-нибудь надежной основы.

В-третьих, скептицизм некоторых космологов по отношению к теории расширяющейся Вселенной в 30—40-х годах (а в отдельных случаях и позднее) стал сопровождаться утверждениями, что эта теория находится в непримиримом противоречии с материалистическим мировоззрением, представляя собой продукт «физического идеализма». Наибольшую активность в отстаивании подобного рода взглядов, отражающих непонимание сути революции в естествознании XX в., проявили В. Т. Тер-Оганезов, В. Е. Львов[65] (который в дальнейшем выступил с критикой своей ошибочной позиции по этому вопросу) и ряд других авторов. Отрицалось второе начало термодинамики как физический закон, поскольку считалось, что оно приводит к «тепловой смерти» Вселенной и т. д.

Само собой разумеется, подобный нигилистический подход к релятивистской космологии не только не вытекает из материалистической диалектики, но и глубоко ей чужд. Как подчеркивал

[64] См.: *Богородский А. Ф.* К вопросу о природе красного смещения в спектрах внегалактических туманностей.— Циркуляр Главной астрономической обсерватории, 1940, № 29; *Эйгенсон М. С.* Внегалактическая астрономия. М., 1960.

[65] См.: *Тер-Оганезов В. Т.* О марксистско-ленинском представлении пространства и времени.— Мироведение, М., 1934, т. 23, № 2; *Львов В. Е.* На фронте космологии.— Под знаменем марксизма, 1938, № 7.

В. И. Ленин, марксистская философия вовсе не навязывает естественным наукам какой-либо «мировой схематики», а тем более представлений, основанных на механической картине мира.

Открытие «диковинных» явлений при каждом новом прорыве в ранее недоступные исследованию области природы относится к числу наиболее ярких подтверждений диалектического принципа неисчерпаемости материального мира. Нестационарность Вселенной в больших масштабах, ее расширение занимают в списке таких явлений видное место.

Однако нигилистический подход к теории расширяющейся Вселенной вопреки мнению, распространяемому противниками марксистской философии, в 20—40-х годах разделялся далеко не большинством советских ученых. Во многих работах эта теория рассматривалась с позиций материалистической диалектики как важный новый этап изучения свойств Вселенной в больших масштабах. Вместе с тем отмечалось, что модели однородной изотропной Вселенной, построенные на первом этапе развития релятивистской космологии, являются слишком упрощенными. Вселенная на самом деле гораздо многообразнее и сложнее этих схем. Был высказан ряд аргументов в пользу того, что ни теория расширяющейся Вселенной, ни принцип возрастания энтропии не может быть применен к миру как к целому. Разрешения космологической проблемы можно будет достигнуть лишь после создания единой физической теории, которая синтезирует квантовые, релятивистские и гравитационные явления.

Если указанные исследования были основаны на идее, согласно которой Вселенная — принципиально единственная система (которая часто отождествлялась с Метагалактикой), то в 30-х годах появился также ряд работ, рассматривавших нашу расширяющуюся Метагалактику как ограниченную систему — одну из бесконечного множества метагалактик. Хотя конкретные пути реализации этой идеи не выдержали испытания временем, сама идея множественности метагалактик получила развитие в последующие годы.

50—60-е годы характеризуются дальнейшим развитием исследований в области космологии. Продолжалась разработка релятивистской космологической теории в ее фридмановском варианте (Я. Б. Зельдович, И. М. Халатников, И. Д. Новиков и др.). Значительно продвинулась вперед разработка теории анизотропной, неоднородной Вселенной (А. Л. Зельманов), а также теорий, основанных на отыскании связей между космологическими параметрами и физикой элементарных частиц (М. А. Марков, К. П. Станюкович и др.). Большое внимание уделялось критическому анализу теории «стационарной Вселенной» Ф. Хойла, Г. Бонди — Т. Голда.

Существенный сдвиг произошел в разработке философских проблем космологии. Суть его состояла как в решительной критике проявлений нигилистического отношения к релятивистской космологии, так и в значительном увеличении числа исследований, на-

правленных на конструктивную разработку философских проблем этого раздела науки о Вселенной с позиций материалистической диалектики. Особенно важное значение имели доклады В. А. Амбарцумяна на Первом Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания, доклады, выступления, статьи А. Л. Зельманова, Г. И. Наана и др., а также статьи, опубликованные в журнале «Успехи физических наук» в связи с 75-летием со дня рождения А. А. Фридмана [66–67].

По словам В. Амбарцумяна, «космология может быть только релятивистской»[68], так как Метагалактика является системой, для которой эффекты общей теории относительности должны быть очень большими. Вместе с тем, поскольку многие свойства, которые приписываются Вселенной как целому, связаны с различными гипотезами, В. Амбарцумян указал на два типа ошибок методологического характера, которые допускаются в связи с решением проблем космологии. С одной стороны, при абсолютизации крайне упрощенных моделей однородной изотропной Вселенной «допускается иногда совершенно необузданная экстраполяция, приводящая во многих случаях к самым крайним идеалистическим и фидеистическим выводам». С другой стороны, приходится иметь дело и с такими случаями, когда некоторые ученые забывают о глубоком значении факта красного смещения в спектрах далеких галактик, «игнорируют то, что мы здесь имеем дело с чрезвычайно существенным явлением природы, стараются закрывать глаза на то, что кроется за этим явлением»[69]. Позицию отрицания расширения системы галактик В. Амбарцумян назвал «бесплодной».

А. Зельманов обращал особое внимание на определение научного статуса космологии. По его мнению, космология — это физическое учение о бесконечной Вселенной как о связном едином целом, включающее в себя теорию всей охваченной наблюдениями области как части Вселенной [70].

Термин «учение» применен здесь потому, что, согласно А. Зельманову, выводы космологии в отличие от выводов какой-либо естественнонаучной теории могут и не быть доступны непосредственной проверке в опыте или наблюдениях. Критерий практики приобретает здесь следующую, несколько своеобразную форму: подтверждением правильности того или иного вывода из какой-либо фундаментальной физической теории или из связанного с ней утверждения может служить то обстоятельство, что рассматриваемый вывод

[66–67] См.: УФН, 1963, т. I—XXX, вып. 3.

[68] *Амбарцумян В. А.* Заключительное слово.— В кн.: Философские проблемы современного естествознания. М., 1959, с. 575.

[69] *Амбарцумян В. А.* Некоторые методологические проблемы космологии.— В кн.: Философские проблемы современного естествознания, с. 284.

[70] См.: *Зельманов А. Л.* К постановке космологической проблемы.— В кн.: Тр. Второго съезда Всесоюз. астрономо-геодезического общества, 25—31 января 1955 г. М., 1960, с. 72. В дальнейшем это определение было подвергнуто некоторому уточнению.

(или утверждение) вытекает также из более общей фундаментальной физической теории, так как последняя основывается на более обширном круге фактических данных [71].

А. Зельмановым обосновывается мысль, что отождествление Вселенной как целого и нашей Метагалактики является, вообще говоря, незаконным. Вселенная как целое — неограниченная и принципиально единственная система (других вселенных не существует); она включает в себя Метагалактику в качестве своей ограниченной части [72]. Создание единой физической теории (более общей, чем общая теория относительности и другие известные сейчас теории) приведет к появлению новой физико-теоретической основы космологии и может изменить наше понимание Вселенной как целого. В работах А. Зельманова была высказана мысль о неправомерности глобальной экстраполяции космологического постулата.

Напротив, Г. И. Наан высказал мнение, что космологический постулат «не есть просто упрощающее предположение, а отражает глубокое, объективное свойство природы — ее симметрию» [73].

Проанализировав проблему экстраполяции в космологии, Г. Наан пришел к выводу, что современные модели Вселенной «суть схематические модели Метагалактики, которые могут отражать те или иные существенные черты ее строения и эволюции. В этом смысле современная космология есть космология Метагалактики. Это отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает, что современные теории могут и даже должны отражать и какие-то черты систем более высоких порядков» [74]. Он также подчеркнул, что, несмотря на достаточно спекулятивный характер многих конкретных попыток нахождения связи космологических параметров с комбинациями микрофизических констант, различные численные совмещения между ними могут и не быть чисто случайными. «Они могут отражать какие-то связи микроявлений с явлениями космическими» [75]. В работах Г. Наана обосновывалась также не только возможность, но и необходимость существования антимира, симметричного по отношению к нашему миру: система мир + антимир, согласно Г. Наану, могла бы возникнуть из вакуума при выполнении всех законов сохранения [76].

[71] См.: *Зельманов А. Л.* К постановке космологической проблемы.— В кн.: Тр. Второго съезда Всесоюз. астрономо-теоретического общества, 25—31 января 1955 г. М., 1960, с. 72.

[72] См.: *Зельманов А. Л.* Метагалактика и Вселенная.— В кн.: Наука и человечество. М., 1962.

[73] *Наан Г. И.* Проблемы и тенденции релятивистской космологии.— В кн.: Эйнштейновский сборник, 1966. М., 1966, с. 348.

[74] *Наан Г. И.* Общие вопросы космологии.— В ки.: Тр. Шестого совещ. по вопросам космологии, 5—7 июня 1957 г. М., 1959, с. 258.

[75] *Наан Г. И.* О современном состоянии космологической науки.— Вопросы космологии. М., 1958, т. VI, с. 315.

[76] См.: *Наан Г. И.* Симметричная Вселенная. Публикация Тартуской астрономической обсерватории. Тарту, 1964, т. XXXIV.

Согласно Я. Б. Зельдовичу, теория расширяющейся однородной изотропной Вселенной, созданная А. Фридманом, «была первым (сейчас можно добавить: единственным) правильным применением общей теории относительности к космологии; она является основой всей современной космологии. Без преувеличения можно говорить о великом научном подвиге Фридмана»[77]. Я. Зельдович подверг критическому разбору методологические основы космологических теорий «неортодоксального» направления («стационарной Вселенной» и др.), по своему содержанию резко противоречащих известным физическим законам. По его словам, «пожалуй, ни в одной области науки, кроме космологии, нет такого количества произвольных и заведомо ошибочных теорий, сосуществующих во времени с правильной теорией»[78], и далее: «Есть огромный пафос в задаче описания всего разнообразия наблюдаемых явлений и общих закономерностей Вселенной на основе существующих законов физики, установленных лабораторным экспериментом и теоретическим анализом»[79].

В. И. Свидерским и А. С. Карминым на основе принципа «относительности конкретного» была выдвинута точка зрения, согласно которой объектом космологии не является и не может стать материальный мир, рассматриваемый в своих глобальных аспектах. Экстраполяция космологических моделей на «все существующее» связана с неоправданной абсолютизацией такого конкретного свойства материи, каким является тяготение[80]. Такая точка зрения вызвала полемику между В. Свидерским и Г. Нааном.

В конкретном, физическом плане разрабатывалась концепция множественности метагалактик во Вселенной (К. П. Станюкович, Г. М. Идлис и др.).

Из философских проблем космологии, обсуждавшихся в конце 50-х — начале 60-х годов, наибольшее внимание было уделено *проблеме бесконечности Вселенной*. Выявились различные подходы к пониманию сущности этой проблемы и способов ее решения, обусловленные неодинаковым истолкованием как понятия «Вселенная», так и понятия «бесконечность». Однако основное внимание первоначально уделялось преимущественно анализу понятия бесконечности. Оживленная полемика по этому кругу вопросов нашла отражение на страницах журнала «Вопросы философии» в 1961—1965 гг. и на нескольких симпозиумах, среди которых следует особенно отметить симпозиум по проблеме бесконечности Вселенной, состоявшийся в 1965 г.

[77] *Зельдович Я. Б.* Теория расширяющейся Вселенной, созданная А. А. Фридманом.— УФН, 1963, т. XXX, вып. 3, с. 358.

[78] *Зельдович Я. Б.* Современная физика и астрономия.— Вопросы космогонии. М., 1963, т. IX, с. 37.

[79] Там же, с. 58—59.

[80] См.: *Свидерский В. И., Кармин А. С.* Конечное и бесконечное. Философский аспект проблемы. М., 1966.

Согласно точке зрения, развиваемой сторонниками релятивистской космологии в ее «ортодоксальном» варианте, проблема бесконечности Вселенной сводится к проблеме бесконечности (или конечности) материального мира в пространстве и во времени. Это чисто физическая задача, и она будет окончательно решена, когда мы получим необходимые фактические данные и сможем построить достаточно адекватную модель мира как целого. Такое решение будет альтернативным: Вселенная (материальный мир) окажется либо пространственно-бесконечной, либо пространственно-конечной. Будут решены также вопросы об истолковании понятия «начала» во времени, включая проблему применимости понятия непрерывного метрического пространства-времени, и о будущем Вселенной во времени [81].

Но, как отметил Э. М. Чудинов, проблема бесконечности Вселенной в той или иной космологической теории ставится и решается в отношении «теоретизированного» мира, который представляет собой идеализированное, огрубленное, упрощенное представление мира реального. Следовательно, необходимо говорить не просто о проблеме бесконечности Вселенной, но об этой проблеме, поставленной в понятийных рамках классической, релятивистской или какой-либо еще более общей космологической теории. Важное значение имеет полученный им вывод, что бесконечность в космологии, если она рассматривается в применении к пространству и времени Вселенной в целом, может быть логически корректно введена лишь в качестве аксиоматического (постулативного) положения. Любая попытка доказать на основании эмпирических данных, что пространство Вселенной (в рамках определенной модели) бесконечно в смысле того типа бесконечности, который соответствует модели, неизбежно приводит к логическому кругу: в подобном доказательстве сначала вводится добавочное допущение, как раз эквивалентное утверждению, на доказательство которого оно претендует [82].

А. Зельманов указал на необходимость проводить различие между понятиями «бесконечность материального мира» и «бесконечность Вселенной». Первое из них шире второго и включает его в себя. Бесконечность материального мира в соответствии с известным высказыванием Ф. Энгельса он рассматривает как бесконечное многообразие природы и истории, которое включает потенциально бесконечное многообразие физических условий, явлений, взаимодействий, объектов и масштабов, а также пространственно-временной аспект многообразия материального мира. Этот последний вопрос, отмечает А. Зельманов, включает проблему конечности и бесконечности пространства и времени, которая и рассматривается обычно как проблема конечности и бесконечности Вселенной. В об-

[81] См.: *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Релятивистская астрофизика. М., 1967.

[82] См.: *Чудинов Э. М.* Логические аспекты проблемы бесконечности Вселенной в релятивистской космологии.— В кн.: Бесконечность и Вселенная.

щем случае она чрезвычайно сложна. А. Зельманов показал, что как для пустых, так и, по крайней мере в некоторых случаях, для непустых моделей конечность пространства в одной системе отсчета не исключает его бесконечности в другой системе отсчета, и что взаимоисключающего противопоставления конечности и бесконечности пространства нет [83].

Г. Наан [84] подчеркнул, что при решении проблемы бесконечности Вселенной необходимо считаться с существованием целого ряда типов бесконечности, и подробно проанализировал их.

В. Свидерский и А. Кармин [85], как и А. Зельманов, развивали концепцию, согласно которой проблема бесконечности Вселенной не может быть сведена к проблеме бесконечности пространства и времени. Тезис о бесконечности Вселенной (материального мира) — в смысле ее бесконечного многообразия — вытекает из основных положений материалистической диалектики.

Космология решает не проблему бесконечности Вселенной, а проблему конечности и бесконечности «космической материи» (совокупности физических состояний и форм материи в Метагалактике), включая проблемы ее пространственно-временной конечности и бесконечности.

Значительное внимание проблеме бесконечности Вселенной уделено в работах С. Т. Мелюхина [86]. Разрабатываемая им точка зрения сводится к следующему. Реальная бесконечность материального мира проявляется в трех важнейших аспектах: 1) в структуре материи; 2) во временных формах ее существования (включая процесс саморазвития материальных объектов); 3) в пространственных формах бытия материальных объектов. Структурная бесконечность материи одновременно выступает и как ее пространственная бесконечность. Временная бесконечность материального мира эквивалентна несотворимости и неуничтожимости материи, неограниченности смены ее состояний и форм. Понятие замкнутости неприменимо к бесконечной Вселенной. Расширение — свойство не всех материальных систем, а лишь нашей Метагалактики.

Проблеме бесконечности Вселенной в пространстве и во времени посвящен также ряд работ Я. Ф. Аскина [87]. В них обосновыва-

[83] См.: *Зельманов А. Л.* Философские проблемы современного естествознания. М., 1959, с. 437.

[84] См.: *Наан Г. И.* О бесконечности Вселенной.— Вопр. философии, 1961, № 6; *Он же.* К проблеме бесконечности.— Там же, 1965, № 12.

[85] См.: *Свидерский В. И., Кармин А. С.* Конечное и бесконечное.. М., 1966; *Свидерский В. И.* Понятие реальной бесконечности и его значение для космологии.— В кн.: Бесконечность и Вселенная; *Кармин А. С.* О философских и космологических аспектах проблемы неисчерпаемости Вселенной.— Там же.

[86] См.: *Мелюхин С. Т.* Проблема конечного и бесконечного. М., 1958; *Он же.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966; *Он же.* Бесконечность материального мира. М., 1973.

[87] См.: *Аскин Я. Ф.* Проблема времени. М., 1966; *Он же.* Бесконечность Вселенной во времени.— В кн.: Бесконечность и Вселенная.

ется положение, что идея бесконечности материального мира — неотъемлемая часть материалистического мировоззрения. Бесконечность существования мира (которую Я. Аскин рассматривает как его вечность) состоит в постоянном процессе движения, изменения, развития материи, носящего необратимый характер.

Дискуссии по проблеме бесконечности Вселенной (в том числе на симпозиуме по этой проблеме, состоявшемся в 1965 г.) привели к известному сближению различных точек зрения. Общим для них моментом фактически стало понимание бесконечности материального мира как его неисчерпаемости, обусловленной, с одной стороны, несотворимостью и неуничтожимостью материи, бесконечной превращаемостью ее различных форм и, с другой стороны, неполной адекватностью отражения материального мира в знании. Проблема пространственно-временной бесконечности Вселенной все чаще выделяется в качестве самостоятельной, требующей для своего решения более обширных и надежных фактических данных, чем известные сейчас.

Большое внимание было уделено также рассмотрению проблем термодинамики Вселенной в их философских аспектах. Я. П. Терлецкий [88] разработал вариант «флюктуационной» гипотезы, согласно которой принцип возрастания энтропии для достаточно больших гравитирующих систем теряет силу. Для таких систем возможны обратные процессы, протекающие вопреки этому принципу. В космических масштабах происходят гигантские флюктуации сжатия и последующего разрежения форм материи; эту схему Я. Терлецкий рассматривал как одну из возможных конкретизаций идеи Ф. Энгельса о круговороте материи во Вселенной. Иные термодинамические модели Вселенной, в которых устраняется «термодинамический парадокс», т. е. «тепловая смерть» Вселенной, были предложены К. П. Станюковичем и И. Р. Плоткиным (логико-методологический анализ предпосылок их работ был проведен Ф. А. Цицины м)[89]. Оба автора разными путями приходят к выводу о невозможности «тепловой смерти» Вселенной. Согласно К. Станюковичу, неравномерность состояния Вселенной возможна благодаря структурности форм материи. В бесконечности Вселенной общая энтропия бесконечна, поэтому говорить о возрастании энтропии во всей Вселенной бессмысленно. Общий рост энтропии К. Станюкович рассматривает как свидетельство развития материи. Вывод И. Плот-

[88] См.: *Терлецкий Я. П.* О «флуктуационной гипотезе» Больцмана.— Журн. эксперим. и теорет. физики, 1952, т. 22, вып. 4; *Он же.* Проблемы статистической физики и термодинамика гравитирующих систем.— В кн.: Тр. Шестого совещ. по вопросам космогонии. М., 1959.

[89] См.: *Станюкович К. П.* О возрастании энтропии в бесконечной Вселенной.— Докл. АН СССР, 1979, т. 69, № 6; *Он же.* К вопросу о термодинамике Вселенной.— В кн.: Тр. Шестого совещ. по вопросам космологии; *Плоткин И. Р.* О возрастании энтропии в бесконечной Вселенной.— ЖЭТФ, 1950, т. 20, вып. 11; *Он же.* Некоторые замечания о законе возрастания энтропии.— В кн.: Тр. Шестого совещ. по вопросам космогонии; *Цицин Ф. А.* Выступление.— В кн.: Тр. Шестого совещ. по вопросам космологии.

кина состоит в том, что для бесконечной Вселенной все состояния равновероятны; для такой системы понятие энтропии и закон возрастания энтропии не имеют смысла.

Развитие космологии в конце 60-х — 70-х годах отмечено значительными успехами. Были получены новые аргументы в пользу концепции эволюции Вселенной в больших масштабах. Интенсивно разрабатывалось «ортодоксальное», фридмановское направление. Во-первых, было доказано, что сингулярность, описывающая на языке ОТО начало расширения Вселенной, свойственна весьма широкому классу решений уравнений ОТО. Во-вторых, была разработана теория первых стадий эволюции Вселенной (теория «горячей Вселенной»), почти сразу получившая определенное наблюдательное подтверждение открытием реликтового излучения. Большое внимание привлекли проблемы взаимосвязи параметров космологических моделей — элементарных частиц. Активно разрабатывались и «неортодоксальные» направления космологической науки. Особенно значительные результаты были получены в рамках так называемой квантовой космологии. Тем самым космология поставила наряду с традиционными для нее также ряд новых философских, методологических, мировоззренческих вопросов.

Одной из ключевых проблем, вызывающих наибольший резонанс среди самих космологов, стала методологическая оценка тенденций развития этого раздела науки о Вселенной. Несмотря на резкое увеличение объема эмпирических знаний о Метагалактике, их пока еще в большинстве случаев недостаточно, чтобы сделать надежный выбор между разными направлениями. Такой выбор часто осуществляется под влиянием общих установок и принципов того или иного направления, внеэмпирических соображений, что, вполне естественно, обусловливает неоднозначность и даже противоположность соответствующих оценок [90].

Позиция сторонников «ортодоксального» направления была обстоятельно сформулирована в ряде работ Я. Б. Зельдовича и И. Д. Новикова. Они отмечают, что, «применяя ОТО к безграничной Вселенной, мы не сталкиваемся ни с внутренними логическими противоречиями самой теории, ни с какими-либо вопиющими противоречиями между теорией и наблюдениями... Нет никаких наблюдательных данных, указывающих на ограниченность применения ОТО к масштабам Вселенной» [91], исключением является начальная сингулярность. Доказана и однородность Вселенной в большом масштабе. В целом «можно считать твердо установленной» и общую картину эволюции, объединенную названием «теория горячей Вселенной» [92]. Тем самым «общая картина расширяющейся горячей

[90] См.: *Турсунов А.* Философия и современная космология. М., 1977; Основания космологии. М., 1979; и др.

[91] *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Строение и эволюция Вселенной. М., 1975, с. 13.

[92] Там же, с. 17.

Вселенной... является одним из важнейших завоеваний науки XX века»[93].

Отличительная черта рассматриваемого этапа дискуссий по философским проблемам релятивистской космологии — усиление внимания к анализу наиболее фундаментального для этой науки понятия «Вселенная» в его взаимосвязи с понятием материального мира.

Наибольшим признанием пользуется по-прежнему принцип уникальности Вселенной, который в сочетании с принципом однородности приводит к отождествлению Вселенной и Метагалактики. Последняя и рассматривается как всеохватывающая «принципиально единственная» космическая система[94].

А. Турсуновым[95] были приведены дополнительные аргументы в пользу принципа уникальности Вселенной, согласно которым Вселенная как «физический разрез» всего материального мира, т. е. «всеохватывающего мирового целого»,— некая система, превосходящая Метагалактику по своим масштабам, порядку структурной иерархии и включающая ее в качестве своей части. Эти представления во многом аналогичны тем, которые были высказаны ранее А. Зельмановым. Развитие космологии все более углубляет наши знания об этом целом, охватывая все новые и новые его аспекты, т. е. изменяется предмет космологического исследования, но объект его остается всегда одним и тем же.

Наряду с глобальной концепцией объекта космологии, в основе которой лежит принцип уникальности Вселенной, продолжала развиваться и концепция множественности вселенных, особенно в связи с идеей взаимосвязи мегамира и микромира. Развивались представления о том, что наша Вселенная является всего лишь одной из огромного множества других, похожих или многообразно различающихся по своим свойствам вселенных, которые в одной перспективе выглядят космически огромными, а в другой — микроскопически малыми[96]. В. С. Барашенков рассматривает эти представления как, «пожалуй, наиболее важное методологическое следствие общей теории относительности. Независимо от конкретной модельной реализации его мировоззренческое значение трудно переоценить»[97].

[93] См.: *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Строение и эволюция Вселенной. М., 1975, с. 19.

[94] См.: *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Проблемы релятивистской космологии.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века, с. 94.

[95] См.: *Турсунов А.* Философия и современная космология.

[96] См.: *Марков М. А.* О природе материи. М., 1976; *Станюкович К. П.* Гравитационное поле и элементарные частицы. М., 1965; *Идлис Г. М.* Ленинская диалектика и современный этап изучения Вселенной.— Вести. АН КазССР, 1970; № 3; *Он же.* Кант и современные представления о Вселенной.— Природа, 1974, № 6; *Он же.* Принцип неопределенности и современная космология.— В кн.: 50 лет квантовой механики. М., 1979.

[97] *Барашенков В. С.* Законы общей теории относительности и явления микромира.— В кн.: Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. М., 1979, с. 377.

Неоднократно отмечалась множественность значений, в которых употребляется термин «Вселенная». Смешение этих значений продолжает приводить к недоразумениям. В связи с этим была выдвинута точка зрения относительно Вселенной как объекта космологии, намечающая пути разрешения дилеммы «одна Вселенная или множество вселенных» на основе принципа практической природы познания. Ее суть состоит в следующем.

Вопрос о том, что представляет собой Вселенная как объект космологии, не должен решаться на основе разного рода априорных соображений, к которым относится прежде всего принципиально непроверяемая претензия на возможность изучения средствами космологии тех или иных глобальных черт «всеобъемлющего мирового целого». Поскольку этот объект не выделен эмпирически, вопрос о его природе должен решаться в ходе эмпирической интерпретации и верификации космологических теорий и моделей. В космологии будет неоднократно возникать необходимость в обобщении понятия «Вселенная как целое». Тем самым понятие Вселенной как объекта космологии соотносится со средствами, методами, условиями познания данного этапа развития космологии[98]. Изложенная точка зрения находится в соответствии с представлениями об объекте космологии, разрабатываемыми В. Амбарцумяном[99]. Она была поддержана и развита в ряде работ[100].

Продолжаются исследования с позиций материалистической диалектики ряда фундаментальных понятий космологии, особенно понятий бесконечности и эволюции Вселенной как целого.

Дальнейшим шагом в разработке проблемы бесконечности Вселенной явилось детальное развитие Г. Нааном представлений об основных типах бесконечности в математике, физике и космологии: практическая бесконечность, бесконечность как безграничность, метрическая, теоретико-множественная и др. В результате стало очевидным, что для корректной постановки проблемы бесконечности Вселенной необходимо в каждом случае уточнить, какой тип бесконечности имеется в виду.

Ряд принципиальных моментов бесконечности Вселенной как ее неисчерпаемости, взаимосвязь принципов неисчерпаемости материального мира и его единства были рассмотрены В. С. Готтом[101]. Он подчеркивал, что полученные данные об объектах и процессах

[98] См.: *Казютинский В. В.* Понятие «Вселенная».— В кн.: Бесконечность и Вселенная; *Он же.* Идея Вселенной.— В кн.: Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981; *Кормин А. С.* Вселенная как объект космологии.— В кн.: Астрономия. Методология. Мировоззрение.

[99] См.: *Амбарцумян В. А.* Коперник и современная астрономия.— Вестн. АН СССР, 1973, № 5.

[100] См.: *Наан Г. И.* Понятие бесконечности в математике и космологии.— В кн.: Бесконечность и Вселенная, с. 63; *Мостепаненко А. М.* Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974.

[101] См.: *Gott V. S.* The Universe and the Science of philosophy.— In: The Idea of the Universe. Moscow, 1978.

во Вселенной свидетельствуют о неуничтожимости, неисчерпаемости движущейся материи и доказывают несостоятельность идеалистических утверждений о «творении» или «исчезновении» материи, раскрывают диалектический характер взаимосвязи и единства космологических объектов и элементарных частиц, бесконечно большого и бесконечно малого.

С. Т. Мелюхин развил высказанные им ранее представления о бесконечности материального мира и бесконечности Вселенной. Бескопечность мира, согласно его точке зрения, определяется принципами сохранения абсолютности и субстанциональности материи [102].

Вывод об относительности понятий конечного и бесконечного в релятивистской космологии находится в полном соответствии с общим процессом углубления, уточнения фундаментальных понятий физических наук. В этом диалектическом процессе «исчезают» некоторые старые представления (например, абсолютное противопоставление метрической конечности и бесконечности), появляются новые абсолютные понятия (метрическая бесконечность пространства-времени).

Большое внимание уделялось философскому и методологическому анализу проблемы начальной сингулярности, которая, как отмечают Я. Зельдович и И. Новиков, является сейчас важнейшей из проблем космологии. Природа физических процессов в состоянии сверхвысокой плотности пока неизвестна. Построение теории такого состояния лежит за пределами современной физики: возможно, в этой теории станут неприменимыми многие привычные нам понятия. В частности, становится неочевидной постановка вопроса о природе времени «до» сингулярности. «Свойства пространства и времени вблизи сингулярности могут, например, приобретать квантовый характер, могут в корне изменяться топологические свойства пространства-времени, возможно, само понятие „до“ теряет смысл или коренным образом изменяется»[103]. Аналогично мнение В. Гинзбурга: «Понятие о времени „до“ этого „начала“ лишено физического, да и любого другого, смысла»[104] — и ряда других физиков, астрофизиков, философов.

Согласно А. М. Мостепаненко [105], сингулярность представляет собой своего рода каузальную аномалию, а также объективную аномалию (обращение в бесконечность плотности вещества). Подобные аномалии он рассматривает как признак неприменимости современ-

[102] См.: *Мелюхин С. Т.* Философские основания идеи бесконечности Вселенной.— Филос. науки, 1978, № 1.

[103] *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Проблемы современной космологии.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века, с. 95.

[104] *Гинзбург В. Л.* Современная астрофизика. М., 1970, с. 100.

[105] См.: *Мостепаненко А. М.* Пространство — время и физическое познание. М., 1975; *Он же.* Топологическая структура пространства-времени Вселенной.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века.

ных пространственно-временных представлений к особо плотным состояниям вещества. Как отметил Э. М. Чудинов, говоря о том, что Вселенная имела «начало» во времени, мы понимаем под временем частный тип его — так называемое координатное время. Если же мы заменим этот тип времени другим, то Вселенная может оказаться бесконечной. Таким образом, различия конечного и бесконечного в данном случае релятивизируются [106].

Итак, практически все космологи и философы, анализирующие проблему «начальной фазы» эволюции Вселенной, рассматривают сингулярность как теоретический образ качественно новой формы материи, которая пока неизвестна современной физике. Вместе с тем современное понимание сингулярности неизбежно обусловлено рядом упрощений и идеализаций, тем более что момент фиксирует, по-видимому, крайний предел возможности экстраполяции в прошлое известных физических законов. Решение проблемы сингулярности — дело будущего.

Методологический анализ *термодинамических аспектов космологии* продолжался на основе дальнейшей конкретизации идей Ф. Энгельса в рамках новых теорий, схем и моделей Вселенной как целого. Большинство исследователей считают, что представление о круговороте материи во Вселенной должно неразрывно увязываться с концепцией необратимости эволюционных процессов. Ф. А. Цицины м [107] было отмечено, что термодинамические затруднения космологии, возникающие почти неизбежно в моделях однородной Вселенной, немыслимы в модели «максимально неоднородной Вселенной; в такой Вселенной состояния теплового равновесия не существует». Эти представления, по существу, смыкаются с концепцией множества взаимодействующих вселенных, которые представляют собой лишь фрагменты неисчерпаемого материального мира, причем каждая из них может рассматриваться лишь в качестве квазизамкнутой системы.

Итоги упомянутых исследований были положены в основу докладов и выступлений советских участников XVI Всемирного философского конгресса (Дюссельдорф, 1978 г.). Решительной критике были подвергнуты довольно часто выдвигаемые сейчас за рубежом концепции, согласно которым физическая космология — это не наука, а скорее спекуляция, а в некоторых своих вариантах даже нечто подобное научной фантастике. Все обстоятельства, способные вызвать порой несколько сдержанное отношение к современному состоянию космологии или отдельных ее направлений (неопределенности, связанные с пониманием объекта космологии, споры по вопросу о средствах и методах космологии, обилие теоретических схем, которые сочетаются с крайне ограниченным эмпирическим базисом

[106] См.: *Чудинов Э. М.* Эйнштейн и проблема бесконечности Вселенной.— В кн.: Эйнштейн и философские проблемы физики XX века.

[107] См.: *Цицин Ф. А.* Понятие вероятности и термодинамика Вселенной.— В кн.: Философские проблемы современной астрономии. М., 1976.

этой области естествознания), характеризуют необычайность ситуации, сложившейся в этой области познания, огромные трудности получения объективного и достоверного знания в космологии. Но они не могут поставить под сомнение ее научный статус [108].

Теоретико-познавательные и методологические проблемы астрофизики. Астрофизика 20—30-х годов исследовала свои объекты главным образом в статике, т. е. отвлекалась от проблемы их происхождения и эволюции. Космогонические проблемы решались тогда довольно умозрительным путем, без достаточной связи с новыми астрофизическими знаниями о Вселенной. Между тем, как подчеркивали многие советские астрономы, становилась все более очевидной необходимость применения к изучению Вселенной системно-структурного и эволюционного подходов в их единстве.

Большое методологическое значение сыграли в этом плане высказывания В. Амбарцумяна о необходимости отказаться от попыток умозрительного решения проблем космогонии [109]. Диалектическая концепция развития помогла понять эволюционную роль нестационарных объектов во Вселенной, находящихся в неравновесном, неустойчивом состоянии. В. Амбарцумян высказал в 1934 г. точку зрения, что традиционное понимание этих объектов в качестве неких «выродков», уклоняющихся от «нормального», т. е. плавного и постепенного, пути эволюции, появление которых вызвано внешними, случайными причинами, является ошибочным. В противовес этому взгляду им была обоснована идея, согласно которой эти объекты представляют собой поворотные пункты различных эволюционных процессов. Количественные изменения вызывают здесь изменения качественные — переход космического объекта из одного состояния в другое или, как выяснилось позднее, рождение новых объектов. Эта идея В. Амбарцумяна, вызывавшая некоторое время сдержанное отношение со стороны многих астрофизиков, получила веские подтверждения и стала общепризнанной (хотя существуют различные мнения относительно стационарности или нестационарности некоторых конкретных типов космических систем). Она открыла новые пути для раскрытия сущности и механизма эволюционных процессов во Вселенной.

Начиная со второй половины 40-х годов появление в науке о Вселенной наряду с оптическими радиоастрономических средств и методов исследования привело к новым фундаментальным открытиям, среди которых наибольшее значение имело обнаружение мно-

[108] См.: The Idea af the Universe. Moscow, 1978; Философия и мировоззренческие проблемы современной науки.

[109] См.: *Амбарцумян В. А.* Внутреннее строение и эволюция звезд.— Мироведение, 1934, т. XXIII; *Он же.* Вводный доклад на симпозиуме по эволюции звезд.— Науч. тр. Ереван, 1960.

гочисленных проявлений активности ядер галактик[110]. Обнаружение все большего числа нестационарных объектов во Вселенной, выявление многочисленных эволюционных связей между наблюдаемыми состояниями космических объектов, находящихся как в квазиравновесных, так и в нестационарных состояниях, широкое применение статистических методов, позволяющих определять направление развития космических систем и образующих их подсистем, превратили проблему развития в центральную задачу астрофизики. Вопрос о взаимоотношении эмпирических и теоретических знаний стал одним из основных в ходе дискуссий по методологическим проблемам астрофизики, которые проводились на совещаниях по вопросам космогонии (1951—1957). В ходе этих дискуссий рождались различные астрофизические исследовательские программы, уточнялись их исходные методологические принципы.

При построении теории или модели какого-либо явления астрофизик постоянно сталкивается с трудностями. Далеко не все факты, которыми он располагает, могут считаться установленными достаточно надежно. Фактический материал во многих случаях очень неполон. Многие факты допускают различное, в том числе противоположное, истолкование. Именно это обстоятельство и привело к многочисленным и бурным методологическим дискуссиям о путях построения астрофизических теорий, включая проблему соотношения эмпирических и теоретических предпосылок в движении к новому знанию в астрофизике. В этом разделе астрономии выделяются два методологических основных направления, которые можно условно назвать классическим и неклассическим (бюраканским)[111].

Классическое направление в астрофизике отнюдь не представляет собой что-то строго единое. В его рамках разрабатываются десятки и даже сотни различных моделей и схем конкретных явлений. Но основные принципы исследования во всех случаях остаются общими или очень сходными. Они состоят в следующем: построение теорий структуры и эволюции космических объектов необходимо вести путем разработки моделей, основанных на известных фактах и возможно более правдоподобных предположениях. Эти модели должны уточняться на основе новых фактов, однако при построении теории вполне допустимо движение не только гипотез, «подсказанных» эмпирическими данными, но и гипотез, которые не имеют сначала наблюдательной опоры и сравниваются с наблюдениями лишь после их подробной теоретической разработки.

Наиболее фундаментальная идея, принимаемая сторонниками классического направления,— гипотеза об образовании космических

[110] Это понятие введено и обосновано в ряде работ В. Амбарцумяна. См., напр.: *Амбарцумян В. А.* Проблемы эволюции Вселенной. Ереван, 1968; Проблемы современной космогонии. М., 1972.

[111] См.: Проблемы современной космогонии.

тел и их систем из разреженного, диффузного вещества — восходит к натурфилософским космогониям мыслителей древности. Однако она до сих пор не имеет прямых наблюдательных подтверждений. Расчеты моделей звезд и их изменений во времени ведутся в предположении, что источник звездной энергии — термоядерные реакции того или иного типа. В СССР принципы классического направления астрофизических исследований разрабатывали О. Ю. Шмидт, В. Г. Фесенков и Я. Б. Зельдович, А. Г. Масевич, А. И. Лебединский, Л. Э. Гуревич, С. Б. Пикельнер, С. А. Каплан, И. Д. Новиков, Ю. Н. Ефремов и другие астрофизики.

О. Ю. Шмидт, которому принадлежит известная гипотеза о происхождении Солнечной системы из протопланетной туманности, уделял методологическим аспектам исследований в этой области большое внимание. Проблему планетной космогонии он рассматривал как важнейший вопрос научного мировоззрения. Эту проблему О. Шмидт считал «задачей, лежащей на стыке многих наук, комплексной проблемой астрономических дисциплин и наук о Земле»[112]. Как неоднократно подчеркивал О. Шмидт, любая гипотеза должна основываться на фактах и проверяться фактами[113]. Критерий практики состоит в «совпадении выводов теории с фактическими данными астрономической практики, т. е. наблюдений»[114]. Астрономия и науки о Земле, по мнению О. Шмидта, уже в 40-х годах накопили достаточно фактов для создания теории происхождения Земли. Идея образования планет из разреженного вещества является «вечным вкладом в науку»[115] и должна служить основой для разработки такой теории. Ограниченность концепций Канта и Лапласа, впервые применивших эту идею в астрономии, состоит в том, что в них «преобладает механика». Между тем важнейшие «вопросы эволюции материи относятся к области физики, а не механики». Значительная роль, которую О. Шмидт отводил в своей теории силам гравитации, объясняется «тем, что ее предметом является именно та стадия развития материи, когда механическая форма движения становится главной в перегруппировке крупных масс»[116]. Но немалая роль в теории принадлежит и физическим факторам, включая радиоактивность.

По мнению В. Г. Фесенкова, кризис прежних космогонических гипотез «ясно показывает, что более не должно быть места никаким спекулятивным построениям. Только тщательное и осторожное сопоставление проверенных фактов, как бы они ни казались нам необыкновенными»[117], может служить основой для решения проблем

[112] *Шмидт О. Ю.* Четыре лекции о теории происхождения Земли.— В кн.: Шмидт О. Ю. Избр. тр. Геофизика и космогония. М., 1960, с. 112.

[113] См.: Там же.

[114] Там же, с. 109.

[115] Там же, с. 150.

[116] Там же, с. 111.

[117] *Фесенков В. Г.* Проблема эволюции Земли и планет. Алма-Ата, 1950, с. 61.

рождения и развития звезд и Солнечной системы. В. Г. Фесенковым была разработана гипотеза об образовании звезд в волокнах газовых туманностей, гипотеза об эволюции звезд и новая гипотеза о происхождении Солнечной системы.

Как считают большинство ученых классического направления, вывод о том, что какие-либо открытые астрофизикой новые явления можно объяснить, лишь выйдя за рамки известных сейчас фундаментальных физических законов и теорий, правомерен только тогда, когда все попытки истолкования этих явлений на основе известных законов и теорий окажутся неудачными. Отсюда вытекает, что во всех случаях необходимо пытаться «выжать» все возможное из существующей системы физического знания.

Методологические принципы неклассического, бюраканского направления, развиваемого с 30-х годов В. Амбарцумяном, значительно отличаются от принципов классического направления.

Как считает В. Амбарцумян, свойства космических объектов и механизм процессов развития в космосе обычно трудно «угадать» чисто теоретически, так как они нередко качественно своеобразны, неожиданны для нас. Вот почему наиболее эффективный путь построения обоснованных моделей и теорий в астрофизике — последовательное обобщение наблюдательных данных. Исследования структуры и эволюции звезд и звездных систем должны начинаться с постановки отдельных частных задач, решение которых не требует введения сколько-нибудь произвольных допущений. Например, подробное изучение отдельных изменений в звездной системе, а также процесса накопления этих изменений создает предпосылки для решения более общей задачи — изучения эволюции системы как целого и построения обоснованной теории этого процесса. Но признание важности фактических данных в синтезе нового знания о Вселенной, по В. Амбарцумяну, не дает основания умалять или недооценивать ту роль, которую играют в этом процессе различные уровни теоретического знания. Если в одних проблемных ситуациях необходим тщательный и всесторонний анализ фактов, то в других — развитие новых теорий возможно без привлечения дополнительных фактов, т. е. имеет место как бы внутреннее развитие астрофизической теории [118].

По-иному решается бюраканским направлением и вопрос о том, как следует поступать в тех случаях, когда попытки построить модели качественно своеобразных явлений, открытых современной астрофизикой в рамках известных физических законов, одна за другой наталкиваются на трудности, непреодолимые для них. Не отрицая применимости законов физики к огромному диапазону ус-

[118] См.: *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Диалектика, методология и логика развития современного естествознания.— В кн.: Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973; *Они же.* Революция в астрономии и ее взаимосвязь с революцией в физике.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века.

ловий и явлений, сторонники бюраканского направления выступают против абсолютизации системы таких законов, сложившихся на определенном этапе развития науки.

Анализируя неожиданные результаты наблюдений, следует всегда сосредоточить внимание на возможных трудностях их объяснения в рамках известных законов. Это поможет выяснить, не столкнулись ли мы опять (как уже много раз бывало в истории физической науки) с качественно новыми явлениями. Их допустимо рассматривать как обусловленные неизвестными нам физическими законами еще до того, как исчерпаны все возможности их объяснения с точки зрения известных законов. Такое предположение «может оказаться неправильным или правильным, однако без введения подобных предположений для объяснения неожиданных результатов физических опытов и астрофизических наблюдений прогресс в области выявления принципиально новых свойств материи остановится»[119].

Анализ фактических данных о звездах и звездных системах, проведенный в Бюракане, показал, что они не могли возникнуть в результате конденсации разреженного, диффузного вещества. Некоторые особенности звездных групп, скоплений и подсистем, а также групп и скоплений галактик можно объяснить без натяжек и противоречий только в том случае, если ввести следующее предположение: процессы развития во Вселенной направлены не от разреженного состояния ко все более плотному, а в прямо противоположном направлении — от более плотных состояний вещества к менее плотным. Возникновение звездных систем со всеми особенностями — результат активности их ядер, вещество которых по своей физической природе отлично от звезд и диффузной материи. Эти плотные или даже сверхплотные тела представляют собой новую форму материи, неизвестную земной физике. Они должны заключать в потенциальном состоянии громадные количества энергии, способные разделяться на части, удаляющиеся друг от друга с большими скоростями, а также выбрасывать массивные сгустки вещества. Взрыв ядра приводит к образованию новых галактик или, в других случаях, различных звездных подсистем в галактиках. Часть энергии, освободившейся при взрыве ядра, переходит в кинетическую энергию образовавшихся объектов. Не только пары галактик, но и целые группы, а также скопления галактик образуются в результате взрывов в ядрах.

Именно объяснение свойств прототел, а также процесса образования из них звезд и звездных систем оказывается затруднительным или невозможным на основе современных знаний об элементарных частицах и вообще в рамках известных законов физики.

[119] *Амбарцумян В. А.* Звезды типов Т Тельца и UV Кита и явление непрерывной эмиссии.— Науч. тр., т. 2. Ереван, 1960, с. 241.

Методологические принципы бюраканского направления разрабатывались В. Амбарцумяном главным образом применительно к изучению звезд и звездных систем. Аналогичный подход к решению проблем Солнечной системы начиная с 30-х годов развивается С. К. Всехсвятским. Он неоднократно подчеркивал, что исследования Солнечной системы, ее происхождения и развития следует вести на основе обобщения эмпирических данных. «„Динамичность", проявляющаяся во всех космических процессах,— пишет С. Всехсвятский,— служит отражением диалектической сущности процессов развития, обусловливаемых, как правило, внутренними по отношению к данному объекту силами; поэтому в каждом элементе окружающего нас мира должна быть отражена история его прежних превращений»[120]. Ключ к пониманию процессов в Солнечной системе дает изучение нестационарных явлений, прежде всего в комплексе малых тел — комет, метеорного вещества и др. Изучение механизма их возникновения привело С. Всехсвятского к выводу о том, что на поверхностях планет и некоторых спутников происходят мощные эруптивные процессы, которые и приводят к образованию малых тел. Была предсказана важная роль вулканизма в эволюции планет. Исследование планет прямыми методами подтверждает эту идею.

Развитие астрофизики в 60—70-х годах сопровождается новыми крупными открытиями, причем некоторые из них сделаны не в результате целенаправленных поисков, а как побочный результат при решении других задач, иногда вовсе не связанных с астрофизикой (например, открытие пульсаров, реликтового излучения).

В эти же годы возобновились методологические дискуссии между классическим и неклассическим направлениями астрофизики в целях дальнейшего обоснования соответствующих исследовательских программ.

Был проведен более обстоятельный анализ методологических принципов различных исследовательских программ в плане их сопоставления с общими особенностями взаимосвязи эмпирического и теоретического способов построения теорий, теоретических моделей и схем в современном естествознании[121].

Рассматривались также особенности основных методов астрофизики — метода моделей и статистического метода, их эвристические возможности и взаимосвязь со стилем мышления современной науки[122].

[120] *Всехсвятский С. К.* Космогония солнечной системы.— В кн.: Проблемы современной космогонии, с. 317—318.

[121] См.: Астрономия. Методология. Мировоззрение.

[122] См.: *Вельяминов Б. А.* Методологические вопросы астрофизики.— В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968; *Он же.* Некоторые методологические вопросы астрофизики.— Там же; *Он же.* Некоторые методологические вопросы астрофизики.— В кн.: Астрономия. Методология. Мировоззрение; *Масевич А. Г.* Метод моделей в астрофизике, его эвристические возможности.— В кн.: Философские

Наиболее острые споры вызывает проблема современного состояния теории в астрофизике, тенденций и перспектив ее развития. Сторонники различных методологических направлений астрофизики высказывают по этому поводу диаметрально противоположные взгляды.

С позиций классического направления основная тенденция современной астрофизики состоит в том, что для все большего числа эволюционирующих космических объектов удается построить их теории и модели, основанные на фундаментальных законах современной физики. Они оказываются применимыми во всем диапазоне исследуемых астрофизикой масштабов явлений, условий, за исключением космологической сингулярности.

Концепция образования различных поколений космических тел и систем путем фрагментации диффузного вещества на различных стадиях расширения Вселенной, положенная в основу ряда астрофизических теорий, схем, моделей, рассматривается как находящаяся в хорошем соответствии со всей совокупностью известных астрофизических фактов[123]. Это касается прежде всего концепции образования звезд из диффузного вещества, которая, согласно И. С. Шкловскому, получила настолько убедительные подтверждения, что может рассматриваться как «прочное завоевание науки»[124]. Вескими подтверждениями современной теории звездной эволюции считается открытие нейтронных звезд — пульсаров, а также предполагаемое открытие черной дыры в области рентгеновского источника Лебедь X—1; и те и другие были предсказаны теорией как конечные стадии жизни звезд[125].

Совершенно иная оценка общего состояния астрофизической теории и тенденций развития астрофизики была неоднократно выражена с позиций неклассического направления А. В. Амбарцумяном. Он снова высказал мнение, что затруднения и противоречия, с которыми сталкиваются многие теории, схемы, модели, разрабатываемые в рамках классического направления, являются не второстепенными и преходящими, а принципиальными, они свидетельствуют о крайней проблематичности самих основ этого направления. По словам В. Амбарцумяна, для современного развития астрофизики становится все более характерной ситуация, при которой «наблюдательные данные заставляют нас отказаться от развиваемых

проблемы астрономии XX века; *Сачков Ю. В., Цицин Ф. А.* Статистический метод в астрономии.— Там же.

[123] См.: *Гинзбург В. Л.* Астрофизика и новые физические законы.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века; *Каплан С. А.* Астрофизика и проблема поиска фундаментальных физических законов.— В кн.: Астрономия. Методология. Мировоззрение.

[124] *Шкловский И. С.* Звезды: их рождение, жизнь и смерть. М., 1975, с. 100.

[125] Черные дыры должны обладать парадоксальными свойствами, которые анализировались в физико-теоретическом и методологическом аспектах рядом авторов. См.: например.: *Смородинский Я. А.* Парадоксы черных дыр.— В кн.: Астрономия. Методология. Мировоззрение.

теоретиками идей, иногда даже таких, которые считались общепризнанными, и от традиционных гипотез»[126]. В этой связи В. Амбарцумян считает, что гипотеза «образования космических объектов в результате конденсации разреженного вещества потерпела ряд последовательных, можно сказать уничтожающих, провалов при попытках понять происхождение звездных систем (достаточно упомянуть о ее неспособности объяснить различные формы активности ядерных галактик)»[127]. Как показало время, продолжает В. Амбарцумян, рассматривая природу активных ядер галактик, «гипотеза Коллапса оказалась совершенно бесполезной, не говоря уже о многих логических трудностях и противоречиях, проявляющихся при попытке построить модель такого явления»[128]. Эта гипотеза по крайней мере недостаточна, так как она не способна объяснить важнейшее свойство эруптивных, взрывных процессов в ядрах галактик — их повторяемость. Для разрешения этих проблем астрофизика пока не располагает необходимой совокупностью фактических данных. «Может быть,— утверждает В. Амбарцумян,— в XXI столетии удастся лучше понять подлинную природу ядер и квазаров. Что касается проблемы происхождения таких объектов, то это кажется делом еще более отдаленного будущего»[129].

Что касается проблемы происхождения звезд, то здесь, по мнению В. Амбарцумяна, положение намного сложнее. Природа пристально скрывает от нас тайну рождения звезд. За и против каждой из двух основных гипотез приводится большое количество аргументов, один и тот же факт часто истолковывается в пользу как той, так и другой гипотезы. Но и здесь неклассическая точка зрения медленно, но неуклонно завоевывает свои позиции.

Важное значение для обоснования эруптивной концепции космической эволюции имело, с точки зрения В. Амбарцумяна, открытие активных вулканических процессов на поверхностях многих планет, и особенно спутников Юпитера, предсказанное С. Всехсвятским и обнаруженное затем с помощью межпланетных автоматических станций.

В противовес точке зрения сторонников классического направления, согласно которой «горизонт» современной физики ничем не омрачается при попытках понять сущность объектов и эволюционных процессов во Вселенной, было высказано мнение, что на самом деле на этом горизонте можно насчитать даже не одну, а сразу несколько «туч». Все они связаны с проблемами истолкования открытых за последние годы нестационарных явлений. Хотя вопрос

[126] *Амбарцумян В. А.* Особенности развития современной астрофизики.— В кн.: Октябрь и наука,, с. 76.

[127] *Амбарцумян В. А.* Предисловие.— В кн.: Проблемы современной космогонии, с. 4.

[128] *Амбарцумян В. А.* Нестационарные объекты во Вселенной и их значение для исследования происхождения и эволюции небесных тел.— Там же, с. 15.

[129] *Амбарцумян В. А.* Философские вопросы науки о Вселенной. Ереван, 1973, с. 420.

о том, выводят ли эти явления за границы современной физики, еще нельзя полагать решенным окончательно, все же есть много оснований считать, что для объяснения грандиозных взрывных процессов в ядрах галактик «потребуется расширение наших представлений об основных свойствах материи». Это означает, что «приближается эпоха, когда астрономия вновь станет источником новых идей и коренных изменений в физике»[130].

В современной астрофизике поляризация этих оценок объясняется прежде всего косвенным характером большинства имеющихся фактических данных (в частности, и по проблеме звездообразования). В этих условиях методологический анализ состояния теории и тенденция развития астрофизики приводят к выводам, которые неизбежно носят характер «экспертных оценок», выдвигаемых с позиций противостоящих друг другу исследовательских программ.

В ходе методологических дискуссий между сторонниками конкурирующих в астрофизике направлений отмечалось, что оба они основываются на принципах материалистической диалектики, в частности на принципе саморазвития материи. Различия между ними состоят в их связях с разными естественнонаучными картинами мира. Их ценность для решения проблем мировоззрения состоит также в том, что исследование эволюционных процессов во Вселенной вплотную подводит к выяснению конкретных условий возникновения жизни, разума, космических цивилизаций.

Философские аспекты проблемы жизни и разума во Вселенной. Прогресс современной астрономии привел к появлению новых комплексных направлений научного поиска, находящихся на стыке астрономии и многих других наук, как естественных, так и общественных. К числу таких направлений относится проблема жизни вне Земли и проблема существования во Вселенной различных цивилизаций и установления связи с ними.

В 20—30-х годах этот комплекс проблем сводился многими астрономами в основном к вопросу о жизни на Марсе. Начало 50-х годов ознаменовалось дискуссиями по проблеме обитаемости планет Солнечной системы (в основном Марса). Г. А. Тихов полагал, что точка зрения, согласно которой лишь земные условия являются пригодными для жизни,— это своего рода «биологический геоцентризм», и решительно выступал против него[131]. Однако многие астрономы придерживались иных представлений. По мнению В. Г. Фесенкова, положение о сравнительно редком распространении жизни во Вселенной никоим образом не противоречит диалектическому

[130] См.: *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Научные революции и прогресс астрофизики.— В кн.: Астрономия. Методология. Мировоззрение, с. 48—49.

[131] См.: *Тихов Г. А.* О возможности жизни на Марсе.— Вопр. философии, 1955, № 1.

материализму. Он подчеркивал отсутствие однозначной связи между решением проблемы существования жизни во Вселенной и основными философскими направлениями, указывая на факт признания идеи множественности обитаемых миров многими известными представителями идеализма и религии [132].

В 60-х годах, с началом освоения космического пространства, дискуссии о жизни и разуме во Вселенной вступили в новый этап. Эта проблема оказалась теперь в сфере внимания целого ряда научных дисциплин, которые самой логикой своего развития подошли к рассмотрению общих вопросов прогрессивного развития материи во Вселенной. Это дало основание И. С. Шкловскому предсказать возникновение новой дисциплины, «находящейся на стыке таких наук, как астрофизика, радиоастрономия, техника и ... социология» [133], имеющей своим предметом исследование закономерностей развития жизни и разума во Вселенной. Вместе с тем в этот период произошло размежевание проблемы жизни во Вселенной и проблемы существования внеземных цивилизаций и связи с ними. Основанием для этого послужили существенные методологические различия двух направлений исследований — экзобиологии, нацеленной на обнаружение жизнедеятельности на планетах Солнечной системы, и исследований по проблеме CETI (связь с внеземным разумом), осуществляющихся в основном радиоастрономическими методами. Проблема CETI изучает вопросы поиска внеземных цивилизаций, закономерности их развития, проблему неизбежности или случайности возникновения разумной жизни, цивилизации. Обсуждается характер технологической эры человеческого общества: сохранится ли непрерывный технологический прогресс, или он сменится какими-то иными формами, какова длительность технологической эры, какими могут быть социальные последствия контактов с внеземными цивилизациями [134].

В многочисленных книгах, статьях и дискуссиях по этой проблеме вопросы философского характера тесно переплетаются с естественнонаучными. Особенно четко это можно проследить на примере работ И. Шкловского, который в течение ряда лет был активным сторонником идеи множественности обитаемых миров. Однако в 1976 г. он изменил свои взгляды на распространенность жизни и разума во Вселенной. Учитывая тенденцию к сокращению числа космических объектов, способных быть носителями жизни,

[132] См.: *Фесенков В. Г.* О физических условиях и возможности жизни на Марсе.— Вопр. философии, 1954, № 3.

[133] *Шкловский И. С.* Множественность обитаемых миров и проблема контактов между ними.— В кн.: Внеземные цивилизации. Ереван, 1965, с. 15.

[134] См.: *Амбарцумян В. А.* Проблема поиска внеземной цивилизации.— В кн.: Населенный Космос. М., 1972; *Цицин Ф. А.* Распространенность жизни и роль разума во Вселенной.— Там же; Проблема CETI. М., 1975; *Фесенкова Л. В.* Отношение субъекта и объекта в проблеме внеземной жизни.— В кн.: Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975.

которая наблюдается по мере познания Вселенной, а также отсутствие признаков проявления деятельности разумных существ в космосе, ученый пришел к выводу о нашем одиночестве во Вселенной [135].

Обсуждая вопрос о внеземных цивилизациях, Л. М. Гиндилис высказал мнение, что объектом исследования служат пока не сами внеземные цивилизации (в противном случае пришлось бы признать, что наука появилась раньше, чем обнаружен ее объект), а главным образом методы их обнаружения, способы установления контактов с ними [136].

При рассмотрении методологических проблем обнаружения внеземных форм жизни и цивилизаций было отмечено, что их поиск обусловлен определенными предпосылками, а именно предварительными представлениями об искомых объектах, конструкция которых так или иначе связана с экстраполяцией на новые области действительности свойств биологических и общественных систем, существующих на Земле [137].

Многие авторы отмечают, что для исследования внеземной жизни существенное значение имеет разработка проблем сущности и происхождения жизни. Полемика концентрируется вокруг вопроса о субстрате живого: возможны ли небелковые формы жизни или жизнь в ее любых проявлениях построена лишь на основе сложных соединений углерода? Сторонники субстратного подхода считают, что химический состав живого вещества относится к числу всеобщих признаков жизни и потому биохимическая основа жизни едина для любых форм инопланетных организмов. Эту точку зрения разделяют многие ученые — А. И. Опарин, В. Г. Фесенков, В. Л. Рыжков и др.[138]

Функциональный подход к проблеме жизни и разума во Вселенной основан на экстраполяции функциональных свойств биологических социальных систем Земли. Согласно этому подходу формы жизни и разумные существа в космосе необычайно многообразны. Так, А. Н. Колмогоров предполагает возможность существования на других планетах небелковых организмов и мыслящих существ принципиально иной, по сравнению с земной формой организации [139]. И. Шкловский также не исключал возможность существо-

[135] См.: *Шкловский И. С.* О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной.— Вопр. философии, 1976, № 3.

[136] См.: *Гиндилис Л. М.* Космические цивилизации. М., 1973.

[137] См.: *Имшенецкий А. А.* Обнаружение жизни вне Земли.— В кн.: Жизнь вне Земли и методы ее обнаружения. М., 1970.

[138] См.: *Опарин А. И.* Поиск и исследование внеземных форм жизни.— В кн.: Основы космической биологии и медицины. М., 1975; *Он же.* Материя, жизнь, интеллект. М., 1979; *Фесенков В. Г.* Избр. тр. Солнце и солнечная система. М., 1976; *Рыжков В. Л.* К вопросу о сущности жизни.— В кн.: О сущности жизни. М., 1964.

[139] См.: *Колмогоров А. Н.* Автоматы и жизнь.— В кн.: Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная. М., 1968.

вания внеземной жизни на неуглеродной основе. Он обсуждал возможность жизни на основе аммиака, отмечая, что вполне допустимы аммиачные аналоги нуклеиновых кислот, пуринов, пиримидинов и что даже возможно представить аналоги ДНК и РНК с их кодом наследственности [140].

В. Амбарцумян допускает возможность существования разных типов носителей внеземных цивилизаций, в том числе непохожих на человеческое общество. Таким носителем, по его мнению, может быть, например, единая кибернетическая система [141].

Кибернетический подход к проблеме внеземных цивилизаций разрабатывает Б. Н. Пановкин. Он отмечает, что цивилизация выступает как сложная структура или система, обладающая определенными функциональными свойствами [142], важнейшим из которых является способность к целенаправленной передаче информации по каналам связи (вопрос о других ее свойствах считается несущественным) [143].

Э. С. Маркарян предложил функциональное определение понятия цивилизации, исходящее из предпосылки, что оно аналогично понятию культуры. Подвергнув критике представления о возможности существования «биологической цивилизации», Э. Маркарян подчеркнул, что цивилизация внебиологична по своей природе [144].

В научной литературе высказываются и другие мнения о закономерностях развития цивилизаций во Вселенной. Так, Н. С. Кардашев исходит из положения об универсальности технологического пути развития цивилизаций. Он выделяет три типа внеземных цивилизаций, классифицируя их по уровню энергетического развития [145].

А. Д. Урсул, рассматривая закономерности развития цивилизаций, пришел к выводу о том, что предполагать возможность нетехнологического пути их развития, по-видимому, не имеет смысла. Он считает, что марксистская социология выявила такие законы развития общества, которые справедливы и для других цивилизаций (например, производство материальных благ как основа любой цивилизации) [146].

[140] См.: *Шкловский И. С.* Вселенная, жизнь, разум. М., 1976.

[141] См.: *Амбарцумян В. А.* Вступительное слово.— В кн.: Внеземные цивилизации. Ереван, 1965.

[142] См.: *Пановкин Б. Н.* Некоторые общие вопросы проблемы внеземных цивилизаций.— В кн.: Внеземные цивилизации. М., 1969; *Он же.* Проблема внеземных цивилизаций. М., 1979.

[143] См.: *Каплан С. А.* Экзосоциология — поиск сигналов внеземных цивилизаций.— Там же.

[144] См.: *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.

[145] См.: *Кардашев Н. С.* О стратегии поиска внеземных цивилизаций.— Вопр. философии, 1977, № 12.

[146] См.: *Урсул А. Д.* Освоение космоса: (Философско-методологические и социологические проблемы). М., 1967.

А. Урсул выдвигает предположение о возможности дальнейшего саморазвития социальной формы движения материи и возникновения принципиально новой стадии ее существования [147].

Наиболее острую полемику вызывает вопрос о темпах и сроках развития разумных цивилизаций во Вселенной. Высказывается мнение, что экспоненциальный закон развития нашей цивилизации в современную эпоху не является универсальным и должен будет смениться иными законами развития [148]. Но существует и противоположная точка зрения: освоение космоса и вовлечение его в сферу производственной деятельности позволят обществу сохранить закон развития, близкий к современному [149]. В связи с этим различаются и оценки времени жизни технологически развитой цивилизации. Согласно одной из них это время ограничено несколькими сотнями, тысячами и миллионами лет. Другая точка зрения заключается в том, что время неопределенно велико: однажды возникнув, цивилизация развивается практически неограниченно [150].

С критикой «короткой шкалы» времени существования технологической цивилизации выступили В. Амбарцумян, Я. Зельдович и др.

Е. Т. Фаддеев и А. Д. Урсул, развивая мысли, высказанные К. Э. Циолковским, защищают представление о возможном «бессмертии» цивилизации, предпосылки для которого создает освоение космоса.

Советские ученые активно разрабатывают диалектико-материалистическую интерпретацию теории развития, на основе которой рассматривается концепция внеземных цивилизаций [151].

В дискуссиях по философским вопросам современной астрономии все большую поддержку находит точка зрения, согласно которой наука о Вселенной переживает новую революцию. Но относительно сущности этой революции высказываются довольно разноречивые мнения.

В литературе нередко проводится сравнение особенностей прогресса современной астрономии с характерными чертами революции, которую наука о небе пережила в эпоху Возрождения. Интерес к коперникианской революции вызван настоятельной потребностью осмыслить развитие современной науки, поэтому 500-летний юбилей Коперника был отмечен многочисленными публикациями, научными сессиями и симпозиумом, организованным в 1973 г. Научным советом по философским вопросам современного естество-

[147] См.: *Урсул А. Д.* Человечество. Земля. Вселенная. М., 1977.

[148] См.: *Гиндилис Л. М.* Космические цивилизации.

[149] См.: *Идлис Г. М.* Проблема CETI (связь с внеземными цивилизациями). М., 1975.

[150] *Фаддеев Е. Т.* Космонавтика и общество. М., 1970; *Он же.* К. Э. Циолковский о бесконечном развитии Вселенной.— В кн.: Идеи К. Э. Циолковского и современность. М., 1979.

[151] См.: *Урсул А. Д.* Человечество. Земля. Вселенная; Астрономия. Методология. Мировоззрение.

знания при Президиуме АН СССР и Институтом философии АН СССР.

Обсуждая особенности современного бурного прогресса астрономического знания, некоторые исследователи полагают, что астрономические данные последних лет пока не заставляют «что-либо пересмотреть в фундаменте физики»[152], поэтому о кардинальных изменениях можно говорить с точки зрения глубоких преобразований в методах исследования, позволивших резко расширить возможности получения информации о Вселенной. Другие исследователи[153] полагают, что революционные преобразования имеют более фундаментальный характер и представляют собой единство коренных изменений как в сфере методов и средств исследований космоса, так и в системе знания о Вселенной.

Какими бы ни были трактовки той ситуации, которую ныне переживает астрономия, несомненно одно — ее открытия вызывают глубокую перестройку системы знания о Вселенной и современной научной картины мира.

3
Химия

Современная химия занимает важное место в научно-технической революции XX в. Коренное обновление экспериментальных методов, концептуальные сдвиги в структуре химической теории, процесс расширения и углубления всего химического знания оказываются тесно связанными со всем комплексом быстро развивающегося естествознания и с изменяющейся технологической матрицей науки. Эти процессы вызывают потребность переоценки основных теоретических представлений, остро ставят методологические вопросы о путях качественного преобразования и уточнения применяемых в химии понятий. Потребность в разработке методологии химии обостряется в период перехода химии от экстенсивного к интенсивному характеру ее развития. В этой связи возникает также задача осмыслить соотношение химии и производства, химии и химической технологии.

Совершенствование орудий и средств производства невозможно без интенсификации функционирования веществ в производстве, без создаваемых для этого искусственных материалов. Эти вопросы постоянно привлекали внимание таких крупных химиков, как Н. Н. Семенов[154].

[152] *Гинзбург В. Л.* О физике и астрофизике. Л., 1974, с. 105.

[153] См.: *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Революция в современной астрономии и ее взаимосвязь с революцией в физике.— В кн.: Философские проблемы астрономии XX века; *Они же.* Научные революции и прогресс в исследовании Вселенной.— Вопр. философии, 1978, № 3.

[154] См.: *Семенов Н. Н.* Молекулярно-электронно-химические машины — машины будущего.— Фронт науки и техники, 1934, № 4; *Он же.* Будущее человека в атомном веке.— Вестн. АН СССР, 1958, № 1; *Он же.* Наука и общество. М., 1973.

Преобразование классической химии в новую химию в отличие от известной революции в физике носит менее резкий характер, в нем меньше признаков бурного взрыва и крутой ломки понятий в сжатые исторические сроки, но глубина этих преобразований не менее головокружительна. Поэтому развертывание методологических исследований, интенсивное развитие которых наблюдается в последнее время, имеет немаловажное теоретическое и практическое значение как для самой химии, так и для диалектико-материалистической философии [155].

Можно условно выделить три основные группы философских вопросов химии или три основных аспекта рассмотрения философской проблематики химии [156]. Во-первых, онтологический аспект исследований, в плане которого происходит осмысление нового химического знания с точки зрения его вклада в общую систему научной картины мира. Во-вторых, гносеологический аспект исследования, представленный разработкой теоретико-познавательных, методологических и логических проблем в их связи с историческим развитием химии. Наконец, третий аспект исследований философской проблематики химии имеет целью раскрыть социальные, экономические, нравственные и эстетические связи, существующие между химией и химической технологией и обществом с его культурой. Последний социологический аспект изучения развития химии представляет в настоящее время большой теоретический и практический интерес, поскольку без него невозможно целостное понимание места и роли химии в современном мире.

Все эти три аспекта философских вопросов химии связаны между собой. Достоверность онтологических выводов корректируется как логико-методологическим, так и социологическим анализом. Очевидна также зависимость логико-методологических решений от социально-культурного аспекта исследований, поскольку концептуальный аппарат химии и ее экспериментальные средства выражают развивающуюся в контексте всего общества химическую деятельность человечества.

Развитие философских вопросов химии в СССР показывает, что они могут успешно решаться только тогда, когда диалектико-материалистический анализ познавательных проблем органически сочетается и взаимодействует с историко-материалистическим подходом. В исследованиях такого рода проявляется возросший уровень разработки философских проблем химии.

[155] См.: *Добротин Р. Б.* Химическая форма движения материи: (Заметки по философским вопросам химии). Л., 1967; *Жданов Ю. А.* Значение ленинских идей для развития химии. М., 1970; *Кузнецов В. И.* Диалектика развития химии (от истории к теории развития химии). М., 1973; *Кедров Б. М.* Энгельс и химия. М., 1974; *Боряз В. И., Солопов Е. Ф.* Философские вопросы химии: Очерк истории диалектико-материалистической разработки. Л., 1976.

[156] См.: *Гаркавенко Р. В.* Философские вопросы современной химии. М., 1970.

Химическая атомистика. Разработка методологических проблем химической науки тесно связана с историко-химическими исследованиями. Плодотворность органического взаимодействия философско-методологического и историко-химического анализов была продемонстрирована целым рядом работ по фундаментальным вопросам современной химической атомистики, в частности посвященных эволюции понятия «химический элемент». Среди них прежде всего необходимо отметить работы Б. М. Кедрова, начатые еще в 30-х годах и подытоженные трехтомной монографией «Три аспекта атомистики»[157].

Б. Кедров различает четыре этапа в становлении атомистических идей: натурфилософская атомистика древности, механическая атомистика XVII—XVIII вв., химическая атомистика XIX в. и современная физическая атомистика[158].

Хотя основы химической атомистики закладывались еще в XVIII в. Бойлем и Ломоносовым, до открытия Дж. Дальтона (1803) понятия химического элемента и состава вещества складывались под влиянием перипатетических представлений. Дж. Дальтон впервые связал атомное учение с экспериментальными результатами химии. Со времен Дальтона под химическим элементом стали понимать вид атомов, обладающих определенным атомным весом, а под составом вещества — его атомный состав. Атом превратился в «узловую точку» химического мышления. Позднее атомистика приобрела электротехнический характер: атому стали приписывать некоторые электрические свойства. Выдающимся достижением этого периода явился периодический закон Менделеева. Б. Кедров указывает на историко-логическую преемственность, соединяющую Дальтона и Менделеева: если Дальтон связал химическую индивидуальность с атомным весом, то Менделеев рассмотрел эту связь «в плане раскрытия общей зависимости всех элементов»[159].

На развитие химии существенное влияние оказало проникновение физики в глубь атома. Поэтому первым фундаментальным химическим понятием, попавшим в «вихрь» обновления всего естествознания, оказалось понятие «химический элемент». Открытия естественной и затем искусственной радиоактивности, явления изотопии и т. д. поставили под сомнение коренной признак химического элемента — атомный вес. Попытки заново осмыслить это понятие были предприняты в 20-х и 30-х годах[160]. В систематической форме

[157] См.: *Кедров Б. М.* Три аспекта атомистики. М., 1969. Основные более ранние работы Б. М. Кедрова по проблемам химической атомистики; *Кедров Б. М.* Джон Дальтон — отец современной химии.— В кн.: Дальтон Джон. Сб. избр. работ по атомистике. Л., 1940; *Он же.* Развитие понятия химического элемента от Менделеева до наших дней. М.; Л., 1948; *Он же.* Атомистика Дальтона. М.; Л., 1949; *Кедров Б. М.* Атомистика.— В кн.: БСЭ. 2-е изд., 1960, т. 3.

[158] См.: *Кедров Б. М.* Атомное учение.— В кн.: Филос. энцикл., 1960, т. 1.

[159] *Кедров Б. М.* Три аспекта атомистики, т. 2, с. 156.

[160] См.: *Шарвин В. В.* Введение в химию. М., 1931; *Михайленко Я. И.* Эволюция наших представлений о химических элементах, атомах и молекулах за последнее вре-

эта работа была проделана Б. М. Кедровым, подвергшим критике позиции Я. И. Михайленко и В. В. Шарвина[161]. Б. Кедров выделил два понятия химического элемента — эмпирико-аналитическое и теоретико-синтетическое (в более поздних работах — атомно-теоретическое). Эмпирико-аналитическое определение, к которому Б. Кедров относит определения В. Шарвина и Я. Михайленко, фиксирует лишь факт неразложимости (химической или физической) химического элемента. Однако такое определение является недостаточным. В противоположность эмпирико-аналитическому определению теоретико-синтетическое понятие химического элемента формулируется в рамках закона природы. До Менделеева теоретико-синтетическое понятие химического элемента определялось на основе дальтоновской атомистики. Менделеев же определил понятие «химический элемент» через периодический закон: элементы различаются по местам, которые они занимают в системе элементов. Б. Кедров показал, что дальнейшая эволюция понятия элемента в химии определялась тем содержанием, которое дается периодическим законом.

Последующее осмысление концепции химического элемента оказалось тесно связанным с методологическим анализом развития более общих представлений о структуре материи, даваемых физикой элементарных частиц. Периодический закон в XX в. превратился из химического в общенаучное утверждение о природе. Как и всякий фундаментальный закон природы, он не может быть принципиально изменен или улучшен. Однако и этот закон не содержит истину в последней инстанции. Отмечая диалектический характер периодического закона, А. Е. Ферсман писал: «Для нас каждое место периодической системы есть целый сложный мир, изменчивый в пространстве и во времени, мир, разгадки которого еще в будущем»[162].

Изменение познавательной ситуации в химии и проблема химического индивида. Для понимания сущности споров вокруг основных понятий химии, вызвавших большой научный и философский интерес, необходимо четко представлять характерные особенности классической химии. Классическая химия сформировалась на достаточно узком с современной точки зрения классе объектов. Химия прошлого века — это по преимуществу химия микромолекул, изучаемых в лабораторных условиях без учета существенного влияния на химизм всего многообразия различных физических и химических факторов. Типичной особенностью химии этого периода является принцип

мя. М., 1935; *Шукарев С. А.* О значении атомного веса для характеристики химических элементов.— В кн.: Тр. Юбил. Менделеевского съезда. М., 1937, т. II; *Спицын В. И., Флеров Н. И.* Развитие представлений о химическом элементе.— Успехи химии, 1937, т. VI.

[161] См.: *Кедров Б. М.* Развитие понятия химического элемента от Менделеева до наших дней; *Он же.* Эволюция понятия элемента в химии. М., 1956.

[162] *Ферсман А. Е.* Периодический закон Менделеева в свете современной науки.— В кн.: Периодический закон Д. И. Менделеева и его философское значение. М., 1947, с. 116.

универсальности молекулярной формы вещества, полностью отождествляющей любой химический индивид с молекулой как замкнутой, устойчивой системой. При этом предполагалось, что химические свойства вещества, изучаемого в его макроформах (преимущественно газы и истинные растворы), нацело сводимы к свойствам его молекулярной микроформы.

Именно на основании принципа универсальности молекулярной формы вещества классическая химия создала теорию химического строения, представляющую собой логически последовательное применение структурного подхода к решению основной проблемы химии — проблемы генезиса химических свойств вещества. Строгая объективная локализация структурного принципа, ограничение его применения молекулой обусловливалась всем уровнем развития химии и физики XIX в., экспериментальные и теоретические возможности которых еще не были развиты для плодотворного анализа немолекулярных форм вещества. Различия молекулы как микроформы вещества от его макроформы не были тайной для тогдашних химиков, так как предположение наличия этих различий представляет логически необходимое звено в атомистическом мышлении, начиная с Демокрита. Однако в полном соответствии с атомистической традицией предполагалось, что все наблюдаемые качества вещества можно свести к свойствам его молекул, к которым и применялся структурный принцип в рамках теории химического строения. Принцип молекулярной универсальности вещества явился продуктивнейшей научной абстракцией классической химии, обладающей достаточным запасом эвристических потенций, а тем самым и методологической прочности. Но именно триумфальные успехи органического синтеза, ставшие возможными в результате создания классической структурной теории, породили устойчивую фиксацию ее принципов в новых экспериментальных и теоретических условиях.

В чем же выразились эти принципиальные изменения в науке для химии? Возникновение новой экспериментальной техники, революционное преобразование физики, открытие совершенно новых областей взаимодействия физики и химии на разных структурных уровнях — все это необычайно расширило саму предметную область химических исследований. В результате в поле приложения экспериментальных и теоретических усилий химиков и физиков оказалось значительное многообразие качественно новых форм вещества (радикалы, комплексные частицы, адсорбционные соединения, различные дисперсные системы, полимеры и т. д.). Этот бурный процесс расширения горизонта исследуемых химией объективных систем разного плана, строения и функционирования вызвал кризис не столько классической терминологии, которая, напротив, оказалась чрезвычайно живучей, сколько самого классического химического мышления.

Открытые новые немолекулярные объекты не охватывались классическим мышлением прежде всего потому, что для раскрытия их

химического функционирования требовался учет разнообразных ранее неизвестных факторов, связанных главным образом с понятием фазы вещества.

Большое методологическое значение в этом плане имели работы Н. С. Курнакова [163] в 20—30-х годах. Курнаков показал одностороннее преувеличение роли дискретности в классических представлениях о химическом соединении, отстаивал единство дискретности и непрерывности, дальтонииидных и бертолиидных форм химической индивидуальности. Работы Н. Курнакова интересны также и в плане эволюции взглядов об основных законах химии.

Именно в связи с открытием новых молекулярных форм химической индивидуальности и с конфликтностью ситуации на передовые рубежи химической науки выходят физико-химический анализ, кристаллохимия, коллоидная химия, кинетика и учение о катализе, химия полимеров. Интенсивное, порой взрывообразное развитие этих отраслей современной химии приходит в конфликт с классической традицией, с ее специфическими и ограниченными методами мышления.

Дискуссии вокруг понятий молекулы и химического соединения. Все вышеперечисленные отрасли представляют собой современную химию как физикохимию, в которой химический аспект исследования органически переплетен с физическим. Если классическая химия выступила как чисто химическая наука, хотя ее выдающиеся представители прекрасно понимали значение физических методов, то современная химия сразу же конструируется как физическая химия, хотя собственно физическая химия составляет лишь один ее раздел. Характерным моментом в данной связи является постановка вопроса о предмете исследований новых, развивающихся отраслей химии, в частности о предмете физической химии [164]. Интересный методологический анализ проблем коллоидной химии дал в 30-х годах Н. И. Песков [165]. В результате анализа Н. Песков приходит к выводу, что «объектом коллоидной науки является прежде всего изучение особой формы движения материи в условиях образования мицеллы и всех тех факторов, которые или осуществляют образование этих мицелл, или ведут к их разрушению» [166]. При этом химическое функционирование коллоидных систем оказывается тесно связанным с их молекулярно-физическими характеристиками. Рас-

[163] См: *Курнаков Н. С.* Избр. тр. М.: Л., 1960.

[164] См.: *Герасимов Я. И.* О предмете и границах физической химии.— Вестн. МГУ, Сер. физ.-мат. и естеств. наук, 1956, № 2; *Даін Б. Я.* Формы руху матерії і предмет фізичної хімії.— В кн.: Філософські питання природознавства. Київ, 1958; *Клишина С. А.* Некоторые приложения структурного анализа к исследованию химических процессов. К вопросу о структуре и свойствах материи. Саратов, 1966.

[165] См.: *Песков Н. И.* Диалектика в коллоидной химии.— В кн.: Тр. Моск. хим.-технол. ин-та им. Д. И. Менделеева. М., 1932, вып. 1.

[166] Там же, с. 28.

сматривая классическое понятие молекулы в свете новых данных о коллоидных и полимерных системах, Н. Песков отмечает ограниченность этого понятия определенными размерами частицы и в связи с этим подвергает критике введенный Штаудингером термин «макромолекула». Только приверженностью к классической традиции и методологической небрежностью можно объяснить столь широкое распространение таких неадекватных по сути дела терминов, как «макромолекула» и «гигантская молекула». За весьма распространенной тенденцией якобы лишь терминологического консерватизма выступает по существу методологический традиционализм, мешающий осознать фундаментальный характер перемен, изменивших облик и содержание химии. Эту удивительную на первый взгляд приверженность химиков к традиционным понятиям отмечают все исследователи, ставящие своей целью способствовать ясному осознанию новой теоретической ситуации. Так, например, Г. Б. Бокий и С. С. Бацанов подчеркивают, что, «несмотря на факты, добытые главным образом структурным анализом, химики продолжают „по инерции" применять понятие „молекула" во всех случаях»[167]. Однако очевидно, что в этом обстоятельстве проявляется специфический для химического мышления теоретический консерватизм, оправданный принципиальной трудностью построения эффективных теоретических понятий в химии из-за огромного значения в ней эмпирических и полуэмпирических методов, порожденных сложностью и подвижностью самого предмета химических исследований, напоминающего, по словам Гегеля, жизнь[168].

По существу, во всех методологических дискуссиях и полемиках консервативная тенденция выступает хранительницей чистоты истинно химических принципов, защищающей их от далеко зашедших физикализации и математизации современной химии. Особенно характерен в данном отношении доклад Д. А. Петрова на состоявшемся в 1951 г. совещании по определению понятия химического соединения[169]. Этот доклад интересен тем, что в нем консервативная тенденция выступала с достаточно четко определенной методологической платформой, что позволяет глубже понять ее философские предпосылки. Суть этой платформы состояла в отстаивании привилегий субстратного подхода перед функциональным подходом, который, по мнению автора, является несущественным для самой химии и привносится в нее физико-математической экспансией. В докладе чрезмерно резко разделялись понятия вещества и состояния (связи): в соответствии с классическим стереотипом мышления вещество отождествлялось с молекулой, а состояние (связь) с нехимическими,

[167] *Бокий Г. В., Бацанов С. С.* К вопросу о понятии «молекула».— Вестн. МГУ. Сер. 2, Химия, 1954, № 5, с. 73.

[168] См.: *Гегель.* Соч. М.; Л., 1934, т. 2, с. 298.

[169] См.: *Петров Д. А.* О неправильных взглядах в химии.— В кн.: Доклады на совещании по определению понятия химического соединения. М., 1953.

второстепенными для химизма факторами. Важное физико-химическое понятие фазы было отнесено целиком к физике.

Очевидно, что наряду с функционализмом в современном научном мышлении, включая химию, большое значение имеет и субстратный подход, однако лишь в связи с учетом структурного принципа на всех уровнях исследуемых систем [170].

В докладе В. К. Семенченко, сделанном на том же совещании, была достаточно ясно подчеркнута существенная роль для понимания химических свойств вещества, во-первых, его фазового состояния и, во-вторых, типа химической связи. Интересно, что в отстаивании классических позиций и специфики химии Д. Петров зашел так далеко, что ему для защиты этих позиций пришлось, по существу, сойти на уровень аналитического, доструктурного этапа развития теоретической химии. Напротив, В. Семенченко показал позитивную преемственность современной теоретической химии по отношению к классической, так как именно расширение и развитие структурного принципа в понятиях фазы и химической связи отвечают духу классической теории строения, выявившей фундаментальную роль как раз именно строения, т. е. структуры, химического состояния, системы химических связей, для понимания химических свойств вещества.

Почти одновременно с дискуссией вокруг определения понятия «химическое соединение» острые методологические споры возникли по поводу теории резонанса, предложенной американскими химиками Полингом и Уэландом.

Сторонники теории резонанса стремились расширить возможности структурной химии. Для этого ими было использовано представление о квантовомеханическом резонансе, заключающееся в том, что состояние квантовомеханического объекта некоторой микросистемы представляется как «смесь», суперпозиция (наложение) ряда базисных (предельных) состояний. Согласно теории резонанса строение химического соединения отображается не одной формулой, а целым набором классически структурных формул (валентных схем).

Теория резонанса в начале 50-х годов была подвергнута в нашей литературе весьма резкой критике [171]. Последующее обсуждение показало, что эта критика была справедливой и действенной лишь по отношению к претензиям теории резонанса на «главенствующую роль» в теоретической химии. Однако и в 60-х годах раздавались призывы вычеркнуть теорию резонанса из химии, как подменяющую материальное идеальным, объективное субъективным [172].

[170] Интересный анализ субстратного подхода дает болгарский философ Савва Петров. См.: *Петров С.* Субстрат, структура, свойство.— Вопр. философии, 1968, № 10.

[171] См.: *Татевский В., Шахпаронов М.* Об одной махистской теории в химии и ее пропагандистах.— Вопр. философии, 1949, № 3; Состояние теории химического строения в органической химии: Доклад комиссии отделения химических наук АН СССР. М., 1952; Состояние теории химического строения в органической химии. М., 1954.

[172] См.: *Шахпаронов М. И.* Химия и философия. М., 1962.

Но теория резонанса критиковалась и за произвольность, фиктивность классических структур валентных схем, посредством которых изображалось строение химического соединения [173].

Вопрос о фиктивности и произвольности познавательных средств теории резонанса поднимался В. А. Штоффом [174]. Не признавая вслед за критиками теории резонанса объективной реальности химического резонанса, В. Штофф тем не менее видел в валентных схемах, используемых в этой теории, вспомогательные модели, являющиеся упрощениями действительности. Он рассматривал метод наложения валентных схем, применяемый в теории резонанса, в свете тезиса К. Маркса о конкретном как о синтезе многих определений [175]. По мнению В. Штоффа, метод наложения валентных схем — один из способов воспроизведения конкретного в мышлении.

В. Штофф рассматривал методологические проблемы теории резонанса в связи с более общим вопросом о моделировании в теоретической химии. Этот подход получил развитие в работах Г. В. Борисова, характеризовавшего валентные схемы теории резонанса как функциональные модели, которые не следует смешивать с изоморфными моделями, воспроизводящими структуру реальности [176].

По-другому трактуют познавательные средства теории резонанса В. И. Кузнецов и А. А. Печенкин, которые считают возможным сопоставлять валентные схемы, используемые в теории резонанса, с реальными структурными характеристиками молекул [177]. Положение теории резонанса в теоретической химии, отмечают В. Кузнецов и А. Печенкин, весьма своеобразно: эта теория находится на границе структурных и кинетических теорий. Мы можем приписывать резонансу валентных схем реальный смысл, поскольку относим его к области химической кинетики, оперирующей нестационарными состояниями молекул. В то же время теория резонанса сложилась в рамках традиций структурной химии, имеющей дело со стационарными состояниями молекул. В теории резонанса познавательные средства структурной химии используются за пределами своей области применимости.

Это внутреннее противоречие теории резонанса объясняет ее историческую судьбу: в 60—70-х годах теория резонанса постепенно уступает свои позиции более точным и более тонким концепциям квантовой химии.

Методологические вопросы квантовой химии. Дискуссии вокруг теории резонанса с особенной остротой поставили проблему о месте

[173] См.: *Хюккель В.* Химическая связь. М., 1960; *Быков Г. В.* История электронных теорий органической химии. М., 1968, с. 401.

[174] См.: *Штофф В. А.* Роль моделей в познании. Л., 1963.

[175] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 727.

[176] См.: Моделирование в теоретической химии. М., 1975, с. 51.

[177] См.: *Кузнецов В. И.* Эволюция представлений об основных законах химии. М., 1967; *Кузнецов В. И., Печенкин А. А.* Концептуальные системы химии. Теория резонанса.— Вопр. философии, 1972, № 5.

и методологической значимости в химии квантовомеханических методов.

Квантовая химия занимает своеобразное положение: она непосредственно опирается на физическую теорию — квантовую механику — и поэтому столько же принадлежит физике, сколько и химии. Особенности предмета этой дисциплины налагают печать и на средства ее философского анализа. Здесь малопродуктивными оказались рассуждения о сводимости или несводимости химии к квантовой механике, о подчиненном положении физической формы движения материи по отношению к химической и т. д. Эти понятия оказались слишком грубыми для выяснения подлинной природы квантовой химии. Более того, в ряде случаев они были использованы для обоснования консервативных тенденций в химической науке. В частности, в работе А. Д. Вислобокова утверждалось, что квантовомеханические процессы лишь «сопутствуют» химическому соединению атомов и разложению молекул [178]. Такие чрезмерно «сильные» антимеханицистские утверждения были расценены как проявление своеобразных рецидивов неовитализма в химии [179]. Разумеется, квантовая химия усваивает некоторые традиционные формы мышления доквантовой химии. Однако познавательные конструкции, идущие от доквантовых представлений, исполняют здесь лишь роль приближенных методов, грубых моделей, за которыми скрывается подлинная физическая реальность. Одностороннее подчеркивание важности этих познавательных конструкций искусственно сужает горизонты квантовой химии [180].

Хотя квантовая химия возникла в 20—30-х годах, интенсивная разработка ее философских вопросов началась сравнительно недавно, в 50—60-х годах [181]. К этому времени закончился период «спя-

[178] См.: *Вислобоков А. Д.* Марксистская диалектика и современный механицизм. М., 1962.

[179] См.: *Вихалемм Р. А.* «О двухслойности» структуры и о соотношении квантовой механики и химии.— Учен. зап. Тарт. ун-та, 1965, вып. 165. (Тр. по философии; VIII); *Китайгородский А. И.* Проблемы теории в химии.— В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968.

[180] См.: *Печенкин А. А.* Методологические проблемы развития квантовой химии. М., 1976.

[181] См.: *Сыркин Я. К.* Современное состояние проблемы валентности.— Успехи химии, 1959, т. XXXVIII, вып. 8; *Сыркин Я. К., Дяткина М. К.* Основные теоретические проблемы неорганической химии.— Вестн. АН СССР, 1965, № 7; *Татарский В. М.* Квантовая механика и теория строения молекул. М., 1965; *Свиридов В. В.* Соотношение химической и физической форм движения материи.— В кн.: Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания. Минск, 1965; *Китайгородский А. И.* Проблемы теории в химии; *Кучер Р. В.* Методологические проблемы развития теории в химии.— Вопр. философии, 1969, № 6; *Шусторович Е. М.* Новое в учении о валентности. М., 1968; *Вихалемм Р. А.* О переходе на теоретическую ступень познания.— Учен. зап. Тарт. ун-та, 1969, вып. 225. (Тр. по философии; XII); *Веселов М. Г.* Квантовая механика и развитие квантовой химии.— В кн.: Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук. Л., 1970; *Кузнецов В. И., Печенкин А. А.* Становление квантовой химии.— В кн.: Синтез современного научного знания. М., 1973; *Печенкин А. А.* Методологические проблемы развития квантовой химии.

тия сливок» с квантовохимических методов и наступило время трезвых размышлений о судьбах этой теории. Трудности, возникшие в квантовой химии, наложили отпечаток на познавательную ситуацию во всей химии. С одной стороны, налицо были поразительные успехи квантовомеханических расчетов малоэлектронных систем, объяснения химической связи, валентности, ароматичности. Многие химические явления, которые ранее казались не связанными друг с другом, оказались «прошиты» единой нитью квантовохимических концепций. С другой стороны, на пути строгих расчетов многоэлектронных систем, представляющих подавляющее большинство исследуемых химических соединений, встали непреодолимые математические трудности. Далеко не во всех случаях удавалось найти достаточно эффективные приближенные методы.

Философское осмысление развития квантовой химии заставляет обратить внимание на диалектику революционных и эволюционных периодов в истории науки. Возникновение квантовой механики — результат новейшей революции в естествознании. Формирование квантовой химии приходится на эволюционный период. Однако неверно было бы считать эволюционный период этапом простой экстраполяции тех фундаментальных достижений, которые были получены во время научной революции. В межреволюционные периоды также формируются новые теории и выдвигаются новые понятия. Однако эти теории и понятия относятся к положениям средней степени общности, которые опираются на фундаментальные научные результаты, находящиеся на границе познанного человеком.

Весьма важно подчеркнуть относительность понятий «фундаментальная» и «нефундаментальная» теория. Эти понятия четко разграничиваются лишь при достаточно сильной реконструкции научного знания, превращающей теорию в гипотетико-дедуктивную систему. Однако на научную теорию можно посмотреть и как на модель, идеальную схему действительности. В этом случае и нефундаментальная теория оказывается фундаментальной в том смысле, что учитывает те элементы реальности, которые «просматривает» более общая теория. В то же время и фундаментальная теория всегда может оказаться лишь упрощенной схемой по отношению к другой, более глубокой конструкции.

Е. М. Шусторович пытался применить к квантовой химии философский критерий научности теории. «Действительно научное мышление заключается в выдвижении альтернативных гипотез с четким указанием проверочных экспериментов»[182]. Поэтому квантовая химия, по его мнению, развивается не путем неэмпирических расчетов, выполняемых на ЭВМ, хотя такие расчеты весьма полезны. Развитие квантовой химии осуществляется в результате создания таких приближенных методов, которые могут объяснить эмпирический материал химии.

[182] *Шусторович Е. М.* Новое в учении о валентности, с. 8.

Для методологического анализа развития квантовой химии большое значение имеет проблема пределов научной теории. Как было показано, эти пределы обнаруживаются главным образом в двух критических ситуациях. Первая ситуация: объяснение какого-либо факта требует допущений, противоречащих исходным положениям теории. Такой ситуации, по-видимому, в квантовой химии еще нет. Есть основание полагать, что пределы применимости квантовой механики в химии связаны с непреодолимыми математическими трудностями, возникающими при достаточно строгих расчетах многоэлектронных систем [183].

Понятие развития и современная химия. Значительное расширение химического знания, ярким проявлением которого стало открытие разнокачественного многообразия дискретных структурных единиц вещества, участвующих в химическом процессе, с методологической точки зрения характеризуется не только интенсивным и многосторонним внедрением физических методов мышления и эксперимента в химию. Для современного этапа развития новой, неклассической химии характерны проникновение на высшие уровни добиологической организации вещества, попытки под эволюционным углом зрения проанализировать все богатство химизма природы. Намечающаяся в настоящее время тенденция «биологизации» обусловлена всем предшествующим развитием химии. Успехи органического синтеза, исследования коллоидных и полимерных систем, интенсивное развитие каталитической химии способствуют возникновению и развитию эволюционного подхода к анализу химизма, в частности к систематике химических соединений. С другой стороны, этому содействует развитие молекулярной биологии, эволюционной биохимии, а также кибернетики и теории информации и некоторых других наук. Особенное значение имеет разработка такой комплексной общенаучной проблемы, тесно связанной с основными мировоззренческими вопросами, как проблема происхождения жизни [184].

Все это, вместе взятое, и приводит к тому, что в контексте современного химического мышления начинает интенсивно разрабатываться эволюционная идея. Сама химия в ходе своего развития приобретает эволюционное измерение. Одним из ярких проявлений такого рода имманентной «биологизации» современной теоретической химии служит понятие переходного состояния [185]. Несомненно, что формированию и специальной разработке эволюционного под-

[183] См.: *Кузнецов В. И., Печенкин А. А.* Гносеологический аспект квантово-химических теорий.— Филос. науки, 1972, № 5; *Они же.* Становление квантовой химии.— В кн.: Синтез современного научного знания.

[184] См.: *Семенов Н. Н.* О соотношении химии и биологии.— Вопр. философии, 1959, № 10; *Карпинская Р. С., Визгин В. П.* Проблема эволюции и химическая форма движения.— Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия, 1966, № 3; *Визгин В. П.* О соотношении химической и органической эволюций. Проблема развития в современном естествознании. М., 1968.

[185] См.: *Жданов Ю. А.* Узловое понятие современной теоретической химии.— Вопр. Философии, 1977, № 1.

хода к химии способствовали философские исследования по диалектико-материалистической теории развития неорганической природы [186]. Очевидно, что при этом возникает целый ряд новых методологических вопросов, требующих своего анализа. В период бурной эмансипации физических наук, создания квантовой химии эволюционная идея многим химикам казалась совершенно посторонней для химии. Так, например, в 1930 г. Льюис утверждал, что «из физики и химии надо полностью изгнать идею об однонаправленности, так как эта идея несет в себе чуждый духу этих наук антропоморфизм»[187]. Однако созданная в 60-х годах А. Н. Руденко теория саморазвития открытых каталитических систем рассматривает закономерности направленной прогрессивной эволюции на химическом уровне [188]. Разумеется, однонаправленность химической эволюции носит безусловно статистический характер и основывается на понятии естественного отбора, примененного к неживым химическим системам и удовлетворяющего определенным требованиям. Таким образом, эта теория показала, что идея направленного развития химизма, идея химической эволюции оказывается совместимой с духом химического мышления, если только этот дух не представлять себе неизменным и скроенным всецело по узкой для него мерке физико-математических наук.

Начиная с 60-х годов эволюционный аспект химизма в той или иной степени рассматривается многими исследователями. В частности, следует отметить разработку вопроса о критериях эволюционного усложнения вещества, о способах его оценки. Наибольшее распространение получил информационный подход, дающий возможность для количественного выражения прогрессивного восхождения организации вещества в ходе химической эволюции [189]. Однако в этих исследованиях, как правило, преобладает анализ места химической эволюции в общей картине развития природы и ее значения для возникновения жизни. При этом философские и логико-методологические аспекты эволюционной идеи в химии еще только начинают разрабатываться [190].

Несомненно, что исследования в этом направлении могут иметь значение для понимания специфики всего концептуального движе-

[186] См.: Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л., 1958; *Мелюхин С. Т.* О диалектике развития неорганической природы. М., 1960; *Жбанкова И. И.* О развитии в неорганической природе. Минск, 1964.

[187] *Lewis J. N.* Science, t. 71, N 569(1930).

[188] См.: *Руденко А. П.* Теория саморазвития открытых каталитических систем. М., 1969

[189] См.: *Добротин Р. Б.* Химическая форма движения материи: (Заметки по философским вопросам химии), ч. II. Л., 1967; *Жданов Ю. А.* Углерод и жизнь. Ростов, 1968.

[190] См.: Философские вопросы химии: (Материалы к совещанию). Ростов, 1972; *Визгин В. П.* Совещание по методологическим проблемам химии.— В кн.: Вопросы истории естествознания и техники. М., 1973, вып. 4(45); *Жданов Ю. А.* Исторический метод в химии.— Вопр. философии, 1977, № 10.

ния в химии[191]. В общенаучном плане эти исследования способствуют выявлению внутренних интегративных тенденций в современном быстро дифференцирующемся научном знании. Всесторонняя разработка эволюционной идеи в химии способствует не только более тесной интеграции физики, химии и биологии[192], но и интеграции между естественными и социальными науками вообще, поскольку взятое в эволюционном аспекте познание природы оказывается самопознанием общественного человека. Именно развитие эволюционного подхода позволяет Ю. А. Жданову утверждать, что «естественные науки, науки о природе, в том числе химия, имеют своим предметом самого человека»[193]. Таким образом, развитие эволюционной идеи служит интеграции и самого химического знания, способствуя тем самым более глубокому проникновению в предмет химической науки.

Проблема предмета химии — это комплексная многоплановая проблема, постановка которой вызвана всем процессом превращения традиционной классической химии в быстро развивающуюся современную химию[194]. Эта проблема в тех или иных ее аспектах составляет предмет методологических дискуссий и полемик на протяжении целого ряда лет. На примере ее постановки и решения можно выявить основные трудности, возникшие в результате концептуальных сдвигов в структуре химического мышления. Очевидно, что при этом отражается уровень развития не только химии, но и смежных естественных наук, характер их взаимодействия, а также уровень развития социальных наук, и прежде всего самой философии.

Можно условно выделить три основных направления обсуждения этой проблемы в нашей философской литературе за последние десятилетия. Во-первых, это вопрос о предмете химии в собственном смысле слова. Во-вторых, речь идет об определении и специфике химической формы движения материи как ключ к пониманию предмета химии. И в-третьих, об определении самых фундаментальных понятий химии, задающих основное концептуальное содержание предмета химии.

С методологической точки зрения большой интерес представляет дискуссия об общем определении химической науки, развернувшаяся на страницах «Журнала общей химии» в 1956—1958 гг. Предложение Ю. Жданова расширить традиционное общее определение химии как науки о веществах и их превращениях было подвергнуто

[191] См.: *Кузнецов В. И.* Диалектика развития химии. От истории к теории развития химии. М., 1973.

[192] См.: *Карпинская Р. С., Виггин В. П.* Понятие отбора и процесс развития.— Филос. науки, 1970, № 6.

[193] *Жданов Ю. А.* Углерод и жизнь. Ростов, 1968, с. 112.

[194] См.: *Быков Г. В.* Химия.— В кн.: Филос. энцикл., 1970, т. 5; *Виггин В. П.* Об определении предмета современной химии.— В кн.: Вопросы истории естествознания и техники. М., 1976, вып. 4(53).

критике Я. Э. Экстером [195]. Но возражения, выдвинутые оппонентом Ю. Жданова, обнаружили свою методологическую несостоятельность и тем самым слабость всей консервативной позиции [196]. Однако сама позиция Ю. Жданова при более пристальном рассмотрении оказывается еще недостаточно радикальной в обновлении традиционного определения химии. Дело в том, что, поставив перед собой цель охватить в общем определении предмета химии вновь открытые немолекулярные химические системы, такие, как твердые фазы, реальные растворы, коллоиды, полимеры и др., Ю. Жданов считает возможным все эти новые объекты химии охватить старым классическим понятием строения, выработанным на материале изучения молекулярной формы вещества. Однако такая расширительная трактовка структурного принципа (или принципа химического строения) имеет все же свои границы. Подобно тому как есть определенная граница у понятия «молекула», так есть она и у понятий «химическое строение» и «структура». Несомненно, что современное, обогащенное новыми химическими представлениями структурное толкование эмпирического материала, не укладывающегося в классические схемы, оказывается необходимым шагом к правильному пониманию предмета химии. Однако, учитывая вышесказанное, определение предмета химии в категориях «состав» и «строение» представляется все-таки не вполне адекватным решением проблемы. По существу, сама логика методологического подхода, рассматривающего вопрос о предмете химии с точки зрения современной постановки ее основной проблемы — проблемы реакционной способности, требует включения в определение понятия предмета химии нового концептуального уровня ее развития, невмещаемого без натяжек в схему структурного принципа. В этой связи нам представляется необходимым указать на работы В. И. Кузнецова, в которых показаны границы структурной методологии и предложено новое, более общее и емкое, чем структура, понятие о химической организации вещества [197]. Таким образом, рассматриваемая дискуссия несомненно модернизировала сильно устаревшее общее определение химической науки, отражающее, по существу, аналитический доструктурный период ее развития, поставив это определение в соответствие с успехами современной структурной химии. Однако следующий шаг в этом направлении, исходящий из той же самой методологии подхода к проблеме, в данной дискуссии не был сделан.

В нашей литературе дается немало различных кратких общих определений химии, которые незначительно отличаются друг от

[195] См.: *Экстер Я. Э.* К вопросу об общем определении химической науки.— ЖОХ, 1957, т. 27, вып. IV.

[196] См.: *Жданов Ю. А.* Еще раз об общем определении химической науки.— ЖОХ, 1958, т. 28, вып. IX.

[197] См.: *Кузнецов В. И.* Эволюция представлений об основных законах химии. М., 1967; *Кузнецов В. И., Печенкин А. А.* Концептуальные системы химии. Структурные и кинетические теории.— Вопр. философии, 1971, № 1.

друга. Все эти определения по-разному ограничивают ту область превращений вещества, которую изучает современная химия. Подход к определению этой области зачастую выражает не столько своеобразие методологической позиции, сколько специальный интерес исследователя, дающего определение и невольно рассматривающего всю химию под углом зрения органической или физической химии. Трудности дать краткое определение предмета, которое точно и однозначно выразило бы всю его сложность во внутреннем единстве, имеют целый ряд причин. Осознание этих трудностей приводит к попыткам исследовать проблему предмета химии, не прибегая к краткой формуле общего определения. Наиболее ярко эту тенденцию формулируют В. Штофф и Р. Добротин: «Представление о месте химического движения и его материального носителя среди других форм движения и тел природы является, по нашему мнению, наилучшим способом очертить объект изучения химии, и этот путь следует предпочесть поискам краткого определения предмета химии»[198].

В ряду работ, посвященных проблеме форм движения материи, и в частности химической формы движения, прежде всего надо отметить статью В. А. Штоффа, в которой эта проблема была впервые поставлена в связь с современным уровнем развития естествознания и философии[199]. В результате философского анализа проблемы форм движения материи В. Штофф приходит к выводу, что основу качественного своеобразия химической формы движения материи надо искать в специфике основных закономерностей химии[200].

Наиболее подробно и аргументированно проблема специфики химической формы движения материи, и в особенности ее соотношения с физическими формами движения, была разработана Б. М. Кедровым[201]. В его работах были выяснены недостатки методологии физикалистского редукционизма, отрицающего специфику химической формы движения материи. В качестве основного из них Б. Кедров отмечает игнорирование ступенчатого характера процессов последовательного усложнения материальных объектов, а также тесно связанное с ним отрицание несуммативного характера целого относительно его частей. Однако данное Б. Кедровым краткое определение химической формы движения вызвало критические замечания, поскольку в этом определении в качестве ведущего объекта

[198] *Штофф В. А., Добротин Р. Б.* Изложение вопросов философии в курсе общей химии. М.; Л., 1966, с. 12—13.

[199] См.: *Штофф В. А.* К вопросу о специфике химической формы движения материи.— Вестн. ЛГУ, 1956, вып. 2. Сер. экономики, философии и права, № 11.

[200] См.: Там же.

[201] См.: *Кедров В. М.* О соотношении форм движения материи в природе.— В кн.: Материалы к Всесоюзному совещанию по философским вопросам естествознания. М., 1958; *Он же.* Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1962.

химии по-прежнему фигурирует понятие молекулы[202]. Аналогичной критике были подвергнуты также определения химической формы движения материи, данные М. И. Шахпароновым и И. Я. Герасимовым[203].

В дальнейшей разработке этой проблемы все большее внимание исследователей уделяется эволюционному аспекту ее рассмотрения. Р. Б. Добротин и В. П. Барзаковский[204] наметили генетический подход к проблеме химической формы движения, дали общее представление о возможных стадиях развития форм химической организации вещества при определенном изменении физических условий.

Р. Добротин и В. Штофф рассматривают генетический подход к проблеме химической формы движения материи как дополнительный к структурному: «К пониманию природы химической формы движения материи можно подойти не только со структурной, но и с генетической точки зрения; оба эти подхода дополняют друг друга и позволяют лучше понять место химических процессов среди других форм движения»[205]. Однако в такой трактовке генетического метода как дополнительного к структурному обнаруживается известная ограниченность, поскольку не вскрывается связь и субординация этих методов. Наиболее четко и развернуто мысль об эволюционном подходе к проблеме химической формы движения материи проведена Ю. Ждановым[206]. Ю. Жданов выдвигает два основных методологических требования к анализу этой проблемы на современном этапе развития химических и философских знаний. Во-первых, «любая форма движения материи должна рассматриваться исторически не только в том смысле, что она покоится на низшей и служит фундаментом для высшей, но и как эволюционирующая внутри себя»[207]; во-вторых, анализ химизма должен быть дополнен биохимическим подходом, подходом «сверху», отвечающим диалектическим принципам Маркса.

В работах Ю. Жданова эволюционный подход к проблеме химической формы движения материи рассматривается комплексно, как с содержательно-предметной, так и с логико-методологической стороны. При этом важно отметить, что такой подход опирается на

[202] См.: *Свиридов В. В.* Соотношение химической и физической форм движения материи.— В кн.: Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания.

[203] См.: *Шахпаронов М. И.* Химия и философия. М., 1962; *Герасимов И. Я.* Химическая форма движения материи, ее связь с другими формами движения. Предмет химии.— Вестн. МГУ. Сер. 2, Химия, 1963, № 6.

[204] См.: *Добротин Р. Б., Барзаковский В. П.* К вопросу об особенности химической формы движения.— Вопр. философии, 1963, № 5.

[205] *Добротин Р. Б., Штофф В. А.* Изложение вопросов философии в курсе общей химии. М.; Л., 1966, с. 11. См. также: *Добротин Р. Б.* Химическая форма движения материи: (Заметки по философским вопросам химии).

[206] См.: *Жданов Ю. А.* Очерки методологии органической химии. М., 1960; *Он же.* Углерод и жизнь.

[207] *Он же.* Углерод и жизнь, с. 16.

анализ химии как способа практического освоения человеком материальной действительности, в результате которого химия раскрывается как «наука о химической стороне человеческой природы», «имеющей общественно-производственный характер»[208]. Химическая эволюция как естественная совокупность химических процессов продолжается в развитии химической технологической практики общества. При этом, как подчеркивает Ю. Жданов, «органическая химия выступает как способ... его (человека.— *Ред.*) деятельности. Через эту деятельность осуществляется отныне дальнейшая химическая эволюция органических соединений»[209].

Развитие философских исследований проблемы специфики химической формы движения материи показало эффективность историко-эволюционного подхода, благодаря которому раскрывается неадекватность обеих методологических позиций современным научно-философским требованиям. Как односторонние физикалистские аргументы против самостоятельного существования химии как науки, так и аргументы защитников качественной специфики химического движения опирались на частные стороны и моменты целостного химического знания, противопоставляя их друг другу. Игнорирование реального генезиса и эволюции химической организации вещества ограничивало, таким образом, как яростных ниспровергателей специфики химической формы движения материи, так и ее не менее энергичных защитников, которые были вынуждены противопоставлять эволюционно высшие формы химизма низшим, макрообъекты микрочастицам, синтетико-эмпирическую методологию аналитико-дедуктивной процедуре мышления. В обоих случаях спорящими сторонами не учитывался конкретно-исторический характер химизма. За этой поляризацией точек зрения на предмет химии и специфику химической формы движения социально-гносеологический анализ позволяет вскрыть реальную основу разделения научной деятельности в сфере производства и использования химического знания (теория, эксперимент, технология). Нигилистическая позиция по отношению к специфике химической формы движения материи обусловливается относительной замкнутостью теоретического направления химической научной деятельности, опирающегося главным образом на приемы и методы мышления теоретической физики. Напротив, отстаивание качественной специфики и несводимости к физике химических явлений связано с основной массой химических исследований, в которых полуэмпирические и эмпирические методы доминируют над навыками теоретико-дедуктивного мышления.

Значение историко-эволюционного подхода в том и состоит, что его развитие, опирающееся на органическое сочленение гносеологи-

[208] См.: *Жданов Ю. А.* Очерки методологии органической химии. М., 1960; *Он же.* Углерод и жизнь.

[209] *Жданов Ю. А.* Развитие материи и органическая химия.— В кн.: Проблема развития в современном естествознании, с. 150.

ческих и социально-практических аспектов, способствуя преодолению этой исторически обусловленной дилеммы, позволяет глубже и целостнее представить специфику химической формы движения и предмет химической науки. Предмет химии должен быть прежде всего реконструирован в свете социально-гносеологического анализа всей познавательной деятельности в современной химии, связывающего представления об естественноисторическом развитии химизма в природе с его техноисторическим развитием в человеческом обществе в единое целое. При этом современная химия рассматривается в своей исторической перспективе развития. Методологические исследования философских вопросов химии сейчас вплотную подошли к этой синтетической задаче.

4
Биология

Октябрьская революция открыла новые, невиданные ранее возможности для быстрого развития биологической науки как в ее теоретических, так и в прикладных областях.

В первые же годы Советской власти, несмотря на трудности послевоенной разрухи и гражданской войны, Коммунистическая партия и Советское правительство ассигнуют значительные по тем временам средства на создание ряда научно-исследовательских институтов, в том числе биологического профиля. В 1918 г. был создан Институт экспериментальной биологии (Н. К. Кольцов), в 1919 г.— Институт биофизики (П. П. Лазарев), в 1921 г.— Институт биохимии (А. Н. Бах), в 1923 г.— Биологический институт им. К. А. Тимирязева (С. Г. Навашин). В это же время были приняты специальные решения о поддержке работ И. П. Павлова, И. В. Мичурина. Огромное внимание было уделено проблемам охраны природы и рационального природопользования, учреждению многих природных заповедников. К решению всех этих проблем были привлечены такие известные ученые, как В. И. Вернадский, В. Л. Комаров, П. П. Сушкин, В. Н. Сукачев.

В первой половине 20-х годов философская наука в СССР развивалась в борьбе против идеалистической философии и ревизионизма, против идеализма в биологии. Во второй половине 20-х годов на первый план были выдвинуты вопросы борьбы за диалектику в биологической науке. Прошедшие в это время философские дискуссии между механистами и деборинцами стимулировали интерес к методологической стороне биологии.

Во второй половине 20-х годов предпринималась попытка провести анализ биологических теорий по принципу соответствия сущности той или иной биологической концепции или ее отдельных положений содержательной стороне законов и категорий марксистской диалектики.

Советским биологам принадлежит историческая заслуга восстановления материализма в биологии. Переход советских биологов на позиции диалектического материализма был связан с рядом трудностей, было немало примеров упрощенчества и перегибов. Эти трудности осознавались и самими биологами. Б. М. Завадовский писал: «Методологическое переключение советских ученых на рельсы диалектического миропонимания есть вопрос полного переворота всего образа мышления и не может быть завоевано в один момент. Здесь больше всего нужно помнить о том, что полное практическое овладение диалектической методологией возможно только лишь в процессе самого движения»[210].

Большое место в идейной борьбе по философским вопросам биологии заняли *проблемы эволюции живой природы*. Интенсивные поиски ответа на не решенные классическим дарвинизмом проблемы способствовали появлению в конце XIX и в начале XX в. различных концепций эволюции, часть из которых шла в русле развития дарвиновской теории, другие были недарвинистскими или противопоставлялись ей. Концепции неодарвинизма, неоламаркизма (механопсихоламаркизм), автогенетические концепции (ортогенез, финализм, аристогенез, холизм), ортогенетические концепции Бэтсона, Лотси, Де Фриза и Иогансена были широко распространены среди биологов, и большая их часть продолжала воздействовать на умы ученых и после революции.

При всеобщем признании эволюции естественнонаучным фактом не было единодушия в понимании механизмов и путей эволюционного процесса. Подвергался переосмыслению и методологический характер дарвиновской теории эволюции. В 20-х и 30-х годах в полемике вокруг проблемы «марксизм и дарвинизм» наряду с естествоиспытателями (Л. С. Берг, Н. И. Вавилов, Н. К. Кольцов, Б. М. Завадовский, Б. М. Козо-Полянский, А. С. Серебровский, Д. Н. Соболев и др.) приняли широкое участие и философы (И. К. Луппол, С. С. Кривцов, В. Н. Сарабьянов, И. И. Скворцов-Степанов и др.).

Отказ от идеи эволюции, осуществляемой путем естественного отбора, нередко сопровождался упрощенно метафизическим истолкованием исторического развития в живой природе и отступлениями в ряде вопросов к идеализму.

Биологи, овладевшие основами материалистической диалектики, отчетливо видели это уже в конце 20-х — начале 30-х годов. И не случайна поэтому та острая научная критика, которой были встречены телеолого-неокатастрофические гипотезы эволюции: концепция «номогенеза» Л. Берга, «биогенеза» Д. Соболева и гипотеза «филогенетического преформизма»[211].

[210] *Завадовский Б. М.* Итоги IV Всесоюзного съезда физиологов.— Естествознание и маркизм, 1930, № 2/3, с. 147.

[211] См.: *Берг Л. С.* Номогенез. Пг., 1922. *Он же.* Теория эволюции. Пг., 1922. Критику концепции номогенеза см.: *Агол И. И.* Метафизика и диалектика в биологии.— Под

Элементы метафизики, главным образом в форме механистического миропонимания и узкого эмпиризма, еще долго давали знать о себе в трудах ученых. Особенно ясно это проявилось в дискуссии вокруг общебиологической проблемы о взаимоотношении наследственности и окружающей среды.

Четко обозначилась точка зрения группы ученых, трактующих эволюцию с ламаркистских позиций. Эти ученые (так называемые механоламаркисты) считали, что изменения в половых клетках (наследственная изменчивость) адекватны изменениям в соматических частях организма, происходящих под влиянием внешних условий. Из этого следовал вывод: «Эволюция есть чистый эктогенез, а задача сводится к тому, чтобы найти причинную зависимость между меняющейся средой и изменениями организмов»[212]. В то же время были попытки объяснить наследственные изменения и на их основе эволюцию преимущественно внутренними причинами, изолированными от внешних условий (точка зрения автогенетиков)[213].

Такие односторонние подходы приводили к абсолютизации отдельных факторов и снимали противоречивый характер развития: здесь не было понимания подлинной диалектики внутренних и внешних факторов.

Еще со времен первых концепций эволюции понимание хода исторического развития живого было представлено двумя противоположными точками зрения — плоским эволюционизмом и сальтоционизмом, односторонне абсолютизировавшими постепенные количественные либо, напротив, коренные качественные изменения. По мнению современных советских исследователей (И. И. Шмальгаузен, К. М. Завадский, И. Т. Фролов и др.), в теории Дарвина впервые дано диалектическое понимание процесса развития органических форм: новые качества (скачок, прерывность) возникают в постепенном и непрерывном ходе эволюции. Видообразование и образование более крупных естественных групп — семейств, отрядов, классов и т. д.— есть процесс возникновения новых качеств, есть прерывность в ходе непрерывного процесса дивергентной эволюции. Но форма изложения Ч. Дарвином этого вопроса дала повод к спорам в среде

знаменем марксизма, 1926, № 3; *Дучинский Ф.* Является ли дарвинизм тихогенезом.— Под знаменем марксизма, 1925, № 8/9; *Козо-Полянский Б. М.* Последнее слово антидарвинизма. Краснодар, 1923; *Он же.* Диалектика в биологии. Краснодар, 1925; Теория номогенеза. М., 1928; *Шимкевич В. М.* Новая фаза в развитии российского антидарвинизма.— В кн.: Теория номогенеза. 1928 (1922); *Соболев Д. Н.* Начало исторической биогенетики. Харьков, 1924; *Любищев А. А.* Понятие эволюции и кризис эволюционизма.— Изв. Биол. ин-та при Пермском ун-те, 1925, № 4.

[212] *Смирнов Е. С., Вермель Ю. М., Кузин Б. С.* Очерки по теории эволюции. М., 1924, с. 197; Преформизм или эпигенезис? Вологда, 1926; Тр. Кружка врачей-материалистов 1-го МТУ за 1924—1925 гг. М., 1926; *Владимирский А. П.* Передаются ли по наследству приобретенные признаки? М.; Л., 1927; *Бляхер Л. Я.* Проблема наследования приобретенных признаков. М., 1971.

[213] См.: *Филипченко Ю. А.* Изменчивость и ее значение для эволюции. Л., 1924; *Он же.* Наследственность. М.; Л., 1926.

философов и естествоиспытателей. Ч. Дарвин в борьбе с сальтоционизмом и катастрофизмом опирался на известное положение «природа не делает скачков», что было воспринято некоторыми исследователями как его отступление от диалектической концепции развития к плоскому эволюционизму и долгое время использовалось в качестве основного аргумента для подтверждения такого толкования. При этом дарвиновская концепция видообразования либо вовсе не анализировалась, либо рассматривалась в самых общих чертах.

Эволюционизм теории Дарвина подчеркивал Г. В. Плеханов. Познакомившись с мутационной теорией Де Фриза (в России на тех же позициях стоял С. И. Коржинский)[214], Плеханов дал ей оценку как прогрессивной теории, правильно отражающей скачкообразный ход эволюции. Этой теории он противопоставил дарвинизм, который охарактеризовал как теорию постепенных изменений[215]. Данная оценка послужила отправной точкой для дискуссии вокруг трактовки дарвинизмом понятия скачка. На нее ссылались некоторые философы и естествоиспытатели (В. Сарабьянов, В. Рожицин, А. Бартенев), когда интерпретировали дарвинизм как метафизическую теорию. Они указывали, что «начало марксистской биологии будет положено с момента переработки метафизического дарвинизма на диалектико-материалистической основе»[216].

В связи с этим И. Скворцов-Степанов в те годы писал: «Сарабьянов и другие марксисты, вообразив, что дело со скачками в современных биологических науках обстоит очень плохо, искали спасения у Де Фриза и Берга»[217].

Большинство философов и естествоиспытателей (М. Попов-Подольский, Ф. Ф. Дучинский, Б. М. Козо-Полянский, А. С. Серебровский, И. А. Агол, С. Г. Левин, И. М. Поляков, Н. И. Вавилов, Н. П. Дубинин) правильно оценили позицию механоламаркистов в понимании хода эволюции[218]. Они выступили с критикой примитивно детерминистского решения вопроса о приспособительном характере

[214] См.: *Коржинский С. И.* Гетерогенезис и эволюция. К теории происхождения видов. СПб., 1899.

[215] См.: *Плеханов Г. В.* Избр. произведения. М., 1950. Т. III.

[216] *Сарабьянов В.* Назревший вопрос.— Спутник коммуниста, 1923, № 20; *Рожицин В.* Дарвинизм и современный марксизм.— В кн.: Дарвинизм и марксизм. Харьков, 1923; *Бартенев А.* К вопросу о старых и современных путях в биологии.— Под знаменем марксизма, 1925, № 12.

[217] *Скворцов-Степанов И.* Диалектическое понимание природы — механистическое понимание.— Под знаменем марксизма, 1925, № 3, с. 213.

[218] См.: *Попов-Подольский М.* Пробный камень диалектики.— Коммунистическая мысль, 1923, № 12; *Дучинский Ф. Ф.* Дарвинизм и теория мутации.— Под знаменем марксизма, 1925, № 3; *Козо-Полянский Б. М.* Диалектика в биологии, 1925; *Серебровский А. С.* Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты.— Под знаменем марксизма, 1926, № 3; Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции.— Естествознание и марксизм, 1929, № 2; *Поляков И. М.* Современная эволюционная теория.— Научная мысль. Харьков, 1928; *Дубинин Н. П.* Генетика и неоламаркизм.— Естествознание и марксизм, 1929, № 4; *Вавилов Н. И.* Линнеевский вид как система. М., 1931.

эволюции, абсолютизации непрерывности, подвижного равновесия. Отмечали также метафизический характер мутационистской концепции Г. Де Фриза, отрыв ею движения от покоя, абсолютизацию прерывности. Естественнонаучный анализ с диалектико-материалистических позиций основных положений эволюционных концепций, проведенный учеными в те годы, показал, что дарвинизм в данном вопросе занимает в основном позиции стихийной диалектики. Было отмечено, что при оценке данного положения теории Дарвина с точки зрения текстологического анализа (а именно так подошли к дарвинизму его критики) «для неспециалиста выгода получается в пользу Де Фриза при сравнении его с Дарвином»[219]. Исследование же объективной сущности дарвиновской теории показывает, что применение Дарвином формулы «природа не делает скачков» было в то время протестом против веры в теорию катастроф Кювье, резкие изменения, не подготовленные предшествующей историей. Кроме того, анализ понятий «мутация» («скачок») и «мелких наследственных изменений» показал, что между ними нет существенного различия: и то и другое является скачком, только разной величины. Было отмечено, что для окончательного решения этого вопроса в рамках дарвинизма с позиций диалектического материализма необходимо дополнить теорию Дарвина новейшими данными теории мутации[220–221].

Такому объединению в те годы препятствовали недостаточная разработанность вопросов мутационной теории, разрыв между генетикой, физиологической генетикой и эмбриологией, а позже, начиная с 30-х годов, позиция группы ученых во главе с Т. Д. Лысенко и И. И. Презентом. Эти исследователи полностью отрицали достижения генетиков в области мутационного учения. С позиций так называемого творческого дарвинизма они вновь, как и ламаркисты 20-х годов, определили дарвиновскую концепцию развития как «плоскоэволюционистскую»[222].

Современная эволюционная теория «рассматривает эволюционный процесс как единство движения и покоя, основанное на преобразовании молекулярных форм движения (мутагенез, рекомбинационная изменчивость) в организменные (онтогенез, эпигенетические изменения) и, наконец, в надорганизменные, популяционные формы движения (филогенез, микроэволюция и видообразование)»[223]. Исследования генетических основ микроэволюции дали глубокое подтверждение положению Дарвина о том, что развитие идет не круп-

[219] *Левит С. Г.* Эволюционные теории в биологии и марксизм.— В кн.: Диалектический материализм и медицина. М., 1926, с. 31.

[220–221] См.: *Дучинский Ф. Ф.* Дарвинизм и теория мутации.— Под знаменем марксизма, 1925, № 3; *Он же.* Эволюционное учение. М.; Л., 1928.

[222] См.: *Лысенко Т. Д.* Агробиология. М., 1949; *Он же.* Новое в науке о биологическом виде.— Правда, 1950, 3 нояб.; *Презент И. И.* Советский творческий дарвинизм.— Агробиология, 1947, № 6.

[223] *Завадский К. М.* Синтетическая теория эволюции и диалектический материализм.— В кн.: Философские проблемы эволюционной теории. М., 1971, т. 2, с. 19.

ными скачками, а путем естественного отбора неопределенных небольших вариаций индивидуальной изменчивости. Беспрерывные изменения подготавливают скачки — перерывы постепенности.

Обсуждение дарвиновского понимания соотношения случайного и закономерного было начато главным образом в связи с опубликованием в 1922 г. работы Л. Берга «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей». В концепции эволюции, предложенной Л. Бергом взамен дарвинизму, утверждалось, что в эволюции нет места случайностям, в ее основе лежит принцип изначальной целесообразности, закономерных процессов. Критика была направлена против учения Дарвина о неопределенной изменчивости, лежащей в основе естественного отбора, следовательно, против основного содержания дарвинизма. Философы и естествоиспытатели, стоящие на позициях механицизма, выступили в этой дискуссии на стороне механоламаркистов. Утверждая, что любое изменение природы организмов однозначно определяется воздействием внешней среды, они абсолютизировали необходимость. Они также поддержали теорию номогенеза Л. Берга, считая, что в ней более диалектично, чем в дарвинизме, решен вопрос о категориях случайности и необходимости.

Другая группа ученых отметила, что учение Дарвина об определенной и неопределенной изменчивости соответствует диалектико-материалистическому пониманию соотношения случайности и необходимости (Попов-Подольский, 1923; Дучинский, 1925).

Большую помощь в оценке диалектического характера основных положений дарвинизма оказала работа Ф. Энгельса «Диалектика природы». Философы и естествоиспытатели в защите дарвинизма и критике антидарвиновской концепции использовали положения Ф. Энгельса о диалектике необходимости и случайности, о значении дарвинизма для понимания сущности и взаимоотношения этих категорий.

Четкая позиция Ф. Энгельса и разработка данного вопроса советскими марксистами 20—30-х годов, основанная на сущности теории Дарвина, а не на его отдельных высказываниях, должны были послужить отправной точкой для дальнейшего уточнения и развития соотношения этих категорий в применении к законам природы. Однако работы последующих десятилетий убеждают в том, что единодушия по данному вопросу биологи и философы не достигли. Вновь и вновь высказывались обвинения в адрес дарвинизма, якобы трактующего развитие как абсолютную случайность[224]. Развитие линии Ф. Энгельса осуществилось в синтетической теории эволюции, в которой за основу принимается дарвиновское положение, что при-

[224] См.: *Крыжановский С. Г.* Теоретические основы эмбриологии.— Успехи соврем. биологии, 1950, т. XXX, вып. 3 (6); *Дмитриев В. С.* Новое в науке о биологическом виде и видообразовании. М., 1952; *Лысенко Т. Д.* Избр. произведения. М., 1958; *Никольский Г. В.* Вид и видообразование. М., 1962.

способительно направленный закономерный процесс эволюции есть результат естественного отбора объективно случайных, т. е. адаптивно не направленных в сторону приспособления, индивидуальных изменений. И. И. Шмальгаузен охарактеризовал решение дарвинизмом диалектического соотношения случайного и закономерного таким образом: «Так в теории Дарвина закономерное (изменчивость, борьба за существование) становится случайным (индивидуальные вариации, гибель особи в борьбе за существование) и переходит в закономерное (естественный отбор и процесс эволюции)»[225].

Как закономерный результат философских и естественнонаучных дискуссий вокруг проблем эволюционной теории начали появляться работы, в которых с позиций диалектического материализма проводился анализ основных положений эволюционных концепций. Первыми попытками такого плана были работы «Диалектика в биологии» Б. Козо-Полянского (1925) и «Дарвинизм и марксизм» Б. Завадовского (1926). Более обширная литература такого рода стала появляться с конца 20-х годов.

Большинство философов и естествоиспытателей единодушно признали, что философской основой классического дарвинизма является материализм и стихийная диалектика. Дарвинисты-генетики и философы подвергли критике с позиций диалектического материализма и дарвинизма, обогащенного данными экспериментальной и популяционной генетики, концепцию эволюции путем прямого приспособления. Они показали источники ошибочных взглядов механоламаркистов на процесс эволюции[226].

Успехи экспериментальной генетики внесли определенную ясность в вопрос о причинах и движущих силах эволюции. Но уровень развития дарвинизма и всех связанных с ним разделов биологической науки в 20—30-х годах был таков, что невозможно было до конца вскрыть сущность данного явления. Тем самым создавались условия для рецидивов ламаркизма. И к середине 30-х годов ламаркистский принцип прямого наследования приобретенных признаков вновь получил распространение[227].

После сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. данный принцип стал ошибочно определяться как основное проявление материализма в биоло-

[225] *Шмальгаузен И. И.* Проблемы дарвинизма. Л., 1969, с. 124.

[226] См.: *Серебровский А. С.* Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты.— Под знаменем марксизма, 1926, № 3; *Он же.* Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции.— Естествознание и марксизм, 1929, № 2; *Поляков И. М.* Современная эволюционная теория. Харьков, 1928; *Дубинин Н. П.* Генетика и неоламаркизм.— Естествознание и марксизм, 1929, № 4; *Вавилов Н. И.* Критический обзор современного состояния генетической теории селекции растений и животных.— В кн.: *Вавилов Н. И.* Избр. тр., т. V; *Местергази М. М.* Эпигенезис и генетика.— Вестн. Ком. акад., 1927, кн. 19; *Финкельштейн Е. А.* Жизнь как диалектический процесс. Харьков, 1928; *Азов И. И.* Диалектический материализм и эволюционная теория. М., 1927.

[227] См.: *Яффе Г.* Философские основы неодарвинизма.— Под знаменем марксизма, 1932, № 7/8; *Презент И. И.* За дарвинизм в генетике.— Яровизация, 1936, вып. 5.

гии. Как отмечали К. М. Завадский и А. С. Мамзин, это «было основано на грубой методологической ошибке позитивистского толка — частнобиологический вопрос, к тому же еще требовавший строгой экспериментальной проверки, был объявлен главным философским устоем материалистической биологии»[228]. Такой подход был подвергнут критике также в работах Б. М. Кедрова, И. Т. Фролова и др.

Экспериментальная генетика, исследуя механизмы наследственной изменчивости, окончательно подорвала и ламаркистский принцип прямого приспособления. Диалектико-материалистический подход к данному вопросу постепенно оформляется в работах естествоиспытателей и философов.

В связи с оформлением в биологии концепции структурных уровней была полностью вскрыта и тем самым отброшена основная методологическая ошибка механоламаркистов и их последователей в решении данной проблемы — смешение онтогенетических и филогенетических закономерностей. Был подчеркнут тот факт, что эти биологические явления относятся к разным уровням организации живого, каждый из которых имеет свои специфические закономерности и свойства и четкую иерархическую соподчиненность в процессах взаимодействия. Приспособительный характер эволюции вырабатывается на популяционно-видовом уровне организации. Он является вероятностным итогом внутри- и межвидовых отношений, проявляющихся в результате действия естественного отбора.

Одновременно, а часто нераздельно с философскими и методологическими вопросами эволюционной теории разрабатывались и определялись *философские и методологические основы генетики.* В первые десятилетия в Советском Союзе генетика создавалась исследованиями таких выдающихся ученых, как Н. И. Вавилов, И. В. Мичурин, Н. К. Кольцов, А. С. Сапегин, С. С. Четвериков, Ю. А. Филипченко, А. С. Серебровский, а позднее такими учеными, как Н. П. Дубинин, Б. Л. Астауров, Д. К. Беляев, М. Е. Лобашев, В. В. Сахаров, Н. Н. Соколов и др. Трудами этих ученых советская генетика в эти годы была выведена на передовые рубежи мировой науки.

Прогресс генетики (возникшей на рубеже XIX и XX вв.) сопровождался метафизическими интерпретациями результатов генетического исследования (концепции Лотси, Бэтсона, Иогансена, Де Фриза). Этим были обусловлены многочисленные методологические затруднения, которые возникли на пути ее развития. Молодая советская школа генетиков достойно преодолевала эти затруднения, что в значительной мере было связано с сознательным применением методологии диалектического материализма.

[228] *Завадский К. М., Мамзин А. С.* Философские проблемы современной биологии. Л., 1970, с. 24.

С момента рождения генетики центральной ее частью стала проблема строения материального аппарата наследственности. После установления понятия о гене как об элементарной частице наследственности главной задачей генетики стало изучение физико-химической природы, свойств и изменчивости гена.

В противоположность понятиям о слитном характере наследственности Г. Мендель в середине XIX в. на основании гибридологического анализа отдельно взятых независимых признаков выдвинул идею о дискретном ее проявлении. В дальнейшем ошибочная интерпретация генетических исследований, проведенных по методу Менделя, и полученных результатов высокой устойчивости гена, привела к абсолютизации дискретности генов и соответствующих признаков в организме. Возникла метафизическая концепция гена как абсолютно независимого, дискретного, далее неделимого «атома наследственности». Гены рассматривались как образования, абсолютно независимые от обменных процессов в клетке, в организме и от влияния внешних условий.

В результате делались неправильные выводы о том, что генотип есть сумма генов, а организм — сумма признаков. Целостность организма и генотипа исключалась.

Руководствуясь методологическими указаниями В. И. Ленина в отношении теоретической физики, данными в «Материализме и эмпириокритицизме», А. С. Серебровский и Н. П. Дубинин в 1929 г. поставили и теоретически разработали вопрос о сложной структуре гена и его делимости. Этим была пробита первая брешь в метафизической концепции строения гена. В это же время Дубининым была высказана идея о единстве прерывности и непрерывности в строении хромосом. Многочисленные эксперименты, проведенные Н. П. Дубининым и Б. И. Сидоровым [229], а затем Г. Д. Меллером, В. В. Сахаровым, И. Б. Пашниным и др., подтвердили открытие американского ученого А. Г. Стертеванта о зависимом мутировании гена. Была разработана концепция об «эффекте положения генов», которая показывала различия во внешнем проявлении признаков и поведении генов в зависимости от положения генов в хромосоме. О сущности этой концепции хорошо сказал ее создатель Н. Дубинин: «Эффект положения вскрывает перед нами хромосому как единство дискретности и непрерывности. Дискретность обусловлена существованием отдельных генов, достаточно самостоятельных в действии и в изменчивости. Непрерывность показывает, что самостоятельность генов относительна» [230].

Значительные достижения советских генетиков, а именно идея делимости гена, концепция эффекта положения гена, центровая теория, создали представление о гене как о части системы генотипа,

[229] См.: *Дубинин Н. П., Сидоров Б. Н.*— Биол. журн., 1934, т. 3.

[230] *Дубинин Н. П.* Теоретическая генетика в СССР за 20 лет.— Фронт науки и техники, 1937, № 8/9, с. 71.

входящего, в свою очередь, в целостную высокоорганизованную систему живого организма. Характеризуя сдвиги в методологии генетики, которые произошли под влиянием диалектического материализма, Н. И. Вавилов в 1935 г. писал: «Новейшими исследованиями генетиков и цитологов воочию доказана прерывистость (дискретность) наследственного вещества, наличие отдельностей в хромосомах. В то же время, как это можно было предвидеть в свете диалектического материализма, наряду с прерывистостью в хромосомах обнаружились явные связи, взаимоотношения генов, различия внешнего выявления признаков и поведения генов в зависимости от положения генов в хромосоме. Другими словами, наряду с прерывистостью констатирована непрерывность наследственного вещества. Обусловливающая наследственность материя связана воедино не механически, но представляет собой органическую систему, в которой весьма важную роль играют взаимосвязи между «отдельностями», т. е. генами или группами генов»[231].

В 20-х годах была экспериментально доказана зависимость изменения гена от действия внешних условий.

Раннегенетические представления о мутациях (воззрение Г. Де Фриза) были направлены против эволюционной теории Дарвина. В метафизических концепциях эволюции, построенных на основе этих воззрений, движение отрывалось от покоя, устойчивость — от изменчивости, эволюция сводилась к серии наследственных изменений. Возникшее несколько позже экспериментальное направление в генетике положило начало новому этапу в исследовании наследственной изменчивости. Наряду с формирующимся представлением о генотипе как о системе взаимосвязанных генов постепенно складывалось представление о системе генотипов (генофонд) в популяции. Экспериментальный анализ генетической структуры популяции с применением математических методов дал возможность проникнуть в те элементарные процессы, с которых начинается образование новых форм. Так возникло, а затем было развито и подтверждено многочисленными исследованиями понятие о популяции как об элементарной единице эволюции. Представление о том, что основой исторического развития является совокупность особей, а не отдельный организм, осознавалось биологами в ходе селекционной практики, в связи с анализом математических подходов в биологии, благодаря исследованиям Н. Вавилова и через идеи биосферы. Новый подход затронул методологические вопросы: в ином свете предстало соотношение внутреннего и внешнего в эволюционном процессе (внутреннее — весь генофонд популяции); изменилось понятие детерминации. Были сняты те методологические затруднения, которые ставил перед теорией эволюции организмоцентризм. Стало ясным, что противоречия, вызывающие эволюционное развитие, нужно искать не в системе организм — среда (организмоцентризм), а в

[231] *Вавилов Н. И.* Избр. тр., т. V, с. 337.

системе биогеоценоз — популяция (популяционизм). Обнаружилось, что статистическому характеру действия естественного отбора логически соответствует статистическая природа элементарной единицы эволюции (плотность населения, определенный характер волн жизни, кривые смертности и т. д.). Исходя из этого формирование и внедрение в эволюционную теорию популяционного подхода можно рассматривать как качественный скачок в развитии методологии познания процессов эволюции [232].

Дарвинизм, обогащенный новейшими достижениями генетики и других отраслей биологии, был поднят на новую высоту в объяснении эволюционного развития. Генетика, в свою очередь, преодолела оппозицию по отношению к дарвинизму, стала эволюционной. Внедрение исторического метода в генетические исследования в значительной степени определялось влиянием идей диалектического материализма. Не случайно в это время наблюдаются активные поиски основ методологии генетики в философии марксизма.

В трудах генетиков и селекционеров методы дарвинизма успешно сочетались с методами генетики (Г. Д. Карпеченко, Е. Н. Синская, Р. М. Букасов и др.). Как правильно отметил И. И. Шмальгаузен, выступившие в 30-х годах против генетики под «прикрытием» дарвинизма и диалектического материализма Т. Лысенко и его сторонники не увидели и не поняли, что уже в 20-х годах подлинный дарвинизм был возрожден именно в популяционной генетике [233].

Одной из основных методологических проблем, возникших на путях синтеза классического дарвинизма и экспериментальной популяционной генетики, была проблема диалектического соотношения между данными теории естественного отбора и теории мутации, отражающая объективное соотношение соответствующих процессов в природе.

Исследования С. Четверикова (1926) показали, что только противоречивое взаимодействие между мутационным процессом и отбором обеспечивает наряду с направленным эволюционным развитием популяции ее относительную устойчивость. Была прослежена связь между степенью насыщения популяции мутациями и интенсивностью отбора. Немалое значение в решении этой проблемы имела впервые высказанная Н. Дубининым идея об уровне мутабильности как об адаптивном признаке вида. Было показано, что уровень мутабильности регулируется естественным отбором таким образом, что этим, с одной стороны, подчеркивается эволюционная пластичность вида, а с другой — не нарушается испытанная в данных условиях организация вида. Мутационный процесс, таким образом, предстал

[232] См.: *Завадский К. М., Мамзин А. С.* Философские проблемы современной биологии; *Завадский К. М., Георгиевский А. Б., Мозелов А. П.* Энгельс и дарвинизм.— Вопр. философии, 1970, № 11.

[233] См.: *Шмальгаузен И. И.* Проблемы дарвинизма, с. 164.

не только как материал и одна из причин естественного отбора, но и как его следствие.

Новым важным вкладом в развитие эволюционного учения явился закон гомологических рядов, открытый Н. Вавиловым. Природа гомологической изменчивости заключается прежде всего в родстве, в единстве генетической структуры ближайших видов и родов. «С другой стороны, она является результатом действия условий, отбора в определенном направлении, в определенных условиях»[234]. Иными словами, сама гомологическая изменчивость как приспособительное явление является результатом эволюции в условиях определенной среды.

Закон гомологических рядов показал, что внутривидовая изменчивость, дающая «сырой материал» для отбора, не является абсолютно ненаправленной, а определяется объективными закономерностями, обусловленными всем характером уже сложившейся генетической организации вида, в силу чего возможность появления новых признаков небезгранична.

Закон гомологических рядов дал возможность по-новому увидеть процесс эволюции с точки зрения соотношения необходимости и случайности. Как писал Н. Вавилов, «явления случайного порядка, каковыми с первого взгляда в отдельности представляются мутации, идущие в разных направлениях, редкие формы в природе в конечном итоге выявляют закономерный процесс; случайный факт становится в системе вида закономерным явлением, случайное отклонение получает основание, становится необходимостью. Мутации, идущие как бы случайно в разных направлениях, при объединении их обнаруживают общий закон»[235].

Закон гомологических рядов указывал определенные рамки, «каналы» изменчивости, детерминированные уже имеющейся генотипической структурой вида. Закон Н. Вавилова позволяет предвидеть общую тенденцию изменений, помогая тем самым определить действительно возможное направление эволюции.

Для развития эволюционного учения и для марксистского учения о развитии в целом важной является не только проблема возникновения новых видов, но и вопрос о выяснении причин устойчивости существующих видов. Закон гомологических рядов во многом углубляет и конкретизирует понимание причин устойчивости уже имеющихся и вновь возникающих видов. Виды, как «узлы» в цепи органической эволюции, представляют собой закрепленные результаты эволюции, удерживающие благодаря своей устойчивости то, что уже достигнуто в процессе развития видов.

Решение многих философских вопросов эволюционной теории и генетики наряду с большими достижениями в исследовании процесса развития живого привели в конце 30-х годов к существенному переосмыслению методологических основ современной теории эволюции.

[234] *Вавилов Н. И.* Избр. тр., т. V, с. 397.

[235] Там же, с. 219.

В дальнейшем успехи могли быть значительно большими, если бы этому не помешало монополизирование Т. Лысенко и его единомышленниками права на высказывание научных и философских истин. После сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) в августе 1948 г. внимательное исследование накапливаемого материала часто подменялось подбором чисто внешних примеров, пересказом и комментированием высказываний Т. Лысенко. В некоторых работах того времени нигилистически зачеркивались достижения мировой биологии, а ряд ее творцов (Мендель, Вейсман, Морган и др.) безоговорочно зачислялись в число идеалистов и метафизиков. Зачастую дарвинизм фактически подменялся ламаркизмом.

Некоторые буржуазные критики марксизма, занимающиеся проблемами биологии (Д. Журавский, Ж. Моно и др.), пытаются использовать эти ошибки в качестве аргумента, якобы свидетельствующего о несовместимости диалектического материализма с данными современной науки. Однако на самом деле ошибки Т. Лысенко и его последователей, как это было показано в ряде работ [236], коренились в недостаточном знании материалистической диалектики, в чисто внешнем, поверхностном ее использовании, что приводило к искажению ее подлинного смысла и к отходу от истины не только в теории биологии, но и в ее методологических и философских вопросах.

Конец такому положению в биологии был положен решениями XX и последующих съездов КПСС и Пленумов Центрального Комитета КПСС. Особенно благоприятную роль в оживлении творческой обстановки в биологии и разработке ее философских проблем сыграли октябрьский (1964 г.) и мартовский (1965 г.) Пленумы ЦК КПСС.

Существенное влияние на развитие исследований по философским вопросам биологии оказали проведенное в 1958 г. Первое Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания, организация методологических семинаров в системе учреждений АН СССР и в университетах, создание проблемных советов по философским вопросам естествознания, подготовка молодых кадров, сочетающих специальные знания в области теории естествознания и глубокую философскую подготовку. Все эти меры создали предпосылки для расширения исследований в этой области [237].

[236] См.: *Завадский К. М., Мамзин А. С.* Некоторые вопросы развития биологии в СССР и диалектический материализм.— Филос. науки, 1965, № 3; *Фролов И. Т.* Генетика и диалектика. М., 1968; *Он же.* О диалектике научного познания. Несостоятельность философских изысканий Жака Моно.— Коммунист, 1974, № 3; *Ильин А. Я.* О диалектико-материалистических основах развития современной биологии. М., 1967; *Алексеев П. В., Ильин А. Я.* Принцип партийности и естествознание. М., 1972.

[237] См.: *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964; *Абдылдаев Т.* Философские вопросы учения о виде. Фрунзе, 1966; *Волкова Э. В., Филюков А. И.* Философские вопросы теории вида. Минск, 1966; *Игнатов А. И.* Пробле-

Экспериментальное обоснование решающей роли ДНК в явлениях наследственности было дано в 1944—1952 гг. Одновременно и вслед за тем развернулись широкие исследования структуры биологически важных полимерных молекул, а также изучение биохимических основ внутриклеточного метаболизма и отдельных физиологических функций.

В 1953 г. Дж. Уотсон и Ф. Крик разработали модель строения вещества наследственности — ДНК, опираясь на данные рентгеноструктурного анализа этого весьма сложного соединения, полученного Уилкинзом. Несколько позже, в 1958 г. и в последующие годы, на основе развития метода рентгеноструктурного анализа в сочетании с использованием быстродействующих вычислительных машин удалось изучить сложное строение ряда белков, установив не только последовательность отдельных аминокислотных остатков в их составе (так называемая первичная структура), но и их вторичную, третичную и четвертичную структуру.

В дальнейшем были раскрыты молекулярные механизмы биосинтеза белка, расшифрована биохимическая природа генетического кода (1961), раскрыты биохимические основы ряда физиологических функций, физико-биохимические механизмы регуляции активности генов в онтогенезе.

На основе этих достижений познание биологических явлений углубляется от организменного и клеточного уровней к внутриклеточному молекулярному и субмолекулярному. Бурно прогрессирует новый огромный раздел биологии, граничащий со многими разделами физики и химии,— молекулярная биология.

Возникновение молекулярной биологии знаменовало начало новой революции в науках о живой природе [238]. Подобно тому как в физике открытие сложного внутриатомного мира было связано с необходимостью объяснения вновь обнаруженных, ранее неизвестных свойств, так и в биологии возникает ряд новых естественнонаучных проблем, относящихся в первую очередь ко вновь возникшей области.

На основании исследования физико-химических, физиологических и биологических свойств гена было выяснено, что ген, являясь

ма происхождения жизни. М., 1962; *Ильин А. Я.* О диалектико-материалистических основах развития современной биологии. М., 1967; Философские проблемы современной биологии. Л., 1966; *Короткова Г. П.* Принципы целостности. Л., 1968; *Мамзин А. С.* О форме и содержании в живой природе. Л., 1968; *Новак В. Г.* Особенности проявления законов материалистической диалектики в биологии и медицине. М., 1968; *Петленко В. П.* Физиологический идеализм и некоторые философские вопросы теоретической медицины. Л., 1960; *Фролов И. Т.* О причинности и целесообразности в живой природе. М., 1961; *Он же.* Очерки методологии биологического исследования. М., 1965; *Он же.* Генетика и диалектика. М., 1968; Проблема целостности в современной биологии. М., 1968; Целостность и биология. Киев, 1968; *Юзай Г. А.* Проблема целостности организма. М., 1968.

[238] См.: *Карпинская Р. С.* Философские проблемы молекулярной биологии. М., 1971; *Веселовский В. Н.* О сущности живой материи. М., 1971; *Чепиков М. Г.* Революция в биологии. М., 1976.

участком ДНК, сам представляет собой сложную систему. Молекулярная структура гена несет информативную функцию. Она определяет порядок соединения азотистых оснований в молекуле белка, обусловливая его специфичность. Существование и функционирование гена неотделимо от клетки и всего организма в целом. Было показано, что ДНК, как система генов, активно участвует в метаболизме клетки, реагирует изменениями структуры (в ней происходят и изменения генов — генные мутации) на внутренние и внешние воздействия. Этими исследованиями были окончательно преодолены идеи о неделимости и абсолютной неизменяемости генов, их независимости от метаболических процессов, а также устранена ошибочная концепция о значении для эволюции только внутренних причин (автогенез).

В результате раскрытия химической природы гена и процессов кодирования, хранения и преобразования наследственной информации в организмах была установлена универсальность (т. е. принципиальная общность) генетического кода для всего живого на нашей планете: генетические «механизмы», варьируя в деталях, обладают поразительным единообразием во всей живой природе — от вирусов и бактерий до человека. В связи с этим по-новому встала проблема устойчивости и изменчивости в природе [239].

Получила дальнейшее развитие и теория мутации. Исследования на молекулярном уровне окончательно подтвердили сложный статистический характер детерминации мутаций: каждая мутация есть необходимый итог действия многих случайных факторов внутреннего и внешнего порядка. Было найдено, что в естественнонаучном плане мутация представляет изменение чередования нуклеотидов как результат химических и структурных перестроек (Н. П. Дубинин, М. Е. Лобашев, А. Н. Белозерский).

Под влиянием новых открытий на передний край науки вновь выдвигается проблема происхождения и сущности жизни, а также вопросы о соотношении биологических, физико-химических и математических методов исследования живого, о «сводимости» или «несводимости» явлений жизни к физике и химии.

Фактический материал, накопленный биологией, химией, физикой, астрономией и геологией, позволил воссоздать картину совершавшегося когда-то на Земле эволюционного развития материи, выделить этапы, через которые проходило это развитие на пути к возникновению жизни. Это создало условия для перехода исследований из области умозрений в область эмпирическую, получения объективных доказательств развития живого из неживого.

Познание сущности жизни всегда связывалось с познанием того общего, что имеется у живых организмов. Два философских направления — материалистическое и идеалистическое — по-разному

[239] См.: *Карпинская Р. С.* Философские проблемы молекулярной биологии. М., 1971.

решали этот вопрос. Идеалисты видели общее в существовании высшей цели (нематериального начала, «души», «жизненной силы», энтелехии и т. п.), определяющей сущность жизни и придающей ей черты специфичности. Материалисты искали сущность жизни в объективных закономерностях природы. Как продолжение многовековой борьбы между этими философскими направлениями сложилась дилемма: либо механицизм, либо витализм. Главной ошибкой механистического решения данной проблемы было отрицание качественной определенности живого, сведение биологической формы движения к физико-химической. Это было выявлено со всей ясностью еще в ходе философской дискуссии между «диалектиками» и «механистами». Рациональным моментом дискуссии было подчеркивание необходимости применения физико-химических методов при изучении жизни. Но это правильное положение механистами доводилось до предела, до утверждения, что все явления жизни можно объяснить только физическими и химическими процессами. Инерцией механистического миропонимания объясняется и тот факт, что некоторые философы и естествоиспытатели поддерживали теорию вечности жизни и даже относили ее в разряд диалектико-материалистических [240]. Были среди механистов и сторонники так называемой синтетической биологии, которая создавалась трудами зарубежных ученых (попытки «воспроизвести» жизненные функции и формы из неорганических веществ). Данная концепция была раскритикована в те годы естествоиспытателями и философами [241].

Уже в 20-х годах четко обозначился другой методологический подход к решению данной проблемы, подход с позиций дарвинистского эволюционизма и сформулированного Ф. Энгельсом учения о формах движения материи. Методологически важным было утверждение, что живое и неживое имеет не только общность, но и качественные отличия. Передовые естествоиспытатели и философы были знакомы с ленинской формулировкой характера направления исследования проблемы: «На деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям» [242].

Благодаря работам биохимиков 20—30-х годов начало складываться представление об общности химического состава и биохимических процессов у различных организмов, что подтвердило единство их эволюционного происхождения. Работы цитологов направ-

[240] См.: *Слепков В.* Дарвинизм и марксизм. 1930.
[241] См.: *Боссэ Г. Г.* От неживого к живому. Вологда, 1927.
[242] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 40.

ляли мысль на поиски источников жизни во внутриклеточных структурах [243].

Значительная роль в разработке диалектико-материалистического подхода к проблеме сущности жизни и путей ее возникновения на Земле принадлежит А. И. Опарину, который еще в середине 20-х годов проанализировал историю проблемы происхождения и сущности жизни и показал, что как различным формам витализма, так и различным формам механицизма равным образом присущ внеисторический подход к проблеме [244]. Опираясь на труды Ф. Энгельса, он обосновал необходимость разработки этой проблемы с позиций материализма и историзма.

Гипотеза А. Опарина воссоздавала картину зарождения элементарной жизни на Земле. Жизнь рассматривалась как закономерный процесс развития углеродистых соединений.

Геохимический аспект познания жизни был выдвинут в те же годы В. И. Вернадским, который впервые рассматривал жизнь как закономерный этап развития геохимической истории планеты. Значение такого подхода хорошо раскрыто в следующих словах этого ученого: «Геохимическое изучение жизни в ее проявлениях в биосфере, т. е. в биогеохимических явлениях, вносит в оценку биологических явлений новое, потому что оно позволяет научно рассматривать явления жизни как сложные функции строения атомов и состояний пространства, а жизнь, взятую в целом, как часть закономерной организованности земной коры, в первую голову биосферы, научно брать ее как планетное явление». По мнению В. Вернадского, для познания сущности жизни необходимо изучать одновременно и отличия и общность свойств и функций живого и неживого в геологических процессах Земли [245].

В те годы теоретические положения В. Вернадского не привлекали к себе должного внимания со стороны философов и методологов науки. В настоящее же время геохимический аспект изучения занимает важное место в общем исследовании проблемы жизни, а учение В. Вернадского о геохимических функциях биосферы и ноосферы (равно как и учение В. Н. Сукачева о биогеоценозах) стано-

[243] См.: *Навашин Г. М.* Проблема происхождения жизни в свете цитологического исследования.— Вестн. Ком. акад., 1926, кн. XIV.

[244] А. И. Опарин является признанным во всем мире пионером современной разработки проблемы происхождения и сущности жизни с позиций методологии диалектического материализма. Его первая работа по этой проблеме — брошюра «Происхождение жизни» — была опубликована издательством «Московский рабочий» в 1924 г. Позднее (в 1928—1929 гг.) и независимо от А. И. Опарина крупным английским естествоиспытателем и прогрессивным общественным деятелем, сторонником диалектического материализма Дж. Б. С. Холдейном (1892—1964) был сформулирован свой вариант эволюционной гипотезы возникновения жизни. Однако Дж. Б. С. Холдейн признавал приоритет А. И. Опарина в этом вопросе. См.: Происхождение предбиологических систем. М., 1966, с. 106.

[245] См.: *Вернадский В. И.* Биогеохимические очерки. М.; Л., 1940, с. 212.

вится одной из методологических основ разработки теории рационального природоиспользования и охраны природы.

Общепризнано, что современная биология переживает период революционной перестройки, который обычно связывают с возникновением молекулярной биологии. Однако следует иметь в виду, что другой тенденцией, отражающей революционные изменения в развитии науки о живой природе, является небывалое ранее обострение интереса к исследованию надорганизменных живых систем [246]. Этот интерес особенно нарастает с начала 60-х годов в связи с усложнением взаимоотношений общества и природы и возможностью глобального экологического кризиса [247].

В послевоенный период были накоплены новые факты, создана молекулярная биология, наметились новые естественнонаучные подходы к проблеме жизни. Все это нашло свое отражение на Международном симпозиуме, посвященном проблеме возникновения жизни на Земле (Москва, 1957 г.) и в последующих публикациях по этому вопросу.

Обсуждение этих проблем была начато по инициативе А. И. Опарина. Симпозиум привлек внимание международной научной общественности. В нем участвовали многие всемирно известные ученые (А. Белозерский, Дж. Бернал, М. Кальвин, С. Миллер, Н. Пири, Л. Полинг, И. Пригожин, В. Стенли, И. Флоркен, Г. Франк, В. Энгельгард). Волна публикаций, дискуссий и последующих обсуждений этой проблемы продолжает ощущаться до настоящего времени [248].

На обсуждении данной проблемы сказались также идеи кибернетики и развитие космических исследований. Новые естественнонаучные данные послужили отправным пунктом для дискуссий об определении жизни, о возможности чисто субстратного либо чисто функционального определения жизни, о возможности возникновения в космосе жизни на небелковой основе и др. [249]

Одной из характерных особенностей состояния дел в данной области науки в этот период было то, что представлявшиеся ранее незыблемыми границы между живой и неживой природой вдруг

[246] См.: *Мамзин А.* Некоторые тенденции в развитии биологии.— Коммунист, 1976, № 12.

[247] См.: *Шварц С. С.* Проблемы экологии человека.— Вопр. философии, 1974, № 9; Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975; и др.

[248] За последние годы были опубликованы переводы многих работ иностранных ученых, а также книги отечественных авторов по рассматриваемой проблеме. См.: *Руденко А. П.* Теория саморазвития открытых каталитических систем. М., 1969; *Кальвин М.* Химическая эволюция. М., 1971; *Кеньон Д., Стейнман Г.* Биохимическое предопределение. М., 1972; *Руттен М.* Происхождение жизни. М., 1973; *Эйген М.* Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М., 1973; *Фокс С., Дозе К.* Молекулярная эволюция и возникновение жизни. М., 1975; Происхождение жизни и эволюционная биохимия. М., 1975; *Покинатерума С.* Происхождение жизни. М., 1977; *Бродa Э.* Эволюция биоэнергетических процессов. М., 1978.

[249] См.: О сущности жизни. М., 1964.

как бы исчезли под напором новейших открытий. Оказалось, что как в отношении вещественного состава, так и в отношении функциональных, энергетических и информационных свойств между живым и неживым имеется много общего, и в природе можно найти такие промежуточные образования (например, изолированные вирусы, высокополимерные молекулы и гены), которые сочетают в себе некоторые важнейшие свойства живого и неживого. Это стимулировало возрождение механистических представлений о жизни: возникают концепции отдельной «живой» молекулы, образовавшейся первоначально на основе совершенно случайного объединения атомов в условиях древней Земли; различие между живым и неживым некоторые исследователи начинают трактовать чисто количественно, а в специфических свойствах живого видели выражение субъективных моментов в подходе различных исследователей к истолкованию жизни [250].

В связи с революцией в биологии появляется ряд методологических трудностей в понимании закономерностей возникновения и развития живого. Активизировали свою деятельность представители неовитализма, холизма, неофинализма (А. Венцель, Д. Бландино, И. Хаас, Г. Веттер, Э. Сипнот, Ф. Дессауэр и др.). Попытки «приспособления» новейших данных науки к догматам религии, «примирения» науки с идеализмом и религией становятся все тоньше и изощреннее.

Абсолютизируя момент случайности в процессе становления жизни и смыкаясь в трактовке этих вопросов с механистами, современные идеалисты, как и их многочисленные предшественники в этой области, пытаются внести некоторый дополнительный, экспериментально необнаруживаемый, нематериальный направляющий фактор, которому придаются различные наименования и за которым просматриваются некоторые традиционные телеологические и теологические идеи о нематериальных силах, вводящих случайные материальные процессы в русло необходимости.

Обобщение новейших естественнонаучных данных и критика идеалистических и механистических подходов к теоретическим проблемам биологии получают с конца 50-х годов широкое отражение в трудах философов и естествоиспытателей — сторонников диалектического материализма. В это время на страницах журнала «Вопросы философии» публикуется ряд статей, посвященных защите хромосомной теории наследственности, вопросу о роли физических, химических и математических методов в исследовании сущности жизни, критике идеализма и субъективистских нигилистических толкований достижений молекулярной биологии, генетики и эволюционной теории. В обсуждение этих проблем наряду с известными советскими философами и естествоиспытателями (Б. М. Кедров,

[250] См., напр.: *Кальвин М.* Химическая эволюция.— В кн.: Проблемы эволюционной и технической биохимии: К 70-летию акад. А. И. Опарина. М., 1964, с. 35.

А. И. Берг, Б. В. Гнеденко, А. Н. Колмогоров, А. А. Ляпунов, Н. Н. Семенов, Г. М. Франк, В. А. Энгельгардт, В. М. Жданов, К. М. Завадский, Н. В. Турбин) включились зарубежные сторонники диалектического материализма (Дж. Бернал, Р. Рохгаузен, В. Холличер, Дж. Холдейн и др.).

Выходит ряд книг советских философов, в которых исследуются философские аспекты проблемы происхождения и сущности жизни либо содержатся большие разделы, посвященные как анализу самой проблемы, так и критике метафизики и идеализма в ее истолковании [251].

На основе философского осмысления достижений биологии большинство исследователей пришли к выводу, что главные методологические принципы, положенные в основу определения жизни Ф. Энгельсом, остаются верными и в наше время. К числу таких принципов относятся следующие: единство субстрата и процессов жизнедеятельности, единство и взаимосвязь всего живого на нашей планете, исторический (эволюционный) путь возникновения и развития живого и др. Уточнение естественнонаучных положений Ф. Энгельса о сущности жизни шло по нескольким линиям; были уточнены знания о субстрате живого. В ряде исследований было показано, что введенное Ф. Энгельсом понятие «белковое тело» следует трактовать не узко химически, а как сложную биохимическую систему, включающую наряду с белками нуклеиновые кислоты, фосфорорганические соединения и неорганические компоненты (воду, неорганические ионы и др.).

На основе детального исследования биосинтеза в новом свете предстали внутриклеточные энергетические и регуляционные процессы. Было показано, что энергетическая сторона метаболизма живых существ отлична в ряде моментов от обычных окислительно-восстановительных реакций в неорганической природе (циклический характер метаболических процессов, связь активности ферментов с их физическим состоянием, наличие особых соединений, «запасающих» энергию, и др.).

Изучение явлений регуляций в свете идей кибернетики и теории информации позволило во многом по-новому понять глубокую сущность процессов функционирования и развития.

Эти положения были позднее обобщены В. Энгельгардтом в формуле о жизни как о биологическом триединстве вещественного, энергетического и информационного потоков.

[251] *Хамитова Р. М.* Борьба материализма с идеализмом по вопросу о происхождении живых тел и сущности жизни. Сталинабад, 1959; *Изнатов А. И.* Проблема происхождения жизни. М., 1962; *Гавриш Е. Г.* Борьба материализма с идеализмом по вопросу о сущности жизни. Харьков, 1965; *Ильин А. Я.* О диалектико-материалистических основах развития современной биологии. М., 1967; *Мамзин А. С.* О форме и содержании в живой природе. Л., 1968; *Веселовский В. Н.* О сущности живой материи. М., 1971; Взаимодействие методов естественных наук в познании жизни. М., 1976; *Пикашова Т. Д.* Критика идеализма в современной биологии. Генезис и методология неовитализма. Киев, 1978.

На современном материале нашли свои подтверждения кардинальные положения диалектического материализма о материальном единстве и качественном многообразии объективного мира, об отсутствии непроходимых граней между живой и неживой природой.

Увлечение молекулярно-биологическими исследованиями наряду с позитивной имело и относительно негативную сторону, так как у некоторых ученых создавалась своеобразная иллюзия о возможности решения всех проблем биологии на молекулярном уровне. Эта ошибочная установка получила свое методологическое выражение в односторонней ориентации на метод редукции (крайний редукционизм). Своеобразной реакцией на тенденции одностороннего редукционизма явились системный подход и *концепция структурных уровней организации живого.*

Концепция структурных уровней живого имеет многолетнюю историю, однако обращение к идеям системности и структурности стало вполне закономерным для биологов конца 50—60-х годов. Такой подход давал возможность органически соединить данные углубленного анализа молекулярного уровня живого с результатами, полученными иными методами и характеризующими более высокие уровни организации живого. Вопросы о системности и целостности живого, о диалектическом взаимоотношении целого и частей, о взаимодополнительности редукции и целостного подхода в исследовании живого нашли отражение в работах В. Г. Афанасьева, И. Т. Фролова, Г. А. Югая, В. И. Кремянского, А. С. Мамзина и др., опубликованных в конце 50-х и в 60-х годах. В этих работах содержалось также краткое изложение и критическое обсуждение основных положений «Общей теории систем» Л. Берталанфи.

Обостренный интерес к указанному кругу вопросов в это время объяснялся не только реакцией на крайние формы редукционизма и элементаризма, но также и тем, что в самой биологии имелись определенные традиции системного рассмотрения своих многообразных объектов.

Еще в 30-х годах идеи системности интенсивно разрабатывались в общей и популяционной генетике (С. Четвериков, Р. Фишер, С. Райт, А. Серебровский, Н. Дубинин), в учении о виде и видообразовании (Н. Вавилов, И. Шмальгаузен), в физиологии (И. Павлов, П. Анохин, Н. Бернштейн) и других областях биологии. Кибернетика дала обобщенное решение ряда вопросов деятельности сложных многокомпонентных систем (живых и технических), абстрагируясь от природы таких систем. Выдвижение идей системности и целостности на передний план было ознаменовано проведением ряда конференций, специально посвященных проблемам структурности и целостности в биологии.

В тесной связи с разработкой принципов системного подхода в биологии[252] шло исследование вопроса об основных структурных

[252] Проблемам системного подхода в биологии посвящены многие работы А. А. Малиновского, М. П. Сетрова, К. М. Хайлова и др.

уровнях организации живого. Как идеи системности, так и концепции основных структурных уровней живого имеют достаточно длительную историю[253]. Различные варианты концепции структурных уровней, выдвигаемые в биологии, представляли собой попытки понять закономерности сложной организации живого, не впадая при этом в крайний редукционизм. Опыт биологии свидетельствовал, что объяснение того или иного биологического явления посредством взаимодействия составляющих его элементов хотя и применимо, но недостаточно. Клетку неверно рассматривать как простую сумму составляющих ее веществ, организм не является простой суммой клеток и межклеточного вещества, популяция не есть простая совокупность совместно живущих особей одного вида и т. д.[254]

Развитие концепции структурных уровней в биологии было тесно связано с успехами в изучении надорганизменных систем. Важное значение в этом отношении имели исследования вида и популяции как систем (Н. Вавилов, И. Шмальгаузен, Н. Тимофеев-Ресовский, Э. Майер, К. Завадский), учение о биоценозах (В. Сукачев) и другие исследования надорганизменных живых систем.

Концепция различных уровней организации живой материи лежала в основе модели эволюционного процесса, которую в течение нескольких десятилетий разрабатывал И. Шмальгаузен[255].

Модифицируя положения теории информации применительно к эволюционному процессу, И. Шмальгаузен рассматривает те факторы внешней среды, которые неблагоприятно влияют на процессы жизнедеятельности, как помехи («шумы»), нарушающие «привычный» ход работы регулирующих механизмов эволюции. Эти нарушения в передаче наследственной информации («ошибки») ведут к ее изменению (к тем или иным мутационным превращениям). В результате действия естественного отбора имеет место как прогрессивное развитие, усложнение организации живых организмов, так и стабилизация уже существующих видов путем селекции наиболее помехоустойчивых систем.

Для утверждения системного рассмотрения вида и преодоления неоламаркистской организмоцентрической концепции видообразования большое значение имела дискуссия по этим вопросам (1952—1954 гг.), проходившая на страницах «Ботанического журнала» и в философском семинаре биолого-почвенного факультета Ленинградского университета по инициативе К. Завадского и Н. Турбина[256]. В ходе этой дискуссии подчеркивалось значение естественного отбора как основного фактора эволюции, создающего органическую целесообразность, понимание вида как реального и целостного явления живой природы, многообразие видовых форм и их взаимоотношений

[253] См.: *Кремянский В. И.* Структурные уровни живой материи. М., 1969.

[254] См.: Развитие концепции структурных уровней в биологии. М., 1972.

[255] См.: *Шмальгаузен И. И.* Основы эволюционного процесса в свете кибернетики.— В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1960, вып. 4.

[256] См.: Вестн. ЛГУ, 1954, № 10. Сер. биологическая, географии и геологии.

и др. Дальнейшее углубление эти идеи получили в работах К. Завадского, его учеников и последователей (Э. В. Волкова, Ф. Чижек, В. Дубровин, А. И. Филюков, А. К. Юсуфов, Т. Абдылдаев и др.), а также И. Т. Фролова, С. А. Пастушного, И. Н. Смирнова и др.

Значительное влияние на разработку философских проблем биологии оказали написанные в последние годы работы, посвященные изучению отдельных факторов эволюции, обобщенному рассмотрению проблемы «эволюция эволюции»[257].

Большую роль в выявлении надорганизменных уровней организации и их значения в эволюции, а также в уточнении ряда важнейших понятий биологии сыграли исследования видных советских биологов: И. И. Шмальгаузена, В. Н. Сукачева, Н. П. Дубинина, Е. М. Лавренко, А. Л. Тахтаджяна, Н. В. Тимофеева-Ресовского, К. М. Завадского, М. М. Камшилова, А. А. Малиновского, Н. П. Наумова, К. М. Хайлова, А. В. Яблокова и др. В то же время эти исследования стимулировали появление философских работ, посвященных проблеме реальности и целостности вида, истории становления этого понятия, анализу философских аспектов проблем причинности и целесообразности в живой природе, факторов эволюции, взаимосвязи различных уровней организации живого, взаимосвязи структур и функций на разных уровнях, и ряда других (М. Ф. Веденов, Н. П. Депенчук, Р. С. Карпинская, В. И. Кремянский, А. Я. Ильин, А. С. Мамзин, С. А. Пастушный, И. Н. Смирнов, И. Т. Фролов и др.).

Успехи в развитии физиологии, в частности в изучении высшей нервной деятельности, способствовали более глубокому пониманию таких вопросов, как природа и происхождение сознания, взаимосвязь физиологического и психического. Всеобщее признание получило созданное И. П. Павловым и его учениками после Великой Октябрьской социалистической революции учение о типах нервной деятельности, о соотношении коры и подкорковых центров. Была начата научная разработка проблемы специфических механизмов нервной деятельности человека, генетической обусловленности поведения. Общее признание получило учение А. А. Ухтомского о доминанте. Школой ученика и сотрудника И. П. Павлова Л. А. Орбели, создавшего учение об адаптационно-трофической роли вегетативной нервной системы, впервые в истории физиологии были заложены теоретические основы эволюционной физиологии. Развивая материалистические принципы учения И. П. Павлова о регуляторной роли центральной нервной системы, советские физиологи раскрыли многие механизмы влияния коры головного мозга на деятельность внутренних органов животных и человека (К. М. Быков, В. Н. Черниговский и др.).

В 30-х годах было начато физиологическое изучение саморегуля-

[257] См.: *Галл Я. М.* Борьба за существование как фактор эволюции. Л., 1976; *Завадский К. М., Колчинский Э. И.* Эволюция эволюции. Л., 1977.

ции поведения (П. К. Анохин, И. С. Бериташвили, Н. А. Бернштейн). С возникновением кибернетики эти исследования приобрели важное значение для разработки принципов обратной связи.

На основе синтеза идей кибернетики и ряда отраслей биологии (эволюционного учения, биоценологии, физиологии высшей нервной деятельности, биохимии и др.) получают дальнейшее развитие системные концепции. Появляется ряд философских работ, посвященных анализу основных понятий и проблем на этом «стыке» наук (Б. В. Ахлибининский, А. К. Астафьев, Э. В. Гирусов, И. Б. Новик, М. И. Сетров и др.).

Важное философское значение имели использование в физиологии идей и принципов кибернетики, разработка проблем распознавания образов с помощью метода моделирования, изучение соотношений между сознательным и бессознательным, новейшие методы изучения материальных, физиологических основ психических процессов (Н. П. Бехтерева). С позиций диалектического материализма были критически осмыслены новейшие данные физиологии о роли коры и подкорковых образований в высшей первной деятельности, уточнены взаимоотношения между физиологией и психологией в изучении психики, раскрыта диалектико-материалистическая суть учения М. М. Сеченова — И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, развернута критика физиологического идеализма и его современных проявлений (Б. Г. Ананьев, Е. А. Будилова, Д. И. Дубровский, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. П. Петленко, С. Л. Рубинштейн, А. Г. Спиркин, В. Ф. Сержантов, Б. М. Теплов, В. С. Тюхтин, Б. С. Украинцев, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский).

Последователями Л. Орбели активно разрабатываются методологические проблемы эволюционной физиологии и биохимии, обсуждаются вопросы применимости некоторых положений эволюционной теории, установленных на морфологическом материале, к филогенезу функций (Э. А. Асратян, Л. Г. Воронин, А. Г. Генецинский, А. Н. Карамян, Е. М. Крепс). Успешно развиваются эколого-физиологические исследования (Д. А. Бирюков, А. Д. Слоним).

Изменение в характере проблематики философских вопросов биологии в конце 60-х годов получило отражение на Втором Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания (Москва, декабрь 1970 г.), посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, где наряду с обсуждением философских проблем кибернетики и физики значительное место было уделено философским вопросам биологии [258]. В ряде докладов и выступлений обсуждались мировоззренческие и логико-методологические вопросы генетики, эволюционной теории. Характерным моментом данного совещания было возросшее внимание к методологическим проблемам наук о живой

[258] См.: Философские проблемы биологии.— В кн.: Тр. Второго Всесоюз. совещ. по филос. вопр. соврем. естествознания, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. М., 1973.

природе (вопросы взаимосвязи и взаимодействия наук, взаимоотношения различных методов внутри отдельных отраслей биологии, проблема выбора исходного начала в науке, стиля мышления и др.).

Разработка философских проблем биологии органично сочетается в это время с исследованием ее истории. Усилиями Института истории естествознания и техники АН СССР и исследователей, группирующихся вокруг него и участвующих в его работе, был подготовлен и выпущен в свет в 60—70-х годах ряд фундаментальных работ по истории мировой и отечественной биологии[259], по развитию отдельных ее отраслей, дана характеристика творчества выдающихся биологов прошлого. В это же время были переизданы многие работы советских генетиков и эволюционистов 20—30-х годов, работы, ставшие в наше время библиографической редкостью[260].

В конце 60-х — начале 70-х годов большое внимание как философы, так и естествоиспытатели уделяют проблемам становления теоретической биологии. В специальной и философской литературе оживленно обсуждаются вопросы о предмете теоретической биологии, о путях ее формирования, проводятся сопоставления между становлением теоретической биологии и теоретической физики. Поднимаются вопросы о роли вероятностных и жестких форм детерминации в функционировании и развитии живого, о роли математики в изучении организации и развития биологических систем.

В это же время наблюдается дальнейшее возрастание интереса к философским проблемам эволюционной теории. Этим вопросам был посвящен ряд конференций и совещаний в Москве и Ленинграде в 1969—1972 гг.[261], на которых биологи и философы обсуждали методологические и теоретические проблемы эволюционной теории: элементарные эволюционные явления, основные направления эволюции, закономерности прогрессивной эволюции, взаимоотношения организации и эволюции живых систем, изменение стиля мышления в эволюционной теории.

В последние годы пристальное внимание исследователей во всем мире привлекают *проблема соотношения социального и биологического*, *вопросы биологического будущего человека* (К. А. Абульханова-

[259] См.: Развитие биологии в СССР, 1917—1967. М., 1967; История биологии с древнейших времен до начала XX века. М., 1972; История биологии с начала XX века до наших дней. М., 1975.

[260] См.: Классики советской генетики. М., 1965; *Серебровский А. С.* Некоторые проблемы органической эволюции. М., 1977; *Берг Л. С.* Труды по теории эволюции, 1922—1960. Л., 1977.

[261] См.: Философские проблемы эволюционной теории. М., 1971. Т. I—III; Организация и эволюция живого. Л., 1972; Закономерности прогрессивной эволюции. Л., 1972; Философия и современная биология. М., 1973; Философия и теория эволюции. М., 1974; *Мамзин А. С.* Очерки по методологии эволюционной теории. Л., 1974; *Абдылдаев Т. А.* Соотношение различных тенденций в исследовании уровней организации живой природы. Фрунзе, 1975; Проблема взаимосвязи организации и эволюции в биологии. М., 1978; *Смирнов И. Н.* Материалистическая диалектика и современная теория эволюции. М., 1978.

Славская, Б. Г. Ананьев, С. С. Батенин, А. В. Брушлинский, Т. В. Карсаевская, В. В. Леонович, Б. Ф. Ломов, А. А. Малиновский, В. П. Петленко, Б. Ф. Сержантов, П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов и др.).

В тесной связи с развитием философских проблем биологии и физиологии происходит развитие *философских проблем медицины*. Публикуется ряд работ, в которых исследуются основные принципы построения теории медицины, анализируются важнейшие ее понятия (норма, патология, болезнь), рассматриваются вопросы соотношения приспособления и нарушения в патологических процессах, взаимоотношения социальных и биологических факторов в детерминации болезни [262].

В последние десятилетия среди биологов различных стран наблюдается стремление к углубленному исследованию методологических и мировоззренческих проблем своей науки; односторонний эмпиризм и натурфилософия теряют свою былую популярность. Этот процесс происходит не прямолинейно и гладко, а в борьбе с новейшими проявлениями идеализма и метафизики, в процессе которой ученые сознательно или стихийно, под влиянием непрерывно накапливающегося в науке материала, обращают свой взор к материалистической диалектике. Сбывается предсказание В. И. Ленина о том, что в материалистической диалектике естествоиспытатели найдут ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании.

Характерна эволюция научных взглядов Л. фон Берталанфи, сделавшего на протяжении своей жизни ряд серьезных шагов от витализма и механицизма к материалистической диалектике как методологической основе современной биологии. Не менее характерны признания К. Уоддингтона: «Общая система представлений», которая лежит в основе современной теоретической биологии, «в определенной степени близка к марксистской диалектической философии» [263].

Философская и теоретическая мысль в наше время направлена на решение ряда методологических и мировоззренческих вопросов, выдвинутых бурным развитием науки о живой природе. В постановке и решении многих из этих проблем сложным образом переплетаются философские, социальные, естественнонаучные и другие вопро-

[262] См.: Некоторые философские вопросы теоретической медицины. Л., 1958; Вопросы диалектического материализма в теоретической медицине. Л., 1962; Философские и социальные проблемы медицины. М., 1966; Методологические проблемы современной биологии и медицины. М., 1969; Философские проблемы медицины. Киев, 1969; *Петленко В. П.* Философские вопросы теории патологии. Л., 1968—1971. Т. I, II; *Корольков А. А., Петленко В. П.* Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. М., 1977; *Петленко В. П., Струков А. И., Хмельницкий О. К.* Детерминизм и теория причинности в патологии. М., 1978; *Петленко В. П., Царевородцев Г. И.* Философия медицины. Киев, 1979; *Корольков А. А.* Диалектика и теория медицины. Л., 1979.

[263] *Уоддингтон К.* Предисловие редактора английского издания.— В кн.: На пути к теоретической биологии. Пролегомены. М., 1970, с. 8.

сы. Все это делает насущно необходимым комплексную разработку такого рода проблем с привлечением представителей различных отраслей знания и с опорой на достижения современной научной философии — диалектического и исторического материализма.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

РАЗРАБОТКА ФИЛОСОФСКИХ ВОПРОСОВ МАТЕМАТИКИ И КИБЕРНЕТИКИ

1

Математика

В период революционных сдвигов в науке, когда происходит крутая ломка устоявшихся принципов, понятий и теорий, стихийный материализм оказывается скорее «сражаемым», чем «сражающимся»: это наглядно продемонстрировал не только кризис физики в конце XIX в., но и кризис оснований математики, возникший несколько позже.

Появление новых, весьма абстрактных теорий математики, широкое распространение в ней аксиоматических и формальных методов исследования и в особенности трудности и парадоксы, обнаруженные при теоретико-множественном ее обосновании, породили у некоторой части ученых сомнения в объективной ценности математического знания и различные идеалистические спекуляции.

Критика интуиционизма, логицизма и формализма. Широкое распространение идеалистических взглядов в связи с кризисом оснований математики выдвинуло перед советскими математиками и философами в качестве первоочередной задачи критику идеалистических и метафизических установок ведущих школ обоснования математики (интуиционизма, логицизма и формализма).

Этой критике были посвящены статьи и книги С. А. Яновской, В. И. Гливенко, В. Н. Молодшего, Л. П. Гокиели и ряда других авторов [1].

Для исследователей, работающих в области математики, огромное значение имело изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма и овладение методом материалистической диалектики. Большую роль здесь сыграло издание «Анти-Дюринга» и «Диалекти-

[1] См.: *Яновская С. А.* Идеализм в современной философии математики.— Естествознание и марксизм, М., 1930, № 2/3; *Она же.* Идеализм и математика.— Фронт науки и техники, 1934, № 5/6; *Она же.* Современные течения и философия математики.— Фронт науки и техники, 1935, № 3; *Гливенко В. И.* Кризис основ математики на современном этапе его развития: (В свете ленинского учения о кризисе науки в капиталистическом обществе).— Фронт науки и техники, 1934, № 5/6; *Молодший В. Н.* Эффективизм в математике. М., 1938; *Гокиели Л. П.* О понятии существования в математике.— Тр. Мат. ин-та Груз. фил. АН, 1942, № 11; 1944, № 13.

ки природы» Ф. Энгельса, основной части «Математических рукописей» К. Маркса, «Философских тетрадей» В. И. Ленина. Статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» стала той конкретной программой, которая нацелила ученых на разработку актуальных проблем философии математики.

К 25-летию со дня выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» коллектив авторов Института математики при МГУ подготовил «Сборник статей по философии математики», который сыграл важную роль в первый период разработки проблем философии математики и в привлечении внимания ученых к этим проблемам.

В свете основных идей В. И. Ленина, относящихся к характеристике «физического» идеализма, авторы сборника поставили перед собой задачу — вскрыть причины и сущность кризиса оснований математики, а также показать борьбу различных направлений в зарубежной философии математики. В статьях В. И. Гливенко, С. А. Яновской убедительно показывается, что общая характеристика кризиса естествознания, данная В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», полностью применима и к кризису оснований математики[2]. Отличия здесь касаются гносеологических корней «математического» идеализма, которые связаны в первую очередь с неправильным истолкованием сущности математических абстракций. Это одинаково относится как к субъективно-идеалистической интерпретации математики, которой придерживаются многие сторонники интуиционизма, так и к объективно-идеалистической, которую защищают логицисты и формалисты.

Идеалистические спекуляции вокруг математики и кризисные явления возникают не случайно, а в связи с трудностями роста математики, возрастанием все более абстрактных и формальных методов исследования, отдалением математики от исходного эмпирического базиса.

В связи с этим перед советскими учеными встала задача — осветить с позиций материалистической диалектики те новые идеи и методы, которые возникли в математике XX в.

Общая характеристика современных идей в области анализа геометрии, топологии и алгебры была дана в статьях А. Н. Колмогорова, П. С. Александрова, А. Г. Куроша, помещенных в «Сборнике статей по философии математики»[3]. Отмечая возросшую абстракт-

[2] См.: *Гливенко В. И.* Кризис основ математики на современном этапе его развития.— В кн.: Сб. статей по философии математики. М., 1936; *Яновская С. А.* Идеализм и математика.— В кн.: Сб. статей по философии математики; *Она же.* Современные течения в буржуазной философии математики.— Там же; *Она же.* О так называемых «определениях через абстракцию».— Там же.

[3] См.: *Колмогоров А. И.* Современная математика.— В кн.: Сб. статей по философии математики; *Александров П. С.* О новых течениях математической мысли, возникающих в связи с теорией множеств.— Там же; *Курош А. Г.* Современные алгебраические воззрения.— Там же.

ность математики, А. Н. Колмогоров специально подчеркивал, что «новейшее развитие математики делает ее ближе *к действительности*, позволяет ей охватить большее разнообразие реальных явлений и изучать их с меньшей степенью схематизации, чем это могла делать классическая математика»[4]. Такое заявление, подкрепленное анализом развития современной математики, было направлено против идеалистических выводов о том, что с возрастанием абстрактности математики все больше утрачивается ее связь с действительностью, или, как говорил А. Пуанкаре, она все больше «освобождается от тирании внешнего мира».

Советские ученые уже в 20-х и 30-х годах внесли значительный вклад и в разработку конкретных проблем обоснования математики, и в преодоление тех трудностей, которые возникли в ней в связи с обнаружением парадоксов теории множеств.

Именно в связи с парадоксами единодушие, которое раньше существовало среди математиков, сменяется разногласиями по важнейшим принципиальным вопросам математики, и возникает кризис оснований математики.

В поисках выхода из кризиса были предложены новые программы обоснования математики, наиболее радикальной из которых была программа *интуиционистов* во главе с Брауэром. Интуиционисты предложили отказаться от концепции актуальной бесконечности, которая лежит в основе теоретико-множественной, или классической, математики. Они также выступили против неограниченного применения закона исключенного третьего по отношению к бесконечным множествам, поскольку отказались рассматривать бесконечность по аналогии с конечным. Последующее развитие исследований по основаниям математики выявило ряд ценных математических идей в программе интуиционизма, которые были восприняты представителями *конструктивного направления*. Но вместе с тем в этой программе, а в особенности в философии математики, содержался ряд неоправданных претензий и идеалистических спекуляций. Последние касаются прежде всего обращения к некой априорной интуиции, которая гарантирует истинность и содержательность математического знания. Кроме того, в угоду своей доктрине интуиционисты предлагали отказаться от ряда жизненно важных частей современной математики, требуя ограничиться лишь тем, что может быть обосновано интуиционистски. Естественно, что такая, по существу ликвидаторская, тенденция подверглась критике со стороны многих математиков, в том числе и советских.

Так, уже в 1925 г. А. Н. Колмогоров[5] доказал, что существует такая интерпретация классической математики, при которой все ее известные предложения превращаются в предложения интуиционистской математики. Этот результат свидетельствует, таким обра-

[4] *Колмогоров А. Н.* Современная математика.— Там же, с. 13.

[5] См.: *Колмогоров А. Н.* О принципе tertium non datur.— Мат. сб., 1925, № 32.

зом, о том, что и трансфинитные предложения классической математики имеют вполне реальное содержание, поскольку они переводятся в интуиционистские, а интуиционисты всегда рассматривают свою математику как содержательную теорию. В 1925 г. В. И. Гливенко[6] удалось усилить этот результат. Он доказал, что всякая формула, доказуемая в классической логике, допускает доказательство своего двойного отрицания в интуиционистской логике. Если же доказуемо отрицание формулы классически, то оно доказуемо и интуиционистски. Наконец, в 1932 г. А. Колмогоров[7] нашел весьма простое истолкование интуиционистской логики А. Гейтинга, как логики решения задач или проблем.

Позднее, в 40-х годах, проблема парадоксов множеств и логики обстоятельно рассматривалась в работах Д. А. Бочвара и П. С. Новикова[8]. По мнению Д. Бочвара, логические парадоксы возникают за счет присоединения к аксиомам теории множеств некоторых противоречащих им экзистенциальных утверждений. В работе П. Новикова как раз и ставится вопрос о характеристике тех классов предикатов, присоединение которых к логическому исчислению не приводит к противоречиям, а также дается систематический обзор способов образования парадоксов.

Предмет математики. Природа математической абстракции. В связи с широким распространением идеалистических представлений в зарубежной философии математики, вызванных кризисом ее основ, необходимо было дать научное, диалектико-материалистическое определение предмета математики и ее места в системе научного знания. Начиная с 20-х годов эта тема неизменно привлекала внимание советских исследователей. В противовес популярному на Западе расселовскому взгляду на математику как на науку, которая не знает, ни о чем она говорит, ни верно ли то, что она говорит, советские математики защищали материалистический взгляд, согласно которому понятия и теории математики представляют собой отображение определенных сторон, свойств и отношений реального мира. Разумеется, средств домарксовского материализма для обоснования этого взгляда было явно недостаточно, ибо этот материализм в своей основе был метафизическим, не раскрывал диалектики научного познания и относительную самостоятельность развития теории. Но именно этот фактор играет особенно важную роль в математическом исследовании. Поэтому в первых статьях, посвященных определению специфики предмета математики, предпринимаются попытки применить

[6] См.: Sur quelques points de la clogique de M. Brower.— Academie Royale de Belgique, Bulletins de la classe des Sciences. Ser. 5, Vol. 14, p. 225—228.

[7] См.: Zur Deutung der intuitionistischen Logik.— Mathematische Zeitschrift, Bd. 35, S. 58—65.

[8] См.: *Бочвар Д. А.* К вопросу о парадоксах математической логики и теории множеств.— Мат. сб., 1944, № 15/57; *Новиков П. С.* О логических парадоксах.— Докл. АН СССР, 1947, т. 56.

для этого категории и принципы диалектики. Так, например, С. А. Яновская [9], материалистически интерпретируя гегелевскую категорию количества, усматривает сущность математики в исследовании количественных отношений, т. е. отношений, которые в известных границах безразличны к качественной природе предметов, между которыми существуют исследуемые отношения. Такой взгляд давал возможность рассматривать предмет математики с весьма общей точки зрения, но не вскрывал, как закономерно расширялся этот предмет, начиная от изучения простейших количественных отношений, т. е. натуральных чисел и элементарных геометрических фигур, и кончая современными абстрактными структурами и категориями.

А. Колмогоров в обзорной энциклопедической статье восполнил этот пробел [10]. Опираясь на известные высказывания Ф. Энгельса, он на большом фактическом материале из истории математики показал, как в процессе диалектического развития расширялся запас количественных отношений, изучаемых математикой, и как соответственно этому происходило обобщение предмета математики. Эти идеи получили дальнейшее развитие и уточнение в его статьях для второго и третьего изданий Большой Советской Энциклопедии [11]. Весьма существенной является здесь и новая периодизация развития математики, учитывающая качественные изменения в характере исследуемых математикой количественных отношений.

В последней из энциклопедических статей он подчеркивает, что «круг количественных отношений и пространственных форм, изучаемых математикой, чрезвычайно расширяется: в него входят отношения, существующие между элементами произвольной группы, векторами, операторами в функциональных пространствах, все разнообразие форм пространств любого числа измерений и т. п.». При таком широком понимании терминов «количественные отношения» и «пространственные формы» определение математики как науки о количественных отношениях и пространственных формах действительного мира, указывает он, «применимо и на новом, современном этапе ее развития» [12]. Аналогичная точка зрения защищается и А. Д. Александровым [13].

Специфика предмета математики обусловливает и специфику абстракций, используемых в этой науке. Исследованию *особенностей математической абстракции* посвящено значительное число работ, большая часть которых издана в 50—60-х годах. В статьях и книгах С. А. Яновской, А. Д. Александрова, Б. В. Гнеденко, В. Н. Молодшего, Г. И. Рузавина, К. Е. Морозова, О. И. Кедровского, Г. Г. Шля-

[9] См.: *Яновская С. А.* Категория количества у Гегеля и сущность математики.— Под знаменем марксизма, 1928, № 3.

[10] См.: *Колмогоров А. Н.* Математика.—В кн.: БСЭ, 1938, т. 38.

[11] См.: БСЭ. 2-е изд., 1954, т. 26.

[12] См.: *Колмогоров А. Н.* Математика.— В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1974, т. 15.

[13] См.: *Александров А. Д.* Математика.— В кн.: Филос. энцикл., 1964, т. 3.

хина, Н. А. Киселевой, Б. С. Грязнова, С. А. Аветисяна, М. Акперова и других [14] подвергается критике идеалистический взгляд на математические абстракции и вместе с тем вскрывается ограниченность и несостоятельность эмпирических теорий абстракции. Эти теории хотя и рассматривают абстракцию как отражение действительности, но не видят сложного, диалектического характера этого отражения. Между тем в математике абстрагирование никогда не сводится к непосредственному отображению чувственно воспринимаемых свойств, а всегда связано с определенной их схематизацией, а очень часто даже с образованием так называемых идеальных объектов, которые наделяются свойствами, отсутствующими у реальных предметов.

По мере развития математики повышается степень абстрактности ее понятий и теорий. При этом наряду с образованием новых, более глубоких и фундаментальных понятий происходит также обобщение уже существующих понятий. В отличие от естествознания процесс абстрагирования в математике совершается через ряд последовательных ступеней обобщения. Поэтому с известным основанием можно говорить здесь об абстракциях от абстракций. Образование абстракций от абстракций позволяет глубже проникнуть в природу закономерностей, изучаемых математикой. Оно дает возможность выделить более существенные свойства и отношения, которые на первоначальной стадии математического исследования затемнялись изучением более конкретных математических объектов. Такие абстрактные поня-

[14] См.: *Яновская С. А.* Передовые идеи Н. И. Лобачевского — орудие борьбы против идеализма в математике. М., 1950; *Она же.* Проблемы введения и исключения абстракций более высоких (чем первый) порядков. Доклад на симпозиуме в Варшаве. 1961; *Она же.* О так называемых «определениях через абстракцию».— В кн.: Сб. статей по философии математики; *Она же.* О философских вопросах математической логики.— В кн.: Проблемы логики. М., 1963; *Александров А. Д.* Ленинская диалектика и математика.— Природа, 1951, № 1; *Он же.* Общий взгляд на математику.— В кн.: Математика, ее содержание, методы и значение. М., 1956, т. 1; *Гнеденко Б. В.* Две лекции по философским вопросам математики.— Мат. сб., 1953, № 7; *Он же.* Об объективном характере математических понятий.— В кн.: Теоретическое оружие коммунизма. Киев, 1959; *Молодший В. Н.* Очерки по вопросам обоснования математики. М., 1958; *Он же.* Очерки по философским вопросам математики. М., 1969; *Рузавин Г. И.* Значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для критики «математического идеализма».— Вопр. философии, 1959, № 5; *Он же.* О характере математической абстракции.— Вопр. философии, 1960, № 9; *Он же.* О природе математического знания (очерки по методологии математики). М., 1968; *Он же.* Дискуссия по актуальным философским проблемам математики.— Вопр. философии, 1969, № 2; *Морозов К. Е.* Философские вопросы математики. М., 1963; *Кедровский О. И.* Методологические проблемы развития математического познания. Киев, 1977; *Шляхин Г. Г.* Математика и обыкновенная реальность. Ростов, 1977; *Киселева Н. А.* Математические абстракции как отражение действительности.— Филос. науки, 1960, № 2; *Она же.* Математика и действительность. М., 1967; *Грязнов Б. С.* О гносеологической природе абстрактных объектов математики.— Филос. науки, 1963, № 5; *Он же.* О номиналистическом истолковании проблем существования и абстракции в математике.— В кн.: Методологические проблемы современной науки. М., 1964; *Аветисян С. А.* Математика и реальность. Ереван, 1966. На арм. яз.; *Он же.* Соотношение логического и исторического в математике. Ереван, 1973. На арм. яз.; *Акперов М.* Математика и философия. Баку, 1971. На азерб. яз.

тия, как группа, функция, множество и другие, возникают на базе обобщения свойств математических объектов различных математических теорий, но, раз возникнув, они позволяют глубже изучить как первоначальные, так и вновь создаваемые теории. Эта диалектика в развитии математики имеет существенное значение для правильного понимания особенностей математического познания.

С анализом математических абстракций непосредственно связана *проблема существования в математике*, которая привлекала внимание ученых, начиная еще с античной эпохи.

В каком смысле можно говорить о существовании математических объектов и какие критерии дают возможность отличать плодотворные понятия от бессмысленных? — вот основные вопросы, вокруг которых ведутся дискуссии между так называемыми номиналистами и платонистами не только в прошлом, но и теперь.

В последние годы в связи с парадоксами теории множеств и логики все сильнее проявляется тенденция к номиналистической интерпретации математики (исследования Куайна, Гудмэна и др.).

Номиналисты правильно подмечают, что та чрезвычайная свобода обращения с абстракциями, на которой настаивают платонисты, чревата серьезными последствиями. Однако игнорирование ряда эффективных методов абстрагирования и построение математики на чисто номиналистической основе внушают не меньшую тревогу. К сожалению, в нашей литературе по философии математики эти вопросы не получили еще должной разработки. Общая характеристика современного номинализма дается в статьях Б. С. Грязнова [15], а обзор различных попыток решения проблемы существования в математике рассматривается в книгах Г. Рузавина, А. Нысанбаева и Г. Шляхина [16].

Конструктивное обоснование математики. Пожалуй, ни одна другая проблема не играет такой фундаментальной роли в обосновании и развитии математики, как проблема бесконечности. Недаром математику иногда называют наукой о бесконечном. Во всяком случае, с того самого времени, когда было осознано, что ряд натуральных чисел может быть продолжен неограниченно, идея бесконечности прочно входит в математику.

С различной трактовкой понятия математической бесконечности связаны разные подходы к обоснованию математики. Действительно, если в теоретико-множественной, или классической, математике бесконечные множества рассматриваются по аналогии с конечными множествами, т. е. бесконечность выступает как нечто завершенное, готовое, или актуальное, то в интуиционистской и конструктивной математике она рассматривается в процессе становления, т. е. в потенциальной форме.

[15] См.: *Грязнов Б. С.* О номиналистическом истолковании проблем существования и абстракция в математике.— В кн.: Методологические проблемы современной науки.

[16] См.: *Рузавин Г. И.* О природе математического знания. М., 1968; *Нысанбаев А., Шляхин Г.* Развитие познания и математика. Алма-Ата, 1971.

Различные понятия математической бесконечности с конца 40-х годов подробно анализировались в работах сторонников конструктивного направления в математике, возглавляемого А. А. Марковым. В работах А. Маркова, Н. А. Шанина [17] и их учеников детально обсуждается гипотеза о потенциальной осуществимости и подвергается критике концепция актуальной бесконечности. Опираясь на эту гипотезу и руководствуясь конструктивным пониманием математических суждений, школа А. Маркова успешно разрабатывает свое оригинальное направление в обосновании математики. Хотя в математическом отношении весь конструктивизм возникает на той же критической основе, что и интуиционизм, в целом он существенно отличается от последнего. Эти отличия касаются прежде всего отказа от туманного понятия «свободно становящейся последовательности» интуиционистов и от той роли, которую в конструктивизме играет понятие алгорифма. Отсутствие точного понятия алгорифма, по мнению А. Маркова, было главным препятствием к разработке конструктивной математики. В школе А. Маркова для построения такой математики используется понятие нормального алгорифма, которое хотя и эквивалентно другим определениям, но чрезвычайно удобно в техническом отношении. Кроме того, в отличие от других школ конструктивизма здесь принимается выдвинутый А. Марковым «логический» критерий и вытекающий из него принцип конструктивного подбора [18]. В тех случаях, когда нельзя непосредственно убедиться в применимости алгорифма, можно обосновать такую применимость путем приведения к нелепости предположения о его неприменимости. Но этот логический принцип признается не всеми конструктивистами.

Представители конструктивного направления в нашей стране немало сделали для анализа важнейших вопросов методологии математики. А. Маркову и Н. Шанину принадлежит, в частности, четкое выяснение двух основных видов абстракций — абстракций отождествления и потенциальной осуществимости, на которых базируются все исходные понятия математики. Опираясь на абстракцию потенциальной осуществимости и на конструктивное понимание математических суждений, они подвергали аргументированной критике концепцию актуальной бесконечности теоретико-множественной математики.

Наконец, нельзя не отметить и убедительную критику сторонниками советского конструктивного направления ошибочных философских позиций своих предшественников-интуиционистов. В этой кри-

[17] См.: *Марков А. А.* Теория алгорифмов.— Тр. Мат. ин-та им. В. А. Стеклова, 1954, т. 43. *Он же.* О конструктивной математике.— Там же, М., 1962, т. 67; *Шанин Н. А.* О некоторых проблемах математики.— Там же, т. 43; *Он же.* Конструктивные вещественные числа и конструктивные функциональные пространства. Там же, т. 67.

[18] Подробнее см.: *Цейтин Г. С., Заславский И. Д., Шанин Н. А.* Особенности конструктивно-математического анализа.— В кн.: Международный конгресс математиков: Тезисы докладов по приглашению. М., 1966.

тике главное внимание обращается на ненаучность и философскую несостоятельность исходного понятия интуиционистской школы — понятия праинтуиции, или первородной интуиции. По мнению школы Брауэра, именно интуитивная очевидность и ясность служат источником образования математических идей и единственно надежным критерием их истинности. Возражая против этого, А. Марков справедливо замечает, что такой «критерий означает полное торжество субъективизма и идет вразрез с пониманием науки как вида общественной деятельности»[19].

Теоретико-познавательные и логические проблемы, связанные с рассмотрением различных типов абстракций осуществимости и математической бесконечности, обсуждаются в книге Ю. А. Петрова[20]. Анализу философских проблем конструктивной математики посвящена книга В. Н. Тростникова[21].

Проблемы аксиоматизации и формализации математики. Наряду с конструктивным обоснованием математики в работах советских ученых продолжали разрабатываться также трудные проблемы, связанные с аксиоматическим обоснованием теории множеств, в частности в русле тех идей, которые были выдвинуты Д. Гильбертом. Известно, что первоначальная программа Д. Гильберта после доказательства К. Гёделем двух его знаменитых теорем оказалась несостоятельной. Действительно, К. Гёдель показал, что непротиворечивость достаточно богатых формальных систем нельзя доказать средствами, формализуемыми в рамках самих этих систем. А именно такими являются финитные средства, используемые в гильбертовской математике. Но можно попытаться доказать такую непротиворечивость, используя для этого более сильные логические средства, чем те, которые допускаются первоначальной гильбертовской программой. Именно на этом пути П. Новикову независимо от Г. Генцена удалось доказать непротиворечивость формализованной арифметики. Оценивая в связи с этим программу Д. Гильберта, П. Новиков подчеркивает, что «нет никаких оснований предполагать, что границы, которые кладет финитизм Гильберта, действительно необходимы для того, чтобы исключить вызывающие сомнения элементы математического мышления. Возможен дальнейший анализ предмета математики и выделение в нем надежных непротиворечивых средств, выходящих за рамки финитизма и все же достаточно сильных для того, чтобы решать интересующие нас вопросы»[22].

В последние годы в связи с бурным развитием вычислительной математики и кибернетики проблема формализации не только ма-

[19] *Марков А. А.* О конструктивной математике.— Тр. Мат. ин-та им. В. А. Стеклова, т. 67, с. 11.

[20] См.: *Петров Ю. А.* Логические проблемы абстракций бесконечности и осуществимости. М., 1967.

[21] См.: *Тростников В. Н.* Конструктивные процессы в математике (философский аспект). М., 1975.

[22] *Новиков П. С.* Элементы математической логики. М., 1959, с. 36.

тематического, но и научного знания вообще приобретает весьма актуальное значение. Между тем среди части наших философов существовала явная недооценка логико-математических методов исследования, а сама формализация научного знания зачастую квалифицировалась чуть ли не как возврат к механицизму. Поэтому, начиная со второй половины 50-х годов в советской литературе по философии и логике появилось немало статей, в которых освещались проблемы сущности и значения формализации, роли аксиоматического метода в математике и других науках, вопросы построения искусственных научных языков и др. Большая заслуга в пропаганде идей математической логики среди философов, лингвистов и представителей других гуманитарных наук принадлежит С. Яновской.

Правильная теоретико-познавательная оценка аксиоматического метода и роли аксиом в развитии математики имеет важнейшее значение не только для понимания сущности математического познания, но и для критики формалистической философии математики и идеалистических спекуляций по поводу чисто имманентного развития математики.

Аксиоматический метод, возникший еще в античной математике, претерпел значительную эволюцию. Если у Евклида аксиомы геометрии представляют описание некоторых свойств физического пространства, т. е. допускают одну-единственную интерпретацию, то постепенно становилось все более очевидным, что этим аксиомам могут удовлетворять и другие системы объектов. Утверждению такого взгляда на аксиомы во многом способствовали исследования по неевклидовым геометриям, начатые Н. И. Лобачевским. Наиболее ясно этот взгляд был выражен Д. Гильбертом в его «Основаниях геометрии». Наконец, на современной стадии развития, особенно при исследовании оснований математики, стали говорить о формализованных аксиоматических системах, т. е. знаковых системах, в которых одни формальные выражения получаются из других (что соответствует выводу теорем из аксиом) по точно установленным правилам. В связи с этим старый взгляд на аксиомы как на самоочевидные утверждения был радикально пересмотрен. Вместо очевидности от системы аксиом стали требовать, чтобы она была непротиворечивой, а если возможно, то и независимой и полной. Требование непротиворечивости является совершенно необходимым критерием, ибо противоречивая система не может иметь реализации.

В абстрактных и формализованных аксиоматических системах по-новому приходится решать вопрос о реальном содержании и применении этих систем и их истинности.

Для идеалистически мыслящих ученых «аспекты экспериментальной деятельности как будто в результате предопределения укладываются в некоторые из этих (аксиоматических.— *Авт.*) форм»[23]. Такого рода подход к аксиоматическим системам весьма

[23] *Бурбаки Н.* Очерки по истории математики. М., 1965, с. 258—259.

распространен за рубежом. Очевидно, что ни эмпирическая, ни метафизико-материалистическая философия не может правильно объяснить эти факты и в итоге оказывается бессильной против идеализма.

Еще в 30-х годах С. Яновская в статьях, а позднее в книге «Передовые идеи Н. И. Лобачевского — орудие борьбы против идеализма в математике» рассмотрела вопрос об изменении роли аксиом в современном математическом познании. Опираясь на принцип единства исторического и логического, конкретного и абстрактного марксистской гносеологии, она вскрыла большую эвристическую ценность абстрактных и формальных аксиоматических систем, а также возможность их широкого применения для исследования объектов самой различной конкретной природы. Проблеме возникновения и развития аксиоматического метода была посвящена статья В. Н. Молодшего в упоминавшемся «Сборнике статей по философии математики» (1936).

В 40-х годах вопросы о природе аксиом и в особенности о применении различных геометрических систем для изучения реального мира подробно обсуждались в статьях наших ведущих математиков — А. Н. Колмогорова, П. С. Александрова, В. Ф. Кагана и др.— в связи с юбилеем Н. И. Лобачевского[24].

Советским математикам принадлежат выдающиеся работы по *аксиоматическому обоснованию теории вероятностей.* До начала нашего века эта теория многими учеными рассматривалась как естественнонаучная дисциплина о количественных закономерностях массовых случайных явлений. Между тем выяснилось, что с помощью законов этой теории можно описывать и другие явления. Поэтому перед математиками встала задача — точно выявить те исходные аксиомы, с помощью которых можно было бы чисто логически построить теорию вероятностей.

Первая работа по аксиоматизации теории вероятностей принадлежит С. Н. Бернштейну[25]. Его система построена на качественном сравнении событий по их большей или меньшей вероятности. Сама вероятность здесь появляется в качестве производного понятия, а именно численного коэффициента, приписываемого высказыванию о событии. Для применения теории необходимо, чтобы математическая вероятность давала нам «возможно более точную характеристику того, в какой степени на основании имеющихся данных следует ожидать наступления некоторого события, т. е., другими словами, в какой мере объективные данные предопределяют это наступление»[26].

[24] *Александров П. С., Колмогоров А. Н.* Лобачевский Н. И. М., 1948; *Александров П. С.* Николай Иванович Лобачевский: (Краткий очерк жизни и деятельности).— В кн.: Н. И. Лобачевский. М., 1943; *Каган В. Ф.* Лобачевский. М., 1948.

[25] См.: *Бернштейн С. Н.* Опыт аксиоматического обоснования теории вероятностей.— В кн.: Бернштейн С. Н. Собр. соч. М., 1964, т. IV.

[26] Там же, с. 53—54.

При построении своей аксиоматики С. Бернштейн ставил целью прежде всего систематизировать теорию вероятностей, четко выделив исходные предпосылки теории. Позднее перед математиками встала новая задача: необходимо было показать, что теория вероятностей является равноправной математической дисциплиной. В этих целях следовало построить и обосновать ее на общепринятом в математике теоретико-множественном фундаменте. В 30-х годах было предложено несколько аксиоматических систем такого рода, из которых наиболее удачной оказалась система, предложенная А. Колмогоровым [27]. В качестве исходного здесь берется понятие множества «элементарных событий». Случайные же события определяются как множество подмножеств элементарных событий, а существование их вероятностей постулируется соответствующей аксиомой.

Аксиоматическая система теории вероятностей А. Колмогорова стала сейчас общепринятой в мировой математике. Ее достоинства состоят не только в простоте и в широкой применимости для изучения реальных явлений. Она связала теорию вероятностей с теорией меры и метрической теорией функций. Тем самым было показано, что теория вероятностей является такой же равноправной математической дисциплиной, как, скажем, евклидова геометрия. Такой подход был направлен против концепции немецкого математика и философа Р. Мизеса, рассматривавшего теорию вероятностей как естественнонаучную дисциплину.

Советскими учеными была подвергнута критике частотная концепция вероятности Р. Мизеса, которая в философском отношении опиралась на субъективный идеализм махистского толка и содержала математически некорректные утверждения. Аргументированный анализ и критика концепции Мизеса были даны в работе видного советского математика А. Я. Хинчина [28]. Диалектико-материалистическое освещение вопроса о применении понятия вероятности к реальному миру кратко обсуждается также в упоминавшейся книге А. Колмогорова.

Философские проблемы теории вероятностей, в частности относящиеся к гносеологической характеристике категории вероятности и возможности, к анализу различных интерпретаций вероятности, к роли вероятностных и статистических закономерностей, затрагивались также в работах ряда советских математиков, физиков и философов. В последнее десятилетие интерес к ним возрос в связи с исследованием проблем вероятностной логики, теории индукции, логики эмпирического знания, а также теории информации и кибернетики.

В 50-х годах в связи с бурным развитием вычислительной математики и кибернетики в философской литературе большое внимание

[27] См.: *Колмогоров А. Н.* Основные понятия теории вероятностей. М.; Л., 1936.
[28] См.: *Хинчин А. Я.* Частотная теория Р. Мизеса и современные идеи теории вероятностей.— Вопр. философии, 1961, № 1/2.

начинает уделяться проблемам формализации научного знания, а также гносеологическим проблемам семиотики как общей теории знаковых систем.

Различные аспекты формализации научного знания рассматривались в статьях Е. К. Войшвилло, В. А. Смирнова, А. Л. Субботина, Г. И. Рузавина, В. Н. Садовского, Д. П. Горского, Б. В. Бирюкова, М. В. Поповича и многих других авторов.

Большое философское значение имеют и специальные математические исследования по алгорифмической неразрешимости различных математических проблем, выполненные в последние десятилетия советскими учеными. После того как было установлено точное понятие алгорифма, стало возможным доказывать существование алгорифмически неразрешимых проблем сначала в области математической логики, а затем и самой математики.

В 1947 г. А. А. Марков и американский математик Э. Пост обратили внимание на подгруппы (ассоциативные системы) с алгорифмически неразрешимой проблемой тождества. Значительным достижением в этой области является доказательство П. Новиковым неразрешимости проблемы тождества слов в теории групп[29].

Совсем недавно Ю. В. Матиясевич показал алгорифмическую неразрешимость знаменитой 10 проблемы Гильберта, которая ждала своего разрешения почти 70 лет.

Доказательства существования алгорифмически неразрешимых проблем в математике наглядно свидетельствуют о невозможности полной «машинизации» человеческого интеллекта и, таким образом, делают беспочвенными заявления некоторых зарубежных кибернетиков о полной замене интеллектуальной деятельности человека вычислительной машиной.

Работы по историко-философским проблемам математики. Философские проблемы математики часто затрагиваются и в исследованиях, посвященных истории математики. Это вполне понятно, ибо без определенной философской концепции невозможно объяснить соответствующие исторические факты. Это в особенности проявляется при характеристике переломных эпох в развитии математики.

Попытке объяснения особенностей математики древних атомистов была посвящена книга С. Я. Лурье[30]. Специфика математики древних вавилонян исследовалась в работе М. Я. Выгодского[31]. Авторы этих работ попытались обсудить и оценить весь доступный им историко-математический материал с позиций методологии марксизма и в результате пришли к очень интересным выводам, которые по-новому трактуют некоторые факты из истории античной математики.

[29] См.: *Новиков П. С.* Об алгорифмической неразрешимости проблемы тождества слов в теории групп.— Тр. Мат. ин-та им. В. А. Стеклова, 1965, т. 44.

[30] См.: *Лурье С. Я.* Теория бесконечно малых у древних атомистов. М.; Л., 1935.

[31] См.: *Выгодский М. Я.*— Успехи мат. наук, 1940, вып. 7; 1941, вып. 8.

В послевоенные годы методологические проблемы в античной математике анализировались в работах И. Г. Башмаковой[32].

Особенно большое внимание советские историки математики уделили методологическим проблемам, связанным с возникновением и началом развития анализа бесконечно малых. Здесь в первую очередь следует отметить работы А. П. Юшкевича, С. А. Яновской, Н. Н. Лузина, А. Н. Колмогорова и др.[33]

Непосредственно к этой тематике относится и работа по расшифровке «Математических рукописей» К. Маркса, проделанная коллективом математиков под руководством С. Яновской. Этот труд Маркса был опубликован на русском языке и языке оригинала накануне 150-летия со дня рождения К. Маркса, в 1968 г.

Подойдя к анализу возникновения и развития дифференциального исчисления с позиций материалистической диалектики, К. Маркс подробно обосновывает положение о том, что новое исчисление было подготовлено предшествующим развитием элементарной математики. В этой связи он неоднократно возвращается к идее об алгебраических корнях дифференциального исчисления[34]. Освещению этой черты «Математических рукописей» были посвящены статьи С. Яновской и К. А. Рыбникова, Л. П. Гокиели[35].

Прослеживая диалектику развития дифференциального исчисления из алгебраического, К. Маркс предлагает рассматривать возникшее дифференциальное исчисление как более высокую ступень алгебраического. При этом процессе, который он характеризует как «оборачивание метода», дифференциал выступает как некоторый оперативный символ или «стратегема действий». Такой подход, значение которого выяснилось лишь полвека спустя, значительно опередил развитие математики. Как оказалось впоследствии, подобное определение дифференциала в противовес обычному находит более широкое применение в современном функциональном анализе. Выяснению этого вопроса была посвящена статья В. И. Гливенко[36].

[32] См.: *Башмакова И. Г.* Лекции по истории математики в Древней Греции.— В кн. Историко-математические исследования. М., 1958, вып. 11.

[33] См.: *Юшкевич А. П.* Английская философия эмпиризма и теория флюксий.— В кн.: Тр. второго Всесоюз. мат. съезда. М., 1936, т. 2; *Он же.* Размышления о метафизике бесконечно малых. М., 1936; *Яновская С. А.* Геометрия Декарта.— Фронт науки и техники, 1937, № 6; *Она же.* Мишель Ролль как критик анализа бесконечно малых.— Тр. Ин-та истории естествознания, 1947, № 1; *Лузин Н. Н.* И. Ньютон как математик и натуралист.— Природа, 1943, № 3/4; *Он же.* Ньютонова теория пределов.— В кн.: И. Ньютон. М.; Л., 1943; *Колмогоров А. Н.* Лобачевский и математическое мышление XIX в.— В кн.: Николай Иванович Лобачевский. М.; Л., 1943; *Он же.* Ньютон и математическое мышление.— В кн.: Московский университет. Памяти Ньютона. М., 1946.

[34] См.: *Маркс К.* Математические рукописи. М., 1968.

[35] См.: *Яновская С. А.* О математических рукописях Маркса.— Под знаменем марксизма, 1933, № 11; *Рыбников К. А.* Об алгебраических корнях дифференциального исчисления.— В кн.: Историко-математические исследования, вып. 11; *Гокиели Л. П.* Математические рукописи Карла Маркса и вопросы обоснования математики. Тбилиси, 1947.

[36] См.: *Гливенко В. И.* Понятие дифференциала у Маркса и Адамара.— Под знаменем марксизма, 1934, № 5.

В связи с выходом в свет «Математических рукописей» К. Маркса в нашей литературе был опубликован ряд статей и рецензий, в которых освещаются разные аспекты этой работы [37]. Философский анализ ряда проблем истории отечественной математики дается в изданном на Украине фундаментальном труде «История отечественной математики» [38], а также в книге Б. В. Пясковского [39].

В ближайшие годы внимание математиков и философов, вероятно, будет привлечено в первую очередь к проблемам абстрактных структур и категорий в математике, взаимоотношения содержательного и формального аспектов исследования, роли аксиоматического и конструктивного методов. Неизменной опорой для них в этой работе являются труды основоположников марксизма-ленинизма.

2
Кибернетика

На рубеже 40-х и 50-х годов возникло и стало быстро развиваться новое научное направление — кибернетика. Его появление было вызвано запросами науки, техники, производства и других сфер жизни общества. Рост масштабов, темпов, скоростей и сложности процессов управления в производстве, операций в области связи и на транспорте, в военном деле, в хозяйственной, политической и иной деятельности — все это поставило проблему эффективности управления (с точки зрения точности, оперативности, надежности, экономичности и других показателей).

Возникновение кибернетики было подготовлено, с одной стороны, развитием ряда направлений современной техники и производства, таких, как проектирование, создание и применение сложных автоматов, прогрессом в механизации физического и умственного труда, в автоматизации производства, развитии электроники, а с другой — прогрессом наук о жизни и психике, исследованиями школы И. М. Сеченова и И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. Комплекс математических идей и теорий, и прежде всего математической логики и теории алгоритмов, стал существенной теоретической предпосылкой кибернетики, ее концептуального и формального аппарата. Особое значение для оформления кибернетики в самостоятельную дисциплину имело появление быстродействующих электронных универсальных цифровых вычислительных машин с программным управлением. Работы по созданию таких машин

[37] См.: *Молодший В. Н.* К. Маркс. Математические рукописи.— Вестн. АН СССР, 1968, № 7; *Розов Н. Х.* Математические рукописи Карла Маркса.— Успехи мат. наук, 1968, т. 23, вып. 5 (143); *Рузавин Г. И.* Математические рукописи К. Маркса и некоторые проблемы методологии математики.— Вопр. философии, 1968, № 12; *Рыжик А. А.* Математические рукописи Маркса: (К 150-летию со дня рождения Карла Маркса).— Природа, 1968, № 5.

[38] См.: История отечественной математики: В 4-х т. Киев, 1967.

[39] См.: *Пясковский Б. В.* Роль математических традиций в развитии отечественной математики. Киев, 1973. На укр. яз.

начались в 40-х годах в США, Англии, СССР и других странах мира. Первые быстродействующие цифровые машины вступили в строй в 1944—1950 гг.

Основные идеи кибернетики как особого научного направления были сформулированы математиком Н. Винером, сотрудничавшим с рядом физиологов, психологов и инженеров. В 1948 г. Винер опубликовал книгу «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине». Вклад в становление кибернетики внесли такие зарубежные ученые, как К. Шеннон, Дж. фон Нейман, А. Тьюринг, У. Р. Эшби.

Развитие кибернетики в СССР. Идеи кибернетики в СССР прошли сложный путь развития. После того как кибернетика стала в нашей стране признанным и важным направлением, стало ясно, что на нее следует смотреть как на преемницу идей научной организации труда и управления, сформулированных В. И. Лениным. Как известно, В. И. Ленин уже в первые месяцы Советской власти выдвинул задачу научной организации труда и управления. Гражданская война и ее последствия задержали работу по НОТ. И лишь через пять лет В. И. Ленин вновь вернулся к этим вопросам. В статье «Лучше меньше, да лучше» он требовал энергичных мер по совершенствованию государственного аппарата молодой республики. В стране возникло общественное движение за повышение эффективности труда и управления. Образовались коллективы для разработки теоретических проблем и практического применения научной организации труда.

Наряду с практической работой в области НОТ в 20-х и 30-х годах делались попытки научной разработки проблем управления и теории организации. Одной из них явился труд А. А. Богданова (Малиновского) «Всеобщая организационная наука (тектология)». В нем содержались плодотворные идеи, однако работа А. Богданова в целом не получила распространения. В ней имелись методологически несостоятельные положения, не способствующие обоснованию организационной науки.

Подготовке кибернетики в нашей стране прежде всего послужили работы ученых, принадлежащих к русской и советской школам математиков и инженеров, таких, как И. А. Вышнеградский, А. М. Ляпунов, А. А. Андронов. Н. Винер ссылается на работы А. Н. Колмогорова, А. Н. Крылова, Н. Н. Боголюбова, И. П. Павлова. Эти ученые своими работами способствовали развитию идей и теорий, влившихся впоследствии в цикл кибернетических дисциплин. В частности, выдающийся вклад в математические основы кибернетики внес А. Колмогоров. Большое значение имели также труды отечественных специалистов в области теории автоматического регулирования.

Особо следует сказать о значении физиологической школы И. М. Сеченова и И. П. Павлова для оформления биологических аспектов кибернетики. Благодаря традициям этой школы киберне-

тические идеи в науке о жизни получили в СССР быстрое признание и развитие.

Кибернетика — это прежде всего горнило идей. Многие из них, такие, как, например, понятие обратной связи, имеют солидную «докибернетическую» историю. В истории отечественной науки идею обратной связи высказал применительно к коррекции поведения животных и человека И. М. Сеченов. В более явной и четкой форме ее выдвинул Н. А. Белов (1911), который считал, что именно наличие «параллельно-перекрестной» (т. е., как мы сказали бы теперь, обратной) связи в живом организме обеспечивает его устойчивость. В дальнейшем большое значение в интересующем нас плане имели работы П. К. Анохина и Н. А. Бернштейна, заложивших основы «физиологии активности» и применявших в своих исследованиях математические методы. Речь прежде всего идет о появившихся в 1935 г. работах Н. Бернштейна «Проблема взаимоотношения координации и локализации» и П. Анохина «Проблема центра и периферии в современной физиологии нервной деятельности», предвосхищавших биокибернетические идеи. В частности, в концепции П. Анохина большую роль играло понятие нейрофизиологической обратной связи, которую он назвал «обратной афферентацией».

На первых порах развития кибернетики как в нашей стране, так и за рубежом эта наука не всегда оценивалась правильно. В странах Запада всякого рода популяризаторы, любители сенсаций подняли вокруг нее рекламную шумиху; появились статьи о неизбежности наступления «эры роботов», о грядущем вытеснении людей кибернетическими машинами. В этих условиях некоторые советские философы и математики перенесли на кибернетику то отрицательное отношение, которое вызывали к себе упомянутые выше неоправданные выводы из развития кибернетики и электронно-вычислительной техники.

Положение изменилось начиная с середины 50-х годов[40]. В 1959 г. распоряжением Президиума АН СССР была создана комиссия для разработки перспективного плана по проблеме «Основные вопросы кибернетики». В том же году Президиум АН СССР создал Научный совет, на который была возложена координация исследований по комплексной проблеме «Кибернетика», ведущихся в СССР. Председателем Научного совета стал А. И. Берг. В 1962 г. в составе совета была создана Секция философских (впоследствии методологических) вопросов кибернетики.

Создание Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР и его различных секций происходило в обстановке всесторонних обсуждений проблем и направлений исследований по кибернетике и ее приложений, что нашло свое

[40] См.: *Соболев С. Л., Китов А. И., Ляпунов А. А.* Основные черты кибернетики.— Вопр. философии, 1955, № 4.

выражение в труде «Кибернетику — на службу коммунизму» (М., Л., 1961).

В 60-х годах кибернетика превратилась в одно из главнейших направлений научного прогресса в нашей стране. Исследования в ее области и связанных с ней наук возглавили такие ученые, как А. И. Берг, В. М. Глушков, Б. В. Гнеденко, Р. Л. Добрушин, А. Н. Колмогоров, А. А. Ляпунов, А. А. Марков, В. В. Парин, Б. Н. Петров, В. А. Трапезников, С. В. Яблонский и др. Кибернетика стала теоретическим фундаментом комплексной автоматизации производственных процессов. Большую роль она играет в научно-технической революции, в построении материально-технической базы коммунизма.

Начиная с середины 50-х годов была проведена большая работа по гносеологическому анализу и диалектико-материалистическому обоснованию кибернетики, по критике идеалистических философских выводов, которые делались из достижений кибернетики в буржуазной литературе. Исследования советских ученых охватили, правда с различной степенью полноты, широкий спектр направлений в области философской проблематики кибернетики[41]. Был издан ряд книг, в которых нашли освещение многие методологические и мировоззренческие вопросы кибернетики: «Философские вопросы кибернетики» (М., 1961), «Кибернетика, мышление, жизнь» (М., 1961), «Кибернетику — на службу коммунизму» (М., 1967, т. 5), «Кибернетика и современное научное познание» (М., 1976), «Управление, информация, интеллект» (М., 1976), «Кибернетика и диалектика» (М., 1978). Многие философские вопросы кибернетики нашли освещение в «Философской энциклопедии» (1960—1970).

Философскими проблемами кибернетики занимались В. Г. Афанасьев, Н. Т. Абрамова, Л. Б. Баженов, Б. В. Бирюков, В. А. Бокарев, Е. С. Геллер, К. Е. Морозов, И. Б. Новик, В. Н. Свинцицкий, А. Г. Спиркин, В. С. Тюхтин, А. И. Уемов, Б. С. Украинцев, А. Д. Урсул, С. М. Шалютин, В. А. Штофф и др.

В 60-х и 70-х годах был издан ряд монографических работ, специально посвященных философским проблемам кибернетики[42].

[41] Обзор и анализ основных философских проблем кибернетики см.: *Парин В. В., Бирюков Б. В., Геллер Е. С., Новик И. Б.* Проблемы кибернетики. М., 1969. Систематические обзоры разработки философских вопросов кибернетики даны в продолжающемся издании «Информационные материалы кибернетики»: (АН СССР. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»). М., 1967, № 5, 11; 1967, № 19а; 1969, № 32а; 1970, № 11/12; 1972, № 8 (55); 1978, № 1(101) и др.

[42] См.: *Новик И. Б.* Кибернетика.— В кн.: Философские и социологические проблемы. М., 1963; *Тюхтин В. С.* О природе образа: (Психическое отражение в свете идей кибернетики). М., 1963; *Веккер Л. М.* Восприятие и основы его моделирования. М., 1964; *Моисеев В. Д.* Центральные идеи и философские основы кибернетики. М., 1965; *Новик И. Б.* О моделировании сложных систем. М., 1965; *Жуков Н. И.* Информация: (Философский анализ информации — центрального понятия кибернетики). Минск, 1966; 2-е изд. Минск, 1971; *Он же.* Философские основы кибернетики. Минск, 1973; *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966; *Мартынов В. В.* Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966; *Петрушенко Л. А.* Принцип обратной связи. М.,

В 1964 г. вышел 2-й том «Избранных трудов» А. Берга, в котором помещены основные его работы по методологическим вопросам кибернетики. Важное значение имели и переводы книг представителей философской мысли социалистических стран: И. Земана «Познание и информация» (М., 1966), Г. Клауса «Кибернетика и философия» (М., 1963) и «Кибернетика и общество» (М., 1967). Философские вопросы кибернетики обсуждались на двух Всесоюзных конференциях, которые состоялись в Москве в 1962 и 1970 гг.[43]

В ходе анализа теоретико-познавательной роли фундаментальных принципов и понятий кибернетики было показано, сколь многообещающим для философии является рассмотрение, например, таких вопросов и понятий, как природа информации, цель и целенаправленность, соотношение детерминизма и телеологии, дискретного и непрерывного, детерминистского и вероятностного подходов в кибернетике. Вместе с тем стало очевидно, что для развития кибернетики немаловажное значение имеет корректное применение к ней ряда фундаментальных философских принципов и понятий. Среди этих последних наиболее существенными являются понятие отражения, принцип материального единства мира, единства теории и практики, принцип формального и содержательного подходов в познании.

Из чисто кибернетической постановки задач родилась философская проблема взаимоотношения управления и информации, в ходе исследования которой были обоснованы принципиальные положения о единстве управления и информационных процессов. Из результатов развития математического фундамента кибернетики (а также математической логики, лингвистики и семиотики) родилась обширная философская проблематика, относящаяся к понятиям изоморфизма и подобия, интерпретации и модели, знака и знаковой системы,— проблематика, разработка которой важна для теории отражения, для уяснения некоторых сторон гносеологического понятия образа.

Предмет кибернетики и ее основные понятия. В советской философской литературе прежде всего обсуждались и разрабатывались вопросы о предмете кибернетики и ее значении, ее исходные понятия и принципы. Было показано, что кибернетика не сводится

1967; *Пушкин В. Н.* Эвристика — наука о творческом мышлении. М., 1967; *Урсул А. Д.* Природа информации. М., 1968; *Украинцев Б. С.* Отображение в неживой природе. М., 1969; *Урсул А. Д.* Информация. Методологические аспекты. М., 1971; *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; *Украинцев Б. С.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972; *Урсул А. Д.* Отражение и информация. М., 1973; *Гришкин И. И.* Понятие информации. М., 1973; *Бирюков Б. В., Геллер Е. С.* Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973; *Бирюков Б. В.* Кибернетика и методология науки. М., 1974; *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке (философские очерки). М., 1975; *Абрамова Н. Т.* Целостность и управление. М., 1974.

[43] См.: Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964; Методологические проблемы кибернетики (Материалы к Всесоюзной конференции). М., 1970. Т. I, II.

к классической теории автоматического регулирования. Она представляет собой общую теорию управления, распространяющуюся на системы живой природы, общества и техники. Главное в кибернетике — это исследование структуры функций сложных динамических систем, а также их разработка. В работах некоторых ученых кибернетика определялась преимущественно как наука о сложных стохастических системах[44]. Берг дал определение кибернетики как науки об оптимальном управлении сложными динамическими системами[45]. Советскими специалистами кибернетика трактуется не просто как наука об общих принципах управления и переработки информации, но и как наука о системах управления и их реализации в технике, человеческом обществе, в живых организмах. Этой трактовке соответствует подразделение кибернетики на теоретическую (исходные понятия, общие принципы и математические методы), техническую (конструирование и эксплуатация технических средств, применяемых в управляющих и информационно-вычислительных устройствах) и прикладные аспекты кибернетики. К последним относятся приложения теоретической и технической кибернетики к решению задач, относящихся к конкретным системам управления в различных областях человеческой деятельности. Осмысление и приложение основных идей, принципов и результатов кибернетики к наукам о живой природе и обществе породили соответствующие разделы этих наук (биокибернетика, медицинская кибернетика, экономическая и т. п.).

Некоторыми советскими философами дается расширенное толкование кибернетики, связанное с распространением ее основных понятий, и прежде всего понятия управления, на область неорганической природы[46]. В работах других авторов обосновывается иная точка зрения, а именно, что понятия кибернетики имеют реальный, а не условный смысл лишь применительно к системам живой природы, общества и его продукту — кибернетической технике[47]. В области же неорганической природы существуют лишь предпосылки и внешние аналоги процессов переработки информации и саморегу-

[44] См.: *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М., 1959; *Бир Ст.* Кибернетика и управление производством. 2-е изд. М., 1965; *Ивахненко А. Г.* Кибернетические системы с комбинированным управлением. Киев, 1966; *Налимов В. В.* Теория эксперимента. М., 1971; и др.

[45] См.: *Берг А. И.* Проблемы управления и кибернетики.— В кн.: Философские вопросы кибернетики. М., 1961; *Он же.* Кибернетика и научно-технический прогресс.— В кн.: Биологические аспекты кибернетики. М., 1962; *Он же.* Кибернетика — наука об оптимальном управлении. М.; Л., 1964.

[46] См.: *Новик И. Б.* Кибернетика и проблемы познания взаимосвязи природных явлений и преобразования природы.— В кн.: Взаимодействие наук при изучении Земли. М., 1963; *Петрушенко Л. А.* Принцип обратной связи. М., 1967; *Он же.* Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971; *Куражковская Е. А., Иванов И. В., Самойлов Л. Н.* Элементы информационного регулирования в системах неживой природы.— В кн.: Методологические проблемы кибернетики; и др.

[47] См.: *Дубровский Д. И.* Психические явления и мозг. М., 1971.

лирования. Сохранение и преобразование тел неживой природы подчиняются законам физики и химии, но не кибернетики.

Обе точки зрения сходятся в том, что достаточно широкая сфера применения кибернетических методов в деле переработки и использования информации в управлении и самоорганизации способствует ее проникновению в науки о живой природе и обществе, изменению стиля и характера научных исследований в этих областях, сближению естественных и общественных наук.

В советской философской литературе обсуждались и более частные вопросы, связанные с пониманием предмета кибернетики, такие, как воздействие кибернетики на взаимосвязь наук[48], место изучаемых в кибернетике процессов в системе форм движения материи[49], вопрос о соотношении в кибернетике функционального, информационного и субстратного подходов и др.

С осмыслением предмета кибернетики органически связан анализ таких ее основных понятий, как понятие информации, сигнала, обратной связи, управления и системы управления, цели (задачи) управления, сложности, структуры, организации и др.

Осмысление *понятия* информации включает в себя выявление объективных свойств, лежащих в его основе и определяющих подходы к разработке математического аппарата теории информации. А это влечет за собой анализ соотношения понятия информации с понятиями управления, сигнала и отражения, разнообразия, сложности и структуры.

Из теории автоматического регулирования известно, что управление совершается на основе процессов приема, передачи, хранения и переработки заключенной в сигналах информации, ее использования в принятии решений и выработке управляющих сигналов (команд). Вещественно-энергетическая сторона сигналов как одного из видов отражения служит материальным носителем и «преобразователем», или материальной формой содержания отражения. В технических устройствах связи и управления подвергаются преобразованиям и используются лишь количественные отношения тех или иных параметров, служащих заданию (выражению) структуры, т. е. упорядоченности, композиции. Это означает, что системы управления и связи реагируют не только (и не столько) на абсолютную величину внешних воздействий, сколько на их относительные величины, на их отношения, структуры. Эту способность реагировать на отношения можно считать кардинальным свойством и, следовательно, одним из критериев отражательных, сигнально-информационных процессов и систем[50]. Этот критерий позволяет объяснить

[48] См.: *Казаковцев В. С.* Кибернетика и некоторые вопросы взаимосвязи наук.— Вопр. философии, 1962, № 3.

[49] См.: *Шалютин С. М.* Кибернетические процессы в системе форм движения.— В кн.: Пространство, время, движение. М., 1971.

[50] См.: *Тюхтин В. С.* Отражение и информация.— Вопр. философии, 1967, № 3.

специфику отражения информации, которая, по выражению Н. Винера, есть «не материя и не энергия»[51]. На уровне психического отражения специфика сигналов вместе с их предметным (смысловым) значением выступает для субъекта-носителя образа как свойство образа быть идеальным отображением объекта. Это означает, что в субъективно-идеальном плане отражения не содержится ни грана вещества воздействующего объекта и субстрата отражения: субъекту в образе дана информация как таковая, или «информация в чистом виде».

Идеальная форма психического отражения характеризует одну сторону природы информации — ее роль в процессе саморегулирования, самоуправления животных и человека. При этом идеальность человеческих образов вследствие их связи с языком и речью и их сознательным характером качественно отличается от образов у животных. Общее состоит в том, что ориентировочная, сигнальная, психическая деятельность представляет собой существенный фактор жизни и психики, поведения и развития живых и социальных систем. Иначе говоря, информация, воплощенная в сигналах, выступает как особый сигнально-информационный фактор. Что же касается процессов машинной переработки информации, то ясно, что выделение заключенных в сигналах структур и их предметное (смысловое) значение остаются прерогативой человека в рамках той или иной человеко-машинной системы.

Другая сторона понятия информации, неразрывно связанная с первой, характеризует ее формально-математический аспект: информация выступает как мера разнообразия, относительной сложности, организованности и структуры. Эта структурно-количественная сторона информации не исчерпывает ее сущность. Более того, взятая в отрыве от первой, качественной стороны и абсолютизированная, она приводит к различным теоретическим и методологическим ошибкам.

Когда в теории технической связи возникла необходимость количественных оценок скорости передачи сигналов (пропускной способности каналов связи), помехоустойчивости систем связи, емкости накопителей и т. д., то оказалось, что в этом случае существенным является отвлечение от смысла сообщений, их ценности, структуры и других характеристик содержания сигналов. В соответствии этому требованию К. Шенноном была создана статистическая теория информации, дано количественное определение меры информации.

В результате методологического анализа различных (статистических и нестатистических) подходов к определению количества информации обнаруживается, что общим свойством, лежащим в основе меры количества информации, является свойство разнообразия и сложности. Так, в статистической теории информации К. Шеннона количество информации, содержащееся в сообщении, считается

[51] *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958, с. 166.

равным той неопределенности, которая устраняется благодаря получению этого сообщения. Иначе говоря, количество информации равно разности между энтропией (неопределенностью) до получения сообщения и энтропией после его получения. Эта разность означает также, что совершается выбор из некоторого набора, или разнообразия возможностей. Трактовку информации как выбора или ограничения разнообразия возможностей предложил У. Р. Эшби[52]. При алгоритмическом подходе А. Колмогорова количество информации связывается с величиной относительной сложности алгоритмически описываемых объектов[53]. В топологической концепции информации Н. П. Рашевского количество информации определяется посредством понятия топологической сложности.

При обсуждении природы информации в советской философской литературе выявились различные точки зрения.

Некоторые авторы связывают информацию непосредственно с отображенной структурой, рассматривая количество информации в качестве меры относительной организованности сравниваемых систем[54]. Другие же считают, что количество информации, или информационную энтропию, можно принять за меру относительной организованности лишь тогда, когда известно, что сложность и организованность сравниваемых систем находятся между собой в отношении прямой корреляции[55]. А поскольку имеют место и случаи обратной корреляции, то количество информации нельзя принимать за всеобщий критерий развития в природе.

Разошлись взгляды и в вопросе об отношении информации и отражения. Согласно одной точке зрения информация признается всеобщим свойством, атрибутом материи[56]. Согласно другой она возникает на определенном уровне организации материи и представляет собой особую форму отражения — отражение в функциональных самоуправляющихся системах живой природы и общества, в частности в технических системах связи и управления[57]. Согласно

[52] См.: *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику.

[53] См.: *Колмогоров А. Н.* Три подхода к определению понятия «количество информации».— В кн.: Проблемы передачи информации. М., 1965, т. 1, вып. 1.

[54] См.: *Новик И. Б.* Кибернетика.— В кн.: Философские и социологические проблемы; *Он же.* Философские идеи Ленина и кибернетика. М., 1969; *Ахлибининский Б. В.* Информация и система. Л., 1969; *Петрушенко Л. А.* Принцип обратной связи; и др.

[55] См.: *Тюхтин В. С.* Об одном подходе к оценке самоорганизации моделей головного мозга.— В кн.: IV Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1968.

[56] *Ахчурин И. А.* Теория элементарных частиц и теория информации.— В кн.: Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1963, *Новик И. Б.* Кибернетика.— В кн.: Философские и социологические проблемы; *Гуцин Д. А.* К вопросу о природе информации.— В кн.: Вопросы философии и психологии. Л., 1965, вып. 1; *Урсул А. Д.* О природе информации.— Вопр. философии, 1965, № 3; *Морозов К. Е.* Философские проблемы теории информации.— В кн.: Философия естествознания. М., 1966, вып. 1; *Бирюков Б. В., Урсул А. Д.* К проблеме объективности информации.— В кн.: Методологические проблемы кибернетики; и др.

[57] См.: *Украинцев Б. С.* Информация и отражение.— Вопр. философии, 1963, № 2; *Жуков Н. И.* Информация. Минск, 1966; *Коршунов А. М., Мантатов В. В.* Гносеологи-

третьей точке зрения информация есть не особое свойство материи, а лишь абстрактная сторона содержания и формы любых видов отражения, в том числе образа, знания[58]. Наконец, существует взгляд, прямо или косвенно отождествляющий отражение и информацию.

При обсуждении вопросов об отношении информации и энергии выяснилось, что существующая между ними связь позволяет создать «физическую теорию информации». Эта идея Л. Бриллюэна анализировалась в отечественной философской литературе[59]. Рассматривался также вопрос о соотношении информации и причинности, причем информация понималась как отображенная структура[60]. Наконец, определенное место в философско-методологической литературе заняла проблема применения теоретико-информационных методов в логике и гносеологии[61], использования теоретико-информационного подхода к проблеме «сознание и мозг»[62].

Особо следует остановиться на вопросе о специфике понятия управления, как он рассматривался в философской литературе[63]. От обычных физических управляющие воздействия отличаются тем, что им присуща направленность на получение результата. Однако понятие направленности как существенной характеристики поведения управляющих систем не обязательно предполагает сознательное поведение. Результат, к которому «стремится» управляющая система,— цель в широком смысле слова — может вырабатываться лишь такими системами, которым присущи относительная самостоятельность (автономность) функционирования и свойство самоорганизации. К таким системам относятся живые организмы, социальные организации, системы «человек — автомат». Направленность процессов управления на получение результата не позволяет распространять понятие управления на область неживой природы. В этом плане кибернетика как общая теория управления противостоит теологическим, и в частности телеолого-теологическим, взглядам некоторых неотомистов[64].

ческий анализ понятия «информация».— В кн.: Методологические проблемы современной науки. М., 1964.

[58] См.: *Тюхтин В. С.* Отражение и информация.— Вопр. философии, 1967, № 3; *Он же.* Отражение, системы, кибернетика.

[59] См.: *Бриллюэн Л.* Наука и теория инфорамции. М., 1960; *Баженов Л. Б.* Физика и теория информации.— Вопр. философии, 1961, № 8; *Новик И. Б.* Негэнтропия и количество информации.— Вопр. философии, 1962, № 6.

[60] См.: *Бродский И. Н.* Причинность и информация.— Вестн. ЛГУ, 1963, вып. 3, № 17, Сер. экономики, философии, права.

[61] См.: *Урсул А. Д.* Методы теории информации в гносеологии и логике.— Вопр. философии, 1968, № 6; *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика.

[62] См.: *Дубровский Д. И.* Информация, сознание, мозг. М., 1980.

[63] См.: *Бокарев В. А.* Объем и содержание понятий «управление».— Вопр. философии, 1966, № 11; *Украинцев Б. С.* Отображение в неживой природе. М., 1969; *Свинцицкий В. Н.* Понятие управления в кибернетике.— В кн.: Симметрия, инвариантность, структура. М., 1967.

[64] См.: *Берг А. И., Новик И. Б., Свинцицкий В. Н., Тюхтин В. С.* Кибернетика против теологии.— В кн.: Науки о неорганической природе и религия. М., 1973.

В связи с проблемой природы управления и информации в нашей литературе было осуществлено методологическое обоснование так называемой информационной (сигнально-информационной) причинности — вида причинности, который надстраивается над физической, но не сводится к ней [65].

Развитие кибернетических методов моделирования и синтеза «больших» систем в технике, формального описания и анализа сложных систем в живой природе и обществе выдвинуло методологическую проблему оценки сложности и простоты в применении к организованным структурам. Этот вопрос рассматривался в ряде работ [66]. Выяснено многообразие видов сложности: сложность состава с точки зрения компонент, свойств, связей и т. п., сложность строения, функционирования и развития систем. Сложилось направление исследований по выработке рациональных приемов упрощения сложных систем, возникли различные подходы к критериям сложности и методам ее оценки [67].

Большое место в разработке философской проблематики кибернетики заняло исследование того нового, что вошло вместе с ней в систему методов научного исследования, в методологию науки.

Моделирование и логико-семиотические средства кибернетики. Существо подхода кибернетики к исследуемым явлениям тесно связано с моделированием. Подчеркивая важность моделирования в кибернетике, П. Анохин отмечал, что моделирование — понятие, с которым сейчас наиболее тесно связаны надежды на кибернетический подход и математическое изучение жизненных процессов и функций. Очевидно, что это относится не только к биологии, но и ко многим другим отраслям знаний: к исследованию и оптимизации химических процессов, изучению биосферы, работам по оптимизации экономических процессов, к социологическим исследованиям и т. д.

Ведущая роль моделирования в практических разработках и теоретических исследованиях кибернетики общепризнана. Однако философская интерпретация этого метода встретилась с рядом трудностей. Во второй половине 50-х и даже в 60-х годах некоторые авторы отрицали правомерность и познавательную ценность кибернетических математических моделей. Утверждалось, будто модели могут

[65] См.: *Украинцев Б. С.* Процессы самоуправления и причинность.— Вопр. философии, 1968, № 4.

[66] См.: *Поваров Г. Н.* Сложность систем как показатель научно-технического прогресса.— В кн.: Проблемы исследования систем и структур. М., 1965; Логика и методология науки. М., 1962; *Костюк В. Н.* Роль принципа простоты в естественнонаучных теориях.— Вопр. философии, 1964, № 5; *Мамчур Е. А.* Ленинское понимание познания и проблема эвристической простоты.— Вопр. философии, 1969, № 10; *Новик И. Б.* Сложные динамические системы.— В кн.: Структура и формы материи.— М., 1967; *Егоров Ю. Л.* Об объективных основаниях сложности.— Филос. науки, 1971, № 3.

[67] См.: *Уемов А. И., Дмитриевская И. В., Плесский Б. В.* Упрощение систем.— В кн.: Логика и методология системных исследований. Киев; Одесса, 1977.

давать лишь поверхностную имитацию биологических или социальных явлений и не могут помочь проникновению в их сущность. Что же касается математического моделирования в кибернетике, то его нередко пытались сблизить с махистским феноменализмом. Благодаря совместным усилиям естествоиспытателей и философов была расчищена почва для конструктивной разработки методологии кибернетического моделирования.

В отечественной философской литературе гносеологическим и методологическим аспектом метода моделирования уделялось большое внимание. Моделирование подверглось разностороннему и комплексному изучению[68]. В философском плане были рассмотрены понятия изоморфизма, подобия модели и интерпретации.

Была проведена работа по выделению различных видов моделирования, в частности изучались гносеологическая природа информационного моделирования, исторические формы моделирования, место наглядности в этом методе научного познания, различные познавательные функции моделей: расчетная, эвристическая, объяснительная, проективная, прогностическая и др. Рядом исследователей были предложены классификации моделей. Параллельно с комплексным изучением моделирования как определенного познавательного приема осуществлялось рассмотрение ряда важных конкретных методологических проблем моделирования, в частности взаимосвязь метода моделирования с математизацией знания[69].

Были рассмотрены вопросы о специфике моделирования в кибернетике как функционального моделирования, о его познавательном значении[70], о модельно-кибернетическом эксперименте, соотношении понятия модели с понятием отражения, информации, сигнала, образа, знака[71], о возможностях и ограниченностях моделирования художественного творчества[72].

Гносеологическое исследование приема моделирования дало богатый материал для анализа соотношений формализованного и содержательного подходов в современной науке. Дальнейшему обоснованию подверглось положение о том, что усовершенствование приемов формализации есть вместе с тем развитие способов выра-

[68] См.: *Новик И. Б.* О моделировании сложных систем. М., 1965; *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М., 1966; *Чавчанидзе В. В.* Модели науки и моделирование.— В кн.: Кибернетика, мышление, жизнь; *Уемов А. И.* Логические основы метода моделирования. М., 1971; Математическое моделирование жизненных процессов. М., 1968; *Морозов К. Е.* Математическое моделирование в научном познании. М., 1969.

[69] См.: *Глушков В. М.* О гносеологических основах математизации наук.— В кн.: Диалектика и логика научного познания. М., 1966; *Акчурин И. А., Веденов М. Ф., Сачков Ю. В.* Методологические проблемы математического моделирования в естествознании.— Вопр. философии, 1966, № 4.

[70] См.: *Новик И. Б.* Гносеологическая характеристика кибернетических моделей.— Вопр. философии, 1963, № 8.

[71] См.: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969.

[72] См.: *Митрофанов А. С.* Кибернетика и художественное творчество: (Философские проблемы кибернетического моделирования). М., 1980.

жения содержания объектов познания; что связанная с кибернетикой и методом моделирования тенденция к математизации и формализации знания с необходимостью влечет за собой углубление в содержательную природу изучаемых объектов; что закономерный процесс расширения сферы кибернетического моделирования, как одного из специальных видов познания и практической деятельности, вносит важный вклад в процессы синтеза знания.

Предметом исследования советских философов, логиков и математиков в 60-х и в начале 70-х годов были также логико-гносеологические вопросы кибернетики. Философские исследования здесь охватывали логические основания кибернетики, проблематику логических средств этой науки — область, где советская наука имеет большие достижения, связанные прежде всего с высоким уровнем развития математической логики в нашей стране.

Важнейшим методом кибернетики, имеющим, по существу, логическую природу, является метод формализации. Философские вопросы логической формализации и логических средств кибернетики были исследованы Б. Бирюковым [73]. В ряде работ рассматривались взаимодействие кибернетического и семиотического подходов, вопросы соотношения формальной и диалектической логики в свете кибернетики и др. В работах С. Яновской, А. Маркова, Г. Поварова и других авторов с методологической точки зрения было проанализировано взаимоотношение логики и техники [74]. Показано, что это взаимоотношение идет по различным направлениям и что логика предоставляет в распоряжение техники точные языки, с помощью которых становятся возможными четкое описание работы машины, автомата, точная постановка задач и формулировка путей их машинного решения, строгое выражение закономерностей процесса, моделируемого с помощью автомата, и т. д.

Развитие приложений логики в науке и технике, установление и расширение ее связей с кибернетикой оказали мощное влияние и на саму логику. Кибернетика дала новые импульсы дальнейшему развитию современной формальной логики, в том числе алгебраических теорий логики, многозначных логик, приложений логики к теории автоматов и т. д.

Взаимодействие кибернетики, математической логики и теории алгоритмов с наукой о языке привело к оформлению математической лингвистики. Это направление возникло вместе с работами по автоматизации перевода с одного языка на другой, которые развернулись в конце 40-х годов во многих странах мира. Новый импульс математической лингвистике дали работы по созданию информацион-

[73] См.: *Бирюков Б. В.* Кибернетика и логика (философские аспекты логических средств кибернетики).— В кн.: Диалектика и логика научного познания: (Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики, 7—9 апреля 1965 г.). М., 1966; *Он же.* Кибернетика и логика. М., 1971.

[74] См.: Применение логики в науке и технике. М., 1960.

но-поисковых систем для определенных областей знаний. Работы по автоматическому переводу и разработке искусственных языков для информационно-поисковых систем обнаружили важность исследований в области логической семантики — той части логики, в которой рассматривается отношение между формальными логическими системами и их содержательными интерпретациями. Кибернетика обнаружила также свое позитивное содержание в разрабатывающейся еще с 30-х годов семиотике. Семиотика как общая теория знаков и знаковых систем развивалась в 60—70-х годах в тесном контакте с кибернетикой. Естественно, что философское осмысление семиотики в литературе этих лет явилось органической частью философско-кибернетических исследований [75].

С логико-семиотическими вопросами в тесной связи находилась разработка методологических подходов к определению теоретико-информационных оценок смысла, т. е. путей разработки теории семантической информации [76]. В частности, уделялось внимание раскрытию связи семантики с идеями и аппаратом современной формальной логики. Е. К. Войшвилло предложил истолкование понятий статистической теории информации в рамках исчисления вопросов и в связи с проблемой логического следования [77].

Вопросы моделирования жизненных процессов, психики человека и проблема «искусственного интеллекта». Развитие кибернетики показало, что современные электронные цифровые машины — главное техническое средство кибернетики — могут не только выполнять простейшие функции человеческого мозга (вычисление по заданной программе), но и имитировать более сложные процессы мышления (классификации и идентификации объектов, накопления опыта, обучения и т. п.).

Известно, что любая строго ограниченная и формально описанная область мыслительной деятельности человека в принципе может быть передана машине. Поэтому изучение возможностей кибернетического описания все более широких областей деятельности имеет определенное практическое значение. Проведенный советскими учеными методологический анализ проблемы «Мышление и кибернетика» выявил перспективы кибернетического моделирования мыслительных процессов с технико-прикладной точки зрения. Вместе с тем этот анализ привел к выводу, что человек — творец, а машина — его орудие. В социальном отношении машины по самому смыслу этого понятия есть помощники людей.

В 60-х и 70-х годах идеи и методы кибернетики, математики и логики находили все большее применение в изучении явлений жиз-

[75] См.: *Бирюков Б. В., Геллер Е. С.* Кибернетика в гуманитарных науках; *Бирюков Б. В.* Кибернетика и методология науки.

[76] См.: *Урсул А. Д.* Информация. М., 1971.

[77] *Войшвилло Е. К.* Попытка семантической интерпретации статистических понятий информации и энтропии.— В кн.: Кибернетику — на службу коммунизму. М.; Л., 1966, т. 3.

ни, в частности функционирования нервной системы, в генетике, в эволюционной теории. С кибернетикой оказалась тесно связанной новая научная дисциплина — бионика, занимающаяся изучением систем управления и рецепторов живых организмов в целях использования принципов их строения и функционирования при создании технических устройств.

В 60-х годах среди биологов, кибернетиков, математиков и философов развернулась дискуссия о соотношении в биологических исследованиях структурно-функционального подхода и подхода субстратно-структурного (идущего, в частности, от молекулярной биологии). А. Н. Колмогоров и вслед за ним ряд философов и специалистов в области технической кибернетики (И. А. Полетаев, И. Б. Гутчин, Л. Б. Баженов, М. Г. Гаазе-Рапопорт и др.) отстаивали взгляд, что сущность жизни и психики определяется не свойствами материального субстрата жизни (белковых соединений или структур ДНК), а лишь организацией элементов и процессов (не обязательно привычной нам биологической природы) в целостную систему. Если в существенных чертах искусственно созданная система эквивалентна живой и функции на «выходе» этой системы и обычной биологической структуры одинаковы, то такую систему (модель) можно назвать живой. Вопрос о разработке подобных систем А. Колмогоров считает «делом будущего». Этот вывод вытекает из того, что при анализе явлений жизни существенна не диалектика бесконечного, а диалектика очень большого: комбинация большого числа дискретных элементов создает и непрерывность, и новые качества.

Противоположной точки зрения придерживались некоторые биологи (А. И. Опарин) и философы [78], которые считают, что нельзя искусственно создать живое, минуя низшие формы движущейся материи. Необходимо отличать сколь угодно близкую имитацию жизни от самой жизни, специфика которой — в приспособительном обмене веществ.

Оценивая эту дискуссию в целом, следует сказать, что, хотя по отдельным параметрам жизнь и психика могут быть модельно воспроизведены в кибернетических устройствах и даже превзойдены по ряду показателей, в целом же весь «континуум» функций и свойств живого не может быть воспроизведен с помощью устройств иной, нежели биологическая, физической природы (к этой точке зрения склонялись П. Анохин и Н. Бернштейн).

Жесткое противопоставление «функциональной» и «субстратной» точек зрения несостоятельно: различия в субстрате между моделью и оригиналом в конечном счете сводятся к различию в структуре, организации их элементов и системы в целом, что обусловливает и различие их свойств и функций [79].

[78] См.: *Антонов Н. П., Кочергин А. Н.* Природа мышления и проблема его моделирования.— Филос. науки, 1963, № 2.

[79] См.: *Тюхтин В. С.* Кибернетика и некоторые методологические вопросы психофизиологии активности.— В кн.: Диалектика и современное естествознание. М., 1970.

Достаточно полное представление о точках зрения на проблему сущности жизни в свете кибернетики и возможности ее моделирования дано в сборниках «Кибернетика, мышление, жизнь» (1964), «Возможное и невозможное в кибернетике» (1963), «О сущности жизни» (1964) и в периодической печати [80].

Особый интерес для кибернетического моделирования представляет проблема активности живого. Феномен активности, а тем самым автономности функционирования и поведения живого, составляет существенный момент его отличия от искусственно создаваемых кибернетических систем [81]. Многообразие потребностей (от органических до интеллектуальных) живых систем, включая человека, выражает сущность их активности. Благодаря активно-потребностным состояниям осуществляется ориентировочная, познавательная, творческая деятельность, реализуются такие ее свойства, как постановка вопросов (или, шире, возникновение проблемных ситуаций), выработка новых критериев выбора, генерация гипотез, возможностей для выбора при принятии решений, предметное и смысловое значение результатов обработки воспринятых воздействий (т. е. реализация идеального образа), а также материальная интерпретация формальных результатов решений,— все это и многое другое осуществляется благодаря активно-потребностным состояниям, и в первую очередь ориентировочным потребностям, интересам [82]. Активно-потребностное начало живых систем на сегодня не поддается кибернетическому моделированию, так как еще далека от решения проблема самоорганизации.

Самоорганизация включает в себя как сигнально-информационные процессы, так и глубинные уровни динамической организации живого — процессы биологического обмена веществ и лежащие в их основе квантовомеханические процессы. Проблема самоорганизации является ключевой в комплексном исследовании сущности жизни и психики и их атрибута — активности. Активность психической деятельности, в особенности творческого мышления, зависит от всех уровней самоорганизации мыслящего субъекта [83]. Из этого следует вывод, что моделирование творческого мышления и разра-

[80] См.: *Геллер Е. С.* Моделирование в биологии и медицине.— Вестн. АМН СССР, 1967, № 9.

[81] См.: *Карбашева А. С.* Философский анализ проблемы биологической активности.— Вопр. философии, 1966, № 8; *Кремянский В. И.* К анализу понятия активности материальных систем.— Вопр. философии, 1969, № 10; *Тюхтин В. С.* Кибернетика и некоторые методологические вопросы психофизиологии активности.— В кн.: Диалектика и современное естествознание; *Украинцев Б. С.* Категории «активность» и «цель» в свете основных понятий кибернетики.— Вопр. философии, 1967, № 5; *Фролов И. Т.* Гносеологические вопросы моделирования биологических систем.— Вопр. философии, 1961, № 2.

[82] См.: *Кремянский В. И.* Структурные уровни живой материи. М., 1969; *Тюхтин В. С.* Искусственный интеллект и проблема самоорганизации.— В кн.: Труды IV Международной объединенной конференции по искусственному интеллекту. М., 1975.

[83] См.: *Орфеев Ю. В., Тюхтин В. С.* Мышление человека и искусственный интеллект. М., 1978.

ботка искусственного интеллекта не сводятся к совершенствованию информационно-логических программ, включая эвристические. Необходимы поиски такой конструкции системы, которая способна обеспечить активно-потребностное начало, устремленность системы во внешний мир. А поскольку решение проблемы самоорганизации — открытый вопрос, дело будущего, то в настоящее время реальный путь разработок — усиление естественного интеллекта путем создания человеко-машинных систем, работающих в режиме диалога. При этом активно-творческое начало остается прерогативой человека.

В литературе высказывается мысль о существовании трудностей диалектико-антиномической природы, стоящих на пути моделирования мышления человека [84].

Гносеологическому анализу был подвергнут и такой перспективный раздел теории искусственного интеллекта, как распознавание образов. Были проанализированы ограниченности современного состояния разработки теории автоматического распознавания и пути расширения ее возможностей [85].

Вопросам кибернетического моделирования психических функций человека, сравнению возможностей естественного и искусственного интеллекта, анализу перспектив обучающихся и других автоматических систем в последние годы посвящено немало философско-методологической литературы [86]. В этих работах обсуждаются также трудности применения АСУ, пути оптимизации взаимодействия машины и человека.

Социальные аспекты кибернетики. Большое внимание отечественная философская мысль уделяла социальным аспектам кибернетики. И это понятно. В обществе — множество областей, к которым применима эта наука. Кибернетика имеет важнейшее значение для совершенствования методов управления. Ее средства открывают возможность осуществлять процессы управления в народном хозяйстве и в административной деятельности, в деятельности науч-

[84] См.: *Дрейфус Х.* Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума. М., 1978; *Бирюков Б. В.* Что же могут вычислительные машины?— Там же.

[85] См.: *Тюхтин В. С.* Теория автоматического опознавания и гносеология. М., 1976.

[86] См.: *Амосов Н. М.* Моделирование мышления и психики. Киев, 1965; *Братко А. А., Волков П. П., Кочергин А. Н., Царегородцев Г. М.* Моделирование психической деятельности. М., 1969; *Кочергин А. Н.* Моделирование мышления. М., 1969; *Тихомиров О. К.* Структуры мыслительной деятельности человека. М., 1969; *Алексашин В. И.* Мышление и кибернетика. М., 1971; *Пушкин В. Н.* Психология и кибернетика. М., 1971; *Поспелов Д. А., Пушкин В. Н.* Мышление и автоматы. М., 1972; Человек и ЭВМ. М., 1973; *Жуков Н. И.* Философские основы кибернетики. Минск, 1973; *Тюхтин В. С.* Философские проблемы кибернетики.— В кн.: Готт В. С., Тюхтин В. С., Чудинов Э. М. Философские проблемы современного естествознания. М., 1974; Кибернетика и современное научное познание; Управление, информация, интеллект. М., 1976; Искусственный интеллект и психология. М., 1976; *Шалютин С. М.* Абстрактное мышление и кибернетика. Челябинск, 1976; Социально-философские проблемы «человеко-машинных» систем.— Вопр. философии, 1979, № 2, 3.

ных и инженерных коллективов в оптимальном режиме[87]. Как отмечал А. Берг, кибернетика имеет важнейшее значение для обеспечения оптимального уровня управления целенаправленным, высокоэффективным и хорошо организованным трудом строителей коммунизма[88].

Установка на широкое применение кибернетики, электронных машин, информационной техники и соответствующих научных форм организации труда и управления со всей силой подчеркнута на XXIV и XXV съездах КПСС. В решениях XXVI съезда КПСС специально обращено внимание на вопросы совершенствования управления народным хозяйством.

Расширяющееся применение кибернетики в народном хозяйстве, в изучении и управлении социальными процессами остро поставило на повестку дня взаимоотношения человека и техники. В ряде работ советских философов и специалистов соответствующих областей гуманитарных наук анализировались методологические проблемы оптимизации отношений человека и машин в современных системах управления[89]. Последнее время все большее внимание привлекают исследования возможностей диалогового режима взаимосвязи человека и машины в автоматизированных системах.

В 60-х и 70-х годах наблюдалось интенсивное проникновение идей и методов кибернетики в ряд гуманитарных наук[90]. Прежде всего в психологию[91], теорию и практику обучения, где применение идей кибернетики сочеталось с поисковыми работами по использованию машин в процессе обучения. Кибернетические методы широко используются в социологических исследованиях, моделировании социальных процессов, в дешифровке древних письменностей. Перспективным оказалось применение кибернетики к ряду вопросов юридической науки и практики (например, накопление и обработка юридической информации на информационно-логических машинах).

В последнее время усилился интерес к познанию общества как сложной иерархической и целостной системы. В монографии В. П. Кузьмина[92] показано, что принцип системности в теории и методологии К. Маркса явился важнейшей стороной диалектическо-

[87] См.: *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1968; *Он же.* Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972. Научное управление обществом. М., 1967—1975. Вып. 1—9; *Белых А. К.* Управление и самоуправление. Л., 1972; *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

[88] См.: *Берг А. И.* Проблемы управления и кибернетика.—В кн.: Философские вопросы кибернетики. М., 1961; *Он же.* Кибернетику — на службу коммунизму.— В кн.: Кибернетику — на службу коммунизму. М.; Л., 1961, т. 1.

[89] См.: *Ломов Б. Ф.* Человек и техника. Л., 1963; *Зинченко В. П., Смолян Г. Л.* Человек и техника. М., 1965; Человек и ЭВМ. М., 1973; *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977.

[90] См.: *Бирюков Б. В., Геллер Е. С.* Кибернетика в гуманитарных науках.

[91] См.: Психология и математика. М., 1976; *Пушкин В. Н.* Психология и кибернетика. М., 1976; 2-е изд., 1980.

[92] См.: *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; 2-е изд., 1980.

го метода, ключом к раскрытию системных закономерностей развивающегося общества. В монографии В. Г. Афанасьева[93] общество также анализируется как целостная развивающаяся система, рассматривается диалектика частей и целого, их противоречие и разрешение его при ведущей роли целого, диалектика системы и среды, структуры и функции системы и ее компонентов. Раскрывается тезис о том, что системность и развитие взаимопроникают друг друга, что систему невозможно глубоко познать в отрыве от ее развития, а понятие развития имманентно связано с изменениями объекта как системы. Особое внимание обращено на особенности и роль информации в управлении, которая выступает как фактор интеграции и средство управления. Раскрывается единство общесистемного и кибернетического подходов, т. е. по существу обосновывается единый системно-кибернетический подход в исследовании общества.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

РАЗРАБОТКА ФИЛОСОФСКИХ ВОПРОСОВ ЛОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

1
Логика

Логическими исследованиями с 1917 г. до 40-х годов в Советском Союзе занимались, в основном, математики[1]. Их изыскания касались широкого круга проблем, и многие работы, выполненные ими, приобрели мировую известность. Наиболее значительными были следующие итоги этих исследований: разработка новых способов элиминации семантических парадоксов (Д. А. Бочвар, П. С. Новиков); выяснение соотношения классической и конструктивной логики (В. И. Гливенко, А. Н. Колмогоров); разработка теории алгоритмов (А. А. Марков); алгебраические приложения логических теорем (А. И. Мальцев, П. С. Новиков); использование математической логики в электротехнике (В. И. Шестаков); открытие комбинаторной логики (М. И. Шейнфинкель); построение исчисления предложений как алгебраического кольца; решение проблемы разрешения для формул лишь с одноместными предикатами (И. И. Жегалкин). Все эти выдающиеся результаты публиковались в специальных матема-

[93] См.: *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980.

[1] Мы будем отмечать преимущественно лишь те работы математиков, которые, на наш взгляд, имеют философское значение.

тических журналах[2], и, естественно, не могли быть вполне доступными для всех философов (следует также учесть, что математическая логика в довоенные годы еще не преподавалась в учебных заведениях страны).

Вклад в логику нематематиков до 40-х годов был сравнительно незначительным. В частности, методологически узким выглядело направление исследований в логике отношений у С. И. Поварнина[3]. Чрезмерную дань методологии гуссерлианства отдал А. Д. Гуляев[4]. Не соответствовало своему заголовку содержание книги Г. А. Грузинцева[5]. Особняком стояла весьма ценная работа И. Е. Орлова по общей теории вывода[6], явившаяся, как показал В. М. Попов (1979), по существу, «первой ласточкой» в последующей серии исследований по релевантной логике как в СССР, так и во всем мире.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма по методологическим вопросам логики оказали большое влияние на развитие советской общей логики. К сожалению, нельзя сказать, чтобы первоначально они были вполне правильно поняты. Так, в первом издании «Большой Советской Энциклопедии» появление диалектики квалифицировалось как «конец» формальной логики[7].

[2] См.: *Бочвар Д. А.* Об одном трехзначном исчислении и его применении к анализу парадоксов классического расширенного функционального исчисления.— Мат. сб., 1938, т. 4 (46); *Glivenko V. J.* Sur quelques points de la logique de M. Brouwer.— Acad. Roy. Belg, Cl. Sci., v. 15 (1929); *Жегалкин И. И.* Арифметизация символической логики. Теория предложений и функций одного аргумента.— Мат. сб., 1928, т. 35, с. 311—377; 1929, т. 36, с. 205—338; *Колмогоров А. Н.* О принципе tertium non datur.— Мат. сб., 1925, т. 32; *Мальцев А. И.* Untersuchungen aus dem Gebiete der mathematischen Logik.— Мат. сб., 1936, т. 43; *Марков А. А.* Невозможность некоторых алгоритмов в теории ассоциативных систем.— ДАН, 1947, т. 55; *Новиков П. С.* On the consistency of certain logical calculus.— Мат. сб., 1943, т. 12; *Шестаков В. И.* Алгебра двухполюсных схем, построенных исключительно из двухполюсников (алгебра А-схем).— Автоматика и телемеханика, 1941, т. 6, № 2, с. 15—24; *Schönfinkel M.* Über Baumsteine der mathematischen Logik.— Mathematischen Annalen, 1924, Bd. 92, S. 305—316. Понятие комбинаторно определимой функции у М. Шейнфинкеля по существу явилось одним из первых вариантов уточнения дефиниции алгоритма.

[3] См.: *Поварнин С. И.* Логика отношений. Ее сущность и значение. Пг., 1917; *Он же.* Введение в логику. Пг., 1921; *Он же.* Искусство спора. Пг., 1923; *Он же.* О теории и практике спора. Пг., 1918. О логическом наследии Поварнина см.: *Бачманов В. С.* С. И. Поварнин и некоторые вопросы теории и логики в ЛГУ.— В кн.: Материалы к научной сессии, посвященной пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции (окт., 1967). Л., 1967; См. также: *Стяжкин Н. И., Суханов К. Н.* Поварнин.— В кн.: Филос. энцикл. М., 1967, т. 4, с. 280.

[4] См.: *Гуляев А. Д.* Логика. Баку, 1921.

[5] См.: *Грузинцев Г. А.* Логика для математиков. Днепропетровск, 1925, вып. 1.

[6] См.: *Орлов И. Е.* Исчисление совместности предложений.— Мат. сб., М., 1928, т. 35, вып. 3, 4.

[7] В унисон с такой трактовкой была составлена характеристика формальной логики в «Кратком философском словаре» (1939), где сказано, что она есть «учение о законах человеческого мышления, отрывающее исследование этих законов от природы», что формальная логика является «основой метафизического метода» (с. 296). В дальнейшем советские философы единодушно отказались от неправомерного обвинения формальной логики в метафизичности и эклектизме.

Однако уже ко второй половине 40-х годов положение радикально меняется. Решающее значение для развития логики в стране имело Постановление ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе». В порядке реализации этого Постановления Минпросом РСФСР для вузовских преподавателей философии были организованы полугодовые курсы по логике. Ведущими лекторами на этих курсах были В. Ф. Асмус, А. О. Маковельский, П. С. Попов, С. Н. Виноградов, В. Е. Сеземанис. В 1946 г. был переиздан учебник традиционной логики психологического направления, принадлежащей перу Г. И. Челпанова.

Методологически плодотворная интерпретация формальной логики была развита в 30-х—40-х годах в работах В. Ф. Асмуса, Г. Ф. Александрова, С. Н. Виноградова, Н. И. Кондакова и П. С. Попова. В особенности интересной была статья В. Ф. Асмуса [8], методологически гармонировавшая с его более ранними публикациями на ту же тему [9]. Сходство и отличие традиционной логики от аристотелевской было весьма четко подчеркнуто П. С. Поповым [10]. Ясная и убедительная интерпретация формальной логики была несколько позже намечена Н. И. Кондаковым [11].

Элементы математической логики и семиотики в советские учебники логики впервые начал вводить Д. П. Горский [12].

В ноябре 1958 г. было проведено Всесоюзное совещание по вопросу о задачах научно-исследовательской работы в области формальной логики, созванное по инициативе секции философии Научно-технического совета при Минвузе СССР. В нем приняли участие многие специалисты по логике, работающие в различных организациях Москвы и других городов. Вопросы развития научных исследований, повышения качества подготовки специалистов-логиков и улучшения преподавания логики были поставлены в выступлениях С. А. Яновской, Е. К. Войшвилло, П. С. Попова, Л. Б. Баженова, А. А. Старченко, Д. П. Горского, А. Л. Субботина, В. И. Кириллова, А. В. Кузнецова, В. К. Финна, Д. Г. Лахути, Н. И. Стяжкина,

[8] См.: *Асмус В. Ф.* Логические законы мышления.— Под знаменем марксизма, 1944, № 4—5.

[9] См.: *Асмус В. Ф.* Диалектический материализм и логика. Киев, 1924; *Он же.* Общая и трансцендентальная логика Канта.— Под знаменем марксизма, 1928, № 11.

[10] См.: *Попов П. С.* Логика Аристотеля и логика формальная.— Изв. АН СССР, 1945, т. II. Сер. Истор. и филос.

[11] См.: *Кондаков Н. И.* Основные законы логики. М., 1951; *Виноградов С. Н., Кузьмин А. Ф., Кондаков Н. И.* Логика. Учебник для средней школы. М., 1952.

[12] См.: *Горский Д. П.* Логика. Учебное пособие для педучилищ. М., 1954; 2-е изд., 1955; 3-е изд., 1961; *Он же.* Логика. Учебное пособие для пединститутов. М., 1958; 2-е изд., 1963. Научный подход, характерный для этих двух книг, выдержан также в коллективной монографии: Логика. М., 1956/Под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца. Для содержания этого труда также характерен учет некоторых результатов П. В. Таванца, представленных в его работе: *Таванец П. В.* Суждение.— БСЭ, 2-е изд., т. 41, с. 249—251; *Он же.* О структуре суждения в атрибутивной логике и в логике отношений.— Изв. АН СССР, 1946, т. 3. Сер. истор. и филос., № 6.

В. Г. Фарбера, А. И. Уемова, Г. А. Брутяна, Ш. Адеишвили, Б. В. Бирюкова, А. Д. Гетмановой.

На совещании было отмечено существенное отставание от зарубежных исследований по таким направлениям, как логика научного познания, модальная логика, логическая семантика, приложения логики в области педагогики, лингвистики, юриспруденции, документалистики, диалектическая логика. Выдвигалась идея создания журнала по логике.

Совещание выработало ряд практических рекомендаций и наметило ориентировочную тематику научных разработок.

На страницах журнала «Вопросы философии» с начала 50-х годов была развернута дискуссия о соотношении формальной логики и материалистической диалектики [13], результаты которой во многом определили характер более поздних и довольно многочисленных исследований на эту тему [14]. В ряде работ отношение между логикой и диалектикой рассматривалось по аналогии с соотношением классической и релятивистской механик [15]. В других, напротив, соответ-

[13] Почти сразу же выявились две основные, противостоящие друг другу, точки зрения. Одна была представлена статьей К. С. Бакрадзе «К вопросу о соотношении логики и диалектики» (Вопр. философии, 1950, № 2). Оппонентом выступил В. И. Черкесов, опубликовавший в том же номере журнала статью «О логике и марксистской диалектике». В ней формальная логика не вполне правомерно характеризовалась как наука «элементарная» и поверхностная, а диалектика как высшая наука о мышлении. Ряд авторов проявили колебания между концепциями К. С. Бакрадзе и В. И. Черкесова.

[14] См., напр., *Каландаришвили Г. М.* О соотношении диалектической логики и логики формальной. Владивосток, 1959; *Михайлов Н. И., Порус В. Н.* Актуальные проблемы диалектической логики.— Вопр. философии, 1974, № 11; *Ерофеев А. А.* Современная математическая логика и материалистическая диалектика.— Вестн. Моск. ун-та. 1974, № 6. Сер. 8. Философия; *Шептулин А. П.* О соотношении диалектической логики и логики формальной.— Филос. науки, 1975, № 2; Диалектическое противоречие. М., 1979.

[15] См.: *Черкесов В. И.* Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962; *Алексеев М. Н., Мальцев В. И., Черкесов В. И.* Предмет диалектической логики. М., 1965; *Андреев И. Д.* Проблемы логики и методологии познания. М., 1972.

Отечественные достижения с конца 50-х годов в области разработки проблем диалектической логики наиболее полно представлены в следующих статьях и монографиях: *Попов С. И.* Дискуссия о предмете диалектической логики (на заседаниях Ученого совета философского факультета МГУ).— Вестн. МГУ, 1957, № 1. Сер. эконом., филос. и права; *Гокиели Л. П.* О природе логического. Тбилиси, 1958; *Горский Д. П.* Понятие как предмет изучения диалектической логики.— Вопр. философии, 1959, № 10; *Он же.* Проблема формально-логического и диалектического тождества.— Вопр. философии, 1960, № 8; *Он же.* Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966; *Нарский И. С.* К вопросу о соотношении формальной и диалектической логики.— Вестн. МГУ, 1960, № 3. Сер. эконом., филос.; *Он же.* Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969; *Розенталь М. М.* Принципы диалектической логики. М., 1960; *Копнин П. В.* Диалектика как логика. Киев, 1962; *Габриелян Г. Г.* Марксистская диалектика как логика и теория познания. Ереван, 1963; *Войшвилло Е. К.* Еще раз о природе движения, о диалектических и формально-логических противоречиях.— Филос. науки, 1964, № 4; *Илларионов С. В.* Принцип ограничений в физике и его связь с принципом соответствия.— Вопр. философии, 1964, № 3; *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики. М., 1967; *Элез И.* Проблема истины.— В кн.: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969; *Церетели С. В.* Диалектическая ло-

ствующие предметы четко разграничивались, хотя методологически и не противопоставлялись [16].

Оживление интереса к логической проблематике, начавшееся с конца 40-х годов, постепенно привело к тому, что к началу 60-х годов советские общелогические исследования вышли на новые рубежи.

Важная заслуга в развитии советской логики принадлежит С. А. Яновской, которая внесла большой вклад в разработку теории и методологии формальной логики, а также философских вопросов обоснования математики [17]. С ее участием был подготовлен сборник «Логические исследования» (М., 1959), сыгравший значительную роль в развитии формальной логики в СССР.

В конце 1956 г. начал функционировать логический семинар при Институте философии АН СССР. Деятельность этого большого по числу участников семинара опиралась на традиции, заложенные в более ранних университетских семинарах по математической логике и философским вопросам математики, руководимых С. Яновской с 1948 г.

Дальнейшая коллективная работа по исследованию проблем логики сосредоточилась вокруг издания «Философской энциклопедии», где наибольшее количество статей по логике и методологии науки было написано А. А. Марковым, В. А. Успенским, А. В. Кузнецовым, С. А. Яновской, Б. В. Бирюковым, Е. К. Войшвилло [18].

гика. Тбилиси, 1971; *Новоселов М. М.* Индукция.— БСЭ, т. 10, М., 1972; *Кедров Б. М.* Диалектическая логика как обобщение истории естествознания.— В кн.: Очерки истории и теории развития науки. М., 1969; *Нарский И. С.* Материалистическая диалектика как метод конкретного научного исследования. М., 1972; *Лазарев Ф. В.* Абстракция и реальность.— Вестн. МГУ, 1974, № 5. Философия; *Волков Г.* Гёте и современная наука.— Коммунист, 1974, № 17; *Новоселов М. М.* О некоторых понятиях теории отношений.— В кн.: Кибернетика и современное научное познание. М., 1976; Диалектика научного познания (очерк диалектической логики). М., 1978.

[16] См.: *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971; *Чупахин И. Я.* Теория понятия и парадоксы.— Вестн. ЛГУ, 1975. Сер. экономика, филос. и права, вып. 1, № 5.

[17] Почти полная библиография работ С. А. Яновской имеется в книге «Математика в СССР за сорок лет». М., 1959, т. 2. Основные труды С. А. Яновской по логике: О так называемых определениях через абстракцию.— В кн.: Сборник статей по философии математики. М., 1936; Предисловие и комментарии к русскому переводу книги Д. Гильберта и В. Аккермана «Основы теоретической логики» (М., 1947); Предисловие и комментарии к русскому переводу книги А. Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук» (М., 1948); Основания математики и математическая логика.— В кн.: Математика в СССР за тридцать лет. М., 1948; Из истории аксиоматического метода.— В кн.: Тр. 3-го Всесоюз. математ. съезда. М., 1956, т. 2; Из истории аксиоматики.— В кн.: Историко-математические исследования. М., 1958, вып. II; Математическая логика и основания математики.— В кн.: Математика в СССР за сорок лет (1917—1957). М., 1959; О некоторых чертах развития математической логики и отношения ее к техническим приложениям.— В кн.: Применение логики в науке и технике. М., 1960; Проблемы введения и исключения абстракций более высоких (чем первый) порядков. Доклад на симпозиуме в Варшаве (сентябрь, 1961); О философских вопросах математической логики.— В кн.: Проблемы логики. М., 1963; Методологические проблемы науки. М., 1972 и др.

[18] См.: *Успенский В. А.* Алгоритмы.— В кн.: Филос. энцикл. М., 1960, т. 1; *Кузнецов А. В.* Алгебра логики.— Там же; *Бирюков Б. В.* Автономное употребление выра-

В настоящее время одним из центров наиболее плодотворной разработки логических проблем является кафедра математической логики, образованная при механико-математическом факультете МГУ и руководимая А. Н. Колмогоровым, а также объединение логиков, работающих под руководством С. В. Яблонского в Математическом институте им. В. А. Стеклова АН СССР. Для упомянутого объединения характерна попытка трактовать логику как фрагмент дискретной математики [19].

Большая работа в области общелогических исследований проводится в секторе логики Института философии АН СССР, образованном в 1960 г. Разрабатываемая здесь современная логическая проблематика нашла свое освещение в серии логических сборников [20].

Ряд логиков группируется вокруг кафедры логики философского факультета МГУ (А. А. Старченко, В. А. Бочаров, Е. К. Войшвилло, В. В. Воробьев, Д. И. Киреев, Е. Б. Кузина, В. Г. Кузнецов, В. С. Меськов, Е. Д. Смирнова, Н. И. Стяжкин и др.) [21].

Несомненного внимания заслуживают полученные советскими логиками решения ряда традиционных философских проблем на базе использования точных методов математической логики. Например, И. Нарский предложил один из вариантов решения давно поставленной проблемы о так называемых вторичных качествах с помощью применения диспозиционных предикатов [22].

жений.— Там же; *Марков А. А.* Математическая логика.— В кн.: Филос. энцикл. М., 1964, т. 3; *Яновская С. А.* Логика классов.— Там же; *Войшвилло Е. К.* Понятие (в формальной логике).— В кн.: Филос. энцикл. М., 1967, т. 4.

[19] См.: *Яблонский С. В.* О суперпозициях функций алгебры логики.— Мат. сб. М., 1952, т. 30 (72), вып. 2; *Он же.* О функциональной полноте в трехзначном исчислении.— Докл. АН СССР, 1954, т. 95, вып. 6; *Он же.* Функциональные построения в n-значной логике.— Тр. МИАН им. В. А. Стеклова АН СССР, 1958, т. 51; *Гаврилов Г. П., Кудрявцев В. Б., Яблонский С. В.* Функции алгебры логики и классы Поста. М., 1966. Многозначные логики и их обобщения рассматривались в ряде докладов на семинаре по дискретному анализу в МГУ (см., напр., *Гаврилов Г. П.* О мощности предельных логик, обладающих конечным базисом.— В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1969, вып. 21).

[20] См.: Логические исследования. М., 1959; Применение логики в науке и технике. М., 1961; Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962; Проблемы логики. М., 1963; Проблемы логики научного познания. М., 1964; Формальная логика и методология науки. М., 1964; Логическая структура научного познания. М., 1965; Логика научного исследования. М., 1965; Логическая семантика и модельная логика. М., 1967; Исследования по формализованным языкам и неклассическим логикам. М., 1974; Теория логического вывода. (Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. Москва, март 1974 г.). М., 1974 и др.

[21] Научно-педагогическая деятельность кафедры логики философского факультета МГУ за период с 1947 по 1979 гг. кратко охарактеризована в обобщающей статье: *Старченко А. А., Стяжкин Н. И.* Деятельность кафедры логики по подготовке кадров и развитию научных исследований (1947—1979 гг.).— Вестн. МГУ, 1980. Сер. 7, философия, № 2. См. также: *Нарский И. С.* О положении в логике и ее месте в университетском образовании.— Филос. науки, 1966, № 3.

[22] См.: *Нарский И. С.* Диспозиционные предикаты в логике и проблема «вторичных качеств».— Филос. науки, 1965, № 5.

Д. Горский применил идеи и методы современной логики к анализу видов абстрагирования и форм образования понятий[23]. В частности, им впервые на терминологическом уровне было введено понятие об идеализации; дана обоснованная типология видов абстракции, идеализации и обобщения; проанализирован логический аспект важной философской проблемы понимания[24].

Другая группа результатов идет по линии радикально новой трактовки классических проблем формальной логики. В частности, были проведены исследования, связанные с далеко идущей дифференциацией понятия логического следования, с усилением разработки проблем многозначной логики, модальной логики[25], интенсиональной логики и формальной семиотики[26]. Теория натурального вывода разрабатывалась В. А. Смирновым и Е. К. Войшвилло. В монографии В. Смирнова обоснована особая значимость понятия структуры вывода в релевантной логике, для которой им доказан ряд дедукционных теорем. Для системы релевантной логики без закона дистрибутивности им построено секвенциальное исчисление и для него доказана теорема об устранимости сечения[27]. Варьируя понятие вывода, В. Смирнов строит на этой базе различные системы импликации. Ряд результатов В. Смирнова в этой области был развит его учеником В. М. Поповым[28].

Е. Войшвилло разрабатывает метод «естественного» вывода, предлагая понятие зависимости для формул и строя на этой основе принципиально новую систему релевантной логики[29].

Значительное внимание уделялось разработке математических моделей силлогистики. Анализ так называемых цепей классических

[23] См.: *Горский Д. П.* Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961.

[24] См.: *Горский Д. П.* Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания.— В кн.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.

[25] См.: *Серебрянников О. Ф.* Понятие модальности в формальной логике.— В кн.: Вопросы диалектики и логики. Л., 1964; *Слинин Я. А.* Проблема разрешения в модальной логике Льюиса.— Вестн. ЛГУ, 1965, № 23; *Боброва Л. А.* К проблеме логического следования.— Вестн. МГУ, 1966, № 2. Сер. философии. Систематическую разработку проблем деонтической логики предпринял А. А. Ивин (1967); ряд интересных результатов в теории сильного логического следования и интенсиональной логики получены Е. А. Сидоренко (1973) и Е. К. Войшвилло. См. также: *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1970; *Он же.* Логика норм. М., 1973; *Сидоренко Е. А.* Общая теория логического следования.— В кн.: Теория логического следования. М., 1973; *Сидоренко Е. А., Таванец П. В.* Проблема логического следования в современной логике и философии.— В кн.: Теория логического вывода. М., 1973; *Сидоренко Е. А.* Некоторые валидные расширения релевантных систем.— В кн.: Логический вывод. М., 1979; *Ракитов А. И.* Курс лекций по логике науки. М., 1971; *Слинин Я. А.* Современная модальная логика. Л., 1976.

[26] См.: *Летичевский А. А.* Синтаксис и семантика формальных языков.— В кн.: Кибернетика. М., 1968, вып. 4.

[27] См.: *Смирнов В. А.* Формальный вывод и логические исчисления. М., 1972.

[28] *Попов В. М.* О разрешимости релевантной системы RAO.— В кн.: Методы логического анализа. М., 1977; *Он же.* О разрешимости релевантной логики RAO.— В кн.: Модальные и интенсиональные логики. Тезисы координационного совещания. М., 1978.

[29] См.: *Войшвилло Е. К.* Понятие зависимости формул в выводах и различные типы импликации.— Вестн. МГУ, 1971, № 2. Сер. философии.

силлогизмов содержится в работах А. Л. Субботина[30]. Ему также принадлежит оригинальная идея использования понятия алгебраической нижней полуструктуры и построения силлогической теории дедукции на базе этого понятия[31]. А. Субботиным проводилось также исследование связи между формализованной силлогистикой и различными типами систем так называемой обобщенной силлогистики.

Исследования А. Субботина по формализации силлогистики были продолжены В. Бочаровым в серии его публикаций, посвященных разработке силлогистики без экзистенциальных предпосылок[32].

Оригинальный подход к логической семантике, результатом которого явилось новое определение ряда фундаментальных понятий (в том числе понятия семантической когерентности) был предложен В. К. Финном, позднее положенный им в основу исследований по метаинформатике[33].

В работах А. Кузнецова рассмотрены неплоские бесповторные схемы (1958), проанализированы структуры с замыканием в связи с критериями функциональной полноты (1961), выявлена связь расширений конструктивной логики с теорией конечных структур (1963), введено понятие об аналогах «штрих Шеффера» в конструктивной логике (1965)[34], и, наконец, получена серия результатов, касающихся средств обнаружения невыводимости и неопределимости (1979)[35].

А. Г. Драгалин, обобщив семантики Бета и Крипке, доказал важную теорему об устранимости сечения в интуиционистской теории типов, в которой принимается тезис объемности[36].

[30] См.: *Субботин А. Л.* О цепях классических силлогизмов.— Филос. науки, 1959, № 3. Развивая результаты А. Л. Субботина, А. Д. Закревский, двадцать лет спустя, выявил связи полисиллогистики с задачами теории дискретных автоматов (см. *Закревский А. Д.* К формализации полисиллогистики.— В кн.: Логический вывод. М., 1979). См. также: *Субботин А. Д.* Полисиллогизм.— Филос. энцикл. М., 1967, т. 4.

[31] См.: *Субботин А. Л.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения алгебры.— В кн.: Формальная логика и методология науки. М., 1964; *Он же.* Теория силлогистики в современной формальной логике. М., 1965.

[32] См.: *Бочаров В. А.* Экзистенциальные предпосылки и силлогистика.— В кн.: Релевантные логики и теория логического следования. (Материалы второго советско-финского коллоквиума по логике. Москва, 3—7 декабря 1979 г.). М., 1979.

[33] См.: *Лахути Д. Г., Ревзин И. И., Финн В. К.* Семантика в логике.— БСЭ, т. 51. М., 1958; *Финн В. К.* К определению семантической когерентности.— В кн.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.

[34] См.: ДАН СССР, 1965, т. 160, вып. 2.

[35] См.: *Кузнецов А. В* О средствах для обнаружения невыводимости или невыразимости.— В кн.: Логический вывод. М., 1979.

[36] См.: *Драгалин А. Г.* Алгебраические модели интуиционистских теорий.— В кн.: Логический вывод. М., 1979; *Он же.* Полнота арифметики с конструктивным правилом бесконечной индукции.— В кн.: Теория алгоритмов и математическая логика. М., 1974; *Он же.* К интуиционистской теории моделей.— В кн.: История и методология естественных наук. Математика и механика. М., 1973, вып. 14; *Он же.* Алгебраические модели интуиционистской логики.— В кн.: Теория логического вывода. (Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. Москва, 1974). М., 1974.

Ю. А. Петров проанализировал и частично обосновал известную гипотезу Я. Лукасевича, касающуюся системы аксиом отбрасывания в формальной системе аристотелевской силлогистики [37].

М. М. Новоселов предложил заслуживающее серьезного внимания понятие интервала абстракции [38].

Экспликацию понятий логической формы, исходя из львовско-варшавской теории семантических категорий, предприняла Е. Д. Смирнова. Она же занималась проблемой экспликации понятия аналитической истины для специальной группы искусственных языков [39].

В работах Б. Бирюкова, выполненных начиная с 60-х годов, был дан логико-методологический анализ некоторых (в том числе и формально-логических) абстракций, входящих в качестве предпосылок в фундамент кибернетики. В рамках анализа различных уровней абстракции в кибернетике и ее логических средств [40] была рассмотрена проблема возможностей кибернетики на уровне принципиальной и фактической реализуемости, причем показано, что эти уровни связаны с ослаблением исходных формально-логических абстракций потенциальной осуществимости и отождествления, а также абстракции безошибочности [41].

В ряде статей и монографий Б. Бирюков (и его соавторы) обстоятельно проанализировали логические аспекты методов формализации, алгоритмизации и моделирования. В частности, Б. Бирюковым было показано, как известная логико-психологическая теория «группировок» интеллекта, разработанная Ж. Пиаже, может быть

[37] См.: *Петров Ю. А.* Об одной гипотезе Я. Лукасевича.— В кн.: Формальная логика и методология науки. М., 1964. В дальнейшем Ю. А. Петров сосредоточил внимание на анализе логико-методологических проблем абстракции бесконечности и потенциальной осуществимости в связи с методологическими вопросами соотношения логики и диалектики. См.: *Петров Ю. А.* Некоторые логические и философские проблемы абстракции бесконечности.— Вестн. МГУ, 1964, № 3. Сер. философия; *Он же.* Три аспекта отображения движения в мышлении.— Вопр. философии, 1967, № 7; *Он же.* Логические проблемы абстракции бесконечности и осуществимости. М., 1967; *Он же.* Гносеологическая роль формализованных языков.— В кн.: Язык и мышление. М., 1967; *Он же.* Математическая логика и материалистическая диалектика. М., 1974; *Он же.* Логические основания теорий.— В кн.: Философские основания естествознания. М., 1977; *Он же.* Методологические вопросы анализа научного знания. М., 1977.

[38] См.: *Новоселов М. М.* Абстракции принцип.— БСЭ, 3-е изд. М., 1970, т. 1; *Он же.* Положительная логика.— Там же, т. 4.

[39] См.: *Смирнова Е. Д.* К проблеме аналитического и синтетического.— В кн.: Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962; *Она же.* Формализованные языки и логическая форма. М., 1962; *Она же.* Непротиворечивость и элиминируемость в теории доказательств.— В кн.: Философия в современном мире. Философия и логика. М., 1974.

[40] См.: *Бирюков Б. В., Спиркин А. Г.* Гуманитарные науки, логика и кибернетика.— В кн.: Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964; *Бирюков Б. В.* Кибернетика и логика. М., 1971; *Он же.* Машина и мышление (три принципа).— В кн.: Художественное и научное творчество. Л., 1972; *Бирюков Б. В., Геллер Е. С.* Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973.

[41] См.: *Бирюков Б. В.* Проблема абстракции безошибочности в логике.— Вопр. философии, 1973, № 11.

обобщена до теоретико-группового представления преобразований семантик логических исчислений[42], а также сформулировано положение об абстракции транзитивности объяснительного процесса как методологического регулятива в модельных процедурах, введены меры транзитивности отношения объяснения[43].

Новые идеи были внесены также в теорию понятия в монографическом труде Е. Войшвилло «Понятие»[44]. Здесь уточнена традиционная классификация понятий с помощью оригинального выражения последних на языке логики предикатов; посредством введения непрямых правил вывода усовершенствована система натуральной дедукции Е. Слупецкого и Л. Борковского; заложены основы теории языка-посредника между русским языком и языком логики предикатов; выдвинута новая трактовка содержания понятия как некоторой информации, позволяющая не только различать логический и эмпирический объемы и содержания понятий, но и подводящая к упрощению способов машинного свертывания смысловой информации. Этим была вписана недостающая глава в трактаты по математической логике, в которых не было систематического анализа понятия.

Книга Е. Войшвилло содержит также новый материал для уточнения философской трактовки соотношения категорий общего и индивидуального. В последнее десятилетие Е. Войшвилло занимался выяснением источника парадоксов импликации и следования в классической логике, а также неправильного представления о тавтологическом характере законов логики. Им была построена семантика обобщенных описаний состояния и определено понятие логического следования для высказываний классической логики в релевантном (интенсиопальном) смысле. При этом к понятию следования применен информационный подход. Большой международный резонанс получили и работы Е. Войшвилло, в которых был дан анализ модальностей систем S_4 и S_5 и сформулировано понятие следования в релевантном смысле для этих систем.

Ранее Е. Войшвилло занимался проблемой минимизации функций алгебры логики (1959), а также алгеброй двухполюсных сетей (1964)[45].

[42] См.: *Бирюков Б. В.* Системная сложность интеллекта и теоретико-групповой подход.— В кн.: Общая теория систем и интеграция знаний. М., 1976; *Бирюков Б. В., Тростников В. Н.* Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. М., 1978.

[43] См.: *Бирюков Б. В., Бирюкова Л. Г.* Нетранзитивность научного объяснения и биофизика.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы биофизики. М., 1979.

[44] См.: *Войшвилло Е. К.* Понятие. М., 1967.

[45] См.: *Войшвилло Е. К.* Семантическая информация. Понятие экстенсиональной и интенсиональной информации.— В кн.: Кибернетика и современное научное познание. М., 1976; *Он же.* Логическое следование, связки и законы логики.— В кн.: Модальные и интенсиональные логики. М., 1978; *Он же.* Релевантные логики и теория логического следования.— В кн.: Докл. II-го советско-финского коллоквиума по логике. М., 1979; *Он же.* Метод упрощения форм выражения функций истинности.— Филос. науки, 1959, № 2; *Он же.* Алгебра двухполюсных сетей.— В кн.: Формальная логика и методология науки. М., 1964.

Д. Киреев предпринял оригинальную экспликацию гегелевской теории суждения в терминах современной логики и методологии науки [46].

Весьма велик размах амплитуды теоретических изысканий московских логиков младшего поколения. Так, например, А. Л. Никифоровым был предложен оригинальный способ доказательства предложений в классической и индукционистской логике, в основе которого лежит идеографическое изображение формул логики, предложенное Г. Фреге. Он также занимался анализом проблемы истины и закона в методологии науки (1969)[47]. Экзистенциальные предложения и онтологические допущения в логических теориях разбирал В. В. Целищев [48]. Интересные соображения о логической природе понятия субъективной вероятности выдвинула С. П. Будбаева (1972). Разработку логических систем для квантовомеханических теорий предпринял В. С. Меськов (1974)[49]. А. В. Ницинский разрабатывал оригинальные аксиоматики для модальных логик Я. Лукасевича (1974)[50]. Заслуживающие внимания результаты получены также И. А. Бесковой (1980), А. Н. Булавиновым (1979), Ю. Г. Гладких (1977), А. С. Карпенко (1979), Е. Б. Кузиной (1975), А. Ф. Лихиным (1976), В. М. Поповым (1979), О. А. Солодухиным (1980), З. А. Сокулер (1976), А. Н. Троепольским (1979), А. Ю. Туровцевой (1974), О. С. Тягнибединой (1978), А. В. Щипковой (1980).

В. В. Воробьев пролил свет на модальную логику Диодора Крона [51] и проанализировал ряд натурфилософских теорий времени, значимых с точки зрения формализации современных представлений [52].

[46] См.: *Киреев Д. И.* Методология языка науки и некоторые аспекты теории суждения Гегеля.— Вестн. МГУ, 1980, № 2. Сер. 7, философия.

[47] См.: *Никифоров А. Д.* Проблема истины и закона в методологии науки. Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1969; *Он же.* Определения диспозиционных предикатов.— В кн.: Логика и эмпирическое познание. М., 1972; *Он же.* Модификация табличных построений для классической и интуиционистской пропозициональной логики.— В кн.: Методы логического анализа. М., 1977.

[48] См.: *Целищев В. В.* Экзистенциальные предположения и онтологические допущения в логических теориях. Автореф. дис. канд. филос. наук. Киев, 1968; *Он же.* Логика существования. Новосибирск, 1976; *Он же.* Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977; *Он же.* Понятие объекта в модальной логике. Новосибирск, 1978.

[49] См.: *Меськов В. С.* Исследование логических систем квантовомеханических теорий. Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1974. Логике развития современных физических теорий посвящена работа В. С. Меськова и Б. Н. Пятницына «Наблюдаемость, дополнительность, логические модели дополнительности». (См.: Логика и методология науки. Материалы к XV Всемирному конгрессу философов. М., 1973).

[50] См.: *Ницинский А. В.* Три аксиоматизации модальной логики Я. Лукасевича.— В кн.: Логика и методология научного познания. М., 1974.

[51] См.: *Воробьев В. В.* Импликация и модальности у Диодора Крона.— В кн.: Из истории античной культуры. М., 1976.

[52] См.: *Воробьев В. В.* Понимание времени у Августина (на материале XI книги «Исповеди»).— В кн.: Логические проблемы исследования научного познания (семантический анализ языка). М., 1980.

В. Г. Кузнецов применил аппарат логики изменения для экспликации некоторых аспектов диалектической логики Гегеля[53].

Активно работающие группы логиков находятся не только в Москве, но и в других городах страны. Отметим наиболее интересные из немосковских логических школ.

Ленинградская группа (И. Н. Бродский, О. Ф. Серебрянников, Я. А. Слинин и др.) внесла ценный вклад в эвристику и трактовку проблемы отрицательных высказываний[54], киевская группа (С. В. Крымский, Е. Е. Ледников, В. Н. Костюк, М. В. Попович и др.) тяготеет к логическому и философскому анализу языка науки[55], логики Одессы (А. И. Уемов, В. В. Плесский, В. И. Богданович, Г. Я. Портнов, Л. Н. Сумарокова и др.) — к проблемам формального анализа систем[56], в Саратове (В. В. Вагнер, Ю. Е. Пензов, А. В. Гохман, М. А. Спивак, Г. И. Житомирский, В. В. Розен, А. Г. Рыжков, В. Н. Салий, О. В. Шимельфениг и др.) основное внимание уделяется разработке алгебры отношений вообще и теории бинарных отношений, в частности[57]. Кишиневскую школу логиков возглавил А. В. Кузнецов. Ее представителями (Герчиу В. Я., Негру И. С., Раца М. Ф. и др.) получены ценные научные результаты в области суперинтуиционистских логик, теории обнаружения невыводимости и невыразимости и др.[58]

Логики в Ростове-на-Дону разрабатывают преимущественно проблему существования для логических формализмов[59].

[53] См.: *Кузнецов В. Г.* Логика изменения.— В кн.: Проблемы логики, методологии и истории науки. М., 1978, вып. 2.

[54] См.: *Серебрянников О. Ф.* Эвристические возможности методов формальной логики.— В кн.: Некоторые вопросы методологии научного исследования. Л., 1965, вып. 1; *Он же.* Эвристические принципы и логические исчисления. М., 1970; *Бродский И. Н.* Элементарное введение в символическую логику. Л., 1972; *Он же.* Отрицательные высказывания. Л., 1973. Важной оказалась, в частности, идея О. Ф. Серебрянникова о различении существенных и фиктивных вхождений простых высказываний в сложные. Серебрянникову также принадлежит новое доказательство нормализационной теоремы для исчисления предикатов с отношением равенства (1974).

[55] См.: *Попович М. В.* О философском анализе языка науки. Киев, 1966; *Он же.* Логика и научное познание. Киев, 1971; *Ледников Е. Е.* Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. Киев, 1973; *Костюк В. Н.* Случайное, его определение и применение.— В кн.: Логика и эмпирическое познание. М., 1972; *Он же.* Элементы модальной логики. Киев, 1978; *Он же.* Возможные миры в классической логике.— В кн.: Логика и онтология. М., 1978.

[56] См.: Проблемы формального анализа систем. М., 1968.

[57] См.: *Пензов Ю. Е.* Элементы математической логики и теории множеств. Саратов, 1968.

[58] См.: *Герчиу В. Я.* Сверхнезависимые суперинтуиционистские логики.— Мат. исследования. Кишинев, 1970, т. 5, вып. 3; *Негру И. С.* О некоторых мощностных свойствах структуры примитивной логики.— Мат. исследования. Кишинев, 1973, т. 8, вып. 3; *Раца М. Ф.* Критерий функциональной полноты в интуиционистской логике высказываний.— ДАН СССР, 1971, т. 201, № 4; *Кузнецов А. В.* О средствах для обнаружения невыводимости или невыразимости.— В кн.: Логический вывод. М., 1979.

[59] См.: *Гладких Ю. Г.* Трактовка существования в формальной логике.— Вопр. философии, 1970, № 9; *Он же.* The First Order Logic of Existence.— Материалы IV Скан-

Интересные исследования принадлежат З. Н. Микеладзе, который занимался, в частности, уточнением дефиниции А. Тарского для логического объекта[60]. Представители тбилисской школы логики (Эсакиа Л. Л., Месхи В. Ю. и др.) занимались также анализом актуальных проблем модальной логики[61]. Ереванскую логическую школу возглавил Г. А. Брутян[62].

Для разработки и пропаганды логических идей большое значение имеют публикации в журналах «Вопросы философии» и «Философские науки»[63].

Среди советских логиков есть немало исследователей, работающих в области логики науки[64]. Проблемы идеализации и определения анализировал Д. П. Горский[65]. В частности, им разработано учение о видах определения; уточнен сам термин «определение» («дефиниция»), рассмотрены особенности определений в формализованных теориях и формальных системах. Специально предпринята попытка эксплицировать особенности дефиниций в физических теориях и общественных науках, что имеет фундаментальное методологическое значение.

динавского симпозиума по логике. Ювяскюля, Финляндия, 1976; *Он же.* Первопорядковая логика существования: теоретико-истинностный подход.— Материалы VII Всесоюзного симпозиума по логике и методологии науки. Киев, 1976.

[60] См.: *Микеладзе З. Н.* Об одном классе логических понятий.— В кн.: Логический вывод. М., 1979; *Он же.* Полный обзор подходящих абстрактов.— В кн.: Теория логического вывода. М., 1974, ч. 1. З. Н. Микеладзе разрабатывал также комбинаторные методы в теории квантификации. (См.: Логический вывод. М., 1979).

[61] См.: *Esakia L., Meskchi W.* Fide Critical model System.— Theoria, 1977, v. 43.

[62] См.: *Брутян Г. А.* Логика. Ереван, 1957 (на арм. яз.); *Он же.* Гипотеза Сепира-Уорфа. Лекция, прочитанная в Лондонском университете в 1967 г. Ереван, 1968; *Он же.* О гипотезе Сепира-Уорфа.— Вопр. философии, 1969, № 1. См. также: *Джиджян Р. Э.* Расширенная силлогистика. Ереван, 1977; *Он же.* Хотя Лукасевич и не нуждается в защите.— Вестн. Ереванского ун-та, 1975, № 1; *Заславский И. Д.* Симметрическая конструктивная логика. Ереван, 1978.

[63] Большую роль в пропаганде логических знаний сыграли также переводные работы, из которых отметим: *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М., 1946; *Тарский А.* Введение в логику и методологию науки. М., 1948; *Черч А.* Введение в математическую логику. М., 1960; *Гудстейн Р. Л.* Математическая логика. М., 1961; Математическая логика и ее применение. М., 1965; Математическая теория логического вывода. М., 1967.

[64] Среди работ на эту тему отметим, в частности, следующие: *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание. М., 1969; *Бирюков В. В.* Кибернетика и логика. М., 1977; *Ладенко И. С.* Интеллектуальные системы и логика. Новосибирск, 1973; *Вермель И. Г.* Вопросы логики в судебно-медицинских заключениях (по делам о правильности действий медицинских работников). М., 1974; *Манеев А. К.* Философский анализ антиномий науки. Минск, 1974; *Лохтионов В. И.* Нетрадиционные концепции в теории значения. М., 1974; *Карпович В. И.* Термины в структуре теорий. Логический анализ. Новосибирск, 1978.

[65] См.: *Горский Д. П.* О процессе идеализации и его значении в научном познании.— Вопр. философии, 1963, № 2; *Он же.* О видах определений и их значении в науке.— В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964; *Он же.* Определение. М., 1974. Д. П. Горский специально изучал методологические трудности, связанные с задачей проведения твердого сечения в нестабильном континууме.

Г. И. Рузавин[66] и Б. Н. Пятницын[67] обсуждали возможность использования методов вероятностной логики для анализа некоторых умозаключений индуктивного типа, А. И. Уемов исследовал такую разновидность выводов по аналогии, которая была неизвестна традиционной логике. Е. К. Войшвилло занимался приложением математической логики к теории информации. А. А. Старченко исследовал взаимоотношение логики и юриспруденции. В. Н. Садовский и А. Л. Никифоров рассматривали проблему развития научной теории[68]. Н. И. Стяжкин, Н. В. Богданова, И. М. Монастырский, Б. Р. Певзнер и другие разрабатывали логико-семантические методы в реферистике и теории классификации[69]. Наметились также некоторые логические выходы в науковедческую проблематику[70], проявился интерес к трактовке соотношения эмпирического и теоретического[71]. Вопросами применения логики к теории управления специально занимался Ю. В. Ивлев. Немало сил в крити-

[66] См.: *Рузавин Г. И.* Вероятностная логика и ее роль в научном исследовании.— В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964.

[67] См.: *Пятницын Б. Н.* Философские проблемы вероятностных и статических методов. М., 1976.

[68] См.: *Уемов А. И.* Вещи, свойства, отношения. М., 1963; *Он же.* Строение умозаключений как проблема логики научного познания.— Вопр. философии, 1966, № 7; *Он же.* Логические основы метода моделирования. М., 1971; *Войшвилло Е. К.* Опыт семантической интерпретации статистических понятий и энтропии.— В кн.: Кибернетику на службу коммунизму. М., 1966, вып. 3; *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании. М., 1958. В этой книге, в частности, вскрывается сложный «механизм» взаимодействия в юридической теории и практике логических приемов дедукции, редукции и абдукции, а также аналогии и гипотезы, См. также: *Старченко А. А.* Гипотеза. М., 1962; *Он же.* Элементы логики в ораторской речи. М., 1976; *Он же.* Логические основы полемики.— В кн.: Об искусстве полемики. М., 1980; *Садовский В. Н.* Дедуктивный метод как проблема логики науки.— В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964.

[69] См.: *Стяжкин Н. И., Певзнер Б. Р.* Об одном методе спецреферирования.— В кн.: Проблемы логики. М., 1963; *Стяжкин Н. И., Певзнер Б. Р., Монастырский И. М.* Метод дескрипторного реферирования.— Научно-техническая информация, 1964, № 2; *Стяжкин Н. И., Стяжкина Г. П.* Некоторые методологические проблемы реферистики.— Вопр. философии, 1970, № 2; *Богданова Н. В., Петров А. А., Стяжкин Н. И.* Об одном способе алгоритмического построения предметных указателей, базирующемся на логическом анализе информационно-поисковых языков.— Научные и технические библиотеки СССР, 1973, вып. 5 (117); *Богданова Н. В., Стяжкин Н. И., Тафипольская М. Я.* Об основных тенденциях в развитии методов автоматической классификации.— В кн.: Труды ГПНТБ СССР. М., 1973, вып. 6; *Баркалова О. М., Стребкова О. Г., Стяжкин Н. И.* О принципах и перспективах разработки классификатора ОРД.— В кн.: Труды ВНИИДАД, т. V, ч. I. М., 1974. Решению важной проблемы сопряжения различных классификаций посвящена монография Б. Г. Миркина (*Миркин Б. Г.* Об аспоматических подходах к согласованию классификаций. Новосибирск, 1971).

[70] См.: *Стяжкин Н. И., Кузнецов И. П., Мацко Е. К., Стяжкина Г. П., Шувалов А. В.* Назревшие методологические проблемы науковедения.— Филос. науки, 1970, № 1; *Рачков П. А.* Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М., 1974.

[71] См.: *Войшвилло Е. К., Никифоров А. Л.* Проблема взаимоотношения эмпирического и теоретического знаний.— В кн.: Диалектика научного познания. М., 1978; *Горский Д. П.* Проблемы определения в теориях математического естествознания.— В кн.: Логика и эмпирическое познание. М., 1972.

ческий анализ логико-методологической концепции К. Поппера вложила Е. Б. Кузина[72].

Начиная со второй половины 50-х годов, в Советском Союзе стали публиковаться исследования, посвященные тем или иным аспектам истории формирования символической логики[73]. Затрагиваемые в этих работах проблемы рассматривались в связи с историей и методологией научного познания[74]. Интересу советских логиков

[72] См.: *Ивлев Ю. В.* Основания логики норм.— Филос. науки, 1969, № 6; *Он же.* Логика в управлении. М., 1979; *Кузина Е. Б.* К вопросу о месте теории фальсификации К. Поппера в неопозитивизме.— Вестн. МГУ, 1974, № 4, Философия; *Она же.* Идея развития науки в логической концепции К. Поппера.— В кн.: Философские исследования. М., 1975, вып. 1.

[73] См.: *Стяжкин Н. И.* К вопросу о вкладе П. С. Порецкого в развитие математической логики.— Вестн. МГУ, 1965, № 1. Сер. философии, экономики и права; *Он же.* К характеристике ранней стадии в развитии идей математической логики.— Филос. науки, 1958, № 3; *Бирюков Б. В.* Как возникла и развивалась математическая логика.— Вопр. философии, 1959, № 7; *Он же.* О работах Фреге по философским вопросам математики.— В кн.: Философские вопросы естествознания. М., 1959, вып. 2; *Он же.* Теория смысла Готтлоба Фреге.— В кн.: Применение логики в науке и технике. М., 1960; *Гетманова А. Д.* О некоторых взглядах Лейбница на соотношение математики и логики.— В кн.: Некоторые философско-теоретические вопросы физики, математики и химии. М., 1959; *Стяжкин Н. И.* Обоснование и анализ логических методов Дж. Буля.— Вестн. МГУ, 1960, № 1. Сер. VIII, экономика и философия; *Смирнов В. А.* Логические взгляды Н. А. Васильева.— В кн.: Очерки по истории логики в России. М., 1962; *Таванец П. В., Рузавин Г. И.* Основные этапы развития формальной логики.— В кн.: Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962; *Стяжкин Н. И., Силаков В. Д.* Краткий очерк истории общей и математической логики в России. М., 1962; *Болтаев М. Н.* Вопросы гносеологии и логики Ибн Сины и его школы. Душанбе, 1964; *Стяжкин Н. И.* Становление идей математической логики. М., 1964; *Он же.* History of Mathematical Logic from Leibniz to Peano. The M-T Press. Cambridge Massachusetts, USA and London, 1969; *Он же.* Storia della logica. Roma, 1980; *Он же.* Формирование математической логики. М., 1967; *Федоров Б. И.* Основные идеи логики Б. Больцано.— Вестн. ЛГУ, 1968, № 11; *Он же.* Философские основы логической теории Б. Больцано.— В кн.: Некоторые вопросы философских наук. Л., 1968; *Он же.* О подходе В. Больцано к теории логического следования.— Вопр. философии, 1969, № 11; *Закуев А. К.* Из истории арабо-язычной логики средних веков. Баку, 1971; *Попов П. С., Стяжкин Н. И.* Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974; *Роговой Ю. П.* Логические исследования И. Г. Ламберта.— Вестн. ЛГУ, 1974, № 17, вып. 3. Сер. экономика, философия, право; *Туровцева А. Ю.* Эволюция взглядов Эрнста Шредера на логическую формализацию.— В кн.: Всесоюзный симпозиум по теме «Теория логического вывода». М., 1974, ч. II; *Микеладзе З. Н.* Основоположения логики Аристотеля.— В кн.: Аристотель. Соч. М., 1978, т. 2; *Он же.* Комментарии к «Органону» Аристотеля.— Там же; *Попович М. В.* Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев, 1979; *Воробьев В. В.* Импликация и модальности у Диодора Кроноса.— Из истории античной культуры. М., 1976; *Он же.* Понимание времени у Августина (на материале XI книги «Исповеди»).— В кн.: Логические проблемы исследования научного познания. М., 1980; *Федоров В. И.* Логика Бернарда Больцано. Л., 1980. Неаристотелевы логики Н. А. Васильева в контексте становления идей паранепротиворечивой логики проанализированы в кандидатской диссертации В. В. Амосовой (М., 1981, МГУ).

[74] См.: *Кедров Б. М.* «Фазовый способ» в формальной логике.— В кн.: Применение логики в науке и технике. М., 1961; *Танхилевич О. М.* Лейбницевская концепция символической науки.— Филос. науки, 1961, № 2; *Плечкайтис Р. М.* Схоластическая логика в Литве.— Учен. зап. высш. учеб. заведений Лит.ССР. Философия, т. 2, вып. 2; *Он же.* Feodalizmo laikotarpio filosofija Lietuvoje. Vilnius, 1975; *Гетманова А. Д.* Отрицания в системах формальной логики. М., 1973.

к изучению проблем становления логико-математических концепций в наибольшей степени способствовали работы С. А. Яновской [75], к формированию традиционной и гносеологической логики — труды А. С. Ахманова, Н. И. Кондакова, П. С. Попова, А. О. Маковельского и др.[76]

В последнее время исследования по истории математической логики приобретают значение также в контексте формирования идей и методов науковедения. Обстоятельные работы, выясняющие генезис идей модальной логики (в том числе теории деонтических модальностей и временно́й логики) были написаны Я. А. Слининым, Э. Ф. Караваевым, А. А. Ивиным. Ясное и компактное изложение новейшей истории и проблематики логической семантики дано Е. Д. Смирновой и П. В. Таванцом [77].

Историей разработки попыток частичного экспериментального внедрения приемов механизации и автоматизации рассуждения специально занимались А. В. Велигжанинов и Г. Н. Поваров [78].

Немало ценного в историко-логическом отношении материала содержится в работах Н. И. Кондакова (см., например, его «Логический словарь-справочник», 2-е испр. и доп. издание. М., 1975).

Историко-логическими исследованиями активно занимаются и математики. Здесь следует прежде всего назвать работы Ф. А. Медведева, С. Г. Ибрагимова, А. С. Кузичева [79]. В частности, труд последнего о диаграммах Венна содержит ряд ценных исторических экскурсов в идеографию, а также в алгебру логики XIX в.[80] Ценный материал историко-логического характера содержит и работа Е. Е. Ледникова по методологическому сопоставлению неономинализма с неоплатопизмом [81].

[75] В числе историко-логических работ С. А. Яновской особого внимания заслуживает статья «Преодолены ли в современной науке трудности, известные под названием „апории Зенона?“ (см.: в кн.: Проблемы логики. М., 1963).

[76] См.: *Ахманов А. С.* Логическое учение Аристотеля.— Учен. зап. Моск. обл. пед ин-та, 1954, т. 24; *Кондаков Н. И.* Выдающиеся произведения русской логической науки XIX века.— В кн.: Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956; *Он же.* Из истории формальной логики в России в 50-х—80-х годах XIX в.— В кн.: Вопросы теории познания и логики. М., 1960; *Попов П. С.* История логики нового времени. М., 1960; *Асмус В. Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. М., 1965; *Маковельский А. О.* История логики. М., 1967.

[77] См.: *Слинин Я. А.* Теория модальностей в современной логике.— В кн.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967; *Караваев Э. Ф.* Некоторые вопросы развития временной логики.— Филос. науки, 1970, № 1; *Ивин А. А.* Логика времени.— В кн.: Неклассическая логика. М., 1970; *Смирнова Е. Д., Таванец П. В.* Семантика в логике.— В кн.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.

[78] См.: *Велигжанинов В. А., Поваров Г. Н.* К истории создания логических машин.— Вопр. философии, 1971, № 3.

[79] См.: *Медведев Ф. А.* Развитие теории множеств в XIX в. М., 1965; *Ибрагимов С. Г.* О забытых работах Эрнста Шредера, пограничных между алгеброй и логикой.— В кн.: Историко-математические исследования, вып. XVII. М., 1966.

[80] См.: *Кузичев А. С.* Диаграммы Венна. История и применения. М., 1968.

[81] См.: *Ледников Е. Е.* Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. Киев, 1973. «Неоплатонизм» понимается здесь не

Большой философский и общелогический интерес представляют и полученные после 40-х годов результаты, касающиеся оснований математики.

В школе А. А. Маркова и Н. А. Шанина в процессе разработки теории алгоритмов были введены в рассмотрение некоторые специализации нормальных алгоритмов А. Маркова, названные челночными алгоритмами [82]. В философском аспекте они представляют особый интерес в связи с проблемой взаимоотношения человека и вычислительных устройств. К числу ранних результатов по конструктивной логике относится теорема Н. М. Нагорного: Пусть $\mathfrak{a}$ — непустой алфавит, тогда любой алгоритм α над $\mathfrak{a}$ эквивалентен относительно слов Е в $\mathfrak{a}$ новому алгоритму α' в алфавите, получающемся из $\mathfrak{a}$ добавлением одной вспомогательной буквы [83].

Пионером исследований по логическим схемам алгоритмов в Советском Союзе стал Ю. И. Янов. Им была введена система аксиом и правил вывода, описывающая понятие равносильности логических систем алгоритмов при заданном распределении сдвигов [84].

А. П. Ершов «перевел» теорию логических схем алгоритмов Янова на «язык» граф-схем, что позволило существенно упростить аксиоматику преобразований, в частности, сократить ровно наполовину число аксиом Янова. А. П. Ершов предложил весьма интересную, радикально упрощенную систему преобразования алгоритмов в смысле Янова [85].

В школе А. И. Мальцева на основе теоретико-модельных традиций велись интенсивные изыскания по неконструктивным семантическим методам для алгебраических приложений [86]. В теории алгоритмов рассматривались системы, включающие в себя команды как подстановки, эквивалентные некоторым дедуктивным правилам. Такие системы обходятся как без аксиом, так и без элементарных теорем, но зато используют специальные правила, определяющие

в историко-философском смысле, а сугубо в методологическом контексте, ибо приставка «нео» относится к работам XX в.

[82] См.: *Марков А. А.* Теория алгоритмов.— Труды МИАН СССР, т. 42, 1954; *Он же.* О конструктивной математике.— Там же, т. 67, 1962; *Он же.* Zur Logik der Konstruktiwen Matematik. Berlin, 1970.

[83] См.: *Нагорный Н. М.* К усилению теоремы приведения алгоритмов.— ДАН СССР, т. 90, 1953, с. 341—342.

[84] См.: *Янов Ю. И.* О логических схемах алгоритмов.— В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1958, вып. 1.

[85] См.: *Ершов А. П.* Операторные алгоритмы.— В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1962, вып. 8; *Он же.* Об операторных схемах Янова.— Там же. М., 1968, вып. 20; См. также: *Алферова З. В.* Теория алгоритмов. М., 1973.

[86] См.: *Ершов Ю. Л., Лавров И. А., Тайманов Л. Д., Тайцлин М. А.* Элементарные теории.— Усп. мат. науки, 1965, т. 20, вып. 4.

С точки зрения разрабатываемых специальных приемов, школа А. И. Мальцева близка к традициям, восходящим к А. Тарскому. Ряд результатов Ю. Л. Ершова нашел отражение в кн.: *Ершов Ю. Л., Палютин Е. А.* Математическая логика. М., 1979. При работе над этой книгой авторы частично использовали записи курсов лекций А. И. Мальцева и Ю. Л. Ершова. См. также: *Ершов Ю. Л., Палютин Е. А., Тайцлин М. А.* Математическая логика. Новосибирск, 1973.

отношение следования. В философском плане эти результаты интересны тем, что они явно несовместимы с попытками основоположника интуиционизма Л. Э. Я. Брауэра навсегда «похоронить» ту часть классической математики, которая опирается на использование закона исключенного третьего в применении к бесконечным совокупностям предметов [87].

В школе А. Н. Колмогорова математическая логика разрабатывалась не только в аспекте оснований математики, но и применительно к областям, традиционно считавшимися гумапитарными (например, к лингвистике)[88]. В этом плане наиболее значительны исследования известных советских математиков В. А. Успенского, Ю. А. Шрейдера, Р. Л. Добрушина и других ученых [89].

В группе Н. А. Шанина было проведено различие между «алгоритмом-оракулом» и «алгоритмом-интеллектуальным партнером». Первый перерабатывает заданную формулу в ответы «да» либо «нет»; второй сопоставляет с любой доказуемой формулой ее вывод. В методологическом аспекте указанное различение не очень способствует уточнению понятий «классического» и «конструктивного» в математике и логике.

Серию исследований по структурной теории доказательств предпринял Г. Е. Минц [90].

В школе П. С. Новикова в центре внимания стояли некоторые теоремы неразрешимости в связи с теорией алгоритмов [91]. Средства-

[87] Конкретную сводку некоторых результатов направления А. И. Мальцева см. в работе: *Мальцев А. И.* Алгоритмы и рекурсивные функции. М., 1965. В лучших традициях школы А. И. Мальцева выполнена серия исследований Л. Л. Максимовой (Сибирское отделение АН СССР). См.: *Максимова Л. Л.* Интерпретация и теоремы отделения для исчислений E и R.— Алгебра и логика. Новосибирск, 1971, т. 10, № 4; *Она же.* Предтабличные суперинтуиционистские логики.— Алгебра и логика. Новосибирск, 1972, т. 11, № 5; *Она же.* Импликационные решетки.— Алгебра и логика, 1973, т. 12, № 4; *Она же.* Булевозначные модели модальной логики.— В кн.: VII Всесоюзная конференция по математической логике. (Тезисы сообщений). Киев, 1976.

[88] См.: *Колмогоров А. Н.* О понятии алгоритма.— Усп. мат. наук, 1953, т. 8, вып. 4; *Колмогоров А. Н., Успенский В. А.* К определению алгоритма.— Усп. мат. наук, 1958, т. 13, вып. 4 (82); *Колмогоров А. Н.* Автоматы и жизнь.— В кн.: Машинный перевод и прикладная математика. М., 1961, вып. 6; *Он же.* Три подхода к определению понятия «количество информации». М., 1965. Внедряя математико-логические алгоритмы в гуманитарную сферу, А. Н. Колмогоров заведомо не пытается изобразить их как альтернативы традиционно сложившимся методом исследования. Так, например, подвергая математическому анализу процессы стихосложения, он вовсе не преследует цель помогать поэтам писать стихи.

[89] См., напр.: *Успенский В. А.* Лекции о вычислимых функциях. М., 1960; *Он же.* К определению части речи в теоретико-множественной системе языка.— Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода. М., 1967, вып. 5.

[90] См.: *Минц Г. Е.* Бескванторные и одноквантороные системы.— Зап. науч. семинаров ЛОМИ, 1971, т. 20; *Он же.* Финитное исследование трансфинитных выводов.— Зап. науч. семинаров ЛОМИ, 1975, т. 49; *Он же.* Нормализация натуральных выводов и эффективность классического существования.— В кн.: Логический вывод М., 1979.

[91] См.: *Новиков П. С.* Элементы математической логики. М., 1959; *Адян С. Н.* Определяющие соотношения и алгоритмические проблемы для групп и полугрупп.— В кн.: Труды МИАН СССР им. В. А. Стеклова, 1966, т. 8. Основным импульсом, стимулиро-

ми минимальной логики П. С. Новиков доказал омегу-непротиворечивость интуиционистской арифметики.

Получившая интенсивное развитие прикладная логика стала важным вспомогательным аппаратом в кибернетике и технике, теории систем[92].

Общая теория систем, разрабатываемая А. И. Уемовым и другими логиками, будучи существенно отличной от аналогичных по замыслу построений Берталанфи, Месаровича и Эшби, рассчитана на охват весьма широкого класса любых возможных систем (скажем, от системы линейных уравнений до такой сложной самоорганизующейся системы, как человеческая личность)[93]. Эта теория использует язык, заметно отличный от языка узкого исчисления предикатов и вообще от языков теоретико-множественного типа, сохраняя, тем не менее, логизированный характер и используя, в частности, такие понятия как «свойство» и «отношение». Она также строится в некоторых аспектах аналогично физическим теориям подобия и размерности. Первичная категория «элемент», используемая при теоретико-множественном подходе, вытесняется здесь категорией «целостность» в качестве исходной. Списком задается набор общесистемных параметров таких, например, как надежность, гомогенность, стационарность, стабильность и т. п.[94] Дальнейшие исследования по общей теории систем проводились на стыке ряда научных дисциплин, прежде всего логики, дискретной математики и теории упрощения (распространяемой на задачу свертывания смысловой информации).

Тем самым, был продемонстрирован значительный научный потенциал методов прикладной логики.

Заметной вехой в развитии прикладной логики стал выход в свет монографии В. К. Финна «Логические проблемы информационного поиска» (М., 1976), касающейся как логико-семантических, так и логико-математических оснований информационного поиска.

Точка зрения автора на информационный поиск (ИП) достаточно широка — под ИП он понимает не только хранение и извлечение

вавшим открытие ряда теорем о неразрешимости некоторых массовых проблем, в школе П. С. Новикова послужил фундаментальный труд П. С. Новикова (См.: *Новиков П. С.* Об алгоритмической неразрешимости проблемы тождества слов в теории групп.— Труды МИАН СССР им. В. А. Стеклова, т. 44, 1955). См. также *Новиков П. С.* Конструктивная математическая логика с точки зрения классической. М., 1977.

[92] См.: Логические исследования. М., 1959; Кибернетика и логика. Математико-логические аспекты становления идей кибернетики и развития вычислительной техники. М., 1978; *Садовский В. Н., Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969 и др.

[93] См.: *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Уемов А. И., Жариков В. Ю.* К проблеме системной типологии личности (опыт постановки задачи).— Филос. науки, 1977, № 3.

[94] См.: *Богданович В. И.* К определению понятия «системный параметр».— В кн.: Системные исследования. Ежегодник, 1971. М., 1972; *Он же.* Представление системных параметров с помощью логических уравнений.— В кн.: Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1972, вып. 2.

нужной потребителю информации, но и логическую обработку данных, моделирующую рассуждение человека.

В силу этого В. Финн устанавливает тесную связь между проблемами ИП и проблематикой так называемого искусственного интеллекта. Одно из основных понятий — «система, имитирующая информационный поиск» — фактически является логико-семиотическим представлением (в абстрактном виде) некоторого класса неиндуктивных искусственных интеллектов.

Весьма плодотворна идея автора рассмотреть моделирование ИП как некоторое соответствие между «логикой данных» (язык-объект) и «логикой обработки данных» (метаязык), которая является модификацией классических результатов А. Тарского и Д. А. Бочвара относительно разделения языка рассуждений на язык-объект и метаязык.

Одним из исходных пунктов развиваемой В. Финном теории является диалогический принцип моделирования ИП, т. е. представление «спрашивающего» и «отвечающего» в виде некоторых семиотических систем. Отсюда следует, в частности, возможность моделирования динамики ИП, т. е. самообучения с включением ответов в ИПС.

Важной является идея В. Финна о применении трехзначных логик к ИП, ибо наличие исхода «неопределенно» помимо исходов «да» и «нет» является существенным как для стратегий ИП, так и для моделирования интеллектуальной деятельности человека вообще.

Следует отметить также интересный результат Финна о сводимости так называемого дискрипторного поиска к фактографическому. Метаинформационное исследование Финна является заметным вкладом в логико-семиотические методы моделирования интеллектуальной деятельности, которые формируются на базе полученных им результатов по непостовским логикам.

Логико-семиотические основы информатики явились также объектом изысканий и в ряде других исследований советских логиков и математиков [95].

[95] См.: *Шрейдер Ю. А.* Логика знаковых систем. М., 1974; *Коршунов А. М., Мантатов В. В.* Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.

Логико-семиотические проблемы нашли отражение в трудах Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам (Тарту, 1974). Логико-семиотические методы в различных областях науки ранее разрабатывали: в исследовании логики поэзии — С. Р. Вартазаряи (1971); в изучении логики естественного языка — Р. И. Павиленис (1971); применительно к концептуальному аппарату анализа языка науки — В. Б. Родос (1973); наконец, в связи с некоторыми вопросами социологии мышления — К. Р. Мегрелидзе (1965). См. также: *Шрейдер Ю. А.* Семиотические основы информатики. М., 1974.

На базе дедуктивных систем с уточнениями, разрабатываемых С. Ю. Масловым (1979), оказывается возможным логическое моделирование процесса биологической эволюции. См.: *Маслов С. Ю.* Дедуктивные системы с уточнениями.— В кн.: Логический вывод. М., 1979.

Бурное развитие логических исследований в СССР оказывает всевозрастающее влияние на методы и содержание других наук, и, в том числе, философии.

2
Психология

Для каждой психологической теории исходным является решение вопроса о природе психического. От этого решения, всегда связанного с философским воззрением на отношение сознания и бытия, духа и материи, зависит характеристика психики, определение предмета психологической науки и ее задач. От него зависит и разработка методологических принципов, которые направляют научный поиск и объединяют результаты исследований.

Советская психологическая наука открыла новый период в истории не только отечественной психологии, но и в истории мировой психологической науки — ее целью становится создание диалектико-материалистической психологической теории. История советской психологии — это первый опыт применения в психологической теории марксистских философских принципов и, вместе с тем, первый опыт развития психологической науки в условиях нового общественного строя[96]. Психологам предстояло овладеть философией марксизма и разработать методологические основы построения новой системы психологии.

В числе первых психологов, выступивших за построение диалектико-материалистической психологии, были П. П. Блонский и К. Н. Корнилов. «Научная психология ориентируется на марксизм»,— писал П. П. Блонский в 1920 г.[97] В 1922 г. вышла книга К. Корнилова «Учение о реакциях человека», в которой автор требовал полного отделения психологии от философии, имея в виду идеалистическую философию. На I Всероссийском съезде по психоневрологии, состоявшемся в Москве в январе 1923 г., К. Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм», призывал к созданию системы марксистской психологии[98]. Его доклад стал главным событием съезда. Участники съезда В. В. Крамер, А. П. Нечаев и Г. И. Челпанов, продолжавший руководить Институтом психологии, созданным им в дореволюционные годы при Московском университете, надеялись отстоять позиции идеализма в психологии. Однако доклад К. Корнилова был поддержан большинством участников съезда. Против идеалистической психологии выступила большая

[96] См.: *Петровский А. В.* История советской психологии. М., 1967; *Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975; *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972; *Ярошевский М. Г.* История психологии. 2-е изд. М., 1976.

[97] *Блонский П. П.* Реформа науки. М., 1920, с. 34.

[98] См.: *Корнилов К. Н.* Современная психология и марксизм.— Под знаменем марксизма, 1923, № 1.

группа петроградских психологов и врачей, которую возглавлял В. М. Бехтерев.

Через год в Петрограде состоялся II Всероссийский съезд по психоневрологии. К. Корнилов сделал на нем доклад «Диалектический метод в психологии»[99]. Газета «Правда» в статье о работе съезда писала: «Центр внимания съезда прикован к основным методологическим, принципиальным вопросам психоневрологии, т. к. революция в первую голову требует новой, немыслимой в прежние времена, постановки задачи и методов научной деятельности... Революция завоевала не только ученых, но и науку»[100]. Представителям идеалистического направления и на этом съезде не удалось перейти в наступление. Выдвинутый известным в предреволюционные годы психологом А. Нечаевым тезис «ни идеализма, ни материализма» был отвергнут и оценен участниками съезда как намерение реставрировать старую интроспективную психологию.

В 1923 г. Г. Челпанов был отстранен от руководства Институтом экспериментальной психологии. Директором его стал К. Корнилов. Защищая свои позиции, Г. Челпанов опубликовал ряд полемических брошюр «для разъяснения вопроса о том, какова должна быть психология при идеологии марксизма»[101]. Накануне революции он настаивал на системе философской психологии, предлагая в качестве ее опоры гуссерлианство[102]. Но после революции он заявляет, что психология — экспериментальная наука, а потому независима от философии: «В системе Маркса... современная научная психология, обозначающая себя эмпирической, вследствие того, что она отмежевывается от всякой метафизики, остается без изменения и по методу и по содержанию»,— иначе говоря, к ней неприменим диалектический материализм[103].

Г. Челпанов допускал, что марксистской может стать социальная психология, но не эмпирическая, под которой он разумел интроспективную психологию[104].

В борьбе против идеалистической психологии объединились все психологи, последовавшие призыву строить психологическую теорию на основе диалектико-материалистической методологии. Они единодушно отвергли тезис о независимости психологии от марксизма,

[99] См.: *Корнилов К. Н.* Диалектический метод в психологии.— Под знаменем марксизма, 1924, № 1.

[100] Правда, 1924, 10 янв.

[101] *Челпанов Г.* Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927, с. 3. См. также: *Челпанов Г.* Психология и марксизм. М., 1924; *Он же.* Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения). М., 1925; *Он же.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926; *Он же.* Социальная психология или «условные рефлексы?». М.; Л., 1926.

[102] См.: *Челпанов Г. И.* Об аналитическом методе в психологии.— Психологическое обозрение, 1917, № 1.

[103] *Челпанов Г.* Спиновизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии, с. 45.

[104] См.: *Челпанов Г.* Социальная психология или «условные рефлексы?»; См. также: *Он же.* Спинозизм и материализм. (Итоги полемики о марксизме в психологии).

разоблачили защиту старой психологии под флагом разделения на экспериментальную и на социальную. Но от принятия общих философских положений диалектического материализма до создания новой психологической теории было далеко.

Выработанная в наступлении на идеализм общая позиция позволила усилить критику идеализма, определить две главные задачи советской психологии — создание марксистской психологической теории и участие в социалистическом строительстве. Зачинатели новой психологии были едины в признании психики свойством высокоорганизованной материи — мозга и требовали внести в психологию объективный метод; они сходились и на признании социальной обусловленности психики. Но, принимая эти общие положения, психологи предлагали различные пути развития психологии[105]. Предлагали слить психологию с социологией, развивать только социальную психологию, соединить с марксизмом новые зарубежные психологические теории — бихевиоризм, фрейдизм, гештальт-теорию, поступали предложения заменить психологию реактологией, рефлексологией.

В обзоре советской психологической науки за десять послереволюционных лет К. Корнилов писал: «Такого обилия выброшенных на общественный рынок идей, часто противоречивых, может быть, и ошибочных, даже не нужных, мы не наблюдали никогда еще в истории русской психологии»[106].

Теоретические дискуссии 20-х годов о путях развития психологии были связаны с общими процессами идеологической жизни в стране. Особенно тесной была связь с философскими спорами, с полемикой группы философов — приверженцев механистических взглядов и группы, возглавляемой А. М. Дебориным. На основе механистической методологии развертывался тезис о психике как свойстве мозга, но при этом представление об отражательной сущности психического трактовалось в системе отношения психики к мозгу, поэтому психика понималась не как отражение внешнего мира, а как отражение нервных процессов, их субъективное выражение или субъективная сторона объективных физиологических процессов. Пси-

[105] См.: *Блонский П. П.* Очерк научной психологии. М., 1921; *Он же.* Психологические очерки. М., 1927; *Корнилов К. Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения (Реактология). М., 1922; *Он же.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л., 1926; *Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. М.; Пг., 1923; *Он же.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921; *Боровский В. М.* Психология с точки зрения материалиста М.; Л., 1929; *Басов М. Я.* Общие основы педологии. М.; Л., 1928; *Кравков С. В.* Очерк психологии. М., 1925; *Добрынин Н. Ф.* Введение в психологию. М.; Л., 1929; Психология и марксизм. М.; Л., 1925; Проблемы современной психологии. М.; Л., 1926; Уч. зап. Моск. гос. ин-та экспериментальной психологии. 1925—1930. Т. I—VI; *Струминский В. Я.* Марксизм и современная психология.— Под знаменем марксизма, 1926, № 3, 4—5; *Курманов Н.* Рефлексология или психология.— Под знаменем марксизма, 1929, № 6; *Куразов И. Ф.* Предмет рефлексологии в свете диалектики.— Вопросы изучения и воспитания личности, 1928, № 3—4.

[106] *Корнилов К.* Современное состояние психологии в СССР.— Под знаменем марксизма, 1927, № 10—11, с. 215.

хические состояния, утверждал К. Корнилов, «являются субъективным выражением физических и физиологических процессов, происходящих в организме»[107]. Именно в таком смысле он понимал отношение субъективного и объективного, когда писал: «Объективная сторона всегда определяет субъективную»[108].

Как следствие из такого определения психики вытекало отрицание познавательного значения ощущений, они вовсе изгонялись из реактологии, поскольку не играли никакой роли в поведении. Лишалась познавательной характеристики и психика в целом. Вместе с тем из психологической теории исключалось и представление о регуляторной роли психики в действиях человека.

Считая предметом реактологии акты реакций, Корнилов предлагал изучать объективными методами двигательные реакции и путем интроспекции, самонаблюдения субъективные состояния. Поэтому и система марксистской психологии представлялась Корнилову как синтез психологии поведения и психологии сознания. Смысл этого синтеза заключался в том, чтобы удержать для психологии психику как предмет изучения и тем самым противодействовать поведенческой психологии, отбрасывающей изучение психики. Реактологический эксперимент включал измерение времени двигательных реакций, определение их интенсивности и формы, с одной стороны, и запись данных самонаблюдения,— с другой. Такие исследования были мало плодотворны, и когда К. Корнилов попытался положить их в основу новой психологической теории, возникло противоречие между намеченными задачами и бедностью конкретного содержания.

Другим направлением, завоевавшим многих сторонников, была рефлексология, учение, созданное В. Бехтеревым еще в дореволюционные годы[109]. Психику он считал внутренним проявлением нервной энергии, субъективным выражением физиологических процессов. Возникновение психических явлений детерминируется, по его мнению, внутренними условиями проводимости энергии нервными путями, а не внешними воздействиями, и никакого влияния на поведение психические явления не оказывают. Объективным методам доступно изучение лишь внешних проявлений деятельности человека; именно их, в соотнесении с теми или иными предваряющими их внешними воздействиями, и предлагала исследовать рефлексология. Рефлексологические эксперименты сводились к образованию сочетательно-двигательных рефлексов.

Бехтерев назвал свое учение рефлексологией, считая его основой идею рефлекторной деятельности мозга. Но он отходил от сеченовского понимания рефлексов головного мозга. В его учении исчезла характеристика психического как отражательной функции мозга,

[107] *Корнилов К. Н.* Учебник психологии, изложенный с точки зрения диалектического материализма, с. 3.

[108] *Корнилов К. Н.* Психология и марксизм.— В кн.: Психология и марксизм, с. 20.

[109] См.: *Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. 1-е изд. 1917; 2-е изд. 1923; 3-е изд. 1924; *Он же.* Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925.

составляющая ядро сеченовской рефлекторной теории, и вместе с тем отпадала и регуляторная роль психики в рефлекторных актах, в которой Сеченов видел ее назначение. В сеченовском учении психика, введенная в причинный ряд, начинающийся внешним воздействием и заканчивающийся ответным действием субъекта, сохраняла качественное отличие от физиологических процессов. И в этом было существенное отличие сеченовской теории от механистических и вульгарно-материалистических теорий и, в частности, от поведенческой схемы стимул-реакция, которая выражала механистическое понимание детерминации поведения и в толковании рефлекторной деятельности оставалась в пределах декартовской схемы.

Участники дискуссии 20-х годов в рефлексологии видели развитие сеченовского учения, а потому ее критика переносилась и на рефлекторную теорию психики.

Парадоксальность ситуации, возникшей в рефлексологии, так же как и реактологии, заключалась в том, что оба эти направления, объявляя предметом изучения человека как деятеля, в действительности отводили ему пассивную роль в переключении внешних стимулов на двигательную реакцию. Человеческая деятельность лишалась своей сущности — сознательности и сводилась к двигательным ответам или реакциям. В то же время вопрос об активности человека неминуемо приводил к вопросу о сознании.

Проблему сознания как центральную в психологии поднял Л. С. Выготский на II Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 г., через год была помещена его статья о сознании в первом сборнике советских психологов «Психология и марксизм»[110]. Утверждая необходимость включить понятие сознания в систему марксистской психологии, Выготский этой системой считал поведенческую психологию. «Сознание есть проблема структуры поведения»[111],— писал он. Исключать проблему сознания из психологии значит отказываться искать закономерности, характеризующие своеобразие человеческого поведения, упускать то принципиально новое, что вносит в человеческое поведение сознание[112]. К критикуемой им рефлексологии в то время он относил и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Л. Выготский предложил проект того, как, принимая поведенческую концепцию, внести в нее материалистический взгляд на сознание. Он отказывался соотносить сознание с объективным миром, мотивируя этот отказ тем, что соотношение сознания с объектом присуще гносеологической точке зрения, в психологии же возможен только онтологический анализ. «В том и заключается методологическая трудность психологии, что ее точка зрения есть точка зрения

[110] См.: *Выготский Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения.— В кн.: Психология и марксизм.

[111] *Выготский Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения, с. 181.

[112] См.: *Выготский Л. С.* Методика рефлексологического и психологического исследования, с. 42.

реально научная, онтологическая... Насколько в гносеологическом анализе мы должны строго противопоставлять ощущение и объект, настолько в психологическом мы не должны противопоставлять психический процесс и физиологический»[113]. Принимая для психологии только один аспект психического, одно его качество, одну его связь — связь с мозгом, Л. Выготский характеристику сознания выводит из нервной мозговой деятельности и полагает, что психическое представляет собой отражение ответных реакций организма[114]. Детерминантой сознания оказывается ответная часть рефлекса и сознание определяется раздражением, получаемым от собственного тела.

Марксистское учение о роли деятельности в развитии человека обусловило уже в первые годы советской психологии постановку проблемы деятельности. Разрабатываемая в единстве с проблемой сознания, она становится ведущей в последующий период. У психологов 20-х годов понятие деятельности оказывается подчиненным поведенческой трактовке и подменяется понятием поведения. В противоречии с марксистскими взглядами на человека как субъекта деятельности, поведенческая психология рассматривает его в качестве пассивного реагента на внешние раздражения и деятельность его отрывает от психики. Вопрос о сознании, которым пренебрегло поведенчество, требовал своего решения именно в связи с тем, что признание творческой, преобразующей мир общественной деятельности человека следовало из марксизма. Включение в психологическое исследование сознания вступало в конфликт с поведенческой трактовкой деятельности, а это выдвигало на первый план исследование связи сознания и деятельности — это и становится ближайшей целью марксистской психологической теории.

Противоречие между поведенческой концепцией и представлением о человеке как субъекте действия пытался разрешить М. Я. Басов, утверждая мысль об активном характере деятельности человека. Соответственно он определял предмет психологии не как поведение, а как деятельность[115].

Вне связи с поведенчеством, еще в начале 20-х годов проблема деятельности была поставлена С. Л. Рубинштейном, выделившим принципиальную сторону марксистского понимания роли деятельности для развития человека. В одной из своих первых психологических работ он обосновал возможность и необходимость воспитания личности в деятельности. «Субъект в своих деяниях... не только обнаруживается и проявляется, он в них созидается и определяется»[116]. Эти его мысли предвосхищали концепцию единства сознания и деятельности, разработанную Рубинштейном в 30-х годах.

[113] *Выготский Л. С.* Психика, сознание и бессознательное.— В кн.: Элементы общей психологии. (Основные механизмы человеческого поведения). М., 1930, с. 53—54.

[114] *Выготский Л. С.* Методика рефлексологического и психологического, с. 42.

[115] См.: *Басов М. Я.* Общие основы педологии. Л., 1931, с. 246.

[116] См.: *Рубинштейн С. Л.* Принцип творческой самодеятельности.— Учен. зап. высшей школы г. Одессы, 1922, т. II, с. 153.

Оживленно обсуждалась проблема общественной детерминации психики. Положение о конкретно-исторической классовой обусловленности психики человека выдвигается уже в первые годы советской психологии. В 1921 г. П. Блонский писал: «Поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни»[117]. «Лишь на основе социальных движущих факторов,— заявлял К. Корнилов,— нам становится понятной и та индивидуальная психология, которой занимается эмпирическая психология»[118].

В то же время проблема общественно-исторической детерминации психики сливается с вопросом о социальной психологии. И П. Блонский и К. Корнилов считали, что от социальной психологии надо идти к индивидуальной, и таким путем выяснять общественную обусловленность психики. Однако и тут постановка задач осуществлялась на основе поведенческих концепций, и опять-таки принципиально важная характеристика психики как отражения не входила в предлагаемые построения. Более подробно взгляды на социальную психологию были выражены в коллективной рефлексологии, предложенной В. М. Бехтеревым, и в концепции М. А. Рейснера.

Рефлексология готова была взять на себя решение вопросов социальной психологии и начать изучение поведения людей в разных общественных группах путем соотношения внешних влияний с двигательными реакциями коллектива в целом и отдельных личностей в коллективе[119]. Несмотря на ошибки в методологических установках, в противоречии с декларируемыми принципами сближения социального «надорганического» мира с органическим и неорганическим, Бехтерев развивал ценную идею о целостности социальных коллективов, о роли общения, о новом качественном уровне общественного действия. Специфику коллектива он видел в возникновении новых качеств и свойств его членов, в существовании этих качеств только при объединении и взаимодействии людей. Им были впервые осуществлены социально-психологические экспериментальные исследования. В обобщении и анализе конкретных фактов социальной жизни ученый выделил ряд важных проблем, охарактеризовал разные социальные группы, исследовал тенденции и формы динамики группового, коллективного и массового поведения в обычных условиях и во время общественных сдвигов, определил разные уровни социальных связей личности.

Заявка на разработку марксистской социальной психологии была сделана М. Рейснером, занимавшимся вопросами государства и права[120]. Он полагал, что на базе психологии поведения можно создать

[117] *Блонский П. П.* Очерк научной психологии, с. 12.

[118] *Корнилов К. Н.* Психология и марксизм.— В кн.: Психология и марксизм, с. 12.

[119] См.: *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921.

[120] См.: *Рейснер М. А.* Проблемы психологии и теория исторического материализма.— Вестн. Соц. академии, 1923, № 3; *Он же.* Проблемы социальной психологии. Ростов-Дон, 1925; *Он же.* Социальная психология и марксизм.— В кн.: Психология и марксизм.

социальную психологию, объединив достижения естествознания, прежде всего физиологии, с марксистским учением об идеологии, а также с фрейдизмом. Соотношение между социальными раздражителями и действиями человека, которое М. Рейснер понимал согласно поведенческой схеме стимул-реакция, и должно стать, по его мнению, предметом социальной психологии.

Социологизировать биологию и физиологию и одновременно психологизировать общественное бытие стремился А. Б. Залкинд. С такой программой он выступил в 1930 г. на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека[121]. Основываясь на том, что психика человека социально детерминирована, некоторые психологи ставили вопрос: быть ли наряду с общей психологией психологии социальной, или следует всю общую психологию назвать социальной и подразделить ее на психологию индивида и психологию коллектива?[122]

В 20-е годы советская психология не сумела еще овладеть богатством марксистско-ленинских идей в области социальной психологии так же, как и диалектико-материалистическим подходом к общественно-исторической детерминации психики. Эти две проблемы первоначально не были расчленены, а потому оставался неясным самый предмет социальной психологии. Во взглядах на социальную психологию проявлялись характерные черты механистической методологии: в отождествлении закономерностей, действующих в разных областях действительности, в неправомерном расширении биологических закономерностей на социальные явления, в пренебрежении спецификой рассматриваемых явлений, в сближении разнородных явлений и сведéнии сложных зависимостей к механистически понимаемой детерминации.

Методологические проблемы оказались главной трудностью в развитии и теории, и эксперимента. Эта же трудность возникла и при решении другой задачи, поставленной советскими исследователями: связи психологии с практикой социалистического строительства. Связь эта устанавливалась через прикладные отрасли психологической науки — психотехнику, детскую и педагогическую психологию, военную, судебную, библиотечную психологию и т. п.[123] Ведущей отраслью становится психотехника, которая занимается вопросами повышения производительности труда в промышленности и на транспорте, производственным обучением и профессиональным отбором[124]. В то время было создано много психологических лабораторий, станций, научно-исследовательских кабинетов, консультационных пунктов на больших промышленных предприятиях, транспорте,

[121] См.: Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека 25 января — 1 февраля 1930 г.). М.; Л., 1930, с. 7; см. также: *Залкинд А. Б.* Жизнь организма и внушение. М.; Л., 1927 и др.

[122] См.: *Артемов В. А.* Введение в социальную психологию. М., 1927.

[123] О прикладных отраслях психологии в период 20—30-х годов см.: *Петровский А. В.* История советской психологии. М., 1967.

[124] См.: *Геллерштейн С. Г.* Вопросы психологии труда.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1960, т. II.

в культурно-просветительных учреждениях. Особенно широко развернулись психотехнические исследования на уральских заводах.

Развитие отдельных отраслей психологии в условиях неразработанности общей психологической теории привело к обособлению прикладных отраслей. Психотехника утверждала свою «философскую нейтральность» и объявляла себя стоящей вне методологической борьбы, хотя наибольшие трудности, с которыми она столкнулась, были связаны именно с методологией, поскольку психотехники некритически воспринимали и следовали многим идеям и методам зарубежной буржуазной психологии.

Своеобразное положение сложилось в области детской и педагогической психологии. Участие психологов в деле народного просвещения и образования оказалось опосредованным педологией, которая претендовала на главенство в решении вопросов, связанных с психологическими исследованиями, поскольку считала своей задачей объединение наук о развитии детей. Методологические ошибки педологии пагубно сказывались на педагогической психологии, и тем более важным было укрепить ее связь с общей теорией психологии.

Психотехника, педагогическая и детская психология, медицинская библиотечная психология испытывали много трудностей и терпели неудачи в своих конкретных исследованиях прежде всего из-за слабости своей теоретической оснащенности, из-за методологических ошибок.

Поэтому психологические дискуссии, проходившие на рубеже 20-х и 30-х годов, в центре которых стояли общие методологические проблемы психологии, имели существенное значение и для общей теории и для практики психологии. Предметом обсуждения становятся и рефлексология и реактология[125]. В ходе обсуждения произошло объединение психологов на новых позициях — на позициях борьбы с механицизмом и поведенчеством на основе использования результатов философской дискуссии, в которой подверглись критике как механистическое течение, так и взгляды деборинской группы.

Овладение ленинским философским наследием, прежде всего ленинской теорией отражения, применение марксистско-ленинской методологии к критическому анализу механистических построений и зарубежных психологических направлений,— так формулировались задачи психологии при подведении итогов дискуссий.

Главным результатом развития советской психологии 20-х годов было полное поражение идеалистического направления. Философские и психологические диспуты, острая критика реактологии и реф-

[125] Рефлексологическая дискуссия происходила в Ленинграде в 1929 г. Материалы ее опубликованы в двух сборниках: Рефлексология или психология? Материалы дискуссии. Л., 1929; Рефлексология и смежные направления. Материалы II конференции. Л., 1930. Реактологическая дискуссия проходила в Москве в 1930—1931 гг. См.: Итоги дискуссии по реактологической психологии. (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии и психотехники от 6 июня 1931 г.).— Психология, 1931, т. IV, вып. 1.

лексологии, борьба против механистических тенденций в психологии, неудачи, вызванные слепым подражанием зарубежной психологии, со всей очевидностью показали необходимость разработки методологических проблем психологии. Построение диалектико-материалистической психологии предполагало новое решение основных теоретических вопросов, непосредственно связанных с философией, что открывало возможность преодоления методологических трудностей в конкретных исследованиях, в разработке экспериментов, отвечающих новым задачам психологии.

Крушение всех попыток приспособить к марксизму прежние построения психологии заставляло взяться за очень сложную задачу — создать новую систему психологии, опирающуюся на диалектический материализм. Таков был первый вывод из теоретических дискуссий прошедших лет. Очевиден был и второй вывод: недостаточно только понимания философских положений марксизма, их надо внести в психологическую теорию так, чтобы они позволили решить актуальные проблемы психологической науки, поставленные перед нею ее собственным историческим развитием и объединить знания, заключенные в разнообразных психологических теориях, путем их критического анализа с позиций марксизма. Наконец, надо было дать свою оценку кризиса, в котором находилась тогда мировая психология.

Историческая обстановка в это время в зарубежной психологической науке складывалась так, что к началу 30-х годов в психологии вновь возник кризис, который в начале XX в. привел к возникновению ряда новых направлений. В наступившем кризисе новые экспериментальные факты противоречили установившимся представлениям и требовали своего обобщения, в то время как буржуазные психологи не могли оторваться от укоренившихся взглядов на природу психики.

Крупнейшие представители психологической науки заговорили о распаде психологии. В книге «Кризис в психологии» К. Бюлер писал, что для психологии пробил решительный час, что она вступила в кризис, от разрешения которого зависит вся ее дальнейшая судьба [126]. О кризисе шла речь на XII конгрессе немецких психологов в 1931 г.[127], на X Международном психологическом конгрессе в 1932 г., на котором В. Келер заявил: «Если мы в ближайшее время не найдем связующие нити психологии, мы окончательно атомизируемся»[128]. Предметом теоретических дискуссий стала проблема сознания в ее соотношении с деятельностью. Психология сознания во многих ее разновидностях столкнулась с психологией поведения, с бихевиоризмом.

Характеристику психического как проявление сознания в истории

[126] *Bühler K.* Die Krise der Psychologie. 2-r Aufl. Jena, 1929.

[127] См.: Bericht über die XII Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie, herausgegeben von K. Koffka. Jena, 1932, s. 3—6.

[128] Zeitschrift für Angemandte Psychologie, 1933, N 1; Советская психотехника, 1933, № 1.

психологии выделила прежде всего интроспективная психология или психология сознания, отразив ее в определении предмета психологической науки. Интроспективная концепция психики, господствовавшая в XIX и начале XX вв., отождествляла психику с явлениями сознания, принимала постулат о непосредственной данности психического и представление о психическом как о замкнутом в себе внутреннем мире сознания, обособленном от материального мира и деятельности в нем человека. Во многих своих направлениях — ассоциативной теории, теории актов сознания, «потоков сознания», понимающей или описательной психологии, гештальтпсихологии и других — психология сознания исследовала разные свойства психического, обособляя многообразные качества психического друг от друга и находя в каждом из них новый предмет психологической науки. Метафизический подход вел к разобщению характеристик психического, к их обособлению, вытеснению одних качеств другими, к их абсолютизации.

Зависимость поведения от внешнего воздействия, от деятельности человека породила учения, объединяемые бихевиористской, поведенческой концепцией. Произошла подмена предмета исследования — им стало поведение, деятельность, оторванная от сознания. При этом в своей борьбе против психологии сознания представители поведенчества исходили из общей интроспективной концепции, из утверждаемых ею взглядов на сознание. Интроспективная концепция психики принималась всеми направлениями зарубежной психологии. Поведенчество исходило из того же понимания сознания, которое утверждалось интроспекционизмом и аргументация против него опиралась на ту же интроспекционистскую концепцию.

Дискуссии между представителями разных направлений психологии сознания с бихевиоризмом обострялись конфликтом этих двух направлений с так называемой психологией духа, которая по-своему интерпретировала вопросы соотношения индивидуального и общественного сознания.

Проблема сознания и деятельности, так же как и проблема социальной природы психического, соотношения психологии и идеологии в то время составляли основную проблематику психологической науки.

И если в начале 20-х годов советские психологи готовы были следовать по пути зарубежной психологии, то в конце 20-х и в 30-х годах они уже критически оценивали буржуазную психологию, подвергая анализу методологический кризис мировой психологии[129]. «Очевидно, круг этого кризиса очерчен таким образом, что он выте-

[129] См.: *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960; *Рубинштейн С. Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— Советская психотехника, 1934, № 1; *Он же.* Основы психологии. М., 1935; *Он же.* Философские корни экспериментальной психологии.— Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та им. Герцена, 1940, т. XXXIV.

кает из самой природы того методологического основания, на котором развивается психология на Западе; поэтому внутри себя он не имеет разрешения»,— отмечал Л. С. Выготский [130].

«Психология,— писал С. Рубинштейн,— в результате оказалась перед тремя абстрактными конструкциями, своеобразными продуктами распада, получившимися в результате расчленения реального сознания и реальной деятельности живого человека как конкретной исторической личности. Перед психологией встала тогда задача подняться над этими ограниченными концепциями, на которые распалась психология» [131]. Философско-психологический анализ, которому были подвергнуты С. Рубинштейном и психология сознания, и поведенческие теории, раскрыл их общие методологические установки в подходе к природе психики. Анализ психологии сознания был дан не только в ее отношении к поведенчеству, но и к психологии духа.

Вместо разобщения, выделения и абсолютизации отдельных сторон психики советская психология встала на принципиально другой путь: предмет психологии обогащается рассмотрением психики человека в разных аспектах, в разных взаимосвязях, но на твердой основе единого диалектико-материалистического философского решения вопроса о природе психики.

В начале 30-х годов ведущей становится проблема общественно-исторической обусловленности психики и в качестве исходного принимается принцип развития в его диалектико-материалистическом понимании. Несколько позже, в середине того же десятилетия на первый план выступает проблема сознания и деятельности, формулируется методологический принцип единства сознания и деятельности. Существенным для психологии явилось внесение в ее теорию ленинского понятия отражения и постановка вопроса об исследовании ощущений, восприятия и мышления, как отражения действительности.

На основании принципа развития создается теория психического развития ребенка. Психологи П. Блонский, Л. Выготский, М. Басов выступают против взглядов на развитие и обучение, господствовавших в педологии, которая в 20-х годах столь цепко держала при себе детскую психологию. Правда, и П. Блонский и Л. Выготский остаются приверженцами идеи единой науки о ребенке, но они ставят своей задачей заменить принятую педологией концепцию развития новой — диалектико-материалистической.

Изучение возрастных психологических особенностей детей, к которому обратились П. Блонский и Л. Выготский, должно было служить не только и не столько детской и педагогической психологии, сколько разработке проблемы развития психики, а в конечном счете выяснению природы психического и взаимоотношения социальных

[130] *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций, с. 459.

[131] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— Советская психотехника, 1934, № 1, с. 6.

и биологических детерминант. Они были едины в своем стремлении внести в психологию генетический метод, хотя предлагали разные концепции.

П. Блонский избирает проблему памяти и исследует роль и значение в ее развитии условий социальной жизни человека. Вместе с принципом развития он вводит и принцип отражения. «В противоположность ошибочным и бесплодным идеалистическим конструированиям психологических процессов ленинская теория отражения является основой того, как надо исследовать данную проблему»,— пишет он[132]. Отказываясь от поведенчества и преодолевая механистические догмы, он удерживает лишь идею роли и значения в жизни человека его собственной деятельности. Мысль о деятельности людей как основном условии их развития — таков главный теоретический результат, к которому приходит П. Блонский, но он теперь выдвигает положение о роли и значении процесса общения, возникающего в трудовой деятельности. Применяя генетический метод, он экспериментально исследует происходящую в общении социальную регуляцию памяти. Проблема общения встает перед ним, как только он обращается к социальной детерминации деятельности человека. Трудами П. Блонского проблема общения была введена в советскую психологию, но не получила развития в то время и актуализирована только в современной психологии.

На основании истории, языка и развития речи ребенка он строит генетическую теорию развития мышления, принимая за основу идею отражения мышлением действительности.

В культурно-исторической теории Л. Выготского трудовая деятельность человека явилась исходной точкой поиска, но выделение знака как аналога орудия труда перевело дальнейшие построения в сферу идей культурного развития[133]. Так же как и П. Блонским, Выготским движет стремление раскрыть социальную природу психики. Он ставит задачу подвергнуть анализу использование человеком знаков, считая их общественно-исторически сложившимся средством деятельности человека, ее инструментом. Проблема сигнификативной деятельности становится главным принципом психологического исследования, предпринятого Л. Выготским и его сотрудниками, процессов восприятия, памяти, мышления, внимания, произвольных движений.

Л. Выготский критически пересматривает бихевиористскую схему стимул-реакция и предлагает свою схему, где между стимулом-целью и реакцией-результатом находится средство, с помощью которого эта цель достигается, иначе говоря, знак.

[132] *Блонский П. П.* Память и мышление. М., 1935, с. 3—4.

[133] См.: *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций.— В кн.: *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. Ряд докладов и статей Л. Выготского, развивающих идеи культурно-исторической теории, вошли в эту книгу, а также:— В кн.: *Выготский Л. С.* Избр. психол. произв. М., 1956; *Он же.* Мышление и речь. М., 1934.

Знак становится психологическим орудием, принципом, обусловливающим социальную детерминацию поведения человека. Таким путем преодолевалась, по мнению Л. Выготского, главная методологическая трудность психологической теории в объяснении высших психических функций. Знаки первоначально выполняют функцию внешней социальной связи, а потом становятся внутренним средством воздействия. Здесь вступает в силу другая существенная для культурно-исторической теории идея: опосредствованная знаками структура психического процесса первоначально формируется в условиях, когда опосредствующее звено имеет форму внешнего стимула, затем оно переходит во внутренний план, происходит интериоризация. Психические функции возникают в межлюдских отношениях в качестве интерпсихического, а затем интериоризируются.

В психическом развитии человека признается, таким образом, наличие двух процессов: природных (низших) и культурных (высших) или, иначе говоря, биологических и социальных. Сознание первоначально в этой теории трактовалось как осознание низших психических функций. По мере ее разработки Л. Выготский изменяет свой взгляд и приходит к пониманию психики, сознания как отражения действительности. Он вводит в психологический анализ тот «гносеологический» аспект, от которого ранее отказывался, полагая, что психологии следует ограничиваться «онтологическим» аспектом. Теперь в центре его внимания оказывается слово и его значение, а не любой знак. Слово, дающее «обобщенное отражение действительности»[134], становится предметом исследования Л. Выготского. В методе семантического анализа, в котором «единицей» является слово, он видит и метод изучения сознания.

Культурно-историческая теория Л. Выготского легла в основу серии экспериментальных исследований памяти, внимания, мышления[135]. Культурно-историческая теория умственного развития ребенка вела к новому решению важнейшего для школьного образования вопроса о соотношении обучения и развития, который сохранял актуальность во все периоды истории советской психологии. Ведущую роль эта теория отводит обучению: процессы развития не совпадают с процессами обучения, а идут вслед за ними. Обучение пробуждает психические функции, находящиеся в стадии созревания, создает «зону ближайшего развития» и завершает этот процесс уровнем актуального развития, когда ребенок овладевает данными функциями. Процессы обучения пробуждают в ребенке процессы внутреннего развития.

Идеи Л. Выготского были подхвачены его сотрудниками и последователями. Они входят в теорию развития психики, создаваемую

[134] *Выготский Л. С.* Мышление и речь, с. 10.

[135] См.: *Леонтьев А. Н.* Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.; Л., 1931; *Сахаров Л. С.* О методах исследования понятий.— Психология, 1930, вып. 1; *Шиф Ж. И.* Развитие научных понятий у школьника. М.; Л., 1935; *Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.

А. Леонтьевым, в теорию умственных действий, разрабатываемую П. Я. Гальпериным, в труды А. Р. Лурия, А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконина, в разработку проблем личности ребенка, развиваемую Л. И. Божович и в работы других советских психологов.

Теоретическая разработка положения о связи сознания и деятельности, вошедшего в психологическую науку как принцип единства сознания и деятельности, была осуществлена С. Рубинштейном [136].

Признание того, что психическое включено в связи, выходящие за пределы внутреннего мира сознания, опосредовано отношениями человека к внешнему предметному миру и может быть определено лишь на основе этих отношений, позволяло преодолеть субстанционализм в понимании психического, утверждавшийся интроспективной психологией. Преодолевался и механицизм поведенчества. В противопоставлении представлению поведенческой психологии об объективном методе изучения поведения, исключающем психику, следовал вывод о том, что психика может быть познана опосредовано через деятельность человека, потому что она в своем бытии объективно опосредована ею.

Принцип единства сознания и деятельности, который реализуется многими советскими психологами в теоретических и экспериментальных исследованиях ощущений, восприятия, памяти, мышления, способностей [137], становится ведущим методологическим принципом советской психологии. Разработка его, так же как и принципа развития, а затем последующее введение других основных методологических принципов советской психологии, происходит во взаимодействии теоретической мысли с экспериментом и с конкретными исследованиями, утверждается в результате анализа основных проблем психологической науки. Начатые во второй половине 30-х годов большие циклы исследований, опирающихся на принцип единства сознания и деятельности, выявили много новых фактов, показали многообразие и многосторонность связей психики с деятельностью. Так, например, исследования памяти заставили отказаться от взгляда на память как на пассивно-созерцательный процесс, они показали деятельную природу запоминания и восстановления. Была выявлена роль непроизвольного запоминания, происходящего в разных видах

[136] См.: *Рубинштейн С. Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— Сов. психотехника, 1934, № 1; *Он же.* Основы психологии. М., 1935; *Он же.* Основы общей психологии. М., 1940; *Он же.* Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии.— Учен. зап. МГУ, 1945, вып. 90; *Он же.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

[137] См.: *Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М., 1961; *Он же.* Теория ощущений. М., 1961; *Зинченко П. И.* Непроизвольное запоминание. М., 1961; *Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961; *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965; *Смирнов А. А.* Проблемы психологии памяти. М., 1966; Изв. Акад. пед. наук РСФСР, 1948, вып. 18; 1954, вып. 58; 1957, вып. 80; *Анцыферова Л. И.* Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.

человеческой деятельности. В психологическое исследование включается характеристика разных видов деятельности — труда, игры и учения.

Новый поворот получает проблема развития, выраженная в культурно-исторической теории, когда в нее включается система отношений психики и деятельности. А. Леонтьев, продолжая теоретическое и экспериментальное исследование онтогенетического развития психики, вводит в них изучение деятельности ребенка как условия формирования его сознания. Эта идея разрабатывается им и его сотрудниками в исследованиях игры и учебы ребенка [138].

Экспериментально-генетическим исследованием возникновения ощущений, как простейшей формы психики, была открыта многолетняя разработка А. Леонтьевым проблемы развития, включающей вопросы филогенетического развития психики и исторического развития сознания [139].

В 1940 г. вышла книга С. Рубинштейна «Основы общей психологии», в которой были сведены воедино результаты теоретических и экспериментальных исследований, проведенных советскими психологами. Автор подчеркивал, что его книга — коллективный труд в подлинном смысле этого слова. По основным теоретическим проблемам марксистская психология получила возможность опереться на новые исследования. Новые данные об ощущениях, восприятиях, памяти, мышлении, способностях, неосознаваемых психических явлениях, психологическая характеристика деятельности привели к постановке новых проблем и позволили пересмотреть прежние представления.

Положение о связи сознания и деятельности объединило советских психологов. С этой общей позиции, достигнутой в борьбе идей предшествующих лет, начинаются новые поиски, выяснение характера и форм связи сознания и деятельности.

В рассматриваемый период в развитии прикладных отраслей психологии было немало трудностей. Вопрос о методологической перестройке психотехники был поднят в теоретических дискуссиях начала 30-х годов. Речь шла об изменении тематики и методов психотехники. Несоответствие применяемых методов поставленным задачам все более возрастало, психотехника обнаруживала свою теоретическую несостоятельность и в этом сказывались последствия ее разрыва с общей психологией. Коллизия заключалась в том, что, когда психологическая теория как первоочередную задачу поставила изучение связи сознания с деятельностью человека и особенно нуждалась в исследовании психологического аспекта трудовой деятель-

[138] См.: *Леонтьев А. Н.* Психологические основы дошкольной игры.— Сов. педагогика, 1944, № 8—9; *Он же.* К теории развития психики ребенка.— Сов. педагогика, 1945, № 4; *Запорожец А. В.* Роль элементов практики и речи в развитии мышления ребенка.— Учен. зап. Харьков. ГПИ, 1939, т. 1.

[139] См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1959.

ности, специальная отрасль науки, занимавшаяся ее изучением, свернула свою работу, оказавшись не в состоянии преодолеть методологические и организационные трудности.

Детская и педагогическая психология, освободившись от подчинения педологии [140], должны были перестраивать свою работу. Для психологической науки в целом в конце 30-х и в 40-е годы первоочередными становятся проблемы обучения. Большая часть экспериментальных психологических исследований осуществляется в рамках педагогической психологии, что накладывало свой отпечаток на проблематику общей психологии.

Великая Отечественная война подчинила себе всю жизнь страны. В психологии главным стала разработка научных проблем, имеющих оборонное значение. Много внимания уделяется военно-госпитальной восстановительной психологии, когда психологические методы исследования были использованы для восстановления чувствительности и других нервно-психических функций, пораженных при ранениях и контузиях, а также для восстановления движений [141].

Новый период в истории советской психологической науки открывается после Великой Отечественной войны, когда создаются условия для ее дальнейшего роста. Наряду с развитием общей психологической теории происходит перестройка педагогической психологии, возобновляются исследования психологии труда, а позже социальной психологии, которые прекратились во второй половине 30-х годов; развертываются исследования в области детской, судебной, военной психологии, а также в психологии спорта. Возникают новые отрасли — инженерная психология, психология управления, космическая психология.

В первые послевоенные годы создается ряд новых научных учреждений и решается вопрос о подготовке кадров специалистов-психологов. Еще в годы войны была начата организация отделений психологии на философских факультетах в Ленинграде, Москве, а затем в ряде других университетов. Отделения логики и психологии были открыты во многих педагогических институтах. В дальнейшем ряд отделений психологии был преобразован в психологические факультеты.

Психологическая наука окрепла во всех советских республиках. Имеются специальные научно-исследовательские институты, отделения и кафедры в университетах и педагогических институтах, лаборатории. На языках народов СССР изданы учебники психологии, выходит научная и научно-популярная психологическая литература, специальные журналы. Во всех республиках созданы национальные

[140] После 1936 г. деятельность педологических учреждений была прекращена.

[141] См.: *Рубинштейн С. Л.* Советская психология в условиях Великой Отечественной войны.— Под знаменем марксизма, 1943, № 9—10; *Леонтьев А. Н., Запорожец А. В.* Восстановление движений. М., 1945; Учен. зап. МГУ, 1947, вып. III; *Лурия А. Р.* Восстановление мозга после военной травмы. М., 1948.

психологические кадры, среди них доктора наук, действительные члены и члены-корреспонденты Академии педагогических наук СССР. В Грузинской ССР, где психологическое отделение существовало со дня основания Тбилисского университета в 1918 г. и имелись подготовленные специалисты-психологи, был создан Институт психологии Академии наук Грузинской ССР. Институт психологии Министерства просвещения Украинской ССР стал научным центром психологов Украины, которые с первых послереволюционных лет принимали деятельное участие в построении советской психологии.

В Азербайджанской ССР к 1972 г. имелось 4 кафедры психологии в вузах и лаборатория психологии в Государственном научно-исследовательском институте педагогики. Кафедры психологии и психологические лаборатории созданы в вузах Армянской, Белорусской, Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской ССР. Успешно развивалась в послевоенные годы психологическая наука в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.

Общим для психологов союзных республик является исследование истории психологической мысли народов СССР [142]. В ряде республик исследуется проблема психологического аспекта двуязычия, психология обучения второму языку, что является актуальной проблемой для педагогической психологии, поскольку овладение русским языком в школах национальных республик представляет важную задачу. Научные исследования многих психологов союзных республик посвящаются проблемам общей психологии: восприятию, памяти, мышлению, воли, проблемам личности, психологии воспитания и обучения. В последние годы поднимаются проблемы социальной психологии и инженерной психологии [143].

Включение психологов союзных республик в решение научных и практических задач психологической науки явилось одним из условий многостороннего развития советской психологии: не только значительно расширился фронт психологических исследований, но и обогатилась ее тематика. Создаются теоретические концепции, присущие научным школам тех или иных республик, разрабатываются специфические подходы к общим проблемам.

В первые годы советской психологии начала складываться грузинская научная школа в психологии, ее теоретической основой явилось учение Д. Н. Узнадзе об установке. Этому направлению принадлежат многочисленные экспериментальные и теоретические исследования, предметом которых стали неосознаваемые психические явления. Изученная грузинскими психологами новая область психики позволила открыть качественное своеобразие сложных форм неосознаваемого психического отражения и показать его связи с дея-

[142] См.: *Гучас А. С.* Исследование истории психологии в Союзных республиках СССР.— В кн.: Методология историко-психологического исследования. М., 1974.

[143] См.: *Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.

тельностью человека, с его сознанием, с социальными условиями жизни, с формированием личности. Экспериментальные и теоретические исследования установки доказали обязательность включения явлений установки в сложную взаимосвязь внешних условий с внутренними, через которые осуществляется детерминация психического внешними причинами — обстоятельствами жизни [144].

Соотношение установки и деятельности, установки и учения, установки и индивидуальности позволяет понять основные принципы теории установки в широком контексте [145]. Установка рассматривается как фактор, конструирующий устойчивость и связную последовательность опыта личности. Под углом зрения теории установки педагогическая практика выступает как особый путь познания закономерностей психической жизни человека, как источник знаний о психической деятельности человека.

На основе концепции установки, разрабатываемой научной школой грузинских психологов, в Институте психологии им. Д. Н. Узнадзе за тридцать лет его существования проведено множество теоретических и экспериментальных исследований в самых разнообразных областях психологии [146].

Установлению контактов между психологами союзных республик, развитию научно-исследовательской работы психологов многих республик и областей способствовала организация в 1957 г. Всесоюзного общества психологов. В научную жизнь прочно вошли такие формы коллективной работы, как республиканские, краевые, зональные съезды и конференции психологов. С 1959 по 1977 г. состоялось пять съездов общества психологов, которые явились смотрами состояния советской психологической науки.

Организация совместных совещаний смежных наук для обсуждения общих и, прежде всего, философских, методологических проблем явилась новой и плодотворной формой научной работы. В 1966 г. состоялся симпозиум, посвященный проблеме сознания в разных ее аспектах, затем состоялись симпозиумы, посвященные

[144] Труды Д. Узнадзе, его сотрудников и последователей опубликованы в основном на грузинском языке. Посмертно на русском языке издана книга: *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. Она включает монографию, выпущенную на грузинском языке в 1949 г., а также публикуемую впервые статью «Основные положения теории установки». См. также: *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966. Труды сотрудников Д. Н. Узнадзе и его последователей опубликованы в кн.: Экспериментальные исследования по психологии установки, т. I—IV. Тбилиси, 1958—1970. Обзор итогов теоретической и экспериментальной разработки проблемы установки см.: *Прангишвили А. С.* Общепсихологическая теория установки и *Натадзе Р. Г.* Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1960, т. II; *Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.

[145] См.: *Прангишвили А. С.* Психологические очерки. Тбилиси, 1975.

[146] См.: *Прангишвили А. С.* 30 лет Института психологии им. Д. Н. Узнадзе Академии наук Грузинской ССР.— В кн.: 30 лет Института психологии им. Д. Н. Узнадзе Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1972. В книге дана полная библиография трудов института на грузинском и русском языках.

проблемам личности, биологическому и социальному в развитии человека, психологии и медицине [147].

Темпы развития психологической науки повышаются год от года, изменяется положение психологии в структуре современного научного знания, определяется ее роль связующего звена между общественными, естественными и техническими науками. Все это потребовало непрерывного углубления и разработки ее основных теоретических проблем, методологических вопросов.

В конце 40-х — начале 50-х годов остро встал вопрос о взаимоотношении психологии с физиологией высшей нервной деятельности. Марксистская теория отражения поставила перед психологией задачу изучения зависимости психики от органа отражения — мозга — и от отражаемого мира. Такова ленинская формула — психика есть «функция мозга, отражение внешнего мира» [148]. Задача эта последовательно решалась и решается советскими психологами. На разных этапах истории советской психологии она выступала в разных своих аспектах, что обусловливалось как логикой развития самой психологической науки, так и ее соотношением с другими науками.

Философско-теоретический анализ проблемы психического и физиологического позволил советским психологам преодолеть те неверные представления о природе психического, которые были характерны для 20-х годов и рождались при рассмотрении психики только в системе ее отношения к мозгу, вне зависимости от ее отношения к внешнему миру. В 40-х — 50-х годах психологические исследования реализуют диалектико-материалистическое положение, выраженное ленинской формулой психического, объединяющей две его характеристики — отношение к мозгу и внешнему миру. Рефлекторная теория психики, созданная И. М. Сеченовым, и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности определяли конкретную форму взаимоотношения психического и физиологического.

После того как в советскую психологию прочно вошло положение о связи сознания и деятельности, сеченовская концепция обращала на себя внимание прежде всего трактовкой психического как процесса, который завершается действием человека [149]. К этому времени и в психологии и в физиологии высшей нервной деятельности складывается такая ситуация, когда обе науки оказываются заинтересованными друг в друге, поскольку для психологической теории важна опора на физиологическое учение, исходящее из ма-

[147] См.: Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966; Сознание. Материалы обсуждения проблем сознания на симпозиуме, состоявшемся 1—3 июня 1966 г. в Москве. М., 1967; Проблемы личности. Материалы симпозиума. М., 1969, т. I; М., 1970, т. II; Личность. Материалы обсуждения проблемы личности на симпозиуме. М., 1971; Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975; Психология и медицина. Материалы к симпозиуму. М., 1978.

[148] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 87.

[149] См.: *Рубинштейн С. Л.* Физиология и психология в научной деятельности И. М. Сеченова.— Физиол. журн. им. Сеченова, 1946, вып. 1.

териалистического монизма, а для физиологии высшей нервной деятельности первостепенную важность приобретает исследование высшей нервной деятельности человека, что невозможно вне связи с таким свойством мозга, как психика.

О связи учения И. Павлова и психологии говорил С. Л. Рубинштейн в 1946 г. на научной сессии, посвященной 10-летию со дня смерти И. П. Павлова[150]. На павловской сессии 1950 г., созванной АН СССР и АМН, в докладах К. М. Быкова, А. Г. Иванова-Смоленского и в выступлениях участников сессии, отмечалась необходимость связи этих двух наук, но возникли споры по философским проблемам психологии и физиологии высшей нервной деятельности — как понимать отношение психики к нервным процессам и каковы должны быть методы изучения психики. Было высказано мнение, что достигнутый уровень физиологических знаний позволяет заменить психологию физиологическим учением о высшей нервной деятельности, под сомнение ставилось существование психологии как науки[151]. Полемика по этим вопросам продолжалась после павловской сессии в печати[152].

Психологам пришлось отстаивать самостоятельность психологии как науки. На совещании по психологии в 1952 г. с докладами о пути развития психологической науки и ее взаимоотношении с физиологией высшей нервной деятельности выступили А. А. Смирнов и Б. М. Теплов[153]. Участники совещания поддержали их положение о том, что психология имеет свой предмет, отличный от физиологии, и располагает собственными методами.

Проблема отношения психики и мозга приобрела для психологии первостепенное значение. В пограничной области психологии и физиологии возникли новые направления экспериментальных психологических исследований. В качестве такой пограничной дисциплины сформировалась дифференциальная психофизиология, которая разрабатывает проблему нейрофизиологических основ психологических различий между людьми, что имеет большое значение и для теории психологии, и для решения прикладных задач, возникающих в практике работы с людьми[154]. Как самостоятельная научная дисциплина оформилась нейропсихология, изучающая соотношение между мозговыми структурами и психическими функциями[155]. Эти

[150] См.: Труды объединенной сессии, посвященной 10-летию со дня смерти И. П. Павлова. М., 1948.

[151] См.: Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. М., 1950.

[152] См.: *Шорохова Е. В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961; *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии.

[153] См.: *Смирнов А. А.* Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И. П. Павлова; *Теплов Б. М.* Об объективном методе в психологии.— Изв. АПН РСФСР, 1953, вып. 45.

[154] См. труды В. М. Теплова, В. Д. Небылицына, В. С. Мерлина, Б. Г. Ананьева.

[155] См.: *Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1962; *Он же.* Мозг человека и психические процессы. М., 1970; *Он же.* Основы нейропсихологии. М., 1972.

направления ставят своей целью изучение психики в ее отношении к мозгу, изучение материального субстрата психики.

Проблема отношения психического и физиологического, а вместе с тем и вопрос об отношении психологии к физиологии были обсуждены в 1962 г. на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии[156]. Здесь вопрос о предмете психологии и физиологии высшей нервной деятельности рассматривался в ином плане, чем на павловской сессии. Речь шла не о вытеснении психологии физиологией, а о том, как понимать объект и предмет изучения той и другой науки. Было четко сформулировано положение о различии предметов этих наук.

Опираясь на ленинскую теорию отражения, советские психологи изучают психику в ее отношении к внешнему миру, исследуют психические явления в качестве различных форм субъективного отражения объективной действительности. Философско-психологический анализ и разносторонние экспериментальные исследования ощущений, восприятия, памяти, мышления позволили выявить существенные характеристики этих процессов. В этих работах получило свое выражение стремление связать воедино разные аспекты психического. На первый план при этом выступила активность отражения, выражающаяся в том, что его формирование происходит в деятельности субъекта.

Экспериментальные исследования чувственного познания обогатили психологию множеством интересных данных. Их теоретический анализ был произведен Б. Г. Ананьевым[157]. Многие эксперименты посвящены изучению генезиса различного рода перцептивных действий и их структуры, роли предметных действий в формировании образов восприятия, изучению моторных компонентов в процессах восприятия, роли движения рецепторных аппаратов (движения глаз, руки) в возникновении образа, адекватного предмету, а также той регулирующей функции, которую выполняет образ в практических действиях человека[158]. Восприятие исследовалось с помощью новых методов и не только в рамках традиционной проблематики, но и в связи с проблемой управления техникой.

Исследование мышления идет в разных аспектах. Под руководством С. Рубинштейна, а потом его учениками изучались внутренние закономерности мышления как процесса. Понятие процесса раскрывает свойственный мышлению характер взаимодействия внешних и внутренних условий: каждый шаг мышления, будучи обусловлен объектом, по-новому раскрывает объект, а это, в свою

[156] См.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.

[157] См.: *Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М., 1960; *Он же.* Теория ощущений. М., 1961.

[158] См.: *Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г.* Восприятие и действие. М., 1967; *Ананьев Б. Г., Веккер Л. М., Ломов Б. Ф., Ярмоленко А. В.* Осязание в процессах познания и труда. М., 1959.

очередь, обусловливает новый ход мышления[159]. На основе теории интериоризации развивает идеи о поэтапном формировании умственных действий П. Гальперин[160]. Теоретическому и экспериментальному исследованию подвергается структура мыслительной деятельности человека, творческое мышление; изучается отношение психологии мышления и кибернетики[161].

В связи с психологией обучения В. В. Давыдов, рассматривая логико-психологические проблемы построения учебных предметов, провел комплексный психологический, дидактический и теоретико-познавательный анализ мыслительных процессов обобщения у школьников[162].

Разработка философских проблем психологической теории сосредоточивается на вопросе взаимосвязи основных характеристик психики, выявляющихся в разных системах отношения психики к материальному миру и вопросе детерминации психического. Этим проблемам посвятил свои труды С. Рубинштейн[163]. Методологически важными явились требования изучения во всей конкретности каждой системы отношений, связей психики и соотнесения этих связей между собою, а также вводимое представление о многомерности психики, о качественном своеобразии ее, проявляющемся в разных системах связей.

Принцип детерминизма, выражающий характер взаимосвязи явлений объективной действительности и сформулированный применительно к психологии как преломление внешнего через внутреннее, становится специальным методологическим принципом психологической науки, позволяющим изучать психическое в соответствии с законами марксистской диалектики, рассматривать вещи и явления во всей совокупности их многоразличных отношений к другим вещам и явлениям[164].

[159] См.: *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958; Процессы мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. М., 1960; *Славская К. А.* Мысль в действии. М., 1968; *Матюшкин А. М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972; *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.

[160] См.: *Гальперин П. Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1959, т. 1; *Он же.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий.— В кн.: Исследования мышления в советской психологии. М., 1966.

[161] См.: *Пономарев Я. А.* Психология творческого мышления. М., 1960; *Пушкин В. Н.* Оперативное мышление в больших системах. М., 1960; *Он же.* Психология и кибернетика. М., 1971; *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. (Опыт теоретического и экспериментального исследования). М., 1969; *Брушлинский А. В.* Психология мышления и кибернетика. М., 1970.

[162] См.: *Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. (Логико-психологические проблемы построения учебных предметов). М., 1972.

[163] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957; *Он же.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

[164] См.: *Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.

Понимание психического как процесса раскрывается в изменяющемся соотношении внешних воздействий и внутренних условий. Детерминация не исчерпывается исходным толчком, который запускает действующую затем по своим внутренним законам систему, самый процесс представляет непрерывно воспроизводимую детерминацию, постоянное отражение внешнего мира, которое совершается путем преобразования внешних воздействий, согласно закономерностям — физиологическим и психологическим — деятельности мозга. Учение о регуляторной роли психики, разных формах регуляции, разных уровнях этой регуляции решает вопрос о действенном характере отражения, которое выступает в формах побудительного, или мотивационного, и исполнительного регулятора действия.

На новом уровне в данный период разрабатывается проблема общественно-исторического развития психики. А. Леонтьев обосновал концепцию социальной обусловленности психики, согласно которой психическое развитие человека является результатом овладения им предметными способами действия в процессе присвоения продуктов человеческой культуры. Механизм этого процесса усматривается в интериоризации, посредством которой и происходит присвоение социальных исторически сложившихся видов и форм деятельности и преобразование их во внутренние психические процессы[165]. Постепенно складывается учение А. Леонтьева о деятельности. В свете этого учения процесс отражения детерминирован деятельностью человека с объектами, в которых психическое находится в экстериоризованной форме, поскольку объект является продуктом человеческого труда, причем общая структура деятельности определяет структуру отражения[166].

Развитие психологической науки в СССР происходит в трудах научных школ, опирающихся на диалектический материализм. На протяжении истории советской психологии формируются научные школы, возглавляемые Л. С. Выготским, Б. Г. Ананьевым, С. Л. Рубинштейном, Д. Н. Узнадзе, Б. М. Тепловым, В. С. Мерлиным, А. Н. Леонтьевым, продолжавшим в наше время линию Л. С. Выготского. Каждый из них, выделив определенный комплекс проблем, создал теоретическую концепцию, разработал на ее основе методы конкретных исследований и, интерпретировав полученные экспериментальные данные, внес свой вклад в теорию, а также организовал разработку выделенных проблем коллективами своих сотрудников.

Иначе складывается история зарубежной психологической науки в годы после второй мировой войны. Ее характерной чертой является борьба и смена многочисленных теорий, отличающихся друг от друга методологическими принципами, понятиями и категориями. К середине нашего века психологи большинства направле-

[165] См.: *Леонтьев А. Н.* Развитие психики. М., 1959.

[166] См.: *Леонтьев А. Н.* Понятие отражения и его значение для психологии.— В кн.: XVIII Международный психологический конгресс. М., 1969.

ний отходят и от интроспекционистского понимания сознания, и от бихевиористского понимания поведения. Направление необихевиоризма, которое состоит из разнообразных теорий (К. Халл, Э. Толман, Д. Е. Берлайн, Р. Вудвортс), включает психические процессы в свое рассмотрение в качестве звена, опосредствующего поведение при взаимодействии организма с окружающей средой, однако социальная обусловленность психики остается за пределами этих теорий. Направление неофрейдизма также представлено существенно различающимися теориями (К. Хорни, Э. Фромм, А. Кардинер, Г. Салливен). К «персонологическому направлению», ставящему в центр проблему личности, относятся: теория самореализации Г. Олпорта, концепция самоактуализации А. Маслоу, теория «Я» К. Роджерса, биосоциальная теория Г. Мэрфи, персонология Г. Меррея, факториальные теории Р. Кэттела, Г. Айзенка, П. Гилфорда. Для них характерно признание исходной детерминации личности на уровне ее биологических свойств, социальность личности при этом толкуется как биологически обусловленное свойство и социальная природа человека тем самым антропологизируется. Социальная психология, которая занимает значительное место в зарубежной психологии, также включает самые разнообразные направления.

Вместе с тем в зарубежной психологической науке наблюдается тенденция роста материалистических взглядов. Такие взгляды присущи теориям онтогенетического развития психики, созданным представителями генетической психологии: Ж. Пиаже, возглавившему женевскую школу, и А. Валлону, основателю парижской школы. Материалистические позиции занимает французская школа исторической психологии, созданная И. Мейерсоном.

Критический анализ истории и современного состояния психологической науки капиталистических стран составляет неотъемлемую часть историко-теоретических исследований советских психологов [167].

Современная психологическая наука представляет собой разветвленную область знания, связанную с целым рядом наук, включенную во многие сферы жизни нашего общества — производство и управление, образование и идеологию, пропаганду и искусство. Возрастание роли психологии в развитом социалистическом обществе обусловлено все возрастающим значением человека как цели общественного развития. Широкий круг психологических проблем возникает при развитии творческой активности человека, научно обоснованной организации труда. Задача формирования нового человека — важнейшая для современного этапа общественного развития — диктует психологии свои требования. Использование дости-

[167] См.: *Мансуров Н. С.* Современная буржуазная психология. М., 1962; Современная психология в капиталистических странах. М., 1963; *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. М., 1971; *Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974; *Анцыферова Л. И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.

жений психологии в общественной практике становится важнейшим условием роста производительности и качества труда, эффективности производства и управления, развития современной техники, совершенствования социалистических общественных отношений, формирования нового человека [168].

Нарастание самостоятельности таких отраслей, как социальная и инженерная психология, обогащение науки новыми экспериментальными данными по разным направлениям требует интеграции и систематизации психологического знания. Возникает потребность перевода данных, лежащих на разных уровнях, в разных плоскостях исследования, в единую систему понятий, в разработке категориального аппарата науки, развитии общей теории в единстве с частными, в развитии методологии психологии.

Существенным для развития психологической науки явилось создание в 1971 г. Института психологии в Академии наук СССР как комплексного учреждения, перед которым и была поставлена задача разработки системной теории психологии, координации исследований и их применения на практике.

В 60-х годах в качестве ведущего методологического принципа советской психологии, который интегрировал гносеологическую, природную и социальную характеристики психического, выступает принцип детерминизма, разработанный С. Рубинштейном. В 70-х годах главным направлением в развитии философских проблем психологии становится проблема человека, личности. Подлинно гуманистический подход к личности неразрывно связан с условиями развитого социализма. Методологическое значение марксистского решения проблемы человека для психологии было раскрыто С. Рубинштейном [169].

Б. Ананьев рассматривает проблему человека и в науковедческом аспекте, определяя место психологии среди других наук через всю систему человекознания. Личность определяется через природные качества и социальные связи и отношения, которые прослеживаются в ее развитии в реальных жизненных циклах. Дифференцируются понятия личности и индивида, субъекта деятельности и индивидуальности. С. Л. Рубинштейн на основе марксистского понятия жизнедеятельности рассматривает личность в диалектике жизни, диалектике внешних и внутренних условий ее развития.

Человек для психологии — личность — оказывается тем недостающим звеном в раскрытии диалектической природы психического, которое замкнуло единую цепь его детерминации, соединило его различные характеристики. Открылась возможность увидеть разные

[168] См.: *Ломов Б. Ф.* О состоянии и перспективах развития психологической науки в СССР.— Вопр. психологии, 1977, № 5; *Шорохова Е. В.* Психологические аспекты социального развития в советском обществе.— Вопр. психологии, 1977, № 5.

[169] См.: *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973; 2-е изд. М., 1976; см. также: Из неопубликованной рукописи С. Л. Рубинштейна «Человек и мир».— Вопр. философии, 1966, № 7; *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.

качества психического в богатстве и многообразии связей человека с миром. Не психика и сознание в прямой связи с деятельностью, а человек, обладающий психикой и сознанием, который познает, общается и действует,— такой поворот в понимании предмета психологии стал возможен на основе включения принципа личности в систему философских проблем психологии. Природа психического выступила не только как многокачественная, но и как многоуровневая. Личность выявилась как высший уровень организации психического и одновременно как система взаимодействия с миром.

В. Н. Мясищев сделал решающий шаг от анализа личности как структуры к пониманию ее как системы взаимодействия с миром. Б. Г. Ананьев развернул статичную модель личности в динамике ее жизненного пути, ее истории. Личность перестает рассматриваться субстанционально (как наделенная статической суммой природных и социальных черт), а определяется через непосредственно отнесенный к ней общественный процесс жизнедеятельности, в который она включается как субъект.

Таким образом, новый этап системного развития психологического знания был подготовлен в трудах Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна и начал разрабатываться коллективом Института психологии АН СССР и др.[170]

На специальном симпозиуме (М., 1970 г.) проблема личности ставится как комплексная проблема современной науки, выделяются основные направления ее разработки, сопоставляются оригинальные подходы к структуре и механизмам личности (Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, А. Г. Ковалева, В. С. Мерлина, К. К. Платонова и др.). В русле идей Д. Н. Узнадзе проблема личности как индивидуальности исследуется А. С. Прангишвили.

Однако одновременно выявляется и различие в понимании природы системности психологического знания: возникает вопрос, выводимо ли многообразие психических явлений из единственной категории (деятельности) или через связи различных категорий. А. Н. Леонтьев сводит принцип единства сознания и деятельности к так называемому деятельностному подходу, посредством которого выводит из «свернутой практики», иерархии деятельностей все многообразие психических явлений вплоть до личности[171].

В работах учеников и сотрудников С. Л. Рубинштейна (сектора философских проблем психологии), напротив, вводится методологически ограничительное положение, что не всякая деятельность может быть условием развития личности[172]. Отсюда и начинаются поиски того качества деятельности и того способа включения в нее личности, при котором только и происходит развитие последней.

[170] См.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, и др.
[171] См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
[172] См.: *Анцыферова Л. И.* Личность и деятельность.— В кн.: Проблемы личности. Материалы симпозиума. М., 1970.

Утверждается тезис о потребности личности в деятельности, удовлетворение которой и ведет к ее развитию [173]. Мотивация, способности, потребности рассматриваются не просто как составляющие ее структуры, а как движущие силы ее развития, а сама личность выявляется в разных соотношениях с осуществляемой ею деятельностью [174].

Намечается такое понимание системности, при котором через связи разных категорий выявляется многокачественность психических явлений. Разрабатывается совокупность социально-философских проблем психологии, предлагается такой методологический способ определения психики, при котором психика не выводится из деятельности и не рассматривается субстанционально, а впервые рассматривается как способ решения противоречий индивидуального уровня общественного бытия человека. В категории индивидуальной жизнедеятельности как более многокачественной, чем деятельность, отыскиваются основания для интеграции гносеологической, природной и социальной характеристик психического, с одной стороны, посредством той же категории как более конкретной раскрываются решаемые психикой противоречия такого уровня и такого масштаба общественного бытия человека, в котором она укоренена и который регулирует, с другой.

Дифференциация деятельности и жизнедеятельности индивида, личности как субъекта от общественного уровня организации субъекта дает возможность проследить всю систему переходов от общественно-исторического субъекта к индивидуальному и выявить совокупность именно тех задач, которые решаются психикой [175].

Разрабатывая онтологию и диалектику индивидуальной жизнедеятельности, определяют психологию личности через присущий ей способ организации и регуляции жизни, т. е. того процесса, в котором она развивается как внутренне интегративная система общественным образом и которому одновременно придает ценностно-временную архитектонику (жизненная позиция, жизненная линия, смысл жизни). Личность предстает не как безличное средоточие психических процессов, состояний и способностей, а как субъект, управляющий, направляющий, развивающий свои потребности, способности и т. д. и одновременно своими действиями преобразующий, направляющий, организующий события жизни, решающий ее задачи. Динамика жизни перестает определяться через течение событий

[173] См.: *Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976; *Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М., 1976; *Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977.

[174] См.: *Анцыферова Л. И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности.— Вопр. психологии, 1978, № 1; *Артемьева Т. И.* Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977; *Тарасов Г. С.* Проблема духовной потребности. М., 1979; Принцип развития в психологии. М., 1978; Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974.

[175] См.: *Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973.

или стандартные для любой личности периоды, а становится зависимой от характера активности личности. Личность не просто включается в совокупность причин и следствий своей жизни, но сама становится причиной ее направленного изменения, повышения ее ценностного уровня, что и ведет к ее собственному развитию [176].

Начинает разрабатываться выдвинутый С. Л. Рубинштейном, Б. Г. Ананьевым и Д. Н. Узнадзе принцип субъекта деятельности, который дает возможность преодолеть чрезмерную глобальность принципа деятельности как универсального объяснительного принципа психики. Возникает возможность выявлять качественное различие психической, личностной, коллективной и т. д. форм организации деятельности в зависимости от уровня их субъекта и предмета исследования. На основе этого принципа выявляются связи между объективными общественными структурами деятельности, предъявляющими требования к любому индивиду и активностью личности, которая организуется в индивидуальную динамическую систему субъектом деятельности (включающую отношение к деятельности, уровень активности, психологическое качество осуществления деятельности и т. д.).

Личность в качестве субъекта деятельности интегрирует объективные и субъективные, внешние и внутренние условия ее осуществления в едином контуре деятельности. Проблема становления личности субъектом деятельности объединяет целую совокупность проблем психологической теории: развития личности в деятельности, разного качества ее осуществления (психологической и личностной «цены»), психологической структуры деятельности в зависимости от способа ее организации личностью, от отношения к ней, от места деятельности в системе других жизненных отношений личности. Субъект деятельности выступает как ее централизующая инстанция, которая направляет, мобилизует, концентрирует свою активность, определяет уровень своей активности в связи с задачами деятельности, ее событиями и состояниями, возможностями субъекта.

Теория саморегуляции основана на различении психического и личностного уровней регуляции деятельности и представления об их системном способе связи субъектом [177]. Она обобщает целый ряд современных исследований, раскрывающих ее психологические механизмы: «включения» уровней (А. А. Крылов), оценки и контроля по ходу осуществления деятельности (О. А. Конопкин), выделение принципа действия и принятия решений [178].

Таким образом, интеграция принципа единства сознания и деятельности с принципом личности как ее субъекта дает возможность выявить именно личностные особенности регуляции деятельности,

[176] См.: *Абульханова-Славская К. А.* Диалектика человеческой жизни. М., 1977.

[177] *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.

[178] Проблемы принятия решений. М., 1976; *Забродин Ю. М., Лебедев А. Н.* Психофизиология и психофизика. М., 1977, и др.

которые не охватывались абстрактной структурой и инвариантными характеристиками деятельности; принцип единства сознания и деятельности получает более глубокое методологическое содержание. В свою очередь, определение личности, исходя из более широких отношений жизнедеятельности, позволяет увидеть и место деятельности в жизни личности, и отношение к ней, исходя из других жизненных отношений. В системе координат «личность — субъект деятельности — субъект жизнедеятельности» удается найти системные связи активности человека и его деятельности, оптимальные и для развития личности и совершенствования качества деятельности. Одновременно осуществляется на основе раскрытия методологического значения для психологии принципа общественных отношений разработка социального, социально-психологического аспектов деятельности и той ее сферы, которая направлена на регуляцию отношений людей [179].

В 70-х годах Б. Ф. Ломов вводит общение в число методологических принципов психологии [180]. Предпосылкой этого были развернувшиеся в 60-х годах исследования восприятия и понимания человека человеком работы А. А. Бодалева, А. Г. Ковалева, Е. С. Кузьмина и др. Обсуждение проблем общения произошло на двух Всесоюзных симпозиумах в Ленинграде и Алма-Ате. Категорией общения открывается выход: во-первых, к типологии и иерархии лежащих в основе общения субъект-субъектных отношений, к исследованию типов связи общения и деятельности на разных уровнях; во-вторых, проблема развития личности и ее психических качеств связывается не только с деятельностью, но и с общением людей, отношениями в коллективе, воспитательными, управленческими и т. д. отношениями; в-третьих, этот методологический поворот позволяет уточнить место категории деятельности в психологии. С одной стороны, ее роль ограничивается: возникает сомнение в правомерности распространения схемы предметно-практической деятельности на общение, в правомерности рассматривать последнее лишь как частный случай деятельности. С другой стороны, значение этой категории возрастает на основе раскрытия ее роли как связующего звена общей и социальной психологии, введения совместной деятельности в предмет психологии [181].

Таким образом, важнейший круг философско-методологических проблем в этот период связан с соотнесением и разработкой категорий деятельности и общения, установлением их взаимосвязи и специфики в общей и социальной психологии. Решение этого круга проблем и определило основные черты социальной психологии

[179] См.: *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности.

[180] См.: *Ломов Б. Ф.* Общение как проблема общей психологии.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

[181] См.: *Ломов Б. Ф.* Общение и социальная регуляция поведения индивида.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

70-х годов. К этому времени заканчивается период дискуссий о ее предмете, четко определились марксистские принципы анализа и основные черты идеологической направленности советской социальной психологии [182]. Критический анализ буржуазной психологии сочетается с разоблачением ее антигуманистических принципов (Г. М. Андреева и др.).

Принцип общественных отношений позволяет раскрыть основные черты личности советского человека, исследовать личность, включенную в коллектив с присущими ему психологическим климатом, уровнем развития, соревновательными отношениями, а также механизмы саморегуляции, самоорганизации личности, соотношение ее установок и ценностных ориентаций [183]. Намечается новое направление в разработке социально-психологического аспекта деятельности — проблем ее регуляции обществом, нормативно-ценностного поведения [184].

Выявляется система связей между личностью и коллективом, между коллективом и вышележащим уровнем организации, с присущими последнему управленческими функциями. В этой системе личность выступает и как субъект, и как объект социального действия, ставится вопрос об оптимизации воспитательных воздействий на нее [185]. На учет специфики социалистических общественных отношений опирается и психологический анализ принципов и структур управления, реализующий возможность планомерной регуляции совместной деятельности людей в соответствии с общественными целями [186].

Вопрос о ведущей роли социальной детерминации в соотношении биологического и социального ставится более диалектично, с учетом специфики биологии человека и многоуровневых, дифференцированных типов связи природного и социального на специальном симпозиуме (1975 г.), который подвел итоги и выдвинул новые методологические, теоретические и экспериментальные задачи ее разработки [187]. Раскрывается особенность места психологии среди других наук и ее опосредующая соотношение биологического и со-

[182] См.: *Парыгин Б. Д.* Современное состояние и проблемы социальной психологии. Л., 1973. Социальная психология. М., 1975; Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

[183] См.: *Смирнов Г. Л.* Советский человек. М., 1975; Коллектив и личность. М., 1975; Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. М., 1977; *Петровский А. В., Шпалинский В. В.* Социальная психология коллектива. М., 1978; Социальная психология. Л., 1979; Социально-психологический климат коллектива. М., 1979. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979; *Бодалев А. А.* Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970.

[184] См.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

[185] См.: Личность в системе коллективных отношений. М., 1980.

[186] См.: *Ломов В. Ф., Китов А. И., Рубахин В. Ф., Филиппов А. В.* Актуальные проблемы психологии управления. М., 1977; *Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л.* Психология и управление. М., 1978.

[187] См.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975; Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977.

циального роль как одновременно естественнонаучной и общественной дисциплины.

Традиционные психофизическая, психофизиологическая, личностная проблемы предстают как узловые в соотношении биологического и социального. Психофизическая проблема выступает как проблема соотношения психики и человеческого организма, т. е. выявляется новое качество природных предпосылок психического, охватываемое понятием индивида и развивающееся в онтогенезе общественным образом и индивидуальным путем. Получает более глубокое решение психофизиологическая проблема на основе системного анализа отношения психики к миру, мозгу, к регулируемой им деятельности, а также на основе представлений о многоуровневости процессов отражения.

Преодолевается представление об однозначном соответствии психического отражения, образа и объекта (в теории порогов К. В. Бардиным, в учении об анализаторах Е. Н. Соколовым и др.), об однозначном соответствии психических и отдельных нейрофизиологических процессов; психика рассматривается как системное качество организации последних, как опережающее отражение. Выявляется цепь детерминационных отношений: соотношение человека с миром, требования деятельности определяют разные способы организации и типы связей психических процессов, которые, в свою очередь, предъявляют требования к способам организации мозговых процессов. Даже в исследовании таких сложнейших видов деятельности, как творчество, открываются новые возможности на основе принципа трансформации этапов развития явлений в структурные уровни их организации (Я. А. Пономарев). В русле теории установки предпринимаются попытки соотнести и интегрировать неосознаваемый и осознаваемый уровни активности [188].

Тенденции развития психологической науки и ее состояние на рубеже 70-х годов освещаются в труде А. А. Смирнова [189].

Разработка системной теории и определившиеся в настоящее время подходы к ней — результат достижений и обобщений психологической мысли последних десятилетий [190]. Системные принципы исследования характеризуют современный этап развития традиционных направлений и школ П. К. Анохина, Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна (работы В. Б. Швыркова, В. Д. Небылицина, В. М. Русалова, А. В. Брушлинского и др.). Эти системные принципы анализа позволили изменить соотношение психологии и практики, принять участие в совершенствовании качества и эффективности дея-

[188] Интегративные тенденции теории установки продемонстрировал прошедший в 1980 г. в Тбилиси симпозиум по проблеме бессознательного. См.: Бессознательное. Тбилиси, 1978, т. 1—3.

[189] См.: *Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.

[190] См.: *Ломов Б. Ф.* О состоянии и перспективах развития психологической науки в СССР.— Вопр. психологии, 1977, № 5.

тельности (операторов и т. д.)[191]. Работы инженерных психологов (В. Ф. Венды и др.) не только обеспечивают надежность человеческого фактора в системе «человек — машина», не только устанавливают соответствие психических особенностей человека темпам и техническим требованиям деятельности, но обнаруживают динамические возможности психики — внутренний потенциал как еще неиспользованный резерв технического прогресса. Этот потенциал обнаруживается в психологии труда, в исследованиях операторской деятельности, на основе моделей активного оператора (Н. Д. Завалова, В. А. Пономаренко), теории индивидуального стиля деятельности (Е. А. Климов), концепции гетерохронности в овладении профессией (В. Д. Шадриков) и т. д.[192]

Это, в свою очередь, позволило поставить вопрос о создании психологической службы в системе Академии наук СССР, которая обеспечит эффективное применение психологических знаний в различных сферах общественной практики.

Особенности данного этапа развития науки — разработка системного психологического знания и применение его на практике — есть иное выражение тенденции к объединению методологических принципов психологии, углублению диалектичности психологического познания. Философско-методологические принципы психологии — единство сознания и деятельности, принцип отражения, принцип личности, принцип развития, принцип детерминизма — смыкаются в единую методологическую систему, разработка которой определяет качественно новый этап развития психологической науки. Все более системный характер философские проблемы психологии приобретают по мере расширения философского основания, которое служит интеграции. Если на первых этапах таким основанием являлся принцип единства сознания и деятельности, то затем им становится принцип детерминизма, переформулированный С. Рубинштейном применительно к задачам психологии; наконец, 70-е годы характеризуются ведущей методологической ролью марксистской философской проблемы человека, личности, включенной в жизнедеятельность, деятельность и общение. Это соответствует современному этапу общественного развития, когда человек становится его непосредственной целью.

Философские проблемы психологии, выступая как методологические принципы, приобретают все большую операциональность, открывают все большую возможность обобщения системы психологических знаний.

Развитие методологии и теории психологии, психологического эксперимента и прикладных исследований позволило ей включиться

[191] См.: *Ломов Б. Ф.* Решения XXV съезда КПСС и задачи психологической науки в борьбе за повышение эффективности и качества труда.— Вопросы психологии, 1976, № 6.

[192] См.: Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение/Под ред. Б. Ф. Ломова, В. Ф. Рубахина, В. Ф. Венды. М., 1977.

в жизнь советского общества, принять участие в воспитании и совершенствовании личности. Ее становление, развертывание и укрепление в условиях нового типа общественных отношений и формирования нового человека позволили советским психологам создать единую и одновременно широко разветвленную науку, которая на основе марксистской методологии осуществляет свое плодотворное развитие.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КОСМОНАВТИКИ

1

Философско-методологические проблемы социально-экологических исследований

Современная проблематика взаимодействия общества и природы, находящая наиболее концентрированное выражение в постановке и изыскания путей решения экологической проблемы как одной из глобальных проблем человечества, разрабатывается в нашей стране в обстановке, свободной от зарубежного «экологического бума» с его налетом сенсационности и «неожиданности». Советские ученые опираются в этой области знания и практики на прочные и давние традиции как в социально-философском, так и в естественнонаучном плане.

Будучи междисциплинарным и общенаучным комплексом, современные социально-экологические исследования, переживающие ныне процесс своего становления, остро нуждаются в союзе с философией. Такой союз твердо установился в нашей стране между философией диалектического и исторического материализма и естественными, техническими и общественными науками.

В домарксистской философской мысли интерпретация взаимоотношений между человеком и природой содержала немало противоречий. С одной стороны, в ней, наряду с идеей противопоставления человека и природы, развивался античный подход, основанный на представлениях об их единстве. С другой стороны, понятие единства человека и природы фиксировалось в рамках как материалистической, так и идеалистической философии. И если представители французского материализма XVIII в. в процессе анализа взаимоотношений между человеком и природной средой исходили из антро-

полого-онтологических представлений, получивших логическое завершение в фейербаховском антропологическом принципе, то родоначальники немецкой классической философии трактовали природу в качестве некоего рассудочного синтеза, формы выражения «всеобщей божественной идеи», объединяющей человека и природу.

Но уже в философских воззрениях русских революционных демократов (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и др.) наблюдается приближение к научной трактовке действительного характера взаимоотношений между человеком и природой. В качестве обоснования единства отношения человек — природа принимается не фатальное превосходство природной среды, довлеющее в предшествующих философских построениях, а возрастающая производственно-преобразовательная деятельность человека. Человек, полагал Н. Г. Чернышевский, «вполне подчинит себе внешнюю природу, на сколько будет ему нужно, переделает все на земле сообразно со своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу»[1].

Цельный и последовательно научный анализ комплекса проблем взаимоотношений человека и природы стал возможен лишь в рамках диалектико-материалистической концепции. В качестве основополагающей категории при интерпретации отношения человек — природа выступает труд как «процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»[2]. Именно благодаря этому процессу достигается такое единство человека и природной среды, которое обеспечивает преобразование и приспособление ее к человеческим потребностям, соответствующим особенностям его культуры и социального развития.

Отношение человек — природа не только базируется на единство составляющих его компонентов, но и включает существенный элемент противоположности между ними. Диалектико-материалистическое понимание единства взаимоотношений между человеком и природой заключается в том, что в процессе производственно-преобразовательной и теоретико-познавательной деятельности общества происходит взаимодействие компонентов системы, включающее момент не только гармонизации отношений, но и «противоборства» между ними. Основой человеческой деятельности и мышления, подчеркивал Ф. Энгельс, «является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»[3].

[1] *Чернышевский Н. Г.* Избр. филос. соч. в 3-х тт. М., 1950, т. II, с. 596—597.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188.
[3] Там же, т. 20, с. 545.

Однако капиталистическое общество оказалось не в состоянии рационализировать все возрастающее воздействие на природную среду. В условиях капитализма господствует потребительское отношение к природе; усиливается несоответствие как между отдельными отраслями промышленности, так и «антагонизм» промышленного и сельскохозяйственного производства; все более острой становится проблема дефицита энергетических, сырьевых и пищевых ресурсов.

В постоянном стремлении к извлечению максимально возможной прибавочной стоимости капиталистическое производство не ориентируется на установление рациональных взаимоотношений между производительным и потребительским аспектами деятельности общества. В результате со все большей очевидностью проявляет себя тенденция к нарушению природных связей и отношений, выражающаяся, в частности, в исчезновении традиционных видов флоры и фауны, деградации традиционных ландшафтов и т. п.[4]

В эпоху империализма крайне обостряется основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения его результатов. Углубление этого противоречия выражается не только в социальных, экономических, но и в экологических трудностях, возникающих в рамках буржуазного общества. Процесс деградации естественной среды обитания объективно присущ капиталистическому способу производства, ибо «основное свойство капиталистического хозяйства — его неспособность заботиться о научно-правильной эксплуатации как земли, так и рабочей силы»[5].

Великая Октябрьская социалистическая революция создала беспрецедентные условия для дальнейшего и плодотворного развития теории и практики научного природопользования. В ходе разработки плана строительства социалистического общества, противостоящего, в сущности, финалистским доктринам социального развития, была выдвинута программа комплексного научно-технического прогресса страны с учетом рационального использования природных ресурсов. Россия, отмечал В. И. Ленин, находится в чрезвычайно выгодных условиях природно-экономического характера; даже после грабительского Брестского мира страна располагала обширными запасами руды, каменного угля, нефти, леса, сырья для химической промышленности и т. д. Разработка этих «естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»[6].

Возглавляемая В. И. Вернадским Комиссия по изучению естественных производительных сил должна была не только выявить неиспользованные природные ресурсы, но и способствовать их скорейшей утилизации на принципах рационального природопользования.

[4] См.: *Бородин И. П.* Охрана памятников природы. СПб., 1914; Мировая охрана природы. Пг., 1915.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 173.

[6] Там же, т. 36, с. 188.

В. Вернадский еще во время первой мировой войны, в связи с острым дефицитом отечественного сырья, поднял вопрос об учете, разработке и охране естественных ресурсов России.

Необходимость проведения соответствующих научно-технических, социально-экономических и организационно-административных мероприятий стала тем более очевидной, что в условиях дефицита материальных ресурсов Советское правительство было вынуждено сдать некоторые месторождения полезных ископаемых в концессию иностранным акционерным компаниям, которые не были заинтересованы в их рациональном использовании. «Для того чтобы охранить источники нашего сырья,— указывал в этой связи В. И. Ленин,— мы должны добиться выполнения и соблюдения научно-технических правил. Например, если речь будет идти о сдаче леса, то надо предусмотреть, чтобы правильно велось лесное хозяйство. Если речь идет о сдаче нефти, то надо предусмотреть борьбу с обводнением»[7].

В условиях энергетического, сырьевого и продовольственного дефицита, в которых оказалось молодое Советское государство, вызванных не фатальными причинами «исчерпания» природных ресурсов, а социальными (интервенция, гражданская война, разруха), поддерживались и реализовывались по мере научно-технических и экономических возможностей любые идеи, способные ускорить развитие экстенсификационных и интенсификационных тенденций во взаимоотношениях между человеком и природой. Например, отсутствие полноценного натурального топлива стимулировало исследования по использованию различных топливных материалов, находивших, подобно сланцу, ограниченное применение; обращалось внимание на комплексное использование сырья. По распоряжению В. И. Ленина был организован Российский научно-технический пищевой институт, который занимался поиском технических способов получения пищевых продуктов и пищевых заменителей. Известна положительная оценка В. И. Лениным работ этого института, связанных, в частности, с разработкой гидролизного метода приготовления сахаров[8].

В обстановке хозяйственной разрухи и иностранной интервенции, разрабатывая планы научно-технического и социально-экономического развития страны, В. И. Ленин никогда не упускал из вида проблемы рационального использования природных ресурсов, охраны природы. С момента подписания В. И. Лениным декрета о земле, провозгласившего национализацию ее недр, вод, лесов, животного и растительного мира, создаются политические, экономические, правовые и административные предпосылки для рационального природопользования. Уже летом 1918 г., т. е. спустя немногим более полугода после Октябрьской революции, был учрежден Госу-

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 174.
[8] См.: Там же, т. 51, с. 74.

дарственный комитет по охране природы при Главнауке. Под руководством и по инициативе В. И. Ленина, при его непосредственном участии было подготовлено немало декретов и распоряжений, в которых отражались различные вопросы природоохранной политики и стратегии[9]. Ленинские традиции охраны природы, рационального природопользования были продолжены в процессе построения основ социалистического общества.

В годы первых пятилеток в нашей стране развернулась огромная созидательная работа по созданию материально-технической базы социализма: быстрыми темпами возводились гиганты промышленной индустрии, проводилась коллективизация сельского хозяйства, строились крупнейшие гидротехнические сооружения и т. п. Несмотря на интенсивный характер индустриального развития, природоохранным мероприятиям уделялось постоянное внимание. На первом Всероссийском съезде по охране природы (1929), а также на первом Всесоюзном съезде, посвященном вопросам охраны природы (1933), формулировался комплекс задач, стоящих перед социалистическим обществом в деле рационализации природопользования, содействия развитию естественных природных богатств[10]. В последующий период часть намеченных мероприятий была реализована: организовывались заповедники, возводились оросительные сооружения, выращивались лесозащитные полосы и т. п.

Однако война не позволила в полной мере реализовать программу природоохранительной деятельности, намеченной в ленинских планах. С середины 40-х годов страна продолжила путь интенсивного индустриального и сельскохозяйственного развития; быстрыми темпами нужно было залечить раны военных лет, а затем поднять социалистическое хозяйство на новый, существенно более высокий уровень. Масштабы технического прогресса выявили, однако, тот факт, что комплексное научно-техническое и социально-экономическое развитие страны должно в большей степени, чем это было характерно для предшествующего периода, ориентироваться на анализ возможных негативных последствий процессов взаимоотношений между человеком и природой.

В советской литературе 40-х — 50-х годов проблема взаимоотношения человека и природы трактовалась преимущественно в соответствии со сталинской концепцией, изложенной в работе «О диалектическом и историческом материализме». В ней подчеркивалось, что географическая среда является лишь одним из материальных условий жизни общества, крайне медленно меняющимся и никоим образом не определяющим развития общества. Абсолютизируя этот тезис, некоторые исследователи впадали в своеобразный «географический индетерминизм», утверждая, в частности, что «по мере развития хозяйства непосредственное влияние географической среды

[9] См.: *Гладков Н. А.* Охрана природы в первые годы Советской власти. М., 1972.
[10] См.: Труды первого Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. М., 1935.

ослабляется, ее относительная роль все более падает»[11]. Критиковался «географический детерминизм» (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Э. Реклю, Л. И. Мечников, Г. В. Плеханов и др.); причем критика носила зачастую метафизический характер. В эти годы встречались факты «волевых» отношений к природе с нежелательными экологическими последствиями.

В 50-е годы ряд положений «географического индетерминизма» был пересмотрен, ибо становилось очевидным, что в процессе развития промышленного производства происходит существенное изменение традиционных географических условий, что увеличивается их роль в производительной деятельности общества[12]. Тем не менее установка «географического индетерминизма» продолжала способствовать существованию гипертрофированных представлений о неисчерпаемости природы, о «покорении» природы в интересах человека, в целях удовлетворения его материальных и духовных потребностей. Забвение марксистского положения, согласно которому человек и природа диалектически взаимосвязаны не позволило в тот период в полной мере оценить глобальный характер проблемы взаимоотношений между человеком, обществом и природой.

Тем не менее постепенно пробивали путь идеи глубокой взаимозависимости общества и природы, сложнейшего и глобального характера этой взаимозависимости[13]. В конце 50-х годов группой советских ученых была впервые в отечественной литературе поставлена задача комплексной разработки проблем природопользования и создания комплекса наук под наименованием «общее природопользование»[14].

С начала 60-х годов возникла необходимость более глубокого теоретико-методологического и философского осмысления всего множества проблем отношения человек — природа. Появляются работы, где предпринимаются попытки наметить круг задач, касающихся современной интерпретации характера взаимоотношений между человеком и природой[15]; организуются первые научные конференции[16]; издаются книги зарубежных исследователей[17]. Вопросы вза-

[11] *Юдин П.* О роли географической среды и роста народонаселения в развитии общества.— Под знаменем марксизма, 1943, № 11, с. 71.

[12] См.: *Иванов-Омский И. И.* Исторический материализм о роли географической среды в развитии общества. М., 1950, с. 241.

[13] См.: *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноносфере.— В кн.: В. И. Вернадский. Биосфера (избр. труды по биогеохимии). М., 1967.

[14] См.: *Петров Ф. Н., Бурдин Г. Е., Куражсковский Ю. Н., Формозов А. Н., Эфрон К. М.* Применение ленинских принципов использования природы — залог новых достижений.— В кн.: О задачах общего природопользования и движении «За ленинское отношение к природе». Астрахань, 1959.

[15] См.: *Ефремов Ю. К.* Во имя вечной щедрости природы. М., 1961; *Арманд Д. Л.* Нам и внукам. М., 1962; *Лаптев И. П.* Научные основы охраны природы. Томск, 1964 и др.

[16] См.: Взаимодействие наук при изучении Земли. М., 1963.

[17] См.: *Дорст Ж.* До того, как умрет природа. М., 1968; *Дювиньо П.* и *Танг М.* Биосфера и место в ней человека. М., 1968; *Парсон Р.* Природа предъявляет счет. М., 1969;

имоотношений человека и природы становятся предметом пристального внимания представителей различных областей знания и, прежде всего, географов.

И это не удивительно, ибо географическая наука занимает важное место в иерархии научного знания, ориентированного на анализ проблем взаимодействия общества и природы. Преодоление догматических и волюнтаристских представлений позволило развить диалектико-материалистическое понимание географической среды, наметить перспективы развития географии в контексте взаимодействия человека с природной средой [18]. Традиции географической науки, присущий ей комплексный подход к исследованию природных процессов обогащаются за счет широкого привлечения идей и методов смежных дисциплин. Развивается новое конструктивное направление, ставящее своей задачей проектирование, преобразование и организацию природных процессов на основе познанных закономерностей природной среды [19].

Очевидно, однако, что анализ комплексной проблемы, каковой является изучение взаимоотношений между человеком и средой его обитания, требует взаимосвязи всего совокупного современного научного знания — естественных, технических и общественных наук. Возникала необходимость сформировать на основе диалектико-материалистических представлений некоторый единый подход в интерпретации отношений человек — среда, при котором исследовались бы история этого взаимоотношения, его основные тенденции, закономерности, динамическая структура [20]. Необходимо было выявить связи намечающейся экологической ситуации с НТР, которая, с одной стороны, усугубляла ее кризисные тенденции, ускоряя развитие и расширяя масштабы промышленного производства, урбанизации и т. п., а с другой — намечала пути ее разрешения, в частности, открывая перспективы экологизации самой НТР, привлечения технических средств предотвращения угрозы глобального экологического кризиса.

С 70-х годов начинается новый этап интерпретации взаимоотношений между человеком и средой, связанный с более фундаментальным изучением специфики экологической ситуации, философско-методологических и теоретико-познавательных проблем отношения человек — природа, выявлением социально-экономических, по-

Коммонер Б. Замыкающийся круг. Л., 1974; *Дуглас У.* Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия. М., 1975; *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977; *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980.

[18] См.: *Константинов Ф. В.* Взаимодействие природы и общества и современная география.— Изв. АН СССР, сер. географич., 1964, № 4.

[19] См.: Природа и общество. М., 1968.

[20] См.: *Доскач А. Г., Трусов Ю. П., Фаддеев Е. Т.* Проблемы взаимодействия природы и общества и современная география.— Вопр. философии, 1965, № 4; *Медунин А. Е.* Влияние научно-технической революции на природу Земли.— Вопр. философии, 1969, № 3; *Забелин И. М.* Физическая география и наука будущего. М., 1970 и др.

литико-идеологических и культурологических аспектов отношения человека к природе.

Проблема охраны природы и рационального природопользования занимает важное место в процессе формирования развитого социалистического общества. На XXIV съезде КПСС подчеркивалось, что использование преимуществ социалистической системы хозяйства должно дать такое направление научно-техническому прогрессу, «чтобы он сочетался с хозяйским отношением к природным ресурсам, не служил источником опасного загрязнения воздуха и воды, истощения земли»[21]. Обращалось внимание на необходимость укрепления взаимодействия ученых и специалистов, работающих в различных областях естественных, технических и общественных наук. Эти положения получили дальнейшее развитие на XXV съезде КПСС, где указывалось, в частности, на необходимость улучшения социалистического природопользования[22]. Партия и правительство приняли ряд важных постановлений об улучшении охраны природы, рационализации использования природных ресурсов[23], утвержден целый комплекс общесоюзных и республиканских законов (об охране атмосферного воздуха, охране и использовании животного мира и др.); задачи охраны природы приобрели конституционный статус[24].

Советские ученые проявляют большую заинтересованность в изучении различных аспектов экологической проблемы. В 70-х годах усилился поток публикаций и дискуссий, в которых обсуждался весь спектр проблемы взаимоотношений между человеком и природой. Существенный теоретический и практический резонанс получили дискуссии в рамках «круглого стола» в журнале «Вопросы философии», посвященные темам «Человек и среда его обитания», «Наука и глобальные проблемы современности». В обсуждении различных аспектов экологической проблемы приняли участие крупнейшие ученые (П. Л. Капица, Н. П. Федоренко, Е. К. Федоров и др.)[25].

Экологическая проблема стала предметом обсуждения многочисленных теоретических конференций[26] и монографических работ, вы-

[21] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 57.

[22] См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 73.

[23] См., напр.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» (1972); Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» (1978).

[24] См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.

[25] См.: Вопр. философии, 1973, №№ 1—4; 1974, №№ 8—11.

[26] См., напр.: Будущее науки. Естествознание и экология. Дубна, 1974; Взаимосвязь науки при решении экологических проблем. М.; Обнинск, 1976; Научно-техническая революция и решение экологических проблем. М., 1978; Проблемы взаимодействия общества и природы. М., 1978; Система «человек — окружающая среда». М., 1979; Взаимодействие общества и природы как глобальная проблема современности. М.; Обнинск, 1981, и др.

ходящих как в центральных, так и в республиканских и областных издательствах [27].

В обширном потоке литературы по философско-методологическим проблемам социально-экологических исследований можно выделить несколько аспектов. Условно их можно назвать теоретико-методологическим, науковедческим, природоохранительным и природопреобразовательным, космическим и глобально-прогностическим аспектами.

Теоретико-методологический аспект — это прежде всего марксистско-ленинская концепция, в рамках которой выявляется специфика диалектически противоречивого единства общества и природы, человека и среды его обитания. При этом ключевым вопросом, решение которого обусловливает преодоление кризисного характера отношения человек — природа, здесь выступает проблема трансформации деятельности, ее экологизации, учета как момента единства, так и момента взаимной противоположности общества и природы.

В связи с этим, в частности, получает новое толкование понятие «развитие» применительно к деятельности общества в системе природы: процесс преобразования окружающей среды в интересах человека рассматривается в корреляции с необходимостью сохранения традиционных природных систем. Доминирующая экспоненциальная форма развития общества приходит в определенное несоответствие с естественно-природными системами. Экологический подход диктует необходимость трансформации этого развития в то, что можно назвать «экоразвитием» [28]. Центральным элементом обеспечения экологического развития является оптимизация соотношения природопреобразовательной и природоохранительной деятельности общества [29]. Другими словами, устранение издержек, негативных экологических последствий научно-технического прогресса заключается отнюдь не в отказе от него, а в учете экологических сторон человеческой деятельности и в использовании самого научно-технического прогресса для выполнения задач по гармонизации взаимодействия общества и природы.

Реализация этих представлений в значительной степени связана с разработкой идей В. Вернадского об «автотрофности человечества» (термин «автотрофность» обозначает свойство организмов строить свою органическую структуру за счет неорганических элементов биосферы и ассимиляции солнечной энергии). Биологически

[27] См.: *Лысенко Л. П.* Природа и общество. Минск, 1976; *Мартиросян Ш. С.* Современная экологическая ситуация и общественные системы. Ереван, 1977; *Шолохов М. М.* К методологии исследования системы «человек — природа». Ростов н/Д, 1978; *Колесова Э. В.* Природа и человек. Минск, 1979; *Лукашев В. К., Лукашев К. И.* Научные основы окружающей среды. Минск, 1980, и др.

[28] См.: *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1979.

[29] См.: Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975; Проблемы оптимизации в экологии. М., 1978; Методологические аспекты взаимодействия общества и природы. М., 1978.

гетеротрофный человек может быть автотрофным существом в социальном отношении и, конкретно, наладить «автотрофное» производство средств, необходимых ему для существования. Это позволит не только сократить использование биоресурсов, но и уменьшить вредные выбросы в среду обитания, т. е. улучшить «качество» биосферы [30]. Советские исследователи, выявляя методологические предпосылки «снятия» кризисных тенденций во взаимоотношениях между человеком и средой его обитания, разрабатывают также концепцию «экологического производства», согласно которой природная среда, взятая в целом, выступает для человека предметом труда, а продуктом труда являются заданные природные условия, обеспечивающие беспрепятственный общественный прогресс; представления, обосновывающие неизбежность вмешательства человека в природные процессы и необходимость органического сочетания естественного и искусственного в человеческой деятельности и существовании; идеи, согласно которым человечество рассматривается в качестве универсальной адаптивно-адаптирующей системы; тезис о «бионизации» производства — перехода к такому функционированию производственных предприятий, которое аналогично приспособительным реакциям живых организмов и др.[31]

В рамках *науковедческого аспекта* внимание концентрируется, с одной стороны, на выявлении воздействия современной экологической ситуации на характер развития и основные тенденции научного знания, а с другой — на повышающемся статусе экологического знания в системе наук о природе и обществе. Немало дискуссий ведется о необходимости создания специальной комплексной, естественно-социальной дисциплины, занимающейся проблемой взаимоотношений между человеком и средой его обитания во всей ее целостности.

Существуют различные направления интеграции экологического знания. Отметим лишь некоторые из них. Так, существует социальная экология, ориентирующаяся на синтез природных и социальных процессов в анализе современной экологической ситуации и перспектив ее развития. Другое направление — экология человека, рассматривающая взаимоотношения между человеком как биосоциальным существом и окружающей его природой. Выделяется глобальная экология, предполагающая изучение биосферы как единого целого и непосредственно связанная с экологической проблемой, рас-

[30] См.: *Лось В. А.* Человек и природа. М., 1978.

[31] См.: *Мамзин А. С.* Научно-технический прогресс и охрана природы. Л., 1977; *Маркарян Э. С.* Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977; *Олдак П. Г.* Общие начала биосоциальных исследований. Новосибирск, 1977; Современная экологическая ситуация. Рига, 1978; *Манин Ю. М.* НТР и экологизация производства. Минск, 1979; *Фаддеев Е. Т.* Проблема экологического производства. Пущино, 1980; *Смирнов С. Н.* Развитие материального производства и оптимизация взаимодействия общества с природой.— В кн.: Общество и природная среда. М., 1980, и др.

сматриваемой в качестве одной из глобальных проблем современности [32], существуют и другие подходы, направленные на определение статуса новой науки или комплекса наук (ноология, ноогеника и др.) [33].

В поисках адекватной интерпретации экологической проблемы современное знание оказывается как бы на перекрестке: традиционный дисциплинарный подход в науке (в рамках которого экология является лишь разделом биологии) обнаруживает ограниченность своих возможностей, а реализация интеграционных тенденций встречает существенные теоретико-методологические трудности. Их преодоление возможно лишь в результате развития диалектико-материалистических представлений, дающих обоснование экологической интеграции естественных, технических и общественных наук. И хотя советские исследователи дают различное терминологическое оформление искомой интегральной экологической науке, в основе их концептуальных построений лежит тезис К. Маркса, предсказывающий единство наук о природе и о человеке [34].

Правда, пока это — скорее тенденция, имеющая характер перспективы, а не актуально и достаточно полно совершающегося процесса. В современных условиях заметнее процессы проникновения экологических идей, представлений и концепций в структуру существующего научного знания. Биосферная, или экологическая, ориентация науки выражается в том, что современное научное знание все в большей степени ориентируется на анализ, интерпретацию и разрешение различных аспектов и проблем взаимоотношений между человеком и природой [35].

Природоохранительный и природопреобразовательный аспект обусловлен расширяющимся воздействием производственной деятельности общества на природу и последствиями этого воздействия для человека. Существенно, что, с одной стороны, сложившиеся формы научно-технического прогресса ведут к определенным деградационным изменениям природной среды, а с другой — именно

[32] См.: *Шварц С. С.* Проблемы экологии человека.— Вопр. философии, 1974, № 9; *Артановский С. Н.* Общественно-культурные аспекты экологии человека.— Вопр. философии, 1975, № 3; *Гирусов Э. В.* Система «общество — природа». М., 1976; *Мархов В. Г.* Научно-техническая революция, общество и природа.— В кн.: Научно-техническая революция, человек, его природная и социальная среда. Л., 1977; *Будыко М. И.* Глобальная экология. М., 1977; Ценностные аспекты науки и проблемы экологии. М., 1980, и др.

[33] См.: *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971; *Камшилов М. М.* Эволюция биосферы. М., 1974; *Забелин И. М.* Физическая география в современном естествознании. М., 1978.

[34] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 124.

[35] См.: *Новик И. Б.* Будущее науки и экологическая проблема.— Вопр. философии, 1975, № 1; *Герасимов И. П.* Методологические проблемы экологизации современной науки.— В кн.: Общество и природная среда. М., 1980; *Кацура А. В.* Фундаментальное знание и законы экологии.— В кн.: Человек и природа. М., 1980; *Яницкий О. Н.* Методологические вопросы исследования социально-экологических проблем.— Вопр. философии, 1982, № 3, и др.

на путях научно-технического развития можно решить проблемы охраны и целенаправленного развития природы [36].

Изучение генетических истоков современной экологической ситуации свидетельствует о том, что кризисные явления во взаимоотношениях общества и среды его обитания возникали на разных этапах истории человечества. Поэтому нельзя пренебрегать историческим подходом к проблемам охраны природы и рационального природопользования, ибо такой подход способствует уяснению как нынешнего состояния, так и перспектив в этой области [37]. Введение принципа историзма в разработку современной экологической проблематики оказывается весьма плодотворным для всего комплекса наук о природопользовании.

Эффективная интерпретация экологической проблемы выдвигает новые требования к феномену культуры. Формируется понятие об экологической культуре, которая создает предпосылки сохранения природных и социальных ценностей, духовного наследия прошлого [38].

Складывающаяся экологическая ситуация диктует необходимость усиления внимания не только к практическим, но и к теоретическим направлениям природопользования. Проблема охраны природы, рассматриваемая в широком контексте, понимается как комплекс мероприятий, направленных преимущественно на сохранение и совершенствование традиционных природных систем в процессе их эффективного и разностороннего использования в соответствии с человеческими потребностями и целевыми установками [39].

Выявляется существенная взаимосвязь между экологическими и экономическими принципами развития. Возникает новая прикладная область экономических наук — экономика природопользования, предметом которой является оценка естественных природных ресурсов, проблема эффективности природоохранных мероприятий [40]. Рационализация природопользования приобретает особенно важное

[36] См.: *Федоров Е. К.* Экологический кризис и социальный прогресс. Л., 1977; *Он же.* От описаний к проектированию природы.— В кн.: Философия, естествознание, современность. М., 1981.

[37] См.: *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1976; Человек и биосфера. Ростов н/Д, 1977; *Кузин А. А.* Экологические проблемы в истории человечества.— В кн.: Научно-техническая революция и решение экологических проблем. М., 1978; *Ефимов Ю. И.* Природное и общественное в человеческой предыстории.— В кн.: Человек и природа. М., 1980.

[38] См.: Вестн. АН СССР, 1979, № 10, 12; *Лихачев Д. С.* Экология культуры.— Москва, 1979, № 7; *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов н/Д, 1979.

[39] См.: *Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р.* Особо охраняемые природные территории. М., 1978; *Анучин В. А.* Основы природопользования: теоретический аспект. М., 1978; *Миланова Е. В., Рябчиков А. М.* Географические аспекты охраны природы. М., 1979; *Новиков Г. А.* Основы общей экологии и охраны природы. Л., 1979 и др.

[40] См.: Статистика рационального природопользования и охраны окружающей среды. М., 1976; *Хачатуров Т.* Экономические проблемы экологии.— Вопр. экономики, 1978, № 6.

значение в свете охраны здоровья человека, эстетического, этического воздействия природных факторов [41].

Космический аспект проблемы взаимоотношения человека и природной среды обусловлен тем, что преодоление противоречия между относительно ограниченными возможностями природы Земли и ростом потребностей общественного производства требует обращения к энергетическим, сырьевым и другим ресурсам космоса. В настоящее время связь между космонавтикой и решением экологических задач на планете заключается, прежде всего, в информационном обслуживании хозяйствования человека в системе земной природы. Многие отрасли прикладной космонавтики (спутниковая метеорология, геодезия и картографирование, дистанционное зондирование геологических структур, растительного покрова, глубин Мирового океана) поставляют уникальную экологическую информацию.

Наконец, единство природы Земли и космоса как области предметной деятельности общества позволяет ставить и теоретически решать, в том числе в мировоззренческо-философском плане, проблему снятия многих природных ограничений. А это, в свою очередь, позволяет практически бесконечно развивать общественные производительные силы человеческой цивилизации, освободить ее от лимитирующих условий природы, пространства, сырьевых и энергетических ресурсов планеты Земля [42].

Экологическая проблема занимает одно из важных мест в иерархии глобальных проблем современности. Можно даже сказать, что само возникновение в начале 70-х годов понятия о глобальных проблемах инициировалось в значительной степени комплексом вопросов, связанных с анализом взаимоотношений между человеком и природой. Этим во многом обусловлен *глобально-прогностический аспект* экологической проблематики.

Существенное внимание уделяется рассмотрению взаимосвязи всего комплекса глобальных проблем современности (проблема войны и мира, создания благоприятных условий для социального и экономического развития, эффективное решение продовольственной и энергетической проблем и др.) с современной экологической ситуацией [43]. Обращается внимание на то, что преодоление противо-

[41] См.: Философские и социально-гигиенические аспекты охраны окружающей среды. М., 1976; НТР и социально-этические проблемы. М., 1977; *Быховский А. В.* Методологические аспекты оптимизации окружающей среды и гигиеническая наука.— В кн.: Проблемы оптимизации в экологии. М., 1978; *Школенко Ю. А.* Экология и эстетика.— Искусство, 1978, № 4; *Царегородцев Г. И., Ерохин В. Г.* Экология человека в системе медицинского знания.— Вопр. философии, 1980, № 9.

[42] См.: *Фаддеев Е. Т.* Идея бессмертия человечества у К. Э. Циолковского.— Филос. науки, 1975, № 2; *Урсул А. Д.* Человечество, Земля, Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М., 1977; *Севастьянов В. И., Урсул А. Д., Школенко Ю. А.* Освоение космоса и экологическая проблема.— В кн.: Общество и природная среда. М., 1980.

[43] См.: *Гвишиани Д. М.* Методологические проблемы моделирования глобального развития.— Вопр. философии, 1978, № 2; *Он же.* Глобальные проблемы и роль науки в их решении.— Вопр. философии, 1979, № 7; *Фролов И. Т.* Философия глобальных

речий во взаимоотношениях между человеком и средой его обитания возможно лишь на путях разрешения всей совокупности глобальных проблем и, прежде всего, проблемы социального переустройства мира на коллективистских началах социализма и коммунизма, что является кардинальным средством также и решения глобальных проблем природного «среза».

Фундаментальному критическому анализу подвергаются буржуазные концепции, пытающиеся рассматривать перспективы развития цивилизации в футурологическом контексте. Советские исследователи выявляют методологическую несостоятельность и социальную ограниченность западных моделей глобального развития [44]. Особенно широкое обсуждение в философско-социальной литературе получили исследовательские проекты, выполненные под эгидой Римского клуба — неправительственной международной организации экспертов и ученых [45].

Марксисты показывают, что большинство позитивных программ, вырабатываемых в рамках буржуазной науки, оказываются нереализуемыми в условиях частнособственнических форм деятельности. Капитализм, несмотря на проведение природоохранных мероприятий, не ориентирован на рационализацию природопользования, на бережное отношение к природе. Экологическая ситуация в промышленно развитых капиталистических странах является одним из элементов общего кризиса капитализма. Буржуазное общество не в состоянии разрешить экологическую проблему [46].

проблем.— Вопр. философии, 1980, № 2; *Он же.* Наука и гуманистические идеалы в решении глобальных проблем.— Вопр. философии, 1979, № 6; *Загладин В., Фролов И.* Глобальные проблемы современности и коммунисты.— Проблемы мира и социализма, 1978, № 3; Научные исследования и человеческие потребности. М., 1979; *Энгельгардт В. А.* Триада: наука — техника — гуманизм и их взаимоотношения.— В кн.: Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М., 1981, вып. II; *Федоров Е. К.* Стратегия мира и оптимизация отношений человека и природы.— Там же, вып. III; Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М., 1983.

[44] См.: *Федоренко Н.* Глобальные прогнозы и реальные решения.— Проблемы мира и социализма, 1977, № 5; *Шапиро А.* Буржуазные проекты перспектив мирового хозяйства.— Мировая экономика и международные отношения, 1978, № 9; *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы: критика современных буржуазных концепций. М., 1978; *Шахназаров Г. Х.* Фиаско футурологии. М., 1979; Современные буржуазные концепции мирового капиталистического хозяйства. М., 1980; *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981.

[45] См.: *Лейбин В. М.* «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982.

[46] См.: *Гудожник Г. С.* Научно-техническая революция и экологический кризис. М., 1975; Общий кризис капитализма и обострение социальных проблем окружающей среды. М., 1975; *Бартов В. Ф.* Современный капитализм и природа. М., 1976; Проблема окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях. М., 1976; *Павельев А. А.* Социальный оптимизм и экологический пессимизм. М., 1977; *Хромушин Г. В.* Критика буржуазных теорий экологического кризиса. М., 1979; *Жирицкий А. К.* Экологический кризис и антимонополистическая борьба. М., 1979; *Маклярский Б. М.* Экологический бумеранг. Классовые аспекты охраны окружающей среды. М., 1980; *Хозин Г. С.* Глобальные проблемы современности. Критика буржуазных концепций. М.,

Если до недавнего времени реальность экологической проблемы связывалась преимущественно с развитыми в индустриальном отношении странами, то ныне все большее внимание уделяется последствиям взаимоотношений между человеком и природой в развивающихся странах афроазиатского и латиноамериканского регионов. Анализируется специфика экологической ситуации в этих странах, обсуждаются пути, следуя которыми развивающиеся страны могут избежать нежелательных изменений среды обитания [47].

Демографическая программа, выдвигаемая марксистами в противовес буржуазным глобальным проектам будущего, не только реалистически оценивает контуры грядущего мира, но и показывает действительные пути решения комплексных проблем современности.

Марксисты убеждены в том, что путь к их решению состоит не в утопических проектах, а в органическом сочетании внутренних усилий каждой страны с широким международным сотрудничеством, в объединении действия всех государств в целях предотвращения фатальных деградационных изменений среды обитания человека. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии в числе перспективных областей долговременного сотрудничества государств были названы «открытие и использование новых источников энергии, обеспечение продовольствием растущего населения планеты, сохранение во всем ее богатстве природы нашей земли, освоение высот космоса и глубин Мирового океана» [48].

Конструктивность подхода к решению экологической проблемы является характерной особенностью теории и практики социализма, его принципов рационального природопользования. Социалистическое общество демонстрирует пример рационального, комплексного использования природных ресурсов, с учетом его последствий для нынешнего и будущих поколений. Образцом межгосударственного сотрудничества в решении экологической, как и других глобальных проблем современности, служат совместные мероприятия и разработки в этой области в странах социалистического содружества [49]. Переход же человечества от капитализма к социализму и коммунизму в масштабах всей планеты представляется сегодня в качест-

1982; *Кравченко И. И.* Экологическая проблема в современных теориях общественного развития. М., 1982.

[47] См.: *Лопатов В.* «Третий мир»: экологические аспекты развития.— Азия и Африка сегодня, 1977, № 7; *Пуляркин В.* Проблемы окружающей среды в развивающихся странах.— Азия и Африка сегодня, 1978, № 6; *Дрейер О. К., Лось В. А.* Экологические проблемы развивающихся стран. М., 1979.

[48] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 26.

[49] См.: *Фролов И. Т.* Экологические проблемы НТР и их разрешение при социализме. М., 1976; *Колбасов О. С.* Экология: политика — право. М., 1976; *Горизонтов Б. Б.* Две мировые системы и окружающая среда. М., 1977; Социализм и охрана окружающей среды. М., 1979; *Лаптев И. Д.* Экологические проблемы. Социально-политический и идеологический аспекты. М., 1982; Социализм и природа. (Науч. основы соц. природопользования). М., 1982, и др.

ве своеобразной экологической необходимости, как путь, обеспечивающий не только дальнейшее научно-техническое и социально-экономическое развитие человечества, но и само его выживание.

2
Космонавтика

Эпоха освоения человеком космического пространства, начатая четверть века тому назад запуском в нашей стране первого искусственного спутника Земли, привлекла к себе внимание философов и социологов, которое существенно усилилось в последние полтора десятилетия. В области философских проблем освоения космоса продолжает активно развиваться завещанный В. И. Лениным союз философии и естествознания. Этот союз, благодаря обращению к исследованию феномена космонавтики, прочно вступил также и на космическую магистраль своего развития, расширился за счет космических «продолжений» естественных наук, их космизации. В исследование космоса включились, кроме естественных и технических, общественные науки, ибо проблема изучения и освоения внеземных пространств представляет собой комплексную общенаучную и в известном смысле глобальную проблему, требующую в принципе участия не только всех наук, но и объединения усилий и средств всего человечества.

В процессе освоения космоса усиливается не только взаимодействие общественных, естественных и технических наук, их развитие в космическом ракурсе, но и все более тесное их взаимодействие с философией, что ярко свидетельствует о новых возможностях и гранях развития союза философии и специальных наук. Философия заинтересована в этом союзе, ибо он дает ей возможность новых широких обобщений. Но не меньшая потребность во взаимодействии с философией существует и со стороны наук о космосе и полетах за пределами Земли. Занимаясь специальными проблемами, связанными с космосом и космонавтикой, специалисты в области изучения и освоения космоса должны соотносить эти свои частные вопросы с общим ходом научно-технического и общественного прогресса, руководствоваться всеобщими теоретико-методологическими и философско-мировоззренческими положениями. Как подчеркивал В. И. Ленин, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натыкаться“ на эти общие вопросы» [50].

Применительно к развитию космонавтики и космическим исследованиям — это вопросы о необходимости и причинах освоения космоса, о целях и перспективах развертывания космической деятель-

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

ности людей, о влиянии космонавтики на науку, технику, производство, культуру,— вообще на социальный прогресс. На эти вопросы ищет ответы то комплексное направление исследований, которое получило название философских проблем освоения космоса (космонавтики).

Формирование предмета исследования. Разработка философских проблем освоения космоса началась в работах основоположника теоретической космонавтики К. Э. Циолковского задолго до того, как были теоретически обоснованы естественнонаучные и технические принципы полета в космос [51]. Более того, именно космическая философско-этическая направленность мышления К. Циолковского привела его к предвидению возможности использовать ракету в качестве технического средства преодоления силы земного тяготения и движения в «свободном пространстве».

К. Циолковский считал, что в будущем люди должны покинуть Землю и стать обитателями космоса, активно его осваивать и преобразовывать. Он предполагал, что существуют иные разумные существа вне Земли, с которыми человечество вступит в контакт и тогда образуется союз космических цивилизаций, которые существенно будут влиять на развитие Вселенной. В этом заключается существо его «антропокосмизма», преодолевающего традиционный антропо- и геоцентризм.

Калужский ученый исходил из того, что целью познания, существования и социальной деятельности является счастье людей, их бесконечное развитие и усовершенствование. Однако, по его мнению, эта цель недостижима на Земле именно потому, что наша планета зависит от воздействий космоса, которые с течением времени сделают невозможной жизнь на ней. Гибели человеческого рода, по его мнению, можно избежать лишь познав законы Вселенной и создав средства свободного передвижения в космосе. «Категорический императив» его этики заключается в том, что «не должно быть никаких страданий — ни на Земле, ни на других планетах, ни вообще в космосе»[52]. В силу этого императива человечество и вообще все разумные существа Вселенной должны вести себя таким образом, чтобы достичь совершенства и устранить возможность зла и страданий не только в пределах Солнечной системы, но и во всем космосе.

Философско-этические взгляды К. Циолковского в целом сложны и противоречивы: в них можно обнаружить элементы панпсихизма, натурализма, моменты религиозно-идеалистического плана (буддизма, теософии). С одной стороны, основоположник теоретической космонавтики воспринял взгляды ряда идеалистически мыслящих фило-

[51] См: Идеи Циолковского и проблемы космонавтики. М., 1974; Идеи К. Э. Циолковского и современность. М., 1979.

[52] *Циолковский К. Э.* Космическая философия.— ПАН СССР, ф. 555, оп. 1, ед. хр. 534, л. 2.

софов прошлого, с другой стороны, сам высказал целый ряд важных философских материалистических и стихийно-диалектических идей.

«Космическая философия» К. Циолковского противоречива именно потому, что представляет собой поворотный пункт от традиционных домарксистских философских представлений об отношениях человека и космоса к диалектико-материалистическим, развиваемых современными философами-марксистами.

После К. Циолковского, несмотря на дальнейшее развитие технических и естественнонаучных идей космонавтики и практических работ в области ракетной техники, философско-социологические идеи освоения космоса в течение нескольких десятилетий, вплоть до начала 60-х годов, почти не разрабатывались. И лишь под влиянием запуска первых космических аппаратов и особенно первых орбитальных полетов людей начали появляться работы философов-марксистов, в которых продолжаются и развиваются философские идеи К. Циолковского, делаются новые выводы, являющиеся, с одной стороны, обобщением опыта и достижений современной космонавтики, а с другой — результатом анализа перспектив ее развития.

Систематическая разработка философских и социологических проблем космонавтики развернулась в начале 60-х годов, после первых космических полетов людей в космос. В настоящее время в Советском Союзе над этой проблемой работает большой коллектив ученых, опубликовано в общей сложности более 300 работ. В последние годы работает специальная секция ежегодных Чтений К. Э. Циолковского в г. Калуге, получившая название «К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». Таким образом, можно сказать, что сложилось определенное направление научного поиска в области философских вопросов космонавтики.

Космонавтика ярко проявила себя в нашей стране как такое комплексное направление науки, техники и производства, которое твердо ориентировано не только на исследование, но и на использование космического пространства и космических средств в интересах народного хозяйства. Это, как и расширение общих масштабов космической деятельности, еще больше привлекло внимание философов и социологов (В. Е. Давидович, Б. М. Кедров, В. В. Рубцов, А. М. Старостин, Ю. Н. Стемпурский, А. И. Тукмачева, П. Ф. Тукмачев, Е. Т. Фаддеев, Ю. А. Школенко, К. Х. Хайруллин и др.), ученых и специалистов в области ракетно-космической техники, космических исследований, космической биологии и медицины, астрономии, астрофизики (О. М. Белоцерковский, О. Г. Газенко, В. П. Глушко, Н. С. Кардашев, К. Я. Кондратьев, Б. Н. Петров, Р. З. Сагдеев, Б. В. Раушенбах, И. С. Шкловский и др.), летчиков-космонавтов СССР (Г. Т. Береговой, А. А. Леонов, В. И. Севастьянов, К. П. Феоктистов и др.) к общетеоретическим проблемам космонавтики.

Необходимо отметить, что в ряде работ, опубликованных в 1960—1961 гг. и позже, по преимуществу обсуждались довольно об-

щие проблемы без достаточно четкого вычисления специфических вопросов взаимосвязи философии и космонавтики. Публицистический подход преобладал над научно-исследовательским.

В первых работах советских ученых (на протяжении почти десяти лет) предмет исследования философских проблем освоения космоса как самостоятельного исследовательского направления четко еще не выделялся. Исследовались вопросы, которые были поставлены, с одной стороны, еще К. Циолковским (об организации производства в космосе, о необходимости космической точки зрения на человеческую деятельность, о неизбежности и обусловленности выхода нашей цивилизации в космос, о возможном социальном бессмертии в связи с освоением космоса), с другой — практической космонавтикой (о влиянии освоения космоса на науку и производство, на общественные отношения и т. д.). Таким образом, если первоначальный импульс, приведший к возникновению теоретической космонавтики, шел от философских размышлений (К. Циолковский), то в эти годы центр тяжести и источник движения философской мысли находился главным образом вне философии — в самой космонавтике, в ее идеях и проблемах. В результате появления и развития практической космонавтики были поставлены такие вопросы: случайно или не случайно освоение космоса? Почему человеческое общество вступает на звездную дорогу? Каков исторический смысл космических деяний людей? Аналогичные вопросы ставились и в более общей форме, сквозь которую, однако, уже «просвечивала» идея диалектической взаимосвязи общества и космоса, а именно: каково влияние общества на внеземную природу и обратное воздействие космоса на развитие человечества?

Но на этом этапе еще недостаточно четко различались собственно философские вопросы освоения космоса и специальные методологические вопросы космонавтики. В начале 70-х годов была сделана попытка определить сферу философских вопросов освоения космоса исходя из природы философского знания. К предмету философских проблем освоения космоса были отнесены наиболее общие закономерности и тенденции взаимодействия общества и космоса, исследование общих характеристик отношений типа «человек — Вселенная», «общество — космос», «человечество — космические цивилизации» и т. д.[53] В этой связи анализировались также причины обращения науки к философской проблематике освоения космоса, к вопросам о потребностях в освоении космоса, целях и перспективах развития космонавтики, о месте ее в научно-техническом и социальном развитии человечества. Отвечая на эти вопросы, марксистско-ленинская философия дает методологические ориентиры и мировоззренческую картину развития космонавтики, обобщает научную информацию,

[53] См.: *Урсул А. Д.* Философия и проблемы освоения космоса.— Вести. АН СССР, 1973, № 10, с. 50.

которую доставляют космические исследования и освоение космоса, и использует ее для обогащения философских категорий и принципов в борьбе против религиозно-идеалистических спекуляций вокруг проблем и достижений науки и техники космической эры.

Космическая эра расширила понятийный аппарат современной науки. Началось исследование содержания и развития таких понятий, как «космос», «космонавтика», «освоение космоса», «космические исследования», «космическая деятельность человечества», «космизация» и ряд других. Следует, однако, отметить, что анализ этих понятий только развертывается. До недавнего времени многие из них использовались в некотором первоначальном, интуитивном понимании (как, скажем, «космос», «космонавтика») либо только получили свои первые формулировки («космизация»). Под космонавтикой нередко понимают полеты в космос или особую отрасль научного знания. Между тем, как отмечают В. Глушко и Б. Раушенбах, космонавтика — это «совокупность отраслей науки и техники, обеспечивающих освоение космоса и внеземных объектов для нужд человечества с использованием разного рода космических летательных аппаратов»[54]. Аналогичное мнение о содержании понятия «космонавтика» высказывают Р. Сагдеев и Ю. Зайцев[55].

Процесс космизации науки, производства, человеческой практики. Наша планета связана с космосом многочисленными связями, однако до начала космической эры эти связи были весьма односторонними: именно космос (прежде всего Солнце) воздействовал на Землю, на жизнь планеты, а затем и на становление и развитие человечества. Так или иначе космические факторы отображались в общественном сознании — в науке и искусстве, использовались в сознательной (духовной и материальной) деятельности людей. Космическая ориентация научного познания началась задолго до практического освоения космоса, в особенности после революционного открытия Н. Коперника и его последователей. Влияние космоса и знаний о нем на человеческую деятельность на планете, использование тех или иных космических сил получило в философской литературе название «космизация». Впервые этот термин стал употребляться в работах Н. А. Варварова, Е. Т. Фаддеева, И. М. Забелина[56] и, хотя его нельзя еще считать общепринятым, он достаточно точно обозначает использование факторов космоса в целенаправленной человеческой деятельности на Земле.

Преодоление геоцентризма, исследование сущности процесса космизации человеческой деятельности — одно из важнейших направ-

[54] *Глушко В. П., Раушенбах Б. В.* Космонавтика.— БСЭ, 3-е изд., т. 13, 1973, с. 258.

[55] См.: *Сагдеев Р. З., Зайцев Ю. И.* Космонавтика и научно-технический прогресс.— Вопр. философии, 1975, №№ 7,8.

[56] См.: *Варваров Н. А., Фаддеев Е. Т.* Философские проблемы астронавтики.— Вопр. философии, 1981, № 8; *Забелин И. М.* Физическая география и наука будущего. 2-е изд. доп. М., 1970.

лений исследования философских проблем освоения космоса. Разумеется, преодоление геоцентризма началось не с запуска искусственного спутника Земли, а гораздо раньше, начало этого процесса уходит в глубь веков и существенно ускорилось благодаря работам Н. Коперника и Дж. Бруно. Сущность геоцентризма, вопросы его преодоления в науке рассматриваются в работах Е. Фаддеева, М. В. Силина, В. П. Бранского, И. И. Мочалова, К. Х. Рахматулинна, Ю. Стемпурского, К. Х. Хайруллина и др. Ю. Стемпурский отмечает, что суть процесса космизации науки состоит в преодолении исторически обусловленной ограниченности человеческой деятельности и знания, в переходе от геоцентризма ко все новым видам центризма [57]. Под геоцентризмом человеческой деятельности (в частности познавательной) понимается обусловленность ее исключительно условиями и объектами земной макросреды, в пределах которой осуществляется эта деятельность. Преодоление геоцентризма — это предыстория и начальный этап космизации науки, ибо в будущем на пути познания могут — и будут — возникать различные проявления «центризма» (например, гелиоцентризма), следовательно, и необходимость их преодоления.

Исследование движения от науки к производству в «космическом ракурсе» показывает, что процесс космизации науки содействует превращению науки в непосредственную производительную силу, приводит к космизации не только фундаментальных, но и прикладных наук.

Анализируя процесс космизации научного эксперимента, Е. Фаддеев отмечает его характерные черты, проявляющиеся в том, что искусственно воссоздаются или хотя бы моделируются космические явления, процессы, факторы (или их компоненты), расширяются до глобальных и космических размеров пространственные масштабы земных научных опытов, становятся возможными благодаря развитию практической космонавтики экспериментальные космические исследования в самых различных науках вплоть до астрономии [58]. Идеи космизации эксперимента были развиты в работах А. Старостина и др., которые выделили в этом плане три вида научного эксперимента — геоцентрический, космизированный и космический, намечены и пути создания их структурных моделей, выявлены и характерные черты космического эксперимента [59].

[57] См.: *Стемпурский Ю. Н.* Роль К. Э. Циолковского в космизации биологической науки.— В кн.: Труды седьмых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Секция «Проблемы космической медицины и биологии». М., 1972; *Он же:* Гносеологический смысл геоцентризма и пути его преодоления на пути космизации.— В кн.: Труды девятых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Секция «К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». М., 1975.

[58] См.: *Фаддеев Е. Т.* Некоторые особенности современного естествознания.— В кн.: Земля во Вселенной. М., 1964, с. 177—178.

[59] См.: *Севастьянов В. И., Старостин А. М., Урсул А. Д.* Космонавтика и научный эксперимент. (Проблемы методологии). М., 1979.

Значительное внимание уделяется проблеме космизации общественного производства как в работах философов, так и специалистов в области космических исследований [60]. Конкретно под космизацией производства понимается сознательная деятельность людей, в которой непосредственно или опосредованно используются процессы и явления космоса или знания о них и связанная с освоением космоса техника. Основные направления космизации производства: 1) воспроизведение и использование в производственной сфере ряда процессов и условий, аналоги которых в их естественном виде существуют преимущественно в космосе; 2) развитие ракетно-космической техники и внедрение ее достижений в другие отрасли производства; 3) вынесение в космос, например, на орбиты спутников Земли, части производственно-технических комплексов. Космизация производства в современной научно-технической революции и в построении материально-технической базы коммунизма играет важную роль.

Степень проникновения космических мотивов в производство характеризует степень зрелости последнего, уровень развития производительных сил [61] является одним из материальных условий зрелого социализма. В настоящее время обсуждаются проблемы будущего развития производства вне Земли, и уже есть возможность выявить конкретные причины, связанные с космонавтикой, в силу которых такое производство (называемое космическим) должно обязательно появиться: развитие систем жизнеобеспечения космонавтов вне Земли, космические потребности земного производства, ряд экологических и экономических требований будущего производства, необходимость дальнейшего повышения эффективности общественного производства и непрерывного роста производительных сил.

Начался переход от обсуждения вопроса о влиянии космонавтики на систему «наука» и систему «производство» к более широкому выявлению места освоения космоса в системе «наука» — «техника», роли космонавтики в современной научно-технической революции [62]. В других работах (Н. Н. Сиренко, П. Ф. Тукмачева, Г. С. Хозина, Ю. А. Школенко и др.) космические исследования и освоение космоса рассматриваются как одно из направлений ныне происходящего качественного изменения науки и техники. При этом потребности развития науки, техники, производства, повышение их эффективности и интенсификация выступают в качестве главных и непосредственных причин освоения космоса.

[60] См.: *Коваль А. Д., Успенский Г. Р., Яснов В. П.* Космос — человеку. М., 1971; *Коваль А. Д., Тищенко А. А.* Космические исследования и экономика. М., 1973; *Беляков И. Т., Борисов Ю. Д.* Технология в космосе. М., 1974.

[61] См.: *Урсул А. Д.* Освоение космоса (философско-методологические и социологические проблемы). М., 1967, с. 63—78.

[62] См.: *Фадеев Е. Т.* О сущности научно-технической революции.— В кн.: Соревнование двух систем. М., 1971.

Космическое направление взаимодействия общества и природы. Начавшаяся космическая эра вносит новые черты в проблему взаимодействия общества и природы. Существует тенденция к безграничному пространственному расширению сферы обитания общества, проявляющаяся ныне в экспериментах в ближнем космосе и готовности к освоению Солнечной системы [63]. Традиционное производство материальных и духовных благ, считают упомянутые авторы, дополнится производством благоприятных для общества природных условий. Освоение космоса потребует развития своего рода «экологической индустрии», использующей опыт преобразования земной природы и имеющей целью производство и воспроизводство среды, необходимой для жизни и работы людей [64].

Для анализа процесса взаимодействия общества и природы существенными являются пространственно-временные, массэнергетические, а также информационно-отражательные аспекты освоения космоса. Подобный подход позволяет исследовать взаимодействие общества и природы со стороны их общематериальных характеристик (ибо общество есть часть природы).

Предложен также деятельностный подход к анализу освоения космоса, при котором выделяются основные компоненты этой деятельности (субъект, объект, средства, условия) и исследуется процесс их космизации [65]. Подобный подход позволяет определенным образом формализовать основные пути взаимодействия общества и космоса (построить «матрицы» направлений космизации), выделить и предвидеть те, которые еще не появились.

Особое внимание при рассмотрении взаимодействия природы и общества в последнее время уделяется изучению современной экологической ситуации и в связи с этим роли космонавтики в решении проблемы окружающей среды [66]. Важно отметить иллюзорпость тех представлений, которые делают ставку на предотвращение экологической угрозы чисто земными средствами в рамках чисто геоцентрических представлений о среде обитания человека. С другой стороны, подвергается критике и та точка зрения, в которой освоение космоса рассматривается как единственный выход или даже «исход» человечества с Земли, им обезображенной и загрязненной.

[63] См.: *Доскач А. Г., Трусов Ю. П., Фаддеев Е. Т.* Проблема взаимодействия общества и природы и современная география.— Вопр. философии, 1965, № 4.

[64] См.: *Урсул А. Д.* Социализм и коммунизм — стартовая площадка советских космических кораблей (Общественное и философское значение освоения космоса). Кишинев, 1964; *Фаддеев Е. Т.* Проблема экологического производства. Пущино. 1980,

[65] См.: *Урсул А. Д.* Человечество, Земля, Вселенная (философские проблемы космонавтики). М., 1977; *Севастьянов В. И., Урсул А. Д.* Эра космоса: общество и природа. М., 1972

[66] См.: Исследования природной среды с пилотируемых орбитальных станций. Л., 1972; *Урсул А. Д.* Космическое направление взаимодействия общества и природы.— В кн.: Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975; *Урсул А. Д., Школенко Ю. А.* Человек и космос. М., 1976; Общество и природная среда. М., 1980.

В настоящее время и в ближайшем будущем космонавтика имеет и должна иметь преимущественно «земную ориентацию», смысл которой — в решении космическими средствами земных проблем и использовании информации о космосе для блага человека на Земле. Это своего рода «космический геоцентризм», когда человек устремляется в космос для того, чтобы улучшить жизнь людей на Земле, и поэтому все большее внимание уделяется исследованию природы Земли из космоса.

Общество, ранее взаимодействовавшее с природой лишь на Земле, ныне входит в более широкую систему «Земля — Вселенная», но центром научной и предметно-практической деятельности попрежнему остается наша планета. Следовательно, начинается формирование социоприродной системы «Человечество — Земля — Вселенная», где системообразующим центром выступает социальная деятельность. Люди Земли отнюдь не собираются, по крайней мере в грядущие десятилетия, переселяться в космос, а будут использовать космонавтику прежде всего для улучшения жизни на Земле. Такая ориентация получила название «антропогеокосмизма», или «социогеокосмизма».

Вместе с тем, если говорить об астрономических отрезках времени, то, как это предполагал еще К. Циолковский, человечество, по-видимому, не останется вечно на Земле, а станет обживать вначале околосолнечное, а затем и галактическое пространство. Пространственному расширению человечества, развитию в космосе производства материальных благ нет принципиальных пределов [67]. В связи с возможным широким вовлечением в будущем внеземного пространства в социосферу, анализируются пути обживания космоса человечеством: во-первых, традиционный «землеподобный» путь, когда будут осваиваться небесные тела с минимальными затратами на их преобразование; во-вторых, предложенный еще К. Циолковским путь создания искусственных небесных объектов на орбитах спутников Земли и Солнца. Значительное внимание уделяется исследованию общих перспектив освоения космоса человечеством, космических возможностей общества, перспектив пространственно-временного развития социосферы во Вселенной [68].

Космический характер социальной формы движения. Еще К. Циолковский, предвидевший великое космическое будущее человечества, рассматривал выход в космос как появление нового фактора эволюции Вселенной и мечтал о связи с другими цивилиза-

[67] См.: *Сазонов Я. В.* Возникновение научной космонавтики. (Филос. очерк).— В кн.: Некоторые философские вопросы освоения космоса. М., 1969; *Он же.* Методологические аспекты определения возможностей науки и техники.— В кн.: Методологические проблемы технического прогресса (на примере авиационной техники). М., 1972.

[68] См.: *Тихонравов М. К.* К. Э. Циолковский и будущее.— В кн.: Идеи Циолковского и проблемы космонавтики. М., 1974; *Шкловский И. С.* Вселенная, жизнь, разум. 3-е изд., перераб. и доп., М., 1973.

циями, об образовании единой космической системы разумных существ. Многие авторы ныне посвящают свои исследования проблеме социальной формы движения материи, социального прогресса в космическом масштабе, т. е. в контексте общего прогрессивного развития материи на ее высшем этапе.

В настоящее время человечество разделено на противоположные социально-экономические системы, что сдерживает темпы и масштабы освоения космоса. Наиболее эффективное освоение космоса возможно будет только тогда, когда будет построено коммунистическое общество в глобальном масштабе. Обретение человечеством социального единства на коммунистических началах позволит ему оптимально взаимодействовать с природой Земли и космоса [69]. Исследование человечества с этой точки зрения ставит важный вопрос о роли социальной ступени (формы движения) в общем прогрессивном развитии материи. В этой связи иногда высказывается мнение о якобы предначертанной извне цели человечества — противостоять энтропии. Надо сказать, что подобная точка зрения может иметь источником высказывания К. Циолковского, которому были не чужды элементы космической телеологии. С позиций марксизма представляются недопустимыми любые формы телеологического истолкования космической функции человечества [70].

Отвергая телеологический подход, важно вместе с тем исследовать объективные закономерности развития материи, которые с более широких позиций обосновывают космические устремления человечества. Так, Е. Фаддеев вводит понятие «ряда развития», или эволюционного ряда, и показывает, что распространение людей в космосе связано с продолжением всего эволюционного ряда. Эта идея нашла продолжение и развитие при использовании так называемого информационного критерия развития (работы А. Урсула), позволяющего дать дополнительные аргументы объективной обусловленности космического расселения человечества. В этом смысле цель, которую ставит человечество, осваивая космос, реализуется постольку, поскольку она совпадает с объективной необходимостью не только человеческого прогресса, но и саморазвития материи. Подобный подход, конечно, отличен от телеологического, ибо он оперирует не понятием цели, вынесенной за пределы человечества, а понятием объективной закономерности, которой подчиняется естественно- и общественно-исторический прогрессы.

Внимание исследователей привлекает вопрос о длительности существования космических цивилизаций, в том числе и человечества. Известно, что естествознание XIX в. исходило из неизбежной в будущем гибели Земли и всего живого на ней. В 1911 г., обсуждая

[69] См.: *Давидович В. Е., Аболина Р. Я.* Кто ты, человечество? Теорет. портрет. М., 1975.

[70] См.: Там же, с. 34.

проблемы исследования мировых пространств реактивными приборами, К. Циолковский высказал идею возможного бессмертия человеческого рода. Эти мысли основоположника теоретической космонавтики были проанализированы в ряде публикаций советских философов. Е. Фаддеев акцентирует внимание на том, что К. Циолковский был ярым противником финалистских концепций, предрекающих неизбежную гибель любой (в том числе и земной) цивилизации; больше того, он стремился доказать возможность и необходимость бессмертия обществ, существующих во Вселенной [71].

Наряду с таким взглядом в работах Г. Г. Ершова, А. П. Казакова, И. С. Шкловского и других авторов поддерживается точка зрения о неизбежности гибели человеческого рода. Так, И. Шкловский исходит из тезиса об ограниченности «психозойской эры» (т. е. эры разумной жизни) и обсуждает вопрос о конечности технологического развития общества [72].

Борьбу концепций финализма и антифинализма нельзя отождествить ни с борьбой материализма и идеализма (ибо существуют и материалистические и идеалистические концепции конечности и бесконечности общества), ни с борьбой научной философии против буржуазных концепций. Обе точки зрения оказываются лишь поисковыми прогнозами грядущего человечества как космической цивилизации. В самом общественно-историческом процессе не заключена необходимость гибели человечества, тем не менее будущее общества в принципе не может быть однозначно определенным. Наличие двух концепций представляют собой лишь возможные пути развития человечества (космической цивилизации) и в гносеологическом отношении свидетельствует о неоднозначности, неопределенной длительности социального прогресса. Эта длительность является функцией многочисленных — как внутренних, зависящих от цивилизации ее имманентных противоречий, так и внешних, космических и вообще природных факторов.

Наконец, следует подчеркнуть, что как социально-философская разработка проблем космических (в том числе и внеземных) цивилизаций, так и разработка с позиций иных наук, несмотря на ее кажущуюся неактуальность и неизбежную, на данном этапе, долю умозрительности (ввиду отсутствия эмпирических данных о ВЦ), имеет немалое значение для более глубокого понимания развития человеческой цивилизации, ее коренных характеристик, путей ее эволюции. Нужно иметь в виду, что при исследовании проблем космических цивилизаций может быть внесен вклад в развитие теории

[71] См.: *Фаддеев Е. Т.* Идея бессмертия человечества у К. Э. Циолковского.— Филос. науки, 1975, № 2.

[72] См.: *Ершов Г. Г.* Атеистический смысл понятия бессмертия.— Учен. зап. кафедр. обществ. наук Вузов Ленинграда. Философия, 1969, вып. 10; *Казаков А. П.* Бесконечен ли общественный прогресс?— В кн.: Проблемы исторического материализма. Л., 1971, вып. 1; *Шкловский И. С.* Вселенная, жизнь, разум.

нашей человеческой цивилизации, уверенно превращающейся в цивилизацию космическую, т. е. в космический фактор эволюции Вселенной, о чем писал еще К. Циолковский.

Космонавтика, мировоззрение, идеологическая борьба. Будучи «союзом» науки и техники, космонавтика играет двоякую роль в жизни общества: с одной стороны, она приносит новые знания в области физико-химических, биолого-медицинских, технических наук и других, а с другой — эти знания и сама космическая техника содействуют развитию материальной и духовной жизни общества. Обе эти функции космонавтики, получившие широкое и обстоятельное освещение в нашей литературе, играют важную роль также и в формировании мировоззрения нового человека, строителя коммунистического общества.

На роль космонавтики в формировании мировоззрения было обращено внимание вскоре после первых же полетов спутников и автоматических станций. А. Е. Бовин [73], характеризуя мировоззренческое значение космических исследований, отмечал, что, во-первых, они положили практическое начало преодолению неизбежного ранее геоцентризма человеческих знаний; во-вторых, космонавтика чрезвычайно наглядно показывает силу и мощь человеческого разума и открывает необозримые перспективы продвижения человека в глубины Вселенной; в-третьих, освоение космоса имеет огромное атеистическое значение.

Сейчас уже минуло второе десятилетие эры космоса, и мы в состоянии более детально и всесторонне проанализировать мировоззренческую роль космонавтики. Необходимо отметить, что многие естествоиспытатели, занимающиеся космическими исследованиями, так или иначе подчеркивают взаимосвязь космонавтики и мировоззрения. Огромное влияние освоения космоса на общее миропонимание, на изменение роли человека в современном мире отмечают О. М. Белоцерковский, Л. Н. Самборский и др.[74]

Проблема «космонавтика и мировоззрение» имеет два аспекта: воздействие мировоззрения на возникновение и развитие космонавтики и формирование новых черт миропонимания в результате обобщения достижений в области освоения космоса.

Вопросу о воздействии мировоззрения, в особенности философско-этических взглядов, на возникновение космонавтики были посвящены работы В. А. Брюханова, И. А. Губович и др. [75] Показано бла-

[73] См.: *Бовин А. Е.* Наука и мировоззрение.— Коммунист, 1960, № 5.

[74] См.: *Белоцерковский О. М.* Космос и образование.— Вопр. философии, 1974, № 4; *Самборский Л. Н.* Социальное значение процесса освоения человеком космического пространства.— В кн.: Научно-техническая революция и особенности социального развития в современную эпоху. М., 1974.

[75] См.: *Брюханов В. А.* Мировоззрение К. Э. Циолковского и его научно-техническое творчество. М., 1959; *Губович И. А.* О связи разработок К. Э. Циолковского в области космонавтики с его философско-этическими воззрениями.— В кн.: Труды седьмых чте-

готворное влияние материалистического мировоззрения не только на научно-техническое творчество К. Э. Циолковского, но и на развитие космонавтики в СССР, на открытие первым в мире социалистическим государством космической эры.

Космонавтика влияет на мировоззрение не только своими достижениями и открытиями в области естественных наук, но и всем комплексом технических, организационных мероприятий, правовых и социально-политических аспектов. Она выступает как новый социальный, а не только научно-технический феномен, оказывающий комплексное и существенное влияние на мировоззрение.

Наиболее исследованной является проблема воздействия космонавтики на религиозное мировоззрение. Этому вопросу посвящены работы А. Бовина, М. И. Шахновича и др.[76] Внимание к этим вопросам понятно: атеистическое обобщение результатов космонавтики и космических исследований играет важную роль в антирелигиозном воспитании и пропаганде, в формировании марксистско-ленинского мировоззрения. Космонавтика вызвала различные реакции со стороны верующих и богословов — от прямого и традиционного отрицания достижений космонавтики до отказа от веры в бога. Однако наиболее влиятельным оказывается то течение религиозного модернизма, которое стремится «приспособиться» к достижениям космонавтики, «доказать» их совместимость с догмами и идеями религии. В упомянутых работах дается критика этой позиции богословов, причем подчеркивается тот факт, что космонавтика оказывает свое воздействие на религию не только своими естественнонаучными открытиями, но и всем комплексом наук и организационно-технических мероприятий, составляющих ее содержание. Показана несостоятельность концепции о «космических корнях» религии.

Освоение космоса вызывает определенные «сдвиги» в сторону космоса в эстетических, политических и иных аспектах мировоззрения человека. Показаны пути проникновения космических мотивов в эстетическое восприятие мира и художественное творчество (живопись, скульптуру, дизайн, литературу)[77].

Особое внимание уделяется этическому аспекту мировоззрения космической эры. И это не случайно: ведь еще К. Циолковский создал, как выше отмечалось, своего рода «космическую этику» со своими космическими «категорическими императивами». Критический анализ различных вариантов «космической этики», «экологокос-

ний, посвященных разработке наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Секция: Исследование научного творчества К. Э. Циолковского. М., 1973; *Она же.* Этические взгляды К. Э. Циолковского.— В кн.: Труды восьмых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Секция: Исследование научного творчества К. Э. Циолковского. М., 1974.

[76] См.: *Шахнович М. И.* Новые вопросы атеизма. Л., 1973.

[77] См.: *Урсул А. Д., Школенко Ю. А.* Человек и космос. М., 1976; *Sevastjanov V., Ursul A., Shkolenko Yu.* The Universe and Civilisation. M., 1981.

мической этики», возникших в условиях капиталистического общества, а также этических построений Х. Шепли, И. Шаронова, Х. Стивера и других авторов содержится в упомянутых работах А. Урсула и Ю. Школенко.

Космос и его освоение ныне занимают видное место в борьбе идеологий. На космос и космическую деятельность буржуазные писатели, социологи и ученые распространяют те принципы и мировоззренческие установки, которые составляют основу капиталистического общества: это проповедь частной собственности, эксплуатации человека человеком (и предполагаемыми внеземными существами), повсеместности и неизбежности войн и т. д. Мрачно-пессимистическая тональность характерна не только для фантастической, но и для социально-философской литературы, равно как и для мировоззренческих экскурсов ряда естествоиспытателей Запада. Несостоятельность этих взглядов показана в публикациях советских философов. Так, Ю. К. Мельвиль подверг критическому разбору доклад американского автора В. Бурке, выступившего на XIII Всемирном философском конгрессе с докладом «Человек в космическую эпоху». Попытка этого буржуазного философа рассмотреть проблемы космической эры вскрыла несостоятельность буржуазных представлений о человеке. Все содержание доклада В. Бурке оказалось заполненным туманными предположениями, догадками и мрачными опасениями [78].

Осмысление буржуазными идеологами роли космонавтики в современной НТР вызывает резкую поляризацию мнений, среди которых можно выделить два наиболее влиятельных [79]. Согласно одному из них, предполагается возможность решения при помощи космонавтики всех технических научных и даже социальных проблем. Эта сциентистски-техницистская концепция, зачастую совпадающая с официальной доктриной правительств развитых капиталистических государств, базируется на философских учениях прагматизма и позитивизма. Она дает односторонний и искаженный техницистский образ космонавтики. Концепции «астронавтического оптимизма» противостоит другая, сторонники которой подмечают многие отрицательные последствия развития космонавтики в условиях государственно-монополистического капитализма и склоняются к антисциентизму, технофобии, идеалистической философской антропологии и экзистенциализму. Сторонники широкого развития космонавтики в капиталистических странах (Х. Альвен, Р. Андерсон, Х. К. Афшар, В. фон Браун, Ф. Дайсон, А. Дюкрок, М. Кранцберг, Д. Коул, И. Кюни, А. Лапца, Г. Лассуэл, Д. Микаэл, Л. Проктор, Х. Г. Сти-

[78] См.: *Мельвиль Ю. К.* Человек в эпоху космических полетов.— В кн.: Человек и эпоха. М., 1964, с. 178.

[79] См.: *Федосеев П. Н.* В. И. Ленин и философские проблемы современного естествознания: итоги и перспективы. М., 1981, с. 50.

вер, И. Хабберд и др.) абсолютизируют положительные социальные последствия освоения космоса и не замечают ее отрицательные эффекты (милитаризацию, идеологические диверсии со спутников связи, космический шпионаж и т. д.). Их оппоненты (Дж. Байрем, У. Блэкстоун, П. Киршенманн, М. Борн, А. Вейнберг, В. Пиккеринг, Дж. Форрестер, Ф. Хойл, Х. Шепли, Л. Эйсли, А. Этциони и др.) противопоставляют освоение космоса земным делам человечества, делают акцент на отрицательных последствиях развития космонавтики, отвлекают внимание от действительных противоречий капитализма. Эти концепции нашли критическое рассмотрение в ряде публикаций [80]. В них также подвергаются критическому анализу различные варианты «космической философии» (А. Брауминг, М. Уилкмисс, М. Геру, И. Оливейра, Э. Лиза, А. П. Р. де Нумьес), характеризующиеся крайним релятивизмом, «космическим натурализмом» и фатализмом.

Критический анализ социально-философской проблематики освоения космоса позволяет сделать следующий вывод: как попытка возрождения идеализма на «космической почве», так и, казалось бы, враждующие между собой концепции «астронавтического оптимизма» и «космофобии» по сути дела являются лишь прямой или опосредованной апологией капитализма. Они преследуют цель показать либо «человеческое ничтожество в великой бесконечности», либо ищут причины социального зла не в капитализме, а в космосе и космической технике, в самой природе человека и человечества. В мировоззренческой дилемме буржуазных философов, в поляризации их идеологии на про- и антикосмическую ориентацию проявляется неспособность антагонистической общественной системы эффективно использовать и развивать космонавтику, авангард и квинтэссенцию современного научно-технического прогресса. Широкое освоение космоса на благо человека, во имя человека возможно только в условиях социализма и коммунизма и в этом смысле освоение космоса и переход к коммунизму предстают перед нами как объективно необходимые условия дальнейшего прогресса всего человечества.

Совершенно очевидно, что противостояние буржуазным доктринам и установкам, их критический анализ, аргументация их несостоятельности образуют в наше время одну из новых форм и областей идеологической борьбы. Такую борьбу ведут советские философы, опираясь как на обобщение космической практики СССР и стран социалистического содружества, так и на философские исследования существенных характеристик и направлений развития космонавтики и космической эры в целом — исследования, исходящие

[80] См.: *Урсул А. Д., Школенко Ю. А.* Человек и космос; *Они же*: Обитаемая Вселенная. М., 1976; *Они же*: Человек и Вселенная. М., 1980; *Урсул А. Д.* Человечество, Земля, Вселенная.

из основ и развивающие многие положения диалектического и исторического материализма, всей марксистской теории.

Позитивные разработки и исследования в этой области и критическое рассмотрение буржуазных концепций способствуют утверждению в мировом общественном сознании марксистско-ленинского мировоззрения.

Космическая эра дала возможность воочию продемонстрировать, какие огромные потенции и преимущества содержатся в социалистической организации общества на этапе ее зрелости; ведь именно первое социалистическое государство открыло дорогу в космос и продолжает его уверенно осваивать в содружестве с другими социалистическими странами. Освоение космоса, осуществляемое в мирных целях, способствует решению главных задач коммунистического строительства, содействует общему социальному прогрессу на Земле, направлено на благо людей всего мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 5

Глава первая. Исторические предпосылки и особенности советской философской науки на различных этапах строительства и развития социализма. Руководящая роль КПСС в развитии марксистско-ленинской философии в СССР 7

Раздел первый

Развитие В. И. Лениным философии марксизма в послеоктябрьский период

Глава вторая. Общие вопросы теории материалистической диалектики и ее применение 111

Глава третья. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о диалектике истории, о соотношении необходимости и случайности, действительности и возможности, объективных и субъективных факторов исторического процесса 137

Глава четвертая. В. И. Ленин о становлении коммунистической общественно-экономической формации, социалистической государственности и социалистической культуры 153

Глава пятая. В. И. Ленин об основных закономерностях деятельности и руководящей роли Коммунистической партии в политической системе советского общества 183

Раздел второй

Диалектический материализм

Глава шестая. Проблемы диалектического материализма в советской философской науке в переходный период от капитализма к социализму (20-е годы) 204

Глава седьмая. Проблемы диалектического материализма в советской философской науке в переходный период от капитализма к социализму (первая половина 30-х годов) 252

Глава восьмая. Вопросы диалектического материализма в советской философской науке в период упрочения и развития социалистического общества 270

Глава девятая. Разработка проблем диалектического материализма в период развитого социализма 314

Раздел третий

Исторический материализм

Глава десятая. Проблемы исторического материализма в переходный период от капитализма к социализму 374
Глава одиннадцатая. Вопросы исторического материализма в период упрочения и развития социалистического общества 412
Глава двенадцатая. Разработка проблем исторического материализма в период развитого социализма 441

Раздел четвертый

Проблемы этики, эстетики, научного атеизма

Глава тринадцатая. Этика 491
Глава четырнадцатая. Эстетика 532
Глава пятнадцатая. Философские проблемы научного атеизма . . . 566

Раздел пятый

Философские вопросы естествознания, математики и кибернетики, логики и психологии, экологии и космонавтики

Глава шестнадцатая. Философские вопросы естествознания 579
Глава семнадцатая. Разработка философских вопросов математики и кибернетики 682
Глава восемнадцатая. Разработка философских вопросов логики и психологии 714
Глава девятнадцатая. Философско-методологические проблемы социально-экологических исследований и космонавтики 767

История философии в СССР
т. 5

Утверждено к печати
Институтом философии АН СССР
и философским факультетом
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Редактор *В. В. Рукман*
Художник *Н. А. Седельников*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Л. В. Каскова*
Корректоры *В. А. Алешкина, Ф. А. Дебабов*

ИБ № 28261

Сдано в набор 11.07.84. Подписано к печати 28.01.85
Т-04205. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 50. Уч.-изд. л. 60,8. Усл. кр. отт. 51
Тираж 15 000 экз. Тип. зак. 306
Цена 4 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В СССР

5

КНИГА ПЕРВАЯ